

Мужчина и женщина.

Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое ими въ современной культурной жизни.

Коллективный трудъ, въ которомъ приняли участие:

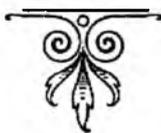
Проф. Т. Ахелисъ, В. Бельше, И. Блохъ, Боринскій, Лили Браунъ, Ю. Вейсъ, В. Габерляндтъ, Т. Геллеръ, I. Колеръ, Р. Косоманъ, Альб. Моалъ, Фр. Даннъ, Э. Цуккеркандль и др.

Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дополненіями:

Проф. А. С. Догеля, Д. С. Клеменца, женщ.-врача А. Н. Шабановой и М. А. Энгельгардта.

3 тома, около 2000 страницъ съ приблиз. 700 рис. въ текстѣ и 48 отдѣльн. приложеніями.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Мужчина и женщина.

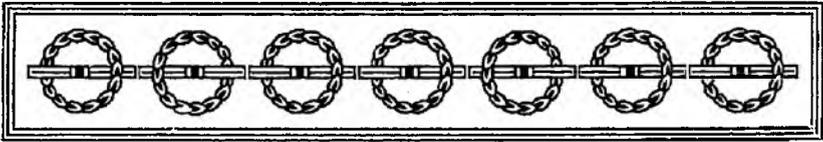
Томъ I.

Переводъ Р. М. Марковичъ.

Подъ ред. и съ дополн. проф А. С. Догеля
и женщ.-врача А. Н. Шабановой.

Введение.

Обособленіе половъ.

ильше, чѣмъ въ какую-либо иную историческую эпоху, разгорается въ наше время борьба между мужчиной и женщиной за мѣсто въ человѣческомъ обществѣ, на которое она изъявляетъ притязаніе и котораго онъ не расположенъ предоставить ей. Словомъ и перомъ ведется эта борьба, выдвигается множество лозунговъ, и каждый изъ нихъ объявляется безусловно и безспорно истиннымъ тою стороною, которая имъ пользуется, и такъ же безусловно считается ложнымъ противной стороною. Цѣль этого сочиненія — дать обѣимъ сторонамъ дѣйствительно неизблемую научную точку опоры и тѣмъ самымъ нѣсколько охладить тотъ фанатическій пылъ, который неизбежно проявляется всюду, гдѣ недостатокъ опытныхъ знаній по необходимости возмѣщается фантазіей, — словомъ, наша задача — облагородить во всѣхъ отношеніяхъ обсужденіе спорнаго вопроса.

Тому, кто старается безпристрастно анализировать окружающую жизнь, отыскивая тѣ причины, которыя вызвали нынѣшнюю разнь между полами, — прежде всего должно броситься въ глаза, что это различіе встрѣчается отнюдь не только у людей, а почти всюду, во всей живой природѣ. Не много найдется такихъ животныхъ или растений, у которыхъ мы не могли бы отмѣтить болѣе или менѣе полного раздѣленія половъ; и законъ этотъ представляетъ такъ мало исключеній, что нѣкоторые склонны считать и послѣднія только кажущимися, полагая, что дальнѣйшее изслѣдованіе, въ концѣ концовъ, и у нихъ обнаружитъ подтвержденіе этого закона.

Вполнѣ понятно въ такомъ случаѣ, что пытливый человѣческій умъ давно поставилъ себѣ задачей — путемъ обстоятельнаго сравненія половыхъ различій у самыхъ разнообразныхъ живыхъ существъ и путемъ тщательнаго изученія происхожденія этихъ различій — уяснить себѣ, какое значеніе они имѣютъ въ жизни животнаго и растенія.

При этомъ вниманіе всякаго наблюдателя съ первыхъ же шаговъ останавливается на томъ, что главное различіе между полами — всюду, во всемъ животномъ и растительномъ мірѣ — сказывается въ тѣхъ частяхъ тѣла, которыя служатъ для размноженія. У нѣкоторыхъ живыхъ существъ этими частями тѣла, повидимому, — насколько мы можемъ довѣрять нашему воспріятію, — и ограничивается все различіе. Изъ этого можно заключить съ нѣкоторой увѣренностью, что самый процессъ размноженія и есть то жизненное явленіе, которое при-

вело къ обособленію половъ. Слѣдовательно, чтобы уяснить себѣ это явленіе, намъ надо прежде всего познакомиться съ тѣмъ, что составляетъ всюду, во всей живой природѣ, сущность процесса размноженія, при чемъ мы должны очистить его, по возможности, отъ множества второстепенныхъ наслоеній, отъ случайныхъ, сопутствующихъ явленій, усложняющихъ этотъ процессъ въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе значительныхъ группахъ живыхъ существъ.

Наиболѣе простыя изъ извѣстныхъ намъ живыхъ существъ представляютъ собой на видъ однородныя, весьма мелкіе комочки вещества вязкой консистенціи, способные производить извѣстныя движенія безъ всякой видимой или осязательной или насъ механической причины и, главное, способные принимать различнаго рода питательныя вещества и усваивать ихъ, т. е. расти на ихъ счетъ. Такого рода микроскопическія живыя существа обладаютъ способностью, сами собой или при воздѣйствіи механической силы извнѣ, дѣлиться на двѣ равныя или неравныя части, при чемъ въ основномъ строеніи ихъ ничего существеннаго не измѣняется. Это возможно и въ томъ случаѣ, когда въ микроскопическомъ живомъ существѣ неоднородныя составныя части расположены слоями вокругъ одного центра, вслѣдствіе чего оно представляется состоящимъ какъ бы изъ корки (оболочки), которая окружаетъ собою вязкую массу съ заключающимся въ ней ядромъ. Возможно это и тогда, когда строеніе еще нѣсколько сложнѣе, — когда, напр., въ ядрѣ можно различить сѣтчатое строеніе или извѣстное количество однородныхъ палочекъ (ср. рис. 14, стр. 10); при чемъ и въ данномъ случаѣ живое существо можетъ раздѣлиться на двѣ части, совершенно сходныя съ существомъ, отъ котораго онѣ произошли. Принимая, въ свою очередь, въ себя постепенно постороннія вещества, на счетъ которыхъ онѣ могутъ увеличивать собственное вещество, — эти части вырастаютъ такимъ образомъ до того размѣра, который имѣло цѣлое микроскопическое живое существо, и тогда становятся ему совершенно подобны.

Эта возможность дѣленія живого вещества безъ нарушенія его существенныхъ свойствъ, и въ особенности то, что это не обусловливается ни уничтоженіемъ его, ни вредомъ для него, имѣетъ огромное значеніе для дальнѣйшаго продолженія жизни.

Тѣ процессы движенія, которые мы называемъ жизнью и которые, на первый взглядъ, совершаются какъ будто безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, — на самомъ дѣлѣ, неизбѣжно сопряжены съ процессомъ медленнаго горѣнія, — т. е. часть вещества живого тѣла должна для этого соединиться съ кислородомъ и, главное, находящійся въ живомъ веществѣ углеродъ долженъ превратиться въ углекислоту. Кислородъ принимается живымъ существомъ извнѣ, а углекислота, накопленіе которой въ тѣлѣ дѣйствуетъ вредно, выдѣляется имъ наружу. Итакъ, этотъ медленный процессъ горѣнія, который пазываютъ въ животной жизни „дыханіемъ“, разрушаетъ часть живого вещества, которая должна быть восполнена доставленіемъ веществъ извнѣ. Слѣдовательно, тотъ процессъ, который мы называемъ питаніемъ, представляетъ собой, какъ и только-что описанный процессъ дыханія, явленія, совершающіяся на поверхности живого существа.

Если пища поступаетъ больше, чѣмъ тратится вещества при

названномъ горѣніи, то живое существо растетъ. Если оно имѣетъ форму шара, то — какъ мы знаемъ изъ простаго вычисленія — вѣсь тѣла будетъ увеличиваться несравненно значительно, чѣмъ его поверхность.

Если, напр., вѣсъ шара въ два миллиграмма увеличится до восьми миллиграммовъ, т. е. вчетверо, то поверхность его увеличится при этомъ всего вдвое.

Понятно, что, если бы ростъ продолжался безостановочно, то это должно было бы привести къ самымъ серьезнымъ разстройствомъ и даже къ гибели живого существа, потому что поверхность, въ концѣ концовъ, оказалась бы недостаточной для необходимыхъ тѣлу жизненныхъ процессовъ дыханія и питанія. Въ виду этого, дѣленіе подобнаго живого существа, наступающее, едва оно достигнетъ извѣстнаго предѣльнаго вѣса, является, можно сказать, необходимымъ средствомъ сохраненія его жизни. Къ этому надо прибавить еще то, что множество опасностей, угрожающихъ живому существу и ведущихъ многихъ изъ нихъ къ гибели, не такъ легко приведутъ къ совершенному истребленію той или иной животной или растительной формы, если только она не будетъ расти безостановочно, а будетъ дѣлиться на все новыя и новыя самостоятельныя особи.

Несомнѣнно, этотъ процессъ дѣленія мельчайшихъ живыхъ существъ, по достиженіи ими извѣстной величины, мы должны уже назвать процессомъ размноженія, хотя онъ не обуславливаетъ собой раздѣленія половъ, и въ данномъ случаѣ даже нѣтъ возможности отличить, какая изъ частей представляетъ собою отца или мать и какая — дитя. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, обуславливающимъ, въ сущности, извѣстное тѣлесное безсмертіе, потому что, хотя нѣкоторыя отдѣлившіяся части и гибнутъ отъ той или иной случайности, все же часть первоначальнаго вещества сохраняется. Оно разрушается только путемъ процесса дыханія и восстанавливается путемъ процесса питанія, т. е. посредствомъ такихъ явленій, которыя привели бы къ постепенному обновленію вещества даже и въ томъ случаѣ, если бы размноженія совсѣмъ не было.

Съ помощью такого простаго процесса размноженія, живыя существа самаго простаго строенія могутъ сохраняться, какъ мы видѣли, почти безконечно долго. Но оказывается, что у очень многихъ существъ этотъ процессъ дѣленія не ведетъ къ полному разъединенію обѣихъ частей, а онѣ остаются въ соприкосновеніи другъ съ другомъ при помощи, напримѣръ, какого-нибудь склеивающаго вещества. Если подобнаго рода процессъ повторяется много разъ, то является существо, похожее по своей вѣншей формѣ на ягоду малины. Каждая отдѣльная часть его будетъ стремиться сохранить или принять наипростѣйшую форму, форму шара, но вслѣдствіе своей мягкости сплывется въ мѣстахъ соприкосновенія съ сосѣдними, подобными же частями. Разрѣвъ, сдѣланный черезъ такое существо, имѣетъ видъ пчелинаго сота (рис. 1), почему отдѣльныя частицы, происшедшія отъ неполнаго дѣленія и составляющія тѣло этого существа, подобно ячейкамъ пчелиныхъ сотъ, названы клѣтками. Подобнаго рода организмъ, состоящій изъ клѣтокъ, можетъ увеличиваться безъ ущерба для своей жизнеспособности гораздо больше, чѣмъ одноклѣточное ми-

кроскопическое существо, причина этого очевидна: перегородки или чрезвычайно тонкіе промежутки, отдѣляющіе клѣтки другъ отъ друга и состоящіе изъ склеивающаго вещества, представляютъ очень удобные пути какъ для прохожденія поглощаемаго кислорода, такъ и для выдѣляемой углекислоты и, наконецъ, для проникавія питательной жидкости.

Разумѣется, и подобный организмъ, состоящій изъ совершенно однородныхъ клѣтокъ, могъ бы также дѣлиться на одинаковыя по величинѣ части, изъ которыхъ каждая сохраняла бы свою жизнеспособность. Нетрудно понять, однако, что клѣтки подобнаго многоклеточнаго животнаго или растительнаго организма обыкновенно не остаются совершенно одинаковыми. Вѣдь онѣ подвергаются самымъ различнымъ вѣшнимъ влияніямъ, въ зависимости отъ того, находятся ли внутри тѣла или на его наружной поверхности, обращены ли онѣ къ свѣту и къ центру тяжести земли, или нѣтъ.

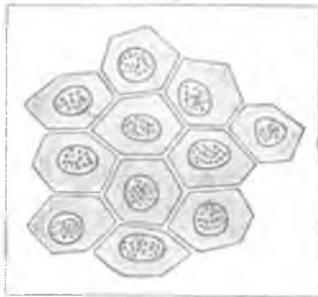

Рис. 1. Ткань изъ слизистой оболочки ротовой полости амфибии.

А разъ въ тѣлѣ существуетъ такая разнородность клѣтокъ, то и отдѣлившіяся отъ него части ни въ какомъ случаѣ не будутъ однородны со всѣмъ тѣломъ. Такимъ образомъ, становится понятнымъ, что чѣмъ дольше будетъ продолжаться такое развитіе клѣтокъ въ различныхъ направленіяхъ, чѣмъ больше группъ разнородныхъ клѣтокъ образуется въ тѣлѣ, тѣмъ меньше можно рассчитывать на то, чтобы цѣлая

группа клѣтокъ, отдѣлившись, сохранили, вообще, жизнеспособность. Чѣмъ разнообразнѣе строеніе организма, тѣмъ менѣе возможно для послѣдняго воцареніе изъ отдѣлившихся отъ него частей. Только у такихъ существъ, у которыхъ группы разнородныхъ клѣтокъ многократно повторяются въ совершенно одинаковыхъ соединеніяхъ — прямолинейно ли одна за другой, или лучеобразно вокругъ одного общаго центра, — только у нихъ изъ одной подобной группы, содержащей всѣ виды клѣтокъ, послѣ отдѣленія ея отъ цѣлаго организма, можетъ вновь вырасти подобный же организмъ.

Разнородное развитіе клѣтокъ, о которомъ мы говорили, можетъ основываться, разумѣется, только на томъ, что въ отдѣльныхъ частяхъ организма сохраняется въ большемъ или меньшемъ количествѣ та или иная составная часть изъ тѣхъ различныхъ составныхъ частей, которая содержала первоначальная клѣтка. Если же составъ ни одной изъ нихъ не будетъ вполне подобенъ той клѣткѣ, изъ которой онѣ возникли путемъ дѣленія, — назовемъ ее зачатковой клѣткой, — то нельзя и ожидать, чтобы какая-нибудь изъ нихъ, вполне отдѣлившись отъ многоклеточнаго организма, оказалась способной къ дальнѣйшему самостоятельному существованію. Следовательно, если въ цѣломъ организмѣ нѣтъ такихъ группъ клѣтокъ, о которыхъ мы говорили, которыя содержали бы, по крайней мѣрѣ въ своей совокупности, всѣ составныя, части зачатковой клѣтки, то этотъ

организмъ долженъ рано или поздно погибнуть, лишенный способности размножаться.

Неудивительно поэтому, что организмы, строеніе которыхъ настолько сложно, что отъ нихъ не могутъ отдѣляться болѣе или менѣе крупныя жизнеспособныя группы клѣтокъ, вырабатываютъ, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя воспроизводительныя, или половыя, клѣтки. Вѣроятно, это совершается такимъ образомъ, что при дальнѣйшемъ дѣленіи зачатковой клѣтки, не всѣ возникшіе изъ нея клѣточные элементы претерпѣваютъ описанное разнородное развитіе, а нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ всѣ свойства первоначальной зачатковой клѣтки. Они, въ свою очередь, продолжаютъ дѣлиться, такъ что въ какомъ-нибудь мѣстѣ животнаго тѣла образуется и остается цѣлая группа клѣтокъ (такъ наз. „органъ размноженія“, или „половая железа“), которая по своимъ свойствамъ ничѣмъ не отличается отъ первоначальной зачатковой клѣтки и потому также должны быть названы зачатковыми клѣтками. Понятно, что всѣ эти клѣтки, отдѣлившись отъ цѣлаго организма, обладаютъ совершенно тѣми же способностями, которыми обладала первоначальная зачатковая клѣтка. Слѣдовательно, каждая изъ нихъ, отдѣлившись, можетъ продолжать самостоятельное существованіе, можетъ дѣлиться и вырасти мало-по-малу въ организмъ, вполне подобный тому, который развился изъ зачатковой клѣтки-матери. Таковъ — въ общепонятномъ видѣ — процессъ размноженія путемъ зачатковыхъ клѣтокъ, самый простой, въ которомъ уже можно различить родительскія и дѣтскія особи. Но еще и этотъ процессъ размноженія не обязательно связанъ съ раздѣленіемъ половъ.

Существуютъ, однако, такія многокѣточные организмы, у которыхъ обособленіе клѣтокъ заходитъ такъ далеко, что ему подвергаются даже тѣ клѣтки, которыя служатъ размноженію. Онѣ претерпѣваютъ нѣкоторыя измѣненія, лишаящія ихъ возможности прожить болѣе долгое время послѣ отдѣленія отъ родительскаго организма и создать, путемъ неполнаго дѣленія, существо, подобное означенному организму. Такого рода животныя или растительныя формы не могли бы сохраниться, если бы эти воспроизводительныя клѣтки опять не получили въ послѣдствіи того вещества, котораго имъ не хватало. Осуществляется же это такимъ путемъ, что нѣкоторыя изъ воспроизводительныхъ клѣтокъ обладаютъ въ избыткѣ именно тѣмъ веществомъ, котораго недостаетъ другимъ, и лишены того, которымъ въ избыткѣ обладаютъ другія. Если двѣ такія неодинаковыя воспроизводительныя клѣтки сольются, тогда изъ нихъ образуется зачатковая клѣтка такого состава, который даетъ ей возможность продолжать самостоятельное существованіе и создать путемъ дальнѣйшаго неполнаго дѣленія многокѣточный организмъ, подобный родительскому организму. Сліяніе это осуществляется такимъ путемъ, что различныя по своему характеру зачатковыя, или половыя, клѣтки получаютъ совершенно различную форму, при чемъ одна изъ нихъ становится способной разыскивать другую, проникать въ нее и распредѣляться въ ней.

Для болѣе легкаго усвоенія этихъ процессовъ, они изображены схематически на рисункахъ 2—5. Рис. 2 представляетъ такую зачатковую клѣтку, въ которой находится очень большое ядро x , а въ немъ видны четыре зерни-

стыя двойныя вѣтѣ *sl*, обозначенныя на рис. красной краской и извѣстныя подъ названіемъ „хромозомъ“ (отъ греч. слова *chroma* — краска), такъ какъ вещество, изъ котораго онѣ состоятъ, такъ называемый „хроматинъ“, если окрашивать его слабымъ растворомъ красящаго вещества, жадо поглощаетъ послѣднее и удерживаетъ его даже тогда, когда остальную часть клѣтки удастся при помощи особенныхъ способовъ совсемъ обезцвѣтить. Рис. 3 показываетъ появившіяся въ двухъ различныхъ мѣстахъ клѣтки тѣльца, вокругъ которыхъ лучеобразно располагаются мелкія зернышки клѣточного вещества. Эти тѣльца называются „центрозомами“. Какъ скоро они возникли, контуры

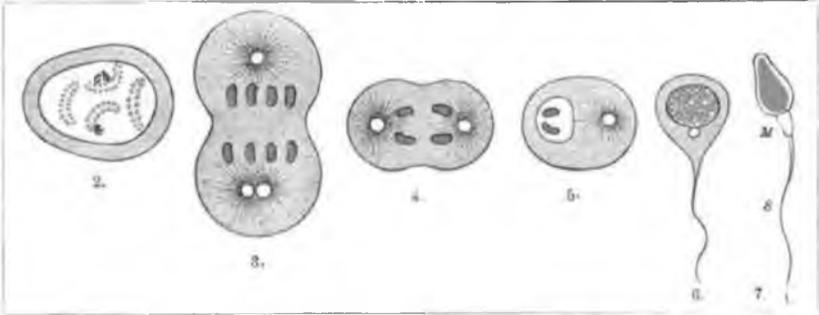

Рис. 2—7. Развитие мужской половой клѣтки; схема.

ядра становятся менѣе отчетливыми или совсемъ неаппетными, хромозомы дѣлятся, при чемъ возникшія отъ ихъ дѣлениа части поворачиваются одиъ къ одной, другія — къ другой центрозома.

Обыкновенно къ этому времени одна изъ центрозомъ уже раздѣлилась (рис. 3), а вмѣстѣ съ тѣмъ перетягиваніе клѣтки продолжается дальше, пока, наконецъ, она не раздѣлится на двѣ обособленныя клѣтки, изъ которыхъ каждая затѣмъ дѣлится точно такимъ же образомъ; каждая изъ возникшихъ

Рис. 8—10. Развитие женской половой клѣтки; схема.

указаннымъ путемъ клѣтокъ содержатъ въ себѣ только двѣ хромозомы (рис. 4). Далѣе, рис. 5, 6 и 7 показываютъ, какъ видоизмѣняются постепенно эти части, такъ что ядро образуетъ заостренную сферику, къ которой примыкаетъ сзади вѣсколко утолщенный средній отдѣлъ *M*, связанный съ длиною нитью *S*. Такова та форма, которую принимаютъ, въ концѣ концовъ, такъ называемыя мужскія половыя клѣтки, или сѣменные нити (сперматозоиды). Настоящій рисунокъ изображаетъ приблизительно видъ сперматозоида человека, что же касается формы этихъ клѣтокъ у другихъ животныхъ, то она значительно уклоняется отъ описанной. Длинная нить, или хвостъ, мужской половой клѣтки, пока она жива, совершаетъ колебательныя движенія, вслѣдствіе чего она передвигается впередъ въ неплотной жидкости съ довольно значительной для ихъ величинныя быстротой.

Женская половая клѣтка, отличаясь отъ мужской относительно меньшимъ ядромъ и значительно большимъ количествомъ клѣточного вещества, въ

общем сохраняет, как показывают рис. 8—13, приблизительно шарообразную форму. В ней также совершается двойной процесс дѣления, как и при развитіи мужской половой клетки, съ той только разницей, что одна изъ отдѣлившихся дочернихъ клетокъ получаетъ хотя и половинну хроматина, но зато чрезвычайно мало клеточнаго вещества. Вотъ почему изъ четырехъ клетокъ остается, въ концѣ концовъ (рис. 13), одна, отличающаяся большимъ количествомъ клеточнаго вещества и крайне малымъ количествомъ хроматина. Это и есть зрѣлое яйцо, которое, повидному, дуждается съ этого момента, для своего дальнѣйшаго дѣленія, въ новомъ притокѣ хроматина. Затѣмъ дѣленіе временно приоставливается, а въ этотъ періодъ покоя обѣ хромозомы, какъ видно на рис. 14, превращаются въ тонкую сѣть, которая пронизываетъ все ядро. Въ такомъ состояніи находится яйцо въ тотъ моментъ, когда совершается оплодотвореніе, т. е. когда какое-нибудь изъ сѣменныхъ тѣлецъ, собравшихся вокругъ него, проникнетъ внутрь яйцовой клетки съ помощью колебательныхъ движеній своего хвоста. При этомъ оно обыкновенно держитъ, въ концѣ концовъ, хвостъ, головка снова округляется въ шаровидное ядро, а срединіи отдѣлъ становится, повидному, центрозомой, или же на его мѣстѣ образуется новая центрозома. Затѣмъ центрозома дѣлится,

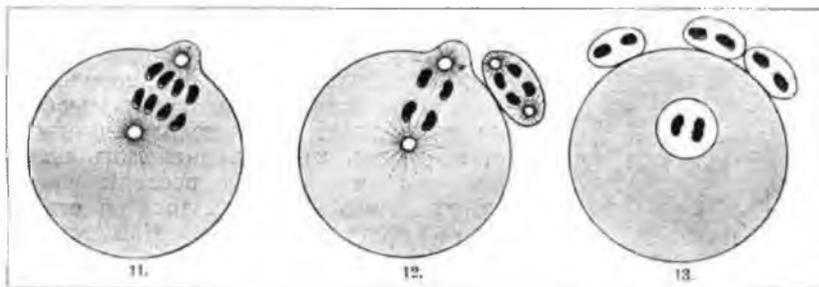

Рис 11—13. Развитіе женской половой клетки; схема.

какъ показано на рис. 17, на двѣ центрозомы, которыя отодвигаются мало-по-малу другъ отъ друга, а старое яйцевое ядро и новое сѣменное приближаются другъ къ другу и, наконецъ, сливаются. Когда произошло указанное слитіе, вновь возникшія изъ ядерной сѣти хромозомы расщепляются по длину, и каждая центрозома притягиваетъ къ себѣ, какъ видно на рис. 17 и 19, по одной половинѣ хромозомы. Такимъ образомъ происходитъ первое дѣленіе оплодотворенной яйцовой клетки, которое совершается дальше точно такимъ же путемъ, какъ это показано на рис. 3. Обѣ раздѣлившіяся части лѣтаются, растутъ, дѣлятся, мало-по-малу обнаруживается и разнородность дальнѣйшихъ продуктовъ дѣленія, — и вотъ шагъ за шагомъ развивается многоклеточный, часто паразитически сложный организмъ.

Разумѣется, воспроизводительныя клетки того и другого рода могутъ развиваться и въ одномъ и томъ же индивидуумѣ. Такіе индивидуумы называются двуполыми. Слѣдовательно, у двуполыхъ каждая пара неоднородныхъ клетокъ одной и той же особи можетъ снова соединиться. Въ такомъ случаѣ каждая особь будетъ происходить исключительно отъ одной другой особи, — совершенно такъ же, какъ если бы половыя клетки не были разнородными. Если половые элементы того и другого рода попадутъ въ воду, то отъ чистой случайности будетъ зависетьъ, соединятся ли клетки одного и того же индивидуума или различныхъ.

Однако, какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ наблюдается очень часто, что у двуполыхъ вырабатываются особыя приспособленія, дѣлающія самооплодотвореніе совершенно невозможнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ органы, въ

которых развиваются половые клетки и которые обозначаются названіемъ мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ, совершенно отдѣлены другъ отъ друга и открываются наружу такимъ путемъ, который исключаетъ всякое вѣроятіе или всякую возможность соприкосновенія между собою клетокъ именно одной и той же особи. У двуполовыхъ растений насѣкомыя часто переносятъ половые продукты такимъ образомъ, что, вводя свой хоботокъ въ чашечку цвѣтка, чтобы высосать медь изъ него, уносятъ на себѣ нѣкоторое количество цвѣтнаго, т. е. мужскихъ половыхъ клетокъ. Форма цвѣточной чашечки, въ большинствѣ случаевъ, не допускаетъ возможности соприкосновенія этихъ сметенныхъ мужскихъ клетокъ съ женскими того же самаго цвѣтка. И только тогда, когда насѣкомое перелетаетъ на другой цвѣтокъ и вводитъ хоботокъ въ его чашечку, часть мужского оплодотворяющаго вещества — цвѣточной пыльцы — повисаетъ на поверхности такъ называемаго рыльца, ведущаго къ женскимъ половымъ клеткамъ.

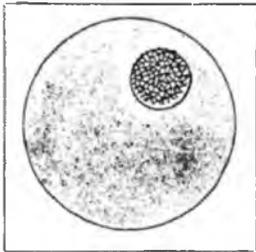

Рис. 14.
Зрѣлое яйцо; схема.

Для соприкосновенія неоднородныхъ половыхъ веществъ у животныхъ необходимо совокупленіе, т. е. оближеніе отверстій, ведущихъ къ разноименнымъ половымъ железамъ, или же введеніе части тѣла, на концѣ которой находится отверстіе, въ другое отверстіе. При такомъ устройствѣ самооплодотвореніе представляется безусловно невозможнымъ въ виду того, что по самому положенію данныхъ отверстій тѣла соприкосновеніе между ними невозможно. Это относится почти ко всѣмъ двуполоымъ животнымъ. Такія животныя или оплодотворяютъ другъ друга взаимно, какъ, напр., это имѣетъ мѣсто у съдѣльной виноградной улитки, или же, какъ мы видимъ у родственныхъ виноградной улиткѣ слизней съ недоразвитой раковиной, укладываются рядами, въ видѣ цѣпи, такъ, что I особь оплодотворяетъ II, II въ то же время III и т. д. Другое приспособленіе, очень простое, прешагствующее самооплодотворенію, состоитъ въ томъ, что неоднородныя воспроизводительныя клетки развиваются и созрѣваютъ для функционирования не одновременно, — какъ, напр., у устрицъ, у которыхъ созрѣваютъ сначала женскія, а потомъ мужскія половыя клетки. Такого рода устройство представляетъ переходъ къ тому случаю, когда въ организмъ, хотя и имѣются зачатки мужскихъ и женскихъ половыхъ железъ, но только зачатокъ той или иной изъ нихъ развивается настолько, что содержитъ, дѣйствительно, способныя функционировать клетки. Такъ бываетъ почти у всѣхъ раздѣльнополовыхъ животныхъ. Въ первоначальной стадіи развитія ихъ почти всюду можно разсматривать, какъ особи, готовящіяся сдѣлаться двуполоыми, но съ теченіемъ времени ростъ той или другой половой железы прекращается или она совсѣмъ погибаетъ, между тѣмъ какъ другая достигаетъ полной зрѣлости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наши несовершенные инструменты не дадутъ намъ возможности обнаружить слѣдовъ обѣихъ половыхъ железъ, мы все же можемъ видѣть, что второстепенные аппа-

раты, — какъ, напр., каналы для выведенія половыхъ клѣтокъ или аппараты для перенесенія ихъ на другихъ индивидуумовъ, — имѣютъ двуполое расположеніе. Такимъ образомъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что даже у животныхъ, нормально раздѣльнополыхъ, вслѣдствіе какой-нибудь ненормальности въ развитіи, случайно могутъ все же развиться, вполне или отчасти, органы размноженія того или другого рода.

Даже у человѣка, какъ у мужчины, такъ и женщины, и притомъ во взросломъ состояніи, можно еще замѣтить, на ряду съ вполне развитыми органами одного какого-нибудь пола, остатки

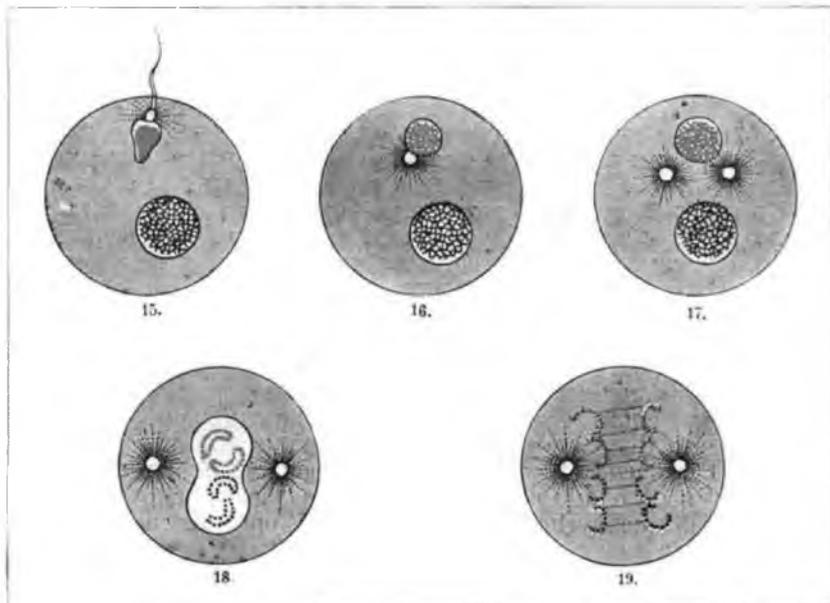

Рис. 15—19. Оплодотвореніе и дробленіе яйца; схема.

органовъ другого пола, — и порой они ненормально достигаютъ такой степени развитія, что можетъ возникнуть сомнѣніе, къ какому полу принадлежитъ данный индивидуумъ. Неоднократно случалось даже, что это приводило къ ошибкамъ: извѣстны, на примѣръ, случаи, когда мужчины, вслѣдствіе такой ошибки, вступали въ бракъ, подъ видомъ женщинъ. Съ другой стороны, такая уродливость можетъ дать поводъ къ различнаго рода заблужденіямъ.

Итакъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда для произведенія потомства необходимо соединеніе разнородныхъ половыхъ клѣтокъ различныхъ индивидуумовъ, потомокъ представляетъ собой не только извѣстное продолженіе единаго прямого ряда предковъ, а первоначально еще сохраняетъ въ себѣ два различныхъ индивидуума, изъ которыхъ каждый является, въ свою очередь, продолженіемъ двухъ различныхъ недѣлимыхъ. Такимъ образомъ, родословная можетъ быть представлена въ видѣ дерева, у подножія котораго поставленъ, вопреки обычному изображенію родословной, не са-

мый старшій предокъ, а самый младшій потомокъ, и на концахъ вѣтвей котораго расположены безчисленные предки, отъ которыхъ произошелъ этотъ индивидуумъ.

Вѣроятно, это раздѣленіе половъ, встрѣчающееся у всѣхъ высшихъ, т. е. со сложнымъ строеніемъ, организмовъ, представляетъ очень важное, быть можетъ, даже необходимое условіе ихъ дальнѣйшей жизни. Когда какая-нибудь животная форма сумѣла настолько приспособиться къ вѣшнимъ условіямъ, среди которыхъ она живетъ, что достаточное для сохраненія вида число индивидуумовъ въ состояніи удовлетворять свои жизненныя потребности и оказывать сопротивленіе угрожающимъ виду опасностямъ, то эти свойства несомнѣнно передались бы наследственно потомкамъ, если бы не существовало раздѣленія половъ. Но съ теченіемъ времени вѣшнія условія, среди которыхъ живетъ та или иная животная форма, сильно измѣняются, такъ что унаслѣдованная организація оказывается для всѣхъ индивидуумовъ или для какой-нибудь части ихъ менѣе выгодной, борьба за существованіе становится труднѣе.

Съ другой стороны, характеръ организаціи зависитъ не исключительно отъ одной наследственности — и, слѣдовательно, она не обязательно остается неизмѣнной у всѣхъ поколѣній какой-нибудь животной или растительной формы, размножающейся безъ взаимодѣйствія двухъ индивидуумовъ. Кроме того, характеръ организаціи обуславливается еще многими вѣшними вліяніями — физическими и химическими, — производящими постоянныя измѣненія вещества. Слѣдовательно, если строеніе данной животной или растительной формы не слишкомъ просто, то для того, чтобы ея многообразная жизнедѣятельность могла совершаться безпрепятственно, ему, подобно какому-нибудь сложному механизму, необходимо обладать хорошей согласованностью отдѣльныхъ частей, извѣстной гармоничностью организаціи. А такъ какъ дѣйствіе случайныхъ физическихъ и химическихъ вліяній едва ли можетъ измѣнять одновременно всѣ части сложнаго организма, то въ общемъ эти вліянія должны вредить ему. Блѣдствіе этихъ случайныхъ вліяній у одного индивидуума развивается лучше одинъ, у другого другой какой-либо органъ или, наоборотъ, задерживается въ своемъ развитіи. Результатомъ этого является то, что индивидуумы той или иной породы, въ дѣйствительности, отличны другъ отъ друга, что гармонической организаціей въ полномъ смыслѣ этого слова не обладаетъ ни одинъ изъ нихъ и что строеніе тѣла, вполне приспособленное къ потребностямъ, представляетъ идеаль, фактически не реализованный ни въ одномъ отдѣльномъ индивидуумѣ. Далѣе, въ виду того, что часть этихъ разстройствъ организаціи передается наследственно, отклоненіе отъ идеальнаго типа можетъ усиливаться съ каждымъ поколѣніемъ; но если даже этого и не случится, все же, вслѣдствіе измѣненія вѣшнихъ условій жизни, такое отклоненіе, еще не очень сильно отразившееся на жизнеспособности одного поколѣнія индивидуума, можетъ слѣлаться настолько вреднымъ въ другомъ поколѣніи, что индивидуумъ долженъ будетъ погибнуть.

Ясно, что опасность эта значительно уменьшается при постоянномъ взаимодѣйствіи различныхъ индивидуумовъ въ со-

адапці новаго. Возможно, правда, что и въ этомъ случаѣ соединятся зародышевыя вещества двухъ индивидуумовъ съ совершенно однороднымъ уклоненіемъ отъ гармонической организаци и что въ результатѣ потомокъ обнаружить по меньшей мѣрѣ то же — а очеѣ вѣроятно, даже и болѣе сильное — уклоненіе отъ идеальнаго типа. Но разъ тутъ дѣйствуетъ единственно и исключительно случай, то это все же представляется мало вѣроятнымъ. Въ большинствѣ случаевъ соединяются индивидуумы съ разнородными разстройствомъ гармоніи, такъ что не можетъ быть рѣчи о накопленіи ихъ путемъ наследственности; часто результатомъ этого можетъ явиться даже возстановленіе равновѣсія. Это прежде всего можетъ произойти въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о ненормальной величинѣ. Если у одного изъ родителей какой нибудь органъ развитъ до непропорціонально большаго размѣра, а у другого какой нибудь — другой, то у общаго ихъ потомка оба эти органа не могутъ развиты одинаково непомѣрно уже просто потому, что для этого не хватило бы матеріала. Самое большее, что можетъ произойти въ данномъ случаѣ, это то, что у потомка оба органа обнаружатъ, по сравненію съ родительскими, небольшое увеличеніе за счетъ другихъ частей тѣла.

Въ одномъ этомъ уже лежитъ возможность извѣстнаго автоматическаго регулированія. Къ этому нужно еще прибавить, что возможность безчисленнаго множества комбинацій неодинаковыхъ между собой свойствъ родителей можетъ породить такое богатое разнообразіе потомства, что дать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, всѣ возможные уклоненія отъ типичной первоначальной формы. Вотъ почему среди этихъ индивидуумовъ всегда могутъ оказаться и такіе, организація которыхъ болѣе или менѣе подходит къ господствующимъ въ данный моментъ условіямъ жизни. Для такихъ особей есть много данныхъ одержать побѣду въ борьбѣ за существованіе, между тѣмъ какъ менѣе приспособленныя къ даннымъ условіямъ жизни индивидуумы обречены на вымираніе, — сами или ихъ потомство. Такимъ образомъ, раздѣленіе половъ значительно содѣйствуетъ естественному подбору и оберегаетъ животныя и растительныя формы отъ быстраго вырожденія въ силу накопившихся нарушеній гармоніи въ организаціи, давая имъ въ то же время возможность приспособиться и къ измѣнившимся внѣшнимъ условіямъ жизни.

Но гораздо большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что различіе между полами, разъ оно существуетъ, можетъ не ограничиваться только половыми клѣтками, но касаться и другихъ частей тѣла. Мы называемъ такое явленіе рѣзкаго морфологическаго различія между индивидуумами неодинакаго пола — половымъ диморфизмомъ. Первоначальное возникновеніе его тѣснѣйшимъ образомъ связано съ необходимостью выращиванія дѣтенышей. Есть много живогныхъ формъ, обитающихъ въ водѣ, которыя выдѣляютъ свои мужскія и женскія половыя клѣтки или даже уже оплодотворенныя яйца прямо въ воду, гдѣ и совершается соединеніе первыхъ и дальнѣйшее развитіе вторыхъ безъ всякой заботы со стороны родителей. Разумѣется, подобные зародыши или яйца, будучи предоставлены самимъ себѣ на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія, подверга-

ются безчисленному множеству опасностей и гибнуть массами, прежде чѣмъ станутъ способными къ размноженію. Въ виду этого, такая форма размноженія можетъ существовать только у организмовъ, отличающихся необычайною плодовитостью, т. е. тамъ, гдѣ каждый индивидуумъ производитъ огромное количество половых клѣтокъ. Такъ какъ мужская половая клѣтка должна быть значительно меньше женской, чтобы имѣть возможность проникнуть въ нее, то отсюда слѣдуетъ, что извѣстное число яицъ должно занимать несравненно больше мѣста въ тѣлѣ самки животнаго, чѣмъ такое же число сѣменныхъ клѣтокъ. Принимая во вниманіе сказанное, нечего удивляться, что, если даже оба пола не всегда производятъ одинаковое количество половых клѣтокъ, у животныхъ видовъ, отличающихся особенно большой плодовитостью, величина тѣла самки значительно, а иногда и чрезвычайно превосходитъ величину тѣла самца.

Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда для защиты и для пропитанія дѣтенышей вырабатываются особыя приспособленія, достаточно несравненно меньшей плодовитости для сохраненія вида. Въ такомъ случаѣ, напримѣръ, сами родители подыскиваютъ особыя укромныя уголки или устраиваютъ нѣчто въ родѣ гнѣздъ для будущихъ дѣтенышей. Но если оплодотвореніе не совершилось предварительно, то это сопряжено съ большимъ ущербомъ для сохраненія вида, такъ какъ и при подобныхъ условіяхъ, когда сѣменные клѣтки помѣщены въ безопасномъ мѣстѣ, все-таки очень немного шансовъ, что онѣ своевременно найдутъ и оплодотворятъ яйца. Поэтому является необходимость въ сближеніи самокъ съ самцами, чтобы оплодотвореніе яицъ осуществилось раньше, чѣмъ они будутъ спрятаны въ безопасное мѣсто. У многихъ животныхъ, напр., у многихъ рыбъ, этотъ процессъ совершается именно такимъ простымъ путемъ: самецъ держится возможно ближе къ самкѣ въ то время, когда она кладетъ въ воду яйца, и выдѣляетъ въ это время сѣмя. — этимъ обезпечивается оплодотвореніе большинства яицъ непосредственно послѣ выхода ихъ изъ материнскаго тѣла. У другихъ животныхъ оплодотвореніе еще вѣрнѣе достигается тѣмъ, что самецъ переноситъ свои половыя клѣтки, находящіяся въ такихъ случаяхъ въ благоприятной для нихъ жидкости, въ тѣ органы, черезъ которые должны предварительно пройти яйца, выбрасываемыя изъ тѣла самки. Обыкновенно это достигается тѣмъ, что оба индивидуума соприкасаются отверстиями своихъ половыхъ органовъ; но чаще всего въ подобныхъ случаяхъ имѣется еще особый мускульный аппаратъ, который своими сокращеніями даетъ возможность либо самцу активно выпрыснуть жидкость, содержащую сѣменные клѣтки, въ половыя пути самки, либо самкѣ вобрать въ себя эту жидкость. У очень многихъ животныхъ существуетъ, однако, особый имѣющій по большей части форму трубки аппаратъ, съ помощью котораго самецъ можетъ еще глубже ввести въ половыя органы самки жидкость, заключающую въ себѣ сѣменные клѣтки. Но можетъ случиться, что форма тѣла или гладкая поверхность животнаго затрудняетъ продолжительное соприкосновеніе или внѣдреніе этихъ органовъ; въ такихъ случаяхъ самецъ часто бываетъ снабженъ еще особыми дополнительными аппаратами, съ помощью которыхъ онъ можетъ прикрѣпиться къ тѣлу самки. Всѣ спо-

собы перенесенія сѣменныхъ клѣтокъ въ тѣло животнаго-самки объединяются однимъ общимъ названіемъ „совокупленія“.

У животныхъ, которыя прикрѣплены къ одному мѣсту, совокупленіе одного индивидуума съ другимъ не можетъ осуществиться; если совокупленіе у нихъ вообще существуетъ, то данная животная двуполой и совокупляются сами съ собой. Такъ именно бываетъ у множества тѣхъ изумительныхъ ракообразныхъ, которыя прикрѣпляются своимъ головнымъ отдѣломъ къ утесамъ, пловучимъ бревнамъ, къ корабельнымъ частямъ и другимъ твердымъ предметамъ въ морѣ и окружаются болѣе или менѣе плотной складкой кожи (мантией), на которой обыкновенно высачивается известковая раковина, именно, у такъ называемыхъ морскихъ уточекъ. Несомнѣнно, значительныя потери, съ которыми сопряжена такая случка, привели къ тому, что у многихъ изъ этихъ животныхъ существуютъ еще такъ называемые „дополнительные“ самцы, которые, будучи въ нѣсколько сотъ разъ меньше самокъ, живутъ въ видѣ паразитовъ подъ защитой ихъ „папцрей“¹. У небольшого числа видовъ мужскіе органы взрослой особи совсѣмъ не развиваются, такъ что вмѣсто двуполоыхъ животныхъ мы видимъ самку съ необыкновенно маленькимъ, паразитирующимъ на ней самцемъ. Затѣмъ слѣдуютъ часто встрѣчающіяся въ животномъ царствѣ формы, у которыхъ самка хотя и не прикрѣплена непосредственно къ мѣсту своего жительства, но благодаря своему образу жизни является фактически неподвижной. Это также большей частью связано съ необходимостью ухода за дѣтенышами. Такъ, напр., нѣкоторые паразитические равноногие раки (*Isopoda*) прикрѣпляются къ жаберной полости десятиногихъ раковъ и питаются жаберной кровью. Они производятъ такое множество яицъ, сохраняющихся и по выходѣ изъ яичниковъ въ

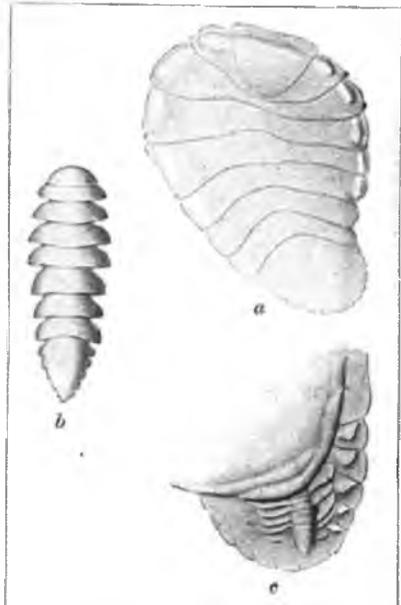

Рис. 20. Паразитическое ракообразное (изъ равноногихъ), встрѣчающееся въ жаберной полости съвѣднбныхъ креветокъ (Нѣмецкое море).

a = самка; b = самецъ, сильно увеличенный; c = самецъ, прикрѣпившійся къ брѣвну самки

¹ Присутствіе у усоногихъ раковъ, несмотря на гермафродитизмъ, еще дополнительныхъ самцовъ представляется довольно парадоксальнымъ и объясняется различно. По однимъ воззрѣніямъ, эти самцы ведутъ свое происхожденіе отъ гермафродитныхъ формъ, у которыхъ мужскіе половые органы подверглись обратному развитію; по мнѣнію же другихъ ученыхъ, предки усоногихъ были прежде раздѣльнополоыми, затѣмъ самки постепенно не только выработали въ борьбѣ за существованіе болѣе крупныя размѣры тѣла, но приобрѣли и мужскія половыя железы, сдѣлавшись гермафродитами, тогда какъ самцы постепенно теряли свое значеніе, уменьшались въ размѣрахъ и сохранились у нѣкоторыхъ видовъ въ видѣ рудиментарныхъ организмовъ. Ред.

особой сумкѣ, что паразитъ этотъ совершенно заполняетъ мѣсто, въ которомъ живетъ, и лишень, такимъ образомъ, возможности уйти изъ жаберной полости. У этихъ паразитовъ самецъ, необыкновенно маленькій и безусловно способный къ свободному передвиженію, живетъ на задней части тѣла самки (рис. 20).

Рис. 21. Большая листовая пяденица.
Два самца и самка (слѣва внизу).

искать встрѣчи съ самцомъ, и самцу одному представляется отыскивать самку для совокупленія. Вотъ почему у самцовъ плавающихъ животныхъ мы часто находимъ сильнѣе развитые

Рис. 22. Нашъ свѣтлякъ.
Самецъ слѣва, самка справа.

плавательные органы, а у бѣгающихъ и ползающихъ — болѣе сильно развитыя ноги. У летающихъ животныхъ крыльями нерѣдко бываютъ снабжены одни самцы. Всѣмъ извѣстные примѣры этого представляютъ листовая пяденица (*Geometra defoliaria*) (рис. 21), шелкопрядъ (*Bombyx antiqua*), а равно бабочки изъ рода Психей, или мѣшконосозъ, у которыхъ самка живетъ, подобно личинкѣ, въ склеевой изъ всевозможныхъ крупницъ защитительной оболочкѣ, изъ которой она высовываетъ только заднюю часть тѣла для совокупленія, между тѣмъ какъ самецъ, снабженный сильными крыльями, по своему вѣншему виду и подвижности не отличается отъ всѣхъ вообще бабочекъ. Среди жуковъ подобный же примѣръ представляютъ извѣстные свѣ-

Необходимость вырабатывать въ организмѣ значительное количество яицъ уменьшаетъ подвижность самки даже въ тѣхъ случаяхъ, когда органы движения и обслуживающіе ихъ мускулы одинаково хорошо развиты у обоихъ половъ. Но, вслѣдствіе большей своей неповоротливости, самка, если дажен обладаетъ подвижностью, очень часто отказывается, съ своей стороны, отъ всякой попытки

представляются отыскивать самку для совокупленія. Вотъ почему у самцовъ плавающихъ животныхъ мы часто находимъ сильнѣе развитые плавательные органы, а у бѣгающихъ и ползающихъ — болѣе сильно развитыя ноги. У летающихъ животныхъ крыльями нерѣдко бываютъ снабжены одни самцы. Всѣмъ извѣстные примѣры этого представляютъ листовая пяденица (*Geometra defoliaria*) (рис. 21), шелкопрядъ (*Bombyx antiqua*), а равно ба-

ляки (рис. 22). У самки ихъ нѣтъ крыльевъ, и она не въ состояніи подняться съ травы, а самецъ, какъ извѣстно, совершаетъ въ воздухѣ красивый брачный полетъ.

Доказательствомъ того, что природа отнюдь не погрѣшаетъ однообразіемъ въ выборѣ средствъ, можетъ служить тотъ фактъ, что среди муравьевъ наблюдается часто обратное явленіе: безкрылыми являются именно самцы, самки же, наоборотъ, снабжены крыльями. Указанныя животныя служатъ доказательствомъ того, что органы движенія, назначенныя только для нѣлей совокупленія, т. е. для отыскиванія особи другого пола, являются лишь въ томъ возрастѣ, въ которомъ ими уже могутъ пользоваться животныя. Муравьи приобретаютъ крылья непосредственно передъ брачнымъ полетомъ, и самка снова теряетъ ихъ тотчасъ по окончаніи его. Почти совершенно то же самое наблюдается и у бабочекъ. Какъ извѣстно, бабочки проводятъ большую часть своей жизни въ видѣ гусеницы и куколки, и дѣло питанія у многихъ изъ нихъ совершенно заканчивается уже въ этомъ періодѣ, такъ что, напр., нѣкоторыя пяденицы, ко времени своего выдушенія изъ кокона, уже не имѣютъ способнаго къ функціи кишечника. Съ этой поры имъ остается выполнить лишь одну жизненную задачу: поскорѣе найти самку и оплодотворить ее, — вслѣдъ за выполненіемъ этой задачи онѣ гибнутъ.

Такъ какъ большинство пядениць принадлежитъ къ почнымъ бабочкамъ, то они могутъ разыскивать самку только съ помощью обонянія, вслѣдствіе чего у самцовъ ихъ слюнки — органъ обонянія — развиты гораздо сильнѣе, чѣмъ у самокъ. Точно также у самцовъ майскихъ жуковъ концы усиковъ гораздо шире и сильнѣе развиты, чѣмъ у самокъ, благодаря чему поверхность обонятельнаго органа становится гораздо больше. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ самкамъ бываетъ присуща та или иная особенность, соответствующая данному эволютиву самца. Если, слѣдовательно, у самца особенно сильно развито обоняніе, то у самки существуетъ органъ, вырабатывающій вещество, издающее сильный запахъ; если самецъ пользуется зрѣніемъ для отыскиванія самки, то послѣдняя иногда, какъ это мы видимъ, напр., у вышеупомянутыхъ свѣтляковъ, обладаетъ болѣе сильно развитымъ свѣтящимся органомъ, чѣмъ самецъ.

Всѣ эти органы чувствъ и движеній, которые сами по себѣ могутъ служить, конечно, и различнаго рода другимъ жизненнымъ потребностямъ, проявляютъ усиленную дѣятельность въ періодъ размноженія только подъ влияніемъ особаго влеченія, которое побуждаетъ одинъ полъ отыскивать другой и примѣнять свои органы совокупленія. Мы не въ состояніи ясно представить себѣ механически этотъ инстинктъ, потому что, какъ показывается наблюденіе, онъ существуетъ даже у простѣйшихъ организмовъ, состоящихъ изъ одной только кѣтки. Сказывается, что даже во время самаго акта оплодотворенія, подвижныя сѣменные тѣльца, находясь отъ яйца на сравнительно далекомъ разстояніи, съ помощью своего извивающагося хвостика, приближаются прямо къ яйцу, становятся у самой поверхности послѣдняго и сверлящими движеніями проникаютъ въ него, если только этому не препятствуетъ оболочка яйца. Такимъ образомъ, надо предста-

вить себѣ, не уясняя даже подробностей механизма этого процесса, что, — какъ въ сложной машинѣ наступаютъ извѣстныя явленія движенія, отъ дѣйствія ли толчка какой-нибудь пружины или, быть можетъ, подъ вліяніемъ намагничиванія куска желѣза или другихъ подобныхъ моментовъ, — и машина начинаетъ работать въ направленіи вполнѣ опредѣленномъ, — такъ и въ живомъ организмѣ существуетъ въ извѣстные періоды скрытая энергія; подъ вліяніемъ вѣшнихъ раздраженій, вродѣ свѣта, запаха и т. п., она превращается въ живую энергію и обусловливаетъ не только движеніе извѣстныхъ органовъ, но и направленіе этого движенія. Такія побудительныя силы, которыя являются физически необходимымъ слѣдствіемъ структуры и химической дѣятельности частей въ организмѣ и потому врождены ему, мы называемъ инстинктами, при чемъ однимъ изъ такихъ инстинктовъ несомнѣнно будетъ половое чувство¹.

Правильность этого механическаго воззрѣнія нисколько не подрывается тѣмъ, что у высшихъ и болѣе сложныхъ организмовъ существуетъ множество задерживающихъ моментовъ, противодействующихъ проявленію полового инстинкта, и что другія вліянія могутъ, въ свою очередь, частью ослаблять или устранять эти задерживающіе моменты. Еще менѣе опровергаетъ нашъ взглядъ на механическую природу полового инстинкта то обстоятельство, что мы сами сознаемъ часть этихъ сложныхъ задерживающихъ и благоприятствующихъ вліяній, такъ что, по-видимому, нашей собственной волѣ предоставлено повиноваться или противиться половому инстинкту. Точная наука изслѣдованія природы не касается вопроса о сознаніи. Всякій такъ называемый „монизмъ“ можетъ только изслѣдовать и установить механическія и химическія основы нашей жизнедѣятельности. Но какъ монизму, такъ и изслѣдованію природы нѣтъ уже мѣста, разъ только мы дѣлаемъ попытку объяснить себѣ, почему одни изъ этихъ механическихъ процессовъ достигаютъ нашего сознанія, другіе же нѣтъ, а тѣмъ болѣе, разъ только мы стараемся опредѣлить самое понятіе сознанія и доискиваемся его.

Позабывшись достаточно о средствахъ нахождения самки, природа должна была выполнить еще одну задачу. У многихъ животныхъ самка легко уклоняется отъ овокупленія, даже будучи уже достигнута самцемъ; она или ускользаетъ отъ послѣдняго, благодаря гладкой поверхности своего тѣла, или же по собственному желанію старается убѣжать отъ него. Сообразно

¹ Приводимое авторомъ объясненіе инстинктивныхъ дѣйствій не вполнѣ удовлетворительно. Авторъ смѣшиваетъ здѣсь два совершенно различныхъ понятія: хемотаксиса и инстинкта. Если сперматозоидъ устремляется къ яйцевой клѣткѣ, то, конечно, не въ силу врожденнаго ему инстинкта, а, по всей вѣроятности, въ силу особаго хемотаксического вліянія яйцевой клѣтки на сперматозоида. Точно такъ же врядъ ли можно говорить и о половомъ инстинктѣ у простѣйшихъ животныхъ, гдѣ мы тоже имѣемъ скорѣе дѣло съ игрой хемотаксическихъ вліяній. Инстинктивные дѣйствія отличаются несравненно болѣе сложностью, и природа ихъ отчасти еще не выяснена. Этимъ терміномъ обозначаютъ свойственныя всемъ недѣлимымъ извѣстной ограниченной группы животныхъ врожденныя способности совершать болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ рядъ извѣстныхъ дѣйствій, въ общемъ выгодныхъ для давняго вида. Они не являются результатомъ накопленія индивидуальнаго опыта, а вытекаютъ изъ свойствъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и представляютъ собою какъ бы „видовую память“

съ этимъ у самца часто развиваются особенно сильныя органы для удержанія самки. Но всѣ эти приспособленія, облегчающія самцу нахождение самки, часто ведутъ къ тому, что у одной и той же самки одновременно сталкивается нѣсколько самцевъ. Въ виду наличности полового инстинкта, это приводитъ къ борьбѣ между самцами, при чемъ побѣдителемъ оказывается или болѣе сильный изъ нихъ, или же тотъ, чье оружіе опаснѣе. Такъ какъ означенныя свойства лучше вооруженныхъ или болѣе сильныхъ самцевъ, гораздо легче добывающихся совокупленія, въ то же время легче и чаще передаются и по наслѣдству, — то вполне понятно, что именно это половое различіе особенно сильно раз-

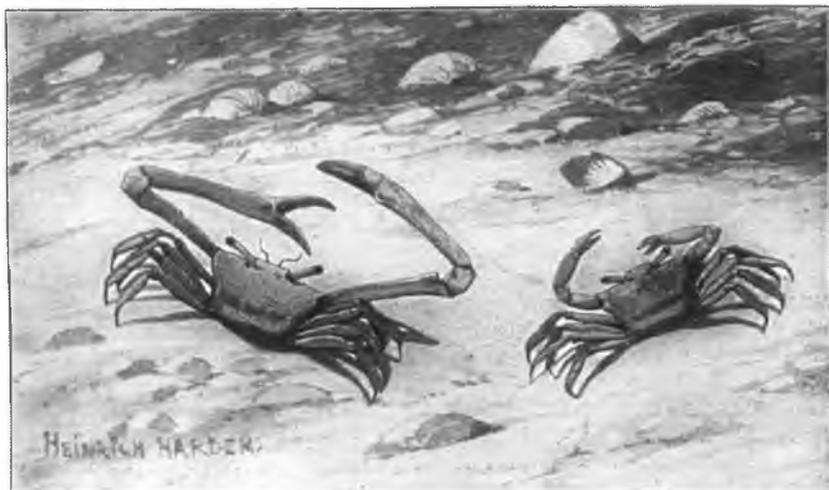

Рис. 23. Крабъ (*Gonoplax*),
самецъ котораго (спѣва) имѣетъ болѣе крупныя клешни, чѣмъ самка (справа).

вилось у нѣкоторыхъ животныхъ и что у тѣхъ изъ нихъ, которыя вообще снабжены оружіемъ, самецъ, въ большинствѣ случаевъ, гораздо лучше вооруженъ, чѣмъ самка (рис. 23).

Оплодотворенныя яйца укрываются самыми различными способами отъ ихъ преслѣдователей. Очень многіе виды животныхъ пользуются, какъ убѣжищемъ для своихъ яицъ, щелями и трещинами въ камняхъ и растеніяхъ, складками въ кожѣ другихъ животныхъ и т. п. Другіе поступаютъ предусмотрительнѣе, какъ, напр., оса-орѣхотворка, которая кладетъ свои яйца, съ помощью трубкообразнаго, полога жала въ ткань листа и въ то же время вводитъ въ ранку листа особый ядъ, отъ котораго вздувается пузыреобразная опухоль вокругъ яйца. Подобнымъ же образомъ нѣкоторыя паразитныя насѣкомыя кладутъ свои яйца подъ кожу животныхъ и даже людей, какъ, напр., песочная блоха. Нѣкоторыя строятъ гнѣзда, частью изъ желеобразныхъ выдѣлений собственной полости рта и зѣва, какъ китайскіе стрижи, или саламганы (гнѣзда которыхъ съѣдобны и извѣстны, какъ лакомое вещество для супа), частью изъ вѣтокъ, стеблей, соломы, перьевъ и другихъ постороннихъ тѣлъ, которыя они переплетаютъ между

собою, всключиваютъ, или же склеиваютъ съ помощью клейкаго выдѣленія собственнаго тѣла. Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что такіе виды животныхъ нуждаются въ особыхъ органахъ въ родѣ яйцеклада и т. п., чтобы устраивать свои яйца въ мало доступныхъ мѣстахъ, или же въ особыхъ выдѣлительныхъ органахъ, вырабатывающихъ клей, нужный для построения гнѣзда.

Во многихъ изъ указанныхъ случаевъ убѣжище для будущихъ дѣтенышей выбирается съ такимъ расчетомъ, чтобы оно могло доставлять имъ и достаточную пищу. Въ другихъ случаяхъ, хотя дѣтеныши и защищены, но не находятъ, какъ, напр., въ гнѣздѣ, необходимой пищи, и, слѣдовательно, если они не могутъ время отъ времени покидать своего убѣжища, — что тотчасъ же повлекло бы за собой гораздо больше опасностей, — родители вынуждены сами доставлять имъ пищу. Это создаетъ для родителей, вынужденныхъ добывать пищу и для себя самихъ, большія трудности. Нерѣдко, однако, органы пищеваренія у дѣтенышей вначалѣ совсѣмъ не въ состояніи самостоятельно переваривать ту пищу, которую доставляютъ имъ родители; въ подобныхъ случаяхъ у родителей развиваются особые органы, которыми они перерабатываютъ добытую для дѣтенышей пищу въ болѣе легко усвояемую, какъ это дѣлають, напримѣръ, голуби въ своемъ зобу.

У птицъ мы находимъ два пути, которыми достигается достаточное питаніе дѣтенышей. Большая часть птицъ снабжаетъ самое яйцо очень большимъ количествомъ пищевого вещества, изготовленнаго матерью въ своемъ собственномъ тѣлѣ, такъ что дѣтенышъ, окруженный защитительной известковой скорлупой яйца, имѣетъ достаточно пищи въ теченіе большей части періода своего развитія. Къ тому времени, когда имъ пробивается скорлупа, оцъ является уже настолько развитымъ, что можетъ и самъ отыскивать себѣ пищу и ужъ, во всякомъ случаѣ, въ состояніи размельчать и переваривать найденную. Самое большее, что остается еще сдѣлать родителямъ, это — руководить дѣтенышами при отыскиваніи ими пищи и, при случаѣ, защитить ихъ собственнымъ тѣломъ отъ холода и отъ нападенія врага. Зато у нѣкоторыхъ другихъ птицъ яйцо получаетъ гораздо меньше пищевого вещества, и оттого дѣтенышъ рождается на свѣтъ довольно безпомощнымъ, нуждаясь еще въ большомъ уходѣ со стороны родителей.

Ясно, что въ первомъ случаѣ, у такъ называемыхъ выводковыхъ птицъ, забота о дѣтенышахъ предъявляетъ къ матери гораздо больше требованій, чѣмъ къ отцу: мать не только должна принять всю ту пищу, которой должно быть снабжено яйцо, но и надлежащимъ образомъ переработать ее для яйца. Кромѣ того, въ указанномъ случаѣ она должна гораздо долѣе вынашивать яйцо въ своемъ тѣлѣ, что составляетъ не малый трудъ для нея, такъ какъ яйцо съ большимъ содержаніемъ пищевого вещества, гораздо крупнѣе и тяжелѣе, чѣмъ у тѣхъ птицъ, дѣтеныши которыхъ выдупляются болѣе безпомощными; у нѣкоторыхъ оно достигаетъ одной пятой вѣса всего тѣла матери. Принимая на себя большую часть заботъ о будущихъ дѣтенышахъ, самка менѣе пригодна для другихъ сторонъ жизнедѣятельности, и задачей самца, освобожденнаго отъ этихъ обязанностей, является пре-

имущественно забота о защитѣ и пропитаніи самки. Вполнѣ понятно, что у выводковыхъ птицъ, — къ которымъ принадлежитъ хорошо знакомая намъ куриная порода, — разница между самцами и самками бываетъ обыкновенно гораздо большая, чѣмъ у птенцовыхъ птицъ, самка которыхъ сравнительно не такъ сильно стѣснена въ своей подвижности, благодаря тому, что яйцо, которое она носить, невелико, и потому, что самецъ можетъ принять широкое участіе въ дѣлѣ ухода и пропитанія вылупившихся птенцовъ.

Рис. 24. Кенгуру; на переднемъ планѣ кенгуру-мать, изъ сумки которой выглядываетъ голова дѣтеныша.

У очень многихъ животныхъ дѣтеныши вылупляются изъ яйца еще болѣе неразвитыми и беспомощными и, тѣмъ не менше, остаются на попеченіи лишь одной матери, такъ какъ она устраниваетъ ихъ не въ гнѣздѣ, а на своемъ собственномъ тѣлѣ, въ особо для этого приспособленномъ, болѣе или менше мѣшкообразномъ помѣщеніи. Среди млекопитающихъ это встрѣчается у такъ называемыхъ сумчатыхъ животныхъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны кенгуру. Дѣтеныши даже самыхъ огромныхъ видовъ кенгуру бываютъ при рожденіи всего въ нѣсколько сантиметровъ длиной и являются совершенно беспомощными. Они попадаютъ тотчасъ въ большую мѣшкообразную кожную складку на брюхѣ самки (рис. 24), гдѣ находятъ соски молочныхъ железъ, къ которымъ и присасываются; съ этого момента дѣтеныши растутъ здѣсь, защищенные отъ холода и частію отъ механическихъ поврежденій и обильно питаются моло-

комъ матери до тѣхъ поръ, пока не станутъ способными, сначала на время, а потомъ и совсѣмъ, покинуть сумку. Такимъ образомъ, мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ совершенно особымъ приспособленіемъ, обусловленнымъ заботой о дѣтенышахъ и свойственнымъ исключительно одному изъ половъ.

Изъ всего изложеннаго видно, какое значеніе имѣетъ продолжительность пребыванія яйца въ материнскомъ тѣлѣ. Какъ особый родъ заботы о дѣтенышахъ, должно быть рассматриваемо и такое приспособленіе, благодаря которому яйцо не выводится наружу съ болѣе или менѣе обильнымъ запасомъ пищи или вскармливается потомъ родителями, а получаетъ въ самомъ тѣлѣ матери постепенно, по мѣрѣ надобности, необходимую для его развитія пищу. Это встрѣчается уже у нѣкоторыхъ рыбъ, у которыхъ яйцевая оболочка очень тонка и вся пронизана кровеносными сосудами, при чемъ и трубка, черезъ которую яйцо выходитъ изъ материнскаго тѣла, также отличается тонкой слизистой оболочкой и обиліемъ кровеносныхъ сосудовъ. Если эти богатая кровью поверхности яйца и яйцепровода придутъ въ тѣсное соприкосновеніе между собою, то въ такомъ случаѣ можетъ произойти обмѣнъ жидкостей и газовъ черезъ тонкую и влажную ткань — между тѣломъ матери и развивающимся изъ яйца дѣтенышемъ. Путемъ образования складокъ или ворсинчатыхъ выпячиваній на обѣихъ поверхностяхъ, послѣднія могутъ настолько увеличиться, что передача пищи отъ матери дѣтенышу очень долго будетъ вполне достаточной для поддержанія его развитія; наконецъ, онъ покинетъ одновременно и тѣло матери и яйцевую оболочку и родится „живымъ“ въ такомъ состояніи, что уже не будетъ нуждаться въ дальнѣйшемъ уходѣ родителей.

У упомянутыхъ выше сумчатыхъ животныхъ этотъ способъ питанія дѣтенышей въ материнскомъ тѣлѣ замѣняется болѣею частью тѣмъ, что дѣтеныши питаются молокомъ внутри сумки. Молочныя железы, характеризующія всѣхъ млекопитающихъ, относятся также къ такимъ органамъ ухода за дѣтенышами, которые, хотя и существуютъ въ зачаткѣ у обѣихъ половъ, но нормально только у особи женскаго пола достигаютъ такого развитія, что, дѣйствительно, вырабатываютъ молоко. У всѣхъ другихъ млекопитающихъ, не обладающихъ сумками, питаніе подростящаго дѣтеныша происходитъ также въ самомъ материнскомъ тѣлѣ. Тутъ части аппарата, выводящаго яйцо изъ тѣла наружу, развиты въ мощные органы, къ полости которыхъ яйцо прикрѣпляется частью своей поверхности, при чемъ вскорѣ какъ изъ оболочки яйца, такъ и изъ материнской слизистой оболочки образуется колоссальное количество складчатыхъ или имѣющихъ видъ ворсинокъ выростовъ, которые чрезвычайно тѣсно соединяются между собою.

Та часть половыхъ органовъ, въ которой изъ яйца развивается зародышъ, называется маткой, а та часть, въ которой такъ тѣсно соприкасаются поверхности материнскаго и дѣтскаго тѣла, что между ними становится возможенъ обмѣнъ питательныхъ жидкостей и газовъ, называется послѣдомъ (или дѣтскимъ мѣстомъ). Это приспособленіе даетъ возможность дѣтенышу млекопитающихъ родиться въ состояніи гораздо большаго развитія, чѣмъ дѣтеныши сумчатыхъ. Вотъ почему дѣтеныша этого явѣтъ надоб-

ности выдерживать въ кожной сумкѣ, какъ не нуждается онъ и въ непрерывномъ сосаніи, а получаетъ необходимую ему пищу лишь черезъ извѣстные промежутки времени.

Но если самки означенныхъ млекопитающихъ и лишены характерныхъ для сумчатыхъ кожныхъ мѣшковъ, зато развитіе матки и величина, которой достигаетъ дѣтенышъ внутри материнскаго тѣла, влекутъ за собой извѣстныя особенности въ расположеніи и строеніи органовъ нижняго отдѣла туловища. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣтенышъ долженъ пройти при рожденіи черезъ костное кольцо, называемое тазовымъ поясомъ, — какъ, напр., мы это видимъ у млекопитающихъ и у человѣка, — размѣры его обуславливаются у женскаго пола величиною зрѣлаго дѣтеныша, между тѣмъ какъ у мужскаго пола они могутъ быть значительно меньше. Этимъ объясняется всѣмъ извѣстная разница въ строеніи тѣла человѣка того и другого пола: гораздо большая ширина тазовой области у женщины. Всего лучше это можетъ уяснить сравненіе мужскаго и женскаго таза, рисунки которыхъ, снятыя съ натуры, помѣщены въ главѣ „Строеніе женскаго тѣла“ (во II части этого тома).

Изъ приведеннаго краткаго обзора разнообразныхъ приспособленій, служащихъ для взращиванія дѣтенышей, ясно, что выполнение этой задачи тормозитъ нѣкоторыя другія стороны жизнедѣятельности и что забота о дѣтенышахъ всегда до извѣстной степени затрудняетъ для родителя-индивидуума заботу о самомъ себѣ. Если родители устраиваютъ своихъ будущихъ дѣтенышей въ безопасномъ мѣстѣ внѣ своего тѣла, и у нихъ развиваются лишь органы для изготовленія особой пищи своему потомству, то все же имъ приходится постоянно возвращаться къ тому мѣсту, гдѣ они оставили дѣтенышей. Если родители носятъ дѣтенышей внутри своего тѣла или на себѣ, то они, по мѣрѣ роста дѣтеныша, становятся все болѣе и болѣе тяжелыми и неповоротливыми, а вмѣстѣ съ этимъ и менѣе способными къ добыванію пищи и къ борьбѣ съ врагами. И вотъ, многія животныя избѣгаютъ этого неудобства тѣмъ, что заботу о дѣтенышахъ беретъ на себя только одинъ изъ родителей. Въ такомъ случаѣ, одинъ индивидуумъ, въ большинствѣ случаевъ, самка, можетъ сильнѣе развить въ себѣ тѣ свойства или тѣ органы, отъ которыхъ — въ интересахъ ухода за дѣтенышами — вынужденъ отрѣшиться другой. Вотъ почему обыкновенно самецъ беретъ на себя, — не только въ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ попеченія о самкѣ и потомствѣ, уходъ за которымъ лежитъ на ней, — всѣ тѣ обязанности, которыя требуютъ болѣе подвижности и заключаются, главнымъ образомъ, въ доставленіи обильной пищи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда пищу составляетъ живая добыча, развиваются, на ряду съ органами движенія, и такіе органы, которые можно назвать „охотничьими орудіями“. Въ виду того, что мускулатура, служащая для движенія и первоначально примѣняемая и какъ орудіе на охотѣ, можетъ служить также и цѣннымъ средствомъ защиты отъ нападеній, то изъ охотничьихъ орудій развиваются орудія защиты. Если принять во вниманіе, что примѣненіе указанныхъ средствъ въ борьбѣ за существованіе приходилось исключительно почти на долю самца, то станетъ понятнымъ, что у него, путемъ

подбора, усовершенствовались и тѣ органы, которые доставляютъ наибольшую возможность пользованія органами движенія и оружіемъ, т. е. органы чувствъ, а у высшихъ млекопитающихъ тѣ нервныя органы, которые являются вмѣстилищемъ инстинктовъ. Поэтому многія свойства ума и характера, какъ, напр., храбрость, хитрость и т. д., оказываются сильнѣе развитыми у самца, которому, главнымъ образомъ, приходится вести борьбу за существованіе.

Впрочемъ, въ животномъ царствѣ дѣло заранчиванія дѣтенышей не всегда лежитъ на обязанности самки. Имѣется нѣсколько видовъ птицъ, — самый известный изъ нихъ илавуничикъ (*Phalacrocorax*), — у которыхъ лишь одинъ самецъ сидитъ на яйцахъ. Самецъ жабы-повитухи прикрѣпляетъ яйца къ своимъ заднимъ ногамъ и зарываетъ ихъ въ землю. У южно-американскихъ жабъ (*Rhinobates*) самецъ поситъ дѣтенышей въ горловомъ мѣшкѣ. Точно также у нѣкоторыхъ рыбъ, принадлежащихъ къ сомовымъ, самецъ поситъ въ глоткѣ яйца до самаго вылупленія изъ нихъ дѣтенышей. Среди рыбъ — у морского конька самецъ снабженъ сумкой для вынашиванія яицъ.

Обыкновенно такія свойства, которыя отличаютъ одинъ полъ отъ другого, но не относятся непосредственно къ половой дѣятельности, въ противоположность тѣмъ, которыя прямо служатъ послѣдней, мы называемъ „вторичными половыми признаками“. По вопросу объ ихъ возникновеніи существуетъ нѣсколько различныхъ гипотезъ. Въ самомъ дѣлѣ, поразительно, что дѣтенышъ, представляющій собой одновременно наследственный продуктъ отца и матери, наследуетъ половые признаки только отъ одного изъ родителей — отъ отца или матери. На первый взглядъ можетъ показаться, что, по всеобщему закону наследственности, въ данномъ случаѣ половой диморфизмъ совсѣмъ не долженъ бы имѣть мѣсто. По поводу этого необходимо напомнить, что, дѣйствительно, у очень многихъ животныхъ можно доказать наличность зачатковъ обоихъ половъ одновременно у одного и того же индивидуума, — такъ что половой диморфизмъ основанъ, повидимому, не на томъ, что одинъ дѣтенышъ наследуетъ известныя физическія свойства отца, другой — свойства матери, а лишь на томъ, что у одного индивидуума одни органы развиваются сильнѣе другихъ и съ теченіемъ времени все больше и больше вытѣсняють послѣдніе.

Въ силу чего это происходитъ, — объ этомъ существуютъ самыя разнообразныя предположенія. Во всякомъ случаѣ, примѣръ пчель, у которыхъ именно самецъ развивается изъ неоплодотворенныхъ яицъ, доказываетъ намъ ошибочность того предположенія, что мужскіе органы сильнѣе развиваются тогда, когда яйцо воспринимаетъ больше мужского полового вещества. Рѣшеніе вопроса о томъ, какого рода половые органы разовьются въ дѣтенышѣ за счетъ другихъ, вѣроятно, зависитъ отъ неуловимо-ничтожныхъ различій во внѣшнихъ условіяхъ. Но разъ, такъ или иначе, развитіе уже началось въ какомъ-нибудь одномъ направленіи, т. е. разъ половыя клѣтки одного пола начали развиваться на счетъ клѣтокъ другого, то это развитіе быстро продолжаетъ идти неуклонно по тому же пути, и тогда внѣшнія вліянія уже не могутъ повернуть его въ противоположную сторону, — точно такъ же, какъ, напр., камень, лежавшій на самомъ краю горного выступа, однажды приведенный въ движеніе какой-нибудь незначительной случайной причиною,

неуклонно катится въ одномъ какомъ-нибудь направленіи все быстрѣе и неустойчивѣе. Конечно, этимъ можетъ быть объяснено возникновеніе диморфизма только для самихъ половыхъ клѣтокъ. Что же касается того обстоятельства, что и остальные части полового аппарата, поскольку зачатки этихъ органовъ наследственно передаются обоимъ поламъ, также развиваются однѣ на счетъ другихъ, то это зависитъ, вѣроятно, отъ жизнедѣятельности самихъ половыхъ клѣтокъ. Пока эти клѣтки питаются, разрушаютъ часть своего живого вещества, замѣщаютъ разрушенныя части новыми на счетъ получаемой ими пищи и вырабатываютъ при этомъ всевозможные продукты разложенья и отбросы, представляется достаточно случаевъ для того, чтобы нѣкоторые изъ возникающихъ при этомъ веществъ, дѣйствуя, какъ раздражители, непосредственно или чрезъ посредство нервной системы, повліяли благоприятно на ростъ однихъ и задерживающимъ образомъ на ростъ другихъ органовъ. Какъ это происходитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, этого, разумѣется, невозможно прослѣдить, вслѣдствіе безконечно малой величины дѣятельнаго вещества, но фактъ этотъ почти не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ удаленіе оперативнымъ путемъ половыхъ железъ изъ развивающагося тѣла неизмѣнно влечетъ за собой измѣненія въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ тѣла, частью способствуя ихъ росту, частью задерживая его.

Напомнимъ, для примѣра, только о томъ, что удаленіе въ раннемъ возрастѣ половыхъ железъ (яичекъ) у мальчика ведетъ за собою задержку въ развитіи гортани, вслѣдствіе чего и по окончаніи роста у него останется дискантовый голосъ. Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ уже о такъ называемомъ вторичномъ половомъ признакѣ, то приведенный примѣръ достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ проявляется диморфизмъ и въ этой области. Первоначально гортань одинаково закладывается у обоихъ половъ, но мужскія половыя железы вырабатываютъ, очевидно, какое-то вещество, благоприятствующее ихъ росту. Удаленіе у дѣвочки въ раннемъ дѣтствѣ половыхъ железъ (яичниковъ) вызываетъ ростъ бороды. Предрасположеніе къ этому свойственно, несомнѣнно, обоимъ поламъ, потому что и среди женщинъ съ функционирующими яичниками нерѣдко встрѣчаются бородатая женщины. Очевидно, яичники вырабатываютъ вещества, до известной степени, задерживающія ростъ бороды.

Послѣ всего сказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что у многихъ животныхъ появляются вторичные половые признаки, не имѣющіе никакого, даже косвеннаго, отношенія къ уходу за дѣтенышами или къ половой дѣятельности вообще. Очень обыкновенное явленіе, въ особености у животныхъ, отличающихся, въ общемъ, яркой окраской, — у бабочекъ, у птицъ, — что между окраской самца и самки нерѣдко существуетъ довольно значительное различіе. Не будетъ особенной ошибкой, если мы сочтемъ возникновеніе этого различія въ окраскѣ чистой случайностью.

Послѣ всего только что изложеннаго, намъ станетъ понятнымъ, что разнородныя вещества, вырабатываемыя половыми железами, могутъ оказывать вліяніе и на окраску. Вѣдь даже у женщинъ бѣлой расы мы часто видимъ подобное явленіе, а

именно: во время беременности появляется коричневая окраска кожи по средней линии живота, начиная от пупка, а равно окраска кольца, окружающего грудной сосок, при чем послѣ разрѣшенія отъ бремени это окрашивание кожи исчезаетъ.

У птицъ и у бабочекъ насъ поражаетъ то, что именно самцы большею частью отличаются отъ самокъ гораздо болѣе яркой и, по нашимъ понятіямъ, красивой окраской. Но это отнюдь не общее правило; существуетъ, наоборотъ, много видовъ, у которыхъ окраска самца и самки сильно отличаются другъ отъ друга, и все же нельзя сказать, чтобы окраска одного пола была ярче или красивѣе, чѣмъ окраска другого. То обстоятельство, что существуетъ гораздо больше видовъ птицъ съ простой и невзрачной окраской, быть можетъ, объясняется вымираніемъ тѣхъ видовъ, которые отличались противоположной особенностью, и вслѣдствіе этого оказались менѣе защищенными отъ своихъ враговъ. Несомнѣнно, для вида выгоднѣе, если самка, сидящая въ гнѣздѣ, не привлекаетъ къ себѣ вниманія враговъ яркой окраской; если она будетъ замѣчена въ гнѣздѣ, то погибнетъ не только сама, но и всѣ выращиваемые ею въ то время дѣтеныши.

То же самое наблюдается и по отношенію къ другимъ вторичнымъ половымъ признакамъ. У птицъ мы встрѣчаемъ часто еще одно половое различіе, заключающееся въ томъ, что нѣкоторыя перья подвержены особенно сильному росту и достигаютъ нѣрѣдко значительной длины (рис. 25). Этими нарядомъ отличается опять-таки самецъ. Принимая во вниманіе то, что намъ уже извѣстно о ростѣ бороды у женщины, насъ не должна поражать означенная задержка въ ростѣ перьевъ у самокъ птицъ. Понятно, что и въ данномъ случаѣ тѣ виды животныхъ, у которыхъ опереніе самокъ первоначально также бросалось въ глаза, вымерли вслѣдствіе опасности, грозившей высидивающей самкѣ.

Все только что сказанное вполне примѣнимо и для объясненія полового диморфизма другого рода, напр., диморфизма, касающагося вооруженія. Въсѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что у животныхъ изъ семейства оленей существуютъ рѣзкія и разнообразныя различія между полами. Самецъ отличается, въ особенности въ зрѣломъ возрастѣ, могучими рогами, которые служатъ ему превосходнымъ оружіемъ, самка же совершенно лишена ихъ. Здѣсь опять поражаетъ насъ, почему самка не передаетъ по наслѣдству своимъ дѣтенышамъ-самкамъ этой особенности. Но мы знаемъ, что существуетъ, дѣйствительно, такой видъ оленей, а именно сѣверный олень, у котораго оба пола совершенно одинаково снабжены рогами. Мы должны, слѣдовательно, предположить, что зачатки для образованія роговъ наслѣдственно переданы обоимъ поламъ, и что у самокъ большинства видовъ задерживается дальнѣйшее развитіе этихъ зачатковъ. Какое именно вещество, вырабатываемое женскими половыми железами, производить это задерживающее дѣйствіе, мы не знаемъ, но упомянутый выше примѣръ относительно роста бороды у человѣка, представляетъ аналогію. Повидимому, наличность или отсутствіе этого полового диморфизма тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ вѣшними условіями жизни.

Сѣверному оленю, живущему на огромныхъ открытыхъ снѣжныхъ пространствахъ, было бы крайне невыгодно, если бы его враги, въ особенности волки, могли различить на огромномъ разстояніи безоружную самку. Для другихъ видовъ оленей, живущихъ преимущественно въ лѣсахъ, это не имѣетъ такого значенія, а между тѣмъ развитіе роговъ потребовало бы отъ самки, и безъ того несущей обязанности по уходу за дѣтенышами, большой затраты силъ, которая уменьшила бы жизнеспособность данной породы. Поэтому вполне понятно, что живущіе на сѣверѣ виды оленей, у которыхъ самки были безроги, вымерли или были вытѣснены, между тѣмъ какъ у видовъ, живущихъ въ лѣсахъ умѣреннаго и жаркаго пояса, должны были погибнуть тѣ

виды, у которыхъ самки были снабжены рогами. Это соображеніе непримѣнимо къ тѣмъ жвачнымъ животнымъ, рога которыхъ не сбрасываются ежегодно, а состоятъ изъ постояннаго несмѣняемаго отростка лобной кости, прикрытаго роговой оболочкой; поэтому, дѣйствительно, мы видимъ, что у большинства подобныхъ жвачныхъ вооружены и самки, хотя у многихъ оружіе самки развито слабѣе.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы уже вскользь указали на то, что половой диформизмъ покоится частью на своего рода рав-

новѣсіи въ потребленіи и выработкѣ живыхъ веществъ тѣла (матеріальная компенсація). Намъ извѣстно, что, во-первыхъ, самыя яйца, изъ которыхъ происходятъ самцы и самки, безусловно одинаковы по величинѣ и ничѣмъ не отличаются одно отъ другого и, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ развитія неоплодотворенныхъ яицъ, оплодотвореніе ихъ совершается обыкновенно при помощи только одного сѣменного тѣльца.

Во-вторыхъ, во время первыхъ стадій развитія размноженіе клѣтокъ, благодаря которому изъ оплодотворенной яичевой клѣтки возникаетъ сложный организмъ, происходитъ совершенно одинаково, независимо отъ того, разовьется ли самецъ или самка; въ третьихъ, наконецъ, различныя приспособленія для питанія и взращиванія дѣтенышей совершенно одинаковы для обоихъ половъ. На основаніи сказаннаго, является вполне понятнымъ, что болѣе сильное развитіе одного какого-нибудь органа, отсутствующаго или имѣющаго меньшую величину у другого пола, можетъ совершиться не иначе, какъ путемъ

отнятія у другихъ органовъ матеріала для его построенія. Это же относится и къ самимъ половымъ железамъ. Разъ самка затрачиваетъ на образованіе яицъ, на запасъ питательнаго вещества, которымъ снабжаетъ ихъ, на ихъ питаніе внутри матки и, наконецъ, на кормленіе родившихся дѣтенышей гораздо больше матеріала, чѣмъ нужно самцу на выработку сѣменныхъ тѣлецъ, — то самкѣ невозможно затрачивать еще столько же матеріала на развитіе мускулатуры, костей, мозга и т. д.; только путемъ особыхъ приспособленій или особаго образа жизни она можетъ получить возможность принимать гораздо больше пищевыхъ веществъ и интенсивнѣе перерабатывать ихъ.

Это обстоятельство приводитъ, въ свою очередь, къ раздѣ-

Рис. 25. Птица изъ кукушковыхъ (*Phagomacrus resplendens*).

Имѣетъ двостовныя перья длиной до 80 сантиметра, сверху изумрудно-зеленаго, снизу карминно-краснаго цвѣта.

ленію труда, которое отнюдь не ограничивается однимъ уходомъ за дѣтенышами. Если самецъ, благодаря дѣятельности самки, сберегаетъ часть веществъ, которыя онъ могъ бы использовать для болѣе сильнаго развитія мускулатуры, вооруженій, мозга, то съ своей стороны онъ можетъ использовать избытокъ своихъ средствъ въ пользу самки и дѣтенышей. Такимъ образомъ, въ природѣ, гдѣ отсутствуетъ искусственное вмѣшательство, рождается гораздо больше индивидуумовъ, чѣмъ сколько ихъ можетъ достигнуть половой зрѣлости. Велѣдствіе сказаннаго повѣстпій перевѣсь въ мускульной силѣ, вооруженіи, мозгѣ и т. д. полезенъ самцу не только тѣмъ, что даетъ возможность ему добывать для своей самки и дѣтенышей больше пищи, но и тѣмъ, что даетъ ему возможность поставить жизнь свою и своего семейства въ такія условія существованія, при которыхъ гибнутъ менѣе одаренные означенными свойствами индивидуумы. Если, напримеръ, пятеро самцовъ гонятся за одной и той же добычей, то самецъ, сбѣгающій быстрѣе на одну десятую, получить не только часть добычи на одну десятую больше другихъ, но ему одному достанется вся добыча, остальнымъ же четверымъ не достанется ничего, и они имѣютъ всѣ шансы погибнуть отъ голода. Оттого въ борьбѣ и конкуренціи за жизненные потребности выживаютъ именно тѣ семейства, у которыхъ самецъ особенно силенъ, особенно хорошо вооруженъ и т. д. Такъ какъ болышая мускульная сила или особенно хорошее вооруженіе находятся въ причинной связи съ болѣе значительнымъ развитіемъ полового диморфизма, то изъ семействъ одного и того же вида животныхъ тѣ имѣютъ больше шансовъ выжить и передать по наслѣдству свои свойства потомкамъ, которыя отличаются болышимъ диморфизмомъ и, соотвѣтственно этому, болѣе широкимъ раздѣленіемъ труда.

Выше намъ пришлось уже упомянуть о томъ, что съ усложненіемъ строенія органовъ сопряжено и развитіе извѣстныхъ инстинктовъ. Мы познакомились съ однимъ изъ нихъ — съ половымъ инстинктомъ, — и видѣли, что онъ можетъ возбуждаться или усиливаться велѣдствіе извѣстныхъ чувственныхъ раздраженій, — напр., запаха, распространяемаго однимъ поломъ и воспринимаемаго другимъ. У животныхъ, отличающихся значительнымъ половымъ диморфизмомъ, могъ развиться еще инстинктъ, приводящій половое чувство въ прямое отношеніе къ степени развитія диморфизма, т. е. половой инстинктъ могъ начать возбуждаться сильнѣе такимъ индивидуумомъ, который значительно болыше отличался отъ другого пола, чѣмъ индивидуумомъ, имѣющимъ болыше сходства съ послѣднимъ. Эту особенность полового инстинкта мы можемъ назвать инстинктомъ компенсаціи. Тамъ, гдѣ существуетъ означенный инстинктъ, онъ въ значительной мѣрѣ способствуетъ еще болышему ослабленію той опасности, которая уже ослаблена диморфизмомъ, а именно: опасности возникновенія слишкомъ болышихъ одностороннихъ уклоненій отъ типической формы, которыя нарушаютъ правильную совокупную дѣятельность отдѣльныхъ составныхъ частей тѣла.

Теперь, познакомившись съ картиной необычайно разнообразныхъ явленій полового диморфизма въ природѣ, мы попытаемся примѣнить наши свѣдѣнія къ человѣку.

И у человѣка первоначально намѣчается двуполое строеніе, въ чемъ можно убѣдиться путемъ тщательнаго изслѣдованія очень молодого плода, извлеченнаго изъ матки. Слѣдствіемъ этого иногда является то, что полъ обособляется несовершенно, благодаря случайному недоразвитію одного изъ половыхъ органовъ и полной задержкѣ въ развитіи другого. Вскорѣ послѣ того, какъ въ Германіи были выпущены въ новомъ изданіи свода гражданскихъ законоположеній всѣ статьи, которыя касались людей-гермафродитовъ, профессоръ Гарре въ Кенигсбергѣ какъ разъ описалъ случай, въ которомъ самымъ безспорнымъ образомъ было доказано присутствіе мужскихъ и женскихъ половыхъ клѣтокъ въ одномъ и томъ же человѣческомъ индивидуумѣ. Гораздо чаще, однако, случается такъ, что наружныя половыя признаки у человѣка, вслѣдствіе такой ненормальности въ развитіи, остаются двуполыми, а такъ какъ микроскопическое изслѣдованіе половыхъ железъ у живого человѣка невозможно, то въ силу этого возникаютъ недоразумѣнія.

Еще классическое искусство интересовалось этимъ вопросомъ, пытаясь изобразить своего рода идеальную человѣческую фигуру, въ которой соединились бы признаки того и другого пола; самымъ знаменитымъ произведеніемъ такого рода является „спящій гермафродитъ“ въ парижскомъ Луврѣ [англическія копии котораго хранятся также во Флоренціи въ палаццо деи Уффици, въ Римѣ въ музеѣ термъ (см. рис. 28) и въ Вилла Боргезе]. Древнѣйшее изъ извѣстныхъ изображеній этого рода, созданное за двѣсти лѣтъ до Р. Хр., найдено было въ Пергамѣ и хранится въ Берлинѣ. Но врачи и въ наше время встрѣчаютъ довольно часто такихъ двуполыхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, недавно докторъ М. Гиршфельдъ демонстрировалъ въ одномъ ученomъ обществѣ въ Берлинѣ трехъ такихъ субъектовъ одновременно, при чемъ въ числѣ ихъ былъ малыишъ одной большой типографіи, теперь женатый и отецъ семейства, который жилъ до двадцать-пятого года своей жизни дѣвушкой, не возбуждая ни въ комъ сомнѣній.

Въ отношеніи самыхъ половыхъ железъ разница между обоими полами у человѣка отнюдь не такъ велика, какъ мы это видимъ часто въ животномъ царствѣ. Яичники не превосходятъ мужскія половыя железы ни въ сомѣ, ни величиной. Лежатъ они также въ той же области тѣла, гдѣ находятся первоначально и мужскія железы, при чемъ то обстоятельство, что эти послѣднія очень рано покидаютъ мѣсто своего первоначальнаго возникновенія и опускаются въ выдающіяся наружу кожныя складки, не имѣють никакого значенія для образа жизни обоихъ половъ. Что касается собственно органовъ совокупленія, то у человѣка повторяется то же, что обще всему животному царству: перенесеніе мужскихъ половыхъ клѣтокъ совершается съ помощью сравнительно просто устроеннаго аппарата, и, вообще, развитіе органовъ совокупленія не оказываетъ значительнаго вліянія на все остальное тѣло мужского или женскаго индивидуума. Гораздо болѣе важнымъ слѣдуетъ считать, что у человѣка происходитъ тотъ родъ питанія новорожденныхъ, который, какъ мы уже упоминали выше, является характернымъ для большинства млекопитающихъ.

Оплодотворенное внутри тѣла матери яйцо проходитъ по

трубчатому отдѣлу половыхъ органовъ, по такъ наз. яйцепроводамъ, и попадаетъ въ расширенную часть ихъ, въ матку, гдѣ и прикрепляется къ слизистой оболочкѣ въ очень ранней еще стадіи своего развитія, когда оно едва еще достигло величины булавочной головки. Слизистая оболочка матки начинаетъ разрастаться и образуетъ вокругъ яйца складку, которая со всѣхъ сторонъ надвигается на подобіе свода на яйцо и, наконецъ, обволакиваетъ его. Поверхность яйца покрывается мелкими ворсинками, которыя начинаютъ развѣтвляться кустообразно, а на слизистой оболочкѣ матки образуются соотвѣтственныя возвышенія и углубленія, тѣмъ обуславливается возможность тѣснѣйшаго соприкосновения между поверхностью яйца и слизистой оболочкой. Та и другая поверхности снабжаются безчисленными развѣтвленіями кровеносныхъ сосудовъ, и такимъ путемъ между кровью матери и ребенка возникаетъ обильный обмѣнъ жидкими питательными веществами и газами. У человѣка часть кустообразныхъ развѣтвленій — ихъ называютъ „ворсинками хоріона“ — потомъ погибаетъ; лишь на дисковидной части яйцевой оболочки сохраняются эти кустообразные отростки и здѣсь такъ тѣсно срастаются съ соотвѣтствующими отростками материнской слизистой оболочки, что при родахъ часть послѣдней должна отрываться, чтобы эта часть яйцевой оболочки, въ видѣ такъ называемаго послѣда, могла выйти наружу.

Пользуясь, такимъ образомъ, необычайно богатымъ притокомъ пищи, младенецъ развивается въ утробѣ матери до тѣхъ поръ, пока ко времени рожденія не достигнетъ нормально трехъ (часто больше, а иногда, и вдвое больше) килограммовъ вѣса и около 50 сантиметровъ длины. Голова, благодаря росту мозга, принимаетъ такіе размѣры, что она совсѣмъ не могла бы пройти черезъ костное кольцо мужского таза; у женщины, тазъ которой нормально шире и наименьшій діаметръ указаннаго кольца равенъ приблизительно 11 сантиметрамъ, голова младенца можетъ прорѣзаться лишь благодаря сдвигаемости костей головы. Столь высоко развитое, но въ то же время еще очень хрупкое и слабое дитя должно было бы подвергаться въ утробѣ матери величайшимъ опасностямъ отъ толчковъ и давленія, если бы не существовало спеціальнаго приспособленія для его защиты, заключающагося въ томъ, что между оболочками яйца и тѣломъ ребенка образуется довольно обширная полость; послѣдняя наполняется жидкостью, въ которой зародышъ, если можно такъ выразиться, плаваетъ. Ребенокъ, достигшій такой величины, а равно значительное количество жидкости — такъ называемыхъ околоплодныхъ водъ, занимаютъ такое большое мѣсто въ животѣ женщины, что уже на пятомъ мѣсяцѣ беременности фигура ея замѣтно измѣняется, а начиная съ шестого и до конца девятаго, когда наступаютъ роды, женщина становится неповоротливой и тяжеловѣсной, что выражается и въ замедленіи походки.

Питаніе ребенка, еще въ теченіе долгаго времени послѣ его рожденія, ограничивается материнскимъ молокомъ. Соотвѣтственно съ этимъ, молочныя железы (расположенныя у нѣкоторыхъ млекопитающихъ въ различныхъ мѣстахъ тѣла и въ различномъ количествѣ, а у человѣка въ нормальномъ состояніи

только на груди и только въ числѣ одной пары), существующія въ зачаточномъ состояніи и у мужчины, у женщины развиваются значительно сильнѣе еще въ пору половой зрѣлости, во время же беременности онѣ сильно набухаютъ и даже выдѣляютъ немного жидкости, похожей на молоко. Въ виду того значенія, которое имѣютъ эти органы въ дѣлѣ възращиванія потомства, и нѣжнаго ихъ строенія, у женщины образуется для защиты означенныхъ органовъ значительный слой жира, вслѣдствіе чего еще больше усиливается различіе въ формѣ железъ у женщины и у мужчины. Но помимо того, подъ кожей у женщины отлагается, вообще, гораздо болѣе толстый слой жира, чѣмъ у мужчины. Можно почти безошибочно допустить, что значительное развитіе подкожнаго слоя жира связано съ интересами потомства, потому что, напримѣръ, у женщинъ рабочаго класса, онѣ обыкновенно уменьшаются и, наконецъ, почти совсѣмъ исчезаютъ въ тотъ періодъ, когда прекращается дѣторожденіе. Мы должны предположить, что онѣ представляетъ собой отложеніе запасныхъ веществъ, которыя облегчаютъ женщинѣ питаніе плода въ тотъ періодъ, когда развитіе его въ утробѣ матери предъявляетъ большія требованія къ материнскому организму.

Растительность у человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ является другимъ весьма рѣзкимъ половымъ различіемъ. Волосы, покрывающіе черепъ женскаго пола, не особенно длиннѣе, чѣмъ у мужчинъ. Гораздо значительнѣе различіе въ растительности, покрывающей нижнюю часть лица — верхнюю губу, подбородокъ и щеки; она у женщинъ, чаще всего у брюнетокъ, очень рѣдко выступаетъ въ видѣ замѣтнаго пушка, между тѣмъ какъ у мужчинъ, напротивъ, очень рѣдко лишена волосъ. Кромѣ того, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ у мужчины часто покрывается волосами грудь, средняя часть живота и передняя часть бедеръ, между тѣмъ какъ у женщины такое явленіе наблюдается лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Какое значеніе имѣетъ это половое различіе, — пока трудно сказать. Мы склонны обыкновенно думать, что неизмѣнно и прочно передаются по наслѣдству только такія особенности, которыя могутъ представить въ борьбѣ за существованіе какія-нибудь преимущества передъ противоположными особенностями. Вотъ почему предпологали, будто бы у женщины отсутствіе волосъ на лицѣ и длинные волосы на головѣ произошли оттого, что мужчина находилъ то и другое красивымъ и предпочиталъ безбородую, длинноволосую женщину другимъ. Но это объясненіе сомнительно прежде всего потому, что у очень многихъ менѣе цивилизованныхъ народовъ, врядъ ли хоть одна женщина остается отстраненной отъ половыхъ отношеній съ мужчиной разъ только она, вообще, достигаетъ возраста половой зрѣлости и не страдаетъ особенно отвратительными недостатками. Потому мы должны предположить, что у человѣка уже въ первобытномъ состояніи царилъ такой порядокъ вещей въ теченіе безчисленнаго ряда тысячелѣтій. Слѣдовательно, предположеніе, что мужчины въ какую-либо эпоху предпочитали особенно длинноволосыхъ и прежде всего безбородыхъ женщинъ и, такимъ образомъ, не допускали остальныхъ наслѣдовать свои свойства, совершенно не имѣетъ подъ собой почвы.

Но и помимо этого трудно выдвигать особую половую эстетику, какъ причину вѣщныхъ свойствъ, разъ дѣло касается того или иного состояніи челоуѣчества. Дѣйствительно, почему бы полудикому челоуѣку находить особенно красивой обильную растительность черепа и, напротивъ, некрасивой самую слабую растительность на лицѣ, — тѣмъ болѣе, что если принять эту гипотезу, то и женщина должна была, слѣдовательно, находить красивой сильную растительность на лицѣ и, наоборотъ, некрасивой — длинноволосую голову? Гораздо вѣроятнѣе кажется такое предположеніе, что этотъ эстетическій вкусъ развился только тогда, когда названныя свойства стали уже половыми признаками.

Рис. 26.
Идеальная
фигура
мужчины.

Работы ученика Тициана, Стефана Калькара, изъ Бразилии: Fabrica corporis humani.

бы полудикому челоуѣку находить особенно красивой обильную растительность черепа и, напротивъ, некрасивой самую слабую растительность на лицѣ, — тѣмъ болѣе, что если принять эту гипотезу, то и женщина должна была, слѣдовательно, находить красивой сильную растительность на лицѣ и, наоборотъ, некрасивой — длинноволосую голову? Гораздо вѣроятнѣе кажется такое предположеніе, что этотъ эстетическій вкусъ развился только тогда, когда названныя свойства стали уже половыми признаками. Вѣдь не трудно понять, что привлекательность одного пола для другого вызывается или усиливается всѣми тѣми свойствами, которыя представляютъ собой специфическіе половые признаки.

Такимъ образомъ, намъ приходится удовольствоваться предположеніемъ, что особенности въ растительности того и другого пола какимъ-либо путемъ связаны съ другими, болѣе важными функциями, и допустить, что борода у мужчины появилась не потому, что представляла для него какія-либо выгоды въ борьбѣ за

существованіе или хотя бы только въ половомъ подборѣ, а скорѣе потому, что существуетъ какая-нибудь случайная связь между обильнымъ ростомъ волосъ и необходимыми половыми функциями.

Строеніе костнаго скелета женщины, какъ это видно изъ рисунковъ скелетовъ (см. II-ю часть этого тома), также сильно отличается отъ мужского, не только упомянутой выше шириной таза, но и меньшими размѣрами всего скелета. Соответственно съ этимъ, и величина тѣла женщины въ среднемъ также уступаетъ величинѣ мужского тѣла. Мускулатура, даже при условіи одинаковаго упражненія ея физическимъ трудомъ, у мужчины развита сильнѣе, способнѣе къ болѣе трудной работѣ, чѣмъ у женщины (рис. 26 и 27). Въ этомъ случаѣ причина указаннаго различія объясняется легче. Прежде всего, оно является слѣдствіемъ уже рассмотрѣннаго нами выше принципа матеріальной компенсаціи. Болѣе сильное развитіе жирового слоя и грудныхъ железъ, ежемѣсячная, довольно значительная потеря крови, а также значительная затрата питательныхъ веществъ на ребенка во время беременности и кормленія грудью приводитъ къ тому, что для развитія мускуловъ и костей остается меньше матеріала, чѣмъ у мужчины при равныхъ прочихъ условіяхъ. Правда, однимъ этимъ нельзя объяснить того, что означенное различіе замѣчается еще до наступленія половой зрѣлости. Но мы должны отмѣтить далѣе то обстоятельство, что въ періодъ, предшествующій наступленію зрѣлости, развитіе двочекъ идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ развитіе мальчицковъ; это

Рис. 27. Идеальная фигура женщины.
Работы ученика Тициана, Стефана Калькера, изъ Везалія: *Fabrica corporis humani*.

тоже отнимаетъ у мускулатуры извѣстную часть матеріала, хотя потери крови еще и нѣтъ. Въ болѣе раннемъ періодѣ дѣтства различіе не такъ велико и, быть можетъ, должно быть всецѣло приписано различію въ упражненія мускуловъ, обусловливаемой нашей системой воспитанія. Кромѣ того, мы не должны забывать, что и самый подборъ долженъ быть способенъ различію въ этой области и усиливать его. Женщина, выполняющая ту необходимую для сохраненія человѣческаго рода работу, которая заключается въ уходѣ за потомствомъ, — этимъ самымъ уже стѣснена въ добываніи для себя пищи и, слѣдовательно, въ свободномъ передвиженіи, и лишена способности защищаться отъ нападеній и даже спастись бѣгствомъ отъ нападающаго. Такимъ образомъ, ей остается рассчитывать на покровительство и защиту мужчины, свободнаго отъ указанныхъ стѣсненій.

Ясно, что на первобытной ступени человѣчества семьи и цѣлыя племена, въ которыхъ мужчины особенно рѣзко отличались отъ женщинъ болѣе сильно развитой мускулатурой и крѣпкимъ строеніемъ костей, должны были одерживать побѣду надъ другими семьями и племенами, у которыхъ это различіе было выражено слабѣе, т. е. у которыхъ женщины были, можетъ быть, нѣсколько мускулистѣе, а мужчины зато отличались меньшей силой. Къ этому нужно еще прибавить, что борьба велась, вѣроятно, и между мужчинами одного племени за обладаніе женщинами, какъ мы видимъ это еще и по настоящее время у нѣкоторыхъ народностей въ обычаяхъ умыканія женъ, и что побѣдителями въ этой борьбѣ оказывались, разумѣется, опять-таки болѣе сильные мужчины. Вслѣдствіе этого тамъ, гдѣ царило многоженство, болѣе сильный мужчина могъ завладѣть большимъ количествомъ женъ, тогда какъ болѣе слабые соперники терпѣли неудачу. Однако, означенный подборъ при наследственной передачѣ выражается не тѣмъ, что непременно всѣ потомки сильныхъ мужчинъ — безразлично мужскіе или женскіе — отличаются особенной мускульной силой, а тѣмъ, что мужчина исключительной физической силы, происходя обыкновенно изъ семьи, въ которой очень велика разница въ мускульной силѣ обонихъ половъ, передаетъ, въ свою очередь, по наследству это различіе, т. е. сыновья его будутъ также значительно сильнѣе дочерей. Гораздо труднѣе, чѣмъ возникновеніе чисто физическихъ различій, объяснить себѣ происхожденіе различія въ тѣхъ способностяхъ, которыя мы обыкновенно называемъ психическими. Нельзя отрицать, конечно, что головной и спинной мозгъ мужчины имѣетъ въ среднемъ болѣе большой вѣсъ, чѣмъ женскій. Но нельзя забывать при этомъ, что и самая величина тѣла обусловливаетъ болѣе большой вѣсъ центральной нервной системы; каждое мышечное волокно, напримѣръ, снабжается особой вѣточкой нервнаго волокна, такъ что болѣе сильное развитіе мускулатуры связано и съ болѣе значительнымъ развитіемъ нервныхъ волоконъ, при чемъ тутъ дѣло идетъ исключительно только о механизмѣ движенія и не касается ни одного изъ тѣхъ видовъ дѣятельности, которые мы обыкновенно называемъ психической дѣятельностью. Правда, Вальдейеръ; нашель у двухъ одновременно умершихъ близнецовъ разнаго пола, но одинаковой величины и одинако-

ваго вѣса, — неодинаковый вѣсъ мозга: у мальчика послѣдній былъ тяжелѣе, чѣмъ у дѣвочки (175 : 165).

Чтобы уяснить себѣ наличность и характеръ психическаго диморфизма у человѣка, намъ необходимо условиться, что собственно нужно понимать подъ психической дѣятельностью. Это заставляетъ насъ, прежде всего, вернуться къ вопросу о природѣ и инстинктахъ. Остановимся на томъ, что мы уже сказали объ одномъ изъ нихъ, — о половомъ инстинктѣ, а именно: что его очень трудно объяснить механически вполне удовлетворительно. Дѣло сводится здѣсь къ извѣстнымъ движеніямъ, проявляющимся подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ раздраженій — чисто ли внѣшнихъ, или же вызываемыхъ измѣненіями въ самомъ организмѣ. То обстоятельство, что въ повседневной жизни инстинкты почти всегда объясняются душевными импульсами, происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что они отчасти достигаютъ нашего сознанія, и мы ошибочно принимаемъ это сознаніе за причину инстинкта, тогда какъ оно, въ дѣйствительности, представляетъ собой только сопутствующее ему явленіе. Кроме того, насъ вводитъ въ заблужденіе „цѣлесообразность“ этихъ инстинктовъ, такъ какъ мы привыкли считать все „цѣлесообразное“, дѣлаемое нами, чѣмъ-то произвольно-умышленнымъ и потому принимаемъ это за проявленіе нашей духовной жизни. На самомъ же дѣлѣ, у человѣка, какъ и у всякой породы живыхъ существъ, инстинкты только тогда и могутъ сохраниться, когда они являются цѣлесообразными въ этомъ смыслѣ, такъ какъ неправильно примѣняемое въ данномъ случаѣ выраженіе „цѣлесообразно“ только и означаетъ, въ сущности, прочную способность сохраняться, жизненность. Такимъ образомъ, половой инстинктъ цѣлесообразенъ или, вѣрнѣе, жизнененъ потому, что безъ него живыя существа, не понуждаемая къ совокупленію, должны были бы вымереть въ самое короткое время; точно такъ же цѣлесообразенъ инстинктъ голода, потому что порода, утратившая его, прекратила бы свое существованіе, и т. д. Поэтому вполне понятно, что изъ безчисленнаго множества могущихъ возникнуть инстинктовъ сохраняются только тѣ, которые жизненны или, какъ говорятъ, цѣлесообразны.

Что касается полового инстинкта, то онъ несомнѣнно проявляется у мужчины въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ у женщины, что само собой понятно въ виду той различной роли, какую играютъ при совокупленіи оба пола. Лучше всего выясняется намъ это различіе, если мы возьмемъ для сравненія тѣ случаи, въ которыхъ ненормальное преласположеніе приводитъ къ извращенію полового инстинкта, а, слѣдовательно, въ особенности такіе случаи, когда половое влеченіе обращается на свой же собственный полъ. Главное различіе между мужскимъ и женскимъ половымъ инстинктомъ заключается — по крайней мѣрѣ, при поверхностномъ наблюденіи — въ томъ, что женщина больше стремится нравиться мужчине, привлекать или возбуждать его своимъ видомъ, между тѣмъ какъ мужскому инстинкту болѣе свойственно стремленіе овладѣть женщиной путемъ личнаго превосходства, а въ случаѣ надобности, даже путемъ насилія. Эти своеобразныя особенности нельзя объяснить только привычкой, обычаемъ, умственными соображе-

ніями и т. п., а придется признать ихъ несомнѣннымъ инстинктомъ, если мы вспомнимъ, что и у животныхъ, сравнительно мало одаренныхъ разумомъ, какъ, напримѣръ, у легко-доступныхъ нашему наблюденію домашнихъ птицъ, — дѣйствительно обнаруживаются, какъ до, такъ и во время совокупленія, кокетство у самки и грубое насиліе у самца. Несомнѣнно, указанное различіе стоитъ въ прямой связи съ перевѣсомъ силы и степени вооруженности мужского пола, которыя явились результатомъ приспособленія къ совершенно инымъ жизненнымъ потребностямъ.

Несомнѣнно, тѣмъ же различіемъ въ организаціи объясняется и то явленіе, что у женщины мы встрѣчаемъ гораздо больше выраженную инстинктивную склонность спастись отъ угрожающей опасности бѣгствомъ и спрятаться отъ нея, между тѣмъ какъ мужчина гораздо больше склоненъ инстинктивно стать лицомъ къ лицу съ опасностью, противопоставить угрозѣ угрозу или вступить въ прямую борьбу съ врагомъ. Короче, — въ общемъ мы видимъ, что у женщины гораздо сильнѣе развитъ инстинктъ боязливости, у мужчины — инстинктъ жажды борьбы. И здѣсь мы также несомнѣнно имѣемъ дѣло съ инстинктами, какъ это ясно видно изъ того, что многія движенія, которыми проявляются означенные инстинкты, принадлежатъ къ чисто рефлекторнымъ движеніямъ, т. е. производятся такъ мгновенно и такъ машинально, что объ участіи сознанія здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Когда человѣкъ, къ лицу котораго неожиданно подносятъ руку, закрываетъ глаза, или когда онъ нагибается въ тотъ моментъ, когда надъ нимъ пролетаетъ какое-нибудь тѣло, то это дѣлается, очевидно, совершенно машинально, и достигается сознанія лишь послѣ того, какъ это совершилось. Разумѣется, сказаннымъ мы не опровергаемъ того, что въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ человѣческихъ инстинктахъ, могутъ играть очень значительную роль задерживающія или, наоборотъ, содѣйствующія раздраженія психическаго характера.

Только что приведеннымъ двумъ различіямъ инстинктовъ соотвѣтствуетъ еще третье различіе, а именно: у женщины мы встрѣчаемъ инстинктивную потребность въ поддержкѣ другого, болѣе сильнаго индивидуума, каковымъ обыкновенно бываетъ мужчина; у послѣдняго, съ одной стороны, мы находимъ ярко выраженную склонность играть въ отношеніи другого, болѣе слабого индивидуума, роль покровителя и защитника, а съ другой — господина и повелителя, требующаго покорности. Это различіе инстинктовъ мы находимъ столь сильно развитымъ у сравнительно разумныхъ животныхъ, что соображеніе о томъ, представляетъ ли такое отношеніе другъ къ другу извѣстную выгоду для индивидуума и въ какой мѣрѣ, должно быть отодвинуто на второй планъ. Можно допустить, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ издавна унаслѣдованнымъ инстинктомъ, возникшимъ одновременно съ тѣлесными половыми различіями въ отношеніи силы, орудія защиты и т. д. Ясно, что въ интересахъ сохраненія семьи или племени тѣлесная способность самца защищать самку, занятую уходомъ за дѣтенышами, или самихъ дѣтенышей, можетъ только тогда быть вполне полезной, когда самка и дѣтеныши инстинктивно же склонны стать подъ защиту самца. Дѣйствительно, и у дѣтенышей большинства жи-

вотныхъ мы находимъ тотъ же инстинктъ исканія покровительства болѣе сильныхъ индивидуумовъ — отца или матери, — въ данномъ случаѣ безъ различія половъ. Дѣти, подобно взрослымъ индивидуумамъ женскаго пола, также нуждаются въ опорѣ, и эта-то черта больше всего обуславливаетъ собой то сходство между женской и дѣтской душой, на которое такъ часто указывалось.

Оставимъ, однако, область инстинктовъ и рассмотримъ психическія свойства въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для этого мы должны выяснитъ предварительно въ нѣсколькихъ словахъ, какія понятія мы соединяемъ съ этими выраженіями.

Мы знаемъ, что раздраженія, дѣйствующія на какой-нибудь изъ нашихъ органовъ, воспримчивыхъ къ раздраженіямъ, т. е. на наши органы чувствъ, производятъ измѣненія въ нашемъ тѣлѣ чисто механическимъ путемъ, въ родѣ тѣхъ, напр., какія производятъ въ какой-нибудь машинѣжатіе пружины, или искра, попавшая въ бочку съ порохомъ. Но до нашего сознанія доходитъ только небольшая часть означенныхъ раздраженій, которая и становится такъ называемымъ воспріятіемъ. Затѣмъ, это воспріятіе вызываетъ въ нашемъ умѣ — или, придерживаясь механической точки зрѣнія, въ органѣ нашего ума — болѣе или менѣе длительное представленіе. Длительность этого представленія зависитъ частью отъ степени силы, энергій воспріятія, частью же отъ особой способности воспринимающаго органа — отъ памяти. Удерживающееся въ нашемъ умѣ представленіе не остается въ нашемъ сознаніи столько времени, сколько оно длится само по себѣ; но съ помощью извѣстныхъ раздраженій оно можетъ быть снова вызвано въ сознаніи, — и этотъ процессъ мы называемъ воспоминаніемъ. Нашъ умъ обладаетъ способностью соединять вмѣстѣ, ассоціировать или комбинировать нѣсколько представленій, — безразлично, вызваны ли они только что какимъ-либо воспріятіемъ или же произведены съ помощью воспоминанія, — и изъ этихъ ассоціацій можетъ возникнуть третье представленіе, совершенно новое, по крайней мѣрѣ для сознанія.

Способность создавать изъ старыхъ новыя представленія путемъ ассоціаціи выражается въ двухъ не совсѣмъ одинаковыхъ формахъ способностей, которыя мы можемъ назвать способностью сужденія (логикой) и воображеніемъ (фантазіей). Способность сужденія — это та творческая дѣятельность ума, при которой ассоціація представленій совершается по извѣстнымъ законамъ (законамъ мышленія). Вотъ почему результаты ассоціаціи можетъ быть предвидѣнъ заранѣе, если только законы вѣрны и были правильно соблюдены, — и онъ долженъ быть одинаковъ у двухъ различныхъ лицъ, если только у обоихъ одни и тѣ же представленія ассоціировались по однимъ и тѣмъ же законамъ мышленія. Мало того, можно сказать, что результаты ассоціаціи долженъ согласоваться съ новыми чувственными воспріятіями (слѣдовательно, съ дѣйствительностью), если только сами законы мышленія были правильно выведены изъ чувственныхъ воспріятій. Наоборотъ, при работѣ воображенія ассоціація представленій складывается произвольно, и оттого возникаютъ новыя представленія, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности или совпа-

даютъ съ нею только изрѣдка и случайно. Но все же эти новыя представленія могутъ, въ свою очередь, сложиться въ форму, поддающуюся чувственному воспріятію, и создать собою извѣстную дѣйствительность, какъ это и бываетъ съ фантазіей въ художественномъ творчествѣ. Тамъ, гдѣ воображеніе развито очень сильно и легко создаетъ, дѣйствительно, новыя, не существующія въ воспоминаніи представленія, не можетъ быть строгаго слѣдованія законамъ мышленія; даже въ томъ случаѣ, когда такое воображеніе отливаеъ свои созданія въ форму чувственныхъ воспріятій, послѣднія все же носятъ характеръ совершенно произвольный, какъ будто бы они предназначены служить одной игрѣ, забавѣ. Но порою такая необычайная легкость создаванія путемъ ассоціаціи новыхъ представленій сочетается и съ необычайной способностью управлять законами мышленія. Эту способность ума мы называемъ даромъ изобрѣтательности, или просто изобрѣтательностью. Здѣсь вновь созданныя представленія могутъ также принимать формы, доступныя чувственнымъ воспріятіямъ, — и тогда обыкновенно оказывается, что созданное такимъ путемъ — въ строгомъ соотвѣтствіи съ законами мышленія — соотвѣтствуетъ самымъ цѣлесообразнымъ образомъ какой-нибудь заранѣе предвидѣнной человѣческой потребности.

Посмотримъ теперь, существуетъ ли различіе между обоими полами въ отношеніи этихъ свойствъ ума и въ чемъ она проявляется, если существуетъ. Что касается самыхъ органовъ чувствъ, то, въ этомъ отношеніи, у насъ нѣтъ никакого фактическаго матеріала, который далъ бы намъ право предположить существованіе сколько-нибудь замѣтнаго различія между обоими полами. Но и способность воспріятія, т. е. способность вводить въ сознаніе чувственно воспріятія раздраженія, — которая можетъ, конечно, необычайно сильно увеличиваться отъ упражненія, — тоже, очевидно, совершенно одинакова у обоихъ половъ. Сознаніе женщины вполне овладѣваетъ мельчайшими подробностями впечатлѣній, полученныхъ глазомъ или ухомъ; безусловно то же самое нужно сказать и о низшихъ чувствахъ — обоняніи, вкусѣ и осязаніи. Точно такого же мнѣнія мы и о памяти: актрисы и пѣвицы доказываютъ намъ, что память женщины стоитъ безусловно на одной высотѣ съ мужской. Принимая во вниманіе все сказанное, мы ясно увидимъ, что умственная воспроизводительная способность женщины нисколько не уступаетъ мужской. Это остается вѣрнымъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о воспроизведеніи въ высшемъ художественномъ смыслѣ, т. е. тамъ, гдѣ извѣстные душевныя движенія воспроизводящаго должны придать воспроизведенію оригинальную окраску. Въ этой области наши пѣвицы и актрисы достигаютъ вполне такихъ же результатовъ, какъ и ихъ товарищи — мужчины.

Зато способность ассоціаціи у женщины, въ среднемъ, гораздо слабѣе, чѣмъ у мужчины, при чемъ это приходится сказать какъ о способности сужденія, такъ и относительно воображенія. Однако, замѣтнѣе сказывается меньшая сила сужденія, чѣмъ воображенія, т. е. меньшая способность строго слѣдовать законамъ мышленія при возникновеніи новыхъ представлений путемъ комбинированія нѣсколькихъ другихъ. Математика

представляет собой умственную дѣятельность, въ которой въ наиболѣе чистомъ видѣ обнаруживается способность сужденія. Занятія математикой такъ мало требуютъ благоприятныхъ внѣшнихъ условій, особенныхъ какихъ-нибудь удобствъ, аппаратовъ и т. п., что затрудненія внѣшняго свойства не могли лишать женщинъ возможности развить свои способности къ математикѣ. И тѣмъ не менѣе намъ извѣстенъ всего лишь одинъ случай, дѣйствительно, выдающихся математическихъ способностей у женщины, — это Софья Ковалевская; но и въ этомъ случаѣ таилась, какъ показали конецъ несчастной женщины, душевная болѣзнь.

Быть можетъ, ближе всего къ математикѣ стоитъ музыкальная композиція. Но и здѣсь, если вспомнить только, какое огромное множество женщинъ занимается музыкой, какъ профессіей, насъ не можетъ не поразить, какъ ничтожно мало женскаго творчества мы находимъ въ области композиціи. А между тѣмъ, въ этой области является уже вліятельнымъ факторомъ и другая способность — воображеніе. Имѣются еще нѣкоторыя области художественнаго творчества, въ которыхъ воображеніе играетъ гораздо большую роль, чѣмъ въ музыкальной композиціи. Несмотря на то, что въ указанныхъ областяхъ за женщиной нужно признавать нѣсколько большее число трудовъ, заслуживающихъ вниманія, все же нельзя отрицать, что, въ среднемъ, женскія произведенія въ области лирики и романа, а тѣмъ болѣе въ области драмы, творчество которой требуетъ болѣе значительной способности ассоціаціи, уступаютъ такимъ же произведеніямъ мужчинъ. Даръ изобрѣтательности, заключающійся въ совмѣстномъ дѣйствіи сильной фантазіи съ сильной способностью сужденія, свойственъ женщинамъ также лишь въ незначительной степени, въ пользу чего говорятъ какъ техническая дѣятельность женщинъ, такъ и статистика выдаваемыхъ патентовъ на изобрѣтенія.

Способность ассоціаціи есть именно та способность нашей души, которая ведетъ вѣчную борьбу съ нашими инстинктами. Очень часто мысль о томъ, что — на основаніи выводовъ изъ того или иного опыта — тотъ или иной поступокъ долженъ привести къ тому или иному послѣдствію, вліяетъ на нашъ инстинктъ съ такой задерживающей силой, что мы отказываемся отъ поступка, къ которому насъ побуждаетъ этотъ инстинктъ.

Разъ способность ассоціаціи у женщинъ развита слабѣе, то, понятно, что ея инстинкты свободны отъ многихъ задержекъ, вліяющихъ на поступки мужчинъ, слѣдствіемъ чего является, какъ это очень часто подтверждаетъ и опытъ, то, что женщина, въ общемъ, гораздо больше повинуется своимъ врожденнымъ инстинктамъ, чѣмъ мужчина. Это вовсе не недостатокъ: инстинкты руководятъ человѣкомъ гораздо безошибочнѣе, чѣмъ его логика. Инстинкты накопились и укрѣплялись безконечно долгимъ дѣйствіемъ подбора, и въ борьбѣ за существованіе неизбѣжно должны были гибнуть тѣ семьи и расы, инстинкты которыхъ не были жизненны. Вотъ почему женщина едва ли поступаетъ неправильно, противопоставляя свое инстинктивное чувство всѣмъ попыткамъ логически доказать ей, какъ слѣдуетъ поступать въ томъ или иномъ случаѣ и почему такъ, а не иначе, и считая

свой инстинктъ болѣе надежнымъ совѣтникомъ, чѣмъ чужую логику. Такимъ образомъ, женщины врождены всѣ тѣ душевныя движенія, которыя мы называемъ тактомъ, приличіемъ, и, прежде всего, ей свойственно чувство альтруизма, — того необычайно важнаго для сохраненія всего человѣчества инстинкта, который у мужчины гораздо чаще уступаетъ доводамъ эгоизма.

Слѣдовательно, сама природа мужчины и женщины — не только въ области физической, но и психической жизни — во многомъ отводитъ для нихъ различныя задачи. Разумѣется, это не мѣшаетъ тому, что — при измѣчивости животной организаціи — могутъ то и дѣло встрѣчаться отдѣльные индивидуумы, не соответствующіе среднему типу: мужчины, болѣе приближающіеся по своимъ свойствамъ къ женскому характеру, а равно и женщины, обнаруживающія гораздо больше мужскихъ свойствъ. Такимъ образомъ, вполне возможно, что отдѣльныя женщины будутъ выполнять такія задачи, которыя до сихъ поръ предоставлены въ общемъ мужчинамъ, и что такимъ образомъ можетъ возникнуть конкуренція между мужчиной и женщиной въ одной и той же области, какъ этого добивается извѣстное направленіе женскихъ стремленій. Вопросъ въ томъ, къ какимъ послѣдствіямъ поведетъ это.

Въ настоящее время мужскія профессіи даютъ такія матеріальныя выгоды, которыя большей частью недоступны женскимъ. Это имѣетъ свое основаніе: женщина, поглощенная уходомъ за дѣтьми, и безъ того нуждается въ защитѣ и попеченіи мужчины и потому въ правѣ претендовать и на то, чтобы онъ кормилъ ее. Если бы это измѣнилось, и женщина, зарабатывающая только въ исключительныхъ случаяхъ (почти только въ нѣкоторыхъ областяхъ искусства) крупныя суммы и большей частью получающая своимъ трудомъ очень скудный заработокъ, — стала бы серьезнымъ конкурентомъ мужчины и въ этомъ отношеніи, то можно предвидѣть, что мужчина изъ чисто матеріальнаго эгоизма сталъ бы предпочитать бракъ съ такими женщинами, которымъ доступны исключительно крупныя заработки. Образовался бы, слѣдовательно, подборъ: для брака и вмѣстѣ съ тѣмъ для потомства выбирались бы женщины, возможно болѣе похожія по своимъ способностямъ на мужчинъ, при чемъ въ результатѣ оказалось бы — вслѣдствіе наследственной передачи организаціи — постепенное увеличеніе числа женщинъ, болѣе похожихъ на мужчинъ, и уменьшеніе числа женственныхъ. Словомъ, если пренебречь принципомъ раздѣленія труда и поощрять конкуренцію обоихъ половъ въ однихъ и тѣхъ же областяхъ труда, то этимъ будетъ ослабляться половой диморфизмъ.

Но мы уже видѣли выше, что диморфизмъ является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ, съ помощью которыхъ природа препятствуетъ накопленію отдѣльныхъ ненормальныхъ чертъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вырожденію расы. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ диморфизма возрастетъ и число индивидуумовъ, неблагоприятно уклоняющихся отъ нормальнаго типа. Существуетъ еще средство, которое могло бы исправить гибельныя для расы послѣдствія такого печальнаго положенія, а именно: усиленное дѣтворожденіе, но при этомъ условіи среди самого потомства образовался бы усиленный естественный подборъ, подѣ влияніемъ ко-

того былъ бы истребленъ наиболѣе многочисленный элементъ выродившихся индивидуумовъ.

Но не говоря уже о томъ, что для человѣчества вовсе не желательно, чтобы такая жестокая форма естественнаго подбора приняла широкіе размѣры, — нельзя вѣдь и ожидать, чтобы усиленное дѣторожденіе могло осуществиться. Уже и теперь конкуренція съ мужчиной въ одинаковыхъ областяхъ труда сильно затрудняетъ для женщины то, что мы прежде назвали обще-біологическимъ терминомъ заботы о дѣтенышахъ, а если бы значительно усилилось дѣторожденіе, то она и совсѣмъ стала бы невозможной.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, мы должны придти къ слѣдующимъ выводамъ. Раздѣленіе половъ было однимъ изъ средствъ, способствовавшихъ усовершенствованію животныхъ организмовъ и сочетанію первичнаго полового диморфизма съ множествомъ вторичныхъ половыхъ различій, и привело къ раздѣленію труда, — единственному пути, при которомъ возможно интенсивное вращиваніе потомства. Эта интенсивная забота о потомствѣ, въ свою очередь, служила средствомъ необычайнаго совершенствованія организациі, при чемъ путемъ полового соединенія очень разнородныхъ индивидуумовъ, въ особенности подъ вліяніемъ инстинкта компенсаціи, оно противодѣйствовало накопленію явленій вырожденія. Въ свою очередь, изъ этого вытекаетъ возможность сохраненія и дальнѣйшаго совершенствованія расы при умѣренномъ — сравнительно со многими низшими организмами — дѣторожденіи. Эта умѣренная плодовитость очень существенно должна была ослабить жестокость борьбы за существованіе у человѣческой расы. Отсюда слѣдуетъ, что если бы мы сдѣлали цѣлью нашихъ стремленій конкуренцію обоихъ половъ въ однѣхъ и тѣхъ же областяхъ труда, то намъ пришлось бы пройти весь указанный путь обратно, — къ возрастающей дегенераціи, къ усиленному дѣторожденію, къ увеличенію числа недоброкачественныхъ индивидуумовъ и т. д.

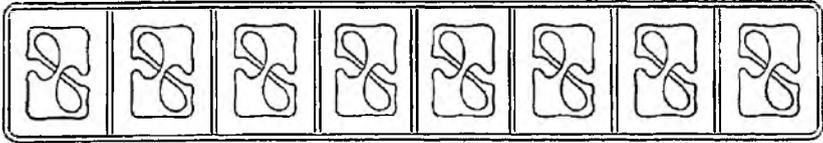
Р. Косманъ.

По фотографіи Д. Андерсона въ Римѣ.

Рис. 28. Гермафродитъ изъ національнаго музея въ Римѣ; древнее фантастическое изображеніе, соединявшее въ одной и той же фигурѣ характерныя черты обоихъ половъ.

Мужчина.

Глава первая.

Строение человеческого тѣла.

Прив.-доп. д-ръ Отто Гроссеръ (Вѣна).

При разсмотрѣніи различій между мужчиной и женщиной, намъ часто придется имѣть дѣло со многими подробностями анатоміи человѣка. Чтобы не отвлекаться въ изложеніи отъ нашего предмета — отъ самого сравненія — для объясненія анатомическихъ основъ этого различія, мы предпошлемъ изложенію краткій обзоръ строения человеческого тѣла. По соображеніямъ чисто внѣшняго свойства, принимая во вниманіе, главнымъ образомъ, общій планъ всего сочиненія, мы помѣщаемъ означенный обзоръ въ отдѣлъ „Мужчина“; однако, мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть не анатомію мужчины, а анатомію человѣка вообще — въ тѣхъ общихъ чертахъ, какихъ требуетъ наша задача. Въ настоящее время сравнительная анатомія легла въ основу нашихъ воззрѣній на человѣка; половыя различія также заставляютъ насъ неоднократно обращаться къ сравненію человѣка съ животнымъ. Въ виду сказаннаго, необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ, освѣтить и отношенія человѣка къ животному царству.

Подраздѣленіе тѣла на туловище и конечности указываетъ намъ на тотъ фактъ, выясненный теоріей происхожденія видовъ, что конечности, составляющія, въ сущности, двигательный аппаратъ, являются частями, приобретенными во время процесса развитія. Въ классѣ рыбъ мы и теперь еще можемъ найти указанія въ цѣломъ рядѣ существующихъ видовъ на то, какъ приблизительно совершался этотъ процессъ развитія конечностей. Подраздѣленіе тѣла на голову, шею и туловище также представляетъ собой дальнѣйшую ступень развитія, берушую свое начало отъ формъ болѣе простыхъ; шея представляетъ собою какъ разъ самое недавнее приобретение, появляющееся впервые отчетливо у пресмыкающихся. Туловище мы подраздѣляемъ на грудной и брюшной отдѣлы — приобретение, сдѣланное наиболѣе развитыми классами позвоночныхъ — птицами и млекопитающими. Обособленіе въ брюшномъ отдѣлѣ таза въ видѣ отдѣльной, равноцѣнной части тѣла представляетъ состояніе, которое свойственно только наивысше организованнымъ формамъ и достигаетъ своего полнаго развитія собственно лишь у человѣка, такъ какъ связано съ приобретениемъ вертикальнаго положенія тѣла. Последнее является также причиной значительнаго различія

между обѣими парами конечностей, строеніе которыхъ представляетъ между собой гораздо больше сходства у видовъ, менѣе высоко организованныхъ.

На головѣ, представляющей у пизшихъ животныхъ самую переднюю при движеніи часть тѣла, развились весьма важныя органы чувствъ и челюсти, необходимыя для схватыванія и удерживанія, а равно для размельченія пищи. Вслѣдъ за развитіемъ органовъ чувствъ въ области головы послѣдовало развитіе нервнаго центра, мозга. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи мозгъ пріобрѣтаетъ все большій и большій объемъ; вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и костный футляръ, въ которомъ заключенъ мозгъ. Такимъ образомъ, мозговой черепъ, еще не обособленный вполнѣ даже у пресмыкающихся, у высшихъ животныхъ развивается въ отдѣльную часть скелета головы; глазныя орбиты и носовая часть, представляющія костную опору для органовъ чувствъ (при чемъ послѣдняя связывается съ началомъ дыхательнаго аппарата), вмѣстѣ съ челюстнымъ аппаратомъ образуютъ скелетъ лица (ср. рис. 29). Въ цѣломъ рядѣ млекопитающихъ, по мѣрѣ ихъ восхожденія на высшія ступени развитія, скелетъ лица постепенно уменьшается, въ сравненіи съ увеличивающимся черепомъ, и принимаетъ, наконецъ, у человѣка минимальныя размѣры.

Рис. 29. Черепъ человека въ разрѣзѣ.
По Ранке.
Мозговой и лицевой черепа обозначены болѣе толстыми линиями.

По формѣ, человѣческіе черепа раздѣляются, сообразно отношенію между продольнымъ и поперечнымъ діаметромъ, на два главныхъ типа, — на длинноголовые и короткоголовые (долихоцефалы и брахицефалы), но они не представляютъ собой рѣзко обособленныхъ группъ, а связаны между собою переходными формами. Какъ расовый признакъ, которому еще недавно антропология придавала очень большое значеніе, это различіе не представляетъ особенной цѣнности — по крайней мѣрѣ, для европейскихъ народовъ. Среди нихъ живущихъ народовъ Европы фактически встрѣчаются черепа самыхъ различныхъ формъ.

Важнѣйшимъ факторомъ, влияющимъ на величину, а также и на форму черепа, является головной мозгъ. Обыкновенно наблюдается извѣстное соотношеніе между особенностями формы черепа и поверхности мозга — его извилинами. У насъ еще мало безспорныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о томъ, какая изъ двухъ формъ черепа должна быть признана высшей, какая изъ нихъ болѣе соответствуетъ въ среднемъ — у европейцевъ — большому развитію умственныхъ способностей. Въ общемъ, сравненія съ животными и съ низшими человѣческими расами приводятъ къ тому выводу, что короткоголовость представляетъ высшую форму, и что, слѣдовательно, поперечный діаметръ черепа

увеличивается скорѣе, чѣмъ продольный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мозгъ развивается больше всего въ ширину.

Изъ отдѣльныхъ частей головного мозга — большого, малого и продолговатаго — для нашей цѣли важнѣе всего первая, большой мозгъ, въ которомъ сосредоточены процессы мышленія. Большой мозгъ состоитъ изъ двухъ довольно симметричныхъ половинъ, мозговыхъ полушарій. Поверхность полушарій покрыта мозговой корой, состоящей преимущественно изъ нервныхъ клѣтокъ. Она образуетъ множество складокъ, которыя называются мозговыми извилинами. Помощью системы поперечныхъ волоконъ, полушарія соединены другъ съ другомъ, при помощи же другихъ пучковъ волоконъ отдѣльныя извилины связываются между собою. По своей величинѣ и развитію большой мозгъ представляетъ наибольшія индивидуальныя колебанія среди остальныхъ частей головного мозга.

Почти весь сводъ черепа соприкасается съ большимъ мозгомъ, и лишь нижняя половина задней части черепа прилегаетъ къ малому мозгу, мозжечку, который завѣдуетъ регулированіемъ болѣе сложныхъ процессовъ движенія. Продолговатый мозгъ, связывающій большой и малый мозгъ между собой и со спиннымъ мозгомъ, располагается на нижней стѣнкѣ черепа и на его форму оказываетъ лишь незначительное вліяніе. Служа для регулированія процессовъ дыханія и кровообращенія, онъ является самой важной и даже единственной изъ всѣхъ частей мозга, безусловно необходимой для жизни. Въ связи съ этимъ, повидимому, и форма его бываетъ всегда однородна.

Колебанія объема, а слѣдовательно, и вѣса, головного мозга обуславливаются преимущественно колебаніями въ величинѣ большого мозга. Но заключать о степени и силѣ умственныхъ способностей на основаніи вѣса мозга слѣдуетъ съ большою осторожностью; несомнѣнно, что небольшія различія существеннаго значенія не имѣютъ. Въ общемъ, можно сказать, пожалуй, что выдающіеся люди обладаютъ сравнительно тяжелымъ головнымъ мозгомъ; но извѣстные до сихъ поръ наибольшіе по вѣсу мозги принадлежали людямъ, не отличающимся никакими особенными способностями, при чемъ нерѣдко случалось даже находить ненормально тяжелый мозгъ у индивидуумовъ, умственно очень слабо развитыхъ или больныхъ. Съ другой стороны, мозгъ небольшого вѣса встрѣчался и у людей выдающихся умственныхъ способностей (Гамбетта, Гаусманъ, придавшій городу Парижу въ царствованіе Наполеона III его теперешній видъ, анатомъ Гидеманъ).

Несомнѣнно, что при взвѣшиваніяхъ мозга, какъ доказываетъ Маршанъ, очень трудно рѣшить, какія болѣзненные причины вызвали увеличеніе вѣса головного мозга; возможно, что всѣ подобные случаи должны быть объяснены вліяніемъ перенесеннаго въ дѣтствѣ рахита. Опредѣляя средней вѣсъ мозга мужчины въ 1,400 граммовъ, Маршанъ говоритъ о Кювьё (вѣсъ головного мозга 1,830 гр.) и о Тургеневѣ (вѣсъ 2,012 гр.), что „они отличались особенно большими умственными способностями“ (можно сказать, несмотря на свой ненормальный мозгъ).

Разнообразіе въ формѣ мозговой поверхности, обиліе мозго-

выхъ извилинъ также не служить безспорнымъ признакомъ умственныхъ способностей. Быть можетъ, этотъ признакъ слѣдуетъ искать, какъ указываетъ Цукеркандль, въ обилии волоконъ, соединяющихъ отдѣльныя части головного мозга, — въ „ассоціаціонныхъ путяхъ“; но для этого мы не имѣемъ данныхъ.

Правильная критическая оцѣнка вопроса о величинѣ мозга можетъ быть дана въ связи съ данными сравнительной анатоміи и нѣкоторыми простыми лишь математическими выкладками. Что существеннѣйшее различіе между человѣческимъ и животнымъ организмомъ заключается въ развитіи головного мозга, — это общезвѣстно и вѣрно, но безусловно невѣрно, что изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ обладаетъ наибольшимъ мозгомъ. У большихъ млекопитающихъ — у слона, кита, дельфина и т. п. — головной мозгъ крупнѣе и вѣситъ больше; у кита, напр., встрѣчается мозгъ, превосходящій по вѣсу въ пять разъ средній человѣческой мозгъ. Даже въ смыслѣ относительнаго вѣса мозга (т. е. отношеніе его вѣса къ вѣсу всего тѣла, выраженное, напр., въ процентахъ) человѣкъ вовсе не занимаетъ перваго мѣста въ ряду животныхъ: большинство птицъ и мелкихъ млекопитающихъ превосходятъ его въ этомъ отношеніи. Объясняется это тѣмъ, что поверхность меньшаго тѣла сравнительно (т. е. въ сравненіи съ объемомъ) больше поверхности крупнаго тѣла. Сравнимъ, напримѣръ, шаръ, поверхность котораго равна квадратному метру, съ шаромъ, объемъ котораго представляетъ одну тысячную часть объема перваго, — т. е. представимъ себѣ оба шара изъ одинаковаго вещества, только одинъ будетъ вѣсить въ тысячу разъ меньше другого, — тогда поверхность этого послѣдняго будетъ уменьшена не въ тысячу, а лишь въ сто разъ. Вотъ почему сравнительно большая поверхность маленькаго животного, со всѣми его аппаратами для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній посредствомъ органовъ чувствъ, требуетъ и сравнительно болѣе крупнаго центральнаго органа.

Что касается богатства извилинами головного мозга, то, въ этомъ отношеніи, мозгъ человѣка также занимаетъ не первое мѣсто въ ряду животныхъ, такъ какъ выше его стоитъ мозгъ морскихъ млекопитающихъ. Несмотря на это человѣческой мозгъ занимаетъ все же первенствующее мѣсто. Во-первыхъ, среди тѣхъ крупныхъ животныхъ, поверхность тѣла которыхъ не мѣшаетъ правильному расчету въ указанномъ выше смыслѣ, онъ вѣситъ относительно несравненно больше. Во-вторыхъ, та часть мозга, которую мы должны разсматривать, какъ вмѣстилише умственныхъ способностей, своей массой значительно превосходитъ остальные части мозга, — несравненно больше, чѣмъ у какого-либо другаго животнаго. Наконецъ, среди мозговъ, всѣхъ животныхъ, мозгъ человѣка гораздо обильнѣе снабженъ тѣми образованіями, которыя соединяютъ отдѣльныя части мозга между собой и обуславливаютъ ихъ совокупное дѣйствіе, — фалтъ, которому надо приписать, какъ мы выше указывали, различія между отдѣльными мозгами.

Мы уже говорили, что глазныя орбиты, кости носа и челюстной аппаратъ составляютъ лицевую часть черепа. Въ указанныхъ частяхъ черепа, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются

Мужчина и женщина. I

Г-но „Прощенье“ въ Сло.

Фарнезскій Геркулесь.

Античная скульптура въ Неаполитанскомъ Национальн. Музеѣ.
(По фотографіи Нов. Фотограф. Общества въ Берлинѣ.)

очень прочнымъ строеніемъ, мы часто находимъ приспособленіе, имѣющее цѣлю соединить прочность костей съ возможно меньшимъ вѣсомъ ихъ, а именно: кости снабжены твердой и плотной наружной стѣнкой, но внутри онѣ полныя и наполнены воздухомъ. Подобнаго рода полости, непосредственно связанныя съ носовой полостью, мы видимъ, напримѣръ, въ верхней челюсти и въ лобной кости. Защиту глаза обуславливаетъ, главнымъ образомъ, сильное развитіе лобной кости, которая образуетъ надъ глазомъ возвышеніе въ видѣ такъ назыв. надбровной дуги (см. рис. 12 во II ч. этого тома). У животныхъ, въ особенности у гориллы, это возвышеніе развито еще сильнѣе и указываетъ намъ на то, что оно, дѣйствительно, предназначено играть роль защитительнаго органа въ борьбѣ съ внѣшними условіями.

Самымъ выдающимся признакомъ лицевой части черепа животныхъ является высокая степень развитія челюстного аппарата, цѣль котораго не только размельчать пищу, но и служить орудіемъ для защиты и нападенія. Здѣсь также сказывается вліяніе борьбы съ внѣшними условіями. Но у человѣка, параллельно съ многостороннимъ пользованіемъ верхними конечностями и изобрѣтеніемъ оружія, требовавшимъ только работы рукъ, шло обратное развитіе челюстного аппарата.

Костной опорой шеи является позвоночный столбъ, шейная часть котораго, очень подвижная, вмѣстѣ съ суставами, связывающими его съ черепомъ, обуславливаютъ собой подвижность головы. Сзади и съ боковъ вся шейная часть позвоночника покрыта мускулами, часть которыхъ управляетъ движеніями головы и туловища, другая же часть направляется къ верхнимъ конечностямъ. Среди нихъ самую важную роль играетъ трапецевидный мускулъ, который идетъ отъ затылка и позвоночника до середины спины и образуетъ своей верхней частью боковня очертанія шеи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда затылокъ очень широкъ — „бычачій затылокъ“, — какъ, напр., у „Фарнесскаго Геркулеса“ (см. рис. на отд. листѣ), это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ особенно сильнаго развитія именно указаннаго мускула.

Спереди шейной части позвоночника, между парой мускуловъ, идущихъ отъ головы къ грудной кости и ключицѣ и обыкновенно явственно выступающихъ подъ кожей, лежатъ внутренніе органы шеи: глотка и пищеводъ, гортань и дыхательное горло и щитовидная железа, а съ боковъ къ нимъ примыкаютъ большіе кровеносные сосуды головы и важные нервные стволы. Изъ озапаченныхъ органовъ намъ здѣсь интересно рассмотреть подробно лишь гортань. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда хрящей, которые подвижно соединены между собой, приводятся въ движеніе мускулами и окружаютъ собою полость, выстланную слизистой оболочкой. Основую гортани служитъ перстневидный хрящъ, самое названіе котораго указываетъ на его форму. На немъ расположенъ щитовидный хрящъ. Кромѣ того, въ составъ гортани входятъ еще надгортанный хрящъ и три симметричныхъ пары болѣе мелкихъ хрящей. Изъ всѣхъ хрящей гортани особенно сильно развитъ щитовидный хрящъ, состоящій изъ двухъ пластинокъ, которыя спереди связаны между собою поперечнымъ мостикомъ, а сзади соединены при помощи сочлененія съ коль-

певиднымъ хрящемъ. Такъ какъ мѣсто соединенія обѣихъ пластинокъ уже послѣднихъ, то верхнй край щитовиднаго хряща снабженъ довольно глубокой выемкой, которую легко ошупать у живого человѣка. На возвышенномъ заднемъ краѣ кольцевиднаго хряща расположены суставно связанные съ нимъ мелкіе хрящи, между переднимъ краемъ которыхъ и серединой щитовиднаго хряща натянуты голосовыя связки, представляющія собой, въ сущности, мускульныя тяжи (ср. рис. 23 и 24 во II ч. наст. тома); ихъ длина, и стоящая въ связи съ этимъ высота звука, обуславливается прежде всего размѣромъ гортани, затѣмъ степенью выпуклости щитовиднаго хряща, а слѣдовательно, длиною обѣихъ его пластинокъ и характеромъ ихъ изгиба и соединенія по средней линіи.

Какъ въ области шеи, такъ и въ области туловища, позвоночный столбъ является той основой, на которой покоится вся эта часть тѣла. Онъ представляетъ собой не прямой столбъ, а изогнутъ въ видѣ буквы S, при чемъ въ грудной части туловища обращенъ выпуклостью кзади (грудной изгибъ), въ поясничной же части выдается напередъ (поясничнй изгибъ). Къ послѣдней примыкаетъ тазовая часть позвоночника, крестецъ, который состоитъ изъ слившихся другъ съ другомъ позвонковъ и обращенъ своею выпуклостью кзади (ср. рис. 16 и 17 во II ч. наст. тома).

Въ грудной части боковыя стѣнки туловища также образованы изъ костей, реберъ, которыя назади суставно соединены съ позвоночникомъ, а спереди (за исключеніемъ двухъ послѣднихъ реберъ) прикрѣплены своей хрящевой частью либо прямо, либо при посредствѣ хрящей другихъ реберъ къ грудной кости и соединены между собой мышцами, вслѣдствіе чего вся грудная клѣтка оказывается совершенно замкнутой. Внизу она ограничена грудобрюшной преградой, которая начинается отъ нижнихъ реберъ и дугъ, образованныхъ ихъ хрящевыми концами, а также отъ позвоночника и грудной кости, и задается на подобіе свода кверху, въ полость костной грудной клѣтки. Въ образованной такимъ путемъ грудной полости заключаются сердце и легкія.

Грудобрюшная преграда представляетъ самую важную дыхательную мышцу. Во время ея сокращенія опускается образуемая ею выпуклость, и такимъ образомъ расширяется грудная полость. Вслѣдствіе давленія воздуха, благодаря которому легкія всегда прижаты къ грудной стѣнкѣ, они также должны расширяться. При этомъ брюшная полость уменьшается, но затѣмъ, при болѣе сильномъ выпячиваніи брюшной стѣнки, снова принимаетъ прежнй свой размѣръ. Такого рода дыханіе называется грудобрюшнымъ, или брюшнымъ. Но расширеніе грудной полости происходитъ и другимъ путемъ, который играетъ роль при такъ назыв. боковомъ, или грудномъ, дыханіи. Такъ какъ ребра, сочлененно связанные, какъ мы уже упоминали, съ позвоночникомъ, идутъ наклонно кзади и сверху напередъ и внизъ, то грудная кость не только поднимается, когда поднимаются ребра, но и отодвигается отъ позвоночника. Этому способу расширенія грудной клѣтки служатъ частію спеціальныя подниматели реберъ, частію же межреберныя мускулы.

Къ грудной кости прикрѣплены посредствомъ сочлененій ключицы, которыя вмѣстѣ съ лопатками составляютъ плечевой поясъ; онъ поддерживаетъ верхнія конечности и обуславливаетъ собой ширину верхней части туловища, или ширину плечъ.

Область живота ограничена костями только кзади, въ поясничной части позвоночника, передняя же и боковыя стѣнки ея состоятъ изъ одной только мускулатуры. Благодаря этому,

стѣнки живота во всякое время могутъ приспособиться къ крайне измѣнчивымъ размѣрамъ брюшныхъ органовъ. Въ особенности различны размѣры пищеварительныхъ органовъ, зависящіе отъ рода и количества принятой пищи; у женщины во время беременности происходитъ сильное увеличеніе полости живота по мѣрѣ роста младенца, поднимающагося изъ таза въ полость живота. Изъ всѣхъ тканей тѣла одна лишь мышечная ткань обладаетъ способностью быстро приспособляться къ такимъ значительнымъ измѣненіямъ въ размѣрахъ, какія приходится, напримѣръ, испытывать стѣнкамъ живота въ теченіе родовъ.

Съ боковъ полость таза также ограничена костями; кверху она продолжается въ брюшную полость, а книзу, въ области тазового выхода, она замыкается особой мышечной пластинкою, черезъ которую проникаютъ нижній отдѣлъ кишечника и отводящіе мочу и половые продукты пути.

Костная часть таза представляетъ собой сводъ, назначеніе котораго заключается въ томъ, чтобы передать тяжесть туловища съ позвоночнаго столба на нижнія конечности. Она состоитъ изъ трехъ костей: двухъ безыменныхъ (каждая изъ нихъ, въ свою очередь, пронзшла путемъ сліянія трехъ костей — подвздошной, сѣдалищной и лобковой) и крестца. Обѣ первыя связаны спереди между собой, а сзади — съ крестцомъ, истиннымъ, но очень мало подвижнымъ сочлененіемъ. Нижнія конечности прикрѣпляются при помощи тазобедренного сочлененія къ наружной поверхности безыменной кости (ср. рис. 18, 19, 21, 22 во II ч. наст. тома).

Тазъ раздѣляется на двѣ главныя части, называемыя большимъ и малымъ тазомъ. Границу между большимъ и малымъ тазомъ образуетъ съ боковъ изгибъ безыменной кости, а сзади — промежутокъ между поясничной частью позвоночника и крестцомъ. Полость большого таза ограничивается съ боковъ широкими и плоскими подвздошными костями, составляющими верхнюю часть безыменныхъ костей. (Чѣмъ больше разстояніе между свободными краями подвздошныхъ костей, тѣмъ шире тазъ; ширину его можно измѣрить на живомъ человѣкѣ, такъ какъ эти края, гребни подвздошныхъ костей, лежатъ подъ кожей.) Спереди подобной границы нѣтъ, и мышечная стѣнка живота простирается до малаго таза. Сзади въ ограниченіи большого таза принимаетъ участіе конечный отдѣлъ поясничной части позвоночника. Все это пространство соединено съ полостью живота и не ограничено отъ него рѣзко.

Полость малаго таза имѣетъ иной видъ. Она начинается у входного отверстия таза, которое соответствуетъ линіи, отдѣляющей большой тазъ отъ живота и представляющей замкнутую линію, приближительно въ видѣ окружности; заканчивается малой тазъ выходнымъ отверстіемъ, ограниченнымъ частью костями, частью сухожильными связками. Костную границу его составляютъ нижній концы крестцовой кости вмѣстѣ съ копчиковой костью, а затѣмъ два большихъ бугра, принадлежащихъ сѣдалищной кости, получившей свое названіе отъ того, что она служитъ опорой туловищу при сидѣніи и, наконецъ, изъ костныхъ перекладинъ, идущихъ отъ бугровъ сѣдалищной кости и замыкающихъ уголь лобковой кости. Связки идутъ отъ крестца и сѣдалищной кости частью къ названному бугру, частью къ лежащему позади него отростку той же кости.

Въ общемъ, полость малаго таза представляетъ приближительно форму цилиндра, но съ изогнутой осью, соответствующей изгибу его задней стѣнки, крестца. Въ немъ помѣщается прямая кишка, затѣмъ внутренніе половые органы и мочевой пузырь; но послѣдній лежитъ въ полости малаго таза, пока онъ не сильно переполненъ мочей; въ растянутомъ же состояніи онъ задается даже въ брюшную полость.

Входное отверстіе таза расположено не горизонтально, какъ это принимали анатомы до половины XIX столѣтія, а съ силь-

нымъ наклономъ напередъ; съ горизонтальной линіей онъ составляетъ уголъ приблизительно въ 60 градусовъ. Указанный наклонъ обусловленъ преимущественно сильнымъ изгибомъ поясничной части позвоночнаго столба (ср. рис. 16 и 17 во II ч. наст. тома).

Къ костному тазу примыкаетъ бедренная кость; мы должны упомянуть здѣсь и объ этой кости въ виду ея отношенія къ половымъ различіямъ. Она имѣетъ видъ (ср. рис. 6 и 7 во II ч. наст. тома) длиннаго стержня или трубки, на задней поверхности которой находится идущій въ продольномъ направленіи гребешокъ, служащій для прикрѣпленія мускуловъ; нижній конецъ бедра имѣетъ суставную поверхность для сочлененія съ верхнимъ широкимъ концомъ большой берцовой кости въ колѣнномъ суставѣ, а верхній конецъ заканчивается шарообразной головкой, сидящей на косо поставленной шейкѣ бедренной кости. Соединяется бедренная кость съ тазомъ при помощи тазобедреннаго сочлененія. На мѣстѣ перехода шейки въ стержень находится бугоръ, большой вертелъ, служащій для прикрѣпленія мышцъ. (Малымъ вертеломъ называется бугорокъ меньшей величины, который лежитъ нѣсколько ниже большаго и служитъ также для прикрѣпленія мышцъ.)

Рис. 30. Ребенокъ въ возрастѣ 6-ти дней. По Штрафъ.

Разстояние между обоими большими вертелами, лежащими непосредственно подъ кожей, опредѣляетъ собою наибольшую ширину бедеръ и даетъ возможность опредѣлить ширину и объемъ таза и на живомъ человѣкѣ, что особенно важно въ акушерствѣ.

Верхняя и нижняя конечности состоятъ въ общемъ изъ одинаковыхъ костей и имѣютъ большей частью вполне сходные мускулы; развѣтвленія кровеносныхъ сосудовъ и нервовъ также имѣютъ большое сходство. Но отдѣльныя части каждой конечности предназначены для различной работы и потому и различаются между собою по формѣ. Верхнія конечности обладаютъ всесторонней подвижностью и являются органами, приспособленными для работы и схватыванія, между тѣмъ какъ нижнія конечности предназначены исключительно для подержанія тѣла и передвиганія его.

Къ элементамъ, которые принимаютъ участіе въ строеніи человѣческаго и животнаго тѣла и отъ которыхъ зависитъ вышній видъ, принадлежатъ, главнымъ образомъ, скелетъ, мускулы и жиръ; они въ то же время образуютъ и вмѣстилища для внутреннихъ органовъ.

Въ составъ скелета, какъ уже упомянуто выше, входятъ кости и хрящи. Костная ткань, имѣющая довольно сложное микроскопическое строеніе, отличается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что содержитъ довольно большое количество известковыхъ солей, придающихъ ей значительную крѣпость. Гораздо меньшей плотностью отличается хрящевая ткань, имѣющая и совершенно иное микроскопическое строеніе.

Мускулатура представляетъ собою ткань, элементами которой являются микроскопически-тонкія и длинныя волокна, называемыя мускульными (или мышечными) волокнами; они образуютъ собою мясо, значеніе котораго, какъ питательнаго матеріала, зависитъ отъ обилія въ немъ белковыхъ тѣлъ. То,

что при разсматриваніи свѣжаго мяса кажется намъ въ видѣ мясного волокна, въ дѣйствительности, представляетъ собою пучокъ многочисленныхъ мышечныхъ волоконъ.

Жиръ состоитъ изъ шаровидной формы жировыхъ кѣлокъ, изъ которыхъ каждая содержитъ внутри большую каплю жира, при чемъ составныя части кѣлокъ, ядро и протоплазма, занимаютъ второстепенное мѣсто. Жировая ткань образуетъ непрерывный слой подъ кожей и представляетъ, какъ плохой проводникъ тепла, средство защиты тѣла отъ потери тепла. Кроме того, она помѣщается между отдельными органами и заполняетъ промежутки между ними.

Величина человеческого тѣла и раздѣленіе его на отдѣлы обуславливается, главнымъ образомъ, его скелетомъ; теорія соразмѣрности частей есть, въ сущности, теорія соотношенія частей скелета. Мускулатура даетъ поверхности тѣла, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ скелетъ непосредственно прилегаетъ къ кожѣ, основу для его формъ, для общаго рельефа; только на черепѣ она занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Въ области лица въ формированіи поверхности принимаетъ участіе не только скелетъ, но и другой важный формирующий факторъ, жиръ. Но и въ остальныхъ частяхъ тѣла мы видимъ у всякаго не исхудавшаго человѣка вліяніе жировой ткани на образованіе формы поверхности; она сглаживаетъ или даже совершенно скрываетъ мышечные рельефы и скопляется на нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на груди, на животѣ и на ягодицахъ, въ довольно значительномъ количествѣ.

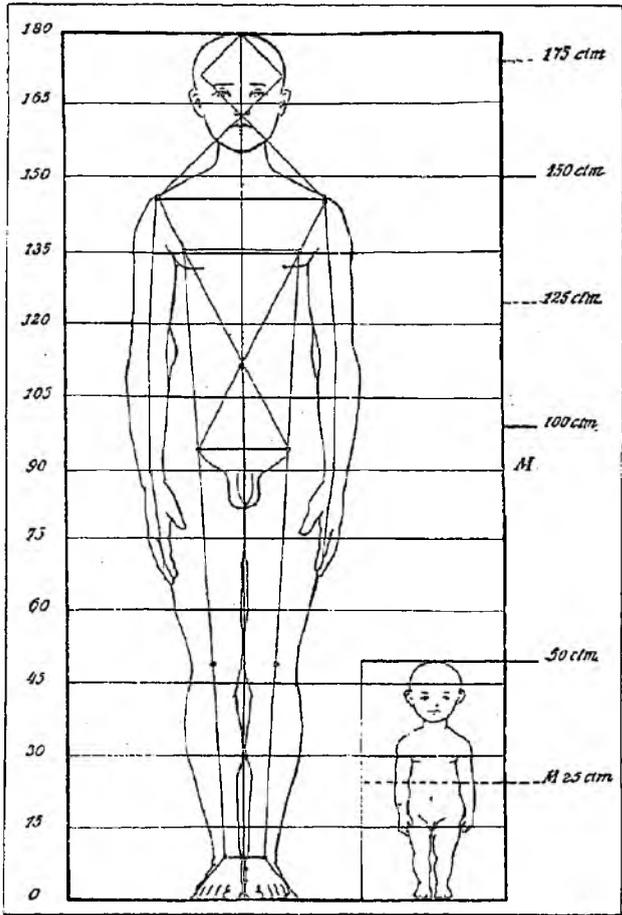

Рис. 31. Отношенія размеровъ отдѣльныхъ частей тѣла у взрослого и новорожденнаго. По Штрацъ.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла на внѣшнія формы оказываютъ большое вліяніе еще и внутренніе органы; это въ особенности замѣчается на шеѣ, гдѣ часто выдаются гортань и щитовидная железа, и въ области живота, форма и величина котораго находятся подъ вліяніемъ величины и временнаго увеличенія брюшныхъ органовъ. Наоборотъ, вліяніе кровеносной и нервной системы на внѣшнія формы является весьма незначительнымъ, и лишь мѣстами только сосуды и нервы выступаютъ замѣтно подъ кожей въ видѣ тяжей.

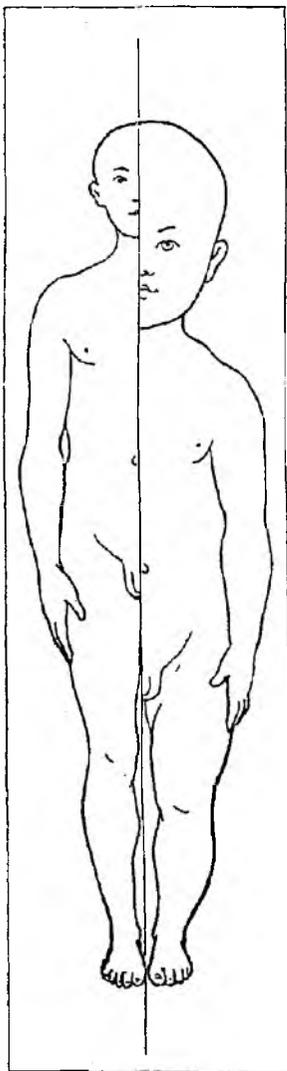

Рис. 32. Новорожденный и взрослый при одинаковыхъ размѣрахъ тѣла. По Штраць:

Но, какъ мы уже замѣтили, одна часть нервной системы, головной мозгъ, имѣетъ большое значеніе для образованія формы тѣла, благодаря тому вліянію, которое онъ оказываетъ на скелетъ, именно, на черепную крышку. Этотъ фактъ лишній разъ указываетъ намъ, что всѣ органы находятся во взаимной зависимости другъ отъ друга, что тѣло cadaго живого существа представляетъ извѣстный компромиссъ между требованиями отдѣльныхъ органовъ въ отношеніи пространства и пищи для себя; вмѣстѣ съ тѣмъ во время развитія каждый органъ стремится усовершенствоваться по возможности свои функции. Функция обуславливаетъ собой форму, и послѣдняя можетъ быть понята лишь тогда, когда понятна вполнѣ первая. Съ этой точки зрѣнія должны быть разсматриваемы и различія между полами, хотя въ настоящее время, правда, нами сдѣланы еще только первые шаги въ этомъ отношеніи, и мнѣнія изслѣдователей сильно расходятся между собой.

Во всякомъ случаѣ, отдѣльный индивидуумъ не долженъ быть разсматриваемъ, какъ явленіе обособленное, а поставленъ въ связи съ жизнью всего вида, при чемъ вниманіе должно быть обращено также и на его развитіе. Вотъ почему намъ слѣдуетъ разсмотрѣть и характерныя особенности въ строеніи тѣла ребенка; это необходимо еще и потому, что многія особенности въ строеніи женщины представляютъ собою извѣстное сходство съ дѣтскимъ типомъ.

Двѣ системы органовъ налагаютъ своимъ необычайнымъ развитіемъ особую печать на образованіе дѣтскаго тѣла, — центральная нервная система, главнымъ образомъ, головной мозгъ, и пищеварительный аппаратъ. Въ сравненіи съ ними, двигательный аппаратъ,

скелетъ и мускулатура занимаютъ второстепенное мѣсто; недостаточность въ ихъ функціи восполняется материнскимъ уходомъ. Степень важности головного мозга сказывается уже въ раннемъ появленіи зачатка его у зародыша и въ быстромъ и сильномъ дальнѣйшемъ его развитіи; въ первые періоды развитія плода голова составляетъ почти половину величины всего тѣла.

Соотвѣтственно съ этимъ, и черепъ также измѣняетъ пропорціи дѣтскаго тѣла въ сравненіи съ отношеніями позднѣйшаго возраста. У взрослаго длина тѣла превосходитъ, въ среднемъ, величину головы въ семь съ половиною разъ, между тѣмъ какъ у новорожденнаго тѣло всего лишь вчетверо длиннѣе головы (ср. рис. 30). При этомъ лицевая часть черепа поразительно мала, потому что жидкая пища не требуетъ аппарата для жеванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ зубы еще не успѣли развиться. Далѣе, въ области туловища особенно обращаетъ на себя вниманіе своей величиной и выпуклостью брюшной отдѣлы, при чемъ почти всѣ заключенные въ брюшной полости органы также сравнительно тяжелѣе, чѣмъ у взрослаго. Грудная клѣтка, наоборотъ, сравнительно мала, — она короче и относительно болѣе выпукла, чѣмъ у взрослаго.

Значительное различіе наблюдается также въ собственно двигательномъ аппаратѣ — въ конечностяхъ, въ особенности въ нижнихъ. У новорожденнаго ноги едва достигаютъ трехъ восьмыхъ общей длины тѣла, тогда какъ у взрослаго онѣ составляютъ половину или немного больше всей длины тѣла. Во время дальнѣйшаго роста отстаютъ, сравнительно, только головной мозгъ. Въ увеличеніи длины тѣла наибольшее, сравнительно, участіе принимаютъ нижнія конечности (ср. рис. 31 и 32).

Развитіе человѣка длится несравненно дольше, чѣмъ у многихъ животныхъ. Это обусловливается тѣмъ, что такой необычайно сложный аппаратъ, какъ головной мозгъ, требуетъ для своего полного развитія много времени. Сообразно съ этимъ, и продолжительность беременности у человѣка очень значительна, — ее превосходитъ только продолжительность беременности у самыхъ крупныхъ животныхъ; но къ этому надо еще прибавить и необычайно долгій сравнительно періодъ дѣтства, ставящій человѣка въ гораздо болѣе долгую зависимость отъ родительскаго ухода, чѣмъ это замѣчается у животныхъ.

Въ какой мѣрѣ указанное обстоятельство связано съ особенностями физической природы того и другого пола, — вопросъ этотъ долженъ быть рассмотрѣнъ отдѣльно, что мы и попытаемся сдѣлать во второй части настоящаго тома.

Глава вторая.

Половая и воспроизводительная дѣятельность мужчины.

Д-ръ мед. Альбертъ Молль (Берлинъ).

Чтобы уяснить себѣ половую и дѣтородную дѣятельность мужчины, необходимо знать тѣ органы, которые ей служатъ. Размноженіе человѣка происходитъ такимъ путемъ, что мужская и женская половыя клѣтки соединяются въ материнскомъ организмѣ (ср. стр. 4 и слѣд.). Мужскія половыя клѣтки содержатся въ сѣмени, которое готовится въ яичкахъ, или тестикулахъ, — мужскихъ половыхъ железахъ. Они принадлежатъ къ парнымъ железамъ, имѣютъ яйцевидную форму и лежатъ въ плотномъ мѣшкѣ изъ соединительной ткани, — въ такъ называемой мошонкѣ (рис. 33 а). Каждое яичко (рис. 33 б) состоитъ изъ особой ткани, приготовляющей половыя клѣтки, такъ называемой паренхимы яичка, и соединительнотканнаго остова, раздѣляющаго паренхиму на множество долекъ. Каждая долька состоитъ изъ многихъ, многократно изогнутыхъ и связанныхъ другъ съ другомъ сѣменныхъ канальцевъ, стѣнки которыхъ вырабатываютъ сѣмя. Сѣменные каналцы сливаются въ нѣсколько ходовъ, которые затѣмъ выходятъ изъ яичекъ.

Они переходятъ въ придатокъ яичка (рис. 33 с и 37 а), имѣющій видъ продолговатаго, сверху утолщеннаго тѣла (рис. 37 б), которое верхнею своею частью, такъ называемою головкой придатка, прикрѣпляется назади къ яичку. Многократно извиваясь (рис. 34 а), они оставляютъ придатокъ у его нижняго конца, и сливаются въ одинъ каналъ, — сѣмевыносящій протокъ (рис. 33 д и 34 б). Такимъ образомъ, этотъ послѣдній представляетъ собой выводной протокъ яичекъ и проводитъ поступившую въ него сѣменную жидкость. Затѣмъ онъ проходитъ черезъ паховый каналъ въ брюшную полость и направляется дальше внизъ.

Прежде чѣмъ слѣдить за нимъ дальше, пѣлесообразно будетъ познакомиться со строеніемъ мужского члена. Мы видимъ лишь переднюю часть послѣдняго (рис. 33 е), спускающуюся впереди мошонки, затымъ же часть его скрыта внутри тѣла. Передняя часть мужского члена образуетъ съ заднею, скрытою, его частью уголъ, который исчезаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, а именно — при напряженіи члена. Самую переднюю часть члена составляетъ головка (рис. 33 ф); она покрыта кожною складкой, —

крайней плотью, которая иногда удаляется, — по обрядовымъ соображеніямъ, какъ, напр., у восточныхъ народовъ, или же по медицинской надобности, когда, напр., она слишкомъ тѣсно охватываетъ головку.

Черезъ весь членъ проходитъ мочеиспускательный каналъ (рис. 35 а). Главную массу мужского члена составляютъ три пещеристыхъ тѣла. Два изъ нихъ (рис. 36 а), особенно сильно развитыя, спереди постепенно сходятся и соединяются въ одно тѣло, которое достига-

етъ задняго углубленія головки (рис. 35 б). Въ желобкѣ, образуемомъ указанными двумя тѣлами, лежитъ мочеиспускательный каналъ, помѣщающійся въ третьемъ пещеристомъ тѣлѣ (рис. 36 б). Пещеристыя тѣла состоятъ изъ губчатой ткани, въ полости которой открываются кровеносные сосуды. При наполненіи

этихъ полостей кровью, членъ необычайно увеличивается въ объемѣ, а именно — становится длиннѣе и толще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тверже. Обычно мягкій, членъ приобретаетъ плотность хряща, причемъ измѣняется и положеніе его — передняя, отвислая обычно часть, выпрямляется. Этотъ процессъ называется эрекціей, или напряженіемъ.

Только благодаря указанному измѣненію плотности члена при половомъ возбужденіи мужчина получаетъ возможность проникнуть въ женскіе половые органы, ввести въ нихъ сѣмя, а путемъ тренія вызвать или усилить сладострастное чувство у женщины.

Если прослѣдить мочеиспускательный каналъ по направленію къзади, то мы увидимъ, что онъ, изгибаясь приблизительно въ видѣ буквы S, сообщается съ мочевымъ пузыремъ (рис. 35 с) и представляетъ выводной протокъ послѣдняго. Задняя часть

По Швалье-Гольцъ, „Анатомическій атласъ“.

Рис. 33. Мужскіе половые органы, по удаленіи лѣвой стѣнки таза и при разсматриваніи сълѣва.

а — мочолка, б — яичко, с — придатокъ яичка, d — отводящій семя протокъ, е — мужской членъ, f — головка, g — предстательная железа, h — сѣменной пузырекъ.

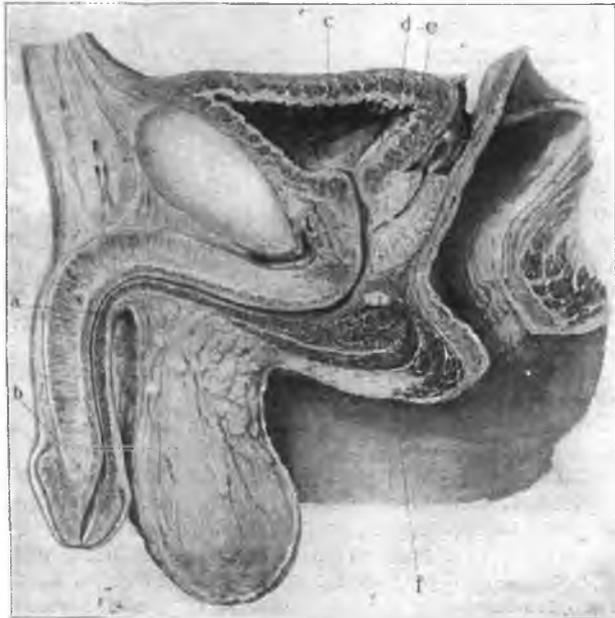
По Шпальтгольцу, „Анатомич. атласъ“.

Рис. 34. Правое яичко и придатокъ его съ наружной стороны по удаленіи одного отдѣла яичка. Придатокъ яичка отпрепарованъ. а — сѣмяные канальцы, б — сѣмявысѣяющій протокъ.

бачиваемое яичками сѣмя.

Нѣкоторымъ кажется нелѣпнымъ вопросъ, отчего сѣмя при такихъ условіяхъ не изливается постоянно. Вѣроятно, это объясняется совокупностью нѣсколькихъ причинъ. Прежде всего, стѣнки выводныхъ протоковъ очень мягки и легко сжимаются предстательной железой, вслѣдствіе чего сѣмя можетъ выдѣлиться наружу только при болѣе сильномъ давленіи, каковѣ производятъ,

мочепускательного канала окружена предстательной железой (рис. 33 g и 35 d), имѣющей приблизительно форму каштана. Она состоитъ изъ множества долекъ, которыя помощью двадцати или тридцати выводныхъ канальцевъ сообщаются съ мочепускательнымъ каналомъ. Позади предстательной железы лежатъ оба сѣменныхъ пузырька (рис. 33 h), по одному съ каждой стороны. Они представляютъ собою продолговатые образования съ бугорчатой поверхностью. Каждый сѣменной пузырекъ имѣетъ выводной протокъ, соединяющійся съ вышеописаннымъ сѣменнымъ протокомъ въ одинъ каналъ — выбрасывающій сѣмя каналъ (рис. 35 e). Этотъ послѣдній пропизываетъ предстательную железу и, наконецъ, открывается въ заднюю часть мочепускательнаго канала, который такимъ путемъ получаетъ возможность вывести наружу выра-

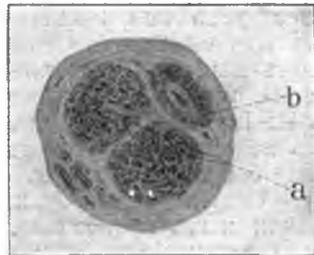

По Шпальтгольцу, „Анатомическій атласъ“.

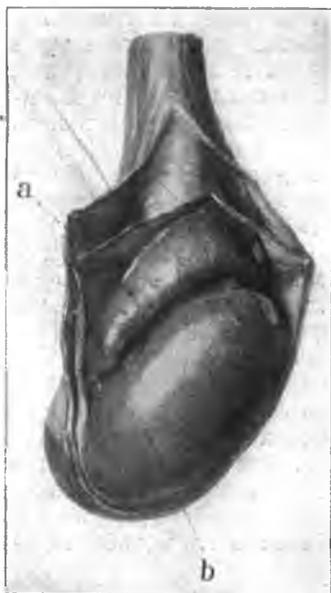
Рис. 35. Разрѣзъ черезъ середину мужск. полов. органовъ; правая половина при разсматриваніи съ лѣвой стороны. а — мочепускательный каналъ, б — головка мужского члена, с — мочевой пузырь, d — предстательная железа, e — выводной каналъ сѣменныхъ пузырьковъ, f — кунгуровыя железы.

напримѣръ, извѣстные мускулы во время совокупленія. Возможно также, что постоянному истеченію сѣмени препятствуетъ складка, расположенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ выбрасывающіе сѣмя протоки открываются въ мочеиспускательный каналъ; она дѣйствуетъ, какъ клапанъ, и сглаживается, исчезаетъ только при эрекции.

Что касается сѣмени, то, какъ уже было упомянуто выше, оно вырабатывается въ яичкахъ. Важнѣйшую часть сѣмени составляютъ сѣменные нити, или сѣменные тѣльца (рис. 36), которыхъ можно видѣть подъ микроскопомъ, даже при сравнительно небольшомъ увеличеніи. Онѣ разсматриваются, какъ клѣтки, снабжены головкой и длиннымъ хвостомъ и отличаются чрезвычайной подвижностью. Сѣмя изъ ялчечекъ поступаетъ въ выше описанные каналы, гдѣ и остается вплоть до выведенія его изъ организма. Изъ сѣменныхъ пузырьковъ къ сѣмени примѣшиваются нѣкоторыя вещества, значеніе которыхъ учеными еще не вполне выяснено. Кромѣ того, сѣмя, поступающая въ мочеиспускательный каналъ, нѣсколько измѣняется примѣсью выдѣленій нѣкоторыхъ другихъ железъ, въ особенности предстательной и такъ называемыхъ куперовыхъ (рис. 35 f) железъ, которыя расположены позади мочеиспускательнаго канала и открываются въ него.

По Швальтгольцу, „Анатом. атласъ“. Рис. 36. Поперечный разрѣзъ мужского члена. а — оба семенныхъ тѣла, б — третья семенное тѣло.

По Швальтгольцу, „Анатомич. атласъ“. Рис. 37. Правое яичко и придатокъ его, по вскрытіи оболочекъ, при разсматриваніи съ правой стороны. а — придатокъ яичка, б — яичко.

Выведеніе сѣмени происходитъ посредствомъ специальныхъ мускуловъ, равномерно сокращающихся подъ влияніемъ соответствующаго раздраженія и своимъ сокращеніемъ выбрасывающихъ сѣмя съ извѣстной силой. Эта сила индивидуально очень измѣлчива. Точно такъ же количество сѣмени, выдѣляемое при каждомъ половомъ актѣ, подвержено сильнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ. После долгаго воздержанія количество сѣмени бываетъ большимъ, а всего больше оно въ періодъ самой интенсивной половой дѣятельности. Предполагаютъ, что въ возрастѣ между 25 и 35 годами при каждомъ половомъ актѣ выдѣляется въ среднемъ 8 грам. сѣмени.

Выдѣленіе сѣмени представляетъ собою при нормальныхъ условіяхъ очень сложный процессъ. Оно не зависитъ непосредственно отъ воли, какъ, напр., выпусканіе мочи. При нормальномъ актѣ выдѣленію пред-

шествуетъ напряженіе и отвердѣніе члена, зависящія, какъ мы видѣли выше, отъ наполненія его кровью. Последнее находится подъ вліяніемъ первовъ кровеносныхъ сосудовъ; послѣдніе, въ свою очередь, подчинены дѣйствию такъ называемаго „центра эрекции“, который расположенъ въ нижней части спинного мозга, въ поясничномъ его отдѣлѣ, и оказываетъ свое вліяніе на извѣстные сосудистые нервы.

Самый центръ эрекции можетъ раздражаться подъ вліяніемъ различныхъ процессовъ, какъ физическихъ, такъ и душевныхъ. Прикосновеніе къ цѣкоторымъ мѣстамъ кожи, особенно въ области половыхъ частей, и другія раздраженія могутъ повести къ напряженію члена; точно такъ же раздраженіе мочеиспускательнаго канала, какое бываетъ, напр., при трипперѣ, а равно и наполненіе мочевого пузыря могутъ вызвать напряженіе члена. Этимъ объясняется, вѣна, являющаяся у мно-

Душевные раздраженія центръ эрекции, какъ чемъ такими раздраженія чувственнаго каму или другому лицу, мальнаго мужчины наступательныхъ представленіицищ, у извращеннаго — гомосексуалиста, напр., мужицѣ, у садиста — принимаемой женщицѣ раздраженій могутъ ирвоспріятія, напр., видѣ женщины, а также и картины воспоминаній. И тотъ, и другой характеръ представленій можетъ привести къ эрекции посредствомъ раздраженія центра эрекции. Вообще, рѣзкое разграниченіе физическихъ и душевныхъ раздраженій почти невозможно, такъ какъ они внутренне тѣсно связаны между собой. Раздраженія кожи, напр., большей частью вызываютъ половыя представленія и только въ рѣдкихъ случаяхъ вліяютъ какъ изолированныя нормальныя раздраженія. То же надо сказать о внутреннихъ органическихъ раздраженіяхъ, въ особенности о накопленіи сѣмени, которое также возбуждаетъ половыя представленія. Съ другой стороны, одни половыя представленія едва ли достаточны для эрекции. Если, напр., сѣмя выдѣлилось, то одни представленія врядъ ли вызовутъ эрекцію, иначе говоря, въ данномъ случаѣ необходимо еще физическое раздраженіе. При нормальныхъ условіяхъ, для этого достаточно внутреннего органическаго раздраженія, вызываемаго накопленіемъ сѣмени, въ связи съ половыми представленіями. Въ искусственныхъ вѣшнихъ раздраженіяхъ, особенно кожи, необходимо нѣтъ.

При нормальныхъ условіяхъ эрекция предшествуетъ выдѣленію сѣмени. У человека здороваго выдѣленія не бываетъ безъ вѣшняго физическаго раздраженія, какимъ является при совокупленіи взаимное треніе половыхъ частей. Конечно, подъ вліяніемъ чувственныхъ представленій выдѣленіе значительно усиливается, но безъ всякаго вѣшняго раздраженія оно возможно

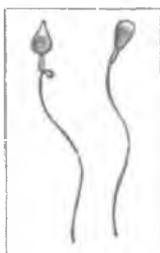

Рис. 38. Зрѣлая сѣменная нить человека.

роятно, напряженіе членныхъ мужицѣ поутрамъ. нія могутъ такъ же вліять и чисто физическія, прініями бываютъ предстакарактера, свойственныто. Такимъ образомъ, у норпааетъ эрекция при норяхъ, касающихся женпри извращенныхъ; у при представленіяхъ о при представленіяхъ о боли. Роль душевныхъ рать также чувственныя

лишь при болѣзненныхъ условіяхъ. Въ подобномъ случаѣ истеченіе сѣмени возможно и безъ всякаго прикосновенія къ мужскому члену. Къ области патологіи относятся и тѣ случаи, когда для истеченія сѣмени достаточно мнимальнаго внѣшняго раздраженія, напр., легкаго тренія о платье или подобнаго ему легкаго прикосновенія. На этомъ основано много явленій мужского безсилія: напримѣръ, случаи, когда истеченіе сѣмени происходитъ даже безъ предварительной эрекціи, при первомъ же соприкосновеніи мужского члена съ тѣломъ женщины, т. е. еще ранѣе его полнаго введенія.

Предполагаютъ, что центръ изверженія сѣмени, такъ же, какъ и центръ эрекціи, находится въ спинномъ мозгу. Чтобы сѣмя могло быть введено въ женскія половыя части, во влагалище, — необходимо раздраженіе обоихъ центровъ. Прежде часто обсуждался вопросъ, попадаютъ ли при этомъ сѣменные нити въ полость матки. Быть можетъ, иногда это и происходитъ, но указанное явленіе безусловно не необходимо для оплодотворенія. Сѣменные нити, благодаря своей способности къ движенію, могутъ проникнуть въ матку и, если затѣмъ одна изъ нихъ встрѣтитъ зрѣлое яйцо и, слившись съ нимъ, оплодотворитъ его, то изъ яйца начинаеть развиваться плодъ. Съ этого момента мать начинаетъ играть огромную роль въ дѣлѣ развитія ребенка. Между тѣмъ какъ дѣятельность мужчины ограничивается лишь актомъ совокупленія.

Итакъ, мы видимъ, что соединенію сѣменной нити съ яйцевой клѣткой предшествуетъ совокупленіе; но послѣднее все же не безусловно необходимо для оплодотворенія, такъ какъ оно можетъ быть достигнуто и искусственнымъ введеніемъ способнаго къ оплодотворенію сѣмени въ женскіе половые пути, — какъ это и производится въ опытахъ съ животными. Для оплодотворенія женской половой клѣтки, т. е. зрѣлаго яйца, достаточно одной мужской половой клѣтки; въ дѣйствительности же, мы наблюдаемъ, въ этомъ отношеніи, необычайную расточительность, такъ какъ при совокупленіи выбрасывается множество мужскихъ половыхъ клѣтокъ, но, за исключеніемъ одной, всѣ остальные гибнуть.

Мы говорили до сихъ поръ о необходимыхъ для совокупленія процессахъ эрекціи и истеченія сѣмени. Это процессы физическіе, но осуществляютъ ихъ или по крайней мѣрѣ благопріятствуютъ имъ процессы психическіе. Однако, нормальное совокупленіе требуетъ не только указанныхъ физическихъ, но и двухъ весьма важныхъ душевныхъ процессововъ, къ которымъ относятся: половое влеченіе и сопровождающееся сладострастнымъ ощущеніемъ чувство удовлетворенія. Половое влеченіе слагается изъ двухъ различныхъ составныхъ частей, которыя нѣкоторыми разсматриваются еще и какъ стадіи.

Анализируя половой инстинктъ, я различаю въ немъ два элемента: стремленіе къ облегченію тѣла и стремленіе къ прикосновенію. Для того, чтобы половая дѣятельность мужчины привела къ размноженію, необходимо, во-первыхъ, отдѣленіе сѣменной клѣтки отъ отцовскаго организма и, во-вторыхъ, введеніе ея въ материнскій организмъ. У низшихъ животныхъ для размноженія достаточно одного лишь отдѣленія части организма,

у высшихъ же, а слѣдовательно, и у человѣка необходимо соединеніе двухъ индивидуумовъ различнаго пола. Такъ какъ сѣменной клѣткѣ отцовскаго организма необходимо встрѣтиться съ материнской яйцовой клѣткой въ материнскомъ организмѣ, то истеченіе сѣмени должно сопровождаться также стремленіемъ выдѣлить его путемъ совокупленія, т. е. влеченіемъ къ существу другого пола. Это и есть упомянутые выше два элемента, входящіе въ составъ полового инстинкта. Разумѣется, при нормальныхъ условіяхъ обѣ эти составныя части такъ тѣсно связаны между собой, что рѣзко разграничить ихъ невозможно; тѣмъ не менѣе ихъ явственно можно различить не только на основаніи исторіи развитія, но при извѣстныхъ условіяхъ и у человѣка.

Такъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ обнаруживается исключительно лишь стремленіе освободиться отъ сѣмени: идиоты, напирмѣръ, онанируютъ, совершенно не ощущая необходимости въ другомъ существѣ; это стремленіе исключительно физическое, — оно исходитъ изъ самыхъ половыхъ частей и побуждаетъ ихъ онанировать до истеченія сѣмени. Нѣчто подобное встрѣчается иногда и у нормальныхъ молодыхъ людей въ началѣ ихъ половой зрѣлости; здѣсь дѣйствуетъ также чисто физическое стремленіе, безъ какого-либо влеченія къ другому существу. Но въ иныхъ случаяхъ сказывается исключительно именно второй элементъ. Въ началѣ половой зрѣлости молодые люди, какъ извѣстно, испытываютъ потребность въ женскомъ обществѣ, въ прикосновеніи къ нимъ, въ поцѣлуяхъ, хотя совершенно не помышляютъ о половомъ актѣ, какъ таковомъ. Извѣстна влюбчивость подростковъ. Даже и позднѣе, юноши еще часто испытываютъ любовь безъ всякаго стремленія къ половому общенію. Напомнимъ такъ называемую платоническую любовь, ограничивающуюся потребностью въ женскомъ обществѣ, иногда даже въ соприкосновеніи съ женщиной, но все же безъ всякаго влеченія къ половому акту.

Все же анализировать отдѣльные элементы полового влеченія удастся только въ исключительныхъ случаяхъ, вообще же они связаны между собой и образуютъ нормальный половой инстинктъ, который выражается у мужчины въ стремленіи къ совокупленію съ женщиной.

Половое влеченіе въ общемъ такъ же, какъ и явленіе эрекціи и истеченіе сѣмени, вызывается процессами физическими. Оно пробуждается вслѣдствіе важныхъ органическихъ процессовъ, совершающихся въ половыхъ органахъ, — въ особенности вслѣдствіе роста ко времени половой зрѣлости яичекъ и скотленія сѣмени. Является вопросъ, не могутъ ли и у человѣка, какъ у животныхъ, извѣстные, въ отдѣльности намъ неизвѣстные, внутренніе процессы вызывать періодически половое влеченіе? Новѣйшіе изслѣдователи указываютъ на то, что остатки такой періодичности сохранились.

Назовемъ, далѣе, среди другихъ физическихъ раздраженій, могущихъ вызвать половое влеченіе, — эрогенныя зоны, т. е. тѣ мѣста поверхности тѣла, раздраженіе которыхъ пробуждаетъ половое чувство; большей частью такими мѣстами считаются головка или другія части мужскаго члена, иногда также и задній проходъ. Но тутъ встрѣчаются значительныя индивидуальныя

колебанія. У нѣкоторыхъ индивидуумовъ, напр., половое возбужденіе вызывается раздраженіемъ кожи стопы, лба, головы и т. д. Однако, половое влеченіе могутъ возбудить не только физическія, но и психическія раздраженія, а именно тѣ же самыя представленія, съ которыми мы уже познакомились при изученіи эрекціи члена. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, между физическими и психическими раздраженіями существуетъ тѣсная связь, при чемъ часто между ними невозможно провести рѣзкихъ границъ.

Какъ трудно отдѣлать ихъ другъ отъ друга, легко можно видѣть на примѣрѣ обонятельныхъ раздраженій. Извѣстно, что въ животномъ мірѣ запахи играютъ часто огромную роль при возбужденіи полового чувства (ср. т. II.). Вѣроятно, для этой цѣли служатъ сильно пахнуція выдѣленія железъ нѣкоторыхъ животныхъ, напр., мускуснаго быка и бобра. Обнюхиваніе собаками половыхъ органовъ самки также, вѣроятно, относится къ той же области. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и у человѣка запахи могутъ возбуждать половое чувство. Но тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что усматривать въ запахахъ исключительно физическія раздраженія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, совершенно неправильно. Раздраженія обонянія, какъ и всѣхъ другихъ чувствъ, могутъ дѣйствовать возбуждающе уже тѣмъ, что они пробуждаютъ всевозможныя представленія. Подобно тому, какъ звукъ прекраснаго голоса можетъ вызвать различныя зрительныя представленія, касающіяся женщины, — такъ и обонятельныя ощущенія могутъ создать путемъ ассоціаціи идей множество другихъ представленій, предметомъ которыхъ является женщина, и которыя поѣтому дѣйствуютъ возбуждающе. Во всякомъ случаѣ общимъ закономъ нельзя считать того факта, что извѣстныя обонятельныя ощущенія — чисто физическія, безъ всякой психической основы — могутъ вызывать у мужчины половое влеченіе.

Подобно тому, какъ половому акту предшествуетъ душевный процессъ, половое влеченіе, — такъ и окончаніе этого акта сопровождается важнымъ душевнымъ переживаніемъ. Еще въ началѣ акта появляется повышенное пріятное чувство, которое нельзя разсматривать, какъ процессъ чисто центральнаго, психическаго происхожденія, такъ какъ оно сопровождается одновременными периферическими ощущеніями, — сладострастными ощущеніями. Послѣднія усиливаются во время акта, достигаютъ своего высшаго предѣла во время истеченія сѣмени и затѣмъ постепенно падаютъ. Этотъ упадокъ ощущеній сопровождается чувствомъ удовлетворенія. Если даже съ этимъ и сопряжено извѣстное утомленіе, все же наступаетъ чувство общаго облегченія, — между тѣмъ какъ отсутствіе чувства удовлетворенія сопровождается большей частью неприятнымъ чувствомъ. Въ большинствѣ случаевъ такое удовлетвореніе завершаетъ теченіе сладострастнаго чувства, которое въ свою очередь зависитъ отъ психическихъ процессовъ, — главнымъ образомъ отъ соотвѣтствія между половымъ актомъ и половымъ влеченіемъ, т. е. отъ того, былъ ли актъ выполненъ приблизительно такъ, какъ этого желало половое влеченіе.

Одновременно съ выдѣленіемъ сѣмени половое влеченіе осла-

бляется. Спустя болѣе или менѣе долгое время послѣ совокупленія, оно обыкновенно постепенно появляется снова и достигаетъ извѣстной силы. Но вопросъ о томъ, черезъ сколько именно времени оно вновь пробуждается, зависитъ отъ множества индивидуальныхъ условій, такъ что здѣсь врядъ ли возможно установить прочный законъ. Нѣкоторые мужчины отличаются такой половой возбудимостью, что у нихъ снова вспыхиваетъ влеченіе черезъ нѣсколько минутъ послѣ удовлетворенія, между тѣмъ какъ у другихъ промежутокъ длится нѣсколько дней и даже недѣль.

Мы уже говорили выше объ особой роли нѣкоторыхъ частей спинного мозга въ явленіяхъ напряженія члена и изверженія сѣмени. Возникалъ также вопросъ, не существуетъ ли въ головномъ мозгу высшаго центра, въ которомъ сосредоточены нервныя клѣтки, завѣдующія половымъ влеченіемъ. Галль высказалъ предположеніе, что вмѣстилищемъ полового влеченія является мозжечекъ и что, по степени развитія его и соответствующихъ ему частей черепа, можно опредѣлить степень чувствительности человѣка. Тѣмъ не менѣе, не имѣется еще точныхъ доказательствъ въ пользу того, что половымъ влеченіемъ завѣдуетъ мозжечекъ, — какъ нѣтъ еще данныхъ, указывающихъ на то, что опредѣленная часть головного мозга вѣдаетъ этимъ влеченіемъ. Скорѣе мы, наоборотъ, въ правѣ предположить, что однѣ и тѣ же части головного мозга завѣдуютъ и половымъ влеченіемъ, и другими функціями и разсѣяны по всему органу.

Мы рассмотрѣли процессъ истеченія сѣмени при совокупленіи. Упомянемъ еще вкратцѣ о томъ, что иногда сѣмя выдѣляется и безъ совокупленія. О случаяхъ длительного истеченія сѣмени мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ они относятся къ области патологіи. Но такія явленія, какъ онанизмъ и ночныя поллюціи, не всегда носятъ патологическій характеръ. Подъ онанизмомъ понимаютъ обыкновенно такое возбужденіе половыхъ частей, которое наступаетъ искусственно, подъ вліяніемъ механическихъ раздраженій. Онъ широко распространенъ среди молодыхъ людей въ первые годы послѣ наступленія половой зрѣлости, но часто встрѣчается и у взрослыхъ и даже въ старческомъ возрастѣ, — напр., у мужчинъ, страдающихъ безсиліемъ или не имѣющихъ возможности удовлетворить нормальнымъ путемъ своей потребности.

Онанизмъ, или мастурбація, въ первые годы зрѣлости встрѣчается такъ часто, что его почти можно считать нормальнымъ явленіемъ. Большею частью съ искусственными раздраженіями тотчасъ же соединяются половыя представленія. Гораздо рѣже, хотя тоже довольно часто, онанизмъ практикуется чисто механически, безъ подобныхъ представленій. Если стремленіе къ онанизму переходитъ за извѣстные предѣлы, то его приходится отнести къ числу болѣзненныхъ явленій. Но и онанизмъ, вызванный нормальными раздраженіями, можетъ также приобрести характеръ болѣзни, благодаря своимъ послѣдствіямъ: появленію нервного расстройства, полового безсилія и т. п. признаковъ.

Упомянемъ еще вкратцѣ о такъ называемомъ психическомъ онанизмѣ, сущность котораго заключается въ обремененіи фантазіи сладострастными образами, безъ нѣмреннаго раздраженія

половыхъ частей. Онъ очень рѣдко приводитъ къ истеченію сѣмени, но очень часто къ эрекции мужского члена. И психическій онанизмъ можетъ привести къ серьезнымъ послѣдствіямъ, если онъ развитъ очень сильно; но въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ нормаленъ, особенно въ возрастѣ интенсивной половой дѣятельности.

То же самое нужно сказать и о ночныхъ истеченіяхъ сѣмени, такъ называемыхъ поллюціяхъ, сопровождающихся большей частью сладострастными сновидѣніями. Въ началѣ половой зрѣлости это явленіе встрѣчается рѣже, — гораздо чаще въ зрѣломъ возрастѣ, особенно если сѣмя не освобождается инымъ путемъ, преимущественно путемъ нормальнаго совокупленія. Если поллюціи являются въ возрастѣ между 25 и 35 годами и не чаще одного раза въ недѣлю или въ двѣ недѣли, то ихъ, во всякомъ случаѣ, нельзя считать патологическими. Но онѣ могутъ сдѣлаться и явленіемъ болѣзненнымъ, благодаря какъ частотѣ своего появленія, такъ и сильному вліянію на состояніе здоровья, напр., появленію продолжительной слабости, сопровождающей это истеченіе сѣмени.

Въ заключеніе, укажемъ еще на то, что половые органы не функционируютъ въ теченіе всей жизни. Только съ наступленіемъ половой зрѣлости, которая наступаетъ у мальчика въ нашемъ климатѣ приблизительно въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, яички начинаютъ вырабатывать сѣмя, при чемъ въ это же время появляются и другіе признаки мужской зрѣлости: ростъ половыхъ органовъ, ростъ волосъ въ области ихъ, измѣненіе голоса и т. п. Точно такъ же у ребенка отсутствуютъ еще и психическія половыя явленія, въ особенности половое влеченіе, которыя являются большей частью позже. Несомнѣнно только одно, что часто первыя психическія проявленія полового влеченія называются въ такомъ возрастѣ, когда еще не можетъ быть и рѣчи о зрѣлости яичекъ и выдѣленіи сѣмени; точно такъ же не обязательно одновременно появляются тѣ или другіе отдѣльные признаки половой зрѣлости, какъ физической, такъ и психической. Подобное же явленіе наблюдается и при угасаніи половой дѣятельности.

Крафтъ-Эбингъ полагаетъ, что, въ среднемъ, мужчина утрачиваетъ половую способность въ шестьдесятъ-два года; но если это и вѣрно, то все же мы часто видимъ, что онъ даже до глубокой старости сохраняетъ способность къ совокупленію и можетъ еще испытывать очень сильное половое влеченіе, хотя яички уже давно перестали вырабатывать сѣмя.

По фотографии Франца Ганфсталя въ Мюнхенѣ.

Рис. 39. Сатиръ. По картюж Якова Жордана.

Глава третья.

Половая жизнь мужчины.

Д-ръ мед. И. в. Влохъ (Шарлоттенбургъ).

Тѣсная внутренняя связь, существующая между чувственностью человѣка и всей его физической и психической природой, обуславливаетъ собою также особенности и различія половой жизни мужчины и женщины. Что физическая половая жизнь ихъ различна, — въ этомъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ простое знакомство съ различіями ихъ физическаго строенія и нормальной дѣятельности мужскихъ и женскихъ половыхъ органовъ. Но, вопреки всѣмъ усиліямъ новѣйшихъ писателей, какъ, напр., Отто Вейнингера и Роза Майредера, сладить существенныя различія половъ, все заставляетъ насъ придти къ тому заключенію, что именно чувственность, оказывающая такое глубокое вліяніе на душевную жизнь, является главной причиной различной сущности мужчины и женщины.

Нѣтъ ни одной стороны душевной жизни какъ у нормальнаго мужчины, такъ и у нормальной женщины, которая была бы совершенно независима отъ чувственности. Если бы это было возможно, то въ такомъ случаѣ, быть можетъ, теоретически, было бы возможно допустить душевное равенство обоихъ половъ,

но безъ этого такое равенство невозможно по чисто естественно-научнымъ причинамъ.

Обыкновенно вопросъ о томъ, влѣяетъ ли половая жизнь больше на умъ, характеръ и волю мужчины или женщины, рѣшается въ томъ смыслѣ, что женщина обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи большую зависимость, чѣмъ мужчина. Это несомнѣнно вѣрно, какъ вѣрно и то, что подобная зависимость съ давнихъ поръ сильно преувеличивается. Еще въ 1791 году Гейнрихъ Нудовъ издалъ „Апологію прекраснаго пола, или доказательство будущаго владычества женщины“, въ которой онъ опровергалъ взглядъ, что „у женщины душа помѣщается не въ мозгу, какъ у мужчины, а въ маткѣ; что у женщины, которую природа снабдила этимъ внутреннимъ органомъ, какъ главнымъ орудіемъ, вся жизнь тѣла и души, все помыслы и все творчество должны породиться и объясняться извѣстнымъ внутреннимъ инстинктомъ и что даже мыслить женщина должна большею частію (а быть можетъ, и всецѣло) только маткой!“.

Безспорно, полъ занимаетъ въ существѣ женщины большее мѣсто, чѣмъ въ существѣ мужчины, но не единственное. У женщины — своя собственная и своеобразная душевная жизнь, получающая особенную окраску отъ полового элемента; половая жизнь ея оказываетъ большое вліяніе на все ея мысли, чувства и поступки. Но и мужская душа, несмотря на большую ея независимость отъ половой сферы, все же получаетъ отъ нея свои особенности. То, что называютъ „женственностью“ и „мужественностью“, представляетъ, въ сущности, психическія особенности половой жизни и выраженіе чисто физическаго различія полового воспріятія мужчины и женщины. Эти различія въ проявленіи чисто чувственнаго побужденія и сообщаютъ своеобразіе половой жизни мужчины и женщины.

Описанный уже во введеніи къ настоящему сочиненію (стр. 7 и слѣд.) процессъ сліянія мужской сѣменной клѣтки съ женской яйцевой клѣткой при половомъ актѣ просто и наглядно рисуетъ намъ главное различіе между мужской и женской половой жизнью: первая отличается болѣе дѣйственнымъ, активнымъ характеромъ, вторая — болѣе страдательнымъ, пассивнымъ. Мужчина наступаетъ, овладѣваетъ, женщина принимаетъ, отдается. Какъ ни многообразны вліянія и измѣненія, внесенныя культурой въ это первоначальное положеніе вещей, — въ основныхъ своихъ чертахъ оно остается такимъ же и въ настоящее время и является единственной причиной глубокаго психическаго различія, существующаго между любовью мужчины и любовью женщины.

Своеобразная активность половой жизни мужчины находится въ очевидной связи съ различіями въ силѣ полового воспріятія и физическаго влеченія. Обыкновенно утверждаютъ, что женщина „чувственнѣе“ женщины; это невѣрно. Нормальная женщина вся проникнута чувственностью и, быть можетъ, даже сладострастнѣе нормальнаго мужчины; но половая сфера ея гораздо сложнѣе половой сферы мужчины; у послѣдняго инстинктъ разрѣшается гораздо проще, вслѣдствіе чего кажется, что онъ проявляется самъ собой и съ гораздо болѣе энергіей, силой и дѣйственностью; зато онъ и проходитъ бы стрѣе, чѣмъ у женщины.

Въ общемъ, половая жизнь мужчины состоитъ изъ многочисленныхъ чувственныхъ побужденій, между тѣмъ какъ женщина, по самой природѣ своей, находится въ гораздо большей власти отъ пола, гораздо больше зависитъ отъ него. Чѣмъ мужчина, — она, какъ говоритъ одинъ опытный врачъ-психіатръ, „вся насквозь пропитана чувственностью“. Вотъ почему проявленія полового воспріятія представляютъ для мужчины только эпизоды, преходящія возбужденія, для женщины же это моменты высшаго напряженія постоянного, всегда существующаго возбужденія. Мужчинѣ для участія въ дѣторожденіи довольно нѣсколькихъ минутъ, женщинѣ нужны мѣсяцы.

Если же половой инстинктъ женщины отличается гораздо большей внѣшней пассивностью, то это объясняется, какъ мы уже сказали, болѣе широкой сферой ея половой жизни и болѣе сложными условіями возбужденія въ ней полового желанія и его удовлетворенія, — а затѣмъ еще и тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что ея половое возбужденіе носитъ довольно явственный періодическій характеръ, который приходится привести въ связъ съ мѣсячными очищеніями (регулами), напоминающими періодическую течку у животныхъ. У мужчины совсѣмъ нѣтъ этой рѣзко выраженной періодичности полового влеченія. Мужчина „всегда“ способенъ любить. Еще въ Меморабіліяхъ Ксенофонта Сократъ приводитъ вамъ примѣръ мудрости творца, выражающейся въ томъ, что мужчина сохраняетъ до глубокой старости свою половую мощь и что она не ограничена періодами течки. У мужчины половая страсть можетъ быть пробуждена во всякое время посредствомъ всевозможныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ раздраженій, между тѣмъ какъ женщина, даже чувственная, бываетъ въ извѣстные періоды совершенно нечувствительна къ нимъ.

Правда, и у мужчины наблюдаются колебанія въ силѣ полового влеченія, находящіяся въ прямой зависимости отъ условій питанія, труда, покоя и т. д., — а такъ какъ, въ зависимости отъ правильности образа жизни, и эти колебанія появляются съ извѣстной правильностью, то иногда кажется, что и у мужчины существуетъ своего рода періодичность полового возбужденія; но ее все же нельзя сравнить съ настоящей, физически обусловленной чувственной возбудимостью женщины.

Несомѣнно, во всякомъ случаѣ, что у мужчины половое возбужденіе можетъ быть вызвано во всякое время гораздо легче и скорѣе, чѣмъ у женщины, и что у него оно выражается въ гораздо болѣе сильной и бурной формѣ, чѣмъ у нея. Мужское желаніе „обладать“ очень рѣзко отличается отъ женскаго желанья „отдаться“.

Отто Ранкъ, сторонникъ теоріи Фрейда о взаимномъ вытѣсненіи инстинктовъ и о постепенномъ развитіи изъ нихъ различныхъ половыхъ воспріятій мужчины и женщины, полагаетъ, что характеръ чувственности мужчины и женщины развился болѣе или менѣе явственно только съ теченіемъ времени; это различіе продолжало развиваться дальше вслѣдствіе стремленія къ усилению наслажденія, — и именно, это стремленіе вызвало все большее развитіе у мужчины активнаго влеченія къ

удовлетворенію половой страсти, а у женщины, наоборот, — сопротивленія, какъ пассивнаго влеченія. Женщина испыты-ваетъ потребность въ обратномъ, пассивномъ удовлетвореніи, т. е. въ преодоленіи активнаго влеченія, — сопротивленіе составляетъ ея сущность.

При всемъ томъ, у обоихъ половъ сохранилось еще очень много первоначальныхъ, единыхъ влеченій, еще не расколовшихся на активный и пассивный элементы: у мужчинъ, напримеръ, сохранился остатокъ сопротивленія, образовавшійся изъ побѣжденнаго при развитіи мужской активности пассивнаго влеченія. Такимъ образомъ, у мужчины активный элементъ получилъ лишь перевѣсъ передъ пассивнымъ, но не вытѣснилъ его совершенно, у женщины также только преобладаетъ пассивный, но активный не устраненъ всецѣло. Слѣдовательно, абсолютный „мужчина“ и абсолютная „женщина“ существуютъ только въ идеѣ, чисто теоретически. Въ дѣйствительности же, во всякомъ мужчинѣ можно наблюдать женскій элементъ и во всякой женщинѣ — мужской. Но это смѣшеніе элементовъ очень рѣдко достигаетъ до такого предѣла, что, дѣйствительно, становится трудно опредѣлять полъ — если только къ этому не присоеди-няется и видимая физическая двуполость (гермафродитизмъ, см. стр. 3 Введенія).

Какъ въ естественной, такъ и въ культурной исторіи разви-тія человѣчества сказывается, напротивъ, все болѣе и болѣе сильная тенденція къ болѣе рѣзкому проявленію и обособленію половъ, къ болѣе явственному развитію „однополости“ мужчины или женщины на смѣну примитивной „двуполости“.

Мужчина въ отношеніи женщины — и наоборотъ — является существомъ „другого пола“, гетеросексуальнымъ. Эта гетеросексуальность, какъ уже было изложено во введеніи къ настоящему сочиненію, представляетъ собой результатъ многотысячелѣтной исторіи развитія и непремѣнное условіе всякаго культурнаго прогресса.

Нормальная человѣческая любовь основана на взаимномъ влеченіи двухъ разнополыхъ индивидуумовъ, и это взаимное половое влеченіе стремится къ своей кульминаціонной точкѣ, которая выражается въ „соединеніи во-едино“, въ своего рода добровольномъ выравниваніи и тѣсномъ физически-духовномъ соединеніи путемъ совокупленія.

Характерно то, что именно при этомъ актѣ сказываются и скрытые двуполые инстинкты и различнымъ образомъ проявляются физически. Здѣсь, главнымъ образомъ, коренятся такъ называемыя „половыя извращенія“, къ которымъ мы еще вернемся позднѣе.

Что чисто внѣшнія различія органовъ размноженія и совокупленія у мужчины и женщины уже сами по себѣ указываютъ на различіе половой жизни и полового воспріятія, — это не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Спорнымъ и по настоящее время еще не рѣшеннымъ является лишь вопросъ, должны ли быть объяснены эти существенныя различія исключительно различіемъ „половыхъ железъ“ — мужскихъ яичекъ и женскихъ яичниковъ, — или же они обусловливаются еще и другими, не зависящими отъ указанныхъ, вліяніями.

Въ пользу послѣдней теоріи свидѣтельствуютъ данныя, говорящія, что половыя влеченія появляются часто задолго еще до наступленія мужской зрѣлости и дѣятельности вырабатывающихъ сѣмя органовъ — и что у мужчинъ, у которыхъ половыя части удалялись до наступленія зрѣлости, часто наблюдалось сильное половое желаніе, несмотря на отсутствіе половых железъ. Согласно Меліусу, половое влеченіе не порождается яичками, а только „возбуждается“ ими. Недавно была сдѣлана попытка объяснить это половое напряженіе, независимое отъ половыхъ железъ, дѣйствіемъ извѣстныхъ химическихъ веществъ, распространяемыхъ во всемъ тѣлѣ, — специальныхъ „половыхъ ядовъ“. Благодаря имъ, всѣ клѣтки тѣла получаютъ печать своей мужской или женской природы.

Вліяніе указанныхъ веществъ можетъ обнаруживаться уже въ очень раннемъ возрастѣ, какъ это доказываетъ несомнѣнное проявленіе полового инстинкта у грудныхъ младенцевъ и у очень маленькихъ дѣтей.

Прежніе изслѣдователи уже предполагали о существованіи химической причины полового влеченія. Интересно слѣдующее выраженіе К. Ф. Поккеля въ его сочиненіи „Мужчина“, изданномъ въ 1805 году:

„Если бы мы имѣли возможность точнѣе изслѣдовать тотъ тайный химическій процессъ, которымъ природа приводитъ въ связь воспроизводительную силу мужчины съ задатками его мужского характера, вывода ихъ изъ него, постолько, по крайней мѣрѣ, поскольку мы рассматриваемъ его какъ совокупность врожденныхъ свойствъ и какъ темпераментъ, — то постепеннымъ ослабленіемъ этой силы мы могли бы, вѣроятно, объяснить кой-какія измѣненія характера и слабости, которыя почти неизмѣнно свойственны старости и не исчезаютъ ни подъ какими вліяніями душевной силы и ясности, иногда даже самаго искренняго добродушія стариковъ. Съ раскрытіемъ этого темнаго химическаго процесса въ организаціи мужчины навѣрно еще лучше уяснились бы свойства и основныя черты слабого „бабьяго“ характера тѣхъ индивидуумовъ, которые были изувѣчены въ дѣтствѣ съ помощью жестокой операціи“.

Настоящее пробужденіе половой жизни, т. е. начало дѣятельности органовъ, вырабатывающихъ сѣмя (яички, предстательная железа, сѣменные пузырьки) наблюдается у мужчины въ возрастѣ между четырнадцатымъ и шестнадцатымъ годомъ жизни. Выдѣленіе сѣмени, первая поллюція, свидѣтельствуетъ о вполне развитомъ половомъ чувствѣ мужчины и мужской половой потребности.

На болѣе раннее или болѣе позднее проявленіе полового инстинкта вліяютъ различныя вѣдшія обстоятельства. Несомнѣнное значеніе имѣетъ тутъ, наприимѣръ, климатъ, — въ болѣе теплыхъ странахъ и половой инстинктъ пробуждается раньше, чѣмъ въ холодныхъ. Особенно явственно замѣчается это при сравненіи, напр., сѣверной и южной Италіи: пылкая чувственность и интенсивный эротизмъ итальянцевъ-южанъ очень рѣзко отличается отъ болѣе спокойной любви сѣверянъ, въ которой чувственный элементъ занимаетъ второстепенное мѣсто. Въ странахъ тропическихъ и на Востокѣ половая жизнь пробуждается также необычайно рано — большей частію даже въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ — и отличается чрезвычайной пылкостью.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе климата и, вообще, всей „среды“

на усиленіе полового инстинкта несравненно могущественнѣе, чѣмъ вліяніе расы и національности. Арійцы тропическихъ странъ, — напр., индусы, такъ же сладострастны, если не больше, какъ семиты Азіи или сѣверной Африки, или же негры, которые приписываютъ особенно сильную чувственность. Я же лично, согласно моимъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не рѣшаюсь сдѣлать строгаго различія въ томъ, кто отличается болѣе сильнымъ половымъ инстинктомъ, — англичане, нѣмцы, или сильно оклеветанные въ этомъ отношеніи французы.

Что здѣсь обобщенія невозможны, — это ясно слѣдуетъ и изъ того, что среди каждаго изъ указанныхъ народовъ отдѣльныя группы и жители нѣкоторыхъ мѣстностей пользуются, въ свою очередь, репутаціей особенной чувственности. Очень часто здѣсь несомнѣнно должна быть установлена связь съ способомъ питанія, имѣющимъ огромное вліяніе на половую жизнь. Обильное употребленіе мяса и алкогольныхъ напитковъ значительно повышаетъ силу полового чувства, а исключительно растительная пища понижаетъ ее.

Далѣе, среди одного и того же населенія особенно значительны различія, существующія между населеніемъ города и деревни. Можно считать своего рода закономъ, что въ городѣ половое чувство мужчины проявляется гораздо раньше, чѣмъ въ деревнѣ, — точно такъ же и мѣсячныя очищенія у городскихъ дѣвушекъ наступаютъ раннѣе, чѣмъ у деревенскихъ. Но этотъ законъ имѣетъ все же много исключеній, — и въ деревнѣ часто встрѣчается ранняя зрѣлость.

Профессія и общественное положеніе также имѣютъ извѣстное значеніе въ развитіи полового чувства. Поговорка „праздность — мать всѣхъ пороковъ“ несомнѣнно вѣрна и по отношенію къ половой жизни. Тамъ, гдѣ нѣтъ полезнаго и радостнаго труда, или гдѣ его презираютъ, — все существо порой направлено на одиѣ лишь чувственныхъ наслажденія и, главнымъ образомъ, на половое. Такимъ путемъ половой инстинктъ искусственно усиливается.

Но одна работа сама по себѣ еще не предотвращаетъ этого. Когда трудъ связанъ, напримѣръ, съ долгимъ сидѣніемъ, — какъ у ученыхъ, фабричныхъ рабочихъ и въ другихъ подобныхъ профессіяхъ, при которыхъ человекъ лишенъ какого бы то ни было физическаго движенія, — половой инстинктъ развивается обыкновенно сильнѣе, чѣмъ въ профессіяхъ, сопряженныхъ съ достаточнымъ движеніемъ на воздухѣ. Если Гегаръ приписываетъ фабричнымъ рабочимъ особенно сильную половую потребность, то это объясняется именно указанной причиной, къ которой присоединяется, быть можетъ, чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ.

Наконецъ, по такъ называемому „темпераменту“ также старались дѣлать заключенія о силѣ полового инстинкта и такъ или иначе приводили ее въ связь съ физической природой. Что же касается меня, то я поставилъ бы большой вопросительный знакъ надъ утвержденіемъ, что холерики сладострастнѣе сангвиниковъ, а сангвиники, въ свою очередь, сладострастнѣе меланхоликовъ и флегматиковъ. Часто именно люди, отличающіеся половой распущенностью, бываютъ большими меланхоликами и пессими-

стами. Выдающимся примѣромъ этого служить Шоненгауэръ, отличавшійся усиленной половой потребностью. Съ другой стороны, встрѣчаются чувственно холодные холерики, не всегда и флегматики чувственно мало возбудимы. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда съ флегматичностью соединяется венеральное ожирѣніе, половое чувство бываетъ большей частью понижено; тучные субъекты перѣдко отличаются даже половымъ безсиліемъ.

Чрезмѣрная половая потребность встрѣчается часто во всѣхъ климатахъ и странахъ, какъ отдѣльное явленіе, граничащее съ болѣзненностью, называемое сатириазисомъ. Название это происходитъ отъ слова сатиръ. Такъ назывались въ греческой мифологіи спутники бога Діониса, — необузданно похотливыя существа, отвратительной наружности и съ козлинымъ или лошадинымъ хвостомъ. Они считаются символомъ безстыдно-неудержимаго мужского сладострастья и часто изображаются, какъ это мы видимъ на картинѣ Жордена (см. рис. 39), въ обществѣ козла, который также символизируетъ мужскую похотливость.

Въ общемъ, врожденный недостатокъ полового воспріятія, такъ наз. „половое равнодушіе“ или половая холодность, несравненно рѣже встрѣчается у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ; согласно Эфферцу, число чувственно невозбудимыхъ мужчинъ составляетъ менѣе одного процента, между тѣмъ, какъ число „холодныхъ женщинъ“ достигаетъ не менѣе двадцати процентовъ, — быть можетъ, даже больше. Половая холодность женщины представляетъ очень часто явленіе нормальное, естественное, холодность же мужчины объясняется почти всегда какой-нибудь болѣзнью. Въ то время какъ половая возбудимость мужчины, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, проявляется въ полной силѣ въ первые же годы зрѣлости, у женщины она очень часто развивается гораздо позже, часто послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кажущейся половой холодности, послѣ нѣсколькихъ родовъ, или же тогда только, когда она встрѣтитъ настоящаго избранника, который сумѣетъ пробудить ея страсть.

Взгляды на различіе, существующее въ половомъ инстинктѣ у мужчины и женщины, еще сильно расходятся. Гавелокъ Эллисъ, Эйленбургъ придерживаются приблизительно тѣхъ же взглядовъ, которые уже были выше изложены и раздѣляются мною; въ то же время Ломброзо, напр., высказываетъ совершенно противоположное мнѣніе и провозглашаетъ врожденную половую невосприимчивость женщины, а Фридрихъ Краусъ утверждаетъ, съ другой стороны, что „женщина обладаетъ нервами, какъ и мужчина, но въ чувственности превосходитъ его; женщина ненасытна. У первобытныхъ народовъ самыя отвратительныя любовныя пѣсни сочиняетъ и распѣваетъ женщина“.

Половое влеченіе, какъ влеченіе къ тѣсному физически-душевному единенію съ другимъ поломъ, въ общемъ, властвуетъ въ настоящее время надъ человѣкомъ, какъ физическая потребность, со стихійной силой, мощь которой еще возросла, передаваясь наследственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Но, на ряду съ инстинктами самосохраненія и питанія, этотъ могущественнѣйшій изъ инстинктовъ подчиняется съ развитіемъ культуры все болѣе и болѣе вліянію психическихъ элементовъ. Развитіе человѣка до степени разумнаго существа также направило по-

ловой инстинктъ на совершенно новые пути. Съ развитіемъ богатства умственной и душевной жизни половой элементъ все тѣснѣе сливался съ умственными и душевными сторонами существа человѣка. Еще Кантъ справедливо указывалъ на то, что только чувства и разумное мышленіе и ихъ объединеніе въ фантазіи осуществили собою переходъ слѣбного первоначально, чисто инстинктивнаго и періодическаго полового влеченія человѣка въ длительную половую любовь.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ чувственныя раздраженія, такъ и фантазія оказываютъ у мужчины гораздо болѣе энергичное вліяніе на половую жизнь, чѣмъ у женщины,

Рис. 40. Первый поцѣлуй. По картинѣ Хр. Меунера.

и гораздо легче приводятъ у него къ нормальнымъ и болѣзненнымъ уклонамъ отъ естественнаго выраженія полового воспріятія и половой дѣятельности.

Въ мужской любви гораздо рѣзче проявляется раздвоенность тѣла и духа, чѣмъ въ женской. Явленіе это не чуждо, правда, и женщинѣ, — особенно въ виду часто встрѣчающейся у нея половой холодности, — но, въ общемъ, ея половая жизнь отличается болѣе цѣльнымъ характеромъ, потому что въ ея жизни половой элементъ всегда играетъ извѣстную роль и не отступаетъ пороку на задній планъ, какъ у мужчины. Въ жизни послѣдняго половые интересы гораздо рѣзче отдѣлены отъ неполовыхъ.

Можно считать признакомъ очень высокой культуры то обстоятельство, что половая жизнь мужчины подвержена постоянному вліянію умственной жизни. Указаннымъ сознательнымъ

Рис. 41. Клеопатра. По

вторженіемъ ума, односторонне холоднаго разсудка, въ половую жизнь и отличаются цивилизованные народы отъ народовъ первобытныхъ, — и этимъ же объясняется огромное участіе нервной системы въ различныхъ сторонахъ дѣятельности полового инстинкта.

Означенное своеобразное условіе породило два явленія, характерныхъ для половой жизни мужчины въ такую высококультурную эпоху, какъ наша. Одно изъ нихъ можно было бы назвать саморазрушеніемъ любви съ помощью критическаго разума. Это тотъ холодный самоанализъ, та рефлексія, съ которой человѣкъ подходитъ къ любви, разлагая непосредственныя страстныя чувства и воспріятія; отсюда полная неспособность отдаться всецѣло и свободно непосредственному влеченію къ другому полу, въ сочиненіяхъ поэтовъ „молодой Германіи“, въ дневникахъ какого-нибудь Грильпарцера или Киркегаарда.

Второе явленіе основано на злополучной попыткѣ открыть съ помощью фантазіи новыя стороны въ половой жизни, овладѣть совершенно новыми, небывалыми ощущеніями въ области полового чувства, обогатить съ помощью фантазіи половое наслажденіе. Современная культура, со всѣмъ богатствомъ ея содержанія, съ ея непрерывно мѣняющимися формами и явленіями, задачами и перспективами, оказала свое вліяніе и на

Картина Г. Макарга.

Фотогр. пзд. Фр. Гауфштегеля въ Мюнхенѣ.

фантазію отдѣльнаго индивидуума, побуждая его къ гораздо болѣе разнообразному построению своей половой жизни.

Въ предѣлахъ нормальныхъ чувствъ, не говоря даже о всевозможныхъ половыхъ „заблужденіяхъ“, — фантазія завоевала себѣ необычайно широкій просторъ. Вся половая жизнь мужчины — истинная Одиссея духа, въ которой стали осуществимы и осуществлены всевозможныя явленія и комбинаціи.

Изумительна способность приспособленія человѣческаго мозга въ этой области! Мозгъ сталъ даже могущественнѣе, чѣмъ первобытнѣйшій слѣпой, стихійный половой инстинктъ, и, непрерывно и упорно влияя на послѣдній, создаетъ безчисленное множество новыхъ „чаръ“. Такимъ путемъ половой инстинктъ культурнаго человѣка, главнымъ образомъ, мужчины — приобретаетъ гораздо большее значеніе для самого индивидуума, для его духовнаго существа, чѣмъ то, какое ему было отведено въ первобытной исторіи человечества и встрѣчается еще и въ настоящее время у дикарей. У послѣднихъ онъ служитъ только интересамъ сохраненія рода, не оказывая сколько-нибудь замѣтнаго влияния на индивидуальное развитіе.

Любовь культурнаго человѣка перестала быть простымъ „инстинктомъ размноженія“, — она сдѣлалась богатѣйшимъ источникомъ личныхъ переживаній, расширенія и дальнѣйшаго развитія собственной личности путемъ половыхъ отношеній, —

она стала стремленіемъ къ полному сліянію тѣла и духа путемъ интимнѣйшаго ихъ соприкосновенія. Любовь и любовныя объятія перестали быть только средствомъ для продолженія рода, они сдѣлались еще и самоцѣлью, они нужны для жизни, развитія и внутренняго роста самого индивидуума.

Вильгельмъ Бельше рѣзко отличаетъ любовь культурнаго человѣка отъ любви въ первоначальномъ ея видѣ, которая сводилась просто къ соединенію мужскихъ и женскихъ половыхъ клѣтокъ, и служила специальнымъ цѣлямъ дѣторожденія и размноженія. Она противопоставляетъ такой любви все то, что произошло въ нее впослѣдствіи, въ теченіе многотысячелѣтней исторіи развитія и, путемъ многочисленныхъ вліяній, побужденій и представленій, превратило первоначальный, чисто инстинктивный процессъ въ любовь современнаго культурнаго человѣка. Эта послѣдняя соответствуетъ личнымъ цѣлямъ индивидуума, первая же — цѣлямъ рода.

Къ области этой любви и относятся, главнымъ образомъ, всѣ своеобразныя особенности любви мужчины. Она отличается необычайной сложностью и отнюдь не зависитъ только отъ специальныхъ органовъ совокупленія, а стоитъ еще въ тѣсной связи съ органами чувствъ и съ нервной системой.

Устройство особыхъ „органовъ совокупленія“ представляетъ собой только первую ступень въ развитіи этой любви у многоклеточныхъ организмовъ, которымъ должно быть гарантировано сліяніе половыхъ продуктовъ, ставшихъ самостоятельными. Для указанной цѣли и служатъ упомянутые выше органы совокупленія, устроенные въ видѣ особыхъ выводныхъ каналовъ съ сокращающимися стѣнками, съ помощью которыхъ сближаются во время акта совокупленія обѣ половыя клѣтки.

Къ этому предѣльному и древнѣйшему пункту любви примыкаетъ сладострастное ощущеніе, — простое соприкосновеніе, которое у высшихъ животныхъ завершается тѣснымъ соединеніемъ органовъ совокупленія, при чемъ въ немъ принимаютъ участіе вся кожа и поверхность тѣла. Кожа, какъ органъ чувства, является въ то же время и половымъ органомъ. Точно такъ же и остальные органы играютъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, важную роль въ эротическихъ переживаніяхъ.

Мѣстонахожденіемъ specialнаго „сладострастнаго ощущенія“ являются, конечно, только половыя части, и у мужчины оно большей частью связано лишь съ выдѣленіемъ его половыхъ продуктовъ. Высшая точка сладострастнаго ощущенія совпадаетъ съ изверженіемъ сѣмени. Описать это ощущеніе почти невозможно; оно похоже отчасти на сильное щекотаніе, отчасти же представляетъ несомнѣнное сходство съ болью.

Половое возбужденіе, разрѣшающееся, наконецъ, актомъ сладострастнаго, проявляется тройнымъ образомъ: во-первыхъ, путемъ дѣятельности половыхъ железъ, дѣйствія вырабатываемыхъ ими химическихъ веществъ; во-вторыхъ, путемъ возбужденія кожи, поверхности тѣла и раздраженія чувствъ; въ-третьихъ, путемъ центральныхъ душевныхъ вліяній, дѣятельности воображенія и наглядныхъ чувственныхъ представленій.

Фрейдъ различаетъ въ этомъ чувствѣ двѣ стадіи: сладо-

страсть и предшествующій ему моментъ, предвкушенія его. Эта послѣдняя стадія тождественна съ физическимъ половымъ „напряженіемъ“, первая же — съ физическимъ половымъ „освобожденіемъ“.

Напряженное волненіе предшествующей стадіи характеризуется у мужчины выполненіемъ и набуханіемъ органовъ, вырабатывающихъ сѣмя, съ которымъ, вѣроятно, сопряжено чрезвычайно сильное раздражающее дѣйствіе химическихъ веществъ (по опредѣленію Коссмана, — „невромеханическія“ и „неврохимическія“ причины полового напряженія); затѣмъ, сильной возбудимостью остальныхъ „эрогенныхъ зонъ“, т. е. чувственно-возбудимыхъ мѣстъ (кожи, органовъ чувствъ).

Съ этой предшествующей стадіей связано переполненіе кровью пещеристыхъ тѣлъ мужского члена, подъ вліяніемъ нервныхъ импульсовъ, идущихъ изъ спинного мозга, слѣдствіемъ чего является выпрямленіе члена, — „эрекція“, необходимая для совокупленія, — при чемъ членъ принимаетъ положеніе, соответствующее направленію женскаго влагалища. „Половой актъ“ заканчиваетъ собой предшествующую стадію сладострастнаго чувства и ведетъ за собою вторую стадію сладострастія, — разряженіе полового напряженія.

Какъ мы уже упоминали выше, въ проявленіи чувственнаго возбужденія большую роль играютъ, помимо внутреннихъ химическихъ и механическихъ раздраженій, еще и раздраженія внѣшнихъ чувствъ и психическія раздраженія, идущія отъ головного мозга.

Сущность человѣческой половой любви не безъ основанія искали въ многообразномъ и всестороннемъ физическомъ и психическомъ соприкосновеніи. Тѣло человѣка, почти лишеннаго, по сравненію съ животными, волосъ, — представляетъ для сладострастнаго возбужденія множество эрогенныхъ зонъ (каковыми являются тѣ мѣста кожи, прикосновеніе къ которымъ вызываетъ половое чувство). Окончанія кожныхъ нервовъ, такъ называемыя Фатеръ-Пачиніевы тѣльца, имѣютъ большое сходство съ Краузовскими тѣльцами, помѣщающимися въ концѣ головки мужского члена, клитора, большихъ срамныхъ губахъ и въ сосочкахъ краснаго края губъ. Поэтому всякое прикосновеніе къ кожѣ и раздраженіе ея можетъ вызвать сладострастное чувство. Особенной чувственной возбудимостью отличаются мѣста перехода кожи въ слизистую оболочку, — какъ, напр., губы, языкъ, область задняго прохода, отверстіе женскихъ половыхъ органовъ, грудные соски. „У болѣе низко организованныхъ животныхъ формъ, равно какъ и у людей, отличающихся низменной, животной природой, любовь есть не что иное, какъ прикосновеніе и осязаніе. Въ любви всякое осязательное ощущеніе отодвигаетъ границы между „моимъ“ и „твоимъ“, а съ этимъ нераздѣлимо отрѣшеніе отъ своего „я“. (Мантегацца).

У мужчины, въ особенности въ періодъ зрѣлости, часто обнаруживается непреодолима потребность въ прикосновеніи къ любимой женщинѣ, и нерѣдко этого одного бываетъ достаточно для чувства полового удовлетворенія.

Особенно способно вызвать чувственные ощущенія прикосновеніе къ груднымъ соскамъ (какъ къ женскимъ, такъ и муж-

скимъ) и къ губамъ. Поцѣлуй въ Европѣ является однимъ изъ самыхъ сильныхъ способовъ выраженія любви, — истинный символъ полового единенія, даже безъ акта совокупленія. Поцѣлуй существуетъ только у человѣка и развился у него постепенно, вѣроятно, въ связи съ сосаніемъ ребенкомъ материнской груди, сопровождавшимся замѣтнымъ приятнымъ ощущеніемъ, а, быть можетъ, еще и въ связи съ еще болѣе ранними обонятельными воспріятіями и раздраженіями.

Монгольскіе народы не знаютъ иного поцѣлуя, кромѣ „обонятельнаго“, который состоитъ въ томъ, что прикасаются не губами, а носомъ, т. е. вдыхаютъ запахъ щеки. Особенно сладострастное чувство вызываетъ также „поцѣлуй языкомъ“, взаимное прикосновеніе языками; этотъ поцѣлуй играетъ видную роль въ эротической литературѣ какъ у религіозныхъ мистиковъ, такъ и схоластиковъ. Совершенно „чистъ“ въ половомъ отношеніи, цѣломудренъ, такой поцѣлуй, когда мужчина касается губами щеки или лба женщины. Это ясно видно на картинѣ Ленаора „Первый поцѣлуй“ (рис. 40). Чувственная сторона близости отмѣчена здѣсь не въ поцѣлуѣ, а въ объятіи и въ сцѣпленіи рукъ. Если бы въ картинѣ не было указанныхъ подробностей, то этотъ поцѣлуй можно было бы признать поцѣлуемъ отца дочери, дяди племянницъ и т. д.

Отношеніе обонянія къ половому инстинкту — очень древняго происхожденія. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи приписываютъ запаху даже очень важную роль въ дѣлѣ зачатія, при слияніи сѣменной клѣткѣ съ яйцовой. По мнѣнію Геккеля, запахъ составляетъ квинтъ-эссенцію любви, т. е. обонятельныя ощущенія составляютъ первопричину полового сношенія.

Хотя эта теорія и грѣшитъ, конечно, преувеличеніемъ, и первопричины полового инстинкта гораздо сложнѣе, — все же не подлежитъ сомнѣнію, что обоняніе еще и въ настоящее время имѣетъ большое значеніе въ сферѣ половыхъ переживаній, особенно мужчины.

Очень интересно то, что недавно были доказаны непосредственныя отношенія между органомъ обонянія и половыми частями. Флиссъ открылъ на нижней носовой раковинѣ мѣста, набухающія при половыхъ возбужденіяхъ (онанизмъ, совокупленіе, менструація), — а Шиффъ доказалъ даже прямую связь этихъ мѣстъ съ извѣстными измѣненіями половыхъ частей. Народныя вѣрованія, впрочемъ, издавна приводятъ въ связь величину носа съ силой чувственности. Мужчины и женщины съ большими носами считаются особенно сладострастными.

Не менѣе интереснымъ доказательствомъ наличности связи между обоняніемъ и чувственностью является фактъ, открытый Цваардемаксомъ, что эротическіе запахи принадлежатъ къ одной, а именно — к априловой химической группѣ. Къ указаннымъ возбуждающимъ чувственность запахамъ относятся запахъ пота, влагалищаго выдѣленія, сѣменной жидкости, выдѣленія крайней плоти и железъ, находящихся вблизи половыхъ частей, выдѣляющихъ сильно пахнущія вещества у нѣкоторыхъ животныхъ, какъ, напр., у бобра и мускуснаго быка. Бываютъ и растенія съ такимъ эротическимъ возбуждающимъ каприловымъ запахомъ. Такое сходство въ химическомъ отношеніи различныхъ по своему происхожденію пахнущихъ веществъ доказываетъ ихъ естественное и древнее отношеніе къ половой жизни; у животныхъ оно непосредственно и обнаруживается, у человѣка же сказывается болѣе или менѣе ясно, хотя культура и значительно ослабила его.

Въ общемъ, обонятельныя раздраженія дѣйствуютъ на мужчину сильнѣе, чѣмъ на женщину. Первое мѣсто среди этихъ раздраженій занимаютъ испаренія тѣла и запахъ пота, извѣстный „аромат“ любимой женщины. По мнѣнью Тегера, эти общія испаренія тѣла всего сильнѣе выдѣляются отъ волосъ на головѣ и отъ затылка женщины.

„Замѣчательно, что во множествѣ случаевъ, — говоритъ Бинъ, — запахи, распространяемые человѣческимъ тѣломъ, являются причиной связей, возникающихъ между интеллигентными мужчинами и неинтеллигентными, въ большинствѣ случаевъ, служащими у нихъ женщинами. Нѣкоторые мужчины считаютъ самымъ существеннымъ у женщинъ не красоту, умъ и характеръ, а запахъ ихъ“.

Многія любовныя связи, страсныя, необъяснимыя, должны быть объяснены, повидимому, подобнымъ влияніемъ запаховъ тѣла, — напримѣръ, многія непонятныя связи европейцевъ съ женщинами чуждыхъ расъ (негритянками и т. д.). Существуютъ мужчины, которыхъ возбуждаетъ исключительно лишь ароматъ женщины вообще, и отсутствуетъ склонность къ какой-нибудь одной женщинѣ; — такого рода мужчины особенно охотно посѣщаютъ большіе магазины, танцевальныя вечера и т. п.

Въ числѣ общихъ испареній тѣла, эротическое значеніе имѣетъ запахъ нѣкоторыхъ частей тѣла. Большую роль въ беллетристической и эротической литературѣ играетъ запахъ волосъ на головѣ и подѣ мышками. На нѣкоторыхъ мужчинъ производитъ возбуждающее впечатлѣніе и запахъ половыхъ частей. Врачъ - специалистъ по женскимъ болѣзнямъ, Клейнъ, доказалъ даже, что и самка человѣка обладала нѣкогда настоящими „пахучими“ железами на половыхъ частяхъ, отъ которыхъ и до настоящаго времени сохранился рудиментъ въ видѣ большихъ железъ срамныхъ губъ (*glandulae vestibulares majores*). Но, въ общемъ, въ настоящее время специальное значеніе запаха половыхъ частей человѣка очень не велико. Во всякомъ случаѣ, теперь женщина пользуется для полового првлеченія мужчины гораздо больше искусственными и запахами, чѣмъ естественными.

Въ большинствѣ случаевъ прибѣгаютъ даже къ искусственнымъ ароматическимъ веществамъ, чтобы заглушить ими естественный запахъ тѣла; правда, особенно сильныя ароматическія вещества (мускусъ, амбра), предназначаются для усиленія или въ подражаніе запахамъ естественныхъ испареній, какъ это доказываетъ уже самая принадлежность ихъ къ группѣ каприловыхъ веществъ. Но большинство искусственныхъ духовъ содержатъ, наоборотъ, нѣжныя и пріятныя душистыя вещества, добываемыя изъ цвѣтовъ и какъ-будто предназначены къ тому, чтобы создать для мужчины иллюзію, что и сама женщина такова.

„Употребленіе женщинами духовъ и производимое этимъ впечатлѣніе на мужчину является однимъ изъ самыхъ глубокихъ доказательствъ способности человѣческой души къ иллюзіямъ. Первая женщина, прибѣгнувшая къ духамъ въ надеждѣ вызвать въ интересовавшемъ ее мужчинѣ хоть отдаленное пред-

положеніе, что этотъ аромать свойственъ ей, исходитъ изъ ея тѣла или служить благороднымъ выраженіемъ ея души, — сдѣлала болѣе смѣлое заключеніе о природѣ души мужчины и болѣе смѣлое открытіе въ области человѣческой психики, чѣмъ нѣкогда Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“. — И она добилась успѣха: „мы, дѣйствительно, вѣримъ, что аромать той или иной женщины представляетъ ея личную особенность, мы причисляемъ его къ ея свойствамъ и отождествляемъ его съ ней самой, мы дѣйствительно говоримъ: ея аромать“ (Кристианкеръ).

Очень часто эти искусственныя душистыя вещества производятъ необычайно сильное возбуждающее дѣйствіе на чувственность. Тотъ фактъ, что ихъ употребляютъ исключительно женщины для привлеченія и увлеченія мужчинъ, служить новымъ доказательствомъ большей воспримчивости мужчинъ къ грубымъ чувственнымъ раздраженіямъ въ любви; женщина подвержена имъ гораздо меньше, и оттого половая возбудимость женщины подѣ влияніемъ запаховъ гораздо слабѣ мужской. Но къ этимъ могущественнымъ средствамъ для привлеченія мужчины прибѣгаютъ женщины всего міра — у культурныхъ и дикихъ народовъ; дѣлаютъ это, главнымъ образомъ, проститутки, дѣлами прежде гетеры. Простыя дѣвушки прикалываютъ для этого на груди сильно пахнущіе цвѣты, дамы пользуются искусственными духами, дѣйствующими гораздо сильнѣе. Запахъ ренеды, геліотропа, жасмина, пачули, фіалокъ, розъ, илангъ-илангъ, мускуса и т. д. — излюбленные для этой цѣли духи. Возможно, что различныя запахи вызываютъ и различныя эротическія представленія, — нѣкоторыя наблюденія подтверждаютъ это. Во всякомъ случаѣ, бываютъ мужчины, воспримчивые только къ одному какому-нибудь запаху и остающіеся совершенно равнодушными ко всѣмъ остальнымъ.

Роль вкусовыхъ ощущеній въ любви при нормальныхъ условіяхъ у мужчины очень незначительна, такъ что на нихъ можно не останавливаться. (Упомянемъ только вскользь о нѣкоторыхъ пищевыхъ веществахъ, вызывающихъ половое возбужденіе (Aphrodisiaca), а равно о веществахъ, вызывающихъ сладострастіе, въ составъ которыхъ входятъ половыя выдѣленія или даже самыя половыя части.)

Гораздо болѣе важную роль играетъ слухъ, что доказываетъ уже тѣсная связь между голосомъ и половымъ развитіемъ въ періодъ мужской зрѣлости. Голосъ производитъ и подѣи въ сильное эротическое дѣйствіе, достигающее особенной силы въ ритмической формѣ пѣнія и музыки и вызывающее различныя ощущенія, въ зависимости отъ того или иного тембра, оттѣнка или вибраціи звука.

Призывные звуки первобытныхъ людей имѣли, — по Дарвину, — форму музыкальныхъ звуковъ и ритмовъ. Успѣхи знаменитыхъ пѣвицъ, а также и пѣвцовъ — ясно подтверждаютъ эту связь.

Но настоящимъ „органомъ любви“ современнаго культурнаго человѣка является несомнѣнно зрѣніе, — этотъ „первый вѣстникъ любви“, который „лѣвой рукой стелетъ по самой землѣ сладострастіе“ и въ то же время правой „направляетъ наши

взоры въ высшія сферы идеала* (Мантегацца). Такъ какъ зрѣніе служитъ истиннымъ органомъ воспріятія красоты тѣлесныхъ формъ, то благодаря ему развилась та тѣсная связь между любовью и красотой, которую философъ Платонъ и

Рис. 42. Кокетка. По картинѣ Фр. Русса.

естествоиспытатель Дарвинъ формулировали одинаково: красота — это воплотившаяся любовь.

Въ самомъ дѣлѣ, легко можно представить себѣ, что зрѣніе вліяло на выборъ въ любви, благодаря чему во время исторіи развитія создались и установились въ мірѣ живыхъ существъ различныя формы красоты. Дарвинъ очень подробно развилъ эту интересную часть „полового подбора“.

Разумѣтся, понятіе красоты, воспринимаемой нами съ помощью зрѣнія, очень относительно. Оно неодинаково не только у различныхъ человѣческихъ расъ, у народовъ культурныхъ и дикихъ, но также и у различныхъ національностей одной и той же расы и даже у отдѣльныхъ лицъ. Абсолютнаго идеала женской красоты совсѣмъ не существуетъ. Повсюду, во всемъ мірѣ красота выводится изъ чувственности. Въ основѣ „красиво“ то, что привлекательно съ точки зрѣнія чувственности. Въ обыденной жизни способность привлекать мы называемъ „кокетствомъ“. Францъ Руссо символизируетъ это понятіе въ выраженіи лица кокетливой красавицы (Рис. 42), но, въ дѣйствительности, кокетство проявляется во всевозможныхъ формахъ и разновидностяхъ и вовсе не имѣетъ единого какого-либо опредѣленнаго типа.

„Красота, — говоритъ Реми де Гурмонъ, — до такой степени слита съ чувственностью, что единственными, неоспоримо прекрасными произведеніями искусства остаются тѣ, которыя изображаютъ нагое человѣческое тѣло. Оставаясь вѣрнымъ ей, греческая скульптура стала выше всякихъ споровъ. Она прекрасна потому, что изображаетъ человѣческія тѣла, которыя такъ привлекательны, что всякій мужчина и всякая женщина желали бы соединиться съ ними для сохраненія вида. Прекрасно то, что гармонируетъ съ любовью; что прекрасно, то гармонируетъ съ любовью. Только эта неразрывная связь между искусствомъ и любовью объясняетъ существованіе искусства. Безъ этого отзвука чувственнаго элемента искусство не могло бы возникнуть и не могло бы быть долговѣчно. Въ этихъ темныхъ глубинахъ нѣтъ ничего безцѣльнаго; все, что сохраняется долго, необходимо. Искусство есть соучастникъ любви. Когда исчезнетъ любовь, погибнетъ и искусство; когда упразднится искусство, любовь станетъ одной простой физиологической потребностью“.

Зрѣніе развило съ теченіемъ времени въ любви законы красоты (ср. II главу слѣд. тома — „Красота женщины“), своего рода уставъ; — списокъ признаковъ красоты европейской женщины, вліяющихъ эротически на мужчину. Къ этимъ признакамъ, по Штрапцу, принадлежатъ слѣдующіе:

Изящное строеніе костей
Круглыя формы и груди
Широкій тазъ
Густые, длинные волосы
Прямая, низкая граница лобковыхъ волосъ.
Скудная растительность подъ мышками
Отсутствіе волосъ на тѣлѣ
Нѣжная кожа
Круглый черепъ
Маленькое лицо
Вольшія глазныя орбиты
Высокія, узкія брови
Низкая, узкая подвижная челюсть
Мягкій переходъ отъ щеки къ шее
Круглая шея
Изящная тонкая рука
Узкая кисть съ удлинненнымъ указат. пальцемъ

Круглыя плечи
Прямыя, узкія ключицы
Узковатая, продолговатая грудная клетка
Стройная талія
Вогнутая поясница
Выпуклыя ягодицы
Поясничныя ямки
Круглыя, полныя бедра
Низкій, тупой лобокъ
Мягкія очертанія колѣнъ
Круглыя икры
Изящныя изгибы голени
Сухая ступня съ узкими пальцами
Удлиненность второго пальца ноги и укороченность пятало
Широкіе передніе рѣзцы

Гавелоккъ Эллисъ составилъ, приблизительно, точно такой же списокъ признаковъ женской красоты. По мнѣнію Штратца, этотъ индо-германскій идеаль женской красоты служить масштабомъ и для всѣхъ другихъ расъ. Образованные и чуткіе къ красотѣ мужчины другихъ расъ большею частію такъ же высказываются о женской красотѣ, какъ и европейцы; Штратцъ подтверждаетъ это многими примѣрами. На взглядъ европейца, къ этому индо-германскому идеалу приближаются всего больше яванки, китайянки, японки, женщины Сандвичевыхъ острововъ и Самоа и пѣкоторыхъ африканскихъ племенъ, въ особенности смѣшанное женское население Египта.

По фотогр. связку бр. Аливари во Флоренціи.
Рис. 43. Рожденіе Венеры. По картинѣ Боттичелли.

Вышеописанный естественный идеаль европейской женской красоты выработался постепенно въ теченіе развитія культуры, съ процессомъ обособленія мужчины и женщины, однако онъ часто подвергается мимолетнымъ измѣненіямъ подѣ влияніемъ измѣнчивости моды и вкусовъ. Назовемъ хотя бы только идеаль женской красоты такъ называемаго „прерафаэлитскаго“ направленія въ искусствѣ, прообразомъ котораго можетъ считаться знаменитая флорентинская Венера Сандро Боттичелли (рис. 43). Вотъ что говорятъ Штратцъ о типѣ ея красоты:

„Фигура Венеры Сандро Боттичелли полпа нѣжной, грустной прелести, производящей глубокое впечатлѣніе. При внимательномъ разсмотрѣніи, нельзя не узнать въ ея длинной, тонкой шеѣ, въ замѣтно покатыхъ плечахъ, въ узкой, впалой грудной клеткѣ и въ обусловленномъ этимъ расположеніи груди, близко отстоящихъ другъ отъ друга, — ярко выраженный типъ туберкулезной больной, глубоко-печальная красота которой волнуетъ душу зрителя искреннимъ состраданіемъ и въ жизни, и въ ху-

дожественномъ изображеніи". Такимъ образомъ, Ботичелли, самъ того не зная, избралъ своимъ идеаломъ типъ чахоточной красавицы. Не звали этого и его поклонники и послѣдователи и, въ стремленіи подражать этому идеалу, придали своимъ здоровымъ натурщицамъ печать туберкулеза, создавъ такимъ образомъ лишеныя правды смѣшанные образы. Указанный конфликтъ особенно ясно выступаетъ у Бернъ Джонса, одного изъ величайшихъ прерафаэлитовъ. Въ его черновыхъ наброскахъ это здоровые люди, а на картинахъ всѣ они превратились въ чахоточныхъ.

Прерафаэлитизмъ, возникшій первоначально въ Англии, съ его пристрастіемъ къ „прямой линіи“, къ стройнымъ, воздушнымъ,

По снимку Фотогр. Общ. въ Берлинѣ.

Рис. 44. Нападеніе сатировъ на Діану, окруженную нянфами.

По картинѣ Рубенса.

слишкомъ одухотвореннымъ, сверхчувственнымъ формамъ, представляетъ собой только временную, переходящую моду, — точно такъ же, какъ во времена Рубенса идеаломъ женской красоты считалось прямо противоположное свойство, а именно — чрезмѣрная полнота. Даже Діана, которую всѣ художники изображаютъ высокой, стройной и подвижной, — на картинѣ Рубенса (рис. 44) является необычайно полной.

На ряду съ чувственной прелестью, совокупность психически-привлекательныхъ свойствъ, претворяемыхъ фантазіей, играетъ, быть можетъ, еще большую роль въ любви мужчины, въ особенностяхъ въ любви современнаго культурнаго европейца.

Неисчерпаемая изобрѣтательность фантазіи сказывается часто съ поразительной силой именно въ этой области и обуславливаетъ собой безконечное разнообразіе характера любви и ея проявленій. Въ любви многіе мужчины становятся поэтами и ху-

дожниками. Въ ней обнаруживается весь характеръ, вся фантазія и творческая сила мужчины; въ ней обнажаются всё корни его существа. Только съ полнымъ развитіемъ полового чувства достигаетъ наивысшаго расцвѣта и вся духовная его сущность. Этимъ объясняется та глубокая, интимная связь, какая существуетъ между религіей, искусствомъ и всякой духовной дѣятельностью и творчествомъ, съ одной стороны, и половой жизнью — съ другой, и вліяніе ихъ другъ на друга, замѣтное у мужчины гораздо больше, чѣмъ у женщины.

У мужчины гораздо сильнѣе сказывается власть идеи надъ чувствами и дѣятельностью въ половой сферѣ, тогда какъ жизнь и дѣятельность женщины въ этой сферѣ болѣе инстинктивна. Этимъ объясняется также несравненно большая потребность мужчины въ разнообразіи въ этой области. Мужчина любить новизну, перемѣны, — какъ въ сферѣ любовныхъ чувствъ, такъ и въ отношеніи объекта любви. Онъ склоненъ, больше чѣмъ женщина, къ разнообразію и, несмотря на болѣе развитіе у него, благодаря культурѣ, моногамическіе инстинкты, ему все же врождено влеченіе къ многоженству. Вотъ, почему среди мужчинъ можно встрѣтить цѣлый рядъ эротическихъ типовъ, наивысшее развитіе которыхъ относится, правда, къ области ненормальнаго, болѣзненнаго, но которые и въ нормальныхъ предѣлахъ очерчены довольно явственно.

Рис. 45. Казанова.

Къ ихъ числу относятся, прежде всего, тѣ часто встрѣчающіяся проявленія полигамныхъ инстинктовъ, которыя обнаруживаются въ донъ-жуанствѣ. Типъ Донъ-Жуана далеко не всегда одинаковъ, — онъ обнимаетъ собой различныя виды соблазна и погоны за женщинами, — отъ разсудочнаго разврата до чисто чувственной жажды наслажденій, отъ презрѣнія къ женщинамъ до восторженнаго поклоненія имъ. Тѣ и другіе виды объединены единственнымъ общимъ признакомъ, — частой перемѣной объекта любви. Старый испанскій Донъ-Жуанъ (совершенный типъ этой демонической фигуры даетъ намъ пѣвецъ Франческо д'Андраде въ оперѣ Моцарта; см. на отд. таблицѣ), а также нѣкоторые британскіе развратники XVIII столѣтія представляютъ собой первый типъ, — образы въ родѣ Казановы (рис. 45) или Ретивъ де ла Бретонъ-второй.

Первый характеризуется спокойной, холодной непреклонностью, съ которой онъ предается наслажденіямъ любви; для

него она гораздо меньше вопросъ страсти, чѣмъ гордости и самодовольнаго сознанія своей власти; второго же влечетъ пылкая чувственность въ соединеніи съ врожденной потребностью все новаго и новаго обладанія. Донъ-Жуанъ презираетъ женщинъ; онъ, въ сущности, типичный врагъ женщинъ, львовольскій женоненавистникъ; Казанова — типичный „феминистъ“, онъ обладаетъ глубокимъ пониманіемъ женской души, въ любви не разочаровывается и, чтобы чувствовать себя счастливымъ, нуждается въ постоянномъ общеніи съ женщинами. Въ Донъ-Жуанѣ соблазнительна его демоническая натура, его грубо неукротимая власть; въ Казановѣ — окружающая его атмосфера чувственности. Донъ-Жуанъ властный герой, побѣдитель, холодный насильникъ надъ душой, въ родѣ героя „Дневникъ соблазнителя“ Киркегорда; Казанова — мягкій, чуткій и нѣжный соблазнитель, эротикъ-идеалистъ, признающій только обожаемую „женщину“, а не „женщинъ“.

Есть еще одна разновидность: мнимый Донъ-Жуанъ. Это мужчина, вѣчно ищущій истинной любви и приобретающій характеръ Донъ-Жуана только вслѣдствіе вѣчныхъ разочарованій и ошибокъ. Этотъ типъ встрѣчается теперь очень часто. Онъ представляетъ собой только выраженіе той все болѣе усиливающейся дифференціаціи, которая влечетъ за собой все большую трудность правильнаго любовнаго выбора; его порождаетъ не жажда чувственныхъ наслажденій, а вѣчно обманываемая страстныя исканія истинной индивидуальной любви.

Старый довь-жуановскій типъ эротика-„властелина“ представляетъ собой просто разновидность нормальнаго (физиологическаго) явленія садизма (сладострастной жестокости; см. 13 главу II тома: „Болѣзненные проявленія полового инстинкта“), который встрѣчается — по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ чертахъ — и у всякаго нормальнаго мужчины и который связанъ съ активной ролью мужчины въ половой дѣятельности. И въ нормальномъ половомъ общеніи нѣкоторые мужчины испытываютъ странную потребность проявить какимъ-нибудь путемъ — крикомъ, укусомъ, бурнымъ объятіемъ — свою власть и силу надъ любимой женщиной и самому интенсивно почувствовать ее. Это происходитъ отъ стародавней связи между сладострастіемъ и жестокостью. Причиненіе физическаго и душевнаго страданія усиливаетъ сладострастіе и представляетъ собой у нѣкоторыхъ мужчинъ нормальное сопутствующее явленіе полового общенія. Любовное объятіе часто изображалось, какъ „сладостная боль“, какъ болѣзненное наслажденіе, а недавно одинъ глубокій психіатръ, Эдмундъ Форстеръ, доказалъ, что болѣзненные ощущенія являются несомнѣнными составными частями и самаго чувства сладострастія.

Этотъ „садиизмъ“ мужчины несравненно естественнѣе, чѣмъ его противоположность — „мазохизмъ“, т. е. сладострастное чувство, испытываемое отъ претерпѣваемыхъ — физической или душевной — боли или униженія. Мазохизмъ — явленіе тоже очень распространенное — происходитъ, до извѣстной степени, косвенно отъ извращенія естественныхъ половыхъ отношеній между мужчиной и женщиной. Спокойная пассивность женщины прямо противоположна бурной и жадной активности мужчины — ее

мѣтко сравниваютъ съ магнитомъ, неодолимо и крѣпко притягивающимъ желѣзо (мужчину) и, при всей своей кажущейся неподвижности, превращающимъ его, до нѣкоторой степени, въ раба, — эта пассивность составляетъ несомнѣнное превосходство женщины въ чисто чувственной любви. Сама физическая природа даетъ ей перевѣсъ надъ мужчиной — даже тогда, когда она наружно кажется поработенной.

Въ условіяхъ нашей европейской культуры, настоящимъ образомъ „подъ башмакомъ“ оказывается тотъ мужъ, который съ самаго начала попадаетъ въ подчиненіе къ своей женѣ, благодаря своей чрезмѣрной половой потребности; благодаря ей же долго остается въ зависимости, а если эта зависимость и распространяется потомъ и на другія стороны отношеній, то ея значеніе остается все же второстепеннымъ. Вліяніе фаворитокъ также возникаетъ вначалѣ изъ чисто половыхъ отношеній между правителемъ и его метрессой, — ея вліяніе на политику также проявляется только впоследствии. Такъ Антоній далъ себя заковать въ цѣпи Клеопатрѣ. Нильская владычица (рис. 41) покорила себѣ избалованнаго побѣдами владителя Римской имперіи. Чѣмъ больше половая пассивность и холодность женщины, тѣмъ легче она пріобрѣтаетъ власть надъ мужчиной.

Чисто психическій мазохизмъ, часто встрѣчающійся въ наше время, находится также въ связи съ принудительными сторонами жизни, нравовъ и обычаевъ, отъ которыхъ мужчины страдаютъ гораздо больше, чѣмъ женщины. Онъ пробуждаетъ потребность самоотреченія въ видѣ беззавѣтной любви къ женщинѣ, характеризующейся желаніемъ переносить отъ нея страданія и униженія.

Въ связи съ этимъ находится и та своеобразная привлекательность, которую представляютъ проститутки даже для интеллигентныхъ мужчинъ, эстетически очень чуткихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Именно своей пошлостью, грубостью и животностью проституція производитъ на многихъ мужчинъ впечатлѣніе магически-притягательной силы. Эта несомнѣнно мазохистская черта предстанетъ передъ нами особенно ярко, если мы представимъ контрастъ между умственно высоко-развитымъ мужчиной и проституткой. Самый спрос на проституцію несомнѣнно связанъ до извѣстной степени съ этимъ, свойственнымъ и нормальнымъ мужчинамъ, мазохизмомъ, т. е. со стремленіемъ погружаться время отъ времени въ пропасть грубой, животной половой страсти и съ потребностью въ самоуниженіи въ формѣ чувства къ недостойному существу. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта форма мазохизма гораздо болѣе свойственна мужчинамъ, чѣмъ женщинамъ.

Въ заключеніе, укажемъ еще на то, что въ тѣсной связи съ мазохистскимъ характеромъ чувствъ находятся и нѣкоторыя формы монашескаго аскетизма и поэтическаго и философскаго пессимизма.

Скульпка В. Тидцталера въ Берлинѣ

Рис. 46. Борьба гигантовъ. Фризъ нижн. части Пергамскаго алтаря въ Берлинѣ

Глава IV.

Умственная и душевная жизнь мужчины.

(Прив.-доц. докторъ правъ Теодоръ Штернбергъ.)

Главное свойство живыхъ существъ, которымъ они отличаются отъ неодушевленныхъ предметовъ, представляетъ ихъ стремленіе къ сохраненію своего вида или своихъ формъ и сохраненіе ихъ путемъ воспроизведенія себѣ подобныхъ существъ. Сохраненіе формъ и стремленіе къ нему, свойственное цѣлому виду въ его совокупности, обуславливаетъ собой стремленіе къ самосохраненію у каждаго изъ его представителей въ отдѣльности, — въ тѣхъ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, въ какихъ это необходимо для сохраненія вида. Самосохраненіе составляется изъ двухъ моментовъ: изъ самозащиты противъ нападеній, угрожающихъ жизни, и изъ непрерывнаго выработыванія тѣлеснаго вещества путемъ обмѣна веществъ. Слѣдовательно, понятіе жизнѣдѣтельности составляется изъ совокупности трехъ видовъ дѣятельности: размноженія, борьбы и питанія.

Не у всѣхъ живыхъ существъ наблюдаются въ одинаковой мѣрѣ эти три рода дѣятельности; у растений, напримѣръ, борьба занимаетъ несравненно меньшее мѣсто, хотя все же существовать и не можетъ не существовать, какъ и у животныхъ. У животныхъ, даже высшихъ породъ, дѣятельность въ интересахъ борьбы не всегда легко отличить отъ дѣятельности въ интересахъ питанія: левъ, напримѣръ, борется, чтобы питаться, и питается путемъ борьбы. Но неразрывную связь между питаніемъ и борьбой можно прослѣдить и еще гораздо глубже. Когда живое существо поглощаетъ въ себя какое-нибудь полезное его жизнѣдѣтельности вещество изъ вѣшняго міра, — оно неизбежно отнимаетъ его у другихъ живыхъ существъ, потому что ими вѣдь полонъ весь миръ и они всюду и непрерывно стараются прокладывать себѣ пути. Нѣтъ, слѣдовательно, въ мірѣ ничего полезнаго для жизни, никакого — скажемъ кратко — „блага“, котораго не оспаривали бы многіе; конкуренція — явленіе не

случайное въ жизни, а представляет ея необходимый составной элементъ.

Ничто не можетъ развиваться свободно иначе, какъ цѣной вытѣсненія чего-нибудь другого; тотъ же результатъ мы видимъ, когда, напримѣръ, рука естествоиспытателя-ботаника, желающаго создать благоприятныя условія развитія какому-нибудь грибу, удаляетъ съ его дороги его соперниковъ. И наоборотъ: когда какое-нибудь живое существо побѣждаетъ въ борьбѣ, оно добываетъ себѣ пищу — и другой повода и другой цѣли никакая борьба имѣть не можетъ — или же возможность спокойнаго пользованія ею. Въдѣ для питанія необходима не только наличность пищи, но еще — съ одной стороны — покой и безопасность, съ другой — теплота, чтобы поглотить и переварить ее. Добываніе пищи — а иногда и достиженіе и охраненіе покоя, безопасности и теплоты — требуетъ всегда дѣятельности, и эта дѣятельность, разсматриваемая съ извѣстной точ-

Фотогр. изд. Фр. Гавфштадтля въ Мюнхенѣ.

Рис. 47. Геркулесъ, умерщвляющій Антея.
Съ картины Г. Велдунга (Грива).

ки зрѣнія, есть, какъ мы видимъ, борьба, — но съ другой точки зрѣнія, не менѣе основательной, она не обязательно должна быть борьбой. Она можетъ въполнѣ проявиться, конечно, только у нѣкоторыхъ живыхъ существъ — у высшихъ животныхъ. Сознанія собственной опасности или вреда, — точнѣе, сознанія вреда, планомерно причиняемаго противникомъ, можетъ и не быть; а слѣдовательно, можетъ не быть того, что характерно для борьбы. Художественное выраженіе этого сознанія сказывается въ единоборствѣ, прообразъ котораго мы видимъ въ группѣ Геркулеса, побѣждающаго Антея (рис. 47).

Предметомъ пищи является въ такомъ случаѣ исключительно добыча; для достиженія покоя, безопасности и теплоты необходима побѣда не надъ врагомъ, а исключительно надъ препятствіями. Эта дѣятельность представляетъ собой трудъ; какъ мы видимъ, понятіе труда вытекаетъ изъ понятія питанія. Эта новая дѣятельность, какъ и самое питаніе, сохраняютъ все же близкое сродство съ борьбой: устраненіе безжизненныхъ препятствій требуетъ все же много очень опаснаго труда, вызывающаго въ душѣ тѣ же опасенія, что и при борьбѣ. Есть много животныхъ, планомерно создающихъ затрудненія для другихъ животныхъ, которымъ они служатъ пищей, и эти затрудненія своей утомительностью для послѣднихъ равносильны борьбѣ; вотъ почему нашъ языкъ образно называетъ трудъ борьбой и говорить о трудѣ борьбы. Такимъ образомъ, чтобы говорить о дѣятельности-борьбѣ, нужна наличность сознанія того и другого моментовъ — вреда и планомерности этого вреда, и нужно отсутствіе того и другого, чтобы можно было говорить о трудѣ.

Итакъ, мы установили одну точку зрѣнія, съ которой эти три главныхъ вида дѣятельности — борьба, питаніе, размноженіе — обособлены другъ отъ друга; другую, — съ которой между борьбой и питаніемъ существуетъ тѣсная связь; третью, — съ которой трудъ примыкаетъ къ питанію. Въ-четвертыхъ, мы убѣдились, что, кромѣ сопоставленія „борьба = питанію“ и „питаніе = труду“, существуетъ еще сопоставленіе „борьба = труду“. Только между размноженіемъ съ одной стороны и всѣми этими остальными видами дѣятельности съ другой проходитъ болѣе глубокая борозда, противопоставляющая препятствія подобнымъ сопоставленіямъ. Нѣсколько болѣе допустимымъ можно считать сопоставленіе „размноженіе = питанію“, потому что созданіе новаго существа немислимо безъ вынашиванія его и вскармливанія со стороны стараго. Между размноженіемъ же и борьбой, если и существуетъ, то чрезвычайно слабое сродство, въ особенности же въ сопоставленіи „размноженіе = труду“ совсѣмъ нѣтъ видимой надобности, скорѣе даже наоборотъ.

Даже у самыхъ низшихъ животныхъ видовъ ярко выражена эта противоположность между дѣятельностью размноженія и другими родами ея: когда простѣйшее одноклѣтное животное дѣлится, то дѣленіе совершается только въ томъ изъ двухъ его ядеръ, которое служить цѣлямъ размноженія; другое же, посвященное остальнымъ видамъ жизнедѣятельности, обыкновенно исчезаетъ и потомъ наново вырабатывается каждымъ изъ возникшихъ послѣ дѣленія животныхъ.

Всѣ эти соображенія чрезвычайно важны для оцѣнки характера обоихъ половъ.

Можно было бы сказать, что природа добивалась прогресса, —

который заключается въ образованіи особыхъ органовъ для каждаго отдѣльнаго рода дѣятельности, — въ томъ, чтобы снабдить каждую животную породу тремя особыми формами, отдѣльными для каждаго рода дѣятельности — такъ, чтобы каждый высшій животный видъ состоялъ изъ совокупности аппаратовъ, — для защиты, для питанія и для рожанія (соотвѣтств. борьбѣ, труду и размноженію). На самомъ же дѣлѣ она нигдѣ не осуществила въ чистомъ видѣ этотъ принципъ, который намъ угодно называть закономъ раздѣленія труда, — скорѣе она, наоборотъ, подчинила его закону половыхъ различій всюду, даже тамъ, гдѣ она дала ему наивысшее развитіе, какъ, напр., у пчелъ (ихъ гуртни безусловно не предназначены для борьбы) и въ особенности у муравьевъ. Природа требуетъ, чтобы каждая животная порода содержала въ себѣ извѣстную смѣсь веществъ живыхъ собой. Этимъ требованіемъ она даже явно обуславливаетъ самое размноженіе, сохраненіе вида, не осуществляя безъ него сохраненіе, — и мы, несомнѣнно, можемъ прослѣдить это требованіе — соприкосновеніе съ цѣлью смѣшенія — въ самомъ актѣ размноженія.

Какъ развились половыя различія и зачѣмъ нужны они жизни, — этого мы еще не знаемъ; мы имѣемъ только нѣсколько гипотезъ въ отношеніи ихъ полезности: тамъ, гдѣ для созданія одного новаго индивидуума или (въ извѣстныхъ предѣлахъ) довольно большого числа индивидуумовъ требуется не одинъ старый индивидуумъ, а пара, — тамъ, очевидно, отброшенъ путь сохраненія вида посредствомъ народненія возможно большаго числа новыхъ существъ, — тамъ, вѣроятно, существуетъ стремленіе достигнуть этого другимъ путемъ, — путемъ улучшеннаго качества новыхъ существъ; быть можетъ, накопленіемъ въ новомъ существѣ свойствъ, унаслѣдованныхъ отъ двухъ старыхъ, достигается усиленіе способности приспособленія и въ особенности, быть можетъ, той способности превращенія, съ помощію которыхъ организмы имѣли возможность развить то многообразіе, которымъ они въ настоящее время отличаются, — чтобы могли развиться нѣкѣ существующія высшія и наивысшія формы. Но до сихъ поръ, пока мы можемъ располагать только такими соображеніями полезности, мы вынуждены довольствоваться одними предположеніями и догадками и въ вопросѣ душевной жизни обоихъ половъ; вполнѣ вѣрныя заключенія о психическомъ предназначеніи половъ мы могли бы сдѣлать только тогда, когда могли бы установить необходимость различія половъ для жизни.

Но, требуя совокупнаго дѣйствія двухъ существъ, природа нигдѣ, однако, не показываетъ возможности соединенія большаго числа — трехъ — существъ для цѣлей размноженія. Оттого принципъ полового различія является въ то же время принципомъ двуединства (полового дуализма). Разумѣется, законъ полового различія въ своемъ чистомъ и настоящемъ смыслѣ еще не исчерпывается закономъ двуединства. Если мы положимъ въ основу этого закона — для объясненія его — намѣреніе природы усилить превращаемость и приспособляемость видовъ, то намъ станетъ понятно, правда, что всякое существо можетъ соединяться только съ существомъ такого вида, который обладаетъ дополнительными свойствами, недостающими первому; но изъ этого отнюдь еще не видно, что налицо должны быть двѣ группы, настолько отличныя другъ отъ друга по своему строенію и своимъ функціямъ, чтобы могла быть рѣчь о различіи половъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Если какое-нибудь одноклѣтное существо *a* можетъ соединиться съ существомъ *b* своего вида, а съ *c* не можетъ, то это

еще не значить, что существует какое-нибудь определенное различие общаго характера между *a* и *c* съ одной стороны и *b* (и способнымъ съ нимъ соединиться), съ другой; прежде всего это не значить, что и *c* не могло бы, такъ же, какъ *a*, соединиться съ *b*. На низшей ступени законъ двуединства еще вовсе не вытекаетъ изъ простой множественности, въ силу котораго каждое существо отличается отъ каждаго другого существа; слѣдовательно, двуединство или половое различіе въ болѣе широкомъ смыслѣ можетъ быть констатировано только тамъ, гдѣ соединеніе обусловливается различіемъ между ищущимъ и искомымъ, между производящимъ и вынашивающимъ существомъ, т. е. между сѣменной клѣткой и яйцевой, потому что только этимъ и обусловливается истинное различіе половыхъ ролей: отцовская роль, принадлежащая той особи, которая выдѣляетъ изъ себя маленькія сѣменные клѣтки, предназначенныя двигаться и отыскивать, и материнская роль той особи, которая обладаетъ болѣе крупными яйцевыми клѣтками, предназначенными оставаться неподвижными и развиваться.

Такое толкованіе требуетъ, разумѣется, ограниченія въ виду того, что существуютъ высшія растенія, у которыхъ въ одной и той же пѣвочной особи соединяются многіе посетители и яйцевыхъ, и сѣменныхъ клѣтокъ, но такъ все-таки, что ихъ легко отличать другъ отъ друга. Это всего легче представить себѣ въ такомъ видѣ, какъ если бы челоуѣчество состояло изъ сямскихъ близнецовъ, братьевъ и сестеръ попарно. Для высшихъ растеній такое устройство очень практично, въ виду оплодотворенія, происходящаго черезъ посредниковъ (преимущественно насѣкомыхъ), изъ которыхъ каждый при оплодотвореніи женской части растенія можетъ набрать пыльцу изъ мужской части этого растенія. Въдъ такъ называемыя „мужскія“ растенія не способны къ самостоятельному движенію и отыскиванію, какъ самцы почти всѣхъ видовъ животныхъ.

Но до возникновенія полового различія, до превращенія отцовства и материнства въ мужественность и женственность еще очень далеко. Природѣ, намѣревающейся провести одновременно и законъ раздѣленія труда, и законъ полового различія, представляется задача раздробить триединство перваго и двуединство втораго. Совершенно понятно, что потребность питанія хотя бы въ слабой степени должна быть заложена въ каждаго индивидуума, все-равно какого пола, иначе онъ не могъ бы жить; видно также, что природа стремится заложить въ каждаго индивидуума, хотя бы въ слабой тоже степени, и половой элементъ, и способность къ борьбѣ. Тѣмъ не менѣе она развиваетъ довольно разнообразныя комбинаціи различныхъ свойствъ; послѣ попытки, сдѣланной у высоко организованныхъ насѣкомыхъ, сохранить раздѣленіе на отцовъ, матерей и бесполоыхъ рабочихъ (или солдатъ), т. е. сохранить триединство, — она снова возвращается къ двуединству и тутъ рѣшаетъ вопросъ: питаніе и размноженіе закладываетъ въ особой обоихъ половъ, а борьбу (съ поисками и движеніемъ) — въ одного изъ нихъ въ замѣтно большей степени. Только тутъ возникаетъ то различіе, которое можно назвать не только физическимъ, но и психическимъ различіемъ между мужественностью и женственностью. Развившееся очень ярко только у высоко организованныхъ позвоночныхъ животныхъ, оно и здѣсь еще часто очень замѣтно колеблется; у большинства птицъ, а нѣзъ млекопитающихъ у хищныхъ звѣрей, замѣтно еще въ высокой степени пред-

расположеніе къ исканію и движенію въ видѣ борьбы и охоты у самки, такъ что отличительнымъ свойствомъ, присущимъ одному самцу, остается только воинственное соперничество, борьба изъ-за самки.

У человѣка половое различіе достигаетъ наивысшей степени, — мужчина предрасположенъ къ борьбѣ, къ исканію и движенію, женщина — къ неподвижности и уходу за потомствомъ. Благодаря этому, человѣкъ сохраняетъ наивысшее положеніе среди всѣхъ животныхъ на землѣ; благодаря этому, онъ имѣетъ возможность самаго разнообразнаго развитія, потому что тамъ, гдѣ существуетъ наибольшее различіе свойствъ и способностей — такъ называемая дифференціація — неизбежно возникаетъ и разнообразіе, такъ какъ противоположности комбинируются въ свою очередь и порождаютъ множество переходовъ.

Если, при всемъ различіи роли самца и самки въ дѣлѣ размноженія, тигры и тигрицы, львы и львицы, коты и кошки, собаки обоего пола дерутся и грызутся почти безъ всякаго различія и одинаково склонны къ охотѣ и рысканію; если быкъ и корова, самецъ и самка слона или козули одинаково мирно пасутся, всемогъ на то, что орудіями защиты снабженъ одинъ самецъ; то у человѣка пропасть между мужской и женской дѣятельностью въ этомъ отношеніи очень велика и сближеніе происходитъ, какъ это наблюдается уже у обезьянъ, въ области совершенно новой — въ трудѣ, къ которому призваны оба, въ трудѣ, сообщающемъ человѣку ту же и еще большую особенность, которой отличаются высшія насѣкомыя. Если женщина приобрѣла мирный и безоружный характеръ самокъ копытныхъ животныхъ, то мужчина приобрѣлъ характеръ истинно хищнаго животнаго, который влечетъ его не только къ оборонительной борьбѣ, свойственной самцамъ копытныхъ, но и къ нападенію и активной борьбѣ, свойственной самцамъ кошекъ, собакъ, мѣлвѣдей. Отсюда вытекаетъ объясненіе особенностей его умственной и душевной жизни.

Отдѣляя мужской и женскій характеръ отъ отцовства и материнства, мы достигаемъ рѣзкаго разграниченія душевнаго строя, вытекающаго непосредственно изъ жажды полового единенія (родовой психозъ) съ одной стороны и съ другой — всей совокупности движеній человѣческой души, поскольку на нее оказываютъ вліяніе половыя различія (половой психозъ); какъ предметъ настоящей главы, ее слѣдуетъ отдѣлить отъ предыдущей. Въ родовой психикѣ гораздо больше бессознательнаго, — она состоитъ, въ сущности, изъ неясныхъ, въ такой же мѣрѣ необъяснимыхъ, какъ и непобѣдимыхъ, душевныхъ движеній, тогда какъ половая психика выражается главнымъ образомъ въ сознательной душевной жизни; между родовой и половой психикой яркой чертой проходитъ самая важная пограничная линія, какая только существуетъ на великой картѣ знанія: это переходъ отъ биопсихологіи (биопсихологіи), какъ естественной науки, къ психологіи, какъ наукѣ о характерѣ, къ исторіи умственнаго и культурнаго развитія

Разумѣется, подраздѣленіе на родовую и половую психику (какъ и всѣ вообще подраздѣленія) наука дѣлаетъ съ цѣлью объясненія и изображенія природы, но въ самой природѣ ихъ нѣтъ. Въ ней самой, конечно, незамѣтнѣе переходъ; половая психика часто въ большой мѣрѣ служитъ родовой, — въ особенности въ борьбѣ мужчины; родовая психика оказываетъ могущественное вліяніе на половую, какъ это особенно явственно сказывается въ случаяхъ кастраціи (удаленія половыхъ органовъ или существенныхъ частей ихъ) въ раннемъ возрастѣ.

Впрочемъ, связь между родовой и половой психикой неодинакова у обоихъ половъ, — у мужчины онъ рѣзче отдѣлены другъ отъ друга, чѣмъ у женщины. Такъ полагаютъ съ сѣдой древности. Но правильно ли это? Въ

этом простомъ видѣ — нѣтъ, конечно. Когда мы видимъ, что женщины, въ среднемъ, мнѣе свойственно чувственное желаніе, чѣмъ мужчины, что она въ словахъ и поступкахъ, безъ внѣшняго принужденія, больше способна къ цѣломудрію, что именно изъ несбуждаемыхъ половыхъ желаній мужчинъ возникаютъ преступленія, войны, безчисленные несчастія, — мы готовы даже сдѣлать противоположный выводъ. Въ дѣйствительности же это заставляетъ насъ только уяснить себѣ, что родовая и половая психика находится у мужчины и женщины въ различномъ отношеніи другъ къ другу, — что, быть можетъ, иныя проявленія и иныя сферы той и другой психики у мужчины и у женщины болѣе близки другъ къ другу, но по степени объ могутъ быть ближе другъ другу у женщины. Сдержанность, характеризующая женскую половую психику, обуславливается ея родовой психикой несравненно сильнѣе, чѣмъ у мужчины бурный характеръ его чувствъ.

Эта пограничная линія представляетъ собой переходъ отъ естественной науки, къ области которой преимущественно относится родовая психика, — къ наукѣ о душѣ, къ которой относится половая психика; это значитъ, — переходъ отъ науки наблюденій и вычисленій къ наукѣ, оперирующей надъ душевнымъ пониманіемъ, надъ „умозаключеніемъ“ отъ себя къ другимъ“; отъ науки, сравнивающей и уравнивающей предметы другъ съ другомъ, — къ наукѣ, которая констатируетъ одинаковость или неодинаковость (въ какомъ-нибудь душевномъ свойствѣ) изслѣдуемыхъ лицъ съ изслѣдующимъ: такъ какъ здѣсь „умозаключеніе“ отъ себя къ другимъ“ неизбѣжно для познанія другого человѣка, то сравненіе характеровъ или хотя бы только душевныхъ движеній двухъ человѣкъ между собой невозможно иначе, какъ черезъ себя самого. Того, чего совершенно нѣтъ въ насъ самихъ, мы никогда не поймемъ въ другихъ, — такъ сильно мы зависимъ въ этомъ познаніи отъ нашей собственной тѣлесно-душевной организаци; незрѣлыя дѣти не могутъ правильно представить себѣ страсть и желаніе половой любви.

Этотъ вопросъ былъ остроумно и граціозно трактованъ въ одной новеллѣ (въ мюнхенскомъ журналѣ „Jugend“): лѣтней порою двѣ маленькія дѣвочки неустанно и тѣтно ломаютъ себѣ головы надъ тѣмъ, откуда берутся дѣти, между тѣмъ какъ все вокругъ нихъ кипитъ и волнуется въ знойной атмосферѣ любви, страсти и стѣхліаго влеченія другъ къ другу между отцомъ и матерью, горничной и солдатомъ, гувернанткой и юношей-родственникомъ, пегорая уже о собакахъ, кошкахъ, курахъ.

Итакъ, если въ тѣлесно-душевной организаци людей нѣтъ болѣе глубокаго различія, чѣмъ половое, — ясно, что „мужское“ и „женское“ начала суть тѣ главные и основныя элементы, на которыхъ должно быть построено изслѣдованіе характеровъ. А такъ какъ мы приписываемъ тотъ или иной характеръ всему, что видимъ, то этотъ способъ изслѣдованія идетъ дальше человѣка: разныя породы животныхъ, хотя и двунолыя сами по себѣ, представляются намъ того или иного пола, сообразно тому, какія черты характера въ нихъ преобладаютъ, — мужского, если они производятъ впечатлѣніе бурныхъ и шумныхъ или сильныхъ и пылкихъ существъ, — женскаго, если они привязчивы, ласковы, граціозны; въ языкѣ большинства народовъ собака мужского рода, кошка — женскаго¹; очень часто на животныхъ символизируются отношенія между мужчиной и женщиной.

Половые различія идутъ еще дальше, проникая даже въ область неодушевленныхъ предметовъ и сказываясь въ грамматикѣ въ мужскомъ или жен-

¹ Въ русскомъ языкѣ „собака“ и „песь“, „лошадь“ и „конь“ употребляются, какъ извѣстно, не для обозначенія пола, а характера, психики. *Перев.*

скомъ родъ имевъ существительныхъ; оказывается, что мы связывали наше созерцаніе и мышленіе въ большей или меньшей степени съ половыми различіями, — они представляютъ собой, такимъ образомъ, необходимую форму мышленія, такъ называемую „категорію“. Но грамматика различаетъ полы или роды даже не только въ именахъ существительныхъ, а и въ глаголахъ: мы знаемъ „роды глаголовъ“ (genega verbí)! Быть можетъ, это простой образъ? Но образъ, заключающій глубокій смыслъ и не только случайный, свойственный не только какой-нибудь латинской грамматикѣ; его необходимость намъ выяснится сейчасъ.

Роды глаголовъ суть его дѣйствительныя и страдательныя формы, — роды потому, что активность мы мыс-

лимъ, какъ мужское свойство, пассивность — какъ женское. Противоположеніе мужественности женственности является мировымъ закономъ, первопричиной, изъ которой создался міръ, потому что все, совершающееся въ мірѣ, составляется изъ дѣйственности и страдательности, изъ воздѣйствія и сформированія, — изъ „формы (или формирующей силы) и матеріи“. Такимъ образомъ, мужчина и женщина являются только представителями закона полового двуединства, существующаго въ при родѣ давно, извѣчно, еще до возникновенія человѣка.

Фотогр. изд. Фр. Галфштегеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 48. Самсонъ грозитъ своему тестю, отказывающему выдать ему его жену.

По картинѣ Рембрандта.

На этомъ же законѣ основана и вся миеология и вся религія (поскольку религія можетъ быть мыслима безъ той или иной примѣси миеологии, что нашему изслѣдованію не подлежитъ). Въ особенности языческія культуры, со своимъ многобожіемъ, символизируютъ матерію, образомъ которой онѣ считаютъ землю, въ видѣ женскихъ божествъ, — а творческую и формирующую силу, содержащуюся, по ихъ мнѣнію, въ вѣтрѣ (въ воздухѣ), въ огнѣ (въ особенности въ молніи), въ изливающимъ влагу небѣ — они олицетворяютъ въ образѣ мужскихъ божествъ. При этомъ видную роль играетъ оплодотвореніе богини-земли съ помощью воды (дождь, горные потоки, моря), исходящей изъ творческой силы божественнаго духа, содержащагося въ небѣ и въ огнѣ.

Осязаемая земля грязна, темна и непрозрачна; невидимо-прозрачный дух чистъ и ясенъ и свѣтелъ. Точно такъ же извѣчными началами мужскими и женскими представляются и другіе образы: тревожащая, темная, злая ночь, яркій, свѣтлый, добрый день, побѣдоносно ясный и дающій силы для побѣды, но въ то же время и дарящее свѣтъ, великое, теплое, царящее надъ днемъ солнце¹ и, въ противоположность ему, воспринимающій свѣтъ, маленькій, холодный спутникъ ночи — мѣсяцъ.

„Женщина — болѣзнь, мужчина — здоровье“, гласить наука устами „отца-медицины“ Гиппократъ. Природа и духъ противопоставляются въ разсужденіяхъ мудрецовъ-философовъ, какъ женщина и мужчина.

Даже астрономія и математика поддаются вліянію идеи противоположности половъ, — теорія чиселъ восточныхъ народовъ всащѣло подвластна ей. Число три и треугольникъ считаются египтянами и ихъ учениками-греками — мужскими, число четыре и квадратъ — женскими, число шестнадцать представляетъ сладострастіе. Чертежъ пифагоровой теоремы представляетъ таинственное сочетаніе мужского и женскаго, а въ самой теоремѣ скрывается, какъ полагаютъ, разъясненіе отношенія другъ къ другу обоихъ половыхъ природныхъ началъ.

Бездна художественнаго таланта и бездна учености затрачена на изображеніе и доказательства этого взгляда на половыя начала; нѣкоторое представленіе объ этомъ даетъ легенда о свѣтломъ богѣ Самсонѣ и мрачной колдуньѣ Далиль. Самсонъ грозитъ своему тестю, отказывающемуся выдать ему его жену (рис. 48), не подозрѣвая, что та, которую онъ любитъ, коварно замысливаетъ его гибель. Фантазія изощряется въ созданіи безчисленныхъ сладострастныхъ и ужасныхъ образовъ оплодотворенія и лишенія мужской силы, судорожно пытаясь превозмочь страшныя противоположности и мучительно наталкиваясь на одинъ и тотъ же ужасъ: матерія-земля является матерью, но въ то же время и могилой. И въ объятіи тоской и страхомъ сердецъ, и въ измученномъ мозгу рождается ужасъ передъ женщиной, которая представляется имъ тождественной съ могилой и съ ночью, съ проклятіемъ „вѣчной смерти“, какой намъ кажется міръ, когда мы мыслимъ его только какъ безостановочно движущуюся матерію, безъ духовной воли и воздѣйствія, безъ добра и зла, безъ цѣли и смысла. Католическое ученіе усердно предостерегаетъ противъ этого, потому что, — если „мужчина“ (т. е. какъ мужское міровое начало) представляетъ собой творчество и дѣятельность, чисто-духовное движеніе, то „женщина“ представляетъ собой косность, роковой смертный грѣхъ, такъ какъ въ косности заключается мятежъ противъ стремленія и воли къ добру, къ духу и смыслу жизни, а вѣчная угроза „вѣчной смерти“ можетъ быть побуждена только этой волей; кто не хочетъ вести этой борьбы, тотъ предается злу, тотъ идетъ противъ Бога, его милосердія и даруемаго имъ спасенія.

Мужчины, достаточно хорошо изучившіе себя, чтобы знать, какъ часто ихъ страсть, залженная женщиной, вовлекаетъ ихъ во зло, страдаютъ въ слабости (имя которой — женщина) той неодолимой, непостижимой власти, которая грозитъ уничтоженіемъ силъ съ помощью чувственности, отвлекающей отъ подвиговъ и отъ мыслей, — какъ изображаютъ это легенды объ искушеніи (рис. 49).

¹ По-нѣмедики солнце (die Sonne) женскаго рода, луна (der Mond) — мужского; въ большинствѣ другяихъ языковъ — наоборотъ. Перев.

Женщина, представляющая въ образѣ вѣдьмы самое чудовищное искаженіе самаго дорогаго и спасительнаго образа матери, является посланницей бездны, воплощеніемъ зла, самаго искушенія.

Отъ этихъ идей никогда вполне не освободятся люди, обладающіе способностью глубокаго мышленія и фантазіей для широкаго созерцанія. У Гете этими идеями проникнуты съ поразительной силой обѣ части „Фауста“. Онѣ сохраняютъ свою силу и для настоящаго и сохраняютъ ее для сыновъ будущей научной эпохи, которые не въ состояніи будутъ понять образъ мышленія и чувствъ минувшихъ эпохъ, если не будутъ знать,

Рис 49. Искушеніе Св. Антонія.
Съ картины Д. Тенниса (Тенъера) Младшаго.

что религія, философія, искусство и паука мыслили и чувствовали противоположность половъ, и не будутъ имѣть силы понять самихъ себя, если не будутъ знать, какъ подвластно ихъ собственное мышленіе и чувствованіе необходимости половой противоположности. Эти таинственныя размышленія — дѣло исторіи; задача ея изысканій и толкованій — сдѣлать понятными для новаго человѣчества старыя формы половой противоположности; дѣло же науки о природѣ — наново представить ее въ болѣе точныхъ формахъ познанія.

Въ настоящее время вопросъ этотъ выплываетъ въ выдвинутой теоріи психической природы народовъ, въ стремленіи объяснить національныя противоположности половыми различіями — различать народы „мужскіе“ и „женскіе“. Заговорили даже о бракахъ между народами (Г. Дрисмапсъ и Лео

Бергъ). Съ давнихъ поръ уже греки слыли народомъ съ болѣе женственной организаціей въ противоположность болѣе мужественной организаціи римлянъ; германскіе народы считаются мужественными въ противоположность романскимъ и славянскимъ; является Вейнигеръ, объявляющій самымъ женственнымъ народомъ на землѣ — евреевъ. Но эта теорія очень скоро обнаруживаетъ неустойчивость: глубоко вкоренившійся взглядъ на цѣнность противоположныхъ ролей мужественности и женственности, какъ міровыхъ началъ, распространенный всюду и побуждающій даже мальчика не желать прослыть дѣвочкой, сказывается въ томъ національномъ тщеславіи, вслѣдствіе котораго каждый народъ хотѣлъ бы слѣть мужественнымъ и ни одинъ не соглашается считаться женственнымъ. Если вдохновенные сторонники пангерманизма находятъ романовъ женственными за то, что они малорослы и граціозны, гибки и ловки, непостоянны и страстны, болѣе чутки къ прекрасному, чѣмъ къ доброму, болѣе склонны къ домосѣдству, чѣмъ къ странствованію, больше любятъ сласти, чѣмъ напитки, — зато Ипполитъ Тень находитъ, наоборотъ, германцевъ женственными: они толсты и мясisty, толстощеки и краснощеки, у нихъ бѣлый цвѣтъ кожи, у нихъ нѣтъ мужественной жилистости стройныхъ, темнокожихъ романовъ; счастье они видятъ не въ мужественной силѣ творчески изобрѣтательнаго генія, а въ уютномъ комфортѣ и женственной заботливости о завтрашнемъ днѣ, въ женственно-терпѣливомъ непрерывномъ, однообразномъ трудѣ; ясно, что тутъ все сводится къ тому, какъ взглянуть на германца — какъ на богатыря съ бѣлокурой головой Христа, какъ на Зигфрида, или какъ на „Михеля“.

Интересно, что англо-американцевъ почти всѣ единодушно признаютъ „мужественными“.

Но если вникнуть даже въ поучительное исключеніе, какое представляетъ Богумиль Гольцъ, доказывающій женственную природу своего собственнаго народа, — сумятица обнаруживается во всей полнотѣ.

„Нѣмецъ является передъ другими націями тѣмъ, чѣмъ является женщина передъ мужчиной, — говоритъ Гольцъ. — У нѣмца больше характера, больше души и индивидуальности, больше мечтательности и идеализма, деликатности, острадательности и гуманности, больше самоотреченія и самоотверженной преданности, чѣмъ у какого-либо другого народа. Тотъ самый нѣмецъ, который не умѣетъ обезпечить политическое единство Германіи, такъ плохо понимаетъ политическое государство и въишнее равновѣсіе съ другими государствами, — этотъ самый нѣмецъ помогаетъ основывать государства и города въ чуждыхъ частяхъ свѣта, колонизуетъ весь міръ, — этого, что онъ легко перевоплощается въ душу всякаго народа, усваиваетъ его своеобразныя особенности, не отрѣшась при этомъ отъ своихъ. Такъ умѣетъ женщина въ бракѣ подчиниться мужу, властвуя въ то же время надъ нимъ своей своеобразной индивидуальностью. Нѣмецъ, который наружно слишкомъ вялъ и обезпеченъ, чтобы отстаивать свои интересы по всякому мелкому поводу, становится могучимъ горнымъ потокомъ, предъ которымъ ничто не устоитъ, если только будетъ доведенъ до крайности и его взорветъ“.

„Душа нѣмца такъ же сложна и неразгадана, какъ душа женщины. Самая деликатная, стыдливая, впечатлительная и пассивная женщина становится героиней и мученицей, демономъ, когда почувствуетъ себя оскорбленной въ своемъ интимнѣйшемъ чувствѣ. Французъ относится презрительно къ женственной природѣ въ мужчинѣ потому, что тщеславія, измѣнчивости, ка-

призности женщины онъ не можетъ отрицать, потому что онъ уступить женщинъ верховную власть въ бракъ (здѣсь Гольцъ увлекается до крайнихъ преувеличеній, ср.: „Германія и Франція за послѣднїя двадцать-пять лѣтъ“ — Катъ Ширмахеръ). Но христїанинъ-нѣмецъ смотритъ на женщину съ другой точки зрѣнїя, онъ чтитъ женскую плодovitость и ея способность къ образованїю, всестороннюю восприимчивость, сляніе въ ней во-едино ума съ душой, съ любовью, съ вѣрой и поэзіей. Нѣмецъ, — существо универсальное, мать всѣхъ остальныхъ націй, женщина въ человѣческомъ родѣ, существо, не только совмѣщающее въ себѣ способности и добродѣтели всѣхъ другихъ расъ, но и дополняющее ими односторонности другихъ народовъ, воснигивающее ихъ, питающее ихъ всѣхъ своимъ духомъ; онъ жертвуетъ собой ради всѣхъ другихъ, всѣхъ учитъ и лелѣетъ, со всѣми общится — и за то всѣ его презираютъ, но и всѣ боятся и признаютъ его умственное превосходство“.

Дѣло нисколько не измѣняется къ лучшему оттого, что противорѣчїя находятся не только въ психологїи народовъ, но и отдѣльныхъ лицъ, — на примѣръ, по вопросу объ избирательномъ правѣ для женщинъ. Мало ли мы слышимъ, что женщина лжива и падка на новизну, непостоянна и неустойчива и потому она всегда будетъ высказываться въ пользу радикальныхъ партїй, т. е. въ концѣ концовъ нарушитъ существующую государственную систему. И въ то же время мы слышимъ, что женщина консервативна и склонна къ ханжеству, что она станетъ орудіемъ реакціи и поползновенїй поговъ. Это ли не противорѣчїе! Несомнѣнно, противорѣчїя могутъ только сдѣлать осмотрительнѣе, но не обезкураживать. Они предостерегутъ вдумчиваго изслѣдователя отъ риска выдать одну какую-нибудь сторону, одну черту, одно направленїе за общїй признакъ характера, они, наоборотъ, заставятъ его учитывать всю многосторонность чертъ въ характерѣ. При изученїи характера ничто не можетъ быть абсолютно вѣрно или абсолютно невѣрно, — въ каждомъ человѣкѣ можно найти всѣ самыя различныя свойства, даже противорѣчивыя — и даже больше: какое-нибудь свойство можно встрѣтить вполне ярко выраженнымъ у человѣка тогда, когда въ его индивидуальности есть валицо склонности и опасности превратиться въ противоположное свойство. Человѣкъ — не книжное созданїе ума, живой человѣкъ полонъ противорѣчїй, нѣтъ и не можетъ быть въ его душѣ ничего правильнаго и неправильнаго, а есть только болѣе или менѣе существенныя черты и свойства.

„Возможно и такъ, а возможно и иначе“ — вотъ законъ психологическаго изслѣдованїя. Сообразно этому, каждый человѣкъ и каждый народъ могутъ быть въ какомъ-нибудь одномъ отношенїи мужской природы, въ другомъ — женской, и то, и другое можетъ быть правильнымъ, — и въ дѣйствительности рѣшительная характеристика народа, какъ мужественнаго или какъ женственнаго, остается, въ большинствѣ случаевъ не болѣе, какъ символомъ. Самъ Гольцъ, на примѣръ, замѣчаетъ дальше, что у нѣмца есть, однако, и мужественность: „по своему умственному превосходству, это самый мужественный человѣкъ; такимъ образомъ въ немъ есть все самое существенное и самое значительное, что есть и въ мужчинѣ, и въ женщинѣ; онъ — генїй человѣческаго рода“. Но вѣдь то же могъ бы сказать въ свою очередь и всякій иностранецъ о своемъ народѣ, который онъ столько же знаетъ и любитъ; нѣмецкое „генїй человѣческаго рода“ и французское „grande nation“ и еврейское „избран-

ный народ" — все это всегда было и будет произвольно присвоенным себѣ титуломъ; но тщеславіе — индивидуальное, какъ и національное — есть злѣйшій врагъ научнаго познанія.

Различныя свойства съ различныхъ точекъ зрѣнія являются то мужскими, то женскими. Благоразуміе, напримѣръ, — развѣ это не характерное мужское свойство? Нисколько; мужчина-простофиля, лишенный хитрости, — его проведетъ легко всякая женщина; что превзойдетъ женскую хитрость? Чисто ли женскія черты — слабохарактерность, болтливость, трусость, глупость? Послушать, что отвѣчаетъ на это феминистъ Людвигъ Финки, — оказывается, все это именно мужскія черты.

„Я видѣлъ, — рассказываетъ Финки, — какъ мужъ лишился чувствъ и уронилъ изъ рукъ лампу, которую держалъ, свѣтъ — оттого, что жена его страдала, производя на свѣтъ его ребенка. Я видѣлъ также, какъ мужъ по томъ пировалъ съ друзьями и напился по случаю ея благополучнаго разрѣшенія, пока жена лежала обезсиленная муками, даровавъ челоуѣку жизнь. Вы скрываете ваши страданія и также въ сокровеннѣйшихъ уголкахъ души все ваши муки; когда вы тяжело страдаете, вы плачете украдкой, а на людяхъ вы кажетесь спокойными и сдержанными, не даете никому замѣтить свое горе. А мужья ваши сидятъ въ это время по своимъ трактирамъ и клубамъ и рассказываютъ другъ другу свѣтскія сплетни и воображаютъ, что занимаются политикой, сигарами, виномъ и женщинами. Такова ваша болтливость.

„Когда ребенка привносятъ для операціи къ хирургу — и онъ лежитъ тихо, сознательно и энергично преодолевая себя, то это дѣвочка, если же онъ реветъ и боится, это мальчикъ; такова ваша трусость. Ваша глупость — это глупость дѣтей съ чистымъ и неиспорченнымъ умомъ. Все естественное вы понимаете, но всякая исковерканность, все мудрствованія и ухищренности вамъ противны. Сердцѣмъ вашимъ вы все угадываете, яснымъ чувствомъ все знаете. Женщины, которыхъ я знаю, отличались быстрымъ и глубокимъ мышленіемъ — мнѣ доставляли удовольствіе тѣ жалкія головы, которыя всякими обходами и изворотами отказывались признать ихъ правоту, потому что быть умнымъ — привилегія мужчинъ; мнѣ пріятно было видѣть это ничтожество, никогда не признающее превосходства женщины, потому что стыдится собственнаго пораженія“.

Подобныя же мысли мы находимъ и въ Талмудѣ и у греческихъ и римскихъ философвъ-стоиковъ.

Этимъ подтверждается общій принципъ теоріи характеристики, что въ вопросѣ характеристики половъ протокольный перечень свойствъ безусловно не способенъ дать не только плодотворные, но даже, какъ мы видимъ, просто правильные результаты. Только въ постоянномъ сочетаніи противоположностей, въ тщательномъ раскрытіи все новыхъ и новыхъ противорѣчій единаго характера, въ непрерывномъ дробленіи кажущихся недѣлимыми чертъ на новыя противоположности — только въ этомъ и можно почерпнуть правильный выводъ; вотъ почему, хотя наше настоящее изслѣдованіе посвящено исключительно мужчинамъ, намъ обязательно не упускать изъ виду женщину, — такъ какъ только изъ разсмотрѣнія противоположностей въ женщинѣ мы можемъ вывести, что свойственно мужчинамъ, и даже самое понятіе о мужественности. Вѣдь мы не могли бы получить вполне правильнаго понятія о „сушѣ“, если бы не мыслили рядомъ съ нею „моря“, — о томъ, что „криво“ безъ понятія о томъ, что прямо, — и такъ во всѣхъ понятіяхъ, которыя называются соотносительными или коррелятивными и первымъ образцомъ которыхъ служатъ понятія „мужчина“ и „женщина“.

Такимъ образомъ теорія психологіи половъ съ самой отда-

лепной поры во всѣхъ своихъ видахъ — и въ легендарномъ, и въ доморощенномъ, и въ научномъ — всегда обсуждала оба пола вмѣстѣ или одинъ женскій. Тутъ возникаетъ новый вопросъ. Въ настоящемъ сочиненіи въ первый разъ еще предметомъ научнаго изслѣдованія является умственная и душевная жизнь мужчины. Принято думать всегда, что „женщина—загадка“, женщина одна; мужчиной самимъ психологическое изслѣдованіе никогда не интересуется, — развѣ только въ тѣсномъ сопоставленіи съ женщиной, для лучшаго освѣщенія ея психологии. Быть можетъ, кое-кто изъ читателей припомнитъ, что вначалѣ — до настоящаго разъясненія — ему и показалась эта тема непри-
вычной и странной.

Если бы мы наивно поставили себѣ задачу, не взвѣсивъ методъ, начертать духовный обликъ мужчины, намъ пришлось бы скорѣе сдѣлать неудобное открытіе, что задача это въ сущности безбрежная. Потому что если бы задумать собрать во-едино всю духовную дѣятельность мужчины, то пришлось бы дать — ни много, ни мало — картину всей совокупности человѣческой культуры, всемірной исторіи человѣчества. Духовная жизнь мужчины всецѣло совпадаетъ съ суммой человѣческой культуры, потому что человѣческую культуру создалъ мужчина. Предпріятіе оказалось бы безпредѣльнымъ и бесполезнымъ. Этимъ давно занимаются историки. Задача же психолога совершенно иная и отличная отъ задачи историка; было бы роковой ошибкой смѣшивать ихъ.

Особенно ошибочно было бы со стороны психолога, если бы онъ вздумалъ выбрать для изученія половыхъ противоположностей именно выдающихся мужчинъ и женщинъ. Для изслѣдованія различій половъ можетъ быть пригоденъ только нормальный мужчина — типичный мужчина — и нормальная, типичная женщина, — иначе мы получили бы вовсе не различіе между мужчиной и женщиной, а различіе между выдающимся и невыдающимся мужчиной и выдающейся и невыдающейся женщиной, — а въ этомъ насъ могла бы интересовать только та часть, которая получилась бы отъ искусственнаго объединенія, т. е. отличительныя свойства выдающейся психики мужской и женской. Это, между прочимъ, очень важно для пониманія нашихъ картинъ, для чего отсылаемъ къ стр. 111—112.

Человѣческую культуру создалъ мужчина, — борясь, бросаясь во всѣ стороны физически и душевно, вторгаясь во всѣ роды занятій, развивая и осуществляя всевозможные виды профессій, совокупность которыхъ и составляетъ понятіе человѣческой культуры, — въ противоположность женщинамъ, которыя не имѣютъ иной профессіи, кромѣ „единственной женской профессіи“ — дѣторожденія, такъ что чуткому уху даже чѣмъ-то неестественнымъ звучитъ самое слово „женская профессія“, да и нѣтъ вѣдь такой женской профессіи, которая не была бы подражаніемъ или измѣненіемъ мужской.

При первомъ же взглядѣ на оглавленіе I и II части настоящаго тома, читатель замѣтитъ, что глава: „Мужчина, какъ юноша, мужъ и отецъ“, пробудитъ въ немъ вѣкоторое изумленіе, тогда какъ „Женщина, какъ дѣвушка, жена и мать“ звучатъ вполне привычно; но оттого-то женщина является въ гораздо болѣе высокомъ смыслѣ этого слова женщиной вполне, чѣмъ когда-либо можетъ быть вполне мужчиной мужчина, потому что каждый исполняетъ

вѣдь одну или вѣскольکو профессій. Каждая настоящая женщина является представительницей своего пола во всѣхъ существенныхъ его способностяхъ, добродѣтеляхъ и чертахъ характера; мужчина же никогда не можетъ сдѣлаться въ полной мѣрѣ носителемъ всѣхъ основныхъ мужскихъ добродѣтелей и врожденныхъ способностей" (Гольцъ).

Человѣческая культура создана мужчиной; этого не подумаетъ отрицать и самый рьяный феминизмъ. Въ этомъ смыслѣ женщина представляетъ собой человѣка вообще, — понятно поэтому, что во многихъ языкахъ одно и то же слово обозначаетъ и мужчину, и человѣка: въ англійскомъ (man), во французскомъ (homme), въ итальянскомъ (uomo) и въ испанскомъ (hombre), какъ и въ латинскомъ (homo).

Затѣмъ, — если какое-нибудь лицо называютъ просто по фамилии, то всегда подразумѣвается мужчина: „Гетѣ“, „Бисмаркъ“. Если же хотятъ назвать женщину, то передъ фамиліей всегда ставятъ „госпожа“ или собственное имя „г-жа Ширмахеръ“ или „Кэтъ Ширмахеръ“, „Элленъ Кей“ и т. д.¹

Все больше и больше усложняющаяся и дифференцирующаяся профессія (мужскія), въ которыхъ исторически выражается прогрессъ культуры, элементъ творчества у человѣка, неизбѣжно вытекаютъ изъ стремленія, свойственнаго мужчине, превзойти себя подобныхъ, — изъ соперничества, основаннаго на инстинктѣ борьбы. Мужчина вынужденъ вѣчно создавать новое, еще небывалое, а только придуманное, еще не имѣющее предшественника и почвы въ существующемъ дотолѣ, — что-нибудь такое, что еще необходимо придумать и осуществить, предварительно самостоятельно переработавъ извѣстное. Женщина же въ своемъ стремленіи подражаетъ осязаемымъ (конкретнымъ) образцамъ и даже, напримѣръ, въ самомъ эмансипаціонномъ движеніи добивается желанной цѣли по образцу мужчины. Мужчина творитъ прогрессъ, культуру наудачу, безъ готоваго образца; мужской умъ живетъ и творитъ (по философской терминологіи) въ абстракціи, въ идеѣ.

Но этотъ культурный прогрессъ, это абстрактное исканіе и стремленіе впередъ по невѣдомому, невѣрному пути безъ образца, это безконечное стараніе превзойти другъ друга — составляютъ существенное свойство мужской природы, въ силу котораго, повинуваясь половому инстинкту и инстинкту питанія, мужчины оспариваютъ другъ у друга женщинъ и возможность обезпечить имъ безопасность, необходимую для произведенія новаго поколѣнія. Слѣдовательно, это функція, цѣль которой (и какъ объектъ, и какъ направленіе) женщина. Слѣдовательно, функція чисто мужская, которой женщины вѣдь не пожелають подражать: какой смыслъ былъ бы для нихъ дѣлать то, чѣмъ завоевывается женщина.

Трудъ, самъ по себѣ безполый, данъ обоимъ поламъ. Онъ занимаетъ середину между борьбой и дѣторожденіемъ, можетъ соединиться съ той и съ другимъ, можетъ подвергаться вліянію той и другого, привносить въ себя больше или меньше отъ той и другого. Но потому-то онъ долженъ принять различныя формы

¹ Дѣлать выводы изъ этого было бы неправильно; явленіе это объясняется отсутствіемъ родовыхъ окованій въ нѣмецкихъ, французскихъ и т. д. фамиліяхъ. Въ русскихъ фамиліяхъ есть родовыя окованія и потому говорятъ одинаково „Софья Ковалевская“, г-жа Ковалевская“ или просто „Ковалевская“, „графиня Дашкова“ или просто „Дашкова“.

у обоихъ половъ; трудъ мужчины, даже такого, въ занятіяхъ котораго нѣтъ ничего воинственнаго, непременно долженъ окраситься борьбой, и трудъ женщины, даже такой, которая совсѣмъ равнодушна къ чувствамъ жены и матери, долженъ окраситься дѣторожденіемъ. Изъ этого упомянутаго выше стремленія преодолѣть, превзойти, — хотя бы всѣ силы были устремлены на цѣль побѣды, на самый объектъ борьбы, — никогда не можетъ исчезнуть жажда самого преодоленія; никакое превосходство не можетъ дать мужчинѣ большого удовольствія, чѣмъ превосходство въ преодоленіи трудностей, опасностей, противниковъ; въ сущности, одно это только и имѣетъ для него цѣну, и все поведеніе взвѣшивается съ этой точки зрѣнія. Это тотъ мужской вопросъ чести, который долженъ казаться непонятнымъ и смѣшнымъ женскому чувству, гораздо болѣе доступному оцѣнить самый объектъ стремленій. (Сравни сказанное на стр. 103 о донкихотствѣ.)

Женщины также борются за мужчину, но борьба эта не такъ интенсивна и совершается въ пассивныхъ формахъ, въ простомъ соперничествѣ изъ-за внѣшнихъ данныхъ: изъ этой-то разницы въ напряженности борьбы и вытекаетъ культурный процессъ, идея соперничества мужчинъ. Вотъ эта-то большая напряженность борьбы должна будетъ сохраниться и въ будущемъ. Ожесточенная борьба, вдохновляющая борющійся полъ, всегда должна будетъ превышать ту борьбу, какую ведетъ производящій полъ, иначе первый не достигалъ бы цѣли, не могъ бы ничего дать второму и не могъ бы нравиться ему. Высокая степень напряженности борьбы, какой иногда достигаютъ женщины, должна все же уступать мужской. Будучи способна ко всякому труду, совершенно такъ же, какъ и мужчина, женщина въ состояніи подражать ему во всякомъ трудѣ, такъ же какъ былъ бы въ состояніи всякій мужчина исполнять женскій трудъ. Но создаетъ и развиваетъ новые типы труда (для чего нужно пылкое стремленіе къ превосходству, стремленіе отодвинуть, превзойти сдѣланное до сихъ поръ, проложить новый путь, сдѣлавъ шагъ впередъ, въ неизвѣстное) одинъ мужчина. Женщинѣ доступны всѣ виды профессій, но лишь тогда, когда мужчина создастъ ихъ для нея. Женщина можетъ овладѣть всякимъ трудомъ, — но только до того пункта, когда трудъ становится функціей борьбы, до того пункта, когда конкуренція, домогательство и жажда превосходства перестаютъ быть только средствомъ для достиженія желаемаго, а становятся до извѣстной степени самоцѣлью. Вотъ изъ этой-то цѣли, бывшей первоначально средствомъ и превратившейся въ самоцѣль, изъ этого домогательства съ потребностью превзойти, подвергаться опасности и риску, изобрѣтать и создавать еще неизвѣданное, неиспытанное, — изъ всего этого, свойственнаго мужчинѣ, рождаются новыя культурныя приобрѣтенія. Оригинальность остается достояніемъ мужчины, а слѣдовательно, и гениальность его достояніе.

Если далеко не каждый мужчина, конечно, является гениемъ, а гении встрѣчаются только изрѣдка, все же гениальность — свойство мужское, хотя талантомъ природа щедро одарила и женщинъ, — быть можетъ, даже щедрѣе, чѣмъ мужчинъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ изъ этихъ метаній и исканій зарождается въ мужчинѣ элементъ передовитости, спе-

спѣшествованія прогрессу, идейности. Религіозно-мистическое стремленіе къ чуду осуществленія жизни, проникающее собой всю жизнь, становящееся внѣ и выше ея самой, крайне различно претворяется въ душѣ мужчины и женщины. Символомъ неосуществимости является даль, вдали устремляется взглядъ человѣка; но счастье, но чудесное... женщинѣ надо, чтобы оно явилось издали къ ней, въ ея сферу, въ ея домъ, въ ея объятія — прекраснымъ, блаженнымъ, чистымъ, ничѣмъ, ничѣмъ не омраченнымъ, — тогда она его обниметъ, будетъ лелѣять его, будетъ укрѣплять и умножать до послѣднихъ силъ, до послѣдней возможности; сохранить его навѣки и преображеннымъ, просвѣтленнымъ передать вѣчности — вотъ чего ждетъ и жаждетъ женщина, такъ она хочетъ его воспринять.

Мужчинѣ надо, чтобы оно мелькнуло передъ нимъ вдали: новая страна заманчиво приближается, ласковая, безконечно болѣе прекрасная, чѣмъ родина; новая земля, въ которую можно заронить сѣмена, безконечно болѣе плодородная, чѣмъ родина, и полная страшныхъ, невѣдомыхъ на родинѣ, чудовищъ, которыхъ сильно хочется побѣдить. Счастье, чудесное — гдѣ его надо искать, онъ не знаетъ, но только не на родинѣ, только не въ отцовскомъ домѣ, — это представляется мальчику несомнѣннымъ. Какой путь правленъ, — это почти безразлично передъ безконечнымъ множествомъ путей, — важно только отправиться въ путь, не сидѣть на мѣстѣ! Надо обрѣсти это счастье, это чудесное тамъ гдѣ-нибудь, вдали, въ новой прекрасной, гостепримной, враждебной странѣ, божественно-спасительной, священной-доброй и прекрасной... Такимъ является мужчина во всемирной сказочной символикѣ: великанъ, драконъ, волшебникъ, какъ угнетатель дѣвы; смѣлый, когда бѣдствія такъ врываются въ счастье, что сама возлюбленная оказывается одержимой дракономъ и должна быть освобождена отъ дракона.

Жажда приключеній — вотъ что увлекаетъ на подвигъ разрушенія и искорененія, новаго посѣва и новаго строительства, т. е. прогресса. Подобаешь ли женщинѣ устремляться на приключенія? Борьба и исканія, солдатскій духъ и идейныя стремленія объединяются въ жажду приключеній, — воплощеніемъ ея является рыцарство. Рыцарь — упорный, настойчивый, терпящійся во мракѣ лѣса въ поискахъ за невѣдомымъ, прекраснымъ и гибельнымъ, — женщинѣ ли стать рыцаремъ? Можетъ ли она искать совершенства на этомъ пути? Цѣль ея развитія, идеаль ея совершенства можетъ быть только въ направленіи, противоположномъ этому.

При словѣ „рыцарь“ въ представленіи тотчасъ же возникаетъ другое слово „дама сердца“. Дама — это *domina*, госпожа, царица, въ романскихъ языкахъ *domna*, *dame*; для выраженія страстной преданности этому слову часто предшествуетъ мѣстоименіе: *madonna*, *notre dame*. „Дѣва, мать, царица — богиня, будь милостива къ намъ“. Въ этомъ-то направленіи между прочимъ неизбѣжно развивается ея культурная задача. Одна борьба и исканія еще не дѣлаютъ мужчину рыцаремъ, одно это еще не могло бы создать культуры, это было бы только варварство.

Женщина жалуется на свою подчиненность, на то, что всюду властвуетъ одинъ мужчина. Этого не можетъ быть, если онъ

рыцарь. Въ понятіе рыцарства входитъ и служеніе. Служеніе выражается самымъ различнымъ образомъ. Женщина служитъ именно трудомъ; мужчина служитъ мужчинамъ — начальникамъ, товарищамъ, подчиненнымъ — и это служеніе его выражается въ отношеніи подчиненныхъ — въ покровительствѣ и справедливости, въ отношеніи начальниковъ — въ повиновеніи, въ отношеніи товарищей — въ преданности; женщинамъ онъ служитъ защитой, попеченіемъ и почитаніемъ.

Борьба, метанія, исканія сказываются не только благотворнымъ дѣйствіемъ, онѣ имѣютъ еще и очень дурную оборотную сторону. Не говоря уже о томъ, что у огромнаго множества мужчинъ эти черты характера должны ослабѣть, — даже тѣмъ немногимъ избраннымъ, у которыхъ онѣ сохранились, не всегда суждено найти что-нибудь дѣйствительно цѣнное. Не всѣмъ и не всегда. Обыкновенная судьба этихъ исканій, метаній, приключеній — блужданіе и ошибки. Донъ-Кихотъ несравненно больше, чѣмъ Зигфридовъ, — а Донъ-Кихотъ настоящій мужчина. Жажда опасностей и трудностей никогда не умираетъ, пылкое тяготѣніе къ отважнымъ подвѣдамъ кончается тѣмъ, что онъ ихъ добивается. Настолько сидитъ Донъ-Кихотъ въ каждомъ мужчинѣ, что, хотя бы онъ самъ и образумился и отяжелѣлъ, все же онъ съ легкимъ сожалѣніемъ будетъ всегда вспоминать о томъ, что не прошибъ стѣну тамъ, гдѣ она была толще, не перескочилъ черезъ заборъ тамъ, гдѣ онъ былъ всего выше.

Надъ этимъ можетъ улыбаться женщина, которая смотритъ прямо и трезво, которая не дастъ себя отвлечь такими ребяческими приманками отъ дважды серьезно сознанной цѣли, а тѣмъ болѣе отъ выбора цѣли своихъ стремленій, какъ это часто случается съ мужчинами. Какъ бы это ни было ребячливо, но и зрѣлый мужчина никогда вполне не утрачиваетъ тайнаго влеченія, тайной жажды приключеній, и всегда можетъ оказаться что-нибудь, что привлечетъ и увлечетъ его съ страшной силой только потому, что оно „очень ужъ опасно и не нужно ни къ чему“.

Это открываетъ намъ самую глубокую, быть можетъ, сущность мужской души — прямой путь въ сферу его чувствъ. Когда настоящій мужчина читаетъ объ ужасахъ войны, такой ожесточенной, на примѣръ, какова была русско-японская, то онъ почувствуетъ — вопреки всѣмъ доводамъ ума и среди всѣхъ соображеній трусости, лѣни, тяготѣнія къ покою — легкое чувство стыда отъ того, что онъ стоитъ въ сторонѣ и непричастенъ опасности, а если онъ стоялъ подъ огнемъ, и пуля пощадилъ его, то при всемъ чувствѣ радости, облегченія и страха онъ почувствуетъ себя пристыженнымъ, виноватымъ и униженнымъ передъ товарищами, настигнутыми пулей и корчащимися въ страданіяхъ. Пусть женщина улыбается надъ этимъ. Злорадство черта общечеловѣческаго, — по крайней мѣрѣ, въ видѣ притаившагося въ самой глубинѣ культурной совѣсти удовольствія, испытываемаго отъ непріятности ближняго; но нѣтъ ни одного мужчины, который не позавидовалъ бы другому въ его затруднительномъ положеніи, потому что онъ видитъ въ этомъ случай блеснуть умѣньемъ выйти изъ него, побить рекордъ. Это психологія

коренной добродѣтели мужчины, — мужественности — храбрости.

Туть же кроется и ея темная оборотная сторона, коренной порокъ мужчины, — хвастливость и бахвальство, рисовка храбростью, — и родственная ей хвастливая трусость. Похвальба и трусость идутъ у мужчины рука объ руку; самый малодушный мужчина никогда не упуститъ случая похвастать мнимой отвагой; въ тѣхъ же случаяхъ, когда, несмотря на бахвальство, есть налицо и дѣйствительная отважность, это значитъ, что малодушіе все же сильнѣе мужества, — и что въ этой кичливости сказываются укеры совѣсти, нашептывающей бахвалу: при твоей физической силѣ тебѣ надо было обнаружить больше храбрости, чѣмъ ты обнаружилъ — и именно настолько больше, насколько ты пригнулъ.

Вѣчная неутомимость мужчины, влекущая его по достиженіи крупнѣйшей цѣли къ новымъ и новымъ предпріятіямъ, свидѣтельствуетъ о новыхъ сторонахъ его душевной жизни, едва онъ сознаетъ ихъ, т. е. едва онъ придетъ къ выводу изъ ряда повторяющихся переживаній и начнетъ усматривать въ своей неудовлетворенности и неясности не только личный опытъ, а общій принципъ жизни, являющійся основой его опыта, его индивидуальныхъ переживаній. Данные личного опыта: „Нигдѣ не пашель я до сихъ поръ удовлетворенія и отчаялся даже въ возможности найти его“, подтвержденные затѣмъ такимъ же опытомъ сотенъ другихъ людей, приводятъ уже къ априорному убѣжденію: нѣтъ и не можетъ быть ни въ чемъ удовлетворенія. Ни одна цѣль въ жизни не можетъ дать полного удовлетворенія, всегда оно остается ограниченнымъ, относительнымъ. Отсюда зарождается резиньяція, — именно та, которую называютъ мужской резиньяціей, которая, въ отличіе отъ „женской резиньяціи“, снова приводитъ къ борьбѣ.

Смысль резиньяціи, общей обимъ поламъ, вытекающей изъ относительности возможнаго въ мірѣ удовлетворенія, таковъ: быть добросовѣстнымъ въ отведенномъ кругѣ дѣйствій, вѣрнымъ долгу въ предѣлахъ, назначенныхъ судьбой, работать и не поддаваться унынію. Туть уже намѣчается та мысль, что истинно цѣнное кроется вовсе не въ самыхъ цѣляхъ, а въ затрачиваемой на нихъ дѣятельности, въ томъ, что эту дѣятельность одушевляетъ; у женщины же эта идея завершается еще убѣжденіемъ, что радость и цѣнность жизни заключается не въ успѣхѣ, не въ побѣдѣ, а въ борьбѣ, что жить стоитъ единственно ради борьбы, что борьба сама по себѣ представляетъ цѣнность.

Въ этомъ кроется крѣпкое основаніе специально мужской морали. Хорошо и значительно то, что стоило труда и усилий, — принципъ, всецѣло вытекающій изъ мужской борьбы — соперничества. Мужская честь заключается въ наличности опасности, каковъ бы ни былъ исходъ, — безразлично. Мужская честь стоитъ въ тѣсной связи съ гибелью и смертью, какъ близка къ нимъ и сама борьба. Чувство чести вынуждаетъ мужчину идти на смерть, искать ее, предпочесть ее бѣгству, пожертвовать всѣмъ, что ему дорого, не исключая жизни, ради идеи, профессіи или службы, которую онъ избралъ. Женской натурѣ никогда не понять, какъ можно считать высокимъ и хорошимъ нанесеніе и полученіе ранъ и не видѣть, насколько, наоборотъ, лучше и разумнѣе исцѣлять ихъ; поэтому она отвергаетъ, разумѣется, „призракъ чести“, не признаетъ носителемъ морали „губительнаго Молоха“. Эта женская

точка зрѣнія легла въ основу движенія въ пользу идеи мира. Она не хочет и не можетъ признавать различія между мужской честью и „жеской честью“, которая не имѣетъ отношенія къ смерти. Но мужская честь налагаетъ свою моральную печать на одинъ биологическій фактъ: большую заимчивость мужчины. Для сохранения вида смерть способной къ дѣторожденію женщины представляетъ гораздо большую потерю, чѣмъ смерть мужчины, потому что число вѣроятныхъ изливаний сѣмени гораздо больше числа вѣроятныхъ беременностей. Какое бы огромное число мужчинъ ни погибло во время войны, напримѣръ, все же остается еще больше чѣмъ достаточно мужчинъ, готовыхъ оплодотворить существующихъ налицо зрѣлыхъ въ половомъ отношеніи женщинъ, — между тѣмъ какъ женщинъ, готовыхъ зачать, разумеется, меньше. Такимъ образомъ для человечества ущербъ не слишкомъ чувствителенъ отъ того, что время отъ времени убываетъ значительное число мужчинъ, — а для сохранения качества, для облагораженія человеческого развитія это, повидимому, благоприятно.

Борьба представляетъ крайнее и высшее напряженіе мужской души. Весь ходъ мыслей, приводящій къ этому взгляду, носить слѣды угнетенности; нѣтъ въ немъ бодрости, чисто юношеской силы. Характерно, что едва мужчина отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ, это тотчасъ же прищориваетъ его, побуждаетъ его къ новому взрыву, болѣе сильному и болѣе насильственному, чѣмъ прежде. Если прежде борьба представляла для него относительную цѣнность, какъ средство къ цѣли — побѣдѣ, успѣху, — теперь она становится цѣлью всѣхъ цѣлей, единственной

По fotogr. Галласа въ Берлинѣ.
Рис. 50. „Маска война“ въ пейзажѣ въ Берлинѣ.

Свям. А. Шлюгера.

и абсолютной цѣнностью. Борьба становится его единственнымъ Богомъ. (Сравн. напряженіе борьбы во многихъ нашихъ рисункахъ, въ особенности въ рис. 46: „Борьба гигантовъ“.)

Подъ борьбой, метаніемъ, исканіемъ, приключеніями мы всюду разумеемъ и внѣшнюю сторону, и внутреннюю душевную. Познѣя, особенно средневѣковая, рисуетъ образы рыцарей-мыслителей, у которыхъ обѣ стороны сливались въ одну, одна являлась выраженіемъ другой, — у которыхъ едва возможно было отдѣлать борьбу противъ призраковъ, угрожавшихъ безопасности страны, отъ борьбы въ собственномъ сердцѣ и мозгу; въ ихъ душѣ

едва можно было отличить загадки, представляющіяся уму въ мірѣ, отъ загадочныхъ морскихъ чудовищъ, попадающихся подъ вооруженную мечомъ руку. Однѣ являются символами другихъ. Но если всякая побѣда ведетъ только къ новымъ задачамъ, всякая найденная благословенная страна открываетъ глазамъ новыя загадки (сфинксъ въ сущности безсмертенъ), — въ такомъ случаѣ напрасны всѣ побѣды: результатъ всѣхъ побѣдъ — одно пораженіе, вѣчное пораженіе, вѣчная смерть.

По фотогр. Галласа въ Берлинѣ.

Рис. 51. „Маска воина“ въ цейхгаузѣ въ Берлинѣ.

Самм. А. Шлютера.

Благородный искатель оказывается въ концѣ концовъ обманутымъ, разбитымъ, уничтоженнымъ. Все было иллюзіей. И въ лицѣ павшаго бойца мы читаемъ то мучительное страданіе, то злобную насмѣшку, сквозящую въ его искаженныхъ чертахъ, какъ это удачно изобразилъ Шлютеръ въ своихъ „Маскахъ воиновъ“ (рис. 50 и 51). Если мысль и отыщетъ истину, то она видитъ, что она имѣетъ, правда, связн съ другими истинами, но оттого, что есть и другія, эта — не единая истина. И во всемъ изученномъ остается непонятнаго еще больше, чѣмъ было понято; въ томъ, что мы называемъ понятнымъ, каждый предметъ только обманчиво ссылается на другіе предметы. Пустой образъ, иллюзія:

„Alles Vergängliche ist nur ein
Gleichnis,
Das Unzulängliche, hier wird's
Ereignis“¹.

Тщетно пытаются выдѣлнить изслѣдованіемъ вѣчное изъ преходящаго. Доступъ къ окончательному познанію воспрещенъ; искать его, домогаться божественнаго всевѣдѣнія, допытывать Всемоущество и Всеблагость въ спасеніи... дерзновенно. Итакъ, эти исканія, эта борьба не вполне благородны: вѣдь эту неугодность искателя вызвала въ значительной долѣ жажда наслажденій. Значитъ, надъ разумомъ тяготѣетъ проклятіе — вѣчно не знать покоя, быть подстрекаемымъ къ борьбѣ и къ исканіямъ. Борь-

¹ Гете, — „Фаустъ“; заключительныя строфы II части. — *Перев.*

ба груба, безжалостна. Въ дерзновеніе, жадность, жестокость выливается грѣхъ мужчины, — въ неминуемый грѣхъ, которому подпадаютъ и лучшіе изъ нихъ, считающіе себя почти свободными отъ трусости и измѣнничества. Борьба груба и безжалостна, — и смерть часто, дѣйствительно, оказывается побѣдителемъ, какъ символизируетъ ее въ своихъ рисункахъ Рэтель (рис. 52 и 53). Борьба — несчастье и счастье только миръ, — тотъ „миръ Господень“, который „превыше всякаго разума“.

Но и безъ этой идеи и даже при господствѣ противоположной, — хорошей считается не всякая борьба, а только та, въ которой можно добыть честь, — честная борьба. Такой, прежде всего, считается та, въ которой соблюдается правила борьбы (рыцарскія), а правила эти всѣ, въ сущности, затрудняютъ побѣду и выставляютъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ храбрость. Борьба нечестная, измѣнническая въ этомъ смыслѣ (perduellio) есть преступленіе. Преступленіе — это мужской порокъ (какъ проституцію можно назвать женскимъ), порожденный недобрсовѣстной борьбой. Статистика также уличаетъ мужчину въ преступности: уголовная преступность мужчинъ несравненно больше, чѣмъ женщины. Качественная разница также значительна. Между тѣмъ какъ мужчины совершаютъ всѣ виды преступленій, — специально женскимъ (за исключеніемъ дѣтубійства и плодонизгнавія) является, въ сущности, только сводничество. Сутенерство по характеру своему имѣетъ, въ сущности, мало общаго со сводничествомъ.

Какъ прежде утвержденіе борьбы привело мужчину къ женщинѣ, такъ и теперь отрицаніе ея: отнынѣ онъ началъ искать въ ней миръ, душу, чуждую борьбы и вины; и женщина снова складывается въ душѣ мужчины въ новый символъ его высшихъ „религіозныхъ“ и „философскихъ“ мысленія, желаній, творчества и помысловъ. Мужчина видитъ женщину въ ея покоѣ, ненарушаемомъ противорѣчіями міра, доводящими его до отчаянія, — при ней исчезаютъ безпокойная неутомимость, отчаяніе, вина, мысль о вѣчной смерти; мать ли, сестра, возлюбленная — женщина должна вернуть ему невинность, то состояніе, въ которомъ онъ былъ на рукахъ матери, въ дѣтскихъ играхъ съ сестрой, въ юности съ первой возлюбленной.

Ты дашь покой и кроткій миръ,
И страсть, и ея уголеніе.

Душевная подавленность прошла, вспыхнуло новое страстное стремленіе, и это новое настроеніе сообщаетъ образу мадонны новыя дивныя черты. Угасли страстные порывы и пылкія мечты, возникла потребность въ мирномъ покоѣ, въ жизни, единственно достойной называться жизнью, въ цѣли, единственно достойной усилій для ея достиженія — въ покоѣ, хотя бы это былъ могильный покой.

Снова выплываетъ то олицетвореніе вѣчнаго міра въ женщинѣ, которое намъ знакомо еще съ древности; послѣ многихъ путей, призрачныхъ ошибочныхъ, возникаетъ толченіе по новому, послѣднему пути — къ возлюбленной, къ сестрѣ, къ матери. Яркое выраженіе этого представляетъ философская драма Генриха Ибсена „Паръ Гингъ“; въ ней слиты всѣ взгляды мужчины на миръ и на женщину, всѣ мысли и чувства и настроенія, которыя мы приводили въ разрозненномъ видѣ. Начинается это страшнымъ призракомъ враждебной, прокливаемой, недоброй матери; затѣмъ всплываетъ образъ Сольвейгъ, ласковой подруги дѣтскихъ игръ и непорочной возлюбленной на ро-

дивъ, которую онъ покидаетъ, бросившись въ широкій міръ въ погоню за заманчивымъ грѣхомъ, за славой и приключеніями; Сольвейгъ поетъ вернувшемуся на родину скитальцу похоронную пѣсню, — это одновременно колыбельная пѣсню ея мальчику. Убаюканный и затравленный, затравливаемый и увлекаемый женщиной и, наконецъ, усыпленный ею для непробуднаго сна, — такъ живетъ мужчина.

Въ жизни мужчины всё эти идеи (миры) о мірѣ и о женщинѣ такъ же сливаются, какъ слиты онѣ въ произведеніи поэта; онѣ могутъ проявиться въ совокупности въ одной любовной страсти юноши, въ одной философіи отреченія мужчины. Это очень важное освѣщеніе нашего вопроса. То самое, что ведетъ мужчину къ творческой дѣятельности, ведетъ его и къ жен-

Рис. 52. Смерть на баррикадѣ. Рис. А. Ретеля.

щинѣ. Въ творческой духовности его сказывается и его половая тѣлесность. Отдаваясь труду, мужчина естественно сознавать, что онъ дѣлаетъ это ради женщины и для нея. Юноша, извѣдавшій любовь, обрѣтаетъ этимъ новое міросозерцаніе, міръ раскрывается передъ нимъ въ такомъ богатствѣ красоты и значенія, какого онъ не подозревалъ до того; въ порывахъ пробуждающей мужской ревности играетъ большую роль сознаніе того, насколько красивѣе, возвышеннѣе, благороднѣе его образъ мыслей, какъ глупы и грубы въ сравненіи съ нимъ его соперники и какъ законно отнять у нихъ ее, прекрасную, дивную; онъ одинъ достоинъ ея, онъ, ею освященный, ею осчастливленный, способный видѣть, чувствовать глубины вещей, одинъ способный оцѣнить ее. И тутъ, слѣдовательно, все то же единство міра и женщины, составляющее полюсъ его духовной жизни.

Совсѣмъ иное дѣло, когда женщина — правда, столько же способная къ труду, сколько и мужчина, — желаетъ такого же творческаго труда, но во имя того, чтобы освободиться отъ мужчины, отдаляется отъ него: тогда трудъ

долженъ производиться за счетъ ея половой сущности. И мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что среди женщинъ передовыя роли вождей занимаютъ тѣ, которыя всего сильнѣе отдѣлились отъ особенностей своего пола и сдѣлались похожими на мужчинъ, тогда какъ мужчина никогда не можетъ быть признанъ вождемъ тѣмъ легче, чѣмъ больше онъ уподобляется женщинѣ.

Мы добрались до уразумѣнія, что оригинальность, творческое начало во всей культурѣ необходимо, неминуемо связано съ своеобразными особенностями мужской природы. То же надо сказать, слѣдовательно, и о психологическомъ изслѣдованіи; и оно должно исходить отъ мужчины.

Вотъ почему, изслѣдованіе мужской психологіи нельзя предоставить одной женщинѣ, — уже по тому одному нельзя, что

Рис. 53. Смерть-побѣдительница. Рис. А. Ретеля.

пытливость мужчины идетъ — несмотря на всю трудность этого отвѣта — и на этотъ вопросъ. Не вывела бы изъ затрудненія и какая-нибудь двойная бухгалтерія съ соответствующими парами постраничныхъ женскихъ и мужскихъ отчетовъ о мужской психологіи, — потому что необходимо единство знанія.

Вспомнимъ, что психологическое изслѣдованіе требуетъ умѣнья проникнуть въ духъ всевозможныхъ существъ, перевоплотиться въ нихъ, такъ сказать, и судить съ ихъ точки зрѣнія, но все же подчинить затѣмъ всѣ эти точки зрѣнія одной конечной.

Изслѣдовать свой собственный характеръ мужчина не можетъ, потому что о другомъ можно судить только по способу умозаключенія отъ себя къ другому; стать для этого на точку зрѣнія женщины и умозаключать отсюда — способъ тоже негодный. Если мужчина захочетъ все же обрисовать характеръ мужчины, то передъ нимъ предстанетъ задача и методъ, вытекающіе во всякомъ случаѣ изъ обычной психологіи. Заглянуть вглубь собственного „я“ онъ не можетъ, — для этого глазъ его ослѣпленъ, какъ

отъ солнца, онъ ничего не можетъ тутъ разсмотрѣть; онъ можетъ разглядѣть только по краямъ смягченныя при затменіи и тогда болѣе видныя излученія свѣта, — выдающіяся точки, проуберанцы.

Такимъ образомъ мужчина можетъ поставить себѣ только одинъ вопросъ: проявляются ли въ немъ и ему подобныхъ женскія душевныя свойства, — которыя онъ хорошо знаетъ, такъ какъ женщина — предметъ его преимущественнаго изученія; не описывая и не анализируя самую мужскую природу, онъ можетъ своимъ изслѣдованіемъ только намѣтить границы мужской природы, предѣлы, за которыми въ мужчинѣ сказывается женственность. Вотъ почему въ психологіи мужчины приходится въ огромной мѣрѣ вѣдаться съ женщиной и женскими свойствами. Поле изслѣдованія представляетъ трудъ, обидѣ обоимъ поламъ, и вопросъ сводится къ тому, въ какой мѣрѣ приметъ участіе въ осуществленіи задачи мужская природа и въ какой мѣрѣ женская.

Такая постановка вопроса и такой способъ ея рѣшенія облегчаются — и даже становятся возможными только при примѣненіи старой мивологической теоріи, научно разработанной въ послѣднее время, о проницающемъ всю вселенную дѣленіи половъ. Это — теорія бисексуальности (двуполости), намѣченная романтиками (Океномъ, Мальпиги) и Шоненгаузромъ и разработанная Флиссомъ и Вейнгеромъ. Въ особенности при изслѣдованіи гомосексуальныхъ типовъ пришли къ такому взгляду, что всякое существо и даже всякая клѣтка содержитъ въ себѣ одновременно мужское и женское начало, — что чисто мужская природа и чисто женская есть только идеальный образъ, въ природѣ не существующій. Философскій вопросъ о томъ, объясняется ли это особымъ веществомъ, „плазмой“ мужской и женской структуры или энергіей — здѣсь не мѣсто обсуждать. До сихъ поръ въ основу была положена гипотеза о плазмѣ; быть можетъ, она была нужна до извѣстной степени Флиссу, предполагающему періодичность жизненнаго процесса, — въ такомъ видѣ, что жизненная волна въ женскомъ веществѣ повторяется темпомъ въ двадцать-восемь колебаній, а въ мужскомъ — въ двадцать-три колебанія, т. е. болѣе бурно. Если принять въ среднемъ равное число періодовъ для мужчины и женщины, то продолжительность мужской жизни окажется меньше. Равновѣсіе сохраняется, по вычисленіямъ Флисса, большей мужской рождаемостью (сравн. также большую замѣтность мужчины, стр. 105). Согласно этому, половые органы тѣла не безусловно опредѣляютъ собой духовныя половыя особенности; существуютъ очень мужественныя женщины и очень женственные мужчины — и это не мѣшаетъ тѣмъ и другимъ быть на своемъ мѣстѣ и исполнять свою работу. Вѣдь у пчелъ и муравьевъ индифферентныя въ половомъ отношеніи особи (работніе и солдаты — тѣ и другіе увѣчныя самки) являются факторами культуры. Флиссъ думаетъ даже, что тѣмъ равнохлѣбнѣе представлены въ какомъ-нибудь существѣ мужское и женское существа, тѣмъ благоприятнѣе это для духовной производительности. Если мы отмѣтимъ, что у очень многихъ лицъ, духовно высоко развитыхъ, встрѣчаются черты, свойственныя противоположному полу, и что многіе даже склонны испытывать любовь къ лицамъ своего же пола, — гипотеза эта покажется вполне вѣроятной.

Творческій геній сохраняется у тѣхъ индивидуумовъ, индивидуальность которыхъ, при всей сложной смѣси многочисленныхъ и различныхъ мужскихъ и женскихъ элементовъ, въ общемъ представляетъ все же ярко выраженную мужскую природу. Съ ростомъ населенія картина смѣшанныхъ типовъ становится, разумѣется, все болѣе пестрой и многообразной. Въ то же время замѣчено, что крайніе типы, наиболѣе близкіе къ чистой мужественности или чистой женственности, поведенію, все больше и больше исчезаютъ и vaporятся средній типъ — женщины, организованныя по-мужски и мужчины, организованные по-женски, — опредѣляющій собою нравы и вкусы. Женщины все больше и больше вторгаются въ мужскія профессіи, мужчины участвуютъ женской дѣятельности, идетъ равноправіе. Въ то же время войны становятся рѣже, все больше торжествуетъ идея мира. Феминизмъ усматриваетъ въ этомъ

необходимый прогресс человечества и радостно приветствует его. Противники его видят в этом, напротив, упадок и гибель и скорбят об этом. Но все же и самый факт еще не доказать, и безусловно прикинуть к тому или другому воззрению невозможно. Казалось бы, что наибольшее разнообразие смѣшеній должно, скорѣе, дать въ результатѣ чистѣйшіе виды истинно мужскихъ и истинно женскихъ типовъ и въ концѣ концовъ послужить къ повышению уровня мужественности и жестокости, а слѣдовательно, къ повышению уровня человечества вообще.

Вспомнимъ, что прогрессъ заключается въ развитіи, въ дифференцированіи; нужно, слѣдовательно, предположить, что крайнія особенности мужской и женской природы будутъ расходиться все больше и больше — и главнымъ образомъ духовно: вѣдь у человѣка умъ, мозгъ играютъ гораздо большую роль въ борьбѣ за существованіе и за свои права, чѣмъ у какого-либо другого млекопитающаго, и ни у одного млекопитающаго мужская и женская организація не такъ отличны другъ отъ друга. Разумѣется, это даетъ возможность человечеству наилучше и быстрѣе комбинировать мужскія и женскія особенности, создавать для каждой новой сферы дѣятельности подходящій типъ; культурѣ и исторіи должно было очень существенно послужить различіе человѣческихъ характеровъ.

Нельзя не отмѣтить, что приближеніе мужского и женскаго типа другъ къ другу, культура безполной человѣческой рабочей особи, замѣчается несравненно больше въ широкой массѣ, чѣмъ въ аристократіи. Въ средѣ аристократіи, не только старой, но и вновь народившейся, дѣло борьбы и профессій больше предоставляется мужчинамъ и дѣло дѣтородженія женщинамъ. Аристократическія семьи многотѣны, гордость аристократіи содержитъ въ большей мѣрѣ материнскую гордость, она хочетъ быть родоначальницей блестящаго ряда поколѣній. И ей необходимо имѣть много дѣтей, потому что сыновья ея предназначены для профессій, полныхъ опасностей; родовитость не имѣетъ настоящей цѣны, если родъ не насыщаетъ множествомъ членовъ, павшихъ на полѣ битвы. Такимъ образомъ, опредѣляя свое отношеніе къ женской эмансипаціи — привѣтствуя или порицая ее, — мы этимъ самымъ въ большой мѣрѣ опредѣляемъ и то, исповѣдуемъ ли мы въ политикѣ демократическій или аристократическій принципъ. Кто держится того взгляда, что политическое развитіе должно состоять равномѣрно изъ элементовъ аристократическихъ и демократическихъ, во развитіе необходимо во что бы то ни стало, — тотъ стоитъ, быть можетъ, на самой правильной точкѣ зрѣнія; тотъ пожелаетъ буржуазіи равноправія, а аристократіи — привилегированности женщины, согласно рыцарскимъ принципамъ.

Среди буржуазіи въ женскомъ равноправіи былъ до недавняго времени большой пробѣлъ, для заполнения котораго съ необычайнымъ усердіемъ и упорствомъ работало въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ феминистское движеніе: неодинаковость мужского и женскаго образованія. Особенно великъ былъ этотъ пробѣлъ среди „вышей“ буржуазіи, гдѣ науки и навигаціи голубы даже тѣхъ молодыхъ людей, которые ни къ какой ученой профессіи не готовились, тогда какъ большинство дѣвушекъ оставались по умственному образованію на одной ступени со своими сестрами „изъ народа“. Гораздо болѣе одинаковое образованіе получаютъ оба пола въ аристократіи и въ рабочей и крестьянской средѣ, — вотъ почему въ этихъ кругахъ и отношенія между полами гораздо непринужденнѣе, тогда какъ въ буржуазіи царитъ множество предрасудковъ и взаимное непониманіе, приводящее въ бракъ ко всевозможнымъ неприяностямъ.

Для изслѣдованія доли участія мужского и женскаго элемента въ характерѣ человѣка могутъ служить, разумѣется, вѣншіе признаки, видимые въ его тѣлѣ и въ функціяхъ его, — напримеръ, фигура, движенія, въ особенности руки и почеркъ, очень различны, какъ известно, у мужчинъ и у женщинъ и легко распознаваемые — и больше всего черты лица. Разрозненныя наблюденія, которыя мы дѣлаемъ ежедневно, подмѣчая мужскія манеры или черты у женщины, а женскія у мужчинъ, можно собрать и привести въ систему и съ ея помощью безъ труда и довольно безошибочно опредѣлить долю мужского и женскаго элемента у каждаго человѣка и во всѣхъ сторонахъ его дѣятельности. Вейнингеръ развилъ у себя такой навыкъ, что могъ почти безошибочно различать это на любой фотографической карточкѣ изъ цѣлой кучи ихъ. Для науки это еще, конечно, совсѣмъ нерѣшенные вопросы; по, быть можетъ, именно поэтому читателямъ будетъ интересно попытаться изучить съ этой точки зрѣнія прилагаемые здѣсь портреты выдающихся людей (рис. 54 до 56 и 60 до 88).

Мы дадимъ для руководства кое-какія указанія о пропорціональномъ смѣшеніи тѣхъ или иныхъ половыхъ чертъ по отношенію къ важнѣйшимъ видамъ профессій со ссылками на прилагаемые портреты; очевь краткія, разумеется, такъ какъ подробности потребовали бы болѣе спеціальнаго изслѣдованія.

Оттого, что мужчина предназначенъ для борьбы, а женщина для дѣторожденія, — они различно реагируютъ на раздраженія вѣншаго міра, — мужчина быстро и страстно, женщина позднѣе и менѣе бурно. Воспріятіе разрѣшается у мужчины преимущественно въ движеніи, у женщины — въ созерцаніи, размышленіи, переживаніи; въ мужчинѣ больше сказывается „двигательный“ элементъ, въ женщинѣ — „чувственный“.

Разумеется, эта формула имѣетъ слишкомъ общій характеръ, чтобы могла быть приложима во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ: существуютъ раздраженія, дѣйствующія на женщину быстро и бурно и совсѣмъ не дѣйствующія на мужчину; на мужчину, напротивъ, должно быстро и сильно подѣйствовать рѣзкое раздраженіе, на женщину скорѣе заманчивое, но и рѣзкимъ и заманчивымъ бываетъ для обоихъ половъ разное. Во всякомъ случаѣ женщина отзывается въ „раздраженіи“ больше на его привлекательную сторону, мужчина — больше на раздражающую. Прикосновеніе воспринимается женщиной не такъ, какъ мужчиной, для котораго оно является тревожнымъ сигналомъ; хотя вниманіе оно пробуждаетъ и у нея, но всякое, только не грубое, прикосновеніе со стороны обоихъ половъ ей пріятно, — мужчину же почти всегда оскорбляетъ прикосновеніе мужчиной, за исключеніемъ развѣ рукопожатія, принятаго какъ пріветствіе и ручательство мирныхъ намѣреній. Осознаніе, наслажденіе отъ прикосновенія и желаніе снова доставить себѣ это наслажденіе играетъ большую роль въ материнствѣ (отношенія матеря къ маленькому ребенку). Женщины часто и охотно глядятъ и ласкаютъ другъ друга и дѣтей. Часто наблюдаемое меньшее терпѣніе и выносливость муж-

По fotogr. Et. Carjat въ Парижѣ.
Рис. 54. Визо, авторъ „Кармель“.

чины къ боли и особенно къ больши едва ли происходятъ отъ болшей его чувствительности, какъ склонны думать многіе, — женщина должна была бы относиться въ такомъ случаѣ еще нетерпѣливѣе ко всякой боли; это основано на врожденныхъ свойствахъ мужского пола, образомъ которымъ онъ отвѣчаетъ нетерпѣніемъ и бѣшенствомъ на всякое враждебное прикосновеніе и раздраженіе; женщина же отвѣчаетъ покорностью, т. е. она увлекаетъ изъ своей души, какъ міра своихъ мыслей и чувствъ тѣ элементы, въ которыхъ она можетъ найти относительное удовлетвореніе. Въ этихъ предѣлахъ она „гораздо благороднѣе“ (ср. характеристику философа, стр. 141—142), — но биологическое изслѣдованіе все же не можетъ усмотрѣть въ этомъ превосходства женщины, такъ какъ, стремясь къ безусловному безпристрастію, оно вообще не усматриваетъ „превосходства“ ни на чьей сторонѣ; это и выхолитъ за предѣлы его задачи, оно можетъ только констатировать терпѣливость у одной стороны, безпокойное нетерпѣніе у другой; оно говоритъ, что у мужчины сильнѣе моторное напряженіе. Навѣрно, слѣдовательно, и то, что говоритъ Форетъ въ своихъ поучительныхъ выводахъ: что у женщины болѣе сильная воля, оттого, что она у нея постояннѣе и покойнѣе, оттого, что ея терпѣніе помогаетъ ей одерживать побѣду тамъ, гдѣ бурная вспыльчивость мужчины наимогааетъ.

Тонкое осознаніе, зрѣніе, слухъ женщины помогаютъ ей легче разобраться въ не слишкомъ сильныхъ, не потрясающихъ воспріятіяхъ, — она искуснѣе группируетъ ихъ, быстрѣе ассоци-

руеть; мужчина въ такихъ случаяхъ неповоротливъ; но меньшая нетерпѣливость ея помогаетъ ей легче спосить одлообразіе. Съ дѣльнымъ рядомъ легкихъ раздраженій женщина отлично справляется, тогда какъ мужчину они приводятъ въ отчаяніе. Потому-то виртуозность — способность истинно женская; пытка музыкальныхъ упражненій, напр., захватываетъ женщину всецѣло; въ этомъ мужчины, какъ артисты-исполнители, не обнаруживаютъ большей способности, чѣмъ женщина, и у лучшихъ изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ явственно распознается женское туше.

Интересную иллюстрацію къ вопросу о „превосходствѣ“ представляетъ сказка Гауффа: „Самозванный принцъ“. Было предложено рѣшить споръ между двумя молодыми людьми — о томъ, кто изъ нихъ настоящій королевскій сынъ, а кто обманщикъ (подмастерье портного) — путемъ поединка: кто изъ нихъ наготовитъ въ три дня болѣе красивый праздничный варядь. „Султанъ, наконецъ, согласился, хотя и поклялся, что — какой бы прекрасный кафтанъ ему ни сдѣлалъ сумасшедшій портной, — сыномъ своимъ онъ все же его не признаетъ“. Результатъ: „Съ торжествующимъ видомъ вошелъ Лабаканъ. Взгляни-ка, отецъ, — скажутъ онъ, — взгляни, дорогая матушка, развѣ не великолѣпіе этотъ кафтанъ? Готовъ держать пари съ искусѣйшимъ придворнымъ портнымъ, что онъ такого не сдѣлаетъ“. — Омаръ недовольно швырнулъ на землю шелковую матерію и ножницы. „Меня учили обѣзжать копя, размахивать саблею, а копье мое на шестьдесятъ шаговъ попадаетъ въ цѣль; съ иголкой же обращаться не умѣю“. Султанша, придумавшая это испытаніе, больше не сомнѣвалась, кто принцъ и кто портной. А султанъ все-таки предпочелъ еще предварительно посоветоваться съ феей.

Рис. 55. Франсуа Жозефъ Тальма.
По портрету Фр. Жерара.

Мужчина дольше остается подлѣ впечатлѣвіемъ какаго-нибудь встрѣтившагося ему раздраженія, чѣмъ женщина; оцѣненіе (stupor) у него сплывае, онъ не сразу выходитъ изъ него и не такъ скоро входитъ въ норму, оттого онъ кажется неповоротливѣе. Вотъ почему и противорѣчія между нѣкоторыми воспріятіями и сужденіями волнуютъ его сильнѣе, чѣмъ женщину, онъ страдаетъ отъ нихъ, чувствуетъ трагизмъ этого и не устаеъ размышлять надъ этимъ. Трагизмъ вытекаетъ изъ чувства обреченности этому безчисленному міру, полному противорѣчій, прикованности къ его несокрушимой причинности, благодаря которой мы безсильны измѣнить что-либо и не можемъ осуществить свободную волю. Онъ вытекаетъ изъ сознанія бесплія передъ судьбой, не дающей намъ не только оказати свое вліяніе, но и пропикнуть взглядомъ въ конечную цѣль жизни. Женщина несетъ судьбу, мужчина борется съ пей. Невѣрно, что женщина понимаетъ жизнь болѣе смутно и примитивно, что ея мышленіе несовершенно, такъ какъ она мыслитъ смѣсью мыслительныхъ и чувственныхъ элементовъ,

а мужчина мыслить понятиями, элементами чистаго мышления. Два противорѣчивыхъ факта, — напр., то, что государства учреждаютъ богадѣльни и дарятъ попеченіе педоношеннымъ младенцамъ, а дѣвѣ своей мужской молодежи посылаютъ подъ пушки и допускаютъ калѣчить ихъ, — женщина пойметъ и приметъ такъ же, какъ мужчина; но женщина скажется въ томъ, что она бросится и туда, и сюда, чтобы помочь страдающимъ, — а мужчина придетъ къ такому же результату только послѣ долгихъ и мучительныхъ размышлений. Какъ носитель борьбы и противорѣчій человеческой природы, онъ мучительной работой мысли возстаётъ противъ того факта, который женщина постигаетъ сразу, безъ долгихъ размышлений, — что вся жизнь состоитъ какъ

Рис. 56. Фридрихъ Гегель, философъ.

борьбы и противорѣчій, что борьба и противорѣчія составныя части міра, — т. е. то, что въ концѣ концовъ долженъ признать и мужчина.

Фридрихъ Гегель (рис. 56) — творецъ философіи противорѣчій. Женщина не мучается вопросами, не чувствуетъ „жала проблемъ“, потому что у нея нѣтъ вопросовъ, она знаетъ. При этомъ она обладаетъ прочной любознательностью, которая не такъ легко впадаетъ въ донкихотство — въ способность такъ углубиться въ самый процессъ духовной борьбы, такъ всецѣло уйти въ нее, чтобы потерять изъ виду цѣль. Женщина реагируетъ практически на впечатлѣнія жизни, мужчина прежде всего теоретически, — и этому донкихотству теоретическаго

душевнаго склада наука обязана своимъ возникновеніемъ. Наука немислима при отсутствіи сознанія цѣли, — и потому-то она достигла у нѣмцевъ наивысшаго почета и, быть можетъ, наивысшаго совершенства. Въ извѣстной эпиграммѣ Шиллера ученикъ является женщиной по душевному складу, Архимедъ мужчиной.

Вотъ этой-то чертой такъ неприятны нѣмцамъ славяне учащіеся, въ особенности русскіе студенты, среди которыхъ женскій элементъ не только численностью своей очень силенъ, но и вліяніемъ, накладывая свою печать и на духовную жизнь мужской молодежи. Но и среди нѣмцевъ уже замѣтно вачинаетъ проявляться эта практичность, — Теодоръ Момизенъ не безъ основанія говорилъ о возвратѣ варварства. Но я американцы и даже романскіе народы обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи женскій душевный складъ; романскіе и американскіе университеты съ ихъ неполновѣно установленными годичными курсами и частыми экзаменами организованы болѣе „женственно“, чѣмъ германскіе съ ихъ академической свободой и полвижными, предоставляемыми свободному выбору курсами, — именно потому, что они гораздо вѣрнѣе и практичнѣе ведутъ къ цѣли.

Современная пропаганда реальнаго образованія также отмѣчена чертой „женственности“ въ этомъ смыслѣ.

Стремленіе отдѣлѣть науку отъ практической пользы, отъ познаваемыхъ земныхъ цѣлей и связать ее съ не-полезными, невременными (или „трансцендентными“, по техническому философскому выраженію) цѣлями, инстинктъ авантюризма, увлеченіе именно тѣмъ, „что не нужно ни къ чему“ — играетъ и здѣсь свою роль и ее надо охватить во всеѣ ея объемѣ. Подчеркивая духъ авантюризма въ мужчинѣ, я каждый разъ считаю долгомъ все же отмѣчать и то, что приключенія странствующихъ рыцарей далеко не всегда кончались блестяще: заблужденія науки также надо поставить на счетъ мужчинѣ; и педантизмъ, и схоластику, и пристрастіе къ частностямъ, къ несущественному, — всю эту „микрологию“, крючкотворство и талмудистику, — все то, что является слѣдствіемъ недостатка необходимаго здраваго разсудка, почти никогда не покидающаго женщину.

Женщина не страдаетъ отъ противорѣчій, какъ мужчина. Я давалъ прочтѣе нѣсколькимъ лицамъ послѣднюю главу „Исторіи матеріализма“ Ф. Ланге — описаніе картины природы, видъ на доли съ высокой горы — и убѣдился, что почти все мужчины были имъ заинтересованы и увлечены, большинство же женщинъ остались равнодушны. Вотъ этотъ отрывокъ:

... „что въ тѣхъ мирно пріютившихся по горному склону хижинахъ живутъ бѣдные измученные люди, вовъ за тѣмъ занавѣшеннымъ оковцемъ лежитъ, быть можетъ, въ ужасныхъ страданіяхъ больной; что полъ шестястиами верхушками далекаго лѣса хищныя птицы терзають свою трепещущую въ судорогахъ добычу; что въ серебристыхъ волнахъ рѣки тысячи малевкихъ существъ находятъ жестокую смерть“...

Женщины охватываютъ цѣлое своимъ обобщающимъ, синтетическимъ умомъ въ его единствѣ и потому передъ ними вырисовывается цѣльная эстетическая картина, дающая радость и удовлетвореніе, — мужчина же своимъ раздробляющимъ, аналитическимъ умомъ разлагаетъ цѣлое и потомъ не сразу можетъ обрѣсть снова цѣлое. Вотъ почему міросозерцанію женщины больше свойственъ оптимизмъ, служащій также опорой постоянству и настоячивости ея воли и ясности ея вѣры въ религіозной сферѣ; мужчинѣ же свойственнѣе пессимизмъ, питающій непостоянство и душевную разорванность, пробуждающій въ умѣ его сомнѣніе въ самомъ высшемъ.

Женщинъ свойственна гораздо болѣе практичная, вытекающая изъ здраваго смысла недовѣрчивость въ повседневной жизни, тогда какъ мужчина очень часто платится за свою довѣрчивость, — общезавѣстенъ фактъ, что мужчину гораздо легче перехитрить, чѣмъ женщину.

Женщина носитъ въ душѣ идею прекраснаго, которая создается въ ней изъ созерцанія единства, общей картины своихъ переживаній; она воспринимаетъ міръ цѣльнымъ, сильнымъ, чѣмъ мужчина, не разрушаетъ критикой своего воспріятія; все можетъ сдѣлаться для нея картиной и, слѣдовательно, красотой. Отвращеніе, которое приходится преодолевать мужчинѣ, надъ ней, въ сущности, не имѣетъ силы. Зрѣлище безобразнаго мертваго тѣла животнаго или человѣка произведетъ неодинаковое впечатлѣніе на ученаго и на человѣка посторонняго наукѣ; кожа ошипанной птицы, напр., имѣющая на первый взглядъ отталкивающій видъ, можетъ представить для ученаго, разсматривающаго структуру крови, интересную и увлекательную картину, и

тогда для чувства отвращенія не остается основанія. Такъ именно относится женщина къ міру въ его цѣломъ; вотъ почему она, какъ мы всё знаемъ, мужественнѣе къ безобразному и отвратительному, чѣмъ мужчина — и въ борьбѣ съ нимъ побѣждаетъ, тогда какъ мужчина терпитъ поражение. Его взглядъ остается прикованнымъ къ тому, что есть ужаснаго въ уродливости, въ разложеніи, въ гніеніи, онъ не умѣетъ осилить этого, преодолѣть изнутри, изгладить слѣды пошлаго и низменнаго, — съ чѣмъ превосходно справляется женскій умъ, благодаря своему цѣломудрію.

Миссія чистой красоты въ мірѣ отана въ руки женщины. А чтобы убѣдиться въ томъ, что это имѣетъ свое значеніе въ

По фотогр. Фр. Галфштегеля из Мюнхенъ.

Рис. 57. Веселые ребята въ кабачкѣ. По картяжъ Адр. Броузера.

области добра и справедливости — что само по себѣ находится въ вѣдѣніи мужчины — для этого достаточно только произнести слово нравы и нравственность — понятія, специально относящіяся къ женщинѣ, съ чѣмъ согласятся всѣ; цѣломудріе подсказываетъ женственности скрывать отъ себя то, что отвратительно, или отбрасывать его (подъ общимъ впечатлѣніемъ красоты заставить исчезнуть безобразное) или отважно переносить его (въ качествѣ вынужденной свидѣтельницы, — напр., въ роли няньки или сидѣлки). Въ этомъ ея надежная защита, ея иммунитетъ въ отношеніи яда безобразія; мужчина же впитываетъ этотъ ядъ, заражается имъ, — и самымъ безудержнымъ признаніемъ этой заразы является непристойность, цинизмъ, безстыдное поведеніе, — по существу своему, въ высшей степени неженственное. Откровеннѣе всего это проявляется за попойками (см. рис. 57: „Веселые ребята въ кабачкѣ“). У мужчинъ въ обычаѣ говорить непристойности въ своей компаніи. Манте-

гацца говорить, что „отъ мужскихъ разговоровъ пахнетъ псиной“. (Среди женщинъ склоны къ непристойностямъ преимущественно тѣ, у которыхъ мужской складъ; часто это бываетъ у нихъ также дѣломъ подражательности; грѣхъ женскаго пола не непристойности, а слетни.)

Женщина не страдаетъ отъ противорѣчій. Множество матерей изъ всѣхъ силъ стараются сохранить въ подросткѣ-дочери вѣру въ аистовъ — и въ то же время посылаютъ ее въ церковь помолиться за благополучное разрѣшеніе отъ бремени государыни и усердно засаживаютъ за чтеніе библіи, — и это противорѣчіе ихъ висколько не волнуетъ. И не за что тутъ осуждать ихъ, — онѣ правы; дочь все же ничего не замѣчаетъ, а жизнь, управляемая мужчинами, спокойно терпитъ это.

Обоимъ поламъ приходится такъ или иначе справляться съ противорѣчіями отдѣльныхъ явленій жизни, и женщины это дается легче, мужчина же часто теряется среди нихъ, — у него микроскопическій взглядъ, у нея макроскопическій. Онѣ добиваются единства, логическими усилиями собирая воедино разрозненные частности, которыя она разомъ обнимаетъ въ ихъ совокупности; она довольна, когда можетъ вдохнуть душу въ предметы, онѣ не можетъ успокоиться, пока не вынетъ изъ нихъ душу. Онѣ разобщаетъ и комбинируетъ, собираетъ всевозможные разрозненные факты, старается осмыслить ихъ, освоиться съ ними и воссоздать ихъ. Мужской умъ вычерчиваетъ картину міра, женщина фотографируетъ ее; тамъ циркуль, линейка, треугольникъ, кривыя и счетныя таблицы, — тутъ лучъ свѣта.

Хотя мужчина — творецъ науки, все же онѣ далеко не такъ способенъ къ наукамъ, какъ женщина, такъ какъ ему не хватаетъ терпѣнія и быстрой ассоціаціи (внутренней выработки цѣльной картины). Нѣтъ у него и дара подражательности, потому что подражательность вытекаетъ главнымъ образомъ изъ того, чего онѣ больше всего избѣгаетъ: изъ страха, — изъ старанія дѣлать, что и какъ другіе дѣлаютъ, что даетъ чувство увѣренности и рѣшимости. Она не уживается съ исканіями и метаніями, съ авантюризмомъ, жаждущимъ безцѣльнаго созиданія. Подражательность — рабство въ глазахъ мужчины; работать по готовымъ образцамъ значить на его взглядъ быть „несвободнымъ“. (Даръ подражательности можно считать до известной степени тождественнымъ съ талантомъ вообще, — и это подкрѣпляетъ сдѣланное выше замѣчаніе о большей талантливости женщинъ.) Женщина до такой степени больше способна къ выучкѣ, что даже очень женственно организованнымъ женщинамъ нетрудно привить мужскія свойства самаго крайняго характера, — достаточно вспомнить дагомейскихъ амазонокъ и ашапти. Мужественно организованный мужчина несравненно менѣе способенъ къ обученію и выучкѣ (ср. съ этою точкой зрѣнія сказку о самозванномъ принцѣ, который не сумѣлъ научиться портняжить, тогда какъ женственный по своему складу портной быстро научился „быть принцемъ“). Въ мужскихъ талантахъ большей частью очень явственно сказывается женская манера (ср. сказанное о виртуозности); способности мужчины устремляются всегда въ сторону генія.

Дѣвочки гораздо болѣе способны, чѣмъ мальчики, — что, конечно, связано и съ болѣе медленнымъ ходомъ развитія у мужскаго пола.

Вспыльчивость, неровность, порывистость мужской природы объясняется его предназначенностью для борьбы еще и потому, что борьба, по самому существу своему, есть внезапное, разсчитанное на короткий срок, крайнее напряжение всѣхъ силъ. Борьба не требуетъ уравновѣшенности, которая необходима для того, чтобы уберечь маленькаго человѣческаго дѣтеныша отъ множества смертельныхъ опасностей, которыми угрожаетъ ему малѣйшая нерегулярность. Рыцарь можетъ бродить долгие мѣсяцы — быть можетъ, среди лишений и невзгодъ, но все же спокойно, — пока еще не попадетъ драконъ. Тогда только нужна мгновенная вспышка нервныхъ и мускульныхъ силъ. Мужчина не можетъ не желать вызывать и успливать и искус-

Рис. 58. Попойца. По картинѣ Веласкеза.

ственно это интенсивное напряженіе силъ, могущее принести ему пользу и всегда доставляющее ему удовольствіе. И это обрекаетъ его въ жертву стимуляціи, т. е. искусственныхъ возбуждающихъ средствъ, — больше всего, алкоголя; пьянство и есть мужской порокъ. — оно можетъ на короткое время необычайно поднять силы и именно разрушительныя силы (силы для борьбы, безпощадность къ себѣ и другимъ), — гораздо больше, чѣмъ созидательныхъ творенія силъ. (Удачно схвачено и передано это настроеніе пьяныхъ въ картинѣ Веласкеза, — рис. 58). Аналогично пьянству и другое излишество, обжорство, котораго женщина избѣгаетъ, такъ какъ ей очень важно имѣть всегда привлекательный, а не отталкивающий видъ.

Мужчина приходится искать въ алкоголь (такъ же, какъ и въ охотѣ за женщиной) то чувственное наслажденіе, которое дается женщиной самой природой ея (въ сонникосновеніи съ дѣтьми, съ подружками или мужчинами, даже въ прикосновеніи къ пріятнымъ предметамъ). Наслаждается она также лакомствами, не очень острыми. Такимъ образомъ, связь алкоголизма съ муж-

ской природой вовсе не произвольное убеждение или нелюбовь, а биологически обоснованное явление. Характерна еще слывущая черта: мальчикам приходится привыкать к алкоголю (как и к курению), так как от природы им его вовсе не приятно.

Болше мощный ходъ человѣческой машины въ организмъ мужчины является вѣроятной причиною и того, что мужчина больше предрасположенъ къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, чѣмъ женщина; соображенія и въ особенности статистика, на которую опирается противоположное, господствующее мнѣнiе, недостаточно убѣдительно.

Предназначенность мужчины къ борьбѣ обуславливаетъ собою въ значительной степени социальную организацію человѣчества. Ведутъ ли они борьбу съ людьми или со звѣрями (охота) мужчины должны покидать свои жилища и занимать наступательное положенiе, выходя навстрѣчу противнику или добычѣ въ поля или въ лѣса. Часто такіе воинственные или охотничьи походы требуютъ, разумѣется, много времени, — въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ культура нѣсколько поднялась надъ первобытной ступеню и начала приближаться къ осѣдлости. Между тѣмъ какъ на самой ранней ступени люди — быть можетъ кровнородственныя дѣти одной общей матери — соединялись въ маленькія стадообразныя группы, складываясь въ едва замѣтный социальный организмъ, — позднѣе мужчины начали обособляться и дома отъ женщинъ и объединяться въ мужскіе союзы. (Впервые они отмѣчались въ спартанскихъ обществахъ, позднѣе народоуѣднiе наблюдаетъ ихъ всюду, — напр., у краснокожихъ, у австралійцевъ и т. д.)

Съ теченіемъ времени мужскіе союзы организуются такъ прочно, что семейная жизнь почти совсѣмъ приходитъ въ упадокъ. Противоположности мужскихъ и женскихъ свойствъ начинаютъ тогда развиваться съ особенной силой среди мужчинъ и на этой основѣ возникаетъ мощный подъемъ и настоящій культъ мужской дружбы. Предрасположеніе къ двуполости, поражающее взаимную склонность, сказывается во взаимныхъ услугахъ и уваженіи, при чемъ обѣ стороны — безсознательно и сами этого не замѣчая — обнаруживаютъ то гѣ, то другія мужественныя и женственныя черты. Но въ то же самое время, — а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ даже въ прямой и неотдѣлимой связи съ этимъ, — появляется любовь мужчины къ женщинѣ: нѣкоторые мужчины развиваютъ въ такой высокой степени заложенныя въ нихъ женственныя черты, что вполне замѣняютъ другимъ мужчинамъ женщинъ; вырабатывается система любовныхъ связей между мужчинами, — и желаніе быть всегда достойнымъ любимаго челоуѣка необычайно усиливаетъ военныя доблести и честолюбіе (напр., Пелопидъ, другъ Эпаминонда), а въ условіяхъ болше утонченной культуры повышаетъ и умственно-научную производительность, въ особенности въ области философіи и политикѣ, которыя и въ настоящее время пропѣваютъ большей частью въ обществѣ мужчинъ между собой (дебаты, диспуты) гораздо больше, чѣмъ въ бесѣдахъ въ смѣшанномъ обществѣ между мужчинами и женщинами.

Алкоголь играетъ значительную роль въ общественной жизни мужчинъ. Большинство мужскихъ собраний сопровождается попойками. Мужчины охот-

вѣ употребляютъ свои стимулирующія паркоитическія средства — алкоголь, куреніе — въ большомъ обществѣ, женщина же, наоборотъ, охотѣе наслаждается сладостями вдвоемъ съ подругой, или прибѣгаетъ въ одиночество къ морфію или кокаину.

За посылкой воинственный духъ мужчине выражается въ мелкой, слегка каррикатурной формѣ. Характерно выраженіе лицъ на картинѣ — (рис. 59).

Это явленіе проникаетъ собой всю греческую культуру. Порой оно достигаетъ такихъ предѣловъ, что къ общенію съ женщинами прибѣгаютъ только въ цѣляхъ дѣтороженія. Идея о томъ, что женщина нечиста, что — какъ таковая — она въ сущности не должна быть допускаема къ участию въ дѣлѣ священномъ, важномъ для общества (для государства), сказывается

По fotogr. Фр. Галфштегеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 59. Банкетъ офицеровъ Георгіевскаго стрѣлковаго полка.

По картинѣ Фр. Гальса Старшаго

въ томъ, что въ періодъ супружескаго общенія или по крайней мѣрѣ на брачную ночь — у спартанцевъ, напримѣръ — женщина наружно превращается въ мужчину, передѣваясь въ мужское платьѣ, и такъ принимается символически въ мужское товарищество.

Одновременно съ мужскими союзами возникаютъ, разумѣется, сообщества женщинъ, предоставленныхъ, такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ самимъ себѣ. Но между мужскими союзами и женскими сообществами обнаруживается коренная разница, которая еще сильнѣе углубляетъ различіе между мужчиной и женщиной. Женщинъ заставляеть объединяться ихъ покинность, принужденіе со стороны мужчинъ, тогда какъ мужчины объединяются по собственному почину, понуждаемые къ этому самой жизнью и для диктуемыхъ ею цѣлей.

И здѣсь, въ области социальныхъ отношеній, мы ви-

димъ особенности духовнаго склада мужчины и глубокою связью его воинственными задачами. Эти союзы носятъ тактико-стратегическій и дисциплинарный характеръ, они слѣдствіе мужского характера, дѣлающаго cadaго въ отдѣльности способнымъ къ задачѣ объединенія, къ предпріятіямъ. Предпріятіе въ томъ и заключается, что множественность людей утилизируется въ видахъ опредѣленной цѣли, — что каждый въ отдѣльности устремляетъ всѣ свои силы уже не на всю задачу въ ея цѣломъ, а вполне сознательно только на одну какую-нибудь часть ея; дѣйность его заключается въ томъ, что каждый дѣйствуетъ на своемъ мѣстѣ, въ свое время и по-своему и все же съ пользою служить общей задачѣ.

И вотъ, если при какомъ-нибудь предпріятіи (представимъ себѣ для большей простоты по возможности — борьбу или охоту) изъ всего числа отдѣляется одинъ какой-нибудь отрядъ или одинъ человекъ и отправляется на какую-нибудь другую дорогу — напримѣръ, для засады, — у него въ долгіе часы ожиданія достаточно досуга и поводовъ всецѣло углубиться мыслью въ ту единственную частности, которая отведена его дѣятельности въ общей картинѣ предпріятія; переходя то и дѣло отъ предпріятія къ предпріятію, умъ мужнины воспитывается въ одномъ направленіи, пріучаясь останавливаться на отдѣльныхъ частностяхъ и раздроблять, въ свою очередь, и ихъ, — но въ то же время и понимать ихъ служебную роль въ отношеніи цѣлаго и съ нею и свою собственную подчиненность, и необходимость особой дѣятельности и особаго положенія вождя, которому предстоитъ, въ свою очередь, та же дѣятельность, только въ большемъ объемѣ.

Такъ зарождается въ мужнинѣ идея господства, іерархіи, мужского повиновенія и приказа. Духъ рыцарства, влеченіе котораго къ приключеніямъ для cadaго отдѣльнаго лица во многихъ отношеніяхъ протестуетъ противъ дисциплины, тутъ отступаетъ на второй планъ, — на первый выступаетъ солдатскій, воинскій духъ; офицеръ представляетъ смѣшанный типъ солдата и рыцаря. Вождь и солдатъ превращаются въ техническомъ предпріятіи — особенно въ предпріятіи современнаго типа — въ руководителя производства и въ помощниковъ, и рабочихъ. Каждый солдатъ — не только подчиненный, начальникъ — не только предводитель; каждый представляетъ собой, вѣрнѣе, предводителя въ миниатюрѣ, каждый долженъ обладать свойствами предводителя (долженъ быть использованъ на роль предводителя на болѣе или менѣе отвѣтственномъ мѣстѣ, а если онъ еще молодъ, долженъ быть воспитываемъ для этого), — т. е. удовлетворительнымъ пониманіемъ отдѣльныхъ частей дѣла и ихъ отношенія къ общему предпріятію. Такова интеллектуальная основа мужского чувства отвѣтственности. Это чувство отвѣтственности cadaго передъ общей задачей, передъ нематеріальной идеей цѣли, эта начальническая роль cadaго дѣлаютъ то, что начальникъ не можетъ сдѣлать себя самоцѣлю, олицетворяя собою цѣль и отождествляя ее съ собою, при чемъ онъ сдѣлался бы деспотомъ, а его люди — рабами. Если и встрѣчаются сообщества, въ которыхъ — большей частію только по внѣшнему, а не въ дѣйствительности — имѣетъ силу одинъ

только принципъ товарищества, подчиняющій всѣхъ идеѣ, не исключая и начальника (даже у такого, напр., безконечно властолюбиваго вождя, какъ Наполеонъ, все же можно съ несомнѣнностью подмѣнить идеи, которымъ онъ стремился служить), и въ этихъ предѣлахъ уравнивающій всѣхъ: это рождаетъ идею республики, — государство.

Республиканскій принципъ основанъ на идеѣ, что въ избранномъ предводителѣ съ большимъ вѣроятіемъ можно найти необходимыя свойства. Республиканецъ вынужденъ признать принципъ государства и монархистъ — принципъ товарищества, — потому что только оба эти принципа вмѣстѣ, построенные

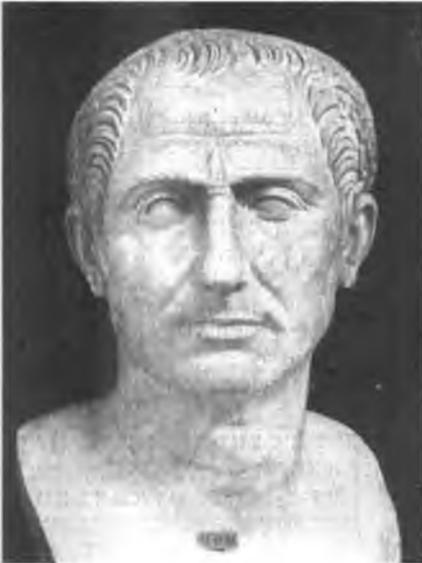

Рис. 60. Юлій Цезарь.
Возрастъ въ Надлон. Музей въ Неаполѣ.

на отвѣтственности (а только отвѣтственность есть свобода) каждаго отдѣльнаго члена передъ общей идеей, представляють собой конституцію; враждебные произволу въ формѣ деспотизма, какъ и въ формѣ анархіи, они дѣлають возможной ту человѣческую, мужскую сторону дѣятельности, которая называется политикой.

Такъ создали мужчины государство, политику, социальную жизнь, которая и больше, чѣмъ семейная жизнь, и иная, чѣмъ она; она противоположность послѣдней: это сооруженіе шире и выше естественной общественной организаціи, скрѣпляемой кровнымъ родствомъ, сооруженіе, скрѣпленное мышленіемъ одной общей абстрактной цѣли.

Женскія сообщества не представляютъ собой союзовъ: созданныя не самими женщинами, они не имѣютъ своей конституціи и почти лишены организаціи въ собственномъ смыслѣ слова. Мужскіе союзы отличались еще на первыхъ ступеняхъ развитія различіемъ рода дѣятельности отдѣльныхъ членовъ, женщины же въ своихъ собраніяхъ дѣлають всё одно и то же. И хотя бы эмансипація привела женщинъ къ политической дѣятельности и къ возникновенію организованныхъ обществъ, — неизмѣннымъ останется все же то, что возможность всего этого соудала психологическая оригинальность мужчины.

Государство, конституція, какъ сложная форма социальной жизни, какъ новая искусственная многообразно-сложная совокупность широко истолкованныхъ, но чуждыхъ душевнымъ интересамъ, отдѣльныхъ сторонъ человѣческихъ потребностей, симпатій и антипатій, — остается для женщинъ и для женственно организованныхъ натуръ (художниковъ, студентовъ-славянъ) непріятнымъ и непонятнымъ; отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ выводовъ:

Въ области экономики женщина относится враждебно ко всему сложному, широко организованному и комбинированному въ видахъ отдаленныхъ инте-

ресовъ, — она останавливается на тѣхъ формахъ, которые представляютъ ясную и простую картину, на домашнемъ и сельскомъ хозяйствѣ, все производящемъ собственными силами и — самое большое — еще на городскомъ хозяйствѣ; понятіе о взаимоотношеніяхъ политической экономіи, народнаго и міроваго хозяйства ей чуждо; — операціи ссудъ, напр., займовъ на проценты, ей съ трудомъ понятны (развѣ только если рискующимъ кредиторомъ является она сама или кто-нибудь близкій ей). Еще менѣе понятенъ ей всякій процентъ въ торговыхъ оборотахъ, въ частности въ операціяхъ морской торговли, — это она, подобно древней церкви, торопится заклеить словомъ „ростовщичество“. На протяжении исторіи женскій полъ слѣдовалъ „разумѣется“, за развитіемъ и содѣйствовалъ ему: но интересно, между прочимъ, какое дѣйствіе оказало на душу женщины новое крупное экономическое явленіе — большія торговля товарищества. Тамъ случается, что женщины, вполне порядочныя и благороднаго душевнаго склада совершаютъ кражи: эти самыя женщины съ негодованіемъ оттолкнули бы отъ себя одну мысль о кражѣ въ какомъ-нибудь мелкомъ магазинѣ; онѣ представили бы себѣ, какой ущербъ нанесетъ мелкій торговецъ (выдѣляя его индивидуальность), съ какимъ отчаяніемъ онъ будетъ искать пропавшую вещь — и ихъ окватило бы чувство состраданія; въ огромномъ же торговомъ домѣ такъ много всякихъ вещей, ни одна живая человѣкъ отъ этого не пострадаетъ, не будетъ искать проквашаго — все это только огромный, чуждый аппаратъ, до котораго имъ никакого дѣла нѣтъ...

Отдѣлять личность отъ дѣла (идеи) — способность чисто мужская. Особенность мужского эгоизма въ томъ, что онъ способенъ пожертвовать далекому, идеѣ — близкимъ и самымъ близкимъ лично, какъ римскій полководецъ Манлій, пожертвовавшій своимъ сыномъ, совершившимъ нападеніе, вопреки его запрещенію, хотя онъ и одержалъ побѣду. Идею, дѣло мужчина боготворитъ и потому относится небрежно къ отдѣльнымъ лицамъ; это и есть духъ политики, онъ дѣлаетъ мужчину грубымъ, суровымъ, жестокимъ, беспощаднымъ — въ отношеніи отдѣльныхъ, близкихъ ему лицъ, — во имя какого-нибудь дѣла, какой-нибудь идеи; женщина же равнодушна къ идеѣ, къ дѣлу, къ общественнымъ интересамъ (женская беспощадность), ей дороги только ребенокъ, любимый человѣкъ, подруга — отдѣльныя лица.

Послѣ успешнаго взятія Трок, Одиссей озабоченъ больше всего тѣмъ чтобы умертвить Астианакса, маленькаго сына Гектора: если бы Пенелопа была съ нимъ, — она несомнѣнно защитила бы его собственной грудью, какъ своего собственнаго ребенка; но совсѣмъ другое дѣло, если бы этотъ ребенокъ сталъ, напримѣръ, на дорогѣ ея собственному сыну.

Характеръ мужчины, его міросозерцаніе складывается изъ его возрѣвній на государство, характеръ и міросозерцаніе женщины изъ ея возрѣвній на семью. Онъ больше склоненъ къ объективности, женщина — къ субъективности. (Способность разсматривать вещи только какъ вещи внѣ всякаго отношенія къ своему „я“ и его чувствамъ называется объективностью;

По фотогр. Фр. Ганфштегеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 61. Наполеонъ I.
По портрету работы Г. Верня.

Рис. 62. Графъ Мольтке.
По портрету работы Левбаха.

Если склонность и успѣхъ распространяются не на одну самку, а на самокъ, побѣда надъ женщинами становится идеей, — а если къ этому прибавится цинизмъ и грубость, то возникаетъ типъ Донъ-Жуана. (Ср. кроме безсмертной оперы Моцарта, „Донъ-Жуана“ Байрона и Габбе, „Фауста“, Мопсава — „Милый другъ“.)

Когда мужчина углубляется мыслью въ прошлое, онъ вспоминаетъ о политическихъ и социальныхъ отношеніяхъ, интересуется сложностью событій, партиями, борьбой и ея причинами: женщина интересуется семьей или предками; историческая мысль мужчины имѣетъ историческій характеръ въ собственномъ смыслѣ этого слова, женщины — генеалогическій.

Политическая дѣятельность мужчины, дѣятельность въ крупныхъ общественныхъ группахъ представляетъ извѣстное словесное выраженіе: разговоръ становится рѣчью, возникаетъ типъ оратора, оцепь мужественный по своему существу; женщина говоритъ мѣшае, чѣмъ мужчина, она не говоритъ рѣчей, — она больше кричитъ, поетъ или смѣется (смѣхъ — привлекательный звукъ, онъ „серебристо-звонодь“; серебристо-ярокъ цвѣтъ освѣщеннаго солнцемъ водопада, который поэтическая миеология охотно олицетворяетъ въ образѣ русалки, нимфы; соблазнилъ

ея противоположность — субъективность.) Идея выше личности, политика выше личныхъ симпатій, честь выше любви и счастья, государство выше семьи — вотъ мужское міросозерцаніе. Существуетъ одинъ мужской типъ, уклоняющійся отъ этого опредѣленія, хотя и обнаруживающій безграничную мужественность въ смыслѣ влеченія къ женскому полу и пользующійся у него въ большинствѣ случаевъ большимъ успѣхомъ; онъ очень склоненъ и пригоденъ для брака, любовь для него — жена и семья; онъ долженъ быть названъ типомъ самца.

Мужчина этого типа способенъ бросить самыя важныя дѣла, чтобы почитать за самокой (Маркъ Аптоній при Акциумѣ). Родствененъ ему типъ извѣннаго гаремной жизнью мужчины — „сарданапаловскій типъ“.

Рис. 63. Чемберленъ.

тельный смѣхъ, „смѣющаяся вода“, дѣвушка индѣянка, очаровательная героиня Лонгфелло.) Восклицанія и пѣвнѣ мужчины — скорѣе, наоборотъ, тревожный крикъ, боевой кличъ, — оттого онъ отъявисто коротокъ и склоненъ къ ритмичности. Отсюда же и мужская манера держаться, которая должна имѣть болѣе внушительный, чѣмъ привлекательный характеръ, и въ рѣчи его должно быть спокойствіе и холодная дѣловитость — или же пылкое, воинственное одушевленіе. Съ точки зрѣнія женщины и то, и другое неуклюже и смѣшно преувеличенно; ова съ трудомъ отдѣляетъ мужскую манеру отъ ея карикатуры — рисовки.

То, что мужчинѣ пришлось создать ремесла, науку и искусство, тоже можно объяснить социологически. Въ прошлыхъ условіяхъ сельской культуры и даже довольно высокой, но при населеніи еще не очень плотномъ, когда еще остается много неиспользованной земли, работа, которую производятъ оба пола, не только одинакова, но въ болѣе художественныхъ, тонкихъ работахъ — какъ садоводство, музыка, живопись, паука, перевязочное и акушерское искусства, приготовленіе одежды и пищи — женщина превосходитъ мужчину. Въ то время, какъ мужчины пахутъ землю, охотятся, сражаются, женщина уже читаетъ, пишетъ и т. д. Но едва начинается раздѣленіе труда, въ немъ также сказывается мужская черта, остановка на частностяхъ, — и женщина развѣнчивается. Врачами и даже акушерами, садовниками, поварами, учеными становятся мужчины, и іерархія

Рис. 64. Христофоръ Колумбъ.
По бюсту, хранящ. въ Пинакотеке римскаго капитула.

достигаетъ необычнаго развитія. Усложняются разнообразныя стороны духовной жизни, въ которыхъ отдѣльными лицами сдѣланы огромные успѣхи, — наука (мужская) воздвигается, такимъ образомъ, на основѣ (мужского) коллективнаго труда, точно такъ же, какъ и творческое искусство мужчины.

Наука — организація исканій, политика (война и государство) — организація борьбы; и у той, и у другой — одна общая черта: влеченіе къ идеѣ, которое ставитъ на мѣсто полезныхъ цѣлей созданную умомъ „трансцендентную“, — то донкихотство, которое, вмѣсто добытыхъ путемъ борьбы благъ и

Рис. 65. Давидъ Ливингстонъ.

Мужчина и женщина. 1.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ иб.

Князь О. Э. Бисмаркъ.

Портретъ работы Ф. Ленбаха.

(По фотографіи изд. Фр. Гауфштенгеля въ Мюнхенѣ.)

удобствъ“, дѣлаетъ ее самое дѣлю, принося въ жертву этому призраку (разсуждая по-женски) всѣ блага и все счастье: — объективность. И если борьба и исканія — двѣ основныхъ черты, два полюса мужской природы, на которые распадается единая сущность мужской души, его объективность, — то среди отдѣльныхъ мужскихъ типовъ самыми мужественными должны быть вожди (въ бою — начальники, предводители) и изслѣдователи. Начиная съ первыхъ и кончая вторыми, мы прослѣдимъ всевозможныя промежуточныя ступени и виды мужскихъ профессій.

Рис. 66. Фритьофъ Нассевъ.

Полководцы, государственные дѣятели (основатели и руководители предприятий) — это типы, въ которыхъ мы должны видѣть самое яркое историческое (въ своемъ первоначальномъ смыслѣ слово „историческій“ означаетъ „политическій“, — въ сложныхъ словахъ, „культурно-историческій“ и т. п. это слово имѣетъ болѣе частный смыслъ) олицетвореніе мужественности. Въ лицахъ Юлія Цезаря (рис. 60), Наполеона I (рис. 61), Бисмарка (см. отд. таблицу), Мольтке (рис. 62), Чемберлена (рис. 63), Коллеони (рис. 87) мы можемъ видѣть физіогномическіе образцы мужественности. Они представляютъ собой высшую степень одухотворенной

борьбы человѣческаго существованія, — они — тѣ, которымъ человѣчество прежде всего и справедливѣе всего даетъ названіе героевъ.

Другіе, въ чемъ бы они себя ни проявили, являются героями въ переносномъ смыслѣ этого слова: герои духа, герои труда, изслѣдованія, вѣры и т. д. и т. д. Въ нихъ можно видѣть высшую степень и одухотворенность мужественности, потому что для нихъ дѣло сводится не только къ проникновенію и къ самопожертвованію, какъ для „обыкновеннаго человѣка“, и не только къ размышленію, къ исканію и нахожденію (у полководца — и изобрѣтателя — въ смыслѣ техническомъ, политическомъ, этическомъ и географическомъ), какъ для изслѣдователя: имъ нужно еще кромѣ того умѣть охватить всѣ разрозненныя черты и подъ бременемъ всѣхъ мѣшающихъ, упорныхъ противорѣчій привести ихъ къ наиболѣе благоприятному единству — имъ нужна еще, слѣдовательно, рѣшительность; все охватить подъ давленіемъ

момента, подъ гнетомъ опасности, и въ каждое новое мгновение умѣть найти все новое и новое рѣшеніе и все же объединить всѣ эти рѣшенія въ единомъ планѣ. — вотъ какія способности и силы выражаются въ лицахъ этихъ людей, въ той, „ледяной мраморной холодности“, которая поражаетъ и мало подготовленнаго наблюдателя. Въ ней лежитъ та способность ставить цѣли впереди лицъ, которая не останавливается и передъ тяжелыми жертвами отдѣльными людьми и собственнымъ счастьемъ, та безпощадность и жестокость, та приводящая въ содроганіе объективность, которая, овладѣвъ собою, овладѣваетъ всѣмъ и всѣми.

Нѣкоторыя отличія отъ типа военачальника и вождя представляетъ король. На него смотрятъ, какъ на лицо особо незаменимое, и потому ему не приходится выступать лицомъ къ лицу съ опасностью, его охраняютъ прикрытіями. Ему, какъ женщицѣ, приходится дань услуга, защитой, даже поклоненіемъ. Необходимость представительствовать по-королевски вызываетъ экономическую безпечность, усиливаетъ пристрастіе къ вѣщности, жажду правиться и капризность, — вѣдь короля, какъ женщину, окружаютъ лестью. Вмѣсто идеи государства для него часто становится высшей цѣлью благо свое и своей династіи; яной

Рис. 67. Д-ръ Эминъ-Паша.

король, маячій себя историкомъ, въ дѣйствительности только генеалогъ. — Часто онъ владычествуетъ, какъ и женщина, съ помощью людей, стоящихъ вооруженными противъ другихъ людей (въ чемъ, въ сущности, только и заключается поддержаніе порядка, правленіе). Вотъ почему на роли королей особенно пригодны жественныя натуры, въ частности женщины. — Впрочемъ, настоящему королю слѣдуетъ обладать свойствами вождей и политиковъ, въ особенности же мужскимъ чувствомъ справедливости (см. ниже).

Исслѣдователи новыхъ странъ (каковы Колумбъ, Ливингстонъ, Нансенъ — рис. 64—66) имѣютъ большое сходство съ этимъ типомъ; сложности путешествія въ неизслѣдованныя мѣстности и организациі экспедиціи (экипажа корабля или каравана) ставятъ передъ ними обѣ группы проблемъ; часто задача изслѣдователя сочетается съ задачей полководца (Эминъ-Паша, рис.

67). Изъ изслѣдованія новыхъ странъ возникло мореплаваніе; непроходимость водныхъ пустынь и до сихъ поръ еще отчасти придаетъ мореплаванію характеръ изслѣдованія. Другомъ и врагомъ человѣка здѣсь является сама стихія, по которой онъ движется. Мужскія свойства — дисциплина и храбрость — должны быть развиты у моряка въ еще болѣе высокой степени, говорилъ еще римскій поэтъ. Мореплаваніе началось, какъ пиратство, — слѣдовательно, мореплаватели должны были имѣть вначалѣ воинственный и разбойничій характеръ (викинги, Одиссей), — въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, капитанъ долженъ имѣть коммерческое чутье. Морякъ со свойствами вождя есть

Рис. 68. Адмиралъ Нельсонъ.
По картинѣ Гопплера.

морской герой (Нельсонъ, рис. 68, Де-Рюйтеръ): своей опасностью и условіями дѣятельности во мракѣ профессія моряка аналогична профессіи лѣсничаго и рудокопа; все это мужскія профессіи и занятіе ими женщинъ есть и будетъ одно злоупотребленіе.

Экономическимъ руководителямъ — банковымъ дѣльцамъ, крупнымъ промышленникамъ и спекулянтамъ, разнаго рода „предпринимателямъ“ современности — нужно обладать если не прямымъ героизмомъ, то все же смѣлостью, а это и есть все та же рѣшительность. То обстоятельство, что современное хозяйство есть мировое хозяйство, требуетъ отъ нихъ политическихъ способностей го-

сударственного дѣятеля и свойствъ полководца — вплоть до безопасности и мраморной холодности; эти черты въ нихъ часто и констатировали (Рокфеллеръ — рис. 69, Вандербильтъ, рис. 70, В. и К. Сименсъ). На этихъ руководителяхъ современной экономической жизни похожи руководители прошлаго, крупные землевладѣльцы, но они сильно отличаются отъ нихъ своими рыцарскими свойствами.

Между этими двумя крайними мужскими группами — вождей и изслѣдователей — существуютъ двѣ менѣе мужественныя, съ примѣсью женственныхъ чертъ, съ менѣе рѣзкими половыми отличіями. Прежде всего, руководимые — въ военномъ дѣлѣ солдаты, въ политикѣ граждане, въ экономикѣ крестьяне, ремесленники, рабочіе. Въ каждой изъ нихъ наблюдается своеобразно ослабленная мужская природа, но въ третьей группѣ

она сохранилась и замѣтно проявляется, только тоже въ соединеніи съ ярко выраженной женственностью. Въ нихъ борьба и исканіе находятъ дѣльныхъ, порой даже блестящихъ представителей.

У солдата мужскія свойства ослаблены вслѣдствіе однообразія службы, вѣчно повторяющейся, механической работы въ толпѣ, при которой онъ обыкновенно очень смутно можетъ видѣть отношеніе его работы къ дѣлу въ его цѣломъ. Совершенно то же наблюдается и въ арміи промышленныхъ рабочихъ. У гражданнаго также ослабленная отвѣтственность по сравненію съ лицами, политически активными. Сообразно роду занятій, дѣятельности, при которой тускнѣютъ мужественныя черты и просходитъ уравненіе съ женщиной, гражданскій обнаруживаетъ часто типичныя свойства сама. На крестьянина, вслѣдствіе его относительной самодѣятельности, въ хозяйствѣ, гдѣ все производится собственными силами, профессія еще не наложила свою печать, и потому половыя отличія между нимъ и его женою остаются общими и примитивными: онъ дерется, работаетъ въ полѣ батракомъ или хозяиномъ, политиканствуетъ; въ работахъ, задачи которыхъ обширны и разносторонни въ простомъ и понятномъ единствѣ сельскаго хозяйства, между мужской и женской нѣтъ почти никакой разницы. Нельзя не отмѣтить, что при всемъ томъ сами крестьяне всегда усиденно выдвигаютъ этически половыя различія.

Истинный художникъ храбръ, часто довольно задоренъ, чувствуетъ величіе къ странствованію, къ приключеніямъ; но такъ же, какъ и женщина, онъ разсматриваетъ міръ, не расчленяя его, беретъ его не во множествѣ мертвыхъ чертъ, а, созерцая, въ единствѣ живыхъ. — лучшее доказательство принципіальной

Рис. 70. Корнелій Вандербильтъ Старшій.

Мужчина и женщина. I

Рис. 60. Дж. Рокфеллеръ.

равноцѣнности результата умственной дѣятельности мужчины и женщины: иначе вѣдь твореніе художника должно было бы давать меньше, чѣмъ твореніе ученаго, географъ долженъ былъ бы принципіально превосходить пейзажиста, ботаникъ — художника, пишущаго цвѣты, психологъ — драматурга, — а вѣдь это явная нелѣпость. Нельзя забывать также, что художественное пониманіе — самое благородное (по крайней мѣрѣ въ смыслѣ большей вѣрности и увлекательности, потому что изучать и апализировать можетъ всякій, — каждый мужчина это отъ природы умѣетъ, каждая женщина можетъ быть обучена этому). Тогда пришлось бы признать, что критикъ можетъ дать больше, чѣмъ художникъ, — кри-

Рис. 71. Т. Моммзенъ.

пие и изобразительность, — черты, особенно яркія у Моммзена (рис. 71), безсмертный грудь котораго „Римская исторія“ свидѣтельствуетъ одинаково о фантазіи и терпѣніи, какъ о силѣ и чутьи изслѣдователя.

Способность художника защищаться направляется почти исключительно только на личныя, дѣйствительныя противниковъ, — онъ очень рѣдко бываетъ оскорбленъ чѣмъ-нибудь, самимъ міромъ; съ природой онъ интимно близокъ, какъ и женщина и, какъ и она, привязанъ къ ней; а если въ немъ шевелится сильный мужской элементъ, такъ что предъ нимъ предстанетъ божественное, и онъ почувствуетъ жало проблемъ, и противорѣчія начнутъ терзать его, — то онъ реагируетъ на это по-женски, создавая изнутри себя новый гармоничный міръ, вмѣсто того, чтобы — подобно основнымъ мужскимъ типамъ — мятежно возстать борьбой на противорѣчія, стараться согнуть или сломить ихъ, и силой меча или мысли достигнуть гармоніи и мира. Онъ полонъ, какъ и женщина, сочувствіемъ къ близкимъ лицамъ, которымъ онъ отдается порой, какъ преданный и всегда какъ ласковый товарищъ, — за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда они хотятъ правиться такъ же,

какъ, душевный складъ котораго представляетъ середину между складомъ художника и ученаго, смѣсь женскаго художественнаго созерцанія и мужской научной пытливой мысли.

Сюда надо отнести также и историка; критики и историки искусства даже прямо тождественные типы, но и историкъ въ собственномъ смыслѣ слова — критикъ политики — можетъ быть разсматриваемъ трояко: а — государственный дѣятель, полководецъ, в — ученый, с — художникъ. Ихъ увлеченіе политикой чисто мужское, но они лишены мужской рѣшительности. Группа а и историкъ одинаково страстно увлекаются исторіей, но тотъ, кто одаренъ мужской рѣшительностью, не пишетъ исторію, а дѣлаетъ ее — и даже тогда, когда уже на покой пишетъ ее (Бисмаркъ). Но на ряду съ мужскимъ соображеніемъ въ историкѣ живетъ женственно-художественное созерцаніе

Рис. 72. Микель-Анджело.
По старинной гравюрѣ.

какъ онъ, или больше его; какъ и женщину, его отталкиваетъ чуждый ему призракъ обществѣнности; извѣстна его экономическая близорукость (въ которой есть, впрочемъ, кой-какія неженственныя черты, — она чужда, напримѣръ, скупости), его неумѣнье обращаться съ деньгами вошло въ пословицу; политику и право онъ не отвергаетъ, но держится своеобразныхъ взглядовъ на нихъ.

Когда съ Татьяны Неонтьевой послѣ убійства Мюллера сдѣлалъ насильно фотографическій снимокъ, одинъ гениальный музыкантъ, умъ и образованность котораго имѣютъ широкую извѣстность, сказалъ мнѣ, возмущенный этимъ:

Рис. 73. Иоганнъ Себастьянъ Бахъ.
По портрету работы Л. Гаусманна.

Рис. 74. Людвигъ Бетховень.
По портрету работы К. Даха.

„Вся эта антропометрія одно средневѣковое варварство, ее слѣдовало бы отмѣнить“.

Въ этихъ областяхъ онъ поддается единичнымъ впечатлѣніямъ, судить односторонне, запальчиво и большей частью въ тонѣ обвиненія: подобно женщицѣ, онъ либо радикаль, либо клерикаль.

Вопросъ о томъ, какой родъ искусства болѣе мужествененъ, еще не рѣшенъ, — едва ли и можетъ быть рѣшенъ, да и поставленъ неправильно. Тутъ очень смутны границы половыхъ отличій. Архитектура и пейзажъ, какъ требующіе способности соображенія, пожалуй, нѣсколько болѣе мужского свойства; скульптура и рельефъ, быть можетъ, болѣе мужского характера, чѣмъ живопись. Историческая живопись, пожалуй, „мужественнѣе“ жанра. Мертвая натура и цвѣточная живопись безусловно „женственнѣе“. Современная „антилитературная“ живопись приблизительно одинаково близка тѣмъ и другимъ свойствамъ. Среди великихъ мастеровъ, согласно вѣрному народному чутью, Микель-Анджело (рис. 72), напр., и Рембрандтъ (рис. 99) отличаются

Рис. 75. Рихард Вагнеръ.
По портрету изъ коллекціи Фр. Гауфштегеля.

пенъ къ насвистыванію. Рабочія пѣсни почти одинаково распространены среди мужчинъ и среди женщинъ, все же среди мужчинъ, повидимому, меньше.

Изъ композиторовъ — Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ (рис. 73—75) обнаруживали, пожалуй, больше мужскія свойства, Шуманъ (рис. 118) — довольно замѣтными женскія свойства. Интересно, что Бетховенъ въ своей единственной оперѣ „Fidelio“ изображаетъ женщину, совершающую мужской подвигъ, а Бизэ (рис. 54) въ обоихъ самыхъ крупныхъ своихъ произведеніяхъ, въ „Карменъ“ и въ „Арлезианнѣ“, беретъ основой страданія сексуально-противоестественно (мазохистски) предрасположенныхъ героевъ. Жакъ Далькрозъ (рис. 76) приобрѣлъ извѣстность, какъ композиторъ, преимущественно своими дѣтскими пѣснями; на портретѣ выраженіе его лица, несмотря на богатую растительность, напоминаетъ выраженіе молодой матери. Дирижерствованію

ярко-выраженными мужскими свойствами, Рафаэль (рис. 98), напротивъ, больше женскими.

Въ музыкѣ, какъ мы уже замѣтили, композиція представляется принципиально болѣе мужскимъ свойствомъ, чѣмъ исполнительное искусство, виртуозность. Въ этой отрасли искусства издавна отличались половыя особенности; эпитеты „мужественный“ и „женственный“ очень часто встрѣчаются въ критикахъ какъ композиторскаго, такъ и исполнительнаго талантовъ. Въ пѣвнн ясно сказывается различіе мужскихъ и женскихъ свойствъ. Хоровое пѣніе преимущественно принадлежитъ мужчинамъ (боевыя и застольныя пѣсни). Индивидуально мужчина менѣе склоненъ къ пѣвнн, чѣмъ женщина, зато больше скло-

Рис. 76. Ж. Далькрозъ.
По фотогр. Ладзеосса.

буеть нѣкоторой мужественности по исполнѣ понятнымъ причинамъ.

Гораздо легче сравнительно выдѣлить эти отличія въ разныхъ видахъ литературнаго творчества. Лирикѣ очень идутъ женственные звуки, роману также, такъ какъ онъ можетъ весь сводиться къ настроеніямъ и не безусловно требуетъ захватывающаго дѣйствія, а тѣмъ болѣе элемента авантюризма. Зато эпосъ требуетъ подвиговъ мужей, самаго живого и активнаго дѣйствія — боевого подъема, повѣсти странствованій. Вотъ почему въ области лирики и романа женщины много сдѣлали (а англійскія писательницы проявили и не мало мужскихъ свойствъ) и имѣли большой успѣхъ, тогда какъ въ эпосѣ творцами и почитателями являются одни мужчины и почти то же можно сказать и о драмѣ. Мужской натурѣ (порывистой, подвижной, склонной къ вспышкамъ, взрывамъ) необычайно соотвѣтствуетъ ритмъ, которымъ отличается эпосъ, — мелодичная лирика и насыщенный настроеніемъ такъ же, какъ она, романъ — чужды и дѣйствія, и ритма. Можно сказать, что мужская душа эпична (ритмична), женская лирична (мелодична). Гете одинаково мастеръ эпоса и лирики (ритма и мелодіи). Шиллеръ чуждъ мелодіи.

Рис. 77. Вильямъ Шекспиръ.
По стар. гравюру.

Всецѣло и совершенно женственнымъ является письмо, какъ особый родъ художественнаго творчества; тутъ надо признать безусловное превосходство женскаго искусства, — достаточно вспомнить, напримѣръ, насколько выше стоятъ письма Элоизы, чѣмъ письма Абельяра. Мужчинамъ, когда онъ пишетъ, и въ голову не приходитъ открывать свою душу въ письмѣ; его письма содержатъ извѣщенія, вѣсти, разсужденія, — и чѣмъ онъ мужественнѣе, тѣмъ безцвѣтнѣе, или — неискреннѣе его письма. О своеобразныхъ особенностяхъ стиля мужского и женскаго, о которыхъ такъ много говорилось, мы здѣсь распространяться не можемъ.

Своеобразно положеніе вопроса о сценическомъ искусствѣ по отношенію къ половымъ отличіямъ. Культуры, зараженныя гомосексуализмомъ (Эллада, Японія, Китай), присваивали это искусство мужчинамъ, римляне находили, напротивъ, актерство немужественнымъ. Такимъ образомъ, сценическое искусство, будучи, быть можетъ, первой профессіей, завоеванной женщинами, выдвинуло множество женщинъ съ мужскими свойствами, — мужчины же въ немъ представляютъ, наоборотъ, женскую способность приспособленія, какъ того требуетъ намѣчни-

Рис. 78. Эдмунд Книпъ.
По автографу.

вость ролей, женскую жажду нравиться, женскую заботливость о наружности (костюмы); при этомъ среди нихъ часто встрѣчается типъ самца. Прилагаемъ портреты Шекспира (рис. 77), Тальмы (рис. 55) и Кина (рис. 73). Если въ душѣ ихъ и уживался иногда геній могучей и авантюристской страсти, — все же классическая красота ихъ лицъ имѣетъ безспорно женскій типъ.

Не только какъ изобразители, но и какъ предметъ искусства, люди различаются между собой по своимъ половымъ особенностямъ. Сообразно вышеизложенному взаимоотношенію между міромъ и женщиной, мужчина гораздо больше является изобразителемъ; женщина для него объектъ искусства и на нее

оно обращено (искусство, между прочимъ, одно изъ выраженій ухаживанія).

Женское искусство гораздо рѣже выбираетъ своимъ объектомъ мужчину и гораздо менѣе настойчиво направляется на него. Посвящая себя какой-нибудь профессіи, даже искусству и въ особенности литературному творчеству, она ставитъ себѣ главной цѣлью освободиться отъ мужчины, избавиться отъ него; воссѣиваетъ ли она его, или замалчиваетъ, она вся сосредоточивается на своемъ матеріалѣ и своихъ переживаніяхъ.

Мужчина обращается всегда душою къ міру и къ женщинамъ одновременно. Неизмѣнная потребность его — приблизиться своимъ художественнымъ творчествомъ къ женщинамъ, быть ею понятымъ, говоря о ней, говорить съ нею и, говоря съ нею, говорить о ней. Это свидѣтельствуетъ о религіозномъ характерѣ отношенія мужчины къ женщинамъ, онъ поклоняется ей, боготворитъ ее.

Что касается науки, то чистое знаніе, отмѣченное яркимъ характеромъ донкихотства (блужданій и исканій), больше свойственно мужскому уму, прикладныя же науки — женскому. На пути къ дѣйствительнымъ желаннымъ цѣлямъ абстрактное знаніе представляетъ вѣдь только этапъ и даже окольный путь. Женское отношеніе къ наукѣ выражается почти всегда въ требованіи „не обременять преподаваніе такимъ множествомъ практически бесполезныхъ предметовъ или свѣдѣній“, мужское — въ предпочтеніи такого практически бесполезнаго матеріала. Книгсбергскій фізіологъ Германъ отстаиваетъ, на примѣръ, необходимость теоретическихъ наукъ въ курсѣ медицинскаго образованія, — это чисто мужская точка зрѣнія.

Но это вовсе не значить, что склонность къ естественнымъ наукамъ болѣе мужская, чѣмъ склонность къ техникѣ, — по-

тому что сооружение и выдумка требуют мужских способностей соображения, и профессия инженера, как руководителя предприятия, требует чисто мужской организаторской способности. Автобиография Вернера Сименса (рис. 79), например, представляет интересный документ настоящей мужественности. Къ этому надо прибавить смѣлое прожектерство инженеровъ, разжигаемое представляющимися трудностями и очень рискованное именно вслѣдствие этихъ трудностей; необычайно характерна смѣлость Стефенсона, пустившаго первый локомотивъ безъ зубчатого колеса. Еще надо прибавить къ этому мужскую твердость и беспощадность, съ которой онъ пожертвуетъ идеѣ, какому-нибудь проекту, самимъ собой и всѣмъ самымъ дорогимъ. Превосходно, хотя и нѣсколько шаблонно, рисуетъ этотъ типъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Жюль Вернь, схватывая съ свойственнымъ ему юморомъ и его карикатурныя разновидности, — человѣка, одержимаго навязчивой идеей, изобрѣтателя *perpetuum mobile* и т. под., — характерный современный типъ мужчины-маніака.

Въ области чисто технической — механическій анализъ и оцѣнка впечатлѣній болѣе свойственны мужчинамъ. Я наблюдалъ, что жепщины, какъ это ни странно, гораздо менѣе мужчинъ способны къ безошибочному опредѣленію статическихъ условий на первый взглядъ, по простому чутью, глазомѣромъ или, вѣрнѣе, осязательнымъ и мускульнымъ чутьемъ; и дѣло тутъ не только въ способности соображенія. Въ опредѣленіи степени крѣпости нитки или проволоки мужчина рѣже ошибется, чѣмъ женщина.

Въ какой мѣрѣ наука о жизни — биологія, представителемъ которой можетъ считаться Пастеръ (рис. 80), теорія ученія о бактеріяхъ — или наука о неодушевленной природѣ болѣе свойственна мужской природѣ, — общее рѣшеніе этого вопроса трудно дать, съ тѣхъ поръ какъ и биологія развилась изъ чисто созерцательной и описательной науки въ науку, оперирующую изслѣдованіемъ причинъ. Среди врачей, не считая ученыхъ, чистыхъ теоретиковъ медицины, можно различить два типа: мужской, — тотъ, который ближе къ ученому теоретику и полководцу, который своей чуждой состраданія объективностью, не считающейся съ субъективнымъ страданіемъ отдѣльнаго лица, глубоко проникаетъ въ вопросы физической сущности человѣка; другой женскій, — тотъ, который мягкой субъективной душой входитъ въ страданіе ближняго и, движимый инстинктивной сердечной потребностью найти и принести исцѣленіе, достигаетъ торжества діагностики и терапіи.

Почти такъ же часто спорять нынче изъ педагогическихъ соображеній о степени и характерѣ спо-

Рис. 79. Вернеръ Сименсъ.

собностей обеих половъ къ математикѣ. Здѣсь еще больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ, приходится дѣлать выводы о мужскихъ особенностяхъ изъ того, что писалось о математическихъ способностяхъ женщины. Результаты этого трудно изложить съ удовлетворительной ясностью для широкихъ читательскихъ круговъ. Ньютонъ (рис. 81) не лишенъ былъ, пожалуй, нѣкоторыхъ женскихъ чертъ, другимъ — какъ, напр., знаменитый математикъ Гауссъ — онѣ были совершенно чужды.

Мужскими являются также родственныя кое въ чемъ математикѣ шахматная игра, шашечная и карточная и вообще спеціальныя игры. Женщина гораздо менѣе нуждается въ играхъ, потому что элементы игры содержатся въ достаточной мѣрѣ въ такъ называемыхъ женскихъ рукодѣльяхъ, въ особенности же въ уходѣ за дѣтьми. У мужчины же игра отдѣляется отъ жизни по мѣрѣ того, какъ онъ переходитъ отъ примитивной дѣятельности — борьбы и охоты — къ дифференцированному труду. Вотъ еще одна особенность женственныхъ натуръ, также свидѣтельствующая объ антисоціальнойности ихъ: онѣ нисколько не задумываются испортить другимъ удовольствие игры, прерывая ее или нарушеніемъ правилъ игры, или произвольнымъ отказомъ продолжать ее, „потому что это вѣдь только игра“. Кромѣ способности соображенія, игра содержитъ еще элементы рыцарства, вплоть до реванша въ азартной игрѣ, котораго отъ дамъ, какъ извѣстно, не требуютъ. Люди, изучающіе дѣтскія игры, увлекающіеся ими и умѣющіе направить согласно этому воспитаніе, принадлежатъ къ женскимъ натурамъ: Фридрихъ Фребель (рис. 82) отличался благороднѣйшей женственной душой. Современная же экспериментальная педагогика по своему существу мужской природы.

Изъ такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ — объ отношеніи исторіи къ мужской природѣ мы уже достаточно сказали.

Въ отношеніи языковеденія — филологіи — можно констатировать слѣдующее: изученіе грамматики языка (имѣющей близкое отношеніе къ логикѣ) относится къ мужскимъ свойствамъ чловѣка, пластическій же способъ изученія съ помощью глаза и уха, съ помощью подражательной способности воспроизведенія произношенія, примѣненія и словупотребленія — къ женскимъ. Не одними только случайными историческими причинами объясняется и то, что мертвые языки (латинскій и греческій) — для нашихъ современныхъ поколѣній, памятники творчества въ области эпоса, драматургій, философіи, исторіи, ораторскаго искусства — до сихъ поръ представляютъ почти исключительно предметъ преподаванія для мужского пола. Независимо даже отъ предметовъ, все гуманистическое отношеніе къ древности принадлежность мужского пола; всѣ подробности античной жизни привлекательны для истинно мужского ума именно своей отдаленностью и практической неуужностью; для женщины же все это „слишкомъ старая исторія“, исторія литературы новѣйшей эпохи женственному уму ближе и интереснѣе. Наконецъ, толкованія (комментаріи) и т. п. вполнѣ отвѣчаютъ свойствамъ мужского ума, вслѣдствіе его глубокаго уваженія къ слову, какъ выраженію понятія, что такъ чуждо женщинѣ, умъ которой живетъ созерцаніемъ.

Въ области экономической жизни мужскія свойства направились преимущественно на продуктивность, на добываніе, какъ на сферу дѣятельности болѣе сложную и широкую, женскія же свойства больше на потребленіе, на превращеніе добытаго въ годныя для употребленія формы.

Самая чистая форма экономической профессіи — коммерція — содержитъ и женскіе, и мужскіе элементы; женскіе — поскольку купецъ своимъ тонкимъ чутьемъ предусматриваетъ и угадываетъ потребности и вкусы покупателей и приоровляется къ нимъ; мужскіе — поскольку коммерція приближается по формѣ къ предпріятію и часто требуетъ мужской рѣшительности, борьбы и безпощадности. Свойства экономической науки — мужской природы, что видно изъ ея другого названія — политической экономіи. Но какъ и среди врачей, среди политико-экономовъ есть люди, сосредоточивающіе вниманіе только на принципиальныхъ и общихъ вопросахъ науки и, на ряду съ ними, и такіе, которые отдалились политической экономіи потому, что имъ по-женски дорого благо ближняго, и они болѣютъ сердцемъ отъ страданій его. Женскій элементъ содержитъ въ себѣ социалистическія, коммунистическія, анархистскія стремленія, потому что всѣмъ имъ — отвергаютъ ли они государство или дѣлаютъ его Богомъ — свойственна одна общая черта: въ основѣ ихъ

лежит сочувствіе страданію, бѣдственному положенію индивидуума, и всё они видятъ свою цѣль въ томъ, чтобы сдѣлать это положеніе пріятнѣе, счастливѣе. Страдая отъ „противорѣчій экономической жизни“ по-мужски, всё эти утописты ищутъ преимущественно женскую форму положенія коонецъ этимъ страданіямъ; чисто мужскими были бы формы политическаго вѣдательства или полнаго философскаго отреченія отъ счастья; карикатурной формой мужского отношенія является бюрократизмъ, который, будучи неспособенъ къ благородному подвѣду, такъ погрязъ и влюбляе въ доходящія до абсурда противорѣчивыя частности, что съ полнымъ удовольствіемъ живетъ и дѣйствуетъ среди нихъ и въ полкомъ сознаніи всей сложности ихъ структуры спокойно оперируетъ надъ тѣмъ, что отдано въ его руки.

Среди юристовъ несомнѣнно встрѣчаются тѣ же два типа, что среди врачей и политико-экономовъ.

Безспорно, основная задача права — постоянное согласованіе блага и страданій личности съ требованіемъ общаго блага. Нельзя быть хорошимъ юристомъ безъ субъективнаго проникновенія въ душу заинтересованнаго лица, безъ представленія о томъ, что ты чувствовалъ бы самъ на мѣстѣ приближающаго къ правосудію, о томъ, чего бы ты самъ хотѣлъ, что считалъ бы справедливымъ, достойнымъ и правильнымъ. Есть кое-что женское и въ стремленіи осуществить интересы пострадавшаго лица, противопоставивъ ихъ окаменѣлости закона, а въ спорномъ случаѣ и поставить ихъ впереди, согласно принципу: „чувство законности выше нормъ закона“. Мужской элементъ право содержитъ постольку, поскольку оно освобождаетъ рѣшеніе вопроса о нравственности отъ чувства, добывается объективности закона и находитъ ее именно въ томъ, что не отождествляетъ истинное право съ субъективно желательнымъ, — что достигается только путемъ долгаго размысленія, взвѣшиванія множества другъ другу противорѣчащихъ соображеній, большей частію путемъ мучительной жертвы чьими-нибудь интересами, окольнымъ путемъ черезъ систему различныхъ понятій.

Чуткій женскій умъ умѣетъ находить удовлетворительный отвѣтъ на нравственные вопросы, проникая искусными созерцаніями, счастливымъ чутьемъ въ самую сущность общей картины, — и юристы съ женскимъ душевнымъ складомъ, могутъ быть, преимущественно работаютъ такъ, что систематическое обоснованіе вырабатываютъ уже впоследствии, принимая его для проверки, а не вырабатываютъ для руководства заранѣе. Волѣ грубый женскій умъ довольствуется, если его поступки соотвѣтствуютъ правамъ, — которыя представляютъ собой высшее выраженіе нравственности, — если онъ поступаетъ такъ же, какъ другіе, — главное, въ согласіи съ обычаями. Или же, если человекъ мѣшае щепетильно терзается сомнѣніями и просто поддается непосредственному чувству, онъ восклицаетъ: „Отстаньте вы отъ меня съ вашимъ юридическимъ крючкотворствомъ, — такъ и такъ подсказываетъ мнѣ сердце, такъ это и быть должно“. Если ему возразятъ на это: „Но тогда пришлось бы въ такомъ-то случаѣ рѣшить вотъ такъ, а въ такомъ вотъ какъ, иначе“, — у него тотчасъ же готовъ отвѣтъ: „Другіе случаи меня сейчасъ не интересуютъ“; возраженія ему кажутся злостнымъ обиваніемъ съ толку, коварнымъ искусительствомъ. (То же наблюдается и въ другой области. Опыт и математическимъ вычисленіямъ, мнѣющимъ данное положеніе, женскій умъ такъ же протѣвится, какъ и обсужденію юридическаго случая.) Чуткій женскій умъ чувствуетъ это, образно постигаетъ это, мужской представляетъ себя возможность того, что другіе — особенно потерпѣвшіе отъ такого рѣшенія — могутъ чувствовать совершенно иначе и съ тою же силой внутренняго убѣжденія; мужской умъ мыслитъ постигаетъ различіе между „материальнымъ“ содержаніемъ чувства справедливости, могущимъ быть неодинаковымъ въ душѣ многихъ лицъ, и „формальнымъ“ внутреннимъ подтвержденіемъ со сто-

Рис. 80. Луи Пастеръ.

Рис. 81. Исаакъ Ньютонъ.
По портрету работы Э. Зеемана.

могла бы вполне обойтись безъ этихъ учреждений, потому что правое, законное опредѣляетъ она, истолковываетъ она; съ ея точки зрѣнія это вполне послѣдовательно, логически, потому что если правдивый голосъ ея чистый, одушевленной всѣмъ благороднымъ и добрымъ, совѣсти безошибочно внушаетъ ей, гдѣ право, зачѣмъ же ей этотъ окольный путь, зачѣмъ ей допускать третье лицо уяснять ей то, что она уже знаетъ? Зачѣмъ ей косвенно создавать затрудненія въ запутанной формѣ, нуждающейся въ расшифрованіи, когда оно непосредственно и немедленно Зачѣмъ вмѣсто одного движенія руки, которое, навѣрное, принесетъ правильный результатъ, сложная работа, изъ которой, въ лучшемъ случаѣ, получится правильный результатъ? Вѣдь такъ, какъ она сама, не можетъ рѣшить никакое третье лицо, ни одинъ судья не можетъ вникнуть въ сущность дѣла, такъ всѣмъ существомъ почувствовать, что необходимо: вѣдь это не его дѣло?

Мужчина же считаетъ, напротивъ, необходимымъ привлечь посредниковъ для сохраненія и осуществленія моральной идеи, хотя онъ, навѣрное, находитъ право и въ собственной душѣ; онъ находитъ необходимымъ посредниковъ въ видѣ установленій суда и законодательства, въ которыхъ должна воплотиться объективность права — вѣдь только они и могутъ символизировать ее (критика мужского воззрѣнія съ женской точки зрѣнія) — и должна быть преодолѣна субъективность, въ которой (въ силу рѣшенія, въ силу окончательнаго сочувствія къ одной сторонѣ и несочувствія къ другой)

роны совѣсти, которое съ одинаковой силой можетъ прикинуть къ различному содержанію; такимъ образомъ, онъ приходитъ къ выводу, что истиннымъ правымъ могутъ быть только тѣ правовыя убѣжденія, къ которымъ всегда и вѣчно у всякаго разумнаго существа присоединится это подтвержденіе внутренняго голоса, — это идея естественнаго права. Она неправова, или, вѣрнѣе, она неосуществима, потому что такого общаго содержанія права не можетъ быть въ смѣнѣ историческихъ переживаній; но она представляетъ собой идеаль, съ точки зрѣнія котораго право можетъ быть мыслимо, какъ нѣчто объективное, служащее обществу и идеѣ, стоящей выше чувства и случайнаго усмотрѣнія отдѣльной личности.

А на ряду съ идеей естественнаго права и въ тѣснѣйшей связи съ ней, существуютъ вторая и третья сферы права, которыя должны быть отведены специально мужской природѣ и мужскими представителями которой являются системы законодательства и суда. Женственность

Рис. 82. Фр. Фрѣбель.

По литогр. П. Рорбаха въ изд. Шредера въ Берлинѣ.

посредствующее лицо только и может вѣдь найти право. Мужчина одинъ считаетъ желательнымъ и необходимымъ, чтобы право исходило изъ третьяго источника; онъ одинъ сумѣлъ и пожелалъ свыкнуться съ тройственнымъ отношениемъ, которое и представляетъ собой право. Женщина понимаетъ и признаетъ только двойственные отношенія, отношенія между однимъ и другимъ лицомъ: отношенія любви и ненависти. Женскому уму доступны, такимъ образомъ, война и бракъ; тѣмъ же, дающая преступному нарушителю права оружие для защиты въ руки и наносящая потерпѣвшему, невинно пострадавшему дальнѣйшую обиду задерживаніемъ рѣшенія, обиду, не вполне поправимую путемъ возмѣщенія расходовъ и судебныхъ издержекъ — это явленіе (тѣмъ же, судебный процессъ) представляетъ собой порожденіе мужского склада ума. Точно такъ же, только мужской умъ способенъ различать понятія права, устанавливающаго наказуемость и вознагражденіе потерпѣвшей стороны („материальное право“) и судопроизводства, процесса („формальное право“). Женственность никогда добровольно не соглашается понять, почему бы ей — разъ она права — по-просу не отнять у противника спорный предметъ; не согласится понять и того, почему она обязана подчиниться всѣмъ правиламъ судопроизводства и не можетъ просто отбросить тѣ, которыя ей не подходятъ, зачѣмъ продѣлывать всѣ лишнія подробности игры, почему ей не позволить прямымъ и кратчайшимъ путемъ придти къ справедливому и необходимому, вѣдь и по закону, результату.

Равенство оружія, принципъ всякаго судопроизводства, по цѣпкѣ женскаго ума, не имѣетъ справедливаго основанія. Самый звукъ слова напоминаетъ мужскія свойства, борьбу и рыцарскій духъ. Тѣмъ же и законъ, какъ форма честной борьбы — принадлежность мужчины; упрочить честность и обезоружить злодѣяніе — вотъ дѣло суда. Потребность женской души — боготворить и быть боготворимой, уничтожать и быть уничтоженной, блаженствовать и искупать; потребность судить и быть судимымъ — свойство мужской души. Мужское свойство также — смотрѣть на ту невѣроятную справедливость, которая ничего общаго не имѣетъ съ любовью, какъ на высшую добродѣтель, основу всѣхъ добродѣтелей; мужское свойство — чувство отвѣтственности передъ судомъ и закономъ (не только внутри собственной души) и чувство судейской отвѣтственности, которая, не отступая передъ субъективной совѣстью, все же имѣетъ своей высшей цѣлью не конкретное начальство, а абстрактную идею. Право организуетъ и очерчиваетъ каждой отдѣльной личности и каждой группѣ ея кругъ дѣйствій, отводитъ каждой ея мѣсто и роль; право есть воплощеніе добра въ томъ, чего не вѣдаютъ нравственности и правы — въ государствѣ; следовательно, оно почти всецѣло принадлежность мужского склада. Королемъ можетъ быть женщина, но судьей — одинъ мужчина.

Въ религіи мужчина всегда былъ слабѣе, въ философіи сильнѣе женщины; это легко объясняется тѣмъ, что въ религіи преобладаютъ понятія красоты, въ философіи основныя понятія построены; религія ищетъ итога міропредставленія, выливая его въ картину, философія — путемъ расчлененія его и составленія стройнаго цѣлаго. Религія непосредственно вытекаетъ скорѣе изъ жажды благороднаго, добраго, прекраснаго; философія — изъ жажды знанія. И та, и другая стремится познать крайнюю глубину, безконечное; но религія прозрѣваетъ безконечное непосредственно, философія же стремится добраться до него черезъ длинный и сложный строй причинъ.

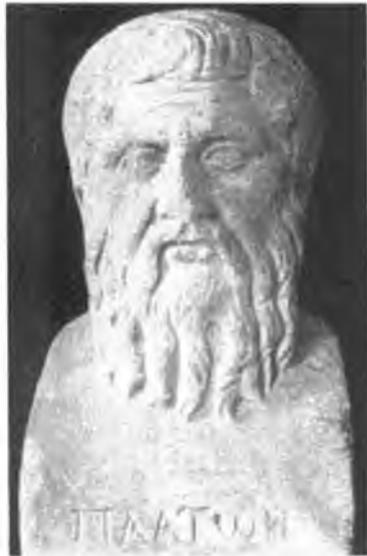

Рис. 88. Платонъ.
По античному бюсту, хранящ. въ стар. музей въ Берлинѣ.

Тутъ открывається пресловутая пропасть между мужской логикой и женской нелогичностью. Для мужчины нѣтъ ничего цѣннѣе логическаго довода. Мужчина видитъ отдѣльные факты и причины порознь и въ ихъ послѣдовательности, и отъ ихъ сопоставленія, въ особенности же отъ того, что они складываются все въ новыя и новыя построения, одно драгоценнѣе другого, каждый отдѣльный доводъ и съ усиленіемъ воздвигнутое изъ нихъ цѣлое — „выводъ“ приобретаетъ свою цѣнность. Женщина съ перваго взгляда охватываетъ цѣлое и въ то же время взвѣшиваетъ его цѣнность, — и если она освоилась и увѣровала,

Рис. 84. Спиноза. По гравюру Г. Липса.

ей не нужно доводовъ, если нѣтъ — всякіе доводы напрасны. Поэтому она кажется мужчине недовѣрчивой и лишенной независимости мысли, склонной къ слѣпой вѣрѣ въ авторитетъ; онъ забываетъ при этомъ, что диспутъ — мужская форма познания и общности. Б. Гольцъ остроумно рисуетъ положеніе мужчины въ бесполезномъ диспутѣ съ женщиной. Женщина склонна даже отвергать доводы вообще, какъ путь безнравственный, потому что ей, въ сущности, понятно только практическое примѣненіе доводовъ, какъ оправданіе, — точнѣе, какъ отговорка, какъ увертка.

Религія подходитъ къ женщинамъ, потому что изъ этого міра борьбы и зла она указываетъ путь къ блаженству, рисуетъ матеріальный образъ загробной жизни и учитъ тому, какъ достигнуть ея — т. е. даритъ дѣйствительное избавленіе отъ этой юдоли скорби“. Философія же именно въ этомъ пунктѣ доступна только мужскому душевному складу, такъ какъ она видитъ конечную цѣль всего только въ абсолютной идеѣ, которая иногда не можетъ соответствовать осязательной дѣйствительности. Эта идейность составляетъ сущность и главное содержаніе ученія Платона (рис. 83), который долженъ быть призванъ, на ряду съ Аристотелемъ, величайшимъ философомъ древности. Религія, имѣющая женскій характеръ, тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается здѣсь съ жепственнымъ элементомъ въ политической экономіи, съ утопіей: говорить ли о „небѣ“ или о „будущемъ государствѣ“, — разница тутъ, въ концѣ концовъ, только въ словахъ, — а въ формулировкѣ „грядущее царство“ полная тождественность выясняется съ несомнѣвностью. Сущность одна: прекращеніе борьбы и противорѣчій, торжество простаго счастья, знанія мирной и покойной. На этомъ держится вѣра.

Совсѣмъ иное — философія, это олицетвореніе мужского донкихотства, въ самомъ названіи своемъ представляющая высшее знаніе, какъ „длительное, вѣчное, никогда неудовлетворяемое стремленіе къ знанію“

и отрицающая самую возможность и даже дѣяность совершеннаго знанія; философія, которая учить тому, что покой, миръ, счастье, прекращеніе желаній, исчезновеніе всѣхъ противорѣчій, всякой борьбы — все это только идеалы, лежащіе въ безвѣчности, за пределами жизни и только тамъ и возможные, — и если бы они вошли въ конечное, это означало бы только утрату всего лучшаго, означало бы самую смерть. Если бы наступило счастье и миръ и покой, — что стало бы съ благороднымъ стремленіемъ? Но еще опаснѣе счастье (блаженство въ смыслѣ благополучія), какъ идея: стремиться къ благополучію благоразумно, но хорошо ли? Такъ учить очень мужественный философъ Кантъ (рис. 85). Стремленіе къ добру не только отличо отъ стремленія къ счастью, къ пользѣ, во и противоположно ему; это разрывъ между идеаломъ и его существованіемъ, котораго никогда не признаетъ женскій умъ. Можеть ли добро предстать въ иномъ видѣ, чѣмъ въ видѣ счастья? — спрашиваетъ онъ. Можешь ли ты отдѣлять въ своемъ собственномъ сердцѣ стремленіе къ счастью отъ стремленія къ добру? Развѣ не видишь ты самъ удовлетворенія въ полномъ страданіи исполненія тяжелаго долга, блаженства въ мучилчествѣ? Не кроется ли въ отверганіи счастья немножко самохвальства? Это противопоставленіе гетевского ума кантовскому. Изъ знаменитаго кантовскаго „категорическаго императива“ — „поступай всегда такъ, чтобы твое поведеніе могло быть принято въ основу общаго законодательства“ — видно, какъ онъ по-мужски опирается на государство и право. Вѣдь это значить, — говорить мужской умъ, говорить и самъ Кантъ, — вѣдь это значить прежде всего не нарушать миръ и покой другого, не вторгаться въ его сферу, проходить мимо него и всего, касающагося его, не затрагивая его, уважать и чтить его волю, какъ таковую, не заботясь о томъ, каково ея содержаніе; сохранить гордость въ собственной сферѣ, сохранить свое достоинство путемъ уваженія къ чужому достоинству, къ чужой личности. Таковъ мужской нравственный принципъ, который строго блюдетъ и въ обычныхъ отношеніяхъ между мужчинами, особенно между образованными.

Рис. 85. Иммануилъ Кантъ.

Но тутъ вступаетъ женскій умъ. Возможно ли уваженіе безъ симпатіи и привязанности? Неужели вы, мужчины, дѣйствительно способны дойти до „чисто-формальнаго“ уваженія къ чужой волѣ, независимо отъ ея содержанія? Вѣроятно, это не серьезно, — вѣроятно, это тоже какая-нибудь „приблизительная дѣяность“, какое-нибудь „ограничительное понятіе“, идея“ какаля-нибудь, которой не намѣреваются осуществить. Вспомнемъ: „не дѣлаете зла другъ другу, чтите, уважайте другъ друга“; развѣ это не значить: „войдите въ чувства и воспріятія (потому что это вѣдь и есть воля) другого, такъ чтобы другъ сталъ какъ-будто вами самимъ... развѣ это не значить именно „любите другъ друга“? Любовь не горда, — отвѣчаетъ мужской умъ (женскій съ улыбочкой киваетъ головой), — она не даетъ покоя другому, навязывается ему, она субъективна... Вѣдь основой добра должны быть честь и свобода и справедливость... Будеть упомянута, конечно, воля, не зависящая отъ чувства и свободная отъ мысли объ успѣхѣхъ и цѣлесообразности, — и хотя бы миръ погибъ, мужской умъ всегда будетъ говорить устами своего Канта: „пусть прежде будетъ казна въ послѣдній оставшіяся въ тюрьмѣ злодѣи, дабы каждому было воздано по его дѣяніямъ“.

Философъ по специальности, въ которомъ эта сторона мужского духа сильнѣе развивается, чѣмъ въ другихъ мужчинахъ, оказывается зато совершенно лишеннымъ другихъ мужскихъ чертъ:

рѣшительности, дѣйственности. Если въ политикѣ, въ солдатѣ гложутъ способности соображенія, занимая подчиненное мѣсто въ отношеніи дѣйствій во имя цѣли, то у философа все сводится къ способности соображенія.

Таковъ шекспировскій Гамлетъ. Когда душу его потрясаетъ до самаго дна ужасное открытіе о томъ, какое гнусное предательство и убійство отягло у него отца, въ головѣ его зарождается по этому поводу множество самыхъ прекрасныхъ идей, богатый умъ его создаетъ хитроумнѣйшія комбинаціи, — нѣтъ въ немъ только одного: способности осуществить месть и завладѣть похищеннымъ у него трономъ. Таковъ былъ и Сократъ (рис. 86): когда Ксантипа выплескиваетъ ему на голову содержимое изъ котла, онъ находитъ остроуміе въ отвѣтъ, — и не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы онъ засталъ ее въ объятіяхъ другого, это было бы для него только интереснымъ матеріаломъ для размышленій, какъ это и было дѣйствительно для Бержера, героя превосходнаго романа Анатоля Франса „Histoire contemporaine“.

Рис. 86. Сократъ. Автучаизъ басты.

И это мужское философское спокойствіе отнюдь нельзя объяснить какимъ-нибудь чрезвычайнымъ душевнымъ равновѣсіемъ, невозмутимымъ равнодушіемъ, воловьими нервами или лѣнливой неподвижностью. Наоборотъ, — немногіе реагируютъ внутренно съ такой силой, какъ философы — и эти немногіе именно вожди. Буря страшно бушуетъ въ душѣ философа, но бушуетъ внутри. Философъ нисколько не лѣнивъ и не малодушенъ, — наоборотъ, нѣтъ другого мужского типа, который превзошелъ бы философа въ способности создавать себѣ лишній трудъ, неудобства и опасности. Такъ, на примѣръ, знаменитый философъ Спиноза (рис. 84), добывавшій скудные средства къ жизни шлифованіемъ оптическихъ стеколъ, отвергъ

предложенную ему курфюрстомъ Пфальцскимъ профессуру въ Гейдельбергѣ, чтобы сохранить за собой полную свободу мыслить, и умеръ ѣднѣнкомъ отъ легочной чахотки.

Только на одномъ пунктѣ онъ слабъ и неспособенъ: онъ не способенъ схватить, взять — ни въ борьбѣ, ни въ дѣлахъ; если смѣлое дерзновеніе вовлечетъ какъ-нибудь его самого въ предприятие до послѣдняго рѣшительнаго шага, непосредственно предшествующаго успѣшному завершенію, то этотъ моментъ несомнѣнно такъ заинтересуетъ его, что онъ весь углубится въ размышленія — вмѣсто того, чтобы использовать его. Вотъ почему онъ не приспособленъ для жизни. И для женщины также. Той и другой можно овладѣть, если сумѣе схватить ее, а не созерцающая и размышляющая надъ ней. Не надо думать, что онъ ничего не значать для философа, — далеко нѣтъ: та и другая сильно волнуютъ его, заставляютъ его углубляться въ нихъ. Къ женщинѣ его такъ же страстно влечетъ, какъ и другихъ мужчинъ, и душу его глубоко волнуетъ идея о томъ, что женственность для мужчины миръ и спасеніе (гетевское — „Das Ewig-Weibliche Zieht“

uns hinan“). Но онъ плохо преуспѣваетъ, разумѣется, — и тогда имъ овладѣваютъ другіе виды представленій: пессимистическія, съ точки зрѣнія которыхъ женщина безмыслена и низменна, какъ жизнь. „Женщина горька“ — заявляетъ тогда эта философія зеленого винограда, — существо презрѣнное, ничтожное, само ничтожество.

Такъ, напримѣръ, Вейнингърь всецѣло воскресилъ въ себѣ древнее сказочное представленіе, по которому женщина знаменуетъ собой ночь, смерть, порочное начало міра. Практически онъ приходитъ къ такому выводу, что самый ничтожный мужчина лучше наилучшей женщины, — тезисъ, всколко не способный скрыть того факта, что и Вейнингърь, подобно большинству другихъ философовъ, получаетъ свои результаты на почвѣ сравненія гениальной мужественности съ ординарной женственностью. Подобнымъ же образомъ пришелъ Мейбусъ къ своей теоріи „физиологическаго слабоумія женщины“, и подобныя же сужденія, представляющія преимущественно брань, мы встрѣчаемъ и у Шопенгауэра и даже у Канта. Фатально, что до глубочайшаго проникновенія и систематическаго изображенія жизни женщины доходятъ только тѣ, кто неспособны къ пониманію ихъ и къ настоящему наслажденію, — и именно потому и доходятъ. И сообразно этому, философскія изображенія въ такой же мѣрѣ враждебны, въ какой художественныя восторженны. Философская критика женщины „мизогинна“ (женоненавистническая).

Научно устойчивая точка зрѣнія можетъ быть найдена, разумѣется, только на почвѣ критики этого женоненавистническаго разума; она доказываетъ, между прочимъ, что понятіе „физиологическое слабоуміе“ не можетъ имѣть никакой цѣны, если его нельзя примѣнять къ обоимъ поламъ Человѣчества вмѣстѣ. Она констатируетъ, далѣе, что творчески культурная дѣятельность мужчины выставляется ими на основаніи крайне односторонняго этическаго сужденія чѣмъ-то болѣе дѣльнымъ, чѣмъ основы женской сущности, тогда какъ она есть только біологическое отлѣченіе полового характера; къ этому надо добавить еще важное соображеніе, что женщина также способна — въ еще мало изслѣдованныхъ предѣлахъ — къ культурному творчеству съ помощью мужчины, воспользовавшись имъ какъ средствомъ. Величайшій прогрессъ Человѣчества — быть можетъ, существеннѣйшій — созданъ совмѣстной и равномѣрной работой глубокаго мужскаго и глубокаго женскаго духа; это въ высшей степени вѣроятно, но возможно еще, къ тому же, что неоднократно женское вліяніе способствовало проведенію новыхъ взглядовъ:

Рис. 87. Конная статуя Коллеона.
Работы А. Верроккио.

Ein edler Mann wird durch ein Wort
Der Frauen weit geführt. . .

(Одно слово женщины способно подвинуть благороднаго мужчину...)

Наконецъ, еще то должно быть принято во вниманіе, что при характеристикѣ всѣхъ склоны приписывать все доброе, прекрасное, сильное своей собственной индивидуальности, національности, расѣ, а также и своему полу. Склонность очень похвальная, вытекающая, конечно, изъ потребности дѣйствительно слиться со всѣмъ благороднымъ и отбросить отъ себя все низменное. Искреннее отношеніе къ себѣ самому должно присоединяться къ анализу и повліять такъ, чтобы не быть упущенъ изъ виду не только идеальный, но по возможности и реальный характеръ. Благодаря этой искренности, Христосъ, — въ противоположность Павлу, также впадавшему въ переоцѣнку мужества

ности, — видѣль въ чловѣчествѣ бѣдныхъ, несчастныхъ созданій; передъ общей имъ всѣмъ равно потребностью въ спасеніи истезали всѣ прекрасныя преимущества пола, состоянія, знанія, имущества и т. д. Этимъ предуказана та почва, на которой единственно возможно научное освѣщеніе половой проблемы. Философія, отвергающая женственность, страдаетъ прежде всего односторонней оцѣнкой мужественности, которую она навязываетъ женоненавистнику-философу, какъ мужественный типъ. Она забываетъ, что рыцарскій типъ — принадлежность мужественности столько же и, быть можетъ, больше, чѣмъ онъ; а рыцарь восхваляетъ женщинъ.

По фот. Фр. Ганфштегеля въ Мюнхенѣ.
Рис. 88. Вѣнокъ. По картюш П. Рубенса.

Глава пятая.

Мужчина въ дѣтствѣ.

(Д-ра философія Теодора Геллера.)

Жизнь ребенка начинается въ тотъ моментъ, когда сѣмя и яичко сливаются въ утробѣ матери. Этимъ начинается тотъ паразитическій процессъ оплодотворенія, состоящій главнымъ образомъ въ томъ, что яйцевая клѣтка дѣлится, распадается на группы клѣтокъ, изъ которыхъ все отчетливѣе и отчетливѣе развиваются части тѣла. Во время утробной жизни, т. е. въ періодъ беременности, плодъ представляетъ собою составную часть материнскаго организма; человѣческій плодъ получаетъ пужное ему количество кислорода изъ крови матери посредствомъ сосудовъ такъ называемаго дѣтскаго мѣста. Съ его помощью происходитъ также питаніе, при которомъ между дѣтскою и материнскою кровью идетъ необычайно оживленный обменъ веществъ. Органы чувствъ функционируютъ уже въ послѣдніе мѣсяцы беременности, — началъ только низшіе органы чувствъ и прежде всего осязаніе. Холодъ, прикосновеніе вызываютъ характерныя вдрагиванія. Въ моментъ родовъ совершаются большія перемѣны: начинается нормальное легочное дыханіе и въ то же время закрываются сосуды, служившіе для дыханія плоду; новорожденный ребенокъ научается питаться черезъ ротъ, нормально переваривать пищу и регулировать собственную теплоту сообразно теплотѣ окружающаго внѣшняго міра.

Этимъ начинается младенческій періодъ, который въ

обычныхъ условіяхъ длится до девятого мѣсяца жизни. Единственно естественное питаніе младенца — это молоко собственной матери; ближе всего къ нему подходит питаніе молокомъ чужой матери (кормилицы). Всѣ виды искусственнаго вскармливанія — только суррогаты; даже коровье молоко не пригодно для пищеваренія младенца въ своемъ первоначальномъ составѣ и должно быть предварительно подвергнуто различнымъ измѣненіямъ (дѣтское молоко). Такъ какъ соотвѣтствующіе искусственные пищевые продукты для младенцевъ очень дороги и потому недоступны несостоятельной части населенія, а въ городахъ не всегда возможно достать даже чистое и неподдѣльное коровье молоко, — нельзя удивляться тому, что огромное множество грудныхъ младенцевъ гибнетъ. Борьба съ дѣтской смертностью признана въ послѣднее время серьезной социальной задачей, которой служатъ всевозможныя общества попеченія о младенцахъ почти во всѣхъ большихъ городахъ.

Душевная жизнь новорожденного сдѣлалась предметомъ тщательнаго изслѣдованія только въ послѣдніе нѣсколько десятковъ лѣтъ. Прежде довольствовались самими странными толкованіями различныхъ движеній младенцевъ. Такъ, напримѣръ, знаменитый кенигсбергскій философъ Кантъ разсматривалъ первый крикъ ребенка, какъ выраженіе гнѣва и возмущенія. Другой ученый полагалъ, что крикъ ребенка вызванъ удовольствіемъ отъ освобожденія изъ недостойнаго девятимѣсячнаго заточенія. На самомъ же дѣлѣ крикъ ребенка вовсе не сознательный актъ, а врожденное ребенку рефлексивное движеніе, такъ же, какъ и акты сосанія и глотанія, крайне важныя для поддержанія его жизни.

Что касается чувственихъ воспріятій плода человѣка, то мы уже говорили, что онъ реагируетъ, т. е. отвѣчаетъ движеніями на нѣкоторыя осязательныя раздраженія (холодъ, прикосновеніе). У младенца же осязаніе развито поразительно неравномѣрно. Прикосновеніе къ лицу, напримѣръ, онъ несомнѣнно чувствуетъ, раздраженій же другихъ частей тѣла совсѣмъ не замѣчаетъ. Прикосновеніе къ губамъ тотчасъ же вызываетъ сосательныя движенія. Очень хорошо развито чувство вкуса. Пріятныя вкусовыя вещества вызываютъ сильныя сосательныя движенія, тогда какъ прикосновеніе къ губамъ невкусныхъ веществъ вызываетъ тѣ же мимическія движенія лица, что и у взрослыхъ, иногда даже очень явственныя гримасы. Новорожденныя дѣти несомнѣнно глухи, — вначалѣ ими остаются незамѣченными даже очень громкіе звуки. Обоняніе также, повидимому, развито очень слабо. Глаза функционируютъ нормально, когда въ нихъ попадаетъ лучъ свѣта; зрачки сокращаются при свѣтѣ и расширяются въ темнотѣ. Чувствуетъ ли ребенокъ свѣтovyя впечатлѣнія — очень сомнительно. Многія новорожденныя дѣти косятъ, т. е. поворачиваютъ оба глаза разво, не въ ладѣ, что часто пугаетъ неопытныхъ матерей. Но позднѣе, когда ребенокъ начинаетъ пользоваться глазами, какъ совокупнымъ зрительнымъ органомъ, косоглазіе проходитъ само собой.

Что несомнѣнно развито у новорожденного, — это его міръ чувствъ. Выраженія чувствъ тѣсно связаны съ инстинктомъ питанія. Громкій крикъ голоднаго ребенка представляетъ собой

выраженіе непріятнаго чувства; пріятное чувство сытаго младенца явственно можно прочесть въ игрѣ его лица. (Очень наглядно изображено это выраженіе удовольственности въ лицѣ младенца на картинѣ Биндера: „Ромуль и Ремъ“, рис. 89.) Чувство боли также уже существуетъ у новорожденнаго. Очень велика у нихъ потребность сна. Здоровый ребенокъ спитъ въ первое время почти непрерывно, за исключеніемъ того времени, когда онъ принимаетъ пищу. Тѣ дѣти, которыя въ первые дни жизни мало спятъ и часто кричатъ безъ причины, въ большинствѣ случаевъ больны и требуютъ тщательнаго медицинскаго изслѣдованія, хотя бы наружно въ нихъ ничего не было замѣтно.

Вѣсъ тѣла новорожденнаго ребенка равняется тремъ килограммамъ. Въ первые дни жизни вѣсъ тѣла нѣсколько уменьшается, но вскорѣ снова возрастаетъ. Нормальный доношенный ребенокъ имѣетъ приблизительно 50 сантиметровъ длины. Въ первый годъ жизни тѣло прибываетъ въ вѣсъ и увеличивается въ ростѣ сравнительно больше, чѣмъ въ слѣдующіе годы; здоровый ребенокъ долженъ увеличиваться къ концу перваго года жизни на шесть килограммъ, вѣсъ и приблизительно на 20 сантим. въ длину (т. е. имѣть не меньше 9 килограммъ и 70 сантим.).

Рис. 89. Ромуль и Ремъ.
По картинѣ Иос. Биндера.

По вопросу о развитіи органовъ чувствъ

ребенка въ первые мѣсяцы жизни знаменитымъ ученымъ В. Прейеромъ сдѣланы были изслѣдованія, по точности и надежности еще никѣмъ не превзойденныя. Въ виду этого мы будемъ руководиться въ дальнѣйшемъ изложеніи его данными.

Чрезвычайно важное значеніе для душевной жизни ребенка имѣетъ направленіе взгляда на опредѣленные предметы. По авторитетному мнѣнію самого Вильгельма Бундта, параллельно способности фиксированія глазъ на опредѣленныхъ предметахъ идетъ развитіе основной душевной способности — вниманія. Можно сказать, что ребенокъ опредѣленно смотритъ на предметъ не раньше, чѣмъ научится правильно фиксировать глаза. Эту способность Прейеръ констатировалъ у своего ребенка на двадцать-третій день его жизни. Въ этотъ день ребенокъ слѣ-

диль глазами за передвигаемой горячей свѣчкой, при чемъ лицо его приобрѣло вдругъ поразительно осмысленное выраженіе, какого до сихъ поръ онъ въ немъ не наблюдалъ.

Умѣнье схватить предметъ имѣеть также огромное значеніе для развитія дѣтскаго сознанія. Вначалѣ младенецъ шевелить руками совершенно безпорядочно и безцѣльно. Нерѣдко случается, что при этихъ безпорядочныхъ движеніяхъ онъ больно ушибетъ или оцарапаетъ себѣ лицо, послѣ чего громко выражаетъ свое непріятное чувство. Весьма вѣроятно, что схватываніе и сжиманіе относится къ рефлективнымъ движеніямъ. Ребенокъ Прейера крѣпко сжималъ его палецъ на пятый день отъ роду, а на седьмой день онъ такъ же крѣпко охватилъ пальцами ноги вложенный въ нихъ тонкій карандашъ. При этихъ движеніяхъ большой палецъ совсѣмъ не принимаетъ участія или принимаетъ чуть замѣтное. Только на сорокъ-третьей недѣлѣ жизни Прейеръ могъ констатировать, что его ребенокъ схватилъ обѣими руками рожокъ и поднесъ его ко рту. Наблюденія надъ движеніями ребенка показываютъ, что онъ первоначально не имѣеть никакого представленія о разстояніи. Ребенокъ протягиваетъ руку ко всѣмъ предметамъ, даже очень удаленнымъ; только въ послѣдствіи онъ начинаетъ различать двѣ группы предметовъ — такіе, которые можно достать, и такіе, которыхъ нельзя достать, — только послѣ долгаго опыта въ разсматриваніи близкихъ и далекихъ предметовъ. Такимъ образомъ, движенія рукъ играютъ несомнѣнно большую роль въ дѣлѣ развитія и осваиванія зрѣнія съ пространствомъ.

Но и независимо отъ этого, движенія рукъ имѣють огромное значеніе для развитія сознанія ребенка, такъ какъ тутъ соединяются для совмѣстной работы нѣсколько областей чувствъ. Видѣнные ребенкомъ предметы, которые ему захотѣлось взять, создаютъ въ немъ идею цѣли, которая укрѣпляется затѣмъ въ сознаніи въ теченіе слѣдующаго акта. Полученное посредствомъ зрѣнія впечатлѣніе вызываетъ опредѣленные двигательныя представленія, направленные на достиженіе цѣли, а слѣдствіемъ ея являются въ свою очередь опредѣленные двигательныя и осязательныя ощущенія. Такъ какъ при этомъ работа распространяется не на одинъ чувствительный центръ, а на нѣсколько (зрительный, двигательный, осязательный центры), то она предполагаетъ существующую между этими центральными пунктами связь въ мозгу. Значеніе этого процесса уяснится намъ вполне, когда мы вспомнимъ, что самая изумительная работа человѣческаго ума основана именно на этомъ тѣсномъ взаимодействіи центральныхъ пунктовъ. Движеніе, направленное на опредѣленную цѣль является въ этомъ смыслѣ прообразомъ будущей ассоціаціонной дѣятельности нервной системы человѣка, достигающей въ послѣдствіи все большаго и большаго развитія.

Глухота новорожденнаго ребенка длится недолго. Уже по истеченіи первой недѣли жизни можно наблюдать, что ребенокъ при громкомъ шумѣ возбужденно хлопаетъ вѣками. Позднѣе развивается расположеніе къ пріятнымъ звукамъ, что выражается въ обычномъ выборѣ первыхъ игрушекъ (колокольчиковъ, бубенцовъ, трещотокъ). Успокоительное дѣйствіе пѣнія также доказываетъ, что маленькія дѣти воспримчивы къ зву-

камъ, хотя едва ли можно думать, что они умѣютъ различать ихъ. Довольно быстро развивается также обоняніе. Не подлежит никакому сомнѣнію, что маленькія дѣти руководятся обоняніемъ при отысканіи материнской груди и рожка.

Гигіена младенческаго возраста представляетъ собой предметъ чрезвычайной важности, но здѣсь мы вынуждены ограничиться разсмотрѣніемъ его въ самыхъ крайнихъ чертахъ. Нѣтъ другого періода жизни, въ которомъ совершалось бы столько грѣховъ въ отношеніи здоровья дѣтей, чреватыхъ тяжелыми послѣдствіями. Старые предрасудки, любовь къ покою, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ социальныя причины, обуславливающія невозможность достаточнаго ухода и надзора за маленькими дѣтьми, являются виною самыхъ разнообразныхъ упущеній и промаховъ.

Рис. 90. Ребенокъ. Луки делла Роббиа.

Прежде всего, обычная одежда младенцевъ крайне пещьлессообразна, а очень часто и прямо вредна для здоровья. Спеленываніе такъ называемыми свивальными стѣсняетъ всякое свободное движеніе и лишаетъ возможности правильно слѣдить за чистотой; слѣдствіемъ этого бываютъ очень частыя покраснѣнія и изъязвленія кожи, крайне болѣзненныя у маленькіхъ дѣтей. На рис. 90 мы видимъ извѣстнаго „Ребенка“ Луки делла Роббиа; изъ художественныхъ соображеній здѣсь одежда младенцевъ изображена вѣскольکو иначе: грудь и руки свободны, нижнія конечности обвиты свивальникомъ слабо. Вслѣдствіе этого картина производитъ впечатлѣніе свободы и нестѣсненности и возбуждаетъ въ зрителѣ доброе и ласковое чувство. Если бы художникъ вздумалъ представить ребенка въ обычномъ скванномъ видѣ, онъ не достигъ бы художественнаго впечатлѣнія! — У англичанъ система пеленанія такова, что не стѣсняетъ свободу движеній ребенка и даетъ возможность слѣдить во всякое время за его чистотой; тамъ введены „конвертики“ во всѣхъ пріютахъ и родо-вспомогательныхъ заведеніяхъ, а у насъ они почему-то никакъ не могутъ прочно привиться даже въ состоятельныхъ кругахъ.

О питаніи младенца мы уже говорили. Совершенно независимо отъ пріянія пищи, младенцамъ даютъ часто въ ротъ сосокъ, похожій на грудной, который они сосутъ впустую, впадая въ дремотное состояніе и переставая кричать. Но крикъ здороваго ребенка представляетъ собой простое выраженіе инстинкта движенія, своего рода легочную гимнастику — и потому ему вовсе не слѣдуетъ препятствовать. Но если пригодность резины, какъ матеріала, изъ котораго изготовляютъ соски, больше чѣмъ сомнительна, то соски, скручиваемые изъ полотняныхъ тряпочекъ, и совсѣмъ вызываютъ тяжелый вредъ для здоровья. Вдобавокъ, эти соски пропитываются часто нечистой сахарной водой или даже алкоголемъ, — случается, даже опіатами; послѣднее, какъ говорятъ, общепотребительно среди славянскаго населенія сѣверо-западной Венгрии, среди словаковъ.

Есть еще одна крайне вредная подробность ухода за младенцами, которая, къ счастью, уже выводится по-немногу. — Это укачиваніе дѣтей. Укачиваніе вызываетъ головокруженіе у малютокъ, — только потому они бы-

стрѣе засыпають отъ укачиванія въ колыбели или на рукахъ. Привыкають они къ этому очень быстро и становятся очень безпокойны, когда ихъ лишаютъ успокоительнаго средства. Много бѣдъ причиняеть дѣтямъ это укачиваніе, — навѣстю даже не мало случаетъ легкаго сотрясенія мозга.

Младенческій періодъ кончается обыкновенно на десятомъ мѣсяцѣ жизни. Появленіе первыхъ зубовъ знаменуетъ собой отнятіе отъ груди. Число молочныхъ зубовъ меньше числа постоянныхъ — двадцать вмѣсто тридцати-двухъ. Первыми прорѣзываются два нижнихъ среднихъ рѣзца, за которыми слѣдуетъ, приблизительно черезъ четыре недѣли, пара верхнихъ среднихъ; послѣ появленія всѣхъ рѣзцовъ начинаютъ прорѣзываются коренные зубы. Въ нормальныхъ условіяхъ процессъ прорѣзыванія зубовъ заканчивается въ половинѣ или къ концу третьяго года жизни. Прорѣзываніе зубовъ и связанный съ этимъ переходъ отъ жидкой къ твердой пищѣ является для нѣкоторыхъ дѣтей критическимъ моментомъ; если дѣти страдаютъ общей слабостью или склонны къ рахиту или золотухѣ, то въ этотъ переходный періодъ являются значительныя расстройства кишечника, иногда и судороги, которыя носятъ въ народѣ названіе „младенческихъ“.

Въ этотъ періодъ ребенокъ приобретаетъ тѣ двѣ важныя способности, которыми человекъ отличается отъ животныхъ: онъ научается ходить въ вертикальномъ положеніи тѣла и говорить.

Не простая случайность то, что приобретеніе этихъ способностей такъ близко совпадаетъ по времени. Ходьба и рѣчь представляютъ собой двигательную работу, которая состоитъ изъ отдѣльныхъ движеній, опредѣленно и закономерно связанныхъ между собой; та и другая исходятъ изъ одного и того же центра, только изъ различныхъ участковъ его. Повидимому, правильная работа ходьбы является важнымъ возбудителемъ и тѣхъ участковъ центральной площади движенія, которые завѣдуютъ рѣчью. Миѣ много разъ случалось наблюдать, что у больныхъ дѣтей одинаково запаздываетъ и ходьба, и рѣчь. У многихъ сильно отставшихъ въ умственномъ развитіи дѣтей нерѣдко наблюдалось, что они начинали говорить послѣ того, какъ съ врачебной помощью начинали ходить.

Ходьбѣ дѣти научаются не непосредственно, — ей предшествуютъ обыкновенно извѣстныя предварительныя упражненія; дѣти пробуютъ стоять прямо, большей частію ползають по полу въ стремленіи къ какой-нибудь цѣли, — причемъ вначалѣ они стибаютъ и вытягиваютъ обѣ ноги въ одно и то же время и только потомъ научаются двигать ими поочередно, какъ того требуетъ ходьба. Мы видимъ, что дѣти вначалѣ отдѣльно упражняютъ обѣ составныя части настоящей правильной ходьбы — прямое положеніе тѣла и поочередное движеніе той и другой ноги. Ясно, что это очень цѣлесообразный путь, — благодаря этому, дѣти довольно быстро осваиваются съ самостоятельной ходьбой, едва преодолеваятъ страхъ.

Собственному обладанію рѣчью у всѣхъ дѣтей предшествуетъ такой періодъ, когда они понимаютъ то, что имъ говорятъ — въ предѣлахъ ихъ умственнаго развитія, — но сами еще говорить не умѣють. Звуковой рѣчи также почти всегда предшествуетъ

жестикація. Въ извѣстномъ смыслѣ даже крикъ ребенка уже представляетъ собою рѣчь; разумѣется, въ немъ не выражаются представленія, но чувства проявляются все же. Достаточно вспомнить, насколько различно звучитъ голосъ ребенка, когда онъ „оретъ“ отъ голода или боли, или когда онъ, сытый и довольный, „воркуетъ“. Мало-по-малу крикъ переходитъ въ лепетъ; ребенокъ произноситъ — вначалѣ, правда, случайно — членораздѣльные звуки, которые и повторяетъ, играя, еще не связывая съ ними смысла и значенія.

Ребенокъ не самъ создаетъ дѣтскій языкъ, скорѣе онъ создается окружающими его взрослыми, которые влагаютъ въ тѣ или иныя звуковыя соединенія извѣстный смыслъ и упрочиваютъ ихъ въ немъ путемъ повторенія и упражненія. При этомъ первыя слова ребенка являются скорѣе обозначеніемъ его желаній и стремленій, чѣмъ названіемъ предметовъ. Постепенно только вырабатывается такъ называемая „интеллектуализація языка“, когда чувственный характеръ первыхъ словъ ослабляется и на первый планъ выступаютъ обозначенія предметовъ и отношеній. Затѣмъ дѣтскій языкъ все больше обогащается и совершенствуется. Вначалѣ они произносятъ только отдѣльные слова, причемъ трудные звуки выпускаютъ, замѣняя ихъ другими, болѣе легкими; потомъ они начицаютъ составлять простыя предложенія путемъ помѣщенія рядомъ нѣсколькихъ словъ безъ соединительныхъ частей и безъ согласованныхъ окончаній. Гораздо позже только ребенокъ научается составлять правильныя предложенія.

У маленькихъ дѣтей обыкновенно очень велика потребность въ рѣчи. Очень часто они долго разговариваютъ, изливая цѣлые непрерывные потоки настоящей тарабарщины, — при этомъ по нимъ ясно видно, что эта игра доставляетъ имъ истинное удовольствіе.

Овладевъ рѣчью, ребенокъ получаетъ важнѣйшее орудіе для усовершенствованія своего ума. Дѣло не только въ томъ, что отнынѣ становится возможнымъ его обученіе окружающими, а еще и въ самомъ пользованіи рѣчью, которое побуждаетъ ребенка выражать содержаніе его понятій въ определенной упорядоченной связи. Сошлемся въ данномъ случаѣ на умственную отсталость глухонѣмыхъ и многихъ другихъ дѣтей съ разстройствомъ рѣчи.

Своеобразнымъ путемъ идетъ развитіе умственныхъ способностей дѣтей въ первые годы жизни. Изъ всѣхъ функцій человѣческаго ума раньше и ярче всѣхъ сказывается память. Поразительно, какую сокровищницу словъ усваиваютъ дѣти непосредственно послѣ того, какъ овладеютъ рѣчью. Тутъ можно наблюдать изумительную силу работы памяти; нерѣдки случаи, когда маленькія дѣти знаютъ наизусть слова въ слово содержаніе дѣтскихъ книгъ цѣликомъ¹, (напр. „Struwwelpeter“, „Максъ и Морицъ“). Это не всегда бываетъ надежнымъ признакомъ исключительной талантливости; я зналъ много подобныхъ

¹ По свидѣтельству одной матери-врача, ея маленькій сынъ зналъ въ три года (неполныхъ) всего „Конька-Горбунка“ Ершова, а въ пять лѣтъ всю пушкинскую „Полтаву“ слово въ слово. Перев.

дѣтей, которыя позднѣе не оказывали особенныхъ успѣховъ въ школѣ и въ послѣдствіи въ практической жизни ничѣмъ не выдавались.

Другой душевной способностью, особенно сильно проявляющейся въ этомъ возрастѣ, является фантазія, всего ярче сказывающаяся въ играхъ, о которыхъ намъ дальше придется поговорить подробнѣе. Дѣтямъ доставляютъ величайшее удовольствіе рассказы, богатые самыми пестрыми, шумными событіями; такъ же увлекателенъ для нихъ и лукаво-серьезный тонъ повѣствованія, въ которомъ сквозитъ извѣстная симпатія къ продѣлкамъ озорниковъ, и эскизный характеръ и яркія краски картинокъ, по существу приближающихся къ рисовальнымъ изображеніямъ дѣтей. Безпримѣрный успѣхъ такихъ дѣтскихъ писателей, какъ Бушъ, объясняется именно этимъ тонкимъ пониманіемъ особенностей дѣтской души. Противъ этихъ любимѣйшихъ дѣтскихъ книгъ выдвигалось немало возраженій, — утверждали, что отъ нихъ грубѣетъ дѣтскій вкусъ, что онѣ порождаютъ пристрастіе дѣтей къ яркимъ, волнующимъ рассказамъ, отъ котораго ничего хорошаго ждать нельзя. Но кто хорошо знаетъ природу дѣтей, тотъ не можетъ раздѣлять этихъ опасеній; вѣдь дѣти п сами сочиняютъ самыя кровавыя, жестокія исторіи, — и это нисколько не вліяетъ неблагоприятно на ихъ нравственное развитіе. Не безъ основанія одинъ писатель-педагогъ сравнивалъ увлеченіе дѣтей такими рѣзкими темами съ удовольствіемъ, какое имъ доставляетъ шумная музыка, трубные звуки, барабанный бой, — какъ извѣстно, труба и барабанъ — любимѣйшія игрушки дѣтей.

Но дѣти интересуются и такими рассказами, которые оказываютъ прямое воспитательное вліяніе на ихъ душевное развитіе. Сказки увлекаютъ ребенка въ свой своеобразный міръ; мы знаемъ вѣдь, какъ оживляетъ все фантазія ребенка, что любое подѣно превращается въ его рукахъ въ товарища игръ, способнаго отвѣтить ему на все вопросы. Въ сказкѣ рассказывается въ простой, но именно потому-то подкупающей формѣ, какъ унижено бываетъ высокомеріе, какъ возвеличено смиреніе, какъ добро встрѣчаетъ награду, а зло наказаніе. Эта простая мораль подходитъ къ дѣтской душѣ и потому она вліяетъ нравственно благотворно. Одинъ нѣмецкій педагогъ Циллеръ выступилъ съ требованіемъ, чтобы въ первоначальной школѣ вмѣсто преподаванія закона Божія были введены сказки для ознакомленія дѣтей младшаго возраста съ элементарными моральными понятіями въ наиболѣе соответственной формѣ. Разумѣется, это уже превеличенное требованіе; но, съ другой стороны, такъ же неосновательно требованіе изгнать сказки изъ дѣтской, въ виду того, что онѣ будто бы могутъ дать работѣ дѣтской фантазіи нездоровое направленіе. Такая предосторожность, пожалуй, нужна въ отношеніи дѣтей нервныхъ, съ повышенной возбудимостью; нормальный же ребенокъ нуждается въ возбужденіи фантазіи, а для этого не можетъ быть лучшаго и болѣе вѣрнаго пути, чѣмъ сказка, причѣмъ правильный выборъ ихъ зависитъ, разумѣется, отъ педагогическаго такта.

Что наглядность основа всякаго познанія — это законъ, особенно существенный для дѣтскаго возраста. Но построить

воѣ представленія ребенка на непосредственной наглядности невозможно. Въ этомъ отношеніи городскія дѣти въ гораздо менѣе благоприятномъ положеніи, чѣмъ деревенскія. Многочисленныя наблюденія доказали, что многія городскія дѣти, поступающія въ первоначальную школу, никогда не видали ни поля, ни лѣса, ни горы и только по названію знаютъ самыхъ распространенныхъ животныхъ и растенія лѣсовъ и полей. Книжка съ картинками является при всякихъ условіяхъ важнымъ, незамѣнимымъ нагляднымъ пособіемъ (рис. 91 изображаетъ прелестную дѣтскую сценку — разсматриваніе картинокъ).

Фотогр. изд. Фр. Говерштегеля въ Мюнхенѣ

Рис. 91. Сыновья художника. По карт. Хр. Фогеля.

Съ тѣхъ поръ какъ Амосъ Коменскій издалъ въ 1657 году свой „Orbis pictus“ („Міръ въ картинахъ“), книжки съ картинками разошлись въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ и издаванія по дѣтскимъ рукамъ. Здѣсь мы также убѣждаемся, что потребности дѣтей удовлетворяютъ не художественное выполненіе рисунка, а простые ярко раскрашенные рисунки. Мы слишкомъ отвлеклись бы отъ темы, если бы занялись разсмотрѣніемъ современной литературы — дѣтскихъ книжекъ съ картинками. Укажемъ только въ нѣсколькихъ словахъ на то, что стремленія примѣнить современное искусство къ нуждамъ дѣтей переходятъ часто за предѣлы допустимаго, — и многія изображенія, которыя могутъ при извѣстныхъ условіяхъ имѣть успѣхъ у взрослыхъ, на дѣтей не производятъ желаннаго впечатлѣнія.

Укажемъ здѣсь на рис. 88 и 92 и на отдѣльную таблицу,

изображающую юношу-геркулеса; они дают наглядное изображение мальчиковъ различныхъ возрастовъ и въ особыхъ поясненіяхъ не нуждаются.

* * *

Умственное развитіе мальчиковъ и дѣвочекъ идетъ приблизительно одинаково въ предѣлахъ только что разсмотрѣннаго нами періода. Теперь мы въ первый разъ подходимъ къ моменту, на которомъ рѣзче сказывается различіе между мальчикомъ и дѣвочкой. Этимъ моментомъ являются игры.

Хотя тѣло мальчика и дѣвочки физически растетъ одинаково, — изслѣдованіе мускульной силы у большого числа дѣтей показало, что мальчики въ среднемъ довольно значительно превосходятъ дѣвочекъ. Это экспериментально доказанное различіе сказывается и въ сознаніи силы, налагающемъ свою печать на игры мальчика. Почти всѣ безъ исключенія здоровыя дѣти отличаются сильной потребностью движенія. Въ тѣсномъ помѣщеніи движенія стѣснены, — вотъ почему мальчиковъ, живущихъ въ тѣсныхъ квартирахъ влететь на улицу (уличные мальчишки). Затѣмъ, у мальчиковъ наблюдается опредѣленная и сильная потребность въ общеніи съ товарищами. Мальчики собираются толпами для игръ.

Тутъ явственно обнаруживаются индивидуальныя особенности каждаго. Не будучи избранъ и уполномоченъ, одинъ изъ нихъ принимаетъ на себя распорядительство и предводительство. Не всегда остальные подчиняются безъ сопротивленія, не помѣрившись силами предварительно; властителемъ и повелителемъ становится на время тотъ, кто оказался сильнѣе. Но нерѣдко бываетъ и такъ, что другіе подчиняются безъ всякаго сопротивленія. Бываютъ мальчики, внушительная (суггестивная) индивидуальность которыхъ проявляется еще въ раннемъ дѣтствѣ въ томъ, какъ самоувѣренно и властно они обращаются съ другими дѣтьми. Они разыгрываютъ покровителей и принимаютъ подъ свою защиту маленькихъ и слабыхъ, какъ мы видимъ на рис. 93. Такіе мальчики сами собой пробиваются впередъ изъ толпы, въ нихъ съ равныхъ лѣтъ сказывается сильный характеръ, — это тѣ натуры съ врожденной властью, которыя мы встрѣчаемъ впоследствии во всѣхъ общественныхъ слояхъ.

Подвижныя игры мальчиковъ отличаются часто фантастической окраской. Предметомъ ихъ бываютъ часто война, осада, нападеніе разбойниковъ и т. п. Гораздо рѣже, чѣмъ у дѣвочекъ, обнаруживается у нихъ потребность воспроизводить въ играхъ содержаніе слышанныхъ разказовъ; все эпизодическое изгоняется изъ игръ мальчиковъ. Сознаніе физической силы сказывается и въ томъ, что игры мальчиковъ обыкновенно очень шумны. Крики и шумъ представляютъ характерныя признаки настоящихъ мальчишескихъ игръ.

Въ сравненіи съ этими характерными для настоящей мальчишеской природы играми, другія игры занимаютъ гораздо менѣе видное мѣсто. Конструктивныя игры (постройка, лѣпка, рисованіе) въ общемъ зависятъ отъ врожденныхъ талантовъ дѣ-

Мужчина и женщина. I.

Г-но „Прозвѣщеніе“ въ Спб.

Юноша-Геркулесъ.

Античная скульптура въ Неаполит. Націон. Музеѣ.
(По фотографіи Нов. Фотогр. Общ. въ Берлинѣ)

тей. Извѣстно, что великіе художники (въ новѣйшее время Ленбахъ, Сегантини, Штуккъ) еще въ дѣтствѣ обнаруживали поразительныя доказательства своего рисовальнаго таланта. Рисунки многихъ мальчиковъ отличаются большою горюпливостью, — это объясняется ихъ потребностью увидѣть какъ можно скорѣе готовый результатъ своихъ усилій. Ящики строительныхъ матеріаловъ представляютъ интересъ не для всѣхъ мальчиковъ, — здѣсь также очень ярко сказываются различія ихъ талантовъ и способностей. Одни очень скоро достигаютъ значительнаго искусства въ возведеніи маленькыхъ построекъ, быстро осваиваются съ технической стороной, обнаруживаютъ въ своихъ твореніяхъ вкусъ и изящество, — другіе не желаютъ связывать себя никакими правилами, предпочитаютъ соорудить изъ кирпичиковъ желѣзнодорожныя поѣзда, играть ими въ солдатики и т. п., пренебрегая собственнымъ назначеніемъ этихъ предметовъ.

У мальчиковъ часто наблюдается своеобразная страсть дразнить и мучить маленькихъ животныхъ. Но о мучительствѣ животныхъ въ обычномъ смыслѣ этого слова здѣсь почти нѣтъ рѣчи, — такіе случаи крайне рѣдки. Вначалѣ маленькій мальчикъ очень мало отличаетъ одушевленныя игрушки отъ неодушевленныхъ; какъ неодушевленную игрушку онъ осматриваетъ со всѣхъ сторонъ, изслѣдуетъ и испытываетъ во всякихъ положеніяхъ условія, — такъ и одушевленная игрушка становится предметомъ его пыливости, инстинкта изслѣдованія. Одинъ мальчикъ выбросилъ кошку изъ окна четвертаго этажа, — но онъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду сдѣлать ей что-нибудь дурное, онъ только хотѣлъ убѣдиться, правда ли, что кошки всегда становятся на лапки, падая. Но все же изъ воспитательныхъ соображеній никакого подобнаго мучительства допускать нельзя. Животныя вообще совсѣмъ неподходящія игрушки для дѣтей.

Многимъ мальчикамъ доставляетъ наибольшее удовольствіе ломать и разбивать игрушки, — таковъ ихъ способъ пользоваться ими. Но этотъ инстинктъ разрушенія заходитъ иногда дальше, распространяясь на все, что имъ попадетъ въ руки. Неопытныхъ родителей часто пугаетъ и тревожитъ такая особенность дѣтей, — они усматриваютъ зарожденіе нравственнаго порока тамъ, гдѣ дѣло идетъ просто о своеобразномъ выраженіи нормальной потребности дѣятельности и движенія. Извѣстный писатель Смайльсъ рассказываетъ объ одномъ выдающемся англійскомъ государственномъ дѣятелѣ, который въ дѣтствѣ неоднократно билъ въ домѣ родителей стаканы, бутылки, всевозможныя бездѣлушки; онъ и впослѣдствіи съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ необычайномъ наслажденіи, которое доставляли ему эти опыты разрушенія.

Такимъ образомъ, ранняя юность здороваго мальчика характеризуется этимъ сознаніемъ силы и потребностью упражнять ее. Приблизительно на шестомъ году жизни является уже настоятельная необходимость дать мальчику цѣлесообразныя занятія, развивать его умственныя силы опредѣленнымъ образовательнымъ матеріаломъ, направить по опредѣленному пути его потребность дѣятельности. Это безусловно подходящий моментъ для начала школьной жизни. Съ наступленіемъ втораго періода прорѣзыванія зубовъ въ мальчикѣ совершается и физическая

перемена очень важная. Вследствие прорастания корней, молочные зубы начинают выпадать и замѣняются другими, болѣе крупными и болѣе прочными. Періодъ прорѣзыванія постоянныхъ зубовъ затягивается до періода половой зрѣлости и совершенно оканчивается даже только между двадцатымъ и тридцатымъ годами съ появленіемъ такъ называемыхъ зубовъ мудрости. Ко времени вторичнаго прорѣзыванія зубовъ обнаруживается обыкновенно перемена и въ духовномъ складѣ мальчика. Вниманіе становится устойчивѣе, интересъ оживляется, работа фантазіи нѣсколько ослабѣваетъ, — на первый планъ выступаетъ развитіе ума. Преобладающая въ первые годы сила памяти собрала тотъ стронтельный матеріалъ, изъ котораго начинается съ этого момента умъ сооружать самыя разнообразныя строенія.

Вдумываясь въ сущность первоначальнаго обученія, мы увидимъ, что оно упражняетъ самымъ различнымъ образомъ основныя стороны мышленія. Принятый методъ обученія чтенію заставляетъ ребенка разложить наглядно изображенное слово на его составныя части (звуки) и изъ нихъ опять составлять новыя соединенія. Аналитически-синтетическій методъ — психологически самый цѣнный, потому что онъ упражняетъ одновременно, на одномъ и томъ же матеріалѣ двѣ противоположныя функціи мышленія и потому особенно сильно выдвигаетъ эти формы мышленія. Первоначальное счисленіе даетъ ребенку драгоценное руководство для сужденія и заключенія, — ариметическія дѣйствія требуютъ на первыхъ порахъ работы мысли; автоматизируются они только впоследствии, чтобы освободить мѣсто для дальнѣйшихъ задачъ логическаго мышленія.

Обученіе письму является для ребенка школой моторныхъ координацій (согласованія отдѣльныхъ движеній). Необходимость точнаго выведенія штриховъ, и соблюденіе соразмѣрности между ними и соответственнаго другъ другу положенія требуютъ довольно высокой степени вниманія, которое находить себѣ самое надлежащее продолженіе и дополненіе въ школьномъ рисованіи. Введенное уже теперь всюду въ первоначальной школѣ изобразительное рисованіе (въ противоположность принятому прежде орнаментальному рисованію, при которомъ требовалось копировать всевозможные, часто уныло однообразные образцы плоскостей) имѣетъ еще и то нецѣнное преимущество, что требуетъ правильнаго и всесторонняго наблюденія предметовъ, подлежащихъ изображенію. Учебные предметы первоначальной школы ведутъ также не только къ расширенію познаній и навыковъ ребенка, но и къ развитію дѣятельности ума въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Но посѣщеніе школы ребенкомъ представляетъ огромную важность и въ другомъ отношеніи. Минуло время полной свободы, ребенокъ имѣетъ извѣстныя обязанности, долженъ подчиняться извѣстнымъ законамъ, признавъ въ лицѣ учителя безусловный авторитетъ. Ребенокъ поступаетъ въ общество, которое не самъ для себя выбралъ, и становится членомъ его, — объединяющими узами являются общія обязанности труда и повинненія. Школа представляетъ собой уже социальное тѣло; съ вступленіемъ въ нее осуществляется вступленіе въ социальную жизнь.

По списку Браунъ, Клеманъ и К^о въ Дорнахѣ.
 Рис. 92. Римскій императоръ. По картнѣ Фр. Жерра

Огромно, неоцѣнимо въ этомъ отношеніи вліяніе школы — и въ особенности народнои школы — и дѣло ея. Было бы крайне желательно и необходимо, чтобы значенію школы соответствовало и положеніе учителей, чтобы учителя были свободны отъ матеріальныхъ заботъ и связывающихъ постороннихъ обязанностей и могли бы посвятить себя всецѣло своему святому дѣлу.

Въ настоящее время идетъ сильное движеніе въ пользу совмѣстнаго обученія въ школахъ обеихъ половъ въ видахъ воспитательнаго вліянія одновременно и одинаково на мальчиковъ и дѣвочекъ. Надѣются этимъ путемъ уравнивать особенности тѣхъ и другихъ, поднять общій уровень — въ особенности дѣвочекъ —

въ интересахъ одинаковаго приспособленія обоихъ половъ къ будущему практическому профессиональному труду. Какихъ-нибудь серьезныхъ возраженій это вызывать не можетъ. Нѣсколько преувеличиваютъ только, быть можетъ, воспитательное вліяніе нашей школы. Какова бы ни была семья и школа, центръ тяжести воспитанія лежитъ въ родительскомъ домѣ. Полнаго измѣненія душевнаго склада воспитаніе — при обыкновенныхъ условіяхъ — не въ силахъ произвести.

Да нисколько и не желательно разрушать воспитательными мѣрами индивидуальныя свойства, если только нѣтъ налицо явно болѣзненныхъ или анти-соціальныхъ особенностей. Различное воспитаніе обоихъ половъ вызвано и обусловлено вовсе не только принятымъ обычаемъ, а коренится, очевидно, въ самомъ различіи душевныхъ способностей, мужскихъ и женскихъ свойствъ, проявляющихся уже въ раннемъ дѣтствѣ. Дѣвочка съ мальчишескими свойствами, мальчикъ съ своеобразнымъ душевнымъ складомъ дѣвочки — явленіе неестественное и дальнѣйшее ихъ развитіе невозможно. Желать создать путемъ подбора и воспитанія какую-то среднюю разновидность, — значило бы породить гермафродитовъ, которые все же въ концѣ концовъ приняли бы, повинувшись законамъ естественнаго развитія, свойства своего первоначальнаго пола.

Въ чертахъ и свойствахъ, сказывающихся въ играхъ мальчика, виденъ будущій мужчина. Мужчинѣ предстоитъ исполнять тяжелыя задачи жизни, ему предстоитъ вести борьбу за существованіе, — въ этомъ смыслѣ типичныя игры мальчика представляютъ подготовку для будущаго. Пренебреженіе этимъ ведетъ часто къ тому, что воспитаніе подавляетъ именно эту особенность. Мальчики, имѣющіе въ семьѣ репутацію „выдержанныхъ“, бываютъ часто лишены — благодаря постоянному надзору и запретамъ, а иногда и очень суровой дрессировкѣ — именно этого сознанія силы, у нихъ бываетъ отъята возможность развить и проявить ее. Блѣдный, нарядный, тщательно причесанный мальчикъ съ безжизненнымъ равнодушнымъ лицомъ, падающій рядышкомъ съ гувернеромъ, никогда не бѣгающій свободно и вволю, никогда не выбирающій по своему почину товарищей игръ, при этомъ въ душѣ трусливый, несамостоятельный, неустойчивый, — таковъ бываетъ часто мальчикъ, на долю котораго выпало такъ называемое „заботливое воспитаніе“.

Безконечнымъ разнообразіемъ случаевъ отвѣчаетъ хроника на вопросъ о томъ, чѣмъ дѣлаются въ концѣ концовъ такіе мальчики. Изъ нихъ выходятъ либо безсильные и немощные мужчины, пугающіеся всякаго энергичнаго усилія, рабскія натуры, неспособныя всю жизнь въ самостоятельности, — либо безпечные жуиры, которымъ приходится впослѣдствіи платиться за жалко растраченную молодость, которые живутъ изо дня въ день безъ радостнаго труда и творчества и въ концѣ концовъ гибнутъ отъ болѣзни или нужды.

Единственно о чемъ можетъ и должно позаботиться воспитаніе, — это объ удержаніи въ разумныхъ предѣлахъ проявленія свойственнаго мальчикамъ сознанія силы, чрезмѣрное развитіе котораго ведетъ къ грубости и безсердечію. Дѣло

педагогическаго такта — уловить эту границу. Нерѣшительность съ одной стороны и съ другой — запоздалое вмѣшательство одинаково опасны. Въ воспоминаніяхъ собственной молодости и въ собственномъ опытѣ зрѣлый человѣкъ несомнѣнно почерпнетъ вѣрное руководство. Мальчиковъ слѣдовало бы воспитывать мужчинамъ или, по меньшей мѣрѣ, мужчины должны участвовать въ ихъ воспитаніи.

Поняла, наконецъ, и школа, что она должна считаться съ этими преимущественными особенностями мальчиковъ. Прежде школа не предпринимала для физическаго воспитанія ничего, кромѣ гимнастики, а этого большей частью было очень мало. О свободномъ движеніи и свободномъ упражненіи силъ тутъ почти не могло быть рѣчи, потому что многіе преподаватели гимнастики усматривали идеаль въ военной выправкѣ, превращали учениковъ въ автоматовъ и заставляли ихъ производить на гимнастическихъ аппаратахъ такія упражненія, которыя обнимали не всѣ группы мускуловъ, а упражняли только извѣстные мускулы, доводя ихъ до крайняго утомленія. Безспорно, бодрая военная гимнастика имѣетъ свои преимущества, въ дѣлѣ воспитанія воли она имѣетъ большое значеніе; но все-таки не годится сводить все физическое воспитаніе учащейся молодежи къ этому одному. Уяснивъ себѣ правильно истинныя нужды воспитанія мальчиковъ, въ послѣднее время начали удѣлять должное вниманіе разнымъ другимъ видамъ физическихъ упражненій — играмъ, спорту и прогулкамъ пѣшкомъ.

Идея обратитъ игры, которыя создали сами мальчики, повинувъ своей потребности движенія, на службу дѣлу физическаго воспитанія, усовершенствовавъ и облагородивъ ихъ — одинъ изъ удачнѣйшихъ результатовъ педагогически-реформаторскихъ усилій. Площадки для игръ, которыя многія современныя школы имѣютъ при своемъ же зданіи или по крайней мѣрѣ на удобно-близкомъ разстояніи отъ него, превратились въ вольный просторъ для молодежи, причѣмъ отъ нея ничего другаго не требуется, кромѣ подчиненія общимъ правиламъ игры, отдѣльные же члены свободны отъ какихъ бы то ни было стѣснительныхъ предписаній. Излишне и говорить о томъ, какое драгоцѣнное значеніе имѣютъ эти площадки для учащейся молодежи; но и учитель имѣетъ возможность изучить здѣсь индивидуальныя особенности учениковъ, если будетъ внимательно слѣдить за ходомъ игры. Огромную цѣнность имѣетъ еще и то, что игры въ присутствіи учителя и въ сферѣ учебнаго заведенія невольны, сами собой улягутся въ разумныя границы и самыя игры приобретутъ болѣе благородный характеръ.

Занятіямъ дѣтей спортомъ отводились прежде очень тѣсныя границы. Первоначально спортъ былъ почти всюду привилегіей богатыхъ круговъ. Дешевыхъ мѣстъ для бѣганія на конькахъ, для игръ въ футболъ и лаунъ-теннисъ не было почти нигдѣ. Такъ же былъ поставлепъ, — по крайней мѣрѣ въ городахъ, — вопросъ о возможности заниматься водянымъ спортомъ. Примѣръ англичанъ доказалъ, какое важное мѣсто въ физическомъ воспитаніи занимаетъ спортъ. Предназначенное первоначально для учениковъ старшаго возраста, устройство спортивныхъ площадокъ дало въ послѣднее время всюду самыя отрад-

ные результаты. Мѣстами такія приспособленія носятъ праздничный характеръ, пріятно нарушая этимъ однообразіе школьной обстановки.

Для учащейся молодежи большихъ городовъ ученическія экскурсіи имѣютъ особенно важное значеніе. Тутъ дѣло не только въ благотворности продолжительнаго движенія на свѣжемъ воздухѣ, но еще и во множествѣ впечатлѣній, которыхъ набираются во время такихъ прогулокъ воспримчивыя дѣти. Это даетъ также наилучшій поводъ для нагляднаго преподаванія. Было бы чрезвычайно желательнo, чтобы ученическія экскурсіи стали прочной принадлежностью школьнаго обихода.

Мы упомянули прежде, что влеченіямъ многихъ мальчиковъ часто не дается хода изъ-за недостатка въ надлежащихъ средствахъ; это тѣмъ болѣе прискорбно, что ваяніе и лѣпка часто служатъ непосредственнымъ помощникомъ въ дѣлѣ приученія къ труду, часто предсказываютъ выборъ профессіи и во всякомъ случаѣ представляютъ наилучшее полезное времяпровожденіе. Ваяніе и лѣпка получили систематическое развитіе въ такъ называемомъ обученіи ручному труду, которымъ мы обязаны сѣвернымъ странамъ. Больше всего сдѣлалъ для этого датскій ротмистръ въ отставкѣ Клаузонъ-Каастъ. Въ Германіи работаетъ въ этомъ направленіи „Германскій союзъ ручного труда для мальчиковъ“. Доказательствомъ того, какъ необычайно благотворно вліяетъ ручной трудъ мальчиковъ и на нравственное развитіе, служить опытъ гамбургскаго пріюта, гдѣставляются на путь съ помощью обученія труду дѣти, которымъ пришлось остаться безъ призора, и опытъ преслѣдующихъ тѣ же цѣли школъ (Wehrli-Schulen) въ Швейцаріи.

Школы наши всегда стремятся къ тому, чтобы воспитать не только умственно, но и физически хорошо развитое поколѣніе. Въ особенности это надо сказать о первоначальныхъ школахъ. При множествѣ дѣтей школы эти представляютъ больше чѣмъ разсадникъ образованія; здѣсь царятъ порядокъ, опрятность, здѣсь властвуетъ дружелюбный и ласковый надзоръ учителя, нѣтъ и тѣни грубаго непривѣтливаго обращенія. Для множества дѣтей бѣдныхъ классовъ, лишенныхъ дома налаженнаго порядка жизни школа является больше домашнимъ очагомъ, чѣмъ семья. Стремленія общества покровительства дѣтей и попечительства о подросткахъ до сихъ поръ ограничиваются большей частью одной внѣшней пропагандой, для практическаго дѣла имъ недостаетъ объединенности; было бы крайне желательнo ходатайствовать о томъ, чтобы попечительства вошли въ тѣсное единеніе со школами, — быть можетъ, всего цѣлесообразнѣе было бы имъ сдѣлаться составными частями учебныхъ заведеній. Но для этого было бы необходимо, разумѣется, чтобы такія попечительства разсматривались, какъ официальные учрежденія, а не предоставлялись бы, какъ теперь, одной только частной инициативѣ.

Вернемся къ первоначальному предмету нашихъ обсужденій.

Воспитаніе мальчиковъ должно поставить себѣ двѣ главныя цѣли: развитіе умственныхъ способностей, которыя должны получить практическое направленіе, необходимое для

жизни, зѣтъмъ, развитіе душевныхъ свойствъ въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ поступки согласовались съ принципами нравственности. Последнее не можетъ быть достигнуто одними поученіями, тутъ существенную роль играетъ непосредственный примѣръ. Все больше и больше начинаютъ оцѣнивать значеніе, которое имѣетъ окружающая обстановка, такъ называемая среда, для нравственнаго развитія дѣтей. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ культурныхъ странахъ (Англія, Германія, Швейцарія, Норвегія) законъ позаботился о томъ, чтобы дѣти, поставленныя жизнью въ неподходящія условія, были переведены въ нравственно здоровыя, благоприятныя для развитія условія.

Такія условія имѣетъ не только семейное воспитаніе, а и воспитаніе въ интернатахъ. Въ нѣкоторыхъ интернатахъ въ Англіи, въ Германіи и въ Швейцаріи существуютъ превосходныя учрежденія для подготовки къ практической жизни въ духѣ содѣйствія развитію особыхъ мужскихъ свойствъ. Воспитанники занимаются сельско-хозяйственными и садовыми работами; доходъ отъ этихъ работъ покрываетъ часть расходовемыхъ на содержаніе заведенія средствъ. Старшимъ и болѣе надежнымъ воспитанникамъ поручаются извѣстныя должности, добросовѣстное завѣдываніе которыми разсматривается, какъ дѣло чести. Старшіе и болѣе сильныя являются защитниками и надзирателями младшихъ и слабыхъ. Во всемъ отъ крупнаго до мелкаго воспитанникамъ прививается чувство солидарности, живой интересъ къ благополучію другихъ, и весь духъ заведенія не допускаетъ возникновенія грубаго эгоизма.

Рис. 93. Малевкій защитникъ.
М. Фроментала.

Въ нашихъ странахъ у мальчиковъ начинается около четырнадцатаго года жизни періодъ полового развитія, которымъ дѣтство завершается. Очень распространенъ, но совершенно не вѣрный взглядъ, что своеобразныя душевныя движенія, связанныя съ половымъ влеченіемъ, появляются только одновременно съ внѣшними признаками пробуждающейся половой жизни, о которыхъ мы говорили во второй главѣ настоящаго тома. Въ дѣйствительности эти чувства обнаруживаются еще гораздо раньше. Выдающійся психологъ, профессоръ Фрейдъ, доказалъ, что половыя чувства существуютъ еще въ дѣтствѣ, а я могу сообщить, на основаніи достовѣрнаго свидѣтельства, что многія формы ненормальнаго духовнаго и въ особенности душевнаго развитія объясняются этимъ раннимъ появленіемъ половыхъ влеченій.

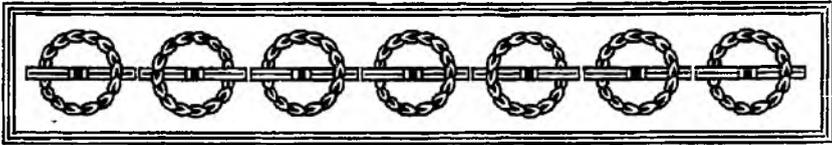
А если такъ, то всё́мъ должно быть ясно, что дѣтей нельзя оставлять въ невѣдѣннѣи сущности этихъ чувствъ и ощущеній, нельзя предоставлять ихъ слѣпой власти полового инстинкта, а нужно своевременно разъяснить имъ. О томъ, какъ это сдѣлать, мы подробнѣе поговоримъ въ главѣ „Женщина въ дѣтствѣ“ (II ч. наст. тома).

Замѣчательныя измѣненія совершаются въ душѣ нашей въ пору половой зрѣлости. Снова на первый планъ выступаетъ интенсивная дѣятельность фантазія, — юноша глядитъ вдаль поверхъ и мимо всего близкаго, достижимаго, его одушевляють смѣлые планы, онъ чувствуетъ въ себѣ силы совершить великія, необычайныя дѣла. Часто и въ поведеніи является поразительная перемѣна; у здоровыхъ, крѣпкихъ мальчиковъ появляется стремленіе отбросить обычныя формы обращенія, держаться грубоваго безыскусственно. Въ душѣ юноши кипитъ и бурлитъ, происходитъ переворотъ; въ этотъ періодъ обнаруживаются инныя черты — и дурныя, и хорошія, — которыя дремали въ душѣ ребенка. Первый самый важный, самый основной періодъ воспитанія миновалъ. То, что было еще шатко и измѣнчиво въ дѣтскомъ возрастѣ — начинаетъ укрѣпляться, становится существенной составною частью личности.

Многія трудности, съ которыми сталкивается воспитаніе въ юношескомъ возрастѣ, объясняются тѣмъ, что въ этомъ періодѣ своеобразный, индивидуальный элементъ развитія личности не позволяетъ насилія надъ собой. Одна изъ злѣйшихъ ошибокъ воспитанія состоитъ въ томъ, что родители и воспитатели такъ мало интересуются душевною жизнью дѣтей. Надъ мальчикомъ, сложившимся въ юношу, оказываются безсильными тѣ маленькія уловки и приемы, въ которыхъ часто только и заключается все воспитаніе. И тогда родители безпомощно и растерянно останавливаются перелѣ тѣмъ фактомъ, что юноша пошелъ совсѣмъ другой дорогой, чѣмъ та, которой они желали и на которую они направляли его. Воспитаніе можетъ привести къ удовлетворительному результату только тогда, если оно съ самаго начала имѣло индивидуальный характеръ. Но для этого необходимо обладать способностью наблюдать душевную жизнь ребенка.

Идетъ новая эпоха. Люди науки работаютъ надъ тѣмъ, чтобы внести во всё слои населенія сознаніе необходимости духовнаго воспитанія. И только тогда, когда эти усилія достигнутъ пѣли, — только тогда можно будетъ съ полнымъ правомъ говорить о „вѣкѣ ребенка“.

Глава шестая.

Юношескій возрастъ мужчины.

(Д-ра медиц. Эдуарда Гесса.)

Возрастъ юношескій обнимаетъ собой періодъ отъ наступленія половой зрѣлости до завершенія роста организма, т. е. — въ нашихъ широтахъ — возрастъ приблизительно между пятнадцатымъ и двадцать-третьимъ годомъ жизни. У народовъ жаркихъ странъ, а также у уроженцевъ умѣренныхъ поясовъ, но живущихъ и развивающихся въ тропическихъ областяхъ, развитіе возмужалости наступаетъ года на два или на три ранѣе; у жителей холодныхъ странъ въ большинствѣ случаевъ на столько же позднѣе; женскій полъ достигаетъ половой зрѣлости обыкновенно года на два ранѣе, чѣмъ мужской. У жителей большихъ городовъ половая зрѣлость наступаетъ, повидимому, нѣсколько ранѣе, чѣмъ у сельскаго населенія. Въ періодъ развитія половой зрѣлости процентъ смертности бываетъ наименѣе значителенъ; начиная съ младенческаго возраста и до наступленія половой зрѣлости процентъ смертности все болѣе и болѣе понижается, а съ этого времени также постепенно повышается до старости.

Въ юношескомъ возрастѣ физическое развитіе сказывается всего замѣтнѣе въ увеличеніи роста тѣла; тѣло растетъ съ особенной быстротой въ первые годы наступленія половой зрѣлости — и съ особенно поразительной быстротой вытягивается въ томъ случаѣ, если до того ростъ нѣсколько отставалъ; увеличеніе роста достигаетъ въ этомъ періодѣ 10—16 сантиметровъ въ годъ. Вскорѣ послѣ девятнадцатаго года и, самое большее, на двадцать-третьемъ году жизни ростъ прекращается. Къ тому времени совершенно заканчивается развитіе скелета, костной основы нашего тѣла; въ особенности завершается формировка черепа, который съ этой поры больше измѣненій не претерпѣваетъ: швы между отдѣльными костями черепа совершенно затягиваются, зубчатые края ихъ сливаются между собой.

По завершеніи роста средняя высота мужскаго тѣла составляетъ отъ 1,57 до 1,73 метра, а вѣсъ тѣла отъ 60 до 65 килограммовъ; въ общемъ длина тѣла увеличивается въ теченіе юношескаго періода приблизительно на 30 сант., иногда немного больше или меньше, а вѣсъ приблизительно на 30 килограммовъ.

Увеличеніе роста сопровождается болѣе сильнымъ развитіемъ всей мускулатуры тѣла, грудь становится шире, увеличивается

грудная клетка и, сообразно этому, значительно увеличивается вещество легких, разница въ объемѣ груди между наивысшими точками вдыханія и выдыханія. Растетъ гортань, большей частью особенно сильно напередъ, такъ что начинается замѣтно выдаваться щитовидный хрящъ, представляющій переднюю стѣнку гортани. — такъ называемое „адамово яблоко“; удлиняются и

По фотограф. бр. Алмиари во Флоренціи.

Рис. 94. Нарцисъ.

Латинс. бронзов. статуя въ Национальномъ музеѣ въ Неаполѣ.

утолщаются голосовыя связки. вслѣдствіе чего голосъ, какъ говорятъ, „ломается“, густѣетъ и постепенно становится — въ среднемъ — на октаву ниже, чѣмъ былъ въ отроческомъ возрастѣ. Начинается ростъ волосъ на лобкѣ, подъ мышками и на подбородкѣ. Всего ярче обнаруживается, разумѣется, половая зрѣлость на половых частяхъ, которыя становятся крупнѣе и богаче кровью и достигаютъ наибольшаго развитія и дѣеспособности; въ тестикулахъ вырабатывается сѣмя, производящее путемъ оплодотворенія женскаго яйца новое существо. Возмужалый организмъ начинаетъ жить съ этихъ поръ не только для собственнаго развитія, — потокъ его силъ устремляется на новое творчество — путемъ дѣторожденія.

Скульпторы искони считали одной изъ своихъ наивысшихъ задачъ изображеніе въ камнѣ и металлѣ юношеской фигуры; самыми совершенными образцами такихъ твореній являются фигуры „Адониса“ (см. отд. табл. рис.) и „Нарциса“ (рис. 94) неизвѣстныхъ мастеровъ древности и „Метатель диска“ греческаго скульптора Мирона (рис. 95). Необычайно

удачно изображена Микель-Анжело въ его „Давидѣ“ (рис. 96) неловкость и непропорціональность еще не вполне развившагося юношескаго тѣла.

Физическое развитіе и связанная съ нимъ превращенія сопровождаются душевными процессами развитія и превращеній и совершаются они не безъ внутренней и внѣшней борьбы. Пробуждающійся съ началомъ развитія половыхъ частей половой инстинктъ сообщаетъ душевной дѣятельности новыя источники и новыя цѣли и вліяніе его, хотя и не вполне доходя до созна-

АДОНИСЪ.

Античная скульптура въ Неаполитанск. Национальномъ Музеѣ.
(По фотографіи бр. Аллиари во Флоренціи.)

ня, распространяется на такіе свойства, потребности и поступки, которые на первый взглядъ кажутся совершенно посторонними и чуждыми ему.

Юношескіе годы являются годами ученія, — все равно, проводятся ли они въ высшемъ учебномъ заведеніи, или въ условіяхъ практической жизни, или въ тѣхъ и другихъ условіяхъ вмѣстѣ. Если даже для отроческаго возраста вѣренъ принципъ, что учимся мы не для школы, а для жизни, то тѣмъ болѣе важно уяснить себѣ это для учебной поры юношескаго возраста. Въ эти годы человѣку предстоитъ выбрать специальность, которая должна сдѣлаться духовнымъ и матеріальнымъ фундаментомъ

всей его буду-
щего жизни до
самаго конца. —
развитіе его на-
довательно, не-
щую цѣль, а
зомъ на овла-
можно полное и
какой-нибудь
или менѣе тѣс-
ной, областью;
въ этой отгра-

сти должна
чтобы могла до
и то же время и
вствореніе, и
возможно болѣе
можно болѣе
повседневныхъ

У большин-
боръ специаль-
дѣляется въѣш-
ми, которымъ
подчиняться
ваться съ ни-
шинства распо-
бодой выбора тоже очень немного такихъ, которыхъ личныя способности опредѣленно влекутъ къ тому или иному выбору специальности — и такимъ должна быть предоставлена свобода идти своимъ путемъ. Многіе неспособны вполне самостоятельно выбрать направленіе своего будущаго, вслѣдствіе неизбежнаго въ ихъ возрастѣ недостатка жизненнаго опыта; главное, что грозитъ имъ ошибкой, это ихъ склонность судить о преимуществѣхъ той или иной профессіи по вѣщности; въ этомъ случаѣ молодые люди нуждаются въ совѣтѣ старшихъ, болѣе свѣдущихъ и опытныхъ лицъ.

Первымъ совѣтчикомъ и руководителемъ подрастающаго юноши является отецъ. Всякому отцу всего ближе къ сердцу интересы своего сына, — вѣдь онъ составляетъ часть его собственнаго „я“. — Поразительный образчикъ сходства между воспитателемъ и питомцемъ представляетъ намъ двойной портретъ Ганса Гольбейна младшаго: „Т. Годсальвъ и его сынъ“ (рис. 97). Юноша является точной копіей старика, только въ темныхъ во-

Рис. 95. Метатель диска.
Скульптура Мирона.

шей жизни до
образованіе и
правлено, слѣ-
только на об-
главнымъ обра-
дѣніе — воз-
совершенное —
одной, болѣе
но отграничен-
и дѣятельностъ
ниченой обла-
быть такова,
ставить въ одно
душевное удо-
средствакъ нан-
приятной, воз-
свободной отъ
заботъ жизни.
ства людей вы-
ности предопре-
ними условія-
они вынуждены
или сосредото-
ми. Среди мень-
лагающихъ сво-

лосахъ его и въ гладкой кожѣ болѣе узкаго лица сказывается разница десятковъ лѣтъ, отдѣляющая одного отъ другого. Такому совершенному сходству въ чертахъ и выраженіи лица несомнѣнно должно соответствовать сходство душевныхъ свойствъ.

На ряду съ родителями и воспитателями, должно быть выслушано и мнѣніе другихъ лицъ, близкихъ къ тѣмъ специальностямъ, которыя пмѣются въ виду при выборѣ.

По fotogr. Дж. Вреджи по Флоренціи.

Рис. 96. Давидъ. Скульптура Микель-Анджело.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо освѣдомиться также о мнѣніи врача для рѣшенія вопроса о томъ, по силамъ ли физическому и душевному складу и развитію юноши та специальность, которую онъ намѣреваетъ избрать. Никогда не слѣдуетъ навязывать молодому человеку насильно какую-нибудь специальность, къ которой онъ заранѣе чувствуетъ антипатію, вслѣдствіе ли тѣхъ или иныхъ личныхъ свойствъ, или особенностей самой специальности.

Часть ученическихъ годовъ—обыкновенно ихъ завершеніе—представляютъ собой годы страствій, которые могутъ распространиться еще и на зрѣлый возрастъ. Каждому юношѣ слѣдовало бы дать воз-

можность попутешествовать, повидать свѣтъ и людей; но чтобы путешествіе дѣйствительно могло послужить расширенію мировоззрѣнія и опыта, юношѣ необходимо приобрѣсть предварительно основательныя знанія, чтобы знать, чего искать на свѣтѣ.

Помѣщенные въ дальнѣйшемъ текстѣ портреты символизируютъ различный характеръ душевной жизни въ юношескомъ возрастѣ. Частію они представляютъ портреты знаменитыхъ художниковъ, писанные ими самими: „Рафаэль“ (рис. 98) съ своимъ яснымъ взглядомъ, съ радостнымъ спокойствіемъ и серьезностью въ выраженіи лица, скорбно задумчивый и мечтательный „Андреа дель Сарто“ (рис. 100), смѣлый, пламенно страстный „Рембрандтъ“ (рис. 99). Въ своемъ „Молодомъ священникѣ“

(рис. 101) Тицианъ изобразилъ юношу въ экстазѣ религиозной экзальтаци, въ фанатическомъ увлеченіи; въ картинѣ же „Человѣкъ съ перчаткой“ (рис. 102) онь представилъ его стоящимъ передъ вопросами жизни въ спокойномъ раздумьи.

Духовное или душевное развитіе совершается обыкновенно въ юношескомъ возрастѣ не безъ нѣкоторыхъ потрясеній, но такъ какъ это явленіе общее, безъ которыхъ юность протекаетъ только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, то оно не должно считаться болѣзненнымъ, хотя и очень близко граничитъ съ болѣзненностью и требуетъ при воспитаніи самаго осторожнаго и чутковнаго обращенія съ собой. Эти разстройства менѣе затрагиваютъ духовную дѣятельность въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова (умъ, память), чѣмъ характеръ и душевный складъ, но косвенно, своимъ влияніемъ на душу, они могутъ оказать вліяніе и на умственную дѣятельность. Чутье, направляющее мальчика къ предметамъ близкимъ, къ окружающей дѣйствительности, открываетъ безграничный и безудержный просторъ фантазіи; юность — пора мечтательности и безпредметнаго „идеализма“. У однихъ наблюдается романтическое влеченіе къ подвигамъ, безцѣльное стремленіе вдаль, склонность къ необдуманнымъ и смѣлымъ поступкамъ; у другихъ, въ противоположность

По фотогр. бр. Аллиари во Флоренціи.
Рис. 98. Рафаэль. Собств. портрет художника.

непокорны, вадменны и раздражительны; кичатся своей „геніальностью“, стремятся играть роль и „проявлять свою индивидуальность“. При этомъ ихъ манеры, хотя и рассчитаны на то, чтобы „произвести впечатлѣніе“, бывають большей частью недовки и неуклюжи, — особенно въ обществѣ, — между тѣмъ какъ молодая дѣвушка того же возраста обыкновенно уже вполне осваиваются съ формами свѣтскаго обращенія и умѣютъ держаться гораздо свободнѣе и находчивѣе. Прелестно изобразилъ Фожеронъ эту противоположность въ своей картинѣ „Дебютъ“ (рис. 108).

Въ этомъ возрастѣ неотесанной первой юности многіе становятся поэтами, изливая въ громкихъ фразахъ и отчаянныхъ, спотыкающихся стихахъ свои безчисленные страданія и рѣд-

этому, — немотивированная мировая скорбь, углубленіе въ религіозные вопросы, вялая чувствительность, склонность къ уединенію, вялость и отсутствіе энергіи.

У одного юноши настроеніе всегда повышенное и приподнятое, у другого, наоборотъ, вѣчно унылое и подавленное, у третьяго отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ или безъ всякихъ причинъ то и дѣло смѣняють другъ друга самыя противоположныя отбѣнки настроеній. Нѣкоторые, бывшіе живыми и рѣзвыми мальчиками, становятся въ юности задумчивы, малоподвижны и замкнуты; другіе — прежде воспитанныя, скромныя мальчики — становятся неделикатны, хвастливы, суетливы, непомирно самовлюбленны, непочтительны,

По фотогр. Дж. Броджя во Флоренціи.
Рис. 99. Рембрандтъ. Собств. портрет художника.

кія радости; поэтическое вдохновеніе просыпается у нихъ обыкновенно подъ вліяніемъ „первой любви“. Эта любовь безусловно платоническаго характера: дѣвушка представляется своему фанатическому поклоннику непорочнымъ ангеломъ, святою богиней, которой онъ стремится посвятить и принести въ жертву всю свою жизнь. Каждая встрѣча съ ней для него событіе, онъ ходитъ за ней слѣдомъ, часами поджидаетъ ее и все же не осмѣливается поклониться ей или обратиться къ ней съ парой словъ. А познакомится съ ней, — онъ не знаетъ, что ей сказать; вмѣсто ожидаемаго потока необыкновенныхъ рѣчей выходятъ самыя будничныя слова; многимъ дѣвушкамъ, настроеннымъ обыкновенно гораздо трезвѣе, не по плечу тотъ алтарь, который имъ воздвигаютъ поклонники. Но много времени проходитъ, пока влюбленный юноша пойметъ это и освоится съ дѣйствительностью; при этомъ обыкновенно „первая любовь“, отличающаяся еще извѣстной свободой отъ полового элемента, тихо исчезаетъ изъ сердца. Превосходно изобразилъ Беклинъ эту болѣзненную трещину въ душѣ юноши въ своей картинѣ „Жалоба пастуха“ (рис. 104).

По фотогр. Дж. Браджи по Флоренціи.

Рис. 100. Андреа дель Сартто.
Собственный портретъ художника.

Есть юноши, не испытывающіе этой „первой любви“, — это въ большинствѣ случаевъ натуры тихія, сосредоточенныя, нелюдимыя, робкія; ихъ глазамъ иногда вдругъ на одинокомъ пути представляется женщина во всей своей женственности — и они останавливаются передъ этимъ видѣніемъ испуганные и радостно взволнованные, оцѣпѣлые и ослѣпленные, какъ тотъ юноша на картинѣ Г. Прелля, передъ которымъ неожиданно вынырнула изъ темной глубины чарующая русалка (рис. 105). Въ подобномъ случаѣ любовь — не шалость и не игра, а стихійная страсть.

Съ любовной страстью неразрывно связано половое влеченіе, и послѣ полнаго развитія половыхъ частей оно стремится къ удовлетворенію. Законъ, нравы и социальныя условія ставятъ этому много преградъ, — и нерѣдко эти преграды опрокидываются крайне насильственно, безъ оглядки. Разумнымъ разъясненіемъ его первый порывъ можетъ быть направленъ на правильный путь. Совсе не необходимо удовлетворять половое влеченіе въ первые же годы послѣ его пробужденія; это было бы даже вредно, особенно если бы это случилось болѣе или менѣе

Фототр. издание Фр. Гафштетгеля въ Мюнхенѣ.
Рис. 101. Молодой священникъ.
По картинѣ Тициана.

часто, — потому что это лишило бы организмъ части тѣхъ силъ, которыя еще нужны ему для роста. Съ естественно-научной точки зрѣнія, правильныя половыя отправления являются нормальными только съ того времени, когда совершенно заканчивается ростъ организма, — но и тогда они еще не представляютъ безусловно необходимой жизнедѣятельности. Выражаемая часто опасенія, что подавленіе полового стремленія у юноши можетъ причинить ему серьезный душевный и физическій вредъ, совершенно ошибочны. Природа позаботилась о томъ, чтобы организмъ самъ освобождался отъ избытка сѣмени путемъ непроизвольныхъ поллюцій.

Существуетъ одно явленіе, до такой степени распространенное, что кажется почти неизбежнымъ зломъ, постигающимъ почти всѣхъ юношей: это мастурбація или онанизмъ. Замѣтимъ сразу же, что именно для молодыхъ людей правильныя половыя сношенія нисколько не служатъ лѣкарствомъ противъ этого; половыя отношенія такъ усиливаютъ и повышаютъ половое чувство и половую потребность, что для полного удовлетворенія понадобились бы частыя сношенія, переходящія за предѣлы возможнаго въ смыслѣ здоровья и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ осуществимыя; наблюденія и доказываютъ, что почти всѣ молодые люди, имѣющіе время отъ времени нормальныя половыя сношенія, предаются на ряду съ ними и мастурбаціи.

Чрезмѣрная потеря сѣмени ослабляетъ организмъ, — безразлично, вызывается ли она чрезмѣрными половыми сношеніями, или чрезмѣрной мастурбаціей. Мастурбація, начинающаяся часто въ отроческомъ возрастѣ, обыкновенно исчезаетъ къ началу зрѣлаго возраста; всего надежнѣе и рѣшительнѣе излѣчиваются отъ нея обыкновенно — хотя и не всегда — нормальныя условія брака. Но это вовсе не значитъ, что можно бездѣятельно ожидать, пока бракъ устранитъ это зло, — необходимо, напротивъ, энергично бороться съ мастурбаціей; эта борьба есть въ то же время борьба съ самой половой потребностью. Для этого необходимо прежде всего направить на другой путь фантазію юноши, которая именно у мастурбацентовъ имѣетъ сильно

чувственный характеръ, дать ей другіе представленія и образы, отвлечь насколько возможно мысли юноши отъ всего, способнаго раздражать половое чувство: отстранить отъ него сомнительное общество, вредныя книги, дать ему разнообразный трудъ, вперемежку умственный и физическій, — такой, какой необходимъ и въ интересахъ общаго здоровья. Мастурбація никогда не приводитъ къ душевной болѣзни, къ сухоткѣ спинного мозга или къ размягченію мозга; то обстоятельство, что она часто наблюдается у такихъ больныхъ, объясняется тѣмъ, что она слѣдствіе, а не причина этихъ болѣзней.

Угнетенное душевное состояніе многихъ онанистовъ обуславливается не столько онанизмомъ, сколько неосновательнымъ страхомъ погибнуть отъ онанизма, отвыкнуть отъ котораго не хватаетъ силы; этотъ страхъ питается грубыми рыночными популярно-медицинскими книжками, которыя въ корыстныхъ видахъ наживы изображаютъ онанизмъ и его слѣдствія въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, давая въ большинствѣ случаевъ для спасенія отъ него совершенно бесполезныя шарлатанскіе совѣты.

Особаго упоминанія заслуживаетъ здѣсь ненормально ранняя половая зрѣлость, проявляющаяся въ различныхъ формахъ. Случается, что обѣ стадіи развитія — дѣтскаго и юношескаго возраста — протекаютъ такъ быстро, что не только пбловая зрѣлость, но и ростъ организма заканчиваются въ половинѣ нормальнаго періода или даже еще раньше. Случается также, что преждевременная физическая зрѣлость переходитъ среднюю мѣру и связывается съ чрезмѣрнымъ обиліемъ жирового отложенія, отчего такіе субъекты пріобрѣтаютъ чудовищную, безобразную полноту. Бываетъ еще и такъ, что половая зрѣлость наступаетъ преждевременно, между тѣмъ какъ другія стороны физическаго и умственнаго развитія отличаются и нормальнымъ характеромъ, и нормальной продолжительностью.

Періодъ развитія половой зрѣлости имѣетъ обыкновенно рѣшающее значеніе въ тѣхъ случаяхъ своеобразнаго уродства, которое называется двуполостью, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда существуютъ въ болѣе или менѣе явственно выраженной степени и мужскія, и женскія половыя части одновременно. (Ср. стр. 29 наст. тома). Очень часто эта ненормальность остается вначалѣ совѣмъ незамѣченной, а въ пору половой зрѣлости, когда одинъ полъ отдѣляется отъ другого, обнаруживается истинный полъ; бывають все же случаи, когда это устанавливается гораздо позже, или же и навсегда остается первичнымъ. Въ случаяхъ сомнительныхъ рекомендуется рѣшать этотъ вопросъ всегда въ пользу мужского пола и направить воспитаніе сообразно этому, — изъ прослыхъ практическихъ соображеній; повятно, что женщины,

Рис. 102. Человѣкъ съ перчаткой.
По картинѣ Тиціана.

воспитанной, какъ мужчина, легче будетъ жить впоследствии, если она и окажется женщиной, — будетъ ли она продолжать ту специальность, къ которой была подготовлена воспитаніемъ, или приспособится къ подходящей женской профессіи; мужчинъ же, если онъ впоследствии окажется таковымъ, будетъ гораздо труднѣе приспособиться къ новымъ условіямъ, если онъ будетъ воспитанъ, какъ женщина.

Изъ числа финансовыхъ разстройствъ юношескаго

возраста слѣдуетъ отмѣтить, какъ самыя частыя явленія, блѣдную немочь, головныя боли, частыя кровоточенія изъ носа. Эти явленія могутъ имѣть самыя различныя причины; и диагнозъ, и лѣченіе должны быть особыя для каждаго отдѣльнаго случая, что можетъ быть сдѣлано, разумѣется, только врачомъ. Нельзя запускать эти разстройства, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ также и слишкомъ усердствовать, принимая преувеличенно серьезно всякое пустое недомоганіе. Иногда причиной названныхъ и нѣкоторыхъ другихъ разстройствъ являются раздраженія въ носовой полости, и послѣ оперативнаго удаленія ихъ молодые люди, бывшіе прежде унылыми или угрюмыми, становятся бодрыми и веселыми; набуханіе миндалевидныхъ железъ, являющееся часто поводомъ къ болѣзнямъ гортани и другимъ недугамъ въ дѣтствѣ, — ко времени половой зрѣлости часто проходитъ само собой.

Въ періодъ роста у молодыхъ людей часто являются такъ называемые недуги переходнаго возраста; разумнымъ образомъ жизни ихъ нетрудно побѣдить. слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что въ основѣ всѣхъ подобныхъ неприятныхъ явленій можетъ таиться серьезная болѣзнь, какъ, напр., болѣзнь сердца или начинающійся туберкулезъ; вотъ почему, если такія разстройства или недомоганія длятся болѣе или менѣе долго, необходимо прибѣгнуть къ помощи врача.

О колебаніяхъ въ душевномъ состояніи, объ угнетенныхъ настроеніяхъ и перемѣнахъ въ характерѣ, обнаруживающихся въ періодъ развитія половой зрѣлости, мы уже говорили. Обыкновенно они не выходятъ изъ сферы нормальныхъ явленій и со временемъ исчезаютъ. Но они могутъ быть и началомъ нервныхъ или душевныхъ болѣзней или развиться до степени таковыхъ. Какъ въ глубокой старости бываетъ своеобразное душевное разстройство, характерное для этого возраста, такъ же и въ юношескомъ возрастѣ появляется особая душевная болѣзнь, свойственная этому періоду жизни, юношеское помѣшательство, — въ легкой формѣ вполне излѣчимая, но въ тяжелой формѣ, вслѣдствіе волненій, возбужденія, изпуренія, способная привести къ отупленію умственныхъ способностей или къ слабоумію.

Болѣе легкіе случаи этой болѣзни остаются обыкновенно незамѣченными; и въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно трудно отмѣтить границу, у которой кончаются нормальныя явленія періода зрѣлости и за которой начинаются болѣзненные разстройства, — тѣмъ болѣе, что умственная дѣятельность въ первое время нисколько не ослабляется или ослабляется чуть замѣтно. Если такія разстройства затягиваются дальше періода возмужалости, то они несомнѣнно болѣзненнаго характера; но этого признака ждать нельзя, такое уясненіе было бы запоздалымъ, потому что предпринятое своевременно цѣлесообразное врачебно-воспитательное лѣченіе можетъ предотвратить серьезную бѣду.

Длительное и упорное унылое и печальное состояніе духа, не вызываемое внѣшними причинами, является всегда, и въ особености въ юношескіе годы, выраженіемъ болѣзненнаго разстройства душевной жизни; оно бываетъ обыкновенно первой ступенью умственнаго разстройства. Молодой человѣкъ, бывшій до того славнымъ, добросовѣстнымъ юношей, теряетъ вдругъ всякій интересъ къ своимъ занятіямъ, къ школѣ, къ положенію,

которое онъ занимаетъ; онъ становится (тутъ явно виденъ переходъ къ особенностямъ, еще не выходящимъ изъ сферы нормальныхъ явленій) задумчивъ, равнодушенъ, вялъ, апатиченъ, замкнутъ, нелюдимъ, склоненъ уединяться, но скоро начинаетъ обнаруживать безпричинное беспокойство, дерзость, надменность, хвастливость. Прежде правдивый, онъ становится лживъ, неискрененъ и нечестенъ. У него появляется раздражительность, не деликатность, грубость и вызывающій тонъ, родителей и воспитателей онъ отказывается слушаться, считаетъ себя умнѣе ихъ, онъ „уже не ребенокъ“ и требуетъ самостоятельности, о которой только что и не помышлялъ. Къ обычнымъ выговорамъ и наказаніямъ онъ становится нечувствителенъ.

Рис. 104. Жалоба пастуха.
По картинѣ Ар. Веклина.

Школа или служебныя обязанности начинаютъ ему казаться тюрьмой, изъ которой онъ стремится вырваться. Отъ уединенія онъ переходитъ къ неумѣреннымъ развлеченіямъ, ищетъ общества, стремится играть роль. У него развивается крайнее самомнѣніе, онъ считаетъ себя гениальной натурой, призванной совершить великое въ искусствѣ и въ наукѣ, перевернуть

теологию и философію, рѣшить труднѣйшіе вопросы; онъ кажется себѣ пророкомъ новой вѣры. Каждый часъ, отнимаемый школьными занятіями — даромъ потерянное время; онъ забрасываетъ сочиненіе, математическую задачу, бухгалтерскую работу, инструментъ и берется писать драму, которая должна всколыхнуть весь міръ, или большой романъ, который обнять долженъ собой всю современную культуру, всю исторію развитія человѣчества, все когда-либо забытое всѣми народами во все эпохи. Онъ страстно жаждетъ смѣлыхъ подвиговъ, героическихъ походовъ. Носится съ своей „безупречной честью“ и „честнымъ словомъ“, которое онъ десятки разъ въ день даетъ и десятки разъ нарушаетъ. Необходимо познакомиться съ жизнью, — а для этого надо оку-

нуться въ водоворотъ удовольствій; для этого нужны средства, — дѣлаются долги. Деньги добываются, гдѣ и какъ только возможно, — дѣло доходить до всякаго рода обмановъ, мошенничествъ, воровства, поддѣлки документовъ.

Само собою разумѣется, что неопытный молодой человѣкъ становится при этомъ жертвой гнусной эксплуатаціи. Часто всѣ подобныя проступки совершаются безъ всякой видимой цѣли, изъ чистаго влеченія къ подвигу, изъ легкомыслія и необдуманности, — претерпѣваемый имущественный ущербъ большой даже хорошенько не сознавать. Непомѣрный эгоизмъ идетъ рука объ руку съ преувеличенной сострадательностью: хочется все раздарить бѣднымъ, осчастливить все человѣчество; но при этомъ самое благодѣяніе удовлетворенія не даетъ, окольнымъ путемъ хочется получить что-нибудь для себя лично, — за подаренный старый сюртукъ хочется получить новый. Въ сторону добра дорога передъ такимъ больнымъ услана препятствіями, въ сторону зла — на ней нѣтъ никакихъ преградъ, никакого тормоза. Одна черта характерно отличаетъ всѣхъ такихъ больныхъ: имъ чуждо раскаяніе въ прошлыхъ проступкахъ; самое большее, о чемъ они жалуются, это о неприятныхъ послѣдствіяхъ, но не о совершенной несправедливости или ошибкѣ, даже и въ томъ случаѣ, если сознають ее, но и это далеко не всегда для нихъ возможно.

Хотя самая умственная дѣятельность и не особенно нарушена, все же такіе больные скоро начинаютъ исполнять то, чѣмъ они занимаются, значительно хуже, благодаря появляющимся нерадивости, уtratѣ интереса къ дѣлу или разбросанности интересовъ. Знають они всего поэмножку и ничего не знаютъ основательно, но то немногое, что знаютъ, большей частью искусно умѣють показать „лицомъ“. Въ общественныхъ собраніяхъ они умѣють заставить слушать себя, съ серьезнымъ видомъ умниковъ вышпиваются въ разговоръ взрослыхъ и съ поразительнымъ искусствомъ умѣють найтись во всякомъ положеніи, приспособиться ко всякимъ условіямъ. Нѣкоторыхъ увлекаетъ въ далекія странствія внезапно просылающееся влеченіе къ скитаніямъ. Нѣкоторые разыгрываютъ при случаѣ комедіи покушеній на самоубійства; немало и такихъ, которые дѣйствительно кончаютъ самоубійствомъ. Попытки къ самоубійству и самоубійство, проступки и преступленія въ юношескомъ возрастѣ должны всегда наводить на подозрѣніе въ душевной болѣзни. Въ случаяхъ благоприятныхъ юношеское помѣшательство излѣчивается ко времени перехода въ зрѣлый возрастъ, — въ особенности, если оно было замѣчено своевременно и были приняты цѣлесообразныя врачебно-воспитательныя мѣры. Въ случаяхъ же менѣе благоприятныхъ лѣченіе можетъ дать мало удовлетворительные результаты, и у больного остаются на всю жизнь страпности, чудачества и пониженная работоспособность: такія лица годятся только на второстепенныя мѣста въ обществѣ.

Среди проявляющихся въ юношескомъ возрастѣ умственныхъ разстройствъ слѣдуетъ отмѣтить врожденную или возникшую еще въ дѣтствѣ слабость умственныхъ способностей — слабоуміе, — которое было до этого времени мало замѣтно или совсѣмъ не замѣтно, но обнаружилось явно и несомѣнно съ той поры, когда ученіе потребовало большихъ умственныхъ силъ. Однако при сужденіи объ этомъ явленіи необходимо быть очень осмотрительнымъ. Какъ у людей съ очень равнымъ умственнымъ развитіемъ случается, что къ юношескому или зрѣлому возрасту способности позорно ослабѣваютъ, — такъ случается и наоборотъ, что люди, долгіе годы казавшіеся или дѣйствительно бывшіе умственно отставшими и мало успѣвающими, только

послѣ наступленія половой зрѣлости обнаруживали такое развитіе прежде дремавшихъ способностей, что быстро догонили или даже перегоняли своихъ ровесниковъ. Иногда причина этого кроется въ томъ, что юноша просто долго бесплодно искалъ того пути, который наиболѣе соответствовалъ его индивидуальнымъ способностямъ и развернулся тогда, когда наконецъ нашель.

Уходъ за здоровьемъ въ юношескомъ возрастѣ въ общемъ совпадаетъ съ правилами ухода за здоровьемъ во всѣ другіе возрасты жизни, но нѣсколько пунктовъ требуютъ особаго разсмотрѣнія.

Само собою разумѣется, что въ періодъ роста организма питаніе должно быть хорошимъ и обильнымъ, — и нѣтъ экономіи болѣе превратно понятой, чѣмъ экономія на пищѣ. Наилучшая пища — смѣшанная; слѣдуетъ привыкнуть къ опредѣленнымъ и правильно установленнымъ часамъ ѣды и не быть разборчивымъ въ блюдахъ. Плохой аппетитъ — всегда признакъ разстроеннаго здоровья и требуетъ вниманія, а если это затягивается, то и врачебнаго вмѣшательства. Здоровому юношѣ слѣдуетъ утолять голодь, но не объѣдаться и откармливаться свыше этой мѣры. Къ этому особенно склонны натуры флегматическія, — онѣ очень легко жирѣютъ, облѣиваются и тупѣютъ, становясь одинаково неспособны къ бодрому труду и къ веселымъ

играмъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ожирѣніе имѣетъ болѣзненную основу; мы уже упоминали объ ожирѣніи, сопряженномъ съ извѣстной особенностью процесса развитія половой зрѣлости.

Попытки ограниченія необходимаго количества пищи въ интересахъ ослабленія: полового инстинкта или лѣченія отъ мастурбаціи — совершенно неправильный путь: во-первыхъ, желанный результатъ этимъ и не будетъ достигнутъ, во-вторыхъ, если бы даже кое-чего и удалось достигнуть, то все же эта маленькая польза никакъ не

Рис. 105. Русалка.
По картинѣ Г. Предля.

можетъ окупить того большаго вреда, какой претерпѣло бы общее развитіе отъ недостаточнаго питанія. Зато вполне цѣлесообразно при составленіи меню отдавать предпочтеніе овощамъ, плодамъ и мучнымъ блюдамъ, а въ приготовленіи ихъ избѣгать острыхъ приправъ; но исключить совсѣмъ изъ пищи мясо и яйца ни въ какомъ случаѣ нельзя. Необходимымъ условіемъ хорошаго питанія служатъ хорошіе зубы, — вотъ почему важно не пренебрегать уходомъ за зубами, и этотъ уходъ долженъ начаться съ самаго дѣтства, съ появленіемъ перваго зуба.

Обычныя яды, употребляемые въ пищу и какъ напитки, должны быть совершенно удалены изъ пищевого обихода юноши. Какао, кофе и чай — самые невинныя изъ нихъ, если даются въ надлежаще слабомъ растворѣ и съ большою примѣсью молока и сахара. Табакъ вначалѣ кажется очень неприятнымъ на вкусъ, но къ нему скоро привыкають. Во все время, пока длится ростъ, курить безусловно нельзя, потому что табачный ядъ, никотинъ, можетъ оказать очень неблагоприятное вліяніе на сердце, работающее напряженно въ этомъ возрастѣ. Безусловно нельзя курить, разумѣется, и тому, кто предрасположенъ къ заболѣвающимъ дыхательныхъ органовъ (гортани, дыхательнаго горла, легкихъ). Усиленное куреніе можетъ причинить тяжкій вредъ здоровью; особенно серьезныя разстройства наблюдаются у курильщиковъ папиросъ, между тѣмъ какъ куреніе сигаръ и трубки менѣе опасно.

Напитковъ, содержащихъ алкоголь (пиво, вино, водка), юношамъ необходимо избѣгать безусловно; разрушительное вліяніе ихъ на духъ и тѣло такъ общеизвѣстны, что излишне и говорить объ этомъ. Алкогольные напитки никогда не укрѣпляютъ, а расслабляютъ всегда, — и нѣтъ возможности учесть, какое множество цвѣтущихъ юношей было обречено на гибель, благодаря идиотской трактирной жизни. Въ дикомъ алкогольномъ угарѣ нѣтъ вершины юношескаго энтузіазма — это его темная пропасть; здоровой молодежи свойственъ энтузіазмъ безъ алкоголя. Опьяненіе — источникъ большинства бѣдъ и горя и, прежде всего, половыхъ заболѣваній; безчисленнымъ множествомъ наблюденій доказано, что молодые люди всегда, почти безъ исключенія, обращаются впервые къ сомнительнымъ женщинамъ — и потомъ вторяють посѣщенія — послѣ пооекъ и такимъ образомъ, благодаря своей неосторожности и невѣдѣнію, заражаются отъ нихъ.

Первооснова здороваго образа жизни заключается въ правильномъ чередованіи труда и отдыха. Трудъ — не игра, это слѣдуетъ усвоить юношѣ, но она не долженъ быть и мученіемъ. Въ томъ, какъ относится юноша къ труду, очень многое зависитъ отъ личныхъ качествъ преподавателя или наставника. Нетерпѣливое или презрительное обращеніе и вѣчное недовѣріе не могутъ поддерживать охоту къ труду; только довѣріе рождаетъ довѣріе. Юноша долженъ умѣть слушаться, повиноваться, подчиняться, но этого нельзя доводить до подавленія всякой самостоятельной мысли, собственнаго сужденія и собственной воли; наоборотъ, школа и ученіе должны образовать и воспитать изъ юноши самостоятельнаго человѣка. Наилучшій учитель и воспитатель тотъ, кто собственной личностью служитъ добрымъ примѣромъ.

Рис. 106. На лыжах.

Слѣдуетъ избѣгать переутомленія и чрезмѣрнаго обремененія работою; по предмету, интересующему ученика, на него можно возложить довольно много работы, онъ ее одолѣетъ безъ особеннаго напряженія и безъ вреда; работа же, къ которой онъ относится безъ увлеченія или съ антипатіею, утомитъ его гораздо раньше. Но отъ чрезмѣрнаго обремененія слѣдуетъ отличать тѣ случаи, когда юношѣ просто не

по силамъ — умственнымъ или физическимъ — требуемая работа. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ уменьшеніи количества работы, а на молодого человѣка остается только возложить трудъ полегче. Тяжело видѣть, когда многіе неблагоразумные родители часто цѣлыми годами мучаютъ и позволяютъ мучить своихъ сыновей, тянутъ ихъ изо всѣхъ силъ къ достиженію „вышей карьеры“, пока вынуждены, наконецъ, убѣдиться, что всѣ усилія напрасны, и отводятъ юношѣ болѣе скромный родъ дѣятельности.

Что гораздо вреднѣе, чѣмъ чрезмѣрное обремененіе учебнымъ матеріаломъ, такъ это — слишкомъ частые экзамены; экзаменаціонный страхъ, въ которомъ юноша не всегда сознается, но отъ котораго ни одинъ не свободенъ, можетъ причинить очень серьезныя разстройства здоровья; многое, что ставится на счетъ переобремененію, является на самомъ дѣлѣ слѣд-

ствиѣмъ страха, волненій передъ исходомъ спроса или экзамена, боязни неудовлетворительнаго отвѣта и связавшихъ съ этимъ непріятностей и вреда. Многое еще предстоитъ сдѣлать нашей школѣ въ интересахъ уменьшенія малыхъ и большихъ повѣрочныхъ испытаній. Неопровержимымъ доказательствомъ того, какъ глубоко они задѣваютъ нашу душу, служатъ наши сны о школьныхъ дѣлахъ и экзаменахъ, въ которыхъ и по прошествіи десятиковъ лѣтъ вскрываются и сочатся кровью старья, давно, казалось, зарубцевавшіяся раны.

Юношей съ сильнымъ и дѣятельнымъ умомъ школа и школьное ученіе вполнѣ не удовлетворяютъ; особенно сильно чувствуютъ потребность въ умственной работѣ юноши, ученіе которыхъ носитъ практической характеръ. Это стремленіе заслуживаетъ поощренія при соблюденіи условія, чтобы отъ этого не страдало исполненіе прямыхъ обязанностей; для

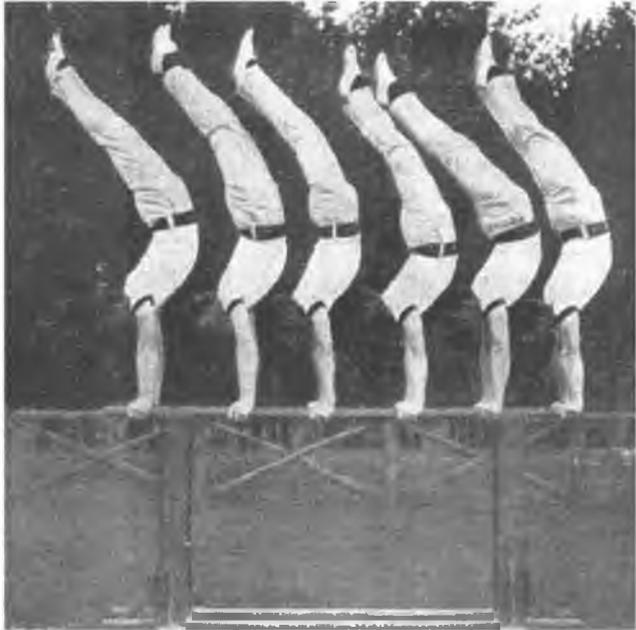

Рис. 107. Гимнастическія упражненія.

достиженія этой цѣли много путей, и рѣшающее значеніе въ выборѣ того или иного пути имѣютъ индивидуальныя вкусы каждаго и влѣшнія условія.

Первое мѣсто здѣсь должно быть отведено чтенію, въ выборѣ котораго слѣдуетъ держаться всегда того правила, чтобы оно соответствовало скорѣе высшему, чѣмъ низшему возрасту и уровню развитія, — т. е. юноша не долженъ довольствоваться такъ называемымъ чтеніемъ „для юношества“, а долженъ рѣшаться брать за серьезныя книги, за сочиненія великихъ поэтовъ, за біографіи замѣчательныхъ людей, за сочиненія по исторіи, по исторіи культуры, по географіи, этнографіи, естественнаго. Художественный дилетантизмъ всякаго рода, т. е. игру и забаву искусствомъ, слѣдуетъ не поощрять, а подавлять: исключеніе составляетъ только рисованіе и въ особенности рисованіе съ натуры, занятіе которымъ слѣдуетъ всеми силами поощрять.

Нѣтъ ничего благодѣтельнаго для души, какъ и для тѣла,

чѣмъ практическое природовѣдѣніе, — наблюденіе надъ жизнью животныхъ и растений, научно поставленныя занятія по собиранію насѣкомыхъ, растений, камней, самостоятельныя опыты разведенія и культуры въ аквариумахъ и террариумахъ, въ саду и огородѣ. Въ видѣ отдыха отъ однообразнаго умственного труда полезны всякаго рода ручныя работы, которыя развиваютъ ловкость рукъ и даютъ возможность упражнять лѣвую руку, очень неблагоприятно оставляемую въ пренебреженіи; тотъ, кто въ состояніи выполнить какую-нибудь небольшую техническую ра-

Рис. 108. На веслахъ.

боту собственными руками, всегда окажется самостоятельнѣе всякаго другого, вынужденнаго всегда расчитывать на чужую помощь.

Бродить по лѣсу и по полю для изученія природы полезно въ то же время и какъ лучшее средство для восстановленія силъ юноши. Гимнастика, плаваніе, верховая ѣзда, велосипедная ѣзда и всѣ виды спорта, какъ, напр., бѣганіе на конькахъ и на лыжахъ, лаунъ-теннисъ, футболъ, борьба, гребля (см. рис. 106, 107, 108) — все это превосходныя средства противъ вредныхъ послѣдствій сидячаго образа жизни, ненабѣжнаго продолжительнаго пребыванія въ запертыхъ помѣщеніяхъ, въ классныхъ ли комнатахъ, въ мастерскихъ или конторахъ; они не только укрѣпляютъ и закаляютъ тѣло, дѣлаютъ его ловкимъ, гибкимъ и способнымъ къ сопротивленію вреднымъ вліяніямъ, но изоцряютъ

и чувства, требуют находчивости и присутствия духа, развивают отвагу и решительность — высокия добродѣтели юношескаго возраста. Отчасти они представляют, вдобавокъ, удобные случаи для веселаго, невиннаго и непринужденнаго общенія съ другимъ поломъ. Чего можно достигнуть съ помощью спорта, мы можемъ видѣть на двухъ снимкахъ съ натуры (рис. 109 и 110), изображающихъ (лицомъ и спиной) прекрасно сложенное тѣло молодого человѣка, доведшаго съ помощью упражненій свою мускулатуру до необыкновеннаго развитія. Кто хорошенько работаетъ физически, тотъ безъ труда забываетъ чувственно-половые раздраженія и потребности. Усиленная физическая работа всегда сопряжена съ извѣстнымъ переутомленіемъ, — и это также не вредно. Надо только остерегаться чрезмернаго напряженія, которымъ грѣшить часто одностороннее увлеченіе спортомъ: сердце страшно сильно работаетъ при спортѣ, и непомѣрно-усиленная работа, въ особенности болѣе или менѣе продолжительная, вызываетъ такія болѣзни сердца, отъ которыхъ часто и не отдѣлаться потомъ. Куреніе и употребленіе алкогольных напитковъ должны быть запрещены при занятіи спортомъ. Лицамъ съ слабымъ сердцемъ и слабыми легкими необходимо соблюдать съ самаго же начала величайшую осторожность при занятіи спортомъ, но умѣренныя физическія упражненія и имъ полезны. Односторонній и оттого умственно бѣдный спортсменъ представляетъ собой такое же несовершенное существо, какъ и боящійся воздуха, неподвижно-валяый и извѣженный домосѣдъ.

Рис. 109. Хорошо сложенный молодой человекъ съ развитою мускулатурою. Видъ сзади.

Крайне ошибочно думать, что физическія упражненія, — представляющія, правда, противовѣсъ умственному напряженію и въ этомъ смыслѣ служащія для возстановленія силъ, — являются противоположностью труду и, какъ таковая, составляютъ часть необходимаго каждому ежедневнаго отдыха. Нѣтъ, тѣлесная дѣятельность есть совершенно такой же трудъ и только трудъ, какъ и умственная дѣятельность, что доказывается

уже тѣмъ, какъ сильно нуждаются въ отдыхѣ люди, работающіе только физически. Очень тщательно произведенными опытами доказано, что мускульное напряженіе при гимнастикѣ не уничтожаетъ умственное утомленіе, а еще усиливаетъ его.

Самую совершенную форму отдыха и оттого дѣйствительное восстановление силъ послѣ всякаго труда представляетъ собой сонъ. Продолжительность ночного сна должна составлять въ юношескомъ возрастѣ по крайней мѣрѣ восемь — девять ча-

Рис. 110. Хорошо сложенный молодой человекъ съ развитой мускулатурой. Видъ спереди.

совъ, — еще лучше, если часомъ или двумя больше; въ отношеніи сна не можетъ быть рѣчи о слишкомъ большой продолжительности; кто много спитъ, тотъ въ часы бодрствованія вдвое бодрѣе и работоспособнѣе другого невыспавшагося. Ложиться слѣдуетъ рано, чтобы ранний утроемъ начинать дневной трудъ. Въ теченіе дня необходимо дѣлать перерывы въ работѣ, во время которыхъ надо поѣсть и хорошенько полѣниться — понаблюдать, полежать, побродить. Бессонница въ юношескомъ возрастѣ — явленіе безусловно болѣзненное.

Особенности юношескаго возраста принимаются во вниманіе законами и конституціями всѣхъ народовъ и странъ; съ возрастомъ возрастаютъ права и обязанности. Совершеннолѣтіе въ смыслѣ способности къ судебному свидѣтельствуванію подлѣ присягой наступаетъ по германскимъ законамъ по минованіи 16 лѣтъ, по австрійскимъ — по минованіи 14 лѣтъ; воинская повинность приурочивается къ полнымъ 20 годамъ, въ Рос-

сиі — къ 21 году гражданское совершеннолѣтіе считается въ Германіи и Россіи по минованіи 21 года, въ Австріи — 24 лѣтъ.

Уголовное законодательство караетъ иначе, чѣмъ совершеннолѣтнихъ, малолѣтнихъ преступниковъ, т. е. за преступленія, совершенныя въ возрастѣ между 12 и 18 годами. Ихъ оправдываютъ, если они при совершеніи наказуемаго дѣянія не имѣли надлежащаго сознанія его наказуемости, но все же затѣмъ сдаютъ ихъ родителямъ или помѣщаютъ въ воспитательныя и исправительныя заведенія.

Юноша-преступникъ не карается также ни смертною казнью, ни каторжными работами, и высшая мѣра наказанія лишеніемъ

свободы не можетъ превышать также половинной мѣры наказанія взрослога. Съ психіатрической точки зрѣнія слѣдуетъ добиваться и требовать, чтобы при всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ въ юношескомъ возрастѣ, было обязательно медицинское освидѣтельствоваіе умственныхъ способностей и чтобы во всѣхъ случаяхъ прибѣгали вмѣсто наказанія къ воспитанію — или же, при наличности несправимости, къ продолжительному заключенію.

Наступленіе возмужалости и сопричисленіе юноши къ кругу взрослыхъ обставляется у многихъ дикихъ народовъ большой торжественностью и разнообразными церемоніями. У нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ также встрѣчаются особые обычаи, которыми сопровождается вступленіе возмужалаго юноши въ ряды гражданъ.

Юношескій возрастъ опредѣляетъ собою дальнѣйшее развитіе; каждое основное свойство мужчины можно прослѣдить до момента его возникновенія въ юношескіе годы; правда, кой-какія черты можно прослѣдить до еще болѣе ранняго ихъ зарожденія, до ранняго дѣтства и еще дальше — до нахожденія ихъ у родителей и предковъ.

Въ второй части своей „Wahrheit und Dichtung“ Гете (лучшее изображеніе молодого Гете представляетъ собой его статуя во весь ростъ на страссбургскомъ памятникѣ — см. рис. 111) рисуетъ широкую картину своей богатой внѣшней жизнью и внутренними переживаніями юности и указываетъ тѣ пути, которые ведутъ юношу къ дѣятельному зрѣлому возрасту и къ мудрой старости. Онъ приходитъ къ тому заключенію, которое формулируетъ въ своемъ эпитафѣ: „Къ чему стремишься въ юности, то осуществляется въ старости“. Но осуществившееся стремленіе не удовлетворяетъ, душа тоскуетъ и рвется назадъ къ годамъ стремленій, къ прекрасной юности.

По фотогр. О. Кемпца въ Берлинѣ.
Рис. 111. Гете въ молодости.
Съ страссбургскаго памятника.

Рис. 112. Ночь полуночи. По картинѣ Ирмингера.

Глава седьмая.

Мужчина въ супружеской жизни.

(Д-ра философіи Іозефа Мюллера.)

оловая жизнь — поразительнѣйшее созданіе природы. Съ тѣхъ поръ какъ процессъ размноженія развился изъ дѣленія и почкованія до полового соединенія, открылся безконечный просторъ новымъ возможностямъ. Сохраненіе рода стало съ этихъ поръ не слѣпымъ дѣломъ бессознательно дѣйствующей природы, а перешло въ сферу душевной жизни, обсужденія, выбора.

Два самостоятельныхъ индивидуума должны соединиться для цѣли размноженія; для этого важнаго акта природѣ надо было вселить въ нихъ могучіе инстинкты, уготовить приманки, которыя обуславливали бы волю обѣихъ сторонъ; многочисленность индивидуумовъ обоюго пола представляетъ также просторъ подбору, выбору, а съ помощью этого и совершенствованію — собственному и въ интересахъ рода. Средствомъ, которымъ для этого пользуется природа, является половой инстинктъ — влече-

ченіе, которое возвышается у человѣка и даже у высшихъ животныхъ до чувства личной любви.

Природа устроила такъ, что для мужчины являются необычайно привлекательными специально женскія свойства: физическая слабость и хрупкость, непринужденная грація, наивность, сохраняющаяся даже при образованіи, своеобразный характеръ возрѣвній, мышленія и чувствованія, — точно такъ же, какъ и женщина видитъ свой идеаль въ мужественной смѣлости поступковъ, въ увѣренномъ превосходствѣ и въ сильной волѣ мужчины, которому она добровольно отдаетъ свою жизнь и находитъ въ этомъ свое высшее счастье. Однимъ этимъ уже предопредѣляется то, что отношенія не могутъ исчерпываться однимъ половымъ наслажденіемъ, въ которомъ каждый находитъ полноту удовлетворенія, а должны привести къ жизни исключительно другъ съ другомъ и другъ для друга, сторонясь въ сферѣ своей половой связи отъ всѣхъ постороннихъ, находя свое единственное удовлетвореніе въ общности всѣхъ интересовъ и отношеній жизни. Семью составляетъ не физическая связь, служащая фундаментомъ, и не личная душевная связь, которая можетъ быть очень интимной и въ дружескихъ отношеніяхъ, а только принципъ общаго дома, семейственнаго уклада.

Два индивидуума разнаго пола обособляются отъ остальнаго человѣчества, порываютъ самыя тѣсныя узы, связывавшія ихъ до тѣхъ поръ, чтобы основать вмѣстѣ тѣснѣйшимъ образомъ общую жизнь безъ мысли о разединеніи когда-либо. Этотъ союзъ, укрѣпленный и освященный государственной и религиозной санкціей, составляетъ основу общественнаго и національнаго единенія и очагъ воспитанія будущихъ гражданъ. Такимъ образомъ, единобрачіе является идеаломъ соціального сообщества, но непремѣннымъ условіемъ прочнаго счастья жизни служатъ глубокія взаимныя уваженіе и любовь, дающія силы противостоятъ житейскимъ бурямъ, и моральный эгоизмъ, добровольно приспособляющійся къ своеобразнымъ особенностямъ другого существа и радостно несущій общее бремя. Такой союзъ означаетъ готовность и способность все дѣлить съ однимъ человѣкомъ, жить съ нимъ бокъ-о-бокъ день и ночь, брать во всей полнотѣ его физическую и духовную сущность и въ свою очередь отдавать ему взаменъ всего себя. Въ этомъ постоянномъ интимномъ общеніи, въ этомъ тѣсномъ сліяніи лежитъ такая смѣсь зависимости и самостоятельности, насилія и нѣжности, пассивнаго приниманія дара и активнаго даванія, которая полна неисчерпаемаго очарованія для чувства, когда любовь освѣщаетъ это своимъ лучезарнымъ свѣтомъ, но которая становится нестерпимымъ бременемъ, если партнеръ не умѣетъ оставаться неисчерпаемо новымъ, если онъ не обладаетъ неоскудѣвающимъ запасомъ внутри своей возвышенной индивидуальности, а прелстаетъ во всемъ своемъ убожествѣ, едва отлетитъ обаяніе молодости, со всѣми своими недостатками, незамѣченными прежде въ чаду любви.

Итакъ, первымъ условіемъ въ бракѣ долженъ быть слѣдовательно тщательный и благоразумный выборъ супруга. Вѣдь женитьба, основаніе собственнаго дома является самымъ серьезнымъ и важнымъ, самымъ чреватымъ послѣдствіями ша-

гомъ въ жизни. Какое бы видное мѣсто ни занималъ мужчина въ наукѣ, искусствѣ или политикѣ, — личная жизнь получить завершенье только тогда, когда ей дана будетъ соответственная, отвѣчающая велѣнью природы законченность. Великій философъ Гегель писалъ послѣ своей женитьбы: „Земная цѣль моя достигнута; вѣдь положеніе и любимая жена — вотъ исполненное дѣло жизни. Это главныя основныя статьи того, къ чему стремится индивидуумъ лично для себя; все остальное — даже не отдѣльныя главы, а параграфы и примѣчанія“.

Холостякъ вѣчно чувствуетъ пустоту, которой не въ силахъ заполнить для него ничто, никакой общественной интересъ, никакая художественная дѣятельность; по крайней мѣрѣ, въ отношеніи нормальнаго человѣка это несомнѣнно. Философы съ такимъ огромнымъ богатствомъ внутренняго содержанія, каковы Кантъ и Лейбницъ, гени вродѣ Бетховена и Грильбарпера, святые вродѣ Будды и Христа — могутъ и даже должны отрѣшиться отъ женской любви и блаженства, которое она даритъ, если этого требуетъ ихъ миссія, потому что половая любовь сопряжена съ отчужденіемъ и лишеніемъ личной сущности, съ приниженіемъ ея до чувственности, означающей ущербъ для того высшаго духа, который призванъ царить надъ всей вселенной, надъ всѣмъ человѣчествомъ въ его цѣломъ.

Но человѣку среднему, не исключительному, очень трудно переносить одиночество и унылую пустоту холостой жизни; нѣсколько легче это тому, кто посвящаетъ свою жизнь воспитанію и образованію юншества, — въ этомъ общеніи съ молодежью его потребность любви можетъ найти удовлетвореніе, а безъ этого холостякъ представляетъ собой крайне жалкую фигуру. Внутреннія сокровища души, открывающіяся только другому полу, только отъ прикосновенія волшебнаго жезла любви, остаются зарытыми, и душа легко замыкается отъ жизни, подпадаетъ ипохондріи.

Итакъ, выборъ подходящаго спутника жизни составляетъ безспорно важнѣйшій жизненный актъ, отъ котораго зависитъ все счастье человѣка. Чему же удивляться, что въ наше время такое множество несчастныхъ браковъ и что такъ быстро возрастаетъ число разводовъ, когда къ этому существеннѣйшему вопросу жизни начали относиться такъ поверхностно и легкомысленно, ставя его рѣшеніе въ зависимость отъ внѣшнихъ соображеній — денежныхъ, сословныхъ и т. п., прибѣгая даже къ газетному посредничеству. „по недостатку женскихъ знакомствъ“. Тому, у кого не хватаетъ досуга подыскать и выбрать себѣ жену, совсѣмъ не слѣдовало бы жепиться, — справедливо замѣчаетъ Риль. Предоставить подобное дѣло случаю, — это значитъ ставить на карту все счастье жизни.

Правда, исполнѣ надежныхъ гарантій счастливаго брака не даетъ и любовь; въ упоеніи страсти остаются часто незамѣченными многія черты характера, которыя должны были бы послужить предостереженіемъ, и маленькіе капризы, которые калутся плѣнительными на зеленой вѣткѣ жениховской пары, начинаютъ зиять — какъ говоритъ Жанъ Поль — „зловѣщими дуплистыми сучками на сухомъ деревѣ супружескаго ярма“. Но нельзя также совсѣмъ не придавать значенія вопросамъ принадлеж-

ности къ тому или другому общественному кругу и матеріальной основѣ семейной жизни. Всего важнѣе въ будущей супругѣ мягкость и веселость характера, подкупающая пріятливость, способная прогнать всѣ заботы, легкой юморъ, побѣждающій всѣ невзгоды. Жена, обладающая этими свойствами, остается неизсякаемымъ источникомъ утѣшенія при всякихъ переживаніяхъ въ жизни, тогда какъ слезливое существо отравляетъ и самые свѣтлые часы. Слѣдуетъ тщательно изучить также, какова невѣста въ моменты страданія или гнѣва, какова въ обращеніи съ прислугой, въ отношеніяхъ враждебности или соперничества. Иначе придется поплатиться долгимъ раскаяніемъ за краткую мечту.

Въ самой же супружеской жизни надо держаться осторожно и деликатно, избѣгать столкновеній, но при всемъ благоразуміи и при всемъ терпѣніи сохранять твердость. Разъ бракъ соединилъ для совмѣстной жизни, надо стараться все видѣть въ лучшемъ свѣтѣ, все истолковывать въ лучшую сторону, надо умѣть невозможно лучше мириться съ неизбѣжными слабостями и недостатками, отъ которыхъ ни одинъ человѣкъ не свободенъ. Бракъ — не увеселительное учрежденіе, а школа жизни, пробный камень характера; онъ требуетъ самовоспитанія, самообузданія, обуздыванія своего темперамента, приспособленія къ чужимъ взглядамъ и вкусамъ; онъ требуетъ самоотверженія и самоотреченія, терпимости и преданности, тысячи уступокъ, вниманія и снисходительности, поддерживающихъ волю въ вѣчномъ напряженіи. Холостякъ совершенно не замѣчаетъ своихъ недостатковъ, такъ какъ онъ можетъ выбирать кругъ своего знакомства свободно по своему вкусу и можетъ во всякое время прервать какія-нибудь отношенія, едва — по непостоянству своему — началъ ими тяготиться; мужъ же долженъ обладать постоянствомъ и устойчивостью и отшлифовать острые углы своего характера, если не хочетъ отравить свою семейную жизнь, — а бракъ не такъ легко перемѣнить, какъ общество или знакомство. Постоянство и вѣрность, эти важные оселки характера, составляютъ первую основу образцовыхъ супружествъ, и тотъ, кто ихъ блюдетъ, оказывается обыкновенно и самымъ вѣрнымъ гражданиномъ своей страны, самымъ надежнымъ членомъ общества.

Не надо думать, что одна любовь способна научить такому самоотреченію и сдѣлать его легкимъ дѣломъ. Мы видѣли множество браковъ по самой пылкой любви, распалющихся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, случается — даже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; одна страсть безъ прочной спайки твердаго характера, сознающаго всю свою отвѣтственность, не даетъ надежныхъ гарантій. Восторженное увлеченіе не выдерживаетъ однообразнаго рода рабочихъ будней, не въ силахъ устоять передъ бурями ненастья и невзгодъ жизни; сохранить и при этомъ неослабное постоянство и преданную привязанность — для этого нужны болѣе высокіе источники энтузіазма, чѣмъ тѣ, какіе можетъ дать физическая природа: для этого нужна та любовь, которая неспособна къ дурнымъ помысламъ, которая не озлобляется, все несетъ, ко всему снисходитъ, всему вѣритъ. Это та любовь, которая занята не собой, которая видитъ свою цѣль не въ личномъ наслажденіи, а въ томъ, чтобы дать счастье другому. Она не осте-

регается капризовъ и отстаиванія собственной правоты въ спорахъ, она старается сохранять всегда привѣтливый видъ, хотя бы на душѣ было неадостно; она умѣетъ также считаться съ чувствами другого и не усиливать собственными жалобами и протестами дурное настроеніе другого, къ которому часто полагаютъ поводъ отношенія съ людьми и служебныя или дѣловыя неприятели.

Мудрый совѣтъ далъ великій психологъ Германъ Лотце своему сыну передъ его женитьбой: „Будь кротокъ и ласковъ съ своею невѣстой и помни, что ни одно злое слово не забывается, но и доброе остается памятнымъ. Питайте довѣріе другъ къ другу и не упускайте изъ виду, что всякій имѣетъ право быть время отъ времени не въ духѣ, самъ не зная причины, и что въ такихъ случаяхъ необходимо быть терпѣливымъ другъ къ другу“. Очень важенъ также другой пунктъ, который затрагиваетъ Георгъ Зиммель въ своей „Psychologie der Discretion“. Берлинскій философъ предостерегаетъ противъ не деликатнаго вторженія въ сферу „душевной частной собственности“, чего долженъ остерегаться всякій. Мы видимъ теперь въ бракѣ, говоритъ онъ, общность всѣхъ условий и отношеній жизни; въ этомъ кроется большая опасность, — опасность утратить другъ передъ другомъ и послѣдніе резервы душевныхъ силъ, и результатомъ этого является, вмѣсто страстно желаннаго слиянія другъ съ другомъ, напротивъ, взаимное разочарованіе. „Наступаетъ день, когда супруги оказываются другъ передъ другомъ съ пустыми руками; донисовскіе восторги смѣняются душевнымъ оскуднѣніемъ, омрачающимъ даже испытанное ранѣе счастье. Слишкомъ полное знаніе другъ друга до мелочей, если оно дало даже одно хорошее, губить очарованіе фантазіи, обаяніе неизвѣстнаго, психическихъ неожиданностей. Этого трагическаго положенія избѣгаютъ только тѣ, которые не умѣли открыться до конца, оттого что въ душѣ непрерывно растетъ неисчерпаемое богатство, исключющее возможность оскуднѣнія, оттого что за послѣднимъ ихъ откровеніемъ всегда оказывается новое откровеніе, самое послѣднее, неожиданное и чарующее. Такія натуры умѣютъ также владѣть собой, чего другіе, менѣе богато одаренные люди, вынуждены добиваться путемъ самовоспитанія; онѣ обладаютъ тѣмъ, что необходимо умѣть сохранить и въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ: неприкосновенной частной собственностью, тайной, которая никогда не открывается до конца, утонченнѣйшей стыдливостью, возможностью бесконечно дарить“.

Къ этой деликатности и скромности относится также тайна писемъ. Взаимное шпіонство, которое практикуется большою частью между супругами въ перепискѣ, которое разсматривается даже какъ право и обязанность, сводится въ сущности къ простому недостатку довѣрія и представляетъ собой кромѣ того нарушеніе чужихъ правъ. Въ настоящее время, когда даже въ интернатахъ при учебныхъ заведеніяхъ разумно перестаютъ контролировать переписку между воспитанниками и родителями, — слѣдовало бы положить конецъ супружескому сыску.

Для мужчины бракъ не такъ исключительно заполняетъ все содержаніе жизни, какъ для женщины. Эту разницу чрезвычайно мѣтко исчерпываетъ выраженіе Жанъ Поля: „Женщина

любить всегда, у мужчины есть дѣла и интересы въ промежуточное время“. Жизнь женщины может наполнить семейная сфера, обязанности жены, матери, хозяйки дома; есть еще что-нибудь, — художественные, научные, общественные интересы, — спасибо за эту прибавку; но это прибавка, выходящая за предѣлы естественной сферы женственности. Что это такъ, это доказываетъ уже тотъ фактъ, удивительный опытомъ, что эти виды дѣятельности въ большинствѣ случаевъ тотчасъ забрасываются, какъ только семейныя заботы захватятъ собой учительницу или художницу, между тѣмъ какъ ни одинъ настоящій мужчина не оставитъ свою специальность ради жены и не удовольствуется одной семейной жизнью. Этимъ я отнюдь не имѣю въ виду возстать противъ доступа безсемейныхъ женщинъ къ подходящимъ сферамъ дѣятельности, что сдѣлалось въ наше время прямой необходимостью по социальнымъ причинамъ.

Что бракъ представляетъ собой для женщины нѣчто совершенно иное, чѣмъ для мужчины, — это съ несомнѣнностью доказываютъ гораздо болѣе высокія требованія, которыя онъ предъявляетъ къ женщинѣ. Тяготы беременности, муки родовъ, кормленіе грудью и уходъ за дѣтми, выпадающій почти исключительно на долю матери, представляютъ по сравненію съ мужской долей участія въ дѣторожденіи непропорціонально тяжкое бремя, взваливаемое природой на женскую долю, въ которомъ представленіе древнихъ народовъ усматривало проклятіе и единственное объясненіе ему находило въ извѣстной грѣховности женщины. Долгъ мужчины — относиться въ эти періоды къ женщинѣ заботливо и бережно и тщательно изучать женскую душу, организованную во многихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ его душа.

Риббингъ рекомендуетъ (въ своемъ сочиненіи „Sexuelle Hygiene und ihre ethischen Konsequenzen“) мужчинѣ чуткую и деликатную осторожность въ отношеніи женщины съ первыхъ же моментовъ брака. Онъ говоритъ, что первое же супружеское сближеніе является для женщины болѣзненной операціей, которая можетъ привести даже къ припадкамъ судорогъ. Кромѣ того, вся перемѣна жизни глубоко охватываетъ собой всю душу женщины. Мужъ долженъ дать женѣ время и возможность освоиться съ этимъ, слить эту новую жизнь въ одно цѣлое со всякими своими нравственными и религіозными взглядами. Бываютъ случаи, когда нетерпѣливые мужья своимъ невѣдѣніемъ и грубостью въ теченіе мѣсяца губятъ всю свою супружескую жизнь.

Съ свойственной ему тонкостью психологическаго анализа указываетъ и Ницше (въ „Fröhliche Wissenschaft“) на рѣзкую перемѣну, испытываемую дѣвушками при внезапной передачѣ ихъ съ рукъ на руки мужьямъ. Онъ говоритъ: „Есть что-то изумительное, чудовищное въ воспитаніи женщинъ, — быть можетъ, нѣтъ ничего парадоксальнѣе. Всѣ единодушно сходятся на томъ, что ихъ слѣдуетъ воспитывать въ возможно большемъ невѣдѣніи in eroticismis и вселить имъ въ душу глубокой стыдъ передъ всѣмъ подобнымъ, стремленіе обратиться въ бѣгство при одномъ намекѣ на эти вещи. Къ этому одному, въ сущности, сводится и вся женская „честь“; чего только имъ не прощаютъ помимо этого... И вдругъ очутиться, какъ силой громового удара, втолкнутой въ дѣйствительность,

въ откровеніе знанія въ бракѣ — и именно рукой того, кого ей надо было бы любить больше всего, ставить выше всего! Натолкнутся на противорѣчіе между любовью и стыдливостью, быть вынужденной испытать восторгъ, жертву, долгъ, состраданіе, испугъ, неожиданное совмѣщеніе Бога и звѣря и многое, многое еще — въ немъ одномъ и сразу! Вотъ запутанный узелъ, подобнаго которому не найти. Даже сострадательнаго любопытства мудрѣйшаго сердцевида не хватитъ, чтобъ отгадать, какъ справляется та или другая женщина съ рѣшеніемъ этой загадки и съ загадочностью этого рѣшенія, какое ужасное подозрѣніе должно при этомъ зародиться въ бѣдной выбитой изъ колен души, какъ бросить якорь на этомъ пунктѣ конечная философія и скептицизмъ женщины! На самомъ днѣ души глубокое молчаніе передъ самой собою, закрываніе глазъ на себя самое. Молодыя женщины старательно заботятся о томъ, чтобы казаться поверхностными и ни о чемъ не думающими, самыя хитрыя изъ нихъ лицемерно разыгрываютъ извѣстное безстыдство. Мужчины часто представляются женщинамъ вприсительнымъ знакомъ, поставленнымъ надъ ихъ честью, а дѣти — искушеніемъ и карой. Потребность ихъ въ дѣтяхъ и желаніе имѣть ихъ — совершенно иного рода, чѣмъ желаніе мужчинъ. Словомъ, въ отношеніи къ женщинѣ мало самой безпредѣльной кротости“.

Послѣднее въ особенности необходимо усвоить мужу, чтобы не слишкомъ насильственно обойтись съ привитой воспитаніемъ стыдливостью, излѣчимой во многихъ отношеніяхъ. „Крейцерова соната“ Толстого рисуетъ въ очень крайнихъ, правда, проявленіяхъ послѣдствія неумѣреннаго и эгоистичнаго обращенія. Эллисъ (въ своемъ сочиненіи „Das Geschlechtsgefühl“) обращаетъ вниманіе на различіе мужского и женскаго эротическаго чувства и внушаетъ мужчинѣ необходимость изучать женскую душу и бережно считаться съ ней. Особенно необходимо бережное отношеніе къ женщинѣ во время беременности и порядочное время послѣ родовъ — во избѣжаніе могущихъ возникнуть нервныхъ расстройствъ и женскихъ болѣзней.

Эта забота, предписываемая природой и нравственностью, властно требуетъ отъ мужчины воздержности. Истинная любовь умѣетъ безъ труда подчиняться этому требованію и распространить ту пѣжлость, которую проявляетъ во всемъ, и на половыя отношенія. Она умѣетъ не тяготиться воздержностью и въ періоды болѣзни жены не скорбѣтъ объ утратѣ блаженныхъ чувствъ первой поры. Прекрасно говоритъ объ этомъ Эмерсонъ: „Когда увядаетъ цвѣтущая юность, тогда мы постигаемъ, что она была только лѣсами истинной долговѣчной любви, имѣвшей болѣе высокой фундаментъ“. Адальбертъ Штифтеръ чудесно воспѣлъ „позднее лѣто“ любви въ романѣ, посвященъ это заглавіе. „Существуетъ супружеская любовь, — говоритъ онъ въ этомъ романѣ, — являющаяся послѣ пламенной и бурной любви, влекущей мужчину къ женщинѣ, въ видѣ тихой, глубоко искренней дружбы, которая возвышается надъ всякимъ страданіемъ и всякимъ осужденіемъ и представляетъ собой, быть можетъ, самую высокую чистоту отношеній, къ какимъ только способны люди“.

То, что есть въ человѣкѣ чистаго и долговѣчнаго, не трется и не потускнѣетъ никогда, какъ брилліантъ. На чету стариковъ, вродѣ Филемона и Бавкиды (рис. 113), такое же наслажденіе смотрѣть, какъ на молодую чету въ первую пору счастья, и насъ не удивляетъ, что ихъ единственное желаніе — вмѣстѣ умереть по волѣ боговъ. Всѣ эпохи и всѣ народы имѣютъ свои идеальныя образы подобной супружеской любви. Назовемъ только нѣкоторые изъ нихъ: Наль и Дамаянти, Гекторъ

По фотогр. изд. Фр. Гамфилега изъ Мюнхенъ.

Рис. 113. Юпитеръ и Меркурій у Филемона и Бавкиды.

По картинѣ П. Рубенса.

и Андромаха (рис. 115), Одиссей и Пенелопа, Адметъ и Алькестида, Пегъ и Арріа; всѣ они свидѣтельствуютъ о героизмѣ супружеской вѣрности и въ эпоху язычества.

Вотъ что еще заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія: обязанность, которая лежитъ на мужѣ, но которую онъ часто упускаетъ изъ виду: воспитаніе женщины, съ которымъ рука объ руку идетъ воспитаніе женщиной. Женщины остаются дѣтьми всю свою жизнь, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что нуждаются всю жизнь въ руководствѣ. Мужъ является для нея наставникомъ высшей школы; онъ принимаетъ взрослую ученицу изъ рукъ родителей и воспитательницъ, чтобы приготовить ее къ великой школѣ жизни. Какая это высокая задача!

Мужчина большей частью ищетъ въ бракѣ отдыха и покоя; онъ хочетъ имѣть дома свой уютъ, — вѣдь весь день такъ полонъ хлопотъ и неприятностей по службѣ или по профессіи! И если дома жена его встрѣчаетъ домашними заботами и неприятностями, причиняемыми воспитаніемъ дѣтей или прислугой, его это тяготитъ. Я не говорю, что мужчина долженъ самъ руководить всѣми дѣлами, но онъ долженъ руководить женой, направить ее такъ, чтобы она это сумѣла сдѣлать; изъ первѣшительнаго ребенка, никогда не хозяйничавшаго самостоятельно, скромно жившаго до тѣхъ поръ подъ непрерывнымъ контролемъ и указаніями, онъ долженъ сдѣлать хозяйку дома, спутницей зрѣлаго, серьезнаго человѣка. А гдѣ же существуетъ воспитаніе, приготовляющее къ браку? Возможно только воспитаніе въ бракѣ, и мужъ долженъ взять его на себя.

Представимъ себѣ положеніе молодой дѣвушки предъ мужествомъ. Въ короткій цвѣтущій періодъ дѣвчества молодая душа утопаетъ въ водоворотѣ грезъ, вращающихся вокругъ одного единственнаго пункта. У вышедшей изъ школы дѣвушки гораздо больше досуга для размышленій и мечтаній, чѣмъ у юноши, поглощеннаго трудами дальнѣйшаго образованія. Обычныя женскія занятія также оставляютъ гораздо большій просторъ фантазіи. Все, что она слышитъ и читаетъ, развиваетъ въ ней ожиданіе того великаго счастья, которое подкрадется къ молодой женщинѣ, какъ тать въ ночи, — и она ждетъ его съ горящими глазами и затаеннымъ дыханіемъ. Формирующаяся женщина страстно томится, ожидая его (превосходно передаетъ это настроеніе рис. 115), но въ то же время и боится его: вѣдь онъ раскроетъ передъ ней великое таинство. Горе мужу, если онъ не сумѣлъ сдержать того, что обѣщаль женихъ, — если ожиданіе перешло въ разочарованіе!

Мужчинѣ слѣдуетъ помнить, что если для него любовь и бракъ не единственное дѣло жизни, то все же и не препровожденіе времени, а серьезное дѣло, требующее много благоразумія, силы характера, сердечной доброты. Мужъ долженъ быть руководителемъ, опорой жены, — такъ хочетъ природа, такъ устроено нашими гражданскими социальными установленіями. Женщина никогда не можетъ сдѣлаться мужчиной, какъ и мужчина женщиной. Природой и человѣческими обычаями установлено, что каждому изъ нихъ отведенъ свой особый кругъ дѣйствій, но руководить всѣмъ можетъ только одна рука. „Да будетъ онъ твоимъ господиномъ“ — это не устарѣетъ никогда, и полное равноправіе женщины, о которомъ мечтаютъ фанатики идеи эмансипаціи, такъ же неосуществимо, какъ и многія другія утопіи, волнующія людей цѣлыя тысячелѣтія. Да и женщинѣ была бы оказана плохая услуга, такъ какъ она можетъ быть счастлива только отдаваясь, только самоотверженной преданностью.

Люди, стремящіеся освободить и осчастливить женщину, начиная отъ Стюарта Милля, всѣ сосредоточиваютъ свое вниманіе только на внѣшнемъ, правовомъ положеніи женщины, они даруютъ женщинѣ всевозможныя вольности, за исключеніемъ одной: свободы и права быть женщиной. А для этого мужу

Рис. 114. Прощаніе Гектора съ Андромахой.
По гравюру Фр. Преллера Мн.

необходимо быть настоящимъ, совершеннымъ мужчиной; онъ долженъ умѣть импонировать женѣ, долженъ стоять на высотѣ предстоящей ему задачи; онъ долженъ быть тѣмъ устойчивымъ стволемъ, вокругъ котораго обовьется тоненькая лоза-женщина. Что вся слава внѣ дома, что успѣхи и удачи въ кабинетѣ, на кафедрѣ и на трибунѣ — для мужчины, который не умѣетъ создать себѣ почетнаго положенія въ собственномъ домѣ, если онъ, какъ человѣкъ, быть можетъ, такая же незначительная величина, насколько крупная въ своей спеціальности? Дома, въ

Рис. 115. Ожиданіе. По картинѣ А. Шрамма.

постоянномъ общеніи, подѣ проникающимъ взглядомъ жены, сказывается истинная душевная сущность, — тутъ невозможно вѣчно драпироваться въ тогу и носить официальную маску; — часто тутъ герой, которому изумляются въ обществѣ, оказывается человекомъ слабымъ, даже презрѣннымъ. Глубокая истина — если и не всегда, то очень часто — кроется въ извѣстной поговоркѣ: нѣтъ великаго человека для его лакея. Но еще бесспорнѣе это, представимъ мы, въ отношеніи его жены, потому что женскій

глазъ еще провицательнѣе и жена, благодаря интимной близости съ мужемъ, недоступной для лакея, можетъ разглядѣть затаенныя глубины его души.

Женщина нуждается для своего совершенства въ мужчинѣ больше, чѣмъ мужчина въ женщинѣ. Она не можетъ безъ вреда для себя прожить жизнь одна. Геррарсъ писалъ своей невѣстѣ: „Природа отказала вамъ въ непосредственномъ достиженіи того, что она сдѣлала для мужчины цѣлью его стремленій; но она дала это вамъ черезъ посредство мужчины; въ немъ вы владѣете всѣмъ, что выпало свершить на долю его организаци. Какъ нераздѣльная составная часть его существа, вы обладаете всѣми сокровищами, которыми владѣетъ онъ, и природа для вашего же блага избавила васъ отъ усилийъ приобретать все самимъ. Она наложила на васъ физическія тяготы, отъ которыхъ избавила насъ, но зато взвалила на насъ другія тяготы и этимъ уравновѣсила бремя больше, чѣмъ полной мѣрой“.

Какъ же слѣдуетъ мужу воспитывать свою жену?

Прежде всего онъ долженъ сумѣть завоевать подобающее воспитателю уваженіе, необходимый авторитетъ. Первое и важнѣйшее правило для этого даетъ Жанъ Поль въ § 77 своего классическаго труда: „Пусть только мужъ остается любовникомъ своей жены, — тогда она подчинится его воспитанію, но крайней мѣрѣ нравственному. Какъ слушаетъ благородная дѣвушка, особенно невѣста, поученія юноши!“ Сама природа,

какъ прекрасно доказываютъ Гердеръ и Жанъ Поль, одарила женское сердце уваженіемъ къ мужчинѣ. Чего не достигнетъ мужчина, если къ уваженію прибавится еще любовь, когда всѣ грезы дѣвичьяго сердца воплотятся въ немъ, и въ немъ откроется и расцвѣтетъ для нея новый міръ?

Если мужъ утратилъ власть любви, то никакія поученія ни къ чему не приведутъ, потому что доводы не имѣютъ надъ женщиной силы, — въ поступкахъ и мысляхъ она повинуется чувству.

Мужъ долженъ оставаться всю жизнь любовникомъ своей жены, не требуя ея благосклонности, а испрашивая ее; онъ долженъ быть умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, никогда не выставляя себя повелителемъ, властелиномъ. Нѣтъ ничего презрѣннѣе тѣхъ грубыхъ переходовъ отъ тона сентиментальнаго любовника къ тону домашняго тирана, которые встрѣчаются такъ часто. Чисто женская черта — требовать кротости и деликатности во всемъ, даже тамъ, гдѣ мужъ предъявляетъ справедливыя требованія; женщина привыкла къ галантному обращенію и охотно оказываетъ повиновеніе, если у мужчины хватитъ деликатности облечь свое право въ форму просьбы, дать ей возможность дарить свою благосклонность. Въ жизни вообще многое зависитъ отъ формы, отъ такта, — особенно же въ отношеніяхъ къ женщинѣ. Даже неизбежное замѣчаніе, всякій выговоръ слѣдуетъ облекать въ осторожную форму, даже въ шутливую. Въ собственной сферѣ женщины — въ домашнемъ хозяйствѣ, въ управленіи прислугой — женѣ слѣдуетъ предоставить свободу;

Рис. 116. „Чутьку выше!“ По картонѣ Т. Функа.

По фотогр. Арт. Маркса во Франкф.-на-Майнѣ.

Рис. 117. Клара Шуманъ.

сказать въ случаѣ надобности свое рѣшительное слово всегда успѣется. Жанъ Поль такъ говорить по самому щекотливому вопросу: „Мужу слѣдуетъ заглянуть развѣ въ горшокъ, чтобы знать, можетъ ли онъ впредь не дѣлать этого“.

Но самая главная задача воспитанія въ супружеской жизни — а воспитаніе это взаимно — составляетъ въ то же время и его существеннѣйшее высокое внутреннее счастье: взаимное образованіе и развитіе, обмѣнъ мыслей въ задушевной бесѣдѣ, самое широкое развитіе всѣхъ силъ, оплодотвореніе ума и души путемъ

сліянія съ другимъ поломъ. Матеріаль для этого неисчерпаемъ; онъ простирается на всѣ высоты и глубины жизни и міра, онъ обнимаетъ собой взаимное обученіе, совѣстные занятія искусствомъ, музыкой, живописью, поэзіей, совѣстное наслажденіе природой, общую любовь и дружбу къ окружающимъ, совѣстное общеніе съ своимъ кружкомъ и съ обществомъ. Предестная картинка „Чуточку выше“ (рис. 116) показываетъ намъ такой моментъ душевнаго единенія супруговъ въ занятія музыкой.

Совѣстное занятіе наукой и искусствомъ съ любящимъ существомъ даетъ необычайно высокое наслажденіе, еще усиливающееся тѣмъ облагораживающимъ вліяніемъ, которое оказываетъ при этомъ мужъ на жену, и той выгодой, которую онъ самъ почерпаетъ въ этомъ совѣстномъ трудѣ. Рис. 112 („Послѣ полуночи“) показываетъ намъ заработавшаго мужа, поднявшаго глаза къ своей женѣ, ища и почерпая въ ея глазахъ новыя силы для дальнѣйшей работы.

Разумѣется, мужъ долженъ осторожно выбирать предметы, съ которыми бы ознакомлялъ жену, не упуская изъ виду своеобразныя особенностей женской души. Ученый, посвящающій жену въ свои научные интересы, государственный дѣятель, посвящающій ее въ политическія интриги, поступаютъ такъ же неправильно, какъ и жена, которая вводитъ мужа во всѣ дрязги домашнихъ интересовъ и непріятностей съ прислугой. Но что и женщина не чужда высокихъ проявленій духа, — это доказываютъ своимъ примѣромъ такія женщины, какъ Корнелія, Сафо, Элизза, м-ме Севинье, Кауфманъ, Башкирцева; а что женщина можетъ быть драгоцѣнной помощницей гениальнаго мужчины, объ этомъ свидѣтельствуютъ яркіе образы вродѣ Христіны Рейске или Каролины Гердеръ.

**Собственный портрет П. П. Рубенса и
его первой жены Изабеллы Брандъ.**

Неисчислимо влияние женщины, как музы и вдохновительницы гения (ср. II часть настоящего тома). Поэт и художник нуждаются в божественном образѣ, являющемся конкретным идеалом для его фантазии; естественно, что этот идеал воплощается въ женских формахъ, такъ какъ одна возвышенная любовь способна зажечь всѣ лучшія мощныя силы гения. Чѣмъ была Беатриче для Данте, тѣмъ же была Лаура для Петрарки (рис. 119), Витторія Колонна для Анджелино Буонаротти, Клара Виккъ для Роберта Шумана (рис. 117 и 118). Матильда Везсидонъ для Рихарда Вагнера. Не будь прекрасныхъ живыхъ женскихъ образцовъ, мы не имѣли бы тѣхъ произведеній, которыя они пробудили въ умахъ художниковъ, „которыя божественной рукой влелѣяли и создали любовь и дружба“.

Стоитъ посѣтить виллу Ольджиасти, священныя мѣста, гдѣ жилъ Рафаэль со своей возлюбленной, — и мы увидимъ тамъ безчисленныя повторенія ея образа, переплетеннаго фигурами амуровъ; посмотримъ на картины Рубенса, и мы увидимъ образъ его жены (см. отд. табл.), претворенный то въ образъ Венеры, то въ образъ Мадонны.

Но и спустившись въ сферу жизни простыхъ, обыкновенныхъ людей, мы увидимъ, какъ прекрасно все возвышающее и облагораживающее сердце, когда его дѣлятъ между собою любящіе, какъ удваивается тогда радость и наслажденіе красотой. Почему люди такъ охотно посѣщаютъ литературныя и другіе вечера и собранія, гдѣ собираются оба пола? почему совершаютъ совмѣстныя экскурсіи и пр.? Потому что особенности взглядовъ и отношеній къ тому или иному вопросу другого пола имѣютъ для насъ своеобразную прелесть, дополняютъ намъ насъ самихъ, — потому что одна близость и соприкосновеніе между мужчиной и женщиной оказываетъ желательное дѣйствіе. И это дѣйствіе возрастаетъ выше всякой мѣры, когда въ такомъ занятіи сойдутся двое избранныхъ, между которыми исчезли всякія условныя преграды. Насколько возрастаетъ для насъ наслажденіе стихотвореніемъ, когда мы слышимъ его въ красивомъ чтеніи изъ любимыхъ устъ! Какое наслажденіе способна намъ доставить даже простая вышивка, произведеніе маленькаго таланта, если она сдѣлана любимыми руками! А какую неисчерпаемую прелесть

Изъ коллекціи портр. Фр. Галфитенгега.

Рис. 118. Робертъ Шуманъ.

По гравюрѣ Бендемаа.

Рис. 119. Петрарка и Лаура. По картине И. Флуря.

имѣютъ безконечныя бесѣды любящихъ, хотя бы интересныя только для нихъ однихъ.

Со стороны посмѣиваются надъ болтливостью влюбленныхъ: о чемъ это они никакъ не наговорятся? Они говорятъ о томъ, что они любятъ другъ друга, неустанно говорятъ это другъ другу, и никогда имъ не кажется скучной эта веселая тема. И даже когда они молчатъ, — полнонь краснорѣчія каждый ихъ взгляды, каждый жестъ. Трудно представить себѣ неисчерпаемую изобрѣтательность любви въ этомъ языкѣ сердца, въ этомъ богатствѣ оборотовъ, которыми они умѣютъ выразить единое властвующее чувство. Нѣтъ лѣтописца болѣе обстоятельнаго и

въ то же время болѣе занимательнаго, чѣмъ любовь; все она приурочиваетъ къ счастливому дню и мгновенію, къ счастливому мѣсту первой встрѣчи любящихъ. Хорошія и дурныя минуты ихъ любви, размолвки и примиренія ихъ — все это пѣлыя эпохи, революціи въ исторіи ихъ сердца, передъ которыми тускнѣютъ всѣ великія эпохи и революціи всемірной исторіи.

Если умный мужчина сумѣетъ углубить и облагородить бесѣду, возвысить ее до степени школы ума и сердца, — онъ всегда найдетъ въ любящей женѣ восторженную ученицу и помощницу. Любовь никогда не утомляетъ, всему придаетъ значительность, обостряетъ всѣ силы, развиваетъ всякій талантъ, усиливаетъ всякое наслажденіе. Только рядомъ съ любимымъ существомъ человекъ чувствуетъ вполне чарующую красоту природы. Какая-нибудь хижина съ бесѣдкой и самымъ незатѣйливымъ видомъ на деревню кажется прекраснѣе и роскошнѣе Лаго-Маджоре съ окрестностями. А какое счастье привести жену въ свое имѣніе и сказать ей: „Будь тутъ владычицей“...

Въ обществѣ выдающагося человѣка незамѣтно развиваются даже женщины низшихъ круговъ. Мужчинѣ слѣдуетъ однако остерегаться не пробудить въ женщинѣ подозрѣніе, что ея дѣтскій умъ способенъ воспринимать только смѣшное и забавное, интересоваться только слабостями и недостатками близкихъ своихъ. Слабый полъ также не лишенъ задатковъ пониманія всего благороднаго и прекраснаго, — ихъ только нужно сумѣть пробудить и развить, — и самый вѣрный путь къ женскому сердцу найдетъ тотъ, кто подойдетъ къ нему съ вѣрой, что найдетъ въ немъ хорошее, и употребитъ свои способности на развитіе его.

Другой пунктъ, требующій особенной осторожности со стороны мужа, это — религіозное чувство жены. Самый свободомыслящій мужчина не станетъ грубо разрушать, надо надѣяться, религіозное чувство женщины: онъ лишилъ бы ее этимъ какъ нравственной силы, такъ и эстетическаго аромата, — главнаго, что дѣлаетъ ее привлекательной.

Таковы главныя пути для воспитанія жены мужемъ и мужа женою; второстепенные же заключаются во взаимномъ сглаживаніи недостатковъ другъ друга. Мужъ долженъ изучать жену, чтобы исправлять ее, и долженъ знать, что ему слѣдуетъ исправить въ себѣ самомъ. Женщина никогда вполне не обнаруживаетъ своихъ мыслей, — всегда она кое-что затаиваетъ про себя. Она необычайно наблюдательна, по себя самое знаетъ очень мало. „Она сфинксъ, потому что она — загадка, неясная себѣ самой“, говоритъ Аміель въ своемъ дневникѣ и прибавляетъ: „Въ обращеніи съ ней надо быть добрымъ и не менѣе осторожнымъ, потому что она можетъ причинять безконечную боль, сама того не зная. Она способна и на самоотверженную преданность, и на всякое предательство; она — счастье или несчастье для мужчинъ“.

Мужчина долженъ стараться разгадать женщину; изъ ея поведенія онъ можетъ уяснить себѣ то, чего не скажутъ ему ея слова, и сообразно этому направить свою политику, поскольку это касается ея характера. Женскіе недостатки ясно обнаружатся передъ нимъ и тогда онъ можетъ взяться за нихъ, какъ осторожный воспитатель. Прежде всего онъ долженъ настаивать

вать на полной откровенности, которая представляет корень всякой добродѣтели; этого не легко будетъ добиться отъ женщины. Никакихъ тайнъ отъ мужа, полная откровенность во всемъ передъ нимъ и абсолютная скромность передъ посторонними! У женщинъ есть скверная черта — не деликатно выбалтывать передъ собесѣдами вещи, касающіяся дома и даже мужа, безъ всякаго дурного намѣренія, только изъ желанія отвести душу и удовлетворить своей потребности болтать.

По фотогр. изд. Фр. Гацфштегеля въ Мюнхенѣ.
Рис. 120. Иоганъ Вольфгангъ Гете.
По портрету работы I. Штилера.

Другая дурная черта — врожденная рѣзкость, быстрая вспыльчивость, быстрое чередованіе проявленій гнѣва и любви, — черта, особенно вредно отражающаяся на воспитаніи дѣтей.

Мужчина долженъ бороться съ этимъ спокойно и обдуманно. Во многихъ семьяхъ встрѣчается обыкновеніе матерей жаловаться отцу на дѣтей, а потомъ порицать наказываніе дѣтей. Часто также встрѣчается несобдуманная материнская любовь, которая забаловываетъ дѣтей и приноситъ имъ большой вредъ. И въ этихъ случаяхъ необходимо болѣе спокойное и разумное

вмѣшательство мужчины, который сумѣетъ удовлетворить не всякое желаніе ребенка и предоставить ему кричать въ случаѣ каприза.

Есть у женщины еще одна черта, на которую обрушиваются обыкновенно больше всего, но противъ которой я, какъ и Жанъ Поль, возстаю всего меньше: это — тщеславіе. Тщеславіе, въ сущности, всѣ люди, а если женщины грѣшатъ этимъ и сильнѣе, главнымъ образомъ въ отношеніи своихъ внѣшнихъ свойствъ красоты и нарядовъ, то это вѣдь вполне понятно и простиительно. Красота — самое существенное и могущественное приданое женщины, — все остальное только суррогатъ, — а для возвышенія и выставленія красоты необходимы наряды. Передъ мужчиной же открыты сотни другихъ путей къ побѣдѣ, и ему слѣдуетъ быть снисходительнымъ къ тому, что такъ простиительно.

Кто смотритъ на бракъ такъ, какъ смотримъ мы, — какъ на высшую школу расцвѣта личности, какъ на высшее счастье въ высшемъ самообузданіи и смиреніи, подобно изреченію Христа: „Кто унижитъ душу свою, тотъ спасетъ ее“, — тотъ сумѣетъ устоять противъ современныхъ теорій, подрывающихъ сущность брака, устои общественной жизни и опрокидывающихъ мораль. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ. Для поученія нѣкоторыхъ людей, надо было бы предварительно исправить ихъ, какъ говорилъ Платонъ. Это особенно умѣстно въ данномъ случаѣ.

Кто смотритъ на бракъ только какъ на удовольствіе и при всякомъ вздорномъ нарушеніи своего покоя и комфорта готовъ прибѣгнуть къ разводу, кто завязываетъ новыя связи, которыя такъ же скоро порываетъ, затѣмъ становится женоненавистникомъ, вмѣсто того, чтобы усмотрѣть зло въ недостаткѣ собственнаго самовоспитанія (какъ, напримеръ, Стриндбергъ), — тотъ, значитъ, совершенно не имѣетъ понятія о томъ, какое счастье и какая въ то же время заслуга — взаимная прочная привязанность, проникнове-

Рис. 121. Христиана Вульпиусъ.
По авторелю І. Тимбекина; собств. проф. Т. Штеффера.

ніе и приспособленіе къ чужой индивидуальности, умѣнье нести вмѣстѣ горе и радость, и какъ закаляется и совершенствуется при этомъ собственная личность. Зато нѣтъ ничего ужаснѣе, правда, какъ быть прикованнымъ къ другому существу, которое способно только угнетать душу, тяжелымъ свинцомъ тянуть внизъ, не давая подняться, мѣшать исполненію обязанностей. Но тамъ, гдѣ выборомъ руководили благоразуміе и чистые мотивы, гдѣ въ бракъ царятъ обдуманность, самообладаніе и самоотверженная любовь, — тамъ подобное несчастье не грозитъ или тяжесть его можетъ быть во всякомъ случаѣ ослаблена.

Сумѣлъ же, напримеръ, Штифтеръ, котораго судьба наградила недостойной его женой, чуждой какихъ бы то ни было идеальныхъ интересовъ, не только владеть мирною супруже-

скую жизнь, но даже находить въ ней нѣкоторыя достоинства и воспитать въ себѣ все возрастающее чувство довольства.

Не мѣшало бы также вспомнить о неравномъ и все же отрадномъ бракѣ Гете съ Христианой Вульпіусъ (рис. 120 и 121) тому, кому всякая длительная связь кажется принужденіемъ и кто находитъ для своего маленькаго „я“ тягостнымъ то бремя, которое несетъ геній. Рихардъ Вагнеръ вскрылъ самое ядро вопроса, сказавъ: „По-истинѣ надо сказать, вся наша политика, дипломатія, честолюбіе, наука и, къ сожалѣнію, все наше современное искусство, эти паразитствующіе наросты нашей современной жизни, все имѣютъ иной почвы подъ собой, кромѣ — нашихъ разстроенныхъ желудковъ!“

Рис. 122. Застольная молитва. По картине Еды. Гурье (Монзе).

Глава восьмая.

Мужчина въ роли отца.

(Д-ра фил. Иосефа Мюллера. Мюнхенъ).

дѣлаться отцомъ не трудно, но очень трудно быть отцомъ", — говоритъ Бушъ. Глубокая мудрость кроется въ этой простой фразѣ. Имѣю ли я право сдѣлаться отцомъ? — долженъ былъ бы спросить себя всякій юноша, когда въ немъ зашевелится естественный инстинктъ. Человѣкъ, подчиняющій всѣ свои поступки идеѣ долга, — а мужчина съ характеромъ именно такъ и дѣлаетъ, — меньше всего способенъ совершить такой серьезный и богатый послѣдствіями актъ, какъ созданіе человѣческой жизни, не взвѣсивъ его предварительно съ точки зрѣнія нравственности.

Натурализмъ, рассматривающій всѣ проявленія полового инстинкта исключительно съ точки зрѣнія естественности и предоставляющій ему полную свободу безъ преградъ, забываетъ одно: что для человѣка „естественное“ означаетъ нѣчто иное, чѣмъ для животнаго, что низшая, животная природа должна находить у человѣка противовѣсъ и преграды въ высшей нравственной и что истинной свободы человѣкъ достигаетъ только путемъ преодоленія первой. Одно то обстоятельство, что новорожденный дѣтенышъ человѣка такъ безпомощенъ, что нуждается

въ помощи обоихъ родительскихъ индивидуумовъ, между тѣмъ какъ дѣтенышъ животного большей частью самъ находитъ обильную пищу для себя, а также тотъ фактъ, что во всѣхъ культурныхъ странахъ на рожденномъ отъ свободной любви, какъ и на его матери, тяготѣетъ пятно, — въ одномъ этомъ кроется серьезное предостереженіе противъ предоставленія сильной власти половому инстинкту, какъ и всякому другому, противъ права свободного наслажденія жизнью, которое повергло бы другія существа въ недостойное, рабское состояніе; въ одномъ этомъ видна обязанность подчинить этотъ инстинктъ всей совокупности жизни и требованіямъ нравственности, чтобы создать такимъ образомъ условія счастливаго его развитія также для женщины и ребенка. А эти условія содержатся, какъ мы уже указали, единственно въ длительномъ бракѣ.

Благодѣтельные стороны прочнаго брака всего сильнѣе отражаются на ребенкѣ. Онъ одинъ представляетъ невозможно надежныя гарантіи прокормленію и воспитанію дѣтей; онъ одинъ даетъ женщинѣ защиту и покровительство, необходимыя для того, чтобы она могла посвятить себя безъ помѣхи серьезнымъ и изнурительнымъ заботамъ семейной жизни; въ немъ одномъ соединяются, другъ друга уравновѣшивая, мужская строгость съ женской мягкостью для гармоничнаго воспитанія молодого гражданина земли. Ибо только оба пола могутъ дать совершенный образъ человѣческому роду, подобно тому, какъ Марсъ и Венера совмѣстно создали Гармонію. Прекрасная скульптура Бертрана Бутэ (рис. 123) даетъ намъ воплощеніе этой идеи защиты мужчиной женщины и ребенка.

Въ прежнее время мужчина имѣлъ непропорціоально большія, если даже не исключительныя права на ребенка; въ древнемъ Римѣ, напримѣръ, отцовское право простиралось до того, что отецъ могъ прогнать своего ребенка и предать его смерти; современная же культура благополучно дошла до того, что право отца на ребенка должно быть предварительно доказано.

Отвѣчая безусловно утвердительно на вопросъ: „Имѣю ли я право сдѣлаться отцомъ?“, современный натурализмъ ставитъ передъ вопросомъ: „Имѣю ли я право быть отцомъ?“ множество ограниченій, — и то, и другое съ одинаковой ссылкой на природу. Изъ этого видно, какое распространенное толкованіе дается понятію „природа“. Конечно, если принимать масштабомъ животное и разсматривать человѣка какъ животное, — противъ этого найдется не много возраженій, потому что въ животномъ царствѣ отецъ большей частью безконечно мало заботится о своихъ дѣтенышахъ, безъ зависти предоставляя всѣ заботы матери. Такъ было, полагають многіе изслѣдователи, и на первыхъ ступеняхъ развитія человѣчества. Къ этой-то эпохѣ, къ системѣ матриархата (материнскаго права) намъ будто бы и придется вернуться.

Предполагается, что единой семьѣ предшествовалъ первоначально общинный бракъ, при которомъ мать продолжала принадлежать своему родственному союзу, а дѣти принадлежали исключительно ей и материнскому роду, носили также и имя ея. Родство также признавалось только съ материнской стороны, тѣмъ болѣе, что при болѣе или менѣе свободномъ любовномъ

общеніи отцовство оставалось всегда довольно сомнительнымъ (подробнѣе этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ нами во II томѣ).

Къ этому-то счастливому состоянію хотятъ вернуть насъ современные философы. И не только такія мужеподобныя женщины, какъ шведка Элленъ Кей, и сторонницы женскаго равноправія, какъ Елена Штеккеръ съ товарищами, а и ученые естествовѣды, какъ Форель и Эренфелье, выступаютъ борцами за материнское право.

Послѣдній добивается, чтобы ребенокъ воспитывался въ домѣ матери, и стоитъ вообще за уничтоженіе современной формы брака; первый такъ далеко не заходитъ, но все же отводитъ женщинамъ верховныя права, права опеки надъ дѣтьми и главенства въ домѣ, за мужчиной же сохраняетъ только право доставлять денежные средства, а при разводѣ лишаетъ его всякихъ правъ на дѣтей, но оставляетъ на немъ обязанности ихъ прокормленія. А имя ребенокъ долженъ получить отъ матери. Словомъ, въ полномъ смыслѣ положеніе мужа — подъ башмакомъ: отцу присваиваются всѣ обязанности и никакихъ правъ.

А какъ все это чудесно обосновывается! Какъ главный доводъ приводится то, что мать вынашиваетъ ребенка девять мѣсяцевъ въ своей утробѣ и на ней лежатъ заботы и уходъ за нимъ еще долго и потомъ, на долю же мужчины выпадаетъ въ сущности только наслажденіе и — самое большее — незначительная затрата его производительныхъ силъ. Съ этой точки зрѣнія возразить, конечно, нечего. Что же касается вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ исторически законны права материнства въ смыслѣ владычества женщинъ, — это было подробно разсмо-

Рис. 123. Родительская любовь. По картинѣ В. Бута.

трѣнно мною въ моемъ сочиненіи о половой жизни у первобытныхъ народовъ и объ утопіяхъ гетеристовъ; достаточно стать на культурную точку зрѣнія, чтобы опровергнуть состоятельность возврата такого положенія вещей или учрежденія его наново.

Для человѣка-животнаго, ищущаго только удовлетворенія своей чувственности, было бы очень пріятно и покойно сбросить съ себя послѣдствія поступковъ, совершаемыхъ подъ влияніемъ инстинктовъ, возложивъ ихъ на орудіе своихъ вожделѣній или на государство; но мужчина нравственный сознаетъ вмѣстѣ съ отвѣтственностью, которую онъ беретъ на себя, какъ отецъ, также и права, которые даетъ ему эта дѣятельность, — и ихъ онъ не такъ-то легко выпустить изъ рукъ. Онъ хочетъ быть отцомъ въ полномъ объемѣ этого права своего, онъ хочетъ дать ребенку не только внѣшнія средства къ жизни, но передать ему также свой умъ и свою душу, чтобы такимъ образомъ продолжить въ немъ свой умъ и свою душу въ облагороженномъ и болѣе совершенномъ видѣ и передать ихъ въ наслѣдіе безконечному ряду будущихъ поколѣній.

Убогія изслѣдованія съ физиологической точки зрѣнія степени и характера участія женщины и мужчины въ дѣлѣ зачатія и дѣторожденія могутъ быть оставлены въ сторонѣ, какъ совершенно безразличныя для рѣшенія вопроса о томъ, кому надлежитъ быть господиномъ и руководителемъ въ домѣ; нѣтъ сомѣнія, что мужчина, благодаря его большому уму и большей силѣ, причисляется первое мѣсто въ домашней жизни такъ же, какъ въ жизни государственной и социальной. Меньше всего можно говорить о томъ, чтобы воспитаніе дѣтей протекало не въ отцовскомъ домѣ, — скорѣе это должно быть признано, напротивъ, его первой и главнѣйшей обязанностью. Правда, на первыхъ порахъ ребенокъ больше нуждается въ уходѣ и воспитаніи матери, но даже и въ это время необходимымъ надзоръ мужа, такъ какъ заботливая материнская любовь часто страдаетъ своимъ собственнымъ недостаткомъ благораумія и даже часто парализуется тщеславіемъ, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины лишаютъ ребенка нектара, приготозленнаго природою въ грудяхъ матери, отказываясь кормить его своей грудью.

Даже Жанъ Поль, который ставитъ очень высоко роль матери, утверждая, что мать одна можетъ воспитать изъ ребенка человѣка, тогда какъ мужское воспитаніе страдаетъ одностороною въ зависимости отъ той или иной профессіи отца; который утверждаетъ, что ни одинъ отецъ не можетъ замѣнить мать, оттого-то во всемъ мірѣ материнская любовь считается выше отцовской, — даже Жанъ Поль скорбитъ о томъ, что большинство отцовъ, къ великому ущербу дѣла воспитанія, лишены возможности участвовать въ немъ изъ-за своихъ занятій государственными дѣлами, наукой или искусствомъ. Почти единственное счастливое исключеніе представляютъ въ этомъ отношеніи, по словамъ Жанъ Поля, сельскій священникъ и помѣщикъ. Преимущество перваго заключается въ томъ, что онъ „располагаетъ шестидневнымъ досугомъ въ условіяхъ тихой деревенской жизни, чуждой городской суеты, и что самый характеръ его службы представляетъ собой, въ сущности, благопріятнѣйшее въ воспитательномъ отношеніи положеніе; наконецъ,

Фотогр. изд. Гуск. Шауера въ Верльяхъ.

Рис. 124. Вечеромъ. По картинѣ Курта Эквальда.

въ седьмой день отецъ предстаетъ передъ своими дѣтьми въ образѣ духовнаго лица и святого, — все это открываетъ священнику-проповѣднику просторъ для воспитанія, къ которому онъ можетъ приобщить даже чужихъ дѣтей“. А сельскій помѣщикъ „живетъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни, представляющихъ золотую середину, способныхъ сдѣлать его усадьбу благодѣлательницей его дѣтей, если только потомство ему дороже, чѣмъ карты, охота на зайцевъ и арендная плата“.

Вообще же отцовское воспитаніе ограничивается большей частью системой наставленій; отецъ „отгораживаетъ себя отъ дѣтей письменнымъ столомъ и — самое большее — разъ въ недѣлю распылить передъ ними въ грозѣ отцовскаго гнѣва пригоршню

поучений. „Я хотѣлъ бы, однако, спросить этихъ занятыхъ людей, — продолжаетъ онъ, — какое дѣло можетъ дать сразу же такую награду, какъ воспитаніе невинныхъ душъ, подобно розовому дереву, испускающему ароматъ, когда его обрабатываютъ?“

Воспитаніе—это такая специальность, которую слѣдовало бы изучать всякому мужчине до жестибы. Школа заботится, правда, о томъ, чтобы дѣти не росли безъ образованія, но родительское и домашнее воспитаніе не замѣняютъ школы. Прежде всего, ребенокъ поступаетъ въ школу только на шестомъ году жизни, — первую пору приобщенія къ жизни, самую важную, онъ проводитъ дома. Но зародыши, укоревающіеся глубже всего, закладываются именно на зарѣ перваго дѣтства; въ это время воспріимчивость юной души еще свѣжа и неиспорчена, дѣтская вѣра поддается первымъ впечатлѣніямъ тѣмъ легче и добровольнѣе, что они исходятъ отъ чтимыхъ и любимыхъ людей и имѣютъ всю силу настойчивой повторной привычки. Всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ ярко выраженный духъ семейственности, — какъ, напримѣръ, въ дворянскихъ и патриціанскихъ семьяхъ, — онъ объясняется внутренне однороднымъ домашнимъ воспитаніемъ съ самаго ранняго дѣтства и оттого онъ сохраняется вопреки всѣмъ противорѣчивымъ влияніямъ измѣнчиваго духа времени и школьнаго обученія.

Но и тогда, когда начинается школьное обученіе, вовсе не прекращается домашнее воспитаніе, — оно идетъ параллельно и комментируетъ его; оно, вдобавокъ, превосходитъ его такъ же и настолько же, насколько дѣйствіе и примѣръ превосходятъ слово. Воспитательное вліяніе школы ограничивается нѣсколькими часами, семья же воспитываетъ непрерывно. Жанъ Поль говоритъ даже по этому поводу: „Школа можетъ только обучать, воспитывать же семья одна; обученіе можетъ прекратиться, воспитаніе же должно длиться всегда и непрерывно“.

Постоянное, непрерывное, неуклонное вліяніе домашней обстановки въ ея неизмѣнной повторяемости, неизмѣнное, отнюдь не навязчивое, живое общеніе между членами семьи, тѣсная связь всякаго мышленія и всякаго слова съ жизнью вообще, скрѣпленіе всего самыми нѣжными и искренними узами любви и довѣрія (вродѣ того, что чудесно изображаетъ картина Эквала „Вечеромъ“, рис. 124), — все это даетъ семьѣ такую воспитательную мощь, которая недоступна никакой внѣшней власти.

А въ семьѣ, до и во время школьнаго періода, первымъ совѣтникомъ и духовнымъ руководителемъ ребенка, въ особенности мальчика, долженъ быть отецъ; только тогда онъ становится ему дѣйствительно отцомъ, когда онъ сдѣлается творцомъ его духовной, а не только физической жизни, и заложитъ основы его будущей жизни, которыхъ не въ силахъ подорвать никакой послѣдующій опытъ жизни. Для дочерей отецъ, какъ воспитатель, правда, менѣе важенъ, такъ какъ собственно-женское воспитаніе можетъ дать только женщина, въ данномъ случаѣ, мать, и наибольшее вліяніе въ дѣлѣ воспитанія принадлежитъ силѣ личнаго примѣра; но мужское участіе не лишнее и здѣсь, какъ противовѣсъ, въ предотвращеніе слишкомъ женскаго направленія воспитанія. Отецъ — мужчина — является въ дѣлѣ

воспитанія представителемъ закона, мать — женщина — представителемъ нравовъ.

Какова же обязанность отца, какъ воспитателя, въ первый періодъ жизни ребенка?

Въ отношеніи физическаго воспитанія онъ долженъ наблюдать за правильнымъ питаніемъ и уходомъ за дѣтми, строго слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенку не давались вредныя, возбуждающія средства — алкоголь, кофе, чай (мясо въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ также не рекомендуется въ раннемъ дѣтствѣ), — чтобы ребенка купали, заставляли заниматься гимнастикой, движеніемъ на воздухѣ; онъ долженъ беречь ребенка отъ всякихъ разстройствъ и отъ переутомленія.

Основой психическаго воспитанія является наглядность и рѣчь. Пробуждающемуся уму надо давать то, что онъ въ силахъ усвоить безъ чрезмѣрнаго напряженія, надо знакомить его съ природой и искусствомъ (книги съ картинками тутъ подходящее пособіе) и оберегать отъ всего пошлаго и грубаго, потому что въ этотъ періодъ впечатлѣнія внѣдряются очень глубоко. Говорить съ дѣтми слѣдуетъ чистымъ и яснымъ языкомъ, что гораздо больше облегчитъ будущую задачу учителя, чѣмъ пичканіе бесполезными свѣдѣніями. Какъ первоначальное обученіе должно направляться почти незамѣтно, „играючи“, точно такъ же и самой игрой не слѣдуетъ пренебрегать, какъ воспитательнымъ средствомъ; это признано еще Жанъ Полемъ, Гербартомъ и Фребелемъ. Игра для ребенка — серьезное занятіе; она представляетъ первое поле дѣятельности его ума, даже самостоятельныхъ силъ его, и въ игрѣ часто намѣчается уже будущій человекъ.

Особенно важно для ребенка разсказываніе сказокъ. Ничто такъ живо не возбуждаетъ и такъ интенсивно не образуетъ дѣтскій умъ, какъ чистый источникъ сказокъ и разсказовъ изъ библіи. Они даютъ самую здоровую пищу дѣтской фантазіи, и чудесный элементъ въ нихъ не только ничему не вредитъ, но даже необходимъ для образованія души. „Кто не прислушивался съ наслажденіемъ въ дѣтствѣ къ журчанію и рокоту чистаго ручья сказки, у того впослѣдствіи не окажется чутья для иного глубокаго звука въ поэзіи“, говоритъ Вильманъ, а Жанъ Поль благодаритъ Провидѣніе за то, что ему суждено было родиться въ деревнѣ и, значить, среди пѣкорнаго суевѣрія. „Если бы я воспитывался въ какомъ-нибудь новѣйшемъ учебномъ заведеніи нашего просвѣщеннаго вѣка, въ душѣ моей не сохранилось бы нѣкоторыхъ романтическихъ чувствъ, которыя непосредственно сообщаетъ поэту суевѣріе“.

Если отецъ хорошій разсказчикъ, то онъ наилучшій учитель, — потому что это наилучшая форма, въ которой маленькому гражданину міра всего легче и прочнѣе передается первая премудрость. Моральные навыки легко усваиваются ребенкомъ безъ помощи длинныхъ нравоученій и наказаній, если только не будетъ допущено недосмотра и не будетъ дано развиться дурнымъ наклонностямъ. Но что прежде всего должно проникать собой все дѣтство, это — веселость; радость, говоритъ Жанъ Поль, это тотъ единственно здоровый для ребенка воздухъ, въ которомъ все растетъ и расцвѣтаетъ, за исключеніемъ ядовъ.

„Я могу вынести видъ страдающаго мужчины, но не видъ страдающаго ребенка. Представьте себѣ только младенца — Иисуса, несущаго крестъ, или Амура въ гробикѣ!“ Дѣтство вовсе не только пора трудной подготовки къ дальнѣйшей жизни, какъ думаютъ многіе родители, — это пора, имѣющая свои собственные радости. Лучезарное дѣтство служить не только восхитительнымъ, живительнымъ воспоминаніемъ всей будущей жизни, — оно также истинный источникъ бодрости и неизсякающихъ силъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Такимъ образомъ отецъ можетъ успѣть уже многое сдѣлать къ тому времени, когда передастъ своего ребенка школѣ и долженъ будетъ уже съ нею дѣлать свои воспитательскія обязанности. Да, именно дѣлать, а не прекращать; ни одинъ добросовѣстный отецъ не позволитъ лишить его права контроля надъ школой; теперь, когда правительство и его представитель — учитель — стараются насколько возможно устранить родительскую власть, такой контроль еще важнѣе, чѣмъ когда-либо. Нынче очень много толкуютъ о правахъ учителя, о правахъ священника, только объ одномъ не говорятъ, о правахъ того, кто больше всѣхъ могъ бы сказать, — о правахъ отца, ввѣряющаго школѣ самое дорогое ему существо.

Между тѣмъ, рѣшеніе основныхъ вопросовъ воспитанія должно бы быть предоставлено родителямъ, въ особенности отцу, а не учителю; навязывать родителямъ противъ ихъ воли школу, противорѣчащую ихъ религіознымъ взглядамъ, это — деспотизмъ. Государство должно давать по возможности просторъ для многихъ круговъ; если число исповѣдующихъ какое-либо религіозное ученіе незначительно и отдѣльнаго преподавателя для нихъ имѣть невозможно, государство должно, по крайней мѣрѣ, освободить ихъ отъ обычныхъ уроковъ Закона Божія; съ этической точки зрѣнія государство не вправѣ хитростью вынуждать посѣщенія уроковъ Закона Божія, преподаваемаго въ духѣ покровительствуемой имъ церкви. Для уравновѣшиванія официальнаго воспитанія слѣдовало бы взвѣсить предложенный Гербартомъ вопросъ основанія семейныхъ школъ. Нѣсколькимъ семьямъ одинаковаго образа мыслей и одинаковаго общественнаго положенія слѣдовало бы соединиться, чтобы имѣть возможность содержать отдѣльнаго воспитателя и сохранить, такимъ образомъ, связь между школой и семьей. Изъ этого же соображенія возникла съ нѣкоторыхъ поръ идея основанія родительскаго совѣта для контроля надъ преподаваніемъ. Къ сожалѣнію, на осуществленіе подобныхъ проектовъ мало надежды уже потому, что родители, какъ таковые, не имѣютъ собственнаго органа, представляющаго ихъ интересы, и съ ними — неорганизованными, необъединенными — не считаются ни партіи, ни газеты, ни государство, ни церковь.

Въ отношеніи гражданъ къ школѣ произошла около столѣтія тому назадъ перемѣна, глубоко задѣвшая культурную жизнь. Частное домашнее воспитаніе, имѣвшее прежде широкое распространеніе, особенно въ высшихъ кругахъ, почти совершенно утратило теперь свое значеніе; официальная школа пользуется теперь самодержавной властью. Пржеде челоуѣкъ болѣе или менѣе состоятельный выбиралъ для своихъ дѣтей воспитателя

Рис. 125. Воскресная школа. По картине В. Фирда.

по собственному разумѣнію, а теперь онъ отдаетъ ихъ учителямъ, выбраннымъ и одобреннымъ государствомъ, и не можетъ устранить ихъ, если они ему не нравятся. Въ оплату своего труда и въ веденіи своего дѣла учитель не зависитъ отъ родителей и неохотно выслушиваетъ даже лишніе разспросы со стороны родителей, не только что потерпитъ какіхъ-нибудь указаній ихъ по поводу метода преподаванія или порядка дисциплины.

Нисколько не желая задѣвать учителей, я все же хотѣлъ бы напомнить, что они — слуги общества, а не хозяева его,

чего имъ не осмѣливаются сказать льстящія имъ политическія партіи.

Еще хуже въ смыслѣ оторванности дѣтей отъ родительскаго дома и интернаты, въ которыхъ дѣти лишены ежедневнаго противодѣйствія односторонности школы со стороны семьи. Это ужъ и совсѣмъ искусственный продуктъ, какое-то казарменное скопище молодыхъ людей одного пола взаимнѣ смѣшенія въ семьѣ обоихъ половъ на основѣ кровнаго родства. Но и эта шаблонная выправка и всегда сомнительное общеніе со множествомъ чуждыхъ элементовъ, очень затрудняющее надзоръ, также содержать опасность для нравственности, которой не могутъ искупить преимуществъ единообразной строгой выдержки, использованія каждой минуты и привычки къ точности и порядку.

Задача отца въ этотъ трудный школьный періодъ — противодѣйствовать собственнымъ словомъ и примѣромъ дурнымъ вліяніямъ школы, поддерживать и развивать хорошія вліянія, поменьше заботиться о внушеніи ребенку твердыхъ, неизмѣнныхъ убѣжденій и гораздо больше приучать его къ самостоятельному мышленію и къ самовоспитанію, чтобы онъ могъ, ставъ взрослымъ человѣкомъ, пойти своимъ собственнымъ путемъ и не былъ бы вынужденъ безпомощно поддаваться измѣнчивымъ теченіямъ времени. Несамостоятельность сужденія и власть такъ называемаго „общественнаго мнѣнія“ — главная болѣзнь современности, мнящей себя свободной. Сюда же относится еще одинъ щекотливый вопросъ, о которомъ такъ много толкуютъ — вопросъ о томъ, надо ли посвящать молодежь въ тайны половыхъ отношеній. Упоминаю объ этомъ здѣсь потому, что — по моему мнѣнію — если объ этомъ вообще надо говорить съ дѣтьми, то сдѣлать это можетъ только отецъ (или мать). Въ официальной школѣ эта необычайно интимная тема можетъ быть — самое большее — намѣчена или затронута въ видѣ предостереженія. Въ этой области что для одного юноши спасительно, даже необходимо, то у другого можетъ вызвать только непріязненное и тревожное чувство; оттого въ этомъ вопросѣ надо строго индивидуализировать отдѣльные случаи и рѣшать его только въ условіяхъ строго интимнаго собесѣдованія; вѣдь даже взрослому врачъ, напримѣръ, постыжается публично предлагать щекотливые вопросы и давать разъясненія — тѣ самыя, которыя онъ съ глазу на глазъ съ пациентомъ долженъ и можетъ предлагать и давать совершенно свободно.

Но разъ представляется поводъ коснуться этой темы ближе въ интимной бесѣдѣ, то, разумѣется, отецъ является для юноши единственнымъ лицомъ, имѣющимъ на это право; самое большее, что могутъ сдѣлать учителя и воспитатели, это — обратить вниманіе родителей на сдѣланныя ими наблюденія. Несомнѣнно, при наступленіи возмужалости и пробужденія полового инстинкта необходимо обратить вниманіе юноши на новую полосу жизни и ея опасности, чтобы уберечь его отъ бессознательныхъ заблужденій. Предотвратить эту опасность всего лучше можетъ удался, если приучить молодежь къ дисциплинѣ фантазіи, къ серьезнымъ учебнымъ занятіямъ и къ физическимъ упражненіямъ и устранять отъ нихъ возбуждающее чтеніе, также, какъ и возбуждающія наркотическія средства (кофе, вино).

Происхожденіе человѣка и живыхъ существъ вообще дѣло такое серьезное, которое, понятно, невозможно и нежелательно вѣчно окружать мелочной таинственностью. Въ отношеніи дѣтей Жанъ Поль говоритъ по этому поводу: „Что скрываетъ природа, того не долженъ раскрывать человѣкъ“, и разъясненіе вопроса дѣтворожденія въ школѣ — идея во всякомъ случаѣ грубая и чудовищная; но взрослому воспитаннику, которому уже знакомы движенія чувственности, воспитатель долженъ въ подходящую довѣрчивую минуту разъяснить осторожно и бережно дивную мудрость природы въ ея процессѣ размноженія, пачавъ съ растеній. Онъ долженъ внушить ему, что воспроизво-

Рис. 126. „Хлѣбъ нашъ засушный даждь намъ десь“
По картинѣ А. Аэгерта.

дить жизнь — даръ тяжелый и отвѣтственный, требующій отъ молодого человѣка, прежде всего, строгой работы надъ собой, налагающій на него обязанность строгаго самообладанія и самоограниченія, — чтобы онъ могъ получить въ истинной и прочной любви награду за долгое воздержаніе и вмѣстѣ съ нею счастье всей будущей жизни.

Во всякомъ случаѣ, не на улицѣ отъ испорченныхъ товарищей и не изъ украдкой прочитанныхъ скверныхъ книгъ онъ долженъ получить первое разъясненіе. Въ разъясненіи этого вопроса дѣвушкамъ мѣсто отца должна занять мать; ея обязанность объяснить дочери значеніе наступившей менструаціи и дать ей гигиеническія и моральныя правила поведенія.

Одной изъ важныхъ обязанностей, которой начали пренебрегать въ настоящее время, является религіозная обя-

занность отца, какъ главы при домашнемъ богослуженіи. Намъ извѣстно изъ исторіи культуры, какое положеніе занималъ отецъ семейства у индусовъ, грековъ, римлянъ и евреевъ. Какъ домъ былъ храмомъ въ миниатюрѣ и пламя очага — жертвеннымъ пламенемъ, а самый очагъ — прибѣжищемъ, такъ и глава семьи былъ намѣстникомъ жреца, а вначалѣ даже жрецомъ. Тамъ, гдѣ еще не вполне исчезъ культъ предковъ, какъ, на примѣръ, у китайцевъ, еще немного и измѣнилось въ этомъ отношеніи. У ортодоксальныхъ евреевъ также богослуженіе совершается еще въ значительной долѣ внутри семьи, въ домѣ, что несомнѣнно имѣло рѣшительное вліяніе на упорную преданность и вѣрность этого народа древнимъ обычаямъ. У христіанъ, домашнее богослуженіе довольно сильно уже вышло изъ употребленія, — только изрѣдка совмѣстная послѣобѣденная молитва всей семьи, какъ послѣдній остатокъ минувшаго, еще напоминаетъ о религиозномъ значеніи дома. Къ сожалѣнію, еще только въ деревнѣ не „вышелъ изъ моды“ обычай каждадневной молитвы „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ (см. рис. 122 и 126).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что религія есть вѣнецъ нравственной жизни и что она не можетъ быть упразднена, не сокрушивъ всѣ сферы жизни. Современный скептицизмъ съ его мнимымъ пониманіемъ пустоты небесныхъ идеаловъ возвращаетъ насъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда все было проникнуто свѣтомъ, исходящимъ сверху, и отъ него почерпало свою силу. Въ какой мѣрѣ устарѣла традиціонная церковная религія и какія было бы нужно произвести реформы, — говорить здѣсь не мѣсто; но при обсужденіи положенія отца въ семьѣ во всѣхъ отношеніяхъ нельзя обойти и религіозной стороны, игравшей нѣкогда такую огромную роль. Въ той или иной формѣ, но религія должна будетъ быть сохранена въ семьѣ и подъ покровительствомъ главы ея и въ будущемъ, если жизнь не утратитъ своей высшей святости.

„Кто научить теперь малютокъ твоихъ копыя метать и чтить нашихъ боговъ?“ говоритъ у Шиллера Андромаха Гектору; наряду съ отцовской ролью, Шиллеромъ вѣрно указана здѣсь священнослужительская роль главы семьи въ древности. О современномъ главѣ семьи онъ этого не сказалъ бы.

Такъ какъ холостячество встрѣчаетъ все больше и больше сторонниковъ и привело уже къ тяжелому социальному кризису, то намъ слѣдуетъ рассмотреть и отцовство, какъ обязанность. Почти всѣ религіи смотрятъ на него какъ на такую и предписываютъ его. Въ Индіи, Китаѣ, вообще на Востокѣ женитьба была обязательна уже потому, что только сынъ могъ принести жертву за упокой души умершаго отца. Большое значеніе имѣли также дѣти въ вопросѣ наслѣдованія и сохраненія племени. У спартанцевъ холостякъ былъ въ презрѣніи и лишался даже правъ на почитательность со стороны юношества. Талмудъ не признаетъ за безбрачнымъ даже права на званіе человека. Наоборотъ, буддисты, еврей-есееи, секты гностиковъ и нео-платониковъ относятся съ большимъ уваженіемъ къ абсолютному цѣломудрію, которое хранилось всегда также и католической церковью.

Погибшій сынъ.

Картина Фр. Генугата.

(По гравюру изд. Карла Бракка и Келлера въ Берлинѣ.)

Противъ этого направленія съ самаго же начала энергично возстало протестантство. Это не означало осужденія съ религіозной и въ особенности съ христіанской точки зрѣнія. Что Новый Заветъ явно поощряетъ половое воздержаніе, это несомнѣнно, и протестантство этого не должно было бы отрицать. Но несомнѣнно и то, что католическая церковь пошла дальше первоначальнаго христіанства, дойдя до запрещенія брака для священнослужителей, что едва ли соотвѣтствуетъ изреченію Христа: „Могущій вмѣстить да вмѣститъ!“; представляетъ собой вторженіе въ личную свободу, тяжкій вредъ семьѣ и общественному строю и приводило къ серьезному неудовольствію. Было бы желательно, чтобы и въ католическомъ христіанствѣ снова возродился священнослужитель въ образѣ главы семьи.

Если представитель дома и семьи будетъ исполнять свой долгъ, какъ мы изложили, то онъ едва ли покадетъ въ мучительное положеніе необходимости оплакивать „погибшаго сына“ (см. рис. на отд. табл.). Но такъ какъ при существующихъ вѣяніяхъ эпохи и общественныхъ настроеніяхъ это, почти несомнѣнно, неосуществимо, то нельзя не упомянуть еще о примирительной и любовно-исправительной дѣятельности отца, согласно безсмертной притчѣ Христа.

Рис. 127. Вдовецъ. По картинѣ П. Мейера.

Глава девятая.

Мужчина въ положеніи вдовца.

(Прив.-доц. д-ръ Юлія Вейсъ. Вѣна.)

Вдовецъ представляет собой разновидность холостяка, разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда предшествовавшій бракъ, прекратившійся со смертью жены, былъ бездѣтенъ. Мужчина возвращается тогда къ той холостой жизни, которую онъ велъ до своего брака, и тѣмъ легче осваивается съ ней, чѣмъ кратковременнѣе былъ бракъ и чѣмъ менѣе были связаны между собою супруги узами любви. Нѣкоторую роль играетъ еще при этомъ и возрастъ мужа. Молодой вдовецъ, побуждаемый властью инстинкта, вскорѣ снова почувствуетъ потребность сойтись съ женщиной, и тотъ, кто дѣйствительно одаренъ „талантомъ къ браку“, не удовольствуется мимолетнымъ знакомствомъ и очень скоро снова очутится въ сѣтяхъ, какъ муха, слишкомъ близко коснувшаяся паутины.

Если мы оставимъ въ сторонѣ тѣхъ мужчинъ, которые желятся изъ чисто денежныхъ расчетовъ, то у мужчины, стремившагося къ браку и вступившаго въ бракъ, мы должны предположить внутреннюю потребность соединиться съ другимъ существомъ, дополняющимъ его личность. Мужчина стремится къ женщинѣ то для удовлетворенія присущаго ему рыцарскаго чувства — желанія примѣнить свою силу на защиту другого

существа, то для того, чтобы имѣть существо, въ объятыхъ котораго онъ могъ бы отдохнуть отъ дневного труда, въ которомъ нашель бы ласку и веселость, которое сумѣло бы прогнать темную тучу душевной и физической усталости, заботъ и волненій, сопряженныхъ съ трудомъ.

Нерѣдко профессія мужчины такъ суза и черства, что онъ нуждается въ ароматѣ цвѣтка любви, освѣжающемъ и оживляющемъ его силы. Если мужчина изъ тѣхъ натуръ, въ сердцѣ которыхъ — изъ тѣхъ или иныхъ мотивовъ — не умираетъ страстное влеченіе къ женщинѣ, то для него будетъ простымъ закономъ природы, если онъ снова станетъ искать другую жену послѣ смерти первой, которую онъ любилъ всѣми фибрами тѣла и души. Несправедливо поэтому осуждать вдовца, который женится вторично, и считать его неспособнымъ любить, безсердечнымъ эгоистомъ; именно тотъ, кто долго остается одинокимъ послѣ перваго брака, усваиваетъ тѣ эгоистическія черты, которыми характеризуются душевная сущность и поступки холостяка.

Нерѣдко вдовецъ живетъ послѣ смерти жены одинокой, тихой жизнью, проводя одинъ-одинехонекъ вечера послѣ дневного труда въ своихъ четырехъ стѣнахъ, какъ показываетъ намъ картина Геккера (рис. 128).

Надо брать примѣры изъ жизни, свидѣтельствующіе о томъ, что менѣе эгоистично: долговременное одиночество холостяка послѣ перваго брака или новый бракъ по истеченіи нѣкотораго времени. Я знаю одного сельскаго врача, человѣка большой душевной и физической энергіи, прожившаго жизнь, полную труда и усилій, въ изнурительномъ служеніи дѣлу челоѣколюбія. Онъ любилъ идолопоклоннически свою первую жену и глубоко страдалъ, когда лишился ея вслѣдствіе неожиданно представившейся необходимости въ операци. Но черезъ нѣсколько времени онъ женился вторично на старшей сестрѣ умершей и всю жизнь утѣрялъ себя, что покойная воскресла къ новой жизни. Изъ года въ годъ — а этому прошло уже два десятка лѣтъ — онъ совершаетъ въ день смерти первой жены далекую и трудную поѣздку, чтобы воскресить на ея могилѣ старое горе.

Очень часто внѣшнія причины побуждаютъ вдовца вступить въ новый бракъ: не позволяетъ ли его общественное положеніе вести жизнь холостяка, или по роду его занятій, даже въ томъ случаѣ, если у него дѣтей нѣтъ, необходима извѣстная правильность хозяйства, которое можетъ вести только законная жена; нѣкоторую роль играютъ здѣсь также личныя особенности мужчины въ смыслѣ его способности справляться съ повседневными житейскими нуждами, заботиться о столѣ, объ одеждѣ, о квартирѣ и т. п. Есть мужчины, абсолютно неспособные управлять домашнимъ хозяйствомъ, а вдовцу, потерявшему жену и хозяйку, необходимо умѣть это.

Въ низшихъ кругахъ, въ особенности среди сельскаго населенія, мужчины понимаютъ кое-что въ домашнихъ работахъ, благодаря своему роду занятій сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ можетъ исполнять послѣ смерти своей жены и такія работы, которыя обычно свойственны женщинѣ и не даромъ вызывають, какъ на картинѣ Мейера (рис. 127), насмѣшливыя улыбки городскихъ барышень.

Но еще болѣе безотраднѣе, можно сказать — даже заслуживающей состраданія, оказывается жизнь вдовца, если по смерти жены остаются подростки или совсѣмъ малолѣтнія дѣти. Внезапно передъ нимъ вырастаетъ задача быть не только представителемъ семьи, не только домоправителемъ-хозяйномъ, но и „матерью“. Иногда вдовецъ довольствуется тѣмъ, что беретъ въ домъ пожилую женщину, на которую возлагаетъ обязанность слѣдить за порядкомъ и чистотой въ домѣ и въ кухнѣ и за надлежащимъ приготовленіемъ пищи, а также поручаетъ ей уходъ за младшими дѣтьми и отчасти воспитаніе ихъ. Но

Рис. 128. Въ одиночествѣ. По картинѣ П. Геккера.

наемная женщина, какое бы она ни носила названіе — хозяйки ли, домоправительницы или экономки, — все же никогда не можетъ вполнѣ замѣнить хозяйки дома, не можетъ уже вслѣдствіе своего правового положенія — въ особенности, въ глазахъ прислуги, — такъ какъ, согласно гражданскимъ законамъ, только законная жена имѣетъ право вершить въ предѣлахъ домашней сферы дѣйствій дѣла мужа и являться его представителемъ. Еще менѣе это возможно вслѣдствіе ея общественнаго положенія, потому что общество почти никогда не согласится признать за ней того права на почетное положеніе, которое естественно отводится настоящей хозяйкѣ дома.

Полноправной на оцѣнку общества представительницей хозяйки дома можетъ быть только кака-нибудь дальняя родственница хозяина дома или умершей хозяйки, въ особенности, если она исполняетъ эти обязанности не за плату. Въ общемъ, всего благоразумнѣе со стороны вдовца выбрать для этой роли женщину приблизительно одного возраста съ умершей. Если не найдется

подходящей особы среди его собственныхъ сестеръ и онъ вынужденъ остановить свой выборъ на незамужней или овдовѣвшей родственницѣ умершей, то быть можетъ, ему лучше предпочесть даму значительно старше умершей жены — во избѣжаніе всякихъ пересудовъ. Нерѣдко можетъ быть очень целесообразно доверить эту роль тещѣ, тѣмъ болѣе, что въ дѣйствительной жизни очень рѣдко, повидимому, встрѣчаются тѣ недружелюбныя отношенія между зятемъ и тещей, надъ которыми изощряются въ остроуміи юмористическіе листки. Если старшая изъ дѣтей — взрослая дѣвушка, и разнапа лѣтъ между нею и остальными братьями и сестрами достаточно велика, чтобы обезпечить за ней авторитетъ, то мѣсто хозяйки въ глазахъ общества можетъ занять она.

Съ одной стороны дѣло или служба, забота о хлѣбѣ насущномъ, съ другой — необходимость помнить о множествѣ сложныхъ и разнообразныхъ мелочей домашняго хозяйства. Ужасныя вещи можно увидѣть, если взглянуть поближе на семейное положеніе вдовца, благословеннаго дѣтми. Экономка заботится объ интересахъ собственного кармана, прислуга распущена, безъ должнаго надзора. Квартира — прежде настоящая бомбоньерка — теперь имѣетъ унылый, запущенный видъ. Мужчинѣ нельзя ставить въ вину того, что у него нѣтъ той любви и способности къ чистотѣ, къ порядку и украшенію квартиры, которыми отличалась покойная жена его, высшей и благороднѣйшей цѣлью жизни которой было создать для мужа пріятный и уютный домашній очагъ.

А бѣдныя дѣти! Одичалыя, непослушныя, запущеннаго вида и распущеннаго поведенія, они начинаютъ относиться небрежно къ учебнымъ занятіямъ, несмотря на учителей и гувернантокъ (если вдовецъ вообще въ состояніи содержать для нихъ подобныхъ лицъ), и если отъ природы не одарены особенными способностями отстаютъ въ школьныхъ успѣхахъ. Чувствуется отсутствіе вѣчно бодрящаго, поощряющаго, проникающаго въ самое сердце задушевнаго слова матери. Иногда же дѣти становятся робкими, пугливыми, замкнутыми, угнетенными, научаются тайнымъ и явнымъ хитростямъ и продѣлкамъ. Только и радости и удовольствія для этихъ бѣдныхъ дѣтей, что тѣ краткіе часы, которые отецъ проводитъ въ кругу семьи. Пожаловаться они большей частью остерегаются, потому что боятся новыхъ побоевъ и брани, которые снова безжалостно посыпятся на нихъ, едва уйдетъ отецъ.

Бываютъ иногда и счастливыя исключенія: попадаютъ иногда, конечно, честныя экономки, относящіяся добросовѣстно къ своему нравственному долгу замѣстительницы матери. Но это все же только исключенія.

Если же благословенный дѣтми вдовецъ рѣшается жениться вторично, ему необходимо быть очень осмотрительнымъ въ выборѣ. Онъ долженъ долго и серьезно обдумывать вопросъ, дѣйствительно ли способна будетъ его вторая жена быть матерью его дѣтямъ. Мачеха! — какое непріятное слово! Золушка изъ сказки нашихъ дѣтскихъ лѣтъ — живая фигура, выхваченная изъ жизни, — съ той только разницей, что въ дѣйствительности сказка большей частью не имѣетъ такого чудеснаго конца, оттого что нѣтъ въ жизни благодѣтельныхъ фей, помогающихъ бѣдняжкамъ.

Каждому изъ насъ случалось встрѣтить въ кругу своихъ знакомыхъ подобную мачеху, безжалостно и безпощадно преслѣдующую „злыхъ, турыхъ и непослушныхъ“ дѣтей первой жены

Рис. 129. Императоръ Карлъ Великій.
По картинѣ Альбрехта Дюрера въ Германскомъ Музее въ
Нюрнбергѣ.

на словахъ и дѣйствиємъ, обижаящую ихъ во всѣхъ отношеніяхъ и медленно, но вѣрно изгоняющую ихъ изъ дому. Повидимому, въ подобной женщинѣ также говоритъ своего рода природный инстинктъ, усматривающій ущербъ себѣ и своимъ собственнымъ дѣтямъ со стороны „этихъ чужихъ“. Надо и то сказать — въ оправданіе махехи — что иногда въ этомъ нѣкоторую роль играетъ и неприязнь къ ней со стороны пасынковъ и падчерицъ за то, что она занимаетъ мѣсто ихъ умершей матери.

У тѣхъ восточныхъ народовъ, у которыхъ было разрѣшено многоженство, вдовство мужчины особеннаго значенія не имѣло. Вступленіе въ новый бракъ разрѣшалось мужчинамъ, но не женщинамъ, которая обязана была посвятить себя строгому благочестію послѣ смерти своего мужа и даже — какъ это было въ обычаѣ въ Индіи — сама должна была умереть одновременно со смертью мужа. (Подробное изложеніе этого вопроса см. въ главѣ „Женщина въ роли вдовы во II ч. настоящаго тома.)

Изъ легендарныхъ фигуръ вдовцовъ наи-

большей извѣстностью пользуется рыцарь „Синяя Борода“, умертвившій одну за другой шестерыхъ женъ и только при покушеніи на убійство седьмой самъ погибшій отъ рукъ поспѣвшихъ къ ней на помощь братьевъ. Сказка о „Синей Бородѣ“ французскаго происхожденія. Быть можетъ, эта легенда имѣетъ историческую основу въ жизни маршала Жиль де Ретца. Онъ жилъ въ началѣ XV столѣтія въ своемъ замкѣ въ окрестностяхъ Нанта, гдѣ держалъ блестящій дворъ и предавался излишествамъ всякаго рода. Наскучивъ женщинами, онъ началъ приносить мало-

лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ жертву своимъ неестественнымъ вожделѣніямъ. Онъ былъ казненъ черезъ сожженіе на кострѣ.

Любопытно отмѣтить, что Магометъ, основатель Ислама, былъ вначалѣ сторонникомъ единобрачія и цѣлые годы прожилъ строго добродѣтельно съ своей женой Хадиджей. Она была старше его на четырнадцать лѣтъ и пользовалась почти материнскимъ вліяніемъ на него. Только послѣ ея смерти онъ началъ жить разгузданно, взявъ себѣ двѣнадцать женъ, а потомъ еще множество паломницъ. Ему приписывалось ненасытное сладострастіе, которое не безъ основанія приводили въ связь съ его болѣзненной нервной организаціей — подверженностью эпилепсін. Его пристрастіе къ многоженству объясняютъ еще и тѣмъ, что пророкъ стремился создать себѣ возможно больше личныхъ приверженцевъ, расширяя собственную семью.

Межъ тѣмъ какъ супружеская жизнь среднихъ и нашихъ слоевъ народа протекаетъ въ ограниченномъ кругу личныхъ знакомыхъ, жизнь великихъ людей и сильныхъ міра — съ ихъ браками, разводами, вдовствомъ и любовными связями — проходить передъ глазами всего міра и заносится, въ концѣ концовъ, и въ исторію.

Императоръ Карлъ Великій (рис. 129), одинъ изъ величайшихъ властителей всемірной исторіи, былъ женатъ четыре раза: въ первый разъ на Деизератѣ, дочери лангобардскаго короля Деизерія, которую онъ прогвалъ въ 771 году; во второй разъ на Гильдегардѣ изъ знатнаго швабскаго рода; въ третій разъ на Фастрадѣ, дочери восточно-франкскаго графа Радольфа; въ четвертый разъ на алеманкѣ Лунтгардѣ. Гильдегарда родила ему четверыхъ сыновей и пятерыхъ дочерей. Императоръ Карлъ отличался вообще большою чувствительностью къ женской красотѣ; помимо законныхъ женъ, онъ имѣлъ еще множество паломницъ.

Рис. 131. Испанскій король Фердинандъ VII.
Рис. съ натуры.

Рис. 130. Король Генрихъ VIII. По картинѣ Ганса Гольбейна Младшаго.

Настоящимъ „Синей Бородой“ можетъ быть названъ англійскій король Генрихъ VIII (рис. 130). Вступивъ на престолъ восемнадцатилѣтнимъ юношей, онъ женился вначалѣ на молодой вдовѣ своего умершаго брата, съ которой онъ былъ обрученъ еще мальчикомъ. Это была испанка, Екатерина Аррагонская. Наскучивъ ею, онъ

Рис. 132. Яковъ II, англійскій король.

объявилъ, несмотря на протестъ папы, свой бракъ съ Екатеринойю недѣйствительнымъ и женился на молодой красавицѣ фрейлинѣ Аннѣ Болейнѣ. Но ей суждено было тяжко искупить счастье сдѣлаться королевой: по прошествии всего трехъ лѣтъ Генрихъ приказалъ ее казнить по неосновательному подозрѣнію въ прелюбодѣяніи, чтобы имѣть возможность жениться на другой фрейлинѣ, Иоаннѣ Сеймурѣ, которой онъ увлекся. Иоанна родила ему сына и умерла отъ родовъ. Король недолго оставался вдовцомъ, — вскорѣ онъ женился въ четвертый разъ на родственницѣ курфюрста саксонскаго Аннѣ фонѣ Клеве въ видахъ укрѣпленія своего союза съ нѣмецкими протестантами (Генрихъ VIII

былъ основателемъ англійскаго протестантизма). Но такъ какъ его ожиданія не оправдались, то онъ развелся и женился въ пятый разъ на Екатериинѣ Говардѣ. Въ противоположность невинно осужденной Аннѣ Болейнѣ, эта дѣйствительно совершила прелюбодѣяніе и, безгранично провластвовавъ нѣкоторое время надъ королемъ, была казнена по его повелѣнію. Овдовѣвъ въ пятый разъ, Генрихъ женился въ шестой разъ на Екатериинѣ Паррѣ, которая, наконецъ, пережила его. Одинъ изъ выдающихся испанскихъ королевъ, католикъ Фердинандъ II, въ царствованіе котораго Колумбъ открылъ Америку, былъ женатъ первымъ бракомъ на Изабеллѣ Кастильской. Когда Изабелла умерла, Фердинандъ, въ надеждѣ получить сына, наслѣдника престола, женился вторично на кузинѣ Людовика XII французскаго. Но эта надежда не осуществилась, и послѣ его смерти испанскій престолъ унаслѣдовала его дочь отъ перваго брака съ Изабеллой, Иоанна. Вслѣдствіе брака ея съ габсбургскимъ принцемъ Филиппомъ Испанія перешла во владычество Габсбурговъ.

Среди позднѣйшихъ испанскихъ королевъ обращаетъ на себя особенное вниманіе Фердинандъ VII (рис. 131), царствовавшій въ эпоху Наполеона I. Онъ былъ женатъ четыре раза. Первой супругой его была Антуанетта-Тереза Сицилійская, второй — Марія-Изабелла-Франциска Португальская, третьей — Юзефа Саксонская и четвертой — Марія-Христина Сицилійская.

Любовныя перипетіи французскихъ королевъ Людовиковъ общезнаваемы;

былъ основателемъ англійскаго протестантизма). Но такъ какъ его ожиданія не оправдались, то онъ развелся и женился въ пятый разъ на Екатериинѣ Говардѣ. Въ противоположность невинно осужденной Аннѣ Болейнѣ, эта дѣйствительно совершила прелюбодѣяніе и, безгранично провластвовавъ нѣкоторое время надъ королемъ, была казнена по его повелѣнію. Овдовѣвъ въ пятый разъ, Генрихъ женился въ шестой разъ на Екатериинѣ Паррѣ, которая, наконецъ, пережила его. Одинъ изъ выдающихся испанскихъ королевъ, католикъ Фердинандъ II, въ царствованіе котораго Колумбъ открылъ Америку, былъ женатъ первымъ бракомъ на Изабеллѣ Кастильской. Когда Изабелла умерла, Фердинандъ, въ надеждѣ получить сына, наслѣдника престола, женился вторично на кузинѣ Людовика XII французскаго. Но эта надежда не осуществилась, и послѣ его смерти испанскій престолъ унаслѣдовала его дочь отъ перваго брака съ Изабеллой, Иоанна. Вслѣдствіе брака ея съ габсбургскимъ принцемъ Филиппомъ Испанія перешла во владычество Габсбурговъ.

Рис. 133. Карлъ II, англійскій король.

По старинной гравюрѣ.

подробнѣе о нихъ будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ (въ X главѣ II тома наст. сочин.). Людовикъ XI былъ женатъ первымъ бракомъ на Маргаритѣ Шотландской, вторымъ — на Шарлоттѣ Савойской. Людовикъ XII былъ женатъ три раза, — сначала на Иоаннѣ, дочери Людовика XI, потомъ на Аннѣ Бретанской (пѣдью этого брака было присоединеніе Бретани къ Франціи) и, наконецъ, на Маріи Англійской. Людовикъ XIV былъ женатъ въ первый разъ на испанской инфантѣ Маріи Терезіи. Когда она умерла, Людовикъ женился на своей послѣдней любовницѣ, маркизѣ де Мэвтенонъ (рис. 174 во II т.). Поразительно то, что король, заводившій и отправлявшій множество любовницъ, могъ рѣшиться въ концѣ концовъ на новый законный бракъ, хотя онъ и былъ заключенъ тайкомъ, ночью въ кабинетѣ короля, въ присутствіи его духовника, іезуита Пэръ Лашеза, но все же самимъ архіепископомъ парижскимъ.

Рис. 134. Императрица Марія Луиза.
По портр. Фр. Жерара.

Подобно Людовикамъ французскимъ, жилъ также король Карль II англійскій (рис. 133). Одновременно съ супругой, португальской принцессой, онъ имѣлъ двухъ выдающихся любовницъ — Барбару Пальмеръ, впоследствии герцогиня Клевлендская, и Элеонору Гвинье. Впослѣдствіи любовницами его были еще французенка Луиза де Кюруайль и итальянка Гортензія Мандивни (рис. 175 во II т.), одна изъ племянницъ кардинала Мазарини.

Его братъ и преемникъ Іаковъ II (рис. 132) былъ женатъ первымъ бракомъ на Аннѣ, дочери кацлера Тида. Послѣ ея смерти онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Маріей Морэнской, извѣстной какъ одна изъ самыхъ жестокихъ тиранокъ во всей исторіи: она безпощадно преслѣдовала протестантскихъ мятежниковъ и продавала ихъ толпами въ Ямайку, извлекая, вдобавокъ, изъ ихъ продажи матеріальную выгоду для себя.

Рис. 135. Жозефина Богарна.
По портр. Фр. Жерара.

Наполеонъ I (рис. 61) былъ женатъ дважды. Въ первый разъ на Жозефинѣ Богарнѣ (рис. 135), вдовѣ одного изъ его генераловъ, порядочно старше его годами. Вслѣдствіе бездѣтности этого брака, онъ развелся съ ней и женился на дочери императора Франца I, эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ (рис. 134).

Фридрихъ Вильгельмъ II Прусскій (рис. 136) еще наслѣдникомъ принцемъ развелся съ своей первой женой и затѣмъ, уже королемъ, женился вторично; потомъ имѣлъ еще двухъ побочныхъ

женъ и, между прочимъ, поддерживалъ многолѣтнюю связь съ дочерью музыканта Энка, которой далъ впоследствии титулъ графини Лихтенауской (рис. 173 во II т.).

Габсбурги старались путемъ браковъ расширить свое могущество. Особенно удачливъ былъ въ такихъ политическихъ бракахъ Рудольфъ I, — къ нему же относится стихотворная сатира, въ которой говорится, что воевать предоставляется другимъ государствамъ, а счастливой Австрiи достаточно свататься, такъ какъ другимъ расширяетъ владѣнiя Марсъ, а Австрiи — Венера. У членовъ Габсбургскаго дома не рѣдкость двойные и тройные браки.

Леопольдъ I (1658—1705; рис. 137) былъ женатъ три раза. Отъ третьяго брака его съ Элеонорой Пфальцской родился его преемникъ, приобрѣвшiй впоследствии историческую извѣстность, императоръ Карлъ VI, отецъ Марiи-Терезiи.

Рис. 136. Король Фридрихъ-Вильгельмъ II.
По портр. Шредера.

Францъ II (въ качествѣ императора австрiйскаго, — Францъ I; рис. 138) былъ женатъ четыре раза: въ 1788 году онъ женился на Елизаветѣ-Вильгельминѣ, принцессѣ Вюртембергской, умершей бездѣтною въ 1790 г.; въ томъ же году онъ женился на Марiи-Терезiи Сицилійской, умершей въ 1807 году, оставивъ тринадцать человекъ дѣтей, — въ ихъ числѣ будущiй императоръ Фердинандъ Австрiйскiй; въ 1808 г. онъ женился на Людовикѣ-Беатрисѣ, принцессѣ Моденской; она умерла въ 1816 г., и онъ въ томъ же году вступилъ въ новый бракъ съ Каролиной-Августой, дочерью короля Максимилиана I Баварскаго, разведенной (въ 1814 году) женой на-

слѣднаго принца Вюртембергскаго, впоследствии короля Вильгельма I; оба послѣднiе брака остались бездѣтными.

Теперешнiй австрiйскiй наследникъ престола, эрцгерцогъ Фердинандъ д'Эсте, родился отъ второго брака эрцгерцога Карла-Людвига, брата царствующаго теперь императора Франца-Иосифа, съ Марiей-Аннушиатою, принцессой Сицилійской. Первымъ бракомъ отецъ наследника престола былъ женатъ на Маргаритѣ, принцессѣ Саксонской, а третьимъ на Марiи-Терезiи Португальской.

Съ другой стороны именно исторiя этой династiи показываетъ, какъ часто снова утрачивается приобрѣтенное могущество вслѣдствiе бездѣтныхъ браковъ. Такъ угасла, напримѣръ, въ 1700 году, въ царствованiе Карла II, линия испанскихъ Габсбурговъ вслѣдствiе того, что не имѣла наследника престола. То же грозило и австрiйской линiи въ царствованiе Карла VI, такъ что онъ вынужденъ былъ приложить всѣ силы, чтобы съ помощью собственнаго основнаго государственнаго закона — такъ называемаго прагматической санкцiи — обезпечить престолъ за своей дочерью, знаменитой впоследствии императрицей Марiей-Терезiей (см. рис. во II ч. наст. тома).

Сравнимъ съ этими — довольно сложными, какъ мы видимъ — условіями брачныхъ отношеній царствующихъ лицъ условія брачныхъ отношеній нѣкоторыхъ великихъ людей, героевъ духа.

Гете (рис. 120) противился искушенію брака всю жизнь, несмотря на то, что ему безчисленное множество разъ грозила опасность очутиться подъ игомъ брака, — вспомнимъ хотя бы страстную любовь, связывавшую его съ Фредерикой Брионъ фонъ Зезенгеймъ, съ Лоттой Буреръ (Лотта Вертера), съ Лили Шеземанъ, съ Максимилианой Брентано, съ Шарлоттой фонъ Штейнъ (см. рис. во II ч. наст. тома), съ Короной Шретеръ (см. рис. во II ч. наст. т.) и т. д. Восемнадцать лѣтъ онъ прожилъ въ бракѣ „по совѣсти“ съ Христіаной Вульпиусъ (рис. 121), пока внѣшнее событіе — разгромъ Веймара послѣ Йенской битвы — побудило его жениться на „маленькой подружкѣ“, давно подарившей ему нѣсколько человѣкъ дѣтей. Смерть жены, скончавшейся десять лѣтъ спустя, потрясла его гораздо сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда, Гете шелъ тогда уже шестьдесятъ восьмой годъ. Къ новому браку не могла склонить его даже юношеская любовь, вспыхнувшая въ немъ къ Ульрику фонъ Левецовъ.

Вилхельмъ женился только тридцати пяти лѣтъ отъ роду. Онъ счастливо прожилъ двадцать лѣтъ съ своей женой, которая родила ему четырнадцать человѣкъ дѣтей. Послѣ ея смерти онъ не пожелалъ вступить во вторичный бракъ, хотя пережилъ свою жену на двѣнадцать лѣтъ.

Бракъ Лессинга со вдовой гамбургскаго купца Евой Кенигъ встрѣчалъ на своемъ пути множество различныхъ препятствій въ теченіи дѣлныхъ семи лѣтъ. Наконецъ, онъ достигъ долго и страстно желанной дѣли, но супружеское счастье его длилось всего одинъ годъ, — она умерла послѣ рожденія перваго ребенка. До своей смерти въ 1781 году Лессингъ прожилъ вдовцомъ три года.

Рис 133. Францъ II, императоръ австріяскій.
По гравюру Пфейфера.
Мужчина и женщина. I

Рис 137. Австріяскій императоръ Леопольдъ I.

Мольеръ, творецъ величайшей французской комедіи, былъ очень несчастливъ въ бракѣ съ Армандой Везаръ, отравившей ему всю жизнь своей надменностью и кокетливостью. Она пережила его.

Шекспиръ (рис. 77) женился девятнадцати лѣтъ на Аннѣ Газавей, которой было тогда уже двадцать шесть лѣтъ. Повидимому, бракъ былъ счастливый. Жена пережила его на семь лѣтъ, — Шекспиръ умеръ, какъ извѣстно, сравнительно молодымъ, въ расцвѣтъ творческой дѣятельности, на 52 году.

Мильтонъ (рис. 139), заслуженно занимающій мѣсто рядомъ съ Шекспиромъ, хотя самъ онъ, пламенный поклонникъ Шекспира, признавалъ, что передъ величіемъ шекспировскаго генія „зритель не можетъ не окаменѣть“, былъ женатъ первымъ бракомъ на Мари Поуэль, дочери помѣщика. Легкомысленная и веселая, она черезъ одинъ мѣсяць послѣ замужества бѣжала отъ своего строго добродѣтельнаго мужа, которому показалась, въ свою очередь, духовно слишкомъ незначительной. Несмотря на это, Мильтонъ послалъ за нею посла, требуя ея возвращенія; въ тотъ періодъ онъ написалъ четыре сочиненія по вопросу развода, который онъ заищала въпреки взглядамъ того времени и отстаивалъ расторженіе брака не судебнымъ путемъ, а, согласно древне-еврейскимъ взглядамъ, предоставлялъ его совѣсти мужа. Черезъ два года жена вернулась къ нему и подарила ему троихъ дочерей, скончавшись послѣ семи лѣтъ супружескаго сожителства. Четыре года прожилъ Мильтонъ вдовцомъ, потомъ женился на Екатеринѣ Вудкокъ, которая вскорѣ (въ 1658 г.) также умерла. Третій бракъ пятидесятилѣтняго Мильтона объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что онъ, ослѣпнувъ, нуждался въ помощи и уходѣ — и дѣйствительно нашелъ въ своей третьей женѣ преданное и самоотверженное существо, заботившееся о немъ до самой его смерти.

Рис. 139. Джонъ Мильтонъ.
По старинной гравюрѣ.

Байронъ, знаменитѣйшій англійскій поэтъ XIX столѣтія, былъ женатъ на Аннѣ Изабеллѣ Мольбанкъ. Бракъ оказался однако несчастнымъ, такъ что привелъ вскорѣ къ необходимости формальнаго развода. Послѣ смерти Байрона американская писательница Бичеръ-Стоу выступила съ вызвавшимъ необычайную сенсацию разоблаченіемъ, будто причиной развода была кровосмѣсительная связь Байрона съ его единокровной сестрой; это неосновательное обвиненіе было вскорѣ опровергнуто несомнѣнными доказательствами. Послѣ развода Байронъ жилъ въ свободномъ союзѣ съ красавицей графиней Друччіоли, который такъ и не увѣнчался законнымъ бракомъ.

Рубенсъ былъ женатъ въ первый разъ на Изабеллѣ Брантъ (см. отд. табл.), съ которой прожилъ пятнадцать лѣтъ. Послѣ трехлѣтняго вдовства онъ женился на красавицѣ Эленѣ Фурманъ, часто служившей ему натурщицей. Рембрандтъ женился двадцати восьми лѣтъ на красавицѣ Саскин (см. отд. табл.), съ которой прожилъ восемь лѣтъ. Когда жена его умерла, онъ не пожелалъ жениться вторично, хотя перенесъ свою жену на двадцать семь лѣтъ. Бетховень (рис. 74) прожилъ всю свою жизнь холостякомъ. Моцартъ женился на сестрѣ дѣвушки, бывшей его первой юношеской любовью, Констанціи Веберъ. Жена пережила его. — Моцартъ умеръ, какъ извѣстно, очень молодымъ, на тридцать шестомъ году жизни. Рихардъ Вагнеръ (рис. 75) былъ женатъ въ первый разъ на артисткѣ Миннѣ Планеръ. Бракъ этого не былъ счастливымъ, и Вагнеръ долго жилъ въ разлукѣ со своей первой женой; бракъ длился двадцать девять лѣтъ. Жена его умерла въ 1866 году, и послѣ трехъ съ половиной лѣтъ вдовства Вагнеръ женился вторично, на дочери Франца Листа

Козимдѣ. Она пережила мужа; извѣстно, съ какой наумительной энергіей она осуществила его завѣщаніе.

На бракъ, разводъ и новый бракъ великихъ людей и сильныхъ міра надо смотрѣть съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ на эти стороны жизни широкой массы обыкновенныхъ людей. У царствующихъ лицъ огромную роль играютъ соображенія чисто политической, необходимости продолжить мужскую линію рода, стремленіе расширить свои владѣнія, покорить новыя страны безъ кровопролитія, посредствомъ собственнаго личнаго акта. Если вспомнить далѣе, что и законная жена, особенно при абсолютизмѣ прежнихъ временъ, была также не болѣе, какъ безвольнымъ подданнымъ, — становится совершенно понятнымъ, что браки такъ часто бывали многократны, что такъ быстро заключались новые браки послѣ кратковременнаго вдовства и легко расторгались, часто съ соизволенія церкви, неумолимо строгой въ охранѣ брака простыхъ людей.

У великихъ людей многократные браки встрѣчаются гораздо рѣже, если только новый бракъ не вызывается особыми обстоятельствами, какъ, на примѣръ, у ослѣпшаго Мильтона. Большею частью, напротивъ, встрѣчается нерасположеніе къ браку, въ особенности ко второму браку.

Никто такъ много не занимается изслѣдованіемъ загадки „Женщина“, какъ поэты и писатели, дарящіе намъ образы женщинъ всѣхъ разновидностей, во всемъ многообразіи ихъ добродѣтелей и недостатковъ, всесторонне рисующіе въ красивыхъ и остроумныхъ стихахъ, въ выразительныхъ афоризмахъ, въ сонетахъ и эпиграммахъ любовь и бракъ, женскую красоту и женское коварство. Приведемъ изъ множества афоризмовъ нѣкоторые, относящіеся специально къ нашей темѣ.

„Самой счастливой семейной жизнью живетъ... бездѣтный вдовецъ“, — говоритъ Пауль фонъ Шентанъ. „Вдовецъ становится большей частью отличнымъ мужемъ, — потому-то женщины легко прощаютъ ему лишній десятокъ лѣтъ“, — говоритъ П. Мавтегацца. „Кто беретъ вторую жену, тотъ показываетъ себя недостойнымъ того, что потерялъ первую“, — говоритъ Бомарше.

Рис. 140. Въ прїятномъ ожиданїи. По карткѣ Эд. Гриспера.

Глава десятая.

Мужчина въ роли холостяка.

(Проф. д-ра О. Шрадера, Іена.)

Что такое старый холостякъ? Это человѣкъ, оставшіяся неженатымъ въ возрастѣ, старше обычно установленнаго въ его странѣ и его сословіи брачнаго возраста. Но такъ какъ бракъ составлялъ много тысячелѣтій тому назадъ, какъ составляетъ и нынѣ. фундаментъ государства, слѣдовательно, на холостяка, подрывающаго своимъ существованіемъ этотъ фундаментъ, надо смотрѣть, какъ на заклятаго врага государства, и даже непонятно, какъ могло родить изъ себя государство такого противника, и, болѣе того, какъ оно можетъ его терпѣть.

Цѣлыя тысячелѣтія воспѣвается бракъ, какъ высшее счастье дѣтей земли. Кто не помнитъ пожеланія, съ которымъ обращается у Гомера Одиссей къ своей спасительницѣ Навзикаѣ: „Да пошлютъ тебѣ боги все, чего ты желаешь въ сердцѣ своемъ: мужа и домъ, и доброе согласіе! Ибо нѣтъ въ мірѣ ничего прекраснѣе и лучше того, когда мужъ и жена живутъ согласной жизнью въ домѣ своемъ“. Какъ же могутъ мужчины отталкивать это хваленое счастье?

И, наконецъ, третье. Общественная мораль нашего времени (отчасти въ противоположность возрѣвнїямъ древности) ограничила удовольствованіе могущественнѣйшаго инстинкта человѣче-

ства предѣлами супружеской жизни. Можно одобрять или порицать это, считать или не считать это лицемѣріемъ, — фактъ тотъ, что всякій, возстающій открыто противъ этого установленія — въ особенности, если онъ занимаетъ официальное положеніе — ставитъ на карту не только свою репутацию, но часто и самое существованіе свое. Этому взгляду распространяется и на холостяка, который переживаетъ поэтому непрерывную борьбу въ лучшую пору своей жизни, затрудняясь рѣшить, обречь ли ему себя на монашеское воздержаніе, парализующее людскую энергію, или подвергнуть себя упомянутому риску и этимъ самымъ способствовать тому, что общественная мораль клеймитъ какъ „безнравственность“, характерно ограничивая это понятіе сферой половой жизни. Какъ могутъ мужчины не стараться съ помощью быстрой рѣшимости избавиться отъ этого поистинѣ тягостнаго положенія и въ то же время облегчить этимъ свою социальную совѣсть передъ лицомъ женскаго вопроса, съ каждымъ днемъ все пастойчивѣе требующаго отвѣта?

Все это станетъ намъ понятнѣе, когда мы рассмотримъ сначала исторію развитія холостячества въ его главныхъ чертахъ, а затѣмъ перейдемъ къ рассмотрѣнію психологій современнаго холостяка и къ вопросу, какая предстоитъ ему судьба.

Оглядываясь прежде всего на крупныя культурныя государства европейской древности, мы наталкиваемся всюду въ началѣ ихъ исторіи на такой моментъ, когда государство и общество яростно ополчаются противъ новаго еще, очевидно, образа холостяка. Вотъ что мы находимъ, напримѣръ, у историка Плутарха о великомъ спартанскомъ законодателѣ Ликургѣ:

„Онъ установилъ также кару за безчестіе для холостяковъ. Они лишаются права созерцанія (нагихъ фигуръ мальчиковъ и дѣвочекъ) во время игръ. Зимой они должны были нагими кружить, по приказанію архонтовъ, вокругъ рынка и въ это время распѣвать стихи, осмѣивающіе ихъ самихъ; въ этихъ стихахъ говорилось, что они терпятъ по заслугамъ, такъ какъ не повиновались законамъ. На нихъ не распространялись также почетъ и заботы, которыми младшіе были обязаны старшимъ. Вотъ почему никто не бранилъ молодого человѣка за слова, сказанныя имъ Деркилидію, хотя тотъ былъ знаменитый полководецъ. Случилось это такъ, что однажды одинъ изъ молодыхъ людей не всталъ съ мѣста, когда мимо него проходилъ Деркилидій, и сказалъ ему: „Ты не родилъ еще никого, кто современемъ всталъ бы передо мной“.

По сообщенію другого историка, во время празднествъ въ Спартѣ женщины насильно водили холостяковъ вокругъ алтаря и хлестали ихъ прутьями, чтобы заставить ихъ отказаться отъ нечестиваго безбрачія, открыть свое сердце любви и „вовремя одуматься“. Но въ Спартѣ установлены были наказанія не только за холостое состояніе, но и за позднее вступленіе въ бракъ. — значить, вполнѣ сознавали вредныя послѣдствія этого для потомства, и за „дурные браки“, — если, напримѣръ, рослый мужчина женился на очень маленькой женщинѣ. За такой проступокъ былъ наказанъ, напримѣръ, король Архимамосъ, о которомъ говорили: „онъ родить намъ не королей, а василисковъ“ (непереводимая игра словъ: по-гречески „король“ — *basiléus*, а

basilískos значить и презрительно-уменьшительное название от слова „король“, и „василискъ“).

Помимо же этого, на красоту, какъ и на приданое, дѣвушки при выборѣ жены не должно было обращать вниманія. Въ виду этого въ Спартѣ существовалъ обычай заирать въ темное помѣщеніе дѣвушекъ и юношей, способныхъ къ браку, и каждый долженъ былъ жениться на той, которую онъ поймаетъ впотьмахъ. Въ большомъ и вольномъ торговомъ городѣ — въ Афинахъ такіе варварскіе обычаи должны были прекратить существованіе гораздо раньше; но намъ извѣстно самымъ достовернымъ образомъ, что еще Солопъ ввелъ въ свое законодательство мѣры наказанія противъ холостяковъ точно такъ же, какъ и въ древнѣйшемъ римскомъ законодательствѣ, о которомъ мы имѣемъ кой-какія свѣдѣнія.

Всѣ эти законы и обычаи должны были возникнуть изъ взгляда народа на бракъ, какъ на неизбежную необходимость для мужчины, и на холостяка, уклоняющагося отъ этой необходимости, какъ на недостойнаго и преступнаго члена общества. Слѣды отдаленнѣйшей древности, даже первобытныхъ эпохъ нашего племени можно найти, если правильно поискать ихъ, еще и въ настоящее время въ отдаленныхъ уголкахъ Европы, такъ что эти взгляды народа на бракъ живы еще и теперь, какъ когда-то, во многихъ мѣстахъ земного шара. Это въ особенности вѣрно въ отношеніи всего востока и юго-востока Европы. Послушаемъ, что говоритъ серьезный русскій ученый — Ровинскій (Павель Аполлоновичъ), написавшій этнографическое сочиненіе о Черногоріи („Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“, Спб., 1897 г., т. II, часть 1, стр. 237), о положеніи вопросовъ брака въ этой странѣ и въ Россіи.

„У насъ на парня неженатаго народъ смотритъ, какъ на что-то несовершенное, неполное, и жизнь безъ жены считается незаконною, потому о женитбѣ говорится „привести въ законъ“. У черногорцевъ эта необходимость выражается еще настоятельнѣе: „Чоек“ не може бити чоек, докле га жена не крсти“, т. е. тогда только онъ и можетъ назваться человѣкомъ вполне, когда женится; тогда только онъ вступаетъ въ настоящую жизнь мужчины, облеченнаго въ извѣстныя права и обязанности; иначе его всегда будутъ звать „дъете“ (впрочемъ часто и женатыхъ молодыхъ зовутъ „дъетич: добаръ дъетич или момакъ“, какъ у насъ хорошій парень)“. Въ Сербіи и Болгаріи также еще и въ настоящее время женитба считается необходимой обязанностью, которую каждый долженъ исполнить. Въ Греціи остаются неженатыми только лица, вслѣдствіе болѣзни негодныя для брака; къ оставшимся неженатыми позже обычнаго для брака возраста относятся съ презрѣніемъ. Но и у насъ въ Россіи господствуютъ еще отчасти тѣ же взгляды. Западно-германскіе горцы еще недавно называли „старыми холостяками“ молодыхъ людей двадцати-пяти лѣтъ, если они могли жениться и не пожелали, а въ Силезіи, совершенно такъ же, какъ и въ Черногоріи, словомъ „мужчина“ и обращеніемъ на „вы“ удостоиваютъ только женатыхъ, неженатыхъ же — какого бы ни было возраста — называютъ просто „холостыми ребятами“.

Это совпаденіе историческихъ данныхъ съ несомнѣнно господствующимъ еще и въ настоящее время во многихъ мѣстахъ

нашего земного шара народнымъ сознаниемъ приводить историка культуры къ тому заключенію, что народы Европы пережили нѣкогда эпоху, когда каждый въ отдѣльности былъ убѣжденъ въ непреложной необходимости брака, такъ что на этой почвѣ холостячество не могло получить широкаго развитія. Помятны также и причины такого взгляда на бракъ въ эпоху европейской древности. Причины лежатъ не въ глубокомъ уваженіи къ женщинѣ, такъ какъ положеніе ея въ древности было, наоборотъ, крайне невысоко; не въ сферѣ половыхъ отношеній, такъ какъ въ древности мужчинѣ всюду было доступно безпретставственное общеніе съ наложницами и рабынями; не въ убѣжденіи также, что мужчина долженъ жениться и производить дѣтей ради государства: такое убѣжденіе едва ли и могло существовать тогда, уже просто потому, что тогда еще и государства не было.

Древніе европейскіе народы жили скорѣе — какъ еще недавно, напримѣръ, въ Черногоріи и Герцеговинѣ, — родственными и союзами, большими семьями и родами, объединявшимися въ племена также родственнаго характера. Только въ собственной семьѣ и собственномъ роду находилъ каждый защиту и охрану отъ угрожающаго извнѣ насилія, только собственные семья и родъ могли выдвинуть кроваваго мстителя за него въ случаѣ, если бы ему былъ нанесенъ тяжкій имущественный ущербъ или онъ былъ бы убитъ. Безопасность и вліяніе каждаго отдѣльнаго лица такъ сильно зависѣли поэтому отъ силы семьи или рода, обусловленной численностью мужчинѣ, способныхъ носить оружіе, что намъ сразу становится понятнымъ, почему всѣ древніе народы всегда желали имѣть сыновей.

Къ этимъ соображеніямъ свѣтскаго характера, которыми объясняется необходимость вступленія въ бракъ, надо прибавить еще соображеніе религіозное. Древнѣйшей формой богослуженія нашихъ предковъ былъ культъ предковъ. Въ установленные дни года духамъ умершихъ предковъ, вѣдающимъ блага и горести семьи и рода, приносятъ на могилы или въ жилища пищу и напитки и торжественно взываютъ къ почившимъ, приглашая ихъ на пиръ. Горе тому, кто этимъ пренебрегъ! Ужасныя кары ждуть его за это, — потому что почившіе нуждаются въ ѣдѣ и питіи такъ же, какъ и живые, и стали бы безпокойно блуждать повсюду, если бы не получили ихъ. Но подобныя жертвы умершимъ могутъ приносить только рожденные въ правильномъ бракѣ сыновья; только наличность сыновей обезпечиваетъ, слѣдовательно, родителю миръ душѣ его за гробомъ. Холостякъ же оказывается беззащитнымъ въ жизни и лишеннымъ покоя и мира за гробомъ.

Такимъ образомъ, мужчина въ силу религіозныхъ соображеній вынужденъ вступить въ прочный союзъ съ женщиной, которая родила бы ему сыновей. Извѣстно, что въ Индіи, даже въ пору англійскаго владычества и даже въ сравнительно недавнее еще время, жену или одну изъ умершаго мужа сжигали вмѣстѣ съ нимъ на кострѣ, чтобы онъ вмѣстѣ съ нею вступилъ въ загробную жизнь. Но не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что тотъ же обычай существовалъ и въ Европѣ, въ особенности въ сѣверной — у славянъ, пруссаковъ, фракійцевъ, германцевъ, скиновъ, а слѣды его обнаруживаются также у грековъ и римлянъ. По-

добно тому, какъ умершаго снабжаютъ нужными ему вещами — его оружіемъ, его конемъ, его рабами, порой даютъ ему съ собою судно, сосуды съ пищей и напитками и т. д., — такъ же поступаютъ и съ его женой, чтобы онъ могъ имѣть ее въ своемъ распоряженіи на томъ свѣтѣ вмѣстѣ со всеми своими вещами.

Мужчина немислимъ безъ женщины. Съ необычайною послѣдовательностью проводится эта мысль до конца въ томъ обычаѣ, который можно прослѣдить — прямо или косвенно — во многихъ мѣстахъ на земномъ шарѣ, согласно которому мужчину, умершаго холостымъ, вѣнчаютъ съ дѣвушкой, единственно съ той дѣлю, чтобы она могла послѣдовать за нимъ на тотъ свѣтъ.

Рис. 141. Похороны древняго руса въ Болгарахъ.
Съѣзжалъ картина Г. И. Семирадскаго.

Наиболѣе древними свѣдѣніями о теперешнихъ русскихъ мы обязаны арабамъ, ѣздившимъ въ теченіе X столѣтія съ торговыми цѣлями на Востокъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ арабъ Массури.

„Покойниковъ своихъ они сжигаютъ на кострахъ, возлагая на нихъ одновременно ихъ оружіе, ихъ вьючныхъ животныхъ и драгоценныя украшенія. Когда умираетъ мужчина, его жена живьемъ сжигается вмѣстѣ съ нимъ, если же умираетъ женщина, мужъ ея этой участи не подвергается. Если же кто-нибудь умираетъ холостымъ, они женятъ его послѣ его смерти“.

Другой арабъ, Ибнъ Фадланъ, самъ присутствовалъ при церемоніи сжиганія трупа одного русскаго военачальника и подробно описалъ ее со словъ своего переводчика.

Большая картина русскаго художника Семирадскаго (рис. 141) въ московскомъ Историческомъ музеѣ даетъ намъ живое представленіе о подобныхъ церемоніяхъ. Направо поклится воз-

ложенное на его корабль тѣло умершаго военачальника. Въ погахъ его сидитъ поддерживаемая двумя подругами дѣвушка, обреченная послѣдовать за нимъ на смерть. За ней стоитъ страшная женская фигура — „ангелъ смерти“, готовая вонзить смертоносный флюнокъ въ грудь несчастной; влѣво у самого края стоитъ челоуѣкъ, ожидающій знака, чтобы зажечь костеръ и корабль. Костеръ заваленъ тушами убитаго скота и коней. Дикіе войны шумно бряцаютъ оружіемъ, чтобы заглушить крики умирающей дѣвушки. Ужасная картина!

Ибнъ Фадланъ, правда, прямо не говоритъ, что въ видѣнномъ имъ случаѣ дѣло шло объ умершемъ холостякѣ, но описываемыя имъ странныя церемоніи, совершаемыя самой дѣвушкой и по отношенію къ ней, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что это именно брачныя церемоніи и именно одинъ изъ случаевъ посмертнаго вѣнчанія, о которыхъ рассказываетъ Массури.

Но то, что изслѣдователь культуры называетъ пережиткомъ (survivals) порядка, имѣвшаго нѣкогда всеобщее распространеніе, можно прослѣдить и во всей Европѣ въ отношеніи упомянутаго обычая посмертнаго вѣнчанія. У сербовъ существуетъ еще и въ настоящее время обычай, — когда умираетъ юноша, какая-нибудь дѣвушка въ подвѣчномъ нарядѣ несетъ два вѣнка, и ее сопровождаютъ два дружка. Въ Подоліи обрядъ погребенія юноши называется словомъ, означающимъ свадьбу („весілля“), и совершается на подобіе свадебнаго обряда. Но тутъ уже наблюдается нововведеніе: когда умираетъ молодая дѣвушка, ей тоже назначается женихъ, котораго родители умершей называютъ „зятемъ“.

Въ Гессенѣ также существуетъ обычай, согласно которому за гробомъ холостяка слѣдуетъ дѣвушка съ вѣнкомъ и потомъ въ теченіе мѣсяца носить трауръ по немъ, и т. д. Сюда же надо отнести и древній обычай у аеинянъ ставить на своихъ кладбищахъ на могилѣ умершихъ не женатымъ лютрофоры (см. рис. 142), т. е. такіе кувшины, въ которыхъ приносится на свадьбахъ вода для жениха и невесты, употребляемая для брачныхъ омовеній.

Такимъ образомъ, передъ нами развертывается явственная картина эпохи, въ которую у народовъ нашего племени всякій зрѣлый въ половомъ отношеніи мужчина изъ вполне понятныхъ мірскихъ и религіозныхъ соображеній чувствовалъ себя обязаннымъ вступить въ бракъ, и обладаніе женой считалось для него такой неминуемой необходимостью, что умершему женатому челоуѣку посылали вслѣдъ его жену, а съ умершимъ холостякомъ вѣнчали дѣвушку для жизни за гробомъ.

Какъ же могла развиться на этой почвѣ фигура стараго холостяка?

Если мы и по этому поводу обратимся прежде всего къ классическому югу Европы, то намъ представится отвѣтъ на поставленный вопросъ въ одной краткой фразѣ: Городъ породилъ стараго холостяка. Городъ представлялъ собою въ древности государство, а на мѣсто родства, какъ объединяющее понятіе, выступила гражданственность. Благополучіе и безопасность личности обезпечивается уже не кровавой мстью, сопряженной съ родственными союзами, а общими для всѣхъ гражданъ законами государства, т. е. города. Высшія религіозныя пред-

ставления, культ отца Зевеса и Юпитера Optimus Maximus въ мраморныхъ храмахъ, доступныхъ всѣмъ гражданамъ, отгѣснили на задній планъ культъ предковъ древнѣйшихъ поколѣннй.

Словомъ, всѣ тѣ точки зрѣння, съ которыхъ въ бракъ считалось въ первобытную эпоху дѣломъ естественно необходимымъ и непреодолимо

необходимымъ, потускнѣли или же были и совсѣмъ отброшены. Вдобавокъ, города становятся съ теченiемъ времени все больше и больше средоточiемъ неслыханной дотогдѣ, принесенной съ Востока роскоши. Повсемѣстно и въ тысячѣ всевозможныхъ образовъ воздвигаетъ свои храмы продажная любовь. Приобрѣтаетъ широкое распространенiе зародившаяся первоначально, вѣроятно, также на востокѣ однополая любовь и ослабляетъ собою половое влеченiе къ женщинѣ. Эмансипацiя женщинъ дѣлаетъ шагъ впередъ, и нарождается типъ богатой и потому властолюбивой и сварливой жены.

Все это вмѣстѣ взятое естественно ведетъ къ тому, что къ преимуществамъ брака начинаютъ относиться скептически и серьезно задумываться надъ вопросомъ, не представляетъ ли гораздо большiя преимущества холостое состоянiе.

На вопросъ одного юноши, слѣдуетъ ли ему жениться, Сократъ, мужъ Ксантиппы, отвѣтилъ, что какъ бы онъ ни рѣшилъ — все равно придется раскаиваться: „Съ одной стороны, — сказалъ онъ, — тебя ждутъ одиночество, бездѣтность, гибель твоего рода, чужой наследникъ; съ другой — вѣчное безпокойство, вѣчныя жалобы, попреки приданымъ, высокомерiе родственниковъ, болтливый языкъ тещи, соперникъ, неизвѣстная судьба твоихъ дѣтей“.

Изъ эпохи царствованiя Александра Великаго до насъ дошелъ, благодаря отцу церкви Герониму (Дюреръ

Рис. 142. Лютрофоръ.

показываетъ памъ этого выдающагося отца церкви въ видѣ отшельника-монаха, рис. 143), отрывокъ изъ „Золотой Книги“ Теофраста, въ которомъ ненавистникъ брака очень поучительно и забавно рисуетъ всѣ отрицательныя стороны тогдашней супружеской жизни. Менандръ, ученикъ Теофраста, называлъ въ своихъ стихотворенiяхъ всякую женщину зломъ, а Бiонъ, поэтъ III столѣтiя до Рожд. Христ., говорилъ молодому человѣку, въ видѣ совѣта: „Возьмешь красавицу — прощай покой! Дурнушка — вѣчное

несчастье. А такъ какъ объ лишъ бѣду тебѣ сулятъ, то лучше, другъ мой, не бери совсѣмъ жены!“

Точно такъ же думали и въ Римѣ, какъ ни склоняли цензора къ браку въ интересахъ государства. „Зачѣмъ мнѣ дѣти, когда у меня много родныхъ? — говоритъ Плавтъ устами стараго холостяка. — Теперь я живу покойно и счастливо, какъ хочу, какъ мнѣ вздумается... Родственники мои заботятся обо мнѣ (въ надеждѣ на наслѣдство), какъ родныя дѣти. Они меня навѣщаютъ, разспрашиваютъ, какъ я себя чувствую и не желаю ли чего. Чуть разсвѣтетъ, они уже являются, освѣдомляются, какъ я провелъ ночь“... и т. п. Оттого-то еще въ языческую эпоху латинское слово *caelebs*, означающее „холостой“, толковали въ смыслѣ „живущій на небесахъ“ (*caelum* — небо). Цицеронъ, котораго уговаривали жениться вторично, заявилъ, что служить одновременно женщинѣ и философіи невозможно.

Не было, конечно, и впоследствии недостатка въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ или проектахъ для борьбы съ безбрачіемъ, становившимся все распространеннѣе. Такъ, напримѣръ, Платонъ, хотя былъ и самъ холостъ, предлагалъ обложить мужчинъ, не женившихся до тридцати-пяти лѣтъ, прогрессивнымъ налогомъ отъ тридцати до ста драхмъ, — или требовалъ, чтобы каждый холостякъ вносилъ въ государственную кассу сумму, потребную на содержаніе жены, такъ какъ „не желающіе жениться и производить, поскольку это отъ нихъ зависитъ, дѣтей, причиняютъ ущербъ численности людей и разрушаютъ города и государственный порядокъ“.

Но все это имѣло мало успѣха. Со словъ историка Полибія мы узнаемъ, что уже во II до Р. Хр. вѣкъ безбрачіе произвело большія опустошенія въ Греціи. Въ одномъ отрывкѣ своего сочиненія онъ говоритъ о томъ, какъ глупо обращаться къ помощи боговъ, когда можно помочь себѣ самому.

„Въ мое время, — говоритъ онъ, — царила во всей Греціи бездѣтность и малолюдность, отъ чего пустѣли города и поля не приносили дохода. И если бы кто-нибудь посовѣтовалъ по этому поводу послать къ богамъ и разспросить ихъ, какъ устроить, чтобы мы стали многочисленнѣе и города наши пришли въ цвѣтущее состояніе, — не былъ ли бы онъ глупцомъ? Вѣдь причины этого явленія ясны, и возможность исправить его въ нашихъ рукахъ. Такъ какъ люди привыкли къ роскоши, стали своекорыстны и легкомысленны и перестали хотѣть жениться, а если и женились, то не хотѣли воспитывать дѣтей, за исключеніемъ одного или двоихъ — оттого и случилось, что бѣда втихомолку и быстро подкралась къ намъ“.

А въ Римѣ въ I столѣтіи послѣ Р. Хр. Петроній Арбитръ восклицаетъ: „Никто въ нашемъ городѣ не хочетъ больше родить дѣтей. потому что тотъ, у кого есть собственные наслѣдники, не допускается къ пиршествамъ или зрѣлищамъ, остается чуждымъ всѣмъ привилегіямъ и влачить въ одиночествѣ жалкое существованіе“.

Таково было положеніе вещей на исходѣ классической древности, когда зародившееся христіанство внесло въ оцѣнку отношеній между мужчиной и женщиной крайне разрушительную

Рис. 143. Св. Иеронимъ. По гравирѣ Альбрехта Дюрера.

точку зрѣнія, съ которой выполне-
 ніе полового акта какъ въ бракѣ,
 такъ и внѣ брака объявлялось без-
 условно грѣхомъ и цѣломудренная
 жизнь холостяка — единствен-
 но угодной Богу. Правда, идея о
 томъ, что служе-
 ніе Богу возможно
 только въ состоя-
 ніи половой чи-
 стоты, не можетъ
 быть названа спе-
 циально христиан-
 ской. Еще въ язы-
 ческой Европѣ мы
 наталкиваемся у
 варварскаго наро-
 да фракійцевъ на
 племя, живущее
 безъ женъ, послѣ-
 щее названіе „Kti-
 staj“ (ср. съ рус-
 скимъ „чистый“) и считавшееся
 святымъ. Но куль-

турное значеніе для Европы приобрѣлъ этотъ принципъ бого-
 угодности цѣломудрія только благодаря христианству.

Правда, съ увѣренностью нельзя установить, какъ относился
 самъ основатель этой религіи къ браку. Съ одной стороны онъ
 говоритъ (Матѣ. XIX): „Не читали ли вы, что сотворившіи въ
 началѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ? И сказалъ: посему
 оставить человекъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей,
 и будутъ два одною плотью; такъ что они уже не двое, но одна
 плоть. Итакъ, что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлу-
 чаетъ“ (4, 5, 6). Съ другой стороны, когда ученики его замѣ-
 чаютъ, что въ такомъ случаѣ лучше не жениться, онъ про-
 износитъ слѣдующія слова, вокругъ которыхъ закипаетъ
 столько споровъ: „Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому
 дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матернаго роди-
 лись такъ; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей: и
 есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для
 царства небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“
 (11, 12).

(На это мѣсто ссылается русская секта скопцовъ. Они
 ждуть вѣчнаго спасенія отъ умерщвленія плоти и потому оско-
 пляютъ себя. Живутъ они преимущественно въ Орловской и
 С.-Петербургской губерніи и въ Сибири, занимаются отдаваніемъ

денегъ въ ростъ. Всѣ страсти ихъ превратились въ жажду наживы и въ корыстолюбіе).

Гораздо яснѣе оказываются взгляды Павла (I посланіе къ Коринѣ. VII): „Хорошо человѣку не касаться женщины. Но, во избѣжаніе блуда, каждый имѣй свою жену и каждая имѣй своего мужа“ (1, 2) „... Безбрачнымъ же и вдовымъ говорю: хорошо имъ оставаться, какъ я. Но если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ; ибо лучше вступить въ бракъ, нежели разжигаться“ (8, 9).

Съ этой точки зрѣнія, для которой, слѣдовательно, пылкое плѣтомудріе представлялось наивысшимъ идеаломъ, христіанская церковь старалась во всѣхъ обращенныхъ странахъ повліять на половую жизнь даже въ бракѣ тѣмъ, что строжайше запретила супругамъ супружескія сношенія въ дни церковныхъ праздниковъ и постовъ. Какъ далеко заходила эта строгость, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго англо-саксонскаго предписанія:

„Ради полового сношенія, міряне, которые желаютъ заслужить милость Божію, не должны соединяться съ женою своею ни въ ночи подь воскресенье, ни подь праздничные дни, ни подь среду, ни подь пятницу, ни во все время великаго поста, ни подь дни прочихъ постовъ“.

Среди крестьянскаго населенія Россіи еще и въ настоящее время считается тяжкимъ грѣхомъ, когда крестьянинъ вздумаетъ общиться съ женой въ одинъ изъ безчисленныхъ дней постовъ, — что, впрочемъ, не мѣшаетъ русскимъ быть самымъ многодѣтнымъ народомъ въ Европѣ.

Если въ этихъ предѣлахъ еще можно считать отношеніе духовенства благопріятнымъ съ гигиенической точки зрѣнія, — поскольку мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что въ языческихъ странахъ до ихъ обращенія царилъ въ общемъ, въ бракѣ и внѣ брака, самая необузданная и неумѣренная чувственность, — все же церковь, съ своей стороны, нарушаетъ священные законы, данныя природою, обрекая, въ строгомъ толкованіи мысли Павла, сотни тысячъ способныхъ къ дѣторожденію священнослужителей на обязательное безбрачіе. Только одна восточная церковь не погрѣшила — или только отчасти погрѣшила — этимъ шагомъ, установивъ, какъ, напримѣръ, въ Россіи, обязательное безбрачіе только для „чернаго“, монастырскаго духовенства, а „бѣлое“ даже обязавъ жепиться.

Въ то время какъ описанныя обстоятельства царили на югѣ Европы и несомнѣнно вызывали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до и послѣ Р. Хр. въ Греціи, какъ и въ Италіи отмѣченную еще Полибіемъ убыль населенія, получившаго новый притокъ крови только съ вторженіемъ варварскихъ сѣверныхъ племенъ въ предѣлы римской имперіи, — на самомъ сѣверѣ Европы должны были царить еще непоколебленныя прагматовскія убѣжденія въ необходимости брака, подсказываемыя религіозными и мірскими соображеніями. Но уже начинаютъ намѣчаться и здѣсь нѣкоторыя теченія — хотя и иного характера и болѣе медленныя — въ сторону нарождающагося мало-по-малу холостячества. въ чемъ намъ приходится разбираться, за полнымъ почти отсутствіемъ историческихъ данныхъ, по названіямъ холостяка въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ языкахъ.

Интересно, напримѣръ, что на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, т. е. въ языкахъ ново-греческомъ, сербскомъ, болгарскомъ, румынскомъ и албанскомъ, слово „холостякъ“ передается турецкимъ словомъ „bekar“ — доказательство того, что крестьянское население этихъ странъ познакомилось съ этимъ понятіемъ только въ періодъ турецкаго владычества и черезъ посредство турецкихъ чиновниковъ.

Не менѣе поучительны также три народныхъ русскихъ названія понятія холостяка: байбакъ, бобыль и бурлакъ. Изъ нихъ основной смыслъ перваго слова — лѣнтяй, лежебокъ, трутень; второе означаетъ пролетарія, безземельнаго крестьянина, паразита; третьимъ называютъ собственно судорбочихъ, тянувшихъ бечевой большія, груженныя хлѣбомъ суда вверхъ по Волгѣ. Есть захватывающая русская народная пѣснь „Эй, ухнемъ“ („Дубинушка“), ярко рисующая невыразимо тяжелый трудъ этихъ бѣднягъ. Итакъ, мы видимъ, что въ крестьянской Россіи разрозненный типъ холостяка народился, — что вполне согласуется съ нашими прежними выводами, — изъ бѣднѣйшихъ и презрѣннѣйшихъ классовъ.

Слѣды того же явленія мы можемъ прослѣдить и на германскомъ западѣ. На такое же происхождение его указываетъ самое нѣмецкое слово „холостякъ“ — Hagestolz и одивакосъ съ нимъ по звуку, по корню и по смыслу англосаксонское haegsteald, такъ что слово и понятіе это должно было быть извѣстно германцамъ еще раньше, чѣмъ англосаксы переселились въ нынѣшнюю Англію. Слово „Hag“ означаетъ заборъ, изгородь, но каковъ былъ первоначальный смыслъ этого слова — этотъ вопросъ остается спорнымъ. Несомнѣнно только то, что въ средніе вѣка „haistaldi“, „Hagestolzen“ составляли классъ крестьянства, занимающій среднее мѣсто между свободными и рабами, которые оставались (по причинамъ, не совсемъ яснымъ) всегда или большей частью неженатыми (отсюда старо-французское hastaudeau, заимствованное изъ нѣмецкаго Hagestolz, означающее „каплувъ“).

Далѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ то обстоятельство, что у германцевъ старые холостяки занимали также почетныя должности — въ древней Саксоніи, напр., они бывали благородными спутниками короля; а если мы припомнимъ то, что рассказываетъ еще Тацитъ въ своей „Германіи“ о составѣ свиты древне-германскихъ владѣтелей, окружавшей ихъ и въ военное и въ мирное время, то мы едва ли ошибемся, если усмотримъ въ этой древне-германской свитѣ, получавшей отъ своего владѣтеля содержаніе, оружіе и одежду, въ которой почти невозможно представить себѣ женатыхъ людей — своего рода профессиональныхъ древне-германскихъ старыхъ холостяковъ.

Но еще одно мѣсто въ Тацитовской „Германіи“ указываетъ на исторію ихъ возникновенія. По общему правилу, на основаніи пар. 20, правомъ наслѣдованія пользовались у древнихъ германцевъ всѣ дѣти, т. е. сыновья, одинаково; но у одного племени господствовало, согласно пар. 32, право первородства. Замѣчено однако, что всюду, гдѣ существуетъ въ странѣ право первородства, оно очень неблагопріятно влияетъ на число заключаемыхъ браковъ.

„Необычайно велико число старых холостяковъ, — говорить Фридрихъ Принцингъ въ своей работѣ о безбрачїи въ европейскихъ странахъ („Zeitschrift für Socialwissenschaft“, VIII), — въ австрійскихъ приальпійскихъ странахъ (Тироль, Зальцбургъ, Штирія, Каринтія); причина этого коренится главнымъ образомъ въ аграрныхъ условїяхъ этихъ странъ, вслѣдствіе которыхъ крестьянскій сынъ, къ которому переходить имѣніе, очень поздно получаетъ возможность жениться, а другіе сыновья часто и совсѣмъ не имѣютъ этой возможности“.

Не будетъ поэтому большою смѣлостью предположить тѣ же явленія въ условїяхъ, описываемыхъ Тацитомъ.

На подобныя же обстоятельства указываетъ и датское слово „холостякъ“ — unḡkarl, — въ противоположность слову karl (unḡ — частица отрицанія), означающему „свободный! землевладелецъ“, „крестьянинъ“, — между тѣмъ какъ просто „безбрачный“, т. е. холостой, а не старый холостякъ, называется на томъ же языкѣ rebersvend и относится къ эпохѣ средневѣковой торговли; это слово составлено изъ двухъ словъ — reber значить „перець“ и vend — парень, продавецъ; перець былъ нѣкогда главнымъ предметомъ торговли, и rebersvend были молодые люди, развѣзжавшіе по свѣту отъ торговцевъ для продажи этого товара и не имѣвшіе, конечно, возможности обзавестись женой.

Такъ вырастаютъ изъ-подъ земли, какъ грибы, въ разныхъ мѣстахъ и при различныхъ культурныхъ условїяхъ старые холостяки; и чѣмъ больше развивается и на сѣверѣ Европы зародившееся на югъ строеніе городовъ съ привольемъ городской жизни, тѣмъ больше мы наблюдаемъ и у насъ, какъ въ Греціи и Италїи, это злополучное вліяніе города на заключеніе браковъ. Еще въ XIII столѣтїи вліятельный народный ораторъ и священникъ Вертольдъ фонъ Регенсбургъ ведетъ энергичную борьбу съ все возрастающимъ безбрачїемъ, и еще съ XI столѣтїя у насъ сохранились памятники права, старавшагося противодѣйствовать явленію холостячества установленіемъ особаго закона для старыхъ холостяковъ, согласно которому наслѣдство холостяка поступаетъ въ пользу монастырей, церквей, мѣстныхъ князей или фиска. Въ душѣ народа глубоко вкоренилась и вкоренена до сихъ поръ идея нравственной необходимости брака, которая выражается и въ насмѣшкахъ, которыми осыпаетъ народъ старыхъ холостяковъ и старыхъ дѣвъ.

Такова въ главныхъ чертахъ своѣхъ исторія этого явленія. Перейдемъ теперь къ вопросу о холостячествѣ въ настоящее время. Существуетъ ли такой вопросъ? Такъ ли велико въ Германїи (которой мы отнынѣ преимущественно займемся) число безбрачныхъ, что является или становится угрожающимъ общему благу? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить частью отрицательно, частью утвердительно. Отрицательно въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду общее число заключаемыхъ браковъ.

„Процентная численность старыхъ холостяковъ уменьшилась въ большинствѣ европейскихъ странъ, за исключеніемъ Швеціи, Франціи и Ирландїи, — такъ формулируетъ Фр. Принцингъ результатъ своихъ статистическихъ изслѣдованій. — Извѣстныя намъ цифры числа заключаемыхъ въ европейскихъ

странахъ браковъ служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что объ упадкѣ у мужского пола расположенія ко вступленію въ бракъ, что такъ часто утверждаютъ авторы сочиненій по женскому вопросу, не можетъ быть рѣчи; въ особенности же въ Германіи, какъ видно изъ приводимыхъ и дальнѣйшихъ цифръ, процентное отношеніе числа старыхъ холостяковъ уменьшилось во всѣхъ частяхъ Имперіи“.

По даннымъ новѣйшей статистики, число браковъ также возросло съ 8,05 до 8,07 на тысячу жителей. Все же осторожность пужна и въ этомъ отношеніи. Подозрительно то, что во Франціи число заключаемыхъ браковъ непрерывно уменьшается, — такъ какъ исторія очень часто доказывала, что социальныя измѣненія въ Европѣ движутся по направленію съ Запада на Востокъ. Надо еще принять во вниманіе и другое. Несмотря на возрастающую численность браковъ, число рожденій, повидимому, медленно уменьшается — по послѣднимъ извѣстнымъ даннымъ, оно упало съ 35,19 до 34,00 на тысячу, — обстоятельство, безъ труда объясняющееся употребленіемъ средствъ противъ дѣторожденія, такъ усиленно рекламируемыхъ газетами, даже въ кругу сельскаго и рабочаго населенія. (Доказательства этого можно найти въ крайне интересной съ культурно-исторической точки зрѣнія анкетѣ: „Die geschlechtlich-sittlichen Verhältnisse der evangelischen Landbewohner im Deutschen Reiche I и II т., 1905 и 1906 гг.) Если такое положеніе продолжится, то оказать ему прогностическое могло бы только значительное увеличеніе числа заключаемыхъ браковъ, — если желать предотвратить ту опасность численнаго упадка населенія, которая во Франціи уже наступила. Такъ или иначе, эта забота впереди.

Но совершенно иначе приходится отвѣтить на упомянутый вопросъ, если принять во вниманіе частоту заключаемыхъ браковъ въ различныхъ слояхъ населенія Германіи, — хотя статистика оставляетъ желать еще очень многого на этомъ пунктѣ. Въ этомъ отношеніи выводы всѣхъ изслѣдователей, вполне согласные съ практическимъ опытомъ всякаго внимательнаго частнаго наблюдателя, доказываютъ, что въ такъ называемыхъ высшихъ кругахъ, преимущественно живущихъ въ городахъ, безбрачіе значительно возрастаетъ. Возникаетъ поэтому дальнѣйшій вопросъ: какой ущербъ наноситъ всему народу несомнѣнное возрастаніе холостячества въ высшихъ слояхъ его?

Первымъ непосредственнымъ результатомъ отказа отъ женитьбы всякаго мужчины является увеличеніе числа старыхъ дѣвъ, и это еще больше усложняетъ и безъ того особенно сложный въ высшихъ кругахъ женскій вопросъ. Во-вторыхъ, не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что все возрастающее холостячество приводитъ къ быстрой пролетаризаціи общества; въ связи съ неотдѣлимими отъ него другими явленіями (опасность которыхъ сознавалась еще въ древности) — съ явленіями опсигаміи, т. е. поздняго брака, и ракогаміи, т. е. „дурного“ брака (союза мужчины, изъ постороннихъ соображеній выгоды, съ непригодной для дѣторожденія и для воспитанія дѣтей женщиной), — оно все больше и больше изводитъ національный природъ населенія насчетъ низшихъ народныхъ слоевъ. „Въ интересахъ же всего народа, — чтобы унаслѣдованныя и усовершенствованныя изъ

поколѣнія въ поколѣніе приспособленія къ высшимъ задачамъ эксплуатировались бы наивозможно полнѣе и возможно больше реализовались бы и въ будущемъ процессъ развитія, путемъ дальнѣйшей наследственной передачи, а въ этомъ приспособленіи къ высшимъ социальнымъ и культурнымъ задачамъ высшіе круги общества въ среднемъ превосходятъ низшіе“ (Э. Гартманъ).

Все это уже часто говорилось. Не обсуждался только никогда, насколько мнѣ повѣстно, вопросъ о томъ, представляет ли старый холостякъ самъ по себѣ, т. е. независимо отъ сомнительныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ его существованіемъ, благоприятное явленіе, или, другими словами, можетъ ли ожидать отъ него общество такихъ же полезныхъ услугъ, какъ и отъ женатаго чловѣка. На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно, хотя бы уже по одной простой причинѣ. Несомнѣнно, что продолжительность жизни стараго холостяка значительно меньше, чѣмъ продолжительность жизни женатаго, и будетъ ли здоровье холостяка подорвано ненормальнымъ образомъ жизни, вслѣдствіе длительного подавленія полового инстинкта, или, наоборотъ, вслѣдствіе рискованности вѣбратныхъ половыхъ сношеній, — въ томъ и другомъ случаѣ ясно, что государство или общество, или всякая вообще организация, пользующаяся его услугами, имѣетъ отъ него меньше выгоды и пользы, чѣмъ отъ женатаго члена.

Къ этому присоединяются и другія, болѣе глубокія причины, которыми обуславливается менѣе значительная средняя цѣнность холостяка, какъ члена чловѣческаго общества. Бракъ — не дѣтская забава и не вѣчный медовый мѣсяцъ; онъ — школа жизни, въ которой мужчина и женщина научаются отдавать всѣ свои силы на дѣло исполненія представляющихся имъ обязанностей. Кромѣ того, воспитываютъ не только родители своихъ дѣтей, но и дѣти своихъ родителей, вынуждая ихъ все больше и больше отказываться отъ удовлетворенія своихъ эгоистическихъ инстинктовъ на благо семьи и этимъ путемъ на благо государства. Только рука объ руку съ женщиной — наполовину въ борьбѣ съ ней, наполовину въ согласіи — юноша становится мужчиной, мужчина ста-

Рис. 144. Счастливыя семейниці.
По гравюру Д. Ходовскаго.

новится личностью. Этой школы жизни лишенъ старый холостякъ, и мы замѣчаемъ въ немъ съ перваго же взгляда склонность развиться въ эгоистичнаго и своеправнаго чудака.

Взглянемъ на двѣ гравюры Ходовецкаго, заимствованныя изъ знаменитой книги Гиппеля о бракѣ (рис. 144 и 145). На одной — счастливый семьянинъ въ кругу жены и дѣтей, на другой — преждевременно состарившійся холостякъ въ моментъ его возвращенія съ прогулки. Только собака, на которую онъ перенесъ всю свою потребность любви, радостно встрѣчаетъ его, виляя хвостомъ. На стулѣ и столѣ похозяйничалъ пѣтухъ квартирной хозяйки; на порогѣ показывается она сама въ туфляхъ, и съ послѣобѣденнымъ кофе въ рукахъ. Можетъ ли быть сомнѣнiе въ томъ, въ комъ изъ нихъ можно найти болѣе свободную и болѣе высокую человѣческую сущность?

Рис. 145. Холостякъ.
По гравюрѣ Д. Ходовецкаго.

Или вотъ другой холостякъ въ чердачной каморкѣ (рис. 146), поглощенный уходомъ за своими птицами и цвѣтами. Ни одного взгляда не найдется у него для того человѣческаго цвѣтка, который глядитъ на него изъ своей каморки напротивъ. Два человѣка, которые могли бы произвести на свѣтѣ цвѣтущее поколѣнiе, — а увядають и чахнутъ оба въ одиночествѣ!

Мы знаемъ, правда, что тамъ, гдѣ складывается совмѣстная жизнь многихъ холостяковъ, какъ, напримѣръ, въ монастырѣ, обнаруживаются иногда семейныя черты нѣкотораго подобія семейной жизни; художникъ Эдуардъ Грюцнеръ набросалъ цѣлый рядъ сценъ такого рода (рис. 140 и 147). Но какія страданiя и страсти должны были видѣть эти стѣны, должны были пережить эти люди, собравшiеся здѣсь попить или заняться музыкой! Картина Грюцнера (см. на отд. табл.) „Искушенiе“ — живое свидѣтельство этихъ страданiй. Но всего ярче изображаетъ муки такого положенiя братъ Мартинъ въ гетевскомъ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“

Гецъ. А вотъ кстати и вино.

Мартинъ. Я попрошу только воды. Я не пью вина.

Гецъ. Вы дали обѣтъ?

Мартинъ. Нѣтъ, сударь, пить вино обѣтъ не запрещаетъ мнѣ, но такъ какъ самое вино противно моему обѣту, то я и не пью его... Вино веселитъ сердце человѣка, а веселость — мать всѣхъ добродѣтелей... Мы же, когда пойдя и выпьемъ, становимся прямой противоположностью того, чѣмъ должны были бы стать. Наше вялое пищеваренiе настраиваетъ голову согласно желудку, и слабость чрезмѣрнаго покоя рождаетъ такiя желанiя, съ которыми изъ матери не справиться... Бѣдность, цѣломудрiе и послушанiе — три обѣта, изъ которыхъ каждый въ отдаленности кажется совершенно неосуществимымъ, такъ нестерпимы они всѣ... О, сударь! Что всѣ невзгоды вашей жизни въ сравненiи съ горестями того сословiя, которое проливаетъ лучшiе яства, благодаря которымъ мы рождаемся, растемъ и процвѣтаемъ — изъ ложа по-

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Прогрессивное“ съ Спб.

Искушение.

По картинѣ Эдуарда Грюцнера.

вятаго стремленія стать ближе къ Богу!.. А ваши женщины? За здоровье вашей жены! У васъ вѣдь есть жена?

Гедъ. Прекрасная, благородная женщина!

Мартинъ. Счастливъ тотъ, у кого добродѣтельная жена! Вдвое долговѣчнѣе будетъ онъ отъ этого. Я сосѣмъ не знаю женщинъ, — а все же женщина была вѣнцомъ творенія!

И, наконецъ, еще одно соображеніе. Пусть холостякъ и будетъ равноцѣненъ женатому во всѣхъ тѣхъ областяхъ, которыя требуютъ дѣятельности одного ума; но въ практической работѣ жизни, которая требуетъ не одного ума, а еще и чувства и проникновенія въ реальную сущность обстоятельствъ, въ высоты и глубины, въ свѣтлыя и темныя стороны человѣческой души. — Женатый, который самъ плыветъ по широкому теченію жизни, будетъ всегда имѣть преимущество передъ холостякомъ, мимо котораго съ шумомъ пропосится этотъ потокъ, какъ мимо празднаго, сторонняго наблюдателя на прогулкѣ. Холостякъ не можетъ быть на своемъ мѣстѣ ни въ роли воспитателя, ни въ роли судьи (по крайней мѣрѣ, въ низшихъ инстанціяхъ), ни присяжнымъ, ни старшиною присяжныхъ, ни священникомъ, ни практикующимъ врачомъ, ни депутатомъ — ни въ одной дѣятельности, въ которой человѣку ввѣряютъ судьбы женатыхъ людей.

Если, слѣдовательно, все учащающееся безбрачіе высшихъ круговъ таить въ себѣ въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ немаловажныя опасности для общаго блага, то неизбѣжно возникаетъ вопросъ, что же слѣдуетъ противопоставить этимъ опасностямъ.

Католическая церковь сохранила незыблемымъ безбрачіе своего духовенства, протестантская же слѣлала домъ евангелическаго священника прообразомъ благословенной семейственности. Въ греческой перкви, какъ мы видѣли, черное духовенство безбрачно, а бѣлому вмѣняется женитьба въ обязанность. Замѣчательно, однако, что всемірно-извѣстный поэтъ и философъ, стоящій на чисто христіанской точкѣ зрѣнія въ духѣ апостола Павла, становящійся все болѣе загадочнымъ ясно-полянскій старецъ, графъ Левъ Толстой, выступаетъ (еще въ „Крейцеровой сонатѣ“ и затѣмъ въ специальной книгѣ о половомъ вопросѣ), съ требованіемъ для всѣхъ людей абсолютнаго цѣломудрія и воздержанія въ бракѣ и вѣнчѣ брака. На сразу же напрашивающееся возраженіе, что въ такомъ случаѣ люди вмѣсто того, чтобы все лучше и лучше служить Богу и ближнимъ (какъ того желаетъ вѣдь Толстой), должны будутъ вымереть, — онъ отвѣчаетъ фразами о томъ, что земля все равно обречена погибнуть по физическимъ законамъ и что ученіе его — идеаль, а идеаль, по самой своей сущности, никогда вполнѣ достигнуть бытъ не можетъ.

Что же касается безбрачія свѣтскихъ людей, то многіе, занимавшіеся изслѣдованіемъ его причинъ въ старину и въ наше время, съ большою готовностью обвиняютъ въ этомъ женщинъ. Такъ поступаетъ ненавистникъ брака въ „Золотой Книгѣ“ Теофраста, какъ мы видѣли выше, — такъ поступаетъ и Гартманъ, который усматриваетъ главную причину, отталкивающую мужчину отъ брака, въ непомѣрно возросшей требовательности къ жизни нашихъ дѣвушекъ, въ связи съ все возрастающимъ у нихъ отвращеніемъ къ домашнимъ работамъ.

Въ этомъ, безспорно, много вѣрнаго, къ сожалѣнію. Надо только замѣтить, во-первыхъ, что разъ строй жизни народа повысился, какъ это мы видимъ въ наше время, то было бы бесполезно пытаться низвести его на болѣе низкій уровень путемъ перестройки представленій у мужчинъ или у женщинъ; и вторыхъ, что прорвавшееся съ стихійной силой желаніе нашихъ женщинъ принимать болѣе дѣятельное, чѣмъ до сихъ поръ, участіе въ религіозныхъ и научныхъ вопросахъ современности,

Фотогр. изд. Фр Гауштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 146. Въ чердачной камеркѣ. По картинѣ Шиндлера.

было бы вполне бесполезно противопоставлять напоминая объ уровнѣ образованія нашихъ — безспорно, болѣе хозяйственныхъ — бабушекъ и прабабушекъ.

Я думаю, такимъ образомъ, что съ этими повышенными требованіями къ жизни у обоихъ половъ и всѣхъ сословіи, также какъ и съ повышенной потребностью жизни въ образованіи, заключающей въ себѣ — очень возможно — опасность пренесреженія хозяйствомъ, необходимо просто-напросто считаться, какъ съ неизмѣннымъ фактомъ для настоящаго и будущаго.

Изслѣдуя статистику брака, мы убѣждаемся, что частота браковъ зависитъ главнымъ образомъ вовсе не отъ субъективныхъ расчетовъ и настроеній того или иного лица, а отъ экономическихъ условій жизни каждаго. Это вѣрно, слѣдовательно, и относительно браковъ высшихъ круговъ, а такъ какъ эти круги и составляютъ главный контингентъ въ огромной арміи лицъ, служащихъ государству или обществу, то понятно, что условія большинства этихъ чиновниковъ не могутъ быть таковыми, чтобы не имѣющій своего состоянія человекъ въ сравнительно молодомъ возрастѣ могъ жениться на дѣвушкѣ безъ средствъ.

Знакомясь съ вопросамъ объ окладахъ, мы видимъ, что въ Германской имперіи и въ Пруссіи всегда озабочивались назна-

Рис. 147. Квартетъ въ костелѣ. По картюжѣ Эд. Грюцера.

ченіемъ сноснаго содержанія чиновникамъ. Но, по сравненію съ окладами въ Пруссіи, гдѣ въ ландтагѣ недавно депутаты всѣхъ партій высказались въ смыслѣ ихъ недостаточности для настоящаго времени, оклады другихъ частей государства оказываются значительно ниже, и можно опасаться, что эта разница современнымъ сдѣлается еще больше.

Какъ неизбѣжно должно отражаться такое положеніе на качествѣ чиновниковъ, объ этомъ здѣсь говорить не мѣсто. Несомнѣнно только, что въ такихъ условіяхъ безбрачіе, поздіе и „дурные“ браки должны пріобрѣтать все большее распространеніе.

ние. Если бы существовала статистика браковъ по сословіямъ и профессіямъ, несомнѣнно мы имѣли бы и цифровое подтвержденіе этого. Но если бы улучшение этого положенія было возможно, если бы государства рѣшились доставить своимъ чиновникамъ достаточное содержаніе, соответствующее современнымъ потребностямъ жизни, то затраты, которыя понадобятся бы для этого, можно было бы значительно уменьшить: для этого нужно было бы только рѣшиться на мѣру, которую подсказываетъ, въ сущности, простой здравый смыслъ: а именно, оклады холостякамъ нужно понизить на половину въ сравненіи съ окладами для женатыхъ.

На это возражать, конечно, что въ одной и той же должности холостякъ и женатый исполняютъ одинаковую работу и, слѣдовательно, должны получать одинаковое жалованіе. Но если даже согласиться съ правильностью этой посылки (выше мы подвергли это сомнѣнію), — все же необязательно дѣлать изъ нея этотъ

Рис. 148. Увозъ невѣсты въ домъ мужа. По гравюрѣ Д. Холовецкаго.

выводъ, потому что жалованіе чиновника вовсе не вполне то же, что заработная плата рабочаго, а означаетъ содержаніе, предоставляемое государемъ или государствомъ чиновнику. Достаточно остановиться на основномъ значеніи слова жалованіе, чтобы сразу убѣдиться, что предоставлять одно и то же содержаніе главѣ семьи, имѣющему жену и дѣтей, и одинокому холостяку — нелѣпость.

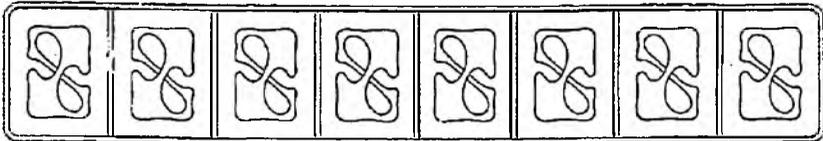
До какой степени мало руководятся въ настоящее время этими соображеніями, какъ ни просты они, видно изъ того, что во многихъ странахъ (напр. въ Пруссіи) даже прибавка квартирныхъ денегъ, несмотря на очевидное назначеніе такихъ суммъ, выдается одинаково женатымъ и неженатымъ, между тѣмъ въ Саксоніи и въ Гессенѣ холостымъ выдается только половина.

Въ дополненіе къ этой мѣрѣ, необходимо было бы установить, какъ было рекомендовано еще Платономъ и недавно Эд. Гартманомъ, прогрессивный налогъ для лицъ холостыхъ, пользующихся болѣе или менѣе крупными доходами, не состоя на государственной или общественной службѣ. „Долженъ быть положенъ конецъ привольной жизни холостяка, который, весело потирая руки и хвастая своей хитростью, посмѣивается надъ простодушій, въ потѣ лица зарабатывающемъ средства къ жизни для многочисленной семьи“. А государство, такъ называемое соци-

альное государство, невозмутимо взирающее теперь, скрестивъ руки, на существующій порядокъ, доказало бы этимъ, что оно глубоко и свято цѣнить устанавленіе брака — это, быть можетъ, наиболѣе цѣнное изъ всѣхъ нашихъ культурныхъ пріобрѣтеній.

Облегченіе возможности вступленія въ бракъ и дальнѣйшей семейной жизни, также какъ и борьба съ воздержаніемъ отъ жепитьбы, представляютъ собой въ то же время единственные пути, которыми возможно придти къ рѣшенію женскаго вопроса и къ ослабленію проституціи. вмѣсто этого, мы тонемъ въ цѣломъ морѣ сочиненій, добывающихся для женщины такихъ цѣлей, которыя превосходятъ мѣру ихъ силъ и которыхъ имъ никогда не достигнуть, — и вдобавокъ, вынуждены выслушивать изъ года въ годъ однѣ и тѣ же іереміады о томъ, что никогда еще нравственности не грозила такая опасность, какъ теперь, и что необходимо спасать ея мѣрами полиціи. Историкъ культуры подсмѣивается: *naturam furca expellere non potes* („гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно“). Но позаботьтесь о томъ, чтобы порядочный человѣкъ имѣлъ возможность вовремя жениться на любимой дѣвушкѣ и не сломился бы подъ бременемъ обязанности вскормить и воспитать многоголовую семью дѣтей, родившихся отъ этого союза, — и вся эта кажущаяся опасность разсѣется какъ дымъ.

Глава одиннадцатая.

Мужчина въ старости.

(Прив. доц. д-ръ Юлія Вейссъ.)

Человѣкъ старѣется; въ чемъ заключается это явленіе? Всякая жизнѣдѣятельность основана на вѣчно смѣняющихся другъ друга разрушеніи и воссозданіи необычайно сложно соединенныхъ составныхъ частей тѣла, т. е. мельчайшихъ частичекъ, извѣстныхъ подъ названіемъ клѣтокъ. Жизненный процессъ образуетъ одни вещества, служащія для восстаповленія веществъ тѣла. и другія, выдѣляемыя имъ, какъ отбросы. И весь организмъ, и составляющія его отдѣльныя частицы, клѣтки, изнашиваются, разумѣется, вслѣдствіе непрерывной дѣятельности въ теченіе всей жизни, при чемъ измѣняется и ихъ химическій составъ. По мѣрѣ приближенія старости въ тканяхъ замѣчается все большая и большая убыль воды и увеличеніе въ связи съ этимъ твердыхъ составныхъ частей ихъ.

Такъ, тѣло взрослого содержитъ на 100 частей: 60 частей воды, 16 частей бѣлка и клейковины, 19 частей жира, 5 частей золы. Тѣло же новорожденнаго содержитъ на 100 частей: 71,2 части воды, 11,4 части бѣлка и клейковины, 13,4 части жира, 2,4 части золы, 1,6 части отбросовъ.

Точно такъ же, какъ въ жизни каждаго индивидуума наступаетъ періодъ, въ который прекращается ростъ, такъ существуетъ предѣлъ и для возобновленія клѣтокъ. Когда перейденъ этотъ предѣлъ, для клѣтокъ начинается процессъ медленнаго умирания. Исслѣдователь Мюльманъ доказалъ, что въ каждый періодъ развитія тѣла наряду съ прогрессивными процессами развитія, наблюдаются и регрессивныя явленія. Клѣтки гибнутъ, утрачиваютъ жидкость и сморщиваются. Клѣтки вышнаго значенія превращаются въ болѣе простыя. Разумѣется, послѣ этого наступаетъ пора, когда одерживаютъ верхъ регрессивныя процессы, — это и есть старость. Она наступаетъ не сразу, а постепенно, незамѣтно и неравномѣрно.

Меньше всего старѣются тѣ клѣтки, которыя болѣе всего похожи на элементы, составляющіе человѣческой зародышъ. Это — клѣтки эпителія, которыя выстилаютъ полость рта, носа, кишекъ и т. д. Наоборотъ, больше всего и раньше всего старѣются тѣ ткани, которыя всего больше удалены въ своемъ развитіи отъ строенія первоначальныхъ зародышевыхъ клѣтокъ, т. е. отъ тканей эпителія. Это — такъ называемыя вещества сое-

длительной ткани¹. Соединительная ткань составляет основу и опору для тканей всего тѣла. Она заполняетъ собою всѣ щели и промежутки, служитъ подкладкой кожи, и соединяетъ отдѣльныя части тѣла другъ съ другомъ и составляетъ, накопецъ, основу костей и хряща². Понятно поэтому, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ссѣживается³ соединительная ткань, кожа всюду образуетъ складки и морщины, — кости теряютъ свою крѣпость, становятся хрупкими, теряется округлость и красота формъ отдѣльныхъ частей тѣла, въ особенности же живота.

Несмотря на искаженіе формъ и утрату красоты тѣла, красивая голова старика — въ родѣ той, напримѣръ, которую мы видимъ на картинѣ Рубенса (рис. 149), — можетъ производить на насъ гармонически пріятное впечатлѣніе, даже приводить насъ въ восторгъ. Бѣличавый покой, которымъ вѣетъ отъ лица старца, внушаетъ намъ почтительное чувство; мы чувствуемъ на себѣ власть этого взгляда, обуздывающаго нашу молодую безудержность, и мы кажемся себѣ, по крайней мѣрѣ на мигъ, такими же справедливыми, безстрастными и умудренными опытомъ, какъ онъ.

Гораздо менѣе старѣются тѣ составныя части ткани, которыя называются мускулами. Нервная ткань, развивающаяся послѣ ряда значительныхъ превращеній изъ зародышевыхъ клѣтокъ, очень рано подвергается старческимъ измѣненіямъ. Если вспомнить, что отдѣльные органы тѣла образуются изъ этихъ четырехъ видовъ ткани — эпителиальной, соединительной ткани, мускульной и нервной тканей — и что каждый изъ этихъ видовъ ткани принимаетъ самое различное участіе въ созданіи различныхъ отдѣльныхъ органовъ, — то станеть вполне понятно и то, что разные органы старѣются въ разное время и различнымъ образомъ.

Въ кожѣ процессъ старѣнія претерпѣваютъ, главнымъ образомъ, глубокіе ея слои, образующіеся изъ соединительной ткани, между тѣмъ какъ поверхностные слои кожи могутъ расти и возобновляться въ теченіе всей жизни. То же надо сказать и о слизистой оболочкѣ, выстилающей внутреннія полости носа, рта и желудочно-кишечнаго канала.

Въ легкихъ теряютъ свою дѣеспособность такъ называемыя эластическія волокна, отчего и самыя легкія утрачиваютъ свою эластичность и расширяемость, и возникаетъ явленіе, известное подъ названіемъ старческой одышки, или эмфиземы. Клѣтки же, выстилающія легочныя пузырьки, напротивъ, до всѣхъ не подвергаются старѣнію и сохраняютъ до глубокой старости способность расти.

Сердечная мышца имѣетъ строеніе, отличное отъ осталь-

¹ Это не совсемъ вѣрно. Мышечная и нервная ткань представляются не менѣе, если не болѣе дифференцированными, чѣмъ соединительная ткань.

Прим. ред.

² Кости и хрящи, какъ уже было указано въ одной изъ предыдущихъ главъ, состоятъ, по преимуществу, изъ костной и хрящевой тканей.

Прим. ред.

³ Старческія измѣненія состоятъ не въ одномъ только „сѣживаніи“, какъ выражается авторъ, соединительной ткани. Очень часто соединительная ткань въ старческомъ возрастѣ получаетъ преобладающее развитіе и разрастается насчетъ другихъ элементовъ.

Прим. ред.

Фотогр. изд. I. Леви въ Вѣнѣ.

Рис. 149. Голова старика.
По картинѣ П. Рубенса.

ныхъ мускуловъ тѣла, и часто подвергается регрессивнымъ измѣненіямъ. Селезенка и лимфатическія железы сохраняютъ до глубокой старости жизнѣдѣятельность. Печень, какъ это ни странно, склонна къ регрессивнымъ измѣненіямъ съ ранняго возраста. То же относится и къ почкамъ. Склонность мускуловъ тѣла къ разрушенію незначительна. О головномъ мозгѣ надо сказать то же, что было сказано о нервной ткани.

Итакъ, мы знаемъ, что различныя ткани и органы тѣла старѣются въ различныя степени. Заканчиваются всѣ эти регрессивныя измѣненія смертью. Прекращается поочередная

смена разрушенія и возстановленія клѣточныхъ частицъ; основное клѣточное вещество, возбудимая, способная къ принятію пищи протоплазма, мало-по-малу замѣняется все больше и больше безжизненными продуктами распада. Кислородъ и питательныя вещества не могутъ больше проникать въ организмъ, не находя для себя больше способной впитать ихъ клѣточной массы. Постепенно и неизмѣнно уменьшается жизнѣдѣятельность клѣтокъ.

Наиболѣе интенсивную работу исполняютъ въ теченіе всей жизни изъ всѣхъ органовъ — кровеносныя сосуды. Не только сердце, но и сосуды — артеріи — непрерывно пульсируютъ и гонятъ кровь во всѣ части организма. Къ шестидесятилѣтнему возрасту кровеносная система человѣка успѣваетъ сократиться свыше двухъ миллиардовъ разъ. Уже въ возрастѣ послѣ тридцати лѣтъ эластичность сосудовъ начинаетъ уменьшаться, а послѣ сорокового года жизни микроскопическимъ изслѣдованіемъ можно уже установить нѣкоторыя измѣненія эластичныхъ волоконъ, находящихся въ стѣнкахъ сосудовъ. Въ то же время внутренней слой стѣнки сосудовъ начинаетъ мало-по-малу утолщаться. Всѣ артеріи теряютъ свою упругость, и сердце, которое должно накачивать кровь въ эти артеріи, вынуждено усиленнѣе работать. Вотъ почему сердце съ возрастомъ должно увеличиваться въ объемѣ и расти, какъ это дѣйствительно и бываетъ. Въсь сердца равень:

у новорожденного 24 граммамъ		въ возрастѣ отъ 41—50 л. 290 гр.	
въ возрастѣ отъ	1—10 л. 82	51—60	305
"	11—20 " 108	61—70	321
"	21—30 " 263	71—80	317
"	31—40 " 276		

Изъ этого видно, что легкое уменьшеніе вѣса сердца наступаетъ только въ самой глубокой старости, послѣ 71 года.

Вены также сплошь да рядомъ подвергаются расширеніямъ вслѣдствіе уменьшенія упругости стѣнокъ сосудовъ. Этимъ объясняется то, что съ возрастомъ — въ большей или меньшей зависимости, разумѣется, отъ индивидуальныхъ особенностей и условій — часто появляются венозные узлы, геморрой, застой крови въ легкихъ и всевозможныя связанныя съ этимъ катарральныя состоянія.

Изъ этой картины ясно видно, что стоитъ только перейти извѣстныя границы, чтобы изъ нормальнаго старческаго состоянія возникло болѣзненное. Когда усиливаются только что названныя измѣненія стѣнокъ сосудовъ, тогда развивается та болѣзнь, которая извѣстна подъ названіемъ известковаго перерожденія ткани сосудовъ.

Но и воспалительныя измѣненія играютъ извѣстную роль въ возникновеніи этой болѣзни. Стѣнки сосудовъ подвергаются медленному воспалительному процессу, сущность котораго заключается въ томъ, что внутри ткапи происходитъ разрастаніе отдѣльныхъ клѣтокъ и скопляется множество мелкихъ клѣточекъ, заполняющихъ промежутки между элементами нормальной тканью. Причины этого процесса усматриваютъ въ извѣстныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ кровью въ свою очередь, въ особенности же въ скопленіи въ ней ядовитыхъ веществъ, — на примѣръ при отравленіи алкоголемъ, сифилитическимъ ядомъ, свинцомъ и т. д. Съ другой стороны, и различныя иныя обстоятельства благопріятствуютъ, повидимому, известковому уплотненію сосудовъ, — таковы, на примѣръ, тяжелый физическій трудъ, слишкомъ обильное питаніе, въ особенности односторонней мясной пищей, наконецъ, напряженная умственная дѣятельность.

Надо отмѣтить, главнымъ образомъ, что известковое уплотненіе сосудовъ поражаетъ сосуды всего тѣла, при чемъ захватываетъ у различныхъ индивидуумовъ то ту, то другую область тѣла. Случается, на примѣръ, что уплотняются сосуды нижнихъ конечностей, что выражается въ чувствѣ холода и судорогахъ въ послѣднихъ и можетъ привести даже къ омертвѣнію пальцевъ ногъ и пятокъ. Въ самомъ началѣ этотъ процессъ въ нижнихъ конечностяхъ выражается появляющеюся время отъ времени хромотой. Люди, страдающіе этимъ, бываютъ вынуждены вдругъ остановиться, не будучи въ силахъ тропуться съ мѣста вслѣдствіе внезапнаго мѣстнаго застоя крови, который черезъ нѣсколько минутъ проходитъ.

Болѣе рѣдкую форму известковаго уплотненія сосудовъ мы встрѣчаемъ въ сосудахъ живота, — оно выражается припадками коликъ, которыя бываютъ порой крайне болѣзненны. Такъ же рѣдко встрѣчаются мѣстныя уплотненія въ области задней части головы и затылка, тоже выражающіяся сильной болью въ этой области.

Всего чаще встрѣчается уплотненіе сосудовъ сердца. Такъ какъ они завѣдываютъ снабженіемъ сердца кровью, то понятно, что нарушенное кровообращеніе въ нихъ должно повести къ тяжелымъ заболѣваніямъ всего тѣла, что должно имѣть, въ свою очередь, тяжелыя послѣдствія. Причины уплотненія сердечныхъ сосудовъ кроются въ названныхъ уже обстоятельствахъ, въ особенности въ злоупотребленіи куреніемъ.

Если мы спросимъ, въ какомъ отношеніи находится вышеописанное измѣненіе ткани сосудовъ, къ болѣзни известковаго уплотненія, то мы узнаемъ, что первое представляетъ благоприятное условіе для развитія второго. Научными наблюденіями констангировано, впрочемъ, что иногда у стариковъ даже очень преклоннаго возраста не встрѣчается и слѣда уплотненія сосудовъ ни при жизни, ни впоследствии при вскрытіи, — какъ

известенъ и противоположный фактъ, что это явленіе наблюдается очень часто въ тяжелой формѣ у нѣкоторыхъ индивидуумовъ, даже на тридцатомъ или сороковомъ году жизни.

Сущность уплотненія сосудовъ заключается въ разрастаніи соединительной ткани въ тѣхъ трехъ слояхъ, изъ которыхъ составлены стѣнки кровеносныхъ сосудовъ (рис. 150). Внутренній слой сосудовъ превращается частью въ жиръ, частью же въ известковыя массы, которыя отщипливаются отъ стѣнокъ, какъ штукатурка. Оттого это явленіе и называется „известковымъ уплотненіемъ“.

Явленія, которыми сопровождается это уплотненіе, заключаются въ боляхъ въ сердечной области, отражающихся болями въ рукѣ. Къ этому присоединяются болѣзненные сжатія сердца, сердцебиенія, непріятное чувство стѣсненія въ груди и, наконецъ, при значительномъ обызвествленіи сердечныхъ сосудовъ, припадки одышки въ видѣ такъ называемой „трудной жабы“.

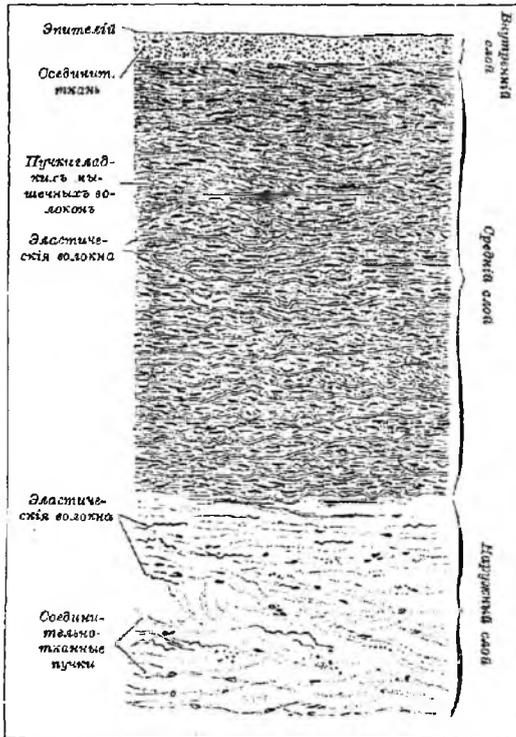

Рис. 150. Поперечный разрывъ стѣнки кровеноснаго сосуда. Увелич. въ 100 разъ.

При известковомъ уплотненіи аорты происходитъ расширение этого кровеноснаго сосуда, производящее на подобіе опухоли давленіе на органы грудной полости. Уплотненію могутъ подвергнуться также и сердечные клапаны и, вслѣдствіе перерожденія ихъ краевъ, вызвать нарушеніе ихъ функций — привести къ пороку сердца.

Уплотненіе сосудовъ въ другихъ областяхъ выражается припадками болей, которыя часто ошибочно принимаются за ревма-

тизмъ. Страданія, причиняемыя уплотненіемъ сосудовъ, бываютъ у разныхъ лицъ различны. Но это явленіе далеко не всегда означаетъ близкую смерть, какъ думаютъ многіе мнительные люди, плохо понимающіе его. При надлежащемъ лѣченіи и уходѣ и, прежде всего, при надлежащемъ разумномъ самоограниченіи (избѣгая всякой неумѣренности въ ѣдѣ и питѣ, въ куреніи и т. д.), съ этой болѣзью возможно достигнуть глубокой старости.

Старческія измѣненія въ легкихъ заключаются въ томъ, что эластическая ткань гибнетъ и легочныя пузырьки расширяются. Вслѣдствіе этого легкія увеличиваются въ объемѣ и происходятъ явленіе такъ называемаго расширенія легкіхъ, выражающееся субъективно въ одышкѣ, кашлѣ, въ чувствѣ тоски. Надо замѣтить при этомъ, что грудная клѣтка въ старости замѣтно теряетъ свою способность расширяться, — хрящевыя части реберъ окостѣваютъ, и это препятствуетъ грудной клѣткѣ расширяться такъ сильно, какъ въ молодости. Разумѣется, отъ этого страдаетъ весь процессъ дыханія.

Въ болѣе или менѣе глубокой старости головной мозгъ также претерпѣваетъ измѣненія, уменьшаясь въ объемѣ и въ вѣсѣ. Но еще болѣе страдаетъ онъ отъ того, что кровеносныя сосуды, питающіе его, уплотняются и затрудняется притокъ крови къ этому благородному органу. Подобныя же измѣненія происходятъ и въ спинномъ мозгу, но они гораздо менѣе замѣтны.

Вслѣдствіе измѣненій въ головномъ мозгу ослабляется способность воспріятія новыхъ впечатлѣній, въ чемъ принимаетъ свою долю участія также ослабленіе органовъ чувствъ; о нихъ мы еще будемъ говорить. Поэтому творческая фантазія въ старости ослабѣваетъ, между тѣмъ какъ способность сужденія сохраняетъ свою силу и даже становится еще живѣе, чѣмъ въ молодости. Ослабѣваетъ все больше и больше память и — какъ это ни странно — въ отношеніи недавнихъ впечатлѣній гораздо больше, чѣмъ въ отношеніи давнишнихъ, воспріятыхъ въ молодости. Часто въ глубокой старости съ поразительной живостью всплываютъ въ памяти картины дѣтства, волную душу то сладостнымъ, то грустнымъ чувствомъ. Порывы и проявленія страстныхъ чувствъ становятся все рѣже и рѣже, часто является даже извѣстное равнодушіе, въ особенности ко всему тому, что не касается собственной osoby. Вслѣдствіе ослабленія способности пріобрѣтенія чего-нибудь новаго развивается усиленная склонность сохранить покрѣпче пріобрѣтенное ранѣе, какъ можно меньше потерять изъ него. Оттого-то въ старости нерѣдко встрѣчаются корыстолюбіе и жадность.

Всѣ поступки становятся осторожны, медленны, осмотрительны, что естественно соотвѣтствуетъ ослабленію всей двигательной и чувствительной дѣятельности. Слабѣютъ мускулы, походка становится нетвердой, медленною, и вслѣдствіе искривленія позвоночнаго столба появляется сутуловатость. Часто замѣчается дрожаніе въ верхнихъ конечностяхъ. Сонъ часто бываетъ плохой въ глубокой старости. Старикамъ часто вполнѣ довольно четырехъ-пяти часовъ сна, и просыпаются они очень рано, тогда какъ въ молодости часто всего лучше спится именно по утрамъ. Усиленная потребность въ снѣ имѣетъ обыкновенно мѣсто только въ случаяхъ мозгового ослабленія.

Рис. 161. Ученый. По картине О. Вейда.

Происходит цѣлый рядъ измѣненій и въ органѣ зрѣнія. Вѣки раскрываются менѣе широко, хрусталикъ отвердѣваетъ и появляется слабость зрѣнія. Мы видимъ часто, что старики вынуждены далеко отставлять книгу при чтеніи. Это разстройство зрѣнія встрѣчается у лицъ, отличавшихся въ молодости близорукостью, въ гораздо менѣе сильной степени, чѣмъ у лицъ, обладавшихъ нормальнымъ зрѣніемъ. По краю роговой оболочки является характерное для стариковъ желтоватое кольцо. Очень часто въ глубокой старости является полное помутнѣніе хрусталика — измѣненіе, извѣстное

подъ названіемъ бѣльма; оно очень часто удаляется оперативнымъ путемъ.

Еще неприятели измѣненія, происходящія въ ухѣ. Барабанная перепонка утолщается, въ такъ называемыхъ слуховыхъ косточкахъ происходитъ известковое уплотненіе, отчего слухъ сильно страдаетъ. Слабѣетъ въ старости и обоняніе, меньше же всего и рѣже всего слабѣетъ вкусъ.

Совсѣмъ незначительныя измѣненія происходятъ въ старости въ желудочно-кишечномъ аппаратѣ. Въ общемъ пищеварительная способность сохраняется удовлетворительно и въ самой глубокой старости — при условіи неупотребленія ни трудно переваримой пищи, ни въ слишкомъ большомъ количествѣ. Потребность въ пищѣ въ старости обыкновенно не очень велика. Въ случаѣ потери зубовъ, если своевременно не были сдѣланы искусственные, отъ твердой пищи приходится отказаться.

Въ половыхъ органахъ обнаруживается различная степень старческихъ измѣненій. Въ тѣхъ клѣткахъ, которыя вырабатываютъ сѣменные нити, происходитъ жировое перерожденіе, но это перерожденіе претерпѣваютъ не всѣ клѣтки сразу, такъ

что часто даже въ самой глубокой старости могутъ образовываться живыя сѣменные тѣльца, что означаетъ собой способность къ дѣторожденію. Наружныя половыя части сморщиваются, пещеристыя тѣла члена увядаютъ и уменьшается способность эрекции. Кожа становится вялой и морщинистой. Только одна часть половыхъ органовъ увеличивается, такъ называемая „предстательная железа“; это причиняетъ очень непріятныя явленія задержанія мочи вслѣдствіе затрудненнаго или совсѣмъ невозможнаго опороженія мочевого пузыря, что вызываетъ необходимость удаленія мочи съ помощью катетера и ведетъ, въ свою очередь, къ непріятнымъ и тяжелымъ воспаленіямъ мочевого пузыря.

Почки также разрушаются въ глубокой старости. Количество мочи уменьшается.

Кости теряютъ въ старости свою крѣпость, вслѣдствіе чего легко случаются переломы костей; въ особенности слѣдуетъ опасаться переломовъ бедренной кости, такъ какъ это приковываетъ стариковъ надолго къ постели, а долгое лежаніе можетъ способствовать воспаленію легкихъ.

На кожѣ появляются морщины и складки, что обусловливается разрушеніемъ подкожной клѣтчатки. Отъ этого черты лица заостряются, становятся угловатыми, скулы выдаются, заостряется носъ, глаза впадаютъ, подбородокъ теряетъ округлость и тоже заостряется. Удачно изображены эти измѣненія на портретѣ стараго художника Михаэля Вольгемута, написанномъ его знаменитымъ ученикомъ Альбрехтомъ Дюреромъ (рис. 152). Что сильная морщинистость не лишаетъ лицо его выраженія, показываетъ намъ рис. 151. — „Ученый“

Знаменитый римскій писатель Цицеронъ перечисляетъ въ своей книгѣ о старости четыре причины, вслѣдствіе которыхъ старческій возрастъ представляется несчастнымъ.

Во-первыхъ, старость лишаетъ возможности заниматься дѣлами.

Во-вторыхъ, она ослабляетъ тѣло.

Въ-третьихъ, она дѣлаетъ недоступнымъ почти всякое удовольствіе.

Въ-четвертыхъ, она знаменуетъ собой близость смерти.

Первое Цицеронъ опровергаетъ устами восьмидесятипятилѣтняго мудреца Катона, который въ бесѣдѣ съ двумя молодыми людьми указываетъ на то, что дѣла въ старости заключаются въ помощи мудрыми совѣтами. Старикъ подобенъ, говоритъ онъ, рулевому, который не можетъ, правда, взбираться на

Фотогр. гад. Фр. Ганфштегеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 152. Михаэль Вольгемутъ.

По портрету Альбр. Дюрера.

мачту и всюду бѣгать, какъ молодые матросы, но онъ спокойно сидитъ на носу корабля и направляетъ его. Великія дѣянія совершаются не жизненной силой и юношеской ловкостью, а обдуманностью, вдумчивостью и зрѣлыми сужденіями, — а все это свойства, еще усиливающіяся обыкновенно въ глубокой старости.

На второе Катонъ возражаетъ, по мысли Цицерона, тѣмъ, что умственные силы стариковъ сохраняются, если они только усиливаютъ и укрѣпляютъ ихъ упражненіемъ; ослабляются онѣ только въ невозмутимой жизни, лишенной всякихъ запятій и интересовъ. Софокль писалъ трагедіи даже въ глубокой старости, и въ самой глубокой старости Пинагоръ преподавалъ своимъ ученикамъ философію. Знаменитый законодатель Солонъ говорилъ, что человѣкъ старѣетъ отъ того, что ежедневно научается чему-нибудь новому. Самъ Катонъ только въ глубочайшей старости познакомился съ сочиненіями греческихъ писателей.

Природа знаетъ одинъ только путь и путь простой: каждому возрасту дано свое, каждый періодъ жизни имѣетъ свое время; въ слабости дѣтей, въ необузданности юноши, въ серьезности взрослого мужчины и въ зрѣлости старика есть свои законѣрныя особенности, присвоенныя имъ природою, которыя въ свое время должны быть использованы.

Третій упрекъ, который дѣлаютъ старости — то, что она лишена чувственныхъ удовольствій — является, въ сущности, ея высшей похвалою и въ то же время преимуществомъ. Ибо чувственное желаніе, какъ говорилъ еще ученый грекъ Архитъ, знаменитый философъ 370 г. до Р. Хр., это губительная чума, испосланная человѣку природою. Нѣтъ преступленія, нѣтъ злодѣянія, къ которому не побудило бы человѣка чувственное желаніе. Гдѣ царитъ оно, тамъ нѣтъ мѣста обдуманности, тамъ не можетъ устоять добродѣтель.

Приблизительно въ то же время, когда жилъ Архитъ, въ Афинахъ жилъ еще другой философъ, утверждавшій, что все, что мы дѣлаемъ, должно имѣть цѣлью чувственное удовольствіе. „Наслажденіе“, — говоритъ Эпикуръ (такъ звали этого всемірнаго философа, отъ имени котораго образовалось слово „эпикурецъ“, т. е. человѣкъ, живущій только для чувственного наслажденія), — „есть высшее благо жизни, а страданіе — величайшее зло“.

Къ чувственнымъ наслажденіямъ причисляются обильныя яства, роскошныя пиры, изысканныя блюда, въ которыхъ и древніе греки и римляне были большими знатоками, а напитокомъ имъ служило единственно и исключительно вино. Въ старости же, несомнѣнно, организмъ не переноситъ столько ѣды и питья, сколько въ молодости. Но умеренное употребленіе того и другого никогда не повредитъ, а то, что придаетъ пирамъ главную прелесть — совмѣстная ѣда и совмѣстное питье — бесѣда съ друзьями и единомышленниками — это доступно и интересно въ старости еще гораздо больше, чѣмъ въ молодости.

Въ четвертыхъ, говорятъ, что старость означаетъ близость къ смерти. Юноша надѣется, что будетъ еще долго жить, на что старикъ надѣяться не можетъ. Но старикъ не такъ боится смерти, какъ юноша. Для юноши и человѣка въ полной

силѣ смѣрть — явленіе насильственное, страшное, и она дѣйствительно наступаетъ всегда (если не считать внезапныхъ несчастныхъ случайностей, которымъ уже, само собой, присущъ признакъ внезапнаго насилія) только послѣ тяжелыхъ и мучительныхъ болѣзней. Въ старческомъ же возрастѣ умираііе есть процессъ медленнаго отдѣленія отъ жизни: „подобно тому, какъ плодъ, — говоритъ Цицеронъ, — съ трудомъ можно оторвать отъ дерева, пока онъ еще не зрѣлъ, но когда онъ созрѣетъ и поспѣетъ на солнцѣ, легко спадаетъ, — такъ молодыхъ людей лишаетъ жизни насиліе, а стариковъ — зрѣлость“.

Самый процессъ умираііа бываетъ большей частью легкою въ глубокой старости. Всякому врачу извѣстно много случаевъ, когда старики бодро исполняютъ въ теченіе дня свою обычную работу, вечеромъ ложатся спать, а на другое утро ихъ находятъ мертвыми въ постели: смѣрть присоединилась къ своему близнецу — сну и тихо, неслышно отняла у него принадлежавшее ему. Такую тихую, какъ сонъ, смѣрть показываетъ намъ Шплеръ въ умирающемъ фонъ-Аттингаузенѣ („Вильгельмъ Телль“, стр. IV).

Довольно часто старикъ умираетъ словно человекъ, собирающійся въ далекое путешествіе и прощающійся со всѣми близкими. Онъ угасаетъ, какъ лампа, въ которой выгорѣло масло: все меньше и слабѣе становится огонь, потомъ одно дуновение, — и онъ потухъ навсегда. Легче ли умираютъ люди вѣрующіе или невѣрующіе — вопросъ, на который не легко отвѣтить. Самый глубокой отвѣтъ на него даетъ тотъ же Цицеронъ, говоря устами Катона:

„Придетъ великій день, когда я расстанусь со всѣмъ этимъ шумомъ и всей суетой и присоединюсь къ божественному сомнію духовъ... Представленіе объ этомъ дѣлаетъ для меня старость легкой и не только не горестной, но даже радостной. Если это и заблужденіе, — моя вѣра въ безсмертіе человѣческой души, — то я радъ заблуждаться и, пока живъ, не позволю вырвать у себя этого радостнаго заблужденія. Если же послѣ моей смѣртіи я и утрачу, какъ полагаютъ нѣкоторые малодушные философы, всякое сознаніе, то я не боюсь, что умершіе философы осмѣютъ это заблужденіе мое“.

Смѣрть, умираііе, представляется людямъ непонимающимъ чѣмъ-то страшнымъ, ужаснымъ; на самомъ же дѣлѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ смѣрть наступаетъ совершенно спокойно и безъ особенной борьбы. Въ противоположность существующимъ невѣжественнымъ взглядамъ, смѣрть означаетъ не что иное, какъ прекращеніе дѣятельности сердца. Нарушеніе дѣятельности всѣхъ другихъ органовъ, тяжелыя расстройства ихъ функциональной дѣятельности не влекутъ за собой неизбежно смѣртіи; только неустанная дѣятельность сердца не можетъ прекратиться, не прекративъ самой жизни. Если вонзъ въ сраженіи падаетъ мертвымъ, сраженный пулей въ голову, то смѣрть вызвана и въ этомъ случаѣ только тѣмъ, что пуля поразила тѣ части мозга, которыя завѣдуютъ сердечной дѣятельностью. Если пуля попадаетъ въ какую-нибудь другую часть мозга, то это можетъ вызвать параличъ, судороги, потерю сознанія, но не смѣрть. Если ударъ штыка пронзитъ грудъ

ную клѣтку и поранить легкія, то раненый все же можетъ остаться живъ, и если и умереть, то, во всякомъ случаѣ, не сразу, а позже, и именно въ томъ случаѣ, если потеря крови окажется такой значительной, что приостановится кровообращеніе и сердечная дѣятельность; если же этого не случится, то онъ можетъ остаться живъ. Если же штыкъ пронзитъ самое сердце или проколетъ аорту, смерть наступаетъ въ нѣсколько минутъ.

Если молнія или другой электрической токъ поразитъ чело-вѣческое тѣло, то это можетъ быть смертельнымъ только въ томъ случаѣ, если будутъ поражены мозговые части, регулирую-щія сердце, или зависяшіе отъ него нервы, или же нервы самого сердца.

Заболѣлъ пожилой человекъ, и врачъ констатируетъ у него воспаленіе легкихъ. У больного сильный жаръ, и отъ лихора-дочныхъ ядовъ, скопляющихся въ крови, сердце вынуждено усиленно работать, вдвое сильнѣе обыкновеннаго. Тогда можетъ наступить параличъ сердца; оно перестаетъ биться, и насту-паетъ смерть.

Въ больницѣ лежитъ легочный больной. Часть легкихъ у него поражена и неспособна работать, но онъ уже много мѣся-цевъ живетъ, дыша незначительной частью здоровыхъ долей легкихъ. Вдругъ этой части становится недостаточно для не-обходимаго снабженія крови кислородомъ. Губы и ногти синѣютъ, переполненная углекислотою кровь парализуетъ сердечные нервы, и смерть наступаетъ внезапно.

При всѣхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ, сопровождающихся лихорадкой, какъ, напр., скарлатина, тифъ, оспа, инфлуэнца и т. п., болѣзнетворные яды могутъ поразить всевозможные ор-ганы, но пока правильно совершается сердечная дѣятельность, больной продолжаетъ жить. Но рано или поздно можетъ быть пораженъ сердечный мускулъ — приостанавливается дѣятельность сердца и наступаетъ смерть.

Какого бы рода ни была болѣзнь и какого бы рода ни было насильственное дѣйствіе извнѣ, — смерть обуславливается всегда только прекращеніемъ сердечной дѣятельности. Всѣ мы умираемъ, въ концѣ концовъ, только отъ „удара“ или „паралича“ сердца, какъ обыкновенно говорятъ.

Причина этого вполне ясна для всякаго, сколько-нибудь посвященнаго въ строеніе и дѣятельность чело-вѣческаго тѣла. Жизнь сопряжена съ непрерывной дѣятельностью мельчайшихъ частицъ тѣла, называемыхъ клѣтками. Въ нихъ совершаются непрерывно химическія превращенія. Въ тѣлахъ ихъ совер-шаются процессы сгорания, возможные благодаря доставляемому кровью газу — кислороду. Всѣ части тѣла должны получать не-прерывный подвозъ кислорода, и этотъ подвозъ осуществляется пробѣгающей по всѣмъ частямъ тѣла кровью. Но кровообраще-ніе происходитъ отъ дѣйствія сердечнаго насоса. Прекращается работа сердца, — останавливается кровообращеніе, тогда прекра-щается подвозъ кислорода къ мельчайшимъ частицамъ тѣла, ко всѣмъ органамъ, и тогда совершенно прекращаются, слѣдова-тельно, въ этихъ частицахъ тѣла всѣ жизненные процессы.

Существуетъ нѣсколько родовъ смерти, при которыхъ жиз-ненные процессы въ клѣточкахъ тѣла прекращаются раньше,

Отшельникъ.

По картинъ С. Конинка.
(Фотогр. изд. Ф. Брухманъ въ Мюнхенѣ.)

чѣмъ останавливается дѣятельность сердца. Это тѣ случаи, когда механическія причины препятствуютъ доступу воздуха, какъ это бываетъ въ случаяхъ смерти отъ удушенія, утопленія или повѣшенія, или же отъ отравленія нѣкоторыми ядами, непосредственно дѣйствующими на жизненные процессы въ клѣткахъ, каковы углекислый газъ, синильная кислота, цианистый калий.

Мучительны не смерть, не моментъ умирающаго, а предшествующія смерти болѣзни, причиняющія различныя страданія. Въ преклонномъ же возрастѣ смерть наступаетъ большей частью безъ борьбы и безъ страданій, — всѣ части тѣла становятся дряблы, дѣятельность ихъ вялой, ослабѣваетъ общій инстинктъ жизни. Смерть приходитъ сразу безъ жалобъ, безъ страданій.

Началомъ старческаго возраста считаются обыкновенно у мужчины шестидесятые годы жизни; восьмой десятокъ, т. е. возрастъ между семидесятымъ и восьмидесятымъ годами жизни, представляетъ собой въ нормальныхъ условіяхъ предѣльный старческій возрастъ. Извѣстны, правда, многіе случаи болѣе глубокой старости. Изъ вѣдѣнаго завѣта намъ извѣстенъ

глубокой возрастъ патріарховъ и пророковъ: Авраамъ прожилъ, по утверженію библіи, 175 лѣтъ, Исаакъ 180, Іаковъ 147; Моисей, жизнь котораго, какъ народнаго вождя и законодателя, была полна тяжелыхъ трудовъ, достигъ 120 лѣтъ.

О глубокой старости греческихъ философовъ мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Самой глубокой старости достигъ изъ нихъ Эпименидъ изъ Кносса (остр. Критъ), прожившій будто бы 175 лѣтъ. За нимъ слѣдуетъ Демокритъ, достигшій 109 лѣтъ. Римскій историкъ Плиніи, жившій въ эпоху царствованія императора Веспасіана, рассказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ о людяхъ, достигавшихъ 180 и 140 лѣтъ. Пустынникъ Павелъ прожилъ будто бы 113 лѣтъ, святой Антоній 106 лѣтъ. Отшельники, живущіе въ тихомъ уединеніи, достигаютъ большей частью очень глубокой старости; художники обыкновенно и изображаютъ ихъ глубокими старцами (см. на отд. табл. „Отшельникъ“).

Фотогр. изд. I. Лепи въ Вѣнѣ.

Рис. 153. Папа Павелъ III. По портрету Таццана.

Изъ трехсотъ папъ только шесть достигли 80-лѣтняго возраста и больше. Изъ нихъ папа Павелъ III прожилъ 81 годъ; это былъ человекъ высокообразованный; при немъ и подъ его покровительствомъ Микель-Анджело достроилъ соборъ св. Петра, до него приостановленный постройкой. Тицианъ увѣковѣчилъ его образъ (рис. 153). Павелъ IV, вступившій на папскій престолъ на 79 году жизни, прожилъ до 84 лѣтъ; Григорій XVI, сильно способствовавшій укрѣпленію папскаго могущества, прожилъ 81 годъ (род. въ 1765, ум. въ 1846 г.). Однимъ изъ самыхъ старыхъ папъ умеръ Левъ XIII (рис. 154), достигшій 90 лѣтъ. Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ намъ извѣстенъ цѣлый родъ лицъ, достигшихъ глубокой старости.

Въ 1670 году умеръ англичанинъ Дженкинсъ на 161 году жизни. Онъ отличался необычайной силой и здоровьемъ, — въ

Рис. 154. Папа Левъ XIII.

возрастѣ больше 100 лѣтъ отъ роду онъ еще могъ плавать въ рѣкѣ съ сильнымъ теченіемъ. Другой англичанинъ, Теодоръ Тарръ, прожилъ 152 года, переживъ царствованіе девяти англійскихъ королей. Въ 1773 году умеръ въ Дави извѣстный Драакенбергъ на 146 году жизни; до 91 года онъ прослужилъ матросомъ въ королевскомъ флотѣ. Въ 1792 году умеръ въ Пруссіи нѣкій Миттельштедтъ, участвовавшій во всѣхъ походахъ въ царствованіе Фридриха I, Фридриха-Вильгельма I и Фридриха II. Въ безчисленныхъ сраженіяхъ онъ не нашелъ себѣ смерти и достигъ 112 лѣтъ. Въ прусскихъ архивахъ сохранилась біографія извѣстнаго Петра Альбрехта, прожившаго отъ 1670 до 1793 года,

т. е. 123 года. Вотъ что рассказываетъ его біографія о его образѣ жизни.

Сложенъ онъ не особенно плотно и роста не особенно высокаго. Но, что внутреннее его строеніе должно быть рѣдкой силой и крѣпости, — объ этомъ свидѣлствуетъ то, что онъ еще и теперь перепариваетъ довольно твердую пищу и любитъ ее больше, чѣмъ легкую: холодное мясо и простой хлѣбъ предпочитаютъ горячему супу и булкамъ. Органы чувствъ его еще не очень слабы, слухъ даже особенно тонокъ, зрѣніе слабѣе, вслѣдствіе того, что правый глазъ его сильно пострадалъ еще въ молодости отъ неосторожнаго толчка и ушиба. Что безспорно сильно способствовало сохраненію его жизни и здоровья, — это то, что онъ никогда въ жизни не предавался никакимъ излишествамъ и прожилъ свою жизнь передъ Богомъ и людьми въ истинной простотѣ или, вѣрнѣе, невнимности сердца. Рабской дѣтви онъ никогда не держался, никогда не уступавивъ закона или привычки къ особаго рода пище или наиткамъ, но вѣнчавшю оставался вѣрнѣе одному — умѣренности. Такъ же шло и развитіе его душевныхъ силъ. Школъ было очень мало въ его время, почти совсѣмъ не было, но онъ по собственному влеченію и собственными усиліями очень хорошо научился читать. Обладая здравымъ рассудкомъ и яснымъ умомъ, онъ усваивалъ все скоро и легко, и такъ какъ вращался онъ всегда въ кругу благомыслящихъ людей, то и развивался безъ труда. Теперь его духовныя силы, правда, порядочно ослабли, — передъ нимъ „все чуть мерещится“, какъ онъ выражается. Большею частью онъ лежитъ теперь въ постели и тогда чувствуетъ себя здоровѣе и бодрѣе, чѣмъ на ногахъ. Многие у него изгладились изъ памяти, но переживая болѣе равнаго воз-

раста онъ помнитъ лучше, чѣмъ пережитое въ среднемъ возрастѣ, и неизмѣнно помнитъ, что родился въ царствованіе великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма".

Родомъ изъ Зальцбурга былъ нѣкій Георгъ Вундеръ, родившійся 23 апрѣля 1626 года и умершій въ Грейцѣ 12 декабря 1761 года, прожившій, слѣдовательно, 135 лѣтъ. Въ маленькой норвежской деревушкѣ, неподалеку отъ Бергена, умеръ въ 1797 году 160-лѣтній старецъ Іозефъ Суррингтонъ. Объ одномъ ветеранѣ прусской арміи, Карлѣ-Леопольдѣ, рассказываетъ намъ Губеландъ (у котораго мы заимствуемъ отчасти дальнѣйшіе примѣры) слѣдующее.

Родившійся въ 1734 году въ воеводствѣ Познани, онъ сдѣлался въ 1755 году гусаромъ Вартебургскаго полка и участвовалъ въ семилѣтнюю войну въ сраженіяхъ при Прагѣ, Россбахѣ, Лейтени и Лигницѣ. Подъ Прагой и Лигницомъ онъ былъ легко раненъ. Въ 1778 году онъ участвовалъ въ баварской войнѣ за престолонасліе, а въ 1792 — въ войнѣ съ Франціей участвовалъ въ трехъ сраженіяхъ, при чемъ въ битвѣ при Крайцахѣ былъ раненъ. За отличіе въ сраженіи при Битцѣ онъ получилъ, будучи унтеръ-офицеромъ, золотую медаль „за заслуги“. Въ 1794 году онъ былъ легко раненъ подъ Островомъ. Въ 1806 году онъ былъ во время осады въ Нейсѣ. Въ 1812 году онъ поступилъ въ инвалидный домъ въ Рыбникѣ. Но когда въ 1813 году раздался кличъ короля на защиту отечества, онъ не устоялъ противъ желанія взяться за оружіе на 79 году жизни и совершилъ походъ въ Парижъ. Опоясаннымъ, унтеръ-офицеромъ онъ поступилъ въ пятый Силезскій кавалерійскій полкъ и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вауценомъ, при Кацбахѣ, подъ Лейпцигомъ и подъ Парижемъ. Послѣ заключенія мира въ 1814 году онъ получилъ за отличія въ походахъ 1813 и 1814 гг. желѣзный крестъ второй степени. Въ 1815 году его величество король произвелъ его въ офицерскій чинъ.

Рис. 155. Яковъ Пихлеръ.

Приведемъ еще примѣръ долголѣтія изъ послѣдняго времени. Яковъ Пихлеръ (рис. 155) —

онъ умеръ 1 марта 1905 года въ Геггергофѣ близъ Мераиа ста четырехъ лѣтъ, семи мѣсяцевъ и восьми дней отъ роду. До самаго послѣдняго времени онъ былъ совершенно бодръ. Правда, бѣгать уже не вполнѣ удавалось, и глаза уже отказывались служить, но вина и табакъ, которые приносили ему многочисленные посѣтители его родного дома, онъ былъ все еще большимъ цѣнителемъ и любителемъ. „Больше уже ни на что не гоноусь, какъ молиться и курить“, говаривалъ онъ. Родившійся 20 іюня 1800 года въ Геггергофѣ, онъ отчетливо помнилъ скорбный моментъ, когда Андреа Гоферъ былъ привезенъ ильнянымъ изъ долины. Въ 1899 году во время торжествъ въ память Гофера почти столѣтній Яковъ Пихлеръ былъ представленъ австрійскому императору. Объ этомъ онъ страшно любилъ рассказывать. Не забывалъ никогда рассказать также, что Дефреггеръ увѣковѣчилъ его въ своемъ альбомѣ въ 1897 году. Умеръ онъ не отъ старости — Боже упаси! — а отъ новѣйшей инфлюэнцы.

Старцы въ возрастѣ отъ 80 до 100 лѣтъ встрѣчаются гораздо чаще, — ежегодно случается читать въ газетахъ о нѣсколькихъ случаяхъ смерти стариковъ въ возрастѣ около 100 лѣтъ. Въ своей книгѣ о старости и средствахъ дожить до старости С. Шретеръ приводитъ 744 случая, въ которыхъ возрастъ превышалъ 80 лѣтъ. По сословію и роду занятій это были:

Крестьяне	87	Садовники	4
Ремесленники ¹	71	Учителя	4
Мѣшане	55	Министры	4
Духовные	26	Писатели (поэты)	3
Юристы	23	Пастухи	3
Офицеры ²	21	Художники	3
Философы	18	Аптекари	2
Солдаты	12	Князья и графы	2
Купцы	11	Акушерки	2
Помѣщики	10	Матросы	2
Кустари	8	Музыканты	2
Врачи	6	Астрономы	1
Хирурги	6	Папы	1
Кардиналы и епископы	6	Могильщики	1

По странамъ наибольшее число случаевъ долголѣтїя приходится на сѣверъ: Шотландію, Швецію, Норвегію, Данію; за ними слѣдуютъ Пруссія, Англія и Россія. Въ жаркихъ, въ особенности въ тропическихъ странахъ, продолжительность жизни гораздо короче. Климатъ острововъ, повидимому, гораздо болѣе благоприятствуетъ долголѣтїю, чѣмъ климатъ материковъ. На Кипрскихъ островахъ населеніе достигаетъ болѣе глубокой старости, чѣмъ въ Сиріи, на островѣ Формозѣ и въ Японіи болѣе, чѣмъ въ Китаѣ, на островахъ Архипелага болѣе, чѣмъ на азиатскомъ материкѣ. Сельское населеніе достигаетъ болѣе глубокой старости, чѣмъ городское. Крестьяне, матросы, солдаты, пастухи и охотники умираютъ въ болѣе преклонномъ возрастѣ, чѣмъ горожане. Общеизвѣстенъ фактъ, что смертность въ большихъ городахъ чрезвычайно велика.

Люди, достигавшіе глубокой старости, всѣ были женаты отъ одного до четырехъ разъ. Повидимому, значительная половая вила способствуетъ долголѣтїю. А что нормальный и регулярный характеръ брачной жизни удлиняетъ продолжительность жизни, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Чѣмъ больше старятся въ супружествѣ мужъ и жена, тѣмъ сильнѣе они привязываются другъ къ другу и тѣмъ согласнѣе течетъ ихъ совмѣстная жизнь. На склонѣ жизни одинъ доврчиво опирается на руку другого, какъ показываетъ намъ ванъ-Говъ на своей трогательно-простой картинѣ (рис. 156).

Въ общемъ можно сказать, что въ новѣйшее время встрѣчается гораздо меньше случаевъ глубокой старости, чѣмъ въ прежнія времена. Причину этого приписываютъ отчасти неточному веденію метрическихъ записей въ прежнія времена, такъ же какъ глубокую старость патриарховъ или Маеусаила, прожившаго будто бы 900 лѣтъ, объясняютъ тѣмъ, что въ древнія времена за годъ считались первоначально три мѣсяца, позднѣе восемь мѣсяцевъ. Но съ другой стороны несомнѣненъ тотъ фактъ, что общая смертность и въ особенности дѣтская смертность значительно понизилась въ новѣйшее время, что слѣдуетъ приписать улучшенію гигиеническихъ условій жизни, учрежденію лечебницъ всякаго рода, оздоровленію городовъ, учрежденію дѣтскихъ пріютовъ и воспитательныхъ домовъ.

¹ Изъ нихъ наибольшее число случаевъ долголѣтїя приходится на: чулочниковъ — 11, сапожниковъ — 5, мясниковъ — 4, булочниковъ — 3, кожевниковъ — 3, мельниковъ — 3, портныхъ — 3, плотниковъ — 3.

² Въ числѣ ихъ три фельдмаршала.

Что сокращаетъ жизнь и какъ дожить до глубокой старости?

Это вопросы, которыми всё задаются. Неоспоримый фактъ, что какъ бы люди ни жаловались на тяготы жизни, — все же огромное большинство людей желало бы жить долго. Намъ, врачамъ, это особенно хорошо извѣстно, такъ какъ даже больные, переносящіе цѣлые годы самыя тяжкія страданія, страстно желаютъ продлить свою жизнь. И если порой кое-кто и проклинаетъ свою жизнь, все же онъ, по большей части, не серьезно желаетъ избавиться отъ нея.

Рис. 156. На склонѣ жизни. По картинѣ ванъ-Гофа.

Причины, сокращающія жизнь, очень различны. Прежде всего такой причиной бываетъ врожденная слабость всего организма или отдѣльныхъ органовъ. Но было бы ошибочно думать, что люди худощавые и имѣющіе отъ природы хрупкій видъ, обречены на меньшую продолжительность жизни, чѣмъ люди крѣпкаго и плотнаго сложения. Полнота-то и бываетъ часто обманчива, и людей полныхъ именно и постигаетъ часто ранняя смерть.

Другой причиной, сокращающей жизнь, являются внѣшнія условія жизни и среди нихъ прежде и больше всего жилищныя условія. Въ густо населенныхъ частяхъ города, въ рабочихъ кварталахъ, гдѣ люди живутъ скученно въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, царитъ наибольшая смертность. Жизнь сокращаютъ недостатокъ воздуха и свѣта, скопленіе углекислоты и другихъ

негодныхъ для дыханія газовъ въ воздухѣ, переполненіе его частицами дыма и пыли (въ большинствѣ случаевъ вблизи рабочихъ кварталовъ расположена большая часть заводовъ и фабрикъ), наконецъ, недостаточная чистка и провѣтриваніе квартиръ; послѣднее обусловливается отчасти тѣмъ, что квартиры часто служатъ въ то же время и мастерскими, отчасти же тѣмъ, что на работу уходить не только мужъ, но и жена, и оттого женѣ не хватаетъ времени заботиться объ основательной уборкѣ квартиры. Если въ подобномъ пріютѣ нищеты и горя находится больной, въ особенности если это легочный больной, то болѣзнетворные яды разсѣиваются во всѣ стороны, легко распространяются, — и такимъ образомъ возникаютъ очаги заразы, которые большей частью очень трудно искоренить.

Но очень многого оставляетъ желать, кромѣ того, и питаніе пролетаріата. Организмъ бѣдняковъ получаетъ гораздо меньше необходимыхъ для жизни бѣлковыхъ, крахмалистыхъ и жировыхъ питательныхъ веществъ, чѣмъ организмъ людей зажиточныхъ классовъ. Такъ какъ мясная пища становится все недоступнѣе, вслѣдствіе все возрастающей дороговизны, то организму приходится доставлять необходимый ему бѣлокъ въ видѣ содержащей бѣлковину растительной пищи, въ особенности стручковыхъ овощей. Картофель также играетъ большую роль въ хозяйствѣ людей недостаточныхъ, хотя цѣнность его какъ питательнаго матеріала не очень велика, и какъ матеріалъ сбереженія онъ долженъ быть потребляемъ въ большихъ количествахъ.

Къ прикармливанію дѣтей въ недостаточныхъ слояхъ прибѣгаютъ въ очень раннемъ возрастѣ младенца, такъ какъ мать не въ состояніи выкормить сама своихъ дѣтей и большей частью бываетъ вынуждена прибѣгнуть къ помощи болѣе или менѣе поддѣльнаго молока и мучныхъ кашъ, непереваренныхъ для органовъ грудного младенца. По одному этому уже смертность дѣтей въ младенческомъ возрастѣ огромна. Но если даже дѣтѣмъ удастся счастливо пережить первые годы жизни, все же по вѣнѣ нецѣлесообразнаго и недостаточнаго питанія у нихъ развиваются англійская болѣзнь (рахитъ), золотуха, малокровіе, общая физическая слабость, и подобныя индивидуумы обыкновенно не доживаютъ до глубокой старости.

Сокращаетъ жизнь еще также чрезмѣрный физическій и умственный трудъ. Усиленный физическій трудъ вреденъ только тогда, когда строеніе тѣла и особенности физической организаціи, — то, что называютъ обыкновенно словомъ „конституція“ — не въ состояніи развить необходимыхъ для даннаго труда силъ. Вотъ почему слѣдовало бы всегда ставить выборъ профессіи въ зависимость отъ усмотрѣнія врача. Помимо этого, физическій трудъ причиняетъ вредъ въ томъ случаѣ, если помѣщеніе, въ которомъ производится работа, представляетъ вредныя для здоровья условія (недостаточный размѣръ, неудовлетворительная вентиляція, ненормально высокая или непомѣрно низкая температура и т. п.), или же, если при самой работѣ приходится имѣть дѣло съ ядами, проникающими въ организмъ. Наиболѣе извѣстно нѣ такихъ областяхъ труда свинцовое отравленіе, жертвой котораго гибнетъ множество рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности.

Вредныя послѣдствія чрезмѣрнаго умственнаго труда несутъ, разумѣется, лица, работающія, какъ говорится, головой. Вреднымъ можетъ оказаться не только количество умственнаго труда, какое приходится преодолѣть работнику въ извѣстный срокъ, но и то, въ какой мѣрѣ спѣшно онъ долженъ одолѣть его. Творческій трудъ, созданіе новыхъ идей, гораздо утомительнѣе того, который заключается въ усвоеніи чужихъ идей. Въ старости мозгъ вообще больше способенъ къ воспріятію чужихъ идей (чтеніе, слушаніе лекцій и т. п.), чѣмъ къ собственной творческой дѣятельности. Нѣкоторые виды питательныхъ матеріаловъ, какъ, напримѣръ, кофе и чай, а также куреніе, несомнѣнно вліяютъ возбуждающе на умственную дѣятельность. Но если такія возбуждающія средства употребляются въ неумѣренномъ количествѣ, то они вредятъ не только сами по себѣ, но еще и тѣмъ, что какъ будто подбадриваютъ на короткое время умственные силы, на самомъ же дѣлѣ только маскируютъ утомленіе и напрягаютъ мозгъ больше, чѣмъ это допустимо для здоровья. Наконецъ, сокращаетъ жизнь еще такой умственный трудъ, который лишаетъ работника части необходимаго времени для сна.

Наибольшую роль въ дѣлѣ сокращенія жизни играютъ болѣзни: три четверти всего человѣчества гибнутъ благодаря болѣзнямъ, и только одна четверть умираетъ естественной смертію въ глубокой старости. Огромно, несмѣтно число тѣхъ микроскопическихъ живыхъ существъ, которыя непрерывно угрожаютъ нашему организму и которыя губятъ въ видѣ заразныхъ болѣзней не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя семьи, поколѣнія, населеніе цѣлаго города или цѣлой страны. Съ теченіемъ времени эти заразы — эпидеміи — измѣнили характеръ. Въ средніе вѣка одна изъ самыхъ страшныхъ болѣзней, чума, или черная смерть, какъ ее тогда называли, съ ужасающей силой свирѣпствовала во всей Европѣ, между тѣмъ какъ въ настоящее время она гнѣздится больше на своей родинѣ, въ Индіи, и ищетъ жертвъ среди туземнаго населенія страны. Точно такъ же была и оспа общераспространенной народной болѣзнейю — до тѣхъ поръ, пока безсмертное открытіе англійскаго врача Дженнера дало возможность предохранить отъ зараженія оспой съ помощью заблаговременной прививки.

Ти фъ тоже былъ зловѣщимъ гостемъ всѣхъ большихъ городовъ до самаго послѣдняго времени, между тѣмъ какъ теперь онъ являється только въ видѣ единичныхъ заболѣваній. Это чудо было достигнуто, благодаря канализаціи и добыванію хорошей питьевой воды. Корь, скарлатина, крупъ, дифтеритъ все еще принадлежатъ къ распространеннымъ болѣзнямъ, но, вслѣдствіе примѣненія дѣйствительныхъ способовъ лѣченія, уменьшилась смертность отъ этихъ болѣзней. Единственная болѣзнь сохранила свою страшную распространенность среди нашего населенія и до сихъ поръ; это — туберкулезъ, жертвой котораго падаетъ седьмая часть всего человѣчества, и наибольшій процентъ приходится опять-таки на долю недостаточныхъ классовъ, въ особенности же рабочихъ.

Въ Вѣнѣ, напримѣръ, какъ доказалъ профессоръ Штернбергъ, смертность отъ туберкулеза несравненно больше въ рабочихъ кварталахъ, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ города, которыя насе-

ляютъ остальные, болѣе достаточные классы. Въ Англіи умерло отъ туберкулеза въ періодъ времени между 1851 и 1860 годами вдвое больше, чѣмъ за время отъ 1891 до 1900 года, — это доказываетъ, что смертность отъ туберкулеза значительно понизилась въ этой странѣ.

По статистическимъ даннымъ, отъ туберкулеза умерло въ Англіи въ среднемъ на 1000 мужчинъ 3,08—3,30 и женщинъ 2,89—3,51 на 1000, въ Пруссіи же 3,46—3,67 мужчинъ и 2,89—3,02 женщинъ. По статистическимъ даннымъ германскихъ обществъ страхованія жизни, умерло отъ туберкулеза на 1,000 застраховавшихся мужчинъ 3,89. Очень интересно также тотъ фактъ, что согласно одному отчету о состояніи здоровья населенія въ Англіи—обычный прежде возрастъ, въ которомъ наступала смерть отъ туберкулеза, сильно повысился за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ туберкулезъ уносилъ своихъ жертвъ большей частью въ возрастъ между 25 и 35 годами, между тѣмъ какъ въ слѣдующія двадцать лѣтъ большинство мужчинъ умираетъ отъ него въ возрастъ между 35 и 45 годами.

Къ инфекціоннымъ болѣзнямъ примыкаетъ цѣлая армія другихъ органическихъ болѣзней. Болѣзни сердца и почекъ больше сокращаютъ жизнь, чѣмъ болѣзни печени, селезенки, желудка и кишечника. Болѣзни головного и спинного мозга также отличаются большей частью медленнымъ и изнурительнымъ теченіемъ и въ среднемъ оказываютъ незначительное вліяніе на продолжительность жизни. Особенное мѣсто въ ряду болѣзней занимаютъ новообразования, въ особенности ракъ, которыхъ могутъ быть поражены всѣ органы.

Отъ рака умираютъ на 1,000 жителей въ Англіи 0,20—0,47; въ Пруссіи 0,24—0,39. Но такъ какъ ракъ появляется обыкновенно только на пятомъ или шестомъ десяткѣ лѣтъ, то вліяніе его на продолжительность жизни всего населенія въ совокупности не такъ велико, какъ вліяніе другихъ болѣзней. Изъ 13,735 смертныхъ случаевъ, приходившихся въ Англіи на 1 миллионъ населенія, на возрастъ между 35 и 45 годами пришлось 241 случай смерти отъ рака; на болѣе же чѣмъ пятикратное число смертей въ возрастѣ между 65 и 75 годами было констатировано число смертей отъ рака въ десять разъ больше, именно — 2,623 случая смерти отъ рака на 69,574 смертныхъ случаевъ вообще.

Большое число людей умираетъ такъ называемой насильственной смертью. За время историческихъ эпохъ около семи миллиардовъ человѣкъ погибло на поляхъ сраженія. Безчисленное множество людей погибло отъ паводковъ, землетрясеній, вулканическихъ изверженій и т. п. Уменьшилось число смертей въ борьбѣ съ дикими животными, такъ какъ они съ теченіемъ времени все больше и больше отбѣснялись человѣкомъ въ необитаемыя мѣстности и частью стали близки къ вымиранію вслѣдствіе постоянного преслѣдованія со стороны человѣка. Зато увеличилось число смертныхъ случаевъ, обусловливаемыхъ современными средствами сообщенія. Железнодорожныя катастрофы, несчастные случаи отъ автомобильной и извозчичьей ѣзды, отъ городскихъ трамваевъ, всевозможныя несчастія въ фабрично-заводскихъ производствахъ усилились очень значительно и доставляютъ въ большихъ городахъ постоянный матеріалъ для мѣстной хроники.

Продолжительность человѣческой жизни имѣ-

еть особенное значеніе во многихъ важныхъ вопросахъ. Особенно серьезно и подробно занимались этими вопросами страховыя общества. Согласно полученнымъ даннымъ, вѣроятная продолжительность жизни новорожденнаго колеблется въ большинствѣ европейскихъ государствъ между 39 и 49 годами. Поучительна въ этомъ отношеніи слѣдующая таблица, представляющая результаты изслѣдованій 17 англійскихъ обществъ страхованія жизни на основаніи 78-лѣтней практики при 83,905 застрахованныхъ и 13,781 случаѣ смерти.

Возрастъ	Мужчины			Женщины							
	Число живущихъ	Число умершихъ	Средняя продолжит. жизни	Число живущихъ	Число умершихъ	Средняя продолжит. жизни					
10	100,000	678	48,36	30	86,292	727	34,43	50	69,517	1,108	20,18
11	99,324	674	47,68	31	85,565	734	33,72	51	68,409	1,156	19,50
12	98,650	672	47,01	32	84,831	742	33,01	52	67,253	1,207	18,82
13	97,978	671	46,33	33	84,089	750	32,30	53	66,046	1,261	18,16
14	97,307	671	45,64	34	83,339	758	31,58	54	64,785	1,316	17,50
15	96,636	671	44,96	35	82,518	767	30,87	55	63,469	1,375	16,86
16	95,965	672	44,27	36	81,814	776	30,15	56	62,094	1,436	16,22
17	95,293	673	43,58	37	81,038	785	29,44	57	60,658	1,497	15,59
18	94,620	675	42,88	38	80,253	795	28,72	58	59,161	1,561	14,97
19	93,945	677	42,19	39	79,458	805	28,00	59	57,600	1,627	14,37
20	93,268	680	41,49	40	78,653	815	27,28	60	55,973	1,698	13,77
21	92,588	683	40,79	41	77,838	826	26,56	61	54,272	1,770	13,18
22	91,905	686	40,09	42	77,012	839	25,84	62	52,503	1,844	12,61
23	91,219	690	39,39	43	76,173	857	25,12	63	50,661	1,917	12,06
24	90,529	694	38,68	44	75,316	881	24,40	64	48,744	1,990	11,51
25	89,835	698	37,98	45	74,435	909	23,68	65	46,754	2,061	10,97
26	89,137	703	37,27	46	73,526	944	22,97	66	44,693	2,128	10,46
27	88,434	708	36,56	47	72,582	981	22,27	67	42,565	2,191	9,96
28	87,726	714	35,86	48	71,601	1,021	21,56	68	40,374	2,246	9,47
29	87,012	720	35,15	49	70,580	1,063	20,87	69	38,128	2,291	9,00

Какъ видно изъ приведенныхъ и другихъ сопоставленій, средняя продолжительность челоѣческой жизни въ Европѣ, дѣйствительно, колеблется между 35 и 45 годами. Разницу между смертностью въ цѣлой странѣ и смертностью большого города въ частности показываетъ намъ нижеслѣдующая таблица данныхъ для Прусскаго королевства и города Берлина.

На каждыя 100.000 лицъ каждаго возраста умерло:

Возрастъ	Мужчинъ		Женщинъ	
	Пруссія	Берлинъ	Пруссія	Берлинъ
10 лѣтъ	549	748	532	495
20 "	762	886	639	774
30 "	975	1,071	976	1,265
40 "	1,437	1,908	1,247	1,405
50 "	2,226	2,918	1,777	1,907
60 "	3,866	4,358	3,432	3,212
70 "	7,909	7,860	7,567	6,834

Замѣтимъ при этомъ, что большая смертность среди городского населенія главнымъ и существеннѣйшимъ образомъ обусловлена цѣлымъ рядомъ экономическихъ и социальныхъ влiяній и что въ тѣхъ случаяхъ, когда сельское населеніе находится въ аналогичныхъ условіяхъ (это бываетъ въ мѣстахъ съ преимущественно промышленнымъ населеніемъ), смертность возрастаетъ въ такой же степени, какая наблюдается въ большихъ городахъ.

Въ числѣ обстоятельствъ и условій жизни, влияющихъ на продолжительность жизни отдѣльныхъ лицъ, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ опять таки питаніе. Слишкомъ обильная пища немѣрно напрягаетъ пищеварительный аппаратъ и можетъ вызвать всевозможныя желудочныя и кишечныя расстройства — тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе примѣшивается къ пицѣ раздражающихъ веществъ (пряностей, острыхъ соусовъ, чрезмѣрныхъ сладостей). Чѣмъ однообразнѣе пища, тѣмъ меньше она приводитъ къ неумѣренности; чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе блюда, тѣмъ болѣе они соблазняютъ къ неумѣренности. Вотъ почему богатые люди, ежедневно предающиеся уточенному удовольствіямъ стола, во-первыхъ, очень часто заболѣваютъ расстройствами пищеваренія, а во-вторыхъ (отъ чрезмѣрнаго количества пиши и отъ того, что вводятъ въ организмъ слишкомъ много пряныхъ и возбуждающихъ веществъ), обременяютъ свою кровь чрезмѣрнымъ количествомъ кислоты (мочевой кислоты) и продуктовъ разложенія бѣлковыхъ веществъ и оттого страдаютъ приливами крови, ломотами и ревматизмами.

Однако, и гастрономы могутъ достигать глубокой старости, доказательствомъ чего служить долготѣе француза Брولья-Саваржа, считавшаго главной цѣлью своей жизни служеніе наслажденіямъ чревоутодія: ему принадлежитъ знаменитое изреченіе: „Изобрѣтеніе новаго блюда важнѣе для счастья человѣчества, чѣмъ открытіе новаго созвѣздія“. Саваржъ прожилъ до 71 года.

Алкоголь, т. е. собственно спиртные напитки, издревле известны своимъ влияніемъ, какъ сократители жизни. Сторонники строгого воздержанія рисуютъ вредъ употребленія спиртныхъ напитковъ самыми мрачными красками. Что ихъ предостереженія нѣсколько преувеличены, объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторые историческіе факты. Въ половинѣ XVII столѣтія, нагрімѣръ, спиртнымъ напиткамъ предавались гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время. По расчету погребовъ герцога Саксонскаго, Эрста Благочестиваго, за 1648 годъ, на долю молодыхъ людей „и барышень“ полагалось для двухъ трапезъ по двѣ кружки вина и по четыре съ половиной кружки пива; для прислуги и офицеровъ по одной кружкѣ пива и по три съ половиной кружки мѣсцаго вина на каждого; въ праздничные дни на каждого къ обѣду по полукружкѣ вина; для женщины „графскаго и дворянскаго рода“ на завтракъ и на ужинъ по четыре кружки пива и по три кружки на вечеръ попозже; для прислуги по утрамъ въ 9 часовъ по кружкѣ пива на каждого и столько же днемъ въ 4 часа.

Хотя это и вѣсомѣнно доказано, что алкоголь — не питательное средство, а служитъ только для удовольствія, при чемъ обладаетъ въ видѣ крѣпкихъ винъ и водокъ безспорнымъ свойствомъ яда, — все же мы знаемъ, съ другой стороны, что человѣкъ можетъ привыкнуть къ употребленію ядовъ и что поэтому многимъ привычное употребленіе алкоголя не вредитъ. Только этимъ и можно объяснить, что многие достигаютъ глубокой старости, несмотря на продолжительное и сильное потребленіе алкоголя, какъ рассказываетъ, напримѣръ, профессоръ Флюгеръ въ своемъ сочиненіи объ искусствѣ продленія человѣческой жизни. Онъ называетъ, напр., одного француза-мясника, который напивался по два раза въ день и все же дожилъ до 120 лѣтъ, и другого ирландскаго фермера Броуна, умершаго 120 лѣтъ, на могилѣ котораго была сдѣлана слѣдующая наивная надпись: „Подъ сѣмъ камнемъ покоится Броунъ, прожившій только благодаря крѣпкому пиву 120 лѣтъ. Онъ былъ вѣчно пьянъ и такъ страшнъ въ этомъ состояніи, что даже смерть боялась его. Когда онъ однажды провелъ дева противъ своего обыкновенія тихо, смерть набралась храбрости, схватила его и восторжествовала надъ этимъ безпримѣрнымъ пьяницей“.

Наибольшій вредъ причиняетъ алкоголь среди недостаточныхъ классовъ народа, которые употребляютъ его въ самой концентрированной формѣ, въ видѣ водки; очень возможно, что вредъ такъ великъ потому, что водка содержитъ особенно ядовитыя вѣды алкоголя. Вдобавокъ, надо принять во вни-

маніе, что потребители этого вида алкоголя принимаютъ слишкомъ мало пищи и даже замѣняютъ имъ безусловно необходимыя пищевыя вещества, что должно съ теченіемъ времени вредно отозваться на организмъ. По отношенію не отдѣльныхъ лицъ, а всей массы населенія, надо сказать несомнѣнно, что умеренное потребление алкоголя сокращаетъ жизнь. Алкоголь же въ умеренномъ количествѣ — 0,3 литра вина и 0,3—0,5 литра пива въ день — не вредитъ, если даже употреблять его всю жизнь. Исключеніе составляютъ только тѣ случаи, когда, вслѣдствіе существующихъ болѣзней въ некоторыхъ органахъ — сердца, печени, почекъ — алкоголь вреденъ и въ малыхъ количествахъ и долженъ быть запрещенъ совсѣмъ.

Къ причинамъ, сокращающимъ человѣческую жизнь, относятся также извѣстныя душевныя волненія — заботы, горе, волненія и утомленія профессиональной дѣятельности. Вообще же трудъ, если только онъ не создаетъ слишкомъ большой озабоченности и переутомленія, только благоприятствуетъ долголѣтію. Общезвѣстенъ фактъ, что лица, рано оставляющія привычныя дѣла и занятія и живущія безъ дѣла изо дня въ день, большей частью рано старѣютъ и не достигаютъ глубокой старости.

Причинамъ, сокращающимъ человѣческую жизнь, надо противопоставлять средства, способствующія продленію ея. Надежды и виды на долголѣтіе имѣетъ прежде всего тотъ, кто происходитъ отъ здоровыхъ, достигшихъ старости родителей. Желая дать кому-нибудь совѣтъ, какъ продлить жизнь, необходимо узнать прежде всего причины смерти родителей и кровныхъ родственниковъ даннаго лица, чтобы побѣдить возможно раньше предрасположеніе къ тѣмъ болѣзнямъ, которыя послужили причиной ихъ смерти. Регулярныя физическія упражненія, прогулки, гимнастика дыханія, умеренность въ пищѣ и напитки предохраняютъ отъ заболѣваній. Здоровье сердца и кровеносныхъ сосудовъ, отъ которыхъ зависитъ питаніе органовъ и тканей, сохраняется путемъ поддержанія непрерывной дѣятельности кровеносной системы. Достигается это правильнымъ дыханіемъ при мускульныхъ упражненіяхъ. Естественнѣйшую форму такихъ упражненій представляетъ ходьба, которая ускоряетъ дѣятельность сердца и легкихъ. Ходьба гонитъ больше крови въ кровеносные сосуды и усиленнымъ количествомъ ея снабжаетъ отдѣльные органы, отчего они лучше питаются.

Правильное и глубокое дыханіе на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ сообщаетъ легкимъ и крови больше кислорода и способствуетъ болѣе скорому выдѣленію вредной углекислоты. Сокращеніе кожныхъ мускуловъ привлекаетъ къ нимъ больше крови, облегчая сердце, а вены въ то же время снова направляютъ въ сердце ставшую негодной кровь. Но ходьба способствуетъ также кровообращенію живота, что очень важно для органовъ пищеварительнаго аппарата, расположеннаго въ его полости. Продолжительность полезной для здоровья прогулки колеблется въ зависимости отъ возраста и состоянія здоровья того или иного лица между часомъ и тремя часами ежедневно; полезно распределить ее равномѣрно на утреннюю и дневную прогулку. Дурная погода не должна служить причиной перерыва ежедневныхъ прогулокъ, — необходимо только позаботиться о соответственной одеждѣ и защитѣ отъ опасности промокнуть.

Постояннымъ жителямъ городовъ слѣдовало бы проводить по возможности одинъ день въ недѣлю въ деревнѣ, не только ради

Рис. 157. Хр. Гуфеландъ. По гравюрь.

пользованія чистымъ, свободнымъ отъ пыли воздухомъ, но и ради того благоприятнаго влiянiя на состоянiе мозга, которое оказываетъ обыкновенно перемѣна обстановки.

Когда девяностолѣтняго Мольтке спросили, какъ онъ сумѣлъ сохранить такъ долго здоровье и физическую силу, онъ сказалъ: „Благодаря большой умѣренности во всемъ, благодаря регулярному движенiю на воздухѣ во всякую погоду, хорошую или дурную; никогда я не проводилъ дома цѣлаго дня безвыходно“.

Во всемъ образѣ жизни съ самой ранней юности надо избѣгать изнѣженности. Замѣчательныя мысли высказалъ по этому поводу Гуфеландъ (рис. 157), одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей XVIII

столѣтiя въ своей книгѣ объ искусствѣ продленiя человѣческой жизни.

„Я долженъ коснуться здѣсь главнаго недостатка нашего вышшняго воспитанiя, прямо враждебнаго упомянутымъ принципамъ: физической и моральной изнѣженности. Я разумью подъ этимъ привычку и стремленiе дѣлать для дѣтей и молодыхъ людей жизнь во возможности болѣе легкой и покойной, заботливо очищая для нихъ путь отъ всякихъ препятствiй и стѣпенiй, отъ всѣхъ трудностей и шероховатостей. Это однаково относится и къ физическому, и къ моральному воспитанiю нашему. Къ условiямъ физическаго изнѣживанiя я причисляю удобную, мягкую мебель, диваны, пружинныя постели, всегда ровный и теплый комватный воздухъ, мягкую, заботливо изготовленную пищу и т. под. Къ условiямъ моральнаго изнѣживанiя — мягкое, снисходительное обращенiе, отсутствiе всякой строгости, всякаго прямого сопротивленiя, всякихъ наказанiй, способъ обучать всему играя; послѣднее — большая глупость, потому что дѣло вовсе не только въ томъ, чтобы научиться чему-нибудь, а несомнѣнно столько же еще и въ томъ, какъ къ этому научиться, т. е. въ томъ, чтобы научиться учиться, — научиться въ то же время работать, преодолевать трудности, дѣлать усилiя, переносить неприятности. Такое воспитанiе создаетъ вялость и дряблость, такъ какъ истинную силу создаетъ только сопротивленiе, только преодоленiе трудностей и затрудненiй воспитываетъ самостоятельность, энергiю и волю. Въдъ всю вашу жизнь судьба воспитываетъ васъ съ помощью труда, работы, борьбы съ неприятностями и развиваетъ благороднѣйшiя силы ваши, ваше мужество, вашу способность возвыситься надъ земной пошiестью въ знаменность“.

Что усиленный умственный трудъ не препятствуетъ достиженiю глубокой старости, объ этомъ свидѣтельствуетъ множество примѣровъ, какiе можно взять наудачу изъ различныхъ областей умственной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, Гете (рис. 120) прожилъ 83 года, Ад. Менцель (рис. 158) 80 лѣтъ, Лука Кравахъ (рис. 160) 82 года, Людвигъ Вилдгорстъ (рис. 159) 80 лѣтъ, Александръ Гумбольдтъ (рис. 161) 91 годъ, Рудольфъ Альтъ, знаменитый вѣнскiй художникъ-акварелистъ (рис. 162) 93 года.

Тотъ или другой способъ питанiя также заключаетъ въ

себѣ извѣстныхъ возможности продленія жизни. Прежде всего, изъ пищи должно быть изгнано все, что способно сокращать жизнь и о чемъ уже было говорено въ своемъ мѣстѣ. Чѣмъ старше становится человѣкъ, тѣмъ меньше пищи слѣдуетъ ему принимать, — въ особенности ужинъ долженъ быть легкій, или отъ него слѣдуетъ совсѣмъ отказаться. Часто достаточно стакана молока на ужинъ, или простокваши, которой знаменитый русскій ученый Мечниковъ приписываетъ особыя свойства, способствующія продленію жизни, или немного плодовъ — яблоко, вѣтку винограда — вообще ужинъ долженъ быть больше возбуждающимъ, чѣмъ питательнымъ средствомъ. Мясная пища должна становиться все ограниченнѣе по мѣрѣ приближенія къ старости. Большинство людей, достигшихъ 80-лѣтняго возраста и старше, употребляли очень немного мясной пищи.

„Я имѣлъ возможность прослѣдить образъ жизни больше восьмидесяти лицъ, достигшихъ преклоннаго возраста отъ 86 до 100 лѣтъ, — говоритъ знаменитый врачъ при нѣмецкой больницѣ въ Лондонѣ, Германъ Веберъ. — Хотя большинство этихъ лицъ принадлежало къ состоятельнымъ классамъ и не было вынуждено отказываться себѣ въ чемъ-нибудь, все же среди нихъ было только шесть человѣкъ, имѣвшихъ привычку много ѣсть и пить. Многие изъ нихъ ѣли и пили поразительно мало; вѣкторые питались почти исключительно овощами съ небольшою прибавкой къ нимъ молока, сыру и масла, иногда яицъ и только въ очень исключительныхъ случаяхъ мяса, рыбы или птицъ“.

Но хотя и вѣрно то, что преимущественно вегетеріанскій столъ всего цѣлесообразнѣе для болѣе или менѣе пожилого возраста, все же на вегетеріанство нельзя смотрѣть, какъ на единственный эликсиръ, способствующій достиженію глубокой старости. Исключительно растительная пища вредна тѣмъ, что ее приходится принимать въ слишкомъ большихъ количествахъ. Важно также, чтобы всякая пища была основательно прожевана; для здороваго перевариванія пищи необходимо не только возможно большее измельченіе пищевыхъ веществъ, но и возможно болѣе обильное смачиваніе и пропитываніе ихъ слюной. Но такъ какъ въ пожилomъ возрастѣ зубы естественно выпадаютъ, то необходимо своевременно позаботиться о хорошо прилаженныхъ искусственныхъ зубахъ; этимъ будетъ избѣгнута также некрасивая впалость щекъ, которая появляется отъ потери зубовъ.

Объ употребленіи алкоголя мы уже говорили при разсмотрѣніи причинъ, сокращающихъ жизнь. Незначительныя количества его или время отъ времени стаканъ легкаго пива можетъ быть въ старости скорѣе полезно, чѣмъ вредно.

Рис. 158. Ад. Менцель.
Портретъ съ натуры Ж. Бета.

Рис. 159. Людвиг Виндгорсть.

Дневное количество чая, употребляемого стариками, должно быть не велико, и нужно безусловно избѣгать слишкомъ крѣпкаго чая. Кофе можно пить только въ очень незначительномъ количествѣ и не очень крѣпкое, — оно переносится стариками большей частью хуже, чѣмъ чай. Какъ чай, такъ и кофе вліяютъ возбуждающе и обладаютъ въ то же время свойствомъ, чрезвычайно важнымъ, расширять кровеносные сосуды; это свойство ихъ оказываетъ благоприятное вліяніе на начинающійся или уже развивающійся процессъ известковаго уплотненія сосудовъ. Оба эти напитка обладаютъ въ то же время мочегоннымъ свойствомъ.

Куреніе является для людей болѣе или менѣе пожилого возраста привычкой, отъ которой трудно отказаться, и въ умѣренномъ количествѣ оно, несомнѣнно, не приноситъ вреда. Умѣреннымъ количествомъ можетъ считаться одна-двѣ сигары въ день, или три-четыре папиросы или же двѣ трубки.

Умственные занятія безусловно необходимы и для лицъ пожилого и даже преклоннаго возраста. Если старики сами не стараются найти для себя подходящаго умственного занятія, объ этомъ должны позаботиться близкіе имъ люди. Всякая умственная работа такъ же вліяетъ на кровообращеніе, какъ и физическая. Докторъ Веберъ рассказываетъ о больничномъ экономѣ, у котораго начали обнаруживаться въ 75 лѣтъ тяжелыя старческаія явленія, а на 82 году у него распухли руки и ноги, сердечная дѣятельность очень ослабла, умственные способности совсѣмъ одряхлѣли. Вдругъ администрація больницы задумала упразднить тотъ отдѣлъ, которымъ онъ завѣдывалъ въ больницѣ; это привело старика въ необычайное волненіе и побудило его къ лихорадочной дѣятельности. Онъ напрягъ всѣ силы, чтобы не дать осуществиться этимъ реформамъ. И вотъ въ старикѣ произошла волшебная перемѣна: дѣятельность сердца усиливалась съ каждымъ днемъ, опухоли на рукахъ и на ногахъ совершенно исчезли, снова вернулось разумное выраженіе лица — умственная работа, радость успѣха помолодила его. Больше года длилось это благоприятное состояніе, когда вдругъ инфлуэнца унесла 83-лѣтняго старца.

Другой случай. 70-лѣтняя женщина, обнаруживавшая тяжелыя физическія старческія явленія, впала въ состояніе абсолютнаго безучастія,

Рис. 160. Лука Краннахъ.
По собств. портр. художника, гравир. М. Штевала.

апатии, походившей почти на слабоуміе, и въ такомъ состояніи ждала скорой смерти. „Чтобы сдѣлать послѣднюю попытку, — рассказываетъ докторъ Веберъ, — ей принесли вѣсть отъ ея дочери, которая уже нѣсколько лѣтъ не вставала съ постели и единственной привязанностью которой оставалась мать. Дочь умолила о возможности повидать ее еще разъ передъ смертью. Мать отвезли къ ней, и безпомощное состояніе дочери, чувство материнской любви и горя пробудили снова душу старухи. Она немного поѣла съ дочерью и выпила вина, нѣсколько ожилилась; въ теченіе нѣкотораго времени ее ежедневно возили къ дочери, на которую — или, вѣрнѣе, на собѣихъ — эти свиданія оказывали сильное вліяніе. Мало-по-малу старуха начала проявлять интересъ и къ другимъ членамъ семьи, къ теченію нѣсколькихъ мѣсяцевъ выздоровѣла совершенно — оставалась только нѣкоторая слабость сердца — и потомъ еще цѣлыхъ 15 лѣтъ оставалась центромъ своей многочисленной семьи“.

Рис. 161. Александръ Гумбольдтъ.

Приведенные примѣры очень поучительны; они доказываютъ, что душевные интересы безусловно необходимы старикамъ, оставившимъ свои обычныя занятія. Лицамъ, занимавшимся въ пору своей постоянной дѣятельности какимъ-нибудь коллекціонированіемъ, безусловно слѣдуетъ продолжать его въ старости. Вполнѣ рекомендуются также игры всякаго рода — въ шахматы, въ карты, въ домино, — которыя доставляютъ старикамъ временное возбужденіе. Разумѣется, не слѣдуетъ неумѣренно заниматься ими

Рис. 162. Рудольфъ Альтъ.

съ корыстной цѣлью, не слѣдуетъ также сидѣть за ними въ плохо вентилируемыхъ и накуренныхъ помещеніяхъ — въ ресторанахъ или кофейняхъ; цѣлесообразнѣе заниматься играми въ удобныхъ условіяхъ у себя дома или въ приятельскомъ кругу. Въ этихъ видахъ рекомендуется особая осторожность при посѣщеніи ресторановъ по вечерамъ, хотя бы самое политиканство за кружкой пива и не очень утомляло. Очень цѣлесообразно для стариковъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ, садоводствомъ и огородничествомъ, что рекомендовалъ еще Цицеронъ въ вышеупомянутомъ своемъ сочиненіи.

Отъ сильныхъ волненій — заботъ, горя, вѣстей о внезапныхъ

несчастных случаях — стариковъ надо по возможности оберегать. Каждый день случается, что старики скоропостижно умираютъ отъ вѣсти о неожиданномъ несчастѣ. Лица, привыкшія въ молодости владѣть собой и умѣющія обуздывать свои страсти, большей частью легче переносятъ и постигающія ихъ волненія и оказываются неподатливѣе и сильнѣе передъ всевозможными несчастьями.

Страсти молодости обыкновенно естественно затихаютъ въ старости. Вспыльчивость, гнѣвные порывы, необдуманные поступки и слова большей частью умѣряются до пѣкоторой степени еще въ арѣломъ возрастѣ. Исчезаетъ мало-по-малу,

Фотогр. кад. Фр. Гапштегеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 163. Портретъ старика. По карт. Я. Ливенса.

воплотѣ естественнымъ и понятнымъ причинамъ, и жажда приобрѣтанія, сопровождающаяся завистью и неприязнью къ другимъ. Богатый жизненный опытъ сообщаетъ старикамъ больше спокойствія, самообладанія, а также снисходительности къ недостаткамъ и слабостямъ ближнихъ. Лицо старца принимаетъ выраженіе величаваго покоя и тихой созерцательности, какъ превосходно подмѣтилъ и передалъ Янъ Ливенсъ въ своемъ портретѣ старика (рис. 163).

Съ другой стороны именно въ старческомъ возрастѣ развиваются обыкновенно пѣкоторыя неприятныя черты и свойства. Утративъ возможность приобрѣтать новыя блага, старики судорожно стараются удержать приобрѣтенное ранѣе. Всѣмъ извѣстны примѣры просто невѣроятной скупости стариковъ, доходящей порой до болѣзненности. А смерть затѣмъ забираетъ всѣ эти сокровища, какъ неподобно изображено на извѣстной гравюрѣ Гольбейна (рис. 164).

Нѣкоторая болтливость, обыкновенно свойственная только женскому полу, въ глубокой старости развивается также и у мужчинъ. Она увлекаетъ стариковъ за столики ресторановъ и трактировъ и побуждаетъ ихъ порой выпить рюмкой больше, чѣмъ это благоразумно въ ихъ возрастѣ. Такъ возникаетъ иногда знаменитый красный носъ, характеризующій самую вѣшность пьяницы (рис. 165), хотя причина этого явленія кроется отнюдь не въ одномъ пьянствѣ, а и въ мѣстныхъ расстройствахъ питанія сосудовъ кожи.

Старость сопровождается обыкновенно состояніемъ извѣстнаго покоя и довольства. Серьезно, почти печально смотря глаза старика на знаменитой картинѣ Тицичетто (рис. 166) рядомъ съ

открытымъ, яснымъ взглядомъ мальчика, бодро глядящаго на міръ.

Особенно важное значеніе имѣеть далѣе сонъ. Потребность сна очень различна у разныхъ лицъ. Огромное вліяніе имѣютъ здѣсь не только родъ занятій и образъ жизни, но и привычка. Взрослымъ людямъ большей частью достаточно $5\frac{1}{2}$ —7 часовъ сна. Девяти и десятичасовый сонъ безусловно неумѣренное излишество и, какъ замѣтилъ еще великій философъ Иммануэль Кантъ, равносильнъ ослабленію энергіи ума и тѣла и относится къ числу привычекъ, сокращающихъ жизнь. Старики спать обыкновенно меньше, и это нисколько не вредитъ ихъ общему состоянію. У людей съ небольшой потребностью сна развивается иногда въ старости полная бессонница.

Во снѣ отдыхаютъ нашъ мозгъ, наши чувства, наши нервы, но отдыхаетъ и все остальное тѣло наше. Что же происходитъ въ это время съ нашей душой? — спрашиваетъ Брилья-Саваренъ и отвѣчаетъ на это: „Она замыкается въ себѣ, какъ люцманъ въ тихую погоду на морѣ, какъ зеркало во тьмѣ, какъ лира, струнъ которой никто не касается, она ждетъ новыхъ раздраженій“.

Объ уходѣ за кожей — объ одеждѣ, о закаливаніи — очень много говорилось и писалось и специалистами; и не-специалистами. Общимъ правиломъ надо считать одно: въ престарѣломъ возрастѣ не уклоняться отъ жизненныхъ привычекъ, приобретенныхъ годами. Кто привыкъ къ холоднымъ купаньямъ съ молодости, тотъ можетъ продолжать ихъ и до глубокой старости, — съ той только разницей, пожалуй, что купанья должны быть менѣе продолжительны и вытирать тѣло нужно нѣсколько энергичнѣе. Кто привыкъ носить шерстяное бѣлье, тотъ безусловно не долженъ снимать его съ наступленіемъ старости.

Рис. 164. Скупецъ.
Изъ „Плоски смерти“ Г. Гольдмана. Младшаго.

Фотографич. издание Фр. Ганфштейнля въ Мюнхенѣ.
Рис. 165. Мужчина съ „краснымъ“ носомъ.
По картинѣ Рембрандта.

Обыча измѣненія претерпѣваетъ кожа головы,

такъ какъ защитительный покровъ ея, волосы, выпадаютъ. Часто выпаденіе волосъ начинается уже въ сороковыхъ годахъ, и у пятидесятилѣтнихъ мужчинъ бываютъ уже часто очень замѣтныя лысины. Необходимо считаться съ этими измѣнившимися условіями, защищая голову феской, фуражкой, парикомъ.

Обычный порядокъ жизни не мѣшаетъ разнообразить путешествіями; это также одно изъ средствъ, способныхъ продлить жизнь, и до 60-лѣтняго возраста это, дѣйствительно, вѣрно. Для лицъ же, приближающихся къ 70 годамъ или даже перешагнувшихъ этотъ

Фотогр. изд. Фр. Ганфштегеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 166. Портретъ старика. По карт. Таворетто.

возрастъ, частое передвиженіе не особенно полезно. Въ старческомъ возрастѣ жизнь должна быть заведена въ точномъ порядкѣ по часамъ. Столъ долженъ быть одинаковъ, ночлегъ — наивозможно болѣе соответствовать давнишнимъ привычкамъ cadaго. Всѣ эти важныя условія неизмѣннаго порядка жизни неудобисполнимы въ дорогѣ. Быстрые переходы отъ жары къ холоду и обратно легко могутъ повести къ простудѣ и вызвать происходящія отъ простуды болѣзни. Такія случайности также болѣе возможны въ дорогѣ,

чѣмъ въ обычныхъ, налаженныхъ условіяхъ жизни на мѣстѣ.

Встарину болтали всякій вздоръ о таинственной жлѣзечной силѣ и вѣрили въ возможность продлить жизнь съ помощью таинственныхъ средствъ. Гуфеландъ рассказываетъ объ одной магической надписи, въ которой нѣкій Клаудиусъ Герминусъ провозглашаетъ міру, что онъ продлилъ свою жизнь, вдыхая дыханіе молодыхъ дѣвушекъ. Самъ великій Боэравъ¹ посоветовалъ одному амстердамскому бургомистру спать для продленія своей жизни между двумя молодыми людьми.

¹ Голландскій ученый, химикъ и знаменитый въ XVI и XVII в.в. (1688—1738) прачъ, пользовавшійся всемірной популярностью — до того, что одинъ китайскій мавдаринь, не знавшій не только его адреса, но и мѣстожительства, адресовалъ ему письмо просто: „Въ Европу, доктору Боэраву“ — и письмо было ему доставлено. Петръ Великій лично посѣтилъ его.

Знаменитый Теофрастъ Бомбасть Парацельсъ (рис. 167) хвалился, что обладает неоспоримымъ средствомъ продленія жизни; только на него самого оно, повидимому, не дѣйствовало, такъ какъ онъ умеръ всего на 48-мъ году жизни. Астрологи увѣряли, что вычитывали въ звѣздахъ средства для продленія жизни; предполагалось, что каждый человѣкъ находится подъ вліяніемъ какого-нибудь извѣстнаго созвѣдія, а такъ какъ считалось несомнѣннымъ существованіе извѣстной связи между звѣздами и металлами, то необходимо было только носить на тѣлѣ предметы изъ этихъ металловъ, чтобы обезпечить себѣ всю силу связаныхъ съ ними звѣздъ.

Рис. 167. Теофрастъ Бомбасть Парацельсъ.
По старинной гравюрѣ.

Знаменитый Беконъ Веруламскій также вѣрилъ въ идею продленія жизни и рекомендовалъ употреблять опиумъ, чтобы умѣрить имъ внутреннія движенія тѣла и въ то же время предохранить его отъ изнашиванія. Рекомендованный графомъ Севъ-Жерменомъ чай въ тѣхъ же видахъ продленія жизни представляетъ собой простое слабительное, употребляемое еще и нынѣ.

Рекомендовалъ какой-то жизненный эликсиръ знаменитый авантюристъ Калиостро; его составъ остался неизвѣстенъ. Но еще и въ настоящее время — частью открыто, частью тайно — легковѣрной публикѣ предлагаются за огромныя деньги всевозможные составы, вродѣ жизненнаго бальзама Сбудеуса — настоя изъ горечавки, ревеня и алоэ, жизненныхъ капель Гесса — смѣсь алкоголя съ укуснымъ афиромъ, жизневозбудителя Вольферштедтера — слабительное, растворенное въ обыкновенной водкѣ, и многое множество другихъ тайныхъ средствъ.

Вопреки всѣмъ успѣхамъ естествознанія, несмотря на всѣ успѣхи народнаго образованія и просвѣщенія, въ широкой массѣ все еще живо тайное влеченіе къ сверхъестественному, къ чудесному, необъяснимому. Народъ — большой ребенокъ; онъ очень любитъ сказки и позволяетъ себя обманывать даже тогда, когда видитъ, что это явное издѣвательство.

Женщина.

Рис. 168 Жизнь. По картинѣ Рафаэль Шустеръ-Вольковъ.

Глава первая.

Строеніе женскаго тѣла

(сравнительно со строеніемъ мужскаго).

(Прив.-доц. д-ра Отто Гроссера въ Вѣнѣ.)

Люди, какъ и другіе виды высшихъ животныхъ, вообще представляютъ намъ двѣ характерно различныя по своему анатомическому строенію формы — мужскую и женскую. Но различія между ними, простирающіяся у взрослого человѣка до мельчайшихъ подробностей, проявляются не съ самаго начала жизни — по крайней мѣрѣ, насколько это доступно нашей наблюдательности, — а лишь съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія индивидуума. Исходный пунктъ этого развитія, — яйцевая и сѣменная клітки, потомъ оплодотворенное яйцо и даже самый зародышъ въ первыя недѣли своего развитія — не имѣютъ еще ни у одного изъ высшихъ позвоночныхъ никакихъ признаковъ, которые давали бы намъ возможность опредѣлить полъ развивающагося организма; это продолжается вплоть до времени появленія зачатковъ половыхъ органовъ.

Невозможность установить полъ заходить такъ далеко, что даже въ каждомъ зародышѣ существуютъ зачатки половыхъ органовъ обоихъ половъ. Однако, это касается не всѣхъ частей

этой системы органовъ: зачатки самыхъ половыхъ железъ на каждой сторонѣ тѣла очень просты и первоначально неопредѣленного пола; точно также и внѣшніе органы развиваются первоначально въ безразличной формѣ, допускающей возможность дальнѣйшаго развитія въ ту или другую сторону. Но выводные протоки половыхъ железъ, изъ которыхъ образуются внутренніе половые органы, заложены вначалѣ по обѣ стороны въ видѣ двойной трубки; по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія зародыша отъ этой двойной трубки впоследствии регрессируетъ та или другая часть¹.

Слѣдовательно, мы можемъ сказать, что зародыши всѣхъ позвоночныхъ проходятъ первоначально (до образования зачатка половой железы) безполую стадію, а затѣмъ слѣдующую, въ которой онъ, хотя и обладаетъ уже половыми органами, но — по крайней мѣрѣ при нашихъ способахъ изслѣдованія — представляется намъ двуполымъ.

Для человѣческаго зародыша первая стадія обнимаетъ собою возрастъ приблизительно до четвертой, а вторая — отъ четвертой до пятой недѣли внутри-утробной жизни. Въ теченіе этого времени зародышъ увеличивается приблизительно съ десяти до пятнадцати миллиметровъ; въ немъ уже ясно можно различить голову и шею и короткія неуклюжей формы конечности.

Впервые лишь въ концѣ пятой недѣли зародышевой жизни начинается процессъ дифференцированія — сначала въ половой железн, клѣточные элементы которой группируются опредѣленнымъ образомъ. Съ этого времени уже можно различить, разовьются ли изъ нихъ вырабатывающія сѣмя мужскія или доставляющія яйцевыя клѣтки женскія половыя железы.

Но строеніе остальныхъ внутреннихъ половыхъ органовъ все еще остается двуполымъ, хотя скоро начинаетъ все же обнаруживаться преобладаніе тѣхъ особенностей, какія свойственны данной половой железн, и постепенно атрофируются противоположныя. Тѣмъ не менѣе остатки этихъ послѣднихъ сохраняются въ продолженіе всей жизни и у взрослого индивидуума въ видѣ малозамѣтныхъ дополнительныхъ частей полового аппарата, большинство которыхъ было извѣстно уже давно, но объяснить которыя стало возможно только со времени изученія исторіи развитія. Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ иногда и въ болѣе позднемъ возрастѣ поводомъ къ возникновенію новообразованій и кистъ. Съ теченіемъ времени, только къ концу третьяго мѣсяца, начинаютъ обнаруживаться характерныя различія и наружныхъ органовъ.

Анатомическое строеніе эмбриона (зародыша) облегчаетъ намъ пониманіе явленія гермафродитизма, хотя истинная причина возникновенія двуполого организма намъ и неизвѣстна. Настоящія гермафродиты, обладающіе половыми железами обоихъ родовъ, встрѣчаются во всякомъ случаѣ необычайно рѣдко; обыкновенно гермафродитизмъ встрѣчается въ такомъ видѣ, что половая

¹ Слѣдуетъ замѣтить, что какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ значительно упростилъ крайне сложный процессъ развитія половыхъ органовъ, очевидно, съ цѣлю сдѣлать текстъ болѣе популярнымъ, и допустилъ такую схематизацію дѣяствительно существующихъ морфологическихъ отношеній, которая врядъ ли можетъ быть оправдана стремленіемъ къ общедоступности изложенія.

железа бываетъ на одной сторонѣ мужская и на другой женская. Еще гораздо рѣже случается, что на одной и той же сторонѣ развиваются оба рода железъ. Зато гораздо чаще встрѣчаются такъ называемыя мнимыя гермафродиты, у которыхъ половая железа одного какого-нибудь пола связана съ остальными особенностями другого, — большей частью встрѣчается мужская половая железа въ индивидуумѣ, сложенномъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ какъ женщина.

Впрочемъ, въ этой области наблюдаются всевозможныя комбинаціи и промежуточные ступени основныхъ половыхъ чертъ, такъ что часто бываетъ крайне трудно подвести какой-нибудь отдѣльный случай подъ ту или иную опредѣленную категорію. Объясняются такіе случаи тѣмъ, что изъ двойного зачатка отводящихъ железистыхъ протоковъ развивается тотъ, который не соответствуетъ данной половой железнѣ, при чемъ въ остальномъ развитіи можетъ протекать нормально или остаться несовершеннымъ; кромѣ того, зачатокъ соответствующей данному полу половой железы можетъ либо атрофироваться, либо достигнуть болѣе или менѣе высокой степени развитія. Наружные половые органы развиваются въ такомъ случаѣ либо въ соответствіи съ половой железнѣю, либо — что случается чаще — въ соответствіи съ отводящими железистыми протоками.

Однако, тотъ фактъ, что зародышъ является первоначально безполымъ, а потомъ въ теченіе нѣкотораго времени дуполымъ, нельзя истолковать въ томъ смыслѣ, что въ этомъ періодѣ развитія совсѣмъ еще, въ дѣйствительности, не существуетъ полового различія; мы можемъ сказать только то, что, съ помощью имѣющихся у насъ способовъ изслѣдованія, намъ до сихъ поръ еще не удалось открыть этого различія. Надо предположить, напротивъ, что полъ опредѣляется гораздо раньше, т. е. еще въ тотъ моментъ, когда развитіе начинается. Это важно уяснить себѣ потому, что тогда становится ясно, что мы можемъ исключить всякую возможность вліянія внѣшнихъ причинъ на образованіе пола съ самаго момента оплодотворенія. Одна изъ ошибокъ извѣстной „теоріи Шенка“ состоитъ въ томъ, что она допускаетъ возможность такого вліянія.

Согласно изслѣдованіямъ послѣднихъ лѣтъ, надо признать очень вѣроятнымъ, что полъ опредѣляется еще въ яйцевой клѣткѣ, т. е. въ материнскомъ организмѣ, еще до оплодотворенія, и что отцовскія половыя клѣтки, хотя и обладаютъ способностью передавать физическія и духовныя свойства въ такой же степени, какъ и материнскія, но для пола потомства имѣютъ такъ же мало значенія, какъ, напримѣръ, время и другія условія оплодотворенія.

Разумѣется, наблюденія надъ самымъ человѣкомъ возможны тутъ въ очень ограниченной степени; изученіе высшихъ животныхъ также дало намъ до сихъ поръ очень несовершенные результаты. Гораздо яснѣе представляется намъ этотъ вопросъ въ отношеніи низшихъ животныхъ, у которыхъ мы имѣемъ много подтвержденій высказаннаго выше принципа. Вопросъ этотъ былъ недавно обстоятельно изслѣдованъ анатомами Ленгоссекомъ и Шульце, изъ сочиненій которыхъ мы преимущественно заимствуемъ дальѣйшіе доводы.

Прежде всего, наблюденія надъ человѣкомъ и млекопитающими также свидѣтельствуютъ о томъ, что полъ предопредѣляется еще во время оплодотворенія. Это доказываютъ случаи рожденія близнецовъ, при которыхъ два или нѣсколько одновременно оплодотворенныхъ яицъ съ самаго начала раз-

виваются в совершенно одинаковых внешних условиях, — и все же они бывают очень часто, а у животных, рождающих по несколько детенышей, почти всегда, в то же и другого пола.

Каждая яйцевая клетка развивается, помимо эмбриона, еще целый ряд оболочек для него, так называемых яйцевых оболочек, тесно соединившихся со слизистой оболочкой матки и дающих возможность питаться плоду и обезпечивающих ему возможность беспрепятственного всестороннего развития. Обыкновенно, каждый из близнецов имеет свои собственные яйцевые оболочки. Тьмъ не менѣе въ 25 процентахъ случаевъ рожденія близнецовъ у человека (у животного, впрочемъ, очень рѣдко) наблюдается одна общая яйцевая оболочка у близнецовъ. И въ такихъ случаяхъ близнецы бываютъ всегда, безъ исключенія, одного и того же пола. При этомъ у нихъ оказывается необычайное сходство между собой, до такой степени, что даже впоследствии не только чужие, но и близкіе люди не могутъ отличить ихъ одного отъ другого.

Происхождение этой формы беременности близнецами объясняется тьмъ, что изъ одной яйцевой клетки развились два зародыша — явленіе, представляющее собой въ то же время высшую степень тьхъ двойныхъ уродствъ, къ которымъ принадлежатъ такъ называемые „сиамскіе“ близнецы, сросшіеся между собой какими-нибудь частями тѣла, или уроды съ двумя головами, съ двойнымъ тазомъ и нижними конечностями. Такихъ близнецовъ мы называемъ поэтому „однойяйцевыми“. Итакъ, беременность близнецами не только указываетъ на то, что внешнія условия не влияют на образование пола оплодотвореннаго яйца, — по однойяйцевые близнецы одного и того же пола доказываютъ, кромѣ того, что каждое оплодотворенное яйцо можетъ развить только одинъ какой-нибудь полъ.

Затѣмъ, опыты Леба доказали, что для развитія (по крайней мѣрѣ до первыхъ стадій образования личности) нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ, размножающихся половымъ путемъ, сѣмя можетъ быть замѣнено растворомъ нѣкоторыхъ солей. Правда, до сихъ поръ еще не удавалось вырастить такихъ животныхъ до обнаруженія въ нихъ различія половъ. Далѣе, мы находимъ, что целый рядъ животныхъ (нѣкоторые черви, коловратки и насккомыя) образуетъ заранѣе въ яичникахъ большія и малыя яйца, при чемъ послѣ оплодотворенія изъ большихъ яицъ развиваются женскія особи, а изъ малыхъ — мужскія. Мы знаемъ также и другихъ животныхъ (тоже изъ класса коловратокъ и насккомыя и, кромѣ того, ракообразныхъ), которые въ теченіе благоприятнаго времени года откладываютъ такія яйца, изъ которыхъ развиваются безъ оплодотворенія только самки, а при наступленіи неблагоприятной поры, осенью, изъ неоплодотворенныхъ же яицъ выходятъ и самцы.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ случаевъ ясно видно, что полъ обусловливается не оплодотвореніемъ; въ случаяхъ образования различной величины яицъ онъ вполне очевидно предѣшенъ въ яйцевой клеткѣ еще до оплодотворенія. Къ тому же результату приводитъ насъ также рядъ опытовъ, произведенныхъ надъ низшими позвоночными животными (опыты Флюгера надъ лягушками). Совершенно невѣроятно, чтобы въ подобныхъ основныхъ условияхъ могла проявиться разница между различными отдѣлами животнаго царства, т. е. чтобы результаты, установленные для беспозвоночныхъ и низшихъ позвоночныхъ, не могли быть перенесены и на высшихъ позвоночныхъ животныхъ. Это приводитъ насъ, следовательно, къ парадоксальному выводу, что по отношенію къ потомству женскіе организмы двуполю и мужскіе — безиполы. Леггоссекъ отбрасываетъ далѣе соблазнительную идею, что и независимо отъ половой железы половые органы никогда не бываютъ строго гермафродитны, а что только нашими средствами изслѣдованія не удается до сихъ поръ распознать различія. Парное закладываніе выводныхъ протоковъ у обоихъ половъ коренится въ наследственныхъ явленіяхъ, связанныхъ съ филогенетическимъ развитіемъ мочеполового аппарата, рассмотримъ которыхъ мы здѣсь заняться не можемъ. Воздѣствіе этого отбрасываетъ необходимость допустить повторное предопредѣленіе пола зародыша — сначала для половой железы, затѣмъ для остальныхъ внутреннихъ и далѣе для наружныхъ половыхъ органовъ, соответственно моменту, когда начинаютъ проявляться различія въ тѣхъ или другихъ отдѣлахъ.

Итакъ, если мы должны допустить, что въ яичникѣ содержится мужскія и женскія яйцевыя клетки, то передъ нами открывается вопросъ, каково же количество ихъ и каковы условия, влияющія на освобожденіе изъ яичника того или другого

которые известны подъ названіемъ вторичныхъ половыхъ признаковъ; мы познакомимся съ ними ниже. Всего яснѣе выраженъ этотъ взглядъ Экснеромъ; онъ предполагаетъ, что половая железа выдѣляетъ и вводитъ въ кровь особое вещество, которое можно было бы назвать геноломъ, и что это вещество обладаетъ способностью направлять развитіе различныхъ органовъ тѣла въ ту или другую сторону.

Возможно, однако, что правиленъ и другой взглядъ, выраженный Гальбаномъ, который даже, повидимому, больше согласуется съ цѣлымъ рядомъ фактовъ; этотъ взглядъ былъ высказанъ одновременно съ гипотезой Ленгоссека о томъ, что половые органы являются съ самаго же начала дифференцированными, но Гальбанъ идетъ дальше Ленгоссека. Онъ утверждаетъ, что какъ полъ зародышевой железы, такъ и половыя особенности всѣхъ остальныхъ органовъ предопредѣлены еще въ яйцевой клѣткѣ и что нужно только влияніе половой железы, чтобы дать этимъ особенностямъ полное развитіе; въ случаѣ отсутствія половой железы они остаются въ дѣтскомъ состояніи. (Отсутствіе растительности на лицѣ евнуховъ и ихъ тонкій голосъ надо разсматривать не какъ женственный, а какъ дѣтскій признакъ). Обыкновенно устройство различныхъ частей тѣла бываетъ въ полномъ согласіи съ поломъ; когда такого согласія нѣтъ, тогда наблюдаются явленія мнимаго гермафродитизма въ различной его степени, къ которымъ должны быть причислены даже такія ненормальности, какъ ростъ бороды у женщины.

Самые половые признаки подраздѣляются по степени ихъ значительности на двѣ главныя группы: первичныя и вторичныя признаки. Первая группа обнимаетъ собой всѣ органы, непосредственно служащіе размноженію, т. е. половыя органы, — прежде всего, слѣдовательно, половую железу, главный элементъ тѣла, опредѣляющій полъ, затѣмъ тѣ органы, на обязанности которыхъ лежитъ сохранять продукты этой железы, проводить ихъ дальше и соединять съ продуктами такой же железы другого пола, также какъ и воспринимать результатъ оплодотворенія, эмбрионъ, до момента родовъ. Всѣ они развиваются къ моменту родовъ въ опредѣленномъ направленіи.

Ко второй группѣ относятся всѣ физическія и психическія различія, не непосредственно служащія дѣлу размноженія. Эти особенности достигаютъ своего полного и явственнаго развитія только ко времени возмужалости индивидуума. Въ нѣкоторомъ родѣ среднее положеніе между тѣми и другими органами занимаетъ молочная железа, которая, хотя и чрезвычайно подвержена влиянію половыхъ органовъ и, можно сказать, совершенно необходима для сохраненія вида, все же не можетъ быть причислена къ половымъ органамъ, тѣмъ болѣе, что по своему происхожденію и развитію она принадлежитъ къ кожнымъ железамъ. Границы здѣсь, впрочемъ, вообще очень трудно провести, — еще Дарвинъ указывалъ на то, что рѣзкое разграниченіе было бы возможно только при одномъ способѣ группировки, — при томъ, чтобы понятіе „первичности“ ограничивалось единственно половыми железами.

Для группы вторичныхъ признаковъ по опредѣленію, данному выше, ядѣисъ пытался установить дальнѣйшее подраздѣленіе, согласно которому

эта группа распадалась бы на вторичные признаки въ болѣе тѣсномъ значеніи слова и еще на третичные. Первыми, по его опредѣленію, будутъ „тѣ, которые дѣлаютъ оба пола, сильнѣе отличающіеся другъ отъ друга, привлекательными другъ для друга“ и этимъ косвенно служатъ дѣлу размноженія; эта группа охватывала бы непосредственно говорящія чувственному воспріятію половые признаки, какъ, напримѣръ, растительность и голосъ. Къ третичнымъ же надо было бы отнести въ такомъ случаѣ „множество признаковъ менѣе чувственнаго характера, которые часто бываютъ относительныя и становятся замѣтны только тогда, когда будетъ принято во вниманіе среднее“. Сюда относятся, напримѣръ, различія шитовидной железы и крови.

Нельзя отрицать, что этотъ принципъ подраздѣленія представляетъ извѣстныя практическія преимущества и что большинство признаковъ легко укладывается въ эти группы; но все же границы сливаются, и авторъ самъ сознаетъ, что третичные признаки находятся, вѣроятно, въ косвенной связи съ первичными и вторичными. Кромѣ того, существуютъ признаки, которые совсѣмъ не подойдутъ къ этой группировкѣ, — какъ, напримѣръ, большая ширяна таза у женщины, стоящая въ прямой связи съ самой половой дѣятельностью, а слѣдовательно, обязанная своимъ возникновеніемъ другой причинѣ, чѣмъ остальные, рассчитанныя на чувственное воспріятіе различія. Правда, это различіе нѣкоторые — напр., Вальдѣйеръ — предпочитаютъ относить скорѣе къ первичнымъ, чѣмъ ко вторичнымъ признакамъ. Въ концѣ нашего изслѣдованія мы попытаемся предложить группировку признаковъ, которая установила бы общую точку зрѣнія для большинства третичныхъ — по Эллису — признаковъ.

Описаніе строенія и функцій первичныхъ признаковъ не входитъ въ задачу настоящей статьи. Предметомъ нашего сужденія будутъ соматическіе (тѣлесные) вторичные половые признаки въ обширномъ смыслѣ слова. Для начала сравнительнаго разсмотрѣнія строенія тѣла обоехъ половъ мы возьмемъ разницу пропорцій, которую мы во всякое время можемъ констатировать на живомъ человѣкѣ и которую наблюдаемъ въ произведеніяхъ искусства. Къ этому примкнетъ изслѣдованіе строительныхъ матеріаловъ человѣческой фигуры, различія которыхъ могутъ выступить съ полной рѣзкостью только для анализирующаго взгляда изслѣдователя. Съ помощью установленныхъ фактовъ мы можемъ точно изучить отдѣльныя части тѣла; въ заключеніе мы рассмотримъ внутренности.

Цифры, приведенныя на слѣдующихъ страницахъ, дѣль которыхъ облегчить численное сравненіе половыхъ признаковъ, представляютъ собой среднія данныя изъ дѣлага ряда установленныхъ цифровыхъ данныхъ. Колебанія этихъ числовыхъ данныхъ, наблюдаемыя и у отдѣльныхъ индивидуумовъ, и также въ среднемъ у различныхъ народовъ и расъ, являются причиной того, что результаты изслѣдованій различныхъ авторовъ представляютъ часто значительныя различія между собой. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ въ распоряженіи небольшой рядъ данныхъ изслѣдованій, случай можетъ играть очень большую роль, и бываетъ часто, что цифры, полученныя однимъ изслѣдователемъ, совсѣмъ не подходятъ къ даннымъ, добытымъ другимъ. Но такъ какъ мы не во всѣхъ вопросахъ имѣемъ обширныя изслѣдованія, то мы будемъ вынуждены пользоваться иногда и такими несовершенными результатами.

Данныя, которыми мы располагаемъ, относятся прежде всего къ наилучше изслѣдованной бѣлой расѣ. Но почти всѣ тѣ различія, о которыхъ мы будемъ говорить, встрѣчаются и у остальныхъ человѣческихъ расъ, а у нѣкоторыхъ многія изъ нихъ даже еще рѣзче выражены, — какъ, напримѣръ, жаровое отклоненіе у женскаго пола, въ особенности на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла. Другія же различія, какъ, напримѣръ, развитіе мускулатуры, напротивъ, менѣе замѣтны у другихъ расъ, что объясняется менѣе развитіемъ привычекъ обоехъ половъ, т. е. болѣе утомительнымъ физическимъ трудомъ женщинъ.

Но противъ обычныхъ обобщеній этого наблюденія, которые многіе дѣлаютъ, т. е. противъ того взгляда, что „у такъ называемыхъ дикарей различія между полами менѣе значительны (вообще), чѣмъ у народовъ культурныхъ“, — возстаютъ, напримѣръ, Вартельсъ, которому удалось констатировать, на осно-

Рис. 169. Натурщикъ 30-лѣтняго возраста.

павин большого числа произведенныхъ сравнительныхъ изслѣдованій, полное согласіе во всѣхъ существенныхъ пунктахъ изслѣдованія у всѣхъ расъ — по крайней мѣрѣ въ отношеніи черепа.

Самое поразительное различіе представляютъ ростъ и вѣсъ тѣла. Въ отношеніи перваго мы имѣемъ, папримѣръ, цифры Фирордта, согласно которымъ средній ростъ мужчины составляетъ 172, женщины 160 сантиметровъ; въ отдѣльности для Эльзаса, по Фитцнеру, 166 и 155 сант., для сѣверной Германіи, по Краузе, 173 и 163 сант., для Парижа, по Тэнону, 166 и 151 сант., для Бельгіи, по Кэтле, 169 и 158. Слѣдовательно, разница роста составляетъ въ среднемъ 11—12 сант., но въ предѣлахъ отдѣль-

Рис. 170. Натурщица 28-лѣтняго возраста.

ныхъ расъ она нѣсколько колеблется. Даже у новорожденнаго уже замѣтна эта разница, и составляетъ она около 1 сантиметра, при средней длинѣ новорожденнаго, равной 50 сант.

Вѣсъ взрослого мужчины и взрослой женщины можно считать въ круглыхъ цифрахъ 65 и 54 килограмма (для южной Германіи эту среднюю цифру слѣдуетъ, несомнѣнно, повысить); вѣсъ новорожденнаго — 3,333 грамма (для удобства запоминанія) и 3,200 гр. (по Фирордту). И здѣсь, какъ при изслѣдованіи длины, собранный матеріалъ обнаруживаетъ нѣкоторыя колебанія, которыя можно установить для мужчины между 60 и 70 килограммами и для женщины — между 52 и 56 килогр.

Значительную разницу находимъ мы въ пропорціяхъ отдѣльныхъ частей тѣла. Теоріей пропорціональности художественная анатомія начала заниматься гораздо раньше, чѣмъ антропология; многимъ крупнымъ художникамъ — и въ ихъ числѣ Леонардо да-Винчи и Альбрехту Дюреру — мы обязаны изслѣдованіями на живомъ чело-вѣкѣ и установленіемъ нормальныхъ размѣровъ

фигуры и законовъ соотношенія между собою отдѣльныхъ частей тѣла. Нормальная анатомія только въ послѣднемъ столѣтїи начала заниматься изслѣдованіемъ этихъ вопросовъ. Результаты этихъ изслѣдованій все же не всегда вполнѣ сходятся въ частностяхъ.

Фигуры, признанныя художниками нормальными, представляютъ собой результаты измѣреній и изученія людей, служившихъ художникамъ натурой; но оттого-то, какъ указывалъ еще Фитцнеръ, ихъ нельзя принимать безъ оговорокъ за образцы при научныхъ выводахъ, потому что въ самомъ выборѣ натурщика или натурщицы неизбежно кроется субъективный моментъ: вѣдь художникъ руководится въ выборѣ предмета своего изображенія тѣмъ, что онъ лично считаетъ прекраснымъ. Между тѣмъ, знаніе фактическаго соотношенія можно строить безошибочно только на объективныхъ сравнительныхъ изслѣдованіяхъ. Но самой сущности художественнаго дарованія, художникъ можетъ, большей частью, однимъ быстрымъ взглядомъ охватить то, что научное изслѣдованіе найдетъ иногда только путемъ долгихъ усилій. Разумѣется, ему иногда приходится усиленно подчеркивать самое существенное, чтобы лучше выдѣлить его — и оттого ему приходится иногда сознательно уклоняться отъ природы. Репродукціи съ художественныхъ произведеній, которыми иллюстрировано наше изложеніе, показываютъ, какъ художники выдѣляютъ это существенное.

То обстоятельство, что вторичные половые признаки, которые мы можемъ установить путемъ сравненія, также обнаруживаютъ колебанія у отдѣльныхъ лицъ, тоже происходитъ отъ того, что очень трудно найти людей, у которыхъ одинаково рѣзко были бы выражены всѣ черты и признаки. Натурщикъ и натурщица, фотографіи которыхъ изображены на рис. 169, 170, 184 и 185, какъ художественныя произведенія, строго точно изображающія натуру, обнаруживаютъ кой-какіе недостатки, на которые будетъ указано въ текстѣ. Для анатомическихъ иллюстрацій выбраны, разумѣется, тоже наиболѣе характерныя оригиналы, и этотъ выборъ также не свободенъ отъ субъективнаго элемента.

Горизонтальная плоскость, раздѣляющая прямо стоящее тѣло на двѣ равныя половины, проходитъ у мужчины подъ верхнимъ краемъ лонной кости, у женщины же черезъ нее. Результатомъ этого является большая у женщины относительная длина туловища и меньшая длина нижнихъ конечностей. Это можно замѣтить на всѣхъ нашихъ рисункахъ. Соответственно этому и высота роста въ сидячемъ положеніи, сравнительно съ общей длиной тѣла, у женщины больше, чѣмъ у мужчины.

Разница эта известна давно, но, какъ свидѣлствуютъ точныя измѣренія, она большей частью сильно преувеличивалась. По Кэтле, верхняя половина тѣла (отъ верхняго края

По фотогр. братьевъ Алливари во Флоренціи.
Рис. 171. Апоксиомея, статуя греческаго воина, по Лизиппу.

По фотографии Неваго фотографического общества въ Штутглицѣ (Верлингъ).

Рис. 172. Давидъ. Микель-Анджело.

образомъ, большей длиною ногъ и, съ другой стороны, что, при ростѣ ниже средняго, длина ногъ представляется сравнительно гораздо меньшей, чѣмъ длина туловища. При сравненіи индивидуумовъ одинаковаго роста, получаютъ, по Фитцнеру (при измѣреніи 380 мужчинъ и 809 женщинъ, въ предѣлахъ длины тѣла отъ 146 до 170 сант.), даже одинаковыя числа, или даже обратное отношеніе ихъ для обоихъ половъ (ср. таблицу на стр. 292). „При одинаковомъ тѣлосложеніи, отношеніе между длиной туловища и длиной ногъ одинаково у обоихъ половъ, — слѣдовательно, женщина въ этомъ отношеніи отличается такой же красотой пропорціональности, какъ и мужчина“.

„Подраздѣленіе длины тѣла на длину туловища и длину ногъ зависитъ исключительно отъ индивидуальнаго сложения и безусловно не зависитъ отъ пола“.

Наряду съ огромнымъ численнымъ матеріаломъ Фитцнера, данныя другихъ авторовъ представляютъ меньше значенія; замѣтимъ все же, что по измѣреніямъ Гофмана, произведеннымъ на 250 лицахъ, разница въ длинѣ ногъ исчисляется въ 1,2 процента. По даннымъ Гарлесса, при одинаковой

лоннаго сращенія) относится ко всему тѣлу у мужчины, какъ 1:1,97, у женщины, какъ 1:2. Измѣренія Фитцнера, произведенныя на 4,387 индивидуумахъ, даютъ приблизительно на одну треть меньшую разницу относительной длины ногъ; это объясняется частью разницей матеріала, частью разницей измѣренныхъ имъ величинъ, такъ какъ Фитцнеръ производилъ измѣренія не отъ лоннаго сращенія, а отъ бугорка сѣдалищной кости. Согласно его изслѣдованіямъ, высота въ сидячемъ положеніи относится къ длинѣ ногъ у мужчины, какъ 526:474, у женщины, какъ 531:469. Слѣдовательно, нижняя часть туловища расположена у женщины сравнительно съ пропорціями мужского тѣла „на $\frac{1}{2}$ процента длины тѣла ниже, т. е. при среднемъ ростѣ въ 155 сантиметровъ — менѣе чѣмъ на 8 миллиметровъ“. Длина ногъ у женщины средняго роста всего на 15 милл. меньше, чѣмъ у средняго же роста мужчины, и Фитцнеръ сомнѣвается, чтобы эта разница могла быть замѣтна при разсматриваніи фигуры.

Но всѣ наблюденія показываютъ, что длина тѣла у высокыхъ людей обуславливается, главнымъ

Мужчина и женщина. 1.

Г-но „Пресиденти“ въ Сиб.

Капитолійская Венера.

Античная скульптура въ Капитол. Музеѣ въ Римѣ.

(По фотографіи бр. Аллиери во Флоренціи.)

длинѣ тѣла на длину мужской ноги приходится нѣсколько большая часть общей длины, чѣмъ на женскую ногу; разница составляетъ приблизительно 0,3 процента общей длины.

Причину общераспространеннаго мнѣнія о томъ, что женскія ноги сравнительно очень коротки, надо усмотрѣть въ томъ, что женщинѣ маленькаго роста больше, чѣмъ мужчинѣ, а съ другой стороны, еще и въ томъ влияніи, которое имѣетъ до сихъ поръ античная пластика на наше эстетическое чувство. Греки изображали обыкновенно идеальныя мужскія фигуры съ длинными ногами, чтобы онѣ казались выше и стройнѣе; примѣромъ можетъ служить статуя Апоксіомена (рис. 171). Въ женскихъ статуяхъ замѣчается скорѣе обратное (см. „Капитолійскую Венеру“ на отд. табл.). Въ мужскихъ греческихъ статуяхъ отношеніе длины въ сидячемъ положеніи къ длинѣ ногъ выражается въ среднемъ, по Кетле, пропорціей 518:482, — у современнаго эльзасца, по Фитцнеру, какъ уже было упомянуто, отношеніемъ 526:474. У Аполлона Бельведерскаго высота отъ верхняго края лоннаго сращенія до черепа составляетъ, по Дейзингу, 47,3 процента общей длины тѣла, у Венеры Медицейской, по Гарлессу, 52,5 — число, которое приходится признать даже ненормально низкимъ.

Сравнимъ съ длиною ногъ длину рукъ. Здѣсь разница оканчивается болѣе правильной. Изъ ряда числовыхъ данныхъ Фитцнера видно, что въ среднемъ длина мужской руки относится къ длинѣ женской, какъ 100:91,5, между тѣмъ какъ длина мужскаго тѣла относится къ длинѣ женскаго, какъ 100:93,6. Слѣдовательно, женская рука, несомнѣнно, короче; если мы примемъ длину тѣла равной 100, то окажется, что мужская рука составляетъ 46,6 процентовъ ея, а женская — 45,5 процентовъ. При сравненіи мужчинъ и женщинъ одинаковой длины тѣла, эта разница становится менѣе значительной, но не исчезаетъ совсѣмъ, какъ спланивается при такихъ же условіяхъ разница въ длинѣ ногъ (ср. таблицу на стр. 292).

Эту разницу можно констатировать почти на всѣхъ снимкахъ съ художественныхъ произведеній и съ живыхъ натуръ; у мужчины кисть руки приходится ниже верхняго края лонной кости (рис. 169 и 172), у женщины — на одной высотѣ съ ней (см. прил. „Капитолійская Венера“ и рис. 170 и 189). Всего отчетливѣе

По фотографіи Фрателли Аллиари во Флоренціи.

Рис. 173. Венера.

По картонѣ Францабджіо.

видна эта разница на рисункахъ скелетовъ (рис. 186 и 187) индидуумовъ одинаковаго роста.

Различія сказываются также въ кисти рукъ и въ ступнѣ ногъ. Помимо разницы въ величинѣ и ширинѣ руки, у мужчины — по Эккеру и Монтегацца — безымянный палецъ бываетъ обыкновенно длиннѣе указательнаго, у женщины же наоборотъ. Вълѣдствіе этого мужская рука имѣетъ болѣе обаяннополобный видъ, да и большая длина всей руки представляетъ „пятикообразный“ признакъ. Большой палецъ на рукѣ и на ногѣ бываетъ обыкновенно у женщины сравнительно короче, точно также, по Фитцнеру, и среднія кости остальныхъ пальцевъ, средніе суставы.

Третьимъ важнымъ факторомъ ученія о пропорціональности является размѣръ головы. Цѣлый рядъ законовъ, выведенныхъ художниками, пользуется высотой головы, какъ единицей мѣры. Она представляетъ разстояніе отъ нижней поверхности подбородка до горизонтальной плоскости, проведенной черезъ высшую точку черепа, при чемъ за нормальное положеніе головы принимается положеніе ея при спокойномъ устремленіи взгляда вдаль.

Среднимъ размѣромъ высоты мужской головы Гарлессъ считаетъ 134 тысячныхъ доли общей длины тѣла, Топинаръ — 133 тысячныхъ; сообразно этому, вся фигура должна быть въ $7\frac{1}{2}$ разъ длиннѣе головы. По Лангеру, высота головы составляетъ около 22 сантиметровъ, высота всего тѣла въ $7\frac{1}{2}$ разъ больше. По Гарлессу, произведшему очень точныя измѣренія женщинъ, числа эти нѣсколько больше: 135 тысячныхъ для женщины и 138 тысячныхъ для мужчины такого же роста. По даннымъ Гофмана (цитировано по Фирордту) можно вывести отношеніе абсолютной высоты мужской головы къ женской, равное 100:94; относительная же разница можетъ быть выражена цифрами 100:100,8, изъ чего слѣдуетъ, что голова женщины абсолютно меньше, но относительно нѣсколько больше, чѣмъ голова мужчины. (Тутъ принято измѣреніе „отъ угла нижней челюсти до черепа“, что составляетъ нѣсколько меньшія числа, чѣмъ при измѣреніи отъ нижней плоскости подбородка. Согласно этому, относительная высота мужской головы составляетъ 111 тысячныхъ, женской — 110 тысячныхъ.)

Подробными числовыми данными мы и тутъ обязаны Фитцнеру. Но высоту головы онъ опредѣлялъ не въ выше указанномъ смыслѣ, а беретъ длину головы, т. е. наибольшій размѣръ ея при измѣреніи отъ подбородка наискось къ задней покатости черепа. (Абсолютныя числовыя данныя Фитцнера въ отношеніи длины головы поразительно малы, какъ мы увидимъ изъ приводимой ниже таблицы, при чемъ онъ не объясняетъ, отъ чего произошла эта разница его данныхъ сравнительно съ данными другихъ авторовъ.) Добытыя такимъ способомъ числа не могутъ представить, правда, непосредственно ясной картины при разсмотрѣніи всей фигуры, потому что при этомъ длина головы не совпадаетъ съ осью тѣла, но зато они ярче представляютъ вліяніе образованія скелета лица, о которомъ намъ еще предстоитъ говорить впереди, и такимъ образомъ лучше выясняютъ различіе между полами.

Итакъ, по измѣреніямъ Фитцнера, абсолютная длина мужской головы относится къ абсолютной длинѣ женской, какъ 100:91,1, т. е., взятая абсолютно, мужская голова больше. Относительная же длина мужской головы относится къ соответствующей длинѣ женской, какъ 100:103 (длина головы относится, по Фитцнеру, къ длинѣ тѣла у мужчины, какъ 111:100, у женщины, какъ 114:100); на этихъ числахъ относительно большая величина женской головы бросается болѣе въ глаза, чѣмъ на приведенныхъ ра-

нѣе числахъ другихъ авторовъ. Мы увидимъ дальше, что эти числа объясняются, главнымъ образомъ, относительно большимъ размѣромъ женскаго черепа.

Абсолютныя числа объема головы составляютъ — по Фитцнеру — въ среднемъ, для индивидуумовъ ростомъ отъ 146 до 150 сантиметровъ, у мужчины 542 миллиметра, у женщины 525 милл.; при ростѣ отъ 171 до 175 сант. — 555 и 536 миллм.; средний выводъ изъ всѣхъ данныхъ позволяетъ установить, что при одинаковомъ сложеніи объемъ головы мужчины отсится къ объему головы женщины, какъ 1000:971.

Несомнѣнно, и здѣсь, какъ при относительной длинѣ ногъ, отношеніе представится инымъ, если мы сравнимъ индивидуумовъ одинаковой длины тѣла. Но между тѣмъ какъ въ вопросѣ длины ногъ отношеніе между мужчиной и женщиной уравнивалось, — въ вопросѣ длины головы абсолютная разница остается и становится при этомъ условіи относительной; при одинаковомъ сложеніи, длина головы у женщины меньше; кромѣ того, какъ доказываетъ Фитцнеръ, и объемъ головы у нея меньшій, и, слѣдовательно, женская голова вообще меньше мужской.

Тутъ также можно сказать, что общепринятый расчетъ относительной величины головы у женщины выше дѣйствительной и у мужчины ниже дѣйствительной. Во всякомъ случаѣ, данныя художественной анатоміи, согласно которымъ мужская фигура равняется по длинѣ восьмикратной длинѣ головы, могутъ быть вѣрны только въ отношеніи высокыхъ мужчинъ, тогда какъ ростъ соотвѣственно высокыхъ женщинъ можетъ быть не больше нормы. Въ этомъ отношеніи античное искусство видоизмѣнило пропорціи по сравненію съ тѣмъ, какъ мы ихъ видимъ въ среднемъ, съ тою цѣлью чтобы фигуры представлялись выше; не рѣдкость встрѣтить мужскія статуи, высота которыхъ представляется восьми и даже девятикратную высоту головы. Апоксиоменъ (рис. 171) имѣетъ почти восьмикратную высоту головы. Микель-Анджело придалъ своему Давиду (рис. 172) нѣсколько большую голову, такъ что длина тѣла Давида приблизительно въ $7\frac{1}{2}$ разъ больше головы. Приблизительно ту же пропорціональность (тѣло въ $7\frac{1}{2}$ разъ больше головы) мы видимъ и на статуѣ Фарнезскаго Геркулеса (ср. отд. прилож. въ I ч. наст. тома); кажущаяся малая величина головы обусловлена шириною туловища. Капитолійская Венера (см. отд. прилож.) и фотографія натурщицы (рис. 170) также имѣютъ длину тѣла, приблизительно равную семикратной длинѣ головы, статуя юности (рис. 188) даже еще меньше. У Венеры (съ картины Франчабиджіо, рис. 178) голова непосредственно поражаетъ малой величиной, вся фигура ея въ $7\frac{1}{2}$ разъ больше головы.

Такимъ образомъ, въ виду того, что голова и ноги у женщины относительно меньше, чѣмъ у мужчины, ясно, что туловище у нея больше. И этотъ большій размѣръ туловища, какъ намъ придется доказать, объясняется большимъ развитіемъ живота.

Здѣсь будетъ умѣстно сопоставить пропорціи мужской и женской фигуры въ среднемъ и взаимное отношеніе ихъ, приводя рядомъ пропорціи одинаково высокыхъ мужчинъ и женщинъ.

	Абсолютный раз- мѣръ въ миллиме- трахъ		Пропорція тѣла (объём длина=1000)		Относительный размѣръ тѣла женщины		Пропорція тѣла индиви- дуумовъ роста.			
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Отноше- ніе абсолют- ныхъ раз- мѣровъ (при муж. = 100)	Отноше- ніе пропорціи	отъ 146 до 150 сант.		отъ 168 до 170 сант.	
							Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Общая длина тѣла	1675	1567	1000	1000	93,6	1	1000	1000	1000	1000
Высота въ сид. пол.	880	835	526	531	94,3	1,01	535	531	524	525
Длина ногъ	795	782	474	469	92,1	0,98	465	469	476	475
Длина рукъ	780	715	466	455	91,5	0,98	—	—	—	—
Длина головы. . . .	187	179	111	114	96,1	1,03	—	—	—	—
Объёмъ головы . . .	550	530	328	335	96,2	1,02	369	355	321	310

Цифры, показывающія длину ногъ и дополняющія размѣръ тѣла въ сидячемъ положеніи по отношенію къ общей дліяѣ, помѣщенные въ колоннахъ отъ первой до четвертой, взяты не изъ Фитцнера, такъ какъ его среднія цифры длины ногъ вычислены иначе, не примѣнительно къ дліяѣ въ сидячемъ положеніи и не съ точнымъ расчетомъ на 1,000, а обнаруживаютъ мелкія различія въ единицахъ мѣръ. Числа, набранныя жирнымъ шрифтомъ, не прямо заимствованы у Фитцнера, а вычислены потомъ на основаніи его данныхъ.

Двѣ первыя рубрики въ этой таблицѣ содержатъ абсолютные размѣры въ миллиметрахъ, третья и четвертая — пропорціи, какъ средній результатъ всѣхъ измѣреній. Пятая рубрика представляетъ отношеніе установленныхъ для обоихъ половъ абсолютныхъ среднихъ размѣровъ отдѣльныхъ участковъ тѣла и даетъ, слѣдовательно, возможность усмотрѣть непосредственно, насколько соответственный участокъ тѣла женщины меньше, чѣмъ у мужчины. Шестая рубрика представляетъ отношеніе чиселъ четвертой рубрики къ числамъ третьей, т. е. показываетъ, насколько данный участокъ по отношенію ко всему тѣлу у женщины больше или меньше, чѣмъ у мужчины.

Подобная же разница пропорцій оказывается и въ томъ случаѣ, когда самыя пропорціи иныя, какъ, напримѣръ, у новорожденнаго. Правда, эта разница нѣсколько меньше и потому можетъ быть численно замѣтна только при измѣреніи болѣе или менѣе значительнаго ряда индивидуумовъ, но недоступна непосредственному наблюденію. Но все же одинъ фактъ ихъ существованія уже доказываетъ, что женскія пропорціи нельзя объяснить просто-напросто остановкой женщины на дѣтской ступени развитія, хотя онѣ и обнаруживаютъ болѣе сходства съ пропорціями тѣла ребенка, чѣмъ мужскія.

Пропорціи диаметровъ ширины тѣла также даютъ характерные результаты, но численно онѣ не такъ точно изслѣдованы, какъ данныя измѣреній длины. Ширина головы у женщины меньшаго діаметра въ среднемъ; подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ при разсмотрѣніи черепа (стр. 296 и слѣд.). Очень важно взаимное отношеніе ширины плечъ и бедеръ или таза.

По Гофману, ширина плечъ мужчины составляетъ въ среднемъ 39,1 сант., женщины — 35,2 сант.; ширина таза (бедеръ) между наружными краями гребней подвздошной кости составляетъ у мужчины 30,5 сант., у женщины — 31,4 сант. Плечи шире у мужчины, тазъ, наоборотъ, у женщины, несмотря на ме-

нѣе крупное сложеніе ея. Это находится въ связи съ очень характерной формой женскаго таза (см. далѣе, стр. 309).

Впрочемъ, наибольшая ширина нижней части тѣла приходится не на высоту гребней подвздошной кости, а пониже, на уровнѣ начала бедеръ, въ области такъ называемаго большаго вертела (trochanter). Въ этомъ мѣстѣ ширина превосходитъ (не всегда, какъ норма, а иногда) у женщины даже ширину плечъ. Красоту женской фигуры это можетъ портить только въ томъ случаѣ, если ширина бедеръ довольно значительно превосходитъ ширину плечъ. Отсылаемъ для сравненія къ рис. 169 и 170, при чемъ обращаемъ вниманіе на то, что обѣ натуры отличаются сравнительно очень широкимъ тазомъ. Иллюстраціей относительной ширины таза служатъ также рис. 171, 172, 173, 188 и фигуры „Капитолійской Венеры“ и „Фарнезскаго Геркулеса“ (объ на отд. табл., послѣдняя въ I ч. наст. тома). Особенно поражаетъ шириной бедеръ Венера Франціа-биджіо. Капитолійская отличается сравнительно не очень широкими бедрами.

Такъ какъ пропорціи тѣла обуславливаются скелетомъ, то всѣ различія ихъ должны встрѣчаться и на немъ. Но скелетъ женщины меньше не только однимъ размѣромъ своимъ; отдѣльныя кости его также отличаются болѣе нѣжнымъ строеніемъ, и поверхность ихъ глаже, такъ какъ болѣе слабая мускулатура женщины менѣе нуждается для своего прикрѣпленія въ шероховатой поверхности и острыхъ краяхъ. На бедренной кости (рис. 174 и 175) это отношеніе явственно выражено. Соответственно этому очень значительна разница въ вѣсѣ скелетовъ. Такъ, вѣсѣ сухого мужскаго скелета равняется, по Даффнеру, 4,264 граммамъ, женскаго — 2918 грам. (отношеніе 146:100). Вѣсѣ свѣже-отпрепарированнаго, невысушеннаго скелета составляетъ, по Дюрси, 9,814 и 5,866 грам., по Бишофу, 11,080 и 8,390 граммовъ.

Рис. 174. Рис. 175.

Мужская (слѣва) и женская (справа) бедренная кость сзади.

Линія подъ костью обозначаетъ положеніе оси коленного сочлененія.

Одной изъ самыхъ выдающихся особенностей женщины является болѣе слабое развитіе ея мускулатуры. Оно выражается въ меньшей толщинѣ отдѣльныхъ мускуловъ, кромѣ того, мускулы женщины мягче и богаче водой (содержаніе воды въ мускулатурѣ составляетъ, по Вибра, 72,5 процента у мужчины и 74,4 процента у женщины). По мнѣнію Фирордта, общій вѣсъ мускулатуры можно представить въ круглыхъ числахъ 24,5 килогр. у мужчины и 14,75 килогр. у женщины. По одному тому уже, что женская мускулатура не такъ сильно развита, какъ мужская, вліяніе ея на пластику тѣла (ср. I главу I ч. наст. тома) должно

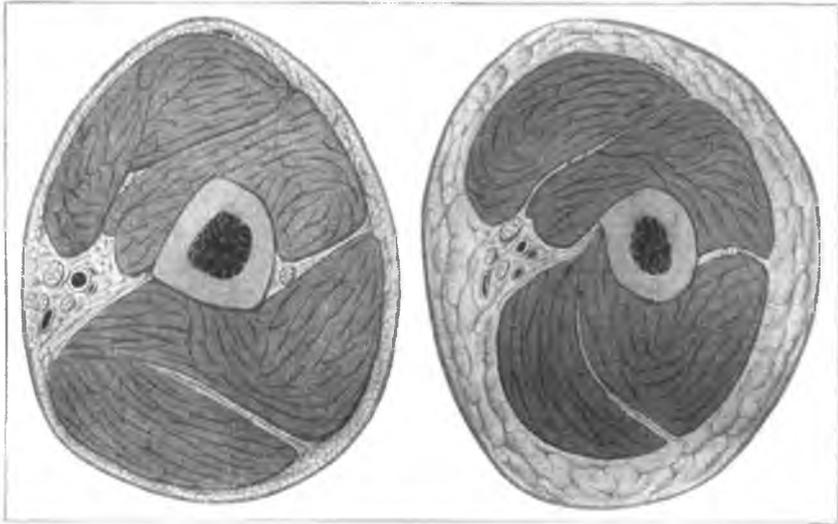

Рис. 176.

Рис. 177.

Поперечный разрѣзъ мужской (слѣва) и женской (справа) руки на границѣ между средней и нижней третью плечевой кости.

быть меньше; ей абсолютно невозможно было бы достигнуть такой степени развитія, какъ у Фарнезскаго Геркулеса.

Наряду съ этимъ отношеніемъ развитія мускулатуры наблюдается обратное отношеніе въ развитіи жировой ткани. Она развита у женщины значительно богаче, чѣмъ у мужчины. Числами, добытыми путемъ изслѣдованія труповъ — въ особенности по отношенію къ жиру и мускулатурѣ, — надо пользоваться, конечно, осторожно, потому что именно на эти части тѣла оказываютъ сильное вліяніе болѣзненные процессы. Вотъ почему такъ же сильно расходятся между собой данныя разныхъ изслѣдователей. Мы все же считаемъ умѣстнымъ привести для иллюстраціи вопроса о вѣсѣ отдѣльныхъ системъ органовъ данныя двухъ одинаково авторитетныхъ ученыхъ — данныя, установленныя Либихомъ для мужчины 25 лѣтъ тому назадъ, и Бишофомъ — для женщины 22 года тому назадъ.

Ростъ мужчины, къ сожалѣнію, не указанъ; ростъ женщины составляетъ 159 сантиметровъ.

	Мужчина	Женщина
Общій вѣсъ тѣла	55,75	55,40
Скелетъ	11,46	8,39
Мускулатура	23,06	19,85
Жиръ	6,16	15,67
Внутренности, включая центральную первую сист. и органы чувствъ	8,62	6,76

Подкожный жиръ сильнѣе округляетъ неровности поверхности тѣла у женщины и придаетъ пластичнымъ формамъ ея характерную мягкость и извилистость линий. Ея и безъ того болѣе нѣжная мускулатура не можетъ подъ этимъ покровомъ сформировать поверхность тѣла сообразно своимъ выпуклостямъ (рис. 170, 173, 185, 188 и „Капитолійская Венера“). Даже при болѣе сильномъ развитіи мускулатуры, какое бываетъ у атлетовъ, все же сохраняется несомнѣнное различіе между формами мужскаго и женскаго тѣла.

Наши рисунки 176 и 177 изображаютъ разсмотрѣнные отношенія на поперечномъ разрѣзѣ плечевой кости нормальныхъ, не исхудалыхъ индивидуумовъ. Мы видимъ на нихъ, насколько нѣжнѣе и менѣе остроконечны кости, слабѣе мускулатура и толще жировой слой у женщины.

Кромѣ того, нѣкоторыя части женскаго тѣла отличаются обыкновенно особенно сильнымъ отложеніемъ жира, — какъ, наприкладъ, груди и сѣдалище. У женщинъ нѣкоторыхъ расъ (южноафриканскихъ племенъ) жиръ отлагается на сѣдалищѣ безобразными буграми.

При боковомъ поворотѣ туловища болѣе обильный подкожный жиръ всегда ложится явственными складками (рис. 173).

Общій покровъ всего тѣла, кожа, у женщины нѣжнѣе и тоньше и нѣсколько плотнѣе натянута вслѣдствіе жировой подстилки подъ нимъ. Сквозь болѣе тонкую наружную кожу просвѣчиваетъ кровь, протекающая въ болѣе глубокихъ слояхъ, и сообщаетъ ей тотъ нѣжный красновато-желтый тонъ, который характеренъ для женской кожи, но никогда не достигаетъ такой яркости у мужчинъ.

Соотвѣтственно большей нѣжности кожи, тѣло женщины покрыто болѣе слабой растительностью. Грудь и животъ покрыты обыкновенно у женщины очень маленькими волосами, едва замѣтными невооруженнымъ глазомъ, у мужчины же грудь покрыта большей частью довольно густыми волосами, и, кромѣ того, полоска волосъ идетъ всегда по средней линіи живота снизу къ пупку (ср. рис. 169 и 170).

Въ противовѣсъ отсутствію волосъ на лицѣ, женщины отличаются болѣе сильнымъ ростомъ волосъ на головѣ. Мужскіе волосы никогда не достигаютъ длины женскихъ, даже если ихъ никогда не стричь, — они скорѣе выпадаютъ тогда. Самые волосы у мужчины, по Вальдейеру, слабѣе женскихъ.

Обиліе красящаго вещества въ кожѣ всего ярче выражается у бѣлой расы въ цвѣтѣ волосъ. Наряду съ нимъ можетъ быть поставленъ цвѣтъ радужной оболочки (iris) глаза. обстоятельныя изслѣдованія показываютъ, что у женщинъ встрѣчаются въ общемъ чаще болѣе темныя оттѣнки цвѣта волосъ и радужной оболочки. Исключивъ по возможности все недостоверное изъ страсбургскихъ анатомическихъ матеріаловъ, Фитцнеръ приходитъ къ

заключенію, что „въ отношеніи цвѣта волосъ женщина темнѣе (ближе къ типу брюнетовъ) мужчины приблизительно на 7%, а въ отношеніи цвѣта радужной оболочки всего на 3% приблизительно“.

Аналогически родственны волосамъ ногти; меньшему развитію растительности на тѣлѣ соответствують у женщины и болѣе узкіе и нѣжные ногти.

Слѣдуетъ упомянуть еще вкратцѣ о грудныхъ, или молочныхъ железахъ, которыя должны быть разсматриваемы съ точки зрѣнія исторіи развитія и теоріи происхожденія, какъ видоизмѣненные кожныя железы. Мы уже отмѣтили въ началѣ этой главы то своеобразное мѣсто, которое онѣ занимають въ ряду вторичныхъ половыхъ признаковъ. Будучи одинаково врожденными обимъ поламъ и до наступленія зрѣлости одинаковаго строенія, грудныя железы остаются у мужчины на дѣтской ступени развитія и состоятъ изъ ряда трубочекъ, проходящихъ черезъ сосокъ и внутри либо вовсе не развѣтвляющихся, либо дающихъ только очень мало развѣтвленій, — у женщины же ко времени наступленія зрѣлости начинается сильный ростъ и развѣтвленіе этой системы трубочекъ; стѣнка ихъ и особенно концевые отдѣлы претерпѣвають еще рядъ измѣненій въ періодѣ беременности и кормленія грудью. Упругая соединительная ткань и обильная жировая подкладка сообщаютъ дѣвичьей груди ея форму и твердость; со временемъ онѣ обвисаютъ отъ растяженія соединительной ткани послѣ повторныхъ отдѣленій молока.

Скелеть, мышечная и жировая ткани, формирующія фигуру, и кожа съ ея производными — волосами и ногтями — сближаютъ женское тѣло съ дѣтскимъ. Волосы на головѣ и грудныя железы составляютъ исключеніе изъ этого, и, если развитіе послѣднихъ мы и можемъ объяснить біологической важностью ихъ функцій, то все же разница въ развитіи волосъ на головѣ остается факторомъ, противорѣчащимъ обобщенію принципа о дѣтскомъ характерѣ женскаго сложенія.

Что касается жирового отложенія, то и здѣсь надо отмѣтить то, что оно происходитъ вовсе не непрерывно съ самаго начала развитія, а большей частью исчезаетъ у дѣвочекъ въ старшемъ дѣтскомъ возрастѣ и вновь появляется только у вполне развившейся женщины. Слѣдовательно, и жировое отложеніе не есть первичный дѣтскій признакъ.

* * *

Вслѣдъ за изложеніемъ теоріи пропорціональности и формированія тѣла, мы разсмотримъ отдѣльные участки тѣла, а за ними перейдемъ къ сравненію внутреннихъ органовъ.

Скелеть, мускулатура и жиръ обуславливаютъ характеръ головы. При сравненіи мужского и женскаго череповъ (рис. 178 и 179) необычайно ярко видно болѣе нѣжное строеніе костей у женщины. О различіяхъ мужскихъ и женскихъ череповъ существуетъ также обширная литература; среди самыхъ обстоятельныхъ сочиненій по этому вопросу заслуживаютъ быть отмѣченными работы Фитцнера и Бартельса о половыхъ различіяхъ черепа. Въ основу долженъ быть поставленъ, безспорно, принципъ Бартельса, что въ вопросѣ о принадлежности черепа тому или дру-

гому полу до сихъ поръ неизвѣстно и, вѣроятно, и вообще не существуетъ такихъ признаковъ, которые наблюдались бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; и все же типичныя черепа обнаруживаютъ много подобныхъ признаковъ, а такихъ случаевъ, въ которыхъ ихъ совершенно не видно, незначительное меньшинство. Разумѣется, и тутъ половыя различія всего ярче обнаруживаются въ длинномъ рядѣ измѣреній.

Цифры, установленныя для размѣровъ головы, подходят, разумѣется, и для размѣровъ костнаго черепа, потому что мягкія части не могутъ существенно измѣнить результаты

измѣреній. Мы уже отмѣтили болѣе значительную абсолютную величину мужской головы на основаніи измѣреній Фитцнера, а также и тотъ фактъ, что относительныя величины оказываются большими у женщины, если только для сравненія взяты индивидуумы неодинаковаго роста. По Бартельсу, всѣ размѣры мужскаго черепа, взятые абсолютно, также превосходятъ размѣры женскаго черепа. Соотвѣтственно этому больше и объемъ черепа и вѣсъ его. Бартельсъ самъ получилъ въ результатѣ измѣреній объема нѣмецкихъ череповъ 1,420 куб. сантиметровъ у мужчины и 1,206 куб. сант. у женщины. Изъ всѣхъ приводимыхъ чиселъ, полученныхъ различными авторами о размѣрахъ нѣмецкихъ череповъ (272 мужскихъ, 249 женскихъ), можно вывести среднее, составляющее 1,462 куб. сант. для мужскаго и 1,298 для женскаго (отношеніе 1000:888). Средній вѣсъ черепа въ Германіи въ высушенномъ состояніи составляетъ 755 граммовъ (мужской) и 595 грам. (женскій). Мужской черепъ крупнѣе и относительно и свидѣтельствуетъ о болѣе сильномъ разви-

Рис. 178. Мужской черепъ.

(Изъ Далмаца 44-лѣтнѣй возрастъ; Вѣдскій анатомич. музей, № 1128.)

Рис. 179. Женский черепъ, изображенный въ такомъ же масштабѣ, какъ и мужской.

(Изъ Верхней Австрiи, 22-лѣтняго возраста; Вѣнский анатомическій музей, № 969.)

тѣхъ костей, выражающемся въ большихъ мускульныхъ отросткахъ и большей толщинѣ костей.

Если рассмотреть отдѣльно черепныя и лицевыя кости, результаты получаются нѣсколько иные. Лицевыя кости у мужчины не только абсолютно, но и относительно больше. Въ числахъ это обнаруживается особенно при опредѣленіи длины лица (измѣряя отъ переносья до нижняго края нижней челюсти). По Фитцнеру, средняго числа длины мужского лица относятся къ длинѣ женскаго, какъ 100:89,8, тогда какъ отношеніе ширины лица (измѣряя ее по яремной кости) равняется 100:93,6, а отношеніе длины тѣла, какъ мы уже говорили, равняется 100:93,6. Нѣсколько

иными оказываются числа, приводимыя Бартельсомъ, но и они даютъ тотъ же результатъ.

Зато размѣры черепныхъ костей, если мы возьмемъ средняго числа всѣхъ данныхъ, у женщины относительно больше. Объемы мужской и женской головы относятся другъ къ другу, какъ 100:96,2; наибольшая ширина черепныхъ костей — какъ 100:96,5; высота головы, при измѣреніи отъ наружнаго слухового отверстия до темени — какъ 100:95,5. Всѣ эти числа превосходятъ цифровыя данныя, выражающія отношенія между длиною тѣла. (Но все это вѣрно, какъ уже тоже было упомянуто, только въ отношеніи средняго вывода изъ всѣхъ данныхъ, а не въ отношеніи лицъ одинаковаго роста, такъ какъ при этомъ условіи цифры измѣреній для женщины оказываются меньше, чѣмъ для мужчины.)

Изъ приводимыхъ измѣреній объема черепа оказывается также, что женскій черепъ относительно больше. Вместимость мужского и женскаго черепа относятся другъ къ другу, какъ 100:89, тогда какъ всѣ тѣла, согласно вышеприведеннымъ цифрамъ, равняется отношенію 100:83. Подобное же отношеніе можно констатировать, какъ будетъ показано, и для головного мозга, который обуславливаетъ собой вместимость черепа.

По отношенію къ формѣ черепа мы встрѣчаемъ въ литературѣ поразительно противорѣчивыя данныя: одни авторы считаютъ женскій черепъ болѣе длиннымъ въ среднемъ (долихоцефальнымъ), другіе, напротивъ, болѣе короткимъ (брахицефальнымъ). Цифры Бартельса доказываютъ, что въ предѣлахъ отдѣльно изслѣдованныхъ группъ отношеніе оказывается очень измѣнчивымъ и, во всякомъ случаѣ, не характерно для того или другого пола.

Въ частности, о различіяхъ черепа можно сказать слѣдующее: передняя половина черепной крышки у женщинъ часто бываетъ болѣе плоской, у мужчинъ же болѣе равномерно выпуклой къ серединѣ. Въ связи съ этимъ женскія теменные кости не имѣютъ большей частью равномерной покатости, какъ у мужчинъ, а изгибаются посрединѣ довольно круто къ боковой плоскости черепа. Середина теменной кости выдается большей частью нѣсколько напередъ въ видѣ бугра, и вслѣдствіе формы черепного изгиба эти теменные бугорки у женщинъ большей частью замѣтнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Обѣ эти черты еще рѣзче выражены у ребенка. Но это отнюдь не значитъ, что онѣ встрѣчаются регулярно или, тѣмъ болѣе, исключительно у женщинъ: у взрослой женщины онѣ только

Рис. 180. Лобная пазуха мужскаго черепа.
(Вѣнскій анатомическій музей, безъ номера.)

чаще встрѣчаются, чѣмъ у взрослога мужчины. (Подобныя же бугорки имѣются также и по обѣимъ сторонамъ лобной кости, и у женщинъ они также сильнѣе развиты, чѣмъ у мужчинъ; но вся совокупность данныхъ Бартельса опровергаетъ это. Все это почти незамѣтно на нашихъ рисункахъ 178 и 179.)

Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, наконецъ, что у мужчинъ затылочное отверстіе также больше и абсолютно, и относительно что должно объясняться, вѣроятно, большимъ поперечникомъ спинного мозга, проходящаго черезъ него, — и что отростки (сосцевидный и шиловидный отростокъ, затылочные бугры) и линіи, назначенныя для прикрѣпленія мышцъ, у мужчинъ также сильнѣе развиты.

Гораздо большія различія представляютъ лицевыя кости черепа. Онѣ характеризуются главнымъ образомъ большимъ развитіемъ жевательнаго аппарата; соотвѣтственно этому, сильнѣе развиты верхняя и нижняя челюсти и зубы. Это выражается даже въ вѣсѣ нижней челюсти; по Бартельсу, вѣсъ этотъ со-

По гравюрѣ Braun, Clement G. C-го въ Дорнахъ.

Рис. 181. Портретъ Рембрандта, писанный имъ самимъ.
Относится въ 1634 году, т. е. къ 28-му году жизни.

ставляетъ въ нѣмецкихъ черепахъ, въ мужскомъ 11,3 процента, въ женскомъ 10,5 процента общаго вѣса всего черепа. Зубная дуга у мужчины болѣе закруглена, приближаясь къ формѣ круга, у женщины же она нѣсколько заострена спереди или параболической формы. Вѣроятно, и это находится въ связи съ разницей въ степени развитія зубовъ. Какъ на черту, свойственную женскимъ зубамъ, Шаафгаузенъ указываетъ и на относительно большую величину обоихъ верхнихъ среднихъ рѣзцовъ; Плоссъ-Бартельсъ показываютъ это на цѣломъ рядѣ рисунковъ. На нашихъ

По фотографіи Д. Андерсона въ Римѣ.

Рис. 182. Ла Форнарина, по прозванію Ла Велато. По картинѣ Рафаэля.

рисункахъ 178 и 179 эта разница также замѣтна. Болѣе или менѣе многочисленныя измѣренія дѣйствительно показываютъ относительный (но не абсолютный) перевѣсъ ширины, но въ среднемъ все же эта разница мало замѣтна.

Болѣе сильныя зубы обусловливаютъ большее развитіе яремныхъ дугъ и большее разстояніе между ними. Слѣдствіемъ этого является также не только измѣненіе величины, но и формы нижней челюсти; оттого мужской подбородокъ шире, имѣетъ часто на краю нижней челюсти два бугорка и выдается нѣсколько сильнѣе,

чѣмъ болѣе заостренный женскій подбородокъ (рис. 178 и 179). Уголъ задняго конца края нижней челюсти острѣе у мужчины, и отростокъ, идущій отсюда къ основанію черепа, рѣзче. Болѣе слабымъ развитіемъ костей, обуславливающимъ болѣе тѣсную посадку зубныхъ корней, объясняется, вѣроятно, и то, что у женщинъ рѣзцы чаще посажены въ челюсти косо, такъ что больше выдаются напередъ, — явленіе такъ называемаго „челюстного прогнатизма“ у женщинъ.

Наряду съ этими различіями въ нижней части лица наблюдаются особенности и въ верхней его половинѣ. Прежде всего, на примѣръ, въ формѣ лба, который относится, правда, анатомически не къ лицевымъ, а къ черепнымъ костямъ, но который удобнѣе рассмотреть именно здѣсь. Мужской лобъ отличается сильно развитыми бровными дугами, которыя выдаются надъ глазными

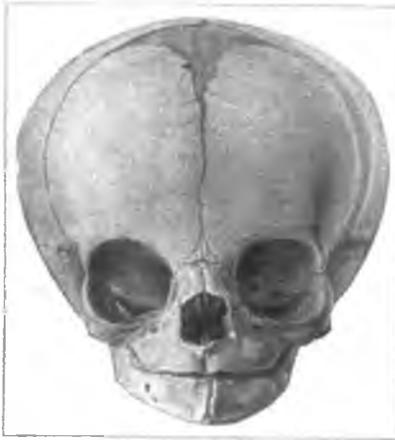

Рис. 183. Черепъ ребенка 2 мѣсяцевъ и 10 дней.

(Вѣнскій анатомическій музей, № 23.)

впадинами въ видѣ выпуклыхъ возвышеній; у женщинъ обыкновенно не бываетъ совсѣмъ этихъ выпуклостей. Въ области лба и еще выше его лобная кость состоитъ изъ двухъ костныхъ пластинъ, между которыми находится пространство, наполненное воздухомъ и сообщающееся съ носовою полостью — лобная пазуха (рис. 180). Оттого, что эта пазуха сильнѣе развита у мужчины, въ связи съ большимъ развитіемъ бровныхъ дугъ, лобъ мужчины отличается нѣсколько болѣе покатостью въ сравненіи съ болѣе прямымъ, почти вертикальнымъ лбомъ женщины.

Многими неоднократно указывалось на существованіе различій въ глазныхъ впадинахъ мужчины и женщины, но вопросъ этотъ еще пока остается спорнымъ. Многіе утверждаютъ, на примѣръ, что женскія глазныя впадины относительно больше и что наружный уголъ ихъ больше опущенъ книзу, чѣмъ у мужчины; другіе отрицаютъ это. На рисункахъ 178 и 179 разница эта мало замѣтна.

Наряду съ костными частями мягкія части головы также различны у обоихъ половъ. Оттого, что лицевая мускулатура у женщины слабѣе, характерныя борозды, прорѣзывающія кожу лица, — какъ, на примѣръ, борозда, идущая отъ ноздрей къ угламъ рта по обѣ стороны лица — появляются у женщины позднѣе и врѣзываются менѣе глубоко; оттого, что жевательные мускулы слабѣе, меньше выдаются боковыя части щекъ; болѣе толстый слой жира равномернѣе округляетъ все лицо.

Носъ развитъ у мужчины сильнѣе, чѣмъ у женщины. Но измѣренія шпринны переноса на костномъ черепѣ не даютъ все же ясной по единству картины. Въ отношеніи же формы носа можно сказать (по Гопперу, что у мужчинъ встрѣчаются чаще

прямые и выпуклые носы, у женщинъ чаще плоскіе или слегка приплюснутые съ нѣскольکو выдающимся или вдернутымъ кончикомъ; по крайней мѣрѣ, въ нѣмецкихъ странахъ наблюдается такая разница. Ушная раковина мужчины также относительно крупнѣе и болѣе грубовата по формѣ.

На портретахъ, изображенныхъ на рис. 181 и 182, очень рѣзко

Рис. 181. Натурщикъ изображенъ въ профиль, чтобы показать изгибъ позвоночнаго столба.

Рис. 182. Натурщица изображена въ профиль, чтобы показать изгибъ позвоночнаго столба.

выражено различіе въ чертахъ лица мужчины и женщины. На портретѣ Рембрандта, написанномъ имъ самимъ, мы видимъ относительно крупное, по сравненію съ черепомъ, лицо, сильно развитый носъ, выдающіяся бровныя дуги и нѣсколько покатый лобъ надъ ними, замѣтный и изъ-подъ шляпы; вслѣдствіе сильнаго развитія яремныхъ дугъ, мускулатуры челюстей и самой нижней челюсти, лицо представляется широкимъ до высоты ротового отверстія и только пониже его начинается суживаться къ подбородку, при чемъ самый подбородокъ широкъ и раздѣляетъ желоб-

Рис. 186. Мужской скелет.

(Вѣнскій анатомическій музей, № 64.) Вышина 180 сантим. Вѣдрамъ придано соответствующее положеніе благодаря сближенію пятокъ.

комъ посерединѣ. Ширина подбородка обусловливается формой нижней челюсти, а раздѣляющій его желобокъ, вовсе не представляющій, впрочемъ, обычной особенности мужского подбородка, вызывается расположениемъ мускуловъ. Сильная мускулатура и слабое развитіе жира придаютъ лицу очень энергичный характеръ, несмотря на молодость художника (ему было тогда двадцать восемь лѣтъ). Особенно отчетливо выступаютъ бороздка, идущая отъ ноздрей къ угламъ рта, и складки вѣкъ.

Въ Форнаринѣ Рафаэля мы видимъ, напротивъ, маленькое по сравненію съ черепомъ лицо; овалъ лица, наибольшая ширина котораго приходится на уровнѣ глазъ, постепенно суживается къ нѣжному подбородку. Надъ гораздо слабѣе очерченнымъ носомъ отвѣсно возвышается лобъ, на которомъ по обѣ стороны средней линіи, отчасти прикрытыя волосами, все же виднѣются выпуклости. Кожа лица совершенно гладкая, чуть намѣчена бороздка отъ ноздрей къ уголкамъ

рта. На обоихъ портретахъ бросается въ глаза поразительное, до мелочей, сходство съ изображенными на рис. 178 и 179 черепами.

Женскую голову почти по всѣмъ ея характернымъ признакамъ можно разсматривать, какъ приближеніе къ дѣтскому типу, какъ остановку на дѣтской ступени развитія, — на что указываетъ какъ строеніе костнаго черепа (ср. рис. 183 съ 178 и 179), — въ особенности маленькій размѣръ лица и выпуклости лобной и теменной кости, — такъ и степень развитія жира и мускулатуры. Сильно же

развита челюсти мужчины обуславливают сходство формы его черепа с черепом обезьяны. Въ концѣ настоящей главы мы рассмотримъ, какъ уже было сказано, внутреннюю связь этихъ явлений.

Относительно большая длина женской шеи объясняется главнымъ образомъ особенностями мускулатуры, такъ какъ костная основа ея, шейная часть позвоночника, не представляетъ никакихъ особенностей по сравнению съ соответствующей частью мужского скелета. Менѣ развитая мускулатура обуславливаетъ, съ одной стороны, большую стройность, благодаря которой шея кажется длиннѣе, съ другой стороны, боковая линия контуровъ затылка, обусловленная трапециевиднымъ мускуломъ (ср. 1 главу I ч. наст. тома), идетъ ниже, такъ какъ мускулъ не такъ сильно выдается (рис. 172 и 173 и „Капитолійская Венера“). Кромѣ того, вслѣдствіе болѣе обильнаго слоя жира, переходъ отъ туловища къ шеѣ не такъ рѣзокъ (рис. 171 и „Капитолійская Венера“). Форма передней поверхности шеи зависитъ отъ хрящей гортани и отъ щитовидной железы; но о нихъ мы подробнѣе поговоримъ при разсмотрѣніи внутреннихъ органовъ.

Туловище подраздѣляется на грудь и животъ — въ различной пропорціи у мужчины и у женщины. У женщины грудная клѣтка относительно короче, животъ длиннѣе. По Кеннингему, размѣръ живота у обоихъ половъ, несмотря на меньшій размѣръ всего тѣла женщины, абсолютно взятый, одинаковъ. Большимъ развитіемъ живота объясняется и относительно большая высота женщины въ сидячемъ положеніи, о которой было говорено выше

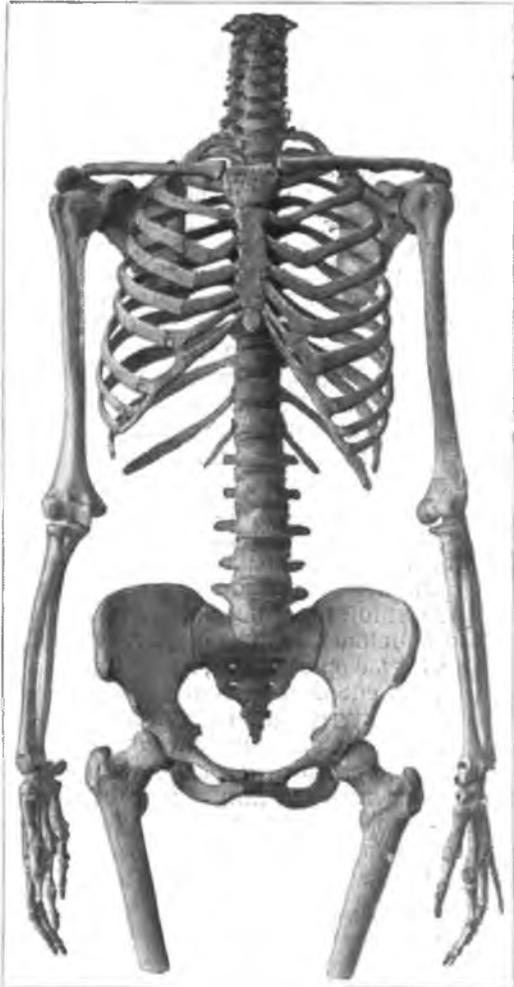

Рис. 187. Женскій скелетъ.
Вѣнскій анатомическій музей, № 66. Высота 148,5 сант.
Бедрямъ придано соответствующее положеніе благодаря
сближенію пятокъ.

Эти различія можно замѣтить также и на позвоночномъ столбѣ. Поясничная часть позвоночника у женщины относительно длиннѣе; къ этому надо прибавить еще различный изгибъ его. Вогнутая форма поясничной части позвоночника, въ гораздо большей степени, чѣмъ у мужчины, составляетъ физиологическую особенность женщины (ср. рис. 184 и 185). Этимъ обуславливается также большій наклонъ таза, способствующій удлинению живота. Эта вогнутость не лишена вліянія также на общую форму живота, какъ мы увидимъ далѣе.

Еще меньшей длиной, чѣмъ грудная часть позвоночника, отличается у женщины грудная кость (рис. 186 и 187). Общая длина ея колеблется у мужчины между 18 и 20 сантиметрами, у женщины — между 16 и 17 (по Лушка, цитировано по Фирорду). Это укорачиваніе простирается неодинаково на всѣ части: верхняя ея часть, находящаяся между ключицами и первой парой реберъ, приблизительно одинаковой величины у обоихъ половъ. Нижнюю часть ея, мечевидный отростокъ, можно совсѣмъ не принимать въ расчетъ, такъ какъ онъ вообще бываетъ очень различно развитъ. Слѣдовательно, большая короткость грудной кости у женщины приходится на среднюю ея часть. Отъ этого, а также отъ болѣе нѣжнаго строенія реберъ, женская грудная кѣтка короче и болѣе сжата, чѣмъ мужская. По Лигардику, она сравнительно короче на ширину ребра, что объясняется меньшей шириной реберъ въ отдѣльности. Въ то же время она имѣетъ болѣе боченкообразную форму, приближающуюся въ поперечномъ разрѣзѣ къ формѣ круга, мужская же грудная кѣтка, болѣе приплюснутая спереди и сзади, имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ форму, приближающуюся къ овалу. Книзу грудная кѣтка расширяется одинаково у обоихъ половъ, если только она у женщины не изуродована корсетомъ и тѣсной шнуровкой; въ общемъ, она даже болѣе расширена книзу у женщины. (Впрочемъ, на мужскомъ скелетѣ, представленномъ на рис. 186, грудная кѣтка не безупречно сложена, она слишкомъ узка книзу. У натурщицы на рис. 170 она сужена шнуровкой.)

Мужчина и женщина отличаются другъ отъ друга характеромъ своего дыханія. Мужчина дышитъ обыкновенно, если только нѣтъ повышенной дыхательной потребности, только съ помощью грудобрюшной преграды (брюшное дыханіе). У женщины же, при нормальныхъ условіяхъ, участіе грудобрюшной преграды въ дыханіи очень незначительно; дыханіе происходитъ у нея обыкновенно путемъ подъема реберъ (грудное дыханіе). При усиленной дыхательной дѣятельности и мужчина, и женщина дышать и тѣмъ, и другимъ способомъ.

Очень много писалось о томъ, представляетъ ли, дѣйствительно, эта разница сдвигъ изъ вторичныхъ половыхъ признаковъ. Въ объясненіе ея придумалось, напримѣръ, то соображеніе, что брюшныя органы женщины претерпѣваютъ во время беременности значительное увеличеніе въ массѣ, что должно было бы мѣшать свободѣ брюшного дыханія; что постоянное грудное дыханіе является, слѣдовательно, приспособленіемъ къ половымъ функціямъ. Высказываясь, съ другой стороны, и такой взглядъ, что женская одежда, и въ особенности шнуровка корсета, сдавливаетъ грудобрюшную преграду; и дѣйствительно, изслѣдованія, произведенныя среди некультурныхъ племенъ и среди женщинъ, никогда не носившихъ корсета, обнаружили, что у нихъ также преобладаетъ брюшное дыханіе, — по крайней мѣрѣ, что сколько-нибудь значительной разницы въ сравненіи съ мужчинами у нихъ не замѣчается. Грудное дыханіе большинства женщинъ культурныхъ народовъ есть только дурная привычка, не оставляемая и въ то время, когда корсетъ снимается.

О ширинѣ туловища въ той его части, которая относится

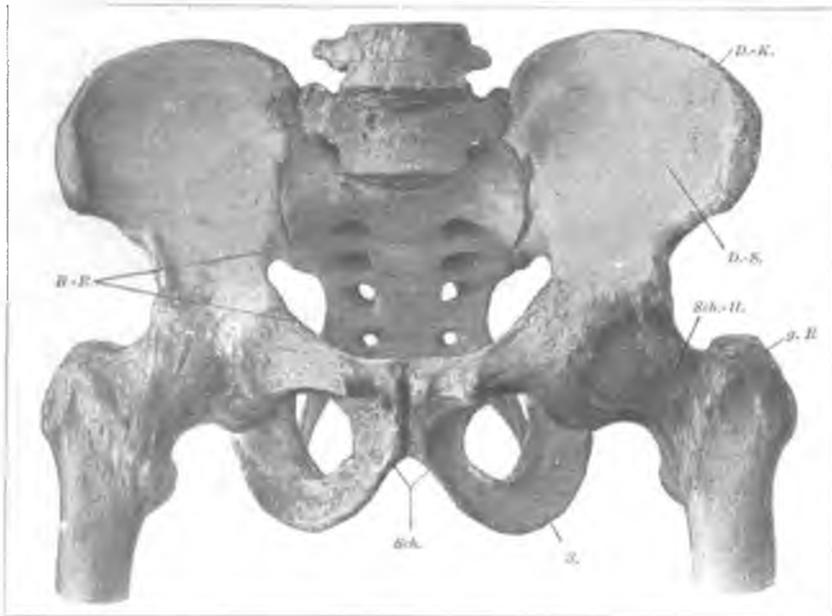

Рис. 189. Мужской таз спереди (Вяяскій анатомическій музей, безъ номера.)
 В.-Б. — контуръ тазоваго входа, D.-K. — гребень подздошной кости, D.-S. — крыло подвздошной кости, Sch.-H. — шейка безрешной кости, g. R. — большой вертелъ, S. — сѣдалищный бугорокъ, Sch. — лобковый уголокъ.

спереди (рис. 169, 171 и 172). У женщины поперечникъ грудной клѣтки скорѣе меньше поперечника таза; изогнутая линия талии у нормально упитанныхъ индивидуумовъ бываетъ едва намѣчена или ея совсѣмъ не бываетъ (рис. 173 и „Капитолійская Венера“) Талия, которую мы видѣли на современныхъ картинахъ, оканчивается часто при ближайшемъ разсмотрѣнии тѣлеснымъ недостаткомъ у женщины, служившей художнику натурой, — бороздой, образовавшейся отъ привычнаго ношенія корсета, какъ, напримеръ, на извѣстной статуѣ танцовщицы Фальгиера.

Натурщица, изображенная на рис. 170, также обязана своей талии корсету, какъ это видно и при непосредственномъ наблюдении. Талия, которую мы видѣли на женскихъ фигурахъ Баттичелли, доказываетъ только то, что художникъ искалъ свой идеаль красоты не въ сильныхъ, двѣтушихъ индивидуумахъ. При всемъ томъ у хорошо сложенныхъ женщинъ туловище ограничивается очень красивой профильной линіей перехода къ тазу, но не отчетливымъ углубленіемъ, а только рѣзкимъ увеличеніемъ поперечника тѣла въ области таза (рис. 173 и 188).

Большій размѣръ живота по сравненію съ грудной клѣткой и большая выпуклость его составляютъ черты, опять-таки больше сближающія женщину съ ребенкомъ, чѣмъ мужчину. Тѣмъ не менѣе ихъ нельзя разсматривать просто какъ остановку развитія туловища на дѣтской ступени: онѣ обусловлены половой дѣятельностью, необходимою въ запасномъ помѣщеніи на время беременности. Въ связи съ ними находятся болѣе сильный из-

гибъ позвоночнаго столба и наклонъ таза — и то, и другое представляютъ особенности, отличающія женщину отъ ребенка больше, чѣмъ мужчину.

Къ числу самыхъ рѣзкихъ различій между полами относятся различія таза. Мы уже говорили о томъ, какое сильное вліяніе оказываетъ ширина таза на пропорціи всего тѣла. Среднія числа абсолютныхъ размѣровъ тазовыхъ костей у женщины частью даже превышаютъ мужскія. При этомъ, разумѣется, ширина таза, въ виду меньшихъ размѣровъ тѣла женщины, больше бросается въ глаза, а болѣе обильное отложеніе жира еще усиливаетъ это различіе. Благодаря этому, у женщины незамѣтны выдающіяся части костей, болѣею частью различаемыя сквозь кожу у мужчины.

Разница формъ важнѣе, чѣмъ разница размѣровъ. Она называется какъ въ большемъ, такъ и въ маломъ тазу (ср. I главу I части наст. тома). Въ области большого таза подвздошныя кости у женщины расположены болѣе ванскою, отчего большій тазъ у нея шире и просторнѣе (рис. 186, 187, 189 и 190). Въ маломъ тазу явственное различіе сказывается у самаго входа его. У мужчины оно напоминаетъ по формѣ червонную картонную масть, при чемъ узкій крестецъ (рис. 189) задается далеко впередъ въ тазовой входъ (рис. 186); прямой діаметръ его болѣе поперечнаго. У женщины тазовой входъ равномернѣе округленъ (рис. 187) и болѣе широкій крестецъ (рис. 190) не выступаетъ изъ этой линіи; поперечный діаметръ — по крайней мѣрѣ, у женщинъ европейскихъ расъ — превосходитъ прямой.

У мужчины полость таза нѣсколько суживается по направленію къ тазовому выходу, вслѣдствіе сближенія между собой

Рис. 190. Женскій тазъ спереди. (Вѣнскій анатомическій музей, № 100.)
S.A. = лобковая дуга.

сбдвалищныхъ бугровъ, т. е. тазъ принимаетъ форму продолговатой воронки, у женщины же онъ равномерно широкъ и при этомъ короче. Сближеніе сбдвалищныхъ бугровъ вызываетъ у мужчины образованіе явственнаго угла лобковой кости, между тѣмъ какъ у женщины подъ лоннымъ сращеніемъ замѣтна широкая, болѣе равномерно изогнутая лобковая дуга (рис. 189 и 190). Въ общемъ полость таза сильнѣе изогнута у мужчины, у женщины изгибъ меньше вслѣдствіе большей ширины крестца. У женщины тазъ въ болѣе наклонномъ положеніи, что обуславливается, конечно, большей вогнутостью поясничной части позвоночника. Но числовыя данныя объ углѣ наклона очень различны у разныхъ авторовъ. На рис. 186 и 187 отъотъ наклоны и его различіе видны по тому, что въ женскомъ тазу крестецъ и лобковая кость гораздо короче. Вслѣдствіе наклона таза сбдвалищная часть и у живой женщины выдается сильнѣе.

Сопоставляя главнѣйшіе размѣры таза (по Вальдейеру), мы можемъ отчетливо видѣть половыя различія. Изъ тѣхъ размѣровъ, которые на живомъ человѣкѣ можно опредѣлить наружнымъ измѣреніемъ, она у женщины абсолютно больше, чѣмъ у мужчины: разстояніе между гребнями подвздошной кости, наружный прямой диаметръ таза (разстояніе отъ задней поверхности крестца до передней стѣнки лоннаго сращенія) и разстояніе между сбдвалищными буграми. Одинаковость разстоянія между большими вертелами объясняется большей величиной мужской бедренной кости.

	Размѣры въ сантиметрахъ.	
	Мужч.	Женщ.
Разстояніе между гребнями подвздошныхъ костей	26	29
Разстояніе между большими вертелами	31,5	31,5
Наружный прямой диаметръ таза	18	20
Прямой диаметръ тазового входа	10,5	11
Поперечный диаметръ „	12,5	13,5
Прямой диаметръ тазового выхода	7,5	9
Поперечный диаметръ (= разст. между сбдвалищ. буграми) тазового выхода	8	11
Уголъ лобковой кости	75°	95°

Въ пластикѣ тѣла выступаетъ больше всего въ профиль болѣе сильный изгибъ таза и выпуклость сидѣнья (рис. 184 и 185), спереди же болѣе плоское положеніе подвздошныхъ костей (ср. рис. 171, 172 и отд. прил. „Фарнезскій Геркулесъ“, — послѣднее въ I главѣ I части наст. тома, — съ рис. 173 и 188, затѣмъ рис. 169 и 170). Сзади всего замѣтнѣе ширина крестца, обозначающаяся положеніемъ крестцовыхъ впадинъ (по Штратцу), вѣрнѣе, подвздошныхъ впадинъ, расположенныхъ въ видѣ углубленій кожи на заднемъ концѣ гребня подвздошной кости; они происходятъ отъ того, что въ этихъ мѣстахъ кости остаются свободными отъ мускульныхъ прикрѣпленій и тѣсно срастаются съ кожей. Разстояніе между ними у женщинъ въ среднемъ больше на 2 или на 3 сантиметра.

Различія таза объясняются вполне понятно функциональными причинами. Они обуславливаются процессами беременности и родовъ. Форма большого таза и большой наклонъ его дѣлаютъ полость живота обширнѣе. Малый тазъ долженъ дать возможность пройти во время родовъ тѣлу младенца, въ особенности его черепу, составляющему самую крупную и самую твердую часть его тѣла. Отсюда его объемистость, равномерная округленность его входнаго отверстія, отсутствіе воронкообразнаго суже-

нія. Эти различія существуютъ еще у новорожденнаго, — утверждаютъ даже, что ихъ можно замѣтить уже и у зародыша на пятомъ мѣсяцѣ беременности.

Въ связи съ формой таза и съ шириной тазового выхода находится и форма бедренной кости. Стволъ ея, ось бедра, у женщины повернуть къ наружи, чтобы выходное отверстіе таза оставалось свободнѣе. Вотъ почему шейка бедра имѣеть у женщины болѣе горизонтальное положеніе (рис. 174 и 175, 186 и 187). Оттого разстояніе между обоими большими вертелами увеличивается не только вслѣдствіе ширины таза, но и вслѣдствіе положенія бедренныхъ шеекъ. Такая значительная удаленность осей ногъ отъ срединной линіи тѣла, съ которой совпадаетъ центръ тяжести, является причиной нѣкоторой неловкости женщины при быстромъ движеніи, — вслѣдствіе необходимости поддерживать по возможности все время центръ тяжести съ помощью вращенія таза. Гиртль вѣрно замѣтилъ, что бѣгъ — единственное движеніе, которое женщина дѣлаетъ неграціозно.

Ширина таза оказываетъ свое вліяніе и на ось всей ноги; въ то время какъ берцовыя кости стоятъ, при нормальномъ прямомъ положеніи тѣла, почти параллельно, бедренныя кости должны расходиться кверху у женщины сильнѣе, чѣмъ у мужчины. Результатомъ этого является, какъ нормальная особенность женщины, то, что ноги ея имѣють форму, нѣсколько похожую на букву X (рис. 171 и 173; затѣмъ рис. 186 и 187, въ которыхъ положеніе бедеръ было обусловлено сближеніемъ пятокъ). Это называется также и въ устройствѣ колѣннаго сочлененія. Если мы приложимъ линейку къ свободному краю его, то мы убѣдимся, что оно поставлено у женщины болѣе косо, чѣмъ у мужчины (рис. 173 и 188). Если мы приложимъ кость къ подколѣнной чашкѣ, мы тотчасъ же замѣтимъ болѣе косое ея положеніе у женщины.

Художники стараются большей частью замаскировать эту форму женской ноги, придавая одной ногѣ нѣсколько согнутое въ колѣнномъ сочлененіи положеніе и отчасти закрывая другую. Мы видимъ это, напримѣръ, у Венеры на рис. 173; но если мы попробуемъ начертить на вытянутой ногѣ этой фигуры ея скелетъ, тотчасъ же обнаружится характерный изгибъ оси ноги. У Капитолійской Венеры можно видѣть, напротивъ, въ связи съ меньшей шириной таза, довольно прямую ногу. Строгая военная выправка не только неестественна для женщины въ силу ея болѣе слабой мускулатуры, но вслѣдствіе указанной формы ея ноги, большаго наклона таза и болѣе сильнаго изгиба поясничной части позвоночнаго столба также и некрасива.

Рис. 169 также можетъ служить подтверженіемъ того, что изгибъ ножной оси зависитъ отъ ширины таза. У натурщика, изображеннаго на немъ, сравнительно широкій тазъ, и соотвѣтственно этому въ формѣ ногъ его замѣтно приближеніе къ виду буквы X.

Изъ внутреннихъ органовъ заслуживаетъ вниманія прежде всего гортань (рис. 191 и 192). Мужская гортань отличается большими размѣрами, но въ особенности формой щитовиднаго хряща. У женщины обѣ его пластинки переходятъ одна въ другую, постепенно и равномѣрно изгибаясь, у мужчины же онѣ сходятся подъ угломъ, который иногда даже сильно выдается наружу. При этомъ мѣсто соединенія обѣихъ пластинокъ нѣсколько

выпячивается напередъ, такъ что составляетъ какъ бы остроко-
нечную выпуклость, извѣстную подъ названіемъ „Адамова яблока“
(рис. 169, 171 и 172). Отъ этого положенія пластинокъ щитовиднаго
хряща увеличивается размѣръ гортани спереди назадъ, голосо-
вые связки удлинняются и настраиваются поэтому на болѣе низкіе
тоны.

Въ музыкальномъ отношеніи различіе въ высотѣ тоновъ баса и альты —
или тенора и сопрано — составляетъ ровно октаву; слѣдовательно, женскія
голосовыя связки производятъ въ секунду вдвое болѣе колебаній, чѣмъ муж-
скія. Если бы голосовыя связки представляли собой не что иное, какъ колеб-
лющіяся струны одинаковой степени напряженія, то онѣ должны были бы имѣть
у женщины длину въ половину меньшую, чѣмъ у мужчинъ. Въ дѣйствитель-
ности же разница не такъ велика: по Югану Мюллеру, длина голосовой связки
имѣетъ въ среднемъ 18 и 12 миллиметровъ, число же колебаній обусловли-
вается также толщиной голосовой связки и разницей въ степени развитія и
расположенія мускулатуры.

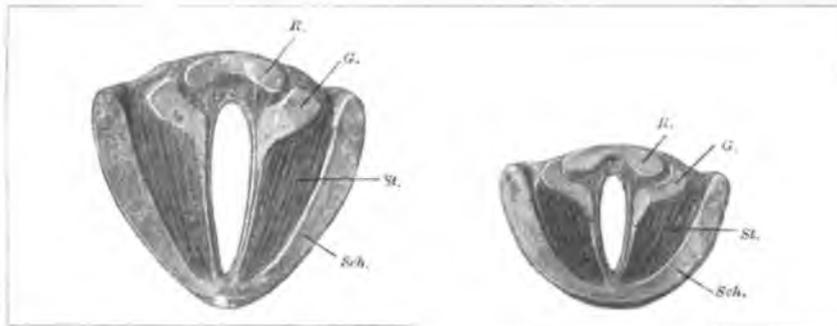

Рис. 191.

Рис. 192.

Рис. 191 и 192. Горизонтальный разрѣвъ мужской и женской гортани въ
уровнѣ голосовыхъ связокъ.

(Вѣнскій анатомическій музей, безъ кожера.) Естественная величина. К. = перстнещитный хрящъ,
G. = черпаловидный хрящъ, St. = голосовыя связки Sch. = щитовидный хрящъ.

Женская гортань имѣетъ, несомнѣнно, болѣе сходства съ дѣтской, чѣмъ
мужская; она остановилась, слѣдовательно, на болѣе ранней ступени развитія.
Но что она все же не дѣтская, ясно видно уже изъ того, что она въ пору зрѣ-
лости такъ же сильнѣе растетъ, какъ и мужская, и что при этомъ и женскій
голосъ становится нѣсколько ниже. По Лангеру, этотъ ростъ выражается у
мужчины отношеніемъ 10:5, у женщины отношеніемъ 7:5.

Относительно остальныхъ внутренностей можно ограничи-
читься сравнительно краткимъ изложеніемъ. Разница въ формѣ
наблюдается, пожалуй, относительно желудка и легкихъ. Нѣ-
которые утверждаютъ, что состояніе женскаго желудка сходно
съ дѣтскимъ. У новорожденнаго дно желудка, образующее на-
лѣво отъ входнаго отверстія пищевода выпуклость къверху, раз-
вито еще очень мало. „У женщины оно обыкновенно такъ
меньше развито, чѣмъ у мужчины“, говоритъ Регенбауръ. Легкія
также должны имѣть свои особенности формы, соотвѣтственно
особой формѣ женской грудной клѣтки, но онѣ еще не изучены.

Этимъ изслѣдованіямъ представляются большія, почти не-
преодолимая затрудненія, — точно такъ же, какъ и сравнительно
мало изученію и остальныхъ внутренностей. Съ одной стороны
то обстоятельство, что — въ виду индивидуальныхъ колебаній —

дѣйствительную цѣнность могутъ имѣть только среднія числа, полученныя изъ очень большого ряда изслѣдованій; съ другой стороны, тотъ фактъ, что изученію могутъ подвергаться по большей части только такіе органы, которые уже были поражены какимъ-нибудь болѣзненнымъ процессомъ. Вотъ почему анатомии крайне рѣдко удается овладѣть подходящими для изученія вышнихъ условій формъ легкими; по этой же причинѣ почти невозможно произвести взвѣшиванія нормальныхъ внутреннихъ органовъ въ числѣ болѣе или менѣе значительномъ. Быть можетъ, всего яснѣе это видно на селезенкѣ, которая реагируетъ особенно большими измѣненіями на болѣзненные процессы различнаго характера и различной силы.

Въ виду этого, было бы почти бесполезно приводить подробныя данныя объ абсолютномъ и относительномъ вѣсѣ щитовидной железы, сердца, легкихъ, печени, почекъ, надпочечныхъ железъ и селезенки. То же надо сказать и о данныхъ величины желудка и мочевого пузыря и длины кишечника. Эллисъ, напримѣръ, полагаетъ, что у женщинъ желудокъ больше и кишечникъ длиннѣе; данныя же анатомовъ свидѣтельствуютъ большей частью противоположное. Большая вмѣстимость женскаго пузыря, повидимому, довольно твердо установлена, но объяснить это надо, повидимому, дурной привычкой рѣдко опорожнять его.

Разница данныхъ различныхъ авторовъ объ относительномъ вѣсѣ органовъ ярко доказана сопоставленіемъ, которое сдѣлалъ Шульце относительно вѣса сердца. Два автора находятъ, что относительный вѣсъ мужскаго сердца больше женскаго, четыре другихъ, что вѣсъ женскаго больше. Но кромѣ того и самыя числа колеблются въ изумительно широкихъ предѣлахъ, — отчасти, быть можетъ, вслѣдствіе различныхъ методовъ взвѣшиванія, вслѣдствіе различнаго изготовленія препаратовъ сердца. По Фирордту, напримѣръ, вѣсъ сердца мужчины относится къ вѣсу его тѣла, какъ 1:215, — по Клендиннгу, какъ 1:158; у женщины тѣ же авторы нашли соответственное отношеніе 1:206 и 1:149.

Среди изслѣдованій такого рода нѣсколько лучше, быть можетъ, обоснованными являются данныя объ относительной величинѣ щитовидной железы у женщины. Мы ясно видимъ, напримѣръ на рис. 14, какое вліяніе на форму шеи оказываетъ эта железа.

Въ общемъ, можно признать, пожалуй, что женскіе внутренніе органы, хотя абсолютно въ большинствѣ и менѣе крупны, но относительно, по сравненію съ вѣсомъ тѣла, вѣсятъ больше. (О селезенкѣ утверждаютъ даже, что она, и абсолютно взятая, значительно тяжелѣе у женщины. По Фирордту, чистый и средний вѣсъ ея равняется у мужчины 149 граммамъ, у женщины — 180 грам. Значеніе этого явленія, если оно постоянно, совершенно неясно, какъ, впрочемъ, не во всѣхъ подробностяхъ еще выяснена даже функція селезенки вообще.) Относительно большій вѣсъ внутреннихъ у женщины объясняется, вѣроятно, во-первыхъ, тѣмъ, что вѣсъ женскаго тѣла относительно малъ, вслѣдствіе болѣе слабаго развитія скелета и мускулатуры, — во-вторыхъ, тѣмъ еще, что женщина вообще меньше мужчины. Внутренніе органы не могутъ уменьшаться въ вѣсѣ въ той же степени, какъ величина тѣла, иначе они не могли бы исполнять надлежащимъ образомъ своихъ функцій.

Нельзя отрицать все же, что въ этомъ отношеніи женщина стоитъ ближе къ ребенку, чѣмъ мужчина; мы видѣли, что у ребенка пищеварительный аппаратъ играетъ необычайно большую роль. Для иллюстраціи этого явленія мы приводимъ здѣсь таблицу изъ изслѣдованія Шульце о женщинахъ, въ которомъ цифры вычислены по даннымъ Фирордта; предупреждаемъ еще разъ, что, на основаніи только что сказаннаго, онѣ не могутъ считаться твердо установленными средними данными. Всѣ органы выражены на этой таблицѣ въ процентномъ отношеніи къ общему вѣсу тѣла, при чемъ вѣсъ мужчины принять = 62,5 килогр., женщины = 52,8 килогр., новорожденнаго = 3,1 килогр.

	Мужчина.	Женщина.	Новорожденный.
Мозгъ	2,29	2,33	12,40
Сердце	0,48	0,48	0,76
Правое легкое	0,82	0,88	0,94
Лѣвое "	0,77	0,79	0,77
Печень	2,91	3,15	4,57
Почки	0,48	0,55	0,75
Селезенка	0,26	0,33	0,34

„Изъ этого слѣдуетъ, что въ отношеніи процентнаго вѣса этихъ органовъ женщина стоитъ ближе къ ребенку, чѣмъ мужчина“, — дѣлаетъ авторъ выводъ.

Наряду съ внутренними органами слѣдуетъ разсмотрѣть еще разницу крови, пульса и температуры тѣла у мужчины и у женщины. Кровь женщины отличается (по Фирордту) нѣсколько большимъ содержаніемъ воды (80,11 процентовъ противъ 78,13 процентовъ), меньшимъ числомъ кровяныхъ клѣтокъ (красныхъ шариковъ) въ единицѣ объема (4,5 милліоновъ противъ 5 мил. въ кубическомъ милліметрѣ крови) и меньшимъ содержаніемъ красящаго вещества, которое переноситъ химическимъ путемъ кислородъ воздуха изъ легкихъ въ клѣтки тѣла и углекислоту изъ тѣла въ легкія (разница эта составляетъ, по Эллису, 8 процентовъ). Вслѣдствіе этихъ свойствъ крови, физическая работоспособность женщины нѣсколько ограничена. Возможно, что равновѣсіе восстанавливается отчасти большимъ числомъ бѣлой пульса. Пульсъ женщины, по Кюи, на 7—10 бѣній въ минуту чаще, но это повышеніе уменьшается наполовину, вслѣдствіе менше крупныхъ размѣровъ тѣла женщины (такова формула Фирордта, которой онъ вычисляетъ число ударовъ пульса въ соотвѣствіи съ длиной тѣла). Другіе авторы считаютъ разницу гораздо меньшей, — по Кетле, напримеръ, она составляетъ 1—4,5 удара. А такая небольшая разница можетъ объясняться единственно меньшей длиной тѣла. Нѣкоторые утверждаютъ, что и температура тѣла женщины въ среднемъ выше, чѣмъ у мужчины, на 0,15° (Шульце). Всѣ три признака также какъ будто сблизжаютъ женщину съ ребенкомъ.

Только одинъ внутренній органъ — головной мозгъ — заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Константинуемы на немъ половыя различія вызвали уже обширную литературу и, въ зависимости отъ той или иной точки зрѣнія, служатъ однимъ изъ излюбленнѣйшихъ аргументовъ друзей и враговъ „женскаго вопроса“, давая однимъ несомнѣнныя доказательства превосходства женщины, другимъ столь же несомнѣнныя доказательства превосходства мужчины.

Изслѣдованія распространяются, съ одной стороны, на форму, съ другой, на величину головного мозга. Въ отношеніи формы разсмотрѣнію подлежатъ въ сущности только большой мозгъ, потому что измѣнчивость головного мозга наблюдается, какъ уже было изложено въ первой главѣ I части, почти исключительно въ большемъ мозгу, какъ органъ умственной дѣятельности. Въ

отношеніи формы малаго мозга и спинного мозга половые признаки до сихъ поръ нѣкъмъ не были указаны и едва ли они и существуютъ. Данныя въ отношеніи различій относительной величины этихъ двухъ частей мозга — относительный перевѣсъ наблюдается у женщины — еще недостаточно твердо установлены, но должны объясняться, быть можетъ, меньшей величиной тѣла женщины.

Но и въ отношеніи большого мозга результатъ произведенныхъ до сихъ поръ изслѣдованій еще очень скуденъ. Мозговая кора обнаруживаетъ въ расположеніи извилинъ необычайное разнообразіе: ни одинъ головной мозгъ не бываетъ вполне похожъ на другой, а мозги и богатые и бѣдные извилинами встрѣчаются у обоихъ половъ. Только очень обширныя изслѣдованія могутъ здѣсь уберечь до нѣкоторой степени отъ ошибочнаго общаго вывода вслѣдствіе случайныхъ уклоненій.

Эллисъ тщательно собралъ и сопоставилъ результаты изслѣдованій различныхъ авторовъ объ образованіяхъ различныхъ группъ извилинъ и главныхъ отдѣловъ мозговыхъ полушарій, такъ называемыхъ долей мозга. При этомъ почти въ каждой отдѣльной подробности оказывается, что разные изслѣдователи приходили къ противоположнымъ заключеніямъ, такъ что сколько-нибудь замѣтныхъ различій, зрѣятно, не существуетъ. Исключеніе составляетъ, повидимому, только та часть поверхности мозга, которая имѣетъ отношеніе къ исполненію произвольныхъ движеній и, слѣдовательно, связана болѣе или менѣе непосредственными путями съ мускульной системой; этой части, такъ называемой центральной области — собственно теменной долѣ, цѣлый рядъ изслѣдователей единодушно приписываетъ нѣсколько большее развитіе у мужчины.

Изслѣдованіе вѣса головного мозга гораздо легче, чѣмъ его формы, но установленіе основныхъ цифровыхъ данныхъ дѣло не легкое и здѣсь, и еще труднѣе ихъ критическая оцѣнка. И въ данномъ случаѣ только очень многочисленныя изслѣдованія могутъ привести къ солиднымъ цифрамъ общей цѣнности, при условіи исключенія, по возможности, такихъ матеріаловъ, которые, вслѣдствіе болѣзненныхъ явленій, могли бы привести къ ошибочнымъ выводамъ. Для этихъ изслѣдованій благоприятно только то обстоятельство, что существенныхъ измѣненій въ головномъ мозгу не вызываютъ даже продолжительныя болѣзни организма, если только онѣ не поражаютъ самый мозгъ, и даже общее исхуданіе, папримѣръ, очень мало вліяетъ на вѣсъ головного мозга.

Данныя, получаемыя различными авторами, болѣею частью не поддаются непосредственному сравненію между собой, такъ какъ не всѣ авторы примѣняютъ одинъ и тотъ же способъ взвѣшивания (принимаются или не принимаются въ расчетъ мозговые оболочки и жидкость внутреннихъ мозговыхъ полостей) и не всѣ держатся одинаковыхъ взглядовъ на предѣлы нормальнаго. Впрочемъ, при всемъ различіи добытыхъ такимъ образомъ чиселъ, взаимное отношеніе ихъ у разныхъ авторовъ въ общемъ совпадаетъ. Но все же нижеслѣдующія данныя, которыя опираются исключительно на недавно вышедшія въ свѣтъ изслѣдованія Маршана, — являютъ самыми обстоятельными среди изслѣдованій такого рода и отвѣчаютъ самымъ строгимъ требованіямъ также и

въ отношеніи тщательнаго выбора матеріала, исключаящаго объекты, болѣзненно измѣненные. Исслѣдованія Маршана обнимаютъ собой 1,234 взвѣшиванія и, будучи произведены въ Марбургѣ-на-Л., даютъ, слѣдовательно, числа, дѣйствительныя для населенія сѣверной Германіи. Отмѣтимъ еще также, что данныя, полученные Ретциусомъ на основаніи взвѣшиванія 700 мозговъ, отличаются отъ данныхъ Маршана приблизительно всего на $\frac{1}{2}$ процента, такъ что средніе выводы изъ нихъ могутъ быть разсматриваемы, какъ результатъ почти 2,000 взвѣшиваній.

Средній вѣсъ всѣхъ нормальныхъ мозговъ взрослыхъ лицъ составляетъ, согласно этимъ даннымъ, 1,388 граммовъ для мужчины и 1,252 грамма для женщины; но на этотъ результатъ оказало свое вліяніе то обстоятельство, что въ болѣе или менѣе преклонномъ возрастѣ вѣсъ мозга довольно значительно уменьшается (въ среднемъ, приблизительно, до 100 граммовъ). Если же совсѣмъ исключить пожилыхъ индивидуумовъ, то получится, по Маршану, средній вѣсъ для возраста отъ 15 до 50 лѣтъ для мужчины 1,405, или круглымъ числомъ 1,400 грам., для женщины 1,275 грам.; этими числами мы впредь и будемъ руководиться, Вѣсъ мозга на 16-мъ году жизни еще не достигаетъ, правда, полной высоты, но дальѣйшее увеличеніе очень незначительно. Изъ этого слѣдуетъ, — и въ этомъ сходятся всѣ авторы, — что абсолютный вѣсъ мужского мозга значительно превышаетъ абсолютный вѣсъ женскаго.

Однако, сравнивать непосредственно эти цифры вѣса нельзя, такъ какъ женщина вѣдъ вообще меньше мужчины. Слѣдовательно, намъ остается сравнивать относительный вѣсъ головного мозга, а для этого въ нашемъ распоряженіи существуютъ три пути: сравненіе съ длиною тѣла, сравненіе съ вѣсомъ тѣла и сравненіе индивидуумовъ одинаковаго роста.

Первый способъ долженъ быть признанъ съ самаго начала неправильнымъ, такъ какъ длина тѣла опредѣляетъ только одно измѣреніе, а вѣсъ основанъ на протяженіи трехъ измѣреній. Несмотря на это, исслѣдованія неоднократно производились этимъ способомъ. Разумѣется, полученныя числа оказались различными, въ зависимости отъ того, каковъ былъ матеріалъ исслѣдованій. Если мы возьмемъ отношеніе между цифрами Маршана и средней длиною тѣла по Фитцнеру (166 и 155 сантим.), то мы получимъ на сантиметръ длины тѣла 8,46 граммовъ мозгового вещества у мужчины и 8,23 грамма у женщины; относительный вѣсъ женскаго мозга окажется, слѣдовательно, меньше. Впрочемъ, у отдѣльныхъ индивидуумовъ числа очень сильно колеблются — по Маршану, у мужчины между 7,7 и 8,8 грам., у женщины — между 7,6 и 8,0 грам.

Правильнѣе будетъ сравнивать вѣсъ мозга съ вѣсомъ тѣла, такъ какъ при этомъ мы будемъ имѣть дѣло съ величинами одинаковыхъ измѣреній. Принимая приведенныя вначалѣ среднія числа вѣса тѣла (65 и 54 килогр.), мы получимъ, что у мужчины приходится на одинъ килограммъ вѣса тѣла 21,6 граммовъ мозгового вещества, у женщины — 23,6 грам., и этимъ установимъ — повидимому, безспорно, — что относительный вѣсъ женскаго мозга больше; онъ окажется еще больше, если мы примемъ въ расчетъ, что въ женскомъ тѣлѣ жировая ткань играетъ зна-

чительно большую роль, чѣмъ въ мужскомъ, и что она имѣетъ очень слабое отношеніе къ нервной ткани. Въ виду этого слѣдовало бы, собственно, предварительно вычестъ изъ вѣса женскаго тѣла весь излишекъ его жировой ткани въ сравненіи съ мужскимъ тѣломъ, и тогда мы получили бы еще значительно болѣе относительный вѣсъ мозга у женщинъ.

Объясненіе этого перевѣса слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ томъ фактѣ, что масса женскаго тѣла меньше; въ первой главѣ I части было подробно разсмотрѣно вліяніе величины тѣла на величину мозга и показано, что малые организмы должны обладать относительно болѣебольшимъ мозгомъ. Остается нерѣшеннымъ только тотъ вопросъ, дѣйствительно ли разница въ 11 приблизительно килограммовъ вѣса тѣла соотвѣтствуетъ разницѣ вѣса мозга въ 130 граммовъ. Эллисъ полагаетъ, что для уравненія при болѣе значительной величинѣ тѣла вѣсъ мужскаго мозга надо было увеличить приблизительно на 2 процента, — быть можетъ, немного меньше, — т. е. на 28 граммовъ; но тогда относительное превосходство вѣса женскаго мозга все же останется почти неизмѣннымъ. Если мы примемъ для мужчины, согласно поправкѣ Эллиса, въ виду болѣе длинны его тѣла, вмѣсто 1,405 грам., вѣсъ мозга равнымъ 1,433 граммамъ, то и тогда на килограммъ вѣса его тѣла придется всего 22 грамма мозгового вещества, тогда какъ у женщины приходится 23,6 грам. на килограммъ вѣса тѣла. Но для учета этого фактора у насъ нѣтъ достаточно надежной точки опоры, къ тому же объясненіе и не такъ просто, — этимъ путемъ все равно не разрѣшить окончательно вопроса объ относительномъ вѣсѣ мозга.

Самъ Маршанъ говоритъ: „Разница между относительнымъ вѣсомъ при небольшой и при очень большой величинѣ тѣла крайне позначительна“. Его таблица, составленная сообразно величинѣ тѣла, даетъ для различныхъ величинъ довольно еще неравнобѣрные ряды чиселъ, такъ какъ самое число случаевъ все еще очень мало. Изъ его таблицъ можно установить, для всѣхъ возрастовъ свыше 20 лѣтъ, у мужчины — при величинѣ тѣла отъ 151 до 160 сант. — 1,326 грам., при величинѣ отъ 161 до 170 сант. — 1,391 граммъ, при величинѣ отъ 171 до 192 сант. — 1,404 граммовъ; Маршанъ самъ выводитъ для индивидуумовъ въ возрастѣ отъ 20 до 49 лѣтъ слѣдующія цифры: для мужчинъ отъ 139 до 160 сант. — 1,335 гр., отъ 161 до 170 сант. 1,405 гр., отъ 171 до 192 сант. — 1,422 гр.; для женщинъ отъ 126 до 150 сант. — 1,257 гр., отъ 160 сант. — 1,271 гр., отъ 161 до 180 сант. — 1,302 грамма. Средняя разница скорѣе больше той, которую принимаетъ Эллисъ.

Самый правильный путь — безспорно, путь сравненія лицъ одинаковаго, по возможности, тѣлосложенія. Но онъ представляетъ свои трудности въ отношеніи выбора величинъ, подходящихъ для сравненія. Вѣсомъ мы воспользоваться не можемъ, такъ какъ при этомъ ошибка, обусловливаемая болѣебольшимъ обиліемъ жировой ткани въ женскомъ тѣлѣ, оказалось бы еще болѣе помѣхой, чѣмъ въ прежде разсмотрѣнномъ способѣ, — но на этотъ разъ не въ пользу женскаго пола. Вдобавокъ, опредѣленія вѣса пациентовъ, умершихъ въ больницѣ, не могутъ имѣть никакой практической цѣнности въ виду предшествовавшей болѣзни. Остается, слѣдовательно, только опредѣленіе длины тѣла и сравненіе между собою лицъ одинаковаго роста. А что при этомъ придется сравнивать только одну величину перваго измѣренія съ величиною третьяго, — отъ этого ошибка будетъ невелика, потому что лица одинаковаго роста отличаются приближи-

тельно одинаковыми пропорціями, какъ мы это видѣли въ началѣ настоящей главы.

При этомъ способѣ таблицы Маршана свидѣтельствуютъ, что для всѣхъ величинъ тѣла безъ исключенія вѣсъ женскаго мозга менѣе значителенъ, чѣмъ вѣсъ мужскаго соответственныхъ величинъ тѣла. При изслѣдованіи всѣхъ соотвѣстныхъ величинъ тѣла. При изслѣдованіи всѣхъ возрастовъ, начиная съ 20-тилѣтнаго возраста, получается, для величины тѣла отъ 150 до 160 сант. средней, вѣсъ мозга у мужчины 1,326 грам., у женщины — 1,243 гр., для слѣдующаго класса — величины отъ 161 до 170 сант. у мужчины 1,391, у женщины 1,290 гр. (ср. также напечатанное выше петитомъ). Тѣ различія, какія могутъ быть обусловлены длиною тѣла, исчезаютъ передъ половымъ различіемъ. Женщина обладаетъ несомнѣнно и относительно меньшимъ мозгомъ, чѣмъ мужчина, и обуславливается это не величиною тѣла, а всей совокупностью особенностей женской организаціи. Все понятіе относительнаго вѣса мозга по отношенію къ вѣсу тѣла оказывается, такимъ образомъ, несостоятельнымъ и можетъ только дать поводъ къ заблужденіямъ. Если же принять въ расчетъ также и вѣсъ лицъ одинаковаго роста и, сообразно этому, вычислять относительный вѣсъ мозга, то, несомнѣнно, результатъ получится одинаково или даже еще больше не въ пользу мужчины.

Что разница въ вѣсѣ мозга представляетъ дѣйствительно половой признакъ, это видно уже изъ того, что она существуетъ съ самаго рожденія. Въ первые мѣсяцы жизни мозгъ имѣетъ, по расчетамъ на основаніи таблицъ Маршана, средней вѣсъ въ 395 граммовъ у мальчиковъ и въ 370 граммовъ у дѣвочекъ; разница составляетъ 6,3 процента, тогда какъ разница вѣса тѣла составляетъ приблизительно 4 процента, а разница длины тѣла всего около 2 процентовъ. Особенно поразителенъ въ этомъ отношеніи случай, сообщенный Вальдейеромъ: пара близнецовъ разнаго пола, одинаково развитые, оба длиною по 400 миллиметровъ, и изъ нихъ дѣвочка, несмотря на нѣсколько большій вѣсъ тѣла (1,188 гр. противъ 1,186 гр.), имѣла болѣе легкій мозгъ (165 гр. противъ 175 гр.).

Но если фактъ абсолютно и относительно меньшаго вѣса женскаго мозга и несомнѣненъ, все же было бы совершенно неосновательно заключать изъ одного этого о меньшихъ умственныхъ способностяхъ женщины, такъ какъ подобные грубые методы изслѣдованія не даютъ намъ права на это. Еще Маршанъ указывалъ на то, что меньшій размѣръ женскаго мозга обуславливается, быть можетъ, болѣею тонкостью его нервныхъ элементовъ; такъ или иначе, микроскопически это еще не доказано, и выяснитъ это вполнѣ будетъ нелегко. Однако, по аналогіи нельзя не указать на то, что и глазное яблоко, и ушной лабиринтъ у женщины тоже нѣсколько меньше, чѣмъ у мужчины, — и все же отъ этого оба аппарата ни въ одномъ отношеніи не менѣе остры и не хуже функционируютъ у женщины, чѣмъ у мужчины. Другая и, пожалуй, главная причина дѣйствительно менѣе развитаго женскаго мозга кроется въ томъ, что женская мускулатура развита слабѣе.

Произвольныя движенія вызываются и направляются корой большаго мозга, и величина даннаго участка коры, такъ же

какъ и масса исходящихъ изъ нея нервныхъ волоконъ, зависитъ отъ массы мускуловъ. Занимающій насъ здѣсь участокъ коры составляетъ область центральной извилины, имѣющей, какъ мы уже указывали, относительно малую величину у женщины. Къ умственнымъ способностямъ данный участокъ имѣетъ отношеніе постоянно, поскольку онъ оказываетъ вліяніе на физическую ловкость, на тѣ сферы дѣятельности и представленій, въ которыхъ она играетъ выдающуюся роль. Въ техническихъ искусствахъ, въ дѣлѣ изобрѣтенія машинъ имеханическихъ приспособленій всякаго рода, но также и въ абстрактныхъ наукахъ, основанныхъ на представленіи пространства и оттого связанныхъ въ своемъ физиологическомъ корпѣ съ физической дѣятельностью, — какъ, напримѣръ, геометрія и математика вообще, — женщина по своей природѣ всегда будетъ отставать отъ мужчины. Въ этомъ, быть можетъ, кроется и объясненіе того факта, что среди всѣхъ изящныхъ искусствъ — въ области музыки женщина создала меньше всего, такъ что среди болѣе или менѣе крупныхъ композиторовъ нельзя пайти ни одного женскаго имени; музыка неразрывно связана со способностью движенія и ритма, а именно органы этихъ способностей, какъ это ни кажется изумительнымъ, менѣе развиты у женщины.

Если мы теперь закончимъ обзоръ частныхъ и охватимъ всю совокупность вторичныхъ половыхъ признаковъ, то мы въ правѣ будемъ попытаться сдѣлать дальнѣйшую группировку ихъ, хотя мы и должны согласиться, что она, съ одной стороны, еще содержитъ въ себѣ остатки субъективныхъ воззрѣній, какъ и всякое обобщеніе, и потому должна остаться доступной критикѣ и поправкамъ, — а съ другой стороны, что каждый отдѣльный признакъ можно, въ большинствѣ случаевъ, разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія, и оттого границы группировки не могутъ быть рѣзко очерчены. Наша группировка совпадаетъ, до извѣстной степени, съ упомянутой въ началѣ главы группировкой Эллиса, но не соответствуетъ ей.

Въ первой группѣ мы объединяемъ всѣ признаки, имѣющіе близкое отношеніе къ самой половой дѣятельности и являющіеся вслѣдствіе этого связующимъ звеномъ съ первичными половыми признаками. Особенности второй группы удачно выражены въ опредѣленіи Эллиса, характеризующаго ихъ, какъ „свойства, рѣзче отличающія одинъ полъ отъ другого и этимъ дѣлающія ихъ привлекательнѣе другъ для друга“. Третья группа обнимаетъ собой признаки, обусловливающіе, говоря кратко, большую физическую слабость женщины.

Къ первой группѣ вторичныхъ признаковъ мы относимъ прежде всего характерное развитіе грудныхъ железъ (разъ мы не включаемъ ихъ въ число первичныхъ половыхъ признаковъ) и различіе костнаго таза у мужчины и у женщины. Но это послѣднее находится, въ свою очередь, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ признаковъ. Такъ, напримѣръ, большая ширина женскаго таза прямо обусловливаетъ собой форму и постановку бедра и такъ называемую физиологическую Х-подобную форму ногъ. Съ другой стороны, пропорціи туловища объясняются анатомическими условіями организма во время беременности; сюда относятся размѣръ и форма живота, изгибъ позво-

ночного столба и степень наклопа таза, — быть может, также болѣе обильный слой жира, какъ запасной матеріаль. Относительно небольшой размѣръ женской грудной клѣтки также отчасти можетъ быть объясненъ большимъ пространствомъ, занимаемымъ животомъ; но такъ какъ это сопряжено въ сущности съ болѣе слабой дѣятельностью дыханія, то это явленіе должно быть отнесено, слѣдовательно, къ нашей третьей группѣ. Но большая ширина нижняго діаметра женской грудной клѣтки, не изуродованной корсетомъ, должна быть причислена во всякомъ случаѣ къ этой же группѣ.

Вторая группа наша включаетъ тѣ особенности, которыя создали самое понятіе вторичныхъ половыхъ признаковъ и которыми обуславливаются также очевидныя различія половъ у высшихъ животныхъ; они представляютъ собой, такъ сказать, украшенія половъ, предназначенныя производить на другой полъ впечатлѣніе привлекательности и красоты. Такимъ образомъ, и они косвенно служатъ дѣлу размноженія. Къ нимъ относятся различія въ строеніи гортани и въ голосѣ, волосяной покровъ, — пожалуй, также цвѣтъ кожи и глазъ. Различія физической силы обоихъ половъ несомнѣнно также вліяютъ въ этомъ смыслѣ, но такъ какъ они первоначально вызваны не этой причиной, то это позволяетъ отнести ихъ къ особой группѣ.

Къ этой третьей группѣ, элементы которой обуславливаютъ собой меньшую физическую работоспособность, болѣе слабое развитіе у женщинъ способности совершать различныя движенія, слѣдуетъ отнести прежде всего меньшій размѣръ женскаго тѣла. Имъ объясняется относительная величина отдѣльныхъ внутреннихъ органовъ. Но въ немъ же кроется также объясненіе разницы пропорцій мужскаго и женскаго тѣла, меньшая (хотя правда, незначительно) длина нижнихъ конечностей и замѣтно-меньшая длина верхнихъ конечностей. Всего ярче выражается признакъ всей группы въ развитіи мускулатуры; слабость женской мускулатуры обуславливаетъ собой болѣе нѣжный скелетъ и менѣе сильное развитіе мозга, а также менѣе интенсивное сгораніе веществъ, что объясняетъ намъ менѣе сильное развитіе грудной клѣтки и дыхательнаго аппарата, такъ же какъ и меньшее количество носителей кислорода въ составѣ крови — красныхъ кровяныхъ тѣлецъ.

Этимъ можетъ быть объяснено также болѣе слабое развитіе челюстного аппарата, но это послѣднее связано еще и съ другимъ фактомъ: слабость мускулатуры отводитъ женщинѣ менѣе активную роль въ физической борьбѣ за существованіе, въ опасныхъ борьбахъ съ врагами — звѣрями и людьми, а въ этой физической борьбѣ большую защиту для мужчины представляетъ болѣе сильное развитіе бровныхъ дугъ, но, какъ орудіе, не лишено значенія и болѣе сильное развитіе челюстного аппарата. Говоря о борьбѣ, мы должны представлять себѣ не современную войну съ дальнобойнымъ огнестрѣльнымъ орудіемъ, — мы должны принять во вниманіе, что культурная эпоха человѣчества представляетъ крайне малый промежутокъ времени въ сравненіи съ огромнымъ промежуткомъ времени, какой необходимъ для преобразованія видовъ. Этимъ объясняется то, что даже цивилизованный мужчина кое въ чемъ еще остается ближе къ животному,

въ особенности къ обезьянѣ, чѣмъ женщина, — что онѣ обнаруживаетъ „питекоподобныя“ черты, къ которымъ можетъ быть причислена, помимо развитія скелета лица, также длина конечностей.

Эта меньшая сила физическаго развитія не ограничивается одной бѣлой расой; она наблюдается, хотя и въ меньшей степени, и у древнихъ расъ, даже тамъ, гдѣ нѣкоторые виды физическаго труда, какъ, напримѣръ, земледѣліе, лежатъ преимущественно на женщинѣ. Женщина всегда ростомъ меньше мужчины (нрѣдка встрѣчающіяся противоположныя данныя должны быть объяснены, повидимому, недостаточнымъ количествомъ изслѣдованій), и дѣятельность, требующая особенной силы и ловкости и быстроты, какъ, напр., охота и война, всегда является обязанностью мужчины.

Въ этихъ глубокихъ различіяхъ половъ мы должны усмотрѣть результатъ приспособленія ихъ къ различнымъ задачамъ ихъ въ общей экономіи живой природы и въ особенности человѣческаго рода, — и въ сочиненіяхъ почти всѣхъ авторовъ, писавшихъ по этому вопросу, мы встрѣчаемся съ этой идеей. Въ частности, причина меньшей двигательной дѣеспособности женщины можетъ быть усмотрѣна, какъ мы уже упоминали въ первыхъ главахъ предыдущей части, въ продолжительности періода человѣческаго развитія. Продолжительность беременности обуславливаетъ собой даже и у дикихъ народовъ извѣстное бережное отношеніе къ женщинѣ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, а долгая безпомощность развивающагося человѣка, необходимость надзора за потомствомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и его воспитанія приковываютъ женщину къ дѣтямъ со стихійной силой закона природы и препятствуютъ свободной дѣятельности внѣ семьи, именно въ пору самаго крѣпкаго возраста. Не умственыя, а физическія требованія предъявляются къ женщинѣ меньшія, вслѣдствіе тѣсныхъ отношеній ея къ нарождающему поколѣнію, и эти требованія должны были создать особыя отличія въ женскомъ организмѣ.

На мужчинѣ лежитъ обязанность — въ виду самаго физическаго развитія его — добывать пищу и защищать семью отъ внѣшнихъ опасностей; на женщинѣ — забота о домѣ и о развивающемся потомствѣ. Высшее отличіе человѣка отъ животнаго — его разумъ — обуславливаетъ въ то же время продолжительность его дѣтства и необходимость сохраненія того подраздѣленія человѣчества на сильный и слабый полъ, которое такъ часто оспаривается въ настоящее время, но имѣетъ твердое біологическое основаніе.

* * *

Въ дополненіе къ изложенному въ настоящей главѣ приведемъ еще нѣсколько замѣчаній о половыхъ различіяхъ и объ оцѣнкѣ половъ. Намъ кажется это тѣмъ болѣе умѣстнымъ и полезнымъ, что въ этихъ вопросахъ существуетъ много гипотезъ, которыя люди неподготовленные принимаютъ за непреложныя факты, не подлежащія никакому сомнѣнію. Мы хотимъ рассмотреть здѣсь, въ какой мѣрѣ законно проповѣдывать взгляды въ родѣ нижеслѣдующихъ.

Съ очень рискованными утверждениями выступаетъ, напримеръ, Гавелоккъ Эллисъ:

„Человѣкъ также удаляется все больше и больше въ теченіе своей жизни отъ спеціального человѣческаго типа, который онъ обнаруживаетъ въ первые годы жизни, обезьяна же за свою недолгую жизнь подвергается въ гораздо большей степени вырожденію и преждевременному старчеству. Обезьяна вступаетъ въ жизнь съ богатыми человѣческими задатками, отъ которыхъ сильно удаляется на протяженіи жизни; человѣкъ рождается съ еще болѣе богатыми человѣческими, даже сверхъ-человѣческими задатками и тоже удаляется мало-по-малу, хотя и менѣе значительно, отъ дѣтскаго типа, приближаясь больше къ обезьяньему. У высшихъ млекопитающихъ, — у человѣка и обезьяны, существуетъ, повидимому, до рожденія и нѣкоторое время послѣ него быстрое и энергичное стремленіе въ сторону восходящей зоологической линіи развитія, а затѣмъ наступаетъ періодъ, когда зародышевое или дѣтское развитіе совершается уже не по восходящей линіи, а устроено такъ, что соответствуетъ особымъ потребностямъ жизни вида; такимъ образомъ, вся жизнь, начиная съ этого періода, протекаетъ главнымъ образомъ путемъ развитія низшаго порядка, представляя постепенное движеніе въ сторону вырожденія и одряхлѣнія, необходимыхъ однако для сохраненія и устойчивости какъ вида, такъ и индивидуума. Можно сказать, пожалуй, что зародышевое развитіе, совершающееся въ защищенныхъ отъ внѣшняго міра условіяхъ, является собой — взятое абстрактно — тенденцію движенія вверхъ, послѣ же рожденія все дальнѣйшее развитіе состоитъ только въ конкретномъ приспособленіи къ окружающей средѣ, лишенномъ какого бы то ни было стремленія къ прогрессивному зоологическому развитію“.

„По нѣкоторымъ своимъ признакамъ взрослый европеецъ, несомнѣнно, всего дальше отошелъ отъ обезьяны и отъ первоначальнаго человѣческаго типа, съ одной стороны, и дѣтскаго типа, съ другой“.

„Что взрослый мужчина представляетъ гораздо большее уклоненіе отъ дѣтскаго типа, чѣмъ взрослая женщина, — въ общемъ вполнѣ вѣрно. Чтобы правильно оцѣнить значеніе близости женской организаціи къ дѣтской, мы должны составить себѣ ясное понятіе о томъ положеніи, которое занимаетъ ребенокъ у человѣка и родственныхъ ему видовъ животныхъ. Мы уже указывали на тотъ поразительный фактъ, что челоѣкообразная обезьяна гораздо ближе стоять къ челоѣку въ младенческомъ возрастѣ, чѣмъ въ зрѣломъ, т. е. что обезьяна въ грудномъ возрастѣ стоитъ на скалѣ развитія выше, чѣмъ взрослая обезьяна, а самка обезьяны, благодаря своей большей близости къ дѣтскому типу, нѣсколько выше взрослого самца. Грудной ребенокъ занимаетъ въ своей породѣ то же мѣсто, что грудной дѣтенышъ обезьяны въ своей, — откуда слѣдуетъ, что новорожденный челоѣкъ занимаетъ также соответствующее положеніе и па пути прогрессивнаго развитія своей расы“.

„Если мы обратимся къ разслѣдованію высшаго человѣческаго типа, каковымъ признаются гениальные люди, то мы найдемъ въ немъ поразительное сходство съ дѣтскимъ типомъ.“

Геніальные люди бываютъ обыкновенно небольшого роста, обладаютъ умѣреннымъ головнымъ мозгомъ и общимъ выраженіемъ лица, какъ и своимъ темпераментомъ, напоминаютъ ребенка“.

„У человѣка, начиная приблизительно съ третьяго года жизни, дальнѣйшій ростъ означаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ переходъ къ вырожденію и одряхлѣнію“.

„Надо замѣтить еще, что, по даннымъ многими изслѣдователями, ученый, къ типу котораго сильно приближается современный человѣкъ, занимаетъ какъ физически, такъ и психически, среднее мѣсто между типомъ женщины и типомъ средняго мужчины. На всемъ протяженіи культурнаго развитія мы видимъ, что мужчина все больше приближается къ женщинѣ и съ большей энергіей, большей глубиной и часто съ большей эксцентричностью овладѣваетъ сферой ея дѣятельности“.

Г. Эллисъ стоитъ, слѣдовательно, на той точкѣ зрѣнія, что болѣе индифферентное устройство ребенка представляетъ собой наиболѣе чистый человѣскій типъ, — принимая, такимъ образомъ, незаконченное развитіе формы за самый типъ, который будто бы переходитъ въ вырожденіе и дряхлость приблизительно съ третьяго года жизни. Почему именно съ третьяго года, а не со втораго или съ четвертаго, пятаго, — этого онъ не говоритъ, хотя любопытство читателя возбуждается именно на этомъ пунктѣ и ждетъ обстоятельнаго объясненія. Вѣдь органическій типъ долженъ характеризоваться ясно выраженными для нашихъ чувствъ признаками, а ихъ-то названный авторъ и не приводитъ. Если стать на анатомическую точку зрѣнія, то типъ всѣхъ живыхъ существъ и, разумѣется, также и человѣка долженъ представляться въ самомъ чистомъ видѣ въ томъ періодѣ, когда организмъ достигаетъ своего расцвѣта, т. е. завершаетъ свой ростъ и достигаетъ половой зрѣлости и той ступени умственнаго развитія, которая дѣлаетъ его способнымъ вести съ успѣхомъ борьбу за существованіе. Въ той формѣ, въ которой тѣло, по Эллису, переходитъ уже въ состояніе вырожденія и одряхлѣнія, оно тѣмъ не менѣе всего лучше отвѣчаетъ главному требованію природы, цѣлью которой является, конечно, прежде всего сохраненіе вида, а не демонстрація незаконченной формы. Передъ приведеннымъ фактомъ отступаютъ, конечно, на задній планъ всѣ остальные виды дѣятельности организмовъ, и, слѣдовательно, мысль Эллиса о томъ, что дѣтство представляетъ чистѣйшій типъ человѣскій, несостоятельна.

По вопросу о вторичныхъ половыхъ признакахъ высказался недавно О. Шульце. Его взглядъ заключается въ томъ, что менструація, вслѣдствіе вызываемаго ею ослабленія, представляетъ существенную причину того факта, что женщина уступаетъ мужчинѣ въ развитіи мускулатуры и что ея органы остаются большею частью ближе къ дѣтскому типу. Млекопитающія, за исключеніемъ обезьяны, не имѣютъ менструаціи, и потому будто бы у нихъ (за исключеніемъ домашнихъ животныхъ) вторичные половые признаки, поскольку рѣчь идетъ о разницѣ мускулатуры и силы, далеко не такъ рѣзко отличны, какъ у человѣка. Но вторичные половые признаки очень явственно выражены и у дикихъ животныхъ, копытныхъ и хищныхъ (оленей, козулей, львовъ), что же ка-

сается самокъ (лишенныхъ менструаціи), то надо замѣтить съ одной стороны, что пора точки далеко не такъ отступаетъ на нихъ физически, какъ на самцахъ, и тѣмъ не менѣе онѣ меньше и слабѣе, — съ другой же стороны, самка часто и превосходитъ самца величиной и силой (насъкома). Это доказываетъ, что величина ихъ не первично одинакова, а представляетъ собой приспособленіе къ тѣмъ или инымъ условіямъ жизни.

Что касается споровъ о большемъ или меньшемъ совершенствѣ того или другого пола — это рѣчи праздныя; съ естественно-научной точки зрѣнія, въ предѣлахъ своего вида и въ отношеніи задачи, поставленной каждому, оба они одинаково совершенны.

Въ предыдущей статьѣ былъ высказанъ взглядъ, къ которому нельзя не присоединиться: половыя различія были представлены по отношенію къ физической дѣеспособности, какъ функциональное приспособленіе къ раздѣленію труда въ интересахъ сохраненія рода. Прибавимъ, что половыя различія были приобретены не отъ ослабленія, а отъ раздѣленія труда.

Рис. 193. Дары Венеры. По картине А. Кановы.

Глава вторая.

Красота женщины.

(Прив.-доц д-ръ Юлій Вейссъ, Вѣна.)

Съ древнѣйшихъ временъ поэты всѣхъ народовъ воспѣвали женскую красоту. Гомеръ, напрымѣрь, всего ярче изобразитъ красоту Елены, говоря о томъ могущественномъ вліяніи, какое оказала она на совѣтъ старѣйшинъ. Гете рассказываетъ о томъ „потрясающемъ впечатлѣніи“, которое произвела на него, во время путешествія по Швейцаріи, прекрасная, дивно сложенная женщина: „Я говорю тебѣ о моихъ размышленіяхъ, а не о впечатлѣніяхъ, потому что у меня нѣтъ словъ, которыми я могъ бы изобразить тебѣ рядъ восхитительныхъ картинъ, которыя скромно и прилично развернула предо мной красавица“.

Я въ этомъ пышномъ бѣломъ тѣлѣ
Всѣ совершенства созерцаю —

говоритъ Фаустъ Мефистофелю, пораженный видѣніемъ Маргариты, мелькнувшимъ передъ нимъ въ „кухнѣ вѣдьмы“, и Мефистофель замѣчаетъ съ снисходительнымъ одобреніемъ:

Что жъ, если Богъ шесть дней трудился
И крикнуть „браво!“ самъ рѣшился —
Тутъ можно толку ожидать.

. . . . . Свои дары, какъ мать,
Предъ ней повергла щедрая природа —

говоритъ Байронъ въ „Донъ-Жуанѣ“ о доньѣ Джулинъ: —

Въ ея глазахъ и черныхъ, и большихъ
Огонь сверкала. Любовь и гордость чаще,

Чѣмъ ненависть и гнѣвъ, читаешь въ нихъ.
 (Не знаю я, что глазъ прелестныхъ слаще!)
 Порою сѣвобъ рѣснѣе ея густыхъ
 Просвѣчивалъ желанья лучъ палачій...

Змѣей вилась коса ея густая.
 Какъ радуга, ея сгибалась бровь,
 Дышала въ ней восторженность живая,
 Какъ молнія, въ ней пробѣгала кровь,
 Прозрачный блескъ на лобъ ея бросался;
 Прильеть, горя, и вотъ отхлынетъ вновь.

Сложенъе, статность, ростъ, — все въ ней плѣвняло.
 (Сложенныхъ дурно женщинъ чту я мало.)

И въ другомъ мѣстѣ (о султаншѣ, пѣснь V) —

Красы ея не въ силахъ описать я,
 И лучше — я стихомъ бы ослѣплялъ:
 Словами невозможно дать понятя
 О совершенствѣ. Свѣтлый идеаль
 Лишь можетъ рисовать воображенъе,
 А потому и слово безъ значенья.
 Служа красѣ, мы идеалу служимъ.

Часто мы встрѣчаемъ сравненія женской красоты съ прекрасными произведеніями природы:

Ея рука на груди обнаженной
 Для стѣвъ словеновой кости — злой таранъ...
 Румянецъ твой такъ пѣженъ, что лилія блѣдны
 Отъ зависти — и розы смущены...

(Шекспиръ, „Дукреція“ и „Венера и Адонисъ“.)

Извѣстенъ гимнъ, который поеть Гейне женской красотѣ въ стихотвореніи „Пѣснь пѣсней“:

Да, тѣло женское есть пѣснь —
 Высокая пѣснь пѣсней;
 Упругихъ членовъ — пѣсни строфъ —
 Что можетъ быть чудеснѣй?
 А шея! Сколько мыслей въ ней,
 И какъ построено ловко
 На ней поэмы главный смыслъ —
 Кудрявая головка!
 Какъ остроумія полны
 Бутоны груди чудной!
 Какъ много дивной красоты
 Въ цезурѣ междугрудной!

Даже великіе художники слова испытываютъ затрудненія передъ задачей описанія тѣлесной красоты. Вотъ почему Лессингъ не безъ основанія считалъ художниковъ лучшими выразителями и пѣвцами женской красоты. Вотъ что онъ говорить по этому поводу въ своемъ „Лаокоонѣ“:

„Тѣлесная красота составляется изъ согласнаго впечатлѣнія, производимаго совокупностью многихъ различныхъ частей, когда ихъ можно объять глазомъ одновременно. Она требуетъ, слѣдовательно, какъ неперемѣннаго условія, чтобы эти части расположены были рядомъ; а такъ какъ эта возможность дана только живописи, то и воспроизводить тѣлесную красоту можетъ только живопись, она одна“.

Наряду съ живописью заслуживаетъ быть поставлеца скульптура. Она еще правдивѣе и серьезнѣе, потому что она не терпитъ ни шутовства, ни дурачества, ни смѣшного и очень рѣдко допускаетъ комизмъ. Мраморъ не смѣется, говорилъ Дидро.

Оцѣнкой и критикой женской красоты занимались, помимо поэтовъ, и ученые различныхъ специальностей. Въ сочиненіяхъ философовъ, въ особенности изучавшихъ теорію красоты (эстетику), въ трудахъ по всеобщей исторіи и особенно по исторіи искусствъ, даже въ сочиненіяхъ по вопросамъ здоровья (гигіены) и, наконецъ, по общественно-политическимъ наукамъ мы находимъ множество наблюденій и соображеній, изъ которыхъ можно вывести законы, могущіе служить масштабомъ красоты формъ женскаго тѣла.

Докторъ Штраutzъ впервые примѣнилъ къ оцѣнкѣ женской красоты новый методъ, — методъ исключенія явныхъ недостатковъ тѣлесныхъ формъ. Этимъ методомъ воспользуемся и мы.

Многіе ученые пытались установить типъ такъ называемой нормальной фигуры. Правила извѣстной соразмѣрности фигуры называются канонами, а мѣра, принятая за основную, называется модулемъ. Египетскій канонъ принимаетъ за модуль длину средняго пальца, длина котораго должна равняться будто бы девятнадцатой части длины всего тѣла. Другія системы принимаютъ извѣстное соотношеніе между длиной всего тѣла и различными другими частями его. Извѣстнѣе другихъ канонъ Поликлета, согласно которому лицо составляетъ десятую часть, а голова восьмую часть общей длины тѣла. Въ послѣднее время пытались найти другой способъ опредѣленія нормальной фигуры, вывода путемъ сравненія наиболѣе большого числа размѣровъ отдѣльныхъ частей тѣла средней нормальной фигуры для каждаго возраста и пола и каждой народности. Такъ, напримѣръ, американскій ученый Сарджентъ (Sargent) произвелъ измѣренія двухъ тысячъ юношей и дѣвушекъ въ возрастѣ 20 лѣтъ и изготовилъ по среднимъ размѣрамъ двѣ глиняныя модели, бывшія на выставкѣ въ Чикаго.

Наибольшій успѣхъ имѣлъ методъ берлинскаго анатома Г. Фритша, принявшаго за модуль длину линіи между нижнимъ концомъ носа и верхнимъ краемъ лоннаго сращенія при абсолютно прямомъ перпендикулярномъ положеніи тѣла.

Точныя сравнительныя измѣренія хорошо сложенныхъ лицъ даютъ всегда одинаковыя цифры. Чтобы примѣнить эти нормальныя данныя къ другимъ фигурамъ, т. е. проверить правильность ихъ сложенія, надо производить измѣренія по установленнымъ опредѣленнымъ линіямъ, проходящимъ между точками, неизмѣнно опредѣляемыми костнымъ скелетомъ и сочлененіями. Такія точки и линіи указаны Фритшемъ въ его системѣ измѣреній.

Формы человѣческаго тѣла складываются еще въ утробѣ матери. Различныя неправильности развитія, происходящія либо отъ вѣтшнихъ вліяній, либо отъ неизвѣстныхъ намъ внутреннихъ причинъ, могутъ нарушить равномерное дальнѣйшее развитіе тѣла. И эти разстройства приводятъ или къ частичнымъ уродливостямъ, или къ мертворожденіямъ, или къ смерти младенца тотчасъ послѣ рожденія.

Волѣзани въ младенческомъ возрастѣ и въ первые годы дѣт-

ства вызывают всевозможныя неправильности роста формъ различныхъ частей тѣла. Такъ, напримѣръ, англійская болѣзнь является причиной искривленій берцовыхъ костей, которыя бываютъ иногда такъ значительны, что между ногами, плотно придвинутыми одна къ другой колѣнами, и ступнями образуется отверстие въ формѣ буквы О. Иногда та же болѣзнь причиняетъ искривленія не внутрь, а наружу, въ колѣнномъ сочлененіи, такъ что ноги принимаютъ форму буквы Х. Нѣкоторыя искривленія позвоночника, результатъ рахита, являются слѣдствіемъ ненормальной мягкости позвонковъ.

Продлѣнимъ ходъ развитія поворожденнаго. Чѣмъ плѣсообразнѣе питается младенецъ, чѣмъ здоровѣе получаемый имъ необходимый питательный матеріалъ (бѣлокъ, жиръ, углеводы, соли), наилучше усвояемый его тѣломъ (первое мѣсто здѣсь занимаетъ женское молоко, грудь матери или кормилицы), тѣмъ равномернѣе совершается его тѣлесное развитіе. Кожа пріобрѣтаетъ здоровый цвѣтъ и плотно обтягиваетъ лежащая подъ ней части, жиръ откладывается подъ ней равномернымъ слоемъ, особенно во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ кожа покрываетъ кости, не имѣя подъ собой соотвѣтственнаго слоя мяса (мышцъ, мускуловъ). Самые мускулы нарастаютъ все болѣе толстыми и упругимъ слоемъ, благодаря чему округляются всѣ выступающія части, заполняются всѣ впадины и сглаживаются складки. Если же питательнаго матеріала доставляется недостаточно или же оное неудовлетворительно качественно, такъ что организмъ не получаетъ какихъ-нибудь питательныхъ составныхъ частей, то тѣло питается плохо, задерживается ростъ, формы становятся некрасивыми и тѣло негармоничнымъ.

Разумѣется, это относится не только къ младенческому и дѣтскому возрасту, но и къ позднѣйшему, такъ какъ всякое разстройство питанія, всякое болѣе или менѣе серьезное заболѣваніе вліяютъ въ большей или меньшей степени на измѣненія полноты тѣла и его формъ.

Нѣкоторыя уродливости, образующіяся въ тѣлѣ въ теченіе періода роста и въ болѣе позднемъ возрастѣ, вызываются особыми условіями образа жизни и профессіи. Неправильное сидѣніе на школьныхъ партахъ производитъ искривленія позвоночнаго столба, продолжительное стояніе вызываетъ плосконость (плоская стопа) и Х-образную форму ногъ такъ же, какъ и рахитъ; такія же послѣдствія влечетъ за собой пребываніе въ спертыхъ воздухѣ мастерскихъ, въ плохо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, такъ какъ это вызываетъ малокровіе и блѣдную немочь, какъ это наблюдается часто у дѣвушекъ, отправляемыхъ на работу въ томъ возрастѣ, когда организмъ еще не сложился, — у портнихъ, модистокъ, корсетницъ, кухарокъ и т. д. Гибельное вліяніе оказываютъ въ особенности тѣ ядовитыя вещества, которыя проникаютъ въ организмъ работницъ при вдыханіи свицовой пыли, какъ это бываетъ въ типографіяхъ, на позументныхъ фабрикахъ и т. д. Молодые, цвѣтущія существа становятся малокровными, десны ихъ окаймляются сѣрой полоской, разстройства пищеваренія въ связи съ сильными болями въ животѣ, коліками, нарушаютъ правильное питаніе, — и бѣдныя созданія худѣютъ, теряя надолго не только здоровье, но и красоту.

Физическій трудъ самъ по себѣ не вреденъ для здоровья и красоты; самыя здоровыя и красивыя дѣвушки встрѣчаются среди несущихъ тяжелый трудъ крестьянскихъ дѣвушекъ и среди городской прислуги. Трудъ оживляетъ кровообращеніе, способствуетъ пищеваренію, укрѣпляетъ мускулы и — какъ гимнастика — благоприятствуетъ здоровью и красотѣ.

Особенно большое значеніе имѣетъ для женщины половая жизнь. Ко времени наступленія половой зрѣлости дѣвушка расцвѣтаетъ, какъ распускается розовый бутонъ. При благоприятныхъ общихъ условіяхъ питанія и здоровья вообще, формы развиваются и находятся въ полномъ расцвѣтѣ приблизительно до тридцатаго года жизни. Около этого времени начинается увяданіе, и оно прогрессируетъ постепенно изъ года въ годъ до критическаго момента, наступающаго, большей частью, между сороковымъ и сорокъ пятымъ годомъ жизни. Съ прекращеніемъ половой дѣятельности, наступаетъ пожилой возрастъ женщины-матроны, продолжающійся приблизительно отъ сорока пяти до шестидеяти лѣтъ, а затѣмъ наступаетъ старость. Таковъ процессъ развитія женской красоты въ нашихъ климатахъ; въ южныхъ странахъ онъ протекаетъ нѣсколько быстрее, въ сѣверныхъ — нѣсколько медленнѣе.

Существенное вліяніе оказываетъ на процессъ созрванія женской красоты функціи женщины, какъ матери. Каждые роды отнимаютъ у нея часть красоты; чѣмъ чаще и съ меньшими промежутками слѣдуютъ одни роды за другими, чѣмъ труднѣе они протекаютъ и чѣмъ болѣе усложняются болѣзненными процессами, тѣмъ болѣеишій ущербъ терпятъ видъ и формы женскаго тѣла. Въ какой мѣрѣ и какъ именно измѣняются и уродуются тѣ или иныя части тѣла, объ этомъ будетъ сказано ниже. Дѣло кормленія также оказываетъ свое вліяніе на красоту женскаго тѣла и прежде всего, что вполнѣ понятно, на груди. На общее же состояніе организма кормленіе дурно не вліяетъ и не только не ослабляетъ его, какъ думали прежде врачи, но, напротивъ, укрѣпляетъ, что слѣдуетъ приписать болѣе энергичному обмѣну веществъ вслѣдствіе лучшаго питанія въ періодъ кормленія.

Если исключить нѣкоторыя измѣненія живота и груди, то и беременность, какъ ни глубоко ея вліяніе на организмъ женщины, не причиняетъ никакого ущерба красотѣ, если только женщина имѣетъ возможность хорошо поправиться и окрѣпить послѣ перенесенныхъ родовъ и если до новой беременности организмъ отдыхаетъ, по меньшей мѣрѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ. Все подтверждаютъ, напротивъ, что радостное чувство обладанія ребенкомъ молодитъ женщину, и молодая мать расцвѣтаетъ очень часто еще пышнѣе.

Слишкомъ частые роды, быстро слѣдующіе одни за другими, въ связи съ выкидышами, сопряженными съ большой потерей крови, ужасающимъ образомъ изнуряютъ не только женщинъ рабочаго класса, вынужденныхъ тотчасъ послѣ родовъ возвращаться къ работѣ, но и женщинъ достаточныхъ классовъ; часто онѣ лѣтъ въ тридцать имѣютъ видъ истощенныхъ, измученныхъ пожилыхъ женщинъ, лишенныхъ какой бы то ни было женской привлекательности. Разумѣется, иногда попадаютъ исключенія изъ этого правила.

Какъ страшно разрушительно вліяютъ иногда, съ другой стороны, даже одни единственные роды, показываеъ примѣръ одной натурщицы, которая славилась своей красотой среди вѣнскихъ художниковъ и самымъ прискорбнымъ образомъ утратила ее послѣ рожденія одного ребенка. На рис. 194, представляющемъ ея фотографію, мы видимъ вяло повисшія груди, выступающія изъ-подъ кожи ребра, отвислый животъ съ явственными рубцами, слѣдами беременности. И при всемъ этомъ со стороны спины (рис. 195) ясно видны благородныя линіи былой красоты этой женщины. По прекраснымъ формамъ таза и бедеръ, сѣдалища и ляшекъ никакъ нельзя предположить, что это тѣло представляетъ спереди такой некрасивый видъ.

Самыя половыя сношенія, физическое общеніе съ мужчиной, нисколько не вліяетъ дурно на женщину, если оно совершается нормально. Опытные врачи не безъ основанія утверждаютъ, что женщины, чувственыя по темпераменту, утрачиваютъ красоту, если бываютъ вынуждены обходиться безъ половыхъ сношеній, и изумительно расцвѣтаютъ, когда представляется возможность для нихъ.

Рис. 194. Молодая женщина съ вяло повисшими грудями, отвислымъ животомъ и явственными рубцами послѣ первой беременности.

И правда, въ настоящее время врачи уже не смотрятъ на замужество, какъ на лучшее средство отъ блѣдной немочи, но что нѣкоторыя нервныя расстройства улучшаются и исчезаютъ въ бракъ, это — твердо установленный фактъ.

Но если половыя сношенія происходятъ ненормальнымъ порядкомъ, если они сопровождаются такъ называемыми извращеніями, то они оказываютъ безусловно вредное вліяніе не только на здоровье, но и на красоту женщины. Послѣдствіемъ такихъ прегрѣшеній противъ природы являются тяжелыя нервныя расстройства и истерія.

Помимо всякаго рода извращеній, немаловажное вліяніе на здоровье женщины и вмѣстѣ съ тѣмъ на ея красоту оказываютъ и совпаденіе, гармонія полового воспріятія обѣихъ сторонъ. Излишняя пылкость и страстность мужчины, требующія слишкомъ частаго общенія, такъ же губельны для здоровья и красоты женщины, какъ и половая вялость и недостаточное удовлетвореніе, испытываемое женщиной отъ полового общенія. Здѣсь не мѣсто для болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія этого вопроса; для этого отсылаю читателя къ главѣ „Половая жизнь мужчинъ“ (въ I части наст. тома) и къ послѣдующей главѣ „Половая жизнь женщины“.

Самое различное вліяніе оказываютъ

на формы тѣла многія болѣзни. Наиболѣе глубокія измѣненія производятъ тѣ болѣзни, процессъ которыхъ совершается преимущественно въ костяхъ. Сущность англійской болѣзни состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что кости усваиваютъ въ періодъ роста слишкомъ мало известковых солей, становятся мягкими, отчего и происходятъ самыя разнообразныя выгибы и искривленія. При разумномъ и умѣломъ уходѣ очень многія измѣненія, образующіяся въ раннемъ дѣтствѣ, часто вполне исчезаютъ впоследствии. Остающіяся же уродливости бываютъ, конечно, различной степени: иногда онѣ настолько существенныя, что замѣтны даже неопытному глазу подъ одеждой, иногда же настолько незначительны, что ихъ можетъ замѣтить только зоркій глазъ врача или художника.

Что касается послѣднихъ, нельзя не упомянуть, что даже выдающіеся художники кисти и рѣзца пользуются иногда, какъ это видно изъ ихъ произведеній, натурами, носящими явные слѣды болѣзненныхъ искаженій формъ. Напримѣръ, на рис. 196, изображающемъ прелестно сложенную фигуру въѣнки двадцати одного года, только острый глазъ изслѣдователя-врача различитъ на нижнихъ конечностяхъ явные слѣды перенесеннаго рахита, сказывающагося въ контурахъ утолщеннаго колѣннаго сочлененія и въ совершенномъ исчезновеніи нормальныхъ линій контуровъ между бедрами и голенью. Точно также, если внимательно взглянуть въ изображенную на рис. 197 фигуру натуры-цы-берлинки, можно замѣтить, что она представляетъ въ нижней трети своей легкой искривленіе, характеризующее результатъ рахита — ноги въ формѣ буквы О.

Наряду съ рахитомъ, чаще всего туберкулезъ бываетъ причиною различныхъ неправильностей фигуры. Прежде всего, залѣченный туберкулезъ часто надолго оставляетъ выпуклыя возвышенности позвонковъ. Костоѣда реберъ влечетъ за собой неравномѣрное вдавливаніе и углубленіе ихъ съ болѣе или менѣе замѣтными рубцами на кожѣ. Послѣдствіемъ самаго частаго вида туберкулеза, легочнаго, является мускульное истощеніе и неравномѣрное развитіе всего скелета груди, что особенно

Рис. 195. Та же женщина, что на рис. 194; видъ сзади.

Худож. изд. Рекнагея въ Мюнхенѣ.

Рис. 196. Прекрасно сложенная фигура въшии 21-го года, но со слѣдами рахита въ нижнихъ конечностяхъ.

явственно обнаруживается тогда, когда легочное заболѣваніе сопровождается воспалениями подреберной плевры (плевры), ведущими къ сращеніямъ между ребрами, подреберной плевой и легкими.

Но къ такимъ уродливостямъ ведутъ не только легочныя заболѣванія, сопровождающіяся явными болѣзненными явлениями: наследственное предрасположеніе къ туберкулезу также способствуетъ образованію некрасивыхъ формъ. Въ медицину существуетъ терминъ „habitus phthisicus“, — имъ характеризуется такое строеніе грудной кѣтки и верхнихъ шейныхъ частей, которое свидѣлствуетъ о наклонности къ туберкулезу легкихъ. Рис. 198 представляетъ образецъ такого строенія. Грудная кѣтка узка, длинна и плоска. Ключицы сильно выдаются впередъ. Мышечные пучки выдаются изъ-подъ кожи шеи двумя стержнями. Впадины надъ ключицами нѣсколько глубже, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ ни некрасива спереди фигура со впалыми глазами, съ выдающимися скулами, —

со стороны спины та же фигура при легкомъ поворотѣ лица назадъ и къверху (рис. 199) оказывается очень красивой. Недостатки грудной кѣтки и шеи въ этомъ положеніи не видны, а формы нижнихъ частей тѣла пластично красивы.

Родственнымъ туберкулезу является такъ называемый скрофулезъ (золотуха). Типичными для этой болѣзни являются дѣти, плохо растущія, съ красными вѣками, съ припухшимъ носомъ, со вздутыми на подобіе опухоли губами, съ припухлостями на обѣихъ сторонахъ шеи, тамъ, гдѣ лежатъ такъ называемыя лимфатическія железы. Золотуха свойственна преимущественно дѣтскому возрасту, но часто развивается и въслѣдствіи у взрослыхъ, какъ результатъ плохого питанія. Разумѣется, самая болѣзнь крайне уродуетъ формы тѣла; но и перенесенная въ дѣтствѣ болѣзнь часто оставляетъ послѣ себя на долгіе годы

некрасивые слѣды въ видѣ рубцовъ вдоль нижняго края челюсти и на обѣихъ сторонахъ шеи.

Замѣтимъ тутъ же, впрочемъ, что такія припухлости шейныхъ железъ часто встрѣчаются у очень молодыхъ дѣвушекъ съ хорошеенькими и симпатичными лицами; люди несвѣдующіе ошибочно принимаютъ ихъ за золотушныхъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, такія припухлости происходятъ чаще всего отъ неопытнаго содержанія кожи головы, отъ насѣкомыхъ въ ней.

Огромное вліяніе на общее впечатлѣніе красоты женской наружности имѣтъ цвѣтъ кожи. Красивый и чистый цвѣтъ лица — предметъ самыхъ пламенныхъ желаній многихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Человѣческая кожа выдѣляетъ два вещества — сало и потъ. То и другое могутъ выдѣляться въ количествѣ слишкомъ большомъ, что часто случается, или слишкомъ маломъ, что встрѣчается рѣже. Главная причина нечистой кожи лица — слишкомъ обильное выдѣленіе сала. Жирная кожа впитываетъ грязь и оттого принимаетъ сѣрожелтоватый оттѣнокъ. Вслѣдствіе слишкомъ сильнаго выдѣленія жира, отверстія кожныхъ железъ (поры) закупориваются, въ нихъ скопляется грязь, и оттого образуются тѣ черныя точки, которыя извѣстны подъ названіемъ угрей. Часто кожа воспаляется вокругъ этихъ железъ, и тогда образуются красныя нарывики, называемые прыщиками.

Когда кожа выдѣляетъ недостаточно кожного сала, она лущится и шелушится. Между облущившимися точками скопляется грязь, и тогда кожа также приобретаетъ некрасивый сѣрый оттѣнокъ.

Обильное выдѣленіе пота сказывается въ сильномъ потѣніи рукъ, ногъ и подмышекъ. Особенно часто и сильно страдаютъ потѣніемъ подмышекъ женщины полныя.

Болѣе или менѣе сильно вліяютъ, разумѣется, на видъ и цвѣтъ кожи различныя внутреннія болѣзни, точно такъ же, какъ и всѣ болѣзни кожи въ болѣе обширномъ смыслѣ этого слова, извѣстныя и въ общегити подѣ именемъ сыпей, лишаевъ, крапивницъ и т. д.

По фотогр. Риттера въ Берлинѣ.

Рис. 197.

Берлинка съ ногами въ форія буквы О, — результатъ рахита.

Подъ кожей отлагается болѣе или менѣе значительный слой жира, состоящій изъ такъ называемой жировой ткани. Онъ округляетъ формы, заполняетъ углубленія, сглаживаетъ складки и играетъ очень замѣтную роль въ дѣлѣ формироваиия всей фигуры. Всякое чрезмѣрное накопленіе жира влечетъ за собой мѣстное или общее искаженіе формъ. Наиболѣе извѣстное явленіе такого рода представляетъ ожирѣніе живота. Жировая ткань также подвержена заболѣваніямъ; она часто пріобрѣтаетъ слизистый характеръ, какъ слѣдствіе, напримѣръ, неправильной работы щитовидной железы, или же между ея элементами скопляется вода (водянка), какъ это бываетъ при болѣзняхъ сердца и почекъ.

Ориг. сним. Бейта въ Вѣдѣ.

Рис. 198.

Уроженка Силезіи 22-хъ лѣтъ съ удлиненой грудной клеткой.

Мускулы бываютъ или въ видѣ тяжелой, или плоскіе и широкіе и прикрѣпляются къ отросткамъ или бугоркамъ костей. Расположенные между жиромъ и костями, сложно и причудливо наслоченные другъ на друга въ различныхъ положеніяхъ и направленіяхъ, они, въ совокупности своей, представляютъ то, что въ общежитіи называется мясомъ. У женщины они гораздо менѣе плотны и слабѣ развиты, чѣмъ у мужчинъ, въ особенности у женщинъ зажиточныхъ классовъ, занимающихся мало физическимъ трудомъ. При всякихъ общихъ и тяжелыхъ внутреннихъ болѣзняхъ, мускулы худѣютъ, отчего красота тѣла и лица терпитъ болѣе или менѣе сильный ущербъ. Но существуетъ и специальная болѣзнь, поражающая самыя мускулы самымъ различнымъ образомъ, — иногда ихъ исхуданіе сопровождается даже безобразнымъ искаженіемъ отдѣльныхъ частей ихъ.

Мы вышли бы далеко за предѣлы нашей темы, если бы занялись разсмотрѣніемъ всѣхъ болѣзней, оказывающихъ разрушительное вліяніе на красоту отдѣльныхъ формъ. Достаточно будетъ сказать, что почти не существуетъ болѣзней, — хотя бы и мѣстнаго характера по природѣ и не поражающей всего организма, но болѣе или менѣе серьезной, — которая не отразилась бы на красотѣ, иногда только косвенно и временно причиняя ей ущербъ, въ большинствѣ же случаевъ даже разрушая ее.

Красота может назваться идеальной тогда, когда всё части тѣла одинаково красивы. Въ дѣйствительности, это встрѣчается крайне рѣдко. Красивую голову, красивое тѣло, красивую руку или ногу можно встрѣтить часто и у лицъ, совсѣмъ некрасивыхъ въ общемъ и даже отталкивающихъ. Вотъ почему художникъ часто творить свои произведенія по нѣсколькимъ различнымъ моделямъ.

Разсмотримъ по порядку отдѣльныя части тѣла, сообразно требованіямъ идеала красоты.

Форма головы зависитъ главнымъ образомъ отъ своего костнаго остова, отъ черепа. Въ предыдущей главѣ подробно рассмотрѣны своеобразныя особенности женскаго черепа по сравненію его съ мужскимъ; къ ней мы и отсылаемъ читателя. Чисто женское строеніе головы отличается закругленностью всѣхъ возвышеній костей. Лобъ долженъ быть округло-выпуклый, скулы должны быть совершенно скрыты, подбородокъ долженъ имѣть мягкую овальную округлость. Впрочемъ, большая часть черепа закрыта у женщинъ волосами. Длинные и густые волосы составляютъ, какъ извѣстно, одно изъ преимуществъ женской красоты.

При оцѣнкѣ женской красоты наибольшее значеніе придается красотѣ лица. Не только упомянутая равнобѣдная округлость и не только формы отдѣльныхъ частей лица, но и все выраженіе его, весь индивидуальный характеръ, отражающійся въ немъ, составляютъ красоту лица, а часто вмѣстѣ съ тѣмъ и красоту всей наружности, такъ какъ составить безошибочное сужденіе о красотѣ остальныхъ формъ тѣла, прикрытыхъ одеждой, большей частью невозможно.

Прелестнымъ образцомъ прекраснаго лица можетъ служить портретъ Анны Гильмайръ (рис. 200), одной изъ знаменитѣйшихъ мюнхенскихъ красавицъ первой половины прошлаго столѣтія. Она была дочерью мюнхенскаго торговца дичью и была извѣстна подъ именемъ „курятницы“ („Wildbretmädel“).

Значительную роль во впечатлѣніи, производимомъ лицомъ на зрителя, играютъ глаза. Даже брови надъ ними должны быть извѣстнаго рисунка, при чемъ красивыми считаются такія, которыя заканчиваются удлиненными и заостренными концами по бокамъ, не слишкомъ рѣдки и не слишкомъ густы и не сра-

Рис. 199. Та же фигура, что на рис. 198, но со стороны спины, при легкомъ поворотѣ лица назадъ и вверху; въ этомъ положеніи скрыты недостатки грудной кѣтки и шеи.

Фотогр. под. Фр. Ганфитенгля.

Рис. 200. Анна Гильмайр. По картинѣ Юс. Стадера.

стаются между собой. Красивыми считаются также ровныя, длинныя рѣсницы. Долженъ быть красивъ, да-же, разрѣзъ глазъ, т. е. вѣки должны быть широко раскрыты и имѣть ровныя края. Такъ какъ широкія глазныя впадины составляютъ типичный половой признакъ женщины, то большіе глаза должны считаться особенно красивыми.

Фотографія француженки, воспроизведенная на рис. 201, кажется особенно привлекательной, благодаря красивымъ глазамъ. Красивыми глазами славилась известная драматическая ар-

тистка наполеоновской эпохи, Маргарита Жозефина Веймеръ (рис. 202).

Цвѣтъ глазъ бываетъ тѣмъ красивѣе, чѣмъ интенсивнѣе выраженъ въ немъ какой-нибудь оттѣнокъ цвѣта; самые красивые цвѣта, слѣдовательно, совершенно черный или небесно-голубой, „лазоревоый“. Нѣмецкіе поэты воспѣваютъ большей частью голубые глаза и бѣлокочурые волосы; Восточные же и южно-славянскіе поэты вдохновляются, сообразно своему типу женской красоты, только темными глазами.

Красивые глаза могутъ сдѣлать очаровательнымъ даже совершенно некрасивое лицо. Жюли де Леспинасъ, о которой говорили, что „весь міръ преклоняется передъ безобразной женщиной“ (у нея было изрытое оспой лицо); очаровывала прекрасными глазами, — „таинственными темными звѣздами“, какъ описываетъ ихъ ея биографъ.

Форма носа имѣетъ огромное значеніе въ вопросѣ красоты женскаго лица. Спинка носа должна имѣть узкую и совершенно прямую линію; крылья, ограничивающія ноздри, не должны широко расходиться и не должны быть очень мясисты, чтобы носъ не казался широкимъ. Величина носа по отношенію къ лицу имѣетъ обыкновенно пропорціональный размѣръ, и некрасиво большимъ онъ становится обыкновенно только тогда, когда лицо худѣетъ. Правильный рисунокъ носа обуславливаетъ обыкновенно напра-

впеленныя кнаружи ноздри (рис. 203). Но и вздернутый носикъ считается красивымъ у славянокъ.

Размѣръ рта также долженъ быть пропорціональнымъ размѣру лица. Размѣръ его между углами губъ долженъ относиться къ размѣру глазъ между углами вѣкъ, какъ 3:2. Верхняя губа должна быть нѣсколько выше нижней; наибольшую ширину губы должны имѣть посрединѣ и незамѣтно суживаться къ угламъ (рис. 204). Впрочемъ, рисунокъ рта сильно зависитъ отъ формы зубовъ. Если зубы посажены неправильно или спереди недостаетъ зубовъ, губа теряетъ свою опору; точно также сильно выдающіеся зубы выпячиваютъ губы напередъ и портятъ форму рта. Дурные зубы — испорченные ли, или неправильно посаженные, или, наконецъ, утратившіе вслѣдствіе виннаго камня бѣлизну и принявшіе грязно-желтый цвѣтъ — очень часто без-

Рис. 201. Француженка съ красивыми глазами.

образять самое прелестное личико; и наоборот, красивые зубы, чаще всего сравниваемые поэтами с жемчугомъ, являются истиннымъ украшеніемъ и очень часто заставляютъ забывать о другихъ недостаткахъ, напримѣръ, неправильныхъ чертахъ лица.

Уши должны быть невелики, раковина должна плотно прилегать къ головѣ, и извилины ея не должны замѣтно выдаваться.

Шея относится къ тѣмъ частямъ тѣла женщины, которыя мы, кромѣ лица, чаще видимъ неприкрытыми одеждой. Передній контуръ ея долженъ спускаться отъ подбородка изогнутой подъ тупымъ угломъ линіей, а линія задняго контура должна представлять часть эллипсоидной фигуры. Мускулы не должны замѣтно выдаваться, щитовидная железа не должна имѣть возвышенія, потому что даже слегка пухлая шея некрасива. Въ общемъ шея должна имѣть видъ короткой округлой колонны, переходящей мягкими линіями съ одной стороны въ головную часть, съ другой въ грудную (рис. 203 и 205).

Формы затылка и плечъ, которыя мы часто видимъ обнаженными на балахъ, сильно зависятъ, во-первыхъ, отъ хорошаго развитія мускуловъ плечъ и спины, во-вторыхъ, отъ равномернаго жирового слоя подъ ними. Неумѣренное жировое отложение въ нѣкоторыхъ точкахъ, въ особенности въ области

седьмого шейнаго позвонка, какъ это часто встрѣчается, вызываетъ некрасивую форму затылка. Для этихъ частей тѣла обязательна также ослѣпительная бѣлизна кожи; красоту ихъ могутъ испортить даже волосы, заходяще иногда съ головы на затылокъ.

Мы дошли теперь до верхней части туловища. Рис. 206 представляетъ намъ благородныя линіи прекрасно сложеннаго женскаго туловища. Грудная клетка широка, красиво выпукла и, главное, не сужена въ своей нижней части, какъ это бываетъ у затягивающихся въ корсетъ женщинъ. Слой жира дол-

По фотографическому снимку Браунъ, Клемаъ и Ко. въ Дорпахъ.

Рис. 202. Портретъ Маргариты Жозефины Веймеръ, прозв. Мадмуазель Жоржъ.

По картниъ Фр. Жерара.

женъ быть всюду равномернъ и не толстъ. Обращаемъ вниманіе на красивую линію, обозначающую подъ кожей реберную дугу (рис. 205). Талія явственно намѣчена, при чемъ не видно и тѣни борозды отъ шнуровки. Такъ же красива и гармонична, какъ грудная клѣтка, форма живота, выпуклости котораго вполне соотвѣтствуютъ формѣ мускуловъ. Пупочная ямка мала и почти совсѣмъ не выдается, кожа всюду плотно обтягиваетъ

упругіе мускулы, и только въ одномъ мѣстѣ — на ширину пальца ниже пупка — есть маленькое жировое утолщеніе, которое можно различить лишь по легкой выпуклости, но которое характерно для поразительно красиваго женскаго сложенія.

Главную прелесть специально женской красоты представляютъ груди. Идеально красивой формой дѣвичьей груди можно назвать изображенныя на рис. 207 груди вполне развитой тринадцатилѣтней дѣвочки и семнадцатилѣтней вѣнской натурщицы (рис. 211). Идеальная красота требуетъ, чтобы женская грудь всегда сохра-

няла дѣвственныя формы: прилегая въ видѣ полушарія къ грудной клѣткѣ и съ выдающимися впередъ хорошо развитыми; въ верхушкѣ сосками, она должна быть упругой и плотной.

Такъ же красивы по формѣ, но слабѣе развиты груди на рис. 208. Такая форма выпадаетъ на долю очень немногихъ любимицъ богини красоты. Чѣмъ старше становится дѣвушка, тѣмъ болѣе вялой становится ея грудь и тѣмъ болѣе оттягивается книзу вслѣдствіе утолщающагося слоя жира; и это же моментъ наступать тѣмъ раньше, чѣмъ раньше вступаетъ женщина въ половыя сношенія и чѣмъ большее удовлетвореніе они ей доставляютъ. Такъ складываются формы такъ называемыхъ дьявольскихъ красавицъ (*Beauté de diable*, рис. 209). Груды полны и все еще красивой формы, но въ нихъ уже намѣчается склонность къ обвисанію, и женщины приходится прибѣгать къ по-

Рис. 203. Француженка съ правильнымъ восьмью и красивой шейю,

Рис. 204. Француженка съ туповатымъ носомъ и красивымъ ртомъ.

мощи корсета и лифика, чтобы поддержать ихъ искусственно (рис. 209 и 210).

Женщины, рожавшія или кормившія, еще больше утрачиваютъ красоту груди. — Онѣ принимаютъ ту форму, какую мы видимъ на рис. 218, какъ грустные остатки бывшей красоты. Чрезмѣрный слой жира, часто уродующій съ возрастомъ женское тѣло, обезображиваетъ и груди, превращая ихъ въ огромныя „глыбы жира“, видъ которыхъ скорѣе отталкиваетъ, чѣмъ привлекаетъ. Если въ пожиломъ возрастѣ женщина худѣетъ или тѣло ея изнурено какъ мнѣ, нибудь болѣзнями,

то груди превращаются въ два вялыхъ мѣшка съ морщинистой, потемнѣвшей пятнами кожей — печальные остатки бывшихъ памятниковъ женской красоты.

Иногда некрасивая форма груди бываетъ врожденной. Это отчетливо видно на рис. 212, изображающемъ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, дочь француза и вѣяки.

Характерной особенностью линіи талии, границы между грудью и животомъ, является борозда отъ шнуровки, болѣе или менѣе неизбѣжная почти у всѣхъ женщинъ, такъ какъ очень немногія женщины, вопреки модѣ, совершенно отвергли корсетъ (рис. 218).

О красивыхъ контурахъ живота мы говорили при разсмотрѣніи фигуры на рис. 206. На рис. 214 представленъ также типъ красивыхъ формъ и линій живота.

Каждые роды болѣе или менѣе замѣтно расслабляютъ pokrвы живота: кожа становится вялой, складывается въ складки, мускулы также обвисаютъ книзу, — образуется въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ отвислый животъ. На самой кожѣ образуются бѣлыя полоски и сѣтеобразные рисунки въ области нижнихъ боковыхъ частей живота (рубцы отъ беременностей). Послѣ повторныхъ родовъ образуется даже иногда раздвоеніе

прямыхъ брюшныхъ мускуловъ, плотно сходящихся обыкновенно, въ нормальномъ своемъ состоянiи, въ видѣ двухъ параллельныхъ веретенъ, идущихъ отъ нижняго конца грудной кости къ хрящу лоннаго сращенiя. Тогда выпячивается область пупка, и нерѣдко сквозь отверстiе въ пупочной области выходятъ наружу изъ брюшной полости части кишечника, — происходитъ такъ называемая пупочная грыжа, разумѣется, крайне обезображивающая тѣло.

Половые части женщины обыкновенно совсѣмъ не видны (рис. 215); небольшое количество густыхъ волосъ скромно закрываетъ это мѣсто на нагомъ женскомъ тѣлѣ. Срамная щель можетъ быть видна только при раздвинутыхъ ногахъ, и тогда она представляется въ видѣ совершенно закрытаго узкаго желобка между двумя большими срамными губами.

У женщинъ, половыя части которыхъ сильно извурены непомѣрными половыми сношенiями или частыми родами, срамная щель зияетъ, и изъ-подъ большихъ срамныхъ губъ выдаются наружу малыя, на которыхъ образуются иногда выступы въ видѣ пѣтушинныхъ гребней. Иногда можно замѣтить выдающiяся впередъ малыя срамныя губы даже у дѣвушекъ и маленькихъ дѣвочекъ, если онѣ чрезмерно предаются мастурбаци.

Красивая и стройная нога должна имѣть округлую форму, начиная съ самаго бедра. На рис. 195 и 199 представлены красивыя нижнiя конечности; обращаемъ вниманiе на очертанiя колѣна и подколенной ямки и на округлость икры, которая должна выдаваться явственно, но не слишкомъ толстой выпуклостью и должна постепенно суживаться книзу. О недостаткахъ формъ ноги, производимыхъ англiйской болѣзнью, мы уже говорили. Спускаясь къ лодыжкѣ, нога должна постепенно суживать-

По фотогр. Фейга съ Вiнка.

Рис. 205 Вiнка съ пластически построенными плечами и шей.

ся, и самая подыжка должна выдаваться рѣзко и отчетливо. Ступня ноги должна имѣть небольшой выпуклый подъемъ, — плоскія ноги такъ же некрасивы, какъ и ступни съ чрезмерно высокимъ подъемомъ.

Величина ноги должна быть пропорціональна общимъ размѣрамъ тѣла. Слишкомъ маленькая нога можетъ быть красивой въ

Ориг. сним. Реклагега въ Мюнхенѣ.

Рис. 206. Вѣка 22-хъ лѣтъ съ идеально красивой верхней частью туловища.

обуви, когда она выглядитъ изъ-подъ платья, — или, вѣрнѣе, можетъ считаться красивой съ точки зрѣнія существующей моды, — но обремененная и при нагомъ тѣлѣ она производитъ отталкивающее впечатлѣніе неестественности. Такъ же безобразны неестественно искривленные пальцы ногъ, происходящіе отъ слишкомъ узкой и короткой обуви. Признаками правильной формы пальцевъ женской ноги Штрайтцъ считаетъ длинный второй палецъ, короткий первый и очень маленький мизинецъ.

Верхнія конечности также требуютъ извѣстной пропорціональности частей и пропорціональнаго отношенія ко всему остальному тѣлу. Кисть руки при опущенной вдоль тѣла рукъ должна начинаться, при правильной общей длинѣ ея, на высотѣ лобка, и длина ея должна составлять девятую часть длины всего тѣла.

Наиболѣе часто встречающаяся болѣзнь костей — рахитъ — оказываетъ такое же разрушительное вліяніе на красоту верхнихъ конечностей,

какъ и нижнихъ. При этомъ появляются явственныя утолщенія сочлененій, въ особенности въ области локтевого сочлененія и запястья. Вся рука должна имѣть округлыя формы легкихъ частей, но все же безъ усиленнаго жирового отложенія, и выпуклости мускуловъ должны быть всюду видны подъ кожей.

Кисть руки должна быть узка и очерчена мелкими линиями; безобразны слишкомъ короткіе или слишкомъ толстые пальцы, особенно съ утолщеніями на концахъ. Ногти должны

быть выпуклы и въ длину больше, чѣмъ въ ширину, что зависить, разумѣется, прежде всего отъ пропорциональности костныхъ фалангъ пальцевъ.

Зачѣмъ намъ знать условія женской красоты, законы красивыхъ формъ? Развѣ не въ тысячу разъ больше зависить счастье любви и брака отъ многого другого, чѣмъ отъ очарованія мужчины красотой женщины? Развѣ въ наше высоко-культурное время не бесконечно цѣннѣе сокровища духа, умственныя и душевныя способности и ихъ проявленія, чѣмъ хрупкія сокровища преходящей физической красоты?

Только врачъ можетъ дать правильный отвѣтъ на эти вопросы: здоровье и красота суть понятія, всецѣло совпадающія. Всѣмъ сказаннымъ о женской красотѣ мы показали, что всѣ недостатки женской физической красоты должны быть объяснены болѣзненными разстройствами и имѣть причину и основаніе въ нездоровыхъ, ненормальныхъ условіяхъ развитія и питанія тѣла и ухода за нимъ.

Родителямъ, воспитателямъ, руководителямъ общественно-политическихъ и гигиеническихъ учрежденій необходимо тщательно ознакомиться съ условіями и законами красоты женскаго тѣла, чтобы имѣть возможность примѣнить свои знанія въ полной мѣрѣ къ своимъ дѣтямъ, воспитанникамъ и питомцамъ.

Гигиенисты и врачи съ давнихъ поръ настаиваютъ на необходимости планомерно знакомить подрастающую молодежь съ строеніемъ человѣческаго тѣла и съ функциями его органовъ. Но было бы желательнее, кромѣ того, чтобы молодежи преподаваны были также свѣдѣнія о физической красотѣ, о способахъ ея со-

Ориг. сним. Фейта въ Мюнхенѣ.

Рис. 207.

Тринадцатилѣтняя дѣвушка съ идеально красивой формой груди.

вершенствованія и объ уходѣ за ней. Наилучшими пособіями для нагляднаго преподаванія должны служить образцовыя произведенія художниковъ и скульпторовъ. Посвщенія подрастающей молодежи картинныхъ галлерей и музеевъ въ большихъ городахъ, особенно подъ руководствомъ эстетически-образованныхъ воспитателей, служатъ превосходнымъ средствомъ для этой цѣли, пробуждающимъ и воспитывающимъ эстетическое чувство и чутье къ красивымъ формамъ.

Всѣми силами, со всей энергіей необходимо бороться противъ ошибочнаго взгляда, будто нагота раздражаетъ половой инстинктъ и безразственна.

Не нагое, а полуприкрытое тѣло раздражаетъ чувственность и пробуждаетъ жажду увидѣть больше, чѣмъ позволяютъ покровы. Взглянемъ внимательно на рядъ рисунковъ (отъ рис. 216 до рис. 219), изъ которыхъ два изображаютъ совершенно нагія дѣвичьи фигуры, а остальные — полуприкрытыя тѣла танцовщицъ одного парижскаго кафе-шантана. Мы убѣдимся, какъ невинно и чисто впечатлѣніе, производимое этой естественной наготой, и какъ чувственно раздражающе дѣйствуютъ кокетливо полуприкрытыя фигуры (рис. 217). Даже роскошная нагая красота, изображенная, напримѣръ, Гезомъ въ его картинѣ „Пробужденіе“ (см. прил. на отд. табл.), или Венера на рис. 193 производятъ чистое и дѣломудренное впечатлѣніе рядомъ съ полуголыми дамами изъ парижскаго кафе-шантана.

Женщинѣ необходимо приобрести свѣдѣнія о красотѣ формъ и объ уходѣ за красотой не только для того, чтобы сохранить собственную красоту, но и для того, чтобы, сдѣлавшись матерью, сумѣть уберечь отъ вредныхъ вліяній хрупкое растеніе, дѣтское тѣльце, и цѣлесообразнымъ уходомъ помочь ему возрасти и развиться до высшаго расцвѣта и совершенства.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о сохраненіи и совершенствованіи красоты и объ уходѣ за нею.

Существуетъ цѣлый рядъ врожденныхъ и приобретенныхъ неправильностей тѣлесныхъ формъ, которыя возможно исправить

Худож. изд. Рекнагеля въ Мюнхенѣ.

Рис 208. Тринадцатилѣтняя вѣнка съ упругими грудями.

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Прогрѣшеніе“ въ Сиб.

Пробужденіе.

(По картинѣ П. Глеза.)

Фотогр. Фейта въ Вѣнѣ.

Рис. 209. Типъ „Beauté de diable“.

борьбу съ ними съ самаго же начала, — то мы достигнемъ этимъ сохраненія и совершенствованія красоты.

Хирургія и родственная ей наука ортопедія (отъ *orthos* — прямо и *paideia* — воспитаніе, т. е. выпрямленіе) достигли путемъ прогрессивнаго развитія своихъ изслѣдованій и опытовъ того, что теперь возможно не только исправить врожденный вывихъ бедреннаго сочлененія, расслабленность ступни, происшедшую отъ такъ называемаго дѣт-

при своевременномъ и цѣлесообразномъ уходѣ за ними. Мы знаемъ, что уродливыя формы ноги образуются отъ нецѣлесообразной обуви, одностороння искривленія позвоночника и несимметричный наклонъ плечъ происходятъ отъ неправильнаго положенія тѣла, въ особенности за письмомъ и чтеніемъ въ школахъ. Мы знаемъ, что стянутость живота и обусловленная этимъ измѣненія во внутреннихъ органахъ (сдавленная печень) происходятъ отъ нецѣлесообразнаго и неумѣреннаго зашнуровыванія. Мы узнали, что исхуданіе и ослабленіе мускуловъ происходитъ съ одной стороны отъ недостатка упражненія данныхъ частей мускулатуры (недостатокъ физическаго труда), съ другой стороны — отъ всевозможныхъ изнурительныхъ внутреннихъ болѣзней. Слѣдовательно, если мы будемъ стараться избѣгать названныхъ вредныхъ вліяній и затѣмъ будемъ, по возможности, устранять причины неправильностей тѣла, вступивъ въ

Фотогр. Фейта въ Вѣнѣ.

Рис. 210. Поясной портретъ той же.

Ориг. снимокъ Реквагеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 211. Семнадцатилѣтняя вѣнская натурщица.

гда покрыты волосами, которые способны обезобразить самое прекрасное тѣло. Къ нимъ примыкаютъ родимыя пятна, окрашенные въ ярко-красный цвѣтъ съ болѣе или менѣе явственнымъ синеватымъ отблескомъ, которые происходятъ отъ мѣстнаго расширенія и переполненія кровью кровеносныхъ сосудовъ даннаго участка кожи. Участки, захватываемые такими пятнами, бываютъ иногда очень велики, обнимая собой, напримѣръ, цѣлую половину лица. Въ подобныя пятна удаляются либо ножомъ хирурга, либо съ помощью электрическаго тока, либо же химическимъ дѣйствіемъ мѣстнаго примѣненнаго лѣкарственнаго вещества.

Другой своеобразной болѣзью кожи является такъ называемая рыба чешуя. Она состоитъ въ томъ, что вся поверхность кожи покрывается какъ бы чешуей, достигающей иногда такой густоты, что становится похожей на настоящую броню, придавая кожѣ рыбообразный или змѣеподобный видъ. Легкія формы этой болѣзни излѣчиваются соответственными лѣкарствами, тяжелыя же неизлѣчимы.

Нѣкоторыя измѣненія кожи происходятъ отъ слишкомъ слабого или слишкомъ обильнаго выдѣленія ея жира. Если кожа получаетъ недостаточно жирового вещества, то она становится жесткой и грубой, начинаетъ шелу-

скаго паралича и т. п., но дѣлаются искусственные носы, кривые носы выравниваются, исправляются заячья губа и волчья пасть, заполняются между рѣзкими зубами, устраняются коричневые и огненно-красныя родимыя пятна.

Практикѣ сохраненія физической красоты оказала большую услугу теорія на кожныхъ болѣзней, сущность которыхъ была изучена только въ послѣдніе десятилѣтія прошлаго столѣтія; эта наука выяснила намъ причины разнаго рода измѣненій, происходящихъ въ кожѣ. Больная кожа не можетъ быть красивой, больной покровъ тѣла обезобразитъ самыя прекрасныя формы, точно такъ же, какъ, наоборотъ, красивая, нѣжная и гладкая кожа можетъ заставить забыть о нѣкоторыхъ несовершенствахъ формъ.

Существуетъ цѣлый рядъ врожденныхъ измѣненій кожи. Къ нимъ мы относимъ прежде всего родимыя пятна и родинки, тѣ участки на поверхности кожи, окрашенные въ коричневатый цвѣтъ и ино-

шиться, и на ней появляются легкія трещины, въ которыя могутъ забираться заразные вещества и вызвать этимъ воспаленіи кожи. Лица, вынужденныя часто обращаться съ веществами, растворяющими жиръ, какъ, напримеръ, прачки, руки которыхъ постоянно мокутъ въ мыльной водѣ, отличаются кожей, бѣдной жиромъ; и послѣдствіемъ чрезвычайно частаго мытья дѣйствительно является сухая, жесткая кожа. Лицамъ, страдающимъ этимъ, слѣдуетъ употреблять особое мыло, богатое жиромъ, и послѣ мытья, въ особенности на ночь, втирать въ кожу немного жира, для чего обыкновенно употребляется вазелинъ или колѣдъ-кремъ, тогда какъ глицеринъ менѣе полезенъ для кожи. Это наилучшее средство противъ такъ называемой „потрескавшейся“ кожи, которой страдаютъ многіе. Если кожа суха и бѣдна жиромъ, пудры необходимо, по возможности, избѣгать или употреблять только жирную пудру.

Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, кожа страдаетъ отъ излишняго выдѣленія жира. Такая кожа имѣетъ маслянистый, лоснящійся видъ и бываетъ болѣе или менѣе грязна отъ того, что жиръ смѣшивается съ чешуйками кожи и удерживаетъ грязь. Кожа головы, страдающая этимъ, начинаетъ сильно шелушиться, выдѣляетъ перхоть, и это вызываетъ выпаденіе волосъ. На кожѣ лица это сопровождается часто болѣзненной краснотой, появляющейся послѣ горячей ѣды или ванитковъ, въ особенности послѣ алкоголя и кофе, послѣ утомительной физической работы и въ лѣтнюю жару. Послѣдствіемъ шелушенія является закупорка грязью кожныхъ поръ (угри) и воспаленіе ея (прыщи).

Для предохраненія и устраненія чрезвычайно болѣзненного выдѣленія жира вмѣстѣ со всеми упомянутыми послѣдствіями этого явленія, необходимо прежде всего обратить вниманіе на образъ жизни. Надо избѣгать по возможности всѣхъ блюдъ и ванитковъ, могущихъ вызвать приливы крови къ лицу (кофе, чай, алкоголь). Для мѣстнаго лѣченія всего лучше дѣлать по два раза въ день утромъ и вечеромъ горячія обмыванія водой, температуры отъ 40 до 50 градусовъ Цельсія въ продолженіе минуты или двухъ минутъ. Вмѣсто горячихъ обмываній можно употреблять также паровые души лица; дѣлается это такъ: нагибаются лицомъ надъ чашкой съ горячей водой и закрываются плотнымъ платкомъ. Удобнѣе употреблять спеціальныя аппараты для паровыхъ душей лица, продающіеся въ большихъ аптекарскихъ или парфюмерныхъ магазинахъ. Для выдавливанія угрей продаются спеціальныя машинки, и это надо производить по одному разу каждый день, соблюдая однако наибольшую осторожность, чтобы не слишкомъ надавливать на кожу. Вообще же лицамъ, страдающимъ слишкомъ обильнымъ выдѣленіемъ жира, угрями и прыщами, слѣдуетъ обратиться къ врачу, который порекомендуетъ наилучшія врачевныя мѣры для cadaго индивидуальнаго случая. Наряду съ мылами и мазями, часто бываетъ вужно прибѣгнуть и къ хирургическому лѣченію, и къ электризаціи, и къ прижиганіямъ.

Черезъ жаръ испаренія ограничивается обыкновенно извѣстными участками тѣла. Самое неприятное проявленіе ея представляетъ потѣние ногъ. Страдающіе этимъ должны мѣнять чулки зимой ежедневно, а лѣтомъ по

Оригинальное снимокъ худож. издательства Реннагелъ въ Мюнхенѣ.

Рис. 212.

Семнадцатилѣтняя дѣвушка дочь французъ и вѣнки съ некрасивыми грудями.

два раза въ день. Самая цѣлесообразная обувь при этомъ — вязкіе ботинокъ на шнуровкѣ, такъ какъ она открываетъ большій доступъ воздуха къ ногамъ. На ночь слѣдуетъ дѣлать прохладныя ножныя ванны, прибавляя къ водѣ отваръ дубовой коры. Подошвы ногъ слѣдуетъ поудрить и въ чулки посыпать порошкомъ, имѣющимся въ продажѣ противъ потвѣя ногъ. Всего употребительнѣе для этого порошокъ, составляемый изъ смѣся восьми частей салициловой кислоты и двухсотъ пятидесяти частей венеціанскаго талька. Если эти средства не помогаютъ, слѣдуетъ обратиться къ врачу, который можетъ назначить послѣ изслѣдованія болѣе сильно дѣйствующія вещества.

Тѣ же средства можно рекомендовать и противъ сильнаго потвѣя подмышекъ, часто встрѣчающагося у женщинъ.

Послѣдствіемъ чрезмѣрнаго потвѣя является такъ называемое „прѣніе“, т. е. изъязвленіе кожи между бедрами. У женщинъ это бываетъ и подъ грудями, когда онѣ очень велики и отвислы. Какъ только подобное изъязвленіе будетъ замѣчено, слѣдуетъ прежде всего вычистить кожу ваткой, обманутой въ масло, затѣмъ поудрить немного цинковой пудрой; это слѣдуетъ дѣлать по нѣсколько разъ въ день. Если изъ простой красноты развивается воспаленіе (экзема кожи), необходимо обратиться къ врачу.

Объ измѣненіяхъ кожи, выражающихся въ чрезмѣрной краснотѣ лица, мы уже говорили. Бываютъ, однако, измѣненія кожи, имѣющія другія причины. Ненормальная блѣдность лица, имѣющая интересный видъ, когда она развита до известной степени, ставится болѣзненно безобразной, когда переходитъ за этотъ предѣлъ; въ этомъ случаѣ она объясняется блѣдной немочью, малокровіемъ, былокровіемъ, тяжелымъ внутреннимъ недугомъ (туберкулезомъ). Синеватая окраска кожи, которую случается иногда видѣть на губахъ и которая безобразитъ ротъ, имѣетъ свою причину въ расстройствѣхъ кровообращенія, въ особенности въ болѣзняхъ сердца. Желтизна кожи обусловливается болѣзнями печени, сѣрый цвѣтъ ея — болѣзью подпочечной железы; мѣстная краснота или синева кожи появляются иногда на рукахъ и на ногахъ, иногда и на кончикѣ носа. Главная причина этого явленія — мѣстное давленіе, нарушающее правильное кровообращеніе. Часто причиной этого оказывается тѣсная обувь, узкія перчатки, плотно прилегающій вуаль. Отъ зябкости рукъ и ногъ необходимо усердно заниматься гимнастикой, носить удобныя, теплыя перчатки и обувь (шерстяные чулки) и часто брать мѣстные ванны (отъ 35 до 50 градусоѡ Ц.).

Ориг. снимокъ Реккагала въ Мюнхенѣ.

Рис. 213.

Двадцатилѣтняя чешка съ развитыми и слегка свисающими грудями.

Что всего чаще портитъ красоту тѣла и особенно лица, это — извѣстныя мѣстныя измѣненія въ окраскѣ кожи, называемыя веснушками и желтыми пятнами. Веснушки явственнѣе выступаютъ лѣтомъ, но не исче-

зают и зимой, а только блѣднѣют и оттого бываютъ менѣе замѣтны. Причина ихъ появленія кроется въ какой-то неизвѣстной намъ мѣстной чувствительности кожи къ свѣту. Желтыя же пятна завясаютъ большею частью отъ внутреннихъ болѣзней. Чаще всего такія пятна появляются на лицѣ у женщннъ во время беременности.

Предохранить себя отъ появленія веснушекъ и желтыхъ пятенъ можно только избѣгая подвергать кожу дѣйствию сѣнапаго свѣта. Для этого слѣдуетъ пользоваться зонтиками и вуалями. Опыты показали, что всего лучше отъчають этой цѣли зеленые и красные вуали, такъ какъ они не пропускаютъ такъ называемыхъ ультра-фіолетовыхъ лучей солнца. Къ сожалѣнію, дамы руководятся въ выборѣ цвѣта вуаля соображеніемъ гармоніи его съ платьемъ, и оттого онѣ не достигаютъ цѣли. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что вредныя для кожи лучи свѣта теряютъ свое вредное дѣйствіе, проходя черезъ тиньянъ. Въ виду этого можно посоветовать лицамъ, склоннымъ къ веснушкамъ, втирать льтомъ по утрамъ въ кожу лица кремъ, приготовленный съ примѣсю тиньяна. Устранить уже появившіяся веснушки и желтыя пятна крайне трудно, это требуетъ искусства свѣдущаго врача.

Больше всего слѣдуетъ остерегаться употребленія маселъ противъ веснушекъ, восплаяемыхъ въ рекламахъ, такъ какъ онѣ либо совершенно бесполезны, либо содержатъ ядовитыя вещества, какъ, напримеръ, ртуть, которая, будучи употребляема безъ контроля врача, можетъ причинить тяжкій ущербъ всему организму.

Чтобы скрыть недостатки кожи, дамы прибѣгаютъ часто къ притираниямъ. Употребленіе ядовитыхъ притираній, особенно средствъ, содержащихъ свинецъ, неоднократно влекло за собой серьезныя заболѣванія всей нервной системы и почекъ. Вотъ почему изъ нихъ можно употреблять только такія, безвредность которыхъ удостовѣрена медицинскимъ департаментомъ. Надо сказать, однако, что и самая невинная косметика надолго оставляетъ на кожѣ слѣды ея употребленія.

Косметическія средства бываютъ въ видѣ пудры, туалетной воды и маселъ. Всего цѣлесообразнѣе изъ нихъ пудра и именно такъ называемая жирная, такъ какъ содержащійся въ ней жиръ предохраняетъ отъ сухости кожи, обычнаго послѣдствія неумѣреннаго употребленія пудры. Она существуетъ въ продажѣ различныхъ цвѣтовъ: красная, бѣлая, желтая и свѣтло-коричневая (chamois); иногда употребляютъ смѣсь двухъ цвѣтовъ, накладыва-

Ориг. снимокъ Рексагела въ Мюнхенѣ.

Рис. 214.

Двадцатидвухлѣтняя вѣнка съ красивыми линиями живота.

Ориг. снимок Рекласта в Мюнхен

Рис. 215. Семьдесятитрёхлетняя внка натурщица.

вая, напримѣръ, раньше бѣлую, потомъ красную до полученія желаемого тона. Пудра наносится на сухую кожу, затѣмъ осторожно втирается въ нее замшевой тряпочкой. Туалетныя воды (или жирныя румяна) представляютъ собой ту же пудру, растворенную въ жидкостяхъ; ихъ наносятъ кисточкой на соответственное мѣсто кожи и даютъ имъ просохнуть; жидкость испаряется, а порошокъ плотно пристаётъ къ кожѣ. Мази (жирныя румяна) представляютъ собой смѣсь пудры съ жирами. Жидкія и жирныя румяна даютъ большей частью очень грубые и бросающіеся въ глаза тона, между тѣмъ примѣненіе простой пудры не такъ замѣтно.

Употребляя такого рода косметическія средства, безусловно необходимо хоть разъ въ день тщательно обмывать кожу водой съ мыломъ, чтобы очистить поры кожи отъ скопившихся въ нихъ пудры и жировъ и дать имъ возможность отправлять свою нормальную дѣятельность.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и волосы могутъ оказывать влияние на потерю красоты. Равномѣрный цвѣтъ волосъ — черный ли, каштановый или бѣлокурый — приобретаетъ въ извѣстномъ возрастѣ сѣрый тонъ: волосы сѣдѣютъ. Самые волосы при этомъ измѣняются, внутри ихъ появляются щели или пространства, наполненныя воздухомъ, которыя и придаютъ имъ сѣрый тонъ. Иногда это случается очень рано, къ тридцати годамъ, чаще же только въ пятидесяти, — большей частью волосы сѣдѣютъ медленно и постепенно, но иногда и внезапно, сразу. Если это случается въ соответствующемъ возрастѣ и если волосы сѣдѣютъ равномѣрно, приобретая ровный сѣрый, а въ особенности ровный бѣлый цвѣтъ, то голова большей частью не кажется некрасивой и даже кажется интереснѣе, если лицо при этомъ молодо и свѣжо. Зато сѣдина производитъ непріятное впечатлѣніе, если она появляется въ сравнительно молодомъ возрастѣ и за-

Ориг. снимок Рекнагеля въ Мюнхенѣ.
Рис. 216.

Шестнадцатилѣтняя французженка, изображен-
ная на рис. 212, въ полный ростъ.

моды. Особенно часто брюнетки окрашиваютъ волосы въ блѣлокурый цвѣтъ; это еще сколько-
нибудь понятно; но совершенно непростительно перекрашивать по чистому капризу не посѣ-
дѣвшіе волосы въ рыжій цвѣтъ, какъ это одно
время дѣлали дамы въ подражаніе актрисамъ
и дамамъ полусвѣта, введшимъ эту моду; къ
счастью, эта дикая мода уже начинаеть исче-
заетъ. Лучшимъ средствомъ для окраски во-
лосъ въ блѣлокурый цвѣтъ служить 10—30-
процентный растворъ перекиси водорода; окраска
въ темные цвѣта труднѣе, для этого употре-
бляють сѣра, висмутъ и мѣднокислыя соли,
въ особенности же нирогалловая кислота и
растворы серебра. Очень употребительна также
персидская лаваонія, изъ порошка которой го-
товится паста и ею смазываются волосы. Въ
продажѣ существуетъ множество средствъ для
окраски волосъ, но отъ нихъ необходимо серь-
езно предостеречь: очень часто они имѣютъ
послѣдствіемъ тяжкія забодѣванія отъ отравле-
нія.

Излишнее обиліе волосъ можетъ пор-
тить женскую красоту только въ томъ слу-
чаѣ, если они появляются на мѣстахъ, на
которыхъ ихъ нормально не должно быть, —
главнымъ образомъ, на примѣръ, въ видѣ бо-

хватываетъ неравно-
мѣрно различныя части
головы, давая такимъ
образомъ непріятный
смѣшанный цвѣтъ.

Причиной прежде-
временной сѣдины яв-
ляется неумѣренный
образъ жизни, недо-
статочный сонъ, а
также душевныя вол-
ненія — горе, заботы,
непріятности. Извѣ-
стенъ фактъ, что блѣ-
кокурая королева Марія
Антуанетта посѣдѣла
за одну ночь.

Когда сѣдина безо-
воротно появляется, дамы
прибѣгаютъ часто къ сред-
ствамъ для окрашиванія
волосъ. Въ послѣднія де-
сятилѣтія установилась
даже мода окрашивать во-
лосы, сообразно сдигичному
вкусу или вѣянію общей

Рис. 217. Танцовщица изъ па-
рижскаго кафе-шантана.

роды. Легкий пушок усевъ дѣлаетъ иногда молодыхъ женщинъ даже интереснѣе, но порядочный ростъ усевъ и въ довольно зрѣломъ возрастѣ безобразитъ женское лицо. Еще безобразнѣе, если волосами, хотя бы и не очень обильными, покрываются и боковыя части лица въ области подбородка и ушей. Противъ выдергиванія волосъ слѣдуетъ такъ же предостеречь, какъ и противъ усерднаго бритья: раздраженіе, вызываемое этимъ, способствуетъ еще болѣе сильному росту ихъ. Совершеннаго удаленія женской бороды возможно достигнуть только съ помощью химическихъ средствъ или электрическаго тока, — въ крайнемъ случаѣ, съ помощью аппарата, изобрѣтеннаго профессоромъ Кромабромъ въ Берлинѣ. Аппаратъ этотъ состоитъ изъ тончайшихъ диливдрическихъ ножи-ковъ, приводимыхъ въ движеніе ротационнымъ аппаратомъ, построеннымъ по образцу зубо-врачебной боръ-машины; эти ножики срѣзываютъ волосы вмѣстѣ съ корнями. Этотъ приемъ употребляется, между прочимъ, и для удаленія мелкихъ роди-покъ и родимыхъ пятенъ. Рентгеновскими лучами также удается удалить надолго волосы. Цѣлый рядъ затѣян-ныхъ пострадавшими процессовъ доказалъ и публикѣ, что этотъ способъ, вначалѣ дѣйстви-тельно невинный, порой влечетъ за собой тяжѣлыя послѣдствія, такъ какъ хотя волосы и удаются этимъ путемъ удалить, но въ то же время на кожѣ остаются уродливыя рубцы. Вотъ почему примѣне-ніе этого послѣдняго способа можно доверить только специалисту врачу. То же надо сказать, впрочемъ, и объ остальныхъ названныхъ спо-собахъ.

По фотогр. Риттера въ Берлинѣ.

Рис. 218. Нѣмецкая дѣвушка съ красивой фигурой и серьезн. выраженіемъ лица.

Преждевременное выпаденіе волосѣ является такой же неприятностью, какъ и не-навистныя борода и усы. Къ счастью, бѣда облытнія постигаетъ женщинъ гораздо рѣже, чѣмъ мужчинъ, но все же очень часто женщины въ сравнительно молодомъ возрастѣ жалуются на сильное выпаденіе волосъ. Причина этого кроется часто въ тяжелыхъ общихъ болѣзняхъ (перевесенный тифъ, сифилисъ), или же въ усиленномъ выдѣленіи кожей жира; въ послѣднемъ случаѣ бороться съ выпаденіемъ волосъ надо путемъ леченія этого обильнаго выдѣленія жира, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ.

Цѣлесообразный уходъ за волосами требуетъ тщательнаго расчесыванія ихъ послѣ частаго мытья — по крайней мѣрѣ каждая двѣ-три недѣли. Если кожа головы наклонна къ выдѣленію перхоти, то мыть ее надо не рѣже раза въ недѣлю. Для мытья головы лучше всего употреблять мыльный спиртъ, которымъ слѣдуетъ хорошо натереть волосы и всю кожу и затѣмъ ополоскать горячей водой, которая способствуетъ въ то же время болѣе оживленному кровообращенію.

Ногти также требуютъ надлежащаго ухода. Лица, выну-

железные часто пачкать руки и по имѣющія досуга, какъ это большей частью бываетъ, часто чистить ногти, не должны откусывать длинныхъ ногтей, чтобы не скопятся подъ ними грязи. Дамы, имѣющія возможность ухаживать за ногтями, могутъ носить пѣсколко подлиннѣе ногти, но все же не длиннѣе двухъ-трехъ миллиметровъ надъ кожей пальцевъ. Больше длинныя ногти положительно некрасивы и свидѣтельствуютъ объ кснорченномъ вкусѣ. Красивый ноготь долженъ имѣть гладкую, блестящую, слегка выпуклую и розоватую поверхность.

Уходъ за ногтями выражается въ надлежащемъ обмываніи ихъ, въ частомъ мытьѣ съ помощью щеточки и особаго костяного ножичка, наковецъ, въ подтирковкѣ ихъ съ помощью специальной подушечки и палочекъ. Уходъ за руками и ногтями сдѣлался предметомъ особой женской профессіи — manicure, — которая очень распространена въ большихъ городахъ и располагаетъ обширной клиентурой.

Лучшее средство общаго ухода за кожей представляетъ вода: Помимо ежедневныхъ обмываній, необходимо принимать, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, теплую ванну. Для обмыповенныхъ же обмываній лучше употреблять, напротивъ, холодную воду и потомъ насухо вытирать кожу.

Для закалыванія кожи врачи рекомендуютъ принимать воздушныя ванны. Ихъ всего лучше устраивать по утрамъ, передъ одѣваньемъ, едва вставъ съ постели. Но онѣ должны длиться не дольше нѣсколькихъ минутъ. Всѣ предметы, употребляемые при обмываніяхъ, должны содержаться въ педантической чистотѣ (полотенца, перчатки для растиранія, губки) и нѣсколько разъ вывариваться въ водѣ. Часто случается слышать ошибочное мнѣніе, будто мыло вредитъ красному цвѣту лица. Разумѣется, это совершенно невѣрно, — именно мыло необходимо для основательнаго очищенія кожи. Конечно, мыло должно быть доброкачественно; всего цѣлесообразнѣе сорта нейтральныхъ и жирныхъ мыль.

Еще однимъ изъ главныхъ условій сохраненія красоты и ухода за пей являются систематическія упражненія мускуловъ и гимнастика. Всякій видъ спорта — гимнастика, плаваніе, фехто-

Рис. 219 Танцовщица изъ парижскаго кафе-шантава.

Рис. 220. Старуха. По картинѣ А. Пенца.

ваніе, гребля — оказы-
ваетъ благоприятное
вліяніе на здоровье и
красоту. Если занятіе
этими видами спорта
недоступно, необходимо
дѣлать по крайней мѣ-
рѣ комнатныя упраж-
ненія, ежедневно утромъ
и вечеромъ. Они за-
ключаются въ система-
тическихъ движеніяхъ
всѣхъ членовъ тѣла,
включая и туловище.
Очень широкимъ рас-
пространеніемъ пользу-
ется такъ называемая
система Мюллера (соч.
„Моя система“ и „На-
учная гигиена“), пред-
ставляющая системати-
ческое руководство для
цѣлесообразныхъ упраж-
неній всего тѣла.

Систематическая
гимнастика дыханія,
упраженія въ выды-
ханіи и вдыханіи во время прогулки по утрамъ, вскорѣ послѣ
сна, также дѣйствуютъ благоприятно на ростъ и расширеніе
объема грудной клѣтки и заключенныхъ въ ней органовъ, —
легкихъ и сердца. Особенно у женщинъ, сдавливающихъ нижнюю
часть своей грудной клѣтки корсетомъ, дыханіе производится
преимущественно верхними частями груди, что современемъ
оказывается, разумется, вреднымъ.

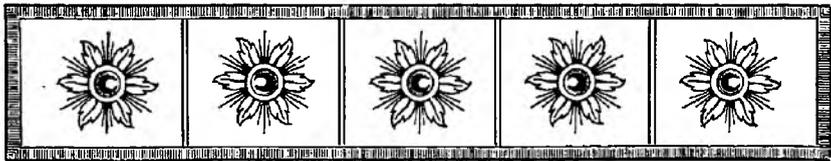
Нѣкоторое вниманіе слѣдуетъ удѣлать еще діетѣ, такъ какъ
очень много питательныхъ веществъ, могущихъ вызвать въ же-
лудочно-кишечномъ каналѣ процессы броженія, приводятъ часто,
какъ извѣстно, ко всевозможнымъ болѣзнямъ кожи, какъ и къ
общимъ заболѣваніямъ, которыя причиняютъ ущербъ красотѣ
тѣла.

Жители большихъ городовъ употребляютъ большей частью
слишкомъ обильную обѣдкомъ пищу. — въ особенности слишкомъ
много мяса и яицъ. Разумное ограниченіе потребленія мяса и
прибавка зеленыхъ овощей, а также сырыхъ и вареныхъ пло-
довъ могли бы предохранить отъ многихъ болѣзней и поднять
въ то же время дѣятельность кишечника. Въ интересахъ ухода
за кишечникомъ, правильнаго его опорожненія, женщины осо-
бенно должны были бы позаботиться объ этомъ, такъ какъ въ
этомъ онъ особенно часто грѣшатъ. Если, несмотря на употре-
бленіе фруктовъ, молока, масла и меда, дѣятельность кишечника
все же не становится нормальной, тогда слѣдуетъ обратиться къ
врачу, который примѣнитъ надлежащія средства, раньше чѣмъ
болѣзнь окажется запущенной. Питаніе, слишкомъ обильное, при-

водитъ къ чрезмѣрному отложенію жира, что оказываетъ, разумѣется, неблагоприятное вліяніе на пропорціональность и красоту фигуры.

Помимо гимнастическихъ упражненій и всевозможныхъ видовъ спорта, о которыхъ говорилось выше и которые вліяютъ не только на укрѣпленіе мускуловъ, но и предохраняютъ отъ ожирѣнія и наклонности къ нему, безусловно рекомендуются ежедневныя прогулки на чистомъ и свѣжемъ воздухѣ. Очень печально, что дамы, свободныя отъ необходимости трудиться для заработка, цѣлые дни проводятъ на кушеткѣ и, даже отправляясь куда-нибудь изъ дому, большей частью не ходятъ, а ѣздятъ. Грѣло необходимо систематически приучать къ прогулкѣ пѣшкомъ; ежедневная двухчасовая прогулка — минимумъ, необходимый для сохраненія физическаго здоровья и красоты.

Женская красота преходяща. Со временемъ формы исчезаютъ, вся фигура пріобрѣтаетъ угловатыя очертанія, руки принимаютъ костлявый видъ, и, по мѣрѣ того какъ утрачиваются признаки женской красоты, женщина пріобрѣтаетъ больше сходства съ мужчиной. Физическія половыя различія стираются въ старости. Исчезаетъ округлость лица, скулы выдаются, и, вмѣсто „предестнаго овала лица, озареннаго чарующей улыбкой“, мы видимъ очертанія треугольника, вершину котораго образуетъ худой подбородокъ и на которомъ рѣзко выступаетъ заострившійся носъ. Очень удачно рисуетъ намъ эту метаморфозу А. Пенцъ въ своей картинѣ „Старуха“ (рис. 220).

Глава третья.

Половая и производительная дѣятельность женщины.

(Проф. д-ръ Р. Косманъ. Берлинъ.)

Менструація.

Въ томъ возрастѣ, когда мы замѣчаемъ у дѣвочки тѣ перемѣны, которыя со дня на день дѣлають ее все больше и больше похожей — какъ по формамъ тѣла, такъ и по душевному складу — на взрослую женщину, происходитъ въ одинъ прекрасный день событіе, часто изумляющее и пугающее ее, характеризующее, по мнѣнію всего міра, копецъ дѣтства: кровотеченіе изъ половыхъ частей. Оно длится нѣсколько дней и прекращается, исчезаетъ очень скоро и сопряженное съ нимъ недомоганіе, при чемъ проходитъ нѣсколько недѣль вполне здороваго самочувствія; но по прошествіи мѣсяца явленіе повторяется, правильно возвращаясь въ тотъ же срокъ до половины пятого десятка лѣтъ или еще позже.

То обстоятельство, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ этотъ срокъ равняется 28—29 днямъ, т. е. приблизительно лунному мѣсяцу, послужило поводомъ къ образованію научнаго термина „менструація“, который хотя и не встрѣчается въ древнихъ латинскихъ сочиненіяхъ, но филологически произведенъ вполне правильно отъ латинскихъ словъ *menstruus* — „мѣсячный“ и *menstruare* — „имѣть мѣсячныя очищенія“. Регулярная повторяемость этого явленія у здоровой женщины подала также поводъ назвать его „періодомъ“, или „регулами“. Употребленное нами выраженіе „мѣсячныя очищенія“ происходитъ отъ стариннаго медицинскаго взгляда, согласно которому эти кровотеченія предназначены природою главнымъ образомъ для удаленія изъ организма накапливающихся въ его сокахъ вредныхъ для здоровья веществъ.

По вопросу о происхожденіи этой крови научными изслѣдованіями установлено, что она просачивается изъ слизистой оболочки, выстилающей полость матки. Послѣдняя состоитъ — по порядку снаружи внутрь — изъ трехъ слоевъ: тонкой брюшины, толстаго мышечнаго слоя и слизистой оболочки. Слизистая оболочка состоитъ, въ свою очередь, изъ рыхлой сѣти волоконъ, такъ называемой соединительной ткани, обильно пронизанной тончайшими кровеносными сосудами, и

изъ обращеннаго внутрь полости слоя клѣтокъ, расположенныхъ одна около другой въ видѣ короткихъ цилиндровъ или призмъ и несущихъ въ сторону полости тонкія нити — рѣснички, находящіяся при жизни въ непрерывномъ движеніи и колебаніи. Этотъ слой называютъ „цилиндрическимъ мерцательнымъ эпителиемъ“.

Незадолго до наступленія менструаціи эта слизистая оболочка слегка набухаетъ, тонкіе кровеносные сосуды въ ней распряются, и свѣтлая вначалѣ кровяная жидкость выступаетъ сквозь ихъ стѣнки въ петли волокнистой сѣти; затѣмъ въ означенныя петли проникаютъ изъ кровеносныхъ сосудовъ красныя кровяныя клѣтки, которыя скопляются въ соединительной ткани въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Преимущественно это происходитъ подъ самымъ мерцательнымъ цилиндрическимъ эпителиемъ, при чемъ скопляющаяся здѣсь кровь раздвигаетъ мало-по-малу окружающую ткань такъ, что въ концѣ концовъ она прокладываетъ себѣ путь наружу въ промежуткахъ между отдѣльными цилиндрическими клѣтками, или же отслаиваетъ мѣстами цилиндрической эпителий. Такъ проникаетъ кровь сначала въ полость матки, а отсюда вытекаетъ черезъ шейку матки во влагалище и изливается наружу. Разумѣется, при этомъ можетъ случиться, что одновременно отдѣляется и смѣшаются съ кровью и мелкіе обрывки эпителия. Когда затѣмъ притокъ крови къ маткѣ прекратится, кровеносные сосуды въ соединительной ткани снова суживаются, кровотеченіе прекращается, а чуть приподнявшіеся мѣстами слои эпителия снова плотно прилегаютъ къ своей подкладкѣ и срастаются съ ней, и вскорѣ восстанавливается прежнее нормальное состояніе слизистой оболочки.

Но какъ же можетъ совершаться такое болѣзненное, повидимому, измѣненіе тканей матки съ такой правильной періодичностью?

Если мы рассмотримъ всю жизнедѣятельность женщины въ томъ возрастѣ, въ теченіе котораго она менструируетъ, то мы убѣдимся, что отнюдь не одна эта потеря крови повторяется съ правильной двадцативосьмидневной періодичностью, а еще много другихъ жизненныхъ процессовъ совершаютъ то же, какъ говорить, „волнообразное движеніе“, въ которомъ каждая волна имѣетъ приблизительно двадцативосьмидневную длительность. Пульсъ, давленіе крови, температура тѣла, степень раздражимости рефлексовъ, мускульная сила, вмѣстимость легкихъ и т. д. — все повышается въ этотъ промежутокъ времени вначалѣ медленно, а потомъ быстро падаетъ, чтобы мало-по-малу снова придти въ норму. Наивысшая точка этой линіи, которой можно изобразить это волнообразное движеніе, приходится, въ среднемъ, дня за два, за три до наступленія менструальнаго кровотеченія; низшая — немного дальше половины промежутка между двумя менструаціями.

Исслѣдованія показали, однако, большую вѣроятность того, что въ такой же двадцативосьмидневный промежутокъ времени лопаются по одному или по нѣсколько Граафовыхъ пузырьковъ въ яичникѣ. Человѣческое яйцо возникаетъ въ шарообразномъ скопленіи клѣтокъ, вначалѣ плотномъ, въ которомъ постепенно

образуется полость, наполненная прозрачной жидкостью. По мѣрѣ того какъ растетъ самое яйцо, эта наполненная жидкостью полость все увеличивается и, наконецъ, достигаетъ поверхности яичника; стѣнка пузырька, въ особенности на мѣстѣ соприкосновенія своего съ поверхностью яичника, постепенно утончается, и, вслѣдствіе возрастающаго давленія, тоненькіе кровеносные сосуды, питающіе стѣнку сильно сдавливаются; здѣсь ткань подвергается омертвѣнію, и пузырекъ, носящій названіе Граафова, въ концѣ концовъ лопається, при чемъ внезапно прорвавшійся потокъ жидкости увлекаетъ съ собою маленькое яйцо.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что постепенному подъему волнообразной линіи, о которой мы говорили, соответствуетъ постепенно возрастающее давленіе въ яичникѣ, происходящее отъ увеличенія пузырька, и внезапному уклону волнообразной линіи соответствуетъ внезапное уменьшеніе давленія въ яичникѣ, происходящее отъ разрыва пузырька. Совершенно естественно также, что повышеніе давленія въ яичникѣ, вслѣдствіе роста пузырька, задерживаетъ въ то же время питаніе остальныхъ пузырьковъ, такъ что новый пузырекъ можетъ начать расти только послѣ того, какъ лопнетъ прежній. А такъ какъ, затѣмъ, самый яичникъ находится при помощи своихъ нервовъ въ тѣсной связи со всей нервной системой тѣла, въ особенности же и больше всего съ тѣмъ пучкомъ нервовъ, который регулируетъ кровоснабженіе органовъ брюшной полости, — то, въ общемъ, по крайней мѣрѣ, можно себѣ представить, что отъ періодическихъ измѣненій давленія въ яичникѣ зависитъ и регулярная періодичность всей остальной жизнедѣятельности женщины.

Наиболѣе замѣтныя измѣненія, совершающіяся у молодой женщины приблизительно одновременно съ наступленіемъ первой менструаціи, состоятъ въ быстромъ и сильномъ ростѣ волосъ въ окрестности половой щели и въ подмышечныхъ ямкахъ, въ значительномъ увеличеніи жирового слоя, въ особенности вокругъ грудныхъ железъ, отчего образуется сильная выпуклость груди, и въ увеличеніи самой железы, лежащей подъ этимъ слоемъ. Въ то же время начинается увеличиваться размѣръ костнаго тазоваго кольца и приближаться къ нормальной формѣ, подробно описанной въ главѣ о строеніи женскаго тѣла.

Нерѣдко наблюдаются и довольно значительныя душевныя измѣненія. Непринужденно-рѣзвый ребенокъ почти внезапно превращается въ болѣе мягкое, впечатлительное, застѣнчивое существо, склонное къ нѣжной привязанности къ симпатичнымъ ему роднымъ и знакомымъ. Очень трудно рѣшить, разумѣется, въ какой мѣрѣ при этомъ играетъ роль собственная индивидуальность и въ какой — внушеніе подъ вліяніемъ окружающихъ и сознание своей возмужалости.

Возрастъ, въ которомъ совершаются эти перемѣны въ молодой дѣвушкѣ, очень значительно колеблется. Можно сказать, что въ средней Европѣ у огромнаго большинства дѣвушекъ менструація впервые появляется на исходѣ четырнадцатаго или въ началѣ пятнадцатаго года жизни. Тѣмъ не менѣе довольно значительныя отклоненія наблюдаются и здѣсь. И въ этихъ стра-

нахъ встрѣчается немало дѣвушекъ, у которыхъ менструація наступаетъ на тринадцатомъ и даже на двѣнадцатомъ году, — и въ то же время бываютъ случаи (надо полагать, что въ этихъ случаяхъ играютъ роль болѣзненные состоянія, главнымъ образомъ блѣдная немочь) довольно значительнаго запаздыванія первой менструаціи, даже до двадцатыхъ годовъ жизни.

Нерѣдко случается также, что кровотеченіе появляется у совсѣмъ маленькихъ дѣвочекъ, и его обыкновенно склонны принимать за менструацію. Но основаніе для такого толкованія можетъ быть только въ томъ случаѣ, если такія кровотечения изъ половыхъ частей повторяются съ четырехнедѣльными промежутками, — а тогда мы находимъ почти безъ исключенія и другіе признаки преждевременнаго физическаго развитія. Въ научной литературѣ мы располагаемъ до сихъ поръ пятьюдесятью съ лишнимъ случаями такой преждевременной менструаціи, и среди нихъ есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ менструація появилась даже въ первые мѣсяцы жпзни. Приведемъ нѣсколько характерныхъ случаевъ.

Въ случаѣ, описанномъ Дервиромъ (Derweer), менструація появилась на четвертомъ мѣсяцѣ жизни, но дѣвочка вѣсила къ двумъ съ половиною годамъ около пятидесяти фунтовъ и имѣла видъ одиннадцатилѣтней дѣвочки. Въ случаѣ Монгомери менструація наступила въ теченіе перваго года, на десятомъ году жизни дѣвочка родила ребенка. Въ случаѣ Рамонъ де ла Сагра менструація появилась въ концѣ перваго года, дѣвочка имѣла при самомъ рожденіи развитыя груди и волосы на лобкѣ. Такой же случай описываетъ Галлеръ, при чемъ менструація наступила въ два года, а на девятомъ году дѣвочка забеременѣла. Бернэ даетъ фотографію одной дѣвочки (Анны Штробель), у которой появилась менструація въ возрастѣ шестнадцати мѣсяцевъ, а въ четыре года и девять мѣсяцевъ у нея были вполнѣ развитыя груди (рис. 221). Въ случаѣ Кортейанера менструація появилась въ семимѣсячномъ возрастѣ; когда дѣвочкѣ было двадцать восемь мѣсяцевъ, у нея были груди, какъ у семнадцатилѣтней, съ выдающимися сосками, длинные волосы на лобкѣ и вполнѣ развитыя наружныя половыя части, между тѣмъ какъ душевное развитіе соответствовало ея дѣйствительному возрасту.

Рис. 221. Анна Штробель, 4-хъ лѣтъ и 9 мѣсяцевъ отъ роду.

Очень часто съ такими уродливостями связаны и другія болѣзненные явленія, такъ что нерѣдко это имѣетъ послѣдствіемъ преждевременную смерть. Чаше всего въ такихъ случаяхъ встрѣчается рахитъ (англійская болѣзнь), затѣмъ водянка, а въ тѣхъ случаяхъ, когда было произведено вскрытіе ребенка, очень часто

оказывались болѣзни яичниковъ. Но есть нѣсколько и такихъ случаевъ, когда начавшаяся преждевременно менструація продолжалась при хорошемъ состояніи здоровья до обычнаго возраста и даже до пятьдесятъ второго года жизни.

Другой ненормальностью менструаціи, о которой слѣдуетъ упомянуть, является такъ называемая викарирующая менструація; это явленіе заключается въ томъ, что кровотеченіе появляется съ правильной періодичностью, но изъ другихъ частей тѣла.

Рис. 222. Деревянная кукла дѣвочки надѣйскаго племени Нутка (Западный Велкуверъ) въ одеждѣ, которую надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (одежда изъ кедровой коры и подушки изъ такой же коры вшиты въ волосы).

Разумѣется, не слѣдуетъ смѣшивать съ этимъ явленіемъ случайныя потери крови, вслѣдствіе которыхъ, если онѣ очень значительны, очередная менструація можетъ не появиться. Настоящія викарирующія менструаціи являются преимущественно въ видѣ кровотеченій изъ носа или геморроидальныхъ кровотеченій. Иногда онѣ появляются изъ кожныхъ пораненій, напримѣръ, изъ припухлыхъ венозныхъ узловъ; иногда онѣ наблюдаются также изъ трещинъ на губахъ. Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что у нѣкоторыхъ женщинъ являются обыкновенно во время менструаціи прыщики или сыпь на губахъ, объясняющіеся первымъ параличемъ тончайшихъ кровеносныхъ сосудовъ въ этой области. Эти прыщики обыкновенно лопаются, причиняя такимъ образомъ болѣе или менѣе значительную потерю крови изъ этого мѣста.

Въ общемъ можно сказать, что въ климатахъ болѣе холодныхъ менструація наступаетъ большей частью позднѣе, въ болѣе теплыхъ — раннѣе. Такъ, напр., въ Норвегіи первая менструація появляется у большинства дѣвушекъ только на 16-мъ году, въ Лапландіи даже только на 18-мъ, между тѣмъ какъ въ Индіи предѣльнымъ возрастомъ перваго появленія менструаціи считается 12-й годъ, а въ тропической Африкѣ даже 11-й и 10-й. Оказывается, однако, что и раса имѣетъ извѣстное вліяніе въ вопросѣ времени перваго появленія менструаціи; очень вѣроятно даже, что расы, переселившіяся изъ жаркихъ климатовъ, сохраняютъ надолго и въ болѣе холодныхъ поясахъ склонность къ болѣе раннему наступленію менструаціи, какъ и наоборотъ, уроженцы холодныхъ странъ долго обнаруживаютъ склонность къ запоздалому наступленію менструаціи, переселившись въ жаркія страны. Въ Европѣ это наблюдается преимущественно въ еврейской расѣ: еврейскія дѣвушки начинаютъ менструировать въ общемъ раньше своихъ соотечественницъ другихъ расъ. Нѣсколько раньше, чѣмъ у дѣ-

вухекъ Германіи, наступаетъ менструація у дѣвушекъ Франціи, население которой сильно смѣшано съ романскими элементами, хотя климатическія условія обѣихъ странъ одинаковы. Впрочемъ, всѣ эти наблюденія очень трудно обосновать научно-неоспоримо съ помощью статистическихъ изслѣдованій, такъ какъ исключенія встрѣчаются чрезвычайно часто.

Происходитъ это не отъ того, что изнурительныя дѣтскія болѣзни и врожденная слабость здоровья приводятъ къ запозданію менструаціи, но еще и оттого, прежде всего, что образъ жизни оказываетъ несомнѣнно огромное вліяніе. Вполнѣ понятно, что болѣе теплый климатъ обуславливаетъ болѣе раннее появленіе менструаціи; но также понятно и то, что такое же вліяніе должно оказывать и продолжительное пребываніе подрастающей дѣвочки въ очень теплыхъ квартирахъ, и привычка къ теплой одеждѣ. Но къ этому надо прибавить и болѣе обильное питаніе, и меньшій физическій трудъ, которыми обуславливается раннее появленіе менструаціи среди зажиточныхъ классовъ и у пользующихся благосостояніемъ народовъ; скудное питаніе и изнурительный трудъ замедляютъ ее. Сообразно этому, наблюденіе въ общемъ показываетъ болѣе раннее наступленіе менструаціи среди дѣвушекъ городского населенія, чѣмъ въ деревняхъ.

Большая щепетильность современныхъ культурныхъ народовъ побуждаетъ ихъ скрывать все, сопряженное съ половой жизнью, а потому и наступленіе первой менструаціи, даже отъ ближайшихъ членовъ семьи; первобытные же народы и народы, стоящіе на нѣсколько низшей ступени культуры, совершенно открыто отмѣчаютъ этотъ моментъ, имѣющій такое огромное значеніе въ жизни женщины, всевозможными празднествами въ честь этого событія. Такіе обычаи существуютъ, какъ мы знаемъ, на Явѣ и въ Сіамѣ; въ Сіамѣ чествованіе этого событія принято даже среди высшихъ круговъ, и съ особенной пышностью празднуется наступленіе этого періода у принцессъ, принимая не только семейный, но и всенародный характеръ.

Самые серьезныя изслѣдователи, какъ, напр., Виссманъ, Бауманъ и др., свидѣтельствуютъ о подобныхъ празднествахъ

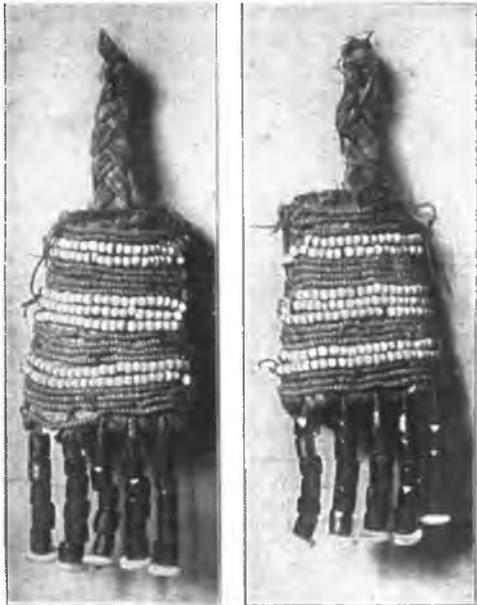

Рис. 223—224. Уборъ для волосъ, состоящій изъ кедровой коры, раковинъ и бусъ, который надѣваютъ молодыя дѣвушки индѣйскаго племени Нутка (Западный Ванкуверъ) при наступленіи первой менструаціи и который носятъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.

Рис. 225. Волосяной уборъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и на рис. 223—224).

въ Африкѣ, да и въ разныхъ другихъ частяхъ свѣта; приняты они и въ германскихъ владѣніяхъ юго-западной Африки. Индѣйцы Сѣверной и Южной Америки, повидимому все безъ исключенія, свято чтутъ этотъ обычай; мы знаемъ, что онъ существуетъ и въ Патагоніи и Перу, и въ Калифорніи и Канадѣ. Въ Мексикѣ можно прослѣдить, какъ эти празднества, носившія первоначально публичный характеръ, приняли подъ вліяніемъ облагородившихся нравовъ исключительно семейный характеръ. Тотъ же взглядъ на это событіе сказывается и въ томъ, что нѣкоторые народы отмѣчаютъ ихъ особо праздничными нарядами и уборами, которыми украшаютъ дѣвушекъ, менструирующихъ въ первый разъ. Еще менѣе культурные народы чествуютъ этотъ моментъ тѣмъ, что дѣвушку впервые тапунруютъ въ это время. У многихъ народовъ приняты особые головные уборы и другія части одежды, впервые надѣваемая по этому случаю, — вродѣ показанныхъ на рис. 222—232, представляющихъ снимки съ предметовъ берлинскаго этнографическаго музея.

Другую сторону того же явленія представляетъ очень нерѣдко встрѣчающійся обычай нанесенія побоевъ дѣвушкѣ, менструирующей въ первый разъ. Съ большимъ вѣроятіемъ, этотъ обычай можно объяснить тѣмъ, что на первую менструацію смотреть въ этихъ случаяхъ только какъ на одинъ изъ признаковъ наступленія зрѣлости, и для провѣрки того, дѣйствительно ли молодая дѣвушка вполне созрѣла, ее считаютъ нужнымъ подвергнуть еще особымъ испытаніямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно африканскихъ, дѣвушку отдалаютъ въ это время отъ родныхъ и отдаютъ на выучку какой-нибудь пожилой женщинѣ, которая наставляетъ ее во всѣхъ обязанностяхъ замужней женщины и хозяйки дома, въ особенности же въ дѣлѣ

Рис. 226. Уборъ для волосъ, который надѣваютъ при первой менструаціи (то же, что и на рис. 223—224).

исполнения самых трудных и физически тяжелых работ. Ее заставляют таскать тяжести до крайняго предѣла ея силъ, брать голыми руками сильно нагрѣтую посуду, чтобы закалить кожу рукъ, и приучаютъ ее къ перенесенію ударовъ розгами и другихъ побоевъ. У другихъ народностей этотъ обычай приобрѣлъ характеръ чисто церемоніальной обрядности, такъ что воспитательный элементъ отступилъ на задній планъ.

Нѣсколько иное объясненіе имѣетъ другой обычай. У нѣкоторыхъ народовъ дѣвушка, менструирующая въ первый разъ, изолируется ото всѣхъ. Это происходитъ, вѣроятно, отъ уже упомянутаго представленія нѣкоторыхъ народовъ объ особой нечистотѣ менструальной крови; многія племена практикуютъ такое изолированіе не только во время

Рис. 228. Волосая уборъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (тоже, что и на рис. 223—224).

Рис. 227. Волосая уборъ, который надѣваютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и на рис. 222—223).

первой менструаціи, но и каждый разъ при ея появленіи.

Очень вѣроятно, что тѣ народности, которыя практикуютъ это только въ первый разъ, просто вынуждены ограничиться однимъ этимъ разомъ, такъ какъ по своимъ условіямъ жизни считаютъ невозможнымъ или по крайней мѣрѣ очень невыгоднымъ соблюденіе этого обычая каждый разъ.

Представленіе это о нечистотѣ менструальной крови коренится, повидимому, въ эпохахъ еще доисторической жизни Востока. Въ болѣе умѣренномъ видѣ оно перешло отсюда въ греческую медицину. Но когда Римская имперія завоевала всемірное владычество, распространивъ его далеко и надъ восточными странами, — самое мрачное суевѣріе проникло отсюда и въ научную медицину; такъ, мы находимъ у естествоиспытателя Плинія, жившаго въ эпоху расцвѣта Римской имперіи, перечень всѣхъ существовавшихъ представленій о страшной ядовитости менструальной крови. Согласно этимъ дикимъ взглядамъ, отъ одного присутствія менструирующей женщины или дыханія

ея тускнѣють будто бы зеркала, ржавѣють пожи, засыхаютъ безъ входовъ постѣвы, собаки, лизнувшія эту кровь, впадаютъ въ бѣшенство, и совершаются разныя подобныя диковины. До самаго XVII столѣтія нашей эры эти взгляды встрѣчались въ руководствахъ самыхъ выдающихся ученыхъ Запада, а въ Италіи они встрѣчаются еще и теперь. Но подобныя представленія встрѣчаются и у множества другихъ народовъ, и даже у такихъ, у которыхъ никакъ нельзя предположить вліянія, заимствованныхъ изъ древней классической медицины.

Такъ, напримѣръ, въ Угандѣ существуетъ убѣжденіе, что,

Рис. 229 и 230. Волосяной уборъ, который надѣвають при наступленіи первой менструаціи (то же, что и рис. 222—223).

если менструирующая женщина коснется оружія, — мужчина, которому оно принадлежит, будетъ въ слѣдующемъ же сраженіи убитъ. Эскимосы Берингова побережья убѣждены, что одна атмосфера менструирующей женщины губитъ удачную охоту для мужчины, попавшаго въ нее. Малайцы ждуть несчастья на войнѣ для мужчины, случайно ступившаго ногой на менструальную кровь. Такихъ примѣровъ можно было бы привести множество изъ вѣрваній малокультурныхъ народовъ; но пережитки этихъ суевѣрій сохранились еще кое-гдѣ даже въ высококультурной Германіи. Въ прибрежныхъ областяхъ, напримѣръ, и теперь еще строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни одна женщина не входила въ погребъ во время броженія вина, потому что процессъ броженія принимаетъ будто бы неблагоприятный оборотъ, если у какой-либо изъ присутствующихъ женщинъ

Рис. 231. Уборъ для волосъ, который надвѣаютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и рис. 222—223).

Женщины у хевсуровъ обязаны проводить все время, пока длится менструація, въ особо построенныхъ для этого хижинахъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ (рис. 233). По закону Моисея, менструирующая женщина тоже считается безусловно нечистой и не допускается къ близкому общенію съ семьей, въ особенности къ общимъ семейнымъ трапезамъ, раньше чѣмъ не совергитъ, по окончаніи менструаціи, омовенія, тщательно слѣдя за тѣмъ, чтобы ни одинъ волосъ тѣла не остался невымытымъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ средней Германіи, особенно въ Шпелерѣ и Фридбергѣ, до сихъ поръ сохранились со времени среднихъ вѣковъ еврейскія купальни, специально служившія для исполненія этого религіознаго предписанія. Мужчина, погрѣшившій поло-

оказывается менструація. Такъ же оберегаютъ отъ этой опасности саксель-мейн-вингелцы свои пивоварни. По той же причинѣ менструирующія женщины избѣгаютъ варить варенье. Въ Силезіи женщины не могутъ въ это время садить растенія и даже касаться ихъ, иначе они засохнутъ¹. Что менструальная кровь, припятая внутрь, является сильнымъ ядомъ, — это обще-распространенное мнѣніе, и во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что ее нерѣдко употребляютъ въ цѣляхъ мужеубійства. Зато, съ другой стороны, она имѣетъ будто бы и цѣлебное дѣйствіе, будучи принята въ очень маломъ количествѣ, а какъ наружное средство является излюбленнымъ народнымъ лѣкарствомъ — при бородавкахъ, родникахъ, пятнахъ, чирьяхъ, рожѣ, эпилепсіи и въ случаяхъ задержки менструаціи.

Религія тоже способствовала укрѣпленію этихъ воззрѣній.

Рис. 232. Уборъ для волосъ, который надвѣаютъ при наступленіи первой менструаціи (то же, что и рис. 222—223).

¹ Въ Малороссіи менструирующія женщины не могутъ участвовать даже пассивно въ приготовленіи „бураковаго кваса“; случайно ступившій ногой на менструальную кровь заболѣваетъ, по мѣстному повѣрью, желтухой или блѣдной немочью.

вымъ общеніемъ съ менструирующей женщиной, предавался, по закону Моисея, смерти вмѣстѣ со своей соучастницей.

Возможно, что и тогда думали, какъ это можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ медицинскихъ сочиненіяхъ, что это можетъ имѣть послѣдствіемъ заболѣваніе и распространеніе той болѣзни, которая была страшнымъ бичомъ человечества въ древности и въ средніе вѣка, — проказы. У нынѣшнихъ культурныхъ народовъ можно еще иногда встрѣтить мнѣніе, что отъ сношенія съ менструирующей женщиной возникаетъ трипперъ. Но неопытнымъ и противоестественнымъ это считается и теперь, всюду безъ исключенія. Тѣмъ не менѣе, очень сомнительно,

Рис. 233. По „Радде: Хевсуры и ихъ жизнь“. Менструиющія женщины племени хевсуровъ передъ хижиной, предвѣщавшей для менструирования.

правильнѣ ли этотъ взглядъ, или вѣрнѣе, быть можетъ, правильно какъ разъ противоположное¹, потому что у тѣхъ животныхъ, у которыхъ существуетъ явленіе, аналогичное менструаціи, половыя сношенія совершаются именно во время этого состоянія, — во всякомъ случаѣ, передъ концомъ его; а что инстинктъ человѣка также, повиднмому, обнаруживаетъ такую склонность, — объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что половой инстинктъ женщины несомнѣнно особенно сильно пробуждается къ концу менструаціи.

Старая научная медицина, въ своемъ стремленіи согласовать свои выводы съ непоколебимыми для нея религіозными возрѣніями, старалась найти доказательства ядовитости менструальной крови въ томъ, что неоявленіе кровотеченія въ надле-

¹ Врачи безусловно воспрещаютъ половыя сношенія во время менструаціи, такъ какъ при этомъ усиливается и безъ того значительный приливъ крови къ половымъ частямъ, что можетъ повлечь въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжелыя расстройтва женской половой сферы.

жащій срокъ, если это происходитъ не отъ беременности, обыкновенно сопряжено съ болѣзненными явленіями. Въмѣсто того, чтобы взглянуть на болѣзнь, какъ на причину, и на остановку менструаціи, какъ на слѣдствіе, старая медицина поступала наоборотъ и объясняла болѣзненные явленія задержкой въ организмѣ ядовитыхъ составныхъ частей менструальной крови. Въслѣдствіе недоступности данныхъ частей организма воздѣйствію медикаментовъ, очень давно уже медицина напала на мысль лѣчить такія задержки крови куреніями различными веществами. Всего нѣсколько столѣтій тому назадъ научная медицина пользовалась для этихъ куреній особыми сосудами. Рис. 234 изображаетъ такой сосудъ для куреній, сдѣланный въ изящномъ стилѣ ренессанса, какой можно видѣть въ сочиненіяхъ великаго французскаго хирурга Амбруаза Парэ.

Помимо этихъ и подобныхъ средствъ, примѣняемыхъ научной медициной, въ народной медицинѣ сохранилось до настоящаго времени безчисленное множество лѣкарственныхъ снадобій и знахарскихъ средствъ противъ задержки менструаціи, противъ такъ называемаго застоя крови; всѣ они должны быть безусловно отвергнуты, потому что направлены они на сравнительно безвредное явленіе, а не на причину болѣзни. Въ случаяхъ болѣе или менѣе серьезной болѣзни такая задержка крови, потеря которой отняла бы еще больше силъ у больной, можетъ быть скорѣе полезна, чѣмъ вредна, и можетъ только обратить вниманіе больной на свое состояніе, заставивъ ее обратиться за совѣтомъ къ врачу. Въ болѣшинствѣ случаевъ задержка менструаціи оканчивается, разумѣется, явленіемъ, сопутствующимъ беременности, а въ такомъ случаѣ вызванное кровотеченіе только повлекло бы за собой преждевременное удаленіе плода, — часто случается, кромѣ того, что онъ удаляется не вполне, и это грозитъ тяжельми и долгимъ разстройствомъ здоровья. Бываютъ, однако, случаи, хотя и довольно рѣдкіе, что менструація ни разу не появляется за всю жизнь, при чемъ это не сопровождается никакими страданіями и не всегда обусловливается бесплодіемъ; бываетъ, что такія женщины забеременѣваютъ и нормально рожаютъ.

Въ нашемъ климатѣ менструація въ возрастѣ между 40 и 50 годами утрачиваетъ вначалѣ свою правильность, а затѣмъ и совсѣмъ прекращается. Изрѣдка случается, что она прекращается внезапно и безъ всякой предварительной неправильности. Такъ какъ у многихъ женщинъ прекращеніе менструаціи сопровождается и замѣтными переизмѣненіями въ физическомъ состояніи и въ наружности, то этотъ возрастъ отмѣчается какъ особый періодъ жепской жизни, который въ наукѣ носитъ названіе „климактерическаго періода“, или „менопаузы“ — оба слова происходятъ отъ греческихъ корней. Греческая медицина полагала, что жизнь протекаетъ не съ полной равномерностью и постепенностью, а какъ бы въ видѣ ступеней съ семилѣтнимъ промежуткомъ между одной и другой ступеню, — такъ что седьмой, четырнадцатый и т. д. годы характеризуются особенно сильными измѣненіями и, сообразно этому, большею опасностью для здоровья человека. И самой опасной изъ этихъ ступеней греки считали именно седьмую же („klimax“ — значитъ по-

гречески „лѣстница“ или „ступени“), т. е. 49-й годъ жизни. Другое слово, „менопауза“, означаетъ въ буквальномъ переводѣ „прекращеніе мѣсяца“; т. е., въ данномъ случаѣ, мѣсячныхъ кровотеченій.

Мы видимъ, что первое-появленіе менструаціи въ большой мѣрѣ зависитъ отъ климата, расы и условій жизни; въ такой же зависимости отъ нихъ находится и ея прекращеніе. Особенно большое вліяніе оказываютъ здѣсь, повидимому, условія жизни. На Балканскомъ полуостровѣ менструація прекращается, согласно имѣющимся даннымъ,

Рис. 234. Сосудъ для куренія.
По Амбруазу Паро.

часто на 30-мъ или 35-мъ году жизни женщины, между тѣмъ какъ у насъ и въ сѣверно-европейскихъ странахъ климактерической періодъ наступаетъ обыкновенно только на 45-мъ или 47-мъ году. Въ Италіи менструація прекращается въ южныхъ частяхъ страны позже, чѣмъ въ сѣверныхъ. Но и въ средней Европѣ встрѣчаются довольно значительныя колебанія. И въ Германіи нерѣдко встрѣчаются женщины, у которыхъ менструація прекращается въ половинѣ 30-хъ годовъ жизни безъ всякаго ущерба для нормальнаго состоянія здоровья, — и въ то же время большой процентъ женщинъ продолжаетъ менструировать до начала 50-хъ годовъ; въ Берлинѣ, напр., ежегодно извѣстное число женщинъ рождаетъ въ возрастѣ старше 50 лѣтъ.

Прекращеніе менструаціи почти всегда сопровождается нѣкоторыми расстройствами здоровья. Чаше всего наблюдаются колебанія въ давленіи крови, вообще нервныя расстройства кро-

воображенія. Наблюдается неприятное явленіе внезапнаго прилива крови къ лицу безъ всякаго внѣшняго повода, иногда бывають легкія головокруженія, сильная испарина выступаетъ на всемъ тѣлѣ. Очень часто наблюдаются въ это время головныя боли и расстройства пищеваженія. Рѣдко всѣ эти расстройства длятся дольше года или двухъ лѣтъ.

Беременность.

Во введеніи къ настоящему сочиненію (ср. стр. 1 и слѣд. I ч. наст. тома), рассматривающемъ вопросъ о различіи половъ, изложено и пояснено рисунками, какимъ образомъ яйцевая клѣтка женщины превращается, благодаря проникновенію въ нее мужской половой клѣтки, въ способное къ дальнѣйшему

развитію яйца. Тамъ же разсмотрѣно и то, какъ происходитъ у человѣка и у высшихъ животныхъ это сляніе обѣихъ половыхъ клѣтокъ, такъ называемое оплодотвореніе, внутри женскаго тѣла. Во второй главѣ I части этого тома, разсматривающей половыя и воспроизводительныя функціи мужчины, изложено также все необходимое для уясненія того, какъ совершается перенесеніе мужскихъ половыхъ клѣтокъ въ женское тѣло. Къ тому моменту, когда происходитъ оплодотвореніе, яйцо выдѣляется уже изъ наполненнаго жидкостью мѣшковиднаго образованія яичника, такъ называемаго Граафова пузырька, который лопається, падаетъ въ брюшную полость и помѣщается обыкновенно на слизистой оболочкѣ у брюшнаго отверстия яйцепровода, которое напоминаетъ по формѣ раструбу духового инструмента, съ той только разницей, что края его сильно зазубрены.

Съ извѣстной вѣроятностью можно предположить, что тѣ волнообразныя сокращенія, которыя пробѣгаютъ по маткѣ и яйцепроводу во время и непосредственно послѣ акта совокупленія, проталкиваютъ массу находящихя на слизистой оболочкѣ мужскихъ половыхъ клѣтокъ впередъ, черезъ матку и яйцепроводъ, до указаннаго выше брюшнаго раструба яйцепровода¹. Послѣ того, какъ здѣсь одна изъ мужскихъ половыхъ клѣтокъ проникнетъ во встрѣтившееся ему яйцо, оно начинаетъ свое странствованіе черезъ яйцепроводъ внизъ до самой матки². Продолжительность этого странствованія непосредственнымъ наблюденіемъ у человѣка установить невозможно, но различныя обстоятельства позволяютъ заключить, что оно длится, приблизительно, 10 дней.

Состояніе женщины и въ теченіе этого времени можетъ быть названо беременностью, хотя въ этотъ промежутокъ времени нѣтъ никакой непосредственной связи между яйцомъ и матерью. Но послѣ того, какъ оно уже попало въ матку, оно прикрѣпляется тамъ такъ, что для него становится возможнымъ самый живой обмѣнъ съ материнскимъ тѣломъ какъ питательными веществами и продуктами ихъ разложенія, такъ и тѣми газами, которые вбираются и выдѣляются въ теченіе жизненныхъ процессовъ. Можно сказать, что беременность въ настоящемъ смыслѣ этого слова начинается, въ сущности, только съ момента этого прикрѣпленія яйца, превращающаго молодое человѣческое существо, до извѣстной степени, въ паразита на материнскомъ тѣлѣ.

Исслѣдователи не вполне сходятся во взглядѣ на то, какъ совершается это прикрѣпленіе. Многіе представляютъ себѣ это въ такомъ видѣ, что яйцо проникаетъ въ матку черезъ поверхностные слои ея слизистой оболочки и что затѣмъ края отверстия, сквозь которое оно проникло, снова смыкаются надъ нимъ путемъ своего рода процесса зарубцовыванія. Намъ до сихъ поръ не удавалось наблюдать этого на самомъ человѣкѣ, такъ какъ мы

¹ Много заставляеть думать, что, помимо присасывающаго дѣйствія матки, здѣсь играетъ большую роль и свойственный сѣменнымъ нитямъ реотропизмъ, т. е. стремленіе двигаться на встрѣчу току жидкости, въ данномъ случаѣ, — тѣхъ железистыхъ выдѣленій, которыя поступаютъ изъ матки во влагалище.

Ред.

² Встрѣча сѣменной нити съ яйцовой клѣткой происходитъ вовсе не обязательно у брюшнаго раструба яйцеводовъ, а можетъ произойти еще и въ брюшной полости, а также въ самыхъ яйцеводахъ и даже въ маткѣ.

Ред.

можемъ пользоваться для этой цѣли, конечно, только изслѣдованіемъ труповъ. Но у высшихъ животныхъ, у которыхъ строение матки похоже на человѣческую и у которыхъ, вдобавокъ, яйцо въ моментъ его прикрѣпленія гораздо крупнѣе, чѣмъ у человѣка, — къ тому же тутъ мы имѣемъ возможность убить животно-мать черезъ столько часовъ послѣ совокупленія, сколько потребуется въ интересахъ нашего изслѣдованія, — у животныхъ этотъ процессъ вполне точно изслѣдовать.

Тутъ мы видимъ прежде всего, что поверхность оплодотвореннаго яйца сливается со слизистой оболочкой матки, и съ этого момента обѣ поверхности начинаютъ расти, собираясь во множество складокъ, соединяющихся другъ съ другомъ приблизительно такъ, какъ сплетенные пальцы рукъ.

Далѣе, — обменъ газовъ и питательныхъ веществъ между матерью и ребенкомъ благопріятствуетъ особое развитие кровеносныхъ сосудовъ у обоихъ существъ. Упомянутыя выше складки яйцевой оболочки, такъ называемаго хоріона, вырастаютъ у человѣка въ развѣтвленные древовидно придатки или ворсинки хоріона, и въ нихъ проникаютъ развѣтвленія кровеносныхъ сосудовъ зародыша. Въ складкахъ же материнской слизистой оболочки самыя тонкія развѣтвленія кровеносныхъ сосудовъ расширяются въ болѣе обширныя, наполненныя кровью полости, въ которыя также проникаютъ, повидному, названныя ворсинки хоріона, такъ что кровь матери и зародыша отдѣляется только тончайшимъ слоемъ ткани. Благодаря этому приспособленію, всѣ тѣ вещества, которыя вообще могутъ растворяться въ плазмѣ крови (кровяной жидкости), получаютъ возможность переходить сквозъ необычайно тонкія перегородки изъ материнской крови въ дѣтскую и обратно.

Это относится, слѣдовательно, прежде всего къ кислороду, который получаетъ путемъ дыханія мать и передаетъ его такимъ образомъ зародышу, а также и къ углекислотѣ, которая образуется въ зародышѣ, какъ слѣдствіе его жизненныхъ процессовъ, въ особенности отъ соединенія кислорода съ углеродомъ тканей дѣтскаго тѣла. Вотъ почему содержаніе обоихъ этихъ газовъ въ крови дѣтскаго тѣла должно быть всегда приблизительно такимъ же, какъ и въ материнской крови. Пока мать правильно дышитъ и заботится о томъ, чтобы ея собственная кровь получала достаточно кислорода и выдѣляла скопляющуюся въ ней углекислоту, которая могла бы быть вредна ей, — до тѣхъ поръ и дѣтская кровь имѣетъ надлежащее содержаніе газовъ, хотя плодъ еще и не имѣетъ возможности производить самостоятельно дыхательныхъ движеній. Но какъ только мать перестаетъ дышать, не только въ ея крови уменьшается притокъ кислорода и умножается количество скопившейся углекислоты, но и въ крови плода, — и это можетъ привести къ смерти обоихъ существъ.

Такимъ же образомъ происходитъ и питаніе, равно какъ и выдѣленіе непригодныхъ для организма продуктовъ пищеваренія. Переработку принятой пищи производить сама мать въ своихъ пищеварительныхъ органахъ. Но то, что можетъ пройти сквозъ стѣнки ея кишечника въ ея собственные кровеносные сосуды и можетъ быть полезно ея собственному тѣлу, то попадаетъ и въ

кровеносные сосуды ея матки и отсюда поступает и въ кровеносные сосуды плода. Точно также тѣ продукты разложенія, которые могутъ быть выведены наружу изъ кровеносныхъ сосудовъ матери черезъ почки, — все это можетъ поступить и изъ крови плода въ кровь матери, такъ что составъ крови и въ смыслѣ питательныхъ веществъ остается приблизительно одинаковый у матери и ребенка, и продукты разложенія, образующіеся вслѣдствіе жизненныхъ процессовъ плода, также могутъ выводиться наружу черезъ почки матери. Только въ самый послѣдній періодъ беременности, когда ребенокъ уже значительно выросъ, въ удаленіи продуктовъ разложенія начинаютъ принимать участіе и почки самого ребенка и даже его кишечникъ, и тогда эти продукты разложенія попадаютъ въ околоплодные воды, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Объ измѣненіяхъ, совершающихся въ самомъ плодѣ послѣ прикрѣпленія яйца, мы скажемъ здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ. Какъ уже было изложено во введеніи, яйцо дѣлится сначала на двѣ клѣтки, которыя остаются поверхностно связанными другъ съ другомъ, затѣмъ каждая изъ этихъ клѣтокъ, соединенныхъ общей поверхностью, продолжаетъ дѣлиться въ свою очередь, и такимъ образомъ возникаетъ многоклѣтное тѣло. Вслѣдствіе этого размноженія клѣтокъ, яйцо, по мѣрѣ своего роста, превращается въ своего рода пузырь, клѣтки котораго все тѣснѣе прижимаются другъ къ другу (и оттого онѣ теряютъ свою круглую форму, принимая видъ многоугольниковъ) и внутри котораго помѣщается прозрачная жидкость. Позднѣе, клѣтки размножаются и въ толщину, въ направленіи стѣнки пузыря, такъ что она составляется уже изъ трехъ слоевъ, такъ называемыхъ зародышевыхъ листковъ, а вслѣдствіе расщепленія средняго слоя, даже въ концѣ концовъ — изъ четырехъ.

Вскорѣ послѣ этого можно замѣтить, что вдоль идущаго прямолинейно углубленія или борозды, появляющейся на поверхности этого зародышеваго пузыря, клѣтки размножаются особенно сильно, и такимъ образомъ возникаютъ два параллельныхъ валика. Это и есть собственно зачатокъ дѣтскаго организма. Когда затѣмъ яйцо прикрѣпляется къ слизистой оболочкѣ матки, оно прилегаетъ къ ней именно той стороной, въ которой находится упомянутый зачатокъ; но такъ какъ само оно было бы стѣснено въ своемъ ростѣ вслѣдствіе своего прилеганія къ материнской слизистой оболочкѣ, то вполне понятно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ появились два параллельныхъ валика, зародышевый пузырь начинаетъ углубляться, на подобіе того какъ вдавливаются обмокшіи резиновый мячъ, если нажать на часть его поверхности пальцемъ. Тогда край образовавшагося такимъ образомъ углубленія срастается съ материнской слизистой оболочкой, между тѣмъ какъ тѣло зародыша располагается въ длину въ глубинѣ этой впадины. Мало-по-малу впадина эта углубляется все больше и больше, края ея сдвигаются и смыкаются. Такимъ образомъ, и образовавшееся углубленіе превращается мало-по-малу, въ свою очередь, въ приблизительно шарообразный пузырь, наполняющійся водянистой жидкостью, въ зародышевую оболочку или такъ называемый амнионъ (см. рис. 285—288).

Но въ образованіи этой оболочки принимали участие только два наружныхъ слоя зародышеваго пузыря, потому что только они склеились со слизистой оболочкой матки. Оба внутренніе слоя не участвовали въ прикрѣпленіи къ слизистой оболочкѣ матки и остаются перегородкой для остальной части зародышеваго пузыря. Эта шарообразная часть содержитъ еще остатокъ пер-

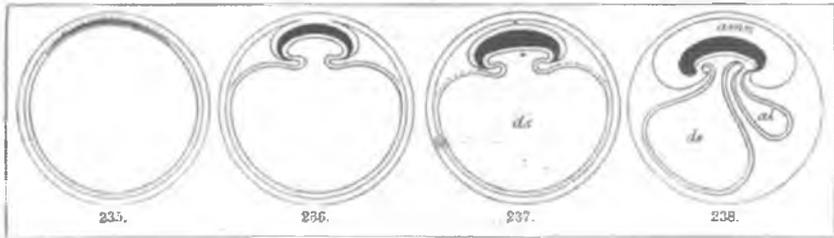

Рис. 235—238. Схематическое изображеніе отношенія яичевыхъ оболочекъ, зародыша и прикрѣпленія яйца.

ds — желточный мѣшокъ, am — амнионъ, al — аллантоисъ.

воначальнаго содержимаго зародышеваго пузыря, которое идетъ не прямо на строеіе дѣтскаго тѣла, а служитъ ему косвенно, какъ запасъ пищи для развивающагося плода. Эта часть называется желточнымъ мѣшкомъ или пузыремъ (рис. 237 и 238 ds).

Обѣ параллельныхъ выпуклости, о которыхъ мы выше говорили, все больше и больше утолщаются, и боковые края ихъ за-

ворачиваются внутрь въ направленіи желточного мѣшка, такъ что зачатокъ превращается мало-по-малу въ трубку съ продольной щелью, потомъ края этой бороздки срастаются спереди и сзади другъ съ другомъ, такъ что желточный мѣшокъ остается соединеннымъ съ тѣломъ зародыша только посредствомъ тоненькаго, полаго внутри стebelька.

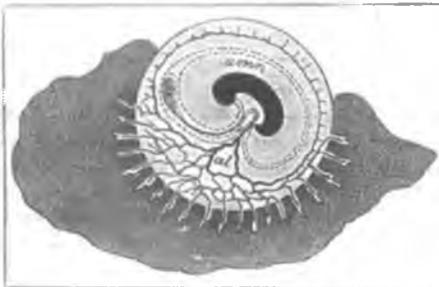

Рис. 239. Схематическое изображеніе отношенія яичевыхъ оболочекъ, зачатка и прикрѣпленія яйца.

ds — желточный мѣшокъ, am — амнионъ, al — аллантоисъ.

Тѣло зародыша, имѣющее приблизительно трубкообразную форму, состоитъ попрежнему изъ четырехъ

различныхъ слоевъ. Оба наружные слоя, изъ которыхъ съ теченіемъ времени образуются всѣ кожныя, нервныя, костныя и мускульныя части человѣческаго плода, снова смыкаются надъ плодомъ въ томъ мѣстѣ, откуда идетъ желточный стebelекъ, и образуютъ стѣнку амниона, тогда какъ оба внутренніе листка, изъ которыхъ возникаетъ кишечникъ и всѣ относящіяся къ нему органы, переходятъ прямо въ стѣнку желточнаго пузыря. Содержимое желточнаго пузыря остается вначалѣ соединеннымъ съ содержимымъ кишечника посредствомъ полаго желточнаго стebelька и можетъ постепенно перейти дѣлякомъ въ кишечникъ.

Но желточный пузырь имѣетъ второстепенное значеніе для питанія человѣческаго плода; рядомъ же съ его стебелькомъ, изъ еще сохранившагося тамъ остатка бороздки, выпячивается часть стѣнки кишечника, состоящая, разумѣется, также изъ обоеихъ внутреннихъ зародышевыхъ листковъ (рис. 238 и 239, а). Она быстро растетъ, достигая стѣнки яйца, а когда у плода развиваются сердце и кровеносные сосуды, эта часть кишечника, такъ называемый аллантоисъ, также снабжается кровью посредствомъ двухъ артерій, тончайшія развѣтвленія которыхъ соединяются въ одну вену, отводящую кровь къ сердцу. Это и есть тотъ аппаратъ, тончайшіе кровеносные сосуды котораго проникаютъ въ названныя ворсинки яйцевой оболочки (точнѣе, только въ дискообразномъ участкѣ ея) и извлекаютъ изъ материнской слизистой оболочки необходимыя для дыханія и питанія плода газы и жидкости. Стебелекъ этого аллантоиса, постепенно увеличиваясь и достигая нормально длины въ 50—60 сантиметровъ (иногда онъ бываетъ и вътрое длиннѣе), превращается такимъ образомъ въ пупочный канатикъ. Онъ представляетъ собой соединеніе самаго плода съ такъ называемымъ дѣтскимъ мѣстомъ; это послѣднее, въ свою очередь, представляетъ собой не что иное, какъ тотъ дискообразный участокъ, который образуется отъ соединенія слизистой оболочки матки съ возникшими изъ яйцевой оболочки и аллантоиса ворсинками. Вполнѣ разившійся пупочный канатикъ не имѣетъ полости, а заключаетъ студенистую массу, по которой проходятъ двѣ пупочныя артеріи и пупочная вена. Иногда внутри студенистой массы можно найти еще небольшіе остатки желточного пузыря и стебелька. Та часть кишечника, изъ которой образовался аллантоисъ, имѣетъ попрежнему видъ мѣшка и впоследствии совершенно обособляется отъ кишечника, превращаясь въ мочевой пузырь.¹

Мы видѣли, такимъ образомъ, что утробный плодъ человѣка, соединенный со стѣнкой матки длиннымъ, тонкимъ и гибкимъ стебелькомъ, плаваетъ, если можно такъ выразиться, въ большомъ пузырьѣ, наполненномъ водянистой жидкостью. Вся область вокругъ мѣста прикрѣпленія пупочнаго канатика къ слизистой оболочкѣ матки представляетъ собою очень очень плотное и обильно снабженное кровью дѣтское мѣсто, вбирающее и выдѣляющее газы и питательныя вещества, поддерживающія жизнь плода. Стѣнки этого большаго, наполненнаго водянистой жидкостью околоплоднаго пузыря всюду плотно прилегаютъ къ внутренней поверхности матки, которая все больше и больше растягивается вслѣдствіе

¹ Процессъ развитія зародыша и особенно образованія зародышевыхъ оболочекъ изложенъ авторомъ нѣсколько запутанно и недостаточно популярно, и чтеніе всего этого отрывка можетъ поставитъ въ затрудненіе неподготовленнаго читателя. Въ сущности говоря, излагаемый адѣсь процессъ сводится къ тому, что оплодотворенная яйцевая кѣтка, путемъ послѣдовательнаго дѣленія на 2, 4 и т. д. частей, даетъ многокѣлочнаго зародыша, состоящаго изъ трехъ, а вслѣдствіе расщепленія средняго слоя — и четырехъ слоевъ кѣтокъ. Эти послѣдніе носятъ названіе зародышевыхъ пластовъ, которые путемъ постепеннаго обособленія даютъ начало всѣмъ тканямъ и органамъ зародыша. Еще на самой ранней стадіи зародышъ прикрѣпляется къ слизистой оболочкѣ стѣнки матки и окружается такъ называемыми зародышевыми оболочками, возникающими первоначально въ видѣ складокъ зародышевыхъ пластовъ и постепенно обрастающими зародыша. Эти оболочки не только защищаютъ развивающагося зародыша, но играютъ важную роль и въ процессѣ его дыханія и питанія. . . . Ред. . .

роста плода и увеличивающагося количества жидкости въ пузырь. Ростъ плода и околоплоднаго пузыря совершается у человѣка такъ быстро, что матка не выдержала бы такого усиленнаго растяженія, если бы ея собственныя мускульныя волокна не подвергались во время беременности очень значительному росту.

Изложеніе того, какъ образуются мало-по-малу изъ зародышевыхъ листовъ плода различныя органы ребенка и какъ тѣло его все больше и больше принимаетъ формы, похожія на тѣло взрослого человѣка, — не входитъ въ задачу настоящаго сочиненія. Довольно будетъ сказать, что недѣли черезъ 4 или недѣль черезъ 6 послѣ оплодотворенія яйца въ строеніи плода обнаруживаются особенности, позволяющія намъ различить, разовьется ли изъ него мужское или женское существо.

Что касается величины плода, то размѣръ его достигаетъ по истеченіи двухъ недѣль около двухъ миллиметровъ, на четвертомъ мѣсяцѣ — около 8 сантиметровъ, на седьмомъ мѣсяцѣ — около 30 сант., а при рожденіи — около 50 сант. Къ концу перваго мѣсяца беременности весь онъ вмѣстѣ съ околоплоднымъ пузыремъ приблизительно равенъ по величинѣ голубиному яйцу; къ концу третьаго мѣсяца діаметръ его равенъ приблизительно 10 сант.; на пятомъ мѣсяцѣ вся масса околоплодныхъ водъ имѣетъ приблизительно объемъ до одной трети литра; обыкновенно она увеличивается постепенно до объема 1½ литровъ, но бываетъ и больше, и меньше, что не лишено извѣстнаго значенія какъ для дальнѣйшаго развитія плода, такъ и для болѣе или менѣе благополучнаго теченія родовъ.

Такой значительный ростъ плода и увеличеніе околоплоднаго пузыря не можетъ совершаться, разумѣется, безъ замѣтныхъ и на видѣ измѣненій въ формахъ тѣла матери. На 16-й недѣль беременности верхній конецъ матки уже можно прощупать надъ лоннымъ сращеніемъ тазоваго кольца; на 20-й недѣль онъ доходитъ уже почти до самаго пупка, вполнѣ достигая его высоты на 24-й недѣль беременности; въ это время уже явственно видно на обнаженномъ тѣлѣ увеличеніе объема живота. По истеченіи 28 недѣль, матка поднимается на нѣсколько пальцевъ выше пупка, и выпуклость живота становится настолько значительной, что ее уже очень трудно скрыть и подъ платьемъ. Наибольшаго объема достигаетъ животъ съ наступленіемъ 36-й недѣли беременности. Съ этого момента и до самыхъ родовъ, наступающихъ обыкновенно по истеченіи 40 недѣль беременности, формы тѣла беременной измѣняются только въ томъ смыслѣ, что съ опущеніемъ матки выпуклость живота надъ пупкомъ становится нѣсколько меньшей и зато большей въ области ниже пупка (ср. рис. 240). Тяжесть живота, выпячивающагося все больше впередъ, вынуждаетъ беременную, для сохраненія равновѣсія, подаваться плечами назадъ, при чемъ соотвѣтственно изгибается поясничная область. Отсюда происходитъ та особенность положенія тѣла и походки беременной, которая производитъ впечатлѣніе „надменности“.

Изъ другихъ измѣненій въ наружности беременной больше всего обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе цвѣта кожи; это явленіе наблюдается у всѣхъ, почти безъ исключенія, но у брюнетокъ оно замѣтно сильнѣе, чѣмъ у блондинокъ. Средняя линія жи-

вота всегда окрашивается книзу от пупка въ коричневатый цвѣтъ, часто даже въ темно-коричневый; такъ же окрашивается и кружокъ, окружающій грудной сосокъ. Но у очень многихъ беременныхъ вся кожа окрашивается въ бурый, коричневатый цвѣтъ; если были веснушки или родимыя пятна, онѣ становятся темнѣе и выступаютъ рѣзче; нерѣдко мѣстами появляются неправильныя желтоватыя или буроватыя пятна, которыя довольно сильно безобразяютъ беременную, если выступаютъ на лицѣ. У нѣкоторыхъ женщинъ лицо принимаетъ на исходѣ беременности апатичное выраженіе, а кожа становится дряблою, но это бываетъ въ большинствѣ случаевъ тогда, когда при беременности существуютъ какія-нибудь разстройства здоровья.

Подготовка организма къ будущему кормленію сказывается въ сильномъ набуханіи груди, железы которыхъ съ половезы беременности (при нажатіи ихъ, а иногда и сами собой) выдѣляютъ жидкость, называемую коломъ, или молозивомъ, которая еще, впрочемъ, нѣсколько отличается отъ молока и по своему составу, и по своему водянистому виду. Въ околососковомъ кружкѣ набухаютъ также находящіяся тамъ сальныя железы и образуютъ зернистыя возвышенія, которыя также могутъ считаться довольно надежнымъ доказательствомъ беременности.

Вслѣдствіе усиленнаго прилива крови къ половымъ частямъ, наружныя половыя органы также довольно значительно набухаютъ, а такъ какъ отливъ крови затрудненъ, то слизистая оболочка влагалища принимаетъ синеватую окраску. Эта затрудненность обратнаго отлива крови, объясняющаяся давленіемъ, производимымъ увеличенной маткой на проходящія въ таза вены, захватываетъ часто цѣликомъ и нижнія конечности. Въ такихъ случаяхъ вены проступаютъ сквозь кожу на ногахъ въ видѣ толстыхъ синихъ стволонъ. Иногда онѣ такъ сильно выступаютъ подъ кожей, такъ сильно извиваются по всѣмъ направлениямъ, что поверхность ногъ вся испещряется этими толстыми

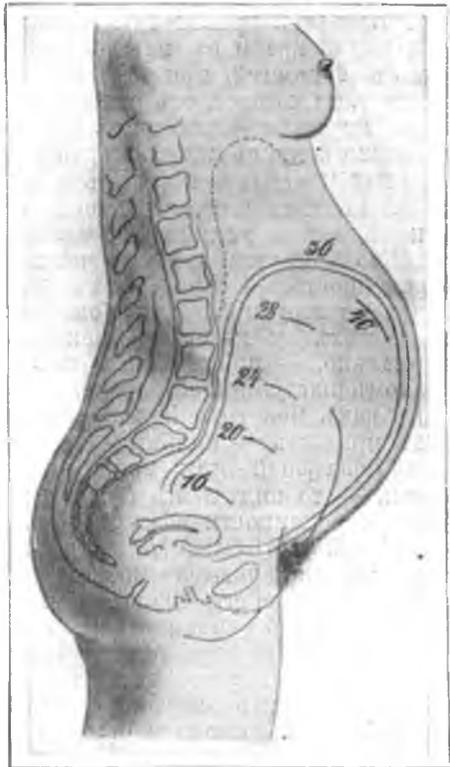

Рис. 240. Схематическое изображение увеличенія матки, соответствующее числамъ, указывающимъ недѣли беременности.

синими узлами. Такія мѣста очень подвержены пораненіямъ, и при случайныхъ царапинахъ или ушибахъ, возможны тяжелыя потери крови; часто на этихъ мѣстахъ появляются и значительныя опухоли. По окончаніи беременности такія расширенія венъ очень рѣдко проходятъ совсѣмъ и безслѣдно. Чаще эти венозные узлы остаются и послѣ родовъ, а при слѣдующей беременности вновь набухаютъ еще сильнѣе, такъ что превращаются иногда съ возрастомъ женщины — и въ особенности, если она вынуждена, по своимъ условіямъ жизни, долго стоять на мѣстѣ — въ упорный и крайне тягостный недугъ.

Застой крови въ ногахъ сопровождается обыкновенно отекомъ конечностей, при чемъ образуется особаго рода характерная опухоль, на которой отъ нажатія пальцемъ получается углубленіе, очень не скоро исчезающее. Вначалѣ эти отеки появляются обыкновенно вокругъ лодыжекъ, потомъ распространяются и ниже, по подъему и ступнѣ, а затѣмъ и вверхъ по ногѣ, и съ особенной силой въ тѣхъ случаяхъ, когда подвязки, перетягивающія ногу и колѣна, еще усиливаютъ застой крови.

Что касается другихъ перемѣнъ, которыми сопровождается беременность, — среди нихъ первое мѣсто занимаетъ приостановка менструаціи. Для большинства женщинъ, — по крайней мѣрѣ тѣхъ, у которыхъ менструаціи протекаютъ обыкновенно нормально, — приостановка ихъ является несомнѣннымъ признакомъ наступившей беременности. Бываютъ все же исключенія. Такъ какъ менструація можетъ прекратиться и вслѣдствіе другихъ причинъ — сильныхъ душевныхъ потрясеній, изнурительныхъ болѣзней или какой-нибудь другой случайной потери крови, — то видѣть въ приостановкѣ ея вполнѣ надежный признакъ беременности возможно только при вполнѣ нормальныхъ условіяхъ. Но бываетъ и такъ, что и послѣ наступленія беременности появляются кровотеченія, похожія на менструаціи; возможно даже, что кровотеченіе, появляющееся иногда послѣ наступившей беременности въ первый разъ, если это случается ровно черезъ четыре недѣли послѣ предыдущей, представляетъ собой дѣйствительно менструацію. Слѣдующія же кровотеченія, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ ничего общаго съ менструаціей и вызываются болѣзненными причинами.

Самой частой причиной такого рода бываетъ отдѣленіе яйцевой оболочки отъ матки. Если она отдѣляется на значительномъ протяженіи, то плодъ умираетъ, и яйцо выталкивается преждевременно, цѣликомъ или частями; это явленіе называется обыкновенно выкидышемъ. Если это отдѣленіе происходитъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ беременности, то это объясняется болѣею частью ненормальнымъ, слишкомъ низкимъ положеніемъ дѣтскаго мѣста. Въ этомъ случаѣ кровотеченіе можетъ оказаться настолько сильнымъ, что угрожаетъ не только жизни плода, но и жизни самой матери. Такъ какъ только наискорѣйшее вмѣшательство врача можетъ предотвратить въ этихъ случаяхъ опасность, то всякой беременной рекомендуется, въ случаѣ явленія у нея кровотеченія, немедленно же обратиться къ врачу.

Въ научно-медицинской литературѣ отмѣчено, однако, нѣсколько случаевъ умѣренныхъ кровотеченій, появляющихся съ правильными четырехнедѣльными промежутками въ продолженіе

всей беременности, — такъ что можно допустить въ самомъ дѣлѣ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ правильно продолжающейся менструаціей. Всего легче объясняется такое явленіе тѣмъ, что матка, образующаяся при развитіи двойного зачатка, такъ и остается двойной на всю жизнь, вслѣдствіе какой-нибудь ненормальности; такимъ образомъ матка сохраняетъ какъ бы двѣ полости, отдѣленные одна отъ другой болѣе или менѣе цѣльной перегородкой, изъ которыхъ одна забеременѣваетъ, а другая продолжаетъ менструировать. Параллельно этому явленію дѣйствительной менструаціи во время беременности идетъ другое явленіе, тоже довольно рѣдкое, когда женщина совсѣмъ никогда не имѣла менструаціи и, слѣдовательно, ни о какой приостановкѣ мѣсячныхъ во время беременности не можетъ быть и рѣчи.

У многихъ женщинъ беременность оказываетъ довольно серьезное вліяніе на процессы питанія и пищеваренія. У женщины здоровой во время беременности аппетитъ усиливается, сообразно увеличивающейся потребности организма въ пищѣ для надобностей развивающагося плода; нерѣдко при этомъ улучшается и пищевареніе беременной. Случается даже, что это улучшеніе питанія превосходитъ потребности плода, такъ что беременная полнѣетъ, наращивая больше жира, и даже малокровіе, если оно существовало до беременности, исчезаетъ. Противоположное явленіе наблюдается только тогда, когда беременная страдаетъ значительной нервной слабостью. Тогда появляется отвращеніе къ пищѣ, вмѣсто нормальнаго аппетита является нездоровая склонность къ несъѣдобной или даже къ отвратительной пищѣ; къ этому присоединяются тошнота, рвота, принятая пища не идетъ впрокъ, и беременная худѣетъ. Случайныя рвоты послѣ ѣды, если онѣ не сопровождаются въ то же время отвращеніемъ къ пищѣ, встрѣчаются нерѣдко при болѣе легкой нервности, и тогда онѣ не причиняютъ беременной серьезнаго вреда, — потому что въ такихъ случаяхъ она можетъ поѣсть лишній разъ въ возмѣщеніе недостающаго количества пищи, и питаніе ея не терпитъ ущерба. Бываютъ, однако, случаи, когда рвоты достигаютъ такихъ размѣровъ, что беременная теряетъ всякую возможность питаться и такъ теряетъ силы, что это представляетъ серьезную опасность для жизни ея. Такие случаи упорной, неукротимой рвоты даютъ право врачу искусственно прервать беременность, такъ какъ смерть матери повлекла бы за собой, разумѣется, и смерть плода, слѣдовательно, сохранить его жизнь было бы, во всякомъ случаѣ, невозможно; въ виду этого единственной задачей врача можетъ быть стараніе сохранить, по крайней мѣрѣ, жизнь матери.

Нерѣдко при беременности наблюдается усиленное выдѣленіе слюны. Иногда настолько значительное, что за сутки можно собрать, случается, 800, 1,000, даже 1,600 куб. сантиметровъ слюны.

Въ числѣ расстройствъ, очень часто наблюдаемыхъ во время беременности, слѣдуетъ отмѣтить затрудненное мочеиспусканіе и запоры. Оба эти явленія объясняются давленіемъ, которое производитъ увеличенная матка сзади на прямую кишку, а спереди на мочевой пузырь, въ особенности же на шейку его, прижатую къ лобковой кости.

У лицъ, отличающихся значительной нервностью, она во время беременности можетъ дойти до настоящихъ душевныхъ расстройствъ. Нерѣдко наблюдаются не только капризные переходы настроеній или меланхолія безъ всякой сколько-нибудь основательной причины, но и явно болѣзненные склонности. Чаще всего встрѣчается болѣзненная склонность играть и вообще неосторожно обращаться съ огнемъ и еще такъ называемая клептоманія, побуждающая беременную женщину, безусловно порядочную, присвоивать себѣ тайкомъ чужія вещи, даже такія, которыя ей совершенно не нужны или которыя она легко могла бы купить себѣ при своемъ матеріальномъ положеніи. Разумѣется, такія нервныя расстройства встрѣчаются почти исключительно у лицъ съ наследственпо неустойчивой нервной системой.

Въ виду того, что названныя расстройства встрѣчаются почти у каждой беременной, хотя и въ очень различной степени, то, въ общемъ, очень важно позаботиться обо всемъ образѣ жизни женщины во время беременности. Чаще всего врачу приходится сталкиваться съ вопросомъ, надо ли совсѣмъ запретить или ограничить въ теченіе этого времени половыя сношенія. Полное запрещеніе необходимо, во всякомъ случаѣ, только тогда, если преждія беременности имѣли исходомъ выкидышъ, но и въ этомъ случаѣ только въ теченіе тѣхъ мѣсяцевъ беременности, въ которые выкидышъ произошелъ, большей частью — между 3-мъ и 5-мъ мѣсяцами¹.

Разные народы держатся самыхъ различныхъ взглядовъ на этотъ счетъ. Очень многіе считаютъ супружескія сношенія съ беременной женщиной вредными для развивающагося въ утробѣ матери младенца. Нѣкоторыя африканскія племена считаютъ это вреднымъ, начиная съ 7-го мѣсяца беременности, персы — начиная съ 5-го мѣсяца; талмудъ запрещаетъ, наоборотъ, сношенія съ беременной женой въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ. Древніе персы, бактры, мидяне, большинство индійскихъ племенъ, китайцы, многія африканскія племена, сѣверо-американскіе индѣйцы и коренное населеніе Антильскихъ острововъ прекращаютъ половыя сношенія на все время беременности и отчасти считаютъ беременную женщину (какъ и менструирующую) не чистой, такъ что она изолируется отъ всякаго вообще общенія съ мужчиной. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ пережитокъ этого взгляда сохранился въ томъ, что беременная не можетъ крестить ребенка.

Разсмотримъ, однако, гигиеническія мѣры предосторожности, дѣйствительно рекомендуемыя наукой.

Утомительнаго физическаго труда и сильныхъ душевныхъ волненій необходимо по возможности избѣгать, уже потому, что къ дѣятельности сердца и безъ того предъявляются усиленные требованія въ виду необходимости въ изобиліи снабжать матку кровью, и потому еще, что душевное состояніе и безъ того подавлено вслѣдствіе всевозможныхъ недомоганій и страха передъ исходомъ родовъ. Слѣдуетъ избѣгать всякаго переутомленія, подниманія тяжестей и всякихъ сильныхъ потрясеній. Изъ различныхъ видовъ спорта особенно вредными надо признать лаунъ-

¹ Большинство гинекологовъ и акушеровъ настаиваютъ на необходимости полнаго воздержанія отъ половыхъ сношеній во все время беременности. Гед.

теннись, восхожденія на горы, греблю и верховую ѣзду. Ёзда на лошадахъ и по желѣзной дорогѣ также можетъ быть вредна, если сопровождается сильной тряской; но въ побѣздѣ для развлеченія или отдыха беременной не слѣдуетъ отказываться, если только она можетъ быть поставлена по прїѣздѣ въ болѣе благопрїятныя условія и, если во время самой побѣдки, она можетъ почувствовавъ замѣтно усталость, прилечь отдохнуть, вытянувшись на спинѣ. Прогулки на воздухѣ очень полезны. Безусловно полезно также купанье, и врачу даже слѣдуетъ настаивать на необходимости его, — но при этомъ надо избѣгать, разумѣется, рѣзкихъ переходовъ температуры, долгаго пребыванія въ водѣ и купанья въ сильный зной.

Груди бывають большей частью изнѣжены, особенно у женщинъ болѣе или менѣе зажиточныхъ классовъ; ихъ необходимо систематически закаливать во время беременности съ помощью обмыванія спиртомъ или десятипроцентнымъ растворомъ дубильной кислоты и ношенія бѣлья изъ грубаго полотна, — иначе онѣ могутъ подвергаться во время кормленія изъязвленіямъ и воспаленіямъ. Одежда должна быть довольно просторна, — въ особенности надо избѣгать подвергать продолжительному стѣсненію груди и животъ.

Въ виду значительнаго количества пищевого матеріала, въ которомъ нуждается плодъ, пища должна быть обильна въ смыслѣ питательности, т. е. содержать много бѣлковъ, сахару, крахмала и жира. Но такъ какъ для совершеннаго питанія къ названнымъ веществамъ необходимо прибавлять еще и целлюлѣзу, обильнымъ содержаніемъ которой отличается большинство видовъ зелени и овощей, то столъ беременной долженъ включать и ихъ. Не слѣдуетъ употреблять тѣхъ видовъ пищи, которые обладаютъ способностью пучить животъ или усиливаютъ наклонность къ запорамъ, которая и безъ того очень сильна у всѣхъ беременныхъ. Къ первымъ относятся всевозможные сорта калусы, лукъ, прогоркліе жиры; ко вторымъ — больше всего мучная пища, приготовляемая изъ муки, очищенной отъ отрубей. Въ крайнемъ случаѣ слѣдуетъ примѣнять легкія слабительныя или клизмы, чтобы добиться стула не менѣе раза ежедневно. Введенія глицерина въ прямую кишку слѣдуетъ избѣгать, такъ какъ онъ можетъ вызвать боли. Всего лучше стараться поддерживать правильный стулъ съ помощью цѣлесообразнаго выбора и разнообразія пищи, прибавленія къ ней сырыхъ или варенныхъ плодовъ, выпиванія стакана воды натощакъ и т. под. домашнихъ средствъ.

Въ случаѣ душевныхъ страданій беременной, лучшимъ средствомъ возстановленія или поддержанія душевнаго равновѣсія является интересное, но не волнующее времяпровожденіе, при чемъ слѣдуетъ избѣгать бесѣдъ на темы о беременности и предстоящихъ родахъ. Пребыванія въ многолюдномъ обществѣ, въ помѣщеніяхъ съ испорченнымъ воздухомъ, при условіяхъ возможной давки, слишкомъ обильныхъ трапезъ и употребленія горячительныхъ напитковъ необходимо избѣгать. При посѣщеніи беременной театровъ и концертовъ надо слѣдить за тѣмъ, чтобы она не испытывала слишкомъ сильнаго волненія, не смѣялась бы слишкомъ сильно и долго, чтобы мѣсто было удобно и зрительный залъ имѣлъ хорошую вентиляцію.

Существует очень распространенное мнѣніе, что если беременная увидитъ что-нибудь волнующее, безобразное или испугаетъ чего-нибудь, то на ребенкѣ, котораго она носитъ, это отразится, — какъ-нибудь обезобразитъ или изуродуетъ его. Это вѣрованіе распространено въ самыхъ различныхъ кругахъ у всѣхъ народовъ. Чаще всего багровыя родимыя пятна объясняютъ тѣмъ, что женщина испугалась во время беременности сильнаго пожара или вида крови. Бурыя пятна, покрытыя волосами, объясняютъ испугомъ матери при видѣ какого-нибудь мохватаго животнаго; если это былъ заяцъ, то ребеночъ родится будто бы съ зайчьею губой. Всевозможнымъ картинамъ также приписывается влияніе въ такомъ смыслѣ, что ребеночъ будетъ имѣть какое-нибудь сходство съ видѣнной матерью картиной. Существуетъ множество суевѣрныхъ мѣръ, предохраняющихъ будто бы отъ этихъ влияній. Въ виду того, что даже медицинская наука еще до недавняго сравнительно времени вѣрила въ силу этихъ влияній, — необходимо отмѣтить, что этотъ взглядъ давно уже оказался совершенно неосновательнымъ. Дѣло въ томъ, что почти всѣ подобныя уродливости возникаютъ въ такой ранней стадіи беременности, что женщина большей частью даже сама еще не можетъ быть увѣрена въ своей беременности; между тѣмъ какъ случаи, которымъ приписываются ихъ возникновеніе, происходятъ почти всегда уже въ довольно позднемъ періодѣ беременности. Точно также все изложенное нами объ анатомическомъ соотношеніи между беременной и ея плодомъ никакъ не можетъ объяснить того, какимъ образомъ простое впечатлѣніе, произведенное на чувства беременной; можетъ отразиться сквозь ткань дѣтскаго мѣста и пупочный канатикъ на утробномъ младенцѣ въ смыслѣ грубаго измѣненія формъ его. Но, разумѣется, нельзя отрицать того, что сильное душевное волненіе беременной вліяетъ вредно на питаніе плода и можетъ поэтому привести къ искалѣченію и даже къ смерти его.

Очень часто для семьи является вопросомъ большой важности то обстоятельство, родитъ ли женщина мальчика или дѣвочку. Понятно поэтому, что еще съ древнѣйшихъ временъ дѣлались попытки предугадывать еще до родовъ полъ будущаго ребенка и также, по возможности, вліять на него. Такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, рожденіе мальчика представляется болѣе желательнымъ, чѣмъ рожденіе дѣвочки, то съ незапамятныхъ временъ существовали на этотъ счетъ различныя суевѣрія. Въ Индіи сажаютъ въ этихъ видахъ мальчика на колѣни невесты во время свадьбы. У многихъ славянскихъ народовъ, какъ, на примѣръ, болгаръ, сербовъ, русскихъ, галиційскихъ крестьянъ, — невестѣ кладутъ въ день свадьбы грудного ребенка-мальчика на колѣни. Въ Босніи къ невестѣ, входящей въ первый разъ въ домъ жениха, подводятъ мальчика, котораго она беретъ за руку и трижды обводитъ его вокругъ себя. Въ Герцеговинѣ дѣвучку опоясываютъ во время обрученія мужскимъ поясомъ. Въ Чехіи невесту окружаютъ въ день свадьбы мальчики и хлопаютъ ее своими шапками.

Талмудъ предписываетъ помѣщать супружескую постель между сѣверомъ и югомъ, чтобы рождались мальчики. Индійскіе законы предписываютъ въ тѣхъ же видахъ особую діету и опре-

дѣленные дни по окончаніи менструацій (4-й, 6-й, 8-й и 12-й дни) для выполненія полового акта; при этомъ установлены еще нѣкоторыя дѣтетическія предписанія и приемъ извѣстныхъ лѣкарственныхъ веществъ. Въ Моденскомъ герцогствѣ мужу предписывается кусать ухо жены во время супружескаго общенія для того, чтобы родился мальчикъ. Въ Тиролю мужъ, желающій рожденія сына, совершаетъ супружескій актъ въ сапогахъ, въ нижней Баваріи онъ кладетъ для этой цѣли деревянный топоръ въ постель. Въ Греціи беременная должна избѣгать называть какое-нибудь женское имя, иначе ребенокъ родится дѣвочкой.

Рис. 241. Рожденію Іакова и Исава.

По фрескамъ Вепецце Господи въ Кампо Санто въ Шизѣ.

Въ Венгріи молодая женщина не должна брать съ собой въ домъ мужа свою прялку и швейныя принадлежности, иначе она будетъ рожать однѣхъ дѣвочекъ. У эстонцевъ женщина не должна садиться во все время беременности на ведро для воды, во избѣжаніе рожденія дѣвочки.

Согласно взглядамъ Гиппократа, существуетъ вѣрованіе, что на развитіе того или другого пола вліяетъ то, какой изъ двухъ яичниковъ или какая изъ двухъ мужскихъ половыхъ железъ производятъ плодъ или въ какой сторонѣ матки онъ развивается. Выводъ отсюда дѣлается такой, что мужчина можетъ по своей волѣ вліять на полъ будущаго ребенка, путемъ сдавливанія отводящаго сѣмя протока на той или на другой сторонѣ. Съ тѣхъ поръ и древняя, и средневѣковая медицина создала множество теорій и приемовъ, имѣющихъ цѣлью найти объясненіе возникновенію того или другого пола и дать практическое его примѣненіе. Но, при современномъ состояніи науки, всѣ

онѣ должны быть отвергнуты, какъ неосновательныя и ошибочныя.

Несомнѣнно ошибочна и надѣлавшая шуму недавно теорія Шенка, согласно которой на полъ ребенка влiяетъ будто бы болѣе обильное или болѣе скудное питанiе, — ошибочна уже просто потому, что полъ можно различить съ помощью микроскопа даже на четырехнедѣльномъ зародышѣ, а до этого возраста развитiе плода такъ мало зависитъ отъ большаго или меньшаго питанiя матери и такъ мало требуетъ пищи, что можетъ удовлетвориться въ крайнемъ случаѣ, даже при самомъ скудномъ питанiи матери, одними запасными веществами, которыми располагаетъ организмъ здоровой женщины. Самые широкiе опыты дѣлались, разумѣется, при разведенiи животныхъ, — для хозяина, занимающагося разведенiемъ животныхъ, часто является гораздо болѣе выгоднымъ разведенiе преимущественно самокъ или преимущественно самцовъ. Но и здѣсь безчисленное множество предлагавшихся теорiй не оправдывались на практикѣ:

никому еще не удавалось найти достаточно надежныя приемы, чтобы получать, напр., при разведенiи собакъ, преимущественно самцовъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ женщина рождаетъ, какъ извѣстно, только одного ребенка. Близнецы, древнѣйшiй образецъ которыхъ изображенъ итальянскимъ художникомъ Беноччо Годцолли въ Пизѣ (рис. 241), на его знаменитыхъ фрескахъ — двойни рождаются крайне рѣдко: одинъ случай на 80 приближительно случаевъ рожденiй, а тройни еще

Фотогр. изд. Фр. Гёфле въ Аугсбургѣ.

Рис. 242. Рожденiе четверни.

Картина стар. илм. художника (ок. 1450 г.) въ галлерей дворца кн. Лихтенштейна.

рѣже: одинъ случай на 10,000 рожденій приблизительно; при этомъ наблюдаются извѣстные колебанія у различныхъ племенъ, случаи же рожденія четверныхъ младенцевъ заразъ приходится одинъ на миллионъ рожденій. Интересный случай этого рода можно видѣть въ Лихтенштейнскомъ (въ Вюртембергѣ) дворцѣ на картинѣ стариннаго германскаго художника, воспроизведенной нами на рис. 242. Еще рѣже, разумѣется, случаи рожденія пятерыхъ младенцевъ заразъ. Случай рожденія шестерыхъ заразъ является единичнымъ и произошелъ въ 1888 году въ Ломбардіи. Отецъ, чиновникъ ратуши, присутствовалъ при рожденіи перваго плода, а врачъ — при рожденіи остальныхъ пятерыхъ, но видѣлъ и перваго, родившагося до его прихода. Въ Гамельнѣ существуетъ надгробный памятникъ, на которомъ изображена мать (Анна Рәмеръ, рожд. Брейеръ) и семеро младенцевъ, которыхъ она родила, если вѣрить надписи, живыми, но которые умерли на 11-й (или на 12-й) день. (рис. 243). Въ Мадридѣ (по сообщенію „Opinione“ отъ 19 марта 1899 г.) тоже былъ будто бы случай рожденія семерыхъ (мертвыхъ) младенцевъ.

Рис. 243. Надгробный памятникъ наль могилы семерыхъ младенцевъ семьи Рәмеръ въ Гамельнѣ.

Чѣмъ больше плодовъ, тѣмъ больше они, разумѣется, препятствуютъ развитію другъ друга. Даже двойни рождаются большей частью на нѣсколько недѣль раньше срока, и часто одинъ изъ близнецовъ бываетъ меньше другого; смертность близнецовъ въ первый годъ жизни составляетъ приблизительно 75%. Въ случаяхъ же рожденія больше трехъ младенцевъ заразъ они никогда не выживаютъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ двухъ близнецовъ гораздо меньше другого, или когда между рожденіемъ обоихъ проходитъ нѣсколько дней, нѣкоторые народы усматриваютъ въ этомъ доказательство того, что они родились отъ двухъ различныхъ половыхъ актовъ. Даже научная медицина — встарину единодушно, но въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей даже до самаго послѣдняго столѣтія — признавала возможность вторичнаго зачатія беременной женщины отъ новаго полового акта. Ничего нѣтъ невозможнаго въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что, напримеръ, яйцо, происходящее отъ одной менструаціи, оплодотворяется только черезъ нѣкоторое время происшедшимъ совокупленіемъ, и что яйцо, освобождающееся при слѣдующей мен-

струаци, можетъ быть оплодотворено жизнеспособнымъ сѣменемъ, сохранившимся еще отъ того же совокупленія, или же новымъ, происшедшимъ позднѣе актомъ. Разумѣется, это никакъ не можетъ относиться къ тѣмъ случаямъ, когда близнецы зародились въ одномъ и томъ же яйцѣ.

Но предполагаемая возможность подобнаго запоздлагаго оплодотворенія привела у многихъ народовъ къ тому странному и неосновательному мнѣнью, что близнецы могутъ происходить и отъ разныхъ отцовъ. Въ виду этого, рожденіе близнецовъ считается у этихъ народовъ и въ настоящее время чѣмъ-то позорнымъ, и часто убиваются или близнецы вмѣстѣ съ матерью, или по крайней мѣрѣ одинъ близнецъ. Таковы, напримѣръ, племена Гвинеи, Гвианы и нѣкоторыя индійскія племена. У другихъ рожденіе близнецовъ считается во всякомъ случаѣ несчастіемъ, и близнецы убиваются и у нихъ — какъ, напримѣръ, почти у всѣхъ австралійскихъ племенъ и нѣкоторыхъ негритянскихъ. Индѣйцы Калифорніи и мексиканцы убиваютъ по крайней мѣрѣ одного изъ двухъ близнецовъ, — обыкновенно родившагося вторымъ. Перуанскіе индѣйцы также убиваютъ второго изъ близнецовъ, котораго считаютъ исчадьемъ дьявола. Существуетъ, разумѣется, и много всевозможныхъ суевѣрныхъ средствъ для претотвращенія беременности двойнями. Многие европейцы также вѣрятъ, что беременная женщина должна тщательно остерегаться съѣсть сросшіеся плоды, корни или орѣхи, такъ какъ отъ этого у нея могутъ родиться двойни.

Существуетъ, однако, много другихъ племенъ, которыя смотрятъ на беременность двойнями, какъ на особое счастье и благословеніе небесъ, и даже родителей близнецовъ считаютъ святыми, — напримѣръ, мадьяры и боснійцы, а въ герцогствѣ Ольденбургскомъ мать близнецовъ чрезвычайно почитается и ей приписывается власть создать счастливый союзъ.

Какъ ни рѣдко встрѣчаются случаи рожденій по два и больше младенцевъ заразъ, — повидимому, индивидуальныя особенности такихъ женщинъ предрасполагаютъ ихъ къ повторнымъ случаямъ.

Одинъ изъ самыхъ поразительныхъ случаевъ такого рода рассказываетъ Бурдахъ въ своей „Физиологіи“. У одной женщины, рождавшей 27 разъ и произведшей на свѣтъ 69 дѣтей, — 16 разъ родились двойни, 7 разъ тройни, 4 раза четверо и ни разу одного. Гейслеръ рассказываетъ о дрѣ Мари Аустинъ, родившей за 33 года замужней жизни 44 дѣтей, изъ нихъ 13 разъ двойни и 6 разъ тройни. Генрихъ Зейдель, (авторъ юншеской повѣсти „Изъ Перлина въ Берлинъ“) рассказываетъ объ инспекторѣ лѣсного округа въ Шверинѣ, М., имѣвшемъ отъ одной жены 22 дѣтей.

Случаи, когда близнецы происходятъ отъ одновременнаго оплодотворенія и развитія двухъ яицъ, или же когда два плода развиваются изъ одного яйца, рѣзко различны между собою. Въ первомъ случаѣ близнецы могутъ быть и разнаго пола, если же оба происходятъ отъ одного яйца, они всегда бываютъ одного и того же пола. Затѣмъ, въ первомъ случаѣ оба плода развиваются часто очень различно, близнецы же, происшедшіе отъ одного яйца, почти всегда бываютъ развиты приблизительно одинаково хорошо и бываютъ обыкновенно очень похожи другъ

на друга: цвѣтъ волосъ и глазъ у нихъ бываетъ одинаковый и сходство всѣхъ физическихъ и психическихъ свойствъ такъ велико, что даже матери часто трудно бываетъ отличить ихъ другъ отъ друга. Даже ненормальности или уродства, если оказываются у одного, оказываются такія же и у другого.

Въ первомъ периодѣ беременности даже специалисту совершенно невозможно опредѣлить у живой женщины, носитъ ли она двойни. Только въ той стадіи беременности, когда изслѣдователю уже слышно бѣшеніе сердца ребенка, беременность двойнями часто можно установить съ увѣренностью, благодаря тому, что слышны одновременные удары сердца различнаго темпа. Когда младенцы подрастаютъ еще больше, можно уже прослушать сквозь животъ беременной различныя части дѣтскаго тѣла, при чемъ по количеству ихъ можно опредѣлить, что онѣ принадлежатъ болѣе чѣмъ одному младенцу.

Нормальная продолжительность беременности равняется 40 недѣлямъ или 280 днямъ, считая со дня наступленія послѣдней менструаціи. Но этотъ подсчетъ не можетъ быть вполне точенъ уже просто потому, что ни моментъ окончанія менструаціи, ни моментъ оплодотворяющаго полового акта не совпадаютъ съ моментомъ проникновенія сѣменной нити въ яйцо. Германское гражданское законодательство (§ 1592) принимаетъ максимальный срокъ въ 302 дня, въ теченіе котораго признается отцовство. Согласно научнымъ изслѣдованіямъ, этотъ срокъ долженъ быть признанъ недостаточнымъ. Отчеты родовспомогательныхъ университетскихъ клиникъ Мюнхена, Лейпцига и Марбурга свидѣтельствуютъ о случаяхъ рожденія младенцевъ, въ особенности мальчиковъ, необыкновенно большого вѣса, о которыхъ съ большою вѣроятностью надо предположить, что они вынашивались гораздо дольше. Приходится считать возможной продолжительность беременности въ 380 дней, считая со дня оплодотворившаго акта.

Съ другой стороны, возможны, разумѣется, роды и ранѣе нормальнаго срока, вслѣдствіе различныхъ вліяній. Въ случаяхъ значительно преждевременныхъ родовъ врачъ можетъ часто установить по нѣкоторымъ признакамъ, что плодъ еще не достигъ надлежащей зрѣлости; но несмотря на это, ребенокъ можетъ выжить при заботливомъ уходѣ. Въ общемъ, можно считать такой случай возможнымъ, если беременность длилась по меньшей мѣрѣ 220 дней. Съ помощью недавно изобрѣтенныхъ аппаратовъ-грѣлокъ, въ которыхъ недолгошанный, незрѣлый плодъ получаетъ соответствующую материнской температуру воздуха и необходимую ему влагу, возможно иногда сохранить жизнь даже еще болѣе незрѣлому плоду.

Существуетъ во всѣхъ странахъ цѣлый рядъ особыхъ обычаевъ и предписаній для беременныхъ, обезпечивающихъ будто бы благополучное развитіе плода и легкіе роды. Почти всѣ народы совершаютъ извѣстныя религіозныя церемоніи — во время ли установленія факта беременности, или въ болѣе поздній періодъ ея, произносятся молитвы, приносятся жертвы, иногда устраиваются торжества; римляне чтили даже особыхъ богинь, которымъ возносили молитвы о благополучномъ теченіи беременности и родовъ. И у современныхъ христіанскихъ народовъ суще-

ствуют установленныя церковныя молитвы о благополучіи беременныхъ, а у католиковъ возносятся молитвы нѣкоторымъ святымъ или изображеніямъ святыхъ, мощамъ, совершаются памятничества къ святымъ мѣстамъ. Наряду съ надеждами, возлагаемыми на божественную помощь, широко распространень также страхъ передъ вліяніями злыхъ духовъ, темныхъ силъ, „дурного глаза“, „наговора“ и подобныхъ сверхъестественныхъ силъ, вліяніе которыхъ стараются обезвредить ношеніемъ амулетовъ и всевозможными другими суевѣрными средствами.

Привычатъ въ настоящее время у многихъ народовъ поясъ беременныхъ имѣеть также исключительно значеніе амулета. Первоначально онъ употреблялся, вѣроятно, съ практическими цѣлями: въ первые мѣсяцы беременности онъ могъ быть полезенъ тѣмъ, что, будучи надѣтъ подъ ребрами и оттягивая къди животъ, дѣлалъ менѣе замѣтнымъ измѣненія беременностью формы тѣла; въ послѣдующій періодъ, будучи надѣтъ пониже на животъ, онъ можетъ предохранить отъ очень тягостной иногда отвислости живота. Возможно, что этимъ стягиваніемъ живота имѣлось въ виду также воспрепятствовать слишкомъ сильному росту плода и предотвратить могущія возникнуть отъ этого опасности при родахъ. Но какъ это бываетъ со многими средствами, имѣвшими первоначально цѣлесообразное назначеніе, — съ теченіемъ времени поясъ этотъ начали носить, не принимая въ разсчетъ индивидуальныхъ условій отдѣльныхъ случаевъ и не отдавая себѣ отчета въ томъ, какое онъ оказываетъ дѣйствіе; всѣ надежды стали возлагать на суевѣрныя церемоніи, соблюдающіяся при его надѣваніи, или на прикрѣпляемые къ нему амулеты и мистическія заклинанія, надписываемыя или вышиваемыя на немъ. Къ тому же разряду суевѣрныхъ средствъ относится обычай ношенія беременными змѣиной кожи въ видѣ пояса, принятый въ маркграфствѣ Бранденбургскомъ.

Суевѣріе строгаѣше запрещаетъ многое беременнымъ, какъ могущее принести страшный вредъ. Существуетъ, напримѣръ, убѣжденіе, что роды будутъ необычайно трудными, если беременная будетъ носить, какія-нибудь завязки или тесемки, браслеты, цѣпочки и т. п. На томъ же основаніи въ герцогствѣ Пфальцскомъ, напр., беременная не должна проходить подъ протянутой для развѣшиванія бѣлья веревкой, не должна ткать или вязать. Во Франконіи она не должна протѣзать подъ бревенчатымъ навѣсомъ. Въ Зибенбургенѣ она же должна носить жемчужнаго ожерелья на шеѣ, иначе во время родовъ пуговина обмотается вокругъ шеи ребенка; не должна вѣшать назалъ въ экипажѣ, иначе ребенокъ появится на свѣтъ въ ненормальномъ положеніи. Тамъ же и въ герцогствѣ Ольденбургскомъ беременной нельзя переступать черезъ дышло. У болгаръ ей нельзя сидѣть, залрокинувъ ногу на ногу. Въ Венгріи беременныя боятся, если подъ ихъ кроватью занедется мышиная нора; это значить, что родится калѣка-ребенокъ; боятся увидѣть молнію, такъ какъ отъ этого у ребенка можетъ развиться неодолимая страсть къ бродяжничеству. Въ Шпреевальде ждутъ, что ребенокъ родится съ рыжими волосами, если беременная ползаетъ въ печь для сушки льна. Въ Старо-прусскихъ областяхъ беременной нельзя много ваняться съ водой, иначе у ребенка будетъ головная водянка, и нельзя смотрѣть сквозь узкую щельку, иначе у ребенка разовьется косоглазіе. Въ Эстляндіи беременная, разрѣзывая хлѣбъ, старается отрѣзать какъ можно меньшій краешекъ, чтобы у ребенка былъ маленькій ротъ. Въ Венгріи. Зибенбургенѣ и Болгаріи женщины боятся скрывать свою беременность, такъ какъ отъ этого ребенокъ можетъ качать пошло говорить или совсемъ остаться нѣмымъ. Кое-гдѣ (въ Европѣ рѣже, больше у мало цивилизованныхъ народовъ) беременность жены загагаетъ, порой очень трудныя, обязанности и на мужа. Почти у всѣхъ южно-американскихъ племенъ мужья обязаны во все время беременности жены воздерживаться отъ охоты и отъ

употребления въ пищу мяса животныхъ. Такое же взрваніе распространено и среди нѣкоторыхъ племенъ индійскаго архипелага. Въ Гренландіи мужъ держивается отъ работы, такъ какъ иначе ребенокъ умретъ. У очень многихъ индійскихъ племенъ мужъ не вправѣ оставлять жену одну во все время беременности и даже еще нѣсколько недель послѣ родовъ.

Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ явленіяхъ, которыми сопровождается беременность почти у всѣхъ женщинъ, но которыя

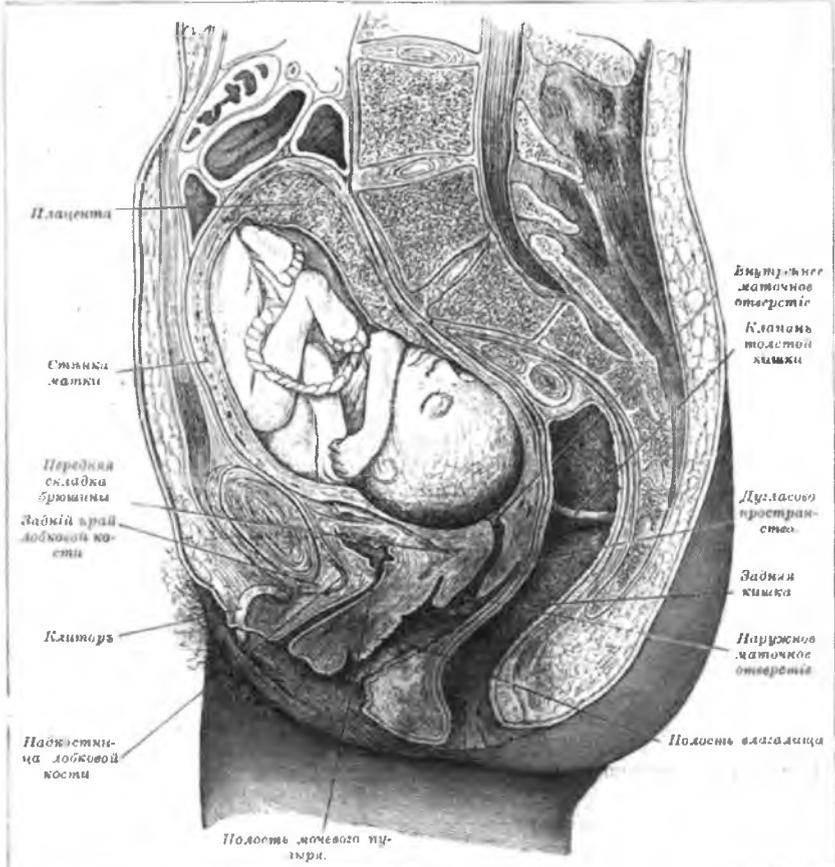

Рис. 244. Положеніе шестимѣсячнаго зародыша. Продольный разрѣзъ тѣла беременной женщины.

иногда болѣзненно усиливаются. Особенно надо отмѣтить явленія тошноты и рвоты, которыя достигаютъ иногда такой степени, что никакая пища не удерживается и грозитъ опасность самой жизни беременной и ея плода. Указывали мы также на нервныя разстройства, доходящія иногда до степени настоящей душевной болѣзни. Довольно тяжелымъ осложненіемъ беременности, не наблюдаемымъ въ нормальныхъ условіяхъ, но встрѣчающимся сравнительно часто, слѣдуетъ назвать воспаленіе почекъ у беременныхъ. Даже совершенно здоровыя почки часто подвер-

гаются у беременных заболѣванію по причинамъ, неяснымъ для науки, а у нѣкоторыхъ женщинъ это явленіе повторяется при каждой беременности, — и послѣдствіемъ этого воспаленія бываетъ появленіе въ мочѣ довольно значительнаго количества бѣлка. Иногда количество послѣдняго бываетъ такъ велико, что моча превращается при кипяченія въ пѣнстую массу, похожую на желе. Эта болѣзнь представляетъ и для матери, и для ребенка довольно серьезныя опасности, нерѣдко она доводитъ мать до полной потери сознанія и вызываетъ у нея судороги — явленія, объясняющіяся задержкой въ крови вредныхъ веществъ или веществъ, вырабатываемыхъ и при нормаль-

Рис. 245. Пузырьки ложваго плода.

ныхъ условіяхъ, но выдѣляемыхъ здоровыми почками; если же они накапливаются въ крови, то оказываютъ ядовитое дѣйствіе на организмъ, въ особенности же на нервную систему, на головной и спинной мозгъ. Если не обратить вниманія на это явленіе, ребенокъ умираетъ въ утробѣ матери, и мать также тяжело заболѣваетъ вслѣдствіе паралича дыхательныхъ движеній. Вотъ почему въ тѣхъ случаяхъ, когда въ мочѣ обнаруживается болѣе или менѣе значительное количество бѣлка и оно замѣтно увеличивается, — необходимо искусственно прервать беременность. Если представляется какая-нибудь возможность, лучше, разумѣется, нѣсколько подождать съ этимъ, чтобы дать возможность плоду развиться постолько, чтобы возможно было сохранить его жизнь.

Беременные подвергаются также другой болѣзни, похожей на названную, такъ какъ она тоже почти всегда сопровождается присутствіемъ бѣлка въ уринѣ, потерей сознанія и судорогами, но проявляется она съ неожиданной силой только передъ самыми родами, во время ихъ или послѣ нихъ; это такъ называемая эклампсія. Незадолго передъ наступленіемъ родовъ, беременная, иногда совершенно внезапно, теряетъ сознаніе, — случается даже среди разговора, — у нея дыханіе останавливается, такъ что все тѣло, въ особенности лицо, сильно синѣетъ, потомъ появляются судороги, и, наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ секундъ, самое большее двухъ, трехъ минутъ, дыханіе и сознаніе возвращаются. Больная совершенно не помнитъ перенесеннаго припадка. Если дыханіе своевременно не возобновляется, даже одинъ единственный подобный припадокъ можетъ повлечь за собой смерть. Бы-

васть, что такіе припадки повторяются, то въ болѣе тяжелой, то въ болѣе легкой формѣ, и иногда проходятъ сами собой, такъ что и мать, и ребенокъ выживаютъ. Но очень часто послѣ большаго или меньшаго числа припадковъ наступаетъ смерть. Для ребенка опасность въ этихъ случаяхъ очень велика, но и жизни беременной грозитъ серьезная опасность. Нѣкоторые врачи держатся въ такихъ случаяхъ системы выжиданія, прибѣгая къ теплымъ и влажнымъ обертываніямъ, къ наркотическимъ средствамъ и т. под. Но большинство спеціалистовъ полагаетъ въ на-

Фотогр. изъ Лувра въ Вѣнѣ.

Рис. 246. Диана обнаруживаетъ беременность Нимфы Каллисто.
По картинѣ Тициана.

стоящее время, что при эклампсiи необходимо поспѣшить съ искусственными родами, въ случаѣ надобности — даже оперативнымъ путемъ. Бываютъ, правда, случаи смертельнаго исхода экламптическихъ припадковъ даже и послѣ удаленія изъ матки плода и послѣда, но сравнительно рѣдко.

Пока плодъ еще такъ малъ, что можетъ свободно плавать въ пузырѣ, наполненномъ околоплодной жидкостью, онъ часто мѣняетъ положеніе тѣла, располагаясь головой то вверхъ, то внизъ, то въ какую-нибудь сторону тѣла беременной. Въ послѣдніе же мѣсяцы беременности это случается въ видѣ исключенія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ (93%) плодъ располагается въ этотъ періодъ головой внизъ, при чемъ спиной обращенъ большей ча-

По фотографіи Броджи во Флоренціи.
Рис. 247. Діана пазъ Урбино.
По картинѣ Тициана.

положеніи младенца совершенно невозможно безъ акушерской помощи.

У многорожавшихъ женщинъ, въ особенности, если вслѣдствіе ненадлежащей одежды, чрезмѣрнаго физическаго труда или другихъ какихъ-нибудь причинъ стѣнки живота беременной сильно растянуты, плодъ сильно опускается своимъ верхнимъ краемъ напередъ. Такой отвислый животъ крайне тягостенъ для беременной и, кромѣ того, подаетъ поводъ къ неблагоприятному положенію плода и, слѣдовательно, къ труднымъ родамъ. Въ такихъ случаяхъ женщинѣ слѣдуетъ носить бинтъ на животѣ для сохраненія его нормальной формы.

Въ первые мѣсяцы беременности случается еще одно уклоненіе отъ нормы: ущемленіе беременной матки въ тазу. Если, какъ это изрѣдка случается, матка, вмѣсто нормальнаго положенія съ легкимъ наклономъ напередъ, лежитъ въ тазовомъ кольцѣ, обращенная къзади, и въ этомъ положеніи становится беременной, то она увеличивается преимущественно путемъ выпячиванія своей передней стѣнки, между тѣмъ какъ дно ея остается прижатымъ къ выдающемуся слегка поясничному позвонку. Въ этомъ случаѣ она, при дальнѣйшемъ ростѣ своемъ, не только сдавливаетъ прямую кишку, но и прижимаетъ шейку мочевого пузыря къ переднему краю костнаго тазоваго кольца и сжимаетъ его, по мѣрѣ своего увеличенія, такъ сильно, что моча можетъ выдѣляться только по каплямъ и пузырь чрезмѣрно переполняется мочой. Такъ какъ матка неудержимо продолжаетъ расти, не имѣя возможности распространиться въ свободномъ пространствѣ брюшной полости, то давленіе на органы таза становится съ теченіемъ времени очень значительнымъ, нѣкото-

стью (56%) по лѣвую сторону тѣла матери, нѣсколько напередъ и гораздо рѣже (27%) по правую сторону (рис. 244). Несравненно рѣже (5%) встрѣчается такое положеніе, при которомъ головка плода помѣщается въ направленіи грудно-брюшной преграды, и въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ (около 1%) плодъ располагается поперекъ тѣла беременной; какъ мы увидимъ ниже, разрѣшеніе отъ родовъ при такомъ

По fotogr. Броджи во Флоренціи.
Рис. 248. Donna gravida.
По картинѣ Рафаэля.

рых части дѣлаются омертвѣлыми, и сама матка подвергается серьезнымъ поврежденіямъ.

Къ выкидышу это почти не можетъ привести, потому что и зѣвъ матки также плотно прижатъ спереди и сверху къ тазовому кольцу. Въ виду этого, если беременная жалуется на за-

Рис. 249. Марія и Елисавета.

Снимокъ съ картины, хранящейся въ архіепископскомъ музеѣ въ Утрехтѣ, нидерландской школы (около 1430 г.).

держку мочи и выдѣленіе ея каплями, — особенно если это бываетъ на четвертомъ мѣсяцѣ беременности, — врачъ долженъ попытаться выгнать матку изъ таза въ свободную брюшную полость. Въ большинствѣ случаевъ это можетъ удасться только подъ наркозомъ беременной. Если же матка окажется такъ плотно ущемленной, что и подъ наркозомъ ее не удастся выдвинуть изъ таза, тогда ничего другого не остается, какъ надрѣзать или проколоть ее черезъ влагалище, послѣ чего обыкно-

венно удается прилатъ ей надлежащее положеніе, но, разумѣется, выкидышъ при этомъ неизбеженъ.

Помимо болѣзней беременной, бываютъ и заболѣванія плода. Оставляя совершенно въ сторонѣ возможные уродства, напомнимъ только о томъ, что и нѣкоторыя болѣзни матки, — особенно такія, которыя сопряжены съ жаромъ, — сильно отражаются и на ребенкѣ, такъ какъ ему, разумѣется, очень скоро сообщается температура тѣла матери, и къ тому же нѣкоторыя ядовитыя вещества, растворяющіяся въ крови, могутъ передаться кровью матери и ребенку. Бываетъ такъ, что плодъ уже умираетъ, а яйцевыя оболочки и, въ особенности, дѣтское мѣсто еще продолжаютъ расти; кончается такой случай рожденіемъ безформеннаго мясного комка, называемаго ложнымъ плодомъ. Бываетъ особый видъ ложнаго плода, когда самый плодъ гибнетъ, а яйцевыя оболочки продолжаютъ развиваться такъ, что ворсинки хоріона принимаютъ видъ пузырьковъ, величиною отъ горошины до орѣха, наполненныхъ бѣлковой жидкостью (рис. 245).

Ложный плодъ такого рода растетъ очень быстро, такъ что одна необычайная величина живота при невысокомъ періодѣ беременности или, при болѣе детальномъ изслѣдованіи, непомѣрная величина беременной матки должны уже навести на подозрѣніе о пузырчатомъ ложномъ плодѣ. Иногда подозрѣніе подкрѣпляется выдѣленіемъ нѣсколькихъ подобныхъ пузырьковъ. Очень

Рис. 250. Посѣщеніе Маріей Елисаветы.
По гравюрѣ К. Маратта.

часто на четвертомъ и на пятомъ мѣсяцѣ беременности ложный плодъ извергается самъ собою; если же этого не случается, врачъ долженъ позаботиться объ удаленіи его, такъ какъ дальнѣйшее развитіе такого ложнаго плода, называемаго пузырьнымъ заносомъ, причиняетъ иногда беременной серьезный вредъ. Очень часто по выходѣ такого плода наблюдаются злокачественныя раковыя заболѣванія матки; изслѣдователи не вполне сходятся до сихъ поръ въ томъ, являются ли эти злокачественныя образованія слѣдствіемъ или причиной образованія ложнаго плода.

Довольно значительную опасность представляютъ тѣ случаи, когда оплодотворенное яйцо прикрѣпляется не

въ маткѣ, а на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ брюшной полости. Яйцо можетъ вначалѣ развиваться и расти совершенно такъ же, какъ въ маткѣ, но очень рѣдко можетъ быть выношено до полной зрѣлости. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда такой плодъ доношивается, отдѣленіе дѣтскаго мѣста сопровождается необычайно сильнымъ кровотеченіемъ въ брюшную полость, при чемъ для совершенной остановки его здѣсь нѣтъ надлежащихъ условий, существующихъ въ маткѣ. Въ случаяхъ возникновенія беременности въ яйцеводѣ, она кончается тѣмъ, что яйцеводъ непомѣрно растягивается вслѣдствіе развитія яйца и лопается; при

Рис. 251. Посѣщеніе Маріей Елисаветы. (Деталь.)
По картинѣ Рафаэля.

этомъ тоже можетъ произойти сильное кровотеченіе. Вполнѣ понятно, что женщины, которыхъ постигло несчастье вѣматочной беременности, подвергаются все время, пока длится эта беременность, непосредственной опасности истечь кровью. Часто врачебная помощь уже оказывается запоздалой, когда появляются признаки истеченія кровью. — главнымъ образомъ обмороки, одышка и блѣдность лица. Но все же въ настоящее время множество подобныхъ больныхъ удается спасти при содѣйствіи хирургіи, при чемъ въ большинствѣ случаевъ оказывается, разумѣется, неизбѣжнымъ вскрытіе живота.

Беременность нерѣдко интересовала и художниковъ. Какъ ни безобразитъ, въ общемъ, это состояніе формы женскаго тѣла, все же художники не находятъ, повидимому, безобразной беременности въ первыхъ, едва замѣтныхъ стадіяхъ. Поэтому насъ не должно удивлять, что существуетъ нѣсколько художественныхъ произведеній, въ которыхъ художникъ изобразилъ нагое тѣло беременной женщины безъ всякой иной и посторонней цѣли. Такова знаменитая картина Тиціана (рис. 247), извѣстная подъ именемъ „Венеры изъ Урбино“, но представляющая, какъ есть основанія думать, портретъ герцогини Элеоноры Урбино. Еще поразительнѣе трактована эта тема тѣмъ же знаменитымъ художникомъ въ картинѣ, изображающей моментъ обнаруженія богиней Діаной грѣха своей нимфы, Каллисто, нарушившей долгъ цѣломудрія (рис. 248). Здѣсь, впрочемъ, нимфа полуодѣта.

Та же тема трактована скульпторомъ Мановъ его мрамор-

номъ рельефѣ. Здѣсь животъ нимфы обнаженъ, и спутница ея указываетъ пальцемъ на его выпуклость.

Что женщины не стѣснялись позволять писать съ себя даже въ позднемъ періодѣ беременности, объ этомъ свидѣлствуетъ знаменитый портретъ беременной женщины, принадлежащей кисти Рафаэля и извѣстный подъ именемъ „Donna gravida“ (рис. 248).

Разумѣется, художники, на обязанности которыхъ лежало украшать церкви изображениями изъ земной жизни Христа и св. Семейства, не могли не останавливаться на моментъ посѣщенія Елисаветой беременной Маріи. Образцомъ наивной манеры изображенія стариннаго искусства является старая масляная картина кельнской школы (приблизительно 1450 г.), хранящаяся въ архіепископскомъ музеѣ въ Утрехтѣ (рис. 249). Здѣсь сквозь разрѣзъ платья видна самая внутренность матки обѣихъ женщинъ, и у одной виденъ сидящій младенецъ Христосъ, у другой — Іоаннъ на колѣняхъ и со сложешными руками, вокругъ головы обонхъ — сіяніе.

Въ слѣдующую за этимъ эпоху моментъ этотъ также выбрали для изображенія, но группировали обѣихъ женщинъ такъ, что ихъ состояніе было незамѣтно. Но затѣмъ натуралистическія тенденціи одержали побѣду надъ эстетической щепетильностью, и самые выдающіеся художники самыхъ различныхъ школъ дали намъ картины, на которыхъ явно и неоспоримо изображено это состояніе (рис. 250 и 251).

На одной нидерландской картинѣ XVI столѣтія (въ берлинскомъ королевскомъ музеѣ) обѣ женщины даже касаются рукой выпуклаго живота другъ друга.

Роды.

Обыкновенно по истеченіи 280 дней со времени послѣдней менструаціи, у беременной появляются безъ всякихъ видимыхъ внѣшнихъ вліяній движенія, которыя при нормальныхъ условіяхъ ведутъ, такъ же безъ всякой внѣшней помощи, къ выталкиванію плода. Первоначально эти движенія представляютъ собой перемежающіяся сокращенія и ослабленія гладкихъ мускульныхъ волоконъ, составляющихъ большую часть стѣнки матки. Подобныя легкія сокращенія являются, правда, еще и во время беременности, въ послѣднія недѣли ея; ихъ можетъ почувствовать изслѣдующій врачъ, но и сама беременная чувствуетъ ихъ, такъ какъ они сопровождаются легкими коликообразными болями, къ которымъ присоединяются также легкія боли въ области крестца, похожія на ревматическія. Но ко времени приближенія родовъ эти явленія начинаютъ повторяться чаще, съ меньшими промежутками и съ большей силой, а спустя нѣкоторое время беременная начинаетъ испытывать уже дѣйствительно сильныя боли. Вотъ почему эти сокращенія матки такъ и называются „болями“ (или „схватками“) и въ народномъ нарѣчій, и на научномъ языкѣ.

Научному изслѣдованію еще не удалось до сихъ поръ ясно установить, кака я именно причина вызываетъ эти сокращенія какъ разъ въ то время, когда плодъ получаетъ способность жить вне утробы матери и еще настолько не выросъ, чтобы

стало невозможным его прохождение через тазовое кольцо. В общем, действие этих маточных сокращений заключается в томъ, что мускульныя волокна, идущія кольцеобразно вокругъ продольной оси матки, все больше и больше стягиваются къ верхней части матки, такъ что дно ея все больше утолщается, каналъ же маточной шейки укорачивается и расширяется. Такимъ образомъ, околоплодный пузырь, расположенный у выходного отверстия, все больше и больше отъсняется въ нижнюю часть матки и маточной шейки, пассивно расширяющейся отъ этого, — и въ то же время отверстие матки, ведущее къ влагалищу, становится все шире и шире.

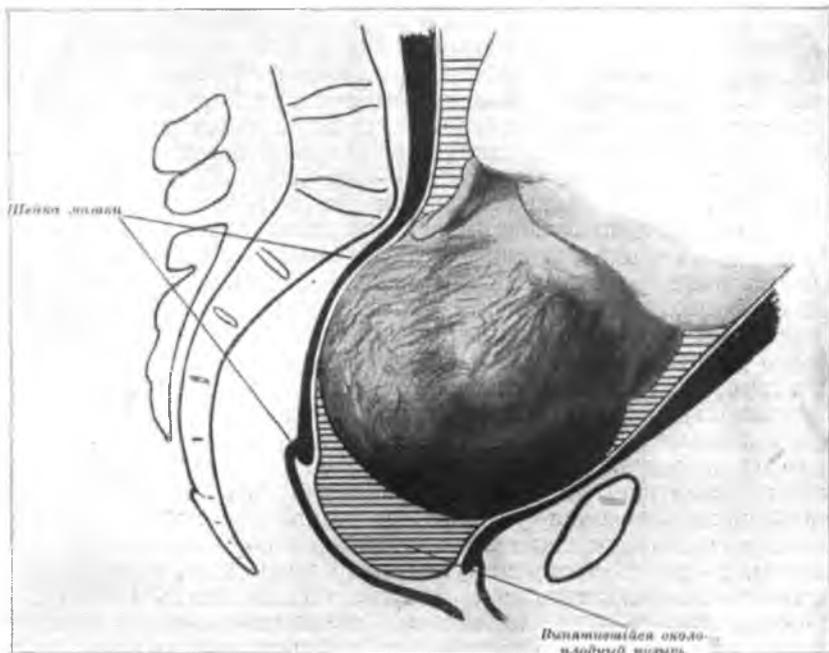

Рис. 252. Проталкивание околоплодного пузыря въ устье матки.

Въ нормальныхъ условіяхъ, боли эти продолжаются не непрерывно, а появляются вначалѣ съ болѣе или менѣе длительными промежутками, потомъ схватки повторяются черезъ каждыя 3—5 минутъ и съ каждымъ разомъ все быстрѣе достигаютъ своего наивысшаго напряженія и потомъ медленно затихаютъ. Во время схватокъ матка представляется на ощупь сквозь покровы живота твердой, какъ камень, а въ промежуткахъ становится мягкой, и роженица отдыхаетъ.

Когда отверстие матки, обращенное ко влагалищу, достигло уже известной величины, тогда каждое сокращеніе матки проталкиваетъ впередъ наполненный жидкостью околоплодный пузырь, который мало-по-малу выпячивается; нѣтъ никакого сомнѣнія, что это проталкиваніе пузыря въ устье матки значительно способствуетъ тому, что она все больше растягивается и расширяется.

Если ребенок лежит, как это обыкновенно бывает, головой вниз и именно черепной областью, то сокращения матки выталкивают весь плод также головой вперед, и когда зѣвъ матки уже настолько расширился, что выпуклость черепа может протиснуться сквозь него, — это способствует, разумеется, и дальѣйшему его растяженію.

Подъ дѣйствіемъ маточныхъ сокращеній передняя часть плода неизбѣжно должна проникнуть въ тазовое кольцо и затѣмъ вытолкнуться сквозь него. При нормальномъ теченіи родовъ плодъ помѣщается уже довольно плотно во входномъ отверстіи тазоваго кольца, когда зѣвъ матки уже настолько широко раскрылся, что матка представляетъ вмѣстѣ съ влагалищемъ одинъ сплошной, ничѣмъ не раздѣленный рукавъ. Въ это же время околоплодный пузырь подъ вліяніемъ сильнаго давленія лопается, и часть околоплодныхъ водъ вытекаетъ черезъ влагалище. Вслѣдствіе этого, протолкнувшаяся часть плода еще плотнѣе втискивается въ тазовое кольцо, и это препятствуетъ остальной околоплодной жидкости вылиться наружу.

Эту часть родового процесса — отъ начала схватокъ до расширенія маточнаго зѣва и лопанія пузыря — называютъ обыкновенно „періодомъ раскрытія“. За нимъ наступаетъ такъ называемый „періодъ изгнанія“. Въ это время, почти безъ всякаго участія воли родильницы, она испытываетъ, при каждой новой схваткѣ, неодолимую потребность помочь дѣйствию маточныхъ сокращеній задерживаніемъ дыханія и сильнымъ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ живота. Она дѣлаетъ подобныя же напряженія, которыя, въ болѣе слабой степени, дѣлаютъ при испраженіи для опорожненія прямой кишки. Родильница старается, по мѣрѣ возможности, усилить потуги, опираясь ногами въ переднюю стѣнку кровати и, если ей представляется возможность ухватиться руками за что-нибудь, она и этимъ добавочнымъ напряженіемъ старается ускорить выталкиваніе плода. Схватки большей частью учащаются въ это время, появляясь, приблизительно, съ двухъ-трехъ минутными промежутками, и становятся значительно болѣзненнѣе прежняго. Самый плодъ постепенно проскальзываетъ при этомъ своей подлежащей частью сквозь самое узкое мѣсто таза, остальные части тѣла протискиваются за ней.

При этомъ, въ зависимости отъ формы канала, по которому проталкивается плодъ, происходятъ нѣкоторые повороты ребенка вокругъ его продольной оси, о механической причинѣ которыхъ специалисты высказываютъ различныя, часто противорѣчивыя мнѣнія, которыя насъ здѣсь, впрочемъ, особенно интересоватъ не могутъ. Наконецъ, подлежащая часть ребенка достигаетъ нижней части влагалища, и становится замѣтна сильная выпуклость такъ называемой промежности, т. е. мускульной и кожной части между заднимъ проходомъ и влагалищной щелью. Напрягая промежность и растягивая ее, ребенокъ растягиваетъ въ то же время и оба края половой щели. Еще нѣсколько схватокъ, и широко раскрывается наружное отверстіе влагалища, и въ немъ показывается подлежащая часть тѣла ребенка, болѣею частью черепа. Вначалѣ отверстіе снова закрывается во время перерывовъ между схватками, но вскорѣ оно настолько

расширяется, что затылокъ продолжаетъ быть виднымъ и во время перерывовъ. Послѣ этого достаточно одной или двухъ-трехъ схватокъ, чтобы голова младенца совсѣмъ расширила влагалищную щель, отличающуюся необычайной эластичностью, и тогда голова прорѣзывается вся, до самой шеи, — большей частью обращенная затылкомъ къ животу роженицы и лицомъ къ заднепроходному отверстию. Слѣдующая схватка выталкиваетъ и плечи младенца, — большей частью такъ, что раньше показывается плечо, обращенное къ животу роженицы. Когда плечи уже протиснулись, остальная, менѣе объемистая часть тѣла ребенка проходитъ быстро и безъ усилій со стороны роженицы.

Ребенокъ появился на свѣтъ; изъ середины его живота идетъ пупочный канатикъ внутрь матки, до дѣтскаго мѣста, которое еще остается тамъ соединеннымъ со стѣнкой матки. Перерывъ между схватками длится на этотъ разъ довольно долго, — большей частью только минутъ черезъ 15, начинаются болѣе слабыя схватки матки, которыя ведутъ къ тому, что дѣтское мѣсто отдѣляется отъ стѣнки матки, ложится вначалѣ въ полости матки, а затѣмъ также выталкивается наружу.

Едва дѣтское мѣсто отдѣлилось отъ матки, плодъ теряетъ, разумеется, всякую возможность получать изъ крови матери необходимый для его дыханія кислородъ — и очень скоро онъ чувствуетъ недостатокъ кислорода и избытокъ углекислоты въ крови. Но этотъ избытокъ углекислоты влечетъ у новорожденнаго раздражающе на нѣкоторые пункты центральной нервной системы, и результатомъ этихъ раздраженій является толчекъ къ усиленной дѣятельности мускулатуры дыханія грудной кавтки. Такимъ образомъ ребенокъ дѣлаетъ первыя въ жизни дыхательныя движенія, благодаря которымъ легкія наполняются атмосфернымъ воздухомъ и раздуваются. Большей частью это тотчасъ же сопровождается сильнымъ крикомъ, который способствуетъ проникновенію еще большаго количества воздуха въ легкія и раздуванію ихъ. Начиная съ этого момента и до самой смерти человѣка, легкія во снѣ и на яву продолжаютъ автоматически дышать мѣрнымъ, почти неизмѣннымъ ритмомъ.

Съ первымъ же вздохомъ, наступаетъ пережѣна въ кровообращеніи по механическимъ законамъ, которыхъ нѣтъ надобности здѣсь излагать. Благодаря измѣненію кровообращенія, въ пупочномъ канатикѣ образуется вскорѣ застой крови, такъ что его можно перерѣзать въ любомъ мѣстѣ, не подвергая этимъ ребенка потерѣ крови. У нѣкоторыхъ дикихъ племенъ мать сама отдѣляетъ ребенка отъ послѣда (дѣтскаго мѣста), перекусывая пуповину или перерѣзывая ее острымъ камнемъ или чѣмъ-нибудь другимъ. Въ цивилизованныхъ странахъ большей частью перерѣзываютъ пуповину еще до рожденія дѣтскаго мѣста ножницами, при чемъ предварительно перевязываютъ ее между ребешкомъ и перерѣзываемымъ мѣстомъ, — что очень благоразумно, такъ какъ кровь могла и не остановиться еще въ это время и ребенокъ могъ бы подвергнуться потерѣ крови. Ради опрятности, перевязываютъ обыкновенно и другой конецъ пуповины, чтобы кровь изъ послѣда не потекла на постель роженицы.

Приблизительно 93% всѣхъ родовъ происходятъ при упо-

мянутыхъ нами условіяхъ: ребенокъ появляется на свѣтъ головой впередъ и при этомъ, почти безъ исключенія, затылкомъ. По причинамъ чисто механическимъ, процессъ изгнанія труднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащей частью оказывается лицо, и еще неблагоприятнѣе протекають роды, благополучное окончаніе которыхъ возможно почти только съ помощью акушерскаго искусства, когда предлежитъ лобъ. Приблизительно 5% всѣхъ случаевъ составляетъ ягодичное положеніе ребенка, большей частью замедляющее теченіе родовъ. Въ этомъ случаѣ возникаютъ еще нѣкоторыя другія затрудненія, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Приблизительно 1% составляетъ поперечное положеніе ребенка предъ наступленіемъ родовъ; въ этомъ случаѣ ребенокъ можетъ родиться безъ помощи искусственныхъ мѣръ только тогда, если онъ такъ малъ и слабъ, что даже въ согнутомъ положеніи можетъ быть вытолкнутъ однимъ плечомъ впередъ черезъ широкіе родовые пути.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что для безпрятственнаго и легкаго теченія родовъ въ особенности важны четыре условія: во-первыхъ — величина ребенка, во-вторыхъ — наивозможно болѣе благоприятное утробное положеніе его, въ-третьихъ — ширина кольца тазовыхъ костей, и въ-четвертыхъ — сила мускулатуры, сокращеніями которой изгоняется плодъ. Въ меньшей степени играетъ роль эластичность мягкихъ частей, растяженіе которыхъ необходимо для прохожденія ребенка. Если всѣ эти условія благоприятны, роды могутъ, несомнѣнно, произойти и безъ всякой посторонней помощи, и тогда безусловно нельзя опасаться того, чтобы мать такъ обезсилѣла отъ самаго процесса родовъ, чтобы оказалась не въ состояніи сама перерѣзать пуповину и безъ всякой посторонней помощи, позаботиться о себѣ и о ребенкѣ.

И дѣйствительно, по сообщеніямъ путешественниковъ и лицъ, жившихъ болѣе или менѣе долго среди дикарей, весьма многіе изъ нихъ очень просто разрѣшаются отъ бремени, т. е. беременная исполняетъ свои обычныя работы до самаго наступленія родовъ или не прерываетъ странствованія, предпринятаго вмѣстѣ со своимъ племенемъ, наскоро, въ два-три часа, а иногда и менѣе чѣмъ въ часъ, разрѣшается отъ бремени, перевязываетъ пуповину, убираетъ ребенка и снова возвращается къ прерванной работѣ или продолжаетъ путь. Но и въ Европѣ и даже у народовъ высоко-цивилизированныхъ совсѣмъ не рѣдки случаи подобнаго легкаго теченія родовъ. Я самъ зналъ среди женщинъ, обращавшихся ко мнѣ въ случаяхъ болѣзни, такихъ которыя перенесли роды нѣсколько разъ безъ всякой помощи и исполняли тяжелыя сельскія работы безъ явнаго вреда для здоровья — и до самаго момента родовъ и тотчасъ же послѣ окончанія ихъ.

Что касается величины ребенка, то туловище и конечности играютъ здѣсь не особенно важную роль, такъ какъ объемъ ихъ бываетъ всегда довольно малъ и, кромѣ того, они сравнительно легко приспособляются къ формѣ канала, по которому имъ приходится проходить. Наибольшее значеніе имѣетъ здѣсь объемъ головы; не лишено нѣкотораго значенія и то обстоятельство, что у цивилизованныхъ народовъ, вслѣдствіе важности для нихъ

дѣятельности головного мозга, многотысячелѣтній подборъ привелъ къ увеличенію головного мозга и, соотвѣтственно этому, и къ увеличенію черепа.

У народовъ же менѣе цивилизованныхъ, вліяніе естественнаго подбора сказалось въ другомъ приспособленіи: у нихъ кости женскаго таза развились такъ, что ширина его соотвѣтствуетъ надобности родовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда родовспомогательнаго искусства совсѣмъ не существуетъ или оно сводится къ грубому, неумѣльному, часто крайне нецѣлесообразному вмѣшательству, всякая женщина, у которой тазъ слишкомъ узокъ или, по особенностямъ своего строенія, долженъ затруднять прохожденіе плода при пѣскольکو неблагоприятномъ его положеніи, — несомнѣнно подвергается гораздо большей опасности при родахъ или даже совсѣмъ обречена на гибель. Понятно поэтому, что неправильное строеніе таза никакъ не можетъ передаваться наследственно, а можетъ образоваться только отъ неправильнаго индивидуальнаго развитія, отъ болѣзней или механическихъ поврежденій, слѣдовательно, — крайне рѣдко.

Изъ болѣзней, могущихъ имѣть такое послѣдствіе, особенно распространена у нашихъ цивилизованныхъ народовъ, живущихъ въ городахъ очень скученно, такъ называемая англійская болѣзнь, или рахитъ, приводящій къ суженіямъ таза вслѣдствіе мягкости и гибкости костей въ дѣтствѣ. У народовъ первобытныхъ эта болѣзнь, повидимому, совсѣмъ не встрѣчается. Другая подобная болѣзнь, сопряженная съ размягченіемъ костей, это — такъ называемая остеомалация. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи она сильно распространена и въ деревняхъ, но у первобытныхъ народовъ также, повидимому, не встрѣчается. Что же касается положенія плода, — очень вѣроятно, что наблюдающіяся неправильности его почти всегда имѣютъ причиной вредныя привычки въ одеждѣ и, прежде всего, расслабленіе мускуловъ живота; вполне понятно поэтому, что неправильныя утробныя положенія плода крайне рѣдко встрѣчаются не только у первобытныхъ народовъ, но и среди несущихъ суровый физическій трудъ классовъ цивилизованныхъ народовъ, такъ какъ у нихъ не привилась слишкомъ стѣснительная одежда, а самый трудъ достаточно способствуетъ закаливанію и укрѣпленію мускулатуры живота. По тѣмъ же причинамъ женщины съ менѣе ослабленной мускулатурой обладаютъ обыкновенно способностью, тотчасъ же по окончаніи періода раскрытія, такъ интенсивно напрягать брюшную прессу, что періодъ изгнанія длится совсѣмъ недолго и оканчивается послѣ нѣсколькихъ схватокъ.

Такъ какъ періодъ раскрытія — въ тѣхъ случаяхъ, когда не приходится преодолевать ненормальныхъ препятствій — представляетъ наименѣе болѣзненную часть родового процесса и болѣе или менѣе сильныя страданія причиняетъ только періодъ изгнанія, — вполне понятно также и то, что болѣе быстрое теченіе періода изгнанія, какъ это бываетъ у дикарей и среди трудящихся классовъ цивилизованныхъ народовъ, значительно сокращаетъ муки родовъ. И дѣло не только въ томъ, что сокращается періодъ изгнанія плода: надо вспомнить еще и то, что съ каждой новой схваткой во время періода изгнанія осла-

бляется и выпосливость женщины къ испытываемымъ страданіямъ и усиливается все больше и больше ея чувствительность къ маленькимъ раненіямъ, случающимся при этомъ. Изъ этого ясно, что страданія родильницы, если они ограничиваются всего нѣсколькими схватками, являются и вполнѣ объективно гораздо болѣе легкими, чѣмъ у женщины, у которой періодъ изгнанія длится, какъ случается, нѣсколько часовъ. Этимъ объясняется, что, по единодушному сообщенію путешественниковъ, дикарки почти не испытываютъ страданій во время родовъ. Было бы, впрочемъ, ошибочно думать, что безболѣзненные роды очень рѣдко встрѣчаются и у женщинъ цивилизованныхъ народовъ и зажиточныхъ классовъ. Есть и среди нихъ множество женщинъ, умѣющихъ переносить роды съ большимъ самообладаніемъ и не позволяющихъ себѣ изъ гордости обнаруживать своихъ страданій иначе, какъ тихимъ стономъ.

Рис. 253. Стулъ для родовъ (XVI столѣтія). По Як. Руффю.

„стулъ для родовъ“ (рис 253) — специальное кресло иногда съ локотниками, иногда безъ нихъ, съ глубокимъ полукруглымъ вырѣзомъ въ сидѣніи спереди. На рис. 254 также изображена родильница въ подобномъ креслѣ; на переднемъ планѣ видна акушерка, около нея лежатъ на столѣ двое изувѣченныхъ ею во время родовъ мертвыхъ младенцевъ, — послѣднее относится къ крайне низкому уровню, на которомъ стояло въ то время акушерское искусство. Но на ряду съ этимъ принято было все же, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, лежачее положеніе родильницы на устланыхъ подушками скамьяхъ или кроватяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и сохранившіяся старинныя картины и медицинскія сочиненія. Въ Мексикѣ было въ обычаѣ положеніе родильницы на корточкахъ, какъ свидѣтельствуютъ изображенія художниковъ и скульпторовъ.

Въ общемъ, надо сказать, что при нормальныхъ условіяхъ вопросъ о положеніи тѣла не имѣетъ особеннаго значенія. Надо только имѣть въ виду одно обстоятельство, — что если плодный пузырь лопается раньше, чѣмъ подлежащая часть плода плотно втиснута въ тазовое кольцо, тогда при вертикальномъ положеніи

родильницы — т. е. въ стоячемъ положеніи, на ногахъ, на колыняхъ, на-корточкахъ или въ сидячемъ положеніи — очень легко можетъ выпасть изъ плоднаго пузыря петля пупочнаго канатика, и тогда, если не будутъ приняты немедленно необходимыя мѣры, послѣдствіемъ можетъ быть почти неизбѣжно смерть ребенка во время родовъ. Но такой преждевременный разрывъ плоднаго пузыря случается даже при сравнительно легкихъ отклоненіяхъ и, слѣдовательно, вовсе не рѣдко. Вотъ почему слѣдуетъ признать преимущество за принятымъ у насъ въ настоящее время горизонтальнымъ положеніемъ родильницы. При этомъ женщина можетъ лежать либо на спинѣ, либо на боку; въ первомъ случаѣ колѣни нѣсколько сгибаются и раздвигаются при выходѣ плода, потому что сдвинутыя голени могутъ оказаться препятствіемъ; при боковомъ же положеніи одна нога вытягивается, а другая сгибается въ колѣнѣ и притягивается къ животу. Последнее положеніе всего благоприятнѣе для оказанія акушерской помощи и въ особенности для защиты промежности отъ разрыва.

До сихъ поръ мы рассматривали роды только въ совершенно нормальныхъ условіяхъ и только мелькомъ упоминали о самой простой и легкой акушерской помощи. Теперь намъ придется сдѣлать бѣглый обзоръ всевозможныхъ отклоненій и ненормальностей, случающихся при этомъ и представляющихъ серьезную опасность какъ для жизни матери, такъ и для жизни ребенка. О преждевременномъ разрывѣ околоплоднаго пузыря мы только что упомянули. При истеченіи околоплодныхъ водъ можетъ выпасть, въ особенности при стоячемъ положеніи родильницы, петля пуповины и, если предлежащая часть плода еще не прошла сквозъ тазовое кольцо, притиснуть къ нему плодъ, такъ что для ребенка прерывается притокъ кислорода раньше еще, чѣмъ онъ въ состояніи самостоятельно дышать. Но эта нежелательная случайность можетъ оказаться крайне неблагоприятной для родовъ еще и въ другомъ отношеніи. Разъ пузырь не туго натянутъ, то не хватаетъ необходимаго элемента для расширенія маточнаго зѣва, и отъ этого замедляется его полное раскрытіе. Затѣмъ,

Рис. 234. Неосторожная рожевица.
Титул. рис. къ „Unvorsichtige Hebamme“ 1715 г.

въ такомъ случаѣ не имѣеть мѣста полезное дѣйствіе околоплодныхъ водъ, такъ что маточныя сокращенія и брюшной прессъ не могутъ производить при помощи жидкости равномѣрнаго давления на все тѣло плода, а давать только или преимущественно на подлежащія части его. Отъ этого, часто роковымъ образомъ, замедляются роды и протекають гораздо болѣзненнѣе, чѣмъ при нормальныхъ условіяхъ. Иногда бываетъ, что воды сходятъ совсѣмъ или почти совсѣмъ и безъ разрыва плоднаго пузыря и вызываютъ тѣ же разстройства. Но, съ другой стороны, перѣдко встрѣчается и избыточное количество околоплодныхъ водъ; это имѣетъ ту вредную сторону, что брюшныя покровы чрезмѣрно растягиваются еще во время беременности и потому во время родовъ, въ періодъ изгнанія, не могутъ такъ энергично напрягаться для выталкиванія плода.

Что ненормальная величина ребенка должна затруднить роды, — это понятно само собой; разумѣется, трудность еще значительно увеличивается въ случаяхъ неправильностей въ развитіи плода, особенно при чрезмѣрномъ накопленіи жидкости въ головномъ мозгу, когда такъ называемая водянка сильно увеличиваетъ объемъ головы, или при образованіи крупныхъ опухолей или наростовъ. Роды двойными или тройными неблагоприятны, во-первыхъ, тѣмъ, что сопровождаются чрезмѣрнымъ растяженіемъ брюшныхъ покрововъ во время беременности; во-вторыхъ, зародыши часто мѣшаютъ другъ другу занять наиболѣе выгодное для родовъ положеніе, а иногда они такъ врѣзываются конечностью или возвышеніемъ тѣла одного въ тѣло другого, — въ особенности подбородокъ одного плода часто такъ сильно вдавливается въ какое-нибудь углубленіе или складку тѣла другого, что оба мѣшаютъ другъ другу протолкнуться.

Еще большія разстройства причиняютъ ненормальные положенія плода. Какъ мы уже мимоходомъ упоминали, роды протекають значительно труднѣе, когда вмѣсто затылка предложить лицо, а когда плодъ проходитъ лбомъ впередъ, разрѣшеніе невозможно безъ акушерской помощи. Если предлежать ягодицы ребенка, роды могутъ пройти благополучно и безъ посторонней помощи, если только руки ребенка остаются прижатыми къ груди. Если же онъ раскидывается по обѣ стороны головы, такъ что головѣ приходится прогнискиваться черезъ тазовое кольцо одновременно съ обѣими руками, то разрѣшеніе можетъ совершиться безъ труда только при необычайно малой величинѣ плода, — иначе ширина таза недостаточна для безпрепятственного прохожденія. Въ такомъ случаѣ ребенокъ либо совсѣмъ застреваетъ, либо же прохожденіе головы такъ замедляется, что кровообращеніе въ пупочномъ канатикѣ, придавленномъ при этомъ головой ребенка къ тазу матери, совершенно приостанавливается, и ребенокъ, еще неспособный, конечно, пользоваться для дыханія своими легкими, умираетъ отъ удушенія.

Всѣ эти замедленія теченія родовъ, при которыхъ подлежащая часть остается чрезмѣрно долго прижатой въ тазу подъ вліяніемъ маточныхъ сокращеній и брюшного пресса, не проходитъ сквозь него, — представляютъ серьезную опасность для матери тѣмъ, что въ мягкихъ частяхъ, прижатыхъ къ костямъ, задерживается кровообращеніе, и значительная доля ихъ должна омер-

твѣтъ вслѣдствіе этого и потомъ вытолкнуться въ видѣ мертвой массы. Чаще всего такой участи подвергаются ткани передней стѣнки влагалища вмѣстѣ съ примыкающей къ ней стѣнкой мочевого пузыря. Если большій или меньшій кусокъ омертвѣтъ здѣсь и выталкивается наружу, то остается, разумѣется, отверстие, соединяющее мочевой пузырь съ влагалищемъ, такъ называемая фистула, и тогда впослѣдствіи урина женщины безпрепятственно выдѣляется черезъ влагалище. Эта болѣзнь, обрекающая женщину на вѣчную неопрятность и совершенно обособляющая ее отъ общества людей, была въ прежнее время неизлѣчима. Только въ послѣднія десятилѣтія, успѣхи медицинскаго искусства достигли возможности излѣчивать оперативнымъ путемъ такія фистулы. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда излѣченіе невозможно еще и теперь, бѣдѣ все же помогаютъ, до нѣкоторой степени, съ помощью остроумно устроеннаго резинового мѣшочка, прикрѣпляемаго къ тѣлу женщины бандажемъ.

Всего болѣе неблагоприятно поперечное положеніе плода, при которомъ ребенокъ выдвигается однимъ плечомъ впередъ. Въ этомъ положеніи ребенокъ также можетъ родиться только въ томъ случаѣ, если онъ очень малъ и незрѣлъ, или же если онъ уже мертвъ и оттого сталъ рыхлымъ и мягкимъ; тогда онъ можетъ быть вытолкнутъ черезъ широкое тазовое кольцо, даже выходя плечомъ впередъ. Въ противномъ же случаѣ онъ только плотнѣе застреваетъ въ родовомъ каналѣ, и маточныя схватки не могутъ протолкнуть его впередъ, а сокращенія надъ ребенкомъ и часть, окружающая ребенка, становится все тоньше и тоньше, пока не разрывается, и отъ этой тяжелой раны родильница можетъ изойти кровью.

Но если даже строеніе и положеніе плода и совершенно нормальны, все же родовой актъ можетъ представлять самыя серьезныя отклоненія въ зависимости отъ того, что строеніе тазовыхъ костей ненормально. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — особенно у женщинъ чрезвычайно малаго роста, — тазъ можетъ быть сформированъ вполне нормально, но всѣ его размѣры очень малы для прохода зрѣлаго и выросшаго плода. Бываютъ также случаи, когда тазъ суженъ въ одномъ какомъ-нибудь направленіи, большей частью спереди назадъ, а иногда и въ своемъ косомъ диаметрѣ, такъ что головѣ ребенка, довольно равномерно круглой, также невозможно пройти. Такія суженія (см. рис. 255) особенно часто возникаютъ еще въ раннемъ дѣтствѣ, какъ слѣдствіе англійской болѣзни, которая сопровождается недостаточнымъ

Рис. 255. Суженіе таза, какъ послѣдствіе англійской болѣзни.

отложением известковых солей въ костной ткани и потому мягкостью костей. Нѣкоторыхъ очень рѣзкихъ уродливостей таза мы здѣсь касаться не будемъ, — упомянемъ только еще объ одномъ явленіи, когда поясничная часть позвоночника изгибается внутрь, въ направленіи брюшной полости, и это возвышеніе передъ самымъ входнымъ отверстіемъ таза является препятствіемъ для прохожденія плода черезъ тазъ.

Но и помногу костныхъ частей родовыхъ путей, мягкія части также могутъ представить препятствіе для благопріятнаго теченія родовъ. Самая ткань маточной шейки бываетъ иногда такой плотной и нерастяжимой — вслѣдствіе ли какой-нибудь болѣзни, поразившей это мѣсто, или вслѣдствіе твердыхъ рубцовъ, оставшихся отъ предыдущихъ родовъ, или, наконецъ, вслѣдствіе измѣненія ткани, обыкновенно наступающаго у лицъ, забеременѣвшихъ впервые въ очень позднемъ возрастѣ, — что не можетъ достаточно раскрыться естественнымъ путемъ. Затѣмъ, такая же жесткость и плотность ткани можетъ быть также во влагалищномъ каналѣ, а иногда внутри влагалища бываютъ даже поперечныя пленки, мѣшающія прохожденію плода. Наконецъ, подобнымъ же препятствіемъ можетъ оказаться и промежуточность, если она тверда и недостаточно эластична, какъ это бываетъ также у немолодыхъ первородящихъ, — такъ что роды могутъ быть задержаны въ самой послѣдней своей стадіи.

Особую опасность представляетъ для самой роженицы и для ея ребенка случай неправильнаго положенія дѣтскаго мѣста. Если оно образовалось не на днѣ матки, а вблизи маточной шейки, то первыя схватки обуславливаютъ собою смѣщеніе стѣнки матки по отношенію къ дѣтскому мѣсту и приводятъ къ тому, что оно частью отдѣляется отъ матки. При этомъ отчасти открываются тѣ широкіе кровеносные сосуды, которые проходятъ сквозь дѣтское мѣсто, и случается, что, еще задолго до открытія маточнаго зѣва, происходятъ кровотеченія изъ матки, иногда необычайно сильныя. Бываютъ несчастные случаи, когда такія кровотеченія являются совсѣмъ внезапно, — въ такое время, когда нѣтъ подъ рукой умѣлой помощи, — и беременная истекаетъ кровью. Но даже и съ своевременной врачебной помощью иногда бываетъ невозможно добиться скорой остановки кровотеченія, или же закончить роды искусственно. Оскудѣвшее кровью дѣтское мѣсто не можетъ больше снабжать ребенка кислородомъ черезъ пупочный канатикъ, и ребенокъ умираетъ въ утробѣ матери отъ удушья. Но и мать также можетъ погибнуть подъ руками врача отъ потери крови.

Но хотя, какъ мы видимъ, роды могутъ пройти при совершенно нормальныхъ условіяхъ и безъ всякой посторонней помощи, все же нѣтъ на свѣтѣ ни одного народа, даже первобытнаго, у котораго не случалось бы часто разстройствъ въ теченіи родовъ. Чѣмъ ниже культурный уровень, на которомъ стоитъ данный народъ, тѣмъ болѣе онъ склоненъ приписывать такія разстройства вліянію сверхъестественныхъ силъ, злыхъ демоновъ. Вотъ почему въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ обычно къ средствамъ и мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью не допустить или изгнать злыхъ духовъ. Заклипанія, пѣсни, игра на примитивныхъ инструментахъ, даже просто крики и всевозможный шумъ служатъ

однимъ изъ средствъ прогонять злыхъ духовъ. Вокругъ родильницы обводятъ черту мѣломъ, одѣваютъ ее въ мужское платье, чтобы ввести въ заблужденіе духовъ, ищущихъ ее. Изъ подобныхъ же соображеній русскіе крестьяне строго и тщательно хранятъ въ тайнѣ предполагаемый срокъ разрѣшенія не только отъ чужихъ, но и отъ близкихъ людей. Большую роль играютъ въ этихъ случаяхъ почти у всѣхъ народовъ амулеты.

Къ амулетамъ относятся пучки нѣкоторыхъ растений — у древнихъ германцевъ особенно подмаренникъ, который еще и теперь извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ „женской постельной соломѣ“, которую кладутъ въ постель родильницы. Такое же дѣйствіе приписывается нѣкоторымъ камнямъ, въ особенности яшмѣ, ониксу, изумруду. Съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени особенно чудодѣйственную силу приписываютъ такъ называемому орлиному камню (орликъ, гремучій камень), который находятъ будто бы въ орлиномъ гнѣздѣ; онъ отличается тѣмъ, что онъ полый внутри и содержитъ въ полости меньшіи камешекъ, который постукиваетъ, „гремитъ“, если потрясти его. Эти камни часто встрѣчаются въ формаціяхъ бураго угля; это шарообразныя массы, расположенныя концентрическими слоями; при отдѣленіи одного слоя отъ другого легко получаются такіе камни съ меньшимъ камешкомъ внутри. Большимъ распространеніемъ пользуются, разумѣется, въ качествѣ амулетовъ всевозможныя надписи на бумагѣ и на пергаментѣ — заклинанія или благочестивыя изреченія, или имена нѣкоторыхъ святыхъ, или изображенія ангеловъ.

Отсюда прямая переходъ къ идеѣ — прибѣгнуть къ помощи добрыхъ духовъ или божествъ противъ злыхъ замысловъ враждебныхъ духовъ, и, дѣйствительно, почти всѣ народы, имѣющіе нѣсколько болѣе высокія религіозныя представленія, имѣютъ и чтутъ такихъ добрыхъ боговъ, которые посылаютъ легкіе роды.

Еще вавилоняне чтили въ образѣ Астарты богиню, покровительствующую родамъ. Греки отождествляли ее съ Афродитой. У древнихъ ассириянъ ей соответствовала богиня Белета или Милитта. Представленіе о ней проникаетъ и къ іудеямъ подъ нѣсколько измѣненнымъ именемъ Лилиты, только у нихъ она принимаетъ образъ враждебнаго и страшнаго божества, которое старается удалить отъ ложа родильницы; для этого начертывали имена трехъ ангеловъ, которые уполномочены будто бы Богомъ утопить это божество, а мужа родильницы усаживали въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ онъ долженъ былъ читать молитвы. Этой Лилитѣ тождественна, повидному, египетская богиня Илитія и арабская Аль-Илаатъ. Эта послѣдняя была, несомнѣнно, въ то же время и богиней луны; персы также имѣли богиню луны, Аквиту, считавшуюся въ то же время покровительницей родильницъ.

У древнихъ грековъ супруга Зевса, Гера, была богиней брака и покровительницей родовъ. Наряду съ Герой была еще Эялейтѣя, культъ которой проникъ къ грекамъ отъ египтянъ; она отождествлялась съ Артемидой, богиней луны и охоты.

Римляне чтили Юнону, соответствующую Герѣ, и Діану, соответствующую Астартѣ; подъ прозвищемъ Люцины обѣ считались богинями-хранительницами родовъ. Кроме того, было еще множество низшихъ божествъ, какъ, напримѣръ, три Діи піхій или богини Проза и Постверга.

Было бы совершенно невозможно перечислить здѣсь всѣ извѣстныя намъ божества, соответствующія данному представленію у всѣхъ народовъ. Упомянемъ только, что славяне также имѣли главное женское божество — Злата баба, венгры — Над жасидни, ланландцы — Саракту, латыши — Лайму и наряду съ ними еще множество низшихъ божествъ, соответствующихъ скандинавскимъ покровительницамъ-норнамъ.

Католическая церковь, всегда и всюду старавшаяся замѣнить соответственными образами языческія божества, рассматриваетъ Дѣву Марію какъ высшую покровительницу родильницъ, замѣняя ея культъ Юноны, и святую Маргариту какъ образъ, до нѣкоторой степени замѣняющій Діану. Изъ мужскихъ святыхъ вызываютъ во время родовъ преимущественно къ св. Христофору, св. Роху и св. Леонарду.

Но, разумеется, нигдѣ человекъ всецѣло не полагается только на эту сверхъестественную помощь, и у всѣхъ народовъ мы видимъ, по крайней мѣрѣ, простѣйшіе зачатки родовспомогательнаго искусства. Одно то, что разрѣшеніе отъ бремени сопровождается страданіями, вызываетъ сочувствіе со стороны окружающихъ и пробуждаетъ въ нихъ потребность и стремленіе облегчить и сократить муки рождающей. Кроме того, родильница, если только она не отличается необычайно крѣпкимъ здоровьемъ, всегда оказывается, въ первые минуты и даже въ первые часы послѣ появленія на свѣтъ ребенка, очень утомленной и слабой, такъ что вполне понятно, что окружающіе ее стараются снять съ нея по крайней мѣрѣ первыя заботы о новорожденномъ. Такъ какъ ближе всѣхъ заинтересованъ въ судьбѣ ребенка, по взглядамъ большинства племенъ, отецъ, то, понятно, что самый распространенный обычай налагаетъ на него обязанность принять ребенка, перерѣзать пуповину и даже обмыть и завернуть ребенка въ первый разъ. Отсюда уже, естественно, развились обычай и дальнѣйшей помощи въ случаѣ необходимости. Если, напримѣръ, роды замедляются и, безъ посторонней помощи окончиться не обѣщаютъ, мужъ — быть можетъ, отъ совершенной безпомощности — рѣшается и непосредственно помочь разрѣшенію: онъ пытается сдавливать или нажимать на животъ родильницы, чтобы усилить натугу, тянуть показавшуюся часть плода, если онъ самъ не можетъ протолкнуться.

Есть, впрочемъ, и такія племена — и даже среди самыхъ дикихъ — у которыхъ считается неприличнымъ или недостойнымъ отводить такую роль мужу, и подобная помощь, если она нужна, предоставляется матери или подругамъ родильницы. Изъ этой-то помощи подругъ (для этого выбирались, разумеется, предпочтительно пожилыя и опытныя женщины) и развилось, несомнѣнно, профессиональное акушерство, которое встрѣчается, какъ извѣстно, у многихъ племенъ, вообще стоящихъ на довольно низкомъ уровнѣ культурнаго развитія. Разумеется, это еще не образованныя и дипломированныя женщины, а только такія, которыя имѣли обширный опытъ и которыхъ этотъ опытъ и возрастъ ихъ сдѣлалъ будто бы свѣдущими; свои услуги онѣ оказываютъ за вознагражденіе, большей частью только въ видѣ добровольныхъ подарковъ. Но помощь ихъ немногаго и стоитъ, конечно. Перевязываніе пуповины, обмываніе и спеленываніе новорожденнаго онѣ дѣлаютъ довольно умѣло; зато съ случаями дѣйствительныхъ расстройствъ въ процессѣ родовъ совсѣмъ не умѣютъ справиться, и помощь ихъ въ такихъ случаяхъ, насколько мы можемъ прослѣдить, совершенно нецѣлесообразна, не принося ни облегченія родильницѣ, ни безопасности для жизни матери или ребенка.

Обратившись къ болѣе или менѣе древнимъ періодамъ жизни

культурныхъ народовъ, мы видимъ, что тамъ положеніе было немногимъ благоприятнѣе. Даже въ сочиненіяхъ Гиппократа мы находимъ, въ сущности, только окуриванія, встряхиванія и подобныя манипуляціи, не имѣющія ни серьезнаго значенія, ни серьезной дѣятельности, какъ родовспомогательныя средства въ трудныхъ случаяхъ. Въ пору расцвѣта классической греческой медицины были открыты, повидимому, приемъ поворота. Онъ состоитъ въ томъ, что при неблагоприятномъ утробномъ положеніи плода, при которомъ роды невозможны безъ искусственной помощи, вводятъ руку внутрь матки, берутся тамъ за одну изъ ножекъ плода и за нее поворачиваютъ плодъ такъ, чтобы онъ могъ пройти черезъ родовые пути ягодицами и одной ножкой впередъ. Но позже и этотъ приемъ былъ, повидимому, забытъ на много столѣтій. Большое значеніе придавала древняя медицина примѣненію такъ называемаго „маточнаго зеркала“, прибора, съ помощью котораго конецъ родового канала растягивался посредствомъ винтового стержня (рис. 256); впоследствии этотъ бесполезный приборъ былъ совершенно оставленъ.

Помимо этого, во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ дѣлалось дробленіе ребенка въ утробѣ матери, для чего было изобрѣтено множество ножей и щипцовъ различной формы и разныхъ названій. Эту операцію, несомнѣнно очень опасную и для родильницы, часто производили даже акушерки. Когда, послѣ великаго переселенія народовъ, во время котораго были снова утрачены многія культурныя завоеванія, снова возродилось родовспомогательное искусство на основѣ старыхъ научныхъ руководствъ, преимущественно арабскихъ, — слово „speculum“, которымъ раньше обозначали расширительный приборъ, начали толковать буквально въ смыслъ зеркала и родильницамъ стали подкладывать обыкновенное зеркало, ожидая отъ этого чудодѣйственныхъ результатовъ.

Съ возрожденіемъ наукъ и искусствъ, въ эпоху такъ называемаго Ренессанса, родовспомогательное искусство также начало дѣлать быстрые успѣхи, и причина этого коренилась не только во всеобщемъ стремленіи къ знанію, но еще, несомнѣнно, и въ быстро прогрессировавшихъ знаніяхъ въ области строенія человѣческаго тѣла, развившихся благодаря прежде недоступному изученію человѣческихъ труповъ. Первые крупныя успѣхи родовспомогательнаго искусства заключались во вновь открытомъ поворотѣ плода внутри матки и во введеніи кесарева сѣченія на живомъ тѣлѣ. Правда, надъ умершей матерью издавна практиковалось кесарево сѣченіе для спасенія ребенка, — т. е. едва беременная испускала духъ, тотчасъ же взрѣзывались наружныя

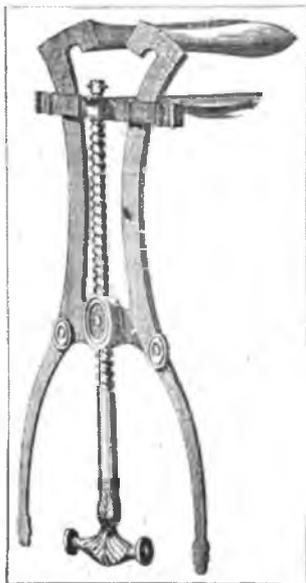

Рис. 256. Маточное зеркало, найденное въ 1819 въ Помпѣе.

По Фелкяну.

Рис. 257. Кесарево сѣченіе въ Угандѣ (центральная Африка).

покровы ея живота и стѣпка матки, и такимъ образомъ извлекался ребенокъ. Дѣлалось это не только съ цѣлью спасенія выношеннаго, жизнеспособнаго ребенка, но — при томъ значеніи, какое придавала христіанская церковь крещенію во имя спасенія души человѣка — даже незрѣлаго, но еще живого ребенка необходимо было насильственно извлечь его и изъ соображеній религіозныхъ. Отъ этихъ операцій, очень часто производившихся надъ умершими, было недалеко, разумѣется, до того, чтобы произвести ихъ и надъ умирающей, — во-первыхъ, потому, что это давало больше надеждъ на сохраненіе ребенка, а во-вторыхъ, и потому, что это давало надежду и на спасеніе матери во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда трудности родовъ являлись единственной опасностью, угрожающей ея жизни. Въ такомъ видѣ кесарево сѣченіе проникло даже къ такимъ племенамъ, которые въ общемъ стоятъ на довольно низкой ступени культурнаго развитія, — какъ, напримѣръ, въ Угандѣ, въ Африкѣ (см. рис. 257). Въ эпоху Возрожденія оно практиковалось вначалѣ довольно часто (въ первый разъ было произведено Траутманомъ въ Виттенбергѣ въ 1610 году, см. рис. 258) и даже съ успѣхомъ, но потомъ было опять надолго оставлено, когда исходъ началъ становиться менѣе благоприятнымъ. Очень вѣроятно, что это явилось послѣдствіемъ множества усовершенствованій и предохранительныхъ мѣръ, которыми начали обставлять эту операцію и которые только осложнили ея производство и сдѣлали ее опаснѣе.

Вторымъ крупнымъ успѣхомъ, о которомъ необходимо упомянуть, было изобрѣтеніе безопасныхъ головныхъ щипцовъ (рис. 259). Щипцы для захватыванія плода въ утробѣ матери существовали давно, но первоначально эти инструменты были снабжены острыми зубьями или острыми краями и предназначались не для сохраненія ребенка въ живыхъ, а только для удаленія его изъ материнскаго тѣла, хотя бы кусками. Тѣ же щипцы, о которыхъ мы говоримъ и которые въ существеннѣйшихъ формахъ своихъ сохранились въ употребленіи и до сихъ поръ, состоятъ изъ тупыхъ ложекъ, охватывающихъ съ боковъ голову плода

Рис. 258. Кесарево сѣченіе въ серединѣ XVII столѣтія.

и плоско прилегающихъ къ ней, не повреждая ее. Этотъ инструментъ даетъ возможность вытянуть подлежащую головку въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ слабаго выталкиванія или отъ препятствій въ мягкихъ частяхъ роды замедляются съ опасностью для матери и ребенка.

Третьимъ крупнымъ успѣхомъ было изобрѣтеніе примѣненія эфира, хлороформа и другихъ паркогизирующихъ средствъ при родахъ. Хотя первоначально средства эти примѣнялись только въ видахъ облегченія страданій роженицы, — вскорѣ, однако, убѣдились, что это открытіе можетъ оказать еще гораздо болѣе важныя услуги. Надлежащимъ образомъ примѣненный наркозъ влечетъ за собой также полное расслабленіе всѣхъ тѣхъ мускуловъ, которые подчинены нашей волѣ, а при усиленномъ примѣненіи его, парализуетъ и ту неподчиненную нашей волѣ мускулатуру, которая состоитъ изъ гладкихъ волоконъ и изъ которыхъ именно и составлена стѣнка матки. Съ расслабленіемъ подчиненныхъ нашей волѣ мускуловъ, особенно судорожно сокращающихся при возбужденіи отъ страданій, устраняется очень существенное препятствіе какъ для родовъ безъ акушерской помощи, такъ — еще гораздо важнѣе — и для акушерскаго вмѣшательства; операція можетъ быть произведена при этомъ условіи гораздо быстрѣе и бережливѣе, а часто безъ него и совсѣмъ невозможно.

Въ самое послѣднее время родовспомогательное искусство обогатилось еще двумя немаловажными приемами: такъ называемымъ влагалитнымъ кесаревымъ сѣченіемъ, которое состоитъ въ томъ, что въ случаѣ крайней необходимости вскрываютъ еще не открывшуюся матку черезъ влагалитце, — и тазорасширительной операціей, которая состоитъ въ томъ, что если ненормально узкій тазъ не даетъ ребенку возможности пройти, его перепиливаютъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, такъ что онъ раздвигается на нѣсколько сантиметровъ.

Однако, какъ ни остроумны всѣ эти способы и приемы, — есть въ нихъ одно большое зло, мѣшающее благополучному исходу: очень часто послѣ нихъ наступаютъ тяжелыя лихорадочныя заболѣванія, результатомъ которыхъ является не только разстроенное здоровье, но очень часто и смерть черезъ нѣкоторое время послѣ родовъ, какъ это изобразилъ въ глубоко-волнующей картинѣ веронскій художникъ Чиньяроли (рис. 260).

Родовспомогательныя заведенія прежде давали, дѣйствительно, ужасающій процентъ смертности рожениць. Огромной заслугой акушера Земмельвейса (работавшаго въ Вѣнѣ и Булапештѣ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія), къ сожалѣнію, не-

Рис. 259. Безопасные головные щипцы.

ощенной при жизни его, было его открытіе, что эти болѣзни роженицъ вызываются болѣзнетворными микробами, которые переносятъ врачъ-акушеръ или акушерка на роженицу и съ нея, въ свою очередь, на другихъ еще здоровыхъ. Результатомъ этого явилось педагогически-тщательное мытье рукъ и умерщвление могущихъ быть на нихъ болѣзнетворныхъ микробовъ, — по цѣлесообразному предложенію Земмельвейса, хлорной водой; въ слѣдствіи она была замѣнена другими химическими растворами. Къ этой дезинфекціи (обеззараживанію) рукъ присоединилась, нѣсколько десятилѣтій спустя, предохранительная мѣра, предложенная выдающимся нѣмецкимъ акушеромъ Кальтенбахомъ и состоящая въ томъ, чтобы всѣ инструменты, примѣняемые при родахъ, были изготовляемы изъ такихъ матеріаловъ, которые давали бы возможность прокипятить ихъ при каждомъ ихъ употребленіи. Благодаря этому также значительно уменьшилась возможность перенесенія болѣзнетворныхъ микробовъ. Позже были придуманы еще особыя приспособленія для чистки и другихъ предметовъ, могущихъ соприкасаться съ родильницей — передниковъ, ваты и т. п., — вначалѣ погруженіемъ ихъ въ химическія жидкости, а потомъ пропусканіемъ черезъ нихъ водяныхъ паровъ, такъ чтобы зараза безусловно не могла быть перенесена и черезъ ихъ посредство.

Съ помощью всѣхъ этихъ мѣръ предосторожности удалось нивести до минимума опасность акушерскихъ операцій; въ настоящее время можно сказать, что роды, протекающіе подъ руководствомъ акушера, стоящаго на высотѣ современныхъ знаній и искусства, не представляютъ, даже при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, сколько-нибудь серьезной опасности для родильницы. Къ сожалѣнію, вопросъ поставленъ не такъ благоприятно въ тѣхъ случаяхъ, когда родами руководитъ одна акушерка или заваленный работой врачъ, чего, конечно, нельзя поставить въ упрекъ этимъ труженикамъ, достойнымъ полнаго уваженія. Матеріальное положеніе нашихъ акушеровъ въ большинствѣ случаевъ такъ неблагоприятно, что онѣ вынуждены не только собственно-ручно исполнять свои домашнія работы, но часто заниматься еще болѣе грубымъ постороннимъ трудомъ. При такихъ условіяхъ имъ совершенно невозможно сохранить свои руки настолько гладкими, мягкими, гибкими и ловкими, какъ это необходимо для тщательнаго удаленія болѣзнетворныхъ микробовъ, могущихъ гнѣздиться въ шероховатостяхъ кожи. Врачи же не спеціалисты, а занимающіеся общей практикой, не могутъ избѣгнуть соприкосновенія съ очень многими болѣзнетворными микробами, въ особенности съ микробами гноя, а такъ какъ руки они не могутъ прокипятить, какъ инструменты, то при самой тщательной чисткѣ и мытьѣ на рукахъ у нихъ все же могутъ оставаться иногда живые микробы.

Какъ уже было упомянуто, для полнаго окончанія родовъ необходимо удаленіе дѣтскаго мѣста. Иногда, крайне рѣдко, случается, что дѣтское мѣсто предшествуетъ выходу плода, — и это представляетъ крайне серьезную опасность какъ для родильницы, такъ и для ребенка. Обыкновенно же дѣтское мѣсто выталкивается послѣ выхожденія ребенка, минуя пятнадцать спустя, а иногда и еще гораздо позже. Вотъ почему

дѣтское мѣсто называется еще также послѣдомъ. Мы уже говорили о томъ, какъ образуется послѣдъ путемъ сращенія ворсинчатыхъ извилинъ яйцевой оболочки съ подобными же извилинами слизистой оболочки матки. Это сращеніе у человѣка и у нѣкоторыхъ млекопитающихъ такъ плотно, что ихъ совершенно

По фотографіи Д. Андерсона въ Римѣ.

Рис. 260. Смерть Рахели. По картинѣ Чиньаролл.

невозможно отдѣлить другъ отъ друга. Зато въ болѣе глубокихъ слояхъ слизистой оболочки матки образуются во время беременности отложенія жира, и, когда послѣ изгнанія ребенка, мускулатура матки продолжаетъ сильно сокращаться, послѣдъ отщепляется въ этомъ жировомъ слоѣ отъ остальной стѣнки матки и ложится свободно въ полости ея. Разумѣется, при этомъ разрываются всѣ тѣ кровеносные сосуды, которые несли кровь въ матку и изъ матки, и происходитъ значительное кровотеченіе въ полость матки и изъ нея наружу. Бываетъ, однако, и такъ, что стѣнка матки, тотчасъ послѣ отдѣленія послѣда, снова начинаетъ сильно сокращаться, и самое это сокращеніе постепенно такъ сжимаетъ разорвавшіеся сосуды, что кровотеченіе само собой останавливается. Когда благодаря этимъ сокращеніямъ (и при содѣйствіи также брюшного пресса) послѣдъ выталкивается, — этимъ уже устраняется препятствіе къ полному уменьшенію матки, и она затѣмъ сокращается, превращаясь въ твердый на-ощупъ комокъ, и дальнѣйшее кровотеченіе становится невозможнымъ.

Не всегда, однако, послѣродовой періодъ протекаетъ такъ нормально. Бываютъ случаи, когда либо жировой слой, о кото-

ромъ мы говорили. недостаточно разрыхленъ, либо сокращенія матки недостаточно сильны, вслѣдствіе упадка силъ родильницы или какихъ-нибудь другихъ причинъ. Въ этихъ случаяхъ отдѣленіе послѣда можетъ заставить себя ждать цѣлые часы, дни и даже недѣли. Такое замедленіе не такъ вредно, какъ многіе думаютъ. Но акушерка или врачъ, если и врачъ присутствуетъ, хотятъ, разумѣется, чтобы роды со всѣми ихъ возможными неблагоприятными случайностями поскорѣ окончились и стараются искусственно сократить затянувшійся процессъ. Иногда и даже большей частью это и удается съ помощью умѣлаго нажатія на матку черезъ животь; но иногда matka такъ плотно прикрѣплена, что такого наружнаго давленія недостаточно для удаленія послѣда. Если же отдѣленіе уже частью произошло и послѣдъ остается только частью прикрѣпленнымъ къ стѣнкѣ матки, то это препятствуетъ сокращеніямъ ея, необходимымъ, какъ мы видѣли, для остановки кровоточенія, — и тогда, изъ опасенія потери родильницей большого количества крови, приходится ввести руку въ матку и отдѣлить отъ нея окончательно послѣдъ. Такое проникновеніе въ матку представляетъ уже извѣстный рискъ для родильницы. Если задержка послѣда произошла вслѣдствіе слабости мускулатуры матки, то можно опасаться, что, и послѣ удаленія послѣда, она недостаточно сократится, а въ такомъ случаѣ кровоточеніе можетъ продолжаться въ очень грозной для родильницы степени. Правда, врачъ располагаетъ нѣкоторыми средствами для возбужденія этихъ сокращеній, и, въ большинствѣ случаевъ, онъ достигаетъ ими успѣха. Особенно неблагоприятно для роженицы, если въ полости матки остается кусочекъ послѣда. Это вліяетъ раздражающе на матку, побуждая ее расслабляться послѣ каждаго сильнаго сокращенія, а въ моментъ расслабленія тотчасъ же возобновляется, разумѣется, кровоточеніе. Нерѣдко случается, что такое прискорбное явленіе кончается смертью роженицы черезъ нѣсколько часовъ или дней послѣ мнимаго окончанія родовъ.

Послѣродовой періодъ.

Мы уже говорили о томъ, что у многихъ дикарей, да и у нашего сельскаго населенія роды часто протекаютъ такъ нормально и родильница такъ мало истощается, что можетъ, тотчасъ же послѣ изгнанія послѣда, отдаться заботамъ о новорожденномъ, а вслѣдъ затѣмъ и своей обычной работѣ, даже полевой. Разумѣется, у этихъ женщинъ о послѣродовомъ періодѣ, въ сущности, не можетъ быть и рѣчи, потому что этотъ періодъ предполагаетъ болѣе или менѣе долгое лежаніе молодой матери въ постели. Постельное лежаніе не безъ основанія считается при многихъ болѣзняхъ важнымъ цѣлительнымъ средствомъ, вполне понятно поэтому, что и изнуренной родовыми муками матери, которой еще грозятъ нѣкоторыя болѣзни, оно рекомендуется, какъ средство предохранительное и восстанавливающее силы.

Однако, еще большой вопросъ, дѣйствительно ли полезенъ роженицѣ этотъ обычай. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что физическое состояніе женщины непосредственно послѣ родовъ ненормально. Даже послѣ того, какъ matka вполне сократилась, она

все же еще слишкомъ велика, достигая своимъ верхнимъ краемъ почти до высоты пупка, и долженъ пройти цѣлый рядъ недѣль, большей частью около шести, пока она снова приметъ свой первоначальный (приблизительно) объемъ. Вдобавокъ, внутренняя поверхность матки представляетъ обширную кровотокающую рапу, изъ которой еще довольно долго не прекращаются выдѣленія, — вначалѣ чистая кровь, потомъ кровянистая жидкость съ примѣсью все уменьшающагося количества крови. Эти выдѣленія — такъ называемыя послѣродовыя очищенія (вначалѣ кровяныя, потомъ постепенно окрашенныя въ розовый, желтый и бѣлый цвѣтъ) — продолжаются также нѣсколько недѣль, — обыкновенно послѣдніе слѣды ихъ показываются также приблизительно на исходѣ шести недѣль.

Но вѣдь мы знаемъ, что не всякое измѣненіе въ тѣлѣ и, безусловно, не всякая рана заставляетъ человѣка вообще оставаться въ постели и даже часто, наоборотъ, процессъ излѣченія лучше протекаетъ въ условіяхъ продолженія его обычныхъ физическихъ работъ. Мы и видимъ, дѣйствительно, что женщины первобытныхъ народовъ и даже нашихъ трудящихся классовъ отлично переносятъ, безъ всякаго видимаго ущерба для здоровья, немедленное возвращеніе къ усиленной физической дѣятельности послѣ родовъ. Въ числѣ народовъ, которымъ совершенно неизвѣстно послѣродовое лежаніе, надо назвать прежде всего почти всѣ американскія племена, какъ сѣверо- и южно-американскіхъ индѣйцевъ, такъ и патагонцевъ, затѣмъ племена, населяющія сѣверную Азію, какъ, на примѣръ, калмыки, далѣе почти всѣ малайсскія племена Филиппинскихъ и Индѣйскихъ острововъ, точно также австралийцевъ и островитянъ Великаго океана. Въ южномъ Китаѣ, по крайней мѣрѣ среди бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, также совершенно не признается послѣродового лежанія. Въ Европѣ нѣтъ этого обычая у южныхъ славянъ, въ особенности въ Босніи. Точно также не пользуются роженицы никакимъ уходомъ среди сельскаго нѣмецкаго населенія въ Зибенбургенъ; впрочемъ, такъ же относятся къ роженицамъ и среди бѣднаго сельскаго населенія сѣверной Германіи и Баваріи, что объясняется въ этомъ случаѣ печальными условіями экономической жизни, требующими возможно болѣе скораго участія женщины въ полевыхъ работахъ.

Наши крупныя родовспомогательныя заведенія выписываютъ обыкновенно роженицъ черезъ десять дней, при чемъ, большей частью до послѣдняго дня, держать ихъ въ постели. Но опытъ бреславльскаго родовспомогательнаго института, повидимому, доказалъ, что тѣ роженицы, которыхъ выписывали на пятый или шестой день послѣ родовъ, чувствовали себя, выходя изъ заведенія, крѣпче и субъективно лучше, чѣмъ тѣ, которыхъ держали до девятаго или десятаго дня въ постели. Мои личныя наблюденія безусловно подтверждаютъ это, и, по-моему, стоило бы слѣлать опыты для провѣрки того, не дало ли бы еще лучшихъ результатовъ, если бы послѣродовой періодъ былъ еще болѣе сокращенъ.

Разумѣется, объ этомъ можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, когда во время родовъ не произошло значительныхъ поврежденій и не явилось осложненій въ видѣ какой-нибудь бо-

лѣзни. Если произошли разрывы, которые врачу пришлось исправить наложениемъ швовъ, то часто можетъ оказаться необходимымъ продержатъ роженицу нѣкоторое время въ постели для болѣе успѣшнаго заживленія зашитыхъ ранъ. Если роды были сопряжены съ ненормально сильной потерей крови, то состояние роженицы, упадокъ силъ ея можетъ вынудить ее оставаться въ постели, такъ какъ, при попыткѣ подняться, у нея появляется головокруженіе, и она отъ слабости снова падаетъ. Но такая сильная потеря крови имѣетъ еще одну вредную сторону. Сердце, которое также оскудѣло отъ этого кровью, работаетъ уже недостаточно сильно, чтобы оставшаяся въ организмѣ часть крови могла продолжать правильно циркулировать; въ такихъ случаяхъ въ вежахъ живота и бедеръ, сильно расширенныхъ большей частью самой беременностью, легко можетъ произойти полная остановка кровообращенія. Но останавливающаяся въ своемъ движеніи кровь человѣка тотчасъ же свертывается, и въ томъ или другомъ мѣстѣ легко образуются въ такихъ случаяхъ сгустки крови, прилежащія довольно слабо къ стѣнкѣ кровеноснаго сосуда. При усиленномъ напряженіи силъ роженицы, какое ей приходится сдѣлать, поднимаясь съ постели, подобный сгустокъ крови можетъ отдѣлиться отъ стѣнки сосуда, и, когда возобновляется кровообращеніе, жидкая кровь можетъ увлечь съ собой этотъ сгустокъ къ сердцу, а черезъ сердце попасть въ сосуды, снабжающіе легкія кровью. Такъ какъ эти сосуды все больше и больше развѣтвляются и при этомъ, конечно, становятся все уже и уже, то этотъ сгустокъ скоро попадаетъ въ такую точку развѣтвленія, въ которой онъ задерживается и съ этой минуты преграждаетъ, какъ пробка, путь дальнѣйшаго притока жидкой крови къ легкимъ. Если, такимъ образомъ, доступъ крови будетъ прерванъ къ довольно большой части легкихъ, то остальной части можетъ оказаться недостаточно для снабженія организма кислородомъ. Тотчасъ же являеся одышка, и очень часто удушеніе наступаетъ такъ быстро, что кончается молниеносной смертью, какъ при мозговомъ параличѣ. Поэтому такое явленіе называется параличемъ легкихъ. Не всегда, впрочемъ, строгое выдерживаніе въ постели можетъ предотвратить его, такъ какъ и въ находящемся въ покоѣ организмѣ можетъ образоваться подобный сгустокъ.

Въ подобныхъ же условіяхъ находится, конечно, и общее состояніе здоровья роженицы, которое могло быть еще во время беременности въ такомъ неблагопріятномъ состояніи, что на нее слѣдуетъ смотрѣть и съ ней обращаться и послѣ родовъ, какъ съ больной или выздоравливающей.

Говоря о родахъ, мы уже имѣли случай обратить вниманіе на то, что, вслѣдствіе отдѣленія послѣда, на внутренней стѣнкѣ матки образуется широкая рана и что отъ разрыва кровеносныхъ сосудовъ здѣсь можетъ появляться сильное кровотеченіе, если только мускулатура матки не сократится тотчасъ и этимъ не сожметъ и не закроетъ сосудовъ. Обыкновенно это сокращеніе матки наступаетъ тотчасъ же, какъ скоро она дѣйствительно опорожнится; вотъ почему сильныя кровотеченія случаются въ послѣродовомъ періодѣ довольно рѣдко; все же они, безусловно, очень возможны. Даже при самомъ тщательномъ наблюденіи за

родами въ полости матки могутъ все же остаться мелкіе кусочки послѣда или яичевыхъ оболочекъ, или хотя бы только сгустки крови, которые производятъ на матку раздраженіе, а за нимъ слѣдуетъ расслабленіе и возобновленіе кровотеченія. Существуютъ еще, однако, повидимому, и другія, неизвѣстныя намъ причины, могущія вызвать ослабленіе матки. Не слѣдуетъ забывать и того, что во время родовъ въ маткѣ могутъ разрываться кровеносные сосуды. Вначалѣ кровотеченіе изъ нихъ не можетъ быть очень значительно, такъ какъ края разорвавшихся сосудовъ имѣютъ склонность заворачиваться внутрь. Но если на ранѣ появляется нагноеніе вслѣдствіе зараженія, то хотя бы оно и не сопровождалось особенно сильнымъ повышеніемъ температуры, разрыхленный край разорвашагося сосуда иногда разворачивается, и изъ него вытекаетъ кровь. Сильное давленіе, которымъ сердце гонитъ кровь во всѣ сосуды, выталкиваетъ и сгустокъ-пробку, если таковой образовался, и препятствуетъ возникновенію новыхъ сгустковъ; какъ изъ насоса, кровь съ большою быстротою течетъ неудержимой струей изъ этого сосуда. Мнѣ случалось наблюдать такія кровотеченія, длившіяся у роженицъ дней по десяти послѣ родовъ, и нѣсколько разъ мнѣ приходилось, примчавшись на извозчикѣ по первому зову, заставить роженицу уже умершей.

Само собой разумѣется, что такія кровотеченія случаются иногда и у первобытныхъ народовъ и были небезызвѣстны и нашимъ предкамъ тѣхъ эпохъ, когда еще не существовало научнаго акушерства. Вполнѣ понятно, что у цивилизованныхъ народовъ, какъ и у многихъ дикихъ, сохранились всевозможныя средства противъ такихъ кровотеченій. Наибольшимъ распространеніемъ пользуются, разумѣется, религіозныя заклинанія. Существуютъ и разныя другія церемоніи, въ родѣ, напримѣръ, помѣщенія топора подъ постель роженицы. Упомянутый уже орлиный или гремячій камень тоже считается амулетомъ, предотвращающимъ кровотеченія у роженицы. Очень распространены въ странахъ Стараго Свѣта обычай перевязывать руки въ локтѣ и ноги въ колѣнѣ. Такъ какъ этотъ послѣдній приемъ упоминается и въ сочиненіяхъ Гиппократъ, то онъ перешелъ на первыхъ порахъ и въ научную медицину и, вѣроятно, этимъ путемъ уже проникъ въ народную медицину странъ Стараго Свѣта. Возможно, что это было суевѣрнымъ народнымъ средствомъ еще до изданія сочиненій Гиппократъ, но возможно и то, что оно представляетъ собой только пережитокъ первоначально цѣлесообразнаго средства. При слишкомъ значительной потерѣ крови можно тугимъ перевязываніемъ конечностей, начиная отъ пальцевъ рукъ и ногъ, отвести содержащуюся здѣсь кровь къ туловищу и такимъ образомъ увеличить количество крови въ органахъ, болѣе важныхъ для жизни. Возможно, слѣдовательно, сохранить жизнь лицъ, близкихъ къ смерти, примѣненіемъ этого приема, — разумѣется, только въ томъ случаѣ, если кровотеченіе тѣмъ временемъ остановилось. Самое же перетягиваніе локтей и колѣнъ не имѣетъ, разумѣется, никакого значенія.

Нерѣдко случается у роженицы выпаденіе или выворотъ матки. Заворотъ заключается въ томъ, что, прежде чѣмъ успѣла сократиться шейка матки, расширившаяся при родахъ, раненная

внутренняя поверхность ея выворачивается через влагалище наружу, как быстро стягиваемый чулокъ или перчатка. Это можетъ произойти и по вянѣ самой роженицы, если она въ послѣдней стадіи періода изгнанія или отдѣленія послѣда слишкомъ сильно напрягаетъ брюшной прессъ; въ большинствѣ же случаевъ виноваты въ этомъ акушерки или другіе помощники и помощницы при родахъ, если они тянутъ ребенка или пуповину, раньше чѣмъ не вышелъ еще послѣдъ. Такой выворотъ представляетъ опасное явленіе, потому что вывернутая наружу кровоточащая внутренняя поверхность матки продолжаетъ непрерывно кровоточить и чрезвычайно легко подвержена загрязненію. Необходимо, чтобы врачъ какъ можно скорѣе вправилъ ее обратно, потому что позже, когда зѣвъ матки уже снова значительно сократится, вправить ее обратно бываетъ очень трудно, иногда даже совсѣмъ невозможно.

Явленіе выпаденія матки нѣсколько проще. Оно состоитъ въ томъ, что, вслѣдствіе ослабленія связокъ и растянутой стѣнки влагалища, матка сдвигается къ половой щели и выворачивается влагалище. Но все же это довольно неурядное явленіе, такъ какъ вправить выпавшій органъ на свое мѣсто очень трудно и черезъ нѣсколько дней, между тѣмъ длительность этого состоянія приводитъ къ тому, что большая загрязняетъ свисающій изъ половой щели органъ уриной и испражненіями, раздражаетъ его треніемъ между ногъ, и отъ этого дѣлаются болѣзненные изъязвленія и опасныя парывы. Особенно легко случается это, если во время родовъ сильно надорвалась или совсѣмъ разорвалась промежность; но оно можетъ произойти и просто отъ чрезмѣрнаго растяженія влагалища и наружной половой щели, если ребенокъ слишкомъ великъ и роженица въ послѣдней стадіи родовъ или даже въ послѣродовой періодъ слишкомъ сильно напрягаетъ брюшной прессъ, — напримеръ, при сильной палугѣ вслѣдствіе твердаго стула. Изъ этого слѣдуетъ, что и у первобытныхъ народовъ выпаденіе представляетъ не особенно рѣдкое явленіе. Обыкновенно роженица старается сама помочь бѣдѣ, пытаясь собственными руками вдвинуть выпавшую матку обратно. Повивальныя бабки засовываютъ обыкновенно платокъ или пучокъ мочалы, чтобы удерживать на мѣстѣ вдвинутую матку. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранился со временъ гиппократовской медицины грубый способъ вправленія выпавшей матки: роженицу привязываютъ къ лѣстницѣ или другому подобному ложу и, уложивъ съ запрокинутой головой и приподнятыми ногами, встряхиваютъ ее. Современная медицина ограничивается тѣмъ, что вдвигаетъ на надлежащее мѣсто матку и накладываетъ швы на разрывы, вызвавшіе ея выпаденіе.

Самое опасное, что можетъ постигнуть роженицу — это явленіе повышенной температуры, такъ называемая родильная горячка.

Повышеніе температуры, если только это не простая колебанія, происходящія отъ душевныхъ волненій или отъ чрезмѣрно-теплага укрыванія родильницы, представляетъ грозный признакъ горячки отъ ранъ. Какъ мы уже видѣли, послѣдъ, сосотящій изъ дѣтскаго мѣста и яичевыхъ оболочекъ, отдѣляется не въ томъ слѣѣ, который соединяетъ ткани матери

и ребенка, а отщепляется значительный слой стѣнки самой матки и при этомъ разрывается множество кровеносныхъ сосудовъ. Такимъ образомъ, вся внутренняя поверхность матки представляетъ послѣ родовъ одну огромную сплошную рану. Но къ этому надо еще прибавить, что значительное растяженіе шейки матки, влагалища и наружной половой щели неизбежно сопровождается разрывами, по крайней мѣрѣ поверхностными, во многихъ мѣстахъ. Довольно значительные разрывы, которые требовали бы немедленнаго наложенія швовъ, что дѣйствительно и дѣлаетъ всякій внимательный врачъ, но которые акушерками обыкновенно оставляются безъ вниманія, встрѣчаются даже при такихъ родахъ, которые на первый взглядъ кажутся вполне нормальными. Если въ эти раны попадетъ сколько-нибудь значительное количество микроорганизмовъ, то они въ самыхъ ранахъ размножаются и ведутъ къ нагноенію ихъ. Эти микроорганизмы тождественны съ тѣми, которые вызываютъ крайне болѣзненные и тоже сопровождающіеся лихорадкой гнойники на другихъ частяхъ тѣла, какъ, напримѣръ, фурункулы или появляющіеся часто на пальцахъ нарывы. Если на ранкахъ только что разрѣшившейся родильницы поселяются эти грибки, то случай является чрезвычайно опаснымъ; множество женщинъ гибнетъ ежегодно отъ возникающей такимъ образомъ такъ называемой родильной горячки.

Бываютъ, правда, и болѣе легкія формы этой болѣзни, — въ тѣхъ случаяхъ, когда микробами загрязняются не очень глубокіе разрывы у входнаго отверстія влагалища, и, во всякомъ случаѣ, зараженіе ограничивается самимъ влагалищемъ. Тогда здѣсь на ранахъ образуется грязный налетъ, и у роженицы появляется лихорадочный ознобъ, чувство угнетенія, потеря аппетита; но раны постепенно снова очищаются, налетъ исчезаетъ, и онѣ заживаютъ — жаръ начинаетъ спадать, и самочувствіе больной улучшается. Если же гноеродныя бактеріи попадаютъ въ болѣе глубокія раны, въ особенности въ глубокія изъязвленія маточной шейки, то онѣ распространяются, размножаясь, по кровеноснымъ сосудамъ, разрывающимся при родахъ и закупореннымъ довольно мягкими сгустками крови. Размноженіе ихъ въ этихъ кровяныхъ сгусткахъ усиливаетъ и распространяетъ свертываніе крови въ полости сосудовъ; въ то же время они нѣсколько разжижаютъ сгустки и поражаютъ самыя стѣнки сосудовъ. Мы видѣли выше, что подобные сгустки, не зараженные микроорганизмами, могутъ проталкиваться и попадать въ потокъ крови, благодаря просто быстрому движенію роженицы; разумѣется, это происходитъ еще гораздо легче и даже безъ всякаго механическаго воздѣйствія тогда, когда сами микроорганизмы способствуютъ разжиженію сгустковъ. Такимъ образомъ, при подобной родильной горячкѣ особенно часто случается, что отдѣлившіеся комочки свернувшейся крови вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ микроорганизмами попадаютъ въ токъ крови и продолжаютъ двигаться по сосудамъ, — пока не застрянутъ гдѣ-нибудь въ развѣтвленіи этихъ сосудовъ и не вызовутъ здѣсь новаго нагноенія. Если они попадаютъ въ сосуды особенно чувствительнаго и важнаго для жизни органа, то могутъ повести къ быстрой смерти. Но немало и такихъ случаевъ, когда роженица болѣетъ цѣлые мѣсяцы, при чемъ то тутъ, то тамъ въ

тѣлѣ появляются все новыя и новыя нагноенія, появляется снова и снова лихорадочный ознобъ; а въ промежуткахъ наступаетъ какъ будто бы удрученіе. Но натуры крѣпкія могутъ, въ концѣ концовъ, преодолѣть и эту болѣзнь, такъ какъ нашъ организмъ въ своей нормальной дѣятельности самъ вырабатываетъ противоядія, которыя могутъ, въ концѣ концовъ, одолѣть эти микроскопическіе грибки. Но довольно часто роженица гибнетъ и отъ этой формы болѣзни вслѣдствіе потери силъ.

Наихудшая форма инфекціи случается тогда, когда грибки проникаютъ дальше черезъ матку и яйцеводъ и поселяются на самой брюшинѣ. Въ этихъ случаяхъ возникаетъ воспаленіе брюшины, которое ведетъ къ полному параличу всей мускулатуры кишечника. Стѣнки кишечника утрачиваютъ свою способность сокращаться, отъ этого кишки все больше и больше вспучиваются отъ накопляющихся въ нихъ газовъ, животъ сильно вздувается, — если похлопать по нему, раздается звукъ, какъ отъ туго-натянутой шкуры барабана, — грудобрюшная преграда вдавливается вверхъ въ полость груди и затрудняетъ расширение легкихъ, сердце сдвигается съ своего мѣста, пищу становится невозможно принимать, наступаетъ рвота, позже даже рвота каломъ, и яды, образовавшіеся не только отъ самыхъ возбудителей гноя, но еще и отъ разложенія содержимаго кишечника, вызываютъ все усиливающуюся слабость сердца, а вскорѣ затѣмъ и смерть роженицы.

Какъ мы уже упоминали, давно умершему, къ сожалѣнію не общепланному при жизни акушеру Земмельвейсу принадлежить заслуга открытія того, что возбудители этой болѣзни (открытіе и описаніе ихъ принадлежить не ему) переносятся преимущественно руками тѣхъ лицъ, которыя ходили за роженицей во время родовъ, т. е. врача, акушерки, повивальной бабки. Если эти лица, по условіямъ своей профессіи, запачкаютъ пальцы хотя бы самымъ ничтожнымъ количествомъ микроорганизмовъ, вызывающихъ образованіе гноя, то, какъ доказано опытомъ, руки необычайно трудно совершенно очистить отъ нихъ. Даже послѣ самаго тщательнаго мытья рукъ, въ теченіе 5, даже 10 минутъ, въ теплой водѣ съ мыломъ и совершенно чистой щеткой, — даже если потомъ обмыть руки такими жидкостями, какъ карболовая кислота и болшинство ртутныхъ соединеній, которыя являются, какъ доказано опытомъ, сильными ядами для этихъ грибковъ, — все же и потомъ большей частью можно убѣдиться, если провести, напримеръ, по вымытой рукѣ спичкой, предварительно прокипяченной, что на ней оказывается дѣлая куча жизнеспособныхъ микроорганизмовъ. И чѣмъ жестче и шероховатѣе кожа рукъ, тѣмъ менѣе возможно совершенное вымываніе ихъ.

Вполнѣ понятно, слѣдовательно, что тѣ акушерки, которымъ приходится, помимо своей профессіи, исполнять еще и грубыя работы, если имъ случится придти въ соприкосновеніе съ гноемъ, представляютъ еще дѣлѣя недѣли необычайно серьезную опасность для всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя пользуются при родахъ ихъ услугами. Но если онѣ уже заразили одну родильницу, ихъ руки снова соприкасаются съ гнойными выдѣленіями этой больной и накопляютъ на кожѣ свѣжій запасъ заразнаго начала. Тогда слѣдующая роженица снова заражается, и въ прак-

тикѣ этой акушерки развивается цѣлая эпидемія родильной горячки и прекращается она только тогда, если въ практикѣ акушерки наступаетъ болѣе или менѣе продолжительный перерывъ, въ теченіе котораго успѣваютъ вымереть всѣ ядовитые микроорганизмы.

Вполнѣ разумно поэтому, что въ настоящее время акушеркамъ вмѣняется въ обязанность не только строго слѣдить за чистотой рукъ, но и немедленно сообщать полиціи о каждомъ случаѣ родильной горячки у ихъ пациентокъ, послѣ чего акушеркѣ воспрещается практика на нѣсколько недѣль. Но эти смертоносныя зародыши могутъ переноситься не только руками акушерки, а еще и инструментами, употребляемыми при родахъ — напр., маточнымъ зеркаломъ, и всевозможными предметами, служащими для поддержанія чистоты или обмываній, какъ, напр., вата, губки и т. под. Послѣдніе можно, правда, обеззараживать посредствомъ кипяченія или промыванія химическими растворами, но все же безопаснѣе тотчасъ сжигать ихъ, при чемъ необходимо относиться къ этимъ предметамъ осторожно и не прикасаться къ нимъ собственными пальцами.

Нѣкоторыя формы родильной горячки сопровождаются потерей сознанія, бредомъ, такъ же какъ и многія другія лихорадочныя заболѣванія. Но у родильницъ наблюдаются нерѣдко и умственныя расстройства, при которыхъ повышение температуры тѣла не можетъ быть установлено съ помощью термометра, — иногда она бываетъ даже явно ниже нормальной. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые врачи держатся того мнѣнія, что и эти умственныя расстройства родильницъ обуславливаются особаго рода инфекціей. Доказать это, во всякомъ случаѣ, невозможно. Родильницы, подвергающіяся подобнымъ умственнымъ расстройствамъ, большей частью оказываются страдавшими и раньше сильной нервной возбудимостью и часто происходятъ, вдобавокъ, изъ семействъ, въ которыхъ, вообще, часто наблюдались душевныя болѣзни; далѣе, страхъ передъ родами и волненіе и боли во время ихъ сильно раздражаютъ нервную систему. Все это вмѣстѣ заставляеть думать, что въ допущеніи особаго явленія инфекціи нѣтъ, во всякомъ случаѣ, надобности. Умственныя расстройства роженицъ являются преимущественно въ двухъ формахъ: Менѣе часто встрѣчается форма меланхоліи, обуславливающая глубоко-угнетенное состояніе духа. Эта форма особенно опасна потому, что роженица легко можетъ совершить самоубійство; кромѣ того, совершенное излѣченіе наступаетъ обыкновенно очень не скоро, а иногда она вполне совсѣмъ не излѣчивается. Гораздо чаще встрѣчается состояніе возбужденія, родственное по своему характеру бѣшенству. Въ этомъ состояніи больная обнаруживаетъ вначалѣ большое оживленіе, всѣмъ интересуется, возбужденно разговариваетъ, перескакивая при этомъ съ одной темы на другую, смѣется и плачетъ по всякому ничтожному поводу. Она не засыпаетъ, а неудержимо болтаетъ день и ночь напролетъ, все больше и больше теряетъ силы при этомъ и, наконецъ, начинаеть нести совершенно безсвязный вздоръ. Если не начать тотчасъ же бороться съ этимъ состояніемъ, — не допуская къ больной никого, оберегая ее отъ всякаго волненія, поддерживая полусвѣтъ въ комнатѣ и т. д., — то это

состояніе нерѣдко переходитъ въ упомянутое выше меланхолическое, и надежды на выздоровленіе значительно ухудшаются. Зато при правильномъ лѣченіи эта форма умственного расстройства даетъ очень благоприятные результаты и излѣчивается большей частью въ нѣсколько недѣль.

Мы уже говорили выше о мѣрахъ, распространенныхъ у различныхъ народовъ для предотвращенія или лѣченія вполне опредѣленныхъ случаевъ, наблюдаемыхъ въ послѣродовомъ періодѣ. Надо однако упомянуть еще о нѣкоторыхъ обычаяхъ въ уходѣ за родильницей, въ которыхъ въ настоящее время нельзя усмотрѣть ни тѣни разумной дѣли и которые объясняются только традиціей.

Очень распространенъ взглядъ на родильницу, какъ и на женщину менструирующую, что онѣ являются существами нечистыми. Это сближеніе вполне понятно, такъ какъ менструальныя выдѣленія, вначалѣ кровавыя, а потомъ красноватыя или желтоватыя, дѣйствительно, похожи на очищенія послѣродового періода и на выдѣленія изъ половыхъ органовъ во время заразныхъ болѣзней.

Въ виду этого вполне понятно и то, что женщина считается, по народнымъ понятіямъ, нечистой въ теченіе всего того времени, пока продолжаются эти выдѣленія. Но такъ какъ этотъ срокъ подверженъ значительнымъ индивидуальнымъ колебаніямъ, то понятно и то, что обычаемъ и даже церковнымъ постановленіемъ установленъ опытнымъ путемъ, извѣстный средній срокъ, въ теченіе котораго женщина считается нечистой и который соответствуетъ продолжительности послѣродовыхъ очищеній. Характерно однако то, что при этомъ срокъ устанавливается различный, въ зависимости отъ того, какого пола ребенокъ появился на свѣтъ. Такъ, напримѣръ, по законамъ Моисея (3. Моис. 12, ст. 2—5), женщина, родившая мальчика, считается нечистой въ теченіе семи дней и въ теченіе тридцати трехъ дней не допускается къ посѣщенію храма; для женщины же, родившей дѣвочку, срокъ установленъ двойной (двѣ недѣли и 66 дней).

Сочиненія Гиппократа также предписываютъ срокъ послѣ рожденія дѣвочки не болѣе сорока двухъ дней и не менѣе двадцати пяти; послѣ рожденія мальчика же минимальный срокъ установленъ двадцатидневный и максимальный тридцатидневный. У египтянъ и у нѣкоторыхъ племенъ центральной Африки, развивавшихся, вѣроятно, подъ вліяніемъ египтянъ, а также у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ, существуетъ такое же различіе; только у нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, у племени Бого, женщина считается дольше нечистой послѣ рожденія мальчика, чѣмъ послѣ рожденія дѣвочки.

Такъ какъ у нѣкоторыхъ племенъ, особенно у тѣхъ, которыя, какъ мы видѣли, совсѣмъ не оберегаютъ женщину въ послѣродовомъ періодѣ, очищеніе длится очень недолго и на него совсѣмъ не обращается вниманія, то ими придумываются различные другіе признаки для установленія извѣстнаго срока, по истеченіи котораго послѣродовой періодъ долженъ считаться оконченнымъ. Чаще всего этотъ срокъ приурочивается къ моменту отпаденія пуповины у младенца, послѣ чего женщиной открывается доступъ въ общество.

Вполнѣ понятно, что тамъ, гдѣ существуетъ такая точка зрѣнія, окончаніе установленнаго срока, который мы можемъ назвать послѣродовымъ періодомъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, знаменуется извѣстными торжествами, празднествами, а тамъ, гдѣ церковь интересуется этими вопросами, торжество окончанія

По фотографіи братьевъ Аллиари во Флоренціи.

Рис. 261. Рождество Маріи. По картинѣ Андреа дель Сарто.

послѣродового періода ознаменовывается, какъ у евреевъ, донущеніемъ женщины къ Торѣ и первымъ выходомъ въ церковь, какъ у христіанъ. Съ этими связано не только приношеніе даровъ священникамъ, но часто и шумныя попойки, которыя принимали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ безобразные размѣры и причиняли такой серьезный вредъ самимъ родильницамъ, что даже понадобилось издать особые законы для ихъ ограниченія.

Вѣроятно, вслѣдствіе этого же представленія о нечистотѣ роженицы, появился еще въ древнѣйшія времена (насколько мы можемъ прослѣдить — еще въ древнѣйшій періодъ египетской культуры) обычай лѣчить роженицу окуриваніями и водяными парами. Именно, древность этихъ обычаевъ и разнообразіе ихъ внѣшнихъ формъ свидѣтельствуютъ о томъ, что первоначально они имѣли смыслъ чисто религіозныхъ церемоній, — самое большее, къ этому прибавилось еще вѣрованіе въ возмож-

Изданіе придворнаго фотографа Фр. Гёфле.

Рис. 262. „Первая недѣля“.

(По картинѣ неизвестнаго тирольскаго художника въ Инсбрукѣ.)

ность изгнать этимъ путемъ злыхъ духовъ. Сочиненія Гиппократа, — вѣроятно, тоже подъ вліяніемъ египтянъ, — также рекомендовали эти окуриванія и пытались придать имъ мнимо-научную подкладку; въ нихъ, напримѣръ, утверждалось, что дурнопахнущіе пары побуждаютъ матку сокращаться, а благовонный дымъ, вдыхаемый носомъ и ртомъ, подтягиваетъ матку вверхъ; нисколько не удивительно поэтому, что средневѣковая медицина тоже приняла эти окуриванія и что даже въ Германіи они были въ употребленіи всего еще два-три столѣтія тому назадъ. Большею частью для нихъ пользовались сосудомъ, въ родѣ изображеннаго на рисункѣ 234, но иногда еще усаживали роженицу на стуль съ отверстіемъ надъ протинемъ съ пылающими углями, которые посылали самыми разнообразными куреніями, и при этомъ на ро-

женщину надѣвали широкій и длинный плащъ, доходившій отъ шеи до самаго полу, или же закутывали ее большимъ и широ-

По снимку придворнаго фотографа Фр. Куклера въ Сигмаринггау.
Рис. 263. Рождество Маріа. По картинѣ Варроломея Цейтблома.

кимъ одѣяломъ. Не удивительно, что этотъ обычай существовалъ и у народовъ сѣверной и центральной Африки, находив-

шихся подъ непосредственнымъ вліяніемъ египтянъ, а также въ Абиссиніи, такъ рано принявшей христіанство и первоначальную христіанскую культуру. И у индусовъ сказалось, повидимому, на этомъ пунктѣ вліяніе древне-греческой медицины. Индія оказала, по всей вѣроятности, вліяніе на населеніе Индостанскаго полуострова и Малайскаго архипелага, — быть можетъ, и на Китай. Но и у индѣйцевъ Сѣверной и Южной Америки мы также находимъ распространенными окуриванія — или, правильнѣе, въ сущности своего рода паровыя ванны. Родильницу укладываютъ на висячую койку, повѣшенную надъ кучей раскаленныхъ камней, эти послѣдніе поливаютъ водою, которая, конечно, тотчасъ

Рис. 264. „Первая недѣля“.

(Раскрашенный рельефъ на деревѣ въ Берлинскомъ музеѣ Импер. Фридриха.)

же испаряется. Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ самостоятельно возникшей идеей очищенія родильницы.

Вообще, эта идея имѣетъ самое широкое распространеніе; едва ли есть хоть одно племя на землѣ, у котораго конецъ послѣродового періода, если только онъ вообще признается, не ознаменовался бы, по крайней мѣрѣ, купаньемъ для очищенія. Но у многихъ народовъ купанья или по крайней мѣрѣ основательныя обмыванія практикуются и въ теченіе послѣродового періода.

Нѣсколько похожа на обычай паровыхъ ваннъ процедура потѣнія, которой обязаны подвергнуться родильницы во многихъ мѣстностяхъ. Даже въ Германіи было до самаго недавняго времени въ обычаѣ обкладывать родильницу перинами и поить ее горячими напитками, пока она сильно не пропотѣетъ; когда съ нея уже ручьемъ начинаютъ катиться потъ, окуржающіе стара-

лись усилить еще больше отдѣленіе пота, въ увѣренности, что это будетъ ей еще полезнѣе. Подтвержденіе полезности потнѣнія усматривали, вѣроятно, въ томъ, что при родильной горячкѣ появляется обыкновенно ознобъ, сопровождающійся щелканьемъ зубовъ, и тогда никакими мѣрами не удается вызвать пота, хотя, какъ это можно теперь установить съ помощью термометра, температура тѣла больной при этомъ сильно повышена. Слѣдовательно, если потъ появлялся, то можно было имѣть увѣренность, что настоящей родильной горячки нѣтъ, и есть большія основанія рассчитывать на выздоровленіе родильницы. Во всякомъ случаѣ, это

Рис. 265. „Первая недѣля“ въ французской дворянской семьѣ (1650 г.).

По гравюрѣ Авраама Бесса.

соображеніе значительно подкрѣпляло ошибочное мнѣніе о полезности потнѣнія. Оно и теперь очень распространено среди нѣмецкаго сельскаго населенія, особенно тамъ, гдѣ еще слабо вліяніе образованныхъ врачей, и въ Россіи, гдѣ крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей сажаютъ родильницу тотчасъ послѣ родовъ, въ хлѣбную печь.

Большимъ распространеніемъ пользуется также обычай битовать родильницу, имѣющій цѣлью помочь сокращенію ослабѣвшихъ брюшныхъ покрововъ и предохранить отъ того, чтобы животъ не остался вздутымъ. Еще древняя медицина рекомендовала накладывать на животъ родильницы толсто-сложенные одѣяла для тяжести. Въ Штиріи это практикуется еще и теперь. Въ Парижѣ, вмѣсто накладки тяжести, подъ спину родильницы подкладываютъ развернутое полотенце и концы его на животъ закрѣпляютъ булавками, сильно стягивая такимъ образомъ животъ.

Почти тот же обычай существует и въ Великобритани, гдѣ для этого употребляются только специальные бинты и концы ихъ либо связываются, либо тоже скалываются булавками; къ нимъ пришивается еще большей частью небольшой кусокъ полотна въ видѣ передника, который протягивается между ногъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи также еще принято бинтованіе родильницы, и сторонники его встрѣчаются даже среди представителей научнаго акушерства.

Кромѣ европейскихъ странъ, забинтовываніе живота принято

По фотографіи акціонернаго издательства Ф. Врукмана въ Мюнхенѣ.
Рис. 266. „Первая недѣля“ По картинѣ Г. ванъ Брекеленкама.

еще у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ, въ Японіи, въ Индостанѣ и на Малайскомъ архипелагѣ. На основаніи нашихъ наблюденій, мы считаемъ этотъ обычай нецѣлесообразнымъ, такъ какъ этимъ исключается нормальное чередованіе сокращеній и расслабленій мышцъ живота, т. е. нарушается естественная дѣятельность ихъ, а опытъ свидѣтельствуетъ, что всякій человѣческій органъ ослабляется отъ неупражнения. Въ виду этого, надо предположить, что бинтуемые брюшные покровы становятся слабѣе небинтуемыхъ и сохраняютъ меньшую сопротивляемость по отношенію къ растяженію.

Въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ различно смотрѣли на преимущество сидячаго или лежачаго положенія родильницы. На изображенной на рис. 261 картинѣ Андреа дель Сарто (Флоренція), несомнѣнно соотвѣтствовавшей господство-

Мужчина и женщина. 1.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Въ гостяхъ у родильницы.
Картина датскаго художника В. Марстранда.

вавшимъ тогда во Флоренціи обычаямъ, родильница сидитъ. То же самое мы видимъ и на старинной картинѣ одного сѣвернотирольскаго художника въ Иннсбрукѣ (рис. 262). На картинѣ ульмскаго художника Цейтблома Марія изображена въ полулежащемъ положеніи (рис. 263). Гораздо чаще встрѣчается лежащее положеніе. Сидячее представляетъ, во всякомъ случаѣ, то преимущество, что выдѣленіямъ удобнѣе и легче стекать. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время почти повсемѣстно принято лежащее положеніе.

Въ отношеніи выбора пищи и питья для родильницъ существовали и существуютъ очень различные взгляды. У очень многихъ племенъ родильницы питаются крайне скупо и вынуждены почти голодать. Въ Германіи родильницѣ часто даютъ только настой нѣкоторыхъ безвредныхъ растений вмѣсто чаю (ромашки, укропа, бузины), супъ съ крупой, разведенное съ водой молоко и, для увеличенія количества молока, немного пива въ видѣ похлебки. Въ Англіи ей даютъ жидкаго зеленого чаю съ небольшимъ количествомъ молока или безъ него и съ гренками изъ бѣлаго хлѣба, обмакиваемыми въ чай, — и супъ изъ ячневой крупы. Во Франціи родильницѣ также не рѣшаются давать ничего, кромѣ отваровъ растений, разведеннаго водой краснаго вина, да еще чашки говяжьяго бульона. Только болѣе благоразумная современная медицина начинаетъ измѣнять этотъ порядокъ, уясняя себѣ, что послѣ крайняго напряженія и потери силъ необходима питательная пища для восстановленія здоровья родильницы. Очень прискорбно, разумѣется, если этотъ здравый взглядъ усваивается неправильно, и родильницу начинаютъ усиленно пичкать трудно перевариваемой пищей и горячительными напитками, какъ это можно довольно часто встрѣтить въ юго-западной Германіи, гдѣ сосѣди посѣятъ въ домъ родильницы множество пицци подѣ видомъ „кумовскаго супа“. Всего полезнѣе для родильницы, при всѣхъ условіяхъ, легко-перевариваемая, но богатая питательными веществами пища.

Въ дѣлѣ ухода за родильницей важно также не допускать къ ней волнующихъ ее гостей. На многихъ картинахъ изъ среднихъ вѣковъ и болѣе поздняго времени мы видимъ, что встарину жестоко злоупотребляли посѣщеніями родильницы. Въ ея комнату не только наносили множество пицци въ числѣ другихъ подарковъ (рис. 264), но являлись и сосѣдки цѣлыми толпами (рис. 265 и 266 и отд. табл. „Датчанка-родильница“), а на интересной картинѣ, воспроизведенной нами на рис. 267, мы видимъ даже, что во Флоренціи появленіе знатныхъ гостей возмѣщалось у самой двери родильницы трубными звуками. Мы уже разсмотрѣли въ своемъ мѣстѣ, почему родильницѣ долженъ быть обезпеченъ самый строгій душевный покой, разъ она вообще нуждается въ бережномъ къ себѣ отношеніи.

Намъ остается упомянуть еще въ заключеніе о странномъ обычаѣ, о которомъ уже мелькомъ упоминалось въ первой части настоящаго тома, — о такъ называемомъ мужскомъ родильномъ ложѣ (couvade). Этотъ обычай, существующій еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ, состоитъ въ томъ, что сама родильница тотчасъ же послѣ родовъ принимается за работу, а мужъ ея ложится въ постель и ему прислуживаютъ и за нимъ ухаживаютъ

всѣ родные и друзья и больше всего сама родильница, какъ будто бы самъ онъ былъ тяжело боленъ. Особенно широко распространень этотъ обычай въ Сѣверной и Южной Америкѣ, но существуетъ онъ также у нѣкоторыхъ племенъ въ Китаѣ, у ногайцевъ на Кавказѣ и на нѣкоторыхъ островахъ Индійскаго архипелага; еще у Геродота упоминается объ этомъ обычѣ, какъ объ очень распространенномъ въ Африкѣ. Изъ европейскихъ странъ онъ практиковался встарину среди жителей Корсики, а среди коренного населенія Пиренейскаго полуострова онъ пользовался, повидимому, всеобщимъ распространениемъ. Еще и въ настоящее время онъ сохранился у басковъ въ сѣверной Испаніи и на югѣ Франціи.

Въ объясненіе этого страннаго обычая знаменитый этнологъ Адольфъ Бастіанъ сдѣлалъ слѣдующую остроумную гипотезу. Онъ думаетъ, что у народовъ, практикующихъ этотъ обычай, существовалъ бракъ по покупкѣ, по первоначальному праву собственности на дѣтей, рожденныхъ этой купленной женой, сохранялось за ея кланомъ. Когда впослѣдствіи это право упразднилось, мужъ обязанъ былъ первоначально завоевывать право на обладаніе своими собственными дѣтьми тѣмъ, что принималъ на себя голоданіе и другія непріятныя стороны положенія родильницы, — и только съ теченіемъ времени этотъ обычай свелся мало-по-малу къ простой церемоніи.

Кормленіе.

Во введеніи къ настоящему сочиненію (т. I, стр. 1 и слѣд.) уже указывалось на то, что у высшихъ животныхъ и у человѣка сложное строеніе тѣла отчасти объясняется тѣмъ, что яйцо во время своего развитія прикрѣпляется, подобно паразиту, къ слизистой оболочкѣ матки и получаетъ отсюда обильное питаніе. Мы видѣли, однако, что у кенгуру и другихъ такъ называемыхъ сумчатыхъ животныхъ это питаніе дѣтенышей внутри матки прекращается, когда они достигнутъ всего лишь нѣсколькихъ сантиметровъ длины и когда, слѣдовательно, еще совершенно не въ состояніи добывать самостоятельно пищи. Мы видѣли, что такой, еще безпомощный дѣтенышъ помѣщается въ кожной сумкѣ матери, гдѣ находитъ своеобразное приспособленіе для своего дальнѣйшаго питанія: именно, особая возвышенія кожи на подобіе сосковъ, къ которымъ онъ плотно присасывается ртомъ. На концѣ этихъ возвышеній кожи открывается нѣсколько очень тонкихъ каналцевъ, соединенныхъ съ расположенными подъ кожей матери железами, и выдѣленія этихъ железъ, вытекающія при сосаніи дѣтеныша изъ тонкихъ каналцевъ, приспособлены къ тому, чтобы дѣтенышъ получалъ въ нихъ еще долго совершенно достаточное количество пищи; такимъ образомъ онъ можетъ продолжать развиваться въ сумкѣ матери до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи покидать сумку добровольно, чтобы отыскивать себѣ въ другомъ мѣстѣ пищу и только въ крайнемъ случаѣ возвращаться обратно въ сумку.

Развитіе этихъ железъ, которое мы можемъ прослѣдить у животныхъ съ помощью микроскопа, имѣетъ большое сходство

съ возникновеніемъ тѣхъ кожныхъ железъ, распространенныхъ также у млекопитающихъ, которыя выдѣляютъ особую кожную смазку, сало, и называются сальными железами. Распространены онѣ по всему тѣлу млекопитающихъ, но собираются въ особенно большомъ количествѣ и достигаютъ особенно крупныхъ размѣровъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — въ особенности тамъ, гдѣ тѣло покрыто волосами. У птицъ подобныя железы распространены не по всему тѣлу, — хотя (или, быть можетъ, именно потому что) перья нуждаются, пожалуй, еще больше, чѣмъ волосы млекопитающихъ, въ смазываніи ихъ саломъ, — а сгруппированы въ видѣ большого клубка въ хвостовой части

Изданіе Фотографическаго общества въ Берлинѣ.
Рис. 267. „Первая недѣля“. По картинѣ Masaccio.

на такъ называемой гузкѣ, выводные протоки ихъ собираются въ нѣсколько болѣе крупныхъ каналовъ, открывающихся на особомъ возвышеніи. Такимъ образомъ птица имѣетъ возможность какъ бы „выдаивать“ съ помощью своего клюва выдѣленія этихъ железъ и обильно смазывать ими перья по мѣрѣ желанія и надобности.

Такъ какъ мы видимъ, что возникновеніе вышеупомянутыхъ железъ, служащихъ для питанія дѣтенышей сумчатыхъ животныхъ, вполне сходно съ возникновеніемъ такъ называемыхъ молочныхъ железъ, и такъ какъ выдѣленіе молочныхъ железъ въ первые часы или дни послѣ своего появленія также состоитъ преимущественно изъ сала или жира, — то естественно является мысль, что и этотъ органъ, столь важный для питанія дѣтенышей млекопитающихъ, возникъ первоначально также изъ скопленія простыхъ сальныхъ железъ. Мы и теперь видимъ, что отдѣльныя мелкія молочныя железы, соединяющіяся при посредствѣ своихъ выводныхъ протоковъ въ большія гроздевидныя

образования, сплошь наполнены клѣтками, въ которыхъ во время выдѣленія собираются капельки жира и, увеличиваясь все больше и больше, приводятъ, въ концѣ концовъ, всю клѣтку къ разрушенію. Такъ какъ такимъ образомъ гибнутъ прежде всего самыя глубокия внутреннія клѣтки пузырька, то въ пузырькѣ образуется полость, которая наполняется жировыми капельками и другими остатками этихъ перерожденныхъ клѣтокъ¹.

Вначалѣ, возникшая такимъ образомъ масса, заполняющая эту полость, состоитъ почти исключительно изъ одного жира. Но мало-по-малу клѣтки начинаютъ гибнуть еще ранѣе, и изъ разрушенныхъ частей ихъ образуются, присоединяясь къ жиру, все въ большемъ и большемъ количествѣ, бѣлковыя составныя части; въ то же время сюда примѣшивается вода и сахаръ, поступающіе изъ крови². И вотъ, образовавшаяся такимъ путемъ смѣсь бѣловыхъ веществъ (главнымъ образомъ казенна), жира, воды, сахару и солей начинаетъ вытекать изъ отдѣльныхъ железистыхъ пузырьковъ въ выводные протоки, соединяющіеся въ болѣе широкій каналъ. Этотъ каналъ, прободающій сосокъ, образуетъ обыкновенно у основанія его небольшое расширеніе, такъ что въ этомъ мѣстѣ можетъ собираться нѣсколько большее количество выдѣленія³.

Вырабатываемый молочной железой секретъ, который мы называемъ молокомъ, вполне приспособленъ къ тому, чтобы доставлять ребенку или дѣтенышу животнаго всѣ тѣ вещества, которыя ему необходимы для дальнѣйшаго созиданія и развитія его тѣла.

Какъ мы видѣли, у сумчатыхъ животныхъ железы, секретъ которыхъ служить для питанія дѣтенышей, расположены только на животѣ, такъ что сосцы ихъ выдаются въ полость сумки; у другихъ же млекопитающихъ молочныя железы расположены — въ различномъ числѣ, но большей частью симметрично — по всей груди и животу. Нѣкоторыя изъ этихъ скопленій железъ не достигаютъ полнаго развитія, такъ что совсѣмъ не функционируютъ даже при наличности дѣтеныша. Первоначально онѣ имѣются почти всегда у обоихъ половъ, но, при нормальныхъ условіяхъ,

¹ Вопросъ о томъ, представляютъ ли собою молочныя железы видоизмѣненіе саленныхъ или потовыхъ железъ, не рѣшенъ еще определенно въ настоящее время, и нѣкоторые новые исследователи склонны считать ихъ скорѣе модификаціей потовыхъ железъ. Невѣрно далѣе утвержденіе автора, будто выдѣленія молочныхъ железъ въ началѣ представляютъ сходство съ кожнымъ саломъ. Наконецъ, развиваемое авторомъ воззрѣніе на секретію молочной железы въ настоящее время совершенно оставлено. Клѣтки молочной железы, въ противоположность клѣткамъ саленной железы, не погибаютъ при секретіи.

Ред.

² Вопросъ о происхожденіи бѣловыхъ составныхъ частей молока, какъ и многіе вопросы гистологіи и физиологіи молочной железы, еще не выяснены окончательно. Но во всякомъ случаѣ онѣ образуются не изъ разрушенныхъ составныхъ частей погибшихъ железистыхъ клѣтокъ, какъ это думаетъ авторъ.

Ред.

³ Сосокъ прободается либо однимъ только каналомъ (напримѣръ, у коровы), либо двумя (напримѣръ, у лошади), либо нѣсколькими (напримѣръ, у человѣка). Расширеніе, въ которое открываются выводные протоки и отъ котораго беретъ начало сосковой каналъ — т. наз. молочная цистерна, или лакуна — хорошо выражено далеко не у всѣхъ животныхъ и иногда можетъ быть только едва намѣченнымъ.

Ред.

не достигаютъ у самца такой степени развитія, чтобы выдѣлять сколько-нибудь молока. У человѣка развиваются только двѣ изъ этихъ железъ на передней сторонѣ груди. Иногда по обѣ стороны главной массы железъ, нѣсколько выше и кнаружи отъ нея, по направленію къ подмышечной ямкѣ, образуется сильная выпуклость — и въ такихъ случаяхъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи, въ связи съ ними появляется сосокъ, помѣщающійся иногда въ подмышечной ямкѣ. Если это вѣрно, то мы имѣемъ дѣло въ этомъ случаѣ съ недоразвившейся второй парой железъ. Но эта выпуклость главной железы существуетъ большей частью и тамъ, гдѣ подмышечнаго сосца не оказывается. Какъ очень рѣдкія исключенія, у человѣка встрѣчаются все же и лишнія молочныя железы, расположенныя иногда, какъ мы сказали, въ подмышечной ямкѣ, въ большинствѣ же случаевъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ расположены и у млекопитающихъ, снабженныхъ нѣсколькими железами, — т. е. попарно по обѣ стороны средней линіи груди и живота. Изрѣдка встрѣчается нѣкоторое количество железъ, расположенныхъ не попарно и симметрично, а по одной — вдоль средней линіи живота, или — еще гораздо рѣже — на бедрѣхъ или даже на плечѣхъ.

Подобныя железы никогда не достигаютъ такого развитія, чтобы могли дѣйствительно функционировать; ихъ правильнѣе разсматривать какъ настѣдце такихъ предковъ человѣка, принадлежащихъ къ млекопитающимъ, у которыхъ, при довольно большомъ числѣ одновременно появляющихся на свѣтъ дѣтенышей, существовало и соотвѣтственно большее число молочныхъ железъ. Повидимому, такіе случаи игры природы были извѣстны еще древнимъ, такъ какъ одна изъ главныхъ мало-азіатскихъ богинь, впоследствии отождествленная греками съ ихъ Артемидой (рис. 268), и считавшаяся богиней первоначальнаго мрака, рождающей и питающей все живое, изображалась съ большимъ количествомъ молочныхъ железъ.

Артемидѣ былъ воздвигнутъ въ Эфесѣ огромный и великолѣпный храмъ, считавшійся за свою красоту и роскошь однимъ изъ семи чудесъ міра; когда его сжегъ безумецъ Геростратъ, желавшій прославить свое имя, его выстроили вновь съ большимъ великолѣпьемъ.

У человѣка нормальная пара железъ, находящаяся на груди, расположена у мужчины точно такъ же, какъ и у женщины. У нѣкоторыхъ дѣтей, безразлично мужского или женскаго пола, скопляется иногда въ первые дни послѣ рожdenія въ молочныхъ железахъ извѣстное количество жидкости, очень похожей на жидкость, отдѣляющуюся изъ материнской грудной железы въ первые дни послѣ родовъ — на такъ называемое „молозиво“. Въ Германіи эта жидкость, выдѣляемая молочными железами новорожденныхъ, извѣстна подъ названіемъ „Hexenmilch“ — „молока вѣдьмъ“. Практикуемое иногда выжиманіе этой жидкости совершенно излишне и вредно. Если, какъ это иногда бываетъ, въ молочныхъ железахъ появляется болѣзненное для новорожденнаго напряженіе отъ скопившейся въ нихъ жидкости, то этому лучше помочь согрѣвающими компрессами. Железы новорожденнаго состоятъ обыкновенно изъ 10—20 железистыхъ трубочекъ, представляющихъ вмѣстѣ пучокъ около двухъ сантиметровъ въ ширину и, самое большее, одинъ сантиметръ въ толщину. У

мужчины железа развивается до двадцатилѣтняго возраста, а при нѣкоторыхъ неправильностяхъ развитія, приближающихъ ее къ типу женской железы, иногда даже и позже. Въ научной литературѣ существуетъ довольно значительное число случаевъ, сообщенныхъ заслуживающими довѣрія наблюдателями, лично знавшими мужчинъ, изъ грудей которыхъ отдѣлялось молоко — и довольно обильно — до сорокалѣтняго и даже до пятидесяти-

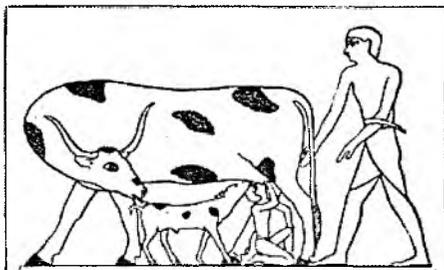

По фотографіи братьевъ Аллиари во Флоренціи.
Рис. 268. Артемида (Діана) Эфесская.

лѣтняго возраста. Такіе случаи наблюдались чаще всего у довольно молодыхъ мужчинъ, которымъ умершая во время родовъ жена оставила грудного младенца и которые, не имѣя возможности доставить ему какую-нибудь пищу, пытались, такъ сказать, съ отчаянія, кормить его собственной грудью. Такой случай разсказывается, напримѣръ, въ Талмудѣ. Но интереснѣе случай, сообщенный Берлинскому антропологическому обществу уважаемымъ изслѣдователемъ, Бернгардомъ Ориштейномъ, который самъ видѣлъ нѣсколько разъ въ Греціи въ 1846 году одного отца, кормившаго собственной грудью своего почти уже двухлѣтняго сына

въ такихъ случаяхъ, когда его жена, женщина очень болѣзненная, не могла накормить его до-сыта.

Обыкновенно же у мужчины послѣ двадцати лѣтъ железы начинаютъ подвергаться обратному развитію, какъ у женщины въ пятидесятихъ годахъ, и сохраняются только остатки выводныхъ протоковъ и сосцы. У женщины при нормальныхъ условіяхъ груди значительно увеличиваются во время беременности вслѣдствіе образованія новыхъ железистыхъ долекъ; изрѣдка это является также результатомъ правильно повторяющихся раздраженій черезъ посредство сосковъ, напримѣръ, вслѣдствіе регулярнаго сосанія ихъ. Въ сущности, вполне ясно, что это должно быть возможно для женщины, даже никогда не знавшей беременности, — разъ это возможно для женщины, какъ удостовѣряютъ вполне надежные источники. И дѣйствительно, одинъ изслѣдователь удостовѣряетъ, что въ Новой Зеландіи изрѣдка встрѣчаются женщины, берущія на себя кормленіе малютокъ, хотя сами ни-

„Po Histoire des accouchements chez tous les peuples“ Витковского.

Рис. 269. Древне-египетскій мальчикъ, сосущій вмѣстѣ съ теленкомъ вымя.

когда не рожали. Еще допустимѣе, что у женщинъ, давно родившихъ, молочныя железы сохранили способность выдѣленія. При продолжительномъ непрерывномъ кормленіи, выдѣленіе молока возможно сохранить до глубокой старости, а если оно изсякаетъ во время перерыва, его снова возможно вызвать. Ниже, когда будемъ говорить о тѣхъ племенахъ, у которыхъ ребенокъ сосетъ материнскую грудь до пятнадцатилѣтняго возраста, мы приведемъ примѣры того, какъ долго можетъ сохраниться способность выдѣленія молока.

Существуетъ немало достовѣрныхъ данныхъ и о томъ, что у старухъ, давно утратившихъ способность выдѣленія молока, она можетъ снова появляться. Множество подобныхъ случаевъ сообщаютъ объ индійцахъ Сѣверной и Южной Америки, также о многихъ негритянскихъ племенахъ Африки и о нѣкоторыхъ кавказскихъ народностяхъ. Безусловно удостовѣрено, что на Явѣ пользуется всеобщимъ распространеніемъ обычай кормленія дѣтей старухами, имѣющими тамъ специальное наименованіе „Mreng“. Чаще всего, разумѣется, беретъ на себя эту обязанность близкая родственница ребенка. — напримѣръ, бабушка, вполне замѣняющая мать въ тѣхъ случаяхъ, когда она умираетъ отъ родовъ или страдаетъ недостаточнымъ количествомъ молока. Даже такой безусловно достовѣрный свидѣтель, какъ знаменитѣ-

тый миссіонеръ и изслѣдователь Африки, Ливингстонъ свидѣтельствуеетъ, что довольно часто видѣлъ у бечуанъ бабокъ, кормившихъ грудью своихъ внуковъ. Въ одномъ изъ видѣнныхъ имъ случаевъ бабка доставляла внуку довольно много молока, хотя сама кормила въ послѣдній разъ своего собственнаго ребенка не менѣе, какъ за пятнадцать лѣтъ до того. Извѣстенъ подобный же случай и въ Европѣ — въ Парижѣ въ 1812 году; въ этомъ случаѣ бабка, которой былъ уже 71 годъ, сумѣла такъ образцово выкормить грудью внуку, что у нея даже зубы начали прорѣзываться въ надлежащій срокъ.

Вначалѣ молочная железа отдѣляетъ желтоватую довольно густую жидкость — молозиво, или колострумъ; настоящее молоко появляется только черезъ нѣсколько дней послѣ разрѣшенія отъ бремени. Какъ развитію новыхъ долекъ железъ, такъ и самому процессу отдѣленія очень благоприятствуетъ возможно болѣе скорое послѣ родовъ прикладываніе новорожденнаго къ груди, хотя бы онъ еще и не находилъ въ нихъ пища. Самымъ цѣлесообразнымъ правиломъ можно считать прикладываніе ребенка къ груди тотчасъ по пробужденіи родильницы отъ перваго сна, т. е. приблизительно черезъ 12 часовъ послѣ родовъ. Но у большинства народовъ принято не давать ребенку груди въ теченіе первыхъ трехъ дней его жизни. У древнихъ грековъ и римлянъ первое кормленіе отодвигалось, повидимому, на четыре дня. У обитателей индійскихъ острововъ этотъ срокъ еще значительно продолжительнѣе, а на островахъ Фиджи длится даже до десяти дней. Въ теченіе этихъ дней ребенка кормятъ частью очень нецѣлесообразными суррогатами, а чтобы онъ какъ-нибудь не утратилъ инстинктивнаго влеченія къ сосанію, ему даютъ въ ротъ какой-нибудь предметъ, пропитанный той или иной сладкой жидкостью, въ такомъ видѣ, чтобы онъ могъ его сосать. Калмыки даютъ новорожденнымъ сосать даже вареный бараній хвостъ. Кромѣ того, ему даютъ еще какіе-нибудь безвредные отвары растений или какую-нибудь подслащенную кашу съ ложки. У многихъ же народовъ родильницу замѣняетъ въ первые дни какая-нибудь пріятельница или сосѣдка, кормящая въ это время своего собственнаго ребенка; это, несомнѣнно, всего полезнѣе для ребенка и при томъ не приноситъ никакого ущерба и самой замѣстительницѣ, такъ какъ новый питомецъ требуетъ въ первые дни крайне мало пищи. Въ древнемъ Египтѣ существовалъ, повидимому, обычай — какъ это видно изъ рис. 269 — прикладывать ребенка къ сосцамъ животнаго и даже одновременно съ его собственными дѣтенышами.

Вся совокупность долей и долекъ каждой молочной железы обтянута плотной соединительной тканью и расположена между кожей и сильными грудными мускулами, идущими отъ грудной кости къ плечу и служащими для поворачиванія плеча. Сама железистая масса, при своей незначительной толщинѣ въ нѣсколько сантиметровъ, самое большее, представляла бы здѣсь едва замѣтное возвышеніе, въ особенности до тѣхъ поръ, пока еще нѣтъ выдѣленія молока. Но железистая масса бываетъ всегда окружена обильнымъ слоемъ жира, и, благодаря ему, грудной сосокъ набухаетъ у женщины въ видѣ возвышенія, имѣющаго

приблизительно форму полушарія. По нашимъ эстетическимъ понятіямъ, сглаживаніе всѣхъ неровностей и угловатостей тѣла болѣе обильнымъ у женщины жировымъ слоемъ представляетъ существенное условіе женской красоты. Вотъ почему искусство всѣхъ народовъ — во всякомъ случаѣ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились наши современныя понятія о красотѣ, — считаетъ вполне равномерное округленіе жировымъ слоемъ жен-

По снимку Жиродона въ Парлжѣ.

Рис. 270. Венера Арлесская.

скихъ грудныхъ мускуловъ и железъ, сообразно формѣ ихъ, особымъ признакомъ женской красоты. При этомъ не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду одного обстоятельства: всѣ изображенія, воплощающія идеаль красоты классическаго греческаго искусства или позднѣйшаго искусства, развившагося подъ его вліяніемъ, имѣютъ только самый умѣренный жировой слой въ этихъ мѣстахъ, грудная же клетка, на которой расположены „груды“, представляетъ довольно значительную выпуклость. Разумѣется, она обуславливается формой развитія грудной кости и реберъ, т. е. костной основы. Никогда верхняя часть тѣла

женщины не может удовлетворять идеалу классической красоты, если грудная клетка ее плоска и на ней посажены сильно развиты молочные железы с слишком толстым жировым слоем. Особенно умеренным и изящно-слабым развитием груди, т. е. собственно жирового слоя их, отличается „Арлесская Венера“, воспроизведенная нами на рис. 270.

Самый процесс кормления почти всегда значительно портит формы женской груди. Во-первых, очень часто жировая

Фотографическое издательство Франца Галфшенгеля в Мюнхенѣ.
Рис. 271. Происхождение млечнаго пути.
По картинѣ Якопо Робусси, прозваннаго Тинторетто.

подстилка отчасти исчезаетъ на грудяхъ, какъ и на остальныхъ частяхъ тѣла кормящей женщины, вслѣдствіе затраты всѣхъ запасныхъ матеріаловъ на выработку молока. Во-вторыхъ, самая железа, вслѣдствіе своего роста и накопленія въ ней молока, тяжелѣетъ и обвисаетъ и, вмѣсто упругаго возвышенія въ формѣ полушарія, становится похожею на переполненный, висячій мѣшокъ.

У женщинъ готтентотскаго и кафрскаго племени кормящая грудь настолько сильно отвисаетъ, что мать можетъ протягивать ее подмышкой или перекидывать черезъ плечо и кормить ею такимъ образомъ ребенка, котораго носить на спицѣ.

Когда съ окончаніемъ періода кормленія наплывъ молока

уменьшается и даже самая железа подвергается обратному развитію, — кожа, обтягивавшая ее, обвисаетъ, иногда даже виситъ на груди, какъ пустой мѣшокъ; бывають особенно безобразные случаи, когда она обвисаетъ до самаго бедра. Наконецъ, грудной сосокъ поддерживается частымъ и сильнымъ сосаніемъ въ длительномъ состояніи раздраженія, которое вызываетъ сильный ростъ его; благодаря этому, вмѣсто легкаго возвышенія розоватаго цвѣта, какимъ онъ бываетъ у лицъ некормившихъ, онъ становится большой и толстой, часто шероховатой и окрашенной въ темно-коричневый цвѣтъ шишкой, торчащей на нѣсколько сантиметровъ. Впрочемъ, такое обезображивание грудей отъ кормленія можетъ быть предотвращено или, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно уменьшено при цѣлесообразномъ уходѣ за ними.

Въ виду того, что, согласно нашимъ понятіямъ о красотѣ, кормленіе значительно обезображиваетъ женскую грудь, — удивительно, что кокетство удерживаетъ нѣкоторыхъ матерей отъ кормленія своихъ дѣтей грудью. Но даже и помимо этого соображенія, всякая мать еознаетъ, къ какимъ ограниченіямъ свободы обязываетъ ее кормленіе ребенка. Приблизительно въ теченіе восемнадцати часовъ въ сутки, а иногда даже въ остальные ночные часы, если только ребенокъ не былъ строго приученъ съ первыхъ же дней обходиться ночью безъ пищи, новорожденный требуетъ груди вначалѣ черезъ каждые два часа, а потомъ два съ половиной или три часа. Но если даже жалобный крикъ ребенка и сознаніе его страданія отъ голода и не были бы достаточно могущественнымъ двигателемъ, то все же, разъ она уже начала кормить, напряженіе грудей отъ переполненія ихъ молокомъ причиняетъ такое нестерпимое чувство, что оно одно заставило бы ее дать грудь ребенку по прошествіи нѣсколькихъ часовъ. При внезапномъ отнятіи ребенка отъ груди, сильные приливы молока къ грудямъ продолжаются еще много дней. Античное сказаніе объясняетъ даже происхожденіе всего „млечнаго пути“ застывшими брызгами молока (см. рис. 271 — одна изъ лучшихъ картинъ Тинторетто).

Только въ томъ случаѣ, если женщина тотчасъ же послѣ родовъ рѣшила отказаться отъ кормленія и съ помощью согревательныхъ компрессовъ на груди задержала приливъ крови къ грудямъ (или же если сама железа съ самаго же начала по индивидуальнымъ причинамъ функционируетъ очень слабо), — она можетъ отдѣлаться только нѣкоторыми легкими недомоганіями; тогда она, правда, вынуждена заботиться о какомъ-нибудь другомъ питаніи для ребенка, но лично сохраняетъ совершенную независимость отъ него и свободу бывать въ обществѣ или заниматься чѣмъ хочетъ. Оба эти соображенія — боязнь утратить физическую красоту и желаніе сохранить свободу — привели къ тому, что среди зажиточныхъ слоевъ почти всѣхъ культурныхъ странъ матери все больше и больше уклоняются отъ кормленія дѣтей собственной грудью. У индійцевъ, повидимому, совсѣмъ вышло изъ обычая кормленіе дѣтей материнской грудью; кое-гдѣ оно еще встрѣчается у китайцевъ и японцевъ. Все больше и больше исчезаетъ этотъ обычай у европейскихъ народовъ, въ особенности у французовъ, но довольно замѣтно и у нѣм-

цевъ. У другихъ народовъ, у которыхъ матери не совсѣмъ отказываются отъ обязанности кормить дѣтей грудью, — онѣ не лишаютъ дѣтей груди съ самаго же начала, а только отнимаютъ ихъ отъ груди какъ можно раньше, приучая къ другой пищѣ и считывая на то, что молоко само изсякнетъ отъ все болѣе и болѣе рѣдкаго прикладыванія къ груди ребенка. Замѣняется материнское молоко преимущественно нѣкоторыми плодами, всего успѣшнѣе бананами тамъ, гдѣ они растутъ, или же молокомъ не вполне созрѣвшихъ кокосовыхъ орѣховъ.

Но помимо добровольнаго отказа отъ кормленія грудью, бываютъ несомнѣнно довольно часто случаи дѣйствительной неспособности къ выполнению этого материнскаго долга. Въ особенности исчезаетъ, повидимому, эта способность все больше и больше въ странахъ, наиболѣе цивилизованныхъ. Правда, нѣкоторые специалисты утверждаютъ, что при дѣйствительно искреннемъ желаніи всякая мать въ состояніи дать своему ребенку достаточно пищи; нельзя все же упускать изъ виду и тотъ фактъ, что во многихъ случаяхъ и наружный видъ ребенка, и данныя точнаго взвѣшиванія доказываютъ, черезъ нѣсколько дней или недѣль кормленія, что ему безусловно недостаточно того количества пищи, какое онъ получаетъ. И такія явленія наблюдаются не только въ тѣхъ случаяхъ, когда мать сама кормитъ, но очень часто и у кормилицъ, серьезно заинтересованныхъ материально въ томъ, чтобы выполнять свою задачу какъ можно долѣе.

Бываетъ, затѣмъ, множество и другихъ случаевъ, — когда младенецъ получаетъ, правда, достаточно пищи, но кормящая женщина — кормилица или мать — видимо истощается при этомъ со дня на день и теряетъ въ вѣсѣ. Нерѣдко при этомъ наблюдаются даже процессъ атрофированія половыхъ органовъ, въ особенности матки, которая становится все меньше и меньше, увядаетъ, при чемъ это сопровождается различными болями въ области живота. Если такіе явные признаки неспособности къ кормленію наблюдаются не только у матерей зажиточныхъ круговъ, но и у кормилицъ, происходящихъ большей частью изъ бѣднѣйшихъ классовъ, то мы должны видѣть въ этомъ доказательство того, что дѣло здѣсь не только въ результатѣ нецѣлесообразнаго образа жизни, а въ вырожденіи въ извѣстной степени даннаго народа или племени.

Найти вполне удовлетворительное объясненіе этого явленія очень трудно. Все же приходится сказать, что эта неспособность къ кормленію, повидимому, такъ же передается по наслѣдству, какъ и множество другихъ недостатковъ и преимуществъ живыхъ существъ. Въ общемъ, индивидуумы, рождающіеся съ подобными наслѣдственными недостатками, большей частью гибнутъ въ борьбѣ за существованіе съ другими, болѣе приспособленными существами, — и у первобытныхъ народовъ дальнѣйшему унаслѣдованію неспособности къ кормленію несомнѣнно препятствуетъ то, что именно дѣти страдающей этимъ недостаткомъ женщины гибнутъ въ первый же годъ жизни отъ недостатка въ пищѣ; у нашихъ же культурныхъ народовъ такіе результаты рѣже, такъ какъ они давно научились доставлять своимъ дѣ-

тѣмъ пищу, удовлетворительно замѣняющую материнское молоко. Частью это произошло еще тогда, когда человѣкъ началъ заниматься скотоводствомъ и потому имѣлъ возможность вскармливать дѣтей, матери которыхъ неспособны были кормить ихъ, молокомъ кобыль, ослицъ и нѣкоторыхъ жвачныхъ животныхъ, въ особенности овецъ, козъ и коровъ. Молоко кобыль и ослицъ, прирученныхъ еще въ то время, когда человѣкъ велъ кочевой образъ жизни, именно всего ближе по своему составу къ женскому молоку и потому могло съ успѣхомъ употребляться взаимъ его.

Молоко жвачныхъ животныхъ, прирученныхъ позднѣе, имѣетъ тотъ недостатокъ, что въ дѣльномъ видѣ оно трудно переваримо для новорожденнаго ребенка, а въ разведенномъ видѣ оно содержитъ гораздо менѣе сахара, чѣмъ человѣческое молоко. Тѣмъ не менѣе этими суррогатами издавна вскармливалось, какъ мы видимъ и въ настоящее время, множество дѣтей матери которыхъ не въ состоянн были сами кормить ихъ грудью, и потому число женщинъ, наслѣдовавшихъ эту неспособность, съ теченіемъ времени все больше возросло. Если принять во вниманіе, далѣе, что такія молодыя женщины, именно благодаря тому, что новорожденный ихъ не связывалъ надолго, приобрѣтали извѣстныя преимущества въ борьбѣ за существованіе и могли въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени производить на свѣтъ больше дѣтей, чѣмъ кормящія женщины, — становится понятнымъ, что неспособность кормить все больше и больше распространялась съ теченіемъ времени у культурныхъ народовъ.

Это все же должно быть признано крупнымъ недостаткомъ, такъ какъ молоко животныхъ, не говоря уже о какихъ-нибудь другихъ суррогатахъ, безусловно не можетъ вполне замѣнить ребенку женскаго молока. Достаточно даже несвѣдущему человѣку взглянуть на двухъ дѣтей, которыя родились одинаково здоровыми, но изъ которыхъ одинъ вскармливается женскимъ молокомъ, а другой какимъ-нибудь искусственнымъ продуктомъ, чтобы сразу убѣдиться, насколько первое благоприятнѣе для питанія ребенка. Въ виду этого понятно, что у тѣхъ народовъ, у которыхъ сложилось очень неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, съ давнихъ поръ еще вошло въ практику передавать кормленіе безпомощныхъ дѣтей, матери которыхъ умерли отъ родовъ или не въ состоянн были вскармливать своихъ дѣтей собственнымъ молокомъ, — другимъ молодымъ матерямъ за плату. Первоначально для этого выбирали, конечно, такихъ матерей, у которыхъ было достаточно молока, чтобы выкормить, какъ слѣдуетъ, и своего ребенка, и чужого. Больше всего, разумѣется, оказывались пригодными для роли кормилицъ тѣ матери, у которыхъ собственный ребенокъ умиралъ вскорѣ послѣ рожденія. Но все возрастающій спросъ привелъ къ тому, что женщины неимущихъ классовъ отказывались, ради соблазнительнаго заработка, отъ вскармливанія грудью своего собственнаго ребенка, обрекая его на какой-нибудь искусственный способъ кормленія и продавая свое молоко чужому малюткѣ. Нельзя не признать, что это — самое безобразное явленіе во всей системѣ прибѣганія къ покупному женскому молоку; при этомъ ребенокъ бѣдныхъ

родителей, только вслѣдствіе ихъ бѣдности, оставляется на произволъ судьбы — для того, чтобы ребенокъ болѣе зажиточныхъ родителей былъ избавленъ отъ всѣхъ сопряженныхъ съ искусственнымъ кормленіемъ опасностей для жизни и здоровья.

Мысль о томъ (вполнѣ вѣрная вначалѣ), что кормилица легче можетъ сохранить достаточное количество и хорошее качество молока, если останется въ привычныхъ, а большей частью и болѣе здоровыхъ условіяхъ деревенской жизни, привела во Франціи къ возникновенію обычая — не брать кормилицу въ домъ, какъ это дѣлаютъ большинство зажиточныхъ матерей другихъ странъ, а отдавать новорожденного ребенка кормилицѣ въ деревню. Къ сожалѣнію, это лишаетъ всякой возможности контролировать, дѣйствительно ли кормилица кормитъ грудью довѣреннаго ей ребенка, или — изъ понятнаго материнскаго чувства — предпочитаетъ кормить грудью собственного ребенка, а чужого пичкаетъ какими-нибудь суррогатами. Это приобрѣло, къ сожалѣнію, во Франціи такое широкое распространеніе и употребляются при этомъ для вскармливанія такія неподходящія вещества, что смертность довѣряемыхъ кормилицамъ дѣтей приобрѣла чудовищные размѣры.

Какъ и во всѣхъ явленіяхъ физической жизни, гдѣ природа создаетъ особые инстинкты въ противовѣсъ возможнымъ злоупотребленіямъ противъ своихъ предначертаній, — такъ позаботилась она объ этомъ и въ дѣлѣ кормленія. Въ противовѣсъ приведеннымъ выше мотивамъ, въ силу которыхъ женщина можетъ не желать кормить грудью собственного ребенка и которые могутъ явиться только слѣдствіемъ работы ума, — природа снабдила женщину особенностью, совершенно не зависящей отъ ума или сознанія: а именно, природа устроила такъ, что кормленіе грудью доставляетъ ей непосредственное чувственное наслажденіе. Мы можемъ здѣсь оставить въ сторонѣ то обстоятельство, о которомъ мы упоминали выше, — что боли, вызываемыя набуханіемъ и напряженіемъ груди отъ прилива молока, тотчасъ проходятъ при отсасываніи послѣдняго. Чувствительные нервы, которыми обильно снабжены грудные соски, стоятъ при посредствѣ головного и спинного мозга въ извѣстной связи съ тѣми нервными стволиками, которые направляются къ половымъ органамъ. Сосаніе вызываетъ рефлекторно сразу же сокращеніе матки, въ чемъ можно убѣдиться даже на ощупь. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ еще въ древнѣйшія времена; тогда уже прибѣгали къ высасыванію молока изъ груди родильницы (а иногда къ оттягиванію ихъ съ помощью инструментовъ въ видѣ бабокъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда сокращенія матки ослабѣвали и родильницу изнуряли кровотеченія, и этимъ удавалось заставить матку сократиться до своего нормальнаго состоянія. Эти движенія, происходящія при сосаніи въ половомъ аппаратѣ, доставляютъ женщинѣ — сознательно или бессознательно (какъ подтверждаютъ женщины, привыкшія наблюдать за собой и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ) — большое чувственное наслажденіе; нѣкоторыя женщины увѣряютъ даже, что это наслажденіе несравненно сильнѣе того, которое онѣ испытываютъ при половомъ общеніи.

Такимъ образомъ, природа не только повелѣваетъ женщинѣ исполнять ея долгъ передъ новорожденнымъ, но и создаетъ очень существенную приманку для того, чтобы этотъ долгъ исполнялся добровольно. У нѣкоторыхъ народовъ, особенно у народовъ съ невысокимъ умственнымъ развитіемъ, надъ которыми инстинкты имѣютъ вообще гораздо болѣе могущественную власть, чѣмъ надъ культурными народами, чувственное наслаждение, испытываемое при кормленіи грудью, побуждаетъ жен-

Гравюра въ изданіи Фотографическаго общества въ Берлинѣ.
Рис. 272. Портретъ молодой дамы-аристократки.
По картинѣ Жюль-Валтиса Греза.

щинъ затягивать даже кормленіе грудью какъ можно дольше. Тщательное изслѣдованіе этого вреднаго обычая доказало, что у нѣкоторыхъ народовъ, какъ, напримѣръ, у эскимосовъ, мать часто кормитъ грудью дѣтей даже до 14-ти и 15-тилѣтняго возраста, хотя они, конечно, уже много лѣтъ питаются при этомъ и другой пищей. Очень долго кормятъ своихъ дѣтей также индианки Сѣверной и Южной Америки, — первыя до 12-го года, вторыя не менѣе 4—5 лѣтъ. Въ Китаѣ и Японіи кормленіе грудью длится часто до 10-тилѣтняго возраста дѣтей; у австралийцевъ, новозеландцевъ, у туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ и Самоа—до 5—6-лѣтняго возраста. Что касается Европы, — эстонцы и нѣкоторые кавказскія племена затягиваютъ кормленіе еще и теперь до двухъ лѣтъ, часто также и турки; шведы, норвежцы

и штирийцы — до трех лѣтъ. Въ южной Италіи, особенно въ неаполитанской области, дѣтей кормятъ грудью часто до четырехъ лѣтъ, въ Сербіи и въ Греціи даже дольше, — часто до шестидѣтняго возраста.

Разъ связь между нервами грудныхъ сосковъ и половыхъ органовъ ведетъ къ тому, что женщина испытываетъ при кормленіи грудью чувственное наслажденіе, — то вполне понятно само собой, что и всякое другое раздраженіе грудныхъ сосковъ, — даже простое прикосновеніе къ нимъ, — пробуждаетъ

Фотографическое издательство Франца Гауфштейнля въ Мюнхенѣ.

Рис. 273. Внутренній видъ голландскаго дома.

По картинѣ Герарда Доу.

у очень возбудимыхъ женщинъ половой инстинктъ. Опытъ долженъ былъ, разумѣется, приводить нерѣдко къ злоупотребленіямъ; отсюда понятно, что обнаженіе этого органа также должно было вліять возбуждающимъ образомъ на очень страстныхъ мужчинъ, и оттого многіе народы начали считать это безстыднымъ. У современныхъ цивилизованныхъ народовъ вошло, правда, въ обычай обнажать верхнюю часть женской груди при парадныхъ туалетахъ, но и тутъ считается безусловно непристойнымъ обнажать грудь такъ низко, чтобы видны были и грудные соски. Въ миновашіе вѣка къ этому не такъ строго относились; въ этомъ убѣждаютъ насъ сочиненія XVIII столѣтія и въ особенности нѣкоторые портреты свидѣтельствуютъ о томъ, что тогда даже дѣвушки высшихъ аристократическихъ круговъ нисколько не стѣснялись показываться въ парадномъ

туалетъ съ совершенно обнаженной — ниже соска грудью (рис. 272).

У народовъ нецивилизованныхъ, которые вообще гораздо свободнѣе обнажаютъ тѣло, женская грудь въ огромномъ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не прикрывается; тутъ нѣтъ надобности даже приводить примѣры, до того это явленіе широко распространено. Обнаженіе груди при самомъ кормленіи и у насъ не считается безусловно неприличнымъ (и это надо считать отпаднымъ въ виду того, что тутъ дѣло идетъ объ исполненіи прекраснаго материнскаго долга), хотя

Рис. 274. Мадонна.
Картина Маттео Чиватали.

болѣе щепетильныя женщины высшихъ круговъ избѣгаютъ кормить въ присутствіи постороннихъ, не самыхъ близкихъ лицъ (рис. 273). Величайшіе художники, скульпторы и ихъ заказчики — большей частью лица духовныя — не считали непристойнымъ изображать даже Пресвятую Дѣву съ обнаженной грудью и лежащимъ у груди младенцемъ Христомъ (рис. 274).

Такъ какъ кормленіе грудью отнимаетъ у женскаго организма значительное количество питательныхъ веществъ и, вдобавокъ, вызывая сокращенія матки, препятствуетъ приливамъ крови къ этому органу, то вполне понятно, что во время кормленія или по крайней мѣрѣ въ первые мѣсяцы его, менструальныхъ кровотеченій не появляется. Вслѣдствіе этого сложилось мнѣніе, что въ періодъ кормленія не можетъ произойти зачатія. До извѣстной степени, это и вѣрно. Опытъ показываетъ, что женщина, кормящая ребенка грудью много и часто, въ большинствѣ случаевъ, очень долго не забеременѣваетъ вновь. Это

объясняется тѣмъ, что кормленіе препятствуетъ не только приливу крови къ маткѣ, вслѣдствіе постояннаго раздраженія сосковъ, но и къ яичникамъ, и слѣдовательно они не могутъ переполняться кровью настолько, насколько это необходимо, чтобы лопнулъ графовъ пузырекъ и выдѣлилось яйцо. Во всякомъ случаѣ, это явленіе означаетъ не прекращеніе способности къ зачатію, а только задержку ея.

Въ общемъ, можно сказать, что эта задержка длится около девяти мѣсяцевъ, но и то только въ томъ случаѣ, если выдѣленіе молока очень обильно въ теченіе этого времени; но даже и при этомъ условіи случаются нерѣдко исключенія, вѣроятныя причины которыхъ здѣсь не мѣсто разсматривать.

Выкидышъ и преждевременные роды.

Какъ мы видѣли выше, беременность представляетъ собой, съ самаго же начала ея, своего рода паразитарное состояніе плода, который обезпечиваетъ себѣ возможность обмѣна питательныхъ веществъ и газовъ путемъ прикрѣпленія къ слизистой оболочкѣ матки и сростапія съ ней. Изъ этого ясно само собою, что эти взаимоотношенія между матерью и ребенкомъ могутъ и прерваться во всякое время. Опытъ показалъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ плодъ освобождается отъ матки послѣ періода беременности, длящагося сорокъ недѣль, и что ребенокъ, являющийся на свѣтъ въ этой стадіи развитія, при надлежащемъ уходѣ и питаніи, въ особенности при вскармливаніи женской грудью, въ состояніи жить самостоятельно, расти и развиваться еще не вполне сложившіеся къ моменту его рожденія органы. Случается, однако, нерѣдко, что плодъ покидаетъ материнское тѣло еще ранѣе сороковой недѣли беременности; въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выкидышемъ, или съ преждевременными родами, т. е. съ недоношеннымъ ребенкомъ. Подъ послѣднимъ мы разумѣемъ тотъ случай, когда ребенокъ хотя и рождается до истеченія сороковой недѣли беременности, но все же представляется настолько развитымъ, что при особо благоприятныхъ условіяхъ ему удается сохранить жизнь.

Если считать періодъ беременности по обычному счету, начиная отъ послѣдней менструаціи, то можно сказать, что сохранить жизнь новорожденному едва ли возможно въ томъ случаѣ, если беременность длилась менѣе двадцати восьми недѣль. Слѣдовательно, преждевременными родами мы называемъ такіе, которые наступаютъ между двадцать восьмой и сороковой недѣлями беременности. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что плодъ, явившійся на свѣтъ раньше тридцати четвертой, а тѣмъ болѣе раньше тридцати второй недѣли беременности, въ большинствѣ случаевъ не можетъ выжить, каковъ бы ни былъ уходъ и какія бы усилія ни прилагались. Съ другой стороны, иногда удается сохранить жизнь и такимъ младенцамъ, которые рождаются еще ранѣе, приблизительно между двадцать четвертой и двадцать восьмой недѣлями беременности. Въ общемъ же, плодъ, рождающійся раньше двадцать восьмой недѣли беременности, бываетъ обыкновенно настолько незрѣлъ, что его можно

считать совершенно нежизнеспособнымъ, и плодъ, выталкиваемый въ такомъ періодѣ изъ утробы матери, называютъ обыкновенно выкидышемъ.

Необходимо, впрочемъ, указать на то, что принятый счетъ періода беременности отъ послѣдней менструаціи безусловно ненадеженъ, въ виду того, что никогда нельзя знать павѣрное, было ли оплодотворено яйцо, выдѣлившееся при послѣдней менструаціи, или то, которое выдѣлилось черезъ четыре недѣли, — и еще потому, что задержка менструаціи возможна и безъ беременности, какъ возможно, съ другой стороны, и появленіе ея уже во время беременности. Вотъ почему научно — вѣрнѣе будетъ судить о жизнеспособности плода по наружнымъ признакамъ зрѣлости его. А при этомъ критеріи по-

По фотографіи Г. Ньюенса въ Лондонѣ.
Рис 275 Вывѣшивание грудного ребенка.

нятно само собой, что вѣроятность на сохраненіе жизни недоношеннаго ребенка тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе явныхъ признаковъ незрѣлости можно замѣтить въ немъ. Но разсчитать по этому время беременности все же нельзя, потому что надо считать не только возможнымъ, но и очень вѣроятнымъ, что развитіе плода въ утробѣ матери зависить не только отъ срока беременности, но и отъ нѣкоторыхъ другихъ, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ, вліяній, — такъ что изъ двухъ младенцевъ, родившихся въ совершенно одинаковомъ періодѣ беременности, одинъ можетъ оказаться гораздо зрѣлѣе и жизнеспособнѣе другого.

Очень удобный способъ опредѣленія степени дѣйствительной зрѣлости плода представляетъ собой вывѣшивание новорожденнаго (рис. 275). Въ этомъ отношеніи руководствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что до сихъ поръ только одинъ единственный разъ удалось сохранить жизнь новорожденному, вѣсившему 900 граммовъ. Слѣдовательно, на выживаніе ребенка, вѣсящаго еще меньше, разсчитывать нельзя.

Въ виду всего сказаннаго, въ практическихъ цѣляхъ неправильно проводить рѣзкое различіе между выкинутымъ и недоношеннымъ ребенкомъ. Всякіе преждевременные роды очень серьезно угрожаютъ жизни ребенка и, разумѣется, тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ раньше они наступили. Въ случаѣ искусства важнаго ускоренія родовъ, вопросъ о преступности такого дѣянія сводится къ тому, была ли беременность въ такомъ періодѣ, что лица, повліявшія на ускореніе родовъ, могли рассчитывать на сохраненіе жизни новорожденнаго. Но разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ нуженъ еще цѣлый рядъ соображеній и не-медицинскаго характера, которые помогли бы установить, было ли налицо и намѣреніе сохранить жизнь ребенка.

Такъ какъ наука еще не нашла, какъ мы видѣли, вполне удовлетворительнаго объясненія того, какія именно причины вызываютъ нормально наступленіе родовъ къ концу сороковой недѣли беременности, то она не можетъ, разумѣется, объяснить и того, отчего происходятъ преждевременные роды. И врачу, дѣйствительно, часто приходится наталкиваться на загадочное явленіе, когда какая-нибудь женщина, горячо желающая родить жизнеспособнаго ребенка и несомнѣнно строго слѣдующая всѣмъ совѣтамъ и указаніямъ врача для предупрежденія преждевременныхъ родовъ, — тѣмъ не менѣе то и дѣло выкидываетъ, большей частью въ одинъ и тотъ же періодъ беременности. Но все же нѣкоторыя причины этого удалось установить, — отчасти теоретически, отчасти же опытнымъ путемъ.

Такъ какъ явленіе родовъ есть слѣдствіе отдѣленія плода отъ стѣнки матки, то оторваться отъ нея преждевременно онъ можетъ, прежде всего, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь механическихъ причинъ. Такимъ образомъ, это можетъ быть вызвано ушибомъ живота, — случайно ли, или отъ удара другого лица, — тяжелой работой, обусловленной слишкомъ сильными сокращеніями мускуловъ живота, въ особенности же подниманіемъ и ношеніемъ большихъ тяжестей. Въ нѣкоторыхъ странахъ, въ которыхъ массажъ регулярно практикуется какъ способъ сохраненія здоровья, онъ неблагоприятно производится и на беременныхъ и часто дѣлается такъ неосторожно, что приводитъ къ выкидышамъ. Очень вѣроятно, что отрываніе плода отъ стѣнки матки вызывается иногда и нарушеніемъ кровообращенія матки, особенно переполненіемъ ея кровеносныхъ сосудовъ, застоемъ крови. По крайней мѣрѣ, опытомъ давно установлено, что горячія ванны, а также перегибъ матки назадъ, съ которымъ сопряженъ подобный застой крови, часто приводятъ къ выкидышамъ.

Возможно, впрочемъ, что такой застой крови вліяетъ еще и тѣмъ, что нарушаетъ обмѣнъ веществъ между беременной и плодомъ. Очень вѣроятно, что такое именно вліяніе оказываетъ хроническій катарръ слизистой оболочки матки при которомъ очень часто происходятъ выкидыши. Такой катарръ оказывается большей частью въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе предыдущихъ родовъ на маткѣ остались разрывы, идущіе отъ зѣва ея. Издавна извѣстно поэтому, что при глубокихъ разры-

вахъ шейки матки выкидыши случаются очень часто. Повидимому, преждевременное отдѣленіе плода легче случается еще тогда, когда яйцо прикрѣпляется не на днѣ матки, а пониже, неподалеку отъ маточной шейки. Въ этомъ случаѣ такое вліяніе оказываетъ совокупность причинъ: механическое воздѣйствіе и недостаточное питаніе яйца.

Вполнѣ понятно, что, когда плодъ умираетъ внутри матки, почти всегда происходятъ выкидыши или преждевременные роды. Когда сердце плода перестаетъ биться, то, разумѣется, прекращается и обмѣнъ крови въ ворсинчатыхъ выступахъ, которыми яйцо врастаетъ въ слизистую оболочку матки. Тогда ворсинки такъ называемаго хоріона подвергаются обратному развитію, прекращается и ростъ плода, а воды, находящіяся въ околоплодномъ пузырьѣ, либо постепенно уменьшаются, либо сразу сходятъ, потому что стѣнка околоплоднаго пузыря, притокъ крови къ которой прекратился, мертвѣетъ, становится рыхлой и разрывается или распадается. Такое несоотвѣтствіе между увеличивающейся стѣнкой матки и уменьшающимся плоднымъ пузыремъ можетъ повести къ отдѣленію послѣдняго по чисто механическимъ причинамъ; но возможно, что при этомъ матка всасываетъ также вещества изъ умирающаго пузыря, которые оказываютъ ядовитое дѣйствіе и вызываютъ сокращенія, результатомъ которыхъ является выталкиваніе плода. Иногда случается, хотя и очень рѣдко, что умершій плодъ остается еще долго въ полости матки. Тогда онъ подвергается жировому перерожденію, вслѣдствіе чего кажется какъ бы пропитаннымъ парафиномъ, или же въ немъ откладываются извѣстковыя соли, отчего онъ отвердѣваетъ, какъ бы окаменѣваетъ. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, плодъ выталкивается вскорѣ послѣ того, какъ умираетъ.

Разумѣется, при такихъ условіяхъ всѣ болѣзни плода, ведущія къ смерти его, могутъ также вызывать преждевременные роды. Къ нимъ относятся прежде всего нѣкоторыя уродливости, могущія развиться у плода отъ неизвѣстныхъ причинъ, — при чемъ нѣкоторыя до такой степени измѣняютъ нормальную организацію плода, что онъ утрачиваетъ жизнеспособность даже въ утробѣ матери. Въ общемъ, положеніе плода въ материнской утробѣ хорошо защищаетъ его отъ всевозможныхъ болѣзнетворныхъ причинъ, но все же онъ принимаетъ всегда ту температуру, какую имѣетъ материнское тѣло. Поэтому, если мать страдаетъ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени сильными лихорадками, то и плодъ можетъ имѣть крайне высокую температуру тѣла, но слабыя силы его не могутъ перенести этого такъ, какъ переноситъ мать, — оттого и случается, что плодъ гибнетъ отъ лихорадки, съ которой организмъ матери можетъ справиться.

Далѣе, — тѣ яды, которые обладаютъ способностью растворяться въ сокахъ тѣла и такимъ образомъ пропитывать собой животныя ткани, также могутъ переходить изъ тѣла матери въ тѣло плода и легко могутъ убить плодъ. Къ нимъ относятся прежде всего тѣ вещества, которыя нормально должны выводиться и изъ тѣла взрослога человѣка черезъ почки, иначе вызываютъ явленія отравленія. Слѣдовательно, всевозможныя болѣзни

почекъ, которыя могутъ нарушить правильное удаленіе этихъ ядовъ (представляющихъ собой большую часть продуктовъ собственного обмена веществъ матери), ведутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ смерти плода и къ его преждевременному выталкиванію. То же надо сказать и о тѣхъ ядахъ, которые развиваются въ кишечникѣ матери, заболѣвшей дисентеріей.

Затѣмъ, опытно доказано, что на утробный плодъ переходятъ и нѣкоторые болѣзнетворные возбудители, вызывающіе болѣзни матери или, быть можетъ, и отца. Вполнѣ несомнѣнъ фактъ такого перенесенія на плодъ сифилиса. При вскрытіи мертворожденныхъ младенцевъ очень часто удается установить сифилитическое заболѣваніе, какъ причину его смерти. Впрочемъ, зараженный сифилисомъ плодъ умираетъ очень часто только въ послѣдніе мѣсяцы беременности, такъ что эти случаи можно было бы отнести къ преждевременнымъ родамъ. Но такъ какъ смерть плода почти всегда предшествуетъ его изгнанію, или же по крайней мѣрѣ плодъ настолько боленъ, что выжить безусловно не можетъ, то практически эти случаи слѣдуетъ отнести къ числу выкидышей. Если лѣчитъ мать противосифилитическими средствами, въ теченіе ея беременности, то иногда удается сохранить жизнь плоду и дать ему возможность родиться жизнеспособнымъ.

Если плодъ умираетъ въ утробѣ матери, беременная обыкновенно скорѣ замѣчаетъ это. Если въ это время плодъ былъ еще очень малъ, то выкидышъ наступаетъ очень скоро, — при чемъ въ началѣ появляется небольшое кровотеченіе, а потомъ и тянущія боли въ животѣ и особенно въ крестцѣ. Если смерть плода наступила по истеченіи первой половины беременности, то беременная замѣчаетъ это не только по тому, что движенія его внутри ея тѣла совершенно прекращаются, но еще и по сильному ознобу, который она испытываетъ (разъ или нѣсколько разъ), и по тому, что груди, уже успѣвшія нѣсколько набухнуть, снова опадаютъ; иногда она чувствуетъ еще въ животѣ, что при каждомъ движеніи тѣла какъ будто перекатывается какой-то тяжелый клубокъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда выкидышъ происходитъ въ теченіе первыхъ шестнадцати недѣль беременности, отъ стѣнки матери отдѣляется цѣликомъ все яйцо вмѣстѣ съ своими оболочками, и съ изгнаніемъ его заканчивается выкидышъ. Послѣ же шестнадцатой недѣли выталкивается обыкновенно только самый плодъ вслѣдствіе разрыва яйцевыхъ оболочекъ, иногда за ними слѣдуетъ еще и часть оболочекъ, остальная же часть остается на стѣнкѣ матки, и такъ какъ присутствіе ея въ полости матки препятствуетъ надлежащимъ правильнымъ маточнымъ сокращеніямъ, то послѣдствіемъ этого бываютъ продолжительныя, иногда даже опасныя для жизни кровотеченія.

До сихъ поръ мы разсматривали только случаи неумышленныхъ преждевременныхъ родовъ. Но, конечно, и преждевременные роды, и выкидыши могутъ быть вызваны и преднамѣренно — и не только врачомъ по серьезнымъ и основательнымъ соображеніямъ, но и посторонними лицами совершенно незаконно.

Уголовные законы почти всѣхъ странъ очень строго караютъ

такія дѣянія, какъ содѣйствіе беременной за вознагражденіе, или доставленіе ей средствъ и оказаніе помощи при изгнаніи или умерщвленіи плода, а также за изгнаніе или умерщвленіе плода безъ вѣдома или противъ воли беременной.

Разумѣется, иногда при этомъ пользуются и совершенно нецѣлесообразными средствами. Изъ средневѣковой медицины, избѣгавшей, по мѣрѣ возможности, всякаго хирургическаго лѣченія, представлявшаго въ то время серьезныя опасности и располагавшаго недостаточно дѣйствительными наркотическими средствами, — въ народную медицину проникло множество такъ называемыхъ абортивныхъ средствъ, примѣняемыхъ отчасти еще и теперь съ преступными цѣлями. Все это сплошь вещества, которыя, будучи приняты въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, производятъ сильное раздраженіе и воспаленіе слизистой оболочки кишечника. Конечно, сильное воспаленіе кишки можетъ распространиться и на покрывающую кишечникъ брюшину и захватить также и матку, тоже отчасти покрытую брюшиной. Возникшее такимъ образомъ воспаленіе матки можетъ повлечь за собой смерть плода, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изгнаніе его еще раньше его смерти. Но это возможно только при дѣйствительно сильномъ воспаленіи брюшины, — а это такая болѣзнь, которая представляетъ не только непосредственную опасность для жизни, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда благополучно переносится, оставляетъ послѣ себя въ большинствѣ случаевъ болѣзненные срощенія внутреннихъ органовъ, такъ что, даже спасенная отъ смерти, женщина остается на всю жизнь обреченной на страданія и болѣзни. А такъ какъ, вдобавокъ, менѣе значительные приемы медикаментовъ этого рода имѣютъ послѣдствіемъ только сильный катарръ кишечника, не вызывая болѣзни матки и выкидыша, то примѣненіе этихъ средствъ во всѣхъ отношеніяхъ и безусловно нецѣлесообразно. Даже лица, профессионально практикующія плодоизгнаніе, забросили въ настоящее время эти средства и пользуются, почти безъ исключенія, тѣми же средствами, которыя употребляютъ въ необходимыхъ случаяхъ врачи.

Вполнѣ понятно, что отъ безсовѣстныхъ людей, не оставающихся передъ тяжкимъ наказаніемъ, которому подвергаются и самихъ себя, и довѣряющихся имъ лицъ, нельзя ожидать такой чистоты и опрятности, которая единственно могла бы гарантировать беременную отъ зараженія, опаснаго для жизни и иногда смертельнаго. Кромѣ того, имъ приходится дѣлать свое дѣло торопливо и тайкомъ; изъ боязни внезапнаго полицейскаго обыска, въ случаѣ чьей-нибудь жалобы, эти профессиональныя преступницы (большей частью абортками занимаютъ женщины) прячутъ часто свои инструменты въ самыхъ невѣроятныхъ мѣстахъ; неудивительно, что, при извлеченіи ихъ, они оказываются покрытыми засохшей кровью отъ предыдущей операціи, пылью и всевозможной грязью, иногда совершенно заржавѣвшими. Въ практикѣ каждаго врача по женскимъ болѣзнямъ, особенно въ большихъ городахъ, встрѣчается множество больныхъ, погубленныхъ такими профессионалами.

Нерѣдко и къ врачамъ обращаются незамужнія женщины,

которымъ беременность угрожаетъ позоромъ и нуждой, или замужнія женщины, боящіяся обнаруженія прелюбодѣнія; часто такія требованія и мольбы о помощи, объ искусственномъ прекращеніи беременности, сопровождаются страшнымъ взрывомъ отчаянія, угрозами самоубійства, иногда и дѣйствительными покушеніями. Разумѣется, врачъ долженъ безусловно отказывать въ такой уголовно-наказуемой помощи.

Встарину полагали, что человѣческой плодъ получаетъ живую душу только въ сороковой или сорокъ пятый день съ начала беременности и потому до этого времени не подлежитъ защитѣ закона. Со временемъ отъ этого ии на чемъ не основаннаго взгляда пришлось отказаться. Даже католическая церковь, поддерживавшая его прежде своимъ авторитетомъ, теперь, повидимому, признаетъ, что живой плодъ представляетъ собой съ перваго же дня существо одушевленное, и потому всякое дѣйствіе, имѣющее неизбѣжнымъ результатомъ его смерть, есть запрещаемое религіей убійство человѣческаго существа. Вотъ почему нѣкоторые врачи, считающіе для себя обязательными законы католической церкви, держатся того взгляда, что искусственное прекращеніе беременности даже тогда, когда плодъ еще не жизнеспособенъ, и умерщвленіе ребенка даже въ томъ случаѣ, если оно является единственнымъ средствомъ спасенія жизни матери, — недопустимо. Очень многіе же врачи стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что жизнь беременной, которая можетъ еще вѣдь произвести на свѣтъ жизнеспособныхъ дѣтей и заботы которой, быть можетъ, необходимы для рожденнаго ею прежде дѣтей, несравненно дороже жизни еще не рожденнаго плода, подверженнаго безконечно многимъ опасностямъ, — и потому считаютъ себя въ правѣ пожертвовать плодомъ, если это можетъ спасти беременную отъ серьезной опасности жизни. Конечно, при этомъ чрезвычайно трудно установить разъ навсегда, какова должна быть степень опасности для жизни беременной, чтобы дать право на умерщвленіе плода.

Такъ, группа врачей, которая не признаетъ, съ одной стороны, подчиненія медицинской науки авторитету католической церкви, а съ другой, отвергаетъ и слишкомъ легкомысленное отношеніе къ цѣнности жизни плода, — держится того взгляда, что искусственное прекращеніе беременности законно только въ томъ случаѣ, если есть большое вѣроятіе опасаться, что, при продолженіи беременности позже двадцать восьмой недѣли, беременная сама можетъ погибнуть, такъ что сохраненіе жизни ребенка до той ступени развитія, на которой онъ можетъ выжить и внѣ организма матери, — все равно невозможно. Въ подобномъ случаѣ цѣнность жизни ребенка, дѣйствительно, сводится къ нулю, и потому обязанность врача сохранить жизнь хотя бы одной матери является нравственнымъ долгомъ.

Одной изъ наиболѣе частыхъ причинъ, дающихъ съ этой точки зрѣнія врачу законное право прервать беременность, оказывается туберкулезъ, или чахотка, беременной. Опытъ доказалъ, что во время беременности болѣзнь эта особенно сильно

прогрессируетъ и что прекращеніе беременности очень часто задерживаетъ ея дальнѣйшее развитіе, а нерѣдко даетъ надежду на возможность ея полного излѣченія. Кромѣ чахотки, необходимость искусственно произвести выкидышъ очень часто вызывается неукротимой рвотой. Если беременная, несмотря на примѣненіе всѣхъ одобренныхъ медицинской наукой средствъ, продолжаетъ страдать рвотой послѣ каждаго, безъ исключенія, принятія пищи; если вслѣдствіе этого она неизмѣнно и равномерно убываетъ въ вѣсѣ, у нея обнаруживается сильное малокровіе и явное расстройство дѣятельности сердца и почекъ, — надежда на сохраненіе жизни какъ матери, такъ и ея ребенка сводится къ минимуму и потому оправдываетъ искусственное прекращеніе беременности. Но и въ такихъ случаяхъ добросовѣстный и осторожный врачъ не рѣшается брать на себя такую огромную отвѣтственность и производить абортъ только послѣ предварительнаго совѣщанія съ нѣсколькими другими уважаемыми врачами, изложивъ на бумагѣ результаты совѣщанія и подписавъ его совмѣстно съ коллегами. Эта предусмотрительность охраняетъ врача отъ несправедливыхъ нареканій.

Разсматривать подробно различные способы, примѣняемые въ этихъ случаяхъ врачомъ, здѣсь едва ли умѣстно. Въ самыхъ раннихъ стадіяхъ беременности плодъ можно извлечь изъ матки просто съ помощью инструментовъ въ видѣ ложекъ или петель. Позднѣе стараются вызвать сокращенія матки, — путемъ ли отщепленія части яйцевой оболочки, или съ помощью впрыскиванія нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ веществъ въ матку, или же путемъ расширенія шейки матки или нижней части полости ея, — которыя довершаютъ отдѣленіе плода и выталкиваютъ его. Въ средніе мѣсяцы беременности очень рѣдко выходитъ все яйцо цѣликомъ; чаще куски его остаются приросшими къ стѣнкѣ матки и причиняютъ длительныя, часто очень сильныя кровотеченія. Вотъ почему врачъ обязанъ въ такихъ случаяхъ удалить остатки плода изъ матки съ помощью ли инструментовъ или хотя бы пальцами. Въ послѣдніе мѣсяцы беременности и выкидыши, и преждевременные роды чрезвычайно похожи на нормальные роды, наступающіе сами собой послѣ 40-й недѣли беременности.

Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ препятствій, затрудняющихъ выживаніе преждевременно родившагося ребенка, является его недоразвитость. — то, что онъ или совсѣмъ еще не умѣетъ сосать, или же очень скоро утомляется. Преодолѣть это затрудненіе возможно только при большомъ терпѣніи и заботливомъ уходѣ, приучая ребенка къ сосанію съ помощью особаго прибора и осторожно давая ему въ промежуткахъ молоко съ ложки. Но у недоношеннаго ребенка слабо работаетъ и мускулатура дыханія, утомляясь чрезвычайно быстро. Поэтому происходящаго въ организмѣ процесса сгоранія (соединенія углеродистыхъ составныхъ частей съ вдыхаемымъ кислородомъ) недостаточно для поддержанія температуры тѣла, необходимой для жизненныхъ процессовъ. Въ утробѣ матери незрѣлый плодъ окруженъ достаточнымъ тепломъ, благодаря температурѣ тѣла матери, передающейся околородной жидкости. Поэтому недоношеннаго ребенка необ-

ходимо также держать въ теплѣ. Съ помощью одной одежды и одѣяль достигнуть этого невозможно, — поэтому очень полезно устраивать постель ребенка въ такихъ случаяхъ въ цинковой ванночкѣ, которую слѣдуетъ поставить въ другую, большую, деревянную, наполненную водой градусовъ въ 40 по Цельсію; разумеется, для поддержанія одинаковой температуры

По фотографіи Г. Ньюнеса изъ Лондона.

Рис. 276. Шкафъ-грѣлка для недоразвитыхъ дѣтей (Couverse Lion).

необходимо въ воду подливать время отъ времени горячей воды. Существуютъ впрочемъ, также, очень остроумные спеціальныя приборы-грѣлки (рис. 267), — особые шкафы, въ которые помѣщаютъ ребенка и которые отапливаются съ помощью автоматическаго регулятора, такъ что воздухъ въ нихъ, хотя и постоянно обновляется, сохраняетъ одну и ту же температуру, и именно такую, какая нужна младенцу. Въ большихъ городахъ такіе аппараты можно доставать даже на-прокатъ.

Поводъ для искусственно вызываемыхъ преждевременныхъ

родовъ, — т. е. такихъ, когда ребенокъ несомнѣнно еще недоразвился, но все же можно еще надѣяться и стремиться сохранить его жизнь, — дають почти исключительно нѣкоторыя неправильности въ строеніи костей таза. Если тазъ настолько узокъ или неправильно сформированъ, что можно съ нѣкоторой увѣренностью предвидѣть, что зрѣлый плодъ не будетъ въ состояніи черезъ него протолкнуться, и что это будетъ легче для не совсѣмъ зрѣлаго плода, у котораго головка не только меньше, но и мягче, — то примѣненіемъ искусственно вызванныхъ родовъ раньше срока можно предотвратить серьезныя опасности какъ для матери, такъ и для ребенка. Разумѣется, они не должны быть произведены въ такомъ раннемъ періодѣ, когда шансы на сохраненіе жизни ребенка могутъ быть очень слабы. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ очень рѣдко рѣшаются произвести роды раньше срока, потому что опытъ доказываетъ, что при незначительныхъ недостаткахъ въ строеніи таза, оставляющихъ надежду на рожденіе не совсѣмъ зрѣлаго еще, но уже жизнеспособнаго ребенка, не вполне исключается возможность благополучнаго рожденія и совершенно доношеннаго ребенка; къ тому же, въ случаѣ крайней необходимости, врачъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи при современныхъ родахъ хирургическую помощь, которая въ настоящее время утратила свою прежнюю опасность. Таково, напримѣръ, кесарево сѣченіе, при которомъ ребенокъ обыкновенно рождается въ отличномъ состояніи и опасность котораго для матери въ умѣлыхъ и опытныхъ рукахъ въ настоящее время очень незначительна, — почти нисколько не больше опасности искусственно вызванныхъ преждевременныхъ родовъ. И кромѣ того, въ настоящее время хирургія съ успѣхомъ примѣняетъ перепиливаніе костнаго кольца таза въ одномъ мѣстѣ, такъ что, при небольшомъ суженіи таза, кольцо можетъ расширяться въ перепиленномъ мѣстѣ настолько, чтобы ребенокъ могъ беспрепятственно пройти. Края же перепиленной кости обыкновенно легко и быстро срастаются въ теченіе послѣродоваго періода, — такъ что непосредственная опасность или возможность вредныхъ послѣдствій этой операціи очень незначительна.

У народовъ, очень дорожащихъ плодотворностью, частые случаи выкидышей считаются равносильными безплодію, и такъ какъ причины этого явленія остаются часто, какъ мы видѣли, непонятными даже для специалиста, а непосвященному и совсѣмъ кажутся загадочными, — то у народовъ съ невысокой цивилизаціей и среди необразованныхъ слоевъ культурныхъ народовъ это явленіе встрѣчаетъ суевѣрное отношеніе къ себѣ. Его считаютъ послѣдствіемъ колдовства или козней злыхъ духовъ и борются съ нимъ съ помощью всевозможныхъ заклинаній, жертвоприношеній и амулетовъ, имѣющихъ будто бы силу предотвращать выкидышъ. Главную роль въ числѣ этихъ амулетовъ играетъ уже упомянутый нами выше орлиный камень и также алмазъ.

Но, какъ мы уже видѣли, медицинѣ все же иногда удается доискаться причинъ повторныхъ выкидышей и, слѣдовательно, оказать необходимую помощь. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нельзя установить ни одной изъ перечисленныхъ выше при-

чинъ, врачу остается только предписать беременной строгій покой и лежаніе въ постели въ теченіе всего того періода беременности, когда у нея обыкновенно наступалъ выкидышъ. Иногда это помогаетъ даже въ такихъ случаяхъ, когда уже показывалось легкое кровотеченіе. Подспорьемъ при такомъ режимѣ является также назначеніе наркотическихъ средствъ, въ особенности опія, но, разумѣется, въ виду опасности неумѣреннаго ихъ употребленія, за этимъ долженъ слѣдить врачъ.

Плодовитость и безплодіе.

Тамъ, гдѣ условія жизни проще, гдѣ воспитывать дѣтей легко и людямъ недостаточнымъ и дѣти еще въ раннемъ возрастѣ являются помощниками въ хозяйствѣ, а сыновья оказываютъ даже дѣятельную помощь отцу въ его трудѣ для заработка и защиты семьи, — многодѣтность считается счастьемъ и почетомъ, и женщину, рождающую своему мужу много дѣтей, особенно если среди нихъ много мальчиковъ, ставятъ очень высоко, на безплодную же смотрятъ какъ на бесполезное и лишнее существо. Это общее правило, и исключенія изъ него представляютъ только, повидимому, гренландскіе эскимосы, нѣкоторые индійскія племена и многіе изъ малайцевъ, которые видятъ въ непоимѣрной плодовитости что-то скотское. У древнихъ германцевъ плодовитость была въ большомъ почетѣ. Теоретически, какъ это ни удивительно, плодовитость очень высоко чтутъ и китайцы, хотя у нихъ широко практикуется даже убійство новорожденныхъ. Глава семьи руководится при этомъ соображеніями о томъ, сколько дѣтей позволяютъ ему прокормить его средства.

Кромѣ вышеупомянутыхъ исключеній, безплодная жена презирается всѣми народами; многіе простираютъ это отношеніе до того, что обычаи, религія и законъ позволяютъ мужу выгонять безплодную жену или даже такую, которая рождаетъ однихъ дѣвочекъ. Такъ было, на примѣръ, у древнихъ германцевъ, почти у всѣхъ славянскихъ народовъ и у всѣхъ мусульманъ, — семитовъ и турокъ. У восточныхъ евреевъ изгнаніе безплодной жены дозволено и въ настоящее время. У древнихъ евреевъ жена, рождавшая однихъ только дѣвочекъ, считалась безплодной; мужъ могъ прогнать ее или распорядиться какъ-нибудь иначе. Если онъ, на примѣръ, предполагалъ, что причиной безплодія являются физическіе недостатки жены, то онъ имѣлъ право взять въ домъ сестру жены или какую-нибудь другую родственницу ея. Въ такомъ случаѣ эта другая женщина считалась второй женой, и дѣти, прижитыя съ нею, считались дѣтьми первой жены, безплодной, при чемъ хозяйкой дома оставалась первая. Если же вина въ безплодіи падала на мужа, было вполне принято, чтобы жена вступала въ супружескія отношенія съ родственникомъ мужа для полученія потомства и все же оставалась законной и полноправной женой.

Тамъ, гдѣ плодовитость имѣетъ такое огромное значеніе, люди стараются, разумѣется, предугадать напередъ, будетъ ли способна женщина производить на свѣтъ дѣтей. Установить это

съ увѣренностью заранѣе не можетъ и современная наука; самое большее, она можетъ предсказать, по строенію скелета и въ особенности тазовыхъ костей, что роды вполне выношеннаго плода будутъ невозможны безъ посторонней помощи. Такимъ образомъ, всѣ предсказанія такого рода строятся на лишенныхъ всякаго основанія, большей частью суевѣрныхъ признакахъ. Сочиненія Гиппократа совѣтуютъ вводить въ половыя части сильно пахнущіе предметы, въ родѣ чеснока, или прокуривать ихъ дымомъ сжигаемыхъ смолистыхъ веществъ и т. под.; если на другой день этотъ запахъ будетъ слышенъ изо рта женщины, это укажетъ на ея плодовитость. Большая тучность издавна считалась признакомъ бесплодія; опытъ дѣйствительно доказываетъ, что чрезмѣрно жирныя женщины очень рѣдко бываютъ плодовиты. Но и этотъ признакъ отнюдь не вполне достовѣренъ.

Въ дальнѣйшемъ (въ главѣ VIII—II тома) мы подробнѣе рассмотримъ экономическое значеніе многодѣтности и укажемъ въ особенности на то, какія причины побуждаютъ народы съ болѣе высокой культурой относиться отрицательно къ многодѣтности и приводятъ ихъ, въ результатъ, къ искусственному ограниченію числа дѣтей. Здѣсь намъ предстоитъ рассмотреть только вопросъ объ естественной плодовитости и естественномъ бесплодіи человѣка. Признавая при этомъ, что мужчина также можетъ быть бесплоднымъ, мы этого здѣсь однако касаться не будемъ, такъ какъ теперь насъ занимаетъ вопросъ о производительной и дѣтородной дѣятельности женщины. Впрочемъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, супружеское бесплодіе зависитъ именно отъ физическаго состоянія женщины прежде всего; вина мужчины, который часто заражаетъ женщину въ первыя недѣли брака и, перенося на нее болѣзнь, является причиной ея бесплодія, занимаетъ второстепенное мѣсто.

Плодовитость женщины, т. е. ея способность вынашивать въ своей маткѣ яйцо до зрѣлаго состоянія и затѣмъ производить на свѣтъ жизнеспособный плодъ, наступаетъ въ общемъ одновременно съ появленіемъ первой менструаціи, т. е. приблизительно на пятнадцатомъ году жизни, и прекращается обыкновенно съ прекращеніемъ менструаціи — приблизительно въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, года за два-три до или послѣ 50 лѣтъ. У нѣкоторыхъ народовъ эти періоды наступаютъ раньше или позже на нѣсколько лѣтъ; извѣстны также случаи особенно ранняго появленія и поздняго прекращенія менструаціи. Мы приводили уже подобныя случаи въ главѣ о менструаціи, равно какъ и случаи рожденія дѣвочками дѣтей въ раннемъ дѣтствѣ.

Какъ всякій органъ можетъ иногда приостановиться въ своемъ развитіи и ростъ и остаться неспособнымъ къ функционированію, такъ могутъ недоразвиваться до нормы и женскіе половыя органы; случается, что матка, яичники или одно только влагалище молодой женщины остаются совершенно неразвитыми въ такомъ возрастѣ, когда уже должны быть способны къ функционированію. Такъ, на примѣръ, недоразвившіеся яичники либо совсѣмъ не производятъ яйца, либо пузирекъ, въ которомъ

развивается яйцо, не лопаются, вследствие чего яйцо не попадает в яйцевод и не может быть оплодотворено; или же матка недоразвивается до такой степени, что не может доставить яйцу возможность прочно здесь прикрепиться и получать обильное питание; или матка недостаточно быстро увеличивается во время беременности и потому освобождается от яйца путем выкидыша; или, наконец, влагалище развивается так слабо, что делает вообще невозможным нормальное сокоупление.

Борьба с таким недоразвитием половых органов наука почти не может. Иногда оставшие в развитии органы сами потом достигают нормального развития, если женщина поставлена в очень благоприятные условия питания, т. е. живет в особо здоровых климатических условиях и пользуется обильной хорошей пищей, при чем не несет утомительного физического или умственного труда. В тех случаях, когда причина бесплодия зависит только от недостаточного развития влагалища, — если, следовательно, большая или меньшая часть влагалища совсем лишена полости или вся полость его слишком узка, — в этих случаях иногда может помочь оперативное вмешательство.

Бывает также, что все половые органы развиты совершенно нормально, но шейка матки так необычайно узка, что мужское семя не может проникнуть внутрь. В этом случае препятствие также может быть устранено хирургическим путем, — систематическим растягиванием или разрыванием шейки.

Бывают также препятствия, происходящие от слишком сильного развития. Нередко бесплодие женщины происходит от чрезмерного разрастания яичников. В подобном случае яичники так низко опускаются позади матки, что освободившееся яйцо, случается, не может попасть в раструбу соответствующего яйцевода. Большей частью, при таком непомёрном разрастании яичников, яйца совсем не могут отделяться, и, таким образом, зачатие совсем не может произойти.

Не очень редки также случаи непомёрного разрастания девственной плевы, т. е. кожной складки, отчасти замыкающей вход во влагалище у девственницы; эта девственная плева бывает иногда такой плотной, что не может разорваться, и, чтобы нормальное сокоупление стало возможным, необходимо, чтобы врачом был предварительно сделан надраз; иногда ее даже совсем приходится удалять. К сожалению, это препятствие к зачатию замечается обыкновенно очень не скоро; в большинстве случаев бесплодные попытки супружеских сношений длятся так долго, что успевают развить болезненную чувствительность женских органов, очень сильную нервность и отвращение к половому акту. Вполне понятно, что при наличии таких результатов операция уже не всегда может увенчаться желанным успехом.

Издавна существует убеждение, что много женщин не чувствуют и в лучшие годы зрелости влечения к половым сношениям и что так называемая „холодность“ является

причиной безплодія. По поводу того, вѣренъ ли самый фактъ и много ли встрѣчается такихъ „холодныхъ“ женщинъ, мнѣнія специалистовъ и теперь еще рѣзко расходятся. Да и очень трудно установить это съ полной несомнѣнностью, такъ какъ тутъ всецѣло приходится полагаться на показанія самихъ женщинъ, — а они могутъ быть часто очень недостоверны, такъ какъ равнодушіе и отвращеніе къ половымъ сношеніямъ происходятъ очень часто только отъ того, что ихъ внушаетъ данный мужчина, а его физическія особенности, быть можетъ, вполне объясняютъ это явленіе. Не слѣдуетъ забывать и того, что нѣкоторыя болѣзни половой сферы дѣлаютъ для женщины половыя сношенія очень болѣзненными, такъ что въ результатѣ этого является мнимая „холодность“, которая безусловно можетъ быть устранена, если будетъ излѣчена косвенно вызвавшая ее болѣзнь. вполне понятно, что та же болѣзнь можетъ обуславливать и безплодіе, — и одинъ этотъ фактъ уже, до извѣстной степени, объясняетъ наблюденія тѣхъ, которые приводятъ въ связь „холодность“ съ безплодіемъ. Но очень вѣроятно и то, что проникновеніе мужского сѣмени въ способное къ оплодотворенію яйцо достигается съ помощью присасывающихъ волнообразныхъ движеній мускулатуры матки и яйцеводовъ, подобныхъ движеніямъ мускулатуры кишечника, — и что эти движенія производятся вообще или преимущественно только въ моментъ наивысшаго полового возбужденія. Если это такъ, то полную холодность, конечно, можно разсматривать какъ причину безплодія. Нельзя однако отрицать и того, что случается встрѣчать очень многихъ женщинъ, увѣряющихъ, что онѣ совершенно равнодушны къ половымъ сношеніямъ, и все же неоднократно знавшихъ беременность. Возможно, впрочемъ, что показанія такихъ женщинъ завѣдомо или безсознательно ложны и что онѣ, въ дѣйствительности, не абсолютно „холодны“.

Предположеніе о значеніи этой причины вызвало всевозможныя попытки ея излѣченія, заключающіяся большей частью въ приемѣ внутрь такихъ питательныхъ или возбуждающихъ средствъ, которымъ приписывается свойство возбужденія половой чувствительности; это такъ называемая *aphrodisiaca*. Быть можетъ, такой же смыслъ имѣютъ и извѣстныя религиозныя обрядности, представляющіяся на нашъ взглядъ крайне непристойными, дѣйствіе которыхъ сводится — самое большее — къ возбужденію половой страсти.

Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія одинъ знаменитый американскій врачъ-гинекологъ, Маріонъ Слимъ, сдѣлалъ опытъ искусственнаго оплодотворенія подъ наркозомъ одной мнимо-холодной женщины, впрыснувъ ей въ полость матки, съ помощью маленькаго шприца, нѣкоторое количество сѣмени ея мужа. Успѣха этотъ опытъ не имѣлъ. Онъ былъ поставленъ теоретически неправильно уже потому, что полость матки вовсе не настоящее мѣсто, въ которомъ происходитъ оплодотвореніе яйца. Слѣдовательно, чтобы опытъ могъ удался, сѣмя надо было впрыснуть въ полость яйцевода (такъ называемую фаллопиеву трубу) или около него¹. Въ этихъ же случаяхъ, когда единствен-

¹ Въ медицинскій литературѣ имѣются указанія, что опыты искусственнаго оплодотворенія надъ людьми производились неоднократно и давали довольно значительный процентъ зачатій.

Из „Оперативной гинекологии“ Келлея. Фотография Д. Аппельтона и К^о въ Нью-Йоркѣ.
Рис. 277. Продольный разрезъ нижней части тѣла взрослой женщины.

ной причиной невозможности оплодотворенія является болѣзненность для женщины полового акта и вслѣдствіе этого не происходятъ вышеупомянутыя всасывающія движенія въ женскомъ половомъ аппаратѣ, — тутъ самъ собою напрашивается опытъ: подвергнуть женщину легкому наркозу и предоставить ея мужу совершить въ это время половой актъ. Этотъ опытъ былъ также произведенъ подъ руководствомъ названнаго американскаго врача и однажды увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Наряду съ упомянутымъ представленіемъ, существуетъ еще другое: нѣкоторые думаютъ, что безплодіе происходитъ часто отъ того, что введенное сѣмя тотчасъ же снова выливается обратно. Во избѣжаніе этого, рекомендовалось возможно болѣе покойное положеніе тѣла послѣ совокупленія, — рекомендовалось лежать навзничъ, запрокинувъ голову и плечи, стараться не кашлять и не чихать. Еще и въ настоящее время избобрѣтаются и патентуются всевозможные аппараты для предотвращенія обратнаго вытеканія сѣмени. Едва ли можно допустить, чтобы это явленіе дѣйствительно могло быть причиной женскаго безплодія, такъ какъ задержаніе сѣмени во влагалищѣ никакъ не можетъ привести къ оплодотворенію само по себѣ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ причина женскаго безплодія коренится въ неправильномъ положеніи или въ ненормальныхъ сращеніяхъ внутреннихъ органовъ брюшной полости.

Однимъ изъ наиболѣе часто встрѣчающихся неправильныхъ положеній является перегибъ матки назадъ. Въ нормаль-

номъ состояніи этотъ органъ имѣетъ видъ груши, нѣсколько сдвинутой спереди назадъ; своей продольной осью онъ слегка наклоненъ впередъ, такъ что эта ось, если мысленно продолжить ее, прошла бы къ передней стѣнкѣ живота у самаго пупка (рис. 277); бываетъ же нерѣдко, что тѣло матки какъ бы ущемляется у шейки и перегибается кзади въ направленіи крестца (рис. 278). При такомъ перегибѣ беременность все же иногда наступаетъ, какъ показываетъ опытъ, но случается это рѣдко; въ общемъ же, такой перегибъ является препятствіемъ къ беременности, и опытъ убѣждаетъ также, что женщины, долго страдавшія безплодіемъ, тотчасъ становятся способными къ зачатію, едва матка вправлена и приняла нормальное положеніе. Впрочемъ, подобный перегибъ матки безъ измѣненія остальныхъ внутреннихъ половыхъ органовъ случается, повидимому, только тогда, когда стѣнка матки сильно ослабѣла; такъ какъ это явленіе бываетъ обыкновенно только послѣ нѣсколькихъ перенесенныхъ родовъ, то самый перегибъ рѣдко бываетъ причиной безплодія въ полномъ смыслѣ этого слова, большей же частью онъ бываетъ только причиной меньшей плодовитости, заключающейся въ томъ, что женщина, послѣ первыхъ же родовъ, или послѣ двухъ-трехъ родовъ, утрачиваетъ способность рожать.

Очень часто причиной безплодія женщины бываютъ сращенія органовъ въ брюшной и, въ особенности, въ тазовой области. Если такія сращенія возникаютъ раньше первой беременности, то они влекутъ за собой полное безплодіе; если же они развиваются послѣ уже перенесенныхъ однихъ или нѣсколькихъ ро-

Рис. 278. Неправильное положеніе матки.

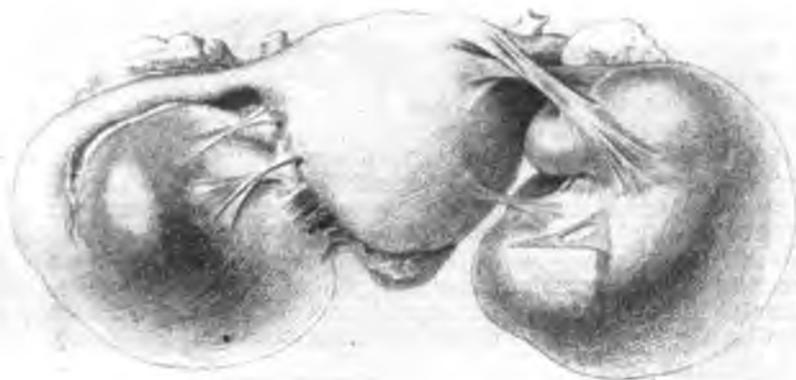
довь, то имѣють послѣдствіемъ только то уменьшеніе плодовитости, о которомъ мы говорили. Названныя сращения происходятъ отъ того, что изъ брюшины при каждомъ воспаленіи выпотѣваетъ особая бѣлковая жидкость, имѣющая молочный цвѣтъ или походя на гной, которая мало-по-малу послѣ пресращения воспаления дѣлается болѣе плотной, становясь при этомъ все болѣе и болѣе клейкой. Вслѣдствіе этого, тѣ или иные внутренніе органы брюшной полости какъ бы склеиваются между собою и промежутки между ними исчезаютъ. Но воспаленіе брюшины имѣетъ ту своеобразную особенность, что въ эти мѣста сращения задаются тончайшіе кровеносные сосуды брюшины и даютъ здѣсь новыя развѣтвленія; вокругъ этихъ новыхъ кровеносныхъ сосудовъ образуется нѣжная, почти паутинообразная ткань, содержащая еще вначалѣ большіе промежутки, наполненные болѣе или менѣе водянистой жидкостью.

Уже самая эта новообразовавшаяся ткань, прорѣзанная вдоль и поперекъ тонкими кровеносными сосудами, можетъ сдѣлаться при нѣкоторыхъ условіяхъ причиной безплодія женщины. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ часто, что она затягиваетъ собой всю поверхность яичниковъ, откуда хирургъ при вскрытіи брюшной полости можетъ вытянуть ее въ видѣ тонкой кожицы. Вотъ эта-то тоненькая, но довольно упругая перепонка можетъ, повидимому, воспрепятствовать лопанію уже зрѣлыхъ Граафовыхъ пузырьковъ, а слѣдовательно, и выходу изъ яичника зрѣлаго яйца, долженствующаго оплодотвориться. Мало-помалу, Граафовы пузырьки, не имѣвшіе возможности лопнуть, начинаютъ, повидимому, давить на лежащія между ними составныя части яичника и такимъ образомъ нарушаютъ питаніе и всю жизнедѣятельность яичниковъ. Подобнымъ же образомъ образовавшаяся при воспаленіи перепонка затягиваетъ и тѣ бахромчатые ворсинки, которыми усаженъ брюшной раструбъ Фаллопиевой трубы, т. е. воронкообразное отверстіе, связывающее яйцеводы съ брюшной полостью. При этомъ бахромки склеиваются между собой — и тѣ, которыя расположены рядомъ, и тѣ, которыя расположены другъ противъ друга, — внѣдряются внутрь, пока наконецъ отверстіе сообщающее яйцеводъ съ брюшной полостью становится совершенно непроходимымъ. Если это случится съ обѣихъ сторонъ, то ни сѣмя не можетъ пробраться къ яйцу, ни яйцо навстрѣчу сѣмени, и тогда оплодотвореніе становится абсолютно невозможнымъ.

Иногда воспаленіе брюшины приводитъ къ еще болѣе сложнымъ измѣненіямъ. Мѣсто нѣжной кожицы образуются мало-по-малу очень плотныя, нелегко поддающіяся разрыву пленки, и происходящее въ нихъ сморщиваніе волоконъ можетъ произвести значительное измѣненіе положенія внутреннихъ органовъ. Самая матка можетъ быть перемѣщена и укрѣплена въ необычайномъ и крайне для нея неблагоприятномъ положеніи, могутъ и яичники совершенно зарыться въ широкія маточныя связки, или же срастись съ толстой кишкой и укрѣпиться гдѣ-нибудь далеко отъ своего нормальнаго мѣстонахожденія (рис. 279). При этомъ, вдобавокъ, грибки, вызвавшіе первоначальное возникновеніе воспаления брюшины, являются отчасти возбудителями нагноеній; они могутъ вызвать болѣе или менѣе круп-

ныя скопленія гноя на поверхности или внутри органа и этимъ создать сильныя разстройства его. Неудивительно поэтому, что женщина, которую постигла эта болѣзнь, — помимо многихъ другихъ опасностей и страданій, съ которыми это сопряжено, — почти всегда становится безплодной.

Прежде всего здѣсь надо замѣтить, что подобныя воспаленія брюшины возникаютъ вслѣдствіе зараженія триппернымъ ядомъ путемъ половыхъ сношеній. Женщины, живущія безпутно въ незамужнемъ состояніи, чрезвычайно часто становятся безплодными вслѣдствіе приобретеннаго такимъ образомъ зараженія; но, къ сожалѣнію, не только такія женщины, а очень многія, вступившія въ бракъ дѣвственными, очень скоро заражаются отъ

Изъ „Оперативной гинекологіи“ Келлея. Фотографія Д. Аппальтона и К^о въ Нью-Йоркѣ.
Рис. 279. Матка, обросшая плѣнками, съ зажнутыми и наполненными жидкостью яичниками.

молодого мужа. Дѣло въ томъ, что трипперъ и у мужчины совсѣмъ не такая невинная болѣзнь, какъ многіе думаютъ. Очень часто, даже послѣ его излѣченія, — настолько, что человекъ не испытываетъ никакихъ страданій и даже врачъ съ трудомъ можетъ найти его слѣды, — остается легкій катарръ слизистыхъ оболочекъ мужскихъ половыхъ органовъ, въ выдѣленіяхъ которыхъ еще сохраняются способные произвести заразу микроорганизмы. Этимъ объясняется, что даже молодые люди, убѣжденные, что вылѣчились безслѣдно отъ приобретенной за нѣсколько лѣтъ до брака болѣзни, все же могутъ заразить ею свою молодую жену. Иногда у женщины появляется еще въ теченіе такъ называемаго медоваго мѣсяца воспаленіе брюшины, которое иногда и не причиняетъ особенно замѣтныхъ страданій. Иногда же беременность успѣваетъ наступить раньше, и только послѣ родовъ заразное начало попадаетъ черезъ матку и яйцеводы въ брюшную полость и тамъ уже производитъ тѣ измѣненія, которыя причиняютъ безплодіе.

Впрочемъ, катарральныя заболѣванія кишечника и мочевого пузыря также могутъ вызвать воспаленіе брюшины. Образъ жизни женщинъ, въ особенности въ городахъ, обуславливаетъ собой то, что онѣ еще съ раннихъ лѣтъ отучаются опираж-

пывать кишечникъ въ тотъ самый моментъ, когда чувствуется потребность. Отчасти въ этомъ виновато еще крайне скверное устройство отхожихъ мѣстъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; часто эти мѣста крайне неопратно содержатся также и въ мастерскихъ и на фабрикахъ. На улицахъ еще недавно совсѣмъ нельзя было найти, даже въ самыхъ большихъ городахъ, отхожихъ мѣстъ для женщинъ, да и теперь ихъ еще очень мало, а въ маленькихъ городахъ и совсѣмъ нѣтъ и до сихъ поръ. Между тѣмъ для женщинъ они еще нужнѣе, такъ какъ женщины не рѣшались, подобно мужчинамъ, заходить для отправленія естественныхъ нуждъ въ первый попавшійся клозетъ. Наконецъ, эта привычка создается еще и вслѣдствіе стыдливости, удерживающей женщинъ отъ удаленія для естественной надобности, когда онѣ бываютъ въ обществѣ или въ гостяхъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ то, что хроническіе запоры стали самымъ обычнымъ и распространеннымъ явленіемъ у нашихъ женщинъ, а это почти неизбѣжно влечетъ за собой то, что очень многія дѣвицы заболѣваютъ болѣе или менѣе серьезнымъ воспаленіемъ кишечника. Это не считается, правда, опаснымъ, и, въ большинствѣ случаевъ, врачъ, дѣйствительно, въ два-три дня избавляетъ отъ болей. Но нерѣдко во время этихъ неопасныхъ заболѣваній уже начинаются тѣ выпотванія въ брюшинѣ, которыя вызываютъ вышеописанныя расстройства. Не всегда эти расстройства сразу же сказываются болями или другими неприятными ощущеніями; иногда появляются, правда, расстройства менструаціи и другія болѣзненные явленія, но на нихъ обращаютъ мало вниманія. А между тѣмъ все это можетъ имѣть въ конечномъ результатѣ безплодіе.

Изъ всего изложеннаго ясно видно, что причины безплодія такъ многообразны и часто такъ трудно распознаваемы, что даже медицинская наука, не говоря уже о профанахъ, бродитъ почти ощупью, впотмахъ, въ вопросѣ о средствахъ его лѣченія. Естественно, что вслѣдствіе этого здѣсь открывался широкій просторъ суевѣріямъ всякаго рода. Винили въ этомъ отчасти колдовство, отчасти вліяніе злыхъ духовъ и карающихъ божествъ. А это, въ свою очередь, приводило, разумѣется, къ примѣненію всевозможныхъ амулетовъ и заговоровъ къ стремленію обезвредить эти сверхъестественныя вліянія. Искрепная религіозность подсказывала обращеніе къ божеству съ молитвами и приношеніемъ жертвъ, сопровождавшееся порой нѣкоторыми обрядами, представляющимися на нашъ взглядъ неприятными.

Древніе греки ожидали въ такихъ случаяхъ помощи больше всего отъ Гермеса. Первоначально Гермесъ изображался, какъ мы можемъ видѣть на архитектурныхъ памятникахъ, въ довольно примитивномъ видѣ: въ видѣ четырехугольнаго столба, верхній ковецъ котораго переходитъ въ человѣческую голову. Но на этихъ изображеніяхъ Гермеса, какъ свидѣлствуютъ сохранившіяся части, помѣщались приблизительно на серединѣ столба еще изображенія мужскихъ половыхъ органовъ; — и по рельефамъ (рис. 280), сохранившимся до нашего времени отъ древности, можно заключить, повидимому, что при моленіяхъ, возносившихся этому богу, безплодныя женщины дѣлали довольно

непристойное употребленіе изъ этой подробности. Подобную же роль игралъ древне-римскій богъ Мутинусъ. У грековъ богиней женскаго плодородія считалась Деметра, которой у римлянъ соотвѣтствовала Церера; но и тутъ, по крайней мѣрѣ во время cerealій у римлянъ и элевзинскихъ празднествъ у грековъ, устраивавшихся въ честь этихъ богинь, царила большая половая разнузданность.

Соотвѣтственно римской Церерѣ, у католиковъ считается покровительницей плодородія Дѣва Марія. Бесплодныя женщины отправляются по обѣту на поклоненіе посвященнымъ ей святымъ мѣстамъ, принося ей въ даръ восковыя фигуры жабъ, считающихся символомъ матки. Исповѣдующіе исламъ считаютъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ безплодія частое чтеніе третьяго стиха Корана, потому что въ немъ говорится о Ганнѣ (или Аннѣ), матери Дѣвы Маріи, которая также была милостью Божіей избавлена отъ безплодія.

Трудно точно разграничить религіозные обряды и мнимыя чисто лѣкарственныя средства. У кельтовъ, напримѣръ, женщина, стремящаяся избавиться отъ безплодія, глотаетъ порошокъ, изготовленный изъ бѣлогодной омеги; но чисто лѣкарственнымъ средствомъ этого нельзя считать потому, что омега вообще считается у кельтовъ священнымъ растеніемъ, дѣйствительнымъ будто бы и противъ многихъ случаевъ колдовства. То же надо сказать и о мандрагорѣ и мужскомъ корнѣ (или адамовой головѣ), которые считались прежде въ Германіи, а въ Персіи и теперь еще считаются средствомъ противъ безплодія и въ то же время играютъ роль и въ другихъ суевѣрныхъ обычаяхъ.

Такимъ образомъ, по народнымъ вѣрованіямъ, существуетъ много средствъ противъ безплодія, обладающихъ будто бы способностью побѣждать половую невосприимчивость женщины; таковы, напр., пмбирь, амбра и др. Едва ли есть хоть одинъ народъ въ мірѣ, который не вѣрилъ бы въ какія-нибудь средства или вещества, возбуждающія половое влеченіе; между ними встрѣчаются иногда и очень противныя, — въ Камчаткѣ, напримѣръ, для возбужденія половой чувственности ѣдятъ пауковъ. У насъ, какъ извѣстно, наряду съ шпанскими мухами, вавилью, корицей и мускусомъ, такимъ возбуждающимъ средствомъ считаются устрицы. Едва ли, однако, во всѣхъ этихъ средствахъ имѣется что-нибудь специфическое, за исключеніемъ развѣ того, что обильное, благодаря пряностямъ, поглощеніе питательныхъ блюдъ усиливаетъ также и половую возбудимость. Вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ въ Австраліи мясо кенгуру считается средствомъ противъ безплодія.

Прекращеніе менструацій, если онѣ появлялись ранѣе правильно, считается доказательствомъ беременности; если же онѣ прекращаются безъ беременности и на болѣе или менѣе долгое время, то это также считается причиной безплодія; а такъ какъ это явленіе наблюдается обыкновенно при сильномъ малокровіи, то почти всѣ тѣ средства, съ помощью которыхъ борются съ малокровіемъ, можно разсматривать также какъ средства противъ безплодія. Этимъ объясняется то, что многіе желѣзистые источники пользуются репутацией цѣлительности противъ безплодія, хотя, въ дѣйствительности, имъ слишкомъ довѣряться нельзя.

На дѣлѣ, почти всѣ такія средства, — не только суевѣрныя, но и медикаменты и цѣлебные источники обманываютъ ожиданія. И разумѣется, они безусловно не заслуживаютъ довѣрія въ тѣхъ случаяхъ, когда причиной безплодія является одно изъ тѣхъ механическихъ препятствій, о которыхъ мы говорили.

Особенно въ тѣхъ случаяхъ, — а такіе всего чаще встрѣчаются, — когда женское безплодіе зависитъ отъ происшедшаго сращенія внутренностей, безусловно немислимо ожидать, чтобы какое-нибудь изъ этихъ средствъ могло разрушить описанныя выше тоненькія кожистыя сращенія. Но вполне вѣроятнымъ пред-

По фотографіи акцелерагса издательства Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 280. Гермесь.

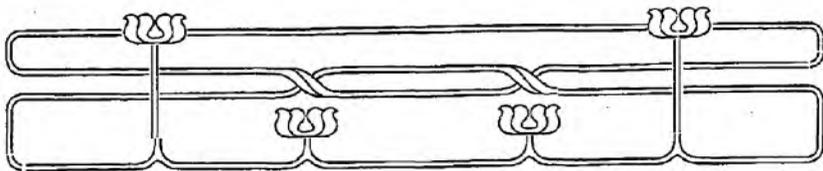
Античный рельефъ въ королевской галлереѣ въ Мюнхенѣ.

ставляется, что правильнымъ массиrowаніемъ живота этого возможно достигнуть, — и дѣйствительно, многіе врачигинекологи, заслуживающіе полного довѣрія, подтверждаютъ, что достигали съ помощью массажа успѣха. Правда, этотъ способъ лѣченія утомителенъ и дорогъ; такой массажъ можно довѣрить только врачу; въ рукахъ другихъ лицъ онъ можетъ грозить серьезнымъ вредомъ и опасностью; кромѣ того, для достижения успѣха этотъ массажъ надо производить, повидимому, приблизительно недѣль шесть по четверти часа ежедневно, и все же съ твердой увѣренностью предсказать успѣхъ нельзя. Къ тому же, не всякая молодая женщина можетъ согласиться на это, такъ какъ при такомъ массажѣ врачу приходится вводить два пальца одной руки въ половыя части и другой рукой дѣлать движенія, растирая брюшныя покровы.

Зато очень легко отдѣлать всѣ такія сращенія, ведущія къ

бесплодію, если вскрыть хирургическимъ путемъ брюшную полость больной. Въ прежнія времена, ради одного только излѣченія бесплодія, боялись рисковать такой радикальной и тогда еще опасной операціей. Въ настоящее время опасность вскрытія брюшной полости (въ особенности когда дѣло идетъ о простыхъ остаткахъ давно вылѣченной болѣзни) такъ невелика, что очень многія женщины, — особенно изъ тѣхъ круговъ, въ средѣ которыхъ бесплодная жена все еще подвергается нѣкоторому презрительному отношенію, — охотно рѣшаются на подобную операцію. И результаты ея, насколько я могу судить по своимъ личнымъ опытамъ, очень удовлетворительны.

Глава четвертая.

Половая жизнь женщины.

(Д-ръ Иоганна Эльберскирхенъ, Амстеръ близъ Вонна.)

Смысль и сущность полового инстинкта.

Для получения правильнаго и яснаго понятія о половой жизни женщины необходимо предварительно попытаться уяснить себѣ, что такое „половой инстинктъ“, такъ какъ этотъ инстинктъ составляетъ причину и главную основу половой жизни и дѣятельности.

Взгляды на смыслъ и сущность полового инстинкта болѣе или менѣе расходятся. Одни характеризуютъ его не очень глубоко, какъ инстинктивное стремленіе организма освободиться отъ лишннихъ веществъ, ставя его, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ другими чисто тѣлесными инстинктами — освободиться отъ лишннихъ веществъ, скопляющихся въ мочевомъ пузырьѣ или въ кишечникѣ. Другіе усматриваютъ въ немъ стремленіе къ размноженію, или, какъ характеризуетъ его Крафтъ-Эбингъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о болѣзненныхъ проявленіяхъ полового инстинкта, — какъ „стремленіе къ сохраненію вида“. Другая группа ученыхъ, къ которой принадлежатъ, на примѣръ, Эйленбургъ, Гегаръ, Левенфельдъ и Нэкке, смотрятъ на него нѣсколько глубже и характеризуютъ его какъ „импульсъ (побужденіе) къ размноженію“. Въ эти опредѣленія не согласуются съ сдѣланными мною наблюденіями и опытами. Всѣ они говорятъ главнымъ образомъ о дѣйстви и о результатѣ нормальнаго удовлетворенія полового инстинкта, но ничего не говорятъ о самой сущности и причинѣ его.

Народы древняго міра рассматривали половой инстинктъ и любовь какъ слѣдствіе божественнаго внушенія. Богъ Амуръ направляетъ свои стрѣлы въ сердца людей, и Венера, рожденная изъ пѣны воли морскихъ, была покровительницей любящей четы. Амуръ, сынъ Венеры, — часто изображаемый рядомъ съ ней, какъ, напр., на прешестной картинѣ Гвидо Рени (см. рис. на отд. стр.), — вербуетъ съ помощью своихъ могущественныхъ стрѣлъ все новыхъ и новыхъ питомцевъ для своей матери, богини любви.

Чтобы попытаться нарисовать себѣ ясную картину сущности полового инстинкта, необходимо прежде всего уяснить хорошо самъ процессъ размноженія и тѣ состоянія организма, которыя предшествуютъ удовлетворенію полового инстинкта. Размноженіе представляетъ собой результатъ соединенія двухъ клѣтокъ, — мужской и женской половыхъ клѣтокъ. Нѣтъ надобности останавливаться здѣсь подробнѣе на процессѣ

этого соединенія, такъ какъ это уже изложено въ I главѣ I тома этого сочиненія.

Итакъ, необходимымъ условіемъ соединенія двухъ половыхъ клетокъ, т. е. условіемъ зачатія и размноженія, является тѣсное соединеніе наружныхъ половыхъ органовъ женщины и мужчины. Это соединеніе мы называемъ половымъ актомъ, или совокупленіемъ.

Совокупленіе всецѣло зависитъ отъ извѣстнаго, вполне опредѣленнаго, нервнаго, душевнаго склада индивидуума и отъ опредѣленнаго устройства его половыхъ частей.

Особый душевный складъ индивидуума характеризуется особымъ возбужденнымъ состояніемъ, овладѣвающимъ всею существомъ индивидуума, извѣстнымъ напряженіемъ всехъ силъ организма. Это возбужденіе и напряженіе стремится разрядиться, разрѣшиться, и входитъ въ сознаніе индивидуума (въ болѣе или менѣе сильной степени, въ зависимости отъ индивидуальности) въ видѣ сильнаго влеченія къ другому индивидууму. Оно выражается въ болѣе или менѣе потребности, смотря по индивидуальности (или же по степени индивидуальнаго развитія), близости къ другому индивидууму. Такимъ образомъ, это влеченіе составляется изъ совокупности силъ двигательной и чувствительной. У нѣкоторыхъ индивидуумовъ указанное состояніе возбужденія достигаетъ такой силы, что воспринимается какъ могущественная магнетическая сила, влекущая одного индивидуума къ другому. Въ то же время сила воспріятія можетъ обостриться до такой степени, что одинъ звукъ голоса, взглядъ, прикосновеніе другого индивидуума, къ которому испытывается влеченіе, способны потрясти всю нервную систему, весь организмъ, подобно электрическому току. Сказанное относится, согласно моимъ личнымъ наблюденіямъ и опытамъ, къ индивидуумамъ съ высоко развитыми чувствами, душевный міръ которыхъ чутко отзывается на вѣшнія раздраженія. Индивидуумы съ менѣе развитымъ внутреннимъ міромъ менѣе впечатлительны и сила воспріятія у нихъ достигаетъ меньшаго напряженія.

Большей или меньшей степени воздѣйствія одного индивидуума на другого, соотвѣтствуетъ различный предѣлъ индивидуальнаго выбора. Лица съ меньшей душевной впечатлительностью отличаются меньшей разборчивостью, ихъ влеченію удовлетворяетъ любой индивидуумъ того же вида и той же расы, къ которымъ принадлежатъ они сами. Лица же болѣе впечатлительныя бываютъ гораздо строже въ выборѣ, т. е. индивидуальнѣе, имъ недостаточно расовой общности; индивидуумъ, на которомъ можетъ остановиться ихъ выборъ, долженъ обладать опредѣленными физическими и духовными свойствами, вполне гармонирующими съ ихъ собственными свойствами, предѣлъ ихъ выбора такъ тѣсенъ, что нерѣдко сводится къ одному опредѣленному индивидуальному типу.

Особый складъ половыхъ частей, обуславливающий актъ совокупленія, состоитъ въ томъ, что ткани половыхъ органовъ переполняются кровью, и это сопряжено съ извѣстнымъ болѣе или менѣе сильнымъ отдѣленіемъ слизи. У женщинъ ткань наружныхъ половыхъ органовъ становится при набуханіи рыхлой. У мужчины же половой членъ становится твердымъ и

упругимъ. Субъективно это состояніе сказывается чувствомъ болѣе или менѣе сильнаго давленія и напряженія въ наружныхъ половыхъ органахъ, въ извѣстномъ возбужденіи. Напряженіе въ половой сферѣ вызываетъ въ индивидуумъ вполне определенное стремленіе или влеченіе найти этому чувству исходъ или облегченіе. Это стремленіе сопровождается общимъ ощущеніемъ полового влеченія и естественно направляется на другого индивидуума.

Емѣстителями чувства полового возбужденія служатъ наружные половые органы, вся совокупность ихъ (см. рис. 281 и 282); всего же сильнѣе и определеннѣе сказывается оно въ такъ называемыхъ пещеристыхъ тѣлахъ половыхъ частей. Оба пола обладаютъ такими пещеристыми тѣлами и даже одинаковыми. У женщины расположены два пеще-

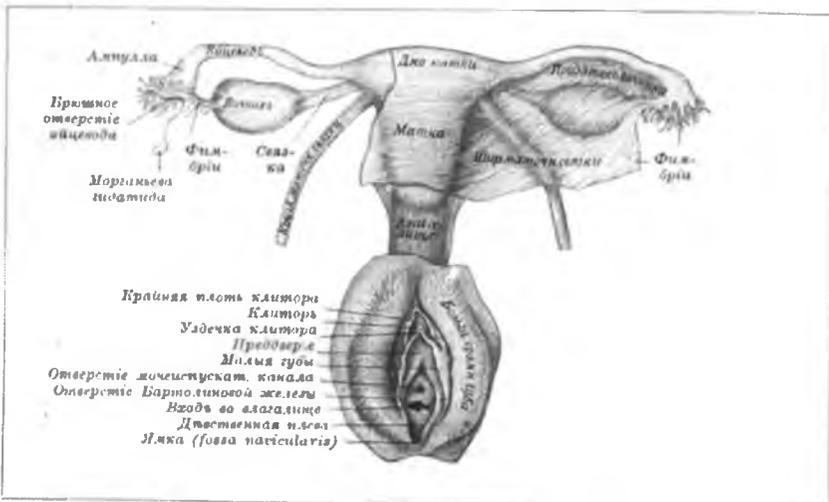

Рис. 281. Женскіе половые органы.

ристыхъ тѣла въ передней части влагалища (см. на рис. 281) съ обѣихъ сторонъ того мѣста, гдѣ располагаются малыя срамныя губы (рис. 281) и представляютъ собой толстыя, способныя къ набуханію, венозныя сплетенія. Другая пара пещеристыхъ тѣлъ образуетъ женскій клиторъ (рис. 282).

Сила полового влеченія и сила совокупленія соподчинены одна другой, т. е. взаимно обуславливаютъ другъ друга.

Путемъ совокупленія достигается разряженіе накопившагося въ пещеристыхъ тѣлахъ напряженія, т. е., слѣдовательно, разряжается напряженное состояніе всей половой сферы и всего организма; это сопровождается чувствомъ удовольствія, овладѣвающимъ всѣмъ существомъ. Это чувство облегченія и общаго удовольствія называется оргазмомъ. Ту разрѣшающую силу, которая порождаетъ означенное чувство, всего правильнѣе назвать силой полового влеченія.

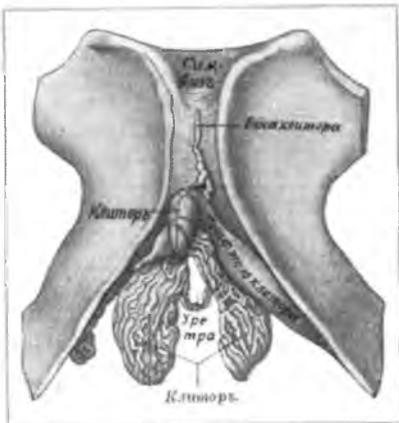
Состояніе силы полового влеченія, въ свою очередь связано съ тѣмъ состояніемъ организма, которое называется половой зрѣлостью. Половая зрѣлость наступаетъ въ возрастъ между двѣнадцатымъ и восемнадцатымъ годомъ жизни, смотря по сло-

женію, внѣшнимъ условіямъ и образу жизни; заканчивается развитіе половой зрѣлости приблизительно въ возрастѣ двадцати или двадцати одного года.

Начинающаяся половая зрѣлость характеризуется процессомъ созрѣванія и освобожденія женскихъ (или мужскихъ) половыхъ клѣтокъ и выходомъ ихъ черезъ половые пути наружу, пока не состоялось совокупленіе. Первая созрѣвшая и отдѣлившаяся половая клѣтка является нормальнымъ показателемъ полового развитія и подготовленности половой сферы къ совокупленію. Съ этого момента начинается зрѣлость и дѣятельность половыхъ частей вообще, — однимъ толчкомъ какъ бы приводится въ движеніе весь сложный механизмъ полового аппарата. Половые органы, не принимавшіе до тѣхъ поръ участія въ процессахъ развитія и роста всего организма, начинаютъ теперь расти, и въ то же время постепенно назрѣваетъ въ индивидуумѣ потребность въ любви и половое влеченіе.

Сила полового влеченія сказывается въ организмѣ раньше, чѣмъ стремленіе къ совокупленію, и сознаніе индивидуума, первоначально совершенно чуждое ясныхъ, непосредственныхъ половыхъ возбужденій, раньше проникается ею. Она выражается исключительно въ бурномъ и страстномъ влеченіи, чисто психическаго характера, къ другому лицу и складывается въ чувство страстнаго увлеченія, поклоненія, привязанности еще неспорченныхъ наивныхъ юношей и молодыхъ дѣвушекъ другъ къ другу, или къ воспитателямъ и другимъ лицамъ, или же развивается въ горячую любовь къ природѣ, въ страстное увлеченіе религіей (если нѣтъ вокругъ лица, достойнаго возбудить къ себѣ симпатію и привязанность). Но мало-по-малу эта потребность привязанности или дружбы видоизмѣняется, по мѣрѣ того, какъ развивается половая зрѣлость, а съ нею и инстинктъ совокупленія. Этотъ послѣдній, очень смутный вначалѣ, по мѣрѣ зрѣлости все больше и больше переходитъ въ сознаніе, — первоначально въ видѣ общаго тревожнаго состоянія и смутнаго влеченія, пока наконецъ повязка совсѣмъ спадаетъ съ глазъ. Является опредѣленный объектъ, дѣйствующій какъ внѣшній возбудитель и толчекъ, всѣ увлеченія и дружбы переходятъ въ область подсознанія — врывается пылкая страсть, весь организмъ охватываетъ мощное, властное и сознательное стремленіе „къ нему“ или „къ ней“.

Въ этотъ періодъ, благодаря возникающимъ соприкосновеніямъ болѣе или менѣе интимнаго характера, къ инстинкту любви присоединяется мало-по-малу въ сознаніи, — вначалѣ еще, правда, не рѣзко выраженный, — инстинктъ совокупленія, и

Изъ „Анатоміи человека“ Гейдмана.
Рис. 282. Женскіе органы сладострастія.

только потому онъ ясно и опредѣленно связывается въ сознаниі съ самымъ чувствомъ любви. Первое совокупленіе, т. е. вообще самый актъ, наступаетъ, — если только не представляется къ этому вышнихъ препятствій, само собой, естественно рождаясь изъ инстинктовъ любви и совокупленія, какъ ихъ завершеніе, въ періодъ полной половой зрѣлости.

Половая зрѣлость, по самому существу своему, идетъ рука объ руку съ физической зрѣлостью всего организма. Когда процессъ роста формъ тѣла близится къ концу, наступаетъ процессъ полового созрѣванія, и завершеніе его совпадаетъ съ окончаніемъ процесса роста тѣла. Иными словами, — когда сила роста тѣла видимо исчерпывается и тѣло перестаетъ расти, только тогда вполне развивается воспроизводительная сила и становится вполне способной къ размноженію. На первый взглядъ можетъ показаться, что воспроизводительная сила вытѣсняетъ собой силу роста, но самомъ же дѣлѣ, она только рождается изъ нея, такъ какъ воспроизводительная сила есть та же сила роста. Надъ всѣмъ организмомъ до послѣдней его клѣтки властно царитъ сила роста; она по существу сила органическая, представляетъ собою свойство живого вещества и дѣйствуетъ всегда въ опредѣленной органической формѣ. Если форма завершена, какъ, напримѣръ, вышняя законченность тѣлесныхъ формъ, то сила роста не исчезаетъ, а только переноситъ свое дѣйствіе и творческую дѣятельность, сообразно потребностямъ организма: не имѣя возможности дѣйствовать въ прежнемъ направленіи, она начинаетъ дѣйствовать въ другомъ, начинаетъ создавать копіи съ оригинала, завершившаго свой ростъ, размножаетъ оригиналь.

Эта истинная сущность воспроизводительной силы, какъ дальнѣйшій ростъ организма въ видѣ копій, какъ органическій процессъ повторенія формъ оригинала, всего яснѣе видна на организмахъ низшихъ, размножающихся еще не половымъ путемъ и, слѣдовательно, еще не очень сложныхъ. При дѣленіи индивидуумъ распадается на двѣ или больше частей, до такой степени похожихъ одна на другую, что материнскій и дочерній индивидуумъ невозможно отличить другъ отъ друга.

У болѣе развитыхъ индивидуумовъ этотъ процессъ, вслѣдствіе болѣе тонкой организаціи, болѣе или менѣе скрытъ. Здѣсь мы не видимъ измѣненнаго и совершеннаго развитія копій, а только болѣе или менѣе совершенное предрасположеніе къ ихъ развитію въ видѣ образующихся зародышевыхъ почекъ или половыхъ клѣтокъ, появляющихся на опредѣленныхъ мѣстахъ родительскаго организма, потомъ отдѣляющихся и продолжающихъ развиваться. У индивидуумовъ, размножающихся не половымъ путемъ, зародышевыя почки и элементы размноженія бываютъ совершенно закончены, такъ что послѣ своего отдѣленія отъ родительскаго тѣла они нуждаются только въ полученіи питательныхъ веществъ, чтобы вполне развиться въ организмъ, равный или подобный материнскому. Индивидуумы же, обладающіе половыми различіями, не могутъ достигать совершеннаго развитія въ видѣ половыхъ клѣтокъ, или, иначе говоря, образовать законченные зачатки своего организма въ половыхъ элементахъ. Несовершенство ихъ такъ велико, что они нуждаются еще въ соединеніи съ другой половой клѣткой, чтобы дальнѣйшее развитіе ихъ стало возможнымъ. Безъ соединенія съ другой половой клѣткой, она неспособна развиваться и обречена на смерть. Мало того, — ея несовершенство такого рода, что для дополненія ея недостаточно другой половой клѣтки того же индивидуума, а необходима клѣтка другого индивидуума, съ которой она должна слиться. А та клѣтка, которая способна быть дополненіемъ для первой, также

лишена возможности развиваться самостоятельно и также нуждается въ слияніи съ другой клѣткой другого индивидуума, — и именно той, которой въ свою очередь не хватаетъ ей помощи, ея дѣятельности, ея энергіи роста. Обѣ эти несовершенныя клѣтки суть половыя клѣтки мужскія и женскія, существующія въ организмѣ мужчины и женщины.

Итакъ, половыя клѣтки отличаются отъ не половыхъ тѣмъ, что онѣ неспособны къ самостоятельному дальнѣйшему развитію и для полного роста и развитія нуждаются во взаимной помощи, дополняя одна другую, тогда какъ клѣтки не половыя обладаютъ самостоятельной силой роста и размноженія. Прямымъ результатомъ этого является дальнѣйшее различіе, — что изъ каждой не половой клѣтки развивается новый индивидуумъ, у существъ же, обладающихъ половыми различіями, для образованія новаго индивидуума необходимы двѣ клѣтки. Такимъ образомъ, существа болѣе высоко организованныя растутъ въ своихъ половыхъ клѣткахъ не какъ органическое цѣлое, а только какъ органическія половины, образующія вмѣстѣ новый индивидуумъ.

На основаніи вышеизложеннаго, мы можемъ объяснить половую зрѣлость какъ такое состояніе женскаго и мужскаго организма, во время котораго организмъ продолжаетъ свой ростъ въ половыхъ клѣткахъ и въ воспроизведеніи себя, — при которомъ энергія роста преобразуется въ энергію размноженія, но въ формѣ несовершенной, обуславливающей необходимость соединенія каждой давней клѣтки съ другой, т. е. женской половой клѣтки съ мужской, — чтобы могла въполнѣ проявиться воспроизводительная энергія.

Свойства организма, т. е. производительность и потребности его органовъ, объединяются въ его нервной системѣ и ею управляются. Производительность, или жизнѣдѣятельность, обуславливается раздраженіями, исходящими изъ нервной системы, тогда какъ потребности сами вліяютъ на нервную систему какъ раздражители. Потребность питанія, напримѣръ, производитъ раздраженіе въ головномъ мозгу, которое ощущается въ видѣ голода; это раздраженіе вызываетъ, въ свою очередь, во всемъ организмѣ движеніе, направленное на утоленіе голода. Подобное же явленіе наблюдается съ энергіей роста и размноженія въ періодъ половой зрѣлости: возникаетъ также потребность возмѣстить испытываемое лишеніе. И дѣйствительно, половая сфера начинаетъ чувствовать потребность въ питаніи, соответственно чему въ нервной системѣ появляется раздраженіе, ощущаемое какъ влеченіе одного пола къ другому. Это раздраженіе производитъ, въ свою очередь, во всемъ организмѣ движеніе, направленное на утоленіе этой потребности — пока не получить удовлетворенія, т. е. пока не угаснетъ раздраженіе. И совершенно такъ же, какъ желудочно-кишечное раздраженіе или движеніе, вызванное нервной системой, въ связи съ сложными чувственными функциями, безошибочно ведетъ къ удовлетворенію, — такъ же и половое раздраженіе или вызванная имъ работа организма, и также въ связи съ чувственными воспріятіями (зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія), безошибочно указываютъ индивидууму путь, на которомъ возможно удовлетвореніе чувства полового влеченія. Этотъ путь ведетъ къ другому индивидууму, къ посетителю другой половой клѣтки, могущей удовлетворить потребность роста своей клѣтки.

Возникающее вслѣдствіе этого движеніе въ организмѣ называется въ тѣхъ силахъ, которыя, какъ мы видѣли, являются при наступленіи половой зрѣлости, — въ потребности любви и

удовлетвореніи полового влечения. Въ этихъ состояніяхъ отражаются со всей силой потребности организма и его отвѣтъ на получаемое раздраженіе — стремленіе утолить этотъ голодъ роста.

Въ періодъ наивысшаго напряженія чувства полового влечения всѣ силы организма направлены на другую особь, готовы тотчасъ неудержимо и со всею страстью отвѣтить на раздраженія и удовлетворить потребность, т. е. соединиться съ другимъ, дополняющимъ его индивидуумомъ, едва такой встрѣтится въ жизни, — совершенно такъ же, какъ при желудочномъ голодѣ, едва на-лицо окажется надлежащая пища. И какъ при желудочномъ голодѣ возбужденіе въ кишечномъ каналѣ и во всемъ организмѣ и самая властность потребности тѣмъ сильнѣе возрастаютъ, чѣмъ дольше организмъ не получалъ удовлетворенія, — точно такъ же и при голодѣ въ половой сферѣ. И какъ при желудочномъ голодѣ удовлетвореніе потребности, т. е. получение желанной пищи, вызываетъ во всемъ организмѣ чувство глубокаго удовлетворенія, — такъ и конечное удовлетвореніе полового влечения, т. е. соединеніе обоихъ индивидуумовъ, или — точнѣе — обѣихъ половыхъ кѣтокъ, женской и мужской, — вызываетъ чувство полнаго успокоенія, чувство глубокаго покоя и благополучія во всемъ организмѣ. Этотъ процессъ соединенія и успокоенія выражается въ томъ состояніи, съ которымъ мы познакомились и которое разсматривали какъ результатъ силы любви и совокупленія и какъ моментъ, предшествующій зачатію и размноженію, именно какъ актъ совокупленія, сопряженный съ чувствомъ сладострастія и полового удовлетворенія.

Сила полового влечения и инстинктъ совокупленія — представляютъ собой, слѣдовательно, составныя части одной и той же силы, стремящейся къ соединенію, и потому взятыя вмѣстѣ могутъ быть названы соединяющей силой (конъюгаціонной энергіей).

Такимъ образомъ, мы должны видѣть въ органахъ совокупленія и сладострастія не что иное, какъ органы или орудія инстинктовъ совокупленія и удовлетворенія полового влечения, исходящіе изъ нервныхъ центровъ производительной силы.

Половыя железы, хотя и имѣющія существенное значеніе, также не слѣдуетъ разсматривать, какъ основныя органы воспроизводительной силы, а только какъ переходную станцію отъ роста къ размноженію, подчиненную, однако, въ свою очередь, центральной станціи, т. е. тому мѣсту въ головномъ мозгу, которое завѣдуетъ воспроизводительной силой. Сила полового влечения и инстинктъ совокупленія всюду встрѣчаются въ связи съ наличностью половыхъ различій, и органы совокупленія никогда не развиваются раньше развитія этихъ силъ. Воспроизводительная же сила существуетъ и безъ названныхъ обѣихъ силъ и безъ развитыхъ органовъ совокупленія, — а въ первоначальной стадіи развитія живыхъ существъ даже и безъ половыхъ железъ или кѣтокъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы пойдемъ вполнѣ повѣтными и простыми случаи, о которыхъ упоминаетъ Гавелохъ Эллисъ. По его словамъ, инстинктъ совокупленія можетъ сохранитъ всю свою силу или даже стать еще сильнѣе, даже въ такихъ случаяхъ, когда половыхъ железъ не было отъ рожденія.

Съ удаленіемъ половой железы и органовъ совокупленія, во-первыхъ, не утрачивается сила роста и размноженія, присущая, какъ основное свойство, живому существу, — во-вторыхъ, названная операція не разрушаетъ ни нервнаго центра этихъ функцій ни недостающей силы роста этимъ же замѣняется. Уничтожается при этомъ только промежуточная станція производительной силы и пути для непосредственныхъ половыхъ раздраженій. Но самыя раздраженія сохраняются вмѣстѣ съ центромъ, съ головнымъ мозгомъ, и мо-

гуть проявиться въ организмѣ даже съ большей силой, такъ какъ естественныя пути и естественныя препятствія отпадаютъ; иными словами, — они должны проявиться сильнѣе, когда сила роста, по завершеши роста организма, не испытываетъ совсѣмъ или не испытываетъ нормальнаго перехода въ силу воспроизводительную.

Принимая во вниманіе эти психо-физическія состоянія организма, я изложу свой взглядъ на обсуждаемый вопросъ въ слѣдующемъ объясненіи полового инстинкта. Половой инстинктъ есть въ основѣ своей сила соединяющая, составляющаяся изъ двухъ частей — полового влеченія и инстинкта совокупленія. Происхожденіемъ полового инстинкта или его причиной служатъ сила роста, т. е. воспроизводительная сила, и возникающая изъ нея потребность въ дополненіи этой силы, — удовлетвореніе полового влеченія. Соединеніе женскихъ и мужскихъ индивидуумовъ и порождаемое этимъ полное удовлетвореніе организма есть естественное индивидуальное дѣйствіе, необходимое индивидуальное слѣдствіе соединяющей силы; соединеніе же женскихъ и мужскихъ половыхъ клѣтокъ и взаимное удовлетвореніе, т. е. дополненіе, и возрожденіе его до степени полной воспроизводительной силы, есть естественное дѣйствіе и слѣдствіе соединяющей силы или полового инстинкта.

Половое чувство женщины.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что половой инстинктъ (или половое влеченіе) есть психо-физическая дѣятельность, врожденно присущая всѣмъ индивидуумамъ — инстинктъ, потребность, совершенно такая же, какъ и принятіе пищи. Въ виду этого половой инстинктъ долженъ быть естественно присущъ и всѣмъ женскимъ индивидуумамъ, — въ полной мѣрѣ, въ нормальной формѣ и безъ какихъ бы то ни было ненормальныхъ или болѣзненныхъ явленій, такъ какъ ненормальность и болѣзненность суть формы вырожденія и никогда не могутъ быть здоровыми и дѣятельными формами развитія живого существа. Если мы встрѣчаемъ у женщины ненормальный или болѣзненный половой инстинктъ, то мы должны заключить изъ этого, что это явленіе — не свойственный женщинѣ отъ природы половой инстинктъ, не нормальный, а созданное культурой отклоненіе отъ нормы, обусловленное нездоровыми вліяніями культуры и условіями развитія, въ которыя культура поставила организмъ женщины, а при этомъ и ея половой инстинктъ.

Это заключеніе подтверждается не только естественно-научными данными, но и тѣмъ фактомъ, что когда женщина поставлена въ приблизительно естественныя условія, свободныя по возможности отъ культурнаго балласта, половой инстинктъ ея также выражается довольно нормально, безъ всякихъ отклоненій или болѣзненностей: Здѣсь я имѣю въ виду разсмотрѣть нормальную форму женскаго полового инстинкта, — всевозможныя же отклоненія отъ нормы и ихъ причины будутъ мною рассмотрѣны особо.

Прежде всего я нахожу нужнымъ выяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ нормальная половая потребность. Именно въ этомъ пунктѣ царитъ жестокая путаница

понятій, особенно въ умахъ мужчинъ. Чѣмъ чаще проявляется и удовлетворяется половой инстинктъ, тѣмъ онъ естественнѣе, — таково приблизительно мнѣніе многихъ молодыхъ мужчинъ.

Всякая работа организма должна совершаться безъ всякаго усилія и труда и даже наоборотъ, съ опредѣленнымъ чувствомъ удовольствія и удовлетворенія и должна сопровождаться чувствомъ общей бодрости и силы; равновѣсіе организма не должно быть нарушено, — вотъ что единственно нормально! Если работа производится неохотно, съ чувствомъ неудовольствія, а тѣмъ болѣе отвращенія, если она оставляетъ послѣ себя недомоганія, боли, раздраженіе и уныніе, — то это несомнѣнный признакъ, что она ненормальна или болѣзненна. То же надо сказать и о половомъ инстинктѣ. Если его дѣятельность протекаетъ безъ усилія, съ чувствомъ большого удовольствія, если половой актъ оставляетъ послѣ себя чувство общаго удовлетворенія, подъема силъ въ организмѣ, — тогда и инстинктъ, и его работа здоровы, нормальны.

Когда развитіе половой зрѣлости женщины приближается къ концу, когда съ историческими половыми особенностями соединяются потребность любви, физическія половыя особенности, инстинктъ совокупленія, — вниманіе женщины начинаетъ обращаться на мужчину. Чувства ея, до тѣхъ поръ притупленныя и мертвыя въ половомъ отношеніи, приобрѣтаютъ половой характеръ, растутъ мало-по-малу навстрѣчу мужчинѣ и женщина отзывается на исходящее отъ мужчины раздраженіе то сильнѣе, то слабѣе, смотря по силѣ этого раздраженія, — при чемъ вначалѣ она не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что это раздраженіе половое, и что это чувство въ ней вызываетъ именно мужчина. Но какъ ни безсознательно совершается вначалѣ этотъ процессъ, — чувства и душа отзываются однако сильно и явственно и дѣлаютъ вполне опредѣленный выборъ, отвѣчая всею силой полового чувства на влеченіе именно къ данному мужскому индивидууму. Безусловно ошибочно думать, что пробудившееся въ женщинѣ половое чувство выражается влеченіемъ къ мужчинѣ, какъ таковому, — нѣтъ, оно выражается только влеченіемъ ея къ такимъ, а не инымъ мужчинамъ. Это обусловливается особенностями женской души. Чѣмъ выше, облагороженнѣе и развитѣе душевный міръ женщины, тѣмъ больше ея возбудимость носитъ характеръ психическаго углубленія, тѣмъ тѣснѣе узкій кругъ выбора для женщины, тѣмъ рѣже могутъ встрѣтиться ей мужчины, способные привлечь ее физически и психически, взволновать чувственность и душу ея. И наоборотъ: чѣмъ грубѣе женская душа, чѣмъ менѣе тонко она развита, тѣмъ легче привлекаетъ ее мужчина, тѣмъ шире кругъ ея выбора и тѣмъ болѣе чувственный, плотскій характеръ носитъ ея возбудимость.

Такимъ образомъ, нѣкоторые мужчины не оказываютъ никакого полового воздѣйствія на нѣкоторыхъ женщинъ. Ихъ прикосновенія, выраженія физической и душевной симпатіи вызываютъ даже вполне опредѣленное чувство антипатіи и отвращенія, — тогда какъ другіе мужчины пробуждаютъ самыя бурныя волненія душевно-полового характера; часто при большой половой возбудимости для этого бываетъ довольно одного взгляда,

безусловно не представляет собой цѣли этого ухаживанія, а представляет только его необходимое слѣдствіе, результатъ того вліянія, какое оказываютъ другъ на друга мужчина и женщина.

Другимъ результатомъ ухаживанія является большее сближеніе между молодыми людьми, бывшии прежде чужими другъ другу; оно, такъ сказать, устраняетъ препятствія съ ихъ пути, опрокидываетъ преграды, на которыя могла бы наткнуться съ обѣихъ сторонъ взаимная половая обаятельность, — путь становится все

По фотографіи бр. Аллипари во Флоренціи.
Рис. 233. Мессалина.

(Античн. скульптура въ муз. Уффици во Флоренціи.)

болѣе и болѣе свободнымъ, доступнымъ для взаимныхъ нервныхъ раздраженій, пока ухаживаніе не преодолѣетъ всѣ естественныя между людьми чужими препятствія, и взаимное вліяніе ихъ проявится во всей своей силѣ. Такимъ образомъ, ухаживаніе ни со стороны мужчины, ни со стороны женщины не имѣетъ цѣли, а производитъ только свое дѣйствіе: то, что половыя раздраженія свободнѣе развертываются съ обѣихъ сторонъ и могутъ обнаруживаться открытѣе и сильнѣе. Если какой-нибудь мужчина собственной личностью не представляетъ для женщины половой привлекательности, то ему не поможетъ никакое ухаживаніе; оно не возбудитъ въ женщинѣ, хотя бы и при наличности половой зрѣлости, полового волненія. Точно также ухаживаніе равнодушнаго мужчины не можетъ обратить на него стремленія

женщины къ совокупленію, хотя бы она и находилась въ состоян- нии полового возбужденія.

Когда половое возбужденіе достигнетъ извѣстной интен- сивности, оно охватываетъ весь организмъ женщины однимъ един- ственнымъ желаніемъ, однимъ единственнымъ чувствомъ и стрем- леніемъ, передъ которымъ блѣднѣетъ все остальное: стремленіемъ къ совокупленію.

Непосредственно вслѣдъ за совокупленіемъ не остается ни- какого сладострастнаго ощущенія, — только нервное возбужде- ніе, которое быстро стихаетъ. Затѣмъ наступаетъ чувство удо- влетворенія и покоя во всемъ организмѣ. При пробужденіи на другой день во всемъ организмѣ чувствуется бодрость и свѣ- жость, и никогда не бываетъ слабости или угнетеннаго на- строенія, — наоборотъ, весь организмъ испытываетъ самое бодрое настроеніе.

Таково, по моимъ наблюденіямъ, нормальное теченіе поло- вого акта, — какъ у женщины, такъ и у мужчины.

Но совсѣмъ иное дѣло, если не исполнены нормальныя усло- вія совокупленія: тогда оно совсѣмъ иначе протекаетъ и иное состояніе бываетъ послѣдствіемъ его. Если совершающіе его не вполне бодры, или же совокупленіе совершается слишкомъ часто, съ помощью постороннихъ, искусственныхъ возбужденій (напр., подъ вліяніемъ алкоголя, непристойныхъ разговоровъ или чтенія, или съ помощью какихъ-нибудь манипуляцій); если совершающіе его находятся подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ душевныхъ волненій (заботъ, горя и т. д.), или они ослаблены болѣзнью или плохимъ питаніемъ; если нѣтъ искренняго чувства между женщиной и мужчиной или его нѣтъ у одной женщины, — словомъ, если совокупленіе является слѣдствіемъ постороннихъ вліяній, а не естественнымъ результатомъ вспых- нувшихъ половыхъ влеченій, то весь половой актъ протекаетъ ненормально. Тогда для полученія извѣстнаго наслажденія, если оно вообще можетъ быть достигнуто, нужно крайнее напряженіе всѣхъ силъ организма. И при такихъ условіяхъ оно, въ дѣйстви- тельности, никогда не достигается, а половой актъ оставляетъ послѣ себя незатихшее возбужденіе и чувство безпокойства, неудо- влетворенности. Это состояніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе былъ подъемъ силъ, естественное влеченіе, и чѣмъ большее, слѣдо- вательно, понадобилось напряженіе силъ организма для достиже- нія полнаго наслажденія.

И чѣмъ сильнѣе это напряженіе, тѣмъ слабѣе бываетъ чув- ство удовлетворенія. Подобное ненормальное, насильственное удовлетвореніе полового влеченія оказываетъ вредное дѣйстви- е на организмъ: появляется неохота къ труду, отвращеніе ко всякой правильной дѣятельности, уныніе, угнетенное настроеніе, дохо- дящее иногда до того, что жизнь становится въ тягость, — и въ то же время не прекращается безпричинная тревога, половое воз- бужденіе, наполняющее душу чувственными образами, жажда удовлетворенія и невозможность достигнуть его. По-истинѣ, пе- чальное состояніе! Къ нему вполне подходитъ латинская по- говорка: „omne animal post coitum triste“ (всякое животное пе- чально послѣ полового акта), — только ее надо закончить иначе: послѣ ненормальнаго полового акта. Слѣдуетъ упомянуть

еще, между прочимъ, о томъ, что это болѣзненное состояніе полового возбужденія, если оно длится болѣе или менѣе долго у женщины, приводитъ къ заболѣваніямъ половыхъ органовъ. Необходимымъ условіемъ нормальнаго, здороваго полового акта для женщины должна быть душевно-физическая готовность женщины къ нему.

Всякая пная половая жизнь нездорова и не даетъ радости.

Болѣзненная уклоненія и ненормальныя проявленія женскаго полового инстинкта.

Подъ вліяніемъ многихъ культурныхъ условій естественный характеръ женскаго полового инстинкта можетъ исчезнуть и исказиться, а иногда даже болѣзненно видоизмѣняется. Эти болѣзненные видоизмѣненія имѣютъ два главныхъ теченія: 1) ненормальное усиленіе полового инстинкта, такъ называемая нимфоманія (болѣзненная половая раздражимость), и 2) ненормальное ослабленіе полового инстинкта — слабая половая возбудимость или половая нечувствительность.

Настоящая нимфоманія представляетъ собой, какъ и у мужчины, состояніе болѣзненной половой возбудимости. Лица, одержимыя ею, страдаютъ неутолимой потребностью полового акта: всѣ ихъ желанія и помыслы направлены только въ эту сторону. На всякое самое легкое половое раздраженіе онѣ тотчасъ же реагируютъ взрывомъ полового чувства. Въ сущности, у нихъ никогда не прекращается половая потребность и, несмотря на ненормально частое удовлетвореніе, онѣ дѣйствительнаго удовлетворенія никогда не испытываютъ. Даже наоборотъ: тѣмъ больше и чаще онѣ предаются половому акту, тѣмъ сильнѣе становится ихъ потребность въ немъ, тѣмъ неутолимѣе жажда и тѣмъ пепасытнѣе, „неистовѣе“ становится женщина.

Нимфоманія всегда сопровождается болѣе или менѣе сильной невмѣняемостью. Нимфоманкѣ безразлично, кто бы ни былъ тотъ мужчина, съ которымъ она сблизается, какъ для болѣзненно раздражимаго въ половомъ отношеніи мужчины безразлична всякая женщина. Главное для нихъ — возможность совершенія полового акта, на все остальное они не обращаютъ никакого вниманія. Моральнаго чувства такіе больныя совершенно лишены, всѣ они — нравственно помѣшанныя, особая психическая болѣзнь, извѣстная подъ специальнымъ англійскимъ терминомъ „moral insanity“. Душевный элементъ полового чувства, элементъ любви, почти совершенно отсутствуетъ. Но у современнаго мужчины болѣзненная половая раздражимость становится нерѣдко „нормальнымъ“ состояніемъ, тогда какъ у женщины она составляетъ явленіе исключительное. Женщинъ, страдающихъ настоящей нимфоманіей, сравнительно очень мало. Причиной болѣзни бываетъ почти всегда болѣе или менѣе сильное первое расстройство на почвѣ тяжелой наследственности, неблагоприятныхъ условій развитія и половыхъ излишествъ. (въ видѣ ли онанизма и пр.).

Классическими образцами „муженеистовыхъ“ женщинъ — нимфоманокъ — служатъ: императрица Мессалина (38 г. послѣ

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Прогрессивен“ въ Спб.

Венера и Амуръ.

Картина въ видо Рени.

(По фотографіи Фр. Глифштенля въ Мюнхенъ.)

Р. Хр., см. рис. 293), славившаяся своей разнузданностью и отдававшаяся въ публичномъ домѣ всякому посѣтителю, никогда не чувствуя удивленія; императрица Агриппина Младшая (рис. 284), дочь Агриппины Старшей и Германика, — она жила въ преступной связи со своимъ братомъ Калигулою и съ другими мужчинами; затѣмъ Поппея Сабина, супруга Нерона.

Изъ эпохи средневѣковья мы знаемъ по преданію Лукрецію Борджіа, какъ нравственное чудовище и неистово-ненасытную въ своихъ половыхъ желаніяхъ женщину.

По соч. Бернули „Römische Iconographie“.

Рис. 284. Статуя Агриппины Младшей.

Она была дочерью папы Александра VI; ее обвиняли въ кровосмѣсительной связи съ своимъ отцомъ. На могильной плитѣ ея поэтъ Савнаццо сдѣлалъ надпись: „Здѣсь покоится Лукреція по имени, но по жизни своей ванда, дочь, жена и невестка Александра“. Художникъ Каульбахъ также отмѣтилъ ея связь съ роднымъ отцомъ въ своей чудесной картинѣ, гдѣ она вакханкой пляшетъ передъ нимъ (рис. 285).

Разумѣется, отъ настоящихъ нимфоманокъ надо отличать тѣхъ женщинъ, у которыхъ былъ вначалѣ нормальный инстинктъ, но которыя, при вопльнй нормальной потребности, были лишены возможности или случая получить нормальное удовлетвореніе ея и потому, вслѣдствіе насильственного воздержанія, впали съ теченіемъ времени въ состояніе болѣзненной половой раздражительности.

Такія женщины обнаруживаютъ часто въ отношеніи муж-

чинъ слишкомъ большую предупредительность, которая производитъ очень тяжелое впечатлѣніе. Это не нимфоманки, а голодныя, неудовлетворенныя женщины, лишеныя здороваго и правильнаго физическаго или умственнаго труда и потому лишеныя возможности наполнить чѣмъ-нибудь свою жизнь, обратить свои, бьющія черезъ край, но совершенно здоровыя силы организма на какую-нибудь физическую или умственную работу. Воспитаніе, наоборотъ, сосредоточивало ихъ всецѣло на интересахъ, вращающихся вокругъ мужчины, направляло всѣ силы на половую сферу, превращая ихъ, насколько только возможно, въ половыя силы. Затѣмъ, то же извращенное и неразумное воспитаніе приводитъ еще къ застоямъ и приливамъ крови къ поло-

Рис. 295. Лукреція Борджіа танцуетъ въ присутствіи своего отца.
(По картинѣ Г. Каульбаха).

вымъ органамъ и къ мозгу, которые ненормально повышаютъ половую возбудимость. И въ довершеніе всего, подобныя женщины не могутъ доставить себѣ нормальнаго удовлетворенія и обречены на воздержаніе. При такихъ условіяхъ, въ особенности при наличности дурной наслѣдственности, воздержаніе можетъ причинить различныя заболѣванія, въ родѣ истеріи и душевныхъ болѣзней. При нѣскольکو иныхъ же условіяхъ, т. е. если женщина еще не извѣдала любви къ мужчинѣ и, слѣдовательно, недоступна еще вліянію половой привлекательности мужчины, если дѣвушки занимаются какимъ-либо дѣломъ, всецѣло захватывающимъ ихъ, совершаютъ нормальныя движенія и имѣютъ сравнительно здоровыя условія наслѣдственности, исключаящія серьезную угрозу общей и половой нейрастеніей, — то онѣ могутъ справиться съ своей половой потребностью и воздержаніемъ (при условіи неупотребленія алкоголя), и воздержаніе не будетъ имѣть вредныхъ послѣдствій.

Другая основная форма болѣзненнаго измѣненія женскаго полового инстинкта — значительное ослабленіе его или слабая

половая чувствительность — заключается въ пониженіи стремленія къ половому акту и чувства сладострастія, до полной неспособности къ нимъ. Обыкновенно бываетъ ослаблено или усилено и то, и другое, но въ исключительныхъ, особо ненормальныхъ случаяхъ бываетъ усилено или ослаблено только одно изъ нихъ. Женщины съ ослабленнымъ чувствомъ сладострастія неспособны испытать полового удовлетворенія между тѣмъ, какъ сила любви у нихъ можетъ оставаться нормальной или даже усиленной. Хотя онѣ остаются совершенно равнодушными къ мужу въ половомъ отношеніи, онѣ все же могутъ окружать мужа самой сильной любовью, но любовь ихъ относится не къ мужчине, а къ человѣку, къ другу, къ товарищу. А такъ какъ это несравненно цѣннѣе, то мужчинамъ положительно не слѣдовало бы дѣлать трагедію изъ того, что жена страдаетъ недостаточной половой восприимчивостью. Вѣдь, въ концѣ концовъ, въ этомъ виновата не она сама, а особенность ея организаци; и въ концѣ концовъ, это нисколько не свидѣтельствуетъ о недостаткѣ любви съ ея стороны, какъ склонны думать въ такихъ случаяхъ мужчины. Для нея самой это представляетъ гораздо большія страданія, въ особенности, если мужъ ненормально требователенъ и мучаетъ ее, — потому что для женщины, лишенной половой восприимчивости (или съ слабой восприимчивостью), половыя сношенія не только не привлекательны, а, конечно, тягостны и непріятны. При слабой половой восприимчивости, органы обыкновенно не приспособлены для совокупленія, а это, разумѣется, тоже не можетъ сдѣлать полового акта пріятнѣе: онъ даже причиняетъ ей непріятныя физическія ощущенія, могущія сдѣлаться очень болѣзненными. Потомъ, — къ этому физическому мученію присоединяется обыкновенно еще душевное. Благодаря внушаемому дѣвушкѣ отвращенію къ половой жизни, женщина относится часто къ половымъ сношеніямъ какъ къ чему-то низменному и неприличному; съ особенной силой сохраняется это внушеніе въ душѣ женщины съ пониженной половой восприимчивостью, такъ какъ въ своихъ половыхъ ощущеніяхъ она не находитъ этому противовѣса. Такимъ образомъ, для такой женщины половой актъ не только непріятенъ и мучителенъ, но вдобавокъ еще и отвратителенъ. Къ такимъ женщинамъ мужья должны были бы относиться во всѣхъ вопросахъ полового общенія крайне деликатно и бережно, если только они хотятъ избѣгнуть возникновенія и развитія опаснаго нервнаго заблѣванія.

Мои личныя наблюденія безусловно не подтверждаютъ взгляда доктора г-жи Фишеръ-Дюккельманъ, согласно которому женщины съ слабой половой восприимчивостью бываютъ, большей частью, очень женственны по организаци и часто очень хрупкаго тѣлосложенія. Мой опытъ убѣдилъ меня, что среди нихъ встрѣчаются организаци самой различной степени женственности и тѣлосложенія.

Настоящая половая нечувствительность коренится, главнымъ образомъ, въ недостаточномъ развитіи женскихъ органовъ. Она неизлѣчима и не поддается никакимъ врачевнымъ усиліямъ. Причина недостаточнаго развитія сложная, — ее надо искать въ нездоровой наследственности и неблагоприятныхъ условіяхъ раз-

вита. Въ виду важности этого вопроса, мнѣ ниже придется подробнѣе остановиться на немъ, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что большинство авторовъ смѣшиваютъ половую нечувствительность женщины съ женской половой восприимчивостью вообще.

Настоящей и неизлѣчимой половой нечувствительности надо противопоставить кажущуюся и приобретенную, съ которой возможно бороться, а при цѣлесообразномъ лѣченіи ее возможно и побороть. Кажущейся слѣдуетъ назвать такую нечувствительность, при которой нѣтъ на-лицо недостаточнаго развитія относящихся сюда органовъ, и женщина на самомъ дѣлѣ способна къ половому воспріятію — и не испытываетъ его только потому, что между женскими и мужскими органами данныхъ лицъ нѣтъ необходимаго соотвѣтствія: половые органы женщины и мужчины не подходятъ другъ къ другу. Но соотвѣтствіе есть необходимое условіе совершеннаго полового акта: половые органы женщины должны представлять совершеннѣйшій негативъ къ мужскому позитиву — мужскимъ половымъ органамъ, и наоборотъ. Если нѣтъ на-лицо этого условія, является слабость воспріятія. Соприкосновенія во время полового акта не достигаютъ нормально-необходимой степени и не въ состояніи вызвать соотвѣтственные нормальные раздраженія въ нервныхъ органахъ женщины, необходимыя для возникновенія чувства достаточнаго удовлетворенія. Несоотвѣтствіе такого рода можетъ происходить отъ того, что органъ мужчины, въ общемъ нормальнаго строенія, оказывается слишкомъ слабо или слишкомъ сильно развитымъ по отношенію къ влагалищу. Бываетъ также, что причина кроется въ строеніи влагалища или въ положеніи органовъ, — въ особенности, въ положеніи маточнаго зѣва, который бываетъ расположенъ слишкомъ высоко или слишкомъ низко, съ болѣе сильнымъ изгибомъ напередъ или назадъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слабая восприимчивость женщины, происходящая отъ особенностей положенія матки, можетъ быть, до извѣстной степени, устранена соотвѣтствующимъ положеніемъ тѣла во время полового акта.

Но кажущаяся слабая восприимчивость можетъ имѣть и другую причину, чисто психическаго свойства. Если мужчина не умѣетъ подѣйствовать на личныя душевныя свойства женщины, пробудить въ ней любовь и заставить заговорить ея чувства, то и тѣло ея не пробудится и она не откликнется и физически. Когда душа женщины ничего не чувствуетъ и молчитъ, то молчитъ и тѣло, и польза ея. Иными словами: женщина должна любить всей душой, чтобы быть способной любить тѣломъ, — это основное условіе. Исключенія, какъ и всюду, возможны.

Другой видъ половой нечувствительности, не врожденной, а приобретенной, которая можетъ появиться послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, происходитъ отъ общаго физическаго и полового переутомленія женщины. На женщинѣ лежитъ въ такихъ случаяхъ гораздо больше работы, чѣмъ на мужчинѣ; домашній трудъ по хозяйству требуетъ часто очень значительной затраты силъ, — во-первыхъ, потому, что самый характеръ домашнихъ работъ таковъ, что требуетъ вниманія и дѣятельности женщины

для многихъ разнородныхъ вещей почти одновременно. Вторыхъ, при многочисленной семьѣ, большомъ хозяйствѣ и недостаточномъ числѣ прислуги, женщина вынуждена работать съ ранняго утра до поздней ночи, безъ перерыва, безъ отдыха: она первая встаетъ и послѣдняя ложится, прислуживаетъ всѣмъ и самой себѣ, а ей никто не прислуживаетъ, или, во всякомъ случаѣ, это рѣдко бываетъ. Къ этому чрезмѣрному труду, котораго одного довольно, чтобы серьезно разстроить здоровье, — въ особенности если оно и было не вполне въ порядкѣ, какъ это и бываетъ у большинства нашихъ женщинъ, — присоединяется еще половое переутомленіе, которому подвергаетъ женщину мужъ, благодаря своей усиленной (въ особенности, алкоголемъ) половой возбудимости. Нормальнымъ предѣломъ супружескаго общенія можно считать разъ въ недѣлю, — самое большое, два раза въ недѣлю; но есть мужья, которые требуютъ этого по три раза въ однѣ и тѣ же сутки, и это считаютъ еще умѣреннымъ. Бываютъ случаи, — къ счастью, исключительные, — когда мужъ принуждаетъ жену къ супружескому общенію до шести и даже до двѣнадцати разъ въ одну и ту же ночь. Изъ такого полового переутомленія, въ связи съ слишкомъ частыми, непосильными для женщины, родами и часто случающимися зараженіями жены мужемъ (трипперомъ, сифилисомъ), возникаютъ общія и половая нейрастенія, смѣщенія и тяжелыя воспаленія половыхъ органовъ, преждевременные роды, выкидыши, — которые, въ свою очередь, усилываютъ слабость и ухудшаютъ воспаленія.

Отъ такого переутомленія и такихъ заболѣваній можетъ развиться ослабленная половая воспримчивость.

Не мало женщинъ такъ прямо и отвѣчали мнѣ на вопросы по этому поводу: прежде, въ первые годы брака, это, дѣйствительно, было иначе, — но когда столько перенесешь и день-денской безъ отдыха проработаешь, тогда совсѣмъ не до того, — рада бываешь, когда можешь, наконецъ, завалиться спать. И совершенно прямо и ясно заявляли, что теперь это имъ стало неприятно, и онѣ абсолютно ничего при этомъ не испытываютъ. Ничего нѣтъ удивительнаго! Когда весь многообразный и различный чрезмѣрный трудъ заставляетъ женщинъ рано увядать и стариться и часто совершенно разрушаетъ ихъ здоровье, когда переутомленіе истощаетъ и исушаетъ источникъ ихъ жизненныхъ силъ, — разумѣется, не можетъ не иссякнуть и ихъ половая энергія, и женщина, поставленная въ такія условія, становится неспособной испытывать удовольствіе отъ супружескаго общенія. Такова участь многихъ женщинъ. А иные врачи торопятся говорить о недостаточной половой воспримчивости женщины, которую они считаютъ явленіемъ „нормальнымъ“, физиологическимъ состояніемъ женщины.

Онализмъ есть половое самоудовлетвореніе при посредствѣ искусственнаго, механическаго раздраженія половыхъ органовъ, и распространень онъ среди женскаго, какъ и среди мужскаго пола, гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Онъ встрѣчается даже въ очень раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, но, правда, только какъ слѣдствіе вѣдшихъ вліяній, а не какъ слѣдствіе половыхъ раздраженій, которыя появляются только съ наступленіемъ половой зрѣлости.

Вѣдшія раздраженія производятся глистами и воспалительными процессами вблизи половыхъ частей или въ нихъ самихъ и тогда приводятъ къ удовлетворенію посредствомъ онализма. Гораздо чаще, однако, чѣмъ обыкновенно думаютъ, толчекъ къ оналистическимъ раздраженіямъ и удовлетвореніямъ даютъ взрослые, которые позволяютъ себѣ легкомысленныя или преступныя прикосновенія къ половымъ частямъ дѣтей. Въ періодъ развитія поло-

вой зрѣлости и по наступленіи ея, въ половой сферѣ чувствуется такое давленіе и напряженіе, что очень часто подростокъ случайно производитъ треніе половыхъ органовъ, но такъ какъ это доставляетъ чувство удовлетворенія и наслажденія, то потомъ онъ уже начинаетъ производить это намѣренно и сознательно. Немалымъ распространеніемъ пользуется среди дѣтей-онанистовъ и соблазнъ со стороны товарищей и подругъ.

О чувственномъ удовлетвореніи при онанизмѣ можно сказать — если не вполне, то почти — то же, что и о нормальномъ: если оно не вызывается извнѣ посторонними возбужденіями, — прикосновеніями, алкоголемъ, порнографическими книгами, картинками, зрѣлищами, а вытекаетъ естественно изъ повелительной внутренней потребности, подъ властью накопившейся зрѣлой половой энергіи, — то мы должны смотрѣть на него какъ на физиологическое разряженіе энергіи. Онанистическое удовлетвореніе — если только оно не стало привычнымъ и не практикуется чрезмѣрно, освобождаетъ организмъ отъ тягостнаго чувства давленія и, съ теоретической точки зрѣнія, могло бы производиться нарѣдка, съ большими промежутками, — поверхностное ли или глубокое — безъ прямого вреда для здоровья. Но дѣло то въ томъ, что, въ дѣйствительности, всякое самоудовлетвореніе превращается въ привычку, — а привычное и ведущее къ злоупотребленіямъ самоудовлетвореніе такъ же вредитъ, какъ и привычное и чрезмѣрное нормальное удовлетвореніе. Вотъ почему я высказываюсь за наиболѣе возможное большее ограниченіе онанистическаго удовлетворенія, такъ какъ оно таитъ въ себѣ для людей молодыхъ, не состоящихъ въ бракѣ, несравненно большую опасность, чѣмъ нормальное удовлетвореніе, — стать привычнымъ и чрезмѣрнымъ, а следовательно, таитъ въ себѣ огромную опасность для здоровья.

Само собой разумѣется, что ребенка надо всѣми силами оберегать отъ онанизма и эвергично бороться съ нимъ, если онъ обнаруживается. Для ребенка онъ крайне опасенъ и физически, и душевно. Послѣдствіемъ дѣтскаго онанизма неизбежно является ослабленіе органа и зма, такъ какъ онъ еще не подготовленъ къ половой жизни и еще не располагаетъ совсѣмъ половой энергіей; затрачиваемыя силы отнимаются, следовательно, отъ растущаго организма, отъ его душевнаго, умственнаго и тѣлеснаго роста и развитія — и этимъ создается зародышъ общаго и полового нервнаго разстройства и болѣзненной раздражимости. То же слѣдуетъ сказать и о привычномъ злоупотребленіи онанизмомъ у дѣвушекъ и женщинъ (такъ же какъ и мужчинъ). Злоупотребленіе приводитъ и взрослыхъ къ названымъ болѣзнованіямъ, а нервдо и къ воспалительнымъ процессамъ въ половыхъ органахъ, — въ особенности, если онанизмъ производится съ помощью постороннихъ предметовъ. Этотъ способъ онанизма слѣдуетъ безусловно отвергнуть, такъ какъ посторонніе предметы могутъ занести въ половые органы злокачественныхъ болѣзнетворныхъ микробовъ и довести половые органы и весь организмъ до тяжелыхъ воспаленій и болѣзнованій.

Далѣе, привычныя злоупотребленія онанизмомъ могутъ вызвать притупленіе восприимчивости женскихъ половыхъ органовъ къ нормальному половому акту и такимъ образомъ ослабить половую чувствительность въ нормальныхъ половыхъ сношеніяхъ, т. е. породить отвращеніе къ нормальному половому акту.

Слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что склонность къ онанизму, какъ утверждали нѣкоторые авторы, можетъ передаваться наследственно; вѣрнѣ или нѣтъ этотъ взглядъ, — мы здѣсь обсуждать этого не будемъ. Непомѣрная, неподдаемая страсть къ онанизму должна быть поставлена на одной ступени съ нимфоманіей и представлять собой, какъ и она, не причину, а слѣдствіе какой-нибудь уже существующей нервной болѣзни, которая однако, въ свою очередь, значительно ухудшается отъ онанизма.

Другое ненормальное явленіе женской половой жизни представляетъ собой однополая, или гомосексуальная, любовь, которая означаетъ, какъ видно изъ самаго названія, склонность другъ къ другу лицъ одного и того же пола, т. е. женщины къ женщинамъ и мужчины къ мужчинамъ.

Но она очень рѣдко встрѣчается въ видѣ любви исключительно къ лицамъ своего пола; обыкновенно сохраняется также способность любви и къ другому полу, иногда только преобладаетъ любовь къ своему полу. Въ мою задачу не входитъ болѣе подробно рассмотреть этого своеобразнаго явленія

въ половой жизни; отсылаю читателя къ главѣ XIII тома II настоящаго сочиненія („Волѣзвѣнныя проявленія полового инстинкта“). Замѣчу только кратко, что однополая любовь глубоко коренится въ природѣ индивидуума, и съ ней такъ же бесплодно бороться какими бы то ни было влiянiями, какъ и съ нормальной любовью и нормальнымъ половымъ инстинктомъ.

Однополую женскую любовь часто называютъ также „лесбійской“. Слово это произошло отъ названiя острова Лесбоса въ Эгейскомъ морѣ, высокообразованное населенiе котораго предавалось въ древности однополой любви. Однополая женская любовь бываетъ преимущественно (а нерѣдко и у мужчины) чисто душевнаго свойства, грубо-чувственный элементъ играетъ нерѣдко второстепенную роль, а въ иныхъ случаяхъ и вообще очень малую роль. Но, правда, нѣтъ недостатка и въ такихъ случаяхъ, когда грубая чувственность, физическая половая жизнь играютъ главную роль.

Однополыя отношенiя, практикующiяся въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведенiяхъ, женскихъ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ множество женщинъ вынуждено жить вмѣстѣ, лишеныя общества мужчинъ, представляютъ собой обыкновенно явленiе, возможное, по моему, только на почвѣ свойственнаго всѣмъ индивидуумамъ предрасположенiя къ однополой любви и проявляющагося здѣсь вслѣдствiе отсутствiя общенiя съ мужчинами.

Причины слабой половой возбудимости женщины и преграды ея половому инстинкту.

Число женщинъ, отличающихся слабой половой возбудимостью, такъ велико (и по моимъ личнымъ наблюденiямъ также), что сложилось убѣжденiе, даже у людей науки, будто это состоянiе естественное и нормальное для женщины. Нѣкоторые врачи доходятъ даже до такого утвержденiя, что половое влеченiе — инстинктъ не врожденный у женщины, а прибрѣтенный, и что природа снабдила его сильными преградами. Нѣкоторые авторы считаютъ естественныя проявленiя половой зрѣлости и полового влеченiя у женщины до перваго сношенiя съ мужчиной ненормальными и болѣзненными.

Такъ, напр., берлинскiй врачъ Адлеръ говоритъ въ своей книгѣ „Половое воспрiятiе женщины“: „Почти всѣ авторы сходятся въ томъ, что половой инстинктъ (страсть, влеченiе, libido) женщины какъ при первомъ его возникновенiи, такъ и въ дальнѣйшихъ своихъ проявленiяхъ, значительно слабѣе мужскаго, что libido у женщины приходится надлежащимъ образомъ пробудить, а часто оно такъ и совсѣмъ не является“. — „Любовь мужчины носить наступательный, активный характеръ, любовь женщины — выжидательный, пассивный“. — „Искусство устранять эти помѣхи, пробудить половое влеченiе женщины, которое рѣдко бываетъ врожденнымъ, которое слабѣе и потому менѣе возбудимо — вотъ задача мужской индивидуальности“. — „У созрѣвшей дѣвушки полового влеченiя нормально вообще не существуетъ“. — „Нормальный недостатокъ явнаго полового влеченiя у зрѣлой дѣвушки мы рассматриваемъ, какъ послѣдствiе естественныхъ преградъ, коренящихся въ половыхъ опасностяхъ“. — „Надъ всей любовью женщины стелется, какъ выраженiе первоначальныхъ преградъ, легкiй покровъ сдержанности, робости и пугливости“.

Фелингъ, профессоръ гинекологiи въ базельскомъ университетѣ, говоритъ въ одной рѣчи: „Совершенно ошибочна мысль, будто молодая женщина обладаетъ такимъ же сильнымъ влеченiемъ къ другому полу, какъ мужчина... Проявленiе чувственнаго элемента въ любви дѣвушки — явленiе прямо патологическое!“

Профессоръ Виндшейдтъ замѣчаетъ: „У нормальной женщины, въ особенности высшихъ классовъ, чувственный инстинктъ — явленiе прибрѣтенное, а не врожденное. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оказывается врожденнымъ или пробуждается самъ собой, мы имѣемъ дѣло съ аномалiей“.

Гавелокъ Эллисъ утверждаетъ въ своемъ сочиненiи о половомъ чувствѣ: „Половое влеченiе женщины (вообще, а не нѣкоторыхъ женщинъ. *Прим. авт.*) отличается довольно большой вѣзшей пассивностью. Оно сложнѣе, прояв-

ляется, менѣе внезапно, чаще нуждается во вѣншемъ возбужденіи, а оргазмъ появляется медленнѣе чѣмъ у мужчины. Въ полной силѣ оно развѣртывается только послѣ наступленія правильнаго полового общенія. Предѣлы, за которыми начинаются излишества, достигаются не такъ легко, какъ у мужчины. Половая сфера обширнѣе и распредѣлена равномернѣе, чѣмъ у мужчинъ", и т. д.

Адлеръ говоритъ еще слѣдующее въ своей книгѣ: „Воль въ половой системѣ есть прискорбная участь женщины и налагааетъ, быть можетъ, особый отпечатокъ на все женское половое влеченіе, отличающій его отъ мужского. Болью часто сопровождается первая же менструація женщины, тогда еще почти ребенка. Боли повторяются періодически при всякомъ новомъ ведомаганіи... Съ болями, тошнотами и угнетеннымъ настроеніемъ протекаетъ часто большая часть беременности, болями сказываются первая родовая схватки, прогрессивно затѣмъ увеличиваясь... А если, вдобавокъ, такая мученица начинаетъ еще страдать внутренними болѣзнями, то вся жизнь ея можетъ превратиться въ сплошную цѣпь болей и страданій!... Въ виду такихъ угрозъ и опасностей, подстерегающихъ и опутывающихъ со всѣхъ сторонъ половую жизнь женщины, слово многоголовое чудовище, природа не могла не противопоставить имъ предохранительныя преграды". — „...И если мы даже предположимъ, что болѣзненная аномалія менструаціи есть только культурное явленіе вырожденія, — и тогда все же остается еще огромный процессъ родовъ со множествомъ грозныхъ и страшныхъ болей и опасностей" и т. д. — „...Женщина же несетъ, помимо опасныхъ мукъ отъ роста и созрѣванія ребенка до его рожденія, еще и душевныя заботы о его будущемъ, — ей приходится заращивать его и изыскивать нужные средства, — и, въ довершеніе всего, ее подстерегаетъ на каждомъ шагу почти у всѣхъ народовъ существующее — явно или скрыто — презрѣніе къ вѣнбратному материнству. И естественная преграда, которую природа не могла не поставить женщинѣ противъ этихъ опасностей и дѣйствительно поставила..." и т. д. — „Природа хотѣла этимъ (т. е. слабой половой возбудимостью, задержкой полового инстинкта. *Прим. авт.*) сохранить женщинъ индивидуальность любви и предоставить ей инстинктивное соединеніе съ мужчиной, которое, быть можетъ, и есть наилучшее и позволяеть ожидать наиболѣе здороваго потомства“.

Непредубѣжденному читателю сразу же станетъ ясно, что эти вагялы не могутъ быть результатомъ свободнаго отъ предвзятости научнаго изслѣдованія. Слишкомъ они для этого, прежде всего, построены на основѣ легенды о грѣхопаденіи и слишкомъ пропитаны, хотя и въ замаскированномъ видѣ, „моралиновой кислотой“, по выраженію Ницше; потомъ, — они слишкомъ отдають теоріей дѣлесообразности, вмѣсто того, чтобы оставаться на объективной почвѣ научной законности и законовъ причины и дѣйствія. Я не имѣю возможности войти здѣсь въ подробныя указанія всѣхъ фактическихъ не-правильностей и противорѣчій въ вышеприведенныхъ утвержденіяхъ. Мнѣ приходится ограничиться однимъ главнѣйшимъ².

Прежде всего, еще нѣсколько вопросовъ: если женщина нормально не обладаетъ половымъ инстинктомъ, — какъ же она можетъ любить мужчину до полового соединенія съ нимъ? Какъ возможно самое это соединеніе, для осуществленія котораго необходимы вѣдь извѣстная предварительная подготовка которая въ свою очередь, можетъ создаться вѣдь только половымъ инстинктомъ? Что могло бы побудить женщину согласиться на актъ интимнаго слянія, — принимая во вниманіе довольно сильную природную впечатлительность женщины и то, что воспита-

¹ Напрасно авторъ въ популярной статьѣ вступать въ полемику съ извѣстными врачами. У него нѣтъ, какъ это видно изъ самой статьи, ни достаточно опыта, ни знаній, чтобы вести такую полемику. *Прим. ред.*

тельные влияния безусловно отвращают ее от половой жизни? Все это вѣдь можетъ сдѣлать одна „любовь“. А что же такое здѣсь любовь? Не что иное, какъ стремленіе къ мужчинѣ. Но это стремленіе, влеченіе, находится, какъ и у мужчины, въ тѣснѣйшей причинной связи съ раздѣленіемъ на полы, на женщину и мужчину, т. е. съ образованіемъ женскихъ и мужскихъ половыхъ клѣтокъ и половыхъ органовъ; оно вызывается, „пробуждается“ путемъ развитія и созрѣванія ея индивидуальныхъ половыхъ органовъ и представляетъ собой половую любовь, которая никогда не встрѣчается безъ этихъ органовъ и безъ нихъ, по законамъ природы, и невозможна. (Ср. первый отдѣлъ настоящей главы „Сущность и смыслъ полового инстинкта.“)

Болѣе или менѣе сильное проявленіе полового элемента въ любви молодой дѣвушки представляетъ собой просто естественно необходимое явленіе и служитъ выраженіемъ нормальной органической функціи. Степень, сила его проявленія — это уже дѣло индивидуальныхъ особенностей. Но само по себѣ оно, во всякомъ случаѣ, явленіе нормальное и представляетъ собою доказательство именно полового здоровья, а никакъ не болѣзни. Напротивъ, отсутствіе полового элемента въ любви женщины должно быть признано болѣзненнымъ или, по крайней мѣрѣ, ненормальнымъ уклоненіемъ, такъ какъ его отсутствіе несоединимо со смысломъ и сущностью половой любви.

Совершенно неумѣстно также, съ точки зрѣнія естественно-научной мысли — ставить нормальное состояніе женщины въ связь съ классовыми различіями. Оно совершенно не зависитъ отъ нихъ. Оно обуславливается чисто научными фактами, — зато именно ненормальное состояніе женщины зависитъ, дѣйствительно, отъ культурныхъ условий. Другими словами: нормальное состояніе женщины высшихъ классовъ абсолютно ничѣмъ не отличается отъ нормальнаго же состоянія женщины низшихъ классовъ, и если они чѣмъ и отличаются другъ отъ друга, то только по степени уклоненія отъ нормы. Но и независимо отъ этого: почему же половой инстинктъ нормальной женщины, „въ особенности“ высшихъ классовъ, оказывается приобрѣтеннымъ, а не врожденнымъ, — и почему же, слѣдовательно, у нормальной женщины другихъ классовъ онъ окажется скорѣе врожденнымъ, чѣмъ приобрѣтеннымъ? Вѣдь это просто не имѣетъ никакого научнаго основанія, — это должно означать въ такомъ случаѣ, что нормальное состояніе женщины высшихъ классовъ заключается въ ея бесполости. Но вѣдь онѣ обладаютъ половыми органами, а если онѣ обладаютъ ими то имѣютъ и половой инстинктъ, если только эти органы способны нормально функционировать. Впрочемъ, инстинктъ всегда бываетъ врожденъ, а не приобрѣтенъ, — въ томъ смыслѣ, что индивидуумъ не можетъ быть сегодня лишенъ какого-нибудь инстинкта, и вдругъ обрѣсти его, благодаря какому-нибудь поступку, совершенному имъ или другимъ надъ нимъ. Инстинкты врождены, присущи организму, они — составная часть его природы, и никогда еще какой-нибудь поступокъ не порождаетъ инстинкта, а, наоборотъ, инстинктъ самъ порождаетъ поступки. Таковъ же и половой инстинктъ: онъ порождаетъ стремленіе къ общенію съ мужчиною, а не

общеніе порождаетъ его. Слѣдовательно, это вовсе не аномалія, — то, что половой инстинктъ врожденъ и пробуждается самъ собой.

Но что вообще значить выраженіе „самъ собой“? Само собой ничего не дѣлается. Все имѣетъ свои причины, свои основанія, и пробужденіе полового инстинкта также имѣетъ ихъ. Причина его въ зрѣлости половыхъ органовъ и всего организма, и половой инстинктъ есть лишь необходимое, неминуемое слѣдствіе этой зрѣлости.

Впрочемъ, Виндшейдтъ, употребляя выраженіе „пробуждается“, однимъ этимъ соглашается, хотя и бессознательно, что половой инстинктъ у женщины существуетъ, т. е. что онъ ей врожденъ, а не вселяется въ нее внезапно, словно волшебствомъ Ясно, что половой инстинктъ можетъ „пробудиться“ только въ томъ случаѣ, если онъ существуетъ, — гдѣ нѣтъ ничего, ничего и не можетъ пробудиться. Этимъ Виндшейдтъ въ сущности опровергаетъ самъ себя и своей болѣе чѣмъ странный взглядъ на сущность женскаго полового инстинкта.

А въ какой мѣрѣ объясняетъ высказываемый Адлеромъ взглядъ на „преграды полового инстинкта“ „все существо женщины, особыи складъ женской души“? Сто восемьдесятъ тысячъ вѣббрачныхъ дѣтей рождается ежегодно въ одной только Германіи, двадцать процентовъ всего числа рожденій составляютъ вѣббрачныя рожденія! А по послѣднимъ вычисленіямъ, на каждую замужнюю мать приходится одна пезамужняя! Это свидѣтельствуетъ громко и ясно, что эти преграды — искусственное созданіе, которое, правда, отлично объясняетъ мнимо-нормальную слабую возбудимость женскаго полового инстинкта, но отнюдь не нормальную природу его самого. Въ этихъ числовыхъ данныхъ половой инстинктъ женщины громко вопіетъ противъ всѣхъ преградъ, просто-напросто опрокидываетъ ихъ стихійной силой своего естества и празднуетъ свое страшное, но могучее, полное жизненной силы, нормальное откровеніе. Такой инстинктъ, который всей своей мощной внутренней силой способенъ пробить себѣ дорогу, сокрушая всѣ преграды, вопреки всѣмъ угрожающимъ страданіямъ, вопреки грозящему презрѣнію, — онъ доказываетъ этимъ не только то, что всѣ эти преграды, съ точки зрѣнія „воли природы“ только созданіе воображенія, но доказываетъ этимъ прежде всего свою первобытную силу и здоровость. Какъ ни ужасна эта соціальная половая манифестація, но она представляетъ собой также и блестящее опроверженіе всякихъ увѣреній въ „нормальномъ“, сообразномъ съ намѣреніями природы, отсутствіи женскаго полового инстинкта, его пассивности. И если бы намъ, женщинамъ, нужны были какія-нибудь доказательства силы и здоровой нормальности нашего полового инстинкта, — это могло бы намъ дать ихъ.

Да и какъ могла бы додуматься природа до того, чтобы поставить половому инстинкту женщины такія преграды — и вдобавокъ, для того, чтобы сохранить для женщины индивидуальность любви, предоставить ей возможность инстинктивнаго сліянія съ мужчиной, чтобы дать этимъ женщинамъ естественную защиту противъ опасностей ея половой жизни (боли и муки беременности и родовъ, заботы о ребенкѣ, презрѣніе и позоръ въ глазахъ об-

ній околный путь! Какое расточительное швыряние сил! Этого природа совсѣмъ не любитъ. Мы знаемъ навѣрное, несомнѣнно, что природа работаетъ всегда съ наивозможно меньшей затратой силы, необходимой для достиженія задуманнаго ею, и потому выбираетъ также всегда для этого кратчайшій и слѣдовательно самый прямой путь. Преграды, угрозы и опасности, сопряженныя съ половой жизнью современной женщины, очевидно, не имѣютъ сами по себѣ никакого благоприятствующаго, полезнаго значенія ни для самаго полового акта женщины, ни для послѣдствій его — беременности, родовъ, потомства; наоборотъ, они въ высшей степени вредятъ этимъ актамъ, т. е. служатъ признаками серьезнаго вреда. Но что служить во вредъ какой-нибудь функціи и ея послѣдствіямъ, то несомнѣнимо съ идеей цѣлесообразности самой по себѣ и не вяжется съ цѣлесообразностью намѣреній природы, которая не станетъ вредить противными мѣропріятіями своимъ собственнымъ трудамъ. Слѣдовательно, исходя изъ точки зрѣнія самого Адлера о цѣлесообразности, мы должны сдѣлать выводъ, что при этихъ опасностяхъ и угрозахъ мы никакъ не можемъ имѣть дѣло съ естественной и цѣлесообразной особенностью женской половой жизни, съ цѣлесообразной мѣрой природы, и названныя преграды никакъ не могутъ быть „естественной защитой, которую природа не могла не дать женщинамъ противъ этихъ опасностей и, дѣйствительно, дала ихъ“. Эти преграды кажутся намъ скорѣе явленіями, безусловно нарушающими смыслъ и цѣль, идущими наперерѣзъ намѣреніямъ и цѣлямъ природы, — такъ сказать, самоубийственной затѣей природы. И въ виду этого мы можемъ разсматривать ихъ именно и только какъ явленія вырожденія.

Простая правильность этого взгляда обнаруживается и при самомъ простомъ наблюденіи половой жизни самокъ животныхъ: ни на одномъ здоровомъ животномъ мы не найдемъ подобныхъ опасностей и угрозъ, — точно также какъ не откроемъ, при всемъ желаніи, „презрѣнія къ незамужней матери, подстерегающаго ее на каждомъ шагѣ“.

Презрѣніе къ незамужней матери — явленіе, конечно, случайное, зависящее отъ даннаго уровня культуры и разсматривать его какъ естественную опасность женской половой жизни никакъ нельзя; слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія и названныя преграды не могутъ быть естественной защитой противъ этого презрѣнія. То же самое надо сказать и о женскихъ болѣзняхъ, которыя вѣдь не являются слѣдствіемъ половой дѣятельности женщины, а часто передаются ей мужемъ, какъ свадебный даръ, въ первое же утро супружеской жизни.

Но самая основная точка зрѣнія, построенная на идеѣ цѣлесообразности, вообще научно несостоятельна. Въ природѣ царитъ закономѣрный результатъ причины и слѣдствія, а не намѣреній и цѣлей. Но именно на этомъ пунктѣ многіе авторы дѣлаютъ серьезную ошибку, особенно когда дѣло идетъ о женщинахъ: все, касающееся женщины, они разсматриваютъ съ точки зрѣнія личныхъ логическихъ соображеній о цѣлесообразности, и собственные желанія, вкусы и предрасудки приписываютъ природѣ. Въ результатъ получается, конечно, то, что желѣзная

правда и логика природы совершенно скрываются за непроницаемым туманомъ мелкихъ человѣческихъ измышленій, и познаніе не проясняется, а затемняется.

Вникая далѣе въ эти взгляды о половомъ инстинктѣ съ естественно-научной точки зрѣнія, мы должны прежде всего попытаться установить, въ какой мѣрѣ половая жизнь женщины сама по себѣ можетъ быть неизбѣжно сопряжена съ страданіями и опасностями. Всѣ отправленія организма, если они только нормальны, всегда сопровождаются извѣстнымъ пріятнымъ чувствомъ, чувствомъ наслажденія. Но какъ только какаѣ-нибудь функція разстраивается, такъ что не все идетъ ровно и ладно и въ неуклонномъ физическомъ равновѣсіи, — мы испытываемъ вполнѣ опредѣленное непріятное чувство, которое можетъ, въ свою очередь, усилиться до нестерпимой боли, съ усиленіемъ разстройства, — или же, при болѣзненномъ атрофированіи какого-нибудь органа, перейти въ нечувствительность.

Итакъ, чувство боли есть реакція на какое-нибудь разстройство и служить показателемъ существованія какого-нибудь ненормальнаго или болѣзненнаго состоянія. Отсюда слѣдуетъ, что боль или нечувствительность есть явленіе, сопутствующее разстройству или заболѣванію, а никакъ не спутникъ здоровья. Точно также поставленъ вопросъ и въ отношеніи опасностей. Отправленія организма никогда не сопровождаются какой-либо опасностью, — наоборотъ, благодаря нормальной работѣ, поддерживаются силы въ организмѣ и въ то же время усиливается его способность сопротивленія опасностямъ, его жизненная энергія, и самъ онъ предохраняется отъ опасностей.

И дѣйствительно, мои личныя наблюденія и опытъ, какъ и многихъ другихъ, подтверждаютъ, что женщины, сколько-нибудь здоровой, совершенно чужды слабая половая воспріимчивость или абсолютная нечувствительность, такъ же какъ и какія-либо боли во время мѣсячныхъ регулъ или недомоганія и подобныя разстройства; выдѣленіе крови очень умѣренно и длится, самое большое, три дня (а не пять, шесть и даже до восьми, какъ бываетъ у нѣкоторыхъ женщинъ); менструація ни въ какомъ отношеніи не разстраиваетъ ни образа жизни ея, ни здоровья и ничѣмъ не мѣшаетъ ни работѣ, ни профессиональнымъ занятіямъ. И наоборотъ, появляется явное пріятное чувство усиленія и напряженія полового инстинкта и общей жизнедѣятельности.

Въ совершенно такихъ же условіяхъ протекаетъ и беременность. У здоровой женщины она сопровождается только пріятными чувствами, — нѣтъ ни тѣни угнетеннаго настроенія, тошноты, а тѣмъ болѣе боли. Здоровая женщина можетъ до послѣдняго часа беременности вполнѣ безпрепятственно отдаваться обычнымъ занятіямъ и обязанностямъ, безъ малѣйшаго ограниченія, и ѣсть и пить все, какъ всегда. Безъ всякаго страха можетъ она ожидать момента родовъ, такъ какъ для нея это нисколько не трудный моментъ, нисколько не грозящій страданіями и опасностями; въ самое короткое время, въ какіе-ни-

будь полъ-часа-часъ, она переноситъ роды при нѣсколькихъ схваткахъ, безъ значительной потери крови, совершенно какъ и здоровая самка животнаго. Родовые пути послѣ полусуточного или суточного лежанія снова настолько приходятъ въ порядокъ, что женщина можетъ заняться не особенно тяжелой работой. Даже схватки являются не въ видѣ болѣй, а въ видѣ такъ называемыхъ потугъ.

Напомню о женщинахъ кочующихъ племенъ, которыя тотчасъ же послѣ родовъ подъ открытымъ небомъ снова вскакиваютъ на коня, съ младенцемъ за спиной, и мчатся вдогонку своимъ, какъ будто ничего не случилось.

Интересный историческій образецъ первоначальной женской силы представляетъ также Катерина Сфорца (рис. 287), родившаяся въ 1469 году въ Миланѣ, — вѣнчанка, но впоследствии усыновленная, дочь Галеаццо Маріа Сфорца и супруги вѣсково Пьетро Лаудриани. Передъ самымъ наступленіемъ родовъ она не устрашилась проехать верхомъ изъ Имолы въ Форли, — расстояние около десяти миль, — куда прѣехала около полудня, тамъ всю ночь до утра хлонила по сдачѣ замка и отдавала распоряженія; черезъ три дня проехала снова обратный путь изъ Форли въ Имолу и въ самое утро по прѣздѣ вполне безболѣзненно родила мальчика.

Но чѣмъ больше нарушено біологическое равновѣсіе, чѣмъ ненормальнѣе, болѣзненнѣе вся организація и конституція женщины вслѣдствіе наслѣдственныхъ или приобретенныхъ недуговъ, тѣмъ болѣе угнетеніемъ, тошнотой, слабостью и боллями сопровождаются у нея менструаціи, беременность и роды, тѣмъ значительнѣе у нея потеря крови во время менструацій и родовъ, — тѣмъ болѣе, раумѣется, она слабѣетъ и, въ связи съ этимъ, страдаетъ здоровье, трудъ, занятія и вся жизнь женщины.

Въ настоящее время у женщины часто отсутствуетъ до и послѣ общенія съ мужчиной половое чувство или же оказывается только въ слабой степени; часто оно, дѣйствительно, имѣетъ только характеръ выжидательный, пассивный и, вмѣсто естественнаго пріятнаго чувства, женщина испытываетъ его въ слабой степени или совсѣмъ не испытываетъ. Но ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ заключить изъ этого, что это состояніе естественное и что природа примѣняетъ къ женщинѣ иную законность, чѣмъ къ мужчинѣ. Это совершенно то же самое, какъ если бы женщина испытывала отъ своей мужской дѣятельности, отъ созерцанія красотъ природы и искусства, отъ вкусныхъ блюдъ и напитковъ, отъ упоительныхъ ароматовъ и т. д. — не наслажденіе, а боль, или совсѣмъ ничего не испытывала бы. Всякій, конечно, не задумываясь, согласится, что это состояніе не естественное, а противоестественное (уродливое или болѣзненное). Но вѣдь въ системѣ половыхъ органовъ положеніе вещей точно такое же, — почему же и какимъ образомъ здѣсь могло бы быть иначе?

Итакъ, мы должны заключить, какъ на основаніи теоретическихъ данныхъ, такъ и на основаніи данныхъ опыта, что упомянутое состояніе болѣзненно и служитъ подавляющимъ доказательствомъ того, что вся конституція большинства современныхъ женщинъ, въ особенности высшихъ классовъ, включая сюда и половую сферу, кореннымъ образомъ неправильна, недоброкачественна — словомъ, болѣзненно выродилась. Какъ

неизбѣжное слѣдствіе этого вырожденія конституціи и половой сферы въ частности — любовь и половое чувство женщины приобрѣли выжидательный, пассивный характеръ, словомъ — несовершенны, и ея менструаціи, беременность и роды сопряжены съ страданіями и опасностями, т. е. также несовершенны и недоброкачественны. Вотъ основной принципъ, котораго необходимо держаться, чтобы добиться правильной оцѣнки женской

По фотогр. бр. Аллвари во Флоренціи.

Рис. 237. Катерина Сфорца.

(По портрету работы М. Палмещано.)

половой жизни. Но противъ него-то именно и грѣшатъ неизменно грубо.

Мало того, что отъ небольшого, очень ограниченнаго числа женщинъ, т. е., слѣдовательно, отъ исключенія, умозаключаютъ къ правилу, — къ женщинъ вообще; позволяютъ себѣ прямое ложное заключеніе: — самочувствіе несомнѣнно больныхъ, недоброкачественныхъ женщинъ обобщаютъ до заключенія о природѣ здоровой женщины, женщины вообще, — и отсюда, не обинуясь, дѣлаютъ выводъ, что слабая половая воспріимчивость, беременность и роды нормальны, а дѣйствительно нормальныя проявленія полового инстинкта у женщины объявляютъ болѣза-

ненными! Даже безболѣзненные и безопасныя менструаціи, беременность и роды умудряются объявить ненормальностью, болѣзненной половой нечувствительностью!

Такимъ образомъ, мы и тутъ пришли къ тому же выводу, что и прежде, при опроверженіи взгляда на цѣлесообразность преградъ. Вопросъ теперь только въ томъ, чѣмъ объясняется это вырожденіе женщины? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо усвоить себѣ слѣдующую истину: для полной, всесторонней, совершенной дѣятельности какого-либо органа необходимо полное и совершенное развитіе. А такое развитіе требуетъ совершенныхъ условий для себя.

Неполная и несовершенная половая жизнь женщины является результатомъ неполныхъ и несовершенныхъ условий ея развитія и существованія.

Согласуется ли это съ наблюдаемыми фактами? Безусловно. Культурныя условия жизни и развитія женскаго полового чувства и самой женщины крайне неблагоприятны. Культура ограничила женщину и ея органическія функціи такими предѣлами, которые отнюдь не совпадаютъ съ естественными предѣлами, поставленными природой. Прежде всего она поставила дѣятельность женскихъ половыхъ органовъ въ зависимость не отъ самой женщины, не отъ присущей ей половой энергіи, а отъ вѣшнихъ условий, которыя или совсѣмъ никакого отношенія не имѣютъ къ половому инстинкту, или связаны съ нимъ крайне поверхностно, безъ причинной внутренней необходимости. Цѣлыя тысячелѣтія наперерывъ обычай, мораль и законъ работаютъ надъ пересозданіемъ и укрощеніемъ полового инстинкта и половой жизни женщины, чтобы приноровить ихъ какъ къ личнымъ интересамъ мужчины, такъ и къ экономическимъ условіямъ, и насильственно заточить женщину въ тюрьму условнаго брака. Цѣлыя тысячелѣтія уже обычай, мораль и законъ отнимали у женщины свободу распоряжаться собой и своей половой жизнью, сдѣлавъ изъ ея пола предметъ торговли и произвола мужчины, и, напрягая всѣ силы, все пустили въ ходъ, чтобы отпугнуть и оттолкнуть женщину отъ половой жизни, внушить ей отвращеніе къ ней.

Попробуемъ оглянуться на длинную лѣстницу культурнаго развитія вверхъ и внизъ ея: какъ прежде, такъ и до сихъ поръ еще женщина, въ той или иной формѣ, продавалась кѣмъ-нибудь мужчиной и продается до сихъ поръ; какъ прежде такъ и до сихъ поръ женщина никогда не могла и не можетъ свободно выбирать сама, а ждала и ждетъ, чтобы ее выбрали. Выборъ мужа, товарища половой жизни, опредѣляется и опредѣлялся не половой энергіей ея, не любовью, а обыкновенно тѣми или иными матеріальными цѣнностями. Не личное ея половое влеченіе рѣшаетъ вопросъ о томъ, состоится ли половая жизнь, — а произволъ покушающаго мужчины. А законъ и церковь сходятся въ томъ, что женщина обязана терпѣть обиденіе съ мужемъ когда вздумается это послѣднему и порой непомѣрно часто, — не заботясь о томъ, не интересуясь тѣмъ, можетъ ли, хочетъ ли этого женщина, не губить ли это ее физически и морально. И горе ей, если она не подчинится!

Со времени возникновенія единобрачія, женщина обязывалась и въ бракѣ, и внѣ брака къ строжайшему цѣломудрію или строжайшей супружеской вѣрности. Ее подвергали самымъ мучительнымъ операціямъ наружныхъ половыхъ органовъ, чтобы только лишить возможности половыхъ сношеній. Либо сквозь обѣ пары срамныхъ губъ протѣввалось кольцо, замывавшее входъ во влагалище, либо (какъ это еще и теперь практикуется у нѣкоторыхъ восточно-африканскихъ племенъ) для этой цѣли хирургическимъ путемъ добивались сращенія срамныхъ губъ и потомъ передъ свадьбой ихъ снова прорѣзывали. Такимъ образомъ, половые органы буквально сшивались, — „инфибулировались“, по специальному латинскому выраженію. Въ эпоху крестовыхъ походовъ и даже еще позднѣе, женщины вынуждены были примиряться съ тѣмъ, что имъ надѣвали для замыканія влагалища такъ называемые пояса цѣломудрія съ замками. За нарушение цѣломудрія и супружеской вѣрности налагались — и теперь еще налагаются — очень суровыя наказанія. У нѣкоторыхъ племенъ женщина, нарушившая супружескую вѣрность, казилась (и теперь еще кое-гдѣ казнится) смертью. Наконецъ, чтобы вѣрнѣе обезпечить вѣрность женщины, она всецѣло и безусловно отдавалась во власть мужчины, — если онъ убивалъ ее, онъ только осуществлялъ этимъ свое право.

И если съ ростомъ культурнаго развитія мало-по-малу и исчезли изъ жизни культурныхъ народовъ эти чудовищныя, варварскія мѣры — все же насиліе надъ половымъ инстинктомъ женщины, порабощеніе ея полового чувства и его проявленій выгодѣ мужчинъ и въ экономическихъ интересахъ — остались тѣ же. И теперь, какъ прежде, современная культура, современные европейскіе и внѣ-европейскіе культурные народы требуютъ отъ женщины строжайшаго, безусловнаго цѣломудрія внѣ брака и строжайшей супружеской вѣрности въ бракѣ. Сущность дѣла не измѣнилась, измѣнились только средства для осуществленія его: физическое сшиваніе замѣнилось психическимъ, моральнымъ „замыканіемъ женщины“. Непосредственное тѣлесное наказаніе смѣнилось моральнымъ: позоромъ въ глазахъ общества; вмѣсто физической смерти казнятъ общественной, гражданской смертью.

Въ то же время общество напрягаетъ всѣ силы и средства — въ семьѣ, школѣ, въ церкви, въ литературѣ и т. д., — чтобы создать въ женщинѣ представленіе, будто все, касающееся половой стороны, такъ отвратительно и низменно, что порядочной женщицѣ не слѣдуетъ даже знать этого. Воспитаніе и нравы превращаютъ женщину въ безполое существо и отнимаютъ у нея всю ея нормальную физическую природу. И вотъ это-то и есть самое большое мѣсто: физическая половая природа — стремленіе къ удовлетворенію полового чувства — женщины воспрещена и изгоняется изъ нея во имя нравственности, во имя высшей женственности, но не психическая половая природа, не стремленіе къ любви. Любовь позволена женщинамъ. Любовь даже обязательна для женщины. Ее усиленно развиваютъ и разжигаютъ воспитаніемъ. Всѣ желанія, всѣ помыслы жен-

щины направляют на мужчину, всю душу ея дрессируют сообразно тому, чѣмъ можно понравиться ему, ему повиноваться, ему служить... все сносить! Карриатура дивной силы любви!

Вотъ этотъ воспитательный методъ, дѣйствительно, создаетъ въ половой жизни женщины очень серьезныя преграды. Все, что я говорю здѣсь, — не голое теоретизированіе, все это результаты личнаго опыта и наблюдений. Женщина, воспитанная по обычному шаблону, ничего не знаетъ въ вопросахъ половых отношеній и враждебно отворачивается отъ нихъ. Ей даже въ голову не приходитъ, что въ ея собственномъ организмѣ могутъ существовать половые органы, — а если бы такая мысль промелькнула, она отгоняетъ ее, считая неприличной, даже съ чувствомъ отвращенія.

Нужны очень хорошее наследственное здоровье и большая сила ума и воли, чтобы организмъ могъ оказать сопротивление страшной силѣ этихъ преградъ, сокрушить ихъ и восторжествовать надъ ними.

Довольно часто у женщины находится нужная для этого сила. Плотины, которыя воздвигаетъ культура плотской природѣ женщины, оказываются часто безсильными передъ мощнымъ напоромъ ея полового инстинкта. Какъ стекло, разлетаются онѣ вдребезги подъ его ударами, едва войдетъ мужчина въ ея жизнь, тотъ единственный мужчина, навстрѣчу которому она устремляется всей душой и всѣмъ тѣломъ. Препятствіе сокрушается тѣмъ легче, чѣмъ возможнѣе законность отношеній, т. е. если женщина такъ счастлива, что можетъ соединиться бракомъ съ избранникомъ души и тѣла: тогда все сводится только къ тому, чтобы разрушить бредовую идею, привитую воспитаніемъ, будто все, касающееся пола, отвратительно, неприлично и пошло. Любовь, половое влеченіе предсѣвають все и въ яркомъ, цѣломудренно-чистомъ пламени любви сгораютъ навѣки мрачное исчадіе безумія. Но женщинѣ, которой не дано было такого счастья, которая любить „незаконно“, приходится переживать тяжелую, жестокую борьбу, потому что надъ ея любовью тяготѣетъ бремя тяжкаго презрѣнія общества и позора.

И все же, — въ могучей силѣ любви все тонетъ, забывается все презрѣніе, весь позоръ, — половая страсть побѣждаетъ, преодолевая своей огромной силой и это страшное бремя. Побѣжденная собственнымъ творческимъ инстинктомъ, женщина прижимаетъ къ сердцу любимаго человѣка, и живая творческая сила природы празднуетъ свое вѣчное таинственное откровеніе.

Но противоестественныя половыя „застѣжки“, надѣваемая на женщинѣ, все же не могутъ не отражаться на половомъ инстинктѣ. Профессоръ Форель правъ, подчеркивая огромное психическое вліяніе, претерпѣваемое именно въ области половых чувствъ. Нигдѣ, быть можетъ, власть психическаго внушенія не играетъ такой огромной роли, какъ здѣсь. Когда человѣку чуть не съ перваго года его жизни безпрестанно твердятъ: „ахъ, это отвратительно... это неприлично... это „такъ“ пошло“..., то этимъ оказываютъ сильное психическое давленіе, которое можетъ задержать нормальное развитіе половой дѣятельности и даже породить такое нервное сопротивленіе росту и раз-

витію, что приведетъ, въ концѣ концовъ, къ пріостановкѣ, къ несовершенному и слабому развитію половой жизни женщины.

Нельзя еще упускать изъ виду и того, что питаніе и ростъ всѣхъ органовъ находятся въ тѣснѣйшей связи съ нервной системой и болѣе или менѣе подъ ея вліяніемъ. Вліяніе души на половые органы и ихъ развитіе, вызываемая ею задержка роста скажется тѣмъ болѣе властно и упорно, чѣмъ болѣе ослаблена жизненная энергія индивидуума, чѣмъ болѣе, слѣдовательно, подорвана энергія полового развитія. А такое пониженіе жизненныхъ силъ, дѣйствительно, существуетъ въ видѣ тяжелой наслѣдственности. Злоупотребленіе мужчинъ алкоголемъ на протяжении цѣлаго ряда поколѣній губить всѣ органы тѣла, губить и клѣтки половыхъ органовъ.

Но половая сфера терпитъ не только косвенный, но и прямой вредъ тоже на протяжении ряда поколѣній отъ половыхъ злоупотребленій мужчины и отъ ужасной половой эксплуатаціи женщины, которая, въ свою очередь, оказываетъ неблагоприятное вліяніе на весь организмъ. И этотъ вредъ, производимый нездоровой наслѣдственностью, у женщины послѣ ея рожденія продолжаетъ поддерживаться съ помощью неразумнаго, извращеннаго физическаго и духовнаго воспитанія, тогда какъ у мальчика дурнымъ наслѣдственнымъ вліяніемъ все же отчасти противоставляется вліяніе болѣе рациональнаго воспитанія.

Физическое воспитаніе женщины, несмотря на обнаруживающіяся въ послѣднее время стремленія видоизмѣнить его, все же еще очень часто способствуетъ задержкѣ развитія ея половой жизни, — главнымъ образомъ тѣмъ, что въ дѣвочки подавляются болѣе или менѣе всякія нормальныя стремленія къ движенію и не даютъ простора шумнымъ играмъ, всего лучше способствующимъ развитію благородныхъ органовъ — сердца, легкихъ, всѣхъ мускульныхъ группъ. И теперь еще дѣвочку часто заставляютъ сидѣть дома и обрекаютъ ее на неподвижность въ бѣдномъ кислородомъ, испорченномъ воздухѣ; но этого мало: на нее напяливаютъ, вдобавокъ, узкую, тѣсную, невозможную одежду, стѣсняющую свободу движеній, свободное дыханіе и кровообращеніе. Создаются разстройства развитія, разстройства обмена веществъ, застой крови въ органахъ, особенно въ половыхъ, затѣмъ вырожденіе и заболѣваніе ихъ, — словомъ, неизбежнымъ послѣдствіемъ этого бессмысленнаго, нецѣлесообразнаго воспитанія оказывается полная помѣха здоровому и совершенному развитію отдѣльныхъ органовъ и всего организма.

Какъ физическое воспитаніе крайне мало способствуетъ дѣйствительному развитію женщины, а скорѣе уродуетъ, увѣчить его, такъ же мало способствуетъ ея душевному развитію и образованію — воспитаніе умственное и нравственное; и оно ее скорѣе уродуетъ и увѣчить. Все образованіе женщины не только до крайности поверхностно, но и крайне ошибочно направлено. Оно не только не обогащаетъ женщину, не только не даетъ ей природнымъ силамъ развернуться здорово и широко, но лишаетъ ее и того, что она имѣла отъ природы: врожденной силы и увѣренности, всякой самостоятельности, устойчивости, всякаго достоинства, всякаго инстинкта дѣятельности.

Такимъ образомъ, всѣ условія жизни и развитія женщины и ея половой сферы стоятъ въ полномъ противорѣчій со здравымъ

смысломъ и требованіями организма, какъ и требованіями половоѣ жизни женщины, — они не только недостаточны, но часто и безусловно недоброкачественны. Въ результатъ должно получиться недостаточное и биологически недоброкачественное развитіе и отправленіе женскаго организма и его половыхъ органовъ. И потому, слабое развитіе полового инстинкта и страданія и опасности половоѣ жизни женщины не могутъ быть разсматриваемы какъ состояніе нормальное и естественное, а должны быть признаны явленіями безусловно болѣзненными и противоестественными.

О воздержаніи женщинъ и о предохранительныхъ средствахъ.

Зрѣлая въ половоѣ отношеніи женщина нормально никогда не живетъ въ воздержаніи добровольно, т. е. изъ внутренней потребности, по внутреннимъ причинамъ; воздержаніе бываетъ всегда вынужденнымъ, вызваннымъ внѣшними причинами. Наибольшую силу имѣютъ тѣ обстоятельства, которыя мы рассмотрѣли въ предыдущемъ отдѣлѣ, затѣмъ очень большую роль здѣсь играетъ проституція, засасывающая множество молодыхъ людей и нерѣдко отнимающая ихъ у молодыхъ созрѣвшихъ женщинъ.

Какъ ни противоестественно воздержаніе, все же само по себѣ оно нисколько не приводитъ къ болѣзненному состоянію, какъ склонны утверждать многіе.

Здоровый и крѣпкій организмъ женщины безусловно не склоненъ заболѣть отъ одного того, что окажется поставленнымъ въ условія воздержанія. То же надо сказать — правда, съ нѣкоторыми ограниченіями — даже объ организмѣ, болѣе или менѣе расшатанномъ дурной наслѣдственностью, нецѣлесообразнымъ воспитаніемъ и нецѣлесообразнымъ образомъ жизни. Ежемѣсячная менструація способствуетъ, до извѣстной степени, успокоенію, разряженію половыхъ раздраженій; благодаря этимъ явленіямъ половыя раздраженія не могутъ усилиться до нестерпимости, до болѣзненности.

Но совсѣмъ другое дѣло, если половоѣ равновѣсіе женщины долго нарушается посторонними раздраженіями, если существуетъ наслѣдственная или приобрѣтенная порочность и длительныя раздраженія фантазіи, — особенно, если къ этому прибавляются еще и раздраженія вслѣдствіе алкоголя, и они не разрѣшаются нормальнымъ насыщеніемъ. При такихъ условіяхъ воздержаніе можетъ быть безусловно вреднымъ и повести къ серьезнымъ расстройствамъ здоровья. Послѣдствіемъ такого насильственнаго воздержанія могутъ быть воспаленія половыхъ органовъ или другія органическія страданія, — въ особенности же болѣзненная половоѣ раздражимость, которая можетъ развиваться, при неблагоприятной наслѣдственности, въ полную нимфоманію, эротическое помѣшательство и другія психическія расстройства.

Для предупрежденія этихъ послѣдствій прежде всего необходимо строго удалять всякія постороннія половыя раздраже-

ня, — следовательно, избѣгать такого чтенія и такихъ зрѣлищъ, которыя прямо или косвенно раздражаютъ воображеніе (романы, порнографическая литература и картины, эротическія пьесы и т. п.), а также и употребленія алкоголя. Затѣмъ, живущая въ воздержаніи женщина должна позаботиться о томъ, чтобы въ какой-нибудь иной, не половой дѣятельности, отвлечь и израсходовать скопляющуюся половую энергію. Это чрезвычайно важное условіе, и мнѣ уже случалось и въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ настойчиво указывать на это. Лучшимъ средствомъ для этого служить трудъ и именно такой, какой всего лучше соответствуетъ данной индивидуальности и можетъ захватить всецѣло, сосредоточивая на себѣ всѣ интересы. Хорошимъ отвлеченіемъ служить также физическое движеніе на воздухѣ: гребля, плаванье, гимнастика. Далекія и продолжительныя прогулки пѣшкомъ на лонѣ здоровой природы имѣютъ также благоприятное вліяніе, освобождая отъ мучительнаго гнета и даже не давая возбужденію дойти до степени страданія. Кромѣ того, систематическій уходъ за тѣломъ служить противодѣйствіемъ такому накопленію полового возбужденія: прохладныя обтиранія на воздухѣ, пребываніе на воздухѣ въ теченіе 10—15 минутъ безъ одежды, дѣлая въ это время гимнастику, или занимаясь физическимъ трудомъ, или шагая взадъ и впередъ (босикомъ!). Рис. 288 изображаетъ подобную воздушную ванну въ прохладной лѣсной тѣни. Одежда вообще должна быть легка и не затруднять доступа воздуха къ тѣлу, чтобы кровообращеніе встрѣчало возможно меньше преградъ. При этой системѣ ни одна женщина, если только она не обременена слишкомъ тяжелой наслѣдственностью, не можетъ страдать отъ неудовлетворенной половой потребности и можетъ, безъ сколько-нибудь замѣтныхъ усилій, жить въ воздержаніи, чувствуя себя здоровой и счастливой.

Гораздо сложнее становится этотъ вопросъ тогда, когда въ свои права вступаютъ естественныя половыя раздраженія съ ихъ нормальнымъ вліяніемъ на зрѣлую въ половомъ отношеніи женщину: когда женщина полюбитъ. Справляться тогда съ запросами своей половой природы — дѣло болѣе или менѣе нелегкое. Хотя я совершенно отрицаю и въ этомъ случаѣ возможность заболѣванія отъ воздержанія (если только нѣтъ налицо очень тяжелой наслѣдственности), я не могу не признать все же, что, при этихъ условіяхъ, намѣченный мною выше образъ жизни можетъ оказаться не вполне дѣйствительнымъ. Природа предъявляетъ свои права, и ее нельзя заставить умолкнуть передъ властью нормальнаго полового возбужденія, исходящаго отъ любимаго человѣка. Если ей отказываютъ въ ея правѣ, она продолжаетъ томить и мучить, пока не восторжествуетъ. Если это невозможно, если женщина не можетъ почему-либо соединиться съ любимымъ человѣкомъ, то она обречена на крайне мучительное состояніе наилучшимъ выходомъ изъ котораго будетъ только, если возможно, разлука. Иногда помогаетъ такая преграда во времени и пространствѣ. Но часто это даже невозможно по практическимъ причинамъ, и обыкновенно власть ея естественной половой энергіи толкаетъ ее въ объятія любимаго человѣка, наперекоръ всѣмъ законамъ общественной морали. Это доказываетъ

ежегодная цифра 180 тысяч рождающихся вѣбрачныхъ дѣтей, 50% незамужнихъ матерей. Въ этомъ ищутъ себѣ выхода слишкомъ нестерпимыя страданія неудовлетворенной половой по-

Изъ соч. „Nackte Schönheit“.

Рис. 288. Воздушная ванна.

требности. А тѣ женщины, которыя не входятъ въ число этихъ 50%, ищутъ себѣ иныхъ исходовъ и находятъ ихъ въ самоудовлетвореніи, въ пессаріяхъ, губкахъ, кондомидахъ и т. д.

Кто бросить въ нихъ упрекъ за это? Не я, во всякомъ случаѣ.

Но, съ гигиенической точки зрѣнія, мнѣ все же хотѣлось бы порекомендовать женщинѣ воздерживаться, насколько только ея силы позволяютъ, отъ всякихъ искусственныхъ способовъ полового удовлетворенія. Предохранительныя средства болѣе или менѣе притупляютъ половую чувствительность и, кромѣ того, вынуждаютъ женщину гораздо больше напрягать силы для получения полнаго удовлетворенія, потому что нѣтъ необходимаго внутренняго соприкосновенія съ мужскимъ членомъ, и этотъ недостатокъ, равносильный недостатку энергіи, долженъ быть возмѣщенъ усиленнымъ напряженіемъ силъ женщины. Выбравшаго материнства отъ женщины при нашихъ современныхъ нравахъ невозможно требовать ни въ ея собственныхъ интересахъ, ни въ интересахъ ребенка. Разумѣется, кондомъ надо считать наилучшимъ предохранительнымъ средствомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда женщина вынуждена избѣгать зачатія вслѣдствіе своего нездоровья.

Самымъ рѣшительнымъ образомъ считаю долгомъ предостеречь противъ примѣненія такъ называемаго „прерваннаго совокушенія“ (извлеченія мужского члена изъ влагалища женщины передъ истеченіемъ сѣмени). Этотъ способъ, къ прискорбію, очень часто и широко практикуемый въ супружествѣ, необычайно вреденъ для женщины и приводитъ къ общей и половой нейрастепіи или къ еще болѣе серьезнымъ недугамъ. Внезапное удаленіе мужчины незадолго до наступленія момента удовлетворенія полового влеченія причиняетъ женщинѣ шокъ.

Отвлеченіе и израсходованіе половой энергіи въ иномъ направленіи, на другую дѣятельность — наилучшій путь, при нашихъ современныхъ условіяхъ, для каждой женщины, волнуемой половымъ безпокойствомъ и не имѣющей возможности вступить въ бракъ. Какъ разрушительно могутъ вліять эти факторы на душу и тѣло женщины, объ этомъ свидѣлствуютъ извѣстные случаи помѣшательства женщинъ. Несомнѣнный фактъ, что чувственное возбужденіе и разнузданность душевно-больныхъ женщинъ часто превосходятъ возбужденіе и разнузданность душевно-больныхъ мужчинъ. Разъ освободившись отъ искусственныхъ, противоестественныхъ преградъ культурныхъ „застѣжекъ“, половая природа женщины становится на дыбы, — и тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ сильнѣе подавлялась раньше.

Основываясь на этомъ фактѣ, позволяютъ себѣ утверждать, что женщина отъ природы „вся насквозь пропитана непомѣрной чувственностью“, и что половой элементъ преобладаетъ въ женской природѣ. И это утвержденіе такъ же безусловно вѣрно, какъ и то, что женщина отличается врожденной слабостью полового чувства. И то и другое — пустыя измышленія, ни на чемъ не основанныя, оба совершенно ненаучны оба противорѣчатъ и другъ другу, и фактическому складу здоровыхъ и нормально воспитанныхъ женщинъ. Если женщина проникнута чувственностью или, наоборотъ, лишена здоровой чувственной восприимчивости, то это явленія совершенно такія же болѣзненные и противоестественныя, какъ и у мужчины, когда онъ насквозь пропитанъ чувственностью или, наоборотъ, лишенъ здоровой чувственной восприимчивости: и то, и другое одинаково навязано

и женщинъ, и мужчинъ культурой. Нормальной женщиной одинаково чуждо и невѣдомо и то, и другое; половое чувство ея не знаетъ ни чрезмѣрной силы, ни чрезмѣрной слабости, а имѣетъ большую или меньшую среднюю силу и всецѣло подчинено силѣ любви, своему психическому складу, высшему завѣту жизни — человѣчности.

Вотъ этотъ-то голосъ высшей человѣчности такъ громко звучитъ въ половой природѣ женщины, что оны и даетъ женщинѣ, главнымъ образомъ, силу отлично справляться съ насильственно навязаннымъ ей воздержаніемъ, несмотря на нормально сильный половой инстинктъ. Женщина часто обращается овладѣвающую ея чувствами половую энергію въ преданную материнскую любовь къ какому-нибудь живому существу — къ ребенку ли, подругѣ или животному — или же разряжаетъ ее, эту половую энергію, переработанную въ благороднѣйшую, самоотверженную, матерински-безкорыстную любовь, въ служеніе дѣламъ милосердія — уходу за больными — благотворительности, общественному благу. Иногда женщина съ горечью и презрѣніемъ отворачивается отъ людского эгоизма, лицемерія и мелочности и замыкается въ одиночествѣ съ своимъ вынужденнымъ воздержаніемъ, привязавшись нѣжкимъ материнскимъ чувствомъ къ животному, которое лѣзетъ и ласкаетъ. На собакъ и кошекъ старыхъ дѣвъ, привязанныхъ къ собакамъ и кошкамъ, не слѣдовало бы смотрѣть такъ неприязненно и насмѣшливо-злобно: вѣдь для нихъ животныя — замѣна драгоценнаго блага любви, которой культура лишаетъ нѣкоторыхъ женщинъ, и навѣрное облегчаютъ иной бѣдной, одинокой женщинѣ ея пустую, холодную, безрадостную жизнь.

Не всегда, однако, женщина погружается, вслѣдствіе вынужденнаго воздержанія, въ унылое, мрачное существованіе, не всегда и расплывается за него болѣзненно и страданіемъ. Если только наследственная и приобретенная болѣзненность не слишкомъ велики и внѣшнія условія не слишкомъ неблагоприятны, тогда женщины умѣютъ находить приобѣжище отъ всякаго унынія и горечи, отъ всякихъ угрожающихъ здоровью опасностей — на духовныхъ высотахъ жизни, и тогда воздержаніе становится для нихъ, благодаря присущей женщинѣ силѣ матерински-безкорыстныхъ чувствъ, источникомъ высшей одухотворенности и облагоустроенности, высшей человѣчности.

* * *

Половая зависимость женщины отъ воли и власти мужчины, или, иными словами, отъ мнимой морали и общественныхъ условностей, — вотъ коренное зло, отравляющее половую жизнь женщины, и по неизбежному слѣдствію — и половую жизнь мужчины, и всю совокупность культурной жизни; благодаря этому создаются такія условія, которыя ведутъ къ упадку и гибели людей и ихъ культуры, вмѣсто того, чтобы способствовать ихъ расцвѣту и высшему развитію.

Ясно, какъ день, изъ самой природы вещей, что мы никогда не одолѣемъ зла, если будемъ добиваться для мужчины, того же полового воздержанія, отъ котораго страдаетъ женщина. Зло будетъ, дѣйствительно, уничтожено только тогда, когда

исчезнет половая зависимость женщины и ей будет возвращена ее половая свобода, — когда, следовательно, рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ полового соединенія будетъ не только воля и готовность мужчины, но и воля и готовность женщины, когда, следовательно, половое соединеніе будетъ результатомъ естественной половой воли и естественной половой готовности женщины и мужчины, — естественной половой энергіи обоихъ. До тѣхъ поръ, пока рѣшающимъ моментомъ не будетъ половая готовность женщины, свойственная ей половая сила — до тѣхъ поръ будетъ разнузданъ половой инстинктъ мужчины, и вся половая жизнь женщины и мужчины будетъ болѣзненно вырождающеюся.

Половая свобода женщины — единственное естественное и потому наилучшее средство для обузданія полового инстинкта мужчины, для сохраненія его равновѣсія, для предупрежденія вырожденія и злоупотребленій. Половой инстинктъ женщины обуздывается и упорядочивается въ здоровыхъ условіяхъ не только благодаря свойственной ему періодичности, но еще, и прежде всего, благодаря материнству и свойственному женцигъ голосу высшей человѣчности. Но половая свобода женщины важна еще и въ интересахъ потомства. Она одна можетъ обезпечить невозможно лучшее здоровье потомства и чистоту расы, потому что только при условіи половой свободы женщины, единеніе половъ будетъ осуществляться по біологическимъ законамъ, управляющимъ обоими полами. Эти законы соединяютъ другъ съ другомъ такихъ индивидуумовъ, которые біологически наилучше подходятъ другъ къ другу и могутъ дать біологически наилучшее, т. е. совершеннѣйшее, потомство.

Что же, однако, можетъ дать и сдѣлать половая свобода женщины? Чтобы понять это и установить правильную точку зрѣнія, намъ нужно уяснить себѣ, каковы основныя причины половой зависимости женщины въ условіяхъ культурной жизни. Ихъ только двѣ — установленныя природою: половая отвѣтственность женщины, съ одной стороны, и половая безответственность мужчины, съ другой. Обѣ эти причины неизмѣнны. Вотъ почему, исходя изъ нихъ, считается съ ними, культурныя условія должны быть приспособлены къ нимъ. Необходимо, чтобы культура не ставила никакихъ препятствій свободному и добровольному соединенію женщины — ни моральныхъ, ни экономическихъ. Экономическое и нравственное положеніе женщины должно быть всегда и при всякихъ условіяхъ таково, чтобы ее свободное соединеніе никогда не встрѣчало презрѣнія къ себѣ, чтобы оно зависѣло отъ ее собственной душевной и физической воли, отъ ее половой готовности, отъ ее любви, а не отъ воли и произвола мужчины, эксплуатирующаго экономическую нужду женщины.

Мнѣ приходится отказаться, за недостаткомъ мѣста, отъ изложенія здѣсь своихъ взглядовъ на то, какъ можетъ быть рационально достигнуто уравненіе половой свободы женщины съ мужской; но я намѣреваюсь подробно развить ихъ въ другой работѣ. Ограничусь здѣсь только перечисленіемъ главнѣйшихъ принциповъ: во-первыхъ, экономическая самостоятельность и независимость женщины; во вторыхъ, извѣстнымъ образомъ обусловленное участіе государства въ доставленіи средствъ къ жизни женщины и средствъ для воспитанія дѣтей, — которыя должны покрываться посредствомъ особаго

налога; въ-третьихъ, извѣстнымъ образомъ обусловленный принудительный бракъ мужчины съ забеременѣвшей вѣдъ брака женщиной.

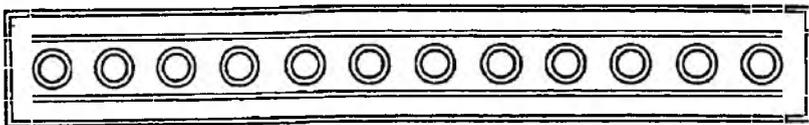
Рука объ руку съ общественной реформой полового вопроса должна идти личная реформа въ отношеніяхъ къ нему мужчины и женщины — разумное, цѣлесообразное воспитаніе обоихъ половъ въ фнанической, нравственной и умственной области. Женщина и мужчина должны развиваться въ этихъ областяхъ въ такомъ духѣ, чтобы быть достойными самихъ себя, какъ индивидуума и какъ личности, и общества, — но чтобы быть также достойными своей великой нравственной задачи, какъ представителей своего пола, какъ продолжателей рода человеческого. Женщина и мужчина должны получать половое воспитаніе, которое сдѣлало бы ихъ людьми мыслящими и знающими въ области половой жизни, но въ то же время и людьми, обладающими истинной нравственной свободой въ отношеніи своихъ инстинктовъ, и въ частности, своего полового инстинкта, — т. е. людьми, нравственное „я“ которыхъ не подчинено этимъ инстинктамъ, а подчиняетъ ихъ себѣ и твердой рукой обуздываетъ ихъ, чтобы они не ускользнули изъ-подъ его власти, — словомъ, людьми, способными къ половому самообладанію. Это самый существенный пунктъ, особенно въ воспитаніи мужчины. Мужчинѣ все разрѣшается еще въ юношескомъ возрастѣ. Онъ можетъ безгранично предаваться половымъ страстямъ, дать имъ самый широкій просторъ и волю, такъ что, въ концѣ концовъ, у него должно сложиться убѣжденіе, что половые интересы составляютъ главную сущность и центръ міра и жизни, — и тогда они пріобрѣтаютъ надъ нимъ зловѣщую власть, такъ что онъ становится рабомъ, безвольной жертвой внѣшнихъ половыхъ раздраженій.

Дѣло воспитанія -- строжайшимъ образомъ возвысигь противъ этого свой голосъ. Подростающему мужчинѣ должно быть привито убѣжденіе, что безвольное, безудержное служеніе половому инстинкту недогойно, постыдно, противоестественно, и что онъ причинитъ себѣ огромный, неисчислимый вредъ въ своемъ потомствѣ, если будетъ предаваться половымъ излишествамъ. Необходимо также поставить ему на видъ серьезныя опасности полового зараженія въ домахъ терпимости, опасности болѣзней половыхъ органовъ для него самого, для женщины и для потомства. Важно также уяснить ему, что безвольное пристрастіе къ чувственнымъ идеямъ и образамъ — болѣзненно, и что оно (такъ же какъ и употребленіе алкоголя и обильной мясной пищи) вызываетъ противоестественныя чувственныя раздраженія, удовлетвореніе которыхъ безусловно сопровождается (потому что они вызываются не внутренней половой энергіей и, слѣдовательно, имъ не соответствуетъ сумма накопленной для израсходованія половой энергіи) ослабленіемъ и вредомъ для организма и имѣетъ результатомъ хилое, вырождающееся потомство.

Юноша долженъ знать, что онъ обязанъ всѣми силами бороться съ такими противоестественными раздраженіями, и не долженъ имъ поддаваться, — т. е. долженъ всячески избѣгать ихъ возникновенія. Прежде всего, въ юношѣ должно быть воспитано убѣжденіе, что онъ, какъ культурное существо, отвѣтственъ за каждый половой актъ и не вправѣ уклоняться отъ этой отвѣтственности, иначе онъ совершаетъ преступленіе про-

тивъ общества, противъ культуры и — больше всего — передъ культурной женщиной; что онъ, слѣдовательно, какъ членъ культурнаго общества, не имѣетъ права допускать злоупотребленій въ половой жизни, своей и женщины, и наоборотъ, несея культурный долгъ бороться съ этимъ, потому что злоупотребленіе во всякомъ видѣ, а особенно половое злоупотребленіе своимъ собственнымъ тѣломъ и тѣломъ женщины — грѣхъ противъ культуры. Словомъ, подрастающему мужчинѣ должно быть привито воспитаніемъ самообладаніе въ области половой жизни, — оно должно проникнуть въ его плоть и кровь, должно сдѣлаться его естественнымъ, нормальнымъ состояніемъ.

Настойчиво подчеркну въ заключеніе, что здоровое преобразованіе культурной половой жизни есть специальная задача женщины, возлагаемая на нее ея природной внутренней организаціей, — и эта задача обусловливаетъ полное освобожденіе женщины отъ всяческой зависимости. Ибо реформа эта требуетъ дѣйственной побѣды женскаго начала, — она требуетъ, чтобы въ женщинѣ развернулись во всей своей силѣ энергія любви, материнскій элементъ, т. е. истинная „вѣчная женственность“, и проявила бы свое вліяніе. Но этотъ расцвѣтъ и это вліяніе возможны только въ условіяхъ полной независимости и полной свободы женщины. Только свободная женщина можетъ направить половую жизнь на здоровый путь и удержать ее на немъ.

Глава пятая.

Духовная жизнь женщины.

(Лили Браунъ, Берлинъ.)

I.

Было время, — и мы еще не очень далеко ушли отъ него, — когда поборницы женскаго движенія провозглашали, какъ одинъ изъ первыхъ своихъ основныхъ принциповъ, полное равенство умственныхъ способностей и чувствъ обоихъ половъ. Всѣ существующія фактическія различія толковались какъ результатъ неодинаковаго воспитанія и различныхъ условий жизни. Такъ какъ двигателемъ женскаго движенія были вначалѣ въ значительной долѣ экономическія условія, вовлекшія женщину въ поиски труда для заработка и, слѣдовательно, какъ конкуррента, въ борьбу съ мужчиной, — то высшей цѣлью для нея представлялось доказать полное равенство отъ природы женскаго ума съ мужскимъ. Только съ теченіемъ времени, когда женщины научились объективнѣе судить о своихъ собственныхъ стремленіяхъ, когда онѣ приобрѣли больше знаній и свѣдѣній и начали анализировать свой собственный умственный и душевный міръ, — онѣ все больше, и больше начали убѣждаться, что половыя различія не ограничиваются однимъ физическимъ строеніемъ, а глубоко и прочно вліяютъ на душевную жизнь и умственное развитіе.

Каждая страница исторіи развитія женщины подтверждаетъ это положеніе. Не различіе воспитанія, не насильственное подчиненіе ея мужчинѣ сдѣлали женщину первобытныхъ народовъ зависимою отъ него, наложили на ея жизнь печать рабства. Если мы прослѣдимъ жизнь женщины до самой сѣдой древности, — всюду мы увидимъ ее втиснутой въ узкій и ограниченный кругъ своего личнаго существованія. Основы этого были заложены въ самой природѣ ея пола. Материнство ограничивало ея свободу передвиженія и заставляло ее нуждаться въ защитѣ. Въ то время какъ мужчина, не стѣсненный половыми ограниченіями, могъ безпрепятственно слѣдовать своимъ инстинктамъ и посвящать всѣ силы осуществленію своихъ личныхъ желаній, — первымъpronикшимъ въ сознаніе челоуѣка закономъ природы явился тотъ, который приковываетъ мать къ ребенку и требуетъ подчиненія ея желаній и стремленій желаніямъ и стремленіямъ ребенка.

То, что женщина принуждена была растворяться въ другомъ, болѣе слабомъ существѣ, беречь его, холить и лелѣять, обусловило собой все умственное и душевное развитіе женщины: самопожертваніе, преданность, состраданіе, любовь стали основными

чертами ея душевнаго склада, на оборотной сторонѣ котораго должны были появиться подчиненность, боязливость, несамостоятельность. И умственное развитіе ея направилось также по пути заботы о дѣтяхъ: она научилась дѣлать для ребенка теплую одежду, навѣсъ, какъ кровлю для защиты отъ непогоды, научилась обрабатывать поле, добывать молоко животныхъ въ замѣну своего. Въ такую эпоху, когда только война и охота считались занятіями, достойными свободнаго мужчины, женщина была, правда, работницей почти на одинаковомъ положеніи съ работой, но потому-то она и являлась носителемъ идеи.

Чѣмъ больше устанавливалось раздѣленіе труда, тѣмъ больше и шире становилось разстояніе между духовнымъ складомъ мужчины и женщины. Дѣти, домашняя жизнь стали ея міромъ, — цѣлымъ міромъ, заполнявшимъ все ея мысли, все ея время, отнимавшимъ все ея силы. Воспитаніе дѣвочекъ еще обостряло необходимую для того времени односторонность женскаго развитія. Раздвинуть эти предѣлы могли бы развѣ самыя необычайныя обстоятельства. Но была еще одна причина, которая не могла не оказать самаго большаго вліянія на художественную сторону духовной жизни. По обычаю и праву почти всѣхъ народовъ древности, женщинѣ одной вѣнялась за обязанность супружеская вѣрность, только ея прелюбодѣяніе казнилось смертью. Она жила дома въ почти тюремной оторванности отъ всей жизни, а такъ какъ въ бракъ она вступала очень рано, большей частью даже не повидавъ предварительно мужа, выбраннаго для нея родителями, то ей оставался чуждымъ весь міръ любви съ его яркимъ, пышнымъ расцвѣтомъ, на плодородной почвѣ котораго единственно и созрѣваютъ великіе художественные образы. Любовь, дѣлавшая мужчину поэтомъ и героемъ, вливавшая огонь въ его жилы, была ей знакома въ лучшемъ случаѣ въ видѣ маленькаго огонька домашняго очага, предназначеннаго согрѣвать домъ и семью мира.

Насколько историческіе факты подтверждаютъ правильность этого взгляда, видно уже изъ того, что въ пору высшаго расцвѣта духовной культуры въ Греціи однѣ только гетеры принимали личное участіе въ жизни родины и завоевывали себѣ положеніе и вліяніе не только своей красотой, но и своимъ умомъ. О легендарной Сафо (рис. 289) намъ, правда, не много извѣстно, — но одно, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно: женой и матерью она не была. И всѣ другія историческія женскія фигуры, — напомнимъ хотя бы только Семирамиду, Клеопатру, — оказавшія свое вліяніе на развитіе человѣчества, относятся по всему своему душевному складу скорѣе къ гетерамъ, чѣмъ къ матерямъ и хозяйкамъ дома древняго типа.

Необходимое условіе духовнаго развитія составляетъ свобода. Изуродованіе обширной сферы чувствъ неизбежно должно было повести къ изуродованію духовной производительной энергіи.

Христіанство нанесло въ этомъ отношеніи женщинамъ еще болѣе вреда чѣмъ язычество, когда заклеимило и самый полъ, объявивъ его грѣховнымъ.

Самъ Павелъ не только обращаетъ свою проповѣдь большею святою безбрачною жизнью къ обоимъ поламъ, но и ясно оговаривается при этомъ, что все, сказанное имъ, есть его собствен-

ное мнѣніе, а не завѣтъ Господень, — а ревностные аскеты ученики выступаютъ съ ученіями въ родѣ: „Хорошо человѣку не прикасаться къ женщицѣ“ или: „Адамъ не поддастся соблазну, но поддастся соблазну женщины, и она привела къ грѣхопаденію“, — клеймятъ бракъ, какъ порокъ, и женщину, какъ открывшую дорогу дьяволу. Церковное право подаяло толкованіе этихъ ученій отцами церкви на степень закона, объявивъ между прочимъ: „Женщина не создана по образу и подобию Божію. Адамъ былъ соблазненъ Евою, а не Ева Адамомъ. И потому справедливо, чтобы мужчина былъ господиномъ женщины, вовлекшей его въ грѣхъ, дабы онъ снова не впалъ въ него. Законъ повелѣваетъ, чтобы жена была подчинена мужу и была почти слугою его“.

„Умерщвленіе плоти“ стало однозначущимъ съ проклятіемъ женщины. На Макономскомъ соборѣ было постановлено большинствомъ повелѣть духовенству избѣгать женщинъ. Соборъ въ Метцѣ еще строже укрѣпилъ это повелѣніе, запретивъ священникамъ общеніе даже съ матерями и сестрами. Завѣтъ цѣломудрія, распространившійся въ первую пору христіанства только на монаховъ, сталъ отнынѣ обязательнымъ для всего духовенства. Послѣдствія безбрачія большого числа мужчинъ — большей частью самихъ выдающихся людей своего времени — были огромны по своему значенію. Правда, церковь создала себѣ изъ нихъ армію преданныхъ борцовъ, которыхъ не отвлекали отъ служенія ей и своему долгу никакіе семейные интересы; но если она полагала, что прославленіемъ цѣломудрія, принудительнымъ умерщвленіемъ половыхъ инстинктовъ она служить высшей нравственности, то она вѣдалась съ однѣми абстрактными теоріями и не приняла въ расчетъ живой природы. Она не только достигла результатовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ стремилась, — такъ какъ, помимо внѣбрачныхъ половыхъ сношеній и быстрого роста проституціи, народилась, особенно въ монастыряхъ, противоестественные пороки, — но и всей нравственной жизни народа принесла вредъ, послѣдствія котораго существуютъ и до сихъ поръ и который всей тяжестью обрушился на женщину. Церковь принизила естественнѣйшія отношенія половъ между собой и старалась скрывать ихъ, какъ что-то дурное, чего человѣкъ долженъ стыдиться; бракъ былъ для нея прежде всего „единеніемъ душъ“, даже половую любовь въ бракѣ она считала грѣховной или, по меньшей мѣрѣ, данью, которую вынужденъ платить человѣкъ своей нравственной немощи, своему удаленію отъ Господа. Внѣшнее освященіе брака путемъ возведенія его въ таинство и объявленіе его нерасторжимымъ не могло оградить его отъ внутренняго распада, на который обрекла церковь интимнѣйшія отношенія людей другъ къ другу. Послѣдствіемъ этого

Рис. 289. Сафо.
(Бюстъ въ стар. Берлинск. музеѣ.)

инстинктовъ она служить высшей нравственности, то она вѣдалась съ однѣми абстрактными теоріями и не приняла въ расчетъ живой природы. Она не только достигла результатовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ стремилась, — такъ какъ, помимо внѣбрачныхъ половыхъ сношеній и быстрого роста проституціи, народилась, особенно въ монастыряхъ, противоестественные пороки, — но и всей нравственной жизни народа принесла вредъ, послѣдствія котораго существуютъ и до сихъ поръ и который всей тяжестью обрушился на женщину. Церковь принизила естественнѣйшія отношенія половъ между собой и старалась скрывать ихъ, какъ что-то дурное, чего человѣкъ долженъ стыдиться; бракъ былъ для нея прежде всего „единеніемъ душъ“, даже половую любовь въ бракѣ она считала грѣховной или, по меньшей мѣрѣ, данью, которую вынужденъ платить человѣкъ своей нравственной немощи, своему удаленію отъ Господа. Внѣшнее освященіе брака путемъ возведенія его въ таинство и объявленіе его нерасторжимымъ не могло оградить его отъ внутренняго распада, на который обрекла церковь интимнѣйшія отношенія людей другъ къ другу. Послѣдствіемъ этого

явились лицемѣріе, ложная стыдливость, подавленіе лучшихъ чувствъ во имя ложнаго моральнаго ученія. И большей частью своихъ психологическихъ и нравственныхъ сторонъ женскій вопросъ обязанъ этому взгляду на любовь и бракъ, вкорененному римской церковью въ народное сознаніе.

Даже возведеніе Богоматери на небесный престолъ, которое должно будто бы доказывать, какъ высоко ставить церковь женскій полъ вообще, ничего не могло измѣнить въ дѣйствительномъ положеніи женщины. Вѣдь не женщина почиталась въ образѣ мадонны, не воплощеніе любви или материнства, какъ въ нѣкоторыхъ языческихъ культахъ, а непорочная Дѣва, ставшая матерью не силой любви своей, а силой чуда.

Половая любовь была заклеяна печатью грѣха, — какъ привилегія, она была предоставлена презрѣннѣйшимъ изъ женщинъ — вотъ тяжкій, глубокий ущербъ, который нанесла церковь всему умственному и душевному развитію женщины. Онъ послужилъ причиною къ возбужденію внутреннего разлада въ существѣ женщины, а между тѣмъ личность ея могла бы созрѣть и производить духовныя цѣнности только при условіи тѣснѣйшаго слянія со всей душой ея сферы любви и материнства.

Зато дѣятельность церкви въ другой области — въ области монастырской жизни — повидимому, даже способствовала духовному развитію женщинъ. Въ ту эпоху, когда число одинокихъ женщинъ тѣмъ болѣе росло, чѣмъ больше мужчинъ, отдавшихъ духовному служенію, отвлекалось отъ семейной жизни, и необезпеченность жизни заставляла искать надежной защиты, — женскіе монастыри являлись убѣжищемъ для тысячъ женщинъ. Массами хлынули женщины за ихъ надежныя стѣны. Монастырь или домашній очагъ — иного выбора онѣ не имѣли; и если многія устремлялись въ монастыри ради крова и пищи, то все же очень велико было и все болѣе и болѣе возрастало и число такихъ женщинъ, которыя рвали прочь отъ грубыхъ уродливостей жизни и которыхъ монастырь привлекалъ, какъ убѣжище для мирнаго труда и духовныхъ интересовъ. Въ сравненіи съ обычнымъ образованіемъ, достававшимся въ удѣлъ женщинамъ, въ монастыряхъ имъ становилась доступной высокая ученость. Тамъ онѣ изучали классическіе языки и нѣкоторыя отрасли наукъ, и нерѣдко мудрая монахиня являлась совѣтчицей папъ и королей. Такой женщиной была, напримѣръ, Гильдегарда фонъ Боккельгеймъ, настоятельница Рупрехтсгаузенскаго монастыря, которая написала (въ XI столѣтіи), помимо житій святыхъ, много сочиненій по физикѣ и зоологіи. На такой же ступени образованія стояла знаменитая „сѣверная ясновидица“, Бригитта Шведская и Гротсвитская, латинская поэтесса эпохи Оттона Великаго. Многія ученныя монахини занимались переписываніемъ старинныхъ сочиненій, рисованіемъ инициаловъ и миниатюръ, были учительницами въ женскихъ школахъ своихъ монастырей, сидѣлками при больныхъ, занимались вышиваньемъ, тканьемъ, стиркой бѣлья. Такъ рѣшили отчасти монастыри женскій вопросъ въ средніе вѣка, не только доставляя убѣжище огромному числу одинокихъ женщинъ, но и дѣлая для нихъ доступными высшія ступени умственнаго развитія и самостоятельныя профессіи.

Но создать что-нибудь великое, оригинальное для женской творческой мысли ученые монахини средних вѣковъ христіанства были такъ же безсильны, какъ и образованныя гетеры языческой древности: и тѣ, и другія были существа двуполыя, неспособныя къ самостоятельному творчеству, — въ лучшемъ случаѣ, подражатели мужскимъ образцамъ.

II.

Когда на классической почвѣ возродились къ новой жизни античныя искусство и наука, женщины (принадлежавшія къ зажиточнымъ кругамъ) приняли участіе въ созданіи духовныхъ

Рис. 290. Олимпія Фульвія Мората.

сокровищъ, нараставшихъ въ неисчерпаемомъ изобиліи, — и тогда это уже не стоило имъ борьбы и усилія. Обширная область домашняго хозяйства не поглощала уже до такой степени, какъ въ прежніе вѣка, все ихъ время и всѣ силы; ремесла и промышленность взяли на себя изготовленіе множества предметовъ обихода, а грубая повседневная работа была пѣликомъ возложена на служанокъ. Такимъ образомъ, естественнымъ слѣдствіемъ освобожденія зажиточной части женщинъ отъ бремени однообразнаго труда явилось то, что онѣ начали живѣе интересоваться искусствомъ, окружавшимъ ихъ, и наукой, о которой вокругъ толковали, а нѣкоторыя, наиболѣе даровитыя женщины начали выбирать ученныя профессіи или посвящать себя искусству. Въ домахъ купцовъ и во дворцахъ вельможъ дѣти обоего пола получали одинаковое образованіе подъ руководствомъ гуманитарно образованныхъ преподавателей. Выдающіеся педагоги посвящали всѣ свои силы образованію своихъ питомицъ, такъ что, напримѣръ, нѣкая Сесилія Гонзага подъ руководствомъ Битторино де Фельтре въ совершенствѣ овладѣла классическими языками въ десятилѣтнемъ возрастѣ, а Олимпія Фульвія Мората (рис. 290) въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ читала научныя лекціи слушателямъ.

Но цѣль образованія заключалась не въ односторонней учености, — оно стремилось къ гармоническому развитію всѣхъ способностей, индивидуализаціи всего человѣка. Великимъ завоеваніемъ эпохи Возрожденія для женщинъ было, слѣдовательно, не то, что открылся доступъ въ университеты для женщинъ и слава

нѣкоторыхъ женщинъ-ученыхъ прогресса по всему тогдашнему міру, — а въ признаніи женщины самостоятельнымъ человѣкомъ. Высшая форма общенія между полами, о которомъ рассказываютъ итальянскіе новеллисты и биографы, служить достаточнымъ доказательствомъ этого. Бесѣды текли не только за столомъ, предметомъ ихъ была не только любовь, женщина была не только экономкой или возлюбленной, она принимала участіе въ научныхъ бесѣдахъ, ей читали свои произведенія Данте, Петрарка, Боккаччіо, и грѣлое сужденіе женщинъ цѣнилось наравнѣ съ мужскимъ, часто къ нему даже больше прислушивались. Такія женщины, какъ Катерина Корнаро (рис. 291) въ Венеціи, Изотта Малатеста въ Римини, Эмилія Піа въ Урбино, Изабелла да Эсте въ Мантуѣ, Вероника Гамбарра въ Болоньѣ были центромъ кружковъ, жившихъ высшими духовными интересами, отъ мнѣнія которыхъ зависѣла слава не одного поэта и художника.

По фотогр. бр. Альварі изъ Флоренціи.
Рис. 291. Катерина Корнаро.
(По портрету Тициана.)

Большая относительно свобода, которой пользовались женщины эпохи Возрожденія, самостоятельность, съ которой онѣ слѣдовали своимъ собственнымъ убѣжденіямъ и чувствамъ, дала поводъ фанатикамъ религіи и морали провозгласить ихъ необычайно безнравственными созданіями, — а нѣкоторые еще до сихъ поръ ссылаются на ихъ примѣръ для доказательства того, что женщина развращается, когда хочетъ стать равной мужчинѣ. Но если сопоставить умственно очень неразвитыхъ въ общемъ женщинъ Франціи и Англій XV и XVI столѣтій съ высокообразованными и развитыми женщинами Италіи той же эпохи, — результатъ сравненія будетъ безусловно въ пользу послѣднихъ. Онѣ не были тупо покорными мученицами, не были и хитрыми, коварными интриганками, и потому онѣ часто разрывали узы позорнаго и унижительнаго супружества и повиновались голосу сердца.

Но такъ какъ супружеская вѣрность считалась долгія столѣтія специально женской добродѣтелью, и мужъ требовалъ ея отъ жены, какъ свое право, по закону, потому что она съ мо-

По фотогр. Броджи во Флоренци.
Рис. 292. Элеонора Гонзага (La Bella).
(По портрету Тициана.)

сердечная жизнь ея становилась разносторонняе. Объ этомъ свидѣтельствуесть цѣлый рядъ портретовъ и бюстовъ женщинъ Ренессанса. Стоитъ посмотрѣть на тициановскую Элеонору Гонзага (La Bella, — рис. 292) съ ея глубокими глазами, на Катерину Корнаро (его же, рис. 291) съ лицомъ, въ которомъ борется энергія и скорбь, на Мону Лизу Леонардо да Винчи (рис. 295) съ ея таинственной улыбкой, таящей въ себѣ такъ много понятаго и невысказаннаго, на бюсть принцессы Неаполитанской Лаураны (рис. 293), опущенныя вѣки которой скрываютъ горячіе взоры, на бюсть принцессы Урбино Сет-

По фотогр. Мартенса въ Берлинѣ.
Рис. 293. Принцесса Неаполитанская.
(Съ портр. работы Фр. Лауранье.)

тиньяно (рис. 294) съ ея прерзительно сжатыми губами, — всѣ онѣ повѣствуютъ о богатой жизни яркихъ индивидуальностей и представляютъ разительный контрастъ съ условными лицами мадоннъ XIII и XIV столѣтій.

И все же то, что изображало

По фотогр. Мартенса въ Берлинѣ.
Рис. 294. Принцесса Урбино.
(По портр. работы Деалд. Сеттиньяно.)

мента вступленія въ бракъ становилась его собственно-стью, которой онъ одинъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. — то стражи добродѣтели древняго и новаго времени смотрѣли и смотрять псегда на невѣрность женщины, какъ на преступленіе, тогда какъ къ мужской невѣрности относятся съ снисходительной улыбкой. Что потребность любви у многихъ женщинъ очень часто такъ же измѣчива, какъ и у мужчинъ, — этого не хотять признать, хотя исторія женщины даетъ довольно такихъ примѣровъ: во всякую историческую эпоху и во всѣхъ общественныхъ кругахъ, когда только женщина получала возможность свободнаго развитія, повышался не только ея умственный уровень, но и

искусство, было только слабым отблеском тогдашней женской жизни. Во всем ярком блескѣ и величїи, во всем пышномъ расцвѣтѣ добродѣтелей и пороковъ нашла она свое совершеннѣйшее отраженіе въ образѣ Лукреціи Борджіа, дочери папы и одной гетеры, женщины, въ двадцатилѣтнее царствованіе которой Феррара стала центромъ художественной культуры и гуманитарной образованности. Кто захочетъ прослѣдить истинные источники этой бурно-стремительной кипучей жизни, одинаково страстной и въ чувствѣ любви, и въ глубокомъ материнскомъ чувствѣ, — тотъ увидитъ, что этотъ потокъ бралъ свое начало въ необычайномъ богатствѣ чувства; женскій умъ только тогда своеобразенъ, когда его оплодотворяетъ чувство.

Эпоха Ренессанса даетъ намъ самое яркое доказательство того, что высокіе подъемы культуры всегда совпадаютъ съ сознательнымъ отбрасываніемъ аскетизма, съ энергичнымъ утвержденіемъ жизни, — и женщины Ренессанса также доказываютъ, что свобода представляетъ и для женщины коренное условіе яркаго расцвѣта индивидуальности. Въ такія историческія эпохи, какъ Возрожденіе, повторяется то, что мы могли наблюдать и въ періодѣ расцвѣта Греціи: духовный ростъ гетеры. Имперія, Тулія д'Арагона, Вероника Франко должны быть поста-

По фотогр. А. Жиродема въ Парижѣ.

Рис. 295. Мона Лиза.

(По картинѣ Леонардо да Винчи.)

влены рядомъ съ Діотимой и Аспазіей. Насколько личность Лукреціи Борджіа типична для своей эпохи и своего общественнаго круга, настолько же личность Діаны де Пуатье (рис. 296) можетъ считаться воплощеніемъ одухотвореннаго гетеризма той же эпохи. Прелестной возлюбленной двухъ французскихъ королей Франція обязана самыми прекрасными цвѣтами своего художественнаго Ренессанса. Ея образованность, ея умъ, ея вкусъ оказали несомнѣнно болѣе прочное вліяніе на теченія этой эпохи, чѣмъ ученныя сочиненія ея современницъ, добивавшихся только лавровъ личной славы.

Тамъ, гдѣ общее образованіе женщины вырождалось въ одностороннюю ученость и гдѣ женщины выступали какъ худож-

ники, поэты и ораторы, — больше всего бросается въ глаза одна характерная черта: и научныя, и художественныя созданія ихъ носятъ чисто мужскую печать, и высшей похвалой, которой ихъ чтвили, было признаніе за ними мужского ума. Еще женщина-теологъ Булояна, бывшая въ XIII столѣтїи проповѣдникомъ въ Болоньѣ и ставшая профессоромъ, славилась „мужской си-

По снимку Браунъ и К° въ Дорнахъ.

Рис. 296. Діана де Пуатье.

(По портрету Франсуа Клуа.)

лой“ своего ораторскаго таланта. Новелла д'Андреа, очаровательная преподавательница каноническаго права, и Магдалена Буонсиньори, знаменитый авторъ сочиненія „De legibus connubialibus“ были правовѣдами съ „мужской глубиной ума“. Изотта Ногаролла, читавшая доклады передъ папами и королями, Кассандра Феделе, читавшая лекціи въ Падуѣ, Ипполита Сфорца, обратившаяся съ привѣтственной рѣчью

къ папѣ на соборѣ въ Мантуѣ, Изикратеа Монти и Эмилія Брембати, ораторскій талантъ которыхъ привлекалъ сотни слушателей, — всѣ онѣ полагали свое высшее честолюбіе въ томъ, чтобы заставить забыть о своемъ полѣ.

И такимъ всеобщимъ распространеніемъ пользовался этотъ взглядъ, что даже выдающіяся женщины давали иногда самимъ себѣ обѣтъ цѣломудрія, потому что не могли найти гармоническаго сліянія служенія наукъ или искусству съ физической жизнью женщины и матери. Къ нимъ принадлежала Витторія Колонна (рис. 295), знаменитая поэтесса, безсмертная подруга Микель-Анджело. И она не сумѣла, при всей умственной высотѣ, на которой она стояла, несмотря на крупныя духовныя силы, которыми она обладала, перекинуть мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую женщину, какъ половое существо, отъ женщины, какъ художника и ученаго. И на этомъ пунктѣ не сумѣли устоять даже женщины Ренессанса, потому что роль, которую онѣ играли въ духовной жизни, какъ сила творческая, а не только направляющая и критическая, явилась не результатомъ движенія, выросшаго изъ внутренняго развитія всего женскаго существа, а сознаниемъ разомъ освободившихся отъ духовныхъ путей отдѣльныхъ женщинъ. Оттого-то это явленіе не имѣло глубокихъ послѣдствій; оно не было даже достаточноымъ доказательствомъ духовнаго равенства женщинъ, потому что онѣ слишкомъ робко шли по слѣдамъ мужчины, вмѣсто того чтобы доказать, что онѣ сумѣютъ пойти и своимъ собственнымъ путемъ.

Судя поверхностно, можно было бы заключить, на основаніи безчисленнаго количества трактатовъ того времени о женщинахъ, объ ихъ славѣ и способностяхъ, что женское движеніе пустило глубокіе корни. Но болѣе глубокое и внимательное изслѣдованіе доказываетъ, что многіе писатели, слѣдуя обычаю древнихъ культурныхъ народовъ, исповѣдывали истинный героическій культъ, и всякій мнилъ себя Плутархомъ, если писалъ біографіи знаменитыхъ мужей; нельзя же было не писать біографій и знаменитыхъ женщинъ, такъ какъ онѣ всюду оказывались на переднемъ планѣ духовной жизни. Первый примѣръ подаль Боккачіо, описавъ въ одномъ написанномъ по-латыни трактатѣ цѣлый рядъ выдающихся женщинъ — отъ грековъ до своего времени. Какъ мало это сдѣлало его борцомъ за женское дѣло, доказываетъ одна рѣзкая сатира на женскій полъ: „Il cobaccio“. За нимъ послѣдовало множество подражателей, старавшихся перещеголять другъ друга не умомъ и остроуміемъ, а количествомъ восхваляемыхъ женщинъ, пока наконецъ всѣхъ ихъ затмилъ Петеръ П. Рибера своимъ сочиненіемъ о безсмертныхъ триумфахъ и героическихъ подвигахъ восьмисотъ сорока пяти женщинъ. Отнынѣ стоило сдѣлать еще шагъ впередъ по одной проторенному пути, чтобы дойти до патетическихъ восхваленій преимуществъ женскаго пола передъ мужскимъ и чтобы этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ нескончаемыхъ толковъ въ обществѣ, на которомъ изоощрялось остроуміе и ораторское искусство.

Особенно глубокаго слѣда вся эта литература въ Италіи не оставила, такъ какъ она очень мало отвѣчала всеобщей потребности и могла быть интересна только тѣмъ немногимъ женщи-

намъ, которыя, благодаря своимъ благоприятнымъ вѣшнимъ условіямъ, въ состояніи были помѣряться съ мужчинами равнымъ оружіемъ. А число такихъ женщинъ было незначительно въ сравненіи съ общимъ числомъ женщинъ и съ періодомъ времени, на который надо распределить въушительное число восьмисотъ сорока пяти риберовскихъ женщинъ. Испанія, женщины которой могли тогда больше другихъ похвастать мужскимъ умомъ, также выдвинула очень немного дѣйствительно выдающихся ученыхъ женщинъ; среди нихъ особенно видное мѣсто заняли ученый тсологъ Изабелла да Кордова и талантливый ораторъ Юліанна Морелла (Барцелона), одинаково хорошо владѣвшая четырнадцатью языками.

Въ то время, какъ въ Италіи и Испаніи женщины не имѣли надобности бороться за право участія въ духовной жизни своей страны, имѣя право учиться и учить, — положеніе ихъ во Франціи, въ Англии и, главнымъ образомъ, въ Германіи было совершенно иное. Онѣ жили въ экономическомъ угнетеніи и блага науки и искусства получали только изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Вотъ почему вначалѣ только немногія женщины добивались по примѣру итальянокъ духовнаго развитія и умственного равноправія. И, что очень характерно для положенія дѣлъ въ средніе вѣка — это стремленіе проявлялось часто въ связи съ потребностью самостоятельнаго заработка.

По фотогр. бр. Аллиари по Флоренціи.
Рис. 297. Витторія Колонна.
(По картанъ Муццано.)

Классическимъ примѣромъ такихъ пробуждающихся стремленій служить французская писательница

Кристина де Пизанъ. Рано овдовѣвъ, она оказалась вынужденной сама выкормить и вырастить своихъ дѣтей. Такъ какъ она получила, по понятіямъ того времени (XV в.), хорошее образованіе, то она съ желѣзной энергіей взялась за пополненіе его и добилась возможности прокормить себя и дѣтей своими литературными трудами. Своимъ романомъ о розѣ и своей исторіей Карла V она составила себѣ имя далеко за предѣлами своей родины. Но изъ всѣхъ ея работъ наиболѣе интересно для сужденія о женскомъ вопросѣ въ то время ея полемическое сочиненіе „La cité des dames“. Она описывала въ немъ жизнь и дѣятельность итальянской женщины-юриста Новеллы д'Андреа и, воспользовавшись этимъ поводомъ, выступила на защиту научнаго образованія женщины, заявивъ въ заключеніе, что мужчины только потому встаютъ противъ образованія женщинъ, что боятся ихъ умственнаго превосходства. Кристинѣ де Пизанъ принадлежитъ слава перваго защитника перомъ дѣла женской эмансипаціи; судьба предназначила ее для этого самой жизнью, полной борьбы. Почвой, на которой произросли женскій вопросъ и женское движе-

ние, явился не югъ, осыпающій дѣтей своихъ такимъ изобиліемъ богатства и красоты, что могъ бы не обдѣлить и женщины, а страны центральной и сѣверной Европы, въ которыхъ борьба за существованіе захватываетъ всѣхъ, не исключая и женщины. Разумѣется, женщины, сумѣвшія сознать тяжелое и угнетенное положеніе своего пола и дерзнувшія высказаться о немъ, не могли быть изъ числа самыхъ униженныхъ. Эти должны были стоять на болѣе или менѣ высокой ступени развитія и образованія, потому что глубокое униженіе и рабство притупляетъ, убиваетъ всякую энергію, не оставляя мѣста даже чувству недовольства своимъ положеніемъ.

Вотъ почему первой преемницей Кристины де Пизанъ во Франціи была женщина того же круга: мадмуазель де Гурнэ, приемная дочь Монтэня.

Она провозгласила равноправіе женщины за исключеніемъ воинской обязанности. Прямого практическаго результата эти стремленія, разумѣется, не имѣли, но въ связи съ вліяніемъ гуманизма, съ расцвѣтомъ искусства и литературы, съ ростомъ благосостоянія высшихъ классовъ, явившимся слѣдствіемъ усилившейся эксплуатаціи народа, — они повліяли на улучшеніе дѣла женскаго образованія. Въ смыслѣ ума и знаній изъ толпы ученыхъ женщинъ выдѣлилась одна королева, ставшая почти легендарной фигурой: Маргарита Наваррская, сестра Франциска I (рис. 298). Ея рассказы, стихотворенія, въ особенности же ея переписка, даютъ яркую и живую картину умственной жизни XVI столѣтія со всѣмъ его легкомысліемъ и со всей граціозной красотой, — но въ нихъ также всюду можно видѣть слѣды подражанія итальянскимъ образцамъ. Ея тетка, такая же талантливая, но въ противоположность ей безнравственная, — Маргарита Валуа, супруга Генриха IV, писавшая 50 годами позже ея, отличалась болѣе самостоятельнымъ стилемъ и, полная прерарья къ окружающимъ ее безвольнымъ и умственно ничтожнымъ мужчинамъ, элившимся на ея умъ и энергію, написала сочиненіе о превосходствѣ женскаго ума.

Рис. 298. Маргарита Наваррская.
(По гравюру Вутруа.)

Но все же значительными трудами въ области науки французскія женщины похвалиться не могутъ. Изъ толпы посредственностей выдѣляется одна единственная женщина: Анна, дочь ученаго филолога Тавнью Лефебра и супруга его незначительнаго ученика, Андрэ Дасье. Ей принадлежатъ первые переводы на французскій языкъ Шавта и Аристофана, Теренція и, главнымъ образомъ, Гомера, а полемическое сочиненіе ея „Traité des causes de la corruption du goût“ (о причинахъ испорченности вкуса), въ которомъ она энергично опровергаетъ на-

падки Ламотта на Илиаду и Одиссею, надолго сохранило интерес и значение. Неудивительно, что Анна Дасье (рис. 299) так и осталась в одиночестве, потому что ученость, которая должна была бы сдѣлаться средством умственного освобождения, сознательной и облагороженной жизни для всѣхъ, сдѣлалась капризомъ моды высшего круга и выродилась, въ концѣ концовъ, въ каррикатурную форму. Какъ и въ Италіи, женщины Франціи не сумѣли найти гармоніи между своей женской природой и своимъ научнымъ образованіемъ. И онѣ, какъ и итальянки, часто отрѣшались отъ любви и материнства, чтобы отдаться безъ помѣхи своимъ занятіямъ. Мы знаемъ, что, на-

Рис. 299. Анна Дасье.
(По портр. работы Фердинанда.)

примѣръ, извѣстныя „жеманницы“ отеля Рамбуилье на безъ основанія навлекли на ученыхъ женщинъ насмѣшки, — и Мольеръ, заклеившій ихъ неестественность убійственной насмѣшкой въ своихъ комедіяхъ „Précieuses ridicules“ („Жеманницы“) и „Femmes savantes“ („Ученныя женщины“), показали себя, въ сущности, не врагомъ, а другомъ женщинъ.

Гораздо больше, чѣмъ на духовное развитіе Франціи, повліяло возрожденіе классической древности на духовное развитіе Германіи. Но времена были слишкомъ тяжелыя, массы народа были слишкомъ бѣдны и женщины слишкомъ глубоко погрязли въ тѣсномъ кругѣ своихъ домашнихъ заботъ, чтобы могли въ сколько-нибудь значительной степени приобщиться къ этому движенію. Съ крайне медленной постепенностью проникалъ духъ новаго времени изъ кабинетовъ ученыхъ въ аудиторіи университетовъ, чтобы добраться и до нихъ. Расцвѣтомъ женской учености отмѣчены въ Италіи, въ Испаніи и отчасти и во Франціи XV и XVI вѣка, тогда какъ въ Германіи она зародилась только въ началѣ XVII вѣка. Но гуманисты гораздо раньше все же начали углубляться въ теоретическія обсужденія женскаго вопроса, выдвинутого Италіей въ эпоху возрожденія, открывшую женщинамъ доступъ къ классическому образованію. То, что совершилось тамъ безъ борьбы, подѣ непосредственнымъ вліяніемъ великихъ духовныхъ завоеваній, педагогично-аналитической нѣмецкой умъ могъ усвоить только построивъ предварительно обширныя и сложныя теоріи, — а медлительный, искусственно-задержанный въ своемъ развитіи умъ нѣмецкой женщины могъ переварить чуждую пищу лишь въ гомеопатическихъ дозахъ.

Однако, при всѣхъ теоретическихъ разсужденіяхъ, женское

образование продолжало ограничиваться элементарнѣйшими познаніями; какая-нибудь Харита Пиркгеймеръ, знакомившаяся въ домѣ своего брата со свѣтилами нѣмецкаго искусства и науки и, подобно принцессамъ при дворахъ итальянскихъ меценатовъ, жившая среди нихъ, — представляла одно изъ очень рѣдкихъ исключеній. Дворянство того времени отличалось грубостью, буржуазія — ограниченностью и трусостью, дворы владѣтельныхъ князей были малы и бѣдны. Перемѣна наступила только въ XVII столѣтіи. Но именно въ эту пору, когда въ сферѣ знаній появилась усталость, непродуктивность, мертвечность, —

пробудившаяся, наконецъ, потребность женщинъ въ высшемъ образованіи не могла найти живого удовлетворенія. Правда, высокопоставленныя женщины, вроде Анны Маріи Крамеръ, которая въ 12 лѣтъ отъ роду одерживала побѣды надъ старыми профессорами въ ученыхъ диспутахъ; правда, нѣкоторыя отдѣльныя женщины достигали такой высоты учености, что ихъ труды переживали ихъ; во славу ихъ лились, правда, потоки чернилъ; но среди всѣхъ ихъ нельзя было найти ни одной, дѣйствительно высокообразованной, умственно зрѣлой и въ то же время женственной личности. Ученость ихъ была чисто поверхностной, вся она была не что иное,

Рис. 300. Анна Марія Шурманъ.
(По гравюру Лармессена.)

какъ тотъ фаустовскій „ученый хламъ“, который натуры сильныя сбрасываютъ съ себя, какъ пестрые тряпки, чтобы, только освободившись отъ него, стать самими собой. Такого рода попытку сдѣлала, пожалуй, Елизавета Пфальцская, дочь несчастнаго короля, достигшая, благодаря трагическимъ переживаніямъ, болѣе или менѣе глубокаго міросозерцанія.

Она была вначалѣ ревностной ученицей Декарта, съ которымъ состояла въ оживленной перепискѣ, и въ концѣ концовъ забросила всѣ ученые книги, не удовлетворявшія ея душу, когда почувствовала, что вся заученная мудрость не въ состояніи утолить жажды поисковъ смысла жизни. Тогда она обратилась къ мистическимъ сектамъ лабандистовъ и квакеровъ, такъ какъ и онѣ искали и не находили единства между жизнью и знаніемъ. Къ числу ея друзей принадлежала прославленная сверхъ заслугъ

голландка Анна Марія ванъ Шурманъ (рис. 300), провозглашенная чудомъ вѣка, десятой музой. Но и она потерпѣла крушеніе въ своей вѣрѣ въ себя и въ свою мудрость и также послѣдовала въ смиренномъ покаяніи за новымъ пророкомъ Жакомъ Лаборди.

Почти точно такъ же сложилась судьба ученой королевы Христины Шведской; и ея жизнь знаніе не обогатило и не наполнило содержаніемъ, и она въ концѣ концовъ тоже бросилась искать въ религіи, перейдя въ католицизмъ, того, чего не находила до тѣхъ поръ: удовлетворенія своей одинокой душѣ.

III.

Картина духовной жизни женщины до наступленія XIX столѣтія была бы неполна и лишена своего истиннаго характера, если бы мы пропустили въ своемъ обзорѣ влстительницу и хозяйку салона XVII и XVIII столѣтій. Марія Терезія (рис. 301) и русская императрица Екатерина II (рис. 286) дали своей жизнью и дѣятельностью интересные матеріалы для освѣщенія духовнаго міра женщины. Обѣ онѣ не только оказались вполнѣ на высотѣ своего положенія правительницъ, но и превзошли умомъ и энергіей десятки вѣнценосцевъ-мужчинъ. Обѣ онѣ отличались пламеннымъ честолюбіемъ, но Марія Терезія безусловно подчинила имъ свои личныя потребности и склонности, тогда какъ для Екатерины честолюбіе не было желѣзнымъ обручомъ, сковывающимъ ея личность, а только одной изъ многихъ страстей, въ которыхъ проявлялась ея мощная натура. Марія Терезія была „прирожденной правительницей“; все личное—человѣческое и женское—она душила въ себѣ во имя единственной задачи, которой она всецѣло отдалась. Екатерина же воспользовалась всей полнотой свободы развитія, доступной женщинѣ только на такой высотѣ жизни, чтобы проявить во всей широтѣ свою индивидуальность. Каковъ же былъ результатъ? Онъ не былъ бы инымъ, если бы она и была мужчиной. Ея любовныя увлеченія, возводившія на высоту ея фаворитовъ и дававшія имъ въ руки вліяніе, ничѣмъ не отличались отъ увлеченій мужчинъ-властителей, давшихъ фавориткамъ ихъ историческое значеніе. Но вотъ что интереснѣе: Екатерина, бывшая по меньшей мѣрѣ такой же выдающейся властительницей, какъ и Марія Терезія, отличалась отъ нея тѣмъ, что сумѣла проявить своей литературной дѣятельностью (изъ произведеній ея, наряду съ пьесами, заслуживаютъ быть отмѣченными прежде всего ея воспоминанія и переписка съ духовными вождями ея эпохи) то богатство духовнаго міра, которое осталось недоступнымъ австрійской императрицѣ. Для доказательства тѣсной связи между удовлетвореніемъ любовныхъ потребностей и индивидуальной энергіи умственнаго развитія и производительности женщины понадобилось бы, правда, привести значительное число убѣдительныхъ примѣровъ, -- но въ связи съ остальными данными о душевной жизни женщины, которыми мы располагаемъ, даже единственный примѣръ такой, какой намъ даетъ Екатерина, представляется чрезвычайно вѣскимъ.

Говоря о духовной производительности женщинъ, имѣютъ

обыкновенно въ виду, по аналогіи съ мужской производительностью, только положительную дѣятельность въ области науки и искусства, причисляя къ нимъ, во вниманіе къ выдающимся образамъ правительницъ, еще и государственнѣе умъ и энергію. Но при этомъ упускаютъ изъ виду другую обширную область, немаловажную по числу написанныхъ томовъ и картинъ, — область женскаго вліянія на ихъ эпоху и ея представителей — мужчинъ. А между тѣмъ сказывающаяся въ этихъ документахъ духовная жизнь женщины имѣла нерѣдко гораздо большее значенія для развитія человѣчества, чѣмъ иныя ухищренныя изслѣдованія женщинъ-ученыхъ.

Съ этой точки зрѣнія образъ хозяйки салона XVII и XVIII столѣтій въ общемъ не заслуживаетъ того пренебрежительнаго отношенія, которое ему начали оказывать теперь. Въ сравненіи съ женщиной Возрожденія она, конечно, имѣетъ видъ изящной игрушки рядомъ съ классическимъ художественнымъ произведеніемъ. Подобно тому, какъ власть моды искажала все естественное въ наружности, насильственно перетягивая талію, увеличивая до чудовищныхъ размѣровъ ширину бедеръ фижмами, лишая волосы ихъ естественнаго цвѣта съ помощью пудры, превращая лицо въ маску всякими притираніями и мушками, — такъ нерѣдко убивались и иска-

Рис. 301. Марія Терезія, императрица Австрійская.

(По портр. работы М. Мейтхеса.)

жались и естественныя чувства. Словно заразительная болѣзнь, распространялся вокругъ упадокъ нравственности, гдѣ любовь служила не высшимъ двигателемъ жизни, а только средствомъ для удовлетворенія жажды наслажденій. И все же женская психика сумѣла и въ это время развернуть свои крылья.

Такие женскіе образы, какъ маркиза Помпадуръ, живая индивидуальность которой способствовала наумительному расцвѣту искусства ея времени, плодотворное вліяніе которой можно прослѣдить во многихъ различныхъ областяхъ общественной жизни, или мадемуазель де Леспинассъ, Нинона де л'Анкло (см. томъ II), въ салонахъ которыхъ черпали вдохновеніе величайшіе умы ихъ эпохи, — такіе образы не должны оцѣниваться съ точки зрѣнія суроваго судьи нравственности, потому что ихъ міръ любви нельзя втиснуть въ традиціонныя формы. Мемуары и переписка той эпохи обличаютъ такое богатство духовной жизни и такую теплую искренность чувства, которыя не могли зародиться на болотистой почвѣ порока, а

только доказываютъ, что для женской психики, какъ и для мужской, вольный воздухъ внѣшняго міра является условіемъ жизни и развитія. Насиліе и гнетъ во всё время, если — въ лучшемъ случаѣ — и порождали добродѣтели, то рабскія добродѣтели, но гораздо скорѣе и больше рабскіе пороки и рабскій образъ мыслей. Вотъ почему все то, что до сихъ поръ порицалось и восхвалялось, какъ свойства женскаго сердца и женскаго ума, можетъ быть названо естественными признаками пола только тогда, когда будутъ устранены внѣшній гнетъ и внѣшнія преграды къ развитію.

Если эпоха Возрожденія, слѣды которой можно прослѣдить до Ницолы де л'Анкло (женщины, великой заслугой которой надолго останется то, что она воскресила античный восторгъ передъ физической красотой и вновь показала, что красота, какъ и умъ, можетъ подняться на высоту жизненной цѣнности), разбилась тѣ оковы, въ тискахъ которыхъ сердце женщины не могло естественно биться, то воспитательной миссіей XVIII столѣтія, несомнѣнно, было то, что оно изошрило, хотя бы и за счетъ сердца, умъ женщины. Способность критическаго сужденія ея развилась въ невѣдомой дотолѣ степени. Она стала властелиномъ не только въ области общественныхъ отношеній, моды, изящныхъ искусствъ, но и въ политикѣ. Она руководила королями, министрами и дипломатами въ ихъ рѣшеніяхъ, вліяла на ихъ симпатіи и антипатіи. Въ салонахъ графини Буффлеръ, Эстрадъ, герцогини де Грамонъ, Прэнъ и Ланжакъ сходились нити всей внѣшней и внутренней политики. Царство женщины было, какъ говорилъ Монтескьё, государствомъ въ государствѣ: „Тотъ, кто видитъ дѣйствія министровъ и не знаетъ женщины, властвующей надъ ними, — похожъ на человѣка, который видѣлъ бы работу машины, но не зналъ бы той силы, которая ее приводитъ въ движеніе“. Эта политика черныхъ лѣстницъ, единственная, какая могла быть доступна женщинамъ, такъ какъ официальныхъ правъ онѣ не имѣли, должна была оказать вредное вліяніе на ихъ характеръ, такъ какъ, чѣмъ больше хитрости и интригантства онѣ проявляли, тѣмъ больше добивались. Но, съ другой стороны, это пробуждало ихъ интересъ къ общественной жизни, онѣ научались смотрѣть на нее собственными глазами, и такимъ образомъ хозяйки салоновъ *à la cour* содѣйствовали прокладыванію того пути, по которому пошли женщины революціи.

Обозрѣвая, однако, всю эту эпоху и положеніе женщины въ ней, мы не можемъ не отмѣтить одно бросающееся въ глаза явленіе: несмотря на все вліяніе женщинъ, на огромную роль, которую онѣ играли, при всемъ развитіи ихъ критической мысли, — мы совершенно не находимъ у нихъ самостоятельной творческой работы ни въ области науки, ни въ области искусства. То обстоятельство, что нѣкоторые посредственные писанія, авторами которыхъ были женщины, могли встрѣтить признаніе и даже восторженную хвалу, служить именно самымъ яркимъ доказательствомъ того, что женщины показали себя неспособными къ творческой работѣ. Подъ вліяніемъ Готшеда, въ Германіи были „увѣнчаны“ званіемъ поэтессы женщины, въ родѣ г-жи фонъ Циглеръ или г-жи Цейнеманъ и др., которые

были, въ сущности, тщеславными римоплетами самаго невысокаго сорта, и произведенія ихъ, какъ, напримѣръ, произведенія г-жи Готшедъ, явно носили всѣ признаки вымученной жажды славы.

Какъ въ извѣстныхъ кругахъ французскаго дворянства молодныя дѣвушки готовились воспитаніемъ къ желанной „карьерѣ“ королевскихъ фаворитокъ, такъ въ Германіи, особенно въ германскомъ ученomъ мѣрѣ, дѣвушки искусственно дрессировались для роли позтессы или ученыхъ. Доротея Эркслебенъ, получившая, съ ясно выраженнаго соизволенія молодого короля прусскаго, степень доктора въ Галле въ 1755 году, была еще, пожалуй, наиболѣе значительной среди нихъ. Даже нѣкогда

всемірно-знаменитая Анна Луиза Каршинъ (рис. 302), врожденная талантливость которой не могла не обнаружиться, благодаря дрессировкѣ, которой ее подвергали ея поклонники, въ стихослагательствѣ, критеріемъ цѣнности котораго являлась большая или меньшая быстрота и техническая ловкость, — можетъ произвести на насъ только трагикомическое впечатлѣніе. Единственной женщиной, которую мы можемъ разсматривать какъ крупную фигуру и которой нѣмецкое сценическое искусство обязано своимъ освобожденіемъ отъ шутовства и паясничанья, въ которыхъ прозябала до тѣхъ поръ сцена на низшей ступени простаго балагана, была Фридерика Каролина Нейберъ (рис. 303), странствующая комедіантка. Ее воспитала жизнь, а не латинская грамматика.

Рис. 302. Анна Луиза Каршинъ.

Причины поголовнаго духовнаго безплодія женщинъ съ одной стороны и отдѣльныхъ случаевъ проявленія творчества, но крайне несовершеннаго, съ другой — вооплѣ понятны и ясны для того, кто хорошо изучилъ эпоху: умныя и даровитыя хозяйки салоновъ и великія жрицы любви (*grandes amoureuses*) презирали материнство и отрекались отъ ребенка. Едва родивъ ребенка, мать отсылала его въ деревню къ кормилицѣ; кормить его самой не позволяли соображенія о красотѣ фигуры. Возвращаясь отъ кормилицы, ребенокъ поступалъ на попеченіе гувернера или гувернантки, которые старались невозможнo скорѣе сдѣлать изъ него внаго барина или юную даму. Мать въ это время усиленно искала удовольствій и развлеченій, сама не подозревая, что она ищетъ, въ сущности, того, что могъ бы дать ей ея покинутый ребенокъ: внутренне богатое содержаніе жизни. Разъ сама она была человѣкомъ искалѣченнымъ, — какъ могла она создать что-нибудь великое и цѣльное? Если же дѣлались попытки создать изъ дѣвочки, вмѣсто будущей хозяйки салона,

ученаго или поэтессу, то при этомъ ставилась единственная цѣль: добиться того, чтобы ея созданія были совершенно одинаковы съ мужскими. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, слѣдовательно, искусственно подавлялась специально женская природа.

Руссо первый разглядѣлъ своимъ гениально-зоркимъ взглядомъ ту болѣзнь, которая подтачивала жизненный нервъ женщины, изслѣдовалъ ея причины и безстрашно разоблачилъ ихъ. Пусть онъ своимъ средствомъ спасенія и промахнулся, попавъ мимо цѣли, — выразивъ желаніе, въ противоположность всему, что онъ видѣлъ, чтобы женщина воспитывалась только для дома, — все же та услуга, которую онъ оказалъ женщинамъ, перевѣшивается это преувеличеніе. Онъ отвоевалъ ребенку отнятое у него дѣтство, женщинѣ — женственность, и избавительнымъ словомъ его для зашнурованной, какъ талія, женской души было: будь матерью! Какъ всѣ великіе реформаторы, онъ чутко уловилъ беззвучные вздохи и безмолвную тоску своихъ ближнихъ и первый нашелъ слова для этого. Безчисленное множество людей привѣтствовали его, какъ своего спасителя; вѣдь онъ сказалъ только то, что они сами смутно чувствовали, указать имъ только тотъ путь, котораго они сами давно искали ощупью и робко, какъ слѣпые. Прекрасно выразила исходившее отъ него обаяніе мадамъ д'Эпинѣ въ своихъ мемуарахъ.

„И если бы я говорилъ языкомъ людей и ангеловъ и не имѣлъ бы любви, слова мои были бы мѣдъ звенящая и кимвалъ бряцающій“, — прежде всего это относится къ женщинамъ. Никакія права, никакая свобода не послужатъ имъ ни къ чему и не сдѣлаютъ изъ нихъ одаренныхъ творчествомъ людей, — никакой широкой просторъ половому воспріятію тоже, — если онѣ будутъ лишать себя того блага, которымъ отбѣтила природа ихъ одиѣхъ: материнской любви. Только изъ нея рождаются самыя глубокіе инстинкты женщины: состраданіе и самопожертваніе.

IV.

Всѣ великія революціонныя движенія имѣли своихъ женщинъ-борцовъ и мученицъ. Сострадательная, самоотверженная любовь къ человѣку вела женщинъ на крестъ и на эшафотъ, а свобода и справедливость были путеводными звѣздами ихъ товарищей по борьбѣ и страданіямъ, мужчинъ.

Что лучшія женщины понимали духъ XVIII столѣтія, борьбу за свободу, которымъ оно дышало, и пламенно увлекались имъ и участвовали въ борьбѣ, — въ этомъ заслуга той умственной революціи, которая предшествовала ей и главнымъ блестящимъ глашатаемъ которой явился для женщинъ Руссо. Насколько его идеи покорили именно женщинъ, доказательствомъ этого служатъ мемуары и переписка той эпохи.

Десяти лѣтъ отъ роду читала Манонъ Филипонъ, впоследствии мадамъ Роланъ (рис. 304), Плутарха и увлекалась образами античныхъ героевъ; 14 лѣтъ она, тогда воспитывавшаяся въ монастырѣ, утратила, благодаря сочиненіямъ Дидро и д'Аламбера, свою вѣру и стала пламенной ученицей Руссо. Такъ же приблизительно шло развитіе ея очаровательной соперницы въ дѣлѣ владычества надъ героями первой поры революціи — Софи

де Груши, маркизы де Кондорсе, которая въ 20 лѣтъ измѣнила благоговѣйное отношеніе къ „Размышленіямъ“ Марка Аврелія и, подчинившись идеямъ Вольтера и Руссо, осталась имъ вѣрна всю жизнь. Но и другія женщины, не призванныя сыграть роль въ революціи, черпали пищу для своего ума изъ тѣхъ же источниковъ и передавали своимъ дѣтямъ, которымъ, подъ вліяніемъ Руссо, снова научились отдавать все лучшее, что сами имѣли. Не случайность это, что время перваго увлеченія „Эмилемъ“ совпадаетъ со временемъ рожденія и дѣтства героевъ революціи — Робеспьера, Дантона, Демулена и многихъ другихъ, потому что матери ихъ держали въ рукахъ „Contrat social“, съ молокомъ матери всасывали они идеалы равенства и свободы. Теоріи мыслителей, мечты философовъ взывали, какъ никогда до тѣхъ поръ, къ чувству и потому обратили женщинъ въ своихъ пламеннѣйшихъ послѣдовательницъ. Въ ихъ салонахъ собирались умственные вожди и руководители и цѣнили ихъ сужденіе безусловно такъ же и столько же, какъ сужденія мужчинъ, — всѣ общественныя отношенія были проникнуты тѣмъ электрическимъ флюидомъ, обаянію котораго не можетъ не поддаться всякій, захваченный его теченіемъ, и который пробуждалъ всѣ дремлющія силы духа къ энергичной дѣятельности. Между тѣмъ какъ часть женщинъ довольствовалась тѣмъ, что увлекалась мечтами о природѣ, свободѣ и равенствѣ, — другая часть дѣлала выводы изъ вновь обрѣтенной истины и начала вмѣшиваться не только критическимъ, но и фактическимъ вліяніемъ на теченіе внутренней политики.

Рис. 303. Фридерика Каролина Неябергъ.

Однако при оцѣнкѣ участія женщинъ Франціи въ политической жизни не слѣдуетъ упускать изъ виду одно обстоятельство: вліяніе Америки. Оно сказалось и въ Национальномъ собраніи, и въ деклараціи правъ человѣка; вольный воздухъ, который повѣяло отъ освободительныхъ войнъ, немало содѣйствовалъ и выметенію разнаго средневѣковаго хлама изъ Европы; женское движеніе въ революціонную эпоху также должно быть объяснено во многихъ своихъ чертахъ американскими вѣяніями.

Женщины Америки съ самаго же начала примкнули къ возстанію своей родины противъ англійскаго владычества. Мерси Отисъ Варренъ, сестра пламеннаго борца за свободу Джемса Отисъ, объединила въ своемъ салонѣ вождей движенія. Даже

когда Вашингтонъ еще и не думалъ объ окончательномъ отдѣленіи колоній отъ метрополи, она требовала независимости Америки. Она состояла въ оживленной перепискѣ съ Джефферсономъ, и провозглашеніе независимости явно носитъ слѣды ея вліянія. Но въ то же время она и ея подруга, Авигаилъ Смитъ, Адамсъ, супруга перваго президента Соединенныхъ Штатовъ, были первыми передовыми бойцами за дѣло равноправія женскаго пола. Когда въ 1776 году континентальный конгрессъ собрался для обсужденія конституціи, Авигаилъ Адамсъ писала своему мужу: „Если будущая конституція не удѣлитъ

Рис. 304. Мадамъ Роланъ.

Изъ соч. Э. Адлера „Die berühmten Frauen der französischen Revolution“.

самаго заботливаго вниманія женщинамъ, то мы рѣшились на возстаніе и не сочтемъ себя обязанными подчиняться законамъ, которые не гарантируютъ намъ ни голоса, ни представительства нашихъ интересовъ“. Въ то же время она требовала допущенія женщинъ во всѣ учебныя заведенія, мотивируя свое требованіе заявленіемъ, что если государство хочетъ рождать героевъ, государственныхъ людей и философовъ, то оно должно имѣть прежде всего истинно-образованныхъ матерей. Вслѣдствіе этого требованія, женщинамъ были открыты доступъ въ учебныя заведенія, но ихъ желаніе политическаго равноправія всѣмъ составомъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ не было удовлетворено. Только Нью-Джерси и Виргинія явились

первыми государствами въ мірѣ, даровавшими своимъ гражданкамъ избирательное право, — и этотъ законодательный актъ вызвалъ необычайную сенсацию далеко за предѣлами Америки.

Всѣ эти факты въ своей совокупности раздули яркимъ пламенемъ страстное увлеченіе женскимъ движеніемъ во Франціи. Такъ какъ почва была уже подготовлена, то она не могла остаться безплодной. Прежде всего сказалось стремленіе къ высшему образованію, какъ къ средству для болѣе активнаго и продуктивнаго вмѣшательства въ борьбу за вопросы современности. Собесѣдованія въ салонахъ, частное образованіе съ помощью книгъ перестали удовлетворять, — и вотъ въ 1788 году была основана, подъ руководствомъ Монтескье, Лагарпа и Кондорсе, лицей, который вскорѣ сдѣлался самымъ пунктомъ самыхъ выдающихся женщинъ, и къ нимъ примкнулъ небольшой

кругъ мужчинъ, въ общемъ около 700 человекъ. Тамъ читали послѣдніе изъ энциклопедистовъ и ихъ послѣдователи математику, химию, физику, исторію, литературу и философію, но огневые вѣянія революціи вскорѣ превратили ихъ ученыхъ лекціи въ пламенные агитационныя рѣчи. Лагарпъ вышелъ на трибуну во фригійской шапочкѣ, а аудиторія, къ которой принадлежали мадамъ Роландъ, маркиза Кондорсе и мадамъ Тальенъ, превратилась изъ слушателей въ дѣйствующихъ лицъ драмы, разыгравшейся за стѣнами лица.

Съ этого момента духовная эмансипація женщинъ, ихъ участие въ общественной жизни перестали ограничиваться кругомъ образованныхъ и зажиточныхъ лицъ. Не нужно было учености, чтобы понять страданія массъ, — для этого довольно было открытыхъ глазъ и теплаго сердца. Процессія женщинъ изъ народа, направившихся въ Версаль, — эта драматическая прелюдія была подказана не только личнымъ страданіемъ, — это былъ страстный порывъ женскаго сердца, полного у всякой нормальной женщины материнской любовью и заботой ко всемъ страдающимъ и поработеннымъ, — порывъ, который способенъ сдѣлать бѣднѣйшихъ и презрѣннѣйшихъ изъ нихъ подвижниками въ великіе всемірно-историческіе моменты.

Типичными женскими образами въ эту эпоху, столь богатую оригинальными женскими индивидуальностями, можно считать француженку Олимпію де Гужъ (рис. 305) и англичанку Мэри Уольстонъ Крафтъ. Настоящее имя Олимпіи было Мари Гуэ, родители ея были простые мѣщане изъ Монтобана; но есть основаніе думать, что она родилась отъ связи своей матери Олимпіи (именемъ которой она называла себя впослѣдствіи) съ поэтомъ Ле Франъ де Помпийанъ. Дѣвушка рѣдкой красоты (съ типичными чертами рода Бурбоновъ, что послужило поводомъ для слуховъ, что она дочь Людовика XV), она очень молодой вышла замужъ, но скоро сбросила съ себя оковы своего глубоко-несчастливаго брака. Олимпіа отправилась въ Парижъ, гдѣ стала вскорѣ центромъ веселаго общества, сгруппировавшагося вокругъ нея, несмотря на очень несовершенное образованіе, единственно благодаря своему уму и изумительной красотѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что неопытное существо не сумѣло при этомъ уберечь свое сердце отъ бурныхъ страстей. Она познакомилась и съ глубокими пропастями, и съ вершинами жизни во всѣхъ отношеніяхъ, прежде чѣмъ достигла того, что стала передовымъ борцомъ за дѣло своего пола. Богатая фантазія ея искала для себя вначалѣ выхода въ литературномъ творествѣ: она пробовала писать пьесы, но, разумѣется, несмотря на весь ея умъ и остроумную наблюдательность, оцѣ большого успѣха имѣть не могли при ея скупомъ образованіи.

Рис. 305. Олимпія де Гужъ. Изъ соч. Э. Аллери „Die berühmten Frauen der französischen Revolution“.

Подъ вліяніемъ все болѣе разгоравшейся революціи, она вскорѣ бросила эту дѣятельность и всю свою прошлую жизнь. „Меня страстно влечетъ, — писала она, — беззавѣтно броситься въ объятья дѣлу служенія народному благу“. И она это сдѣлала со всей энергіей своей натуры. Ея гениальность шутя преодо- дѣла всѣ представившіяся ей затрудненія. Страданія народа и ея пола вдохнули въ нее необычайныя силы. По отъезду современниковъ, она поражала всѣхъ богатствомъ мыслей и могучей силой своего языка. Даже Національное собраніе, затѣивъ дыханіе, прислушивалось къ рѣчамъ этого блестящаго оратора и часто слѣдовало ея практическимъ указаніямъ. Но чтó бы она ни писала или говорила, — все было отмѣчено печатью прекрасной женственности ея натуры. Когда обрушился голодъ, она своимъ публичнымъ воззваніемъ и личнымъ примѣромъ побудила множество женщинъ, соперничавшихъ между собой въ великодушїи, принести въ даръ государству свои драгоценности. Съ потрясающей силой рисовала она ужасы нужды въ домѣ для бѣдныхъ въ Сень-Дэни и волновалась жгучимъ вопросомъ все возрастающаго нищенства. Вначалѣ она потребовала учрежденія общественныхъ кассъ для выдачи пособій, но потомъ, сознавъ всю унижительность приѣма милостыни, начала агитировать словомъ и перомъ въ пользу учрежденія государственныхъ образцовыхъ мастерскихъ для безработныхъ, и эта идея ея достигла частичнаго осуществленія.

Однако всѣ эти усилія Олимпїи де Гужъ имѣли сравнительно небольшое, переходящее значеніе въ сравненїи съ дѣятельностью ея въ интересахъ женскаго дѣла. То, что она сдѣлала въ области женскаго движенія, имѣетъ огромную, историческую цѣнность. Еще въ своемъ воззванїи къ женщинамъ она восклицала: „Не пора ли, чтобы и среди насъ, женщинъ, началась революція? Неужели же намъ всегда оставаться разрозненными? Неужели мы никогда не примемъ дѣятельнаго участія въ преобразованїи общества?“ Когда затѣмъ появилась декларация правъ челоуѣка и воодушевила всѣхъ, она издала манифестъ, декларацию правъ женщины, представлявшую въ сжатой и энергичной формѣ программу женскаго движенія. Послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ словъ, въ которыхъ она указываетъ на то, что непризнаніе, забвеніе или презрѣніе къ правамъ женщинъ являются причиной національнаго несчастья и нравственной испорченности, она продолжаетъ:

„Женщина рождена свободной и по закону равна мужчинамъ. Цѣль всякаго законодательнаго учрежденія — защита неотъемлемыхъ правъ обоихъ половъ: свободы, прогресса, безопасности и противодѣйствія насилію... Но осуществленію правъ, присущихъ женщинамъ отъ природы, ставились до сихъ поръ очень тѣсныя границы. Нація, на которой держится государство, состоитъ изъ совокупности мужчинъ и женщинъ; законодательство должно быть выраженіемъ воли всей этой совокупности. Слѣдовательно, всѣ гражданки должны такъ же, какъ и всѣ граждане, участвовать лично или черезъ своихъ избранныхъ представителей въ законодательной работѣ. Законъ долженъ быть равенъ для всѣхъ. Поэтому всѣ гражданки и всѣ граждане должны имѣть, соотвѣтственно своимъ способностямъ, равный доступъ ко всѣмъ

общественнымъ должностямъ, отличіямъ и профессіямъ; только различія ихъ добродѣтелей и талантовъ должны служить мѣриломъ для ихъ избранія. Женщина имѣетъ право всходить на эшафотъ; такое же право она должна имѣть всходить на трибуну. Но права женщины должны служить благу всѣхъ, а не только выгодѣ ея пола.

„Женщина такъ же, какъ и мужчина, участвуетъ въ созданіи имуществва, — она имѣетъ такое же право, какъ и онъ, требовать отчета въ управленіи имъ. Та конституція не дѣйствительна, въ созданіи которой не участвовали совмѣстный трудъ большинства всѣхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ состоитъ нація... Проснитесь же, женщины!.. Факель истины разсѣялъ мракъ глупости и тиранин; когда вы станете зрѣчими? Объединитесь! Противопоставьте власти грубой силы силу разума и справедливости. И вы скоро увидите, что мужчины не будутъ лежать у вашихъ ногъ изнывающими поклонниками, а пойдутъ съ вами рука объ руку, гордые возможностью дѣлать съ вами вѣчныя права челоуѣчества“.

Декларация О. Гужъ не осталась безъ послѣдствій. Появилось множество брошюръ за и противъ требованій женщинъ. Изъ ничтожнаго моднаго журнала „Journal des femmes“ возникъ первый журналъ для пропаганды и защиты женскаго движенія: „L'observateur féminin“. Національное собраніе было забросано петиціями, требовавшими политическаго и соціального равноправія. „Вы только что уничтожили привилегіи, — гласила одна изъ нихъ, — отчѣните же и привилегію мужскаго пола“. „Народъ вводитса во владѣніе своими правами, негры освобождаются, — отчего не освобождаютъ и женщинъ?“ — говорилось въ другой.

Олимпія де Гужъ правильно поняла, что наступилъ надлежащій моментъ для объединенія разрозненныхъ борцовъ за женскія права, чтобы придать ихъ шагамъ большую силу и выразительность. Она основала первые политическіе женскіе союзы, въ которыхъ она являлась руководительницей и самымъ блестящимъ агитаторомъ. Къ сожалѣнію, ея дѣятельности уготованъ былъ преждевременный конецъ. Въ чувству была нестерпима всякая жестокость, которая совершалась вокругъ нея во имя свободы, она не была изъ числа тѣхъ, которые умѣютъ заставить умолкнуть голосъ совѣсти ради соображеній благоразумія. „Даже кровь виновнаго, жестоко пролитая, позоритъ революцію!“ восклицала она. Она была все же страстной республиканкой; еще въ 1789 году она письмомъ къ Національному собранію потребовала низложенія короля, а во время голода въ адресъ къ нему восклицала: „Пришла пора, когда вы должны трепетать за себя и за вашъ народъ. Неужели вы хотите царствовать надъ пирамидами труповъ и горами тѣлъ?“ Но сострадательное сердце ея возмутилось тѣмъ, какъ былъ поведенъ процессъ противъ короля.

„Если вы грубой рукой подпиливаете столпъ монархіи, — берегитесь, чтобы онъ не похоронилъ васъ подлѣ собой“, писала она. Это выраженіе уже вызвало подозрѣніе. Ее укоряли въ томъ, что она продалась роялистамъ; она пробовала защищаться, ссылаясь на свою бѣдность, — все, что она имѣла, она роздала бѣднымъ. Но никто не хотѣлъ вѣрить безпокойной гражданкѣ, умввшей своимъ краснорѣчіемъ увлекать за собой

массы, и въ клубѣ якобинцевъ ее обвинили въ томъ, что она стоитъ во главѣ роялистскаго заговора, къ которому ее будто бы особенно влечетъ потому, что она побочная дочь Людовика XV. И вмѣсто того, чтобы стать осторожнѣе въ своихъ нападкахъ на вождей революціи, она стала обрушиваться на нихъ еще безпощаднѣе, такъ какъ смертный приговоръ, объявленный королю, страшно взволновалъ ее. Она видѣла въ этомъ не только жестокость, а боялась также послѣдствій этого для дальнѣйшаго хода революціи. „Кровь измѣняетъ умы и сердца; можетъ случиться, что одна деспотическая форма правленія смѣнится другою“. Увлекаемая потребностью все испытать, желаніемъ предостеречь роковую опасность, приближеніе которой она ясно видѣла, и въ порывѣ, свойственномъ всѣмъ страстнымъ натурамъ, бороться до послѣдняго за свое убѣжденіе, она предложила Конвенту свои услуги для защиты короля.

Послѣ его казни она писала, несмотря на опасность, которую навлекала этимъ на себя, самыя рѣзкіе памфлеты, въ которыхъ особенно безпощадно нападала на Робеспьера, пророчески восклицая: „И твоимъ трономъ тоже когда-нибудь будетъ эшафотъ!“ При этомъ она старалась вліять въ такомъ же смыслѣ и на женскіе союзы и добивалась часто того, что и они настраивались враждебно и публично становились на сторону жертвъ гильотины. Однако Олимпія де Гужъ недолго могла сопротивляться той участи, которую сама навлекла на себя. Лѣтомъ 1793 года (ей было сорокъ пять лѣтъ) она была арестована, и 3 ноября голова ее упала подъ ножомъ гильотины.

Мэри Уольстонкрафтъ (рис. 306) дѣйствовала больше перомъ, чѣмъ рѣчами. Жизнь, полная внутреннихъ и внѣшнихъ лишеній и борьбы, научила ее понимать страданія ея пола. Будучи по профессіи учительницей, она давно живо интересовалась вопросами воспитанія и образованія, и первымъ литературнымъ опытомъ ея была небольшая работа по вопросу о воспитаній молодыхъ дѣвушекъ. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ переводовъ съ нѣмецкаго и нѣсколько самостоятельныхъ трудовъ, которые обезпечили ее и благодаря которымъ у нея завязались личныя отношенія съ издателемъ Джонсономъ; черезъ него она попала въ кругъ образованныхъ и интересныхъ людей. Самъ Джонсонъ и его окружающіе слѣдили съ бурнымъ увлеченіемъ за событіями французской революціи; въ салонѣ Джонсона провозглашались права человѣка и всему задавалъ тонъ Томасъ Пэнъ, голова котораго была увѣнчана соединеннымъ вѣнкомъ американскихъ освободительныхъ войнъ и парижской осады Бастиліи. Такимъ образомъ Мэри Уольстонкрафтъ очутилась въ водоворотѣ революціоннаго движенія, а нападки, которыми обрушился на нее Эдм. Боркъ, послужили поводомъ къ тому, что эта пылкая женщина выступила открыто съ проповѣдью своихъ идей. „Оправданіе правъ человѣка“ называлась небольшая брошюра, сдѣлавшая имя ея автора извѣстнымъ далеко за предѣлами кружка ея друзей. Но она была только прелюдией и введеніемъ къ главному сочиненію ея — „Защита правъ женщинъ“, которое она посвятила Талейрану въ надеждѣ, что ей удастся оказать вліяніе на преобразование французской школьной системы.

Подъ вліяніемъ страстнаго импульса она написала свое объ-

емистое сочиненіе въ нѣсколько недѣль, не давая себѣ времени спокойно обдумать его. Оно дѣйствительно носитъ слѣды спѣшной работы и состоитъ изъ совершенно несистематизированныхъ, часто противорѣчивыхъ мыслей, которыя однако все безъ исключенія свидѣтельствуютъ объ оригинальности Мэри Уольстонкрафтъ и о силѣ ея наблюдательности. Наибольшее значеніе придаетъ она воспитанію и въ пренебреженіи имъ видитъ причину недостатковъ и слабостей женскаго пола, сравнивая развитіе женщинъ съ растеніемъ, произрастающимъ на слишкомъ обильной почвѣ и рождающимъ прекрасный цвѣтъ, но не дающимъ плодовъ. У

насъ воспитываются, говорятъ она, „дамы“, но совсѣмъ не воспитываются женщины, имъ прививаютъ нравы, но не прививаютъ нравственности, ихъ стремленія направляются на тщеславные интересы, на пустоту, а не на серьезныя цѣли, ихъ приучаютъ заниматься играми и развлекаться удовольствіями вмѣсто того, чтобы приучать ихъ къ труду, а свободное время посвящать наслажденіямъ искусствомъ, природой и наукой. Такъ культивируются тѣ безвольныя, безыдейныя существа, которымъ потомъ ихъ же собственные воспитатели — мужчины бросаютъ горькіе упреки въ недостаткѣ воли и мышленія. Но кто поближе взглянетъ въ ихъ воспитаніе, того не удивитъ, что онѣ становятся добычей пристрастковъ, судятъ несамостоятельно и склонны къ слѣпой вѣрѣ въ авторитеты. Благодаря окружающимъ ихъ условіямъ, онѣ дѣйствительно дѣлаются несовершенными людьми. Но такъ какъ несовершенство это вызвано искусственно, то несправедливо судить о женщинахъ вообще по современному ихъ уровню. Пусть прежде женщинамъ дадутъ просторъ развиться, развернуть свои силы и тогда только пусть судятъ, какую ступень онѣ достойны занять на умственной и нравственной лѣстницѣ. И тогда, когда онѣ будутъ воспитываться какъ разумныя существа, съ ними нельзя будетъ обращаться какъ съ рабами, и онѣ должны будутъ пользоваться тѣми же правами, что и мужчины.

Фотогр. изд. Фр. Гауфштейнга въ Мюнхенѣ.
Рис. 306. Мэри Уольстонкрафтъ.

На этомъ пунктѣ Мэри Уольстонкрафтъ оказывается осторожнѣе и сдержаннѣе своего единомышленника Кондорса. На основаніи равенства правъ для всѣхъ людей Кондорса требуетъ полити-

ческаго равноправія для женщинъ и находить что невѣжество женщинъ не можетъ быть предлогомъ для существованія неравенства, такъ какъ мужчины не подвергаются испытанію въ умственной зрѣлости прежде чѣмъ ихъ признають полноправными гражданами государства; Уольстонкрафтъ же считаетъ реформу воспитанія необходимымъ предварительнымъ условіемъ реформы законовъ.

Но во всѣхъ остальныхъ частяхъ своего труда она является истинной воспитанницей революціи. И не только тѣмъ, что она рѣзко нападаетъ на неограниченность королевской власти, на регулярныя войска, на аристократію; она обсуждаетъ также проблему бѣдности и считаетъ ее одной изъ существенныхъ причинъ порока и преступленія. Отсюда она дѣлаетъ выводъ о необходимости для женщинъ добиваться экономической независимости отъ мужчинъ. Это радикальное даже для настоящаго времени требованіе она первая выразила, — и это ставитъ ее въ ряды просвѣщеннѣйшихъ и проицательнѣйшихъ борцовъ женскаго движенія. Но она еще и въ другомъ отношеніи опередила свое время: во имя цѣломудрія, которое должно быть равно обязательно для обоихъ половъ, она требовала, чтобы дѣвочки и мальчики учились совмѣстно въ общественныхъ школахъ. Только тогда, — говорила она, — когда установятся съ ранняго дѣтства товарищески-невинныя отношенія и умственное соревнованіе между полами, — только тогда любовь между женщиной и женщиной станетъ чище и глубже, и браки будутъ счастливѣе. Наряду съ умственнымъ воспитаніемъ должно быть поставлено и физическое, чтобы могли вырастать болѣе сильныя и красивыя поколѣнія, чтобы страна имѣла матерей, способныхъ рождать и воспитывать здоровыхъ дѣтей.

Это составляетъ основную ноту всей ея книги: ради своего святого природнаго назначенія, ради будущихъ поколѣній, которыя народятся изъ чрева ея, которымъ ея тѣло и ея душа доставятъ первую пищу и опредѣлятъ этимъ ихъ дальнѣйшее развитіе, — женщина должна быть поставлена рядомъ съ мужчиной, равная ему, свободнымъ гражданиномъ, какъ и онъ.

Вооруженная для предстоящей борьбы — борьбы за освобожденіе своего пола изъ оковъ экономического, умственнаго и нравственнаго рабства — стояла женщина у порога XIX столѣтія. Еще труды ея не могли говорить въ ея пользу; но мраморъ уже ждалъ ея рѣзца, нѣмой языкъ ждалъ, чтобы она вдохнула въ него жизнь, звукъ ждалъ, чтобы она разбудила въ немъ мелодію, и прежде всего человѣчество, безмѣрно изстрадавшееся, ждало своего освобожденія при помощи освобожденной женщины.

V.

Экономическое развитіе оказалось величайшимъ освободителемъ женщины: оно разрушило, съ одной стороны, старый міръ, въ которомъ она жила, который наполнялъ всѣ ея мысли, требовалъ отъ нея всей энергіи, но и строго замыкалъ ея умственный горизонтъ, — разрушило домашній очагъ; съ другой стороны, оно гнало ее бичомъ нужды въ борьбу за существованіе, въ трудъ

для заработка внѣ дома. И прежде женщины всегда работали, но ихъ трудъ, хотя бы и для заработка, протекалъ почти всегда въ четырехъ стѣнахъ домашней обстановки. Дорога на фабрику, въ мастерскую, въ операционную врача, на кафедру, на судейское кресло, ввела ее въ то же время въ общественную жизнь, въ борьбу классовыхъ и партійныхъ интересовъ. Бывали въ прежнія столѣтія единичныя женщины, которыхъ особенно счастливыя условія жизни или особенно крупный личный талантъ выводили изъ узкой сферы жизни и интересовъ ихъ пола, какъ творцовъ, дѣятелей и учителей; бывали и другія, проводившія грядущее освобожденіе ихъ пола и указывавшія пути къ нему; но женское движеніе могло возникнуть только тогда, когда массы женщинъ очутились передъ необходимостью зарабатывать свой хлѣбъ въ одинаковыхъ областяхъ съ мужчиной.

Для женъ и дочерей трудящагося класса народа широко раскрылись двери фабрикъ и мастерскихъ. Никакія соображенія бережности и деликатности передъ возможнымъ ущербомъ ихъ женственности не помѣшали предпринимателямъ эксплуатировать ихъ дешевую рабочую силу для повышенія своихъ прибылей и для давленія на оплату мужского труда. Женщины же средняго буржуазнаго класса, оказавшіяся предоставленными самимъ себѣ, потому что бракъ все менѣе и менѣе оказывался для нихъ надежнымъ средствомъ обезпеченія, очутились передъ запертыми дверьми. То, что сразу далось женщинамъ изъ пролетаріата доступъ къ мужскимъ профессіямъ, женщинамъ буржуазныхъ классовъ пришлось завоевывать. Вотъ почему женское движеніе было по своему происхожденію движеніемъ чисто буржуазнымъ. Но оно было еще, кромѣ того, движеніемъ преимущественно незамужнихъ женщинъ, — и это обстоятельство надолго наложило на него свою особую печать и часто увлекало его на ложные пути. Одинокія женщины добивались труда для доставленія себѣ средствъ къ жизни и боролись за доступъ къ профессіямъ болѣе или менѣе высшаго порядка, чтобы найти въ нихъ интересъ и содержаніе жизни. Для нихъ была возможна также конкуренція съ мужчиной въ присвоенныхъ имъ себѣ областяхъ, такъ какъ обязанности материнства не отнимали у нихъ ни времени, ни силъ. Вотъ почему онѣ могли выдвинуть и тотъ механической принципъ равенства между мужчиной и женщиной, въ основѣ котораго лежитъ утвержденіе не только одинаковыхъ способностей обоихъ половъ, но и одинаковой возможности ихъ развитія и примѣненія къ профессиональному труду.

Половыя функціи мужчины ничѣмъ не мѣшаютъ дѣятельности его рабочей энергіи; но виды и способы труда во всѣхъ профессіяхъ скроены по мѣркѣ мужчины; вотъ почему женщина, конкурирующая съ мужчиной, вынуждена либо отказываться отъ исполненія своего полового назначенія, либо причиняетъ себѣ и своимъ дѣтямъ физическій и духовный ущербъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ — если оставить въ сторонѣ рѣдкія исключительныя натуры — она должна остаться въ проигрышѣ: въ первомъ она не достигаетъ совершеннаго развитія своей личности и, слѣдовательно, высшаго предѣла своей производительности, потому что только женщина, завершившая весь кругъ женской жизни, можетъ быть представительницей своего пола во всемъ

его богатствѣ и во всемъ объемѣ; въ другомъ же случаѣ столкновение между материнствомъ и профессіей можетъ стать трагедіей ея жизни и безусловно подрывать ея производительность. Вотъ почему пролетарское женское движеніе, представляющее собой не просто борьбу за трудъ, а борьбу за виды труда, составляетъ не только по времени, но и по существу, главное для дальнѣйшей и прочной культуры женскаго движенія. Принципъ приспособленія условій труда къ природѣ женщины, вмѣсто приспособленія женщины къ существующимъ условіямъ труда, одерживаетъ все большую и большую побѣду въ современномъ женскомъ движеніи и налагаетъ на него глубоко революціонную печать, потому что отъ требованія приспособленія условій труда къ природѣ женщины — одинъ только шагъ до приспособленія ихъ къ природѣ человѣка вообще и до осужденія такого экономическаго строя, который имѣетъ своей цѣлью не повышение содержанія жизни, а единственно возрастаніе капитала.

Такимъ образомъ, вопросъ теперь въ томъ, какъ повліяло на женщинъ это движеніе, направленіе котораго нами намѣчено въ общихъ чертахъ, — создало ли оно духовныя цѣнности непреходящаго значенія. При этомъ намъ не такъ интересно установить, что столько-то даровитыхъ женщинъ адвокаты, врачей, учителей, фабричныхъ инспекторовъ и пр. доказали, что не уступаютъ своимъ товарищамъ по профессіи — мужчинамъ; гораздо важнѣе намъ изслѣдовать вопросъ о томъ, удалось ли потоку женскаго движенія, все болѣе и болѣе крѣпчившему со времени своего возникновенія въ XIX столѣтіи, замѣтно оплодотворить почву, питающую всѣхъ женщинъ (ощутительно для нихъ или нѣтъ) и содѣйствовать развитію женской личности, которая должна быть поставлена рядомъ съ мужской — не какъ однородная, а какъ равноцѣнная ей.

При взглядѣ на галерею женскихъ портретовъ за послѣднія сто лѣтъ напрашиваются поразительные выводы. Хотя рѣзкихъ границъ между различными проявленіями женской психики и невозможно установить, такъ какъ одинъ типъ часто переходитъ въ другой, — все же для ясности изслѣдованія необходимо установить извѣстную классификацію. Мы различаемъ, такимъ образомъ, женщину-ученаго, женщину-поэта или художника, женщину-вдохновительницу и женщину-агитатора.

Ученая образованность была, въ сущности, всегда доступна женщинамъ и до XIX столѣтія; и въ средніе вѣка, и въ эпоху Возрожденія, и въ XVII и XVIII столѣтіяхъ — всегда встрѣчались отдѣльныя женщины, добившіяся докторской степени и кафедръ при университетахъ. Правда, за все это время женщины не выдвинули изъ своей среды ни одного Галилея или Ньютона, но — насколько это возможно установить исторически — большей частью обнаруживали въ среднемъ большую даровитость по сравненію съ среднимъ же типомъ мужчинъ. Это тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ о врожденномъ умѣ женщинъ, что обыкновенно онѣ не получаютъ вполнѣ одинаковаго съ мужчиной спеціальнаго образованія. Каролина Гершель приобрѣла необходимыя познанія только попутно, помогая брату въ его занятіяхъ, — и все же ея научныя работы не особенно уступаютъ, какъ извѣстно, работамъ ея брата. Мэри Зоммервилъ достигла почти исклю-

чительно самоучкой тѣхъ высокихъ познаній, которыя заслужили ей со стороны Британскаго астрономическаго общества избраніе въ почетные члены его. Но такъ какъ все это натуры исключительныя, талантливость которыхъ была такъ велика, что онѣ сумѣли проложить себѣ дорогу черезъ всё препятствія и, прежде всего, черезъ преграды полового ограниченія, то созданное ими не можетъ быть отнесено на счетъ женскаго пола. Сравненіе между мужской и женской производительностью въ научной области можетъ быть сдѣлано только начиная съ того времени, когда болѣе или менѣе значительное число женщинъ приобщилось къ ученымъ профессіямъ, — когда не только неодолимое влеченіе внутренняго дарованія, но и профессиональное стремленіе привело въ аудиторіи женщинъ и среднихъ способностей. Это явленіе возникло и росло подъ давленіемъ того же экономическаго развитія, которое погнало женщинъ пролетаріата на фабрики и въ мастерскія. Вотъ почему только въ началѣ XIX столѣтія разгорѣлась, какъ мы видимъ, та борьба за допущеніе женщинъ къ высшимъ профессіямъ, которая ведется во всѣхъ культурныхъ странахъ обоими полами тѣмъ болѣе ожесточенно, чѣмъ болѣе одинъ боится грозной конкуренціи другого и чѣмъ болѣе другой чувствуетъ на своей спиной тяжесть нужды.

Правда, шагъ за шагомъ женщины отвоєвывали себѣ поле, — въ большинствѣ странъ двери университетовъ открывались для нихъ; но и до сихъ поръ еще — и прежде всего въ Европѣ — для нихъ остается все еще закрытымъ цѣлый рядъ высшихъ профессій. И хотя профессиональное стремленіе налицо, но выбирать профессію сообразно своей склонности и своему таланту, какъ это могутъ мужчины, женщины еще до сихъ поръ не могутъ. Такая несправедливость не только задерживаетъ умственное развитіе, но мѣшаетъ еще и возможности точнаго сравненія между собой мужскихъ и женскихъ способностей.

Если мы разсмотримъ область, доступную до настоящаго времени нашимъ изслѣдованіямъ, мы увидимъ слѣдующее. Женщины выбираютъ (поскольку онѣ имѣютъ возможность выбирать) въ общемъ тотъ учебный курсъ, который открываетъ имъ доступъ къ профессіи, могущей дать наибольшій просторъ глубочайшей особенности ихъ природы — материнскому чувству. Безсознательно онѣ поддаются власти своей сострадательности, своего желанія заботиться о другихъ. Учительница и сидѣлка, сестра милосердія издавна олицетворяютъ въ своей профессіи обѣ основныя стороны материнскаго чувства: воспитанія и ухода. Но эти свойства сказываются и въ другихъ современныхъ женскихъ профессіяхъ. Биографіи и личныя показанія многихъ американокъ-адвокатовъ свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что ихъ привлекалъ въ юриспруденціи не столько интересъ къ абстрактной юридической наукѣ, сколько желаніе помогать бѣднымъ, бороться противъ несправедливости. И не влеченіе къ теологическимъ тонкостямъ, а глубокое проникновеніе проповѣдью христіанской любви къ ближнему побудило многихъ американокъ избрать духовную карьеру. Точно такъ же мы видимъ, что значительное и все болѣе и болѣе растущее, къ счастью, число женщинъ-врачей дѣлаютъ наилучшимъ образомъ свое дѣло — на практикѣ, а не въ движеніи впередъ науки,

как таковой. Но всего неотразимѣе подтверждается этотъ выводъ наблюденіями въ другой области. Наряду съ изученіемъ медицины, женщины больше всего отдаются въ настоящее время изученію политической экономіи и общественныхъ наукъ, — и въ этомъ учебномъ курсѣ наиболѣе живой интересъ къ себѣ возбуждаютъ въ нихъ вопросы соціальной реформы. Прежде соціальное чувство женщины, лишенное воспитанія и культуры, могло находить себѣ исходъ и выраженіе единственно въ благотворительности, — теперь же она все больше и больше начи-

Рис. 307. Софія Ковалевская.

наетъ отдавать это чувство, управляемое и направляемое развитымъ сознаниемъ, на служеніе соціальной реформѣ. И производительность женщины въ этой области заслуживаетъ быть поставленной. — не только количественно, но и качественно, — наряду съ лучшими плодами работы мужчинъ.

Женщины фабричные инспектора, напримѣръ, обнаруживаютъ въ своихъ отчетахъ и специальныхъ изслѣдованіяхъ такое же основательное и специальное знаніе дѣла, какъ и самоотверженное служеніе практической сторонѣ его. Женщинъ врачебныхъ инспекторовъ, служащихъ въ санитарныхъ учрежденіяхъ и въ попечительствахъ о бѣдныхъ, большей частью предпочитаютъ ихъ товари-

щамъ мужчинамъ по ихъ знаніямъ и добросовѣстности. Въ чисто-научной области женщины также обнаруживаютъ продуктивность, связанную съ такой зрѣлостью сужденія, глубиной усвоенія матеріала и новизной идей, которыя позволяютъ питать наилучшія ожиданія въ будущемъ. Флорансъ Келлей, авторитетъ которой въ вопросѣ домашняго производства признанъ безспорнымъ; Дженни Адамсъ, первая, подавшая примѣръ учрежденія женской колоніи среди самаго жалкаго квартала для бѣдноты въ Чикаго; Шарлотта Перкинсъ-Джилманъ, сочиненія которой создали новую эру въ будущей исторіи женскаго движенія, провозгласивъ и обосновавъ съ полной ясностью принципъ экономическаго освобожденія женщины; Елизавета Г'наукъ-Кюнэ и Гертруда Диренфуртъ, научныя изслѣдованія которыхъ освѣтили ихъ послѣдовательницамъ положеніе

женщин-рабочихъ въ Германіи, — всё онѣ свидѣтельствуютъ о выдающихся способностяхъ женскаго ума въ великой области социально-политической и политико-экономической науки.

Но выше всѣхъ ихъ должна быть поставлена та женщина, гениальность которой завоевала ей навсегда мѣсто въ ряду классиковъ политической экономіи: Беатриса Сидней-Веббъ (рис. 308). Правда, она работаетъ совмѣстно съ своимъ мужемъ, и сочиненія ихъ подписаны именами обоихъ; но всѣмъ извѣстно, что научное значеніе ея крупнѣе и выше. Объ этомъ свидѣтельствуеетъ еще ея дѣвичій трудъ огромнаго научнаго значенія —

по исторіи англійскихъ профессиональныхъ союзовъ. Исторія британскаго трэд-юнионизма, теорія и практика англійскихъ ремесленныхъ союзовъ представляютъ собой „standard-woks“ въ высшемъ смыслѣ этого слова. И мы, современники ея твореній, имѣемъ возможность констатировать въ то же время, что она не имѣетъ ничего, абсолютно ничего общаго съ карикатурой „ученой женщины“ времяя Готшеда: она осталась вполнѣ женщиной и развила свою природную красоту до той степени женской красоты, которая станетъ въ будущемъ типична для женскаго пола. Ибо одно мы можемъ считать несомнѣннымъ, — это и бросается уже въ глаза въ женскихъ портретахъ прежняго и новаго времени: измѣненія наружности женщины идутъ въ ногу съ измѣненіемъ склада ея психической жизни; прелестная дѣтская округлость лица, мягкость линий уступаютъ мѣсто болѣе рѣзкимъ, болѣе характернымъ чертамъ; изумленный взглядъ ясныхъ глазъ мадонны становится глубже и выразительнѣе, возникаютъ большія варіаціи красоты, потому что умъ — величайшій скульпторъ.

Помимо приведенныхъ, есть еще много другихъ доказательствъ, подтверждающихъ высказанный мною взглядъ, что потребность женщины облегчать страданія и заботы человечества управляетъ ею и въ научной дѣятельности ея и способна дать результаты огромной важности.

Наименьшую количественную продуктивность обнаружили женщины въ естествознаніи и въ философіи; это не можетъ означать ничего другаго, какъ то, что въ общемъ онѣ не чув-

Рис. 308. Беатриса Сидней-Веббъ.

ствуют влеченія къ этимъ наукамъ. Если же онѣ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, посвящаютъ себя какой-нибудь абстрактной наукѣ, — напримѣръ, физикѣ, химіи или математикѣ, то созданія ихъ стоятъ выше средняго мужского уровня, потому что, разъ онѣ отдались этой наукѣ, значитъ, ихъ съ самаго начала потянуло къ ней исключительно сильнымъ талантъ. Анну Дасье, Каролину Гершель, Мэри Зоммервиль я уже называла. Но первое мѣсто принадлежитъ математику Софьѣ Ковалевской (рис. 307), работа которой по интегрированію уравненій сдѣлала ее еще въ молодыхъ годахъ европейской знаменитостью, и труды которой, несмотря на ея раннюю смерть, сохранять за ней навсегда почетное мѣсто въ исторіи науки. Но если она и доказала, что проявленіе таланта въ области абстрактной науки не составляетъ безусловной привилегіи мужского пола, — вся жизнь ея, которую мы знаемъ по свидѣтельству ея друзей такъ подробно, какъ жизнь немногихъ женщинъ, даетъ намъ еще гораздо болѣе интересный матеріалъ для проникновенія въ женскую психику.

При ея усиленныхъ, поглощавшихъ ее всецѣло, умственныхъ занятіяхъ, половое чувство въ ней очень долго не пробуждалось. Она могла, напримѣръ, прожить десять лѣтъ въ мнимомъ бракѣ, и даже когда онъ сталъ дѣйствительнымъ бракомъ, то это случилось только въ минуту глубокаго душевнаго потрясенія и влѣдствіе его. Мужъ не былъ равенъ ей по гениальности, и даже рожденіе ребенка не было событіемъ для нея. Очень поздно, уже на вершинѣ ея славы, прорвалась ея сильная, страстная натура. Слово въ огромный запасъ женской потребности любви накопился незамѣтно всю жизнь въ ея душѣ, чтобы разомъ разрѣшиться съ силой вулканическаго взрыва. Наука могла наполнять и развивать только интеллектуальную сторону ея существа; пришла пора, когда полъ властно предъявилъ свои права. Но человекъ, встрѣтившійся въ эту пору на ея пути, былъ не тѣмъ, который могъ бы удовлетворить женщину, подобную Софьѣ Ковалевской, — слишкомъ далеко уже забралась она на одинокую высоту великихъ умовъ. И она не вынесла этого трагическаго конфликта, погибла отъ неутоленной жажды, несмотря на весь блескъ и славу! Ея жизнь служить, мнѣ кажется, поучительнымъ доказательствомъ того, что беззавѣтное увлеченіе абстрактной наукой — явленіе, само по себѣ исключительное для женщины — въ конечномъ итогѣ губитъ женщину, если ея половыя потребности, міръ ея чувствъ не находятъ полнаго удовлетворенія наряду съ интеллектуальной дѣятельностью.

Мадамъ Кюри (рис. 309), знаменитая сотрудница своего мужа въ заслугѣ открытія радія, тоже научный авторитетъ, занимающая теперь, какъ преемница своего мужа, кафедру физики въ Парижѣ, не опровергаетъ собой этой теоріи. Хотя мы очень мало знаемъ о ея интимной жизни, и замкнутое, нѣсколько жесткое выраженіе ея лица ничего не говоритъ объ этой сторонѣ ея души, — все же мы можемъ сказать, что десятилѣтняя совмѣстная работа супруговъ мыслима только въ томъ случаѣ, когда ихъ соединяетъ счастливый бракъ, — а слѣдовательно, и женское ея существо не оставалось въ пренебреженіи.

Педагогика, медицина, социально-политическія науки, богословіе и даже юриспруденція требуютъ также участія и сферы

чувствъ женской природы; если поль и вынужденъ оставаться безъ удовлетворенія, то энергія материнскаго чувства можетъ перейти въ заботу о другихъ. Вотъ почему мы можемъ найти среди женщинъ, отдавшихся одной изъ этихъ наукъ, лицъ, хотя и не достигшихъ всей полноты возможнаго для нихъ развитія, но все же сильныхъ и удовлетворенныхъ, даже если имъ не пришлось всю жизнь пзвѣдать любви и радостей материнства.

Если мы рассмотримъ въ общемъ всю совокупность научной производительности женщины, то намъ придется признать, что она, правда, часто возвышалась надъ среднимъ уровнемъ мужской производительности, что нѣкоторые труды ея заслуживаютъ быть поставленными рядомъ съ лучшими плодами мужскаго творчества, — но должны признать, что не было ни одной женщины, равной Ньютону или Галилею, Спинозѣ или Канту. Ограниченность внутренней и внешней жизни женщины, одностороннее воспитаніе ея, недостаточное образованіе, почти непреодолимые предрасудки, на которые ей всюду приходится наталкиваться, — вотъ, несомнѣнно, главныя причины, задушившія въ зародышѣ не одно дарованіе, не одинъ талантъ. Но что среди нихъ не нашлось ни одного генія, встрѣчающагося среди мужчинъ, который сумѣлъ бы преодолѣть всѣ препятствія, — это остается все же пока необъяснимымъ. Даже среди педагоговъ, наука которыхъ должна была бы быть всего ближе женской натурѣ, — новаторы и передовые вожди (Руссо, Песталоцци, Фребель) всѣ были мужчины. А философія не дала ни одной женщины сколько-нибудь крупнаго значенія. Но несмотря на эти установленные факты, мы должны быть осторожны въ выводахъ изъ нихъ. Только во всеоружіи опыта столѣтій, при совершенно равныхъ условіяхъ воспитанія и образованія и при неограниченной возможности всесторонняго развитія, можно будетъ придти къ безошибочно правильнымъ выводамъ.

Рис. 309. Мадамъ Кюри.
Первая женщина-профессоръ въ Парижской Сорбоннѣ

VI.

Если въ дѣлѣ служенія наукъ, при условіи достаточной предварительной образовательной подготовки, усидчивость и добро-

совѣстность могутъ еще до извѣстной степени замѣнить природный талантъ (по крайней мѣрѣ для средней доброкачественности работы), — зато въ области искусства, особенно въ области лирической и драматической поэзіи и музыки, талантъ представляетъ единственное и незамѣнимое условіе творчества. Чтобы создать въ этой области что-нибудь дѣйствительно цѣнное, необходимо обладать, мнѣ кажется, талантливой индивидуальностью. Женщинамъ же только въ исключительныхъ случаяхъ было возможно развить свою индивидуальность, — онѣ почти всегда представляли собой стадо, а не личность. Какую-нибудь Витторію Колонна могла родить только эпоха Ренессанса, обеспечивавшая нѣкоторымъ единичнымъ баловнямъ счастья свободу развитія.

Только со времени великаго мірового переворота, начавшагося съ эпохи энциклопедистовъ и принявшаго необятные размѣры въ пору французской революціи, наступила та эпоха, которая выводила все болѣе и болѣе женщинъ изъ тѣснаго круга, въ которомъ онѣ исключительно вращались, физически и духовно, — и часто насильно вовлекала ихъ въ водоворотъ жизни. Свалились мало-по-малу оковы съ души женщины, она уяснила себѣ свое собственное „я“, какъ уяснила себѣ и окружающую міръ, и прояснившееся сознание развязало ей языкъ. Поэтъ изливаетъ въ своемъ произведеніи себя самого, свое внутреннее богатство; какъ могла бы изливать себя женщина, пока она еще себя не нашла? Первая распахнувшая энергичной рукой двери въ новую жизнь была одна изъ самыхъ выдающихся женщинъ всѣхъ временъ, — Луиза Жермена де Сталь (рис. 310). Какъ и всякій геній, она не можетъ быть подведена подъ опредѣленную рубрику: она была въ одно и то же время и поэтессою, и политикомъ, и агитаторомъ. Въ ней жилъ духъ ея времени со всѣмъ своимъ огнемъ, съ революціоннымъ характеромъ, со всѣмъ обиліемъ зародышей будущаго. Она была не только первой, завоевавшей для своихъ соотечественниковъ симпатію умственного круга Германіи, признавшей ея произведенія предтечей социальнаго романа; она была, кромѣ того, первой женщиной, выступившей съ увлекательной силой поэтическаго вдохновенія на борьбу за социальное освобожденіе своего пола. То, что Наполеонъ оказался не въ силахъ покорить ее себѣ, что она осталась единственнымъ врагомъ, котораго ему такъ и не удалось побѣдить, — также говоритъ о силѣ необычнаго характера этой женщины; но то, что ея „Коринна“ и „Дельфина“ сохранили еще и для насъ все значеніе духовнаго руководительства, — это поднимаетъ ихъ автора въ ряды передовыхъ борцовъ челоѣчества. Крохотной, чуть видной звѣздочкой рядомъ съ яркой луной кажется рядомъ съ ней первая нѣмецкая романистка Софи ла Рошъ. И все же ея „Исторія фрейлейнъ фонъ Штернгеймъ“ имѣетъ свое значеніе для характеристики женскаго литературнаго творчества. Въ этомъ романѣ впервые введены личныя переживанія неудовлетворенной дѣвушки высшаго круга. Она нашла множество подражательницъ; женщины романистки въ то время перестали быть рѣдкостью, особенно въ Германіи; но ихъ спокойно можно предать забвенію.

Новую личность, завоевавшую міръ, выдвинула снова родина мадамъ Сталь: Жоржъ Зандъ (рис. 311). Ея „Индіана“, вы-

завшая при своемъ появлении необычайную сенсацію, изображаетъ въ совершеннѣйшей формѣ всѣ тяжелыя стороны, всю внутреннюю борьбу ея эпохи и всѣ глубочайшія страданія женскаго сердца. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ ея сохранился тотъ же основной звукъ: рѣзкая критика общественныхъ золъ, безпощадное обнаженіе всѣхъ пропастей жизни; измѣнились въ нихъ только ожиданія и взгляды на будущее. Первоначальная борьба за права женскаго сердца противъ цѣпей условнаго брака, за правдивость и нравственность про-

тивъ власти лживой традиціонно-принятой морали, первоначальный идеаль освобожденія женщины развился до высоты освобожденія всѣхъ поработченныхъ вообще. Она стала величайшей представительницей революціонныхъ идей сорокъ восьмого года. Ее преслѣдовала злоба, клевета неслась по пятамъ за ней; но какъ нѣкогда она сумѣла не сломиться подъ тяжестью мучительныхъ житейскихъ заботъ и почерпнула въ нихъ только новую струю творческой силы, создавъ такое произведеніе, какъ „Индіана“, — такъ же бессильны были

Рис. 310. Луиза де Сталь.
(По портр. работы Фр. Жерардена.)

злоба и клевета заставить ее уклониться отъ ея пути и сломить ея волю. Но какъ и у мадамъ Сталь, значеніе Жоржъ Зандъ для характеристики женской природы превосходитъ еще значеніе ея сочиненій. Какъ ни различны душевный складъ и характеръ дѣятельности обѣихъ, одно общее было у нихъ: онѣ жили. Бури страсти бушевали въ ихъ сердцахъ, потрясали ихъ существованіе; энергія любви казалась у нихъ неисчерпаемой; но надо всѣмъ царилъ и все переживала трогательная материнская любовь. Одна отличалась большей устойчивостью, большей послѣдовательностью характера, другая большей стремительностью, большимъ непостоянствомъ въ своихъ любовныхъ отношеніяхъ, — но обѣ одинаково разорвали цѣпи условности, обѣ до дна осушили кубокъ жизни. Поставимъ съ ними рядомъ ихъ знамени-

таго собрата по перу, английскую писательницу Джордж Эллиотъ; это была также необыкновенная жизнь. На своей чопорной родинѣ она осмѣлилась жить въ свободномъ бракѣ и уже въ немолодомъ возрастѣ своимъ вѣчно юнымъ сердцемъ перерезить новую любовь, заключить новый союзъ. Что можно возразить противъ утверждения, что и у женщины, какъ у мужчины, богатство и многообразіе личной жизни глубоко внутренне связаны съ богатствомъ и полнотой умственной жизни? Или — скажемъ другими словами — что природѣ женщины-художника такъ же необходимо яркое многообразіе жизни, какъ и художнику-мужчинѣ!

Рис. 311. Жоржъ Зандъ.

Пусть не указываютъ намъ на примѣръ безчисленнаго множества „художницъ“—романистокъ на всѣхъ языкахъ, засыпавшихъ насъ за сто лѣтъ дѣтищами своихъ музъ, жизнь которыхъ шла по ровнымъ, снохопнымъ тропинкамъ. Ихъ творенія стоятъ большей частью на одномъ уровнѣ съ злополучнымъ вязаньемъ чулокъ, съ которымъ всегда наилучшимъ образомъ справлялись добрыя старыя тетушки за печкой. Типичной представительницей подобныхъ романистокъ является Луиза Мюльбахъ; немало ихъ и въ настоящее время. Тутъ дѣло просто въ томъ, что женская болтливость, усиленная скукой и необходимостью заработка, овладѣла чернилами и перомъ и охотно пошла навстрѣчу вкусамъ публики, ищущей семейнаго чтенія, знающей одинъ критерій художественной цѣнности романа: подходящаго чтенія для теплично-воспитанныхъ дѣвицъ старшаго возраста.

То, что восхищаетъ насъ въ мадамъ Сталь и въ Жоржъ Зандъ — печать ярко выраженной индивидуальности, — мы встрѣчаемъ у болѣе значительнаго и все растущаго числа писательницъ только въ самое послѣднее время. Это вполне понятно: тѣ объ дѣйствительно великія женщины могли быть только предшественницами, единичными явленіями; только дальнѣйшіе успѣхи эмансипаціи женщины отъ цѣпей, сковывавшихъ ея внутреннюю и внѣшнюю жизнь, могли породить индивидуальности. Теперь уже имъ завоевываетъ признаніе не то, что ихъ творенія носятъ „мужской“ характеръ, а то, что это ихъ творенія.

Въ мою настоящую задачу не входитъ опредѣленіе характерныхъ особенностей мужчины и женщины въ области литературнаго творчества. Но кто знакомъ, на примѣръ (назовемъ всего два-три образца изъ всего, что мы знаемъ лучшаго), съ романомъ Маріи фонъ Эбнеръ-Эшенбахъ „Gemeindekind“ („Мирское дитя“), Сельмы Лагерлефъ — „Иерусалимъ“, Клары Фибихъ — „Хлѣбъ насущный“, Рикарды Гухъ (рис. 312) — „Aus der Triumphgasse“, тотъ не могъ не почувствовать, какимъ

характерно-женскимъ началомъ дышуть эти произведенія, не могъ не отмѣтить глубину и теплоту чувства состраданія, — словомъ, всего того, что мы разумѣемъ подъ словомъ материнское чувство. Наряду съ этимъ, произведенія женщинъ-писательницъ отмѣчены еще одной особенностью: не только темой ихъ часто бывають великія проблемы женскаго вопроса — свободная любовь, бракъ, материнство, — они носятъ еще часто характеръ личныхъ признаній. Словно въ книгахъ этихъ женщинъ весь полъ ихъ, обреченный въ теченіе столѣтій на молчаніе и терпѣніе, порывається излить всю свою муку, все отчаяніе, всё страданія борьбы. Отъ романа Габріэли Рейтеръ — „Aus guter Familie“, представляющаго мучительный крикъ одинокаго сердца дѣвушки, до романа Гедвиги Домъ — „Сивилла Дальмаръ“, графини Левентловъ — „Элленъ Олестьерне“, Елены Белау — „Halbthier“, Клары Мюллеръ-Янки — „Ich bekenne“ и до „Дневника падшей“ — все это одно сплошное неудержимое самообличеніе, саморастерзываніе. Мы то-и-дѣло встрѣчаемъ подобныя книги, написанныя женскою рукой. На нихъ часто чутъ наброшены, слегка покровъ художественнаго вымысла. Очень часто и самымъ перомъ водить только страстная жажда высказаться, чтобы сбросить этимъ путемъ тяжелое бремя съ души. Доказательствомъ этого нерѣдко служатъ послѣдующія сочиненія: вся энергія истощилась въ одной первой книгѣ, все „я“ улеглось въ немъ, — и все послѣдующее оказывается только слаббыми, вымученными повтореніями. Нѣтъ того поэтическаго дарованія, которое способно создавать все новые и новые образы.

Рис. 312. Рикарда Гухъ.

Это преобладаніе чисто личнаго элемента у очень многихъ писательницъ подходит для лирическаго творчества. Глубина и искренность непосредственнаго чувства, любовь и привязанность къ своей родинѣ — эти чувства такъ сильны, что сообщали вдохновенію драматическую силу, сдѣлали поэтомъ Аннетту фонъ Дростъ-Гюльсгофъ. Но при всемъ ея большомъ талантѣ, всё ея стихотворенія настроены на одинъ и тотъ же однообразный ладъ, потому что, вслѣдствіе замкнутой жизни, ничто не задѣвало другихъ струнъ ея души. Вотъ почему Елизавету Барретъ-Броунингъ (рис. 314) слѣдуетъ признать не равной ей, какъ отзывался однажды Георгъ Брандесъ, а выше ея цѣлой головой. Если бы она даже не написала ничего другого, кромѣ своихъ сорока четырехъ сонетовъ, въ которыхъ звучать рыданія и ликованія скорби и тоски, счастья и любви, — и тогда она заслуживала бы быть поставленной наряду съ величайшими поэтами. Ни одна женщина не сумѣла такъ соединить въ эротической лирикѣ глубину чувства съ та-

кой красотой выражения и такимъ совершенствомъ формы. Правда, ни одной женщинѣ и не выпадала на долю такая личная судьба: дѣтство, полное ласки и холи, юность, отравленная мучительными физическими и душевными страданіями, полное, безмятежное счастье любви, при безпредѣльномъ душевномъ единеніи и дружбѣ супруговъ, рѣдкое материнское счастье обладанія необыкновенно здоровымъ и необычайно одареннымъ отъ природы ребенкомъ, полная безпрепятственная свобода развитія и дѣятельности творческаго

Рис. 313. Гедвига Домъ.

ума, — это ли не богатая женская жизнь? Въ ея поэмѣ „Аврора Лейтгъ“ прекрасно отражаются богатство ея мысли и чувствъ, ея разносторонность, энергія и мужество. Но она объединяетъ въ ней и то, что она считаетъ первой задачей женщины — индивидуальное освобожденіе и высшимъ даромъ ея — творческую силу чувства. А сужденія гениальныхъ женщинъ, къ которымъ онѣ приходятъ въ своей личной жизни, богатой опытомъ и вдохновеніемъ, стоять, несомнѣнно, выше принципиальной борьбы спекулятивныхъ умовъ, — тѣмъ болѣе, когда величайшія женщины своего времени, какъ мадамъ Сталь, какъ

Жоржъ Зандъ и Елизавета Барретъ-Броунингъ, сходятся въ своихъ воззрѣніяхъ между собой, несмотря на все различіе ихъ личныхъ переживаній и дѣятельности.

Словно луговые цвѣты, распустившіяся многоцвѣтнымъ ковромъ послѣ весенняго грозового ливня, расцвѣтаютъ женщины-лирики по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ настоящему, и таютъ ледяные оковы зимы въ сердцѣ женщинъ, побѣжденные пробивающейся новой жизнью. Многие изъ написаннаго ими, независимо отъ своей литературной цѣнности, имѣетъ цѣнность саморазоблаченій. Жестоко скованную тысячью цѣпями женщину ничто не могло бы заставить рассказать, сколько она настрадалась, потому что для этого нужно мужество, а мужество — добродѣтель свободнаго человѣка. Пока чопорность и условность замыкали ротъ женщинѣ, „женская любовь и жизнь“ Шамиссо

могли быть типичнымъ видомъ любви, какъ ее наружно проявляла женщина и какой ее видѣли люди. Въ послѣднее же время женщину охватила лихорадочная жажда исповѣди въ сферѣ эротики, давшей очень характерные результаты какъ въ области лирики, такъ и въ области романа. Яркое сказалося также и тщеславное отношеніе къ вышнимъ преимуществамъ, сильно раздутое въ женщинѣ тѣмъ, что степень ея привлекательности для мужчины была почти единственнымъ мѣриломъ ея цѣнности и единственной гарантіей будущаго:

во многихъ любовныхъ стихотвореніяхъ и романахъ, въ которыхъ она сама являлась героиней, описывалась ея собственная красота и неотразимость, рассказывалось, какъ изнываетъ отъ любви къ ней толпа любовниковъ, какъ жестока она къ нимъ. Съ другой стороны мы встрѣчаемъ ту лирику „свободной женщины“, которая смѣшиваетъ разнузданность страстей со свободой, сладострастіе, доходящее до извращенности, со здоровымъ чувственнымъ наслажденіемъ, и которая насчитываетъ

Рис 314. Елизавета Барретъ-Броунигъ.

множество представительницъ, такъ какъ многимъ гораздо легче развязать языкъ, чѣмъ раскрыть душу, и многія современныя дѣвушки жаждутъ славы въ „яркой полнотѣ жизни“. Типичными образцами такого настроенія души являются Марія Магдалина, воспѣвающая пороки любви во всѣхъ уродливостяхъ ихъ, и Долороза, въ сочиненіяхъ которой сливаются воедино сладострастіе и ханжество, которая упивается кадилынымъ дымомъ и покаяніями въ грѣхахъ и истерическая фантазія которой доходитъ до упоенія кровью и страданіемъ.

Подобныя ненормальности представляютъ собой естественныя послѣдствія освобожденія отъ многоговѣковой скованности, ростки свободы, въ родѣ слабыхъ побѣговъ, пробившихся на старомъ, за-

сохнемъ стволѣ дѣвичьяго воспитанія и потому обреченныхъ на вырожденіе. Женщинѣ не хватаетъ не только умственной дисциплины, но и прочной основы нравственной самостоятельности, которая одна только и можетъ сдѣлать ее способной къ свободѣ. Но эта лирика выясняетъ намъ еще и другую сторону: она разрушаетъ распространенное мнѣніе о врожденномъ недостаткѣ чувственности у женщины и показываетъ, наоборотъ, къ какимъ уклопеніямъ съ нормальнаго пути должна приводить и всегда приводила угнетенная женская чувственность, которой не даютъ здороваго исхода; это было всегда, не было только до сихъ поръ мужества говорить объ этомъ. Ничто подобное мы наблюдаемъ и въ другомъ отношеніи. Существуетъ распространенное мнѣніе, что у мужчинъ возникаютъ съ наступленіемъ физической зрѣлости половыя потребности, которыя, по мнѣнію многихъ, такъ сильны, что неудовлетвореніе ихъ грозитъ будто бы опасностью для физическаго и душевнаго здоровья, но что женщины это безусловно чуждо. И если это все-таки обнаруживается, то люди снисходительные называютъ это болѣзненностью, а строгіе моралисты — порочностью; о необходимости удовлетворенія этихъ потребностей и для женщины никто не осмѣливается заикнуться, хотя каждый могъ бы назвать изъ числа своихъ знакомыхъ немало женщинъ, здоровье которыхъ возстановилось только со дня замужества. Наши поэтессы разоблачаютъ эту тайну женской любовной страсти, которая до сихъ поръ всего глубже скрывалась, потому что была всего запретнѣе.

Но признаніе и подчеркиваніе чувственнаго элемента въ женской любви, которая мы то-и-дѣло встрѣчаемъ въ женской лирикѣ нашихъ дней, представляютъ собой не только реакцію прежнему нравственному осужденію, а еще и вѣрнѣйшее доказательство освобожденія женскаго пола отъ умственно-душевнаго рабства. Женщина хочетъ не только казаться, но и быть, не только быть любимой, но и любить; отдаваясь, она приноситъ уже не жертву, а свободный даръ.

До какой степени связанной была прежде женщина, до какой степени тѣсно примыкали ея поэтическія созданія къ мужскимъ, — объ этомъ свидѣтельствуетъ не только еще и теперь встрѣчающееся иногда явленіе, что, воспылая любовью, женщина всецѣло перевоплощается фантазіей въ мужчину, но еще больше тотъ-крайне интересный фактъ, что интимнѣйшая и своеобразнѣйшая сфера ея чувствъ, въ центрѣ которой стоитъ материнство, несмотря на всю ея обширность и глубину, не находила себя художественнаго выраженія. Я думаю, вѣтъ болѣе яркаго доказательства того, до какой степени внутренне связанной была женщина цѣлые вѣка, какъ она была выдрессирована для замаскированія собственной сущности, какъ обречена была замалчивать самое высокое и глубокое, что ее волновало. Только теперь женская психика начинаетъ пробуждаться и въ этой области. Пѣсни о материнствѣ Ми Гольмъ, стихотворенія Анны Риттеръ, говорящія о счастьѣ материнства, пѣсни Агнесы Мичель, въ которыхъ страстная жажда материнства выражена съ высокимъ лиризмомъ, и, прежде всего, великолѣпныя стихотворенія Ады Негри, въ которыхъ слышится живое бѣненіе сердца матеря, съ его заботой и горемъ, блаженствомъ радости и

счастья, — всё они раскрываютъ передъ нами мiръ женскихъ чувствъ, какъ не сумѣлъ бы и величайшiй поэтъ-мужчина, одаренный зоркимъ глазомъ гения.

Съ Адой Негри (рис. 315) мы вступаемъ еще и въ другую область женской лирики, — въ социальную. Еще Елизавета Барретъ-Броунингъ страстно обрушивалась въ своемъ „*Song of the children*“ на существующiй общественный строй, превращающiй даже дѣтей въ машины на службѣ капиталу; но только Ада Негри явилась первымъ пѣвцомъ социальной борьбы. Выросшая

въ глубокой бѣдности у матери — фабричной работницы, надорвавшейся въ непосильномъ трудѣ, вынужденная съ ранней юности зарабатывать собственнымъ трудомъ хлѣбъ и долго обучавшая скудной школьной премудрости дѣтей деревенской бѣдности, извѣдавшая собственнымъ горбомъ ужасы жизни рабочихъ, — она больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, была призвана стать пѣвцомъ бѣдности, духовнымъ борцомъ рабочаго движенiя. Она указываетъ, мнѣ кажется, пути для будущаго женской лирики, которая будетъ полна не только мотивовъ радости и скорби любви, а найдетъ и глубоко потрясающiе звуки для великаго человѣческаго горя.

Этимъ мы исчерпали духовный мiръ женщины въ поэзи, какъ онъ сказался до сихъ поръ. Въ драмѣ женскiй талантъ натолкнулся на предѣлы, которыхъ пока еще не сумѣлъ перейти. Всѣ попытки, сколько ихъ ни было сдѣлаю до сихъ поръ, не возвышаются надъ посредственностью. Нѣкоторыя единичныя произведенiя, въ родѣ драмы Эльзы Бернштейнъ — „*Königskinder*“, если и выдѣляются изъ безцвѣтной массы, то не драматической силой своей, а своимъ глубокимъ лирическимъ содержаниемъ. Ярко-выраженной субъективности женскаго творчества не по силамъ, повидимому, создавать жизненные образы для сцены. Здѣсь индивидуальность творца должна скрываться за индивидуальностью созданiй его фантази, — а между тѣмъ особенность женскаго художественнаго творчества въ общемъ такова, что оно тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе въ немъ выражается личность творца. Вотъ почему она способна на крупныя созданiя въ области повѣствовательной поэзи и лирики, вполне равноцѣнныя мужскимъ созданiямъ, тогда какъ лавровый вѣнокъ дра-

Рис. 315. Ада Негри.

матурга-поэта если и достижимъ для нея, то все же только какъ исключительный случай.

VII.

То же, что о драматической поэзии, надо сказать и о пластикѣ: и здѣсь, какъ тамъ, надо создавать образы, вдохнуть собственную жизнь въ мертвый матеріалъ. И энергія женскаго творчества безсилна и здѣсь. Нѣтъ ни одного гениальнаго скульптора-женщины, но зато цѣлый рядъ изящныхъ талантовъ и хорошихъ работниковъ въ области мелкой скульптуры, выдвинутой на передній планъ успѣхами современной художественной промышленности. Даже въ такой непосредственно близкой женщинѣ области, какъ искусство домашней обстановки, новое создавалось мужчинами и только мужчинами. Женщины оказываются искусными подражателями ихъ, по новымъ жизнеспособныхъ формъ еще не удавалось создать ни одной изъ нихъ. Но съ готовымъ полученнымъ матеріаломъ умѣть вполне распорядиться только женщина: невыразимую прелесть домашняго уюта создаетъ она одна, истинный характеръ комнаты или квартиры создается ею, а не тѣмъ или инымъ стилемъ мебели. Какая огромная разница между комнатой студента и дѣвичьей комнаткой равной ему по возрасту и образованію женщины, — или между типичной квартирой холостяка и квартирой, въ которой хозяйничаетъ настоящая женщина. Изъ этого напрашивается слѣдующій выводъ: въ построеніи какого-нибудь стула или стола дѣйствуетъ больше взвѣшивающій разумокъ, т. е. мужчина; и только въ томъ, какъ имъ слѣдуетъ воспользоваться, какъ приспособить его къ гармоніи съ окружающимъ, сказывается женственный элементъ, чувство гармоніи и красоты, — а это по своей дѣятельности часто несравненно значительнѣе многихъ новѣйшихъ женскихъ рукодѣлій, которыя носятъ названіе художественной промышленности.

Въ живописи и графическихъ искусствахъ женщины одарены, повидимому, несомнѣннымъ талантомъ. Исторія искусства свидѣтельствуетъ о томъ, что еще въ средніе вѣка монахини создавали крупныя по своей художественной дѣятельности произведенія въ области миниатюрной живописи. Въ эпоху Ренессанса, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ выступилъ цѣлый рядъ художницъ, сдѣлавшихся знаменитостями своего времени. Только всѣ онѣ отличаются двумя общими чертами: во-первыхъ, онѣ были дочерьми художниковъ, такъ что имѣли возможность съ самаго дѣтства, почти играючи, освоиться съ техникой искусства; во-вторыхъ, всѣ онѣ почти исключительно ограничивались портретной живописью, миниатюрой и рисованіемъ цвѣтковъ. Это относится и къ двумъ крупнѣйшимъ ихъ представительницамъ: мадамъ Вижэ-Лебрэнъ и Анжеликѣ Кауфманъ. Обѣ онѣ принадлежатъ къ той революціонной эпохѣ исторіи, которой обязаны такъ много выдающіяся женщины своимъ духовнымъ существованіемъ, своей индивидуальностью. Но при всемъ своемъ безспорномъ художественномъ значеніи, онѣ не могутъ быть поставлены рядомъ съ крупнѣйшими изъ своихъ собратьевъ-мужчинъ. Людямъ, изображаемымъ ими, не хватаетъ силы, харак-

тера. То обстоятельство, что имъ всего лучше удавались ихъ собственные портреты, кажется мнѣ также характернымъ. Красавица мадамъ Виже-Лебрень написала однихъ своихъ портретовъ 16, — и изъ нихъ тотъ, на которомъ она изображена въ нѣжномъ объятіи съ своимъ ребенкомъ занимаетъ по своей художественной цѣнности первое мѣсто. Мнѣніе, высказанное Гете объ одномъ изъ этихъ портретовъ, — что онъ написанъ „съ явнымъ намѣреніемъ нравиться“, правильно и относительно всѣхъ остальныхъ, но также и относительно портретовъ Анжелики Кауфманъ, о художественной манерѣ которой Гете высказалъ, что „веселость, легкость, привлекательность составляютъ единственно господствующій характеръ многочисленныхъ произведеній нашей художницы“.

Только въ XIX столѣтіи мы увидѣли художницъ, сумѣвшихъ преодолѣть элементъ традиціонной женственности въ своихъ произведеніяхъ и дать зато все больший и больший художественный просторъ естественной женственности. Классическими образцами такого творчества могутъ служить, напримѣръ, Роза Бокэръ, сумѣвшая углубиться въ жизнь и характеръ животныхъ съ любовью, не достигнутой ни однимъ мужчиною, или Марія Башкирцева, одна работа которой — группа парижскихъ уличныхъ мальчишекъ, называющаяся „Митингъ“ — должна быть признана однимъ изъ гениальнѣйшихъ созданій женскаго творчества вообще. Ея дневники дали намъ возможность глубоко взглянуть въ душевную жизнь этой художницы. Она была необычайно талантлива отъ природы, но неудовлетворенность женщины грозила погубить всё ея великіе зародыши; только ея послѣдняя и единственно истинная, страдальчески-страстная любовь къ Бастень-Лапажу подѣйствовала на нее какъ горячій оранжерейный воздухъ и дала созрѣть плодамъ ея таланта. Технически она пользовалась въ своихъ созданіяхъ его средствами, но силой любви къ нему она, какъ художникъ, переросла его.

Въ настоящее время художницы встрѣчаются въ такомъ же множествѣ, какъ поставщицы романовъ для семейнаго чтенія. Въ смыслѣ художественной цѣнности онѣ стоятъ часто очень невысоко, но зато обнаруживаютъ въ большинствѣ случаевъ болѣе индивидуальный характеръ; нѣкоторыя изъ нихъ превосходятъ массу мужчинъ, особенно въ женскихъ и дѣтскихъ портретахъ, а отдѣльныя единицы, въ родѣ Сабины Лепіусъ, Доры Гитцъ, Юліи Вольфторнъ (всѣ онѣ совершенно непохожи одна на другую, но каждая въ своемъ родѣ чрезвычайно интересна) должны быть поставлены, какъ совершенно равныя, рядомъ съ лучшими мужскими силами своего времени. Характерна только и у нихъ ограниченность матеріала: едва онѣ выходятъ изъ области портрета, т. е. за предѣлы углубленія въ другихъ людей и способности пониманія ихъ, ихъ произведенія утрачиваютъ обыкновенно свой индивидуальный характеръ. Только одна единственная художница современности даетъ намъ доказательство того, что односторонность женскаго творчества не неизбежно связана съ природою женщины вообще. Это — Кэтэ Кольвитцъ (рис. 316). Сфера ея творчества — народные мотивы, но не идиллія: она ведетъ насъ въ бездны народнаго горя и нужды, на высоты его вдохновенныхъ порывовъ и его фана-

тизма. Для усиленія впечатлѣнія она не нуждается даже въ краскахъ, — до того, что въ послѣднее время совсѣмъ забросила кисть, смѣшивъ ее на карандашъ, и именно этимъ путемъ достигаетъ величайшихъ художественныхъ эффектовъ. Кто разъ видѣлъ кровавое упоеніе пляски вокругъ гильотины, ужасы голоднаго оцѣпенѣнія ткачей, безумный взрывъ фанатизма возмущившихся крестьянъ на ея картинахъ крестьянскаго бунта, — тотъ никогда ихъ не забудетъ. А ея бѣдная, изможденная женщина-пролетарій съ младенцемъ у изсохшей груди производитъ болѣе потрясающее впечатлѣніе и будитъ болѣе страстный гнѣвъ, чѣмъ всякія рѣчи народныхъ ораторовъ и чѣмъ всѣхъ простран- нья описанія народной нужды и горя.

Рис. 316. Кэте Кольвितцъ.

Въ пластическихъ искусствахъ мы прослѣживаемъ тотъ же путь, которымъ идетъ женщина въ наукѣ и въ литературѣ: отъ подражанія мужчине до обрѣтенія и утвержденія собственной индивидуальности, отъ выраженія чисто индивидуальных переживаній къ постиженію окружающаго міра, отъ матери, для которой ребенокъ, ея вскармливаемый, составлялъ весь ея міръ, — до женщины, чувствующей себя матерью всѣхъ нуждающихся въ любви и заботѣ, всеобъемлющее материнское чувство которой является двигателемъ ея поведенія, вдохновителемъ ея художественнаго геша.

Но если глубина чувства руководитъ женщиной, если субъективизмъ ея сила, — то какъ же это случилось, что субъективнѣе изъ всѣхъ искусствъ — музыка осталась недоступной ея творческой энергіи? Въ занятіи музыкой она никогда не встрѣчала преградъ; наоборотъ, музыка съ давнихъ поръ составляла существенную часть женскаго воспитанія; и какъ художественныя исполнительницы, женщины во всѣхъ областяхъ достигли высокаго совершенства. И все же сколько-нибудь замѣтнаго женщины-композитора исторія музыки не знаетъ ни одной! Не опрокидываетъ ли это безповоротно все наше построеніе о томъ, что чувство — могущественнѣйшій элементъ женскаго творчества?

Но, прежде всего, мы не знаемъ, какую долю творческаго участія внесли женщины въ первобытнѣйшую музыку — въ народную пѣснь. Мало ли старыхъ колыбельныхъ и дѣтскихъ пѣсень могли быть сложены матерью! Кромѣ того, мнѣ кажется, что музыка, именно потому, что она самое субъективное изъ

искусствъ, оставалась до сихъ поръ просто недоступной женщинѣ. Въдъ развитіе музыки до той степени, какую она имѣетъ теперь, началось сравнительно недавно и для мужчинъ. Чтобы чувствовать въ звукахъ, создавать міры изъ звуковъ, — для этого нужны глубина внутренней, душевной жизни, утонченность чувства, сила и законченность личности, которыхъ женщина можетъ достигнуть только путемъ долгаго постепеннаго развитія человѣка въ ней. Она стоитъ еще въ музыкѣ на той ступени, которая въ другихъ областяхъ духовной жизни уже пройдена ею: она производитъ, исполняетъ, перевоплощается въ мышленіе и чувствованіе мужчины, — она струна, на которой онъ играетъ.

Ея безспорное почти полуторавѣковое совершенство въ области сценическаго искусства подтверждаетъ этотъ взглядъ. Но и здѣсь необходимо отмѣтить тотъ интересный фактъ, что господствовавшіе нравы и обычаи не только очень долго закрывали женщинамъ доступъ на сцену, но что и свое художественное значеніе она пріобрѣтаетъ

Рис. 317. Корона Шретеръ.
(По портр. работы А. Граффа.)

только съ той поры, когда возникла и укрѣпилась эмансипація женщины, какъ индивидуальности. Такія фигуры, какъ Рашель или Корона Шретеръ (рис. 317), до-революціонная эпоха создать не могла, и подняться на такую высоту драматическаго искусства, которой сумѣли достигнуть Агнеса Сорма или Элеонора Дузе (рис. 318), не могла бы и гениальная артистка безъ прямыхъ и косвенныхъ вліяній освободительной борьбы женщины. Но если, даже оставляя въ сторонѣ такіе крупные и исключительные образы, женщины-артистки въ общемъ не только не уступаютъ мужчинамъ-артистамъ по таланту и творческой силѣ, а очень часто превосходятъ ихъ, —

то для этого придется поискать еще и другихъ объясненій, помимо того, что воспроизводительное искусство должно даваться легче тѣмъ, кому труднѣе дается созидательное. Я склонна думать, что главная причина поразительныхъ успѣховъ женщинъ въ этой области кроется въ большей личной свободѣ артистокъ по сравненію съ женщинами, работающими въ другихъ областяхъ. Дѣло не только въ томъ, что внѣшняя жизнь артистки богаче и протекаетъ не въ такой оторванности отъ всего міра, какъ жизнь большинства женщинъ, а еще и въ томъ, что и внутренняя жизнь ея не втиснута ложной стыдливостью и властью общественныхъ нравовъ въ такія узкія рамки. То, что ихъ въ былое время причисляли къ бродягамъ и ставили ихъ внѣ законовъ обязательной для всѣхъ членовъ общества морали, послужило имъ въ процесѣ дальнѣйшаго развитія на пользу. Онѣ повинуются скорѣе вліянію своего сердца, ихъ половая жизнь не засыхаетъ, не распустившись; у пламени любви, вдохновляющаго и открывающаго мужчину — особенно художника — на все великое и прекрасное, онѣ также могутъ зажигать свѣточъ своего ума и таланта. Любовь не превратилась для нихъ, какъ для большинства женщинъ, въ тлѣющій огонекъ очага, у котораго только и можно согрѣть окоченѣвшіе пальцы.

Могли ли бы мы представить себѣ какую-нибудь Дузе, женскіе образы которой представляютъ не репродукціи, а творческія созданія богатаго внутренняго міра, — если бы собственное сердце ея не было потрясено всѣми муками и всѣмъ упоеніемъ любви?

Но это условіе художественной силы кажется мнѣ условіемъ всякой творческой силы вообще. И это еще болѣе важно для женщины, которая очень рѣдко обладаетъ имъ, чѣмъ для мужчины, который всегда имъ обладаетъ. Природу нельзя заподозрить въ такой бессмысленности, чтобы половая жизнь со всѣми ея послѣдствіями, играющая у женщины несравненно большую роль, чѣмъ у мужчины, могла не вліять еще глубже и рѣшительнѣе на весь духовный складъ женщины, чѣмъ мужчины, и чтобы исключеніе ея не совпало съ гибелью крупныхъ духовныхъ цѣнностей.

Если бы специальная наука захотѣла основательно заняться вопросомъ о соотношеніи между половой жизнью и духовной творческой энергіей, она сдѣлала бы несомнѣнно гораздо большее для рѣшенія глубочайшей загадки женскаго вопроса, чѣмъ всѣ тѣ изслѣдованія о различіяхъ мужского и женскаго головного мозга, которыми иные ученые стараются вызвать шумъ.

VIII.

Обзоромъ научной и художественной производительности еще не исчерпывается обзоръ духовной жизни женщины; быть можетъ даже, это составляетъ часть ея, наименѣе свойственную женской природѣ. Держась того мнѣнія, что степень цѣнности и высоты духовной производительности женщины зависитъ не только отъ степени свободнаго индивидуальнаго развитія, т. е. равноправія ея въ области образованія и общественной жизни, но еще больше отъ полноты ея жизни, какъ полового суще-

Мадамъ Рекамье.

По картинѣ Фр. Жерара.
(По снимку Браунъ, Клеманъ и К^о въ Дорнахъ.)

ства, — я думаю, съ другой стороны, что великая учительница — природа указывает намъ еще и на другіе виды связи между духомъ и поломъ.

Два неизмѣнныхъ факта мы видимъ въ основныхъ истинахъ, покоящихся на многовѣковомъ опытѣ: что выдающіеся люди всегда имѣли недюжинныхъ матерей (недюжинныхъ больше самой личностью своей, чѣмъ самостоятельными духовными созданіями) и — что въ жизни почти каждаго великаго челоуѣка женщина играла роль Эгеріи. „Das ewig Weibliche zieht uns hinan“. Быть вдохновительницей Данте, родить Гете — это такое дѣло жизни, которое обезпечитъ женщинѣ, совершившей его, болѣе высокое мѣсто въ памяти челоуѣчества, чѣмъ иное созданіе ума его творцу-женщинѣ.

То и другое характеризуетъ значеніе женщины, какъ вдохновительницы. Не толькo то, что могла дать природа матери ребенку въ видѣ зародышей будущаго величія, сдѣлало бессмертною такую женщину, какъ Рать Гете (рис. 319), но еще больше умѣнье взлѣлять эти зародыши, инстинктъ материнскаго чувства, на которомъ покоится пониманіе и чутье душевныхъ потребностей ребенка. Вотъ почему и связь между матерью и сыномъ бываетъ болѣею частью гораздо тѣснѣе и глубже, чѣмъ между отцомъ и сыномъ.

Рис. 318. Элеонора Дуза.

И тотъ же материнскій инстинктъ, который можно назвать также способностью и потребностью отдаваться душой дѣтямъ, обладающей силой извлекать лучшія сокровища, изъ своего внутренняго міра, чтобы только отдать ихъ другому, — тотъ же инстинктъ отражается и въ тѣхъ женщинахъ, которыя наполняли счастьемъ жизнь вождей челоуѣчества, сообщали высокое пареніе ихъ творческому гению. Часто такими женщинами являлись презираемыя „высоко-нравственнымъ“ обществомъ гетеры, — особенно въ тѣ эпохи, когда онѣ имѣли свободу жизни и доступъ къ образованію; но и тѣхъ, которыя не были гетерами, буржуазная мораль преслѣдовала нападками. Только потомство воздвигло имъ алтари. Къ нимъ относится Юлія Рекамье (см. рис. на отд. табл.), домъ которой сдѣлался въ началѣ XVIII столѣтія средоточіемъ лучшихъ умовъ Парижа. Шарлотту фонъ Штейнъ (рис. 320) мы также должны назвать въ ихъ

числѣ. Письма Гете къ ней — это листья самаго прекраснаго вѣнка безсмертія, какой когда-либо вѣнчалъ голову женщины, и тотъ фактъ, что самыми дивными дарами его генія мы обязаны интимной близости его съ ней въ ту пору, служить самымъ блестящимъ доказательствомъ могущественнаго вліянія женщины.

Эта могучая сила исходить отъ матери, отъ возлюбленной и обращается на одного человѣка. Но материнскій инстинктъ можетъ распространяться и на кругъ друзей и изливаетъ на нихъ свою живительную, поощряющую и вдохновляющую силу. Пред-

Рис. 319. Рать Гете (мать поэта).

ставительницами этого типа являются двѣ женщины XIX столѣтія: Рашель Барнгагенъ (рис. 322) и Мальвида фонъ Мейзенбургъ. Отъ первой для насъ сохранились письма и дневники, вторая оставила свои мемуары. Хотя личность ихъ и сохранилась въ этихъ памятникахъ и продлила ими свое вліяніе, но сущность самой жизни ихъ, которую невозможно ни взвѣсить, ни измѣрить до конца, безконечно выше ихъ литературнаго наслѣдія. Величайшіе умы ихъ времени сбли-

жались съ этими женщинами, привлекаемые словно магнетической силой, и черезъ нихъ сближались и между собой. Въ тишинѣ ихъ дома они находили сочувствіе и дружбу, и помощь, и жизненную энергію; здѣсь сердца ихъ наполнялись великими чувствами, здѣсь подавлялись низменныя душевныя движенія, пробуждались и окрылялись идеи человѣчности и справедливости, истины и мира. Такія женщины, какъ онѣ (часто даже имя ихъ остается, быть можетъ, неизвѣстнымъ) — словно живые ключи души, онѣ обладаютъ волшебнымъ жезломъ Моисея, способнымъ выбить живыя струи изъ мертвыхъ скалъ. И изъ такихъ вдохновительницъ нарождаются женщины агитаторы за торжество великихъ идеаловъ человѣчества, — женщины, материнская любовь которыхъ разрастается въ любовь къ человѣчеству, женщины, черпающія изъ себя энергію и силу служить какому-нибудь дѣлу, отдать за него жизнь.

Къ такимъ женщинамъ-агитаторамъ принадлежить Беттина фонъ Арнимъ (рис. 321), написавшая книгу „Dies Buch gehört dem König!“, въ которой вылилось все беззаветное, страстное социальное чувство женщины; еще больше это можно сказать о Гарриэтъ Бичеръ-Стоу (рис. 323), книга которой, неподобная по своей художественной цѣнности — „Хижина дяди Тома“, — такъ бьетъ и брызжетъ вся чувствомъ справедливости, что ее можно было бы нести, какъ священное знамя, впередъ борцовъ за освобожденіе рабовъ. Необходимо отмѣтить при этомъ, какъ особенно характерную для женщинъ черту, что онѣ почти всюду отдавали свою агитаціонную силу прежде всего на служеніе угнетеннымъ слоямъ народа: такъ, онѣ служили въ Сѣверной Америкѣ дѣлу освобожденія рабовъ, во Франціи въ 1789—1793 и въ 1848 годахъ — дѣлу безправныхъ и обездоленныхъ классовъ и въ особенности рабочихъ; даже въ Германіи, гдѣ официально выступленію женщинъ ставились такія тяжелыя преграды, вождь женскаго движенія, Луиза Отто-Петерсъ (рис. 324), боролась первоначально подъ знаменемъ революціи. А отважныя американки, съ Лукреціей Моттъ и Елизаветой Кэди Стоптопъ во главѣ, полныя убѣжденія въ правотѣ дѣла, за которое боролись, требовали прежде всего политическаго равноправія женщинъ, потому что, ставъ близко къ дѣлу освобожденія рабовъ, признали политическія права для себя необходимыми условіемъ успѣха.

Рис. 320. Шарлотта фонъ-Штөянкъ.

Подобнымъ же образомъ развивалось женское движеніе и въ Англіи: первыми выступили на борьбу съ нуждой и безпризорностью женщины, въ родѣ Елизаветы Фрей и Флорансы Найтингэль (рис. 326), посвятившія свои силы организаціи попечительства о бѣдныхъ и больныхъ женщинахъ и добившіяся потомъ ихъ преобразованія въ общественныя или государственныя учрежденія. Не выражается ли и здѣсь то же спеціальное женское чувство, ставящее впередъ своихъ личныхъ интересовъ заботу о другихъ? И какъ всѣ душевныя силы женщины развертываются вполне только въ заботѣ о своемъ ребенкѣ, когда она становится матерью, такъ развернулись въ женщинѣ, служившей дѣлу помощи бѣднымъ и обездоленнымъ, тѣ таланты, которые завоевали ей руководящую роль въ великой социальной культурной борьбѣ, волнующей міръ и составляющей изъ двухъ параллельныхъ движеній — женскаго и рабочаго.

И хотя научныя теоріи женскаго движенія были первоначально созданы почти исключительно мужчинами. — Кондорсэ, Гиппелемъ, Томсономъ, Миллемъ, Белелемъ, — все же практическіе выводы изъ этихъ теорій были сдѣланы, прежде всего, жен-

Рис. 321. Беттина фонъ-Арминъ.
(По гравюру Л. Гримма.)

Рис. 322. Рашель Варнгагенъ.
(По гравюру К. Вебера.)

щинами, съ помощію ихъ огромнаго агитаторскаго таланта, и ими же были перенесены въ массы. „Равноправіе“ было прежде ихъ единственнѣмъ боевымъ кличемъ, — и это нерѣдко приводило къ насильственному подавленію половыхъ различій, вызывая тѣ каррикатурныя явленія, которыя были совершенно правильно характеризованы выраженіемъ „третій полъ“. Здоровая женская природа скоро преодолѣла эти ненормальныя уклоненія. Характеръ теперешняго женскаго движенія всего лучше, быть можетъ, выраженъ современнымъ лозунгомъ: „ребенка и работы“, потому что онъ объединяетъ собой его цѣль: женщина добивается профессіи и материнства, полнаго развитія, какъ человекъ и какъ половое существо. Для достиженія этой цѣли оказались необходи-

Рис. 323. Гарриэтъ Бичеръ-Стоу.

мыми всѣ тѣ виды борьбы, которую ведутъ теперь женщины: за образованіе, за политическія права, за социальную реформу, за экономическую самостоятельность. Во всѣхъ культурныхъ странахъ этой борьбой охвачены толпы женщинъ всѣхъ классовъ народа; очень трудно выдѣлить изъ нихъ особо типичныхъ представительницъ. Сусанна Б. Антони, недавно умершая предводительница американскаго движенія въ пользу натуральныхъ правъ, умѣвшая захватывать огнемъ своего краснорѣчія даже въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ; Жозефина Бутлеръ (рис. 327), предпринимавшая съ безпримѣрнымъ героизмомъ крестовый

походъ въ защиту несчастлившихъ изъ несчастныхъ своего пола— проституттокъ; Луиза Отто-Петерсъ, (рис.324), посвятившая всю жизнь тому дѣлу, о которомъ она говорила: „Для царства-свободы я вербую гражданокъ“; Элленъ Кей (рис. 329), пионеръ современнаго женскаго движенія, возносящая мать и ребенка на престолъ земли и рассматривающая равенство образованія и правъ только какъ фундаментъ, на которомъ можетъ свободно развиваться свободная личность женщины, — всѣ онѣ вносили въ дѣло всю побѣдоносную силу своего женскаго таланта вдохновительницъ, вызывали жизнь, тепло, прогрессъ, и въ то же время доказывали, что истинная женственность — не препятствіе, а условіе успѣха. И какъ нужда, страданія и без-правіе сдѣлали женщинъ борцами за освобожденіе рабовъ и за права и изъ чувства ихъ выросло сознаніе, — такъ и муки страдающаго человѣчества тоже толкнули ихъ на другія поля битвы. Движеніе противъ употребленія спиртныхъ напитковъ, располагающее теперь всемірною организаціей изъ милліоновъ женщинъ, превратившееся мало-по-малу изъ смѣшного похода во имя морали въ реформаціонное движеніе противъ социальныхъ и экономическихъ условій, вызывающихъ алкоголизмъ, — задумано и осуществлено женщиной, Френсисъ Вильяръ (рис. 328), крупная личность которой была настолько оцѣнена Америкой, что она ей воздвигла памятникъ.

Рис. 324. Луиза Отто-Петерсъ.

Рис. 325. Анни Безантъ.

Движеніе въ пользу идеи мира, которое (какъ бы скептически ни относиться къ его практическому значенію для настоящаго

Рис. 326. Флорансъ Наятннгаль.

путн, но сфера приложенія ея чувства, ея познанія и, наконецъ, ея энергїи можетъ быть и меньше, и больше.

Для самыхъ передовыхъ женщинъ сфера эта настолько расширилась, что въ ней помѣстились всѣ страданія челоуѣчества. Къ чему намъ, — говорятъ онѣ, — наше право на трудъ, если оно сводится не къ чему иному, какъ къ праву на эксплуатацію рабочей силы многихъ обѣдняковъ немногими привилегированными? Къ чему намъ право на любовь, если мы не можемъ исполнять нашихъ материнскихъ обязанностей, если плоды нашей любви обречены на тѣ же страданія, какъ и мы? что намъ борьба женщинъ только за женщинъ, когда мы съ нашими мужьями прикованы къ одной и той же цѣпи заработной платы?

Вотъ тотъ путь, который приводитъ женщинъ, — при видѣ ли чужихъ страданій, или подъ вліяніемъ собственныхъ, — къ вступленію въ ряды рабочаго движенія и дѣлаетъ ихъ социалистками. Къ нимъ принадлежатъ женщины русской революціи, которыя умѣли не только умирать за дѣло народа, — больше: умѣли жить для него, жить даже тогда, когда за ними захлопывались ворота самыхъ ужасныхъ тюремъ. И въ заключеніи онѣ умѣли окружать забо-

люванію, кассами вино прояснило сердца и умъ, заставивъ ихъ понять безуміе войны, — обязано своимъ существованіемъ энтузіазму Берты фонъ Зуттнеръ. Безспорной вдохновенной руководительницей теософическаго движенія является Анни Безантъ (рис. 325), могучій ораторскій талантъ которой привлекалъ все больше и больше приверженцевъ этого ученія.

Но этимъ еще не исчерпываются результаты вліянія, исходящаго отъ всеобъемлющаго материнскаго чувства женщины: состраданіе, сочувствіе, помощь въ борьбѣ — были всюду этапами на ея

Рис. 327. Жоаефина Бутлеръ.

той своихъ товарищей-мужчинъ, утѣшать ихъ, добровольно слѣдуя за ними въ ссылку, чтобы помочь имъ переносить страданія.

Выдающимся образомъ такихъ революціонеровъ - женщинъ, женщинъ глубокаго чувства, которыхъ сердце, чѣмъ болѣе оно полно любви къ угнетеннымъ, тѣмъ большей ненавистью проникается къ угнетателямъ, толкаетъ ихъ на борьбу, — служить Луиза Мишель (рис. 330), героиня французской коммуны.

Вся ея жизнь, и на волѣ, и въ заключеніи, была сплошная безпрѣлѣльная самоотвержен-

Рис. 328. Франсизъ Вильяръ.

По фотогр. О. Беккеръ и Маасъ гъ Берлигъ.
Рис. 329. Эллень Кей.

ная любовь. Она была бѣдна — и все же всегда находила чѣмъ подѣлится съ другими: она терпѣла преслѣдованія, жила въ изгнаніи — и все же умѣла оказать поддержку и убѣжище преслѣдуемымъ. Въ палавниихъ духомъ она всегда умѣла вдохнуть новую бодрость и силу.

Эта женщина, не сотворившая себѣ безсмертнаго памятника никакимъ произведеніемъ, сдѣлала все же для дѣла человѣчества — что равносильно торжеству человѣчности — несомнѣнно больше, чѣмъ многія ученые женщины и писательницы: она посѣяла въ сердцахъ сѣмена силы, самоотверженія, любви къ людямъ, которыя не могутъ заглухнуть.

Великая наставница природы указываетъ намъ, какъ я уже сказала въ началѣ этой главы, еще и другіе виды связи, существующей

между духомъ и поломъ. Намъ становится это яснымъ, когда мы выкаемъ въ значеніе женщины, какъ вдохновительницы и агитатора, гдѣ всего сильнѣе сказывается ихъ умъ и ихъ сердце, движенія, исходящія изъ внутренней глубины самаго женскаго естества, а не искусственно привитыя.

Отчего не допустить обратнаго вліянія пола въ психической области? Дѣтей во плоти женщина производить на свѣтъ изъ сѣмени мужчины. Такъ заботится она, восприимая, оплодотворенная мужчиной, о размноженіи челоѣчества. Не существуютъ ли духовнаго оплодотворенія мужчины душою

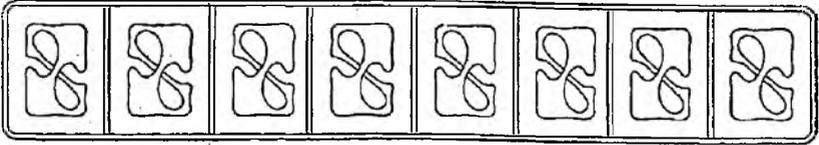
Рис. 330. Луиза Миппель.

женщины? И не помогаетъ ли она созиданію тѣмъ болѣе богатой жизни, чѣмъ совершеннѣе и выше развивается ея личность?

Если это такъ, то подавленіе возможностей развитія женскаго пола — не только несправедливость въ отношеніи его, но и преступленіе въ отношеніи челоѣчества. Если это такъ, то мы обязаны открыть свободный путь въ этой области гениальности, т. е. высшей творческой силѣ женщины. Если это такъ, то мы должны предоставить женщинѣ безпрепятственно развивать силу внутренняго влеченія, одушевляющаго ее.

Противники конечно возражаютъ, что съ увеличеніемъ женскаго вліянія культура приметъ „женственный“ характеръ. Если это значитъ, что народамъ будетъ больше обезпеченъ миръ, что

постепенно будетъ осуществлена социальная справедливость и осуществится провозглашенный тысячелѣтія назадъ, но все еще не исполненный завѣтъ любви къ ближнему, — то это приведетъ только къ тому, что культура, бывшая до сихъ поръ чисто мужской, проникнется материнскимъ духомъ, — наступитъ, слѣдовательно, сліяніе въ одно двухъ началъ, которое одно только и можетъ рождать истинно жизненное и въ мірѣ природы, и въ мірѣ духа.

Глава шестая.

Миръ чувствъ женщины.

(Прев.-доп. д-ръ Юлій Вейссъ, Вѣна.)

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ главахъ настоящаго сочиненія слово было предоставлено выдающимся представителямъ женскаго движенія для характеристики женщины въ различныхъ ея возрастахъ и положеніяхъ жены, матери и хозяйки дома, — пусть же будетъ позволено высказаться по вопросу мира чувствъ женщины и мужчинъ, тѣмъ болѣе врачу, — человѣку, имѣвшему возможность, благодаря своей профессіи, уяснить себѣ душевный миръ женщины и далекому отъ боевыхъ стремленій ея къ равенству съ мужчиной; пусть будетъ позволено и ему обрисовать характеръ типичной женщины, какаѣ встрѣчается въ нашемъ современномъ обществѣ различнаго круга и различнаго положенія.

Знаменитый англійскій ученый Карлейль утверждалъ, что всемірная исторія есть исторія того, что совершилъ человѣкъ въ этомъ мирѣ, — слѣдовательно, въ сущности, исторія великихъ людей, потрудившихся въ немъ... „Всѣ вещи, которыя мы находимъ готовыми въ мирѣ, — говоритъ Карлейль, — представляютъ, въ сущности, виѣшніе вещественные результаты, практическое осуществленіе и воплощеніе идей, жившихъ въ умахъ посланныхъ въ нашъ миръ великихъ людей“.

Съ этой точки зрѣнія, Лили Браунъ провела передъ нами въ предыдущей главѣ („Духовный миръ женщины“) образы самыхъ выдающихся женщинъ всѣхъ временъ и изложеніемъ біографій и значенія этихъ женщинъ развернула передъ вами широкую картину исторіи женщины. Но для ознакомленія съ міромъ чувствъ женщины необходимо рассмотретьъ гораздо большій кругъ женщинъ, — по мѣрѣ возможности, всѣхъ женщинъ, независимо отъ того, представляютъ ли онѣ собой умственно выдающіяся личности или посредственности, княгини или работницъ, занимаются ли онѣ самостоятельной профессіей или вращаются въ томъ ограниченномъ кругу, который былъ до сихъ поръ отведенъ женщинамъ. Нашу задачу облегчить то обстоятельство, что женщины различныхъ общественныхъ круговъ и положеній гораздо болѣе сходны между собой, чѣмъ мужчины одного круга. Миръ чувствъ принцессы въ общемъ немногимъ отличается отъ мира чувствъ ея горничной, происходящей изъ народа.

Характеръ каждаго и проявленія его чувствъ представляютъ

собой, прежде всего, результатъ того или иного воспитанія. Значительное число добрыхъ и дурныхъ свойствъ являются слѣдствіемъ извѣстныхъ воспитательныхъ и общественныхъ установленій. То, что относится къ цѣлымъ народамъ, относится и къ отдѣльнымъ лицамъ и въ особенности къ женщинамъ.

Вплоть до настоящаго времени женщина оставалась въ постоянной зависимости отъ мужчины; отъ его выбора возлюбленной и желы зависить все существованіе женщины. Врожденное чувство благодарности и законъ возвели это, разумѣется, на степе-

По фотогр. бр. Азинари въ Флоренціи.

Рис. 331. Тщеславіе.

(По картинѣ Паоло Веронеса.)

нь обязательнаго повиновенія. У народовъ дравяго міра, а на Востокѣ еще и теперь, женщина считается товаромъ, возводимымъ на рынокъ. Такимъ образомъ, въ каждой женщинѣ заложено чувство нѣкоторой рабской подчиненности, съ которымъ она смотритъ на своего повелителя мужчину. Женщина отвыкла отъ самостоятельныхъ рѣшеній, отъ заботы о пропитаніи и средствахъ къ жизни, отъ борьбы съ неприятностями и враждебными сторонами жизни. Все это она представляла муж-

чинѣ, такъ какъ законъ и обычай даже лишили ее права касаться этого. Когда въ былыя времена женщинѣ случалось занять положеніе борца или руководителя, ее чтили либо какъ героиню, либо какъ мученицу. Такими были Жанна д'Аркъ, орлеанская дѣва, или Екатерина Сфорца, упомянутыя въ III главѣ настоящаго тома.

Угнетенное положеніе женщины явилось причиной того, что въ ней развились пронырство, лукавство и хитрость, служившія ей часто оружіемъ для побѣды надъ мужчиной, такъ какъ открытая борьба равнымъ оружіемъ была невозможна. Такимъ же образомъ въ женщинѣ развились лъстивость и лицемеріе, которыми она заманивала въ сѣти мужчину и трепетно удерживала въ нихъ.

Чтобы избавиться отъ насильно навязаннаго, неполюбимаго мужа, женщина

становится часто жестокой, какъ Юдией (рис. 332), — демономъ, способнымъ стать убийцей и отравительницей.

Женщина можетъ наряжаться и прихорашиваться передъ зеркаломъ цѣлыми часами. Многие старые и новые художники увѣковѣчили въ картинахъ такіе моменты. — какъ, наприкладъ, Шалькенъ въ картинѣ „Молодая женщина съ сережками“ (рис. 333). Изъ естественной задачи женщины — завоевать мужчину, который содержалъ бы ее, развились ея свойства првлеченія и ухаживанія. Она должна паряжаться и украшать себя какъ полученными отъ природы данными, такъ и всѣми культурными средствами (нарядъ, украшенія). Это сдѣлало женщину тщеславной и привило ей страсть къ нарядамъ и кокетство. Паоло Веронезе воплотилъ въ своей извѣстной картинѣ тщеславіе въ образѣ женщины (рис. 331).

Ж е н щ и н а умѣетъ очень искусно показать съ самой выгодной стороны свои физическія прелести и скрыть свои физическіе недостатки. Въ этомъ помогаютъ ей наряды и мода. Очень рѣдко встрѣчается совершенная красота, лишенная всякихъ тайныхъ физическихъ недостатковъ и имѣющая возможность показаться во всей дивной наготѣ даже передъ своими завистливыми подругами. Одна Венера дерзаетъ отправиться купаться въ райскомъ костюмѣ въ сопровожденіи своихъ нимфъ (рис. 334).

Съ давнихъ поръ женщина была заточена въ тѣсный кругъ дома и домашняго очага. Женщинѣ считалось неприличнымъ участвовать въ совѣщаніяхъ мужчинъ, нести повседневныя заботы, связанныя съ какой-нибудь профессіей. Нѣкоторыя рѣдкія исключенія встрѣчаются у некультурныхъ народовъ. А такъ какъ обычныя занятія ея по домашнему хозяйству и по уходу за дѣтьми поглощали не все ея время, то у нея оставался нѣ-

Фотогр. изд. Фр. Гавфштегеля въ Мюнхенѣ.
Рис. 332. Юдией съ головою Сопферна.
(По картинѣ Кр. Аллорри.)

который досугъ, чтобы сходиться съ сосѣдками, вести съ ними разговоры о тысячахъ мелочей, составлявшихъ тѣсный кругъ ея интересовъ. Это объясняетъ намъ то, почему женщины и въ наше время, сходясь между собой, говорятъ большей частью только о трехъ вопросахъ: о хозяйствѣ, о нарядахъ и о прислугѣ. А такъ какъ у женщины обыкновенно больше свободного времени, чѣмъ у мужчины, то она любитъ говорить много и многословно; она стала болтливой кумушкой и сплетницей (рис. 335).

Цѣли, державшія женщину въ сторонѣ отъ жизненной борь-

Фотогр. изд. Фр. Гадфштергга въ Мюнхенѣ.
Рис. 333. Молодая женщина съ сережками.
(По картинѣ Г. Шалькена.)

бы, не дали ей возможности познакомиться съ серьезными вопросами жизни. Вотъ почему женщина въ своихъ поступкахъ нерѣшительна, порой даже неуклюже-безпомощна. Не безъ основанія нѣкоторые утверждаютъ, что женщина остается всю жизнь въ роуслѣ ребенкомъ. Молодая дѣвушка любитъ игры и всякій вздоръ и тряпье,— это черты, врожденныя ей, а быть можетъ, и привоспитанныя. Даже къ своимъ собственнымъ хозяйственнымъ дѣламъ онѣ относятся безъ особенной серьезности

и вѣчно думаютъ прежде и больше всего о своемъ главномъ назначеніи — о привлеченіи мужчины, а слѣдовательно, и обо всѣхъ тѣхъ маленькихъ ухищреніяхъ, которыми онѣ для этого пользуются. Но не только молодыя дѣвушки, а и замужнія женщины, обладающія хорошимъ достаткомъ, вынуждены вѣчно заботиться о привлеченіи мужчины, такъ какъ вѣчно должны стараться удержать мужчину, не дать ему ускользнуть изъ своихъ сѣтей. Въ этомъ лежитъ объясненіе того, что мужчины питаютъ другъ къ другу ненависть и вражду только въ томъ случаѣ, если одинъ оспариваетъ у другого занятое имъ въ борьбѣ жизни мѣсто — по службѣ ли, или въ дѣлахъ — и враждебныя отношенія встрѣчаются поэтому большей частью только между мужчинами одной профессіи, тогда какъ среди

женщинъ вражда, какъ не безъ основанія отмѣчаетъ угрюмый женоненавистникъ Шопенгауэръ, охватываетъ часто весь ихъ полъ, такъ какъ у всѣхъ ихъ одна единственная профессія. Женщина ненавидитъ гораздо сильнѣе и упорнѣе, чѣмъ мужчина, и способна иногда преслѣдовать свою дѣйствительную или только воображаемую соперницу до гроба.

Женщина предназначена природой къ возвращенію потомства, ей отведено божественное назначеніе материнства. На этой основѣ развился цѣлый рядъ свойствъ, дающихъ дальнѣйшій матеріалъ для сужденія о характерѣ женщины. Материнская любовь — чувство совершенно иное, чѣмъ любовь отца къ своимъ дѣтямъ. „Мать находитъ у колыбели ребенка весь миръ для себя. — говоритъ Мишле, — весь остальной миръ для нея исчезаетъ; такъ это должно быть, и для ребенка хорошо, что это такъ. Безпомощное существо погнбло бы, если бы мать всецѣло не растворялась въ немъ... Когда она стоитъ, склонившись надъ своимъ сыномъ съ молитвой на губахъ и отражаетъ небесную улыбку въ его еще бессмысленныхъ глазахъ, — все вокругъ преобразуется, освѣщенное яркимъ свѣтомъ, изливающимся на него изъ ея глазъ. Ни одно сердце не можетъ устоять передъ нимъ, онъ повлечетъ за собой всѣ сердца... Любовь опережаетъ любовь“. Ребенокъ мало-по-малу

Съ разрѣш. Fred. Hollyer'a въ Лондонѣ.
Рис. 334. Венера, отправляющая купаться.
(По картинѣ В. Джона.)

подрастаетъ, и мать проходитъ вмѣстѣ съ нимъ весь кругъ его развитія. Она лепечетъ безсвязные слогги, которые слышала впервые отъ ребенка, и снова становится, такимъ образомъ, ребенкомъ. Изъ всего этого дѣла и бездѣлья развились у нея нѣжность, самоотверженіе и терпѣніе. И чѣмъ больше у нея рождается дѣтей, тѣмъ крѣпче она оказывается привязанной къ дому; отсюда у нея развивается любовь къ своему дому, который она тщательно старается обставить получше, сдѣлать его уютнѣе для своихъ дѣтей и своего

Фотогр. изд. Альберта и К^о въ Мюнхенѣ.

Рис. 335. Сплетницы.

(По картинѣ Г. Борхардта.)

мужа. Мужу часто бываетъ непонятно то ребяческое удовольствіе, которое доставляютъ женщинамъ какія-нибудь занавѣски или ковры, салфеточки, бездѣлушки, но это чувство имѣетъ свое ясное основаніе и оно въ свою очередь развивается въ женщинѣ чувство красоты и изящества, любовь къ цвѣтамъ и плодамъ — живымъ ли или хотя бы только затканнымъ въ матеріяхъ.

Умственная жизнь женщины тѣснѣйшимъ образомъ связана, спаяна съ міромъ ея чувствъ. Кругозоръ женщины узокъ, но то, что входитъ въ его предѣлы, она охватываетъ зорко и съ тонкой наблюдательностью. Шопенгауеръ называетъ женщинъ умственно близорукими. Она быстро замѣчаетъ предметы, едва они показываются въ кругу ея зрѣнія, у мужчинъ же взглядъ устремленъ вдаль, въ будущее, въ грядущее, такъ какъ всѣ его

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Прогрессивное“ въ Спб.

Психея получает первый поцѣлуй отъ Амура.

По картинѣ Фр. Жерара.

(По снимку Браунъ, Клеманъ и К° въ Дорнахъ.)

планы и стремленія имѣютъ всегда въ виду будущее. Поэтому же чувства женщины всегда направлены на лица и предметы въ настоящемъ, мужчина же обладаетъ, вдобавокъ, чутьемъ прошлаго. Для него исторія всегда является наставницей и въ душѣ его надолго сохраняется впечатлѣніе и воспоминаніе о лицахъ, игравшихъ роль въ его собственномъ прошломъ. Этими характерными различіями между мужчиной и женщиной объясняется и то, что женщина обладаетъ гораздо большимъ чутьемъ практической жизни и часто лучше соображаетъ сразу, какъ надо поступать въ томъ или другомъ случаѣ.

Настоящій мужчина, являющійся истиннымъ борцомъ въ жизни, большей частью способенъ гораздо болѣе увлечься какой-нибудь идеей, чѣмъ женщина, которая является трезвой зрительницей борьбы. Вотъ почему большинство мужчинъ оптимистичны, когда дѣло идетъ объ осуществленіи какого-нибудь поступка, — т. е. предпринимаемое ими дѣло представляется имъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ; женщины же, уже въ силу врожденной имъ и привитой воспитаніемъ дугливости и боязливости, являются большей частью пессимистками, т. е. онѣ всегда склонны предвидѣть дурной исходъ задуманнаго дѣла или поступка и во снѣ и на яву имъ чудится возможная бѣда. Оттого, что женщины менѣе страстны, чѣмъ мужчины, онѣ не такъ легко увлекаются какими-нибудь чрезмѣрными страстями, напримеръ, склонностью къ спиртнымъ напиткамъ, страстью къ деньгамъ, жаждой наживы, или мщеніемъ врагу. Онѣ также ставятъ часто благодѣтельные преграды проявленіемъ необузданныхъ страстей мужчины.

Женщина живетъ большей частью всецѣло во власти своихъ чувствъ, и съ этимъ сопряжена извѣстная склонность къ мечтательности, какъ это символизировано въ картинѣ Ник. Маса (рис. 336); страдающія она умѣетъ затаивать глубоко въ душѣ, пассивно, какъ это вообще свойственно природѣ женщины. Женщина любитъ и ненавидитъ, часто не признавая ни мысленія, ни сужденія. „Женщина не признаетъ логики, ея единственные доводы — слезы и поцѣлуй“. А такъ какъ всякое проявленіе чувства связывается всегда съ какимъ-нибудь лицомъ, а женщины неспособны исключить чувство, то онѣ большей частью неспособны вести споръ по существу и всякія теоретическія разногласія у нихъ часто переходятъ въ личные перекоры. И такъ какъ женщины недоступны доводамъ разума, то онѣ никогда не признаютъ себя побѣжденными и всегда найдутъ отвѣтъ, когда мужчина уже давно умолкаетъ. Мужчиной овладѣваетъ страсть дѣла, женщиной страсть собственного чувства.

Миръ женскихъ чувствъ въ огромной степени зависитъ отъ половой жизни ея.

Женщина, жившая въ дѣвичество въ своей собственной душевной жизни, просыпается изъ дремоты невѣдѣнія подъ влияніемъ перваго поцѣлуя Амура (см. рис. на отд. табл.). „Психея“ значитъ въ переводѣ „душа“. Душа женщины освобождается силой любви мужчины.

Физическія условія женской половой жизни подробно изложены въ III и IV главахъ настоящаго тома (II части). Здѣсь

мы снова укажемъ на то, что сильныя потрясенія, которымъ всегда подверженъ женскій организмъ и въ особенности въ періоды материнства, не могутъ не оказывать значительнаго вліянія на міръ женскихъ чувствъ. Если принять затѣмъ во вниманіе, что въ связи съ физическими процессами женщина, съ одной стороны, гораздо раньше достигаетъ расцвѣта, а съ другой, гораздо быстрее и раньше старится, — то намъ станутъ вполне ясными значительныя различія между женщиной и мужчиной,

Фотогр. над. Фр. Гамфилтона въ Мюнхенѣ.
Рис. 336. Мечтательница.
(По картинѣ Ник. Маса.)

гораздо меньше ея зависящимъ отъ физическихъ процессовъ, медленнѣе созрѣвающимъ, долѣе сохраняющимъ періодъ зрѣлости и гораздо позднѣе старѣющимся.

Въ связи съ упомянутыми физическими процессами находится періодическая капризность и раздражительность женщины. У очень нервныхъ индивидуумовъ эти состоянія доходятъ даже до періодическихъ умственныхъ расстройствъ; это вліяетъ не только на душевную, но и на умственную жизнь женщины. Женщины, отличающіяся обыкновенно веселымъ характеромъ, терпѣливыя, трудолюбивыя и довольныя, становятся въ извѣстные моменты (мѣсячныя очищенія, беременность, послѣродовой періодъ) мечтательны. унылы, угрюмы, чувствуютъ усталость и вялость, легко волнуются и требуютъ къ себѣ поэтому осторожнаго и бережнаго отношенія, чтобы еще больше не усилилось возбужденное состояніе.

Физическія потрясенія женщины оказываютъ сильное вліяніе на ея нервы, — оттого-то женщины несравненно чаще мужчинъ подвержены нервнымъ заболѣваніямъ. Головные боли — одна изъ самыхъ частыхъ женскихъ болѣзней, особенно въ формѣ болей въ одной части головы, сопровождающихся рвотами, которую принято называть мигренью.

Такъ называемую истерію еще недавно считали исключительно женской болѣзнью, предполагая, что она гнѣздится въ разстройствѣ матки. Профессоръ Шарко, знаменитый французскій невропатологъ, первый указалъ на то, что бываютъ и мужчины истеричные. Но все же среди женщинъ эта болѣзнь имѣетъ большее распространеніе. Всѣ истеричныя болѣзненные явленія объясняются повышенной раздражительностью центральныхъ нервныхъ аппаратовъ въ головномъ и спинномъ мозгу. Самыя ничтожныя раздраженія производятъ въ этихъ центральныхъ пунктахъ болѣзненные возбужденія или задержки, отличающіяся необычайной силой, длительностью и протяженіемъ. Это явленіе объясняется, повидимому, извѣстнымъ душевнымъ предрасположеніемъ. Истерія не сопровождается никакими мѣстными очагами болѣзни въ области нервной системы: головной и спинной мозгъ и нервная система совершенно здоровы, только функционируютъ ненормально. Представимъ себѣ, напримѣръ, звонокъ, проведенный изъ одного конца дома въ другой, въ которомъ всѣ составныя части совершенно исправны, и тѣмъ не мене самый колокольчикъ звонитъ самымъ непонятнымъ образомъ, черезъ правильные промежутки времени, то слишкомъ громко, то слишкомъ тихо: онъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ нормальнаго нажима, а подъ другими внѣшними вліяніями.

Кромѣ того болѣзнь эта выражается еще параличными явленіями, частичной утратой чувствительности различныхъ частей тѣла, такъ что сильнѣйшіе уколы булавки не чувствуются, припадками одышки, сопровождающимися ощущеніемъ подступающаго къ горлу шарика и т. д. Если лицо, страдающее такими тяжелыми болѣзненными явленіями, умираетъ случайно отъ какой-нибудь другой болѣзни — предположимъ, напримѣръ, отъ воспаленія легкихъ, и трупъ его подвергается вскрытію, то въ нервной системѣ не оказывается никакихъ измѣненій ни при разсмотрѣніи простымъ глазомъ, ни при микроскопическомъ изслѣдованіи. Это значитъ, что разстроены были только функція, а нервныя части оставались исправными.

Особенно неприятна истерія тогда, когда душевное состояніе приходитъ въ разстройство. Такіе больные необычайно чувствительны ко всякимъ внѣшнимъ раздраженіямъ, несдержанны и необдуманны въ выраженіяхъ и преувеличенно сильно отзываются на все. Къ этому присоединяется чувство страха, потеря сознанія, припадки судорогъ, похожіе на эпилептическіе (подробнѣе объ этой болѣзни см. во II т.). Упомянемъ здѣсь только о томъ, что часто необычайно сильно колеблются границы между нормальнымъ и истерическимъ состояніемъ. Бываютъ женщины, истеричныя отъ природы и остающіяся истеричными всю жизнь, и бываютъ врачи, приписывающіе каждой женщинѣ истерію въ большей или меньшей степени. Предрасположеніе къ этой болѣзни существуетъ за немногими исключеніями въ каждой женщинѣ, и часто только отъ тѣхъ или другихъ условій зависитъ, разовьется ли это предрасположеніе въ настоящую болѣзнь.

Несмотря на всѣ основныя свойства женской природы, на протяженіи историческаго развитія и подъ вліяніемъ измѣненій культуры характеръ женщины претерпѣвалъ также различныя измѣненія. Въ тѣ времена, когда народы Германіи выступили

на арену исторiи и римляне старались подчинить своему владычеству германскую область, женщина не была рабой, а товарищем мужчины, имѣвшимъ свою собственную и самостоятельную сферу дѣятельности. Въ женщинахъ того времени нельзя было замѣтить ничего рабскаго, подчиненнаго, — онѣ имѣли величаво-гордый характеръ. Пугливость и робость были имъ чужды, такъ какъ онѣ привыкли слѣдовать за мужьями на войну и словами ободренiя поощряли и вдохновляли бойцовъ. Женщины того времени обладали, повидимому, мужской разсудительностью, ипаче римскiй историкъ Тацитъ не могъ бы разсказывать намъ, что древнiе германцы съ уваженiемъ относились къ мнѣнiю женщины и слушались ихъ совѣтовъ, такъ какъ вѣрили, что женщины одарены чѣмъ-то священнымъ и пророческимъ. Въ среднiе вѣка женщины были дошго носительницами высшей нравственности и уточенной образованiя; то были X и XI вѣка, — эпоха, въ которую жила ученая монахиня Росвита и монахъ Энегардъ объяснялъ Гадавигъ, вдовѣ швабскаго герцога Бурхарда, римскихъ поэтовъ Овидiя и Виргилiя. Затѣмъ наступила эпоха миннезенгеровъ и рыцарскаго служенiя женщинѣ. Во Францiи и Испанiи поклоненiе женщинѣ приобрѣло вскорѣ чувственный характеръ. Этимъ объясняется суровый приговоръ, которiй произнесъ женщинамъ старинный французскiй поэтъ Гюйо де Провансъ въ своей книгѣ, написанной въ 1206 году. Въ ней онъ укоряетъ женщинъ во всевозможныхъ дурныхъ чертахъ. „Женщину никогда не побѣдить до конца; никогда она не открываетъ всю свою душу, и когда глаза ея плачутъ, ея сердце смѣется; она не умѣетъ долго горевать, никогда не говоритъ того, что думаетъ, и очень бѣдны ея мысли. Чтo любила дѣлать семь лѣтъ, то ей ничемъ забыть въ одинъ день. Женщина лжива и измѣнчива въ вѣтра, непостоянно ея сердце, и умнѣйшаго изъ мужчинъ она сумѣетъ провести“.

Германское рыцарство было деликатнѣе и нѣжнѣе романскаго. Женщину оно признавало повелительницей и вѣнцомъ творенiя. Знатныя дѣвушки получали необычайно тщательное воспитанiе, молодыя барышни обучались не только такъ называемымъ духовнымъ искусствамъ, т. е. чтенiю и письму, но и пѣнiю и игрѣ на скрипкѣ и арфѣ. Вдобавокъ, ихъ учили манерамъ, правиламъ приличiй, обнимавшимъ собой до послѣднихъ мелочей законы поведенiя дома и на улицѣ, въ обществѣ и на празднествахъ, въ высшемъ и въ низшемъ кругу.

Вполнѣ понятно, что у барышень этого круга развивались страсть къ нарядамъ, жеманство, кокетство, а капризы принимали просто чудовищные размѣры. Иная красавица превращала своего поклонника буквально въ мученика. Рыцарь Ульрихъ фонъ Михтенштейнъ пьетъ воду, которой умывалась его повелительница, соглашается срѣзать свою нижнюю губу, которую повелительница находитъ нерасполагающей къ поцѣлуямъ. Онъ велитъ отрубить себѣ палець и посылаетъ его своей повелительницѣ въ доказательство того, что онъ все готовъ перенести ради нея. Онъ доходитъ до того, что, по ея приказанiю, общится съ прокаженными и ѣсть съ ними изъ одной посуды. Понятно, что такое фанатическое поклоненiе женщинѣ должно было вырождаться, въ концѣ концовъ, въ без-

правственность. Женщины становились легкомысленны и распущенны, и въ XIII, XIV и XV вѣкахъ искусство любви практикуется, по словамъ историка Юганна Шерра, „безудержно и беззащитчиво“. Такъ было и во Франціи, и въ Германіи, и въ Италіи. Женщины средняго круга и крестьянки не многимъ отличались отъ дамъ высшаго круга, которымъ онѣ, особенно первыя, старались подражать. Половая распущенность особенно сильно обнаружилась къ концу среднихъ вѣковъ. Холодная сѣверная Германія соперничала на этомъ пунктѣ съ южно-германскими странами. Въ Любекѣ въ концѣ XV столѣтія дамы надѣвали густыя вуали, чтобы имѣть возможность неузнанными посѣщать по вечерамъ кабаки и предаваться тамъ оргіямъ въ обществѣ грубыхъ матросовъ. Эней Сильвій Пикколомини рисуетъ мрачную картину нравовъ и взглядовъ, царившихъ въ Вѣнѣ приблизительно въ половинѣ XV столѣтія:

„Народъ всецѣло предается чревоугодію и прокучиваетъ по воскресеньямъ все, что заработалъ за недѣлю. Публичныхъ женщинъ очень много, но и среди замужнихъ женщинъ только очень немногія довольствуются однимъ мужчиной. Поэтому дворяне очень часто посѣщаютъ дома простыхъ горожанъ, гдѣ хозяйинъ дома подаетъ гостю вино и удалается, чтобы оставить его наединѣ съ хозяйкой дома. Многіе дѣвушки берутъ себѣ мужей безъ вѣдома своихъ отцовъ, и вдовы не дожидаются истечения срока траура, чтобы снова выйти замужъ. Богатые купцы, состарившись, берутъ себѣ въ жены молодыхъ дѣвушекъ, а эти, вскорѣ овдовѣвъ, выходятъ замужъ за своихъ слугъ, молодыхъ парней, съ которыми опѣ до того совершали прелюбодѣяніе. Говорятъ еще, что многія женщины, которымъ надоѣли ихъ мужья, избавляются отъ нихъ съ помощью яда“.

Нравственныя вѣянія, внесенныя Реформаціей, мало-по-малу подняли снова престижъ брака. Женщина, возведенная въ эпоху рыцарства на высоту божества, снова стала честной подругой жизни, толковой хозяйкой, нянькой и воспитательницей дѣтей. Даже въ женской одеждѣ сказывается рѣшительный поворотъ къ лучшему: исчезли мало-по-малу безстыдныя обнаженія тѣла, которыя были приняты въ XV столѣтіи, и въ моду вошли закрытыя, глухія женскія платья.

Склонность женщины къ благочестію, съ одной стороны (трогательное и возвышенное впечатлѣніе производитъ молодая дѣвушка въ безмолвной благоговѣйной молитвѣ, какъ изображаетъ намъ, напримѣръ, Ж. Б. Грѣвъ въ своей прекрасной картинѣ — рис. 337), и къ распространенію новаго религіознаго ученія, съ другой — такъ же ярко сказалась въ эпоху Реформаціи, какъ и въ то время, когда христіанство начинало проникать въ страны Запада.

Нѣкоторые историки XVI столѣтія приводятъ судебные отчеты въ доказательство того, что, при всѣхъ моральныхъ вліяніяхъ этой эпохи, она достаточно богата всевозможными преступлениями полового характера (похищенія, прелюбодѣянія, сводничество, дѣтоубійство и т. д.). Но это вовсе не можетъ служить доказательствомъ безнравственности людей и характера эпохи. Единичныя преступления такого рода совершались, конечно, во

всѣ эпохи, и судебные отчеты новѣйшаго времени и нашего служить достаточнымъ подтвержденіемъ этого факта.

Когда затѣмъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій во Франціи укрѣпилось владычество фаворитокъ и въ царствованіе французскихъ королей Франца I, Генриха III и Генриха IV развилась такъ называемая „galanterie“ — по-просту говоря, порочныя любовныя развлеченія со всеми ихъ излишествами и противоестественностями, и въ то же время тридцатилѣтняя война

Фотогр. изд. Фр. Гавштегеля въ Мюнхенѣ.
Рис. 337. На молитвѣ.
(По картинѣ Ж. Б. Грива.)

повлекла за собой всеобщую разнузданность нравовъ. — вполне естественно, что нравственное возрождение семейной жизни и болѣе высокая оцѣнка женщинъ, которая явилась было Реформація, не могли устоять передъ безнравственными дѣяніями упомянутыхъ вліяній

Одно изъ самыхъ основныхъ свойствъ женской природы — стыдливость — была почти совершенно утрачена въ эти эпохи. Почти невозможно повторить всѣ тѣ непристойности, которыя позволяли преподносить себѣ дамы высшаго круга въ видѣ любовныхъ признаній.

Иоганнъ Шерръ рассказываетъ въ своей „Исторіи германской женщины“, что когда нѣкій фонъ Бессеръ написалъ крайне непристойное стихотвореніе „Нѣдра возлюбленной“, оно такъ понравилось ученому и философу Лейбницу, что онъ послѣдшилъ переписать эту непристойность, занимавшую цѣлыхъ шесть страницъ, и доставилъ ее курфюрстшѣ Софи Гайнзворской, — и та такъ восхищалась имъ, что позаботилась распространить его въ кругу знатныхъ дамъ и горячо благодарила автора. Такъ абсолютно пригнулася тогда всякая стыдливость, что престолуэтѣ стихотвореніе превозносили за то, что въ немъ называлось и описывалось больше двадцати разъ кое-что такое, что само по себѣ „неприлично, но сдѣлано это такъ, что можно не опасаться вогнать въ краску стыда самаго благопристойнаго читателя...“ „Это, конечно, возможно, — прибавляетъ Шерръ, — такъ какъ общество того времени, повидимому, вообще утратило способность краснѣть отъ стыда. Иначе женщины должны были бы отвращиваться съ краской стыда и негодованія отъ тѣхъ достойныхъ Фавва подробныхъ описаній ихъ физическихъ прелестей, которыя то-и-дѣло преподносились имъ.“

Хотя страсть къ нарядамъ, тщеславіе и жажда нравиться издавна составляли характерныя свойства женской природы, все же они ни въ одну эпоху не достигали такой высокой степени, какъ въ началѣ XVIII столѣтія, когда такъ называемая мода рококо заканчивала свое побѣдное шествіе изъ Франціи черезъ всю Европу. мода эта имѣла цѣлью, съ одной стороны, выставить какъ можно больше на видъ наличныя прелести, съ другой стороны — возможно лучше скрыть недостатки фигуры, цвѣтъ лица и волосъ (рис. 338). Тщеславіе матерей заставляло ихъ

Фотогр. Фр. Ганштегеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 338. Визитъ фокусника. (Костюмы рококо.)
(По картинѣ В. Гегарта.)

прямо требовать отъ дочерей возможно большей выставки на-показъ ихъ прелестей.

Поккальтеъ рассказываетъ въ своемъ „Опытѣ характеристика женскаго пола“ объ одной знатной дамѣ, которая сказала своей дочери, въ большомъ обществѣ женщинъ и мужчинъ: „... Вишь, глупая дѣвченка, почти совершенно скрыла грудь! Терпѣть не могу этой глупой стыдливости, — дѣвченка не имѣетъ надобности закрываться, да и шея у нея красивѣе всѣхъ, у кого на посмотри“.

Когда въ эпоху французской революціи фижмы и парики вышли изъ моды, ихъ смѣнило такъ называемое греческое женское одѣяніе, которое носили съ кокетливымъ безстыдствомъ. Оно состояло, въ сущности, изъ одной только рубашки, свободно перетянутой выше талии подъ самыми грудями и укрѣпленной двумя узкими лентами на голыхъ плечахъ, такъ что вся половина верхней части тѣла оставалась обнаженной (рис. 339).

Имперія Наполеона I оказала облагораживающее вліяніе на женщину въ Франціи.

Такое же вліяніе оказали въ Германіи освободительныя войны. Въ эту эпоху женщины и дѣвушки снова взяли на себя ту благородную роль, которую несли древнія германки: онѣ поощряли своихъ мужей, братьевъ и сыновей отправляться на священную войну. Увлеченіе высокой цѣлью и способность къ самоотверженнымъ чувствамъ обнаружилась не только въ томъ, что богатыя дамы жертвовали на усиленіе военныхъ средствъ свои драгоцѣнности и серебро, но и въ томъ, что сами онѣ шли въ лазареты сестрами милосердія.

Рис. 339. Игра въ жмурка. (Платье à la grecque, французская мода времени первой Имперіи.)

(Гравюра по рисунку Боско.)

Начало эпохи классиковъ внесло перемену во взгляды на отношенія между мужчиной и женщиной. Любимая женщина снова стала высшимъ существомъ, которому слѣдуетъ поклоняться, но уже въ гораздо болѣе чистомъ и благородномъ смыслѣ. „Онъ“ былъ для „нея“ божествомъ; цвѣтокъ, записка отъ „него“ были для „нея“ высшимъ счастьемъ (рис. 340). Такъ охватило мало-по-малу юношей и дѣвушекъ восторженное настроеніе, нашедшее себѣ художественно-правдивое выраженіе въ гетевскомъ Вергерѣ. Нѣкоторое отрезвленіе принесло съ собой только революціонное движеніе въ половинѣ XIX столѣтія. Къ этому же времени относится и начало все болѣе и болѣе разрастающагося женскаго освободительнаго движенія, пріобрѣтающаго въ настоящее время все большее распространеніе. Проникновеніе женщинъ въ область мужскихъ профессій имѣло неизбежнымъ послѣдствіемъ то, что женщины, по крайней мѣрѣ отчасти,

утратили свои женскія свойства и усвоили мужскія. Это относится особенно къ руководительницамъ женскаго движенія.

Если мы хотимъ охарактеризовать душевный миръ современной женщины и миръ ея чувствъ и хотимъ постараться понять ихъ многообразныя проявленія, то мы должны помнить о томъ, что характерныя особенности женщины сложились подъ влияемъ нѣсколькихъ существенныхъ условий: того положенія, которое природа съ древѣйшихъ временъ отвела женщинамъ, какъ существу, предназначенному привлекать мужчинъ и растить дѣтей; какъ существу, жизнь котораго протекаетъ гораздо быстрее, чѣмъ у мужчинъ, т. е. существу

Рис. 340. Отъ „него“.
(По картинѣ К. Кучел.)

которое раньше достигаетъ физической и психической зрѣлости, но и скорѣе и раньше отцвѣтаетъ; какъ индивидууму, душевная жизнь котораго зависитъ отъ глубокаго вліянія физическихъ процессовъ; и наконецъ, какъ личности, которая должна была претерпѣвать разнообразныя вліянія и послѣдствія историческихъ и культурно-историческихъ фактовъ, пока стала тѣмъ, чѣмъ является въ настоящее время. Тогда будетъ возможно уяснить себѣ цѣлый рядъ добрыхъ и дурныхъ свойствъ женщины и то, какіе нужны пути для сохраненія добрыхъ свойствъ и преобразованія дурныхъ въ хорошія.

Рис. 341. Школа.
(По картинѣ М. Либермана.)

Глава седьмая.

Женщина въ дѣтскомъ возрастѣ.

(Д-ръ фил. Теодоръ Геллеръ.)

Въ первые годы жизни развитіе дѣвочки и мальчика идетъ почти совершенно одинаково. Въ наружности также замѣчается мало разницы, помимо различнаго развитія половыхъ частей. Разсматривая, на примѣръ, картины, воспроизведенныя на нашихъ рисункахъ („Школа“, рис. 341 и „Кормленіе дѣтей“, рис. 342), мы напрасно старались бы разгадать, кто изъ нихъ мальчики и кто дѣвочки. Если иногда и отмѣчались кой-какія мелкія различія, — въ томъ, когда начинается прорѣзываніе зубовъ, когда ребенокъ того или другого пола начинаетъ говорить и ходить, — то при ближайшемъ изслѣдованіи они оказывались случайными. Характерныя различія обнаруживаются болѣе или менѣе замѣтно только въ томъ возрастѣ, когда дѣти начинаютъ играть. Мальчики предпочитаютъ большей частью такія игры, въ которыхъ проявляется сила, дѣвочки охотнѣе всего играютъ въ такія игры, въ которыхъ могутъ проявить заботливость. Любимая игрушка дѣвочки — кукла. Было бы очень любопытно написать исторію куколъ, — мы убѣдились бы, что куклы пользовались симпатіей во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Съ точки зрѣнія исторіи культуры и исторіи искусствъ такое изслѣ-

дованіе также представило бы большой интересъ. Какъ созданія взрослыхъ, куклы всегда представляютъ собой идеаль красоты каждаго даннаго мѣста; въ нарядѣ и въ украшеніяхъ куколъ отражается вкусъ данной эпохи страны. Въ былое время и взрослые не были свободны отъ пристрастія къ кукламъ; въ эпоху Рококо, какъ извѣстно, знатныя дамы пріобрѣтали дорогія куклы и украшали ими свои будуары.

Для маленькой дѣвочки кукла — не только игрушка, она для нея предметъ любви и попеченій, на который направляется присущая ей нѣжность (очень удачно выражено это чувство въ картинѣ Пильца „Любимая кукла“, рис. 343). Въ этомъ смыслѣ почти безразлично, какой бы видъ ни имѣла кукла. Кучка пестрыхъ тряпочекъ часто милѣе ребенку, чѣмъ шедевръ игрушечной промышленности. Дѣвочка собственной фантазіей оживляетъ невзрачную игрушку; въ игру съ куклой вплетается все, что дѣвочка переживала сама или узнала отъ другихъ дѣтей.

Очень характерна для душевнаго развитія дѣвочки эта игра, — потребность переносить на кого-нибудь любовь и ласку. Необузданная, брызжащая силой рѣзвость мальчика ей чужда; даже буйная веселость дѣвочки все же на нѣсколько градусовъ ниже веселости расходившагося мальчика. Это сказывается даже въ выраженіи лица дѣвочки. Лицу мальчика очень идетъ выраженіе упрямства, отважной рѣшительности, тогда какъ дѣвочка бываетъ всего прелестнѣе, когда лицо ея выражаетъ ласковость и мягкость. Для сравненія интересно разсмотрѣть воспроизведенную на рис. 93 (въ I части наст. тома) картину Макса Фроменталя „Юный защитникъ“ и дѣтскіе портреты, воспроизведенные въ дальнѣйшемъ текстѣ (рис. отъ 344 до 350) съ картинъ выдающихся мастеровъ, а также художественное приложеніе (на отд. табл.) „Адельгейда и Габріэль фонъ-Гумбольдтъ“.

Къ играмъ такого рода слѣдуетъ причислить также тѣ забавы, въ которыхъ дѣвочки подражаютъ домашнимъ занятіямъ взрослыхъ женщинъ. Сюда относятся стирка и шитье; вѣдь все это, въ особенности шитье, тѣсно связано съ игрой въ куклы, на которой сосредоточиваются всѣ игры дѣвочекъ.

Въ играхъ дѣвочекъ уже ясно сказываются свойства женской природы. Является вопросъ, привиты ли эти свойства воспитаніемъ или врождены, обусловлены природными задатками. Мы не можемъ заняться здѣсь подробнымъ разсмотрѣніемъ вопроса, существуютъ ли вообще врожденные свойства. Наука воспитанія считается съ извѣстными задатками и слѣдовательно стоитъ на такой точкѣ зрѣнія, что всякій индивидуумъ обладаетъ врожденными свойствами. Обнаруживающіяся въ играхъ женскія свойства, несомнѣнно, представляютъ собой не только результаты воспитанія и привычекъ. Инстинкты игры, какъ доказываетъ множество примѣровъ, находятъ себѣ часто своеобразный выходъ. Проявленіе мальчишескихъ свойствъ у дѣвочки и наоборотъ, обнаруживающіяся у мальчиковъ склонности, характерныя для дѣвочекъ, слѣдуетъ признать во всякомъ случаѣ противоестественностью, — и это, повидимому, тѣсно связано съ извѣстными ненормальностями полового инстинкта.

Дѣвочки играютъ большей частью въ одиночку, ихъ игры гораздо разнообразнѣе мальчишескихъ. Дѣвочки обыкновенно

мало общительны, большей частью онѣ вполне довольствуются одной подругой. Да игры и потеряли бы свою интимную задушевность отъ слишкомъ большого числа участницъ. Въ общемъ дѣвочки не любятъ, когда взрослые смотрятъ на ихъ игры. Застѣнчивость, сдержанность и стыдливость свойственны многимъ дѣвочкамъ съ равняго дѣтства.

Игры, дающія исходъ потребности дѣвочекъ заботиться о комъ-нибудь, часто переходятъ позднѣе въ явственную потреб-

Рис. 342. Кормленіе дѣтей.
(По картинѣ Г. Лиде-Вальтера.)

ность дѣятельно помогать старшимъ въ уходѣ за младшими, слабыми дѣтьми или быть полезными въ хозяйствѣ. Въ бѣдныхъ семьяхъ вполне обыкновенное дѣло передавать самыхъ младшихъ дѣтей на попеченіе старшей сестры, которая порой сама еще нуждается въ нянѣкѣ. И опытъ доказываетъ, что эти юныя няньки обыкновенно съ строгой добросовѣстностью относятся къ своимъ обязанностямъ. Чѣмъ можно было бы объяснить эту толковость пониманія нуждъ малютокъ, это иногда поразительное угадываніе намѣреній матери, если не допустить врожденный инстинктъ заботливости, — „материнскій инстинктъ“, какъ выражается одинъ современный педагогъ? Мы видимъ, что женщина съ равняго дѣтства готовится къ своимъ будущимъ материнскимъ обязанностямъ.

Въ послѣднее время неоднократно указывалось на то, что только часть дѣвушекъ достигаетъ предуказанной имъ природою цѣли — сдѣлаться женами и матерями; многимъ же приходится всю жизнь зарабатывать себѣ средства къ жизни какими-нибудь профессиональными дѣломъ. При этомъ женщины часто приходится конкурировать съ мужчиной. Чтобы она могла выйти объдательницей изъ этой конкуренціи, наилучшей мѣрой признается совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ съ ранняго дѣтства: этимъ путемъ дѣвушки могутъ приобрести тѣ свойства, которыя будутъ имъ полезны и необходимы въ борьбѣ за существованіе.

Въ большинствѣ европейскихъ странъ система совмѣстнаго образованія еще такъ мало распространена, что трудно судить о ея результатахъ; зато въ Англии и въ особенности въ Америкѣ совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ сдѣлалось обыкновеннѣйшей педагогической системой, давно вошедшей въ практику. Какъ надо понимать эту систему (что тутъ и рѣчи быть не можетъ и не должно о подавленіи своеобразной природы обоихъ половъ) — объ этомъ уже неоднократно было говорено. Именно, примѣръ Англии и Америки доказать, что совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ можетъ сочетаться съ самой широкой оводою индивидуальнаго развитія. Съ этой же точки зрѣнія желательно, чтобы учебныя заведенія были доступны обоимъ поламъ одновременно. Здѣсь насъ занимаютъ только начальныя школы, предназначенныя для дѣтей въ собственно школьномъ возрастѣ, т. е. въ возрастѣ отъ шести до четырнадцати лѣтъ. Разобненіе дѣтей, обучающихся въ начальныхъ школахъ, является уже потому несуднымъ, что образовательная программа приблизительно одинакова въ школахъ для дѣвочекъ и для мальчиковъ. Въ сельскихъ школахъ дѣвочки и мальчики большей частью обучаются вмѣстѣ и ни тѣ, ни другіе не терпятъ отъ этого ущерба.

Различія учебныхъ программъ мужскихъ и женскихъ школъ, существовавшія прежде, все больше и больше исчезаютъ подъ влияніемъ результатовъ современныхъ педагогическихъ изслѣдованій. Прежде всего, реформа коснулась гимнастики. Въ настоящее время пришли къ тому сознанію, что систематическое преподаваніе гимнастики необходимо для дѣвочекъ по меньшей мѣрѣ столько же, сколько для мальчиковъ. Въ общемъ, дѣвочки больше мальчиковъ склонны къ неправильному развитію тѣла, что зависитъ, во-первыхъ, отъ недостатка надмежающаго и обильнаго движенія, во-вторыхъ, отъ слишкомъ раннихъ и усиленныхъ занятій рукодѣліями. Эта односторонность занятій приводитъ часто къ искривленіямъ позвоночника, которыя могутъ грозить въ послѣдствіи изуродованіемъ тѣла. Участіе дѣвочекъ въ играхъ на воздухѣ, во всѣхъ видахъ спорта, доступнаго молодежи, и въ прогулкахъ и экскурсіяхъ, о которыхъ упоминалось въ главѣ „Мужчина въ дѣтскомъ возрастѣ“ (въ I ч. наст. тома), не только желательно, но даже крайне необходимо.

Въ послѣдніе годы школьно-врачебныя изслѣдованія показали, что дѣтей съ неправильной постановкой фигуры и недостатками роста значительно больше, чѣмъ предполагали прежде на основаніи поверхностнаго осмотра учащихся. Часто встрѣ-

чающіяся искривленія, сторбленность и другіе подобныя тѣлесныя недостатки подсказали необходимость введенія для подобныхъ дѣтей лѣчебно-гимнастическихъ упражненій. Въ Швеции и Норвегии, а недавно и въ Германіи, учреждены для такихъ дѣтей особыя курсы ортопедической гимнастики подъ непосредственнымъ руководствомъ учитель или учительницъ, получающихъ специальную подготовку, а во многихъ учебныхъ заведеніяхъ и подъ надзоромъ училищнаго врача.

Фотогр. надъ „Улицы“ въ Мюнхенѣ.

Рис. 343. Любимая кукла.

(По картинѣ О. Пилльцъ.)

Забота о физическомъ здоровьѣ учащихся дѣвочекъ необходима не только въ интересахъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, но и въ интересахъ общества. Школьницы станутъ женщинами и матерями, въ здоровьѣ ихъ таятся здоровье будущихъ поколѣній. Въ семьяхъ, живущихъ въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ городской жизни, дѣвочки пользуются несравненно менѣе здоровыми условіями, чѣмъ мальчики. Мальчики сами себя устраиваютъ обильное движеніе на воздухѣ, убогая для игръ на свободныхъ площадяхъ или, за недостаткомъ ихъ,

на улицу. Дѣвочкамъ, по понятнымъ соображеніямъ, это запрещается. Съ другой стороны, въ бѣдныхъ семьяхъ дѣвочекъ засаживаютъ съ очень ранняго возраста за разныя домашнія работы, тогда какъ мальчики обыкновенно не несутъ никакихъ обязанностей помимо школьныхъ и пользуются свободнымъ временемъ сполна. Поэтому малокровныхъ и худосочныхъ необычайно много среди дѣвушекъ; изъ ихъ рядовъ вербуютъ своихъ жертвъ всевозможныя болѣзни, вродѣ золотухи и чахотки. Изъ этого слѣдуетъ, что необходимо своевременно принять предохранительныя мѣры для предотвращенія этого. Руководителямъ дѣсныхъ школъ и

дѣсныхъ дачныхъ пріютовъ, число которыхъ, къ счастью, возрастаетъ, слѣдовало бы имѣть въ виду при выборѣ питомцевъ, что дѣвочки нуждаются въ пребываніи на свѣжемъ воздухѣ столько же, а часто даже гораздо больше, чѣмъ мальчики.

Кромѣ этихъ вредныхъ сторонъ, которымъ подвержены главнымъ образомъ бѣдные классы, существуютъ еще и другія вредныя для здоровья стороны, постигающія одинаково всё слоё населенія. Онѣ вызываются существующей женскою одеждою. Верхнія и нижнія юбки дѣвушекъ завязываются обыкновенно шнурками, приходящимися вокругъ бедеръ. Вслѣдствіе этого на бедра налагается чрезмѣрная ноша, а вслѣдствіе перетягиванія талии нарушается, кромѣ того, кровообращеніе. Но самый серьезный вредъ причиняетъ тугая корсетъ, который дѣвочкамъ надѣвають часто даже раньше наступленія зрѣлости, полагая, что этимъ можно достигнуть красивыхъ формъ и изящной постановки тѣла. Но преждевременное надѣваніе корсета вызываетъ въ еще не сложившемся организмѣ неправильное развитіе внутреннихъ органовъ и скелета, которое можетъ грозить здоровью дѣвушки серьезной опасностью. Въ виду этого во многихъ школахъ въ Германіи запрещено носить корсетъ, — и это заслуживаетъ безусловнаго одобренія и всеобщаго подражанія. Платье „реформъ“, надъ которымъ столько подшучиваютъ и которое совершенно несправедливо осмѣивается, имѣетъ серьезное гигиеническое значеніе, особенно для подрастающихъ дѣвушекъ, такъ какъ область бедеръ при немъ совершенно не обременяется. Вотъ почему фасонъ „реформъ“ можетъ быть признанъ идеальной одеждою для дѣвушекъ. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Если при занятіяхъ дѣвочекъ будетъ сохранена та же одежда, то нѣкоторыя упражненія, сами по себѣ очень полезныя для развитія тѣла, могутъ вызвать прямо противоположные результаты. Вотъ почему требованіе особаго гимнастическаго костюма для дѣвочекъ вполнѣ резонно. Вообще, мы еще недостаточно оцѣниваемъ всю важность вопроса объ одеждѣ дѣвочекъ. Здѣсь нельзя руководиться одною модою, а должны быть приняты въ соображеніе условія здоровья дѣтей. Красота и цѣлесообразность и въ этой области нисколько не противорѣчатъ другъ другу, и къ можно и надо умѣть совмѣстить въ полной гармоніи.

Часто выдвигается вопросъ о сравнительныхъ успѣхахъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ начальныхъ школахъ. Но результаты этихъ изслѣдованій не дали до сихъ поръ рѣшительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, кто изъ нихъ въ общемъ способнѣе. Въ дѣйствительности нѣтъ существенной разницы между успѣхами мальчиковъ и дѣвочекъ. При изслѣдованіяхъ, какія предпринимались до сихъ поръ, большей частью обращалось очень мало вниманія на домашнія условія, на то или иное состояніе здоровья дѣтей и многія другія важныя условія. Одинъ выдающійся австрійскій ученый недавно подыялъ вопросъ объ этомъ, при чемъ самымъ энергичнымъ образомъ настаивалъ на необходимости созданія особой отрасли — школовѣдѣнія.

Въ отношеніи физическаго развитія дѣвочки уступаютъ мальчикамъ. Мальчики и растутъ въ общемъ быстрее, и физик-

ческой силой, въ среднемъ, превосходятъ дѣвочекъ; послѣднее, впрочемъ, объясняется — по крайней мѣрѣ отчасти — недостатками воспитанія дѣвочекъ, при которомъ онѣ мало имѣютъ возможность упражнять мускулатуру. Увеличеніе вѣса тѣла сильно колеблется у обоихъ половъ.

Половая зрѣлость (возмужалость) наступаетъ, въ среднемъ, у дѣвочекъ раньше, чѣмъ у мальчиковъ. Какъ мы уже упоминали въ главѣ о дѣтскомъ возрастѣ мужчины (въ I ч. наст.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштеггера въ Мюнхенѣ.

Рис. 344. Невинность.

(По картинѣ Д. Рейнольдса.)

тома), предварительные признаки полового развитія появляются еще задолго до появления характерныхъ наружныхъ половыхъ признаковъ. Тутъ больше всего обращаетъ на себя вниманіе лицо, его черты и выраженіе. Мягкія, нѣжныя линии дѣтскаго лица уступаютъ мѣсто болѣе рѣзкимъ и опредѣленнымъ очертаніямъ, и лицо приобретаетъ большую печать индивидуальности. Эта перемѣна очень часто наблюдается уже въ возрастѣ между десятью и одиннадцатью годами, особенно у дѣвочекъ.

Въ этотъ же періодъ нерѣдко появляются даже у дѣтей нравственно-чистыхъ и здоровыхъ первыя чувственныя побужденія. Ребенокъ еще не сознаетъ ихъ, но они оказываютъ своеобразное вліяніе на все его чувствованіе и мышленіе. Исчезаетъ непринужденность въ отношеніяхъ и въ обращеніи съ другимъ поломъ. Въ эту пору уже сказывается характеръ дѣвочекъ. Однѣ становятся замкнутѣе, застычивѣе и сдержаннѣе въ обращеніи, другія же, напротивъ, стараются обратить на себя вниманіе, становятся рѣзвѣе, свободнѣе въ обращеніи, болѣе склонны къ шалостямъ и продѣлкамъ; въ этотъ періодъ наблюдается поразительное сходство съ психологіей мальчиковъ-подростковъ. Если принять во вниманіе, что тѣло дѣвочки измѣняется въ періодъ зрѣлости гораздо значительнѣе, чѣмъ тѣло мальчика, что появленіе первой менструаціи является событіемъ, отражающимся на всемъ строѣ мыслей и чувствъ дѣвочки, то должно показаться просто

необъяснимымъ, какъ находятъ возможнымъ держать втайнѣ эти процессы и считаютъ неприличнымъ говорить о нихъ съ подросткомъ, формирующимся въ женщину. Въ результатъ получается то, что подростка просвѣщаютъ самыя неподходящія лица: товарки, внутренно испорченныя и охотно пользующіяся предлогомъ поговорить на эти темы, прислуга, грубо раскрывающая правду ребенку, не щадя самыхъ священнѣхъ его чувствъ. Своевременное просвѣщеніе дѣвочки о предстоящихъ въ періодъ зрѣлости измѣненіяхъ — это обязанность, которую могутъ и должны исполнить только люди свѣдущіе въ психологіи ребенка.

Много толкуютъ и спорятъ о томъ, кто долженъ взять на себя эту обязанность въ отношеніи мальчика — отецъ, учитель или врачъ. Но если въ отношеніи мальчика еще можетъ существовать этотъ вопросъ, то въ отношеніи дѣвочки, большая впечатлительность и стыдливость которой требуютъ бережнаго къ себѣ отношенія, этотъ долгъ матери не стѣдовало бы уступать никому. Общаго правила о томъ, какъ это должно быть сдѣлано, здѣсь невозможно установить. Образованная мать всегда найдетъ возмож-

Рис. 345. Послѣ пробужденія.
(По картинѣ М. Карпенгье.)

ность почерпнуть изъ окружающей природы, въ особенности изъ растительнаго царства, матеріалъ и способъ для объясненія и истолкованія. Необразованная мать объяснить, быть можетъ, напрямки и по простотѣ самую суть, но все же сумѣетъ направить безошибочное чутье дѣвочки. Подготовленная надлежащимъ образомъ, дѣвочка усмотритъ въ явленіяхъ наступающей зрѣлости мудрое предначертаніе природы, не испугается и не обезпокоится и окажется защищенной противъ грубаго и неосторожнаго просвѣтительства со стороны окружающихъ.

Приложеніе.

Ненормальное духовное развитіе дѣтей.

И въ главѣ о дѣтскомъ возрастѣ мужчины, и въ настоящей главѣ мы имѣли дѣло съ правильнымъ, нормальнымъ развитіемъ.

Но оно не всегда бывает такимъ. Есть много дѣтей — мальчиковъ и дѣвочекъ, — духовное развитіе которыхъ уклоняется отъ нормы и носить болѣе или менѣе болѣзненный характеръ. Уклоненія эти не всегда одинаковы, они во многихъ отношеніяхъ отличаются одно отъ другого. Тупость, слабоуміе, какъ препятствіе къ духовному развитію, проявляется въ различныхъ формахъ, но кромѣ этого существуетъ еще много другихъ ненормальностей въ области дѣятельности ума, чувствъ и воли. Если онѣ только намѣчены, мы говоримъ о болѣзненномъ (психопатическомъ) недоразвитіи, если же онѣ явственно проявляются, глубоко проникая собой духовную жизнь ребенка, то мы имѣемъ дѣло съ душевными заболѣваніями (психопатіями), которыя мы рассмотримъ позднѣе въ ихъ различныхъ формахъ и подъ различными ихъ названіями.

Слабоуміе встрѣчается въ различной степени — отъ полного отсутствія умственной жизни и дѣятельности до незначительнаго ослабленія духовныхъ функцій. Тяжелые случаи объединяются подъ общимъ названіемъ идиотизма, болѣе легкіе называются обыкновенно тупостью. Послѣдняя форма болѣе или менѣе поддается педагогическому воздѣйствію, — въ такой степени, по крайней мѣрѣ, что страдающіе ею индивидуумы могутъ приобрести самыя необходимыя для жизни познанія и навыки и могутъ оказаться способными къ какому-нибудь нетрудному дѣлу или занятію въ жизни. Первая же форма заставляеть обыкновенно ограничиться однимъ физическимъ воспитаніемъ и борьбой съ животными привычками, приобретающими иногда ужасящія размѣры и силу.

Полную картину идиотизма представляютъ собой тѣ своеобразныя существа, которыя часто встрѣчаются въ альпійскихъ странахъ и извѣстны подъ названіемъ кретиновъ. Наука открыла, что эта болѣзнь происходитъ отъ отсутствія одного органа — железы, значеніе которой долго оставалось непонятнымъ. Этотъ органъ — щитовидная железа — находится по обѣ стороны шеи и иногда вырождается до огромныхъ размѣровъ такъ называемаго зоба. Путемъ прививки щитовидной железы животныхъ или изготовленнаго изъ нея препарата удавалось побѣждать эту распространенную болѣзнь, такъ что теперь уже кретинизмъ можетъ считаться до извѣстной степени излѣчимымъ. Бываютъ, однако, единичные случаи необъяснимаго появленія этого вырожденія даже въ странахъ, свободныхъ отъ кретинизма, такъ что, напримѣръ, въ какой-нибудь семьѣ, въ которой всѣ дѣти вполне здоровы, рождается вдругъ безъ всякой видимой внѣшней причины кретинъ. Лѣчатся, впрочемъ, такіе разрозненные случаи кретинизма такъ же, какъ и массовые. Вслѣдствіе своеобразныхъ особенностей развитія ихъ лица, одна группа идиотовъ носить названіе монголоидовъ, а самая болѣзнь ихъ называется монголизмомъ.

Не будемъ останавливаться надолго на этихъ явленіяхъ вырожденія, видимыхъ и несвѣдущимъ людямъ, а перейдемъ къ тѣмъ интереснымъ и съ педагогической точки зрѣнія крайне важнымъ уклоненіямъ отъ нормальнаго развитія, которыя группируются подъ общимъ названіемъ психопатическихъ (душевно-болѣзненныхъ) явленій. Людямъ несвѣдущимъ ихъ часто

бываетъ нелегко распознать, потому что они имѣютъ большей частью вышнее сходство съ недостатками, проявляющимися и у нормальныхъ дѣтей. Отличаются же они отъ этихъ послѣднихъ своей упорностью, невозможностью воздѣйствовать на нихъ обычными, испытанными способами общей педагогики и, кромѣ того, особымъ характеромъ, который они придаютъ всей духовной сферѣ. Развяснимъ это примѣромъ.

Извѣстно, что дѣти часто лгутъ или, вѣрнѣе, „сочиняютъ“. Они часто рассказываютъ пространныя исторіи, которыхъ не было, повѣствуютъ о небывалыхъ происшествіяхъ, при чемъ въ эти рассказы причудливымъ образомъ вплетаются мотивы изъ слышанныхъ ими и видоизмѣненныхъ сказокъ.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ чѣмъ инымъ, какъ съ проявленіемъ дѣятельности фантазіи, играющей въ первые годы жизни преобладающую роль. По мѣрѣ прогрессированія умственнаго развитія, дѣйствительность все больше овладѣваетъ умомъ дѣтей, и фантастическая ложь все больше и больше отступаетъ на задній планъ. Но бываютъ дѣти съ болѣзненно-сильно развитой фантазіей, у которыхъ лганье не только не проходитъ со временемъ, а продолжаетъ, такъ сказать, систематически развиваться и въ концѣ концовъ подавляетъ собой всѣ остальные умственныя способности. Рука объ руку съ такой явно болѣзненной лживостью идутъ большей частью и болѣзненные нравственныя явленія. Я зналъ одну дѣвочку, у которой была страсть при всевозможныхъ случайныхъ встрѣчахъ — на дѣтскихъ гуляньяхъ, въ вагонѣ городской желѣзной дороги и т. п. — давать невѣрные показанія о своей фамиліи, о званіи и профессіи своихъ родителей и т. д. Неоднократно эта ложь имѣла очень непріятныя послѣдствія для дѣвочки, но ее никакъ нельзя было отучить отъ этого.

Другое очень часто встрѣчающееся явленіе представляетъ гнѣвная вспыльчивость маленькихъ дѣтей. У маленькихъ, дурно воспитанныхъ дѣтей, такія вспышки — не рѣдкость. Но совсѣмъ иного рода бываютъ тѣ припадки гнѣва, при которыхъ ребенокъ теряетъ всякое самообладаніе и неистовствуетъ до тѣхъ поръ, пока не скажется сильная усталость и затѣмъ наступитъ покой. Въ высшей степени характерно для этихъ припадковъ, что они прорываются внезапно и сразу, „какъ съ безоблачнаго неба громъ“. Часто бываетъ, что ребенокъ самъ сознаетъ неумѣтность своего поведенія, но не въ силахъ противиться охватывающей его болѣзненной страстности. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, на которые слѣдуетъ смотрѣть какъ на психопатическое состояніе, умственныя способности остаются нормальными, зато нравственное развитіе оказывается всегда болѣе или менѣе отсталымъ, а затѣмъ, въ случаяхъ особенно тяжелыхъ, развертывается картина „моральнаго слабоумія“ или „нравственнаго идиотизма“ — такъ называемой *moral insanity*. Ниже мы подробнѣе рассмотримъ это состояніе.

Психопатическія явленія развитія почти всегда бываютъ слѣдствіемъ слабости нервной системы. Очень часто наблюдаются у такихъ дѣтей и нѣкоторыя нервныя явленія, и нерѣдко такія явленія, сопровождающіяся психопатическими ненормальностями, группируются подъ общимъ названіемъ дѣтской

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Прогрессивен“ въ Спб.

Аделаида и Габріеля фонъ-Гумбольдтъ.

По картинѣ Готлиба Шина.

(По фотогр. Ф. Брунманна въ Мюнхенѣ.)

слѣднія десятилѣтїя развила особая отрасль педагогика — лѣчебная педагогика, главныя стремленія которой заключаются въ томъ, чтобы путемъ надлежащихъ, приспособленныхъ къ картинѣ болѣзни педагогическихъ воздѣйствій возстановить, съ помощью индивидуальнаго лѣченія, нормальное душевное равновѣсїе. Это педагогическое искусство практикуется въ особыхъ, специально для этой цѣли устраиваемыхъ лѣчебно-воспитательныхъ заведенїяхъ. Пржеде эти стремленія не встрѣчали достаточнаго вниманія и опѣзки, теперь же лѣчебная педагогика пользуется всеобщимъ признанїемъ и какъ наука, и какъ искусство, и можно считать очень отраднымъ признакомъ, что въ широкой публикѣ сказывается все болѣе и болѣе интересъ къ ней, какъ это обнаруживалось съ несомнѣнностью во время конгрессовъ.

Между тѣмъ какъ при психопатическихъ недостаткахъ дѣло почти всегда идетъ о разстройствѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ функций (изъ которыхъ, однако, при продолжительномъ разстройствѣ, можетъ развиваться общее духовное вырожденіе), — при умственныхъ разстройствахъ мы встрѣчаемся съ полнымъ измѣненїемъ всей душевной жизни, съ искаженїями и аномалїями во всѣхъ областяхъ. Можетъ даже случиться, что и физическое состояніе окажется при этомъ нарушеннымъ и представляется такія болѣзненныя явленія, которыя могутъ жестоко тревожить окружающихъ своей силой и внезапностью. Класическимъ примѣромъ этого служитъ истерїя, эта, по мѣткому выраженїю знаменитаго французскаго невропатолога, „великая обманщица“. Истеричныя дѣти всѣмъ своимъ складомъ и всѣмъ поведенїемъ отличаются отъ нормы. Они не по возрасту развиты, не проявляютъ никакого интереса къ играмъ ровесниковъ-дѣтей, стараются во всемъ отъ крупнаго до мелкаго подражать взрослымъ. Все ихъ поведеніе неестественно, неискренно, во всемъ чувствуется актерство. Истеричныя дѣти почти всегда обнаруживаютъ нравственные недочеты. Любовь къ родителямъ и братьямъ и сестрамъ чужда имъ, они безыѣрно эгоистичны и потому крайне неразборчивы въ средствахъ, которыми пользуются для достиженія цѣли. Нерѣдко они обнаруживаютъ открыто враждебное отношеніе къ родителямъ, учителямъ и другимъ лицамъ, руководящимъ ихъ воспитанїемъ. Въ школѣ они, несмотря на хорошія, часто даже блестящія способности, не оказываютъ успѣховъ, не подчиняются школьной дисциплинѣ, противятся всякой нормѣ и порядку.

Въ области физическаго здоровья являются очень странныя разстройства; всего чаще обнаруживаются спазмы, — иногда необычайной силы, но ихъ психическое происхожденіе выдаетъ то, что они обыкновенно являются только въ присутствїи свидѣтелей и въ связи съ какимъ-нибудь душевнымъ переживанїемъ. Появленіе этихъ истерическихъ припадковъ, несомнѣнно, зависитъ отъ воли ребенка, прекращаются же они безъ прямого воздѣйствія воли. Эта связь еще недостаточно ясна, да и вообще въ истерїи у дѣтей и у взрослыхъ есть еще кое-что таинственное, что еще предстоитъ раскрыть научному изслѣдованїю.

Нѣтъ, впрочемъ, ни одной физической болѣзни, которой не могла бы обманчиво создать истерїя: слѣпота и глухота, потеря

рѣчи и голоса, параличи и сокращенія конечностей, — все это необычайно часто наблюдается у подобныхъ дѣтей. И какъ изумительны бываютъ возникновенія этихъ болѣзней, такъ же изумительно онѣ часто излѣчиваются, при чемъ это зависитъ не столько отъ способа лѣченія, сколько отъ лица, практикующаго его, отъ авторитета личности врача или педагога. Взътой области нерѣдко могутъ похвалиться несомнѣнными успѣхами даже шарлатаны - цѣлители и знахари. Внезапный, неожиданный окрикъ лица, сумѣвшаго взять властный тонъ, или умышленное пренебрежительное невниманіе къ такому „мнимо-больному“, жаждущему возни и хлопотъ съ собой, выражений состраданія и признанія ихъ тяжелой болѣзни, имѣютъ часто результатомъ чудесное исцѣленіе.

Фот. изд. Фр. Брукмана въ Мюнхенѣ.
Рис. 347. Портретъ дѣвочки.
(По картинѣ Юл. Гюллера.)

Истерія у дѣтей возникаетъ почти всегда подъ вліяніемъ окружающихъ; здѣсь можно съ полнымъ основаніемъ говорить о психической инфекции (заразѣ). Иногда бываетъ, что истеричная мать заражаетъ дѣтей, — непосредственно

ли своимъ примѣромъ, или неправильнымъ воспитаніемъ; иногда неудачно выбранная истеричная бонна бываетъ виновницей душевнаго заболѣванія вѣрнѣнаго ея уходу ребенка.

Очень часто наблюдается психическое зараженіе одного ребенка другимъ. При извѣстныхъ условіяхъ въ такихъ случаяхъ

истерія можетъ оказаться эпидемически-массовой психической болѣзною. Назовемъ, какъ примѣръ такого явленія, дѣтскій крестовый походъ. Побуждаемые вліяніемъ одного французскаго мальчика-пастуха, вокругъ него сгруппировались тысячи дѣтей (въ 1212 году), рѣшившихся освободить святую землю. Крестовый походъ потерпѣлъ неудачу, большинство дѣтей погибло отъ непосильныхъ трудностей похода или же попали въ руки жадныхъ и корыстныхъ купцовъ или морскихъ разбойниковъ. Въ послѣднее время очень часто приходится встрѣчать сообщенія о школьныхъ эпидеміяхъ, заключающихся въ томъ, что нѣкоторыя болѣзненные явленія — кашель, отхаркиваніе, дрожаніе, — переносятся съ одного ребенка на другого и иногда охватываютъ, въ концѣ концовъ, за немногими исключеніями, все школьное населеніе. Бывали даже случаи, когда такія истерическія эпидеміи перекочевывали изъ одной школы въ другую и заражали цѣлыя мѣстности.

Дѣтская истерія излѣчима, если только своевременно начато лѣченіе и приняты всѣ необходимыя мѣры. Для этого необходимо совершенно изолировать такого больного ребенка отъ окружающей его до тѣхъ поръ обстановки и отъ вліявшихъ на него лицъ, оберегать его отъ всякаго дальнѣйшаго общенія съ ними, направить его дальнѣйшее воспитаніе въ условіяхъ строго-правильнаго режима (въ заведеніи), отвлекать его всѣми мѣрами, главнымъ образомъ, физическимъ трудомъ, позаботиться о правильномъ питаніи его и о здоровомъ снѣ. Таковы главнѣйшія лѣчебно-воспитательныя мѣры. Очень важно еще, кромѣ того, чтобы его воспитаніемъ руководило компетентное лицо, которое сумѣло бы, въ виду намѣченной цѣли, не слишкомъ считаться съ чувствами ребенка, подавлять его болѣзненные наклонности въ самомъ зародышѣ и заставлять его строго подчиняться установленнымъ нормамъ.

Нельзя удивляться тому, что психопатическія явленія не сразу распознаются по своей настоящей сущности, потому что они имѣютъ большое внѣшнее сходство съ нѣкоторыми недостатками и дурными привычками, часто свойственными дѣтскому возрасту, которые сами по себѣ еще не могутъ считаться болѣзненными. Гораздо удивительнѣе то, что истерическія заболѣванія часто долго не распознаются въ своемъ истинномъ значеніи, что очень часто родители и даже врачи останавливаются въ безпомощномъ недоумѣніи передъ многими явленіями въ психической и особенно въ физической области, цѣлые годы иногда безуспѣшно пробуютъ ошупью всевозможные способы и мѣры, принимаютъ за чистую монету все, что наблюдается въ ребенкѣ, и достигаютъ этимъ только того, что состояніе ребенка все больше и больше ухудшается. Истерія у взрослыхъ имѣетъ часто свое начало въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ своей первоначальной стадіи, при самомъ возникновеніи зло, несомнѣнно, можно было бы успѣшно побороть; истерію же у взрослыхъ приходится считать, какъ все несомнѣннѣе доказываетъ опытъ, — неизлѣчимою.

Мы уже упоминали о томъ, что нравственное развитіе истеричныхъ дѣтей идетъ часто ненормально. Бываетъ и такъ, что нравственные пороки проявляются явственнѣе всего, а сопутствующіе симптомы играютъ только второстепенную роль. Въ

такихъ случаевъ явленіе опредѣляется часто какъ нравственное помѣшательство или moral insanity. Точно опредѣлить это понятіе очень трудно. Нравственное вырожденіе мы встрѣчаемъ не только въ такихъ случаяхъ, но и у большинства помѣшанныхъ, а также въ очень ярко выраженной формѣ при тяжелыхъ случаяхъ врожденнаго слабоумія. Бываетъ ли такая форма болѣзни, при которой вырождается одна только нравственная сфера, а умственная остается нетронутой и

Фот. изд. Фр. Брукмана въ Мюнхенѣ.
Рис. 348. Портретъ дѣвочки.
(По картинѣ Людв. Кнауса.)

нормальной, — этотъ вопросъ служить еще и теперь предметомъ научнаго обсужденія и изслѣдованія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если нервно и душевно-больныя дѣти растутъ безъ надлежащаго воспитанія, то они съ ужасающей быстротой идутъ къ паденію, становясь добычей порока и преступленія. Многія явленія, разсматривавшіяся до сихъ поръ какъ „moral insanity“, могутъ быть объяснены гораздо проще, какъ результаты запущеннаго въ дѣтствѣ воспитанія малолѣтнихъ, которые нуждаются въ правильномъ воспитаніи и планомерномъ руководствѣ еще гораздо больше, чѣмъ нормальныя дѣти.

Многіе ученые подвергли изслѣдованію воспитанниковъ исправительныхъ заведеній, бродягъ и публичныхъ женщинъ съ точки зрѣнія ихъ психическаго состоянія и убѣдились въ томъ, что большинство изъ нихъ умственно нездоровы. Наибольшее число ихъ оказывалось слабоумными, многія же душевно больными въ самыхъ различныхъ формахъ. Воспитательныя попечительства, получившія въ Германіи съ 1905 года законную силу, располагаютъ правомъ принудительнаго помѣщенія ненормальныхъ малолѣтнихъ въ надлежащія заведенія или въ чужія семьи, берущія на себя

уходѣ за ними, но передъ одной изъ главныхъ причинъ, умственной малоспособностью, они безсильны. Если, наконецъ, наступитъ когда-нибудь пора, когда надлежащее воспитаніе и лѣченіе малоспособныхъ дѣтей будетъ обезпечено закономъ и мы будемъ располагать

для этого достаточнымъ числомъ воспитательныхъ заведеній, — преступность малолѣтнихъ, ростъ которой теперь ужасающе быстръ, сильно понизится. Примѣръ Англіи убѣдительно доказываетъ это.

Существуетъ болѣзнь, сопровождающаяся часто прогрессивной потерей разсудка и моральной способности сужденія; это — эпилепсія.

Всѣмъ извѣстны прискорбныя проявленія этой болѣзни. Они заключаются то въ тяжелыхъ припадкахъ, то въ легкихъ тошнотныхъ состояніяхъ, сопряженныхъ съ мгновенной потерей сознанія. Надлежащее лѣченіе и уходъ за подобными дѣтьми возможны только въ специальныхъ заведеніяхъ. Обученіе такихъ дѣтей въ

общественныхъ школахъ въ большинствѣ случаевъ недопустимо, но въ специальныхъ заведеніяхъ, куда они помѣщаются для лѣченія, имъ могутъ преподаваться не только учебные предметы, но они могутъ готовиться и къ какой-нибудь подходящей для нихъ профессіи. Кромѣ того, здѣсь можетъ быть примѣнено къ больнымъ дѣтямъ то воспитаніе, въ которомъ они особенно сильно нуждаются въ виду неустойчи-

Фот. гал. Фр. Брукмана въ Мюнхенѣ.
Рис. 319. Эд. Ян. фонъ-Штейнле, портретъ его дочери Каролины.

ности своего душевного равновѣсія и грозящей имъ опасности свихнуться съ нормальнаго пути.

Такіе случаи, когда эпилепсія связана съ тяжелой формой идиотизма, приходится признать безнадежными, въ нихъ единственное избавленіе — смерть. Но въ случаяхъ не особенно тяжелыхъ цѣлесообразная комбинація врачебно-педагогическаго ухода даетъ все же хорошіе результаты, — можно, во всякомъ

Рис. 350. Дѣти.
(По картаяъ Ф. Каульбаха.)

случаѣ, настолько понизить частоту и силу припадковъ, чтобы сдѣлать существованіе такихъ больныхъ сноснымъ.

Есть еще одно явленіе, къ которому относятся недостаточно серьезно, но которое требуетъ необычайно серьезнаго вниманія къ себѣ; это — преждевременное проявленіе полового инстинкта. Въ связи съ этимъ находится очень распространенное зло, представляющее для дѣтей обоого пола тяжкій вредъ: онанизмъ или рукоблудіе (также мастурбація; см. соотвѣств. главы въ I и во II ч. наст. тома).

Половой инстинкътъ проявляется иногда даже въ первые годы жизни. Въ подобныхъ случаяхъ мы почти всегда имѣ-

емъ дѣло съ явленіемъ нервнаго характера, съ которымъ необходимо бороться въ корнѣ, т. е. прослѣдить и изслѣдовать причинны нервности и устранить ихъ. Бываютъ еще случаи, въ которыхъ преждевременная чувственность пробуждается, благодаря злоупотребленіямъ со стороны безсовѣстныхъ нянекъ или боннь или же подъ вліяніемъ прямого соблазна со стороны лицъ, извращенныхъ въ половомъ отношеніи. У дѣтей постарше, особенно у истеричныхъ, наблюдается иногда сильное половое чувство, которое приводитъ къ самоудовлетворенію, къ безудержно

сильному и непомѣрно частому онанизму. У такихъ дѣтей половое чувство возникаетъ не чисто инстинктивнымъ путемъ, а вслѣдствіе сладострастныхъ представлений направленной въ эту сторону фантазіи; бываютъ дѣти съ совершенно испорченнымъ воображеніемъ, дѣятельность котораго вращается, главнымъ образомъ, вокругъ чувственныхъ интересовъ. Лживость истеричныхъ дѣтей часто направлена на такія темы. То и дѣло встрѣчаются такіе, на примѣръ, случаи, когда истеричныя дѣти ложно обвиняютъ своихъ учителей въ безнравственныхъ покушеніяхъ, или должно доносить на врача, что онъ позволилъ себѣ при изслѣдованіи грубое неприличіе. Случалось даже, что дѣти, вернувшись изъ школы или съ прогулки, съ видомъ неподдѣльнаго ужаса рассказывали въ мельчайшихъ подробностяхъ о томъ, какое половое насиліе совершилъ надъ ними какой-то прохожій, а при ближайшемъ разслѣдованіи все оказывалось съ начала до конца ложью. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что именно въ преступленіяхъ противъ нравственности дѣти являются чрезвычайно ненадежными свидѣтелями.

Проявленіе полового чувства у дѣтей, если только оно замѣчается не раньше 10—11-лѣтняго возраста, само по себѣ не представляетъ ничего противоестественнаго. — о чемъ мы уже упоминали. Да и особенно сильной степени развитія оно и не достигаетъ у нравственно-чистыхъ, неиспорченныхъ дѣтей. Собственнымъ нравственнымъ чувствомъ, чутьемъ порядочности и приличія такія дѣти вырабатываютъ въ самихъ себѣ достаточныя преграды. Очень часто это чуждое, непонятное чувство вызываетъ въ ребенкѣ внутренне тревожное настроеніе, вліяетъ на перемѣну въ его поведеніи. Въ виду этого представляется необходимымъ не откладывать разъясненіе дѣтямъ полового вопроса до наступленія зрѣлости, а приурочить его къ тому моменту, когда будетъ замѣчена подобная перемѣна въ настроеніи и въ поведеніи.

Онанизмъ представляетъ собой губительное явленіе не только своимъ непосредственнымъ разрушительнымъ вліяніемъ на физическое и умственное здоровье: въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ причиняетъ тяжелый вредъ и нравственному развитію. Вотъ почему борьба съ онанизмомъ составляетъ чрезвычайно важную врачебную и педагогическую задачу. Здѣсь не мѣсто подробно разсматривать вопросъ, какъ именно слѣдуетъ бороться съ этимъ зломъ. Мы удовольствуемся здѣсь указаніемъ на то, что всѣ усилія, какія могутъ быть сдѣланы для нормальнаго воспитанія дѣтей, для гармоническаго развитія ихъ тѣла и духа, служить въ то же время и наилучшими средствами и мѣрами борьбы съ онанизмомъ.

Рис. 351. Томленіе.
(По картинѣ А. Ромаса.)

Глава восьмая.

Дѣвушка-подростокъ.

(Топи Швабъ, Іена.)

Жизнь не знает остановки; вся жизнь — непрерывное движеніе. Но особенно интенсивно жизнь дрожить и переливается въ ту пору, когда человекъ пробуждается къ молодости.

У „взрослыхъ“ сложилось странное убѣжденіе, что юноша, только что вышедшій изъ отроческаго возраста, и дѣвушка-подростокъ представляютъ собой особыя любопытныя существа, къ которымъ невозможно относиться вполне серьезно. (Только искусство съ большимъ или меньшимъ вкусомъ отмѣчало неоднократно сантиментальную сторону этого возраста, въ родѣ того какъ изобразилъ А. Ромасъ моментъ „Томленія“, рис. 351.) Если дѣвушка вздумаетъ принять участіе въ разговорѣ взрослыхъ, касающемся какого-нибудь теоретическаго вопроса, ей замѣтятъ: „Не вмѣшивайся въ разговоръ о такихъ вещахъ, которыхъ ты не понимаешь!“ — „Почему же я этого не могу понять?“ — „Потому что ты совершенно неопытна“.

Опытъ иногда вещь, дѣйствительно, отличная, пожалуй, — увѣряютъ даже, что онъ умудряетъ иныхъ людей. Но все же мы поразительно часто видимъ, что сужденіе не вполне зрѣлаго ребенка бываетъ несравненно безпристрастнѣе и правильнѣе, чѣмъ омраченный опытомъ взглядъ взрослого. Бываютъ люди,

которые приобретаютъ по мѣрѣ наступленія зрѣлаго возраста и старости какую-то особую дѣтскую непосредственность и чистоту взглядовъ. Если это сочетается съ природнымъ умомъ, укрѣпляющимся и формулирующимся подъ вліяніемъ опыта, — тогда мы видимъ предъ собой рѣдкое и прекрасное явленіе: мудреца. Такимъ образомъ, для мудрости нужны, какъ мы видимъ, не только образование и опытъ, а въ меньшей степени еще и то безпристрастное и чистое инстинктивное сужденіе, какое свойственно природѣ пробуждающагося человѣка; а въ такомъ случаѣ, по какому же праву мы такъ высокомѣрно преувеличиваемъ пѣву приобретеннаго по сравненію съ чистымъ природнымъ дарованіемъ молодого существа? Но естественныя проявленія молодого сужденія встрѣчаютъ къ себѣ насмѣшливое и пренебрежительное отношеніе до тѣхъ поръ, пока оно, въ концѣ концовъ, не приспособится къ принятымъ шаблоннымъ взглядамъ взрослыхъ и, выйдя изъ этого возраста, юноша и самъ начинаетъ высокомѣрно-снижительно оглядываться на пройденный моментъ.

Но снисходительно-насмѣшливое отношеніе къ себѣ встрѣчаютъ не только взгляды и сужденія этого возраста, а — что еще знаменательнѣе — и чувства его.

Чувства дѣвушки-подростка отличаются отъ чувствъ зрѣлой женщины также, прежде всего, своей безусловной искренностью. Эти чувства, быть можетъ, бурны, неумѣренны, стремительны и оттого неуклюжи, но они искренни, — до того искренни, что сами жаждутъ мученичества, это — восторженная экспансивность, которой, большей частью, лишены чувства болѣе поздняго возраста. Подростки „влюбчивы“. Онѣ влюбляются въ учителя, въ учительницу, въ рыцаря—товарища, брата, въ симпатичную молодую женщину, въ подругу рѣдкой красоты, въ видѣнную когда-то актрису, игравшую благородную и трогательную роль страдалицы. Совершенно безразлично, каковъ предметъ этого восторженнаго увлеченія; важно то, что онѣ испытываютъ самое глубокое душевное волненіе — такое, которое любовь впоследствии, пожалуй, превзойдетъ долговѣчностью и цѣнностью, но никакъ не превзойдетъ силой и интенсивностью.

И все же надъ любовью подростка подшучиваютъ. Всѣ знаютъ, что эти вспышки чувства связаны съ періодомъ наступленія женской зрѣлости, съ чисто физиологическимъ процессомъ, а ужъ таковъ обычай высокомѣрнаго филистерства — считать себя въ правѣ высучивать все то, въ корень чего оно сумѣло проникнуть или только воображаетъ, что проникло. Тѣмъ не менѣе, мы знаемъ, что — до извѣстной степени — всякое чувство имѣетъ свои физическія причины. Да и нѣтъ такого акта чувства, — эротической ли любви, или любви къ человѣчеству, преданности искусству или наукѣ, — къ которому не подошелъ бы съ улыбкой филистеръ.

Несомнѣнно, мы можемъ привести въ связь этотъ необычайно возбужденный и — въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ — приподнятый и облагороженный строй души подростка съ явленіями физическаго развитія. Но отъ того, что между тѣломъ и душой существуетъ связь, ни то, ни другая ровно ничего не теряютъ, — наоборотъ, то и другая только выигрываютъ отъ этого, ибо душа есть высшая цѣнность тѣла, а тѣло — первоисточникъ души.

Ни въ чемъ и никогда мы не должны отвергать, а тѣмъ болѣе осмѣивать — связь души съ тѣломъ. И такое созрѣваніе, которое имѣло бы цѣлью отрицать элементъ тѣла во имя души, было бы бессмысленно и противоестественно, какъ и уничтоженіе души ради удовлетворенія потребностей тѣла.

Вотъ почему первой и благороднѣйшей задачей воспитанія должно быть стремленіе сохранить здоровое равновѣсіе между тѣломъ и душой. И ни въ одномъ возрастѣ воспитаніе не можетъ развиться въ такую огромную силу, какъ въ томъ, когда ребенокъ становится юношей. Это пора интенсивнѣйшей дѣятельности жизни, наибольшей воспримчивости. Ни въ одномъ другомъ возрастѣ не такъ впечатлительна молодая натура и никогда зато она такъ сильно не склонна замкнуться передъ впечатлѣніями, инстинктивно ее отталкивающими, потому что въ молодой душѣ заложено необычайно тонкое инстинктивное чутье къ тому, что благопріятно для ея развитія. Нужно безчисленное множество внѣшнихъ впечатлѣній, оставляющихъ болѣзненный слѣдъ, или же прямое болѣзненное предрасположеніе (что, къ счастью, сравнительно рѣдко встрѣчается), чтобы убить или даже только ослабить этотъ здоровый инстинктъ, реагирующий на каждое впечатлѣніе.

Но мы отнюдь не хотимъ сказать все же, что молодая душа совсѣмъ невоспримчива къ дурнымъ вліяніямъ. Дурного и хорошаго въ моральномъ смыслѣ этихъ словъ, какъ міровыхъ понятій, абсолютно не существуетъ въ еще не сформировавшейся душѣ; есть только извѣстный инстинктъ сохраненія физическаго и душевнаго здоровья. Дѣло воспитанія — сумѣть, опираясь на него и не оскорбляя его, разумно и тактично привить ему идеалы добра, знанія и красоты — такъ, чтобы эти идеалы шли къ этой цѣли рядомъ съ нимъ, а не противъ него.

Красота, добро и знаніе по самому существу своему могутъ слиться съ естественнымъ инстинктомъ, съ неоспорченнымъ инстинктомъ сохраненія здоровья. Даже больше: мы не можемъ и представить себѣ совершенной красоты, совершеннаго добра или знанія, истинной мудрости безъ сильно развитаго сознанія личности. Ибо человекъ съ нарушеннымъ я, который только и способенъ, что слѣпо и неразборчиво подчиняться, представляетъ собой, пожалуй, удобное существо для своихъ ближнихъ, но добра мы не видимъ въ его безсиліи.

Такимъ образомъ, здоровая молодая душа способна проникнуться въ этомъ впечатлительнѣйшемъ возрастѣ — больше, чѣмъ когда-либо раньше или позже — потребностью красоты, добра и знанія, — все зависитъ при этомъ только отъ того, въ какой формѣ и въ какомъ видѣ все это будетъ ей преподнесено. И если знаніе будетъ давать человекъ скучный и съ узкимъ умомъ, если къ добрымъ поступкамъ будутъ побуждать строгостью и наказаніями, если красоту будутъ внушать съ помощью циркуля и аршина, — то передъ этими искаженными понятіями замкнется молодая душа. Она не хотѣла замыкаться передъ красотой, добромъ и знаніемъ, но не могла не замкнуться передъ узостью, строгостью и мертвой, пустой ограниченностью. А тогда можетъ случиться, что для нея навсегда останется связаннымъ съ са-

мымъ драгоценнѣйшимъ въ жизни отвращеніе къ тѣмъ, кто насильно оттолкнулъ ее отъ этого.

Кажется, такъ просто и такъ ясно само собой, что и говорить тутъ не о чемъ: добру учи добромъ! И все же есть еще, повидимому, люди, которые этого не знаютъ и — что всего хуже — есть такіе и среди тѣхъ, которые берутся воспитывать. Добру учи добромъ, красотѣ учи въ красотѣ, знанію пусть учить тотъ, у кого широкій и богатый умъ, правдѣ — примѣромъ правдивости.

Молодая душа, если руководить ея воспитаніемъ такъ разумно и тактично, изумительно мало нуждается тогда въ помощи для своего дальнѣйшаго роста. Зато очень сомнительны тѣ дѣти, которыя слывутъ образцовыми въ школахъ: тѣ природы, которыя охотно подчиняются всякому вліянію (а вліянія еще очень рѣдко, къ прискорбію, ведутъ къ названнымъ идеаламъ), таятъ въ себѣ такое нарушеніе или такой коренной недостатокъ личности, что единственнѣмъ благодѣяніемъ для нихъ было бы дать имъ воспитателя на всю ихъ дальнѣйшую жизнь.

Приблизительно таковъ и былъ нашъ прежній идеаль женщины, которому поклонялись, конечно, только теоретически. Свообразное отношеніе встрѣчаетъ къ себѣ преданная, служащая мужчинѣ женщина. Имѣть всю жизнь около себѣ такую вѣрную слугу — это, пожалуй, представляетъ своего рода удобство, хотя должно же это и раздражать немножко. Но любить и цѣнить человѣка, вѣчно безмысленно и безусловно подчиненнаго, — невозможно. Въ дѣйствительности безусловная покорность женщины никогда еще не привлекала настоящаго мужчину. Покорность только тогда цѣнна, когда она рѣдкое и съ трудомъ завоеванное благо.

Наше время имѣетъ, можно сказать, нѣкоторыя преимущества передъ другими эпохами: не такъ много, какъ мы, дѣти своего времени, думаемъ, но кое-что все таки есть, что можетъ насъ подвинуть впередъ. И въ числѣ этихъ кой-какихъ несомнѣнныхъ преимуществъ первое мѣсто занимаютъ открытые глаза.

Мы начинаемъ смотрѣть открытыми глазами, мы прислушиваемся къ дѣйствительности: мы проснулись и стали бдительнѣе тѣхъ, кто жилъ до насъ.

И мы уясняемъ себѣ, прежде всего, что глупо ставить себѣ такіе идеалы, которые насъ вовсе не привлекаютъ. Женщина во всѣ времена вовсе не стремилась занять положеніе слуги; она только немножко морочила и себя самое, и мужчинъ. Дѣйствительной же цѣлью отъ вѣка одно: стать красивой и сильной, сохранить чистыми тѣло и душу и не дарить ничего, что не стоило бы дара.

Подростающая дѣвушка не знаетъ еще того желанія, которое овладѣваетъ впоследствии взрослой дѣвушкой, — отдавать въ даръ созрѣвшее, осознанное, прочувствованное. Подростающая дѣвушка — еще не королева; она пока еще юный принцъ, упорно протягивающій руку за короной, чтобы возложить ее на свою собственную голову. Подростающая дѣвушка, если только она здорова и развивается въ нормальныхъ условіяхъ и подъ нормальными вліяніями, еще не сознаетъ себя женщиной, суще-

ствомъ, дарящимъ, отдающимъ себя. Въ ней сидитъ порядочная доля юноши, не сложившагося мужчины. Она любитъ смѣлыя игры, ей пріятно проявлять физическую силу, отвагу, она пользуется уваженіемъ въ своемъ кругу, если обнаруживаетъ какъ можно меньше „женственности“, какъ можно больше великодушія, ловкости, дерзости (ср. рис. 352). Совсѣмъ какъ мальчишкѣ.

И склонности подрастающей дѣвушки носить часто характеръ, родственныя мужской природѣ. Она легче влюбляется въ

Рис. 352. На конькахъ.
(По рис. съ натуры Фидуса.)

женщину, чѣмъ въ мужчину, — и преимуще- ственно въ такую женщину, въ которой какъ можно больше женственнаго обаянія. Удѣляя въ живомъ общеніи и въ играхъ уваженіе только смѣлому и храброму товарищу, она въ то же время „обожаетъ“ какую-нибудь мадонну-учительницу, украдкой кладетъ на пультъ своего божества цвѣты, красяѣтъ, когда та заговариваетъ съ нею, упивается ароматомъ платьевъ богини, готова мечтать, какъ о счастьѣ, о томъ, чтобы пожаръ охватилъ зданіе школы, чтобы можно было совершить героическій подвигъ, спасти обожанное существо отъ страшной опасности. Все это проявленія чисто мужскихъ чувствъ: ухаживаніе, чувственный восторгъ, рыцарская жажда подвига въ имя любви.

И даже когда любовь подрастающей дѣвушки направляется на самаго мужественнаго мужчину, — и тогда еще она насквозь проникнута своеобразнѣйшими характерно-мужскими чувствами.

Одинъ изъ лучшихъ образовъ типичнаго подростка-дѣвушки представляетъ романъ Лу Андреа Саломе — „Ruth“. Въ немъ есть одна изящная и психологически характерная сцена, — диалогъ между Руейю и женой любимаго ею человѣка. Клара-Баль, жена его, рассказываетъ о подвигахъ своего мужа. Руей восклицаетъ:

— О, какъ бы я хотѣла это испытать! Какъ это дивно должно быть!

— Да, это было дивно, — подтвердила удовлетворенно Клара-Баль, ко-

торой это прежде и не казалось такимъ прекраснымъ, какъ показалось теперь въ своемъ собственномъ разсказѣ. О себѣ самой она совсѣмъ не говорила до сихъ поръ, только объ Эрикѣ, — но послѣ восклицанія Руей она проговорила съ гордостью женщины, заслужившей любовью свое счастье. „Дивно, но и тяжело, Руей. Да, тяжело это — дѣлать его со множествомъ другихъ, жаждущихъ его совѣта, помощи, участія, нуждающихся въ немъ и огнивающихъ его у меня. Въѣмъ онъ нуженъ. Нелегко это, приходится стать скромной. И тебѣ этому предстоитъ научиться“.

— Этому? — смущенно проговорила Руей, — нѣтъ, этого мнѣ бы не хотѣлось. Этого я для себя и не выбрала бы. А вотъ занимать такое мѣсто среди людей, имѣть такую власть, словно волшебникъ — это должно быть восхитительно. Слово въ одномъ себѣ заключаешь много людей и значишь еще больше, чѣмъ всѣ они.

Клара-Бель растерянно промолчала. Она явственно чувствовала восторженный тонъ поклоненія, звучащій въ словахъ Руей, но совершенно понять не могла того, что этотъ энтузіазмъ былъ такъ далекъ отъ потребности служить ему, тому, кто его вызывалъ, а эгоистично представлялъ себя самъ на его мѣстѣ“.

Какъ прекрасенъ этотъ яркій контрастъ зрѣлой, спокойной женской души и страстной жажды молодыхъ желаній! Конечно, здѣсь передъ нами совершенно различныя натуры, но въ то же время Руей представляетъ собой типичный образъ подрастающей дѣвушки. Это, вдобавокъ, одинъ изъ рѣзкихъ случаевъ обрисовки „типа“, свободнаго отъ всякой банальности, — дивнаго переплетенія личнаго съ типичнымъ.

Въ каждомъ словѣ Руей звучитъ активное стремленіе проявить собственную личность, тогда какъ женщина понимаетъ и жаждаетъ только пассивнаго счастья.

Повидимому, въ этомъ молодомъ возрастѣ женская природа содержитъ извѣстный элементъ мужественности въ проявленіи своего ума и своей личности, потому что всякое энергичное стремленіе впередъ и процессъ созрѣванія требуютъ извѣстной самостоятельности и инициативы, нормально свойственныхъ больше мужской, чѣмъ женской природѣ.

Сама природа заботится большей частью о томъ, чтобы по достиженіи половой зрѣлости любовное воспріятіе женщины переродилось въ большую пассивность — женственность.

Поэты и художники прежнихъ временъ любили выбирать для изображенія молодой женской души именно этотъ моментъ. Всего богаче варьировалъ его почти во всѣхъ своихъ созданіяхъ Грѣзъ (ср. рис. 353). Гете первый изобразилъ въ своей Миньонѣ женщину-ребенка до наступленія этого поворотнаго пункта въ развитіи.

Но иногда этотъ переходъ въ дѣятельности чувствъ знаменуетъ собой въ то же время критическій моментъ, на которомъ приостанавливается дальнѣйшее развитіе женскаго ума или же ограничивается едва замѣтнымъ движеніемъ впередъ, чтобы вскорѣ совсѣмъ унестъ. Въ этомъ фактѣ ничего не могутъ измѣнить никакія права и вольности, уже предоставленныя женщицѣ или еще завоевываемыя ею. Въ этомъ таится опасность для женщины: опасность чрезмѣрнаго развитія пассивности, которая въ самой основѣ своей сильнѣе заложена въ женскую душу, чѣмъ въ мужскую, и съ того момента, когда она начинаетъ распространяться и на умственную сферу, она препятствуетъ всякому дальнѣйшему развитію. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ врожденной особенностью, которую не могутъ исполнѣ побѣ-

дить ни личное воспитаніе, ни социальныя условія. — но абсолютно благоприятствовать этому не должно бы ни личное воспитаніе, ни социальныя условія, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о присущей всякому существу склонности къ атавизму, къ возвращенію на уже пережитый путь развитія, имѣющему надъ организмомъ женщины еще большую власть, чѣмъ надъ организмомъ мужчины.

Изъ этого ясно, какую огромную важность имѣетъ для женщины тотъ періодъ, въ который совершается ея развитіе. Она

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.
Рис. 353. Печаль.
(По картинѣ Ж. Б. Гресса.)

еще не уясняетъ себѣ въ эти годы своей склонности къ атавизму, она стремится впередъ, а такъ какъ атавизмъ представляетъ собою только грозную опасность, а не непремѣнное условіе, то въ эти годы всего важнѣе поддержать и укрѣпить стремленіе женщины впередъ, насколько это только доступно той или иной натурѣ, и такимъ образомъ предотвратить развитіе атавистическихъ наклонностей.

Дѣвушка начинаетъ присматриваться, къ чему она могла бы приложить свои силы и способности и добиться успѣха. Мать не согласна съ желаніями дочери, она заявляетъ: „Постарайся лучше помочь въ хозяйствѣ!“ или: — „Учи-ка

хорошенько то, что требуется въ школѣ!“ Но это совсѣмъ не то, чего хочется дочери. Она отлично знаетъ, что въ хозяйствѣ обойдутся и безъ нея, а мать придумываетъ всевозможныя маленькія работы, отнимающія какъ можно больше времени и какъ можно болѣе скучныя — въ родѣ стиранія пыли и тому под., — въ исполненіи которыхъ нѣтъ никакой заслуги и которыя способны сдѣлать то, что опостылѣетъ всякій трудъ. Что же касается ученія... но если нельзя учиться съ какой-нибудь определенной цѣлью, съ надеждой сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ хотѣлось бы, то къ чему же тогда и все ученіе!

Совсѣмъ иное дѣло, если на дѣвушку возлагаются какія-нибудь серьезныя и отвѣтственныя хозяйственныя обязанности, которыя она сама признаетъ таковыми, которыхъ при существующемъ положеніи дѣлѣ никто другой выполнить не можетъ, и которыя и всѣ другія признаютъ таковыми. Тогда та самая дѣвушка, которая такъ постыдно уклонялась отъ вытиранія пыли,

вдругъ превращается въ заботливую „хозяйку“, вызывающую восторгъ со всѣхъ сторонъ. Потому что тутъ она сама чувствуетъ цѣль и результаты своей работы, а чтобы дѣлать что-нибудь съ любовью, всякому человѣку необходимо сознание цѣли и результатовъ своего труда, хотя бы и отдаленныхъ. Неспособность работать безъ сознаниа цѣли и ощутительныхъ плодовъ ни въ какомъ случаѣ не должна быть истолкована какъ недостатокъ идеальности и т. п., потому что потребность въ цѣли и плодахъ работы — это инстинктъ, глубоко заложенный во всякое живое существо. Безцѣльный трудъ почти равносильнъ безцѣльному существованію; онъ задерживаетъ и подрываетъ жизнеспособность, какъ и все вообще, что мы дѣлаемъ вопреки волѣ природы.

Вотъ почему чрезвычайно важно для развитія молодого существа, чтобы его потребность въ отвѣчающемъ цѣли трудѣ встрѣтила къ себѣ уваженіе и нашла себѣ удовлетвореніе. Нельзя же положить камень въ протянутую за хлѣбомъ руку! Неблагоразумно стараться давать молодому существу ложную иллюзію важности какихъ-нибудь поручаемыхъ ему безцѣльныхъ работъ: пойметъ же дѣвушка въ одинъ прекрасный день, что на ея искреннее желаніе отвѣтили глупымъ мелкимъ обманомъ. Въ молодой душѣ, которая увидитъ такое пренебреженіе къ своимъ лучшимъ чувствамъ, зародится апатія и ожесточеніе.

При всякихъ условіяхъ всегда найдется возможность доставить молодой дѣвушкѣ дѣйствительно полезную работу, въ которой она можетъ испытать и укрѣпить свои силы, которая охранитъ ее отъ праздности, очень рѣдко способствующей добрымъ мыслямъ, и дастъ ей то удовлетвореніе, которое составляетъ необходимое условіе здоровья и бодрости.

Поразительно, до чего здоровое физическое самочувствіе зависитъ отъ дѣятельности, доставляющей удовлетвореніе. Всякому случалось видѣть человѣка, привыкшаго много работать, иногда даже непомѣрно много, и въ одинъ прекрасный день отившагося на покой. Въ душѣ его совершается своеобразная перемѣна, на которую смотрѣть грустно: онъ тоскуетъ, хандритъ и, наконецъ, заболѣваетъ. Говорятъ, что это реакція, результатъ прежняго переутомленія, но это невѣрно: ему просто недостаетъ живительнаго, бодрящаго весь организмъ чувства удовлетворенія, которое ему доставляла его дѣятельность.

Что молодому организму не слѣдуетъ отводить дѣятельность исключительно умственную, объ этомъ такъ много писалось и говорилось, что здѣсь не за чѣмъ повторять это предостереженіе. При всякихъ условіяхъ возможно придумать какія-нибудь физическія занятія, — однѣ игры не могутъ замѣнить мускульной работы. Садовые работы, уходъ за животными, занятія какимъ-нибудь нетруднымъ ремесломъ, требующимъ движеній и ловкости, напримѣръ легкая столярная работа, — все это гораздо здоровѣе и, если хорошенько вникнуть, никакъ не менѣе интересно, чѣмъ неподвижное корпѣніе надъ рукодѣліями, которыми такъ много занимаются дѣвушки именно въ годы развитія — и только потому, что это является большей частью единственно возможной для нихъ работой, сколько-нибудь самостоятельной, не безцѣльной и въ то же время механической, къ чему онѣ чувствуютъ естественную потребность.

Вполнѣ естественно возникаетъ, при болѣе свободныхъ и подвижныхъ занятіяхъ, надобность въ здоровой, цѣстѣняющей свободныхъ движеній одеждѣ. Въ области реформироваія одежды дѣлается очень много неудачныхъ попытокъ, не удовлетворяющихъ ни эстетическаго чувства, ни дѣйствительныхъ требованій здоровья. Прежде всего, основной принципъ платья „реформы“ гонится далеко не всякому организму, — я разумѣю принципъ обремененія всей тяжестью одежды однихъ только плечъ. Образцомъ свободной и гигиеничной одежды могутъ служить принци

По фотограф. А. Жиредона въ Парижѣ.
Рис. 354. Портретъ графини Реньо.
(По картинѣ Фр. П. Жерара.)

пынпы моды въ эпоху Имперіи. Извѣстные портреты графини Реньо показываютъ намъ всю грацію, какую придаютъ эти туалеты женскому тѣлу (ср. рис. 354). (Прелестная голова графини Потоцкой — см. рис. на отд. табл. — показываетъ намъ изящную прическу того времени.) Все платье сдѣлано изъ одного цѣльнаго куска, — во всякомъ случаѣ, можетъ быть сдѣлано такъ, — и не ложится всей тяжестью только на плечи, а поддерживается и тамъ, гдѣ узкій поясъ перехватываетъ платье, подъ самыми грудями, а не на такъ называемой талии. Все платье сдѣлано на подкладкѣ изъ легкой матеріи, такъ что нѣтъ надобности въ

нижнихъ юбкахъ. Ноги не испытываютъ стѣсненія, благодаря свободному клинообразному покрою одежды, тяжесть которой распределяется главнымъ образомъ на бедренныя кости, едва прилегая къ „талиі“.

Что касается обуви, главными качествами которой должно быть отсутствіе, по возможности, каблуковъ и форма, соотвѣтствующая формѣ естественной, неизуродованной ноги, — тутъ мы можемъ считать положительнымъ образцовымъ то, что даетъ профессоръ Пауль Шульце (Наумбургъ) въ своей книгѣ „Уходъ за женскимъ тѣломъ“. „Если мы рассмотримъ, — говоритъ профессоръ, — самую красивую — въ среднемъ — ногу, какую мы можемъ встрѣтить у современнаго человѣчества (приблизительно такую, какая изображена на рис. 355), то мы замѣтимъ слѣдующія неправильности:

Графиня Потоцкая.

(По фотографіи Фотогр. Общества въ Берлинѣ.)

„Большой палецъ значительно уклоняется отъ прямой линіи, которая нормально должна идти черезъ середину его и черезъ его суставъ вверхъ по ступнѣ. Онъ слишкомъ сильно прижатъ къ серединѣ ступни, и продольная ось его идетъ подъ угломъ къ средней кости ступни. Вслѣдствіе этого исчезаетъ промежутокъ между большимъ и вторымъ пальцемъ и они плотно сжаты вмѣстѣ. Всѣ пять пальцевъ безусловно не имѣютъ нормальной формы вѣера, а идутъ параллельными другъ другу продольными осями. Каждый палецъ въ отдѣльности совершенно утратилъ свою прямую и закругленную форму; они стали изогнуты, какъ когти, и оттого, что тѣсно сдавлены другъ съ другомъ, потеряли округлость и приобрѣли четырехугольную форму“.

Въ противоположность этому, рис. 356 изображаетъ нормальную ногу совершенной формы, не искаженной обувью. На рис. 357 и 358 изображены неправильный покрой обуви и форма подошвы, соответствующая нормальной ступнѣ.

Если позаботиться, вдобавокъ, о томъ, чтобы обувь была не слишкомъ тяжела и одежда носилась бы не тяжелая (для сохраненія теплоты тѣла при нормальномъ, ненарушенномъ одеждой кровообращеніи довольно самаго ничтожнаго количества одежды), то мы можемъ добиться прекрасныхъ, граціозныхъ и эластичныхъ движеній у молодой дѣвушки, а многое, что мы считаемъ принадлежностью переходнаго возраста — типичная вялая неуклюжесть, — даже не будетъ имѣть возможности развиваться. Рисунки 359 и 360 показываютъ намъ, каково должно быть правильно сформированное тѣло дѣвушки-подростка (см. также дѣвушку, черпающую воду, рис. 361). Отсылаемъ по этому вопросу ко II главѣ наст. тома — „Женская красота“.

Вопросъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ на здоровье человѣка цѣлесообразный уходъ за тѣломъ, относится, конечно, къ компетенціи врача. Но именно въ вопросѣ ухода за тѣломъ есть еще и другая, не менѣе важная точка зрѣнія, — эстетическая. Дѣвушка можетъ имѣть вышнія данныя здоровья — хорошо развитыя формы и красивыя краски, — и все же можетъ портить все впечатлѣніе красоты, если по запаху можно будетъ узнать, что она не ежедневно купается или обмываетъ тѣло. Нечистоплотность относится къ такимъ вещамъ, которыхъ можно долго не замѣчать глазомъ, между тѣмъ какъ давно уже о ней засви-

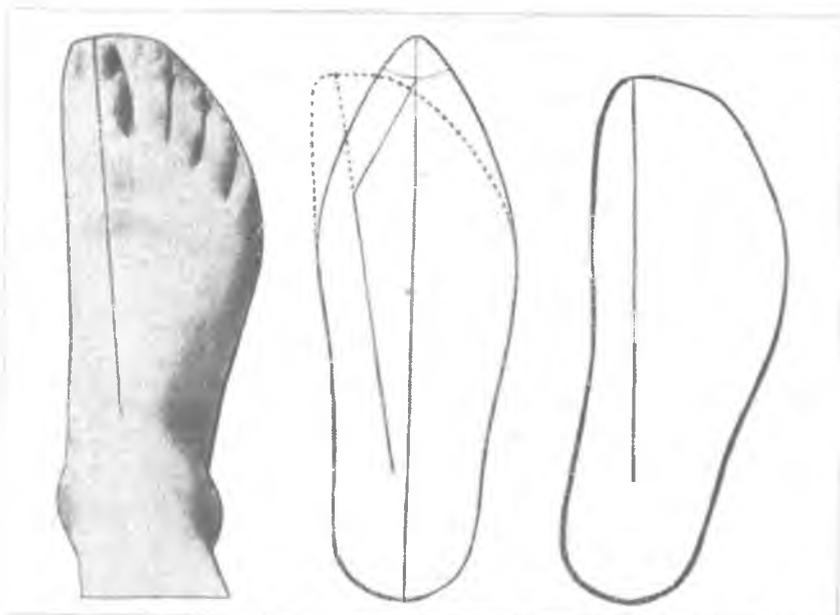

По соч. П. Шульце-Раумбургъ, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 355. Нога средней правильности.

дѣтельствовало обоняніе. Какого бы возраста, пола и общественнаго положенія ни былъ человѣкъ (даже въ высшихъ, такъ называемыхъ „образованныхъ“ кругахъ, можно встрѣтить самыя скудныя понятія объ опрятности), и если онъ даже и безъ ежедневнаго купанья или обмыванія всего тѣла чувствуетъ себя здоровымъ и счастливымъ, все же онъ несетъ первѣйшій долгъ передъ окружающими его — строгую физическую опрятность.

Половая чистота дѣвушки касается только ее одной и ея

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 356. Нормальная нога.   Рис. 357. Неправильный покррой обуви.   Рис. 358. Форма подошвы нормальной ноги.

Пунктирной линіей въ рис. 357 обозначена нормальная форма подошвы.

будущаго мужа, тѣлесная же чистота ея касается всѣхъ и cadaго изъ окружающихъ ее.

Существуютъ такія вещи, которыя прямо не относятся къ порокамъ или къ нравственнымъ недостаткамъ, но все же въ общегити и въ человѣческихъ взаимоотношеніяхъ могутъ сдѣлать человѣка, одержимаго ими, несимпатичнымъ и тягостнымъ. Часто причинами этого бываютъ какія-нибудь мелкія, совершенно неважныя сами по себѣ привычки, которыя только, какъ говорится, „дѣйствуютъ на нервы“ окружающихъ. Врожденную привлекательность привить воспитаніемъ нельзя, но все же каждый человѣкъ боится казаться смѣшнымъ, больше же всего боится этого подростокъ.

Подрастающая дѣвушка очень боится сама показаться смѣшной и очень чутко и безпощадно умѣетъ подмѣчать смѣшное въ другихъ. Когда дѣвушка дѣлится своимъ наблюденіемъ надъ чѣмъ-нибудь смѣшнымъ въ манерахъ г-жи А., на это не

слѣдуетъ отвѣчать такъ, какъ обыкновенно принято отвѣчать: „Не надо обращать вниманія на это, такъ какъ во всемъ прочемъ г-жа А. превосходная женщина“. Потому что это вѣдь неправда, что г-жѣ А. нисколько не вредятъ въ глазахъ другихъ ея неприятныя привычки, — напротивъ, она всѣмъ несимпатична, благодаря имъ. Гораздо тактичнѣе отвѣтить такъ: „Да, очень жаль г-жу А., потому что хотя она во всемъ остальномъ и превосходная женщина, но изъ-за этихъ привычекъ она становится въ тягость окружающимъ“.

Когда зоркая молодая наблюдательность вѣрно подмѣтитъ что-нибудь, — крайне непедагогично стараться оспаривать и затушовывать это въ интересахъ взрослыхъ „почтенныхъ лицъ“. Вся наша жизнь такъ построена на взаимности и признаніи, что всякій обманъ такого рода неизбѣжно принести вредъ.

Всѣ человѣческія отношенія держатся на взаимности. И развивающійся человекъ,

По соч. П. Шульпе-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.
Рис. 359. Правильно сформированное тѣло дѣвушки-подростка.

подростающая дѣвушка также должна знать и чувствовать, что ея собственная жизнь становится шире по мѣрѣ того, какъ она вводитъ въ сферу своей жизни, своего сочувствія и содѣйствія другихъ.

Родители должны быть „не даромъ“ даны. Человѣкъ съ самаго начала умѣетъ цѣнить только то, что онъ для себя за-

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 360. Правильно сформированное тѣло дѣвочки-подростка.

воевываетъ, а не то, что ему дается безъ всякаго труда. Но и дитя даромъ ничего не даетъ и, прежде всего, „благодарность“ ему чужда. Только въ томъ случаѣ, когда даръ сохраняетъ свою цѣнность, благодарность является естественнымъ результатомъ. Но даръ не отъ того приобретаетъ свою цѣну, что сопровождается моральнымъ поученіемъ по поводу жертвы, которую онъ имѣетъ въ своей основѣ. Въ такомъ способѣ дара дѣтская душа усматриваетъ только грубость дарящаго, потому что душа ребенка сама по себѣ стыдливей и чутче души взрослого. Кто умѣетъ наблюдать отношенія старшихъ дѣтей или подростковъ между собой, тотъ всюду подмѣтитъ стыдливость и умолчаніе. Прежде всего, тутъ бросается въ глаза стыдливость въ выраженіи чувствъ. Легче сто разъ доказать

на дѣлѣ любовь, чѣмъ разъ выразить ее лаской, легче сто разъ проявить ласку, чѣмъ разъ выразить ее словами.

Такова душа дѣвочки-подростка. И въ эту и нѣжную, и суровую психику врывается заявленіе матери: „Мы приносимъ тебѣ жертву и разрѣшаемъ тебѣ то-то и то-то“. Только выдрессированный звѣрекъ отвѣчаетъ на это: „Благодарю васъ, дорогие родители, что вы такъ любезны“. Ребенокъ же, выросшій

при нормальныхъ условіяхъ, станетъ „отвѣчать“ на это и „держитъ“ — и, конечно, „проворонитъ“ этимъ ту самую предложенную жертву: родители усмотрятъ въ этомъ необходимую дрессуру для воспитанія благодарности.

Даже дѣйствительная жертва должна быть приносима всегда тактично и деликатно. Если она не будетъ понята, то въ другой разъ въ ней должно быть отказано: тогда она самымъ неожиданнымъ образомъ будетъ понята и одѣнена.

Но часто дочь отвѣчаетъ на безмолвно принесенную матерью жертву такимъ же безмолвнымъ актомъ любви, и тогда устанавливаются такія прекрасныя отношенія между родителями и дѣтьми, которыя воспримчивая молодая душа сохранять на всю жизнь.

Еще одну ошибку дѣлаютъ часто родители, которая очень дурно отражается на отношеніяхъ между родителями и дѣтьми: они допускаютъ дѣтей принимать участіе въ мелкихъ непріятностяхъ повседневной жизни и въ то же время устраняютъ ихъ отъ участія въ серьезныхъ, ударахъ судьбы, въ тяжелыхъ и глубокихъ страданіяхъ, которыя имъ приходится переживать. Отъ этого будто бы дѣтскую душу надо заботливо „щадить“ и оберегать! А между тѣмъ именно общія страданія связываютъ людей; дѣлаютъ ихъ отношенія нѣжнѣе, крѣпче и деликатнѣе, — не слезы и бурныя проявленія горя, а общія душевныя переживанія; мелкія же непріятности и дряги повседневной жизни показываютъ человѣка съ худшей его стороны и отталкиваютъ отъ него окружающихъ.

Родители, посвящающіе дѣтей только въ дряги жизни, могутъ вызвать, въ лучшемъ случаѣ, поверхностное сочувствіе. Но подростокъ, приближающійся къ зрѣлому возрасту, чувствуетъ потребность нести свою долю серьезнаго бремени жизни и гораздо искреннѣе и глубже будетъ чувствовать свою близость къ родителямъ, которые привлекутъ его къ участію въ своей жизни.

По фот. В. Титцеталера въ Берлинѣ.

Рис. 381. Дѣвушка, черпающая воду.

Въ подросткѣ-дѣвушкѣ за вѣднѣнней мальчишеской грубоватостью таятъ часто нѣжное материнское чувство, женственная участливость; эгоистическая требовательность ребенка успѣла превратиться въ ту прелестную, мягкую готовность женщины отдавать душой, которая несетъ съ собой пониманіе и утѣшеніе во всѣхъ страданіяхъ. Родителямъ не слѣдовало бы стѣсняться воспользоваться и для себя этой мягкостью, этимъ чуткимъ пониманіемъ и участливостью ребенка: никогда и ни въ какомъ случаѣ отношенія между родителями и дѣтьми не должны умышленно отличаться отъ общечеловѣческихъ отношеній, — отъ тѣхъ отношеній, которыя никогда не ждуть благодарности и не испытываютъ разочарованія, не встрѣчая ея, которыя отъ сердца дарятъ и принимаютъ даръ, безъ корыстного разсчета, но и безъ нѣлпой исключительности, обусловливающей пренебреженіе къ дару другихъ.

Мы то и дѣло встрѣчаемъ въ жизни странное явленіе односторонняго дара, который никогда не оплачивается благодарностью. Односторонній даръ — это жестокость, и за него никто благодарить не будетъ. Кто хочетъ дарить такъ, чтобы принимающій даръ сохранилъ къ нему добрыя чувства, тотъ долженъ имѣть достаточно доброты, чтобы не презирать и не отталкивать отвѣтныи даръ, хотя бы и бѣдный. Ибо только приносящій даръ чувствуетъ любовь къ принимающему, — и слѣдовательно, если онъ хочетъ и отвѣтной любви, то ему не остается иного пути, какъ принимать, въ свою очередь, дары. Только природы низменныя и рабскія любятъ даящаго за самыя дары и довольствуются приниманіемъ ихъ. Воспитывать такихъ дѣтей — значить дѣлать зло и себѣ самимъ, и ближнимъ.

Человѣкъ, лишенный сознанія взаимности человѣческихъ отношеній, неизбежно страдаетъ и недостаткомъ такта, потому что тактъ — вовсе не пустая учтивость, не принятая вѣднѣнность, которую можно привить воспитаніемъ, если она не имѣетъ глубокихъ влутреннихъ корней. Тактъ есть именно необходимое ясное сознаніе взаимности всякихъ человѣческихъ отношеній.

Послѣдствіемъ этого недостатка взаимности въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, встрѣчающагося очень часто, бываетъ грубая безтактность отношеній. Все сказанное нами прежде освѣщаетъ этотъ фактъ, но область такта еще шире: она обнимаетъ собой не только характеръ отношеній и ихъ проявленія, но и безусловную сдержанность въ нихъ.

Много толкуютъ о томъ, какъ родители, и въ особенности мать, должны держаться съ подрастающими дѣтьми въ отношеніи полового вопроса. Но всякій нормально-чувствующій ребенокъ, если только онъ имѣетъ нѣкоторое представленіе о половыхъ процессахъ, постѣсняется говорить о нихъ съ родителями или выслушивать отъ нихъ объясненія по этому поводу. Какіхъ бы ни держаться взглядовъ на этотъ счетъ, но если уяснить себѣ, что обсужденіе грубо-чувственныхъ половыхъ отношеній неумѣстно между родителями и дѣтьми, то надо тщательно избѣгать того, чтобы такая бесѣда, если она уже происходитъ, не вызвала въ ребенкѣ тягостнаго чувства или даже разочарованія въ родителяхъ.

Но подрастающая дѣвушка можетъ явиться къ матери съ

самымъ наивнымъ вопросомъ: „Мама, откуда берутся дѣти?“ Несомнѣнно, можетъ — но именно только при полномъ наивномъ невѣдѣніи, позже она съ этимъ вопросомъ не придетъ. И матери слѣдуетъ отвѣтить на это только косвенно: съ помощью ссылки на явленія, наблюдаемыя въ природѣ, при чемъ соединительный мостъ между человѣческой и животной природой долженъ быть перекинутъ съ самой спокойной естественностью. Ребенокъ станетъ наблюдать и сдѣлаетъ свои выводы. Если ребенокъ не сразу охватитъ и матери покажется нужнымъ нѣсколько ускорить его сообразительность, она всегда найдетъ возможно подтолкнуть его пониманіе; ребенку можетъ какъ будто „сама собой“ попасться подъ руку подходящая естественно-научная книга, трактующая этотъ вопросъ по возможности просто и understandably. Молодая душа съ благодарнымъ чувствомъ отзовется на то, что никто не присутствовалъ при томъ, какъ у него спала повязка съ глазъ, хотя бы это и было встрѣчено самими бережными словами.

Если же ребенокъ, уже выведенный изъ невѣдѣнія, все же обратится къ матери съ вопросомъ, то отвѣтъ долженъ быть короткій и дѣловой, по существу, — потому что культивировать ложное чувство стыда никогда не желательно; надо только дать возможность молодому существу остаться въ моментъ откровенія наединѣ съ неизбѣжнымъ чувствомъ стыда Адама. Какъ бы ни было чисто наше „объясненіе“ тайны любви, — все же у впервые узнаваемаго ее неизбѣжно зародится стыдъ Адама. Вполнѣ чистой предстанетъ передъ молодымъ существомъ тайна любви только тогда, когда она самъ ее извѣдаетъ, полюбивъ. А быть свидѣтелемъ чужого стыда — ничего нѣтъ постыднѣе этого.

На это могутъ возразить вопросомъ: неужели же матери слѣдуетъ обходить молчаніемъ эти вопросы и тогда, когда у ея дочери появятся признаки наступившей женской половой зрѣлости? На это можно отвѣтить, какъ уже было указано въ своемъ мѣстѣ (стр. 583), что физическіе процессы, такъ же какъ и необходимыя при этомъ правила поведенія, всегда можно объяснить коротко и объективно, безъ всякихъ сантиментально-чувственныхъ прикрасъ. „Это явленіе нормальное, ежемѣсячно повторяющееся у дѣвушекъ и у женщинъ, — поступать при этомъ надо такъ и такъ“ — и только; коротко и просто. Здоровой и нормальной дѣвушкѣ будетъ противно, если ей при этомъ станутъ говорить елейно-чувственные наставительныя рѣчи о томъ, что она отнынѣ „становится женщиной“.

Вообще слѣдуетъ остерегаться, чтобы благонамѣренными благочестивыми фразами не слишкомъ укрѣпить въ дѣвушкѣ ея половое сознание: это очень опасный путь, которымъ можно внушить дѣвушкѣ представленіе, будто любовь — единственно важное событіе въ жизни женщины. Но это безусловно нежелательно уже потому, что неосуществившіяся эротическія желанія могутъ сдѣлаться бичомъ и мукой всей жизни человѣка. Мы съ отвращеніемъ отворачиваемся отъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ интересы полового общенія съ мужчиной составляютъ центръ всѣхъ думъ и чувствъ, — но вѣдь мы же сами воспитываемъ такія созданія съ ихъ лживымъ цѣломудріемъ и необузданнымъ желаніемъ, когда рисуемъ подрастающей дѣвушкѣ

ея „женственность“ — вѣрибе, ея природу самки чѣмъ-то такимъ безмѣрно важнымъ и священнымъ, за чѣмъ мужчина гонится, какъ лютый звѣрь, и только и помышляетъ о томъ, какъ бы это сгубить.

Дѣйствительно священнымъ и важнымъ становится женское начало женщины только въ любви, — и тогда сознание этой святости само собой пробуждается въ дѣвичьей душѣ. Вести же дѣвушку къ половому сознанию въ периодъ роста, формироваія, работы и стремления впередъ — не только лишнее, но и вредное дѣло. Это можетъ быть умѣстно единственно и исключительно въ томъ случаѣ, если въ дѣвушкѣ развиваются эротическія наклонности при неосторожности и легкомыслии. Но и въ этомъ случаѣ это можетъ оказаться полезнымъ только на данный моментъ, не больше.

Что влияние книгъ бываетъ очень часто виной совращенія съ здороваго пути молодого эротическаго чувства, — объ этомъ очень много говорить, но недостаточно обращать на это вниманія на дѣлѣ. И такое влияние оказываетъ вовсе не только „литература задворковъ“, а именно самая обыкновенная, на видъ какъ будто вполне невпичная литература, предлагаемая обычнымъ читателямъ журналовъ. Безчисленныя разновидности изломанностей чувства, мимо которыхъ равнодушно проходятъ взрослый и зрѣлый читатель, увлекаютъ читателя, переживающаго первую пору развитія, и часто надолго оставляютъ въ немъ ложное, искаженное представленіе о дѣйствительности, извращая здоровую душевную зоркость живо-измышленными картинами чувствъ.

О чемъ прежде всего должно позаботиться воспитаніе, — это о томъ, чтобы стремленія подрастающей дѣвушки, такъ же какъ и мальчика, были направлены на обрѣтеніе цѣли въ жизни, способной дать удовлетвореніе. Наше время добилось того, что цѣли жизни дѣвушка можетъ искать не въ одной только сферѣ хозяйства и домашняго очага; подрастающей женщинѣ теперь открыты разнообразныя возможности дѣятельности въ сферѣ практической, научной и художественной. Теперь уже, повидимому, недалеко и то время, когда потребности женщины въ знаніи откроютъ и послѣднія двери и ей можно будетъ бросить эффектную позу борца, которая ей такъ мало къ лицу, но къ которой ее вынуждали неумолимыя социальныя условія.

А вѣдь именно эта боевая поза, перѣдко переходящая въ театральность, и устрашаетъ мужчину, производя на него впечатлѣніе неженственности. Но — „герою всего труднѣе соблюсти красоту“, какъ говоритъ Ницше. Мы, женщины — и въ особенности подрастающее теперь поколѣніе женщинъ, — нашедшія всѣ пути проторенными, — мы слишкомъ многимъ обязаны тѣмъ женщинамъ-борцамъ, которыя шли впереди по бездорожью, быть можетъ, слишкомъ рѣзкимъ, какъ намъ иногда кажется, шагомъ, — неприлично намъ критиковать ихъ.

Это подрастающее теперь поколѣніе снова пойметъ, какъ принимали это наши матери, что мужчина — вовсе не естественный врагъ и противникъ женщины, и что намъ достаточно только поискать въ немъ добраго товарища, чтобы и найти его.

Это поколѣніе пойдетъ спокойно, просто и естественно — и во всеоружіи ненарушенной „женственности“ по вновь

проложеннымъ путямъ, рядомъ съ добрымъ товарищемъ мужичиной, — и дѣтямъ ихъ будетъ казаться сказкой, что было время, когда мужчина и женщина считали себя такъ недосыгаемо-далекими другъ отъ друга, что и между отдѣльными лицами всегда оставался осадокъ недовѣрія. Скульптура Зиндингга „Ночь“ (рис. 362) даетъ намъ символъ этого будущаго единенія.

Тогда лучше поймутъ выиѣшенное женское движеніе, примутъ его за то, что оно есть въ дѣйствительности: за социальное

Рис. 362. Ночь
Скульпт. С. Зиндингга.

явленіе съ своими социальными причинами и социальными цѣлями, и не будутъ ложно истолковывать его, какъ еще порой истолковываютъ теперь то мужчины, то женщины: какъ индивидуально-душевное обособленіе и удаленіе женщины отъ мужчины, — что дѣйствительно могло бы оскорбить мужчину и ожесточить его противъ женщины.

Это поколѣніе теперь подрастающихъ дѣвушекъ сумѣетъ быть другомъ мужчины и найти въ немъ друга себѣ, а борьба съ нимъ сведется къ тому, чѣмъ была въ незапамятныя времена сѣдой древности — къ здоровой и блаженно-радостной борьбѣ любви.

Фотогр. изд. Ф. Врукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 363. Дремлющая Венера.
По картинѣ Джорджио Барбарелли (Джорджоне).

Глава девятая.

Взрослая дѣвушка.

(Токи Швабъ, Йена.)

Быть можетъ, ничто такъ ярко не характеризуетъ ту или иную эпоху, какъ отношеніе ея къ женщинѣ. Мы, современные люди, живемъ въ эпоху глубокихъ социальныхъ движеній, выражающихся въ послѣднія столѣтія все громче и рѣзче въ словахъ и поступкахъ отдѣльныхъ лицъ, прорывающихся въ борьбѣ и возстаніи цѣлыхъ слоевъ народныхъ и — какъ естественное слѣдствіе этихъ взрывовъ — проникающихъ и обуславливающихъ собой всю жизнь и міросозерпаніе цѣлыхъ народовъ.

Всякая идея, способная создать новую эру для человѣчества, идетъ своимъ опредѣленнымъ путемъ. Но этотъ путь начинается духовнымъ мятежомъ отдѣльныхъ лицъ, затѣмъ вызываетъ политическую борьбу классовъ и кончается переворотомъ въ массѣ — тяжелой, тупой, неподвижной.

Мы живемъ въ такую эпоху, когда идея социального освобожденія личности охватила собой самыя широкія народныя слои, когда борьба проникла въ умы массы, когда какъ будто всѣ научились „мыслить“, потому что понятія отдѣльныхъ лицъ такъ вѣдрились въ умы массы, что даже самыя инертныя умы вынуждены были подвинуться немного вправо или влево, чтобы не оказаться совсѣмъ раздавленнымъ, и такъ или иначе опредѣлить свое отношеніе къ женщинѣ своей эпохи.

Всегда и всюду пассивная мыслительная дѣятельность женщины была по самой своей природѣ менѣе подвижна, чѣмъ

мысль мужчины. Женщина любитъ почитать на пріобрѣтеніяхъ своей эпохи, тогда какъ мужчину влечетъ къ творческой работѣ въ ней. Только тогда, когда уже рѣдкое движеніе массъ оказывается въ полномъ ходу, женщина, мыслительная способность которой безусловно не ниже мужской, просыпается отъ своей врожденной пассивности, отъ мыслительной косности своей, чтобы примкнуть, какъ это стало уже, повидимому, дѣломъ обычнымъ въ наше время, къ дѣйствующимъ и создающимъ.

Такимъ образомъ, слѣдствіемъ врожденнаго умственнаго равнодушія и медлительности женщины явилось то, что борьба за освобожденіе своего пола возникаетъ у нея большей частью въ болѣе позднюю эпоху, чѣмъ у мужчины. Вотъ почему стремленія молодой женщины, идейно увлеченной, нигдѣ не встрѣчаютъ такого неподвижно упорнаго сопротивленія, какъ въ ино-мслящихъ головахъ представительницъ своего же пола. Наше время, такое богатое преобразованіями, захватывающими массы, само по себѣ уже болѣе склонно, чѣмъ всякое другое, становится между міросозерпаніемъ молодежи и стариковъ.

Подрастающая теперь женщина стала гораздо подвижнѣе, отдается несущемуся потоку идей и чувствуетъ себя поэтому съ особенной силой индивидуальностью въ отношеніи идущаго впереди нея мужчины.

Но мы знаемъ тотъ поразительный фактъ, что человекъ мало-по-малу дѣйствительно становится тѣмъ, чѣмъ онъ себя чувствуетъ и за что выдаетъ себя. Такимъ образомъ, средняя женщина, которая въ настоящее время еще только выдаетъ себя за индивидуальность, несомнѣнно когда-нибудь дѣйствительно станетъ индивидуальностью въ самостоятельномъ смыслѣ.

Слѣдствіемъ этой достигнутой подвижности является, конечно, прежде всего жажда дѣятельности и стремленіе къ профессіи, которая нынѣшней молодой дѣвушкѣ уже стала вполне доступной. Во всѣ классы общества уже проникло теперь это стремленіе женщины къ самостоятельной дѣятельности.

Молодая дѣвушка нашего времени очень энергично отказывается сидѣть, подобно женщинамъ прошлыхъ поколѣній, и ждать, пока явится кто-нибудь со стороны, — мужчина, къ жизни котораго она приладится. Она не хочетъ больше старѣться оставленной за штатомъ въ любовномъ выборѣ. Она возстаетъ противъ грубаго и въ то же время жалкаго понятія „старой дѣвы“, — женщины, которая всю жизнь ни на что лучше не годилась, какъ сидѣть и ждать и съ тупымъ терпѣніемъ выглядывать въ окошко, не видно ли жениха. И съ каждымъ годомъ слабѣли надежды на появленіе того, кто взялъ бы ее къ себѣ и великодушно раздѣлилъ бы свою судьбу съ ней, неспособной самостоятельно найти свою судьбу; и все безнадежнѣе и унылѣе выглядывала она въ окошко и, наконецъ, готова была бы пойти за кѣмъ угодно, только бы не носить всю жизнь печать отвергнутой, оказавшейся никому не нужной.

Это безобразное и жалкое понятіе „старой дѣвы“, которое, въ конечномъ итогѣ, принесло, быть можетъ, не меньше вреда мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ, — въ наше время все болѣе стирается и исчезаетъ. Женщина, которая поднимается и начинаетъ сама

о себѣ заботиться и сама дѣйствовать, которая не хочетъ дольше сидѣть и ждать, которая не смотритъ больше на мужчину, какъ на единственную силу, способную дать ей или отнять у нея честь и достоинство — такая женщина несравненно лучше и серьезнѣе служить знамени любви между полами, чѣмъ та, которая съ женственнымъ самоотреченіемъ дожидается перваго встрѣчнаго и достается ему.

Правда, различныя эпохи предоставляли женщинѣ возможность занять и помимо присоединенія къ мужчинѣ положеніе, не лишившее ее достоинства и съ наступленіемъ старости. Но

Фотогр. пзд. Фр. Гафштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 364. Жрица богини Весты.
(По картинѣ Ангелики Кауфманъ.)

это все же давалось только цѣною строго-исключительнаго служенія религиозному культу.

Такими были, напри- мѣръ, въ классическія эпохи жрицы богини Весты (рис. 364), религиознымъ долгомъ которыхъ была вѣчная дѣвственность и которымъ нарушеніе ея грозило самыми жестокими карами, — зарываніемъ живой въ землю. Мы знаемъ, затѣмъ, католическіе женскіе монастыри, а въ протестантскихъ странахъ общины діакониссъ, принадлежность къ которымъ обезпечиваетъ незамужней женщинѣ почетъ и уваженіе и въ старости, — цѣною исполненія отчасти религиозныхъ обязанностей, отчасти профессиональныхъ обязанностей чело-вѣческаго само-

пожертвованія. Здѣсь онѣ являются не бесплодно ждущими и отвергнутыми, а хранящими добровольно цѣломудріе. А вѣдь въ томъ, кто не сумѣлъ создать себѣ самъ судьбу, мы презираемъ только подневольность.

Но наше время есть прежде всего время широкаго развитія личности. Эти старыя формы, которыя и прежде даже очень скудно удовлетворяли запросы жизни, которыя были построены исключительно на самоотреченіи, — эти формы совсѣмъ уже не могутъ удовлетворять женщину нашихъ дней, ту женщину, которая, правда, хочетъ бороться, но для того, чтобы жить, а не для того, чтобы отдать на это всю жизнь.

Такъ возникла необходимость для женщины нашего времени — для созрѣвающей женщины — начать завоевывать себѣ профессию. Это двойная социальная необходимость: первая, ясная и на первый взглядъ, заключается въ томъ, что незамужняя женщина добивается дѣятельности ради денежнаго

заработка, и вторая, болѣе интимная, но не менѣе сильная, — что женщина старается улучшить свои отношенія съ мужчиной, свое единеніе съ нимъ. Права на свободный выборъ и соединеніе съ мужчиной ищетъ та самая современная женщина, которая какъ будто отворачивается отъ мужчины и идетъ своей особой дорогой. И это хорошо, это необходимо, чтобы создалась болѣе здоровая и жизненно прочная основа для брака.

Во многомъ эта женичка, созданная нашей эпохой, представляеть какъ будто противоположность женщинѣ прежнихъ временъ. Она, напримѣръ, рѣшительно не склонна отдаваться неяснымъ чувствамъ. Она — человекъ, зачастую расположенный распорядиться своей жизнью самостоятельно, по собственному вкусу, человекъ съ большей волей и энергіей, чѣмъ это было свойственно средней женщинѣ прежняго времени. Незамѣтно, однако, чтобы эта перемена чувствъ измѣняла къ ея невыгодѣ мѣръ ея чувствованій. Напротивъ, эта новая женщина, въ общемъ поставленная въ меньшую зависимость отъ мужчины, стала, повидимому, разборчивѣе, чутче и потому, быть можетъ, сильнѣе въ любви.

Никогда половая любовь не перестанетъ играть властную роль въ жизни женщины, по все же знаніе нашего времени въ томъ, что созрѣвающая теперь женщина требуетъ отъ мужчины большаго и болѣе разнообразныхъ сторонъ, — ей мало реализатора эротическихъ грезъ, какимъ онъ рисовался воображенію женщины прежнихъ временъ, совокупно съ образомъ покровителя и защитника. Эротическій элементъ остается въ своей силѣ, но онъ перестаетъ имѣть болѣзненную верховную власть надъ средней женщиной, съ тѣхъ поръ какъ новая женщина ищетъ въ мужчинѣ, кромѣ возлюбленнаго, еще и друга, товарища, — кромѣ „мужчины“, еще и „человѣка“.

Совсѣмъ недавно еще „интереснымъ мужчиной“ былъ для женщины человекъ, отмѣченный печально обильныхъ безпорядочныхъ любовныхъ переживаній. Наша молодежь теперь крайне энергично возстала противъ этого идола. Женщина, когда-то пылко увлекавшаяся „интересной блѣдностью“ меланхолическаго лица такого героя, теперь довольно холодно относится къ нему. Появились десятки книгъ, въ которыхъ съ большимъ или меньшимъ художественнымъ вкусомъ мужчинѣ предъявляется очень явственно и нѣсколько внезапно-неожиданно требованіе абсолютнаго цѣломудрія. Эти спорныя внезапныя вспышки представляють во всякомъ случаѣ отрадныя признаки естественнаго протеста молодой души противъ прежнихъ безудержныхъ и нездоровыхъ блужданій фантазій по нечистой области таинственности, облеченныхъ чувственнымъ покровомъ. Дѣвушка нашего времени обладаетъ, въ общемъ, довольно здоровымъ чутьемъ дѣйствительности. Она уразумѣла, какимъ ненастоящимъ обаяніемъ окружеть прикрашенный образъ „интереснаго“ мужчины.

Жуиры мужчины-жуиры смѣнились идеаломъ безусловно цѣломудреннаго мужчины. Никогда еще ни одно стремленіе не заслуживало осужденія только потому, что оно имѣетъ въ виду очень высокія, хотя бы прямо недостижимыя цѣли. Такимъ образомъ, идеаль цѣломудрія вполне достояніе любви, — но нельзя того же сказать о требованіи цѣломудрія. Отъ этого

абсолютнаго требованія нынѣшней женщины придется отступиться. Идеалы не для того существуютъ, чтобы можно было педантически требовать ихъ осуществленія, — они только вѣнчаютъ собой цѣль и направленіе какого-нибудь жизненнаго стремленія, и ни одинъ человекъ не можетъ вполне обойтись безъ доброты и пониманія со стороны другого ни въ одномъ положеніи, — меньше же всего въ любви.

Но совсѣмъ иное дѣло то другое требованіе, которое предъявляетъ женщина нашего времени мужчинѣ: ни одинъ мужчина не имѣетъ права вступить въ бракъ, не обязавшись принести женщинѣ возможно полнаго здоровья физическаго и душевнаго и — прежде всего — безусловнаго полового здоровья. Слишкомъ ужасны послѣдствія легкомысленнаго пренебреженія этой обязанностью, только теперь, въ сущности, понятія во всемъ ихъ объемѣ; уяснить себѣ ихъ и все же не считается съ ними можетъ только самый безсовѣстный, низкій человекъ.

Скрывать и утаивать это явленіе отъ дѣвушекъ, какъ это и теперь еще дѣлаютъ безразсудочныя матери, воображая, что оберегаютъ невинность своихъ дочерей — это такія враждебныя жизни моральныя понятія, съ бессмысленностью и опасностью которыхъ надо бороться неустанно, всѣми мѣрами. Это одно изъ тѣхъ злокачественныхъ явленій, при которыхъ мораль мало-по-малу вторгается въ жизнь путемъ совершающихся дѣйствій и можетъ этимъ причинить неисчислимый вредъ жизни.

Въ такой же мѣрѣ важно, какъ и это требованіе, которое каждой дѣвушкѣ слѣдуетъ предъявлять своему избраннику-мужу, — другое, которое каждый мужчина также вправѣ предъявить будущей матери своихъ дѣтей; и здѣсь также первое мѣсто занимаютъ здоровье и нормальное развитіе женскаго тѣла.

Наше время провозгласило принципъ: нѣтъ красоты безъ здоровья. То, что мы разумѣемъ подъ красотой женскихъ формъ должно безусловно совпадать съ здоровьемъ, т. е. правильнымъ и цѣлесообразнымъ развитіемъ...

Профессоръ Пауль Шульцъ занялся этимъ вопросомъ въ своемъ превосходномъ и обстоятельномъ трудѣ объ уходѣ за женскимъ тѣломъ, какъ основѣ женской одежды. Онъ возстаетъ прежде всего противъ заботы о женской „талиі“. Упомянувъ о томъ идеалѣ женской красоты, воплощеніе котораго мы видимъ, на примѣръ, въ картинахъ Бернъ Джонса (рис. 365), онъ говоритъ: „Идеаль красоты въ равномерной стройности, безъ перетягиванія посрединѣ и выпячиванія кверху и книзу отъ нея. Говорятъ, узкая грудь и узкія бедра свидѣтельствуютъ о туберкулезномъ сложеніи и неприспособленны для материнства и потому „неблагопріятны жизни“. Здѣсь подъ маской научности, „здороваго естественно-научнаго міросозерцанія“ скрывается полное недомысліе и безмѣрная поверхностность. Въ томъ мѣстѣ, въ которомъ будто бы слѣдуетъ, по народному вѣрованію, усматривать ширину груди, т. е. между первымъ и четвертымъ ребромъ, грудная клѣтка такъ узка, что верхнее ребро доходитъ до самой шеи, поверхъ ключицы... Истинная же ширина грудной клѣтки — а также легочныхъ мѣшковъ, принимающихъ вполне соотвѣтственную ей форму — приходится именно тамъ, гдѣ тѣло стягивается корсетомъ. А то, что мы съ большимъ или мень-

шимъ павосомъ воспрѣваемъ, какъ прекрасное условіе материнства, и навязываемъ нашему нездоровому вкусу, какъ высшій образецъ „здоровья“, — пресловутыя широкія и сильно развитыя бедра — это представляетъ собой вовсе не слѣдствіе широкихъ костей таза (что имѣетъ въ этомъ случаѣ единственную важность), а только берцовой кости“...

Помѣщаемъ для большей ясности два рисунка. Первый (рис. 366 А) показываеъ положеніе костей между берцовой костью и бедренной при широкихъ бедрахъ, второй (рис. 366 В) — при узкихъ бедрахъ. Широкія или узкія бедра у женщины — это зависитъ отъ того, подѣ какимъ угломъ головка берцовой кости соединяется съ бедромъ и отъ того, подѣ болѣе или менѣе косымъ наклономъ идетъ его шейка.

Рис. 365. Зеркало Веперы.
(По картинѣ Е. Джоса.)

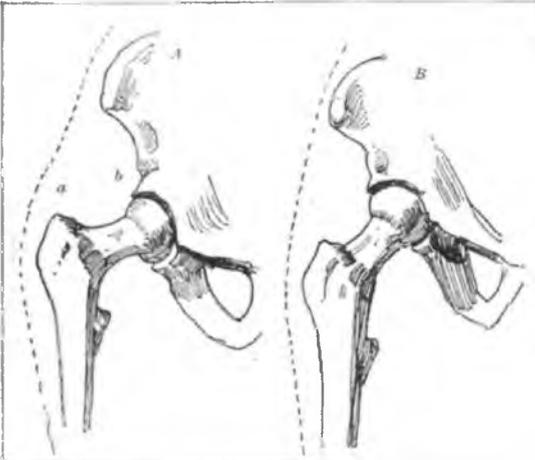
Затѣмъ авторъ разъясняетъ, что эта мнимо-нормальная, здоровая ширина бедеръ имѣетъ въ своей основѣ большей частью рахитическую податливость костей, и приходитъ къ такому заключенію:

„Не въ томъ дѣло, чтобы человѣчество поняло, что женщина перетягиваетъ свое тѣло, а въ томъ, что вся существующая одежда женщины влечетъ за собой сильное искаженіе тѣла. Не противъ единичныхъ крайностей долженъ быть предпринятъ походъ, а противъ бессмысленнаго принципа, на которомъ построена вся наша женская одежда...“

„Старая одежда имѣла въ своей основѣ ту главную идею, что тонкая талія красива. Новая же одежда, которая должна быть выраженіемъ болѣе высокихъ идеаловъ человѣчности, должна заявить, что узкая талія безобразна, такъ какъ она прерываетъ гармонию тѣла. Стройность красива, но равномерная стройность всего тѣла, а не та ничѣмъ не оправдываемая тонкая стройность въ одномъ единственномъ мѣстѣ, не обусловлен-

пая ни анатомическими, ни эстетическими требованиями, вызванная только заблуждениями и извращенным вкусомъ эпохи, которую мы должны оставить позади себя“.

Нѣсколько рисунковъ наглядно пояснятъ намъ это. Въ знаменитой Венерѣ Джорджио Барбарелли (рис. 363) мы видимъ неизуродованное женское тѣло во всей его пропорциональности, а рис. 369 показываетъ намъ граціозный изгибъ туловища дѣвушки, никогда не носившей корсета. Тѣло здѣсь не съжимается, а сохраняетъ всю естественную красоту линій туловища, не испорченную даже складкой на животѣ. Какой рѣзкій контрастъ при сравненіи съ такъ называемою

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 366. Положеніе костей между берцовой костью и бедренной при широкихъ и узкихъ бедрахъ.

гигіенической основѣ и на вполнѣ нязщномъ эстетическомъ принципѣ, въ модахъ эпохи Имперіи, разившихся въ свою очередь изъ прообраза классической одежды.

Наблюдатель, умѣющій видѣть не только созданную портнымъ поверхность человѣческаго тѣла, но и пручившійся вдумчиво прослѣдить мысленно формы и линіи (для этого не нужно какихъ-нибудь особенныхъ художественныхъ способностей), безъ труда убѣдится, что перетянутыя женскія тѣла вытѣшенной моды совершенно чужды красотѣ. Онъ научится находить красоту тамъ, гдѣ можно предположить подъ платьемъ пропорциональныя, прямыя линіи тѣла какой-нибудь Фрины, Венеры, Психеи, — а не въ обманчивой соразмѣрности и красотѣ „фигуры“ какой-нибудь модной дамы, частью изувѣченной, сдавленной и частью искусственно выпяченной, искривленной.

Если бы женщина не отрѣшалась отъ заботы о своемъ тѣлѣ, хорошо сформированномъ и хорошо содержимомъ, у насъ родились бы болѣе высокая стыдливость, болѣе чистое цѣломудріе и болѣе благородная свобода. Не слѣдуетъ забывать, что тѣло есть вмѣстѣлице души, любви, ума, — всего возвышеннаго, —

„красивой фигурой“ (рис. 367 и 368)! Рис. 370 изображаетъ идеальную женскую фигуру, поставленную въ полу-профиль, воплощающую ту пропорциональную стройность, о которой говоритъ упомянутый авторъ.

Въ предыдущей главѣ мнѣ уже случилось упомянуть о томъ, что идеальная одежда, о которой говоритъ Шульце, вовсе не ждетъ изобрѣтенія отъ нашей эпохи, — что мы уже имѣемъ образцы, созданныя на вполнѣ безупречной ги-

а сосудъ, вмѣщающій святую, самъ долженъ быть чистъ и прекрасенъ. Неприятно представлять себѣ, что скрываемое подъ покровами безобразно. Человѣку свойственна отъ природы чуткая со-вѣстливость въ этомъ отношеніи, — онъ можетъ быть способенъ и увѣренъ въ себѣ только тогда, когда у него есть сознаніе, что все самое сокровенное въ немъ красиво.

Среди безчисленнаго множества идей, рожденныхъ нашей эпохой, изъ которыхъ многія глубоко разумны, но неосуществимы въ жизни, въ дѣйствительности, была провозглашена также идея о томъ, что люди должны предстать другъ передъ другомъ нагими, не стыдясь своей наготы, что жизнь станетъ отъ этого чище и прекраснѣе и будетъ снова обрѣтена новая невинность. Это несомнѣнно идеальное теченіе, явившееся какъ реакція противъ морали ложнаго,

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.
Рис. 368. Очертанія той же фигуры.

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 367. Такъ называемая „красивая фигура“.

не соответствующаго нашимъ чувствамъ „цѣломудрія“. Необходимо же не это; нужно не показывать красоту и чистую наготу человѣка, а сохранять и сокровенное чистымъ и прекраснымъ и воспитывать во всемъ чистоту и красоту.

Тѣло человѣка отъ природы не менѣе способно выражать умъ и характеръ, чѣмъ лицо или руки. Какъ и лицо и руки, тѣло можетъ быть энергичнымъ, мягкимъ, интеллигентнымъ, подвижнымъ или же лишеннымъ выразительности. Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ — развѣ только изуродованный не исправимымъ недостаткомъ — не долженъ простить себѣ, если оставитъ свое тѣло мало красивымъ и неинтеллигентнымъ.

Бываютъ тѣла — такъ же какъ и лица — отмѣченныя печатью любовной страсти, и это можетъ составить красоту человѣка. Но бываютъ и такія тѣла — въ особенности женскія, которыя просто за недостаткомъ всякаго другого выраженія носятъ единственную

печать тупого полового призванія. И у женщинъ не такъ рѣдко встрѣчаются подобныя тѣла, лишенныя всякой одухотворенности, какого бы то ни было замѣтнаго слѣда культурности. — главнымъ образомъ, вслѣдствіе небрежнаго къ нему отношенія изъ ложно направленаго чувства стыда.

По соч. П. Шульце-Раумбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.
Рис. 369. Туловище дѣвушки, не носившей корсета.

Но отвѣтственность ума за то или иное состояніе тѣла достижима только въ томъ случаѣ, если тѣлу будетъ дана возможность приобрести подвижность, красоту и выразительность въ нагомъ состояніи. Дѣвушка, играющая на флейтѣ, изображенная на рис. 372, обладаетъ такимъ прекраснымъ и выразительнымъ тѣломъ, какое можетъ создать почти только привычная

пагота; тѣло на рис. 373 также свободно отъ какихъ бы то ни было недостатковъ, которые могутъ быть причинены одеждой.

Вплоть до XVI столѣтія не существовало обычая ночной одежды; люди спали — и мужчины, и женщины — совершенно нагими, такъ что тѣло пользовалось неограниченной свободой по крайней мѣрѣ въ теченіе часовъ, посвященныхъ сну. Какъ много врожденной красоты потеряло человѣчество по вниѣ культуры, основанной на ложномъ стыдѣ, изгнавшей эту привычку!

Тѣло, всегда одѣтое, а большую часть времени даже стѣсненное одеждой, не можетъ не обезобразиться, не потерять въ силѣ, здоровьѣ, красотѣ и подвижности. Всякая способность, всякая энергія, оставленная безъ уграженія, слабѣетъ, утрачивается и непоправимо уродуется.

Вглядимся только въ положеніе тѣла молодой дѣвушки при быстромъ бѣгѣ, если она одѣта въ обычное загнутое модное платье: прямая и плоская, какъ доска, спина (негнувшаяся по возможности!). Талія объемомъ отъ 50 до 60 сантиметровъ, втянутый вдуру и кзади животъ, лишаящій устойчивости нижнюю поясничную часть, и, вдобавокъ, узкая, остроконечная обувь на высокихъ каблукахъ.

И вотъ, дѣвушка стремится впередъ, сѣменя петвердымъ „женскимъ“ мелкимъ шагомъ, неуверенно балансируя на своихъ китайскихъ колодкахъ. Въ движеніи участвуютъ только ступни, туловище остается неподвижнымъ, какъ будто бы его совершенно не касалось случайное сосѣдство конечностей. Хрипя и задыхаясь, добѣгаетъ она до намѣченной цѣли, и должно пройти порядочно времени, прежде чѣмъ возобновится нормальная дѣятельность различныхъ частей и органовъ тѣла, доведенныхъ

По соч. П. Шульца-Раухбурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“
Рис. 370. Идеальная женская фигура.

буквально до послѣдняго предѣла напряженія: вѣдь дыханіе ограничено почти только той небольшой частью легкихъ, которая остается свободной выше корсета, а мускулы живота и совсѣмъ остаются безъ дѣла для надобностей дыханія. Сердце бьется до того, что готово разорваться, и гонить въ лицо нездоровый густой румянецъ, потому что она едва въ силахъ справиться и снова привести въ равновѣсіе переутомленное тѣло.

Рис. 371. Афродита Книдская.
(Туловище въ Римѣ, голова въ Берлинѣ.)

Совсѣмъ иначе бѣжитъ дѣвушка въ цѣлесообразной одеждѣ, оставляющей просторъ и свободу всѣмъ движеніямъ: въ обуви, припоровленной къ естественной формѣ ступни и безъ нелѣпо приподнятой пятки, при которой можно только искусственно сохранять равновѣсіе, и въ платьѣ, свободно облегающемъ формы тѣла, не перетягивая талии, оставляя шею открытой и не нарушая естественнаго положенія живота, даже скорѣе выпячивая, чѣмъ втягивая его.

Въ такой цѣлесообразной одеждѣ дѣвушка бѣжитъ безъ всякаго замѣтнаго напряженія. Ноги ступаютъ легко (что, однако, вовсе не значить „безшумно“, а только упруго) и твердо. Движенія производятся ритмически всѣмъ тѣломъ, и развивающаяся отъ быстрого движенія энергія распределяется такъ равномерно, что переутомленіе отдѣльных органовъ становится невозможнымъ. Рис. 371 даетъ намъ пластическое изображеніе этого идеала.

Наблюденіе безъ труда подтверждаетъ намъ тотъ фактъ, что человѣкъ, не воплія владѣющій своимъ тѣломъ, страдаетъ также недостаточной увѣренностью въ себѣ, — совершенно такъ же, какъ человѣкъ, сознающій свое духовное несовершенство въ какой-нибудь области. Возможно полное и свободное обладаніе той изумительной совокупностью органовъ и функций, которая составляетъ физическое и духовное явленіе „человѣка“, равносильно прочному личному положенію въ жизни.

Умѣть владѣть собой — значить не только умѣть обуздать свой темпераментъ и свои желанія. Это значить развить въ себѣ способность обдуманно и умѣло управлять своей личностью — физической, умственной и душевной. Это значить еще также умѣть избѣгать тѣхъ путей, на которыхъ мы, съ помощью разума или инстинкта, не чувствуемъ себя „дома“, т. е. которые

не соответствують нашей природѣ. Правда, человѣку, отыскивающему свой путь, приходится больше блуждать, чѣмъ тому, кто не ищетъ, а отдается на волю инстинкта. Но чувствовать себя „дома“ на невѣрномъ пути можетъ только тотъ, у кого та-

По соч. П. Шульце-Раушсурга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.
Рис. 372. Дѣвушка, играющая на флейтѣ.

кое тупое и неразвитое чутье, что онъ способенъ то и дѣло слѣпо и безразсудно бросаться въ такія положенія, въ которыхъ теряетъ власть надъ собой и роняетъ свое достоинство.

Изъ недостатка власти надъ собой рождаются противоположности, — а все противоположное по самой природѣ своей недостойно.

Даже когда женщина отдается съ полнымъ, крайнимъ само-забвеніемъ, — она въ сознаниі любви можетъ сохранить все свое достоинство, но одна только улыбка, если она легкомысленно брошена въ пространство, уже роняетъ ея достоинство.

Все, что мы вполнѣ усвоили, все, чѣмъ вполнѣ овладѣли, приобрѣтаетъ гармонію между собой. Вотъ почему человѣкъ гармоничный всегда превосходно управляетъ собой, — безразлично, достигъ ли онъ этого инстинктивно или сознательно. Люди, достигшіе такого гармоническаго созвучія всего своего существа, могутъ быть и людьми, умышленно выдающимися и совершенно незначительными, могутъ быть натурами флегматичными или полными яркаго темперамента, — личность ихъ такъ гармонично сложена, что проявляется во всемъ, что бы они ни

По соч. Шульце-Раухбургга, „Die Kultur des weiblichen Körpers“.

Рис. 373. Тѣло дѣвушки, свободное отъ недостатковъ, причиняемыхъ одеждой.

дѣлали. Точно такія же способности мы встрѣчаемъ и у натуръ, плохо управляющихъ, не владѣющихъ собой, только эти проявленія, которыя не опираются на силу личности и производятъ впечатлѣніе мгновенныхъ проявленій недисциплинированной воли, исчезаютъ безслѣдно въ личномъ безсиліи.

Когда мы видимъ, напримѣръ, человѣка, сумѣвшаго подчинить свою природу той власти, которая производитъ на насъ впечатлѣніе личности, охваченнаго страстнымъ волненіемъ, — мы чувствуемъ въ немъ такую силу, что его гнѣвъ, кажется намъ, способенъ былъ бы сокрушить горы. Сильное же возбудженіе воли человѣка, не овладѣвшаго своей природой, представляетъ для насъ комичное зрѣлище бессильно-одинокаго порыва разозненнаго тѣла, которому окружающій міръ не даетъ поддержки, а презрительно покидаетъ его, отказываясь отъ участія въ его несогласованности, неспособной на единство.

Есть женщины, ищущія облегченія своей бессильной немѣлости въ томъ, что пользуются иногда самымъ незначительнымъ поводомъ, чтобы затѣять жалкія и бессильныя пререканія. И есть женщины, въ молчаніи которыхъ чувствуется такая сила, что передъ ней склоняется все окружающее.

Конечно, въ ранней молодости эти два противоположныхъ

женскихъ типа встрѣчаются еще не вполне сложившимися; формируются они только подъ вліяніемъ послѣдующей жизни, посвященной самовоспитанію.

Дѣвушка, юная женщина еще порой колеблется между рѣчью и молчаніемъ, между попыткой окрѣпнуть, выступить въ жизнь, и нерѣшительностью проявить свою личность. Подрастающая дѣвушка стремится всюду направиться, все испытать; взрослая дѣвушка начинаетъ съ того, чтобы собрать, объединить все прибрѣтенное, даже свое обрѣтенное „я“, чтобы сформировать изъ этого свою личность. Большой частью ей еще незнакомы разрушительныя вліянія многосложной жизни, и себя самое она еще чистой принимаетъ изъ рукъ ея. — вотъ почему эта пора первой зрѣлости самая подходящая для начала формировапія личности.

Но и вліянія многосложной жизни — судьба человѣка, которую въ большинствѣ случаевъ нельзя объяснить стихійными причинами, какъ болѣзнь и смерть, никогда не бываетъ простой случайностью. Ни у одного человѣка судьба не складывается совершенно помимо его воли. Во всемъ, что съ нами случается и изъ чего потомъ складывается наша судьба, бываетъ такой моментъ, когда мы свободно можемъ рѣшать, принять ли случившееся, какъ необходимое и неизбѣжное, или отбросить его безъ послѣдствій, какъ вѣчто постороннее, не имѣющее связи съ нашей жизнью. Жизнь станетъ для насъ полнѣе и богаче, если мы будемъ чувствовать и сознавать себя способными своими собственными руками распорядиться всѣмъ этимъ и вылѣпить свою жизнь.

Рис. 374. Статуя античной дѣвушки.
(Бронза.)

Но дѣло-то въ томъ, что женщины, больше чѣмъ мужчины, свойственна злополучная склонность терпѣть и страдать. Она легче можетъ согласиться принять свою судьбу изъ чужихъ рукъ или отъ случая. Часто она оказывается не въ состояніи сдѣлать надлежащій для себя выборъ изъ всего того, что ей представляется. Колеблющаяся и нерѣшительная, она останавливается и ждетъ, что само попадетъ ей въ руки, или протягиваетъ въ случайный моментъ руку за тѣмъ, что случайно оказалось всего ближе. Оттого-то она способна иногда взять свою судьбу не только изъ чужихъ, но порой изъ недостойныхъ рукъ. И оттого женщины влчатъ порой свою судьбу всю жизнь тихо, безшумно, — словно огромный горбъ, чуждый живымъ органамъ и все же сросшійся съ организмомъ, безмѣрно страдающій отъ него, но все же не имѣя силъ сбросить его съ себя, потому что онъ связанъ съ плотью и кровью.

Но эта пассивность у женщины — только склонность, только опасность, но не необходимость. Что она не необходимость, мы видим из того, как современная молодая женщина с успехом старается освободиться от нея. С желанием личной деятельности соединяется углубленное личное самосознание. В женщин нашего времени зреть и крепнет огромной важности инстинкт свободного выбора того, что она чувствует подходящим для своей личности.

И в безчисленном множестве единичных случаев мы можем наблюдать, как она все больше и больше удаляется от типа одалиски.

Опасение, очень часто высказываемое в наше время, о том, что женщина идет к „омужествлению“, в действительности едва ли имеет какое-нибудь серьезное основание — культурное или стихийное. Ведь эта столь превозносимая „истинно-женственная“ изысканность и слабость женщины, входящая порой до полной беспомощности, безусловно была невѣдома предкам наших нынешних смешанных народностей, населяющих западные страны, — как, например, германцы, кельты и т. д. Изысканность женщины, принизившая ее до положения безличной собственности мужчины, была абсолютно чужда представителям этих племен. Это явление представляет собой в огромной доле только следствие проникновения восточных расовых особенностей и потому ни в каком случае не может быть культурной необходимостью для наших европейских рас. Даже приобщившиеся культуры евреи давно уже так акклиматизировались в европейских странах, так приспособились всеми своими воззрениями, обычаями и, наконец, самым духовным складом к культурным условиям этих стран, что давно переросли старые условия своих племенных особенностей. И даже именно интеллигентных евреев мы особенно часто видим во главе женского движения во всех его видах и убеждаемся, что онѣ абсолютно далеки от всякаго следа типа одалиски.

В настоящее время женщина, поднявшаяся, чтобы найти себе деятельность и самостоятельность, всюду встречает готовность оказать помощь и поддержку со стороны других женщин. Молодая девушка, отправляющаяся в чужой большой город, где у нея нет ни родных, ни друзей, для получения профессионального образования или для занятия своей профессией, всегда найдет единомышленниц, к которым может примкнуть, — стоит ей только обратиться во один из многих женских союзов. Минало время, когда женщина могла видеть в другой женщинѣ только соперницу. Женщина начинает чувствовать к женщинам человеческой, а в связи с этим часто и личный интерес и участие. И произошло это от того, что женщина оказалась вынужденной бороться с женщиной, чтобы пробиться.

Правда, по-видимому эта борьба велась против мужчины. Но самый инертный мужчина не так неподвижен, как отсталая женщина. И все, что нынешней женщиной удалось завоевать в области знания, мышления, самостоятельности — все ей пришлось отвоевывать прежде всего у женщин противного ла-

гера, а затѣмъ и у собственной склонности къ умственной косности. Такъ борется женщина за женщину — противъ женщины. И какъ во всякой борьбѣ пробуждается интересъ къ противнику, — женщина съ тѣхъ поръ стала интересоваться женщиной, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе живыми личнымъ чувствомъ. Отсюда въ свою очередь возникаетъ новая возможность для нея — чувства, къ которому она прежде едва ли вполне была способна: возможность дружбы.

Нѣтъ другого чувства среди всѣхъ свойственныхъ человѣку чувствъ симпатіи, которое тайло бы въ себѣ такъ много прекрасныхъ возможностей развитія. Любовь и даже материнская любовь слишкомъ сильно подчинена законамъ полового инстинкта, слишкомъ отливается въ своихъ основныхъ чертахъ въ общія формы, чтобы подняться надъ поставленными ей границами и стать полнымъ выраженіемъ индивидуальности. Только одна дружба совершенно свободна отъ земныхъ цѣпей инстинктовъ. Это самое рѣдкое и самое драгоценное единеніе, какое только возможно для двухъ человѣкъ, это единственное изъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ можетъ познать человѣка и одна душа можетъ коснуться другой души, затронуть тѣ струны, которыя звучатъ всего богаче и всего глубже.

Такую дружбу мы находимъ въ настоящее время всего чаще между женщиной и женщиной, изрѣдка между родителями и дѣтьми, — и всего рѣже тамъ, гдѣ она должна бы быть первой жизненной необходимостью: между мужемъ и женой.

Мнѣ случалось, правда, видѣть матерей, лелѣвшихъ прекрасный идеаль — быть другомъ своей дочери. Но среди людей болѣе или менѣе зрѣлаго возраста мало такихъ, которые сумѣли бы сохранить столько душевнаго цѣломудрія, чтобы сумѣть обращаться съ подросткомъ. Только та мать, которая сумѣетъ забыть, что ея мѣнѣе должно быть для дочери непогрѣшимо правильнымъ и что воспитывать человѣка не значитъ поработать его, — быть можетъ сумѣетъ найти тотъ цѣломудренный путь дружбы, который ведетъ отъ души къ душѣ. Овладевъ довѣріемъ человѣка — это еще далеко не дружба. Матери добиваются иногда довѣрія дочерей очень неблагоприятнымъ насильственнымъ путемъ, вырывая у нихъ признанія еще не созрѣвшихъ и не отстоявшихся чувствъ, которыя еще должны были быть доношены въ тиши, прежде чѣмъ вылитися въ слова.

Каждый человѣкъ испытываетъ потребность остаться наединѣ съ самимъ собой и своими желаніями и мечтами, — особенно же сильна эта потребность въ пору наступающей юности. Дорого не то довѣріе, которое путемъ хитрости вырываютъ изъ души, а то, которое, вполне осознанное и созрѣвшее, дарится любовно и добровольно.

Такимъ же любовнымъ и добровольнымъ даромъ должно было бы быть и то слово, которымъ соединяются люди для брака. Но устарѣлые обычаи преграждаютъ свободу для довѣрчиваго сближенія между мужчиной и женщиной. Причина того, что въ настоящее время такъ рѣдко завязывается дружба между мужчиной и женщиной, которая могла бы пережить даже самую любовь, лежитъ вовсе не въ какой-то фатальной „непри-

миримой ровни“ между мужчиной и женщиной, а въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ, благодаря которымъ любовь соединяетъ людей, не знающихъ другъ друга. Въ силу до сихъ поръ еще узаконенныхъ у насъ общественныхъ условностей, мужчина и дѣвушка не имѣютъ возможности ближе узнать другъ друга, помимо обычныхъ поверженныхъ встрѣчъ и общенія на вечерахъ да, пожалуй, еще при занятіяхъ спортомъ.

Такъ ясно, казалось бы, что двое молодыхъ людей имѣютъ полное право серьезно и безъ помѣхи знакомиться другъ съ другомъ и сойтись — прежде чѣмъ рѣшатся соединиться на всю невѣдомую будущую жизнь. А между тѣмъ имъ не даютъ иной возможности, кромѣ общенія въ официальной обстановкѣ, при которой обыкновенно торжествуетъ разряженная неестественность.

Я отнюдь не имѣю въ виду возставать противъ яркаго и красиваго удовольствія танцевъ, — нѣтъ игры для молодежи, которая могла бы сравниться съ танцами. Но ихъ значеніе давно перешло всякіе предѣлы невинно-радостнаго развлеченія, къ нимъ единственно свелась возможность санкціонированнаго обычая сближенія между полами. Эти праздники молодежи рѣдко бывають теперь простымъ выраженіемъ радостнаго молодого настроенія, они стаповятся часто беззастѣчивой погоней за любовью, за призракомъ любви, а иногда и совсѣмъ вырождаются въ грубое пользование мгновеніемъ, превращающее товарища юности въ противника, котораго надо перехитрить, обойти. — Рис. 375 изображаетъ первобытнѣйшую форму танца — „Хороводъ“.

И вотъ, самое прекрасное, задушевное выраженіе молодого веселья превратилось въ обдуманную выставку, въ рынокъ, на которомъ совершается купля и продажа большей частью неизвѣстныхъ товаровъ.

Но намъ пужна живая радость, чистое веселье, безъ цѣли, безъ затаенныхъ намѣреній, — потому что это лучшая, благороднѣйшая красота молодости. Танцы и игры должны имѣть самоудовольствующую цѣнность, бессознательную и нерасчетливую, какъ всякая прекрасная и здоровая радость, а не играть служебную роль для любви.

Всѣ возможности жизни должны служить любви, — только тогда наступитъ тотъ миръ, въ которомъ такъ нуждаются люди, который создать и облегчить возможность глубокаго взаимнаго пониманія и душевнаго сближенія — этого необходимѣйшаго условія всякой настоящей любви. Чтобы отношенія могли здорово расти и процвѣтать, — каковы бы они ни были, — мы должны предварительно подготовить почву для нихъ. Только страсть имѣетъ такую независимую силу, такую самодержавную власть, какую имѣютъ стихіи, — чтобы мощно пробиться, несмотря на все и что бы ни пришлось преодолѣть. Для всѣхъ остальныхъ возможностей жизни нужно поле, на которомъ онѣ могли бы произрастать, почва, которая могла бы питать ихъ.

Но наша культура приготовила для брака самую худшую почву. И если болѣе серьезная часть нашей современной литературы занимается преимущественно вопросами фатально-неизбѣжныхъ разочарованій въ бракъ во всевозможныхъ видахъ, —

то въ этомъ слѣдуетъ видѣть мятежный протестъ не противъ брака, какъ такового, а противъ условій, въ которыхъ въ наше время заключается бракъ.

Именно подгнившія общественныя условія превратили бракъ въ одну голую видимость, лишенную внутренней устойчивости. Какъ реакція противъ такого брака, явилось одно изъ главнѣйшихъ идеальныхъ теченій нашего времени, — идея „свободной любви“. Она раздѣляетъ типичную участь всякаго идеала: почерпнувъ свою силу въ слабостяхъ и промахахъ своей противоположности, она стрѣляетъ черезъ свою цѣль, дальше ея.

Рис. 375. Хороводъ.
(По картинѣ Ф. А. ф.-Каульбаха).

Вотъ почему идею свободной любви надо оцѣнивать не по ея собственной нравственной цѣнности, — значеніе и важность ея скорѣе въ томъ, что ея появленіе и распространеніе доказываютъ нравственную неустойчивость и негодность существующихъ до сихъ поръ условій любви.

Картина Тициана „Земная и небесная любовь“ (рис. 376) рисуетъ намъ свободную любовь — „земную“, какъ братски-родственную „небесной“. Сама природа не хотѣла отдѣлять чувственнаго отъ духовнаго. И если бракъ сдѣлался манифестомъ такого разрѣшенія, то это имѣетъ свою причину въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ это обычно толкуютъ.

Шаткость брака не въ томъ, что онъ долженъ быть союзомъ навѣки, а въ томъ, что люди нашего времени не такъ соединяются, чтобы могли стремиться къ вѣчности. Людямъ, которые внутренне нашли другъ друга и чувствуютъ себя слившимися во-едино, нечего бояться того, что союзъ ихъ „вѣченъ“. И они дѣйствительно этого не боятся. Сомнѣнія сильнѣе вѣры одолеваятъ обыкновенно только тѣхъ, кто бродитъ въ полумракѣ.

Не свободная любовь намъ нужна, — намъ нужна свобода выбора. Полная, ничѣмъ не стѣсненная возможность свободного выбора. Возможность сближенія безъ смѣшанныхъ стѣснительныхъ условностей, возможность узнать другъ друга, условия, въ которыхъ могла бы зародиться безкорыстная дружба, — вотъ что должно быть предоставлено молодымъ людямъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изъ этого будетъ имѣть возможность развиться свободная и искренняя, здоровая и сильная — освобожденная любовь; освобожденная отъ принужденія и вины и гнетущей связанности, — любовь, которая должна привести единственно къ рѣшимости соединиться въ бракъ, съ полнымъ сознаниемъ его отвѣтственности, на всю жизнь.

Будутъ, конечно, отдѣльные случаи, въ которыхъ бракъ, при всѣхъ наилучшихъ условіяхъ его заключенія, окажется все же неустойчивымъ. Но люди средніе, — масса, о которой только и можетъ быть рѣчь здѣсь, отнюдь не склонна къ страстямъ Тристана. Слѣдовательно, такіе случаи останутся, несомнѣнно, исключеніями, если только бракъ будетъ покоиться на здоровой основѣ, — а законы создаются, считаясь не съ исключениями.

Ничего другого намъ не нужно, кромѣ свободы выбора, чтобы придать браку новую жизненную силу. Человѣкъ, который можетъ свободно и сознательно выбрать спутника жизни, будетъ носить въ душѣ и совѣсѣмъ иное чувство отвѣтственности передъ тѣмъ, что онъ избралъ для себя изъ многого, — глубокую, любовную, полную доброты отвѣтственность, которой не можетъ замѣнить никакое моральное чувство, никакое сознание долга.

Какъ мотивъ въ пользу свободной любви то и дѣло приводить соображеніе о томъ, что мужчина, прежде всего — а какъ полагаютъ другіе, и женщина — склонны къ многоженству или многомужеству. Допустимъ даже, что это вѣрно. Но если два человѣка выберутъ другъ друга свободно и съ чувствомъ глубокаго взаимнаго единенія и слиянія, то не такъ уже важно, получить ли большее или меньшее удовлетвореніе ихъ эротическая — половая — склонность къ разнообразію. Всякая склонность имѣетъ извѣстную степень, на которой воля человѣка еще можетъ преодолѣть ее во имя и ради болѣе глубокаго и болѣе дорогого ему чувства. Такимъ образомъ, свободно созданный бракъ можетъ уцѣлѣть и при такихъ условіяхъ, при которыхъ его не спасло бы никакое принудительное чувство долга.

Вотъ почему необходимо прежде всего открыть для молодежи свободный путь во всѣхъ направленіяхъ, на которомъ она могла бы знакомиться и сближаться.

Однимъ изъ препятствій къ этому является также обычный въ нашемъ обществѣ взглядъ, что мужчина долженъ предложить дѣвушкѣ, которую хочетъ имѣть своей женой, „обеспеченное будущее“. Но пусть только отбросятъ то единственное условіе, что мужчина одинъ обязанъ создавать „будущее“ супруговъ, или даже долженъ создать его еще до вступленія въ бракъ, — тогда нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что счастливая совместная жизнь людей, нашедшихъ и выбравшихъ другъ друга согласно запросамъ своей природы, возможна и въ томъ случаѣ,

если оба возьмутъ на себя заботу о будущемъ и будутъ совместно создавать его.

Всѣ мы носимъ въ душѣ потребность имѣть родину, родной домъ, собственность. Это естественная потребность, извѣчно присущая человѣку. Но любовь и ея вѣднія не менѣе сильны и не менѣе естественны. Въ наше время является сплошнымъ предрасудкомъ, пережиткомъ прежняго порядка вещей, что для созданія супружеской жизни необходимо имущество и готовый очагъ. Наши условія общежитія даютъ полную возможность молодымъ людямъ, для которыхъ совместная жизнь — вопросъ величайшаго значенія, прожить и безъ этого злополучнаго „будущаго“, которое мужчина обязанъ доставить, — часто цѣной безрадостной одинокой молодости, загубленной продажной любовью.

По фотогр. бр. Аллиари во Флоренціи.

Рис. 376. Земная и небесная любовь.

(По картинѣ Тиціана.)

Въ наше время женщина имѣетъ почти неограниченную возможность выбрать для себя профессію. Нѣтъ уже больше вопроса о томъ, „можетъ“ или „не можетъ“ незамужняя женщина заниматься какой-нибудь специальностью. Необходимость всегда прокладываетъ себѣ дорогу помимо всякихъ моральныхъ сужденій.

Но развитіе нашихъ социальныхъ условій выдвигаетъ, помимо, еще одинъ результатъ: что и замужняя женщина начинаетъ добиваться профессіи, связанной съ заработкомъ. Мужчине, не располагающій наследственнымъ состояніемъ — особенно въ кругу такъ называемой „вышей буржуазіи“ — имѣетъ возможность вступить въ бракъ, матеріальную заботу о которомъ онъ одинъ долженъ нести, только тогда, когда уже молодость близится къ концу. Но союзъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже кончаетъ счеты съ жизнью, а другой только начинаетъ жить — противенъ законамъ природы. Такой союзъ — преступленіе противъ природы, за которое очень часто такъ или иначе несетъ возмездіе потомство.

По всѣмъ признакамъ настоящаго времени видно, что людямъ пора выработать новыя формы общежитія, которыя лучше соответствовали бы ихъ социальному укладу, чѣмъ существовав-

шія до сихъ поръ. Бракъ не можетъ дольше сохранять свою неподвижную форму „тихой пристани“, „пріюта отдохновенія“, „готоваго очага“, „обезпеченной будущности“, такъ какъ каждая эпоха создаетъ свои формы — и нашей эпохѣ не годятся формы покоя и созерцательности.

Если прежде воспитаніе подрастающей женщины могло ограничиться такой подготовкой ея, чтобы ко времени вступленія въ бракъ она была способна управлять имуществомъ, домашнимъ порядкомъ, — то социальный укладъ нашего времени выдвигаетъ требованіе, чтобы женщина умѣла не только распоряжаться имуществомъ, но научилась участвовать и въ его пріобрѣтеніи.

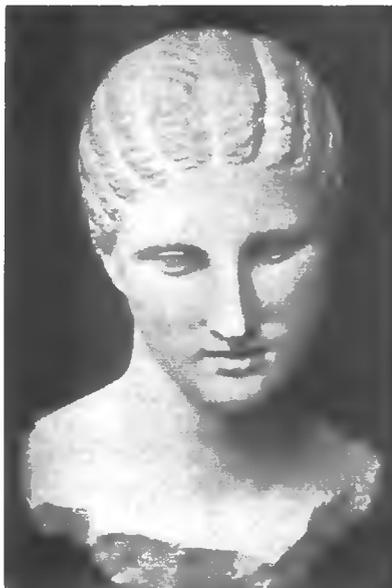

Рис. 377. Головка дѣвушки Праксителя. (Оригиналъ находится въ королевск. галлереѣ въ Мюнхенѣ.)

И жизнь со всѣхъ сторонъ толкаетъ женщину и вынуждаетъ ее замѣнить свои прежнія „мечтанія“ и бездѣятельную „распорядительность“ — мышленіемъ и дѣятельностью.

И жизнь со всѣхъ сторонъ толкаетъ женщину и вынуждаетъ ее замѣнить свои прежнія „мечтанія“ и бездѣятельную „распорядительность“ — мышленіемъ и дѣятельностью.

Лучшая изъ Ифигеній Фейербаха (см. рис. на отд. табл.) представляетъ намъ такую „мечтательную“ женщину. Раздумчиво смотритъ она съ морского берега въ безконечную даль „Страны будущаго“, которую не могутъ охватить ея глаза. Рис. 377, изображающій очаровательную головку дѣвушки Праксителя, символизируетъ идеальный типъ дѣвушки, какой она была въ современную ему эпоху.

Мы давно уже встрѣчаемъ только улыбкой старья опасенія, какъ бы женщина не утратила свою „женственность“ съ развитіемъ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ способностей.

Женственность — а не добродѣтели одалиски! — слишкомъ глубоко присуща женщинѣ, чтобы могла исчезнуть подъ вліяніемъ какихъ-нибудь занятій, разъ она была валидо. Потому что эта „женственность“ — не что иное, какъ результатъ вполне опредѣленнаго душевнаго склада; это не слабость, порождаемая неприкосновенной некультурностью ума, а сила, — сила доброты и гармоніи.

Такою станетъ въ будущемъ женщина рядомъ съ мужчиной, и плечомъ къ плечу въ совмѣстной жизни и сотрудничествѣ они будутъ создавать свой домъ. Но эта женщина, бывшая около него въ его юности, вмѣстѣ съ нимъ создававшая домъ, будетъ связана съ нимъ большей глубиной чувства и большимъ пониманіемъ, чѣмъ та, которую онъ ввелъ бы въ свою жизнь послѣ долгихъ лѣтъ одино-

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Просвещение“ из Сиб.

Ифигенія.

(По картинѣ Ансельма Фейербаха.)

чества и которая всегда оставалась бы чужой его жизни и всему имъ добытому, — чужой, лишенной общихъ съ нимъ воспоминаній.

Всѣ мы любимъ больше всего то, что сами себѣ создали. И только тотъ намъ незабвенно дорогъ, — дорожке всего въ мѣрѣ, — съ которымъ мы сообща трудились надъ созданіемъ, — надъ созданіемъ ли родного угла или цѣлой жизни.

Рис. 378. Ева.
(По гравюрь Макса Клингера.)

Глава десятая.

Женщина какъ супруга.

(Мари Штригъ, Дрезденъ.)

реди колоссальныхъ переворотовъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ исторіи его развитія — отъ первобытнаго его состоянія черезъ періодъ варварства и черезъ всѣ стадіи цивилизаціи до нынѣшняго его состоянія — непрерывныя внутреннія и внѣшнія измѣненія претерпѣвали, разумѣется, и отношенія между обоими полами. Въ числѣ различныхъ формъ общественности не могла не видоизмѣняться и самая древняя, самая тѣсная и интимная форма человѣческой общности — связь между мужчиной и женщиной. Согласно общему характеру развитія, развитие этой формы шло несомнѣнно такъ же въ духѣ прогресса, т. е. отъ низшихъ формъ къ высшимъ, но — какъ и все — такъ же не по прямой линіи. Можно сказать даже, что, примѣнительно къ этой области, больше, чѣмъ къ какой-либо другой, вѣрно то опредѣленіе, которое даетъ Гете общему движенію прогресса: что оны подобны извивамъ спирали. И при всемъ кажущемся вѣчномъ возвращеніи къ отправному пункту, — именно на поворотахъ, если оглянуться на пройденное, особенно замѣтенъ неизмѣнный подъемъ на высшую ступень. Обстоятельному наложенію этой

исторіи развитія посвящены нѣкоторыя главы (особенно глава о культурной исторіи брака) во II томѣ настоящаго сочиненія. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ сдѣлать краткій обзоръ главнѣйшихъ причинъ этого развитія, поскольку оно оказывало влияние и обуславливало собой особое положеніе и задачи женщины, какъ супруги, во всея эпохи, въ экономическомъ, социальномъ, правовомъ и моральномъ отношеніи.

Бракъ, какъ установленіе, возникъ первоначально изъ чисто экономическихъ потребностей и долженъ былъ служить — особенно вначалѣ, въ своей простѣйшей формѣ — исключительно экономическимъ дѣламъ. Это институтъ такой же древній, какъ и частная собственность; въ большинствѣ случаевъ, повидимому, сама женщина даже явилась первымъ предметомъ собственности, владѣнія, — такъ какъ мужчина, въ своихъ поискахъ добычи, вторгался въ область другихъ племенъ тогда, когда собственной земли для охоты и пастбищъ уже не хватало для размножившагося населенія. Чтобы обезпечить себѣ полную возможность располагать женщиной, какъ орудіемъ наслажденія, не имѣя необходимости отвоевывать ее у соперника, какъ сотрудницей, вѣдающей хозяйство и приумножающей его, а главнѣе, какъ существомъ, которое должно рожать, вращивать и воспитывать законныхъ наследниковъ этой вновь приобретенной частной собственности, — мужчина придумалъ превратить ее, прежде свободную, въ свою крѣпостную, въ свою вещь.

Что этотъ переворотъ совершился не внезапно, а съ большою постепенностью, на протяжении столѣтій, быть можетъ даже тысячелѣтій, — это такъ же несомнѣнно, повидимому, какъ и то, что онъ происходилъ одинаково на всей населенной землѣ, т. е. всюду съ возникновеніемъ частной собственности вмѣсто прежней общности имущества исчезалъ и матриархатъ (материнское право), — первая явная форма организованнаго семейнаго уклада, еще сохранившаяся въ настоящее время у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. — и мѣсто его занялъ патриархатъ (отцовское право). (Подробнѣе объ этомъ см. въ указанной главѣ II т.) Съ этихъ поръ мужчина становится главой семьи — создавшейся ли на принципѣ многоженства или единобрачія — и, прежде всего, неограниченнымъ властелиномъ надъ личностью жены и общихъ, ея и своихъ, дѣтей.

Какъ ни сильно измѣнились съ тѣхъ поръ экономическія, социальныя и правовыя условия и формы семейнаго уклада, какъ ни рѣзко отличенъ нынѣшній бракъ, построенный на свободномъ рѣшеніи двухъ свободныхъ, приблизительно равноправныхъ индивидуумовъ, отъ прежняго союза, возникшаго на правѣ простого умыканія или покупки, — все же патриархальный общественный строй остался и до настоящаго времени фундаментомъ, на которомъ строятся семья и государство; и главное, въ теченіе всего этого періода, при самыхъ разнообразныхъ формахъ брака и его заключенія, въ отношеніяхъ между полами сохранился основной признакъ этого общественнаго строя — экономическая зависимость жены отъ мужа.

Это объединеніе экономическихъ интересовъ мужчины и женщины съ половыми отношеніями, свойственное во всемъ животномъ мірѣ одному только человѣку, было несомнѣнно необхо-

димостью (хотя бы только какъ переходная стадія), какъ факторъ цивилизаціи, и явленіемъ необычайно прогрессивнымъ. Ясно вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что — наряду съ сознаниемъ верховной власти надъ семьей — только отвѣтственное положеніе кормильца и работника на семью могли пробудить и развить въ мужчинѣ тѣ высшіе и благороднѣйшіе инстинкты и способности, которые сдѣлали изъ грубаго дикаря и варвара отвѣтственнаго насадителя культуры. Но такъ же ясно само собою, что именно благодаря этому особому условію женщина должна была оказаться безусловно подвластной мужчинѣ и что это должно было сдѣлаться для нея источникомъ самыхъ тяжелыхъ страданій и самаго глубокаго униженія, — такъ какъ отсюда же беретъ свое начало и неразлучная спутница единобрачія — проституція.

Завѣтъ: „Въ мукахъ будешь ты рождать дѣтей своихъ“, заключающій въ себѣ въ то же время и высшее обѣтованіе, полную всего человѣческаго существованія, — этотъ завѣтъ сталъ проклятіемъ, благодаря ложно истолкованной слѣдующей фразѣ: „И будетъ онъ господиномъ твоимъ“, — благодаря рабскому положенію, въ которое попала женщина съ своей экономической зависимостью еще раньше, чѣмъ появилось въ мірѣ другое рабство. Поэты и художники всѣхъ временъ вполнѣ правильно понимали и изображали это извѣчное проклятіе, только дѣлали при этомъ одну логическую ошибку, принимая эту крѣпостную зависимость женщины въ бракѣ за нѣчто навѣки неизмѣнное, обусловленное самой женственностью и материнствомъ, какъ таковыми. Но въ устремленномъ внутрь и все же въ необозримыя, безбрежныя дали взглядѣ цвѣтущей молодой Евы (рис. 378), стоящей на берегу журчащаго ручья среди райскихъ цвѣтовъ, — въ этомъ загадочномъ взглядѣ пробуждающейся женщины, какъ будто уже прозрѣвающей это будущее проклятіе, уже сквозить (быть можетъ, помимо воли и сознанія художника) смутное, счастливое, довѣрчивое ожиданіе того, что должно наступить и наступить послѣ долгаго періода страданій: свободная участь женщины-человѣка.

* * *

Вопросы о томъ, означало ли дѣйствительно — и въ какой мѣрѣ — материнское право особое право женщины, т. е. правовое преимущество ея передъ мужчиной и истинное господство женщины (гинекократію); существовало ли оно на извѣстной ступени человѣческаго развитія всюду, или только кое-гдѣ, какъ явленіе единичное; совершалось ли его вытѣсненіе отцовскимъ правомъ мирнымъ путемъ или путемъ болѣе или менѣ жестокой борьбы; — все это спорные вопросы, волнующіе ученыхъ со времени появленія книги нѣмецкаго изслѣдователя Бахофена о матриархатѣ (Штуттгартъ, 1861) и изслѣдованія англійскаго ученаго Моргана (Лондонъ, 1877). Едва ли однако они когда-либо могутъ быть рѣшены окончательно, такъ какъ отъ той до-исторической эпохи не осталось ни писаныхъ законовъ, ни достовѣрныхъ преданій. Но все же нѣкоторые существенно важные нравы и обычаи, сохранившіеся до нашего времени и, въ особенности, мифы и сказанія всевозможныхъ народовъ позволяютъ

съ нѣкоторой увѣренностью заключить, что матриархальный общественный строй существовалъ и у нынѣшнихъ культурныхъ народовъ, что онъ дѣйствительно знаменовалъ собой преимущественное положеніе женщины, а также и то, что вытѣсненію его патриархатомъ предшествовала борьба. Объ этомъ свидѣлствуютъ мифы объ амазонкахъ и валькиріяхъ, талмудическая легенда о Лилитъ¹, нѣкоторые характерные эпизоды изъ греко-римской мифологіи. Народная фантазія создавала Олимпъ на основаніи такихъ представленій, которыя давно успѣли исчезнуть изъ яснаго сознанія, но когда-то должны были возникнуть изъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Веселое мѣстопробываніе боговъ фантазія населила образами женщинъ свободныхъ, гордыхъ, мудрыхъ — и въ образѣ сестры-супруги верховнаго божества, равновеликой Зевесу-Юпитеру Геры-Юноны (рис. 379) поклонялась владычицѣ и могущественной покровительницѣ брака еще въ ту эпоху, когда законная супруга мужчины жила въ глухой изолированности на своей женской половинѣ дома, жизнью совершенно чуждой закону и общественной, ограниченной узкимъ кругомъ своего полового назначенія.

То же огромное противорѣчіе, которое мы видимъ въ этомъ фактѣ, лежитъ и въ основѣ внутренняго разлада, который съ самаго начала замѣчался въ брачныхъ отношеніяхъ и сохранился и послѣ того, какъ многотысячелѣтнее существованіе патриархальнаго общественнаго строя безслѣдно изгладило всякое представленіе и смутное воспоминаніе о прежнихъ отношеніяхъ, подобныхъ отношеніямъ боговъ на Олимпѣ. Когда представленія и понятія человечества приспособились къ новымъ формамъ, добытымъ въ процесѣ естественнаго, закономѣрнаго развитія, — это противорѣчіе между личными чувствами, личными способностями и дарованіями (а иногда и дѣйствительно свободнымъ

По фотогр. бр. Аллиари во Флоренціи.
Рис. 379. Юнона.

¹ По раввинистской легендѣ, первая жена Адама, созданная одновременно съ нимъ, — образъ соблазнительницы пущьявъ и губительницы дѣтей, преворизшійся впоследствии въ образъ колдуніи въ сѣверныхъ сказаніяхъ.

почетнымъ положеніемъ отдѣльныхъ женщинъ въ бракѣ, обусловленнымъ индивидуальной цѣнностью ихъ) и общей цѣнностью ихъ исключительно съ точки зрѣнія ихъ полового назначенія и какъ предметъ пользованія мужчины,—это противорѣчіе становилось по мѣрѣ роста культуры все большей и большей бессмыслицей, все болѣе глубокой причиной помѣхъ и преградъ высшему развитію брачныхъ отношеній, соответствующему этому росту культуры.

Это подтверждаетъ намъ безчисленное множество примѣровъ изъ исторіи культуры и литературы всѣхъ народовъ. Восхваленіе добродѣтельной женщины въ Соломоновыхъ притчахъ рисуетъ намъ не только идеалъ домовитости, царившій въ тѣ давно миновавшія времена и гораздо позже, вплоть до нашихъ дней; энергичный и привѣтливый обликъ женщины, всю жизнь дарившей своему мужу „одну любовь и ласку и никакого горя“, женщины, уста которой изрекали „одну мудрость и привѣтно-доброе поученіе“, — этотъ обликъ говорить намъ также о всесторонне развитой, увѣренной въ себя, самостоятельной индивидуальности, которая, очевидно, и пользовалась признаніемъ какъ таковая и несомнѣнно бывала нерѣдко центромъ дома, опорой и поддержкой своего мужа и своихъ дѣтей. И несмотря на все это, даже такая женщина была — какъ и донны еще — по закону Моисея не болѣе какъ движимымъ имуществомъ своего мужа, цѣнилась не выше чѣмъ „домъ его и скоть его, и все, что принадлежитъ ему“. Быть можетъ, еще болѣе поразительный примѣръ этого бессмысленнаго противорѣчія представляетъ болѣе поздняя эпоха, которая, съ одной стороны, возвысила бракъ на степень таинства (приводимъ одно изъ такихъ художественныхъ изображеній — въ фрескахъ Сандро Боттичелли, рис. 380) и, съ другой стороны, воспретила бракъ для духовенства. Въ обычаѣ, сохранившемся до нашего времени и упраздненномъ только съ утвержденіемъ англійскаго владычества — въ ужасномъ индійскомъ обычаѣ сжиганія вдовъ мы видимъ самое грубое выраженіе этого взгляда на женщину жену, какъ на созданіе и вещь мужчины, даже право на существованіе которой прекращается съ жизнью мужа. Но слабые отзвуки или отголоски того же взгляда мы можемъ прослѣдить даже въ смягченномъ культѣ и обычаяхъ и правовыхъ нормахъ народовъ съ самой высокой цивилизаціей.

Варварскій обычай сжиганія вдовъ можно прослѣдить и въ германской древности. Мы имѣемъ литературныя свидѣтельства того, что жену клали на костеръ вмѣстѣ съ трупомъ мужа. Въ Старшей Эддѣ эта церемонія разсказана даже такъ, что заставляетъ предположить, что она была актомъ вынужденнымъ, подъ давленіемъ народнаго требованія. Этотъ обычай, сравнительно не очень древній, такъ какъ встрѣчается болѣе или менѣе часто только со времени викинговъ, пользовался во всякомъ случаѣ распространеніемъ на всемъ Скандинавскомъ полуостровѣ.

Къ этимъ общимъ фактамъ, коренящимся въ самой сущности вещей, у женщинъ съ болѣе возвышеннымъ и богатымъ внутреннимъ міромъ должны были прибавиться еще и другія причины душевнаго разлада. Не только въ самой основѣ брака, какъ такового, но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при заключеніи брака рѣшающимъ моментомъ были первоначально и оставались и до послѣдняго времени преимущественно экономическія соображенія. Вотъ почему крайне ошибочны всѣ толки о со-

вершеномъ упадкѣ семейной жизни, какъ экономическаго брака; наоборотъ, правиломъ. явленіемъ воплѣвъ обычнымъ оны были именно въ прежнее время и теперъ все больше и больше становится исключеніемъ.

Въ прежнее время было общераспространеннымъ обычаемъ (сохранившимся у нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ, у евреевъ, еще и до настоящаго времени), что родители выбирали для своей дочери мужа, — главнымъ образомъ, разумѣется, отецъ, изъ-подъ власти котораго дѣвушка переходила во власть мужа.

По фотограф. А. Жиредона въ Парижѣ.

Рис. 380. Тайнство брака.
(По фрескѣ Сандро Боттичелли).

„Ближайшіе сосѣди по помѣстьямъ“ — такой доводъ влагаетъ Шиллеръ въ уста старика Тибо д'Арка, подкрѣпляющаго имъ свое домогательство руки дочери сосѣда. Разъ подходятъ другъ другу общественное положеніе, состояніе, взгляды обѣихъ сторонъ, — слѣдовательно, и люди, которымъ принадлежать это положеніе, состояніе и взгляды, должны подходить другъ другу. Выводъ въ общемъ даже довольно правильный.

И хотя въ первоначальной исторіи брака мы почти не знаемъ случаевъ личной душевной связи между супругами, гармоніи двухъ одинаково настроенныхъ душъ или хотя бы сильной страсти, которая бы побудила мужчину и женщину соединиться на всю жизнь, — все же бывали, несомнѣнно, и тогда случаи, когда брачный союзъ развивался при благоприятныхъ условіяхъ, заложенныхъ въ самой индивидуальности супруговъ, въ настоящій союзъ любви. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такихъ благоприятныхъ условій не было на-лицо и супругъ слишкомъ поздно представлялся случай встрѣтить родственную душу. — въ то безо-

шадное время не могли не возникнуть семейныя трагедіи въ родѣ тѣхъ, художественное изображеніе которыхъ даетъ намъ литература въ известныхъ образахъ Изольды, Франчески да Римини и друг.

Но еще гораздо большее значеніе имѣла въ вопросѣ брака (хотя въ отдѣльных случаяхъ это и менѣе непосредственно зависимо отъ крупной личности) та пропасть, которая развертывалась съ ростомъ культуры между духовнымъ уровнемъ мужа и жены. Образование мужа и его профессія, общественный и гражданскій родъ занятій его все болѣе и болѣе приучили его къ жизни внѣ дома и научили его осваиваться въ этой широкой

Фотогр. изд. Фр. Ганфштетгера въ Мюнхенѣ.
Рис. 381. Женскій портретъ.
(По картинѣ Пальма Веккьо).

сферѣ, — тогда какъ для жены весь міръ попрежнему ограничивался ея домомъ. „Въ узкомъ кругу суживается и кругозоръ“, — отъ этого проклятія страдали всю жизнь — сознательно или бессознательно — миллионы женъ и миллионы мужей съ ними. Но они не понимали истинной причины прискорбнаго отчужденія между полами даже въ бракѣ и принимали большей частью за причину то, что было только неизбежнымъ слѣдствіемъ и естественнымъ спутникомъ патріархальнаго строя жизни.

Такимъ образомъ, исторія человѣческаго брака представляетъ

въ то же время исторію непрерывной, хотя первоначально и бессознательной, борьбы двухъ противоположныхъ теченій во взглядахъ, — можно сказать даже, двухъ міросозерцаній: одного, которое видитъ въ женщинѣ, какъ женѣ, просто необходимое дополнительное существо для поддержанія рода, представляемаго мужчиной, мужемъ, — и другого, которое разсматриваетъ и ее, какъ представительницу этого рода. Съ духовнымъ прогрессомъ человечества эта борьба должна была выходить все больше и больше изъ сферы бессознательнаго, съ ростомъ образованія эти конфликты, прежде грубые, должны были принять болѣе облагороженныя формы, но зато и болѣе обостряться и, въ концѣ концовъ, все болѣе и болѣе настойчиво потребовать разрѣшенія въ духѣ новаго міросозерцанія. Бывали моменты и въ прежнія культурныя эпохи, когда, казалось, это міросозерцаніе готово было восторжествовать. Въ эпоху итальянскаго Ренессанса, гуманистическое и художественное направленіе котораго снова от-

вело почетное мѣсто личности, это новое индивидуальное самосознание отнюдь не ограничивалось однимъ мужчиной; жизне-радостныя, сознающія себя личностью женщины, принимавшія полное участіе въ духовной жизни своей эпохи, несомнѣнно умѣли придавать и своей супружеской жизни новыя, болѣе свободныя формы. Въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ оба пола, — какъ это видно изъ сокровищъ поэзіи и искусства того времени, — стояли, какъ равные, на одинаковыхъ высотахъ жизни; но равенство такъ и ограничилось этими высотами — немногими избранными индивидуальностями, возвышавшимися по своему образованію надъ повседневнымъ прозябаніемъ массы; женскіе портреты Репессанса (см. рис. 381 и раздѣ, въ соответств. главѣ) свидѣтельствуютъ намъ о высокой культурѣ ихъ ума и тѣла. Достиженіе отдѣльными женщинами полной высоты человѣческаго развитія осталось безъ вліянія на развитіе женщины вообще и потому это осталось переходящимъ явленіемъ. Только ростъ экономическаго развитія подготовлялъ собой общій переноротъ и въ этомъ направленіи, и экономической революціей, вызванной вѣкомъ машинъ, придавъ ему небывалыя до тѣхъ поръ размѣры. Такимъ образомъ, экономическій моментъ оказался рѣшающимъ и въ новой фазѣ развитія отношеній между полами, которую мы теперь переживаемъ.

Въ дальнѣйшемъ (во II главѣ III тома) мы подробнѣе остановимся на преобразованіяхъ, происшедшихъ въ связи съ экономической продуктивностью жены, какъ хозяйки дома. Здѣсь мы займемся этимъ вопросомъ лишь постольку, поскольку это затрагиваетъ социальное и правовое положеніе: жены и ея отношенія къ мужу. И тутъ мы не должны упускать изъ виду того, что развитіе крупной промышленности, снявшее съ жены часть ея домашнихъ работъ, скорѣе повредило ея внутренней свободѣ и самостоятельности въ отношеніи мужа, чѣмъ укрѣпило ихъ. Разнообразные виды работъ, которыя ей до тѣхъ поръ приходилось исполнять для него и для семьи, дѣлали ее все же (хотя она и продолжала составлять только часть его имущества) „самымъ цѣннымъ имуществомъ“ мужа; когда же домашній трудъ ея обезцѣпился, это обезцѣнило ея собственное значеніе въ домѣ. Будучи въ первоначальныхъ стадіяхъ цивилизаціи единственной производительницей, въ рукахъ которой сосредоточивалась вся промышленность, — она и позже, въ условіяхъ усиливавшегося разрѣшенія труда и при всемъ высокомъ развитіи и широкой специализаціи ремесель, все же продолжала нести заботы объ удовлетвореніи нуждъ семьи въ пищѣ и въ одеждѣ, объ украшеніи дома и т. д. Какой это иногда требовало затраты труда, силъ, эпергій, осмотрительной сообразительности, даже при достаточной помощи въ лицѣ прислуги и даже въ условіяхъ городского хозяйства (не говоря уже о жизни въ деревнѣ, гдѣ ко всему этому прибавляются садовыя и полевые работы и уходъ за скотомъ), — объ этомъ мы въ настоящее время даже надлежащаго представленія составить себѣ не можемъ. А что женщина, способная удовлетворительно справиться съ такими крупными, отвѣтственными задачами, при всей своей официальной зависимости, экономической и правовой, должна была умѣть какъ-ни-какъ стоять на собственныхъ ногахъ, внутреннею и

внѣшне, и въ мѣру своей дѣятельности, безусловно соответствующей ея экономической производительности, могла съ полнымъ правомъ и съ честью занимать положеніе, товарищески-равная своему кормильцу и законному опекуну, — это такъ ясно и несомнѣнно, что мы можемъ съ увѣренностью предположить, что и въ старину навѣрно не рѣдкимъ исключеніемъ изъ правила бывали такіе браки, построенные на гармоническомъ равенствѣ двухъ дѣйствительно полноцѣнныхъ индивидуальностей.

Женщины же болѣе позднихъ эпохъ, „освобожденныя“ отъ бремени многихъ хозяйственныхъ работъ, — при всей ихъ несравненно большей соціальной и правовой самостоятельности и нѣкоторыхъ внѣшнихъ вольностяхъ, — но уже ничего сами не создававшія, оттого что измѣнившіеся способы производства вырвали у нихъ изъ рукъ одну отрасль домашняго хозяйства за другой, и это все больше и больше низводило ихъ на степень простыхъ потребителей, — эти женщины много потеряли въ своемъ положеніи жены и стали внутренне мѣлѣ свободны. Женщины состоятельныхъ классовъ становились просто представительницами общественнаго положенія своихъ мужей (и тѣмъ больше, чѣмъ это положеніе было выше) и драгоценными предметами роскоши; женщина же низшаго и средняго класса, если только она не имѣла собственнаго состоянія или собственнаго заработка (или не участвовала въ заработкѣ мужа), — просто шла даромъ клѣббъ. Всего осязательнѣе это обнаруживается въ томъ возрастѣ женщины, когда материнство уже перестаетъ предъявлять свои требованія къ ней и съ исчезновеніемъ молодости она утрачиваетъ интересъ и къ себѣ самой, главнымъ образомъ, къ своей наружности и когда, вслѣдствіе всего этого, у нея остается все менше и менше возможности создавать себѣ иллюзію своей полезности въ домѣ. И если при этомъ, — какъ это въ большинствѣ случаевъ и бываетъ, — у нея нѣтъ также никакихъ умственныхъ или общественныхъ интересовъ, то иная образцовая жена и мать оказывается обреченной на бесполезное существованіе, на „безвременную смерть“ въ такомъ возрастѣ, въ которомъ занятый своимъ дѣломъ мужчина еще остается на высотѣ трудоспособности и производительности. Едва ли есть въ мірѣ что-нибудь печальнѣе и безотраднѣе „тихого покоя“ (рис. 382) обеспеченныхъ женщинъ зажиточнаго средняго круга, которыя „слава Богу не нуждаются“ въ зарабатываніи своимъ трудомъ средствъ къ существованію и ограниченный кругозоръ которыхъ не позволяетъ имъ создать себѣ удовлетворяющую сферу дѣятельности въ какихъ-нибудь общепользныхъ интересахъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго поэтому, что женщины, у которыхъ быстрый переворотъ въ производствѣ благъ вырвалъ, такъ сказать, почву изъ-подъ ногъ и подорвалъ прежнюю законность ихъ экономического существованія, упорно отстаиваютъ, по крайней мѣрѣ въ воображеніи, бывшее высокое экономическое, соціальное и этическое значеніе домашняго женскаго труда, несмотря на то, что онъ свелся мало-по-малу до крайняго минимума, — и что мужчины всѣхъ круговъ поддерживаютъ ихъ въ этомъ. Это — простое слѣдствіе совершенно естественнаго, хотя и ложно-понятнаго, инстинкта самосохраненія, слѣдствіе безсознательнаго опасенія женщинъ — потерять единственное, что

придавало до сихъ поръ ихъ существованію, наряду съ материнствомъ (но тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ связанное), смыслъ и значеніе. У мужчинъ же это происходитъ отъ опасенія, что съ упраздненіемъ домашнихъ работъ придется отказаться и отъ части домашнихъ удобствъ и старыхъ излюбленныхъ привычекъ, или по крайней мѣрѣ отъ привычнаго и пріятнаго сознанія себя предметомъ и центромъ неустанныхъ заботъ и вниманія. Оттого-

Рис. 352. Тихій покой.
(По картинѣ В. Гаммерстой.)

то до сихъ поръ женскія домашнія работы и обязанности продолжаютъ пользоваться уваженіемъ и даже развиваются до степени важности, которой онѣ давно уже не имѣютъ. Очень характерно явленіе — явное противорѣчіе фактамъ современности, — что даже социальнo-педагогическія стремленія широкихъ круговъ именно теперь такъ настойчиво направлены на основательную хозяйственную подготовку подрастающей женской молодежи, — именно теперь, когда, по сравненію съ прежнимъ временемъ, такъ мало осталось къ чему готовить и когда и это немногое медленно, по вѣрному, грозитъ исчезнуть изъ сферы домашняго труда.

Но домовитость и хозяйственность была прежде не только необходимымъ качествомъ жены, — она считалась также высо-

кой добродѣтелью. И это имѣло свое безусловное логическое оправданіе — постолько, поскольку здоровый расовый инстинктъ создаетъ всегда моральныя понятія и нравственныя идеалы сообразно социальнымъ потребностямъ, выдвигаемымъ даннымъ моментомъ, — или, иными словами: признаетъ всегда социальную необходимость нравственнымъ требованіемъ. Такова именно и была хозяйственная добродѣтель, т. е. сосредоточеніе всѣхъ интересовъ, желаній, помысловъ и чувствъ жены на болѣе или менѣе узкой сферѣ ея собственной хозяйственной дѣятельности, — хотя при созданіи этого, какъ и другихъ, идеала женской добродѣтели, конечно, очень видную роль играли еще личное желаніе и личныя удобства мужа. Правда, и теперь еще время отъ времени толкуютъ о „хозяйственныхъ добродѣтеляхъ“. — только подъ ними разумѣютъ теперь больше извѣстныя практическія способности, содѣйствующія семейному уюту и комфорту, но не необходимые, и не разсматриваютъ ихъ какъ добродѣтель въ томъ смыслѣ, чтобы руководиться ею при оцѣнкѣ нравственной чело-вѣческой личности жены. Наоборотъ даже, — современный мужчина различныхъ общественныхъ классовъ смотритъ уже теперь какъ на недостатокъ и на доказательство прискорбнаго духовнаго убожства, если жена его всецѣло уходитъ въ домашніе интересы и ничѣмъ больше не интересуется и ничего другого не понимаетъ.

Многія другія основныя женскія добродѣтели, коренящіяся въ потребности расы и въ естественной привилегированности мужа, считавшіяся прежде неприкосновенными и обязательными для жены, — также утратили съ теченіемъ времени свое значеніе и цѣну, или по крайней мѣрѣ приобрѣли теперь новое освѣщеніе и новый, болѣе глубокой смыслъ. Для иллюстраціи этого выберемъ изъ цѣлага ряда спеціально женскихъ добродѣтелей — вѣрности, фѣломудренности, скромности, покорности, послушанія, самоотверженія, самопожертвованія и т. д. — только три, такъ сильно обусловливающія собой дальнѣйшее высшее развитіе и процвѣтаніе расы, что могутъ претендовать на болѣе или менѣе длительную цѣнность и потому никогда не потеряютъ свое значеніе и для супружескихъ отношеній.

Извѣстный классическій идеаль супружеской вѣрности — Пенелопа (рис. 383) — можетъ служить также и классическимъ примѣромъ, на которомъ больше, чѣмъ на какомъ-либо иномъ, виденъ переворотъ во взглядахъ на этотъ вопросъ. Съ неизмѣнной любовью ждетъ она двадцать лѣтъ мужа, — слабая женщина, она оказываетъ упорное сопротивленіе цѣлой арміи жениховъ, противопоставляя ихъ грубой настойчивости женскую хитрость, и проводитъ свои молодые годы въ страданіяхъ и одиночествѣ, между тѣмъ какъ супругъ наслаждается божественными восторгами съ прекрасной богиней. И когда она, наконецъ, встрѣчаетъ вернувшагося домой мужа со всей силой былой любви, ни ей не приходится въ голову освѣдомиться, ни онъ не считаетъ нужнымъ сознаться безъ ея вопроса въ томъ, что онъ и не подумалъ хранить такую же вѣрность ей. Поведеніе хитроумнаго Одиссея и благоразумной Пенелопы можетъ считаться вполне типичнымъ для безконечнаго ряда знаменитыхъ и безвѣстныхъ супружествъ древности, среднихъ вѣковъ и

новаго времени. Оно поконится на томъ непоколебимомъ убѣжденіи, что супружеская вѣрность всегда и при всякихъ услови-

Рис. 383. Пенелопа.
(Английская скульптура.)

яхъ обязательна, конечно, для жены, но не для мужа. Правда, законъ наказывалъ и соблазнителя, — въ варварскія эпохи даже смертю; но наказаніе означало не возмездіе за оскорбленіе, причиненное этимъ собственной женѣ или за проступокъ противъ

нравственности, а скорѣе наказаніе за легкомысленное нарушеніе правъ другого мужа, законнаго собственника его соучастницы. Этотъ взглядъ сохранился и до настоящаго времени и сказывается даже въ высшихъ общественныхъ слояхъ большинства культурныхъ странъ — въ той изумительной логикѣ, по которой воръ, совершившій преступленіе противъ собственности, оскорбляетъ этимъ не свою собственную честь, а честь обокраденнаго, котораго тотъ можетъ возстановить только цѣной пролитія крови — вора или своей собственной. Все та же старая борьба за самку, только въ измѣнившейся формѣ, на болѣе высокомъ извивѣ спирали!

Съ другой стороны, мы видѣли, все еще парить самая широкая терпимость тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нарушеніи супружеской вѣрности мужчиной въ отношеніи жены. Довольно яркую картину моральной путаницы понятій среднихъ женщинъ и мужчинъ по этому вопросу даютъ намъ результаты анкеты, произведенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ одной вѣнской газетой: „Какъ поступить женщинѣ, если она узнаетъ, что мужъ обманываетъ ее?“ Большинство преславшихъ отвѣтъ рекомендуютъ: сдѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ, и готовить мужу его любимыя блюда, чтобы снова вернуть себѣ его любовь; незначительное меньшинство совѣтуетъ оплачивать тѣмъ же. Какъ ни ребячливо и предосудительно это средство само по себѣ, — все же оно свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ чувствѣ справедливости, о смутномъ предчувствіи будущаго супружескаго союза между двумя индивидуумами, экономически и нравственно равноправными и, равно отвѣтственными. Во всякомъ случаѣ перемѣна готовится и здѣсь, — современный взглядъ на супружескую вѣрность все больше и безповоротнѣе склоняется къ тому, что нравственную цѣну она можетъ имѣть только тогда, когда она поконтя на взаимности и одинаковой личной свободѣ, — и что пренебреженіе ею только тогда оскорбляетъ нравственность, когда это сопровождается оскорбленіемъ довѣрія и искренности другого супруга.

Требованіе цѣломудрія отъ жены предполагаетъ, какъ необходимое условіе ея, супружескую вѣрность, но идетъ еще дальше этого, двоякимъ путемъ. Во-первыхъ, по времени — предъявляя свои права къ прошлому жены. У всѣхъ культурныхъ народовъ мужчина требовалъ и требуетъ безусловной физической невинности отъ дѣвушки, которую собирается сдѣлать матерью своихъ законныхъ дѣтей. Въ низшихъ слояхъ — среди рабовъ и крѣпостныхъ, въ крестьянствѣ и среди пролетаріата — царила и паритъ на этомъ пунктѣ очень широкаянисходительность: дѣвушка, состоявшая въ связи до брака или даже уже бывшая матерью, можетъ рассчитывать на замужество не меньше, чѣмъ совершенно невинная: но причина этого кроется не въ болѣе высоко развитомъ чувствѣ справедливости (вѣдь къ мужчине никогда не предъявляется такое требованіе), а въ меньшей впечатлительности и въ суровой необходимости. Совсѣмъ иныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ держатся остальные общественные классы, — буржуазія и аристократія. Во всякомъ случаѣ, физическая дѣвственность избранницы считалась до сихъ поръ въ глазахъ культурнаго мужчины ея высшимъ достояніемъ, утрата

котораго составляет порокъ и позоръ, съ которымъ „не можетъ примириться ни одинъ мужчина“, и одно легкое сомнѣніе въ этомъ составляетъ уже тяжкое оскорбленіе. Вполнѣ ясно, что и этотъ взглядъ, — какъ и вся сложная система двойственной морали, — имѣетъ въ своей глубочайшей основѣ только желаніе мужчины гарантировать себя наивозможно прочнѣе въ отношеніи своего законнаго потомства, — т. е., слѣдовательно, экономическія причины.

Но это требованіе безусловнаго полового воздержанія женщины до брака породило также, несомнѣнно, распространенныя заблужденія о половой жизни женщины, — то изумительное предположеніе, что нормальной женщиной почти совершенно чужды половыя потребности, которое такъ долго рассматривалось какъ ея высокое нравственное преимущество и потому было принято безъ возраженія даже самими женщинами. Женщины подтверждали — и очень часто вопреки прямой дѣйствительности! — заявленія въ родѣ слѣдующихъ: „женщина, даже когда любить, уступаетъ желаніямъ мужчины, только какъ жертвенное животное (Ломброзо)“; „отъ природы хорошія хозяйки и матери, женщины обладаютъ очень слабымъ влеченіемъ къ мужчине и, исполняя супружескія обязанности, приносятъ этимъ жертву даже тому мужчине, котораго любятъ (Лентшъ)“; „женщина не можетъ поддаться половому инстинкту, не утративъ при этомъ своего достоинства (Фихте)“ — и тому под.

Роза Майредеръ, авторъ серьезнаго труда „Zur Kritik der Weiblichkeit“ (критика женственности), цитирующая въ своей книгѣ названныхъ психологовъ и философовъ, полагаетъ, что эта странная идея создана мужчинами съ „могучимъ кулакомъ“, „властными эротиками“, которые „усматриваютъ въ томъ, что женщина отдается, не добровольный даръ, а скорѣе извѣстную дань, которую покоритель заставляеть себя приносить въ силу превосходства своей воли“. На самомъ же дѣлѣ мы встрѣчаемъ часто тотъ же взглядъ и у мужчинъ, обладающихъ самыми рыцарскими, деликатными чувствами. Надо думать поэтому, что въ основѣ его лежить часто извѣстное чувство справедливости, бессознательная потребность оправдать введенный мужчиной (въ силу его экономическаго превосходства) двойной критерій (облаывающей женщину къ абсолютному воздержанію и допускающей полную необузданность для мужчины) тѣмъ, что половая природа женщины совершенно другая.

Что половое воспріятіе женщины, въ общемъ, благороднѣе и индивидуальнѣе, чѣмъ у мужчины, — это обусловлено самой ея природой; что оно, благодаря воспитанію и приспособленію къ женскому идеалу цѣломудрія, можетъ значительно ослабѣть у натуръ болѣе холодныхъ или у женщинъ съ высокимъ умственнымъ развитіемъ. а въ бракѣ, не представляющемъ въ то же время союза любви, и совсѣмъ исчезнуть или даже перейти въ отвращеніе, — все это, пожалуй, очень часто случается. Въ общемъ же, не будетъ ошибкой, если мы отнесемъ эту половую нечувствительность женщины, которая такъ часто въско констатируется или бережно отмѣчается, на счетъ благовоспитаннаго лицемерія и притворства во имя этого самаго идеала цѣломуд-

рія. Что женское достоинство, которое должно быть сохранено во что бы то ни стало, дѣйствительно терпѣть отъ этого ущербъ и сама женщина принижается до степени объекта наслажденія, — этотъ взглядъ, явившійся слѣдствіемъ болѣе свободнаго положенія женщины въ бракъ и внѣ брака и выраженіемъ болѣе нормальнаго, болѣе здороваго воспріятія, приобрягаетъ все большее и большее распространеніе. Это должно было повести къ тому, что существовавшая до сихъ поръ односторонняя и преувеличенная оцѣнка физической невинности женщины должна была уступить мѣсто болѣе благоуханному и глубокому понятію цѣломудрія и приблизительному одинаковому отношенію къ нему у обохъ половъ, при чемъ физическій моментъ уступилъ первое мѣсто умственно-нравственному. Какъ намъ теперь уже не совсѣмъ понятно самоубійство прекрасной Лукреціи (рис. 384), принявшей гнусное насиліе негодяя, какъ такой неизгладимый позоръ, который можетъ быть искупленъ только смертью, — такъ слѣдующее поколѣніе усмотрѣть въ убѣжденіи нынѣшнихъ философовъ, — что только у женщины есть половая честь, а у мужчины ея совсѣмъ нѣтъ, — только осадокъ еще не покореннаго грубаго варварства.

Хотя женщинѣ до сихъ поръ никогда не приписывали героизма бора и, наоборотъ, всюду, гдѣ только замѣчались отвага и упоеніе борьбы, это разсматривалось какъ ошибка природы, — зато тѣмъ съ большей готовностью за женщиной — особенно, женой — признавался пассивный героизмъ самоотверженія и самоотреченія, какъ женская добродѣтель. И нѣкоторымъ женщинамъ, доведшимъ эту добродѣтель до крайняго, непомѣрнаго самопожертвованія, усиленно расточали хвалу и славу и современники, и потомство. Это тоже вполне понятно и послѣдовательно. Вѣдь эта женская добродѣтель тоже прямо и непосредственно выросла изъ патріархальнаго общественнаго строя и вѣдь для мужа она была всего удобнѣе.

„Настоящая женщина велика въ своемъ терпѣніи и отреченіи“, „настоящая женщина должна безмолвно приносить жертвы“, — только нынѣшнее поколѣніе начинаетъ сознать всю наивную жестокость подобнахъ теорій, а во всемъ объемѣ ихъ пойметъ и охватитъ только будущее поколѣніе, которое вырастетъ на почвѣ измѣнившихся экономическихъ и социальныхъ условій. Но вполне понятно, что въ такомъ общественномъ строѣ, который не признавалъ самостоятельной личности въ женѣ ни въ экономическомъ, ни въ социальномъ, ни въ правовомъ отношеніи, — добровольное отреченіе отъ собственнаго мнѣнія, отъ личныхъ желаній и надеждъ, отъ собственнаго человѣческаго и даже женскаго достоинства должно было считаться въ высокой степени похвальнымъ, а самопожертвованіе, доведенное до самоуничтоженія — вершиной благороднѣйшей женственности. Безчисленное множество разъ мученичество этой жепствности прославлялось и искусствомъ; иной трогательный образъ, благодаря совершенному воспроизведенію его поэтомъ или художникомъ, надолго еще сохранится въ памяти потомства, какъ воплощеніе исчезнуващаго женскаго идеала. Но если мы никогда не будемъ въ силахъ устоять передъ обаяніемъ нравственнаго пагоса добродѣтельной жертвы, въ родѣ той, которую приносить

своей чистой кровью жена „Бѣднаго Генриха“ (рис. 385), если даже рабская преданность Кэтхенъ ф. Гейльбротъ, благодаря юному фанатизму и романтичности, всегда останется до извѣст-

Фотогр. изд. Фр. Гавштенга въ Мюнхенѣ.

Рис. 384. Лукреція, готовящаяся убить себя кинжаломъ.

(По картлѣи Пальме Веккю.)

ной степени понятной — по крайней мѣрѣ нѣмецкой душѣ, — зато типичный образецъ этихъ женъ-мученицъ, въ родѣ воспѣтой на всѣхъ языкахъ многотерпливой Гризельды, уже въ наше время выводитъ изъ всякаго терпѣнія и теряетъ къ себѣ всякую симпатію.

Эпоха, которая властно требуетъ не только отъ мужчины, но и отъ женщины, выдвинутой такъ же, какъ и онъ, на борьбу за

существование, индивидуального самоутверждения, не может смотреть иначе, как на безхарактерность и отсутствие достоинства, на такое безусловное подчинение и унижение жены, готовой стать игрушкой в руках высокомерия и хвастовства. Правда, болѣе высоко развившаяся общественность отмѣняетъ часто въ долге личности самоотверженіе, отреченіе отъ личной выгоды въ пользу общества, и — въ общемъ — объявляетъ войну эгоизму, — но этимъ самымъ объявлена война и эгоизму того супруга, который до сихъ поръ невозмутимо и просто, какъ должное, принимаетъ самыя тяжелыя жертвы жены.

Переворотъ во взглядахъ на желательныя качества женщины, какъ жены, обусловливаемый матеріальнымъ и духовнымъ прогрессомъ и, въ свою очередь, обусловливающий его, не можетъ, разумѣется, не коснуться и брака. Но только тогда, когда совершится переворотъ и въ экономическихъ, и въ моральныхъ основахъ брака, наступитъ законодательное признаніе и прочное укрѣпленіе измѣнившихся условій. Что развитіе еще не достигло такой ступени, — объ этомъ свидѣлствуетъ современное положеніе жены и матери въ семейномъ правѣ почти всѣхъ культурныхъ государствъ, представляющее уже и теперь отчасти рѣзкое противорѣчіе фактическимъ условіямъ. Правда, на нѣкоторыхъ пунктахъ законодатели уже сдѣлали кой-какія уступки, хотя и не безъ сопротивленія и по мелочи — и болѣею частью только подъ давленіемъ энергичнаго требованія самихъ женщинъ.

Въ гражданскомъ правѣ женщина, давно освобожденная отъ опеки, уравниваясь съ братомъ въ правѣ наследства, могущая располагать собой и своимъ состояніемъ, уже вполне равноправна мужчинамъ. Только въ бракѣ она все еще остается обдѣленной по сравненію съ мужчиной. Правда, пересмотрѣнные въ новѣйшее время законы упразднили кое-гдѣ статью о повиненіи, во многихъ мѣстахъ практика давно опередила официальную отмѣну, но всюду еще сохранился пережитокъ старыхъ установленій, — право рѣшающаго голоса принадлежить мужу, т. е. осталась та же сущность, только формулированная культурнѣе. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся совмѣстной супружеской жизни, мужу одному законъ предоставляетъ право распоряжаться, и даже въ своей хозяйственной сферѣ дѣятельности жена можетъ выступать только какъ его уполномоченная, а не какъ отдѣльная самостоятельная признанная закономъ личность. Тотъ отрядный фактъ, что въ большинствѣ браковъ этотъ пунктъ сохраняется только на бумагѣ, всего явственнѣе свидѣлствуетъ о томъ, что онъ устарѣлъ и въ немъ нѣтъ надобности.

Гораздо большее значеніе имѣетъ въ практической жизни другое правовое ограниченіе жены, принимающее часто серьезныя и ужасныя размѣры. По германскимъ гражданскимъ законамъ (правда, отстающимъ на этомъ пунктѣ отъ большинства другихъ культурныхъ странъ), мужу принадлежитъ исключительное право пользованія и управленія всѣмъ имуществомъ жены, приобрѣтенымъ до брака и въ бракѣ (последнее, впрочемъ, только въ томъ случаѣ, если это имущество приобрѣтено не собственнымъ самостоятельнымъ трудомъ). А это значитъ, слѣдовательно, что жена остается въ экономической зависимости

отъ мужа, и онъ остается ея „кормильцемъ“ даже въ томъ случаѣ, если она живетъ на свой собственный доходъ, — положеніе логически и практически невозможное, это ясно. Сознваемая все больше и больше необходимость обезпечить женѣ возможность свободно располагать своимъ состояніемъ путемъ специально заключаемыхъ договоровъ позволяетъ ожидать и законодательной реформы имущественнаго права въ этомъ смыслѣ

По соч. В. Либерманна „Der arme Heinrich“.

Рис. 385. Жертвующая собой жена Бѣднаго Генриха.

въ недалекомъ будущемъ, — при первомъ же пересмотрѣ гражданскаго законодательства.

Но въ этомъ, однако, была бы достигнута экономическая независимость только небольшого числа женщинъ. Есть другое требованіе, выдвигаемое въ наше время, отвѣчающее и справедливости и, въ то же время, современному взгляду на супружескія отношенія: чтобы жена, участвующая трудомъ въ дѣлѣ мужа, пользовалась по закону соотвѣтствующей долей въ дѣлѣ и чтобы за трудъ въ домашнемъ хозяйствѣ женѣ всегда былъ обезпеченъ закономъ опредѣленный процентъ съ доходовъ мужа. Эта домашняя дѣятельность жещины до сихъ поръ, правда, немало воспѣвалась, но никогда не оплачивалась, даже при наибольшей

продуктивности ея и какую бы она цѣнность ни представляла. „Кормилецъ“ съ своей точки зрѣнія долженъ смотрѣть, разумеется, какъ на дѣло самое простое и естественное, что и рабочая сила жены, какъ и вся она сама, должна быть затрачена безъ остатка на домъ, безъ ограниченія рабочаго времени и безъ пощадки силъ, до крайняго ихъ напряженія; оттого-то главнымъ образомъ этотъ трудъ такъ плохо оцѣнивается официально и въ большинствѣ случаевъ считается ни во что. Когда же закономъ будетъ признано право женщины на оплату ея труда, тогда только исчезнетъ вопли ея крѣпостное состояніе въ бракѣ, — состояніе, котораго современное культурное человѣчество не знаетъ ни въ какихъ больше другихъ отношеніяхъ.

Самымъ прочнымъ устоемъ патриархальнаго строя остается попрежнему ревностно охраняемая всеми законодательствами исключительная отцовская власть надъ рожденными въ бракѣ дѣтьми. Такъ какъ ею главнымъ образомъ характеризуется правовое положеніе женщины, какъ матери, то этотъ вопросъ будетъ подробнѣе рассмотрѣнъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь мы ограничимся только указаніемъ на то, что даже въ той сферѣ, въ которой, по общепринятымъ понятіямъ, женщина исполняетъ свое прямое назначеніе, цѣль своей жизни, законъ все еще всюду отказываетъ ей въ признаніи ея самостоятельной личностью.

Прежнее англійское гражданское законодательство открыто устанавливало это положеніе жены, заявляя что она съ выходомъ замужъ утрачиваетъ собственную индивидуальность и растворяется въ индивидуальности мужа. Другія законодательства не сочли нужнымъ проводить эту идею такъ опредѣленно, — на самомъ же дѣлѣ она лежитъ въ основѣ всѣхъ законодательствъ и, пожалуй, всего явственнѣе сказывается въ повсемѣстно принятомъ обычаѣ (а иногда и законѣ, какъ, напримѣръ, въ Германіи), согласно которому женщина, вступивъ въ бракъ, теряетъ свою фамилію и принимаетъ фамилію мужа. И если здѣсь мы все же имѣемъ дѣло съ актомъ, представляющимъ, въ общемъ, больше символическое, чѣмъ практическое значеніе, — зато дальнѣйшіе выводы, дѣлаемые изъ этого закономъ, могутъ имѣть для женщины очень серьезныя и тяжелья практическія послѣдствія; мы говоримъ о законѣ, согласно которому женщина теряетъ въ бракѣ и свою національность и подданство, и вступивъ, напримѣръ, въ бракъ съ иностранцемъ, сама становится иностранкой, даже продолжая жить на родинѣ.

Насколько и въ этой области обычай проявляетъ еще большее усердіе, чѣмъ законъ, — это видно, между прочимъ, изъ общераспространенной въ „высшемъ обществѣ“ формулы извѣщенія о помолвкѣ, въ которомъ г-нъ и г-жа X съ одной стороны и г-нъ Y съ другой сообщаютъ міру радостную вѣсть о томъ, что дочь ихъ помолвлена съ дочерью г-на X, — сама же дѣвица ни звукомъ не высказывается по этому поводу, хотя это событіе по существовавшимъ до сихъ поръ взглядамъ, считалось самымъ важнымъ шагомъ въ ея жизни. Еще характернѣе другой обычай, существующій преимущественно въ Германіи: жепѣ присваивается не только фамилія, но и профессиональное званіе или ученый и служебный

титулъ мужа (иногда и собственное имя ¹, — что звучитъ почти насмѣшкой надъ прекрасной половиной, которая, какъ извѣстно, недостаточно правомочна, чтобы пріобрѣсть самостоятельно такіе званія, титулы и ученые степени. Тѣмъ не менѣе этотъ обычай: какъ и многіе другіе въ этомъ родѣ, будетъ существовать въ широкой массѣ до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать лежащія въ основѣ его супружескія отношенія, т. е. до тѣхъ поръ, пока

соціальное положеніе жены будетъ зависеть не отъ ея личныхъ качествъ и дѣятельности, а отъ соціальнаго положенія ея мужа, — пока его достоинства и уваженіе, которымъ онъ пользуется, обезпечиваютъ въ глазахъ общества самой пустой дурочкѣ достойное и почетное положеніе (рис. 386). Съ измѣненіемъ экономической и этической основы брака исчезнутъ безъ слѣда и эти устарѣлыя, утвержденныя закономъ или освященныя обычаями формы.

Что мы идемъ гигантскими шагами къ это-

му новому порядку и что экономическая, социальная и умственно-нравственная эмансипація женщины отзовется благопріятно и на женъ — и даже прежде всего на ней, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Смогутъ ли въ отдаленномъ будущемъ супружескій союзъ сбросить съ себя узы закона, или свободное соединеніе половъ для прочнаго и

Фотография изъ Фотограф. общества въ Берлинѣ.
Рис. 386. Портретъ Джованни Арнольфини и его супруги.
(По картинѣ ванъ-Дейка)

¹ Говорятъ, напр., „Frau Professor“, „Frau Geheimrat“, соответственно „Herr Prof.“, „Herr Geh.“, а не „Professorin“, „Geheimrätin“, что соответствовало бы русскимъ обозначеніямъ „профессорша“, „таинная совѣтница“. Говорятъ также „Frau Karl Müller“.

долговѣчнаго союза останется все же желательнымъ и возможнымъ только для людей, стоящихъ въ умственномъ отношеніи особенно высоко, — рѣшать этотъ вопросъ было бы пока преждевременно. Нельзя не согласиться, вникнувъ логически послѣдовательно въ проблему брака, что совершающаяся до сихъ поръ эволюція должна имѣть результатомъ абсолютно свободный бракъ, не стѣсненный ни принудительнымъ вліяніемъ закона, ни экономическими условіями — по крайней мѣрѣ въ теоріи. Во всякомъ случаѣ, запальчивые споры на эту тему уже потому преждевременны, что для широкой массы женщинъ (о потомствѣ и совсѣмъ говоритъ нечего) свободный бракъ былъ бы теперь не только не выгоднымъ, а убыточнымъ, потому что широкая масса мужчинъ еще не достигла необходимой для этого нравственной зрѣлости, еще не обладаетъ надлежащимъ чувствомъ отвѣтственности. Какъ результатъ выкристаллизовавшагося народнаго сознанія, созрѣваго и освободившагося отъ всѣхъ религіозныхъ и половыхъ предразсудковъ, — юридическая нормировка супружескихъ отношеній можетъ совершаться въ будущемъ только въ направленіи большей личной свободы и отвѣтственности жены.

* * *

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ культурнаго прогресса вообще и женскаго движенія въ частности будетъ то, что положеніе женщины въ отношеніи ея мужа, въ отношеніи общества и своей собственной индивидуальности станетъ совершенно инымъ, чѣмъ было до сихъ поръ, и несомнѣнно должна будетъ измѣниться не только внѣшняя форма брака, но и сущность его.

Часто высказывается мнѣніе, — особенно благожелательными друзьями женскаго движенія, — что повышеніе матеріальнаго и духовнаго уровня и освобожденіе женскаго пола несомнѣнно, конечно, облагородятъ и углубятъ отношенія женщины къ мужу и дѣтямъ, но въ общемъ они навѣки останутся построенными на прежнихъ условіяхъ. Этотъ взглядъ не менѣе ошибоченъ, чѣмъ другой, высказываемый нѣкоторыми идеологами, чуждыми практики жизни: о желательности или даже только возможности возвращенія къ материнскому праву на болѣе или менѣе высокой ступени культуры. Ставшая матеріально и духовно независимой, жена не только изгонитъ отжившія, старомодныя представленія о „плющѣ“, обвиняющемся вокругъ „дуба“, о „tabula rasa“ и имъ подобныя, — но и очень много другихъ представлений и понятій, которыя мы еще связываемъ съ брачнымъ союзомъ, должны будутъ мало-по-малу попасть въ архивъ. Прежде всего исчезнетъ тотъ взглядъ, что женщина исполняетъ въ качествѣ жены свое призваніе, дѣло, даже единственное, прирожденно ей свойственное дѣло, — потому что она и въ замужествѣ будетъ исполнять особое дѣло, отвѣчающее ея личнымъ способностямъ, и только тогда она дѣйствительно окажется призванной быть своему мужу спутницей жизни въ лучшемъ, вышешемъ смыслѣ этого слова. Теперь она, въ общемъ, еще не достигла этой высоты, — быть можетъ даже, еще меньше на высотѣ, чѣмъ была въ прежнія времена, — потому что умственный уровень муж-

чины необычайно повысился съ тѣхъ поръ, а ея уровень задерживался по возможности, его социальное чувство развилось, а ея интересы остались ограниченными рамками дома и семьи; этого нельзя отрицать, несмотря на все завоеванія, цѣнныя и для жизни женщины.

Воспитывать женщину для брака, — о чемъ теперь такъ много толкуютъ, — было несравненно легче прежде, при болѣе простомъ укладѣ семейной жизни, при обусловленномъ естественнымъ раздѣленіемъ труда способъ производства, при обычныхъ тогда формахъ труда, протекавшего въ предѣлахъ дома, — чѣмъ те-

Рис. 387. Супруги Кюри, открывшіе радій, за совмѣстной работой.

перь, при усложнившихся условіяхъ и увеличившейся разносторонности людей, хотя на долю жены теперь приходится гораздо менѣе опредѣленной работы. И это воспитаніе — дома ли или въ специальныхъ школахъ для подготовки къ веденію хозяйства и къ материнству — дать тѣмъ болѣе несовершенные результаты, чѣмъ болѣе оно будетъ считаться съ существовавшими до сихъ поръ, внутренне уже отжившими формами отношеній и кроится по мѣркѣ ихъ, уже не соответствующей ихъ внутреннему содержанию. Можно даже сказать, какъ ни странно это покажется, что самая худшая ошибка такого воспитанія именно въ томъ, что оно ставитъ себя цѣлью подготовку къ браку единственно съ расчетомъ на возможность (о вѣроятности уже почти говорить не приходится) найти мужа и кормильца, къ которому можно было бы примѣнить приобретенное искусство стряпни и хозяйничанья. Для мужа, зарабатывающаго своимъ трудомъ хлѣбъ насущный, будетъ гораздо болѣе желательной

слутницей жпщи такая жена, которая сама можетъ участвовать въ заработкѣ, для живущаго умственнымъ трудомъ — сотрудница, способная понимать его, стремящаяся къ тому же, что и онъ. — чѣмъ „супруга по призванію“, домашняя дѣятельность которой стала уже почти совершенно излишней, благодаря успехамъ современной техники и промышленности, и которая, слѣдовательно, не можетъ ничего вносить своего, ни матеріально, ни духовно, можетъ только принимать, а не давать, — какъ бы усердно она ни поддерживала хлопотливый аппаратъ дорогого домашнего-мелкаго производства.

Вотъ почему наилучшей подготовкой къ браку въ современномъ смыслѣ этого слова будетъ такое воспитаніе, при которомъ женщина научится опираться на собственные силы, а не на силы мужа, стоять на собственныхъ ногахъ, воспитаніе, которое сдѣлаетъ изъ нея дѣльнаго, независимаго человѣка. Только въ такомъ случаѣ она сможетъ удовлетворять тѣмъ новымъ требованіямъ, которыя предъявляетъ новая эпоха къ отвѣтственной личности жены и матери, только тогда она научится понимать ясно и сознательно то вѣчное и неизмѣнное, что глубоко коренится въ самой сущности брака, какъ силы, двигающей развитіе чело-вѣчества все выше и впередъ, и научится пользоваться ею.

Всемогущій творческій инстинктъ, влекущій мужчину къ жещинѣ и женщину къ мужчине, чтобы отъ нихъ произошло новое существо и въ немъ продолжалась ихъ жизнь, — этотъ инстинктъ будетъ все больше и больше индивидуализироваться по мѣрѣ роста индивидуальнаго сознания женщины — и не только въ ней самой, но и въ мужчине, сынѣ ея. Одаренныя болѣе тонкими и чуткими фибрами, тѣ двѣ половины, которыя, по Платону, только соединившись составляютъ цѣльнаго чело-вѣка и которыя до сихъ поръ большей частью тщетно искали другъ друга въ лабиринтѣ жизни, въ будущемъ могутъ гораздо чаще находить другъ друга и, разъ найдя другъ друга, онѣ останутся соединенными воедино по глубокой личной душевной потребности, — не потому, что обязаны, а потому, что захотятъ этого, — соединенными не только для радостей и наслажденія (какъ это изображаетъ воспроизводимый нами на отд. табл. портретъ Рембрандта съ женой), для краткой поры мимолетнаго счастья любви, но слитыми воедино и душой во всемъ томъ, что даетъ жизни чело-вѣка настоящую цѣль и содержаніе, — въ трудѣ (рис. 387).

Несомнѣнно, и въ будущемъ власть мгновенья будетъ привлекать молодцы сердца другъ къ другу, какъ привлекала отвѣка, но прочный союзъ будутъ со временемъ все больше и больше заключать только тѣ, кого связываютъ одинаковые интересы, одинаковыя стремленія, одинаковое міросозерцаніе. Истинная моногамія, навѣки нерасторжимый союзъ одного мужчины съ одной женщиной сложится не на болѣе слабомъ, а только на болѣе облагороженномъ чувствѣ любви; но такой союзъ станетъ возможнымъ какъ правило, а не какъ исключеніе (какъ теперь) только на такой ступени развитія, когда мужчина и женщина смогутъ идти рядомъ, какъ личности вполне равноцѣнныя и равноправныя.

Послѣ инстинкта размноженія, первымъ инстинктомъ, на ко-

Художникъ и его жена.

Картина Рембрандта.

(По фотогр. Ф. Брукмана въ Мюнхенъ.)

торомъ основавъ, по своей глубочайшей сущности, брачный союзъ, является потребность защищать, охранять, окружать любовью и заботой свои созданія и другъ друга. Этотъ инстинктъ, первоначально свойственный только женщинѣ, былъ переданъ ею и мужчинѣ, — и „рыцарственность“ его заслуживаетъ быть поставленной рядомъ съ материнскимъ инстинктомъ женщины, полнымъ потребности помочь и защитить. „Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье къ нимъ“, — такъ характеризуетъ великій психологъ Шекспиръ устами своего Отелло то прекрасное человѣчное чувство, которое лежитъ въ основѣ отношеній между мужчиной и женщиной, наряду съ непосредственнымъ половымъ влеченіемъ и даже впереди его. Но если у мужчины эта потребность охранять и поддерживать ограничивается, въ общемъ, молодостью и зрѣлымъ возрастомъ, періодомъ наивысшаго сознанія своей силы, характеризующимся также и большей энергіей и дѣйственностью, — въ женщинѣ оная сохраняется, большей частью, до послѣдняго вздоха, и въ томъ возрастѣ, когда умолкаютъ другіе голоса, когда рѣдѣетъ болѣе или менѣе широкий кругъ тѣхъ, о комъ она заботилась, кого охраняла, — эта потребность находить себѣ выходъ въ истинно-материнскомъ чувствѣ къ мужу. И тѣмъ глубже и чище завзвучитъ въ брачномъ союзѣ и эта нота, самая женственная и нѣжная, и тѣмъ болѣе искреннія и глубокія чувства вызоветъ собой, чѣмъ меньше будутъ врываться въ этотъ звукъ постороннія, несущественныя или даже диссонирующія экономическія побужденія и соображенія, чѣмъ меньше въ немъ будутъ участвовать личная зависимость и подневольность жены.

Какъ естественный противовѣсъ неудержимо разгорающемуся по всей линіи женскому движенію, мы часто встрѣчаемъ въ послѣднее время увѣренія, что женщина сама по себѣ — ничто, что свое значеніе и цѣнность она пріобрѣтаетъ только благодаря мужчинѣ и что оная можетъ пробудить кой-какія дремлющія въ ней силы и способности. Опровергать это воззрѣніе, не признающее за женщиной права человѣческой личности, усматривающее всю ея сущность, все ея право на существованіе исключительно въ ложно-понятыхъ процессахъ размноженія — излишне, въ виду полезной и цѣнной дѣятельности женщины во всѣхъ областяхъ современной жизни, уже потому, что если взглянуть съ той же точки зрѣнія на мужчину, то это обяжетъ къ логическому заключенію, что цѣль его жизни также состоитъ исключительно въ пробужденіи женскихъ силъ; явная безсмыслица такого взгляда не требуетъ доказательствъ.

Однако съ нѣкоторыми ограниченіями за этой мыслью приходится признать разумное основаніе и глубокую истину, — по разумѣется, примѣнительно къ обоимъ поламъ: только въ бракѣ, только подъ вліяніемъ длительного тѣснѣйшаго единенія съ женщиной женщина можетъ развернуть всю свою человѣческую цѣнность, нормально развить всѣ стороны своего существа и достигнуть правильнаго пониманія своей природы.

Путемъ постояннаго, ежедневнаго сравненія своего женскаго образа мыслей съ его мужскими взглядами на всѣ явленія жизни, она пріобрѣтаетъ устойчивое сужденіе о нихъ, свободное отъ всякой односторонности, — тѣмъ болѣе свободное и устойчивое,

чѣмъ меньше ей грозитъ опасность, благодаря экономической и духовной зависимости отъ мужа, составить свое сужденіе исключительно по его образу (какъ это часто еще встрѣчается въ

Фотогр. г-л. Кеклеръ и Ревиеръ въ Берлинѣ.

Рис. 388. Деталь памятника „Aux Morts“ на кладбищѣ Père-Lachaise въ Парижѣ.

А. Бартоломэ.

наше время). И только въ мгновенія наивысшаго напряженія жизни, когда она чувствуетъ свое абсолютное слияніе воедино съ мужемъ, — только тогда ей во всей полнотѣ открывается вся глубокая внутренняя связь между индивидуумомъ и всецел-

ной. Только въ мужчинѣ находить женщина, — какъ только въ женщинѣ мужчина, — свое полное совершенство, свою человѣческую цѣльность и законченность.

Вотъ почему мужчина и женщина нуждаются другъ въ другѣ — не только во имя цѣли продолженія рода, но и ради совершеннаго развитія отдѣльнаго индивидуума. Дополняющіе другъ друга спутники въ многообразной творческой жизни, спутники и передъ лицомъ загадочной силы, неминуемой и для мужчины, и для женщины (на воспроизводимомъ нами — рис. 388) — знаменитомъ надгробномъ памятникѣ Бартоломея показываетъ намъ, какъ и передъ лицомъ смерти женщина ищетъ поддержки, опираясь на сильныя плечи мужчины), — они тѣмъ легче и бодрѣе будутъ переносить все, жизнь и смерть, чѣмъ больше будутъ равны другъ другу въ общей борьбѣ.

Рис. 389. За уроками.
(По картинѣ Г. Жаме.)

Глава одинадцатая. Женщина мать.

(Марин Штриттъ, Дрезденъ).

Человѣкъ, отличающійся наивысшимъ развитіемъ среди всѣхъ живыхъ существъ, является при своемъ рожденіи самымъ беспомощнымъ существомъ; онъ очень долго нуждается въ защитѣ и уходѣ со стороны матери и, если бы былъ предоставленъ самому себѣ, онъ неминуемо погибъ бы не только въ младенческомъ возрастѣ, когда онъ всецѣло зависитъ отъ материнской груди, но и въ теченіе всего періода перваго дѣтства, по крайней мѣрѣ до 5—6-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ женщина самой природой гораздо больше обременена и связана материнствомъ, чѣмъ всякое другое животное женскаго пола. Но въ этой-то именно особенности таится главная причина и первѣйшая побудительная сила, движущая цивилизацію какъ въ технически-промышленномъ, такъ и въ социальномъ-нравственномъ отношеніи. „Материнскій инстинктъ“ (говоритъ Шарлотта Перкинъ-Стетсонъ въ своемъ сочиненіи „Women and Economics“), есть та сила, которая обусловливаетъ собой не только любовь, но и всю человѣческую дѣятельность въ мірѣ. Неуготимое удовлетвореніе этого инстинкта, материнской потребности заботиться о потомствѣ, было первымъ двигателемъ развитія тѣхъ приемовъ и способовъ труда, на которыхъ зиждется наша культурная жизнь. Въ то время, когда мужчина-дикарь упражнялъ свои разрушительныя силы и инстинкты нападенія въ качествѣ простаго охотника и рыбака самымъ первобытнымъ, примитивнымъ образомъ, — женщина-дикарка такъ же естественно и примитивно развивала

свои созидательные и охранительные инстинкты. Она накопила и сохраняла пищу для своего ребенка так же, как даже зародышевая клетка притягивает къ себѣ, какъ извѣстно, пищу и, повинаясь темному природному инстинкту, накапливаетъ и сохраняетъ ее. И какъ въ бессознательномъ исполненіи заложенаго въ ней природой материнскаго долга, она прятала, кутала и хранила нерожденный еще плодъ въ пѣдрахъ своихъ, такъ же кутаетъ она впоследствии въ одежды родившагося ребенка и создаетъ для него охраняющій кровь, бессознательно упражняя тотъ же природный инстинктъ. Материнскій инстинктъ представляетъ собой истинный источникъ всякой производительной силы, могущественнѣйшій двигатель нашего социальнаго развитія. Точно также въ отношеніяхъ между матерью и ребенкомъ мы должны видѣть первоначальную форму всякаго чувства личной симпатіи, влекущей людей другъ къ другу и сближающей ихъ, и корень болѣе широкаго сознанія человѣческой общности, любви къ ближнему и дальнему, — неиссякаемую энергію и благословенный живой источникъ какъ для отдѣльнаго индивидуума, такъ и для всего міра (рис. 390).

Когда при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ патриархальнаго общественнаго строя мужчина сталъ истиннымъ почителемъ цивилизаціи, руководителемъ и въ тѣхъ областяхъ труда, которыя до тѣхъ поръ принадлежали женщинамъ; когда онъ, сообразно своей болѣе активной, энергичной и подвижной природѣ, все болѣе и болѣе специализировался и въ этомъ трудѣ и развитъ до небывалаго дотошнѣ совершенства и тѣ роды дѣятельности, которые были первоначально женскими, — это все больше и больше отгѣсняло свободное и непосредственное приложение материнскихъ силъ на благо міра и ограничивало ихъ примѣненіе тѣснымъ кругомъ семьи и дома. Но все косвенное вліяніе ихъ на развитіе и судьбы человѣчества отъ этого не прекращалось, — всегда и при всякихъ условіяхъ оно оставалось вполне несомнѣннымъ и опредѣленнымъ. И это вліяніе женщины, какъ матери, неисчислимо значеніе материнства для личности и для человѣчества, — несмотря на всю подчиненность положенія матерей въ человѣческомъ обществѣ, — признавалось всѣми и во всѣ времена какъ сила, которой никто и ничто не можетъ не подчиняться. Правда, въ это признаніе привходятъ отчасти представленія о таинственной власти творческихъ силъ, связываемыя еще и теперь съ материнствомъ, какъ вѣчнымъ источникомъ жизни, — пережитки того простаго культа предковъ, изъ котораго первоначально развились всѣ религіозныя представленія. Но и для той части человѣчества, въ которой проснулось полное и ясное сознаніе, для независимыхъ умовъ, освободившихся отъ всѣхъ таинственныхъ представленій, — благоговѣніе передъ материнствомъ, неисчерпаемость и святость материнской любви составляютъ одинъ изъ тѣхъ прочныхъ, непоколебимыхъ столбовъ, на которыхъ держится и современное нравственное міросозерцаніе.

Въ виду этого, противорѣчія и трагическій разладъ въ жизни женщины (о которыхъ мы уже частью упоминали въ предыдущей главѣ), неразлучно связанныя съ патриархальными семейными отношеніями, представляются несущественными и второстепенными въ сравненіи съ тѣмъ глубокимъ противорѣчіемъ,

какое существуетъ между всеобщимъ прославленіемъ материнства и его ничтожнымъ социальнымъ и правовымъ значеніемъ, между тысячекратно превознесеннымъ и воспѣтымъ идеальнымъ образомъ матери и несвободнымъ безправнымъ существомъ, служащимъ только для размноженія рода, какимъ она является по законамъ и обычаямъ человѣческаго общества. Всего явственнѣе обнаруживается это противорѣчіе въ христіанскомъ культѣ

По фотогр. худож. кадат. Келлеръ и Рейверъ въ Берлинѣ.

Рис. 390. Материнство.

Константина Мелье.

Дѣвы Маріи, съ одной стороны окружающемъ материнство наивысшимъ ореоломъ царицы небесной (рис. 391) и съ другой стороны выражающемъ въ идеѣ дѣвственнаго зачатія презрѣніе къ человѣчески-естественнымъ процессамъ и условіямъ этого материнства. Вполнѣ понятно по этому, что сообразно различному толкованію этого символа, такъ рѣзко различны и даже прямо противоположны другъ другу мнѣнія о томъ, какъ относится христіанство къ женщинѣ, какъ матери, по сравненію съ язычествомъ. Одни ссылаются на прославленіе материнства, другіе на

презрѣніе къ нему, — и обѣ стороны правы. Но точно такъ же, какъ непримиримыя противорѣчія толкованій символа могутъ быть разрѣшены только тогда, когда на мѣсто Богоматери будетъ поставленъ простой образъ страдальницы матери человѣческой, — такъ же и тысячи противорѣчій, съ которыми было связано до сихъ поръ и связано еще и теперь материнство, исчезнутъ только тогда, когда женщина будетъ признана въ предѣлахъ своего материнства и за предѣлами его полноправной, вполнѣ самостоятельной человѣческой личностью.

Повидимому, недалеко уже то время, когда совершится этот грандиозный общественный переворотъ. Но съ нимъ наступитъ не только новая эпоха для матерей въ мірѣ, — онъ откроетъ также совершенно новыя возможности развитія и для дѣтей этихъ матерей, для человѣческой расы. Въ противоположность прогрессивному культурному вліянію, какое имѣло первобытное обремененіе материнствомъ свободной женщины-матери, положеніе женщины и матери въ условіяхъ цивилизаціи оказывало скорѣе вредное чѣмъ полезное вліяніе на материнство и вслѣдствіе этого и на физическое и духовное развитіе расы. Всѣ лишенія и страданія должны были даже усиливаться съ ростомъ культуры, такъ что въ настоящее время дѣйствительно не безъ нѣкотораго основанія толкуютъ о вырожденіи материнства. Это явленіе обусловленное самымъ процессомъ развитія; оно очень ярко подтверждаетъ истинность словъ Гете: „Разумъ сталъ безсмыслицей, благодѣяніе мукой.. горе тебѣ, родившемуся внукомъ!“

Вслѣдствіе раздѣленія труда между полами, которое было необходимо вначалѣ для привлеченія мужчины къ работѣ на дѣло культуры, вслѣдствіе долгаго и все болѣе и болѣе исключительнаго ограниченія женщины сферой супружескихъ и материнскихъ обязанностей, т. е. сферой ея половыхъ задачъ, — культурная женщина и сама чрезмѣрно развилась въ половое существо, и передала, разумѣется, и потомству это чрезмѣрное половое развитіе. Поставленная внѣ дѣла борьбы за существованіе, всѣ остальные общечеловѣческія сферы дѣятельности женщины физической, какъ и духовной, вынуждены были уступить свое мѣсто половымъ задачамъ или интересамъ, такъ или иначе связаннымъ съ ея половой задачей; а такъ какъ органы, остающіеся безъ упражненія, съ теченіемъ времени атрофируются, то и физическое и духовное развитіе женщины должно было приспособиться къ этому одностороннему приложенію ея способностей. Вотъ почему говорить о мнимой неспособности женщины къ общечеловѣческой культурной работѣ, ссылаясь на задачи материнства, — это значить смѣшивать причину со слѣдствіемъ. Не потому, что материнство поглощаетъ всѣ физическія и духовныя силы женщины, она неспособна къ другимъ видамъ дѣятельности, — наоборотъ: потому что патриархальный общественный строй запретилъ ей всѣ другіе виды дѣятельности, она вынуждена была сосредоточить всѣ свои физическія и духовныя силы на материнствѣ и сопряженныхъ съ нимъ задачахъ.

Эта односторонность развитія достигла въ наши дни своего высшаго предѣла и даже уже перешагнула его. До какой степени изуродовалось положеніе, имѣющее своими необходимымъ условіемъ здоровье, избытокъ силъ, высшую полноту жизни, къ какимъ нелѣпостямъ могутъ приводить теоріи, которыя остроумные французы объедаютъ въ извѣстномъ афоризмѣ: „La femme c'est le sexe“ (женщина — это полъ), — это мы видимъ изъ столь же извѣстнаго изреченія одного знаменитаго нѣмецкаго врача-гинеколога (профессора Рунге), который совершенно серьезно отстаиваетъ въ своемъ нашумѣвшемъ популярно-научномъ сочиненіи тотъ взглядъ, что жизнь „женщины это — беременность и послѣродовой періодъ“. Вотъ почему не только въ

интересах матерей, но и въ интересахъ расы было неотложно необходимо, чтобы успѣхи экономическаго и духовнаго развитія положили конецъ этому ненормальному положенію, выдвинувъ женщину, благодаря измѣнившимся способамъ производства, въ центръ борьбы за существованіе и научивъ ее снова примѣнять свои индивидуальныя силы. И вопреки всѣмъ опасеніямъ и про-

Фотогр. изд. Фр. Галфштейнгла въ Мюнхенѣ.

Рис. 391. Madonna della Seggiola.

(По картюкѣ Рафаэля).

рочествамъ, объясняющимся только новизной и непривычностью явленія, это не только не принесетъ ущерба ея материнскимъ задачамъ и душевному складу, а, наоборотъ, больше чѣмъ когда-либо разовьетъ ея способности и силы для нихъ.

Возьмемъ прежде всего ея физическія силы и способности. Всѣмъ извѣстенъ фактъ и не мало о немъ сокрушаются, — что физиологическія явленія, предшествующія рожденію новаго гражданина вселенной, сопровождающія его и слѣдующія за нимъ, представляютъ собой у культурной женщины все больше и больше болѣзненные разстройства, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше экономическое и социальное положеніе мужа поз-

воляеть ей развиваться въ единственномъ направленіи ея материнскаго назначенія; между тѣмъ крестьянская женщина, проводящая жизнь въ суровомъ трудѣ, и даже фабричная работница, живущая въ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ несутъ сравнительно легче тяготы беременности и первой поры материнства, а у женщинъ дикихъ племенъ эти самыя процессы протекаютъ почти совершенно незамѣтно, не причиняя никакихъ, серьезныхъ страданій; о разстройствахъ же и совѣмъ говорить нечего. По свидѣтельству путешественниковъ, среди дикарей отнюдь не рѣдкое явленіе, что женщина, внезапно почувствовавъ за работой схватки, тутъ же среди поля производить на свѣтъ ребенка и затѣмъ сама, совершенно здоровая, несетъ его домой.

Все возрастающая неспособность культурной женщины исполнять простѣйшую изъ материнскихъ обязанностей — вскармливать своихъ дѣтей собственной грудью, лучше всего доказываетъ, какъ мало полезно и выгодно оказалось ограниченіе женщины сферой ея полового назначенія въ интересахъ самаго этого назначенія. Лишенная въ дѣтствѣ всякаго здороваго физическаго упражненія, недопускаемая къ участию въ шумныхъ играхъ братьевъ, въ ихъ веселомъ бѣганіи, лазаніи на вольномъ воздухѣ — оттого что это „неженственно“ и оттого, что будущая хозяйка и мать должна прежде всего „пріучаться къ дому“; въ возрастѣ подростка стѣсняемая самой нездоровой, рассчитанной на половое привлеченіе мужчины въ будущемъ, одеждой; обреченная взрослымъ челоукомъ на бездѣлье и праздность благовоспитанной барышни, развивающей въ себѣ общественныя „таланты“ и дилетантски играющей искусствомъ, а въ годы самаго пышнаго расцвѣта силъ, когда всѣ инстинкты тѣла и души жадно ищутъ упражненія и удовлетворенія, когда молодой мужчина можетъ дать исходъ своимъ стремленіямъ, готовиться къ самостоятельному избранной карьерѣ, соотвѣтственно своимъ индивидуальнымъ способностямъ, обреченная въ эту пору на пассивное, расслабляющее нервы „ожиданіе мужа“, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ самая возможность осуществленія ея „природнаго назначенія“ — единственно отводимаго на ея долю, но для достиженія котораго она сама не смѣетъ сдѣлать ни одного шага и даже должна тщательно скрывать самую потребность въ немъ, — вотъ какъ развивается наша женщина, вотъ какъ готовились къ материнству безчисленное множество поколѣній дѣвушекъ изъ „порядочныхъ“ семей.

Дѣвушки трудящихся классовъ народа могли, конечно, во многихъ отношеніяхъ развиваться свободнѣе, въ общемъ, и половая жизнь ихъ протекала нормальнѣе, тѣло ихъ также больше закалялось и крѣпло въ условіяхъ болѣе или менѣе тяжелаго домашняго или фабричнаго труда; но условія ихъ жизни были (и отчасти остаются до сихъ поръ) всегда до послѣдней степени неблагоприятными. А если принять во вниманіе, вдобавокъ, что дѣвушкамъ и женщинамъ всѣхъ классовъ не даютъ никакихъ свѣдѣній, ни общегигиеническихъ, ни половыхъ, о важнѣйшихъ нормальныхъ явленіяхъ и процессахъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь и процвѣтаніе расы, что онѣ приступаютъ къ исполненію своихъ специальныхъ женскихъ и материнскихъ

задачу въ полномъ невѣдѣніи и безъ всякой подготовки, — то ничего удивительнаго не окажется въ томъ, что физическая способность женщины къ материнству не только не можетъ идти въ ногу съ остальными культурными завоеваніями, но даже прискорбно уступаетъ физической способности дикарей, матерей варварскихъ племенъ, — даже понижилась въ сравненіи съ ней.

На этихъ раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества матери не уступали отцамъ ни въ размѣрахъ тѣла, ни въ физической силѣ. Онѣ добывали пищу для себя и для своихъ дѣтей и выходили для нихъ на охоту; онѣ защищали ихъ и ихъ пещеру или хижины отъ нападенія ликихъ звѣрей и неприятельскихъ племенъ; онѣ участвовали и въ походахъ своего племени, въ войнахъ и грабежахъ (рис. 392). Эта „потребность женщины въ защитѣ“, ставящая ее на одинъ уровень съ ребенкомъ, котораго она отъ природы призвана была защищать, — это безусловно продуктъ цивилизаціи и патріархальнаго общественнаго строя. Конечно, на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія задачи материнства были значительно проще, но въ силу инстинкта онѣ были вполнѣ по плечу матерямъ, — а по мѣрѣ ослабленія инстинкта подъ влияніемъ культуры онѣ оказываются имъ все меньше и меньше по силамъ. Познаніе же, которое во всѣхъ другихъ областяхъ заняло мѣсто инстинкта, въ этой области не могло не оказаться бесильнымъ у экономически-зависимыхъ и духовно несовершеннолѣтнихъ матерей.

Недостаточный уровень материнства обнаруживается еще за-

мѣтнѣ тамъ, гдѣ инстинкту нѣтъ мѣста и все зависитъ единственно и исключительно отъ знаній: въ материнскомъ воспитаніи. До какой степени средней матери, т. е. такой, которая не можетъ возмѣстить необыкновеннымъ умомъ и характеромъ того, чего ей самой не дано было воспитаніемъ, трудно, почти невозможно справиться съ воспитаніемъ своихъ дѣтей, особенно сыновей, съ ролью руководительницы въ многообразной и сложной современной жизни со всеми ея заблужденіями, борьбой и опасностями. — это такъ безспорно признано всѣми за послѣднія десятилѣтія, такъ единодушно высказывается со всѣхъ сторонъ, что нѣтъ надобности иллюстрировать этотъ

По fotogr. паз. Келлеръ и Рейнеръ въ Берлинѣ.
Рис. 392. Мать (у варварскихъ племенъ).

Ст. Энциклага

фактъ примѣрами, извѣстными всѣмъ изъ повседневной жизни. Тѣмъ болѣе нѣтъ надобности, что это и было вполне понятно въ условіяхъ, существовавшихъ до сихъ поръ. Ничего другого и нельзя было ожидать отъ женщины, которой вмѣнялось въ обязанность „сидѣть дома“, которую воспитаніе и нравы держали въ возможно большемъ удаленіи отъ жизненной дѣйствительности за предѣлами дома. Тамъ, за этими предѣлами жизнь неудержимо мчалась впередъ, но ея жизнь, ея міръ, домъ и семью едва задѣвало это прогрессивное движеніе впередъ. И все болѣе и шире разверзалась та пропасть, которая отдѣляла ее отъ духовной жизни ея современниковъ-мужчинъ, включая и ея собственныхъ сыновей. Дочерямъ она еще могла передать, въ лучшемъ случаѣ, ту несовершенную подготовку къ дальнѣйшей жизни, которую сама получила; сыновья же въ очень раннемъ возрастѣ достигаютъ такого уровня, на которомъ имъ приходится относиться къ своимъ невѣжественнымъ матерямъ, не понимаящимъ ихъ процесса образованія, съ роковой снисходительностью, которая болѣе всего — и гораздо чаще, чѣмъ это обыкновенно думаютъ — создаетъ въ послѣдствіи презрительное отношеніе мужчинъ къ женскому полу вообще. Въ наивно-жестокое заявленіе юнаго гимназиста: „мама, ты этого не понимаешь“, таятся корни самыхъ тяжкихъ противорѣчій бережно охраняемаго буржуазнаго материнства, — противорѣчій, которыя принимаютъ въ низшихъ слояхъ болѣе грубыя формы, но едва ли воспринимаются болѣзненно. Мужчина изъ народа также привкаетъ съ равной юности видѣть въ женщинѣ, включая и мать, низшее, подчиненное существо, домашнюю рабыню; но между умственнымъ уровнемъ мужчины и женщины здѣсь нѣтъ такой глубокой пропасти, какъ въ кругу такъ называемой интеллигенціи. А какія противорѣчія мы видимъ и здѣсь между теоріей и практикой. Дѣвушка интеллигентнаго круга научилась еще въ дѣтствѣ чтить въ лицѣ Корнеліи, матери Граковъ, высшій образецъ благородной материнской души; но та же школа, которая научила ее этому, сдѣлала все, въ согласіи съ остальнымъ дѣвичьимъ воспитаніемъ, чтобы изъ нея вышло существо возможно менѣе похожее на эту энергичную, самостоятельную, гордую мать!

Наше время произвело переворотъ и въ области, враждебной всякому здоровому прогрессу, уяснивъ прежде всего, что старая мудрость: „кому Господь далъ дѣло, тому дастъ и разумнѣе“, едва ли гдѣ-либо такъ мало примѣнима и врядъ ли гдѣ-либо можетъ создать такія роковыя послѣдствія, какъ здѣсь. Съ одной стороны, — естественно-научное міросозерцаніе съ тѣми выводами, какіе оно дѣлаетъ изъ теорій происхожденія и наследственности въ вопросѣ расовой гігіены, съ другой стороны, — современное женское движеніе съ своимъ ученіемъ о свободной личности женщины и съ требованіемъ одинаковаго образованія для женщинъ — внушили сначала все болѣе и болѣе широкимъ общественнымъ кругамъ, а потомъ, наконецъ, и государственной власти сознаніе необходимости физическаго и духовнаго возрожденія женщины-матери. Реформы въ области женскаго воспитанія, соціальнаго законодательства, общественной и частной гігіены, которыя еще лѣтъ тридцать тому назадъ были, самое большое, благими желаніями,

стали уже частью совершившимися фактами, и болѣе широкая требованія могутъ разсчитывать съ увѣренностью на поддержку и осуществленіе. Стремленія къ распространенію гигиеническихъ знаній, къ реформѣ женской одежды, къ всеобщему участию женщинъ во всѣхъ видахъ спорта, возросшая, благодаря этому, потребность въ самостоятельности у нашихъ дѣвушекъ, болѣе же всего необычайно быстро возрастающее непосредственное участіе женщинъ въ профессиональной и общественной жизни, въ духовныхъ интересахъ и работѣ ихъ народа въ области наукъ и искусства, — все это позволяетъ ожидать, что слѣдующія же поколѣнія женщины будутъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе достойны своихъ материнскихъ задачъ и обязанностей, чѣмъ прежнія женщины.

При этомъ ходѣ развитія можно опасаться одного: что этимъ лучше понимаемымъ и лучше исполняемымъ материнскимъ обязанностямъ (въ противоположность названной довѣрчивости, съ которой эта область предоставлялась прежде самой себѣ) будетъ удѣлено въ воспитаніи и въ жизни слишкомъ много мѣста и вниманія въ сравненіи съ остальными общечеловѣческими задачами. Въ предыдущей главѣ мы указывали на то, что единичное хозяйство уже утратило свое значеніе для производства и семейной жизни, и дальнѣйшія побѣды социально-гигиеническихъ стремленій общають еще большую свободу женщинъ въ этой области. Но въ вопросѣ материнства этого ожидать нельзя, — съ повышеніемъ уровня развитія матерей ихъ задачи, обязанности и труды должны также сдѣлаться выше, шире, совершеннѣе. Характерно во всякомъ случаѣ то реакціонное въ извѣстномъ смыслѣ явленіе, что именно въ наше время, когда для общечеловѣческой дѣятельности женщины открывается, сообразно ея индивидуальнымъ способностямъ, одна за другой двери во всѣ области технического и умственного труда, — именно теперь выплываетъ налюбленный лозунгъ „подготовки къ материнству“ и рядъ болѣе или менѣе фантастическихъ проектовъ и плановъ „школъ для матерей“. Дѣломъ женскаго движенія будетъ заботиться о томъ, чтобъ эти — въ основѣ — добрыя намѣренія и — въ извѣстныхъ предѣлахъ — даже желательныя стремленія не привели къ видоизмѣнившейся глухой стѣнѣ уже пережитаго взгляда на женщину, какъ на половое существо безъ самоцѣли, какъ на мать — только въ ущербъ женщинѣ и въ ущербъ самому материнству; потому что лучшей и единственно правильной воспитательной подготовкой къ материнству въ современномъ смыслѣ можетъ быть только такая, которая сдѣлаетъ женщину физически и умственно дѣльнымъ и независимымъ человекомъ, и лучшая школа для матерей — сама жизнь, въ которой она должна теперь, совершенно такъ же какъ мужчина, сама завоевать себѣ мѣсто на землѣ.

И это относится, прежде всего, къ матеріальной основѣ нашей жизни, къ экономической самостоятельности женщины и въ бракѣ. Возможность совмѣщенія профессиональнаго занятія съ материнствомъ представляетъ собой самый спорный. — хотя въ безчисленномъ множествѣ единичныхъ случаевъ и счастливо разрѣшенный, — вопросъ женскаго движенія, передъ которымъ отстаиваются часто самые послѣдовательные умы, погрѣшая

злополучнѣйшей непоследовательностью; но это объясняется только тѣмъ, что на существовавшіе до сихъ поръ методы материнства смотрятъ какъ на неизблѣнные и навѣки неизмѣнные, обусловленные будто бы самымъ материнствомъ. Эти прежніе методы ввалили бы, разумѣется, на женщину — при условіи совмѣщенія профессіи съ материнствомъ — двойное бремя, которое оказалось бы по-плечу только женщинамъ съ исключительными силами въ томъ возрастѣ, когда материнство требуетъ наибольшей затраты силъ. Но въ томъ-то и дѣло — и это самый существенный пунктъ во всемъ вопросѣ, — что эти старыя методы во все не примѣнимы къ материнству въ будущемъ, а частью уже и въ настоящемъ.

Та сторона материнскихъ обязанностей, которая касается домашняго хозяйства, исчезнетъ отъ постоянной, но безостановочной замѣны мелкаго домашняго производства крупнымъ промышленнымъ производствомъ, и всѣ усилія удержать міръ на старыхъ формахъ производства, во славу стараго идеала матери, согласно которому материнство поглощало безъ остатка всю личность женщины, все равно разблудились бы отъ успѣхи техники и завоеванія эпохи машинъ. А то, что останется послѣ исчезновенія большей части практически-механическаго труда матери, должно оцѣпываться не по количеству, а по качеству. На оба главныя фактора формировація человѣческой личности — врожденныя способности и воспитаніе — оказываетъ гораздо большее вліяніе то, что представляетъ собой мать, какъ личность, чѣмъ то, что она дѣлаетъ. Вотъ почему не только въ отношеніи воспитанія, но и въ отношеніи природныхъ данныхъ вполне права Роза Майредеръ, восклицая въ своей книгѣ („Критика женственности“): „Живите своей собственной жизнью, матери!“ Таковъ дѣйствительно первый завѣтъ здороваго материнства и въ интересахъ расы.

Но самое существенное и практически важное соображеніе, большей частью упускаемое изъ виду при обсужденіяхъ вопроса материнства, заключается въ томъ, что съ ростомъ экономической и духовной самостоятельности женщины, ей одной, самой матери будетъ принадлежать право опредѣлять размѣръ своихъ обязанностей и трудовъ, т. е. по собственному усмотрѣнію рѣшать, сколько имъ дѣтямъ она пожелаетъ дать жизнь. И можно быть увѣреннымъ, что тогда, при всей нормальной, здоровой жаждѣ материнства, желанія большинства женщинъ ограничатся минимумомъ числа, соответствующаго и доступнаго силамъ каждой. Изъ гуманныхъ и моральныхъ соображеній очень многіе уже и теперь находятъ предосудительной половую эксплуатацію женщины, обусловленную ея экономической зависимостью, но изъ соображеній политическихъ (государству нужны солдаты!) обыкновенно осуждаютъ это вполне естественное и понятное слѣдствіе женскаго и культурнаго развитія; и все же намѣренное ограниченіе числа дѣтей путемъ примѣненія противозачаточныхъ средствъ давно пустило корни въ высшемъ и среднемъ кругу и приобретаетъ все большее и большее распространеніе. Но придетъ, въ концѣ концовъ, пора, когда будетъ признано также непреложнымъ нравственнымъ требованіемъ, чтобы нежеланныя, ожидаемыя со страхомъ и заботой дѣти не

рождались, а это нравственное требованіе откроетъ и материнству совершенно новыя перспективы.

Въ области материнства еще больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ культурной жизни, трудно отдѣлнить экономическіе вопросы отъ моральныхъ и разсматривать ихъ отдѣльно. Мы не можемъ заняться здѣсь послѣдованіемъ того, въ какой мѣрѣ участвовали въ соціальной оцѣнкѣ и признаніи материнства оба эти фактора, т. е. положеніе мужчины, какъ кормильца, или, иными словами, экономическая зависимость женщины, и въ какой — религіозно-нравственныя представленія. Несомнѣнно только одно (и, какъ логическое слѣдствіе патріархальнаго обще-

Фотогр. подъ Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 393. Семейный портретъ.

(По картинѣ Корнелия де Вось.)

ственного строя, вполне естественно), — что оба фактора участвовали въ созданіи несостоятельныхъ съ нормально-человѣческой точки зрѣнія различій между брачнымъ и внебрачнымъ, почетнымъ и позорнымъ материнствомъ, — различій и противоположеній, которыя и теперь еще царятъ въ нашемъ социальномъ мышленіи и чувствованіи и выражаются въ нашихъ социальныхъ и правовыхъ установленіяхъ. Во всѣ эпохи мы видимъ, что женщина (особенно правящихъ и привилегированныхъ классовъ, которымъ многочисленное потомство обезпечиваетъ имущество для будущихъ поколѣній и, путемъ вліятельныхъ связей, общественное положеніе и почетъ — рис. 393) приобретаетъ, благодаря брачному материнству, даже самому несовершенному, высоко-почтенное положеніе въ семьѣ и въ обществѣ, и этому почету вполне соотвѣтствуетъ презрѣніе, которое выпадаетъ на долю безплодной женщины, не исполнившей единственной цѣли своего существованія, которую на болѣе низкой ступени куль-

турнаго развитія мужъ даже въ правѣ былъ прогнать. И мы видимъ съ другой стороны, что внѣбрачное материнство, хотя бы и самое совершенное физически и духовно, обрекаетъ женщину на позоръ и всеобщее поношеніе, при чемъ этотъ позоръ, неизгладимое „пятно рожденія“, переносится и на ребенка, хотя бы прѣжно-любимаго и удачнаго (рис. 394). Но изъ этого неоспоримо вытекаетъ, что не материнство, какъ таковое, и не затрата труда и силъ каждой отдѣльной женщины-матери опредѣляетъ собой социальную цѣнность материнства, а единственно усмотрѣніе и социальное положеніе мужа; и что, слѣдовательно, женщина даже въ этой основной, присущей ей области, обусловленной самымъ поломъ ея, въ этой единственной области, отмежеванной ей закономъ и нравами, которой ограничены всѣ ея чело-вѣческія и индивидуальныя силы и способности, — даже въ ней она считалась и считается не отдѣльной полноправной личностью, а только придаточнымъ существомъ, частью муж-чины.

Всеобщее презрѣніе къ женщинѣ, дерзнувшей осуществить единственную цѣль своего существованія безъ законной санкціи мужчины и мужского государства, это, безспорно самая несостоятельная моральная несообразность, поношеніе внѣбрачной матери и ея ребенка — самая жестокая изъ всѣхъ несправедливостей, въ которыхъ повиненъ патріархальный общественный строй, и — наряду съ проституціей — самое безобразное позорное пятно нашей цивилизаціи. Въ милліонахъ случаевъ оно превратило счастье материнства въ страшную трагедію, въ проклятіе, осыпало челоуѣчество цѣлыми горами экономического и душевнаго горя, страданій, отчаянія и преступленій. И этотъ неисчерпаемый источникъ челоуѣческихъ страданій — неисчерпаемый потому, что его питаетъ всемогущій природный инстинктъ и челоуѣческому произволу его не преодолѣть — можетъ изсякнуть только вмѣстѣ съ исчезновеніемъ патріархальнаго строя и даже превратиться въ источникъ счастья.

Знаменательные шаги къ реформѣ положенія, сдѣлавшагося совершенно несостоятельнымъ, обнаруживаются уже и теперь. Когда экономическія условія затруднили возможность брака для все большихъ и большихъ круговъ, отодвинули все больше возрастъ вступленія въ бракъ и толкнули все большія и большія толпы женщинъ на борьбу во имя насущнаго хлѣба для себя и своихъ дѣтей, — вопросъ внѣбрачнаго материнства сталъ также все болѣе и болѣе глухимъ социальнымъ вопросомъ, и великое горе не могло не разбудить, наконецъ, и социальную совѣсть.

Вотъ почему усилія и старанія всевозможныхъ обществъ „защиты матерей“ направлены съ тѣхъ поръ не на „спасеніе падшихъ“, а на подъемъ экономического, правового и социальнаго положенія внѣбрачной матери и ея ребенка и на постепенное устраненіе въ общественномъ мнѣніи пятна внѣбрачнаго рожденія. И если этотъ послѣдній выводъ, сдѣланный пока только въ теоріи, социальное признаніе и равноправіе свободнаго брака и материнства въ буржуазномъ обществѣ исповѣдуется пока немногими, — все же можно съ увѣренностью предсказать, что будущее развитіе пойдетъ именно въ этомъ направленіи; и съ такой же увѣренностью, конечно, можно предсказать, что

теорія найдеть свое практическое примѣненіе только при условіи полной экономической эмансипаціи женщины.

Но каковы бы ни были обстоятельства, — всегда будетъ принципиально и практически неприемлемъ тотъ взглядъ на свободное материнство, который совсѣмъ не принимаетъ въ расчетъ отца въ будущей семьѣ, имѣющей состоять изъ матери и ребенка, какъ мечтаютъ иные неумѣренно радикальные преобразователи, готовые выплеснуть воду изъ ванны, забывъ о ребенкѣ, оставшемся въ ней.

Фотогр. изд. Ф. Брукмана въ Мюнхенѣ.

Рис. 394. Игнаніе Агари.
(По картинѣ Адр. ванъ деръ Верфа).

Наоборотъ, можно допустить, что при условіи экономической и моральной независимости матери не только станетъ все больше и больше правиломъ длительная и прочная совместная жизнь между мужчиной и женщиной, но и будетъ лучше, чѣмъ теперь, охранено право ребенка на настоящаго отца, т. е. наиболѣе подходящаго духовно и физически. И женщина, болѣе свободная экономически и морально, долгъ которой дать

своему ребенку такого настоящаго отца, гораздо лучше суметь управлять при выборѣ мужа своими, часто обманчивыми „влеченіями сердца“, благоразумно осмозрительная въ интересахъ потомства, — чѣмъ женщина, нуждающаяся въ покровителѣ и кормильцѣ. Когда будетъ исключенъ экономическій вопросъ изъ отношеній между полами, только тогда женщина снова получитъ возможность свободнаго выбора вообще и этимъ будутъ снова восстановлены первоначальныя естественныя отношенія, въ которыхъ и человѣческой подборъ отвѣтъ рѣшающую роль женщинѣ. Вернуть снова почетное мѣсто этому естественному подбору и въ человѣческой расѣ, подбору, основанному на познаніи и сознаніи отвѣтственности, послѣ утраты инстинкта подѣ

вліяніемъ цивилизаціи, — это будетъ даже благороднѣйшей задачей будущаго освобожденнаго материнства и приобрѣтеніемъ, все значеніе котораго въ дѣлѣ развитія и облагороженія расы и учтеть невозможно.

И юридическое призваніе материнства остается еще въ полномъ согласіи съ его соціальной одѣжкой. Въ предыдущей главѣ указывалось уже на то, что въ большинствѣ культурныхъ странъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя еще исключаютъ женщинъ изъ законодательства) замужняя мать не имѣетъ при жизни мужа безповоротнаго законнаго вліянія на своего ребенка. Хотя въ германскомъ гражданскомъ законодательствѣ семейное право и представляется формально нѣсколько болѣе прогрессивнымъ, такъ какъ говорить не объ одной только отцовской, но о родительской власти, — все же фактически дѣло сводится только къ другому слову, а сущность остается та же, потому что осуществлять эту родительскую власть имѣетъ право только отецъ. Правда, наряду съ нимъ мать также имѣетъ право и обязанность заботиться о личности ребенка, но юридического представительства она не имѣетъ, и въ случаяхъ разногласія по вопросамъ воспитанія, выбора карьеры и т. под. рѣшающей голосъ принадлежитъ при всякихъ условіяхъ отцу. Послѣ его смерти (и это уже дѣйствительно крупный прогрессъ), а также въ случаяхъ бездѣйствія отцовской власти изъ-за временнаго отсутствія его, родительская власть безпрекословно и безъ всякихъ ограниченій переходитъ къ матери, — но тоже не въ силу юридическаго признанія материнской власти; мать является при этомъ до извѣстной степени замѣстительницей отца. Что законодатель стоялъ именно на этой точкѣ зрѣнія, это видно, между прочимъ, уже изъ того, что даже послѣ расторженія брака, при которомъ отецъ былъ признанъ виновной стороной и дѣти были присуждены матери, — отецъ все же сохраняетъ въ полномъ объемѣ свою власть надъ ними; затѣмъ, если онъ изъ-за преступныхъ дѣяній, вслѣдствіе которыхъ были расторгнуты бракъ, лишился своей родительской власти, — то эта власть переходитъ не къ матери, а къ третьему лицу, къ опекуну, особо назначаемому для такого спеціального случая. Такимъ образомъ, несмотря на нѣкоторыя практическія уступки, которыхъ невозможно было не сдѣлать, прилагается все же тревожное стараніе — сохранить во что бы то ни стало патріархальный принципъ. Это сказывается еще ярче въ правовомъ положеніи незамужней матери по отношенію къ ребенку.

Даже здѣсь совсѣмъ нѣтъ рѣчи о какой-либо „материнской власти“, хотя ребенокъ (независимо отъ обязанности вѣнчающаго отца содержать или поддерживать его до 16-лѣтняго возраста) въ этомъ случаѣ предоставленъ исключительно матери и ея родственникамъ. При всевозможныхъ условіяхъ вѣнчающему ребенку назначается законный опекунъ, и только въ особо исключительныхъ случаяхъ этимъ опекуномъ можетъ быть назначена сама мать. Правда, при существующемъ положеніи вещей подобная мѣра можетъ быть довольно часто признана разумной въ интересахъ дѣтей и общества, вслѣдствіе умственно-нравственнаго уровня и экономического положенія большинства незамужнихъ матерей; и современныя учрежденія общинно-организован-

ныхъ коллективныхъ или профессиональныхъ опекуновъ, приобретающія, повидимому, все больше и больше правъ гражданства въ Германіи, вполне отвѣчаютъ современнымъ общественнымъ понятіямъ и общественной потребности, — поскольку это касается дѣтей, лишенныхъ настоящаго материнскаго попеченія и нуждающихся въ дѣйствительномъ законномъ покровительствѣ со стороны чужихъ лицъ, прежде всего для защиты отъ собственнаго отца. Но когда эта мѣра примѣняется ко всякому внѣ-

Фотогр. изд. Фр. Гафштегера въ Мюнхенѣ.

Рис. 395. Материнскія обязанности.

(По картинѣ Питера де Гоха.)

брачному ребенку безъ различія, направленная противъ внѣбрачной матери, какъ таковой, лишая ее даже тѣхъ скудныхъ правъ, которыми пользуется брачное материнство, исключительно изъ-за отсутствія брачнаго свидѣтельства, — тогда въ ней можно видѣть только социальное вредное явленіе и узаконенное безправіе внѣбрачнаго материнства, что представляетъ рѣзкое противорѣчіе упомянутымъ современнымъ стремленіямъ къ защитѣ матерей.

Зато тѣмъ больше слѣдуетъ привѣтствовать всѣ тѣ стремленія и юридическія реформы, которыя имѣютъ цѣлью усилить обязанности и отвѣтственность внѣбрачнаго отца — не только въ пользу ребенка, но и въ пользу матери — и установить равноправное положеніе внѣбрачнаго ребенка съ брачными дѣтьми также и по отношенію къ отцу.

Такимъ образомъ, мы и въ этой области встрѣчаемъ неустанныя исканія и борьбу за новыя, лучшія формы, послѣ того какъ старыя оказались непригодными и несостоятельными, несомѣстимыми съ измѣнившимися условіями жизни, съ новымъ общественно-нравственнымъ духомъ. И если при этомъ нѣрѣдко новымъ виномъ наполняются старыя мѣхи, если, съ другой стороны, кое-гдѣ выстрѣлъ попадаетъ мимо цѣли, по крайней мѣрѣ ближайшей, и иной разъ указываются непроходимые пути, — все это стаяодъ не должно тревожить.

Всѣ эти явленія доказываютъ только то, что нигдѣ проволочка не имѣетъ такой силы, нигдѣ не такъ труденъ переворотъ въ мышленіи, какъ именно въ этой области, — но что все же всѣми признана необходимость создать другія, новыя основы для материнства, соотвѣтствующія измѣнившимся матеріальнымъ и духовнымъ основамъ общества, — чтобы оно могло надлежащимъ образомъ выполнить свои задачи и въ отношеніи подымающаго выше человечества, оказаться достойнымъ той высшей культурной миссіи, которая передана въ руки матерей.

Самаго ядра, истинной сущности материнства, никогда не задѣнуть эти необходимыя экономическія, социальныя и правовыя реформы, ничего не въ силахъ будутъ измѣнить эти измѣнившіеся внѣшнія формы и методы въ глубочайшей сущности женщины, какъ матери. Это, такъ же непреложно и неизмѣнно, какъ законъ природы — это и есть законъ природы. Страхъ смерти, сознательно или безсознательно владѣющій человѣческой жизнью, тотъ страхъ, который ищетъ для себя опоры и утѣшенія въ идеѣ безсмертія души, жизни за гробомъ, то чувство, которое должно представляться болѣе или менѣе зрѣлому сознанію чѣмъ-то большимъ, чѣмъ соломинка, за которую хватается утопающій, — этотъ страхъ смерти, царящій надъ нашимъ мышленіемъ, лежащій въ основѣ всѣхъ нашихъ религіозныхъ представленій, находитъ себѣ единственный естественный противовѣсъ въ неисчерпаемомъ источникѣ жизни и любви, какимъ является материнство. Въ лицѣ ребенка, происшедшаго отъ нея, какъ часть ея самой, въ цвѣтущемъ продолженіи ея собственнаго существа матери дано истинное воскресеніе плоти, безконечный рядъ новыхъ и новыхъ поколѣній ея крови обезпечиваетъ ей вѣчную жизнь. Какъ мать, женщина остается побѣдительницей даже надъ смертью.

Такъ было всегда и такъ будетъ всегда. Въ материнствѣ сливаются воедино оба могущественнѣйшихъ инстинкта — самосохраненія и сохраненія вида. Все, что дѣлаетъ мать для ребенка, она дѣлаетъ для себя самой, его страданія и радости она воспринимаетъ какъ свои, въ его жизни она снова переживаетъ свою собственную жизнь. Всѣми дѣлами своими — и самыми простыми, и самыми сложными и трудными, — въ наивысшемъ счастьѣ и въ глубочайшемъ горѣ материнство обнимаетъ границы человѣчества. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія, — нѣтъ такой обязанности и такого дѣла, которыя были бы для женщины, какъ матери, слишкомъ велики и возвышенны или слишкомъ мелки и низменны. Отвѣтственность матери за физическое и духовное благо и процвѣтаніе ребенка возвышаетъ и преобразуетъ даже обыкновеннѣйшія движенія, дѣлаетъ даже противное и отталкивающее

естественнымъ и даже милымъ. Пусть эта добросовѣстная мать на картинѣ голландскаго художника, написанной съ восхитительнымъ реализмомъ (рис. 395), удаляющая насѣкомыхъ изъ волосъ ребенка, вызоветъ улыбку у современнаго зрителя, выросшаго въ понятіяхъ гигиенической опрятности, — какъ мать, она заслуживаетъ къ себѣ не менѣе серьезнаго отношенія и не меньшаго уваженія, чѣмъ представительница высшей культуры, современная молодая женщина и мать съ одухотвореннымъ выраженіемъ лица (рис. 389), которая личнымъ надзоромъ за учащимися дѣтьми можетъ принимать непосредственное живое участіе и въ духовномъ развитіи и ростѣ своихъ дѣтей.

Рис. 396. Ниобея.

Вѣдь и та, и другая исполняютъ, сообразно потребностямъ и культурному уровню своего времени, непреложную, вѣчную материнскую обязанность передъ своимъ ребенкомъ, которому она служитъ прибѣжищемъ и высшей инстанціей во всѣхъ опасностяхъ, во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ горестяхъ, и при нормальныхъ условіяхъ продолжаетъ служить и тогда, когда ребенокъ уже давно выросъ изъ ея заботъ и попеченій и переросъ ее самое.

Чтобы это такъ сложилось, чтобы созданное ею стало во всѣхъ отношеніяхъ „больше, чѣмъ создавшіе его“ — въ этомъ заключается пламенное желаніе и тайная страстная жажда каждой матери, и если это осуществляется, это можетъ вознаграждать за всѣ собственныя тяжкія разочарованія, даже за испорченную личную жизнь. Но если это осуществленіе является не только утѣшеніемъ въ собственномъ отреченіи, не поздней наградой за тяжелыя материнскія жертвы, а дается, какъ свободный даръ боговъ, свободной личности матери, — тогда это для женщины высшая вершина материнскаго, человѣческаго счастья. Въ этомъ смыслѣ надо понимать и всю стихійную, чисто инстинктивную психологию молодого материнства. „Любить и быть счастливой умѣетъ только мать“, — потому что въ лицѣ маленькаго, безпомощнаго человѣческаго существа она бессознательно прижимается

къ груди облекшіяся плотью и кровью собственныя свои надежды на будущее, потому что одновременно съ нимъ она питаетъ своей кровью всѣ безпредѣльныя возможности развитія человѣчества.

По снимку Брауъ, Клементъ и К, Дорпахъ.

Рис. 397. Портретъ художницы и ея дочери.
(По картюшъ Э. Виле-Лебренъ.)

Этой вершинѣ человѣческаго счастья, которую судьба даетъ достигнуть женщины-матери, соответствуетъ и глубочайшее человѣческое горе, которое также составляетъ ея привилегію: когда ея страстное желаніе не осуществляется и лучшія ея надежды на будущее становятся мукой или позоромъ, причиненнымъ любимымъ ребенкомъ. Народная поэзія и мифологія полны скорб-

ныхъ образовъ вѣковѣчнаго материнскаго горя, соединяя съ гибелью ребенка ужасныя представленія о неискупимой винѣ, о гнѣвѣ, проклятіи и мести боговъ. Трагическій образъ Ниобеи (рис. 396), которой суждено было видѣть своими глазами убійство своихъ цвѣтущихъ дѣтей, скорбная страдальца Марія остались навсегда типичными примѣрами безмѣрнаго, безпредѣльнаго материнскаго горя, и судьба ихъ будетъ вѣчно потрясать сердце и простой женщины изъ народа, и женщины, стоящей на высшихъ ступеняхъ жизни и развитія, наполняя ужасомъ и тревогой передъ такой судьбой душу самой счастливой матери.

Рис. 396. Надзирательницы сиротскаго дома въ Гаарлемѣ.
(По картинѣ К. Э. Фершпренга)

По этимъ простымъ, намѣченнымъ самой природой, основнымъ линіямъ всегда будетъ создаваться сущность материнской души, и жизнь матери будетъ протекать въ радости и горѣ. Но помимо уже упомянутыхъ видоизмѣнившихся и все болѣе и болѣе видоизмѣняющихся внѣшнихъ формъ и условій, — въ сложной совокупности материнскихъ переживаній звучать уже теперь новыя струны, общающія въ будущемъ еще болѣе богатые и прекрасные звуки и знаменующія обогащеніе материнства и избавленіе отъ того мученичества, корни котораго таятся не въ ея внутренней сущности, а именно въ этихъ внѣшнихъ формахъ и условіяхъ. Наша эпоха, требующая права личности для всѣхъ, включая и женщинъ, не могла не провозгласить и требованіе „ребенка и труда“, потребовавъ этимъ и для матери права на развитіе и приложеніе ея индивидуальнѣйшихъ личныхъ способностей, наряду съ ея материнскими задачами, — права стать отдѣльнымъ, цѣльнымъ человѣкомъ, оставаясь въ

то же время и матерью, что было доступно до сих поръ только немногимъ избраннымъ. Попадобятся еще крупныя экономическія и социальныя перевороты, прежде чѣмъ для массы женщинъ осуществится не только это требованіе, но даже его идеаль; но что развитие идетъ въ этомъ направленіи, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно сказать даже, что успѣшно пробивающееся впередъ по всей линіи женское движеніе представляетъ собой побѣдоносную борьбу за эту новую материнскую личность женщины. Теперь мы еще и учесть не можемъ всѣхъ новыхъ счастливыхъ возможностей, которыя откроются тогда для матери и ребенка, когда материнство не потребуетъ больше отреченія отъ какихъ-нибудь индивидуальныхъ человѣческихъ правъ, когда всестороннее развитіе человѣческой личности матери, вѣчно отдающей, откроетъ, наоборотъ, новые источники силы и богатства для ея ребенка. Чарующимъ обѣтованіемъ этого новаго высшаго материнства и въ то же время его живымъ воплощеніемъ встаетъ передъ нами портретъ художницы Вигге-Лебрэнъ и ея ребенка (рис. 397). Полное, богатое, безмятежное счастье сквозитъ въ прекрасномъ лицѣ этой молодой матери и въ то же время талантливой художницы, — блаженное чувство любовной защищенности читается въ глазахъ дѣвочки, обнимающей своими маленькими ручками цѣлый богатый міръ.

Новая эра материнства, которую одна извѣстная англійская дѣятельница справедливо назвала „организованнымъ материнствомъ“ (organized motherhood), еще и въ другомъ смыслѣ занимаетъ современное женское движеніе. Она заключается въ томъ, чтобы сдѣлать материнскія чувства женщины, огражденныя до сих поръ крохотнымъ кругомъ собственныхъ дѣтей, достояніемъ общества, человѣчества; чтобы пролить силу материнскаго вліянія женщины, сказывавшагося и до сих поръ въ извѣстныхъ предѣлахъ чрезъ ея вліяніе въ семьѣ, по только косвенно и крайне недостаточно, — во всемъ его объемѣ и непосредственно и во всѣхъ областяхъ, какъ въ рамкахъ семьи, такъ и внѣ ихъ, въ общественной жизни, въ государствѣ и въ обществѣ; и — прежде всего — употребить съ пользой своеобразный женственно-материнскій душевный складъ тѣхъ женщинъ, которыя лишены личнаго материнства (незамужнихъ, число которыхъ все больше и больше возрастаетъ, особенно въ высшихъ кругахъ, и бездѣтныхъ), на дѣло материнскаго попеченія о тѣхъ народныхъ слояхъ, которые всего больше въ немъ нуждаются въ своей тяжелой борьбѣ за существованіе.

Правда, это материнское чувство, жизнеохраняющая сила женщины могла находить для себя исходъ во все времена съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ организованная человѣческая общественная жизнь, но, согласно взглядамъ и общественному укладу мицувшихъ временъ, она могла выражаться только въ дѣлахъ благотворительности и милосердія (рис. 398). Специальной задачей женщинъ признавалось даже издавна — залѣчивать ласковой рукой раны, полученныя внѣ дома въ суровой борьбѣ за существованіе, утѣшать несчастныхъ и одинокихъ, ходить за больными, кормить голодныхъ. Всего лучше умѣла всегда организовать и образцово употребить въ дѣло эти материнскія способности одинокихъ женщинъ на общее благо — церковь. Нельзя

и оцѣнить въ достаточной мѣрѣ все значеніе культурной работы, которая производилась въ женскихъ монастыряхъ въ области, напр., воспитанія, попеченія о больныхъ, бѣдныхъ и сиротахъ. Но тѣ, кто производили эту работу, дѣлали это, — сообразно пассивному положенію женщины и какъ матери семействъ, — большей частью не по собственной свободной волѣ, а только какъ орудіе въ рукахъ высшей власти, по велѣнію церкви, обѣщавшей имъ за это небесную награду. Современная же женщина, добывающаяся права создать свое личное материнство по собственному усмотрѣнію и по личному желанію, хочетъ, чтобы и материнскія дѣла ея на пользу общества также отправлялись подъ условіемъ самоопредѣленія и свободного опредѣленія со стороны этого общества. И отдастъ она свои материнскія силы на служеніе обществу не какъ „добрыя дѣла“, которыя обезпечили бы ей въ будущемъ почетное мѣсто на томъ свѣтѣ, а какъ непреложный социальный долгъ, вытекающій изъ новаго сознанія

По фотогр. Дж. Смита въ Лондонѣ.

Рис. 399. Caritas.

(По картинѣ Г. Уатта.)

соціальной отвѣтственности. Самая же существенная разница между тѣмъ, что было нѣкогда, и тѣмъ, что теперь, заключается въ томъ, что она видитъ свою главную задачу (и въ личномъ, и въ этомъ общественномъ материнствѣ) не въ облегченіи физическихъ и душевныхъ страданій тѣхъ, которые доверены ея материнскому попеченію, и не въ исцѣленіи ихъ по возможности, — а въ стремленіи и усиліяхъ устранить причины этихъ страданій. По понятіямъ новаго общественнаго материнства женщины, это значитъ, что она стремится создать такія экономическія и социальныя условія и такія правовыя нормы, которыя дали бы каждому отдѣльному индивидууму возможность здороваго раз-

Мужчина и женщина. I.

Тво „Просветление“ въ Сиб.

Милосердіе.

(По фотографіи Нав. Фотогр. Общества въ Берлинѣ.)

вита, соответствующаго его природнымъ свойствамъ, и достойнаго человѣка существованія.

Вполнѣ естественно, что эта болѣе широкая материнская дѣятельность современной женщины распространяется прежде всего и преимущественно на ея собственный полъ: въдѣ въ нынѣшнихъ общественныхъ устройствахъ она почти во всѣхъ областяхъ оказывается обдѣленнаго по сравнению съ мужскимъ поломъ, — независимо даже отъ того спеціальнаго конфликта, который создается именно въ наше переходное время. подѣ новыми формами производства, между естественными материнскими обязанностями и новыми культурными обязанностями женщины. Но если въ первыхъ порахъ задача помощи товарищу-женщинѣ и сводится еще часто къ защитѣ ея, какъ болѣе слабой и менѣе способной къ сопротивленію, то все же всякая социальная работа женщины въ пользу женщины стремится къ тому, чтобы воспитать ее въ духѣ самопомощи и помочь ей достигнуть экономической и духовной возможности защитить себя самое и взять свою дальнѣйшую судьбу въ свои собственныя руки, — и это также въ духѣ современнаго взгляда на материнскія воспитательныя обязанности женщины въ отношеніи ея собственныхъ кровнородныхъ дѣтей.

Во всевозможныхъ социальныхъ стремленіяхъ, преслѣдующихъ общее благо, въ тысячахъ организацій — областныхъ, національныхъ и международныхъ, сплетающихся между собой и протянувшихся частой сѣтью по всему культурному міру, уже и теперь сказывается это духовное материнство современной женщины, этотъ образъ „Саритас“ двадцатаго столѣтія (см. рис. 399 и скульптуру на отд. табл.). Даже правящая государственная власть все больше и больше склоняется уже къ тому взгляду, что безъ материнскаго вліянія не можетъ больше обойтись и общественная жизнь. Привлечение женщины на государственную и общественную службу, къ участию въ воспитательномъ и школьномъ дѣлѣ, въ попечительствахъ о бѣдныхъ и сиротахъ, въ народномъ представительствѣ и законодательствѣ — означаетъ не что иное, какъ побѣдоносное вступленіе духа и сущности материнства въ жизнь общества и человѣчества, — того духа, который угадала

По фотогр. А. Жиродевъ въ Парижѣ.

Рис. 400. Св. Жевельева.

(По фрескѣ Пуви де-Шаванна въ Палатинѣ въ Парижѣ.)

бессознательнымъ, ясповидящимъ инстинктомъ народная душа, когда чтла во всѣ времена ангела-хранителя обществнности, воплощеннаго въ строгомъ женскомъ образѣ, отъ Аены Паллады до св. Женевьевы, покровительницы города Парижа (рис. 400).

Въ странахъ съ старой культурой этотъ переворотъ совершается медленно, въ культурахъ болѣе молодыхъ и свободныхъ отъ традиціонныхъ цѣпей, разумѣется, быстрее, — но совершается онъ всюду безповоротно и неудержимо.

Эта побѣда материнскаго духа въ жизни общества не только приведетъ къ нормальному, здоровому равновѣсію весь міръ, бывшій такъ долго исключительно міромъ мужчины, — она освободитъ также материнство каждой отдѣльной женщины отъ ея экономическихъ и духовныхъ оковъ, вознесетъ ее на болѣе высокую ступень и обезпечитъ ей и въ дѣйствительной жизни то достоинство и то уваженіе, которымъ ее окружали до сихъ поръ только въ поэзіи, въ мірѣ идеала. И для общества, и для самихъ матерей, и для каждаго отдѣльнаго индивидуума осуществляются съ возвысившимся материнствомъ будущаго пророческія слова Шарлотты Перкинъ-Стетсонъ: „Когда матери чловѣчества станутъ свободными людьми, — мы будемъ жить въ лучшемъ мірѣ!“

Глава двѣнадцатая.

Женщина вдова.

(Прив.-доц. д-ръ Юлій Вейссъ, Вѣна.)

Если для мужчины вдовство сопряжено съ тяжелыми заботами о хозяйствѣ и уходомъ за дѣтьми, зато на женщину вдовство налагаетъ еще болѣе тяжелыя заботы о средствахъ къ жизни. Лишившись со смертью мужа кормильца, она, привыкшая къ опорѣ и помощи, оказывается вдругъ одинокой, покинутой и безпомощной. Скульптура Вандшнейдера (рис. 401) краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ намъ о томъ, какъ скорбь охватываетъ все существо вдовы. Даже въ наше время, когда множество женщинъ имѣетъ свой самостоятельный заработокъ, очень рѣдки все же случаи, когда женщина оказывается въ состояніи содержать послѣ смерти мужа себя и своихъ дѣтей съ помощью самостоятельнаго дѣла или продолжая прежнія занятія. Когда прежній заработокъ получался отъ какого-нибудь торговаго предпріятія, это устраивается сравнительно легко: большей частью въ подобномъ случаѣ женщина еще при жизни мужа болѣе или менѣе ознакомилась съ дѣломъ, въ большинствѣ случаевъ даже помогала вести его, такъ что и оставшись вдовой она имѣетъ возможность продолжать вести его съ помощью служащихъ (управляющаго, приказчиковъ и пр.). И дѣйствительно, часто встрѣчаются женщины, оказывающіяся способными вести съ рѣдкой энергіей даже крупныя фабричныя предпріятія. Печальное положеніе бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда женщина при жизни мужа никогда не интересовалась дѣломъ, а была поглощена только своими обязанностями хозяйки и матери или же вела свѣтскій образъ жизни. Тогда, если на помощь ей не явится какой-нибудь родственникъ мужчины, ей остается отдаться на произволъ сострадательности чужихъ людей, которымъ ей приходится платить и довѣряться и которые, конечно, больше заботятся о своей собственной выгодѣ.

Вдовъ чиновниковъ спасаетъ отъ самой острой нужды пенсія; правда, эта пенсія, особенно та, на которую могутъ рассчитывать мелкіе чиновники, — довольно скудныхъ размѣровъ и обыкновенно ея едва хватаетъ на удовлетвореніе необходимѣйшихъ и неотложнѣйшихъ нуждъ. Обыкновенно такія вдовы, если мужъ умеръ молодымъ, не имѣютъ возможности дать своимъ малолѣтнимъ дѣтямъ дорого стоящаго образованія, а вынуждены позаботиться о томъ, чтобы дѣти возможно раньше и скорѣе начали сами зарабатывать. Каждый день случается, что такія вдовы вынуждены

прервать начатое дѣтми среднее или даже высшее образование и приспособить ихъ къ заработку, хоть скудному, но достаточному для удовлетворенія необходимѣйшихъ нуждъ.

Въ самомъ печальномъ положеніи оказываются тѣ вдовы, умершіе мужья которыхъ добывали средства къ жизни семьи своимъ личнымъ трудомъ, — умственнымъ ли или физическимъ.

Рис. 401. Печаль.
Скульптура В. Вандшвейдера.

Не шевелятся больше отработавшія руки, не работаетъ больше неустанно творившій мозгъ — и изсякъ безвозвратно денежный источникъ, поддерживавшій жизнь жены и дѣтей. Задумчиво смотритъ молодая вдова, поникнувъ головой, въ темное, невѣдомое будущее, и на губахъ ея можно прочесть, какъ на картинахъ Бюхтгера (рис. 402), нѣмой вопросъ: что будетъ теперь?

Маленькія сбереженія, если они и бываютъ, поглощаются очень быстро, а иногда ихъ едва хватаетъ на покрытие расходовъ по погребенію. Такимъ бѣднымъ женщинамъ остается большей частью рассчитывать на помощь сострадательныхъ людей или же собрать всю энергію и броситься на поиски заработка, какъ ни трудно его найти и какъ ни скудно онъ можетъ прокормить. Нужда и горе постигаютъ вдову рабочаго, мелкаго ремесленника, частнаго служащаго, но порой также и вдову врача, адвоката, художника и подобныхъ тружениковъ.

Долгъ каждаго мужчины, вступающаго въ бракъ, предотвратить возможность такого положенія. Устраивать семью, не имѣя необходимыхъ средствъ къ существованію, и не только средствъ на удовлетвореніе непосредственныхъ нуждъ, но и для предотвращения

возможности черныхъ дней — это, прежде всего, преступное легкомысліе. Даже человекъ молодой, жизнерадостный, брызжущій здоровьемъ и энергіей обязанъ помнить о возможности смертельной болѣзни или непредвидѣннаго несчастнаго случая. Къ сожалѣнію, очень часто мужчины, пользующіеся крупными доходами, ведутъ комфортабельную, даже роскошную жизнь, проживаютъ все, что зарабатываютъ, и никогда не задумываются о возможности того, что сами они, работники и кормильцы семьи, могутъ быть внезапно застигнуты смертью.

Всевозможные виды страхованія жизни даютъ возможность даже человекъ съ самымъ скромнымъ заработкомъ обезпечить

своей женѣ и дѣтямъ по крайней мѣрѣ средства для пропитанія на случай неожиданной смерти. Напримѣръ, прусскій союзъ чиновниковъ обезпечиваетъ вдовѣ пожизненную сумму въ 6,000 марокъ въ годъ, при условіи взноса страховой преміи, сообразно возрасту, въ размѣрѣ 73 $\frac{1}{2}$ марокъ, 85 $\frac{1}{2}$, 99, 117, 139 $\frac{1}{2}$ и 171 м. за три мѣсяца.

Рис. 402. Вдова.
(По картинѣ Роб. Вухггера.)

Существуетъ много различныхъ видовъ страхованія жизни. Бываетъ страхованіе просто на случай смерти, т. е. застрахованная сумма уплачивается только послѣ смерти застрахованнаго лица, или же смѣшанное страхованіе жизни, т. е. такая форма, при которой застрахованная сумма уплачивается либо по достиженіи извѣстнаго возраста, либо въ случаѣ смерти ранѣе этого возраста. Взносы, которые дѣлаетъ страхующееся лицо страховому обществу, называются преміей.

Премія можетъ быть единовременной, пожизненной или ограниченной известнымъ числомъ лѣтъ. Если страхующійся пережилъ это установленное число лѣтъ, онъ прекращаетъ дальнѣйшую уплату преміи. Всякому желающему застраховаться слѣдуетъ предварительно подробно ознакомиться съ условіями страхованія. Существуютъ страховыя общества, ставящія уплату застрахованной суммы въ зависимость отъ известныхъ условій. Такъ, напримѣръ, страхующееся лицо не въ правѣ сокращать свою жизнь ни умышленно, ни по легкомыслію (пьянство, отчаянный рискъ жизнью, самоубійство, дуэль и т. п.), при заявленіи о своемъ желаніи застраховаться не въ правѣ также скрыть случаи перенесенной прежде болѣзни. Большинство страховыхъ обществъ отбрасываютъ обыкновенно, по истеченіи известнаго срока страхованія, всѣ эти ограничительныя условія, — такъ что уплачиваютъ, напримѣръ, застрахованную сумму даже въ случаѣ самоубійства.

Для менѣе состоятельныхъ классовъ, которымъ не по силамъ болѣе или менѣе крупныя преміи, вносимыя по четвертямъ года и полугодіямъ, существуютъ особые союзы и кассы, въ которые можно вносить еженедѣльно незначительными суммами и застраховаться на случай смерти въ известной суммѣ, которая выдается затѣмъ наследникамъ.

Въ противоположность образу бѣдной вдовы, влачащей жизнь въ горѣ и нуждѣ, картина Н. Дорфа (см. рис. на отд. табл.) рисуетъ намъ вдову зажиточнаго круга, жизнь которой облегчаютъ посѣщенія дѣтей и внуковъ, забытыя игрушки которыхъ виднѣются на убитой щебнемъ дорожкѣ сада.

Богатая вдова, располагающая состояніемъ, пользуется виднымъ положеніемъ и уваженіемъ въ обществѣ. Если она еще молода, ее большей частью окружаетъ толпа мужчинъ, и руки ея добиваются часто усерднѣе, чѣмъ руки молодыхъ дѣвушекъ. Очень удачно уловлено лукаво-чувственное выраженіе въ лицѣ красивой молодой вдовы на знаменитой картинѣ Лесли (рис. 403). Какое-то своеобразное обаяніе влечетъ мужчинъ къ ухаживанію за красивыми вдовами, хотя нѣкоторую роль въ этомъ играетъ, быть можетъ, и ожидаемое приданое.

Въ исторіи известенъ цѣлый рядъ знаменитыхъ вдовъ. Изъ „Пѣсни Нибелунговъ“ мы знаемъ вдову Кримгильду, которая прожила послѣ смерти своего злодѣйски убитаго мужа тринадцать лѣтъ въ глубочайшемъ траурѣ и затѣмъ, послѣ долгаго вдовства, отдала свою руку венгерскому королю Этцелю (Аттиль) только для того, чтобы добиться, благодаря этому, возможности отомстить убійцамъ своего перваго мужа Зигфрида. И ей дѣйствительно удалось удовлетворить этимъ путемъ свою жажду мести.

Въ римской исторіи больше всего обращаетъ на себя вниманіе вдова Корнелія, образецъ благородной римлянки. Послѣ смерти своего мужа, которому она родила двѣнадцать человѣкъ дѣтей, она всецѣло посвятила себя ихъ воспитанію и даже отвергла египетскаго царя Птолемея, домогавшагося ея руки, чтобы жить только ради дѣтей. Когда ее однажды спросили о ея драгоценностяхъ, она отвѣтила, указывая на своихъ дѣтей: „Вотъ мои драгоценности“. Стойко и мужественно сумѣла она

Мужчина и женщина. I.

Т-во „Прогресивна“ въ Сиб.

Женщина въ траурѣ.

(По картинѣ М. Дорфа.)

перенести смерть своихъ двухъ знаменитыхъ сыновей, народныхъ трибуновъ Тиверія и Гаія.

Примѣръ исключительнаго душевнаго величія представляетъ намъ римлянка Арія, которая, чтобы не остаться вдовой, сдѣлала своего мужа вдовцомъ. Обращаясь къ осужденному на смерть мужу, она воскликнула: „Non dolet!“ (это не больно), и сама вонзила себѣ въ грудь мечъ.

Въ эпоху римской имперіи видную роль играла вдова Ливія, дочь Юлія Цезаря, напрягшая всѣ силы, чтобы сдѣлать императоромъ своего сына Тиберія, — того самаго императора Тиберія, о которомъ римскій историкъ Грегориусъ говоритъ: „Это былъ страшный судъ всемирной исторіи. Самъ предназначенный къ злу, онъ какъ дьяволъ погибъ вмѣстѣ съ своимъ міромъ и по вѣнѣ его“.

Противницей Ливіи была другая замѣчательная вдова Агриппина, сынъ которой, Калигула, сдѣлался вполнѣ слѣдствіи преемникомъ Тиберія. Видную роль въ исторіи играла

еще вдова Юлія Мэза, которая сначала возвела на римскій императорскій престолъ своего четырнадцатилѣтняго внука Геліогабала (218 г. по Р. Хр.), но когда онъ не захотѣлъ подчиниться правленію своей бабки, она приказала его убить и возвела на престолъ своего другого внука, Александра Севера.

Въ Византіи правила Теодора, вдова восточно-римскаго императора Теофілія, бывшая регентшей въ царствованіи своего несовершеннолѣтняго сына Михаила III. Она вновь возстановила почитаніе иконъ, упраздненное въ царствованіе ея супруга, и учредила праздникъ православія, празднуемый еще и теперь

Фотогр. под. Фр. Гауфштедта въ Мюнхенѣ.

Рис. 403. Дядя Томъ и вдова Вадманъ въ караулнѣ. (По картинѣ Лессл.)

Фотогр. изд. Фр. Гаффитенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 404. Марія Медичи.
(По картинѣ А. ванъ-Дейка.)

19 февраля греко-католической церковью. Еще одна вдова Теодора была возведена на императорский престолъ около 1042 г. и правила до 1056 г. Съ ея смертью угасла македонская династія.

Не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ названныхъ женщинъ съ супругой восточно-римскаго императора Юстиніана I, которая также носила имя Теодоры. Она была дочерью управляющаго циркомъ, актрисой, танцовщицей и гетерой, потомъ стала возлюбленной и, наконецъ, супругой Юстиніана. Она такъ сумѣла овладѣть имъ, что онъ слѣдовалъ и ее императрицей и правилъ вмѣстѣ съ ней; но она прожила недолго и умерла сравнительно молодой, на сороковомъ году жизни.

Очень вліятельную роль играла во Франціи около 575 года Брунгильда, вопарившаяся послѣ смерти своего супруга и правившая значащъ именемъ своего сына, послѣ смерти его именемъ внуковъ и, наконецъ, именемъ правнуковъ, вплоть до 613 года, все время ведя борьбу съ противниками своей власти. Наконецъ, всѣ предводители аристократіи объединились между собой и выступили войной противъ Брунгильды, которая на этотъ разъ потерпѣла поражение и умерла ужасной смертью: ее, шестидесятилѣтнюю, привязали къ дикой лошади, которая и расшибла ее на-смерть.

Во французской исторіи слѣдуетъ отмѣтить еще въ эпоху Людовиковъ регентство вдовы Бланки Кастильской, матери Людовика IX. Ея правленіе отличалось цѣлымъ рядомъ благотѣльных мѣропріятій. Когда сынъ ея вззошелъ на престолъ, она также осталась его мудрой совѣтчицей, и ей Людовикъ обязанъ тѣмъ, что его называли „виднѣйшимъ основателемъ наследственной французской монархіи“.

Судьба вдовы Карла VIII французскаго, Анны Бретонской, на которой онъ женился только ради закрѣпленія ея страны за Франціей, служить характернымъ примѣромъ того, что браки царствующихъ лицъ часто заключаются только изъ политическихъ соображеній. Когда умеръ Карлъ VIII, вдова его перешла, какъ принадлежность инвентаря, къ его преемнику Людовику VI, чтобы снова упрочить за Франціей владѣніе Бретанью.

Историческую извѣстность приобрѣла вдова Юанна Неаполитанская, вавчка Роберта Анжуйскаго. Изъ политическихъ соображеній ее выдали замужъ за Андреа Венгерскаго,

Рис. 405. Анна Австрійская.
(По картинѣ П. Миньяра.)

ради соединенія Венгрии съ Неаполемъ, но она вскорѣ приказала задушить Андреа, чтобы остаться самостоятельной правительницей. Въ продолженіе своего регентства она еще три раза вступала въ бракъ, но затѣмъ была свергнута своимъ двоюроднымъ братомъ Карломъ Дураццо, была заключена имъ въ тюрьму и потомъ въ 1382 году, по его приказанію, задушена.

Луcreція Борджіа, дочь папы Александра VI, состояла, по настоянію своего отца, три раза въ бракѣ.

Двѣ женщины изъ знаменитаго рода Медичи сыграли крупную роль въ исторіи Франціи. Катерина Медичи (см. рис. 203 во II томѣ) была вдовою Генриха II французскаго. По смерти своего супруга (въ 1559 г.) и своего старшаго сына Франца II (1560 г.) она сама вступила на престоль.

Необычайно честолюбивая отъ природы, она умѣла приспособиться къ обстоятельствамъ и обезпечить свое владычество хитрой и коварной политикой. Настроенная вначалѣ сочувственно къ гугенотамъ, она потомъ отвернулась отъ нихъ, такъ какъ угадывала, что огромное большинство французскаго народа останется вѣрнымъ католицизму. Съ ея именемъ связаны въ исторіи потоки крови, пролитой въ Варолюмеевскую ночь. Видѣ политикѣ, Катерина Медичи усердно покровительствовала наукамъ и искусствамъ. Ею былъ заложенъ, между прочимъ, фундаментъ парижскаго королевскаго дворца Тюльери; въ провинціи она также вoadвигла много дворцовъ.

Рис. 406. Анна II, королева Англій.

(По картинѣ Квешпера.)

Марія Медичи (рис. 404) сдѣлалась французской королевой, благодаря своему браку съ Генрихомъ IV. Когда Генрихъ былъ убитъ въ 1610 году, вдова его сдѣлалась регентшей. Она всецѣло подпала подъ вліяніе клерикальной партіи. Ближайшимъ совѣтникомъ ея сталъ итальянецъ Кончини, мужъ ея камерфрау. Несмотря на то, что сынъ ея былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, она продолжала управлять государственными дѣлами. Только тогда, когда Кончини былъ разстрѣлянъ, она бѣжала, чтобы избѣгнуть той же участи. Спустя два года, она вернулась въ Парижъ и снова стала во главѣ государственнаго совѣта. Она же впоследствии открыла знаменитому Ришелье дорогу къ министерскому посту, но вскорѣ была имъ отстранена отъ управленія государствомъ. Тогда она начала пытаться всѣми мѣрами свергнуть ненавистнаго противника, но всѣ ея планы потерѣли неудачу, и она въ концѣ концовъ вынуждена была бѣжать изъ Франціи, гдѣ и кончила жизнь въ бѣдности. Какъ и Катерина, она оставила по себѣ добрую память, какъ покровительница наукъ и искусствъ.

Царствованіе Людовика XIV также отмѣчено регентствомъ его матери Анны Австрійской (рис. 405). Вдовствующая коро-

лева избрала министромъ своего фаворита итальянца Мазарини (или Мазаренъ, какъ называли его на свой ладъ французы). Онъ былъ достойнымъ преемникомъ Ришелье, — какъ и онъ, человекомъ выдающихся государственныхъ способностей. Своимъ политическимъ тактомъ онъ сумѣлъ всецѣло овладѣть вдовствующей королевой, такъ что настоящимъ регентомъ былъ, въ сущности, онъ. Когда Мазарини умеръ (въ 1661 г.), Анна удалилась въ монастырь, и тогда государственная власть перешла къ Людовику XIV.

Марія-Терезія Австрійская (рис. 299) царствовала еще пятнадцать лѣтъ вдовой послѣ смерти своего супруга (въ 1765 г.); но онъ и при жизни не имѣлъ права вмѣшиваться въ государственныя дѣла и пользовался только почетнымъ положеніемъ короля-супруга.

Рис. 407. Англійская королева Викторія.

Ея великая современница, русская императрица Екатерина II, вступила на престолъ, благодаря революціонному акту; супругъ ея, Петръ III, вынужденъ былъ отречься и въ томъ же году былъ убитъ. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, въ расцвѣтѣ красоты, вдовствующая императрица достигла владычества надъ необъятнымъ россійскимъ государствомъ. Всѣми куль-

турными установленіями, какими обладаетъ въ настоящее время Россія, она обязана Екатеринѣ. Она основала убѣжища для бѣдныхъ, воспитательные дома, больницы, она ввела прививку оспы и ревностно покровительствовала наукамъ и искусствамъ. Въ царствованіе ея произошли присоединеніе и раздѣлъ Польши и были покорены обширныя владѣнія.

Безславную роль сыграла въ новой исторіи Англии Анна II (1702—1714 г. — рис. 406). Супругъ ея, принцъ Георгъ Датскій, умеръ молодымъ, и она осталась на престолѣ вдовой. Историки характеризуютъ ее какъ женщину неспособную, ограниченную, податливую на мелочныя вліянія. Счастьемъ для страны было то, что она нашла въ лицѣ Мальборо выдающагося министра. Но она не остановилась передъ отставкой его, когда его жена какимъ-то пустякомъ прогнѣвала ее.

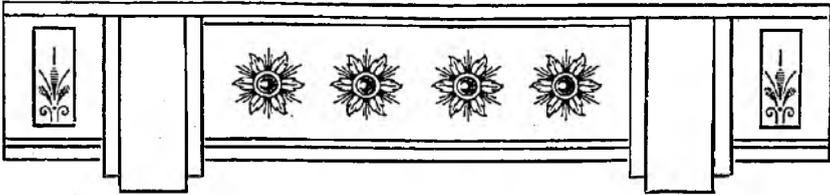
Новѣйшее время отмѣчено образами двухъ исторически знаменитыхъ вдовъ, — счастливой королевы Англии, недавно умер-

шей Викторіи (рис. 407), и несчастной, тяжко преслѣдуемой судьбой императрицы Евгеніи (рис. 408), еще живущей вдовы Наполеона III. Викторія дожила до величайшей славы соединеннаго Великобританскаго королевства, ставшаго въ царствованіе ея міровой державой; больше шести десятилѣтій длилось ея царствованіе. Въ качествѣ вдовы, она принимала живое участіе во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ и предоставляла своему сыну только обязанности ви́шняго представительства.

Евгенія, дочь испанскаго гранда, сдѣлалась невѣстой и супругой Наполеона III въ то время, когда всѣ его домогательства передъ европейскими дворами потерпѣли крушеніе. Ея красота и обаятельность, проницательный умъ и пламенное честолюбіе дѣлали ее достойной той цѣли, къ которой она стремилась — сдѣлаться французской императрицей. Дѣйствительно, послѣ своей свадьбы Евгенія стала регентшей и всецѣло овладѣла императоромъ; она же вовлекла его въ войну съ Пруссіей. Послѣ катастрофы при Метцѣ она вынуждена была бѣжать изъ Франціи. Во время своего вдовства она принимала участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ, пережитыхъ Франціей. Она стала во главѣ бонапартистской партіи и только тогда совершенно отказалась отъ общественной жизни, когда, со смертью сына, вынуждена была похоронить всѣ свои надежды.

Рис. 408. Императрица Евгенія.

Глава тринадцатая.

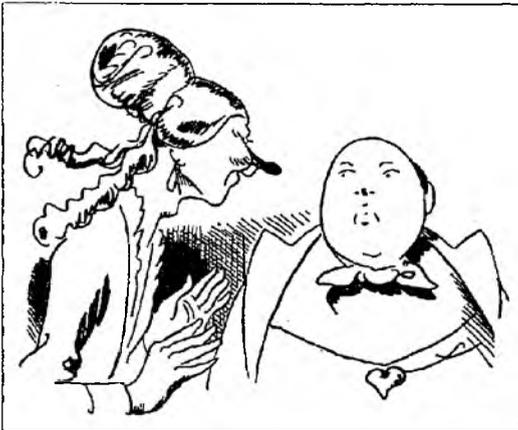
Старая дѣва.

(Прив.-доц. д-ръ Юлія Вейсъ, Вѣна).

Старая дѣва представляет собой излюбленный комический образ юмористических листовъ, старинныхъ комедій, водевилей, сатирическихъ стихотвореній, каррикатуръ (ср. рис. 409), — и одно это уже доказываетъ, что въ этой фигурѣ есть что-то смѣшное. Въ чемъ же оно заключается?

Молодая дѣвушка старѣетъ все больше и больше, желанный избавитель отъ дѣвическаго состоянія не является. Пропадаетъ молодая свѣжесть, розовыя щеки блѣднѣютъ, на кожѣ образуются складки и морщинки, густые и пышные волосы, обрамлявшіе прежде прелестное личико, рѣдѣютъ, становятся похожими на парикъ (а иногда къ нему и дѣйствительно прибѣгаютъ), лицо пріобрѣтаетъ угловатыя формы, носъ заостряется, кожа лица пріобрѣтаетъ желтоватый цвѣтъ, губы увядаютъ, шея становится длинной и худой или толстой, какъ будто зобастой. Такимъ образомъ, самая наружность старой дѣвы производитъ часто комическое впечатлѣніе, въ особенности, если она не хочетъ сознаться себѣ самой, что старѣетъ и судорожно старается молодиться, носить кокетливыя шляпки, свѣтлыя платья, ленточки въ волосахъ и тому подобное, подходящее развѣ для подростка, наряжается и прихорашивается,

Изъ кн. „Товіас Клерр“ Валг. Буша.
Рис. 409. „Адела“.

какъ молодежькая дѣвушка 16—17 лѣтъ. А если она при этомъ и держится, какъ наивная дѣвочка, краснѣетъ и стыдливо опускаетъ глаза, когда съ ней заговариваетъ молодой человекъ, или когда въ обществѣ заходитъ разговоръ на какую-нибудь болѣе или менѣ естественную тему; если она старается имѣть такой видъ, словно вѣрять

еще въ сказку объ аистѣ, громко смѣется не къ мѣсту, ребячится, шалитъ, какъ юная гимназистка, воображаетъ, что всѣ мужчины увиваются за ней, — фигура получается дѣйствительно неимоверно комичная, и бѣдную дурочку вышучиваютъ со всѣхъ сторонъ.

Однако, не всѣ старыя дѣвы таковы, — бываютъ и такія, которыя покоряются своей судьбѣ; обыкновенно онѣ имѣютъ покорное выраженіе, иногда и печальное; эти тоже жалки, но онѣ никогда не бываютъ смѣшны. Весталки, изображеніе которыхъ мы находимъ въ римскихъ музеяхъ, производятъ на зрителя положительно потрясающее впечатлѣніе: выраженіе серьезности, печали и суровости въ ихъ лицахъ производитъ такое изумительное впечатлѣніе, что волнуютъ душу, какъ глубокая, неразрѣшимая загадка (рис. 410).

Нельзя отрицать тотъ фактъ, что незамужняя дѣвушка, не извѣдавшая всю жизнь половыхъ отношеній, старѣетъ раньше, чѣмъ женщина, бывшая замужемъ даже два-три раза, родившая и возростившая много дѣтей и перенесшая много труда и муки, какъ мать и какъ жена. Въ извѣстномъ отношеніи половая жизнь, если она только не предъявляетъ изнуряющихъ требованій, оказываетъ на женщину благотворное вліяніе, молодитъ ее.

Въ низшихъ кругахъ старыя дѣвы встрѣчаются очень рѣдко. Тамъ легче возможность половыхъ отношеній, любовныя связи завязываются и развязываются быстро, дѣвушку гораздо менѣе нравственно опорочиваютъ половыя связи и материнство. Очень часто случается, что служанка или крестьянская дѣвушка имѣли 2—3 дѣтей отъ разныхъ любовниковъ и все же, въ концѣ концовъ, находятъ мужа и оказываются вѣрными и добрыми женами.

Гораздо выше ставится дѣвственность въ высшихъ и сред-

Фотогр над. Нового Фотогр. общества въ Берлинѣ-Штеглицѣ.

Рис. 410. Весталка.

(Статуя въ Римѣ.)

нихъ кругахъ, — среди интеллигенціи, аристократіи и буржуазіи. Какимъ-то особымъ обаяніемъ вѣетъ отъ цѣломудренной дѣвушки, чѣмъ-то неуловимымъ, что удерживаетъ мужчинъ на приличномъ разстояніи; классическая статуя въ ватиканскомъ музее въ Римѣ „La pudicitia“ (рис. 411) превосходно передаетъ эту дѣвственную чистоту.

Фотогр. изд. Нов. Фотогр. общества въ Берлинѣ-Штеглицѣ.

Рис. 411. La pudicitia.

(Статуя въ ватиканскомъ музее въ Римѣ).

Правда, Зола показаль намъ съ большой жизненной правдой, что нравственность часто бываетъ только наружной маской и что „вокругъ домашняго очага“ собираются порой поразительно диковинныя фигуры. Марсель Прево показаль намъ „полудѣвъ“, жизнь которыхъ часто немногимъ отличается отъ жизни продажныхъ женщинъ. Дѣвственница, жадно стремящаяся навстрѣчу мужчинѣ, ожидающая съ чувственнымъ восторгомъ мужского прикосновенія, выступаетъ — можно сказать, безсознательно — и въ тѣхъ прекрасныхъ произведеніяхъ искусства, въ которыхъ совсѣмъ не имѣлось въ виду изобразить человѣчески-плотскій элементъ, какъ, напримѣръ, въ картинѣ, изображающей встрѣчу Леды съ лебедемъ (рис. 412). Тѣмъ не менѣе существуютъ тысячи дѣйствительно дѣвушекъ, всю жизнь не подлающихся вѣковѣчному соблазну половыхъ сношеній и становящихся дѣйствительно старыми дѣвами.

Какъ доходятъ они до этого, — подъ этимъ скрывается часто глубоко-затаенная драма. Въ восемнадцать лѣтъ сердце вспыхнуло горячей любовью къ молодому человѣку... Недолго длится чарующій сонъ, любимый человѣкъ умираетъ... цѣлые годы длится порой союзъ сердець, а брачный

союзъ все не можетъ состояться изъ-за множества препятствій; тѣмъ временемъ роза успѣла отцвѣсть, и никто другой ея не срываетъ. Или любимый человѣкъ измѣняетъ, предпочитаетъ безприданницѣ богатую невѣсту, оказывается проходимцемъ и въ одинъ прекрасный день безслѣдно исчезаетъ. Все это типичныя явленія жизни, отраженія которыхъ мы находимъ и въ нашихъ романахъ.

Иарѣдка встрѣчаются также женщины съ врожденнымъ отращеніемъ къ мужчинамъ; физическое влеченіе остается у нихъ

непонятнымъ образомъ неразвитымъ. Иногда причина этого кроется въ болѣзненной недоразвитости женскихъ половыхъ органовъ. У такихъ дѣвушекъ не бываетъ менструацій, и онѣ поэтому неспособны и къ дѣторожденію.

Иногда это отвращеніе обуславливается психическими причинами. Умная и мыслящая дѣвушка видить среди окружающихъ ее знакомыхъ или родныхъ несчастные браки, покинутыхъ невѣсть, заболѣвшихъ женъ, — и въ молодой душѣ поселяется родъ ненависти и злобы къ мужчинамъ, которыхъ невозможно побѣдить.

Въ качествѣ врача (а врачу приходится очень глубоко заглянуть въ интимнѣйшіе уголки семейной жизни) мнѣ неоднократно случалось разслѣдовать вопросъ о томъ, почему барышня отвергаетъ всѣхъ жениховъ, хотя очень многие помогаютъ ея руки, привлекательной для претендентовъ по многимъ причинамъ.

Иная молодая дѣвушка не можетъ согласиться, чтобы ее „засватали“, какъ это обычно практикуется въ нѣкоторыхъ кругахъ.

Она хочетъ, чтобы настоящій избранникъ самъ явился, она ждетъ, что придетъ истинная, великая, единственная любовь, — и порой тщетно ждетъ цѣлые годы, ждетъ до тѣхъ поръ, пока оказывается старой дѣвой.

Оригиналенъ мотивъ душевной драмы у Вѣры, героини повѣсти въ письмахъ („Одна за многихъ“), сильно напумѣвшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разошедшейся въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и вызвавшей цѣлый потокъ отвѣтныхъ сочиненій. Вѣра добровольно умираетъ, когда узнаетъ о прошломъ своего жениха... „И потому, что я не могу жить съ нимъ и не могу жить безъ него, — я выбираю послѣдній путь“.

Что же побудило молодую, жизнерадостную героиню уйти изъ жизни дѣвственницей?... „Я считала его богомъ, а онъ

Фотогр. над. I. Леви въ Вѣнѣ.

Рис. 412. Леда съ лебедемъ.

(По картинѣ I. Шротцберга.)

оказался только человѣкомъ, какъ всѣ... Онъ жилъ свѣтской жизнью, обычной для большинства мужчинъ. Легко порываемая связи безъ сердечныхъ узъ, покушая любовь изъ неразборчивой чувственной потребности, жизнь, въ которой проматывается самое благородное, которому цѣны не знаютъ... Онъ бросилъ свою чистоту, какъ грязный клочекъ бумаги... Да у него даже не было никогда сознанія этой чистоты... „Мужчина требуетъ отъ дѣвушки, которую выбираетъ (говорится въ другомъ мѣстѣ), не только цѣломудрія, но и незапятнанной репутаціи. Онъ правъ! А женщинѣ дѣлать своего мужа съ уличными дѣвками? Нести всѣ муки материнства съ ужаснымъ сознаніемъ, что отецъ ея дѣтей растратилъ свои молодые силы въ продажныхъ объятіяхъ?“

При всей популярности этой книги, едва ли многія изъ дѣвушекъ, которымъ попалъ въ руки дневникъ Вѣры, извлекли изъ него примѣръ для себя: вѣдь въ сущности (какъ показываютъ послѣднія приведенныя слова) она порываетъ съ любимымъ человѣкомъ больше всего изъ боязни, что мужъ сохранить для брака слишкомъ мало производительной силы и что ожидаемое ею чувственное наслажденіе выпадетъ на ея долю недостаточно часто и недостаточно интенсивно — и охваченная навязчивой идеей, добровольно умираетъ. Но разумѣется, время отъ времени дѣйствительно случается, что дѣвушка порываетъ съ своимъ женихомъ, узнавъ о немъ дурное, — и она вполне права въ томъ случаѣ, если это половое прошлое его заключается въ печальномъ образѣ брошенной бѣдной дѣвушки, или въ нажитой серьезной половой болѣзни, или вообще въ чемъ-нибудь такомъ, что проливаетъ дурной свѣтъ на его характеръ. Съ человѣкомъ безхарактернымъ молодой дѣвушкѣ никогда не слѣдуетъ связывать свою жизнь: вѣдь она и сама рискуетъ быть несчастной въ бракѣ.

Старая дѣва — это понятіе, которое требуетъ болѣе точнаго опредѣленія. Старость у дѣвушки не значитъ старческаго возрастъ; дѣвушка старѣетъ тогда, когда вступаетъ въ тридцатилѣтній возрастъ, и имѣетъ право называться „старой дѣвой“ до тѣхъ поръ, пока продолжается ея половая зрѣлость, пока изъ ея яичниковъ освобождаются ежемѣсячно зрѣлыя яички и поступаютъ въ матку, т. е. пока она менструируетъ. Когда эти процессы прекращаются, тогда старая дѣвушка ничѣмъ не отличается отъ всякой половой женщины, отъ „матроны“, — тогда ея половая дѣятельность угасаетъ, и пробудить ее уже и мужчина не можетъ.

Тѣмъ рѣзче контрастъ между старой дѣвой въ возрастѣ между 30 и 40—45 годами и женщиной въ томъ же возрастѣ. Для женщины это возрастъ высшаго расцвѣта половой зрѣлости, она можетъ безпрепятственно слѣдовать своимъ инстинктамъ. За исключеніемъ оригинальныхъ сторонниковъ абсолютнаго и постояннаго воздержанія, какъ, напримѣръ, Толстой, Вейпингеръ, Курнигъ и др., — въ настоящее время самый строгій моралистъ, требующій отъ мужчины воздержанія до двадцати четырехлѣтняго возраста, не предъявляетъ требованія полнаго, абсолютнаго полового воздержанія отъ здороваго мужчины въ его тридцатые, сороковые и даже въ пятидесятые годы жизни. А

къ незамужней женщиныѣ это требованіе предъявляется во всякомъ возрастѣ. Въ этомъ кроется противорѣчіе, ставшее особенно рѣзкимъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣмъ извѣстно, что мнимое половое безчувствіе женщины — вздорныя расказы, что власть инстинкта надъ женщиной такъ же сильна, какъ и надъ мужчиной, и только испытываетъ она ее, быть можетъ, нѣсколько рѣже и періодичнѣе. Причина неизбежнаго возникновенія этого противорѣчія кроется въ неодинаковости по существу мужского и женскаго полового акта. У мужчины это отдѣльный актъ, у женщины онъ ведетъ нормально къ материнству и влечетъ за собой важныя послѣдствія. И надъ этими послѣдствіями необходимо задуматься культурному существу, называющемуся человекомъ, — надо понять, что свободное, необузданное слѣдованіе половому соблазну со стороны незамужней женщины привело бы къ безграничному дѣторожденію, а это было бы серьезной угрозой нашему социальному состоянію и нашей культурѣ.

Но, разумѣется, уменьшить по возможности число старыхъ дѣвъ — все же остается дѣломъ нужнымъ и благодарнымъ. Долгъ всякой разумной социальной политики — облегчить возможность вступленія въ бракъ, указать пути и средства къ тому, чтобы и люди несостоятельные могли основать свою семью. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, причина того, что многія молодыя дѣвушки становятся старыми дѣвами? Въ матеріальной несостоятельности, въ недостаткѣ средствъ къ существованію, необходимыхъ для обезпеченія будущей семьи. Освободительныя стремленія женщины, овладѣніе ею мужскими профессіями незамѣтно увеличили возможность вступленія въ бракъ. Когда зарабатываютъ оба — и мужъ, и жена, — то соединеннаго заработка можетъ хватить на содержаніе дома и семьи. Дѣвушки, имѣющія какой-нибудь заработокъ — какъ, напримѣръ, учительницы, художницы, чиновники — находятъ большей частью претендентовъ на свою руку легче, чѣмъ тѣ, которыя умѣютъ только брэнчать на рояли, болтать по-французски, блистать рукодѣліями и стряпать. Профессиональный заработокъ женщины — такой же капиталъ какъ и приданое и цѣнится почти одинаково.

Но для старѣющей дѣвушки профессія представляетъ еще и другую цѣнность, предохраняя ее отъ озлобленности, унынія, нервныхъ болѣзней. Умъ ея занятъ, и не остается мѣста для праздно мечтательности всякаго рода, дѣлающей старыхъ дѣвъ большими, истеричными. Ее не мучитъ страхъ передъ будущимъ, она чувствуетъ себя обезпеченной, сознаетъ высокую цѣну своей личности, и это даетъ ей силу и энергію.

Старая дѣва очень рѣдко болѣетъ отъ послѣдствій полового воздержанія. Тысячелѣтней наслѣдственностью въ ней сложился иной чувственный складъ, чѣмъ въ мужчинѣ, къ тому же ежемѣсячныя кровотоčenja нѣсколько облегчаютъ настойчивость потребности, ей легче оставаться долго цѣломудренной, чѣмъ мужчине. Тѣмъ не менѣе исключенія, несомнѣнно, существуютъ. Бываютъ женщины очень чувственныя, для которыхъ цѣломудріе становится мукой, — и онѣ большей частью и сбрасываютъ ее съ себя при первой возможности, какъ стѣснительное платье. Но, какъ свидѣтельствуетъ опытъ врачей, большинство, несомнѣнно, не таково.

Средства для преодоленія чувственныхъ влеченій тѣ же, какія дѣйствительны для мужчины: физическое закаливаніе, холодныя обмыванія тѣла и ванны, занятія какимъ-нибудь физическимъ спортомъ, продолжительныя прогулки до утомленія и — прежде всего — умственные отвлеченія: трудъ и занятія.

*
*
*

При теперешнемъ состояніи нашего общества женщина стремится главнымъ образомъ къ одной цѣли: найти для себя подходящаго мужа. На достиженіе этой конечной цѣли направлены всѣ ея силы, на этомъ она сосредоточиваетъ всѣ свои физическія чары и всѣ умственные способности. Въ полномъ вооруженіи, съ отточеннымъ оружіемъ дѣвушка готовится къ боевой атакѣ для завоеванія мужчины. Старая дѣва убѣждается мало-по-малу, что ей не удастся достигнуть своей цѣли жизни. — она увядаетъ, становится вялой, умственные способности ея слабѣютъ такъ же, какъ и ея физическое обаяніе. Иногда она направляетъ свои стремленія на другія цѣли (профессиональныя занятія, дѣла благотворительности), — это еще сохраняетъ на нѣкоторое время ея молодость. Втайнѣ она еще лелѣетъ надежду, что „онъ“ все же явится и введетъ ее, какъ хозяйку, въ собственный домъ, — но тщетны ожиданія. Годы проходятъ, половая дѣятельность прекращается, приостанавливаются менструаціи. Съ „охлажденіемъ“ половыхъ органовъ медленно, но безостановочно начинается ослабѣвать также дѣятельность остальныхъ ея органовъ. Связь между половыми органами и мозгомъ несомнѣнна; когда дѣятельность половыхъ органовъ прекращается, слабѣютъ также умственные способности и производительность. Выпадаютъ исключенія, но они, какъ и вездѣ, только подтверждаютъ правило. Старая дѣва вступаетъ въ возрастъ пожилой матроны, и всѣ обычныя дурныя свойства старческаго возраста у женщины еще удешажаются, когда старая дѣва достигаетъ преклонныхъ лѣтъ. Нѣтъ необходимости разсматривать подробно эти явленія, мы встрѣтимся съ ними въ слѣдующей главѣ.

Что же обязано сдѣлать общество для старыхъ дѣвъ? Прежде всего позаботиться, чтобы ихъ не стало слишкомъ много, — поощрять по возможности браки, облегчать вступленіе въ бракъ. Поразительное недомысліе обнаруживаетъ Мебиусъ, обращаясь къ старымъ дѣвамъ съ восклицаніемъ: „Ступай въ монастырь!“ и находя, что необходимо поощрять учрежденіе монастырей, какъ убѣжище для женщинъ, гдѣ онѣ могли бы „организоваться въ сообщество безъ заботы о собственномъ существованіи“. Для этихъ новыхъ учреждений могли бы быть введены уставы женскихъ монастырей и монашескіе обѣты, такъ какъ эти сообщества сами собой обуславливаютъ необходимость принудительнаго послушанія, цѣломудрія и бѣдности. Каковъ же, однако, долженъ быть предѣльный возрастъ для вступленія? Пока еще существуетъ возможность замужества, вступленіе въ эти свѣтскіе монастыри также нельзя рекомендовать, какъ и въ духовные, — развѣ только къ этому побуждаютъ религіозныя мотивы. Не всегда же явится Филиппо Липпи, чтобы увезти свою невѣсту, какъ увозитъ онъ монахиню Бути (рис. 413). Обще-

житія и убѣжища для старыхъ дѣвъ необходимы только въ тѣхъ случаяхъ, когда старая дѣва — круглая сирота, не имѣющая ни родителей, ни родныхъ, ни друзей, ни подругъ-ровесницъ. Вообще же наилучшимъ убѣжищемъ для старой дѣвы является,

По фотогр. Джак. Бреджи во Флоренции.

Рис. 413. Филиппо Липпи и мошакья Буя.

(По картинѣ Габр. Кастаньола.)

при малѣйшей къ тому возможности, жизнь въ семьѣ; тамъ, гдѣ такой возможности нѣтъ, мы встрѣчаемъ часто странную отшельническую жизнь, которую наполняютъ кошки и собаки, — своеобразная порода человѣческихъ существъ, проводящихъ жизнь въ одиночествѣ.

Эта любовь старых дѣвъ къ животнымъ вытекаетъ въ нѣ-
которыхъ случаяхъ (но отнюдь не всегда) изъ полового ин-
стинкта. У французовъ мы встрѣчаемъ образы такихъ женщинъ,
чувствующихъ „страсть“ къ животнымъ. Такъ, напримѣръ, братья
Эдмонъ и Жюль Гонкуры рассказываютъ въ своемъ „Дневникѣ“:
„Каждый разъ, когда я бывалъ въ Зоологическомъ саду, меня
поражаетъ, какое множество здѣсь встрѣчается женщинъ стран-
ныхъ, необыкновенныхъ, эксцентричныхъ, экзотическихъ, непо-
нятныхъ, которыя находятъ здѣсь, повидимому, въ соприкосно-
веніи съ животными исходъ своей потребности физической
любви“. Въ древности змѣи были любимцами женщинъ, а те-
перь, повидимому, ту же роль играютъ кошки и болонки.

Глава четырнадцатая.

Женщина въ пожиломъ возрастѣ.

(Прав.-доп. д-ръ Юлій Вейссъ, Вьна).

Женщина старѣетъ гораздо раньше мужчины. Съ того момента, когда прекращается регулярная дѣятельность дѣтородныхъ органовъ, женщина вступаетъ въ пожилую возрастъ. Физическая красота блекнетъ большей частью еще раньше, начинается постепенное увяданіе, протекающее въ различной степени у разныхъ лицъ и въ различныхъ классахъ общества. Женщины народныхъ классовъ, несущія тяжелый трудъ, крайне мало заботящіяся о своемъ тѣлѣ всю жизнь, да и не имѣющія возможности холить или беречь его, замѣтно старѣютъ обыкновенно уже въ тридцатыхъ годахъ. Такъ же рано старѣютъ тоже жены ремесленниковъ, мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ, если судьба благословила ихъ многодѣтностью и онѣ затратили свои лучшія силы въ изнурительномъ трудѣ ухода и воспитанія дѣтей. Изящныя дамы высшихъ круговъ, проводящія по много часовъ въ день въ пріятномъ бездѣльи или занятія только отдачей распоряженій и приказаній, проводящія зиму на Ривьерѣ, а знойныя лѣтніе мѣсяцы на водахъ и въ курортахъ, сохраняютъ большей частью свою физическую красоту гораздо дольше и имѣютъ иногда совсѣмъ свѣжій и бодрый видъ даже въ пятьдесятъ лѣтъ. Преждевременно старѣютъ только тѣ изъ нихъ, которыя слишкомъ жадно гоняются за удовольствіями всякаго рода, охотно превращаютъ ночь въ день и предаются безудержно чревоугодію. Человѣческій организмъ подобенъ машинѣ: если его вынуждаютъ слишкомъ много работать, то въ немъ портятся мало-помалу отдѣльныя части механизма и, наконецъ, гибнетъ весь аппаратъ. Но и недостаточное количество работы губитъ машину, — когда она слишкомъ мало работаетъ, она ржавѣетъ и портится. Каждому организму безусловно необходимо извѣстное количество физической работы; она сохраняетъ его молодость и свѣжесть.

Сравнивая статистическія данныя смертности въ старческомъ возрастѣ, мы видимъ, что преклонныхъ лѣтъ достигаетъ больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ. Напримѣръ, изъ числа 744 лицъ 254 женщины достигли свыше восьмидесятилѣтняго возраста. Въ числѣ ихъ было:

27 незамужнихъ, изъ которыхъ	9	высшаго сословія
29 замужнихъ	6	" "
198 вдовъ	41	" "

Въ одномъ большомъ городѣ умерло въ теченіе года изъ общаго числа приблизительно 200,000 человекъ:

Въ возрастѣ	80 лѣтъ	5 мужчинъ	22 женщины
"	" 81 года	8	8
"	" 82 лѣтъ	11	11
"	" 83 "	7	11
"	" 84 "	4	11
"	" 85 "	3	6
"	" 86 "	6	8
"	" 87 "	6	5
"	" 88 "	2	5
"	" 89 "	2	3
"	" 90 "	3	7
"	" 91 года	—	1
"	" 92 лѣтъ	—	5
"	" 93 "	—	1
"	" 96 "	1	—
"	" 97 "	—	1
"	" 99 "	—	1
"	" 100 "	—	2

58 мужчинъ 108 женщинъ.

Эти цифры очень явственно показываютъ перевѣсъ численности женщинъ въ преклонномъ возрастѣ.

Изъ древнихъ временъ намъ извѣстно нѣсколько случаевъ достиженія женщинами глубокой старости. Теренція, жена Цицерона, прожила 103 года. О нѣкоей Люцеѣ увѣряютъ, что она выступала еще въ качествѣ актрисы на 112 году отъ роду. Что касается возраста Сарры, жены праотца Авраама, прожившей будто бы 127 лѣтъ, — объ этомъ надо сказать то же, что нами уже было сказано по поводу такого же возраста мужчинъ въ главѣ о старческомъ возрастѣ мужчинъ: что въ то время годъ состоялъ не изъ 12, а изъ 8 или даже изъ трехъ мѣсяцевъ. Жена Георга Вундера (о которой мы упоминали уже въ соответственной главѣ I ч. настоящаго тома) достигла, какъ увѣряютъ, 110 лѣтъ. Гуфеландъ сообщаетъ объ одной русской крестьянкѣ, прожившей 115 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ и 4 дня, слѣдующія интересныя биографическія данныя:

„Въ финской деревнѣ Токатиля, Красносельскаго уѣзда, у подошвы Дудергофскихъ горъ (на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Петербурга) умерла въ 1807 году старая крестьянка, Марія Вилламо. Она родилась въ Ропшѣ въ 1692 году и помнила еще вступленіе русскихъ въ Ингерманландію (въ Ижорскую землю, нынѣшнюю Петербургскую губернію). На тридцатомъ году она была выдана замужъ за крестьянина Вилламо и черезъ семь лѣтъ родила перваго сына, два года спустя — втораго, а на 47 году родила дочь. Всю свою жизнь она питалась хлѣбомъ и квасомъ и считала этотъ напитокъ очень полезнымъ для желудка; крѣпкихъ напитковъ она никогда не употребляла, но курила табакъ. Въ столѣтнемъ возрастѣ она потеряла первый зубъ, но на его мѣстѣ вскорѣ выросъ другой. На 103 году у нея выпалъ второй зубъ, который также вскорѣ замѣнился новымъ, такъ что она до самой смерти сохранила превосходные бѣлые зубы. У нея были большіе, ясные глаза, и острое зрѣніе у нея сохранилось до самой глубокой старости, такъ же какъ и легкая умственная способность и хорошая память. Всего за три года до смерти она, въ сопровожденіи своихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, которыхъ у нея было до семидесяти, всходила на Дудергофскую гору, чтобы помолиться въ расположенной тамъ церкви; но послѣ этого уже начала подаваться. Умерла она 10 сентября 1807 года, безъ всякой предшествовавшей болѣзни, тихо и спокойно“.

Въ Торпѣ умерла 7 августа 1823 года извѣстная Гейда Юзефъ на 120 году жизни.

Я самъ лѣчилъ одну женщину, которая умерла на 105 году жизни отъ воспаленія легкихъ. До этой болѣзни она была вполне здорова и съ изумительнымъ проворствомъ бѣгала вверхъ и внизъ по своимъ тремъ лѣстницамъ, — въ 4-мъ этажѣ была расположена ея квартира.

За послѣднее время умерло нѣсколько женщинъ въ столѣтнемъ возрастѣ. Сначала умерла въ Опорто 118-лѣтняя Марія Магалеусъ, потомъ на сотомъ году отъ роду Элиза Авердикъ (рис. 414) 9 ноября 1907 года въ Гамбургѣ, — наконецъ, столѣтняя Софи Бетманъ (рис. 415) 11 декабря 1907 года въ Геттингенѣ.

„Элиза Авердикъ родилась 28 февраля 1808 года въ зажиточной купеческой семьѣ въ Гамбургѣ и была второй дочерью изъ числа двѣнадцати членовъ дѣтей. Ей очень рано пришлось начать заботиться о заработкѣ, такъ какъ вторженіе французовъ стоило ея родителямъ потери состоянія. Вначалѣ она была компаньонкой, потомъ надзирательницей въ одномъ ортопедическомъ институтѣ въ ея родномъ городѣ и сумѣла найти плодотворное приложеніе своему врожденному педагогическому таланту, основавъ школу для мальчиковъ, въ которой работала отъ 1837 до 1856 года съ самоотверженной преданностью и съ глубокимъ пониманіемъ дѣтской души. Эта дѣятельность впервые побудила ее начать издавать свои сочиненія, посвященныя почти исключительно юности. Послѣ почти двадцатилѣтней успѣшной дѣятельности въ качествѣ учительницы, сорокавосьмилѣтняя Элиза Авердикъ снова направила свои любовныя заботы на больныхъ, которымъ посвящена была ея первоначальная дѣятельность. Съ двумя помощницами она основала въ 1856 году больницу, которую, не щадя трудовъ и заботъ, расширяла, создала общину сестеръ-дьякониссъ и больницу „Vethesda“ въ Гамбургѣ, къ которой въ настоящее время примыкаютъ дѣтская лѣчебница, дѣтскій пріютъ, школа и больница для неизлечимыхъ, съ семью отдѣленіями. На 73 году Элиза Авердикъ сложила съ себя послѣ 25-лѣтней дѣятельности начальствованіе заведеніемъ, но и до конца жизни не переставала заботиться о своемъ любимомъ дѣтищѣ“.

Рис. 414. Элиза Авердикъ.

„Софи Бетманъ была дочерью Христіана Фогта, содержателя ресторана „Бѣлаго Коня“ въ Эрфуртѣ, превосходнаго и глубоко-уважаемаго человѣка, съ которымъ охотно встрѣчались Карлъ-Августъ и Гете. Такимъ образомъ, Софи Фогтъ удалось познакомиться съ обоими великими людьми, и она очень любяла рассказывать о нихъ. Гете остался у нея въ памяти образомъ, полнымъ достоинства и сдержаннымъ, а другъ его — какъ типичный веселый и симпатичный урженецъ Тюрингіи. Позднѣе Софи Фогтъ вышла замужъ за геттингенца Бетмана, и домъ ея оставался до самыхъ послѣднихъ лѣтъ центромъ живого и въ высшей степени интереснаго кружка“.

Интересно сравнить причины смерти мужчинъ и женщинъ.

Въ слѣдующей таблицѣ собрано по 100 смертныхъ случаевъ среди мужчинъ и женщинъ по разнымъ родамъ болѣзней, послужившихъ причиной смерти:

Инфекціонныя болѣзни	17,8 мужч.	13,9 женщ.
Конституціональныя болѣзни	23,1 „	25,1 „
Нервныя болѣзни	14,5 „	9,0 „
Болѣзни сердца и кровеносн. сосудовъ .	5,6 „	4,8 „
Легочныя болѣзни	13,4 „	13,8 „
Болѣзни пищеварительныхъ органовъ .	9,5 „	12,5 „
Роды и послеродовыя болѣзни	— „	9,1 „

Болезни грудных желез и женских органов	— мужч.	5,0	женщ.
Другія болезни	16,1	„	7,6

Особенно поразительна разница въ группѣ нервныхъ болѣзней, къ которымъ причислены въ настоящей таблицѣ и параличъ мозга и размягченіе мозга, — между тѣмъ женщины считаются обыкновенно болѣе предрасположенными къ нервнымъ заболѣваніямъ, чѣмъ мужчины. Въ инфекціонныхъ болѣзняхъ

Рис. 415. Софи Бетманъ.

вполнѣ понятенъ процентный перевѣсъ мужской смертности, потому что, вслѣдствіе своей профессиональной дѣятельности, мужчины подвергаются инфекціоннымъ вліяніямъ больше, чѣмъ женщины. Почти десять процентовъ всѣхъ смертныхъ случаевъ среди женщинъ приходится на счетъ ихъ спеціально женской природы, т. е. на счетъ болѣзней, такъ или иначе связанныхъ съ материнствомъ, — число довольно внушительное. Не безъ основанія утверждаютъ, что опасности военной службы у муж-

чинъ соотвѣтствуютъ опасностямъ дѣтородной дѣятельности у женщинъ. Поражаетъ процентный перевѣсъ смертныхъ случаевъ у женщинъ отъ болѣзней пищеварительныхъ органовъ; съ данными опыта практикующихъ врачей эти цифры не вполнѣ совпадаютъ. Это обстоятельство объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что воспаленія брюшины, включенныя въ настоящей таблицѣ въ группу болѣзней пищеварительныхъ органовъ, встрѣчаются у женщинъ чаще, чѣмъ у мужчинъ, хотя источники и причины воспаленій брюшины у женщинъ происходятъ отъ заболѣваній женскихъ органовъ. Приведенныя цифры относятся къ смертности во всѣхъ возрастахъ.

Сопоставленіе цифровыхъ данныхъ обширнаго статистическаго матеріала, обнимающаго 10,000 человекъ больныхъ мужчинъ и женщинъ, свидѣтельствуетъ, что среди мужчинъ разнаго возраста встрѣчается больше больныхъ и болѣзней, чѣмъ

среди женщинъ, но что зато средняя продолжительность болѣзни у женщинъ больше, чѣмъ у мужчинъ.

Очень интересны цифры сравнительнаго процента смертности въ различныхъ странахъ. На 100 смертныхъ случаевъ среди женщинъ приходится слѣдующія цифры смертности среди мужчинъ:

Въ Италіи	106	Въ Голландіи	104
Во Франціи	107	Въ Швеціи, Норвегіи, Даніи	104
Въ Англіи	107	Въ Россіи	104
Въ Германск. имперіи	109	Въ Испаніи	106
Въ Австріи	108	Въ Греціи	110
Въ Венгріи	108	Въ Румыніи	117
Въ Бельгіи	107	Въ Сербіи	118

Слѣдовательно, мужская смертность во всѣхъ странахъ безусловно больше женской.

Въ числѣ смертныхъ случаевъ, вызванныхъ не болѣзнями, самоубійство, убійство, несчастные случаи и врожденная хилость даютъ, согласно статистическимъ даннымъ всѣхъ странъ, болѣшій процентъ среди мужчинъ, а старческая слабость — болѣшій среди женщинъ. Затѣмъ, мужчины больше предрасположены къ острымъ болѣзнямъ, у женщинъ, наоборотъ, преобладаютъ затяжныя, хроническія болѣзни больше, чѣмъ у мужчинъ. Мужчины даютъ болѣшій процентъ смертныхъ случаевъ отъ туберкулеза, чѣмъ женщины, зато женщины несравненно больше предрасположены къ заболѣваніямъ ракомъ.

Особенности характера измѣняются у женщинъ въ старческомъ возрастѣ въ томъ смыслѣ, что утрачиваются вѣкоторыя свойства, сопряженныя съ ихъ физической красотой. Тщеславіе, страсть къ нарядамъ, жажда правиться, кокетство исчезаютъ въ большинствѣ случаевъ въ тотъ моментъ, когда исчезаетъ физическая прелесть. Но если эти свойства переживаютъ физическую обаятельность, какъ это иногда случается, то все манеры, весь видъ женщинъ пріобрѣтаетъ комичный и жалкій отпечатокъ. Такое явленіе встрѣчается рѣже у замужнихъ женщинъ и у матерей, чѣмъ у старыхъ дѣвъ (ср. предыдущую главу). Такое же смѣшное впечатлѣніе производятъ часто дамы высшаго круга, привыкшія всю жизнь встрѣчать болѣе или менѣе законное ухаживаніе со стороны мужчинъ и не умѣющія отрѣшиться отъ этого, постарѣвъ.

Иногда является запоздалая сердечная весна, „вторая молодость“; очень часто случается наблюдать тотъ поразительный фактъ, что старѣющіяся женщины стараются увлечь молодыхъ мужчинъ, добываясь болѣе или менѣе интимной связи съ ними. И, какъ это ни изумительно, это явленіе встрѣчается не только въ высшихъ кругахъ, но и въ самыхъ низшихъ народныхъ слояхъ: пятидесятилѣтнія женщины обзаводятся двадцати и тридцатилѣтними любовниками. Для мужчины въ подобныхъ случаяхъ играетъ роль, разумѣется, не половая привлекательность, а матеріальное содержаніе или обезпеченіе, — одно изъ отвратительнѣйшихъ явленій мужского вырожденія, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть названо проституціей. Если денежные соображенія играютъ особенно видную роль и если обладаніе ими достижимо только путемъ брака, — подобные мужчины обыкновенно не останавливаются и передъ этимъ.

Есть еще одно явление (подробное рассмотрение его составить предмет другой главы): женщины, стоящая умственно очень высоко и отличающаяся мужским душевным складом, даже достигнув пожилого возраста, приближают къ себѣ болѣе молодых, слабовольныхъ и умственно незначительныхъ мужчинъ, водятъ ихъ на помочахъ и подчиняютъ ихъ своему игу. Это явление встрѣчается въ особенности въ гѣхъ случаяхъ, когда женщины ведутъ самостоятельно какое-нибудь дѣло, въ которомъ мужъ является только помощникомъ. Въ такихъ

Фотогр под. Фр. Гафштейнглъ въ Мюнхенѣ.
Рис. 416. Портретъ старой женщины.
(По картинѣ Джоз. ди Рабера.)

случаяхъ между мужемъ и женой устанавливаются своеобразно обратныя отношенія: жена лелѣетъ и балуетъ мужа и смотритъ на него какъ на своего рода игрушку.

Женщина въ пожиломъ возрастѣ становится большей частью домохозяйкой, пристраивается къ цвѣтамъ, къ разведенію куръ (рис. 416), охотно обзаводится собаками, еще охотнѣе кошками (ср. предыдущую главу о старыхъ дѣвахъ). По воскресеньямъ и праздникамъ ходитъ въ церковь и дома также часто и истово молится. Картины Мэса (рис. 417) и Лефца (рис. 418) изображаютъ мо-

менты страстной молитвы и благоговѣйнаго углубленія въ молитвенникъ двухъ старухъ. Художники вообще часто изображаютъ старухъ съ молитвенникомъ въ рукахъ (см. рис. на отд. табл.).

Болтливость, вообще свойственная женщинѣ („Болтовня составляетъ женщинѣ, — говоритъ Мебиусъ, — безконечное наслажденіе, это истинный женскій спортъ“), обыкновенно еще до крайности усиливается въ пожиломъ возрастѣ; но въ молодости она имѣетъ сравнительно безобидный характеръ, къ старости же становится ядовитой и злобной, можно даже сказать, положительно опасной. Къ этимъ свойствамъ присоединяются злоба и

Портретъ старухи.

По картинѣ Г. Я. Мансфельда.
(Фотогр. изд. Ф. Брухманна въ Мюнхенѣ.)

зависть; всякая женщина, не только болѣе молодая и физически привлекательная, но даже только матеріально лучше обставленная, разсматривается съ враждебнымъ чувствомъ, какъ соперница, и тайно и явно осыпается ядовитыми стрѣлами на словахъ и на дѣлѣ. Пожилая женщина находитъ удовольствіе

Фотогр. изд. Фр. Гавштейнгла въ Мюнхенѣ.
Рис. 417. Старая молящаяся женщина.
(По картинѣ Ник. Маса.)

въ томъ, чтобы ссорить людей, сѣять раздоръ между супругами, доносить и ябедничать, и тонко и хитро интриговать. „Очень возможно, — говоритъ Мебіусъ, — что старухамъ ихъ злобность вмѣняется такъ сильно въ вину потому, что онѣ становятся безобразны, — а народъ ненавидитъ безобразіе. Злые старухи были, вѣроятно, и въ молодости злыми, — или только легче простились эта злость, пока онѣ были физически привлекательны“.

Скупость и жадность, которые составляют, какъ мы уже видѣли, свойства мужчипъ въ старости, развиваются съ такой же силой и у старухъ, — тѣмъ болѣе, чѣмъ больше утрачивается возможность вновь приобрести состояніе.

Наклонность къ вѣрѣ въ сверхъестественное и таинственно-чудесное, свойственная каждой женщинѣ, еще усиливается въ старости и принимаетъ своеобразныя, необычайныя формы. Эта

По фотогр. о-на „Унионъ“ въ Мюнхенѣ.

Рис. 418. Старая женщина.

(По картинѣ Л. Лефца.)

то черта порождаетъ фигуры гадальщицъ на картахъ, предсказательницъ, истолковательницъ сновъ, старающихся опутать своей вѣрой и суевѣріемъ и молодежь.

Всякая женщина — прирожденная актриса, ей врожденъ изумительный даръ притворства. Молодой и красивой женщинѣ не вмѣняется въ серьезную вину лживость, если она касается половыхъ интересовъ, но она становится нестерпимой и ужасной, когда примѣняется и пожилой женщиной и безъ особенной надобности.

Умственныя способности женщины мало-по-малу все больш-

ше и больше слабѣютъ въ пожиломъ и старческомъ возрастѣ. Съ прекращеніемъ менструаціи появляются прежде всего нѣкоторыя болѣзненные расстройства, которые выражаются въ состояніяхъ возбужденія, въ приливахъ крови, сердцебиеніяхъ и временныхъ психическихъ расстройствахъ. Такое состояніе длится часто года, два три затѣмъ буря стихаетъ, — половая жизнь прекратилась; а такъ какъ между половыми органами и мозгомъ существуетъ очень тѣсная связь, то вполне понятно, что и умственная дѣятельность слабѣетъ. „Въ обыкновенныхъ условіяхъ жизни, — замѣчаетъ Мейбусъ, — это не особенно мѣ-

шаетъ, такъ какъ никакихъ особенныхъ требованій къ уму женщины и не предъявляется“. Впрочемъ, и тутъ не можетъ не быть исключеній, и Мебиусъ самъ говоритъ, что „иныя старухи сохраняютъ изумительную умственную бодрость даже въ глубокой старости“.

Слабость критической способности, умственная неподвижность, непомерное упрямство, склонность придавать мелочамъ крупную важность все рѣзче и явственнѣе выступаютъ у женщинъ въ старости.

Это сказывается не только въ спорахъ между мужчиной и женщиной, но и въ бесѣдованіяхъ женщинъ между собой. „Кто не имѣлъ счастья послушать разговоръ между пожилыми дамами, — говоритъ все тотъ же врачъ и философъ женоненавистникъ Мебиусъ, — тотъ едва ли и представить себѣ можетъ, до какой степени онъ многословенъ ипустъ. Самая убогая тема разрабатывается въ безчисленномъ множествѣ вариаций и преимущественно въ быстромъ темпѣ. Потокъ рѣчей

Рис. 419. Ну же, бабушка.

(По картинѣ Ж. Бука.)

претерпѣваетъ разнообразныя превращенія: онъ звучитъ то струями ливня по крышѣ, то всплесками волнъ и т. п., но всего вѣрнѣе, пожалуй, сравненіе съ мельницей, шумящей пустыми жерновами“.

Изъ лучшихъ свойствъ женщины до старости сохраняются всѣ тѣ, которыя связаны съ материнствомъ. Любовь къ дѣтямъ и заботливость о нихъ даже усиливаются по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ половые соблазны, женщина перестаетъ быть женщиной и остается только матерью. Пожилая женщина слѣдитъ тревожнымъ взглядомъ за сыномъ, судьба котораго увлекаетъ его въ далекія страны и на невѣдомыя опасности, дѣлитъ съ дочерью все, что та переживаетъ въ качествѣ невѣсты, жены, роженицы, удѣляетъ и распространяетъ свою заботливую любовь и на толпу внуковъ. Даже въ самой глубокой старости она ле-

лѣтъ молодежь, хотя порой трудъ ухода за дѣтьми ей уже и не по силамъ. На картинѣ Ж. Буке (рис. 419) бабушка, обезсилѣвъ, задремала во время кормления внуковъ супомъ; онъ трясетъ ее за руку рученкой, чтобы разбудить ее.

Дурной репутаціей пользуется женщина въ качествѣ тещи, потому что, въ своей жаждѣ охранять и лелѣять любимую дочку, она слѣпа къ ея недостаткамъ и порокамъ и склонна приписывать вину за тѣ или нѣя бѣды зятю. Она видитъ въ немъ раз-

Рис. 420. Воспоминаніе о быломъ.
(В. Буза.)

бойника, отнявшаго у нея самое дорогое. Но въ жизни не всегда образъ тещи отличается тѣми чертами, которые сдѣлали ее неисчерпаемымъ предметомъ насмѣшекъ въ водевиляхъ и фарсахъ; частоможновстрѣтить даже трогательную гармонию отношеній между этими „дорогими родственниками“. Часто, впрочемъ, причина раздоровъ лежитъ въ томъ, что въ одномъ хозяйствѣ не можетъ быть мѣста двумъ женщинамъ, — а главное, для молодыхъ супруговъ даже мать является непрощенной и досадной

помѣхой. Въ особенности это вѣрно относительно свекрови, которая не всегда находитъ въ невѣсткѣ всѣ тѣ добрыя качества, которыми, по ея мнѣнію, обладаетъ сама. Немаловажную роль въ этихъ несогласіяхъ играетъ также разница въ старозавѣтныхъ и современныхъ взглядахъ на жизнь, на порядокъ и образъ жизни, въ привычкахъ сельской и городской жизни и т. п.

Супружеская любовь въ бракъ также становится въ старости сильнѣе и глубже. Всѣ остальные мужчины утрачиваютъ интересъ для женщины, потому что и для нихъ она интереса не представляетъ. Старость объединяетъ крѣпче, общія воспоминанія о счастливой порѣ молодой любви, о всевозможныхъ превратностяхъ совместно прожитой жизни, о счастьѣ и горѣ — проносятся вереницей картинъ, то веселыхъ, то серьезныхъ, передъ мысленнымъ взоромъ обоихъ стариковъ, отдыхающихъ отъ

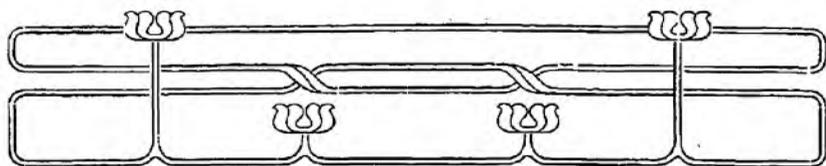
утомительнаго дневнаго и жизненнаго труда; такой моментъ изображаетъ намъ скульптура В. Бутэ „Воспоминаніе о быломъ“ (рис. 420).

Печальную картину представляетъ бракъ тогда, когда въ супругѣ не остается огнѣнной любви, когда его любовь угасаетъ съ исчезновеніемъ ея физической привлекательности. Чаше всего это случается тогда, когда мужъ моложе жены и, повинаясь власти внутреннихъ инстинктовъ, ищетъ половыхъ увлеченій, большей частью находя ихъ у другихъ женщинъ. Такой прискорбный конецъ можно всегда предсказать бракамъ между немолодыми женщинами и молодыми мужчинами и даже въ большинствѣ случаевъ такимъ бракамъ, въ которыхъ жена и мужъ ровесники. Мужчина — въ среднемъ — на десять лѣтъ моложе женщины, однихъ лѣтъ съ нимъ, — это законъ природы, а законамъ природы нельзя противиться и нельзя безнаказанно нарушать ихъ.

Если мужъ свернулъ съ надлежащаго пути супружеской вѣрности, и жена замѣтила его пренебреженіе ею и догадывается о существованіи соперницы, не явдай ея, — тогда большей частью конецъ супружескому миру и согласію. Только немногія женщины способны на супружеское самоотреченіе, очень немногія способны уступить любимаго человѣка другой. „Женщина никогда не прощаетъ невѣрности, — говоритъ чешскій народный поэтъ, Ярославъ Врхлицкій, — даже женщина съ самымъ мягкимъ сердцемъ. Она можетъ простить, если ты расстроилъ ея состояніе, она проститъ, если ты забылъ, оскорбилъ, даже ударилъ ее, но если ты избралъ себѣ другую — этого она никогда не проститъ“.

Въ противоположность болтливымъ и сварливымъ старухамъ, существуютъ, впрочемъ, старухи въ стилѣ древне-римскихъ матронъ. Матрона была почтенная замужняя женщина, которой все обязанности были величайшимъ уваженіемъ и одно прикосновеніе къ которой считалось преступленіемъ. Этимъ почетомъ пользуется женщина, олицетворяющая супружескую вѣрность и материнскую любовь, приносящая утѣшеніе скорбящимъ, осушающая слезы бѣдныхъ. Слово добрая фея, шествуютъ эти женщины по землѣ, разсыпая благодѣянія въ качествѣ сестеръ милосердія, въ качествѣ членовъ благотворительныхъ обществъ, бездумно творящихъ добро, въ качествѣ матерей для сиротъ; — служа своимъ трудомъ дѣлу народныхъ столовыхъ, дѣтскихъ пріютовъ, яслей, попечительствъ о больныхъ туберкулезомъ и т. п. Это — матери народа, на нихъ оправдывается выраженіе философа Сэнтъ-Фуа: „Женское сердце — это бездонная глубины любви“.

Женщина живетъ — и говоритъ, и мыслитъ — сердцемъ; если она больше не можетъ любить, какъ женщина, если она не могла извѣдать любви къ дѣтямъ, или дѣти, ставъ взрослыми, перестали нуждаться въ ея любви, — сердце ея ищетъ новаго поля дѣятельности. Мавръ Юкай называетъ женское сердце безбрежнымъ моремъ: „Знаешь ли ты, что гонитъ его волны? Знаешь ли, что таитъ въ себѣ темно-зеленая глубь? Знаешь ли, что нашептываютъ падающія звѣзды безкрайнему простору водъ? Знаешь ли, что несетъ горячимъ потокомъ изъ одного края міра въ другой? Знаешь ли, что ярко свѣтитъ тамъ, въ темной ночи? Если ты знаешь все это, — и тогда ты все же не знаешь всего, что живетъ въ сердцѣ женщины“ ...

Очеркъ женскаго движенія въ Россіи.

Д-ра А. Н. Шабановой.

женское движеніе въ Россіи можетъ считать свое начало со второй половины XIX вѣка, — съ этой поры оно вступило на твердую почву, но для своей полной характеристики оно требуетъ историческихъ данныхъ о положеніи женщины въ Россіи въ болѣе ранніе періоды, которыя я постараюсь изложить вкратцѣ.

До Петра I русская женщина, лишенная просвѣщенія и самостоятельности, мирно спала въ запертомъ отъ всякаго общенія теремѣ, представляя изъ себя безличную рабу, всецѣло подчиненную своему владыкѣ-мужчинѣ.

Но если углубиться въ сѣдую старину, то, по свидѣтельству историковъ, женщина въ древней Руси пользовалась (какъ и у первобытныхъ славянъ) большою свободой и самостоятельностью. Она располагала своимъ имуществомъ, выступала лично на судѣ, честь ея оберегалась строго, и обида, нанесенная ей, каралась болѣе высокой пеней, чѣмъ оскорбленіе мужчины. Въ случаѣ вдовства она дѣлалась главой семьи и воспитывала своихъ дѣтей; женщины ходили на войну, пользовались уваженіемъ и считались вѣщею силою. Эта докультурная эпоха была эпохою господства матриархата, представлявшаго женщинъ выдающуюся соціальную роль, когда женщина стояла высоко и обладала самостоятельностью. Такъ говорятъ историки.

Въ нашей древней исторіи извѣстны даже такія женщины, которыя прославились какъ умныя правительницы. Типичной представительницей подобныхъ женщинъ является Ольга (945—967 г. г.), обладавшая государственнымъ умомъ и бывшая, по выраженію Шашкова, „великимъ мужемъ своего вѣка“. Ольга правила государствомъ, распространяла христіанство на Руси, и вела войны, самостоятельно участвуя въ нихъ и пользовалась въ народѣ извѣстностью, какъ „мудрѣйшая изъ людей“.

Но какъ только измѣнились соціальныя условія жизни, какъ только возникли общественныя учрежденія — семья и собственность, — такъ постепенно изъ госпожи и хозяйки женщина стала превращаться въ рабу.

И въ слѣдующую за первобытной эпоху, съ развитіемъ и наступленіемъ патриархальнаго родового начала, русская женщина, по достовѣрнымъ историческимъ даннымъ, постепенно теряетъ свою самостоятельность, превращаясь въ исключительно рабочую силу и собственность главы рода — мужчины. Онъ взялъ на себя обязанности защищать и пріобрѣтать (война), ей предоставилъ производить дѣтей и вести хозяйство, что и по-

служило основаніемъ къ водворенію принципа: міръ — домъ мужчинъ, домъ — міръ женщинъ!

При господствѣ дикихъ и варварскихъ нравовъ и обычаевъ того времени, когда право сильнаго замѣняло законъ, женщина естественно должна была стать рабой, которая цѣнилась постольку, поскольку она была нужна для удовлетворенія чувственности мужчины, для его удовольствія, для дѣторожденія, для продолженія рода и для домашней работы.

Вліяніе византійской культуры, принесенной намъ христіанствомъ, вмѣсто возвышенія женщины, еще болѣе усилило ея подчиненное положеніе. Подъ этимъ вліяніемъ утвердилось понятіе о женщинѣ, какъ о существѣ грѣховномъ, нечистомъ и презираемомъ, котораго нужно избѣгать, чтобы не впасть въ искушеніе, держать въ строгости и не давать воли.

Христіанское ученіе, безконечно расширивъ человѣку горизонтъ свободы, нанесло ударъ рабству, но не содѣйствовало поднятію женщины на уровень развитія мужчины, оставляя ей подчиненное мѣсто.

Апостоль Павелъ говоритъ: „не мужъ созданъ для жены, а жена для мужа“. „Жена да не учитъ“. И до сихъ поръ архаическое „жена да боится мужа“ — проповѣдуется при исполненіи таинства брака...

Водвореніе татарскаго ига, загормозившаго надолго развитіе общественной и политической жизни въ Россіи, отразилось самымъ неблагоприятнымъ образомъ и на положеніи русской женщины. Мусульманскія воззрѣнія на женщинъ, какъ на низшія, пассивно подчиненныя существа, мало отличающіяся отъ животныхъ, не могли не проникнуть въ строй русской жизни и не привести къ признанію въ женщинѣ исключительно физической стороны. По господствовавшимъ азіатскимъ понятіямъ женщину откармливали и покоили для сохраненія въ ней красоты тѣла, для чувственнаго наслажденія, требуя отъ нея рожденія сыновей; дочери же цѣнились мало, число ихъ должно было быть умѣренное, — лишь для продолженія потомства.

Результаты этихъ совокупныхъ вліяній: съ одной стороны взглядъ на женщину, какъ на грѣховное существо, съ другой стороны — какъ на существо, служащее лишь для наслажденія мужчины, естественно должны были повести къ удаленію женщины изъ общества и къ возбужденію презрѣнія къ ней. Всякій протестъ со стороны ея считался проявленіемъ дьявольской силы, находящейся въ каждой женщинѣ и присущей ея индивидуальности.

Реальными формами, въ которыя вылились эти воззрѣнія на женщину, обрекшія ее на нравственное и духовное порабощеніе, явились теремъ и плетка Домостроя, которая учила повиноваться. Болѣе ста лѣтъ держали русскую женщину въ состояніи нравственнаго и умственнаго оупушья, подъ замкомъ, пока Петръ Великій не положилъ конца затворничеству женщинъ, установивъ въ 1718 г. ассамблеи и призвавъ женщинъ къ участію въ общественной жизни.

Но отворивъ терема, Петръ не могъ однимъ маховеніемъ руки уничтожить духа самодурства и деспотической тираніи власти отцовъ и мужей надъ дочерьми и женами, не могъ уничтожить

общей невѣжественности, достигавшей изумительныхъ размѣровъ, не могъ измѣнить грубости и дикой развращенности нравовъ.

Въ допетровское время громадное большинство женщинъ были безграмотны, только нѣкоторыя избранныя единицы знакомы были со священнымъ писаніемъ и читали душеспасительныя книги. Но изрѣдка появлялись и среди нихъ сильныя и образованныя по тому времени женщины, какъ, напр., жена Борнса Годунова, Ксенія, и его сестра Ирина, оказывавшія большое вліяніе на государственныя дѣла.

Благодаря своей консервативности и стойкости убѣжденій, русскія женщины XVII вѣка играли немалую роль въ исторіи раскола, проявляя поразительную энергію; такъ, пріятельница Аввакума, богатая, знатная боярыня Морозова посвятила всю себя борьбѣ съ Никоновскимъ ученіемъ. Ее гнали, лишали имущества, заключили въ тюрьму, подвергли пыткамъ, били плетью, — она и умерла въ заточеніи, оставаясь фанатично вѣрной своимъ убѣжденіямъ. Такой же фанатичкой была и ея сестра. И такихъ сильныхъ духомъ женщинъ было не мало на Руси.

Еще болѣе яркимъ примѣромъ энергіи и самостоятельности является Софья, представляющая характерный историческій образъ. Будучи образованной по тому времени (Софья училась у Симеона Полоцкого, знала иностранныя языки), обладая краснорѣчіемъ, она свободно окружила себя мужчинами, властно подчинила себѣ стрѣльцовъ, поддерживая ихъ традиціи, и, овладѣвъ государственной властью, являлась какъ царь на судѣ и расправу называя себя „самодержицей“. Подъ ея главнымъ вліяніемъ вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ, чуть не отодвинувшій надолго реформы Петра I. Софья—правительница представляется одной изъ выдающихся женщинъ, сбросившей съ себя цѣпи и оковы окружающаго жизни, но, къ сожалѣнію, всѣ ея властные стремленія были направлены только для достиженія честолюбивыхъ цѣлей въ борьбѣ съ наступавшими реформами, на зарѣ новой жизни для женщины. Эти реформы ввелъ Петръ, — онѣ подорвали родовое начало и патриархальную тиранію, — онѣ вывели женщину изъ терема и ввелъ ее въ общественную жизнь. Дѣвушка получила право выходить замужъ по любви, по свободному выбору, а не по принужденію родителей, — это имѣло громадное значеніе; беременныя женщины были освобождены отъ пытокъ, общее положеніе женщинъ улучшилось, ихъ стали обучать грамотѣ и иностраннымъ языкамъ (вмѣстѣ съ братьями), по умственное развитіе ихъ все еще оставалось въ полномъ пренебреженіи. Да и не могло быть иначе: вѣковое вліяніе темноты не могло сразу разсѣяться, — внутренній строй, окружающія невѣжественность и грубость нравовъ оставались тѣ же.

Во время царствованія Елизаветы Петровны и Екатерины II, когда гуманныя идеи европейской культуры стали проникать въ наше общество, взгляды на женщину стали мягче, ея имущественное положеніе было улучшено, но проникающая вмѣстѣ съ культурой легкость нравовъ стала доходить до самаго утонченнаго разврата. Русская женщина того времени, безъ развитія, безъ образованія, почувствовавъ нѣкоторую свободу, могла проявить ее только въ отношеніяхъ къ мужчинамъ, подчиняясь примѣру французскихъ нравовъ съ той только разницей, что распу-

щепность нравовъ у французовъ облекалась въ утопченную форму, а у насъ она проявлялась въ безобразномъ, грубомъ видѣ. Въ первую половину царствованія Екатерины II существовало всего только одно женское учебное заведеніе — Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, основанное ею какъ строгій интернатъ для обученія изящнымъ искусствамъ, иностраннымъ языкамъ и благороднымъ манерамъ, съ цѣлью изолировать дѣтей отъ вліянія грубой семьи и некультурнаго общества.

Въ это заведеніе попадали, конечно, немногія, да и просвѣщенія получали мало.

Императрица Екатерина II-ая, выдающаяся женщина, обладавшая государственнымъ умомъ, находившаяся подъ вліяніемъ философскихъ идей Вольтера и Дидро, одушевленная просвѣщенными стремленіями, нападала на невѣжество современницъ, осмѣивая его въ своихъ сатирахъ, но фактически для образованія женщинъ ею сдѣлано было мало; страстная въ своихъ чувствахъ, увлекаясь государственными реформами, она предпочитала все мужское, и русскія женщины мало приобрѣли во время царствованія великой женщины.

Императрица Екатерина II.

Я не буду распространяться объ Екатеринѣ Великой, исторической личности, имѣвшей выдающійся умъ и силу воли, совмѣщавшей въ себѣ великія достоинства и всѣ слабости нравовъ XVIII вѣка, и представлявшей исключительное явленіе въ исторіи не только Россіи, но и Европы.

Ирой защитницей равноправія женщинъ въ эпоху Екатерины II являлась ея сподвижница, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, прозванная Россійской Минервой. Эта женщина представляется настолько замѣчательной, занимая выдающееся мѣсто среди русскихъ дѣятельницъ, что ея біографіи слѣдуетъ уделить особое вниманіе. Она достигла въ прошломъ столѣтіи¹

¹ Въ 1910 г. исполнилось сто лѣтъ со времени ея смерти (1743—1810 г.).

такого высокаго положенія, о которомъ сто лѣтъ позднѣе не могутъ и думать современныя женщины.

Воспитанная на чтеніи Вольтера, Монтескье и др. философовъ, она не подчинилась вліянію пошлой французской литературы того времени и, не отличаясь красивой наружностью, всѣмъ стремленіемъ сосредоточила на приобрѣтеніи знаний и на достиженіи славы. Честолюбивая и сильная, обладая обширнымъ природнымъ умомъ и солиднымъ образованіемъ, Дашкова заняла выдающееся мѣсто на политической аренѣ, въ атмосферѣ которой она съ увлеченіемъ вращалась. Страстно преданная Екатеринѣ II, она энергично помогала ей достигнуть престола, принимая значительное участіе въ заговорѣ, который обошелся безъ кровавыхъ жертвъ, и заняла блестящее положеніе при дворѣ новой императрицы. Назначеніе Дашковой президентомъ академіи наукъ и художествъ было исключительнымъ событіемъ не только для Россіи, но и для Европы. Какъ же воспользовалась своимъ высокимъ положеніемъ Дашкова? Она сумѣла объединить вокругъ себя лучшія литературныя силы, издавала журналъ „Собесѣдникъ“ (въ числѣ сотрудниковъ котораго была и сама императрица), въ которомъ, рядомъ съ нападками на взяточничество, невѣжественность и съ сатирами на многихъ вельможъ, воскуривалась фиміамъ самой „Фелицѣ“, издала сочиненія Ломоносова и во многомъ преобразовала академію наукъ, которая при ней достигла блестящаго расцвѣта. Дашкова открыто выступала въ защиту правъ женщинъ, но въ то время восхваленіе способностей женщинъ было въ модѣ, въ виду царствованія женщины, и не встрѣчало оппозиціи, какъ сто лѣтъ спустя.

Но это блестящее положеніе Дашковой продолжалось не особенно долго: съ одной стороны властный характеръ и безтактность самой Дашковой относительно нѣкоторыхъ царедворцевъ, возбуждившіе мелочные дразги и наговоры, съ другой — ревнивое чувство Екатерины къ равной ей по уму женщиной, которая вмѣшивалась въ государственныя дѣла и приписывала удачу заговора себѣ, повели къ охлажденію, къ распрямъ, и въ концѣ концовъ навлекли на „президента Россійской Академіи и кавалера“ немилость „Фелицы“, которая выбросила своего бывшаго друга за борть. Оскорбленное самолюбіе гордой женщины не позволило ей оставаться при дворѣ, она удалилась съ надеждой на возвращеніе; но съ воцареніемъ императора Павла подверглась сильной неприязни, приведшей къ полному отреченію ея отъ всѣхъ должностей и изгнанію въ деревню.

Хотя въ наступившее затѣмъ царствованіе Александра I Дашкова и была опять призвана ко двору, но она уже была „старинной“ и къ новымъ вѣяніямъ не подошла. Послѣдніе годы Дашкова провела въ полномъ одиночествѣ въ деревнѣ (она была въ разладѣ со своей семьей), гдѣ она написала свои интересные мемуары.

На этой женщинѣ можно видѣть отраженіе всей современной ей эпохи, съ ея противорѣчіяи и смѣшеніемъ понятій — крѣпостное право и проповѣдь гуманныхъ философскихъ идей, мудрый Наказъ, составленный Екатериной, и ссылка Радищева въ Сибирь, игра въ любовь, фаворитизмъ, куртизанство и разумное правленіе. Она явилась одинокимъ свѣточемъ, вспыхнула и погасла, и

не нашла себѣ послѣдовательницъ, не послужила примѣромъ для другихъ, — потому ли, что наступившая реакція при Павлѣ оказала неблагопріятное вліяніе на всякую инициативу, или потому, что Дашкова была исключительной личностью, быстро поднявшеюся на недосыгаемую высоту и доказавшею, на что можетъ быть способна высоко одаренная женщина. Самый фактъ, что государствомъ и просвѣщеніемъ руководили женщины, составило въ исторіи женскаго движенія одно изъ блестящихъ доказательствъ справедливости требованія равноправія. При такихъ условіяхъ говорить о подчиненности женщинъ считалось немыслимымъ:

Со временъ Екатерины II было предоставлено право женщинамъ занимать мѣста воспитательницъ и учительницъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но контингентъ ихъ былъ ограниченъ вслѣдствіе отсутствія подготовки. Гдѣ можно было тогда учиться?

Императрица Марія Теодоровна явилась основательницей женскихъ институтовъ въ Россіи. Обладая твердымъ характеромъ, сильной волей и талантомъ, императрица Марія, ненавида развратъ предыдущей эпохи, направила всѣ силы, чтобы создать изъ институтовъ расадники добродѣтельныхъ, чистыхъ нравовъ патріотокъ, для подготовленія образованныхъ матерей и гувернантокъ. Но вступленіе въ жизнь, въ семьи невѣжественныхъ, жестокихъ рабовладѣльцевъ сотенъ дѣвушекъ, воспитанныхъ съ идеалистическими стремленіями, въ строгихъ институтскихъ стѣнахъ, сопровождалось мучительными разочарованіями, создавшими типъ институтки-„жертвы“, по выраженію Гоголя — „голубки въ черной стаѣ вороновъ“.

Институтское воспитаніе готовило чуждыхъ дѣйствительной жизни барышень-невѣсть; чувствительно-сентиментальныя, начитавшіяся потихоньку Марлинскаго и французскихъ романовъ, онѣ, подъ вліяніемъ окружающей обстановки, поневолѣ превращались въ помѣщицъ-деспотокъ, чиновницъ-взяточницъ или оставались непонятыми натурами, блуждавшими въ заоблачныхъ сферахъ.

Пушкинъ такъ характеризуетъ женщинъ своего времени:

По-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И выражалася съ трудомъ
На языкъ своею родномъ.

Тѣмъ не менѣе интересъ къ чтенію постепенно возрасталъ, сначала въ высшихъ, а затѣмъ и въ среднихъ кругахъ, и вліяніе школы Карамзина и поэзіи Жуковскаго вмѣстѣ съ институтскимъ воспитаніемъ вносили поэзію и романтизмъ, смягчавшіе отношенія половъ. Громадное вліяніе на развитіе и сознание свободы чувства оказала Жоржъ-Зандъ. Подъ ея вліяніемъ пробудилось сознаніе о правѣ женщинъ свободно любить, свободно распоряжаться своею личностью, стремленіе приносить въ жертву матеріальныя блага высшимъ идеаламъ.

Въ началѣ XIX столѣтія женщины стали болѣе интересоваться литературой, какъ отечественной, такъ и иностранной, и даже писать, несмотря на клички философокъ, педантокъ и синнихъ чулковъ, семинаристокъ въ шали, которыми ихъ награждали.

Что русская женщина жила въ то время больше сердцемъ и чувствомъ самопожертвованія, доказываетъ лучше всего историческій фактъ, когда жезлы декабристовъ, избалованныя, богатая

аристократки, пошли за мужьями въ далекую Сибирь, перенесли всё лишенія: каторгу, поселеніе, униженія, поддерживая и спасая мужей отъ безумія или самоубійства... Въ общемъ женщина всюду играла роль безмолвной тѣни мужчины, считая своимъ долгомъ растворять свое „я“ въ личности любимаго мужчины и жертвовать ему всеѣмъ. Таковы героини: Татьяна Пушкина, Лиза Тургенева, Елена въ „Наканунѣ“, долго служившія идеалами, плѣнявшими воображеніе цѣлыхъ поколѣній.

Въ 40—50-хъ годахъ, послѣ темноты и придушенности мысли, когда прошли времена Аракчеева и Шишкова, наступило пробужденіе общественнаго духа, которое не могло не отразиться и на русской женщинѣ.

Идея освобожденія крестьянъ, сознаніе позора рабовладѣнія, постоянно захватывавшія лучшіе умы, вносили освобожденіе и въ жизнь женщины. Шагъ за шагомъ отходили въ вѣчность тиранія надъ женами, разги и побои, прекращалась торговля людьми, право первой ночи и другіе ужасы крѣпостнаго права. Громадное вліяніе оказала литература. Подъ вліяніемъ Искандера, Дружнина и въ особенности Бѣлинскаго въ жизни русской женщины наступилъ умственный расцвѣтъ, смѣнившій жизнь исключительною сердцемъ. Бѣлинскій нанесъ страшный ударъ романтизму и былъ однимъ изъ первыхъ учителей русскихъ женщинъ, призывавшій ихъ къ умственному развитію, къ участію въ сферѣ общественной дѣятельности и семейной жизни при равенствѣ правъ и обязанностей съ мужьями. Герцогъ пошелъ еще далѣе, явившись яркимъ партизаномъ равноправія женщинъ.

Эти писатели подготовили почву для 60-хъ годовъ, когда подъ вліяніемъ свѣтлыхъ и смѣлыхъ идей передовыхъ учителей женщинъ — Добролюбова, Писарева, Михайлова и въ особенности Чернышевскаго — русская женщина вступила на путь эмансипаціи. Вліяніе освободительной эпохи, паллы въ новыя идеи, призывъ къ новой жизни, паденіе крѣпостнаго права, измѣнившіе экономическія условія жизни, подняли духъ женщины и повели ее къ самостоятельному заработку и къ исканію свободы. Но какія профессіи были доступны въ то время для женщины въ Россіи? Тяжелая, зависимая профессія гувернантки и узкая спеціальность акушерки... Переворотъ въ экономическихъ условіяхъ заставилъ женщину искать профессію, которая бы обезпечивала ея независимое существованіе, и для этого необходимы были знанія и подготовка къ труду.

Началась борьба съ родителями и мужьями, ставившими препятствія на пути стремленія женщинъ учиться, считавшими это стремленіе гибельнымъ, вступленіемъ въ нигилистки и ступенью къ разврату; но героини, преодолевавшія эти препятствія, становилось все больше и больше. Русскія дѣвушки вмѣсто романовъ зачитывались Д. Стюартомъ Миллемъ, вмѣсто заучиванія стиховъ для писанія въ альбомы засѣли за математику и естественныя науки.

Десятки молодыхъ дѣвушекъ того времени, чтобы вырваться изъ-подъ опеки семейнаго гнета, прибѣгали къ компромиссу въ формѣ фиктивнаго брака, получая отъ мужа тотчасъ послѣ вѣнчанія отдѣльный видъ на жительство, чтобы ѣхать учиться въ заграничныя университеты, за невозможностью доступа въ оте-

чественные. Но этотъ выходъ покупался иногда слишкомъ дорогою цѣной и приводилъ къ печальнымъ послѣдствіямъ при неудачномъ выборѣ фиктивнаго мужа.

Во всякомъ движеніи бываютъ и отрицательныя стороны, — такъ и въ женскомъ движеніи 60-хъ годовъ, вмѣстѣ съ серьезнымъ направленіемъ, жаждой самообразованія, передовыя женщины выражали протестъ старому строю тѣмъ, что усваивали мужскія манеры, мужской костюмъ, что и навлекло названіе нигилистокъ, которымъ безъ разбора крестили всѣхъ женщинъ стремившихся къ образованію. Но это была мода, нѣкоторый протестъ, внѣшнее наслоеніе изъ чувства подражанія болѣе развитому типу, которое скоро исчезло и сдано было въ архивъ.

Открытіе женскихъ гимназій (1-я Маринская была основана въ Петербургѣ въ 1858 г.), какъ всеобщихъ учреждений, привлекло массу ученицъ (хотя вначалѣ „привилегированные“ родители, сильно побавались вліянія „толпы“), которыя, по окончаніи курса, стремились идти дальше. Но высшаго образованія не было для женщинъ. А жажда просвѣщенія была такъ сильна, такъ охватила женскую молодежь, что никакія силы не могли ее уничтожить.

Е. И. Конради.

Образовывались кружки, группировавшіе женщинъ, желающихъ учиться, собирались по всей Россіи подписи для петицій о допущеніи женщинъ въ университеты. Въ 1861—1862 г., подъ давленіемъ этого движенія, петербургскій университетъ открылъ свои двери для женщинъ, и даже предполагалось возбудить вопросъ о допущеніи женщинъ во всѣ университеты, но вопросъ этотъ обошлись съ наступившими студенческими беспорядками, и онъ погибъ надолго, — двери петербургскаго университета скоро закрылись и стоятъ закрытыми для женщинъ и до сихъ поръ. Первая женщина, явившаяся въ Петербургскій университетъ, была К. И. Корсни, за ней послѣдовали М. А. Богданова, А. П. Блюмеръ и Н. П. Сулова.

Одна изъ передовыхъ женщинъ того времени Е. И. Конради, литераторъ-публицистъ, въ 1867 г. внесла на 1-й сѣздъ естествоиспытателей въ Петербургѣ предложеніе о необходимости основанія высшихъ курсовъ для женщинъ. Сѣздъ выразилъ сочувствіе, но ходатайствовать передъ правительствомъ отказался.

Оставался одинъ исходъ — частная инициатива. Объединенными усиліями выдающихся по энергіи и преданности къ дѣлу

М. В. Трубникова.

просвѣщенныхъ женщинъ, М. В. Трубниковой, А. П. Философовой, Н. В. Стасовой, неустанныхъ борцовъ за женское образованіе, и въ которыхъ профессоровъ университета, были учреждены общеобразовательные курсы (Владимірскіе, Аларчинскіе и др.), которые привлекали массу слушательницъ и послужили преддверіемъ къ открытію въ 1878 г. Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, какъ оффиціального правительственнаго учрежденія, въ которомъ приняли участіе всѣ выдающіяся силы университета, и куда сразу записалось 800 слушательницъ.

Петербургскіе Высшіе женскіе курсы, носившіе названіе Бестужевскихъ, по имени перваго директора профессора К. Н. Бестужева-Рюмина, не давали никакихъ правъ, но удовлетворяли потребность въ высшемъ образованіи, чѣмъ и объясняется все увеличивавшійся контингентъ слушательницъ. Многія изъ окончившихъ курсы посвятили себя научному труду и дали рядъ серьезныхъ изслѣдованій, большинство вступило на педагогическое поприще, многія отдались безкорыстной и тяжелой работѣ въ званіи сельскихъ учительницъ. Въ исторіи и дѣятельности этого перваго женскаго университета принимали энергичное участіе Н. В. Стасова, А. П. Философова, В. П. Тарновская и О. К. Нечаева¹. Но удовлетворить всѣхъ эти курсы не могли, несмотря на ихъ научное значеніе, тѣмъ болѣе что они не давали медицинскихъ знаній, къ изученію которыхъ обнаружилось особенное тяготѣніе у женской молодежи. Походъ въ акушерки — единственной въ то время доступной профессіи

¹ Желавшіе подробно ознакомиться съ исторіей возникновенія Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ могутъ прочесть очеркъ „Празднованіе двадцатипятилѣтія С.-Петербургскихъ Высшихъ курсовъ“ изданіе комитета курсовъ, 1904 г.

Н. В. Стасова.

для женщинъ — скоро прекратился, вслѣдствіе отсутствія требуемыхъ для этой специальности серьезныхъ и общихъ знаній; двери медико-хирургической академіи и университетовъ были закрыты; единственнымъ выходомъ являлось ученіе за границей, гдѣ нѣкоторые университеты Швейцаріи (первый Цюрихскій) предоставили не только свободный доступъ для женщинъ, но и ученые степени. Первые русскія, пользовавшіяся этимъ правомъ, были Н. П. Суслова и М. А. Бокова, окончившія курсъ Цюрихскаго университета въ 1867 году.

Л. А. Шанявская-Родственная.

Примѣръ этихъ пионерокъ вызвалъ сильное движеніе за границу для изученія медицины, русскія проникли и въ другіе университеты (Бернъ, Кенигсбергъ, Гельсингфорсъ), но это были счастливыя единицы, матеріально обезпеченныя, для большинства же

О. К. Нечаева.

заграничные университеты представлялись мечтой, а отечественные подъ замкомъ. Единственное исключеніе было сдѣлано для В. А. Кашеваровой (вслѣдствіи Рудневой), которой по ходатайству ген-губернатора Оренбургскаго края, стипендіаткой котораго состояла В. А., разрѣшено было пройти курсъ медицинскихъ наукъ въ медико-хирургической академіи. В. А. Кашеварова окончила курсъ въ 1868 г. и въ 1876 г. защитила диссертацию на доктора медицины. Это осталось исключеніемъ, и всѣмъ другимъ, желавшимъ воспользоваться этимъ примѣромъ, было отказано.

**страница
отсутствует**

принадлежатъ П. Н. Тарновская, А. Н. Шабанова, Р. А. Павловская, Ю. И. Заволжская и др. Д-ръ П. Н. Тарновская не только принимала дѣятельное участіе въ открытіи женскихъ врачебныхъ курсовъ, но и своими многочисленными трудами по антропологии пріобрѣла извѣстность въ области научнаго міра. Половина выпускныхъ слушательницъ еще до окончанія курса, по объявленіи войны съ Турціей, отправились на театръ военныхъ дѣйствій (В. Некрасова, Н. И. Драгневичъ, М. М. Мельникова и др.),

А. Н. Шабанова.

гдѣ ихъ самоотверженная дѣятельность и научная подготовка снискали себѣ должную оцѣнку начальствующихъ лицъ; другая половина выпускнаго курса осталась сдавать окончательные экзамены, которые были обставлены всевозможными затрудненіями.

Женскіе врачебные курсы, состоявшіе при военномъ министерствѣ, жили 10 лѣтъ, давая Россіи ежегодно подготовленныхъ врачей, но въ 1881 г. были закрыты по распоряженію военнаго министра П. С. Ванновскаго. Министерство народного просвѣщенія также отказало принять ихъ въ свое вѣдѣніе, какъ и Министерство внутреннихъ дѣлъ.

Опять началось движеніе, агитація, собираніе средствъ, борьба съ препятствіями за возобновленіе женскаго медицинскаго образованія въ Россіи. Въ этой работѣ главное участіе принимали женщины-врачи и бывшіе профессора курсовъ. Вновь пришла на помощь дѣлу семья Шаляевскихъ и много другихъ сочувствующихъ лицъ. На дѣло возобновленія курсовъ откликнулась вся Россія, и за короткій періодъ времени было собрано 700,000 руб. на эту цѣль.

Такое сочувствіе русскаго общества дѣлу женскаго врачебнаго образованія, несмотря на противодѣйствіе сверху, находить свое объясненіе

Р. А. Павловская.

въ дѣятельности первыхъ женщинъ-врачей. Пионеркамъ этого дѣла пришлось пробить твердую броню невѣжественности, предразсудковъ и недоброжелательности, чтобы доказать свою правоспособность. На войнѣ, въ земствахъ, въ городахъ и въ глухихъ деревняхъ женщина-врачъ работала наравнѣ съ мужчиной; она работала и на поприщѣ науки, представивъ научные труды (Шабанова, Гарновская и др.), и на педагогическомъ поприщѣ, какъ преподавательница гигіены, и въ качествѣ ассистентки при клиникахъ, и работала безъ правъ и часто безъ всякаго вознагражденія. Заслуги женщинъ-врачей были признаны и правительствомъ, признаны обществомъ, и земствомъ, и народомъ, что и выразилось

В. Некрасова. (Умерла на войнѣ).

въ единодушномъ протестѣ противъ рѣшенія военнаго министра закрыть женскіе врачебные курсы, состоявшіе при военномъ министерствѣ. Опубликованное постановленіе было поколеблено, официальныхъ поводовъ къ отказу о возрожденіи курсовъ не находилось: съ одной стороны женщины-врачи доказали свою подготовку и заслужили общественное признаніе, съ другой стороны представлялось матеріальное обезпеченіе на устройство курсовъ. И послѣ разныхъ странствованій „дѣла“ по коммисіямъ, послѣ кипы исписанныхъ отношеній, въ 1897 г. былъ открытъ Женскій медицинскій институтъ въ Петербургѣ, какъ государственное учрежденіе. И женщинамъ-врачамъ присуждены права равныя съ мужчи-

чинами на врачебную дѣятельность и на государственную службу (кромѣ правъ по винопроизводству). Эта побѣда праздновалась всей культурной частью Россіи, такъ горячо отозвавшейся на возрожденіе женскаго врачебнаго образованія. Я не буду перечислять всѣхъ существующихъ въ настоящее время въ Россіи женскихъ курсовъ, какъ медицинскихъ, такъ и высшихъ, — почти во всѣхъ большихъ центрахъ организованы или организуются эти разсадники образованія для женщинъ, обязанные своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ частной и общественной инициативѣ и вліянію женщинъ. Но заканчивая очеркъ прошлаго, не могу пропустить упоминанія о нашей знаменитой ученой-математикѣ Софьѣ Ковалевской, имя которой извѣстно въ Европѣ, которая, не признанная въ Россіи, была избрана профессоромъ Стокгольмскаго университета и прославилась многими цѣнными научными трудами.

Въ послѣдніе годы въ Россіи начало развиваться профессиональное техническое образованіе женщинъ, появились сельско-

хозяйственныя, политехническія, архитектурныя женскіе курсы, и въ настоящее время у насъ насчитывается извѣстное количество женщинъ агрономовъ, архитекторовъ, инженеровъ, и многія изъ нихъ уже на практикѣ примѣняютъ съ успѣхомъ свои знанія.

Однимъ изъ назрѣвшихъ вопросовъ является вопросъ о допущеніи женщинъ къ адвокатурѣ; женщины, добившіяся съ большимъ трудомъ юридическаго образованія, выдержавшія экзаменъ на доктора правъ, какъ г-жи Подгурская, Баумштейнъ, Бубнова, Флейшицъ и др., не допускаются къ адвокатурѣ. Почему? Только потому, что женщина не мужчина...

Первая въ Россіи женщина-юристъ, окончившая курсъ въ Лейпцигскомъ университетѣ въ 1873 г. была А. М. Еврейнова, посвятившая себя потомъ разработкѣ научныхъ вопросовъ.

Борьба русскихъ женщинъ за образованіе, за знанія, стремленіе къ самосовершенствованію отняла много силъ и времени и принесла результаты. Нѣкоторые пути открыты, женщина можетъ учиться и въ нѣкоторыхъ областяхъ прилагать къ жизни свои знанія. Поле ея дѣятельности и область приложенія труда расширились. Но, достигнувъ частичной самостоятельности, добившись права учиться, русская женщина столкнулась съ дѣйствительностью, поставившей ей преграды, сковавшія нашимъ законодательствомъ, лишшающимъ ее самыхъ примитивныхъ правъ человѣка.

М. М. Мельникова.

Гражданскія права женщины ограничены, политическихъ правъ она не имѣетъ вовсе.

Выступивъ на арену общественной жизни, убѣдившись фактически въ своемъ безправіи, въ пониженной оцѣнкѣ своего труда, выросшая за послѣдніе годы, русская женщина не могла не направить своихъ силъ на борьбу съ этими условіями и на отстаиваніе человѣческихъ правъ.

Такъ возникло такъ называемое политическое движеніе русскихъ женщинъ, особенно ярко выразившееся въ послѣдніе годы, которые принесли съ собою сильный подъемъ общественнаго самосознанія. Борьба за образованіе смѣнилась борьбой за права.

Шедшія рядомъ съ мужчиной въ революціонномъ движеніи женщины, какъ Перовская, Армфельдъ, Фигнеръ и мн. другія, боролись за свободу; нелегальныя, какъ и ихъ товарищи мужчины, онѣ сознавали себя равными съ ними, равными въ без-

правнн, равными въ совершенн одной работы и равными при осужденн на каторгу или эшафотъ.

Въ социалистическихъ партяхъ, гдѣ требованн ставились широко и требовались коренныя социальныя реформы, равноправн женщинъ признавалось само собой, какъ одна изъ необходимостей.

Но большая часть женщинъ, работавшая въ легальныхъ сферахъ жизни, постоянно, на каждомъ шагѣ, наталкивалась на загражденн, основанныя на привилегии мужской личности надъ женской.

При подобныхъ условняхъ естественно должна была возникнуть борьба за равноправн, борьба женщинъ за свои человѣческня права, — такъ называемое женское освободительное движенн.

Это движенн тѣсно связано съ прогрессивными социальными вопросами нашего времени, и хотя результатовъ борьбы еще немного, но нельзя не признать, что въ этомъ направленн русская женщина шагнула довольно далеко, приобщилась къ общей культурной жизни и проявила свои силы въ ней.

Сознанн своего безправн, изолированности отъ общеполитической жизни страны, необходимости общими усилнями работать для достиженн равноправн, побудило женщинъ сплотиться и организоваться для общей дѣятельности. Такими организациями явились женскня общества, союзы и женскня клубы, которые были разрѣшены только въ послѣднн годы.

Первымъ и старѣйшимъ союзомъ женщинъ въ Россн, сплотившимъ интеллигентныхъ женщинъ, было „русское женское взаимно-благотворительное общество“, разрѣшенное съ большими затрудненнми въ 1895 г. Первые годы дѣятельности этого общества были посвящены объединенн женщинъ, поддержкѣ трудящихся, улучшенн положенн немущихъ, самообразованн и культурнымъ вопросамъ. По условнямъ того времени общество имѣло замкнутый характеръ и въ свой клубъ допускало только женщинъ. Но незамѣтно жизнь выдвинула и патолкнула общество на правовые, общн и политическня вопросы, которые заняли скоро доминирующее мѣсто въ его сферѣ дѣятельности.

Въ первую очередь были поставлены обществомъ требованн освобожденн женщинъ отъ паспортныхъ стѣпенн, уравненн правъ наслѣдства, участня женщинъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленн, допущенн въ университеты и расширенн области труда. Общество обращалось и въ административныя учрежденн и въ городскня и земскня самоуправленн, и къ ректорамъ университетовъ, и собрало со всей Россн статистическня свѣдѣнн о службѣ и вольнонаемномъ трудѣ женщинъ. Бюро по изслѣдованн женскаго труда въ Россн работало подъ предсѣдательствомъ члена совѣта общества Е. В. Авиловой и собрало значительный материалъ по этому вопросу. Затѣмъ, выдвинуть былъ и вопросъ объ участн женщины въ политической жизни страны.

Въ 1905 г., когда всю Россн охватило ожиданн свободы, когда духъ надежды окрылилъ всѣ слои общества, предсѣдательница и одна изъ учредительницъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества, д-ръ А. Н. Шабанова внесла въ

общее собраніе предложеніе, принятое единогласно, — возбудить ходатайство о привлеченіи женщинъ къ участию въ предстоящемъ „собраніи уполномоченныхъ“ (земскомъ соборѣ), по рескрипту отъ 18 февраля, въ которомъ возвѣщалось „о привлеченіи достойнѣйшихъ, довѣриемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей“.

Это первое въ Россіи требованіе для женщинъ равныхъ политическихъ правъ съ мужчинами было направлено совѣтомъ общества въ комитетъ министровъ. Отвѣта не послѣдовало, по его прочла вся Россія въ опубликованномъ законѣ отъ 6 августа 1905 г., по смыслу котораго женщины приравнялись къ лицамъ несовершеннолѣтнимъ, слабоумнымъ и состоящимъ подъ судомъ. Это было *coup de fouet* для всѣхъ сознательныхъ женщинъ.

Совѣтъ женскаго общества, по предложенію А. Н. Шабаповой, рѣшилъ сдѣлать попытку объединить женщинъ Россіи въ петицію о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ и петицію направить въ созываемую первую Государственную Думу. Съ этой цѣлью были разсланы воззванія, призывавшія русскихъ женщинъ къ объединенію и къ отстаиванію своихъ правъ.

Появился Высочайшій манифестъ 17 октября 1905 г., распространявшій права избранія въ Государственную Думу на тѣ классы, которые были лишены этихъ правъ. Въ виду этого совѣтъ женскаго общества обратился къ графу Витте съ запросомъ: причисляются ли и женщины къ избирательнымъ классамъ, или половина населенія Россіи лишена права голоса? Графъ Витте отвѣчалъ, что при изданіи манифеста 17 октября вопросъ о предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ не обсуждался. Тогда совѣтъ женскаго общества направилъ въ совѣтъ министровъ мотивированное ходатайство о необходимости распространить законъ 17 октября и на женщинъ, но это обращеніе осталось безъ отвѣта.

Итакъ, въ силу законовъ 6 августа и 17 октября женщины были исключены изъ числа правоспособныхъ гражданъ Россіи, и всѣ попытки официальныхъ ходатайствъ остались безъ результата. Оставался одинъ путь, обращеніе отъ имени русскихъ женщинъ прямо въ Государственную Думу. Этотъ путь былъ принятъ русскимъ женскимъ обществомъ, собравшимъ въ три мѣсяца болѣе 5,000 подписей подъ петиціей слѣдующаго содержанія.

РУССКОЕ ЖЕНСКОЕ

ВЗАИМНО-БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ

ОБЩЕСТВО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Спаская, 18.

3 мая 1906 г.

Въ Государственную Думу.

Въ великій день открытія Государственной Думы, день, котораго вся Россія ожидала съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, когда собрались первые избранники русскаго народа, среди нихъ нѣтъ ни одной женщины и ни одного представителя, избраннаго непосредственно женщинами.

Правительственными актами отъ 6 августа, 17 октября и 11 декабря половина населенія Россіи лишена права голоса въ общемъ для всѣхъ граждапъ дѣлъ, признана неправопоспособной и отнесена къ категоріи несовершеннолѣтнихъ и безправныхъ существъ.

Русское женское взаимно-благотворительное общество, неустанно служившее въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія интересамъ женщинъ и поддержанное сочувствіемъ нижеподписавшихся лицъ, считаетъ своей нравственной обязанностью во имя справедливости, во имя защиты челоуѣческаго достоинства женщины, поставить на рѣшеніе Государственной Думы вопросъ о политическомъ равноправіи женщинъ въ Россіи.

Русская женщина во всѣхъ областяхъ труда и заботъ въ дѣлѣ развитія и роста родины участвуетъ наравнѣ съ мужчиной: въ трудѣ крестьянскомъ, земледѣльческомъ, въ работѣ фабричной, промышленной, на поприщѣ науки, литературы и искусства, на службѣ въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, въ высокоомъ служеніи врача и учительницы, въ несеніи великихъ обязанностей воспитанія будущихъ гражданъ. Она платитъ налоги и подати наравнѣ съ мужчиной и одинаково отвѣтствуетъ передъ обязательнымъ для всѣхъ гражданъ закономъ.

Являясь одинаковой плательщицей налоговъ, труженницей наравнѣ съ мужчиной, отвѣтственной въ одинаковой мѣрѣ передъ закономъ, женщина, по справедливости, должна имѣть право на защиту своихъ интересовъ путемъ участія въ законодательномъ собраніи, рѣшенія котораго такъ же близко касаются ея судьбы, какъ и мужчины.

Къ такому справедливому заключенію пришли почти всѣ возникшія за послѣднее время русскія политическія партіи, внесшія въ свои программы требованія объ избирательныхъ правахъ „безъ различія пола“.

Къ депутатамъ этихъ партій и ко всѣмъ представителямъ Россіи въ Государственной Думѣ обращаемся мы, русскія женщины:

Избранники земли русской, вы призваны къ великой созидательной работѣ на пользу нашей родины, отнеситесь справедливо и безпристрастно къ заявленію женщинъ, требующихъ уравниенія правъ, отзовитесь согласіемъ на многочисленныя голоса тѣхъ, кто твердо убѣжденъ въ правотѣ своихъ требованій, и, въ числѣ реформъ, обновляющихъ Россію, внесите обновленіе въ жизнь женщинъ, признавъ за ними равныя права для участія въ служеніи родинѣ.

Предсѣдательница совѣта А. Шабанова.

Секретарь Е. Чебышева-Дмитріева.

Этотъ историческій документъ — обращеніе женщинъ къ представителямъ народа — былъ врученъ предсѣдательницей совѣта женскаго общества А. Н. Шабановой и членами совѣта 3 мая 1906 г. въ Государственной Думѣ депутатамъ Е. И.

Кедрину и профессору Л. I. Петражицкому. Петиція эта послужила поводомъ къ извѣстной рѣчи проф. Петражицкаго 6 іюня въ Государственной Думѣ „обоснованія женскаго равноправія“, въ которой онъ настаивалъ, что интересы государства, общества и культуры требуютъ признанія за женщиной избирательныхъ правъ. Много другихъ рѣчей было произнесено въ этотъ день въ Государственной Думѣ за и противъ предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ, въ числѣ защитниковъ выступилъ даже представитель мусульманъ; въ результатъ, законопроектъ объ уравненіи правъ женщинъ сдать былъ въ комиссію и не увидѣлъ свѣта, такъ какъ первая Дума скоро была распущена.

Но движеніе женщинъ въ этомъ направленіи не остановилось. Русское женское общество обратилось ко всѣмъ существующимъ въ Россіи женскимъ организаціямъ и обществамъ и отъ имени этихъ объединенныхъ корпорацій, съ присоединеніемъ 7,000 подписей, обратилось во вторую Государственную Думу съ коллективнымъ заявленіемъ о необходимости поставить вопросъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ на разсмотрѣніе законодательнаго собранія.

Но и вторая Дума была распущена ранѣе, чѣмъ приступила къ обсужденію этого вопроса...

Одновременно съ дѣловой, хотя и горячей работой женскаго взаимно-благотворительнаго общества кипѣла работа и въ только что народившемся юномъ союзѣ равноправія женщинъ, возникшемъ въ 1905 г., который велъ также широкую агитацію, собиралъ съѣзды делегатовъ, издавалъ брошюры и всѣми способами распространялъ идею равноправія. Но увлеченіе общей политической платформой того времени, смѣлыя требованія государственныхъ реформъ, все захватывавшая программа союза, отсутствіе плановѣрности въ организаціи, вмѣстѣ съ неблагоприятными внѣшними условіями, были причинами недолгаго существованія этого союза. Онъ распался, оставивъ по себѣ память увлекательнаго, горячаго проблеска жизни, въ которомъ женщины проявили массу энергии въ защиту своихъ правъ.

Оглядываясь назадъ, на такъ называемый революціонный періодъ времени, нельзя не признать, что русская женщина обнаружила много энтузіазма въ освободительномъ движеніи, какъ въ активной, такъ и вспомогательной (партіиной) дѣятельности. Она пошла и въ ряды революціонеровъ, участвовала въ пропагандѣ, работала усердно въ различныхъ демократическихъ партіяхъ, посѣщала всѣ митинги, председательствовала на нихъ, участвовала въ борьбѣ, жертвовала своей жизнью и шла въ тюрьму, въ ссылку и на эшафотъ наравнѣ съ мужчиной, горько сознавая, что только въ минуты осужденія ей не отказывали въ призваніи ея равноправія.

Общій подъемъ силъ, страстное увлеченіе политическимъ движеніемъ не могли, понятно, не увлечь и не заразить женщину, но когда прошло лихорадочное возбужденіе и наступилъ подсчетъ, она должна была убѣдиться, что ея правовое положеніе ни на іоту не измѣнилось: гражданкой ее не признали и человѣческихъ правъ ей не присудили, — она осталась попрежнему у стараго корыта, и рыбка золотая скрылась въ глубинѣ сянго моря.

И въ сознание русской женщины проникло настоятельное стремление добиваться своихъ правъ, добиваться самостоятельно, путемъ единения и организованной работы, какъ это давно уже создано женщинами Запада.

Нѣкоторыя представительницы женскаго движенія въ Россіи, побывавъ на международныхъ женскихъ конгрессахъ, ознакомились съ серьезными и настойчивыми стремлениями своихъ зарубежныхъ сестеръ, вошли въ сношенія съ ними и научились многому полезному.

Наступившая въ Россіи реакція послѣ освободительнаго періода уничтожила массовое оживленіе, стерла съ лица нѣкоторыя организациі, охладила порывы и энтузіазмъ, но не уничтожила идеи. Отдѣльные женскіе кружки продолжали свою работу, открылось нѣсколько новыхъ женскихъ обществъ и клубовъ (въ Кіевѣ, Саратовѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Ростовѣ на Дону, Тифлисѣ и др.), которые преслѣдуютъ задачи равноправія.

Въ недавнее время образовалось въ Петербургѣ общество подъ названіемъ „Всероссійская Лига равноправія“ и „общество защиты правъ женщинъ“.

Уже въ 1906 г. при Русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ образовался специальный отдѣлъ, — отдѣлъ избирательныхъ правъ женщинъ, поставившій себѣ цѣлью объединять женщинъ въ завоеваніи правъ. Кромѣ собраній отдѣла, на которыхъ разбираются вопросы, относящіеся къ жизни женщинъ, дѣлаются сообщенія о зарубежныхъ конгрессахъ и т. п., отдѣломъ, при содѣйствіи приглашенныхъ членовъ третьей Государственной Думы, возбуждены для проведенія въ этомъ законодательномъ собраніи заявленія объ уравненіи наследственныхъ правъ, о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ (оба вопроса возбуждаются вторично), объ участіи женщинъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи и др. Заявленія эти переданы въ Государственную Думу. Обсуждался также вопросъ, возникшій по инициативѣ заслуженной ветеранки женскаго вопроса А. П. Филосовой, объ учрежденіи женскаго національнаго совѣта, который долженъ объединить все женскія общества для участія въ международномъ союзѣ женщинъ.

Но главной задачей отдѣла избирательныхъ правъ является созывъ 1-го Всероссийскаго женскаго съѣзда, который состоялся 10 декабря 1908 г. въ Петербургѣ.

Мысль о созывѣ съѣзда дѣятельницъ въ Россіи возникла еще въ 1902 г. и принадлежитъ предсѣдательницѣ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества д-ру А. Н. Шабановой. Въ личной аудіенціи у б. министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве она получила его принципиальное согласіе на созывъ женскаго съѣзда, который, послѣ длительныхъ и неустанныхъ хлопотъ, былъ разрѣшенъ на 1 іюня 1905 г., но передъ самымъ съѣздомъ петербургскимъ генераль-губернаторомъ Треповымъ были поставлены организаціонной комиссіи съѣзда такія стѣснительныя требованія, которыя заставили отложить это знаменательное событіе въ жизни русской женщины на неопредѣленное время. Послѣдовавшія затѣмъ событія поставили передъ женщинами новыя задачи, изъ нихъ выдвинули главную — объ избирательныхъ правахъ, вслѣдствіе чего, когда отдѣлъ изби-

рательныхъ правъ при женскомъ обществѣ поднялъ вновь вопросъ о созывѣ съѣзда, то были увеличены и расширены какъ программа его, такъ и доступъ желающихъ принять въ немъ участіе.

1-ый женскій съѣздъ въ Россіи поставилъ себѣ 2 главные задачи: содѣйствовать объединенію женщинъ въ одномъ стремленіи — завоеванія правъ и представить картину ея дѣятельности въ сферѣ общественной, просвѣтительно-научной и экономической.

Здѣсь не мѣсто касаться въ подробностяхъ картины и содержания съѣзда, они представлены въ Трудахъ 1-го Всероссийскаго женскаго съѣзда, но нельзя не отмѣтить, что этотъ первый опытъ объединенія женщинъ, привлечшій съ разныхъ концовъ Россіи болѣе 1,000 женщинъ, всколыхнулъ умы, внесъ возбужденіе и привлекъ на себя вниманіе не только русскаго общества, но и заграничныхъ культурныхъ центровъ.

Русская женщина впервые получила возможность высказать все наболѣвшее, связанное съ женскою долею, и свободно обсудить въ своей средѣ, что нужно сдѣлать, чтобы снять съ своихъ плечъ вѣковое иго безправія. Политическія и гражданскія права были главнымъ лозунгомъ, подъ знаменемъ котораго шли всѣ доклады и пренія на съѣздѣ. Большинство докладовъ (ихъ было 150), затрагивавшихъ самые разнообразныя вопросы и большія мѣста нашей общественной жизни, отличались серьезной подготовкой, идейнымъ содержаниемъ и большою жизненностью.

Но не только внутренняя сторона, но и внѣшняя картина этого кратковременнаго женскаго парламента, выразившаяся въ отсутствіи личныхъ столкновеній, въ подчиненіи президіуму, въ умѣннн кратко высказываться, доказали на съѣздѣ полную подготовленность русской женщины къ участію въ представительныхъ собраніяхъ. Это впечатлѣніе вынесла не только публичка, присутствовавшая на съѣздѣ, но подтвердила вся пресса. Дѣятельное участіе въ организаціи и веденіи съѣзда принимали: извѣстная писательница О. А. Шапиръ, завѣдывавшая редакціоннымъ бюро, и А. В. Тыркова во время съѣзда.

Что касается резолюцій съѣзда, то ихъ было много, — мы приведемъ только общеполитическую, соответствовавшую же-

О. А. Шапиръ.

ланиямъ и стремлениямъ большинства членовъ съѣзда. Эта резолюція слѣдующаго содержания:

„Работа 1-го русскаго женскаго съѣзда, посильно освѣтившая какъ политическіе и гражданскіе запросы, такъ и экономическія нужды современной русской женщины, привела съѣздъ къ глубокому убѣжденію, что удовлетвореніе этихъ запросовъ возможно лишь при равноправномъ съ остальными гражданами участіи женщины не только въ культурной работѣ, но и въ политическомъ строительствѣ страны, доступъ къ которому окончательно откроется для женщины лишь при водвореніи демократическаго строя на основаніи всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности.

„Съѣздъ ставитъ женщинамъ великою цѣлью добываніе этихъ правъ, какъ главнаго орудія для полнаго раскрытія и освобожденія женской личности.

„Для практическаго осуществленія поставленныхъ передъ нею задачъ женщина должна отдавать свою энергію какъ существующимъ уже общимъ организаціямъ, такъ и созданію отдѣльныхъ женскихъ союзовъ, которые объединятъ и вовлекутъ широкіе круги женщинъ въ сознательную политику и общественную жизнь“.

Съѣздъ закончился провозглашеніемъ пожеланія одной изъ участницъ съѣзда объ отмѣнѣ смертной казни, пожеланіемъ, которое было горячо привѣтствуемо присутствовавшими на слѣднемъ общемъ собраніи съѣзда.

1-й Всероссийскій женскій съѣздъ явился показателемъ настроенія и подготовленности русской женщины къ политической жизни. Она вошла въ семью культурныхъ женщинъ міра не въ качествѣ отдѣльной личности, а въ качествѣ общественной коллективной силы.

Ее привѣтствовали какъ таковую всѣ представительницы культурныхъ странъ Европы и Америки, и вся иностранная пресса слѣдила съ интересомъ за ходомъ этого новаго для Россіи выступленія женщинъ на общественной аренѣ.

Однимъ изъ большихъ вопросовъ, ставящихъ клеймо позора на все человѣчество, является проституція, жертвами которой являются женщины. Борьба съ этимъ зломъ, причины котораго такъ сложны и разнообразны, не могла не войти въ задачи женскаго движенія.

Передовыя представительницы этого движенія горячо откликнулись на призывъ „общества защиты женщинъ“ — участвовать въ организованномъ ими 1-мъ Всероссийскомъ съѣздѣ по борьбѣ съ торгомъ женщинами и его причинами, состоявшемся въ Петербургѣ 21 апрѣля 1910 г. Общество защиты женщинъ, существующее 10 лѣтъ, имѣющее отдѣлы во многихъ городахъ Россіи, дѣятельно борется, подъ предѣлательствомъ Е. В. принцессы Е. Г. Саксенъ-Альтенбургской, за улучшеніе положенія одинокихъ женщинъ, могущихъ впасть въ развратъ, путемъ устройства общежитій, присканіемъ работы, разслѣдованіемъ и прочими благотворительными способами. Въ числѣ пожеланій и резолюцій съѣзда по борьбѣ съ торгомъ женщинами достойна особаго вниманія резолюція, предложенная д-ромъ М. И. Покров-

ской и принятая большинствомъ, — о необходимости отмены позорящаго женское достоинство врачебно-полицейскаго надзора за проституціей, какъ не достигающаго цѣли, а также резолюція, предложенная М. М. Боровитиновымъ, — о закрытіи публичныхъ домовъ.

Главными и радикальными мѣрами борьбы съ проституціей, причинами которой, кромѣ физиологическихъ и психологическихъ, служатъ экономическія и социальныя условія, могутъ служить: поднятіе экономическаго положенія и культурнаго уровня трудящихся женщинъ, охрана материнства, уравниеніе заработка работницъ съ рабочими и устройство кассъ, обществъ взаимопомощи и т. п. И пока не измѣнятся общія условія женскаго труда, пока заработокъ рабочей женщины будетъ стоять такъ же низко, проституція не переставетъ привлекать своихъ жертвъ, предлагая заманчивое избавленіе отъ тяжелой жизни. Средствомъ же добиться этого уравниенія можетъ служить только достиженіе женщинами права голоса въ выработкѣ законовъ, права говорить о своихъ вуждахъ и возможность отстаивать справедливость своихъ требованій. Такъ думаютъ женщины, серьезно относящіяся къ борьбѣ съ проституціей, борьбѣ съ социальнымъ и экономическимъ зломъ, и въ этомъ смыслѣ онѣ высказывались на съѣздѣ.

Е. А. Чебышева-Дмитріева.

Въ послѣднее время русскія женщины приняли активное участіе въ борьбѣ и съ другимъ общественнымъ зломъ, не менѣе грознымъ по своимъ послѣдствіямъ, — съ алкоголизмомъ. Кромѣ участія въ смѣшанныхъ обществахъ, борящихся съ этимъ пагубнымъ эксцессомъ, кружокъ женщинъ, во главѣ съ Е. А. Чебышевой-Дмитріевой, образовалъ специальное общество для борьбы съ алкоголизмомъ женщинъ и дѣтей. Общество только начинаетъ свою дѣятельность, результаты которой выяснятся въ будущемъ.

Мой очеркъ не былъ бы законченъ, если бы я не упомянула о работѣ женщинъ, какъ благотворительницъ.

Но эта единственная сфера, въ которой женщины открыты всѣ пути и въ которой она гостеприимно принята, такъ широко,

и русская женщина проявила въ ней такое дѣятельное участіе, что для этого потребовалась бы отдѣльная и обширная статья. Благотворительность составляетъ для женщины и потребность, и возможность отдать свои незанятыя силы и взазмѣнъ получить извѣстное нравственное удовлетвореніе.

Рядомъ съ беззавѣтнымъ и самоотверженнымъ служеніемъ этому дѣлу, въ видѣ частной благотворительности, въ формѣ заботъ и о женщинахъ, и о дѣтяхъ, и о больныхъ и увѣчныхъ,

Княжна М. М. Дондукова-Корсакова.

и о всѣхъ нуждающихся въ помощи, русская откликалась и на всѣ общественныя бѣдствія: шла кормить голодныхъ во время бѣдствія голода, вступала въ ряды сестеръ милосердія во время войны, работала въ качествѣ врача и фельдшерицы въ борьбѣ съ эпидеміями, и горячо отдавала свои силы, гдѣ могла, на просвѣщеніе темнаго народа. Наши сельскія учительницы, въ ряды которыхъ шли и идутъ по призванію женщины даже съ высшимъ образованіемъ, научили читать русскій народъ и заслужили столь почетную репутацію, работая въ стѣснитель-

ныхъ и тяжелыхъ условіяхъ, получая грошевое вознагражденіе, что ихъ можно и слѣдуетъ признать идейными и самоотверженными просвѣтительницами народа.

Городскія первоначальныя школы находятся почти исключительно въ вѣдѣніи женщинъ, которыя, посвящая себя этой профессіи, должны отказаться отъ радостей семейной жизни. По постановленію Петербургской городской думы городскія учительницы не имѣютъ права выходить замужъ. Противъ этого жестокаго и неосновательнаго постановленія поднимали голосъ многія женскія организаціи, но эти протесты остались безъ результата, и учительницы городскихъ школъ попрежнему осуждены на безбрачіе.

Много на Руси труженицъ, которыя незамѣтно содѣйствуютъ женскому движенію, работая на различныхъ поприщахъ и прокладывая дорогу другимъ, но есть и громкія имена, особенно

выдѣлившіяся своей дѣятельностью на томъ или другомъ поприщѣ. Нельзя не упомянуть о недавно умершей княжнѣ Маріи Михайловнѣ Дондуковой-Корсаковой, которая всю свою жизнь посвятила облегченію нравственныхъ страданій узниковъ, страждущихъ въ тюрьмахъ. Желаніе княжны проникнуть для этой цѣли въ Шлиссельбургскую крѣпость встрѣтило со стороны властей отказъ, и лишь послѣ ея усиленной просьбы — заключить ее въ крѣпость, ей разрѣшили навѣщать во всякое время заключенныхъ, которымъ она доставляла радостныя минуты своимъ чистымъ, истинно-религіознымъ духомъ и полнымъ самоотреченіемъ. Ею же была основана въ Псковской губерніи община сестеръ милосердія изъ крестьянскихъ женщинъ для облегченія борьбы съ сифилитическими заболѣваніями среди сельскаго населенія.

Въ рядахъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ послѣдняго времени, въ теченіе 40 лѣтъ посвятившей себя изученію русской исторіи и напечатывавшей много цѣнныхъ трудовъ по изслѣдованію общины, общаго права и положенія женщины въ крестьянской средѣ, стоитъ преподавательница высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ А. Я. Ефименко, первая женщина въ Россіи, удостоенная званія доктора исторіи *honoris causa*. Это событіе праздновалось торжественно 28 октября 1910 г. какъ слушательницами А. Я. Ефименко, такъ и всѣми сочувствующими культурному и научному движенію женщинъ.

Однимъ изъ вопросовъ, особенно горячо затронувшихъ вниманіе и возбудившихъ сильное сочувствіе русскихъ женщинъ всѣхъ сословій, былъ вопросъ о разоруженіи, о водвореніи международнаго мира. Когда въ 1899 г., по инициативѣ Его И. В. Государя Императора Николая II, приступлено было къ созыву 1-ой Гаагской мирной конференціи, кружокъ женщинъ въ Петербургѣ образовалъ подъ предѣлательствомъ А. Н. Шабановой, комитетъ лиги мира, который собралъ подъ выработанной имъ резолюціей около 50,000 сочувствующихъ подписей, обмѣнялся привѣтствіями съ представительницами всѣхъ заграничныхъ лигъ мира и устроилъ 18 мая (въ день открытія Гаагской конференціи) грандіозную манифестацію въ пользу мира въ залѣ Петербургской городской думы. Резолюція русскихъ женщинъ была отпралена комитетомъ въ Гаагу.

Это было первое объединеніе русскихъ женщинъ съ женщинами всѣхъ странъ и первая попытка объединить женщинъ всѣхъ классовъ Россіи общимъ лозунгомъ: „долой оружіе“. Въ числѣ подписей подъ резолюціей было очень много, принадлежавшихъ крестьянкамъ.

Женская Русская лига мира выступала еще разъ съ обращеніемъ къ королевѣ Викторіи, во время войны съ бурами, но затѣмъ была закрыта по официальнымъ причинамъ.

Единодушное сочувствіе, проявленное женщинами идеѣ водворенія мира, наводитъ на мысль, что когда женщины добьются права голоса въ законодательномъ собраніи, однимъ изъ дѣйствительныхъ требованій, однимъ изъ настоятельныхъ вопросовъ, который онѣ поставятъ на очередь, будетъ вопросъ о прекращеніи ужасовъ войны, о замѣнѣ ея мирнымъ арбитражемъ.

Заканчивая краткій обзоръ дѣятельности русскихъ женщинъ и женскаго движенія, нельзя не признать, что количество выдающихся женщинъ увеличивается съ каждымъ годомъ, но большинство женщинъ въ массѣ относится еще довольно равнодушно къ требованіямъ идущихъ впереди, къ требованіямъ торжества справедливости.

Какія же главныя препятствія предстоитъ преодолѣть и какими путями слѣдуетъ идти, чтобы достигнуть идеала стремленій женщинъ — полноправія?

Въ числѣ препятствій однимъ изъ главныхъ являются сами женщины, изъ которыхъ однѣ, счастливыя и благополучныя, глухи къ интересамъ ихъ обездоленныхъ сестеръ; запертыя въ клѣткѣ эгоистическихъ интересовъ, онѣ довольствуются этимъ положеніемъ и съ насмѣшкой относятся къ такъ называемой политикѣ женскаго вопроса; другія — не сознательныя, несущія молча и терпѣливо ярмо своего подчиненія и не думающія о протестѣ и освобожденіи; третьи — вполнѣ индифферентныя ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, и, наконецъ, существуютъ и убѣжденные противницы женскаго равноправія.

Пробудить самосознаніе у такихъ женщинъ, привить имъ интересъ къ общей великой дѣли и приобщить ихъ къ женскому движенію составляетъ одну изъ задачъ идейныхъ женскихъ организацій.

Вторымъ препятствіемъ, тормозящимъ женское движеніе, составляетъ такъ называемый сильный полъ. Не тѣ просвѣщенные мужчины, друзья женщинъ, которые, вѣря въ ихъ силы и способности, идутъ съ ними рядомъ въ борьбѣ противъ ограниченія правъ одного пола передъ другимъ и ратуютъ открыто за женщинъ, но то громадное большинство, которое признаетъ женщину за низшее существо, не способное подняться до высоты служенія общечеловѣческому интересамъ.

Для того, чтобы признать въ женщинѣ челоуѣка равнаго себѣ, одни мужчины требуютъ отъ нея героическихъ подвиговъ, другіе — исполненія воинской повинности, третьи прикрываютъ свое отрицательное отношеніе галантными фразами, что женщины и безъ правъ управляютъ мужчинами, четвертые относятся къ этому вопросу съ ироніей и даже цинизмомъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ взглядовъ лежитъ предубѣжденіе, ложное „мужское“ самолюбіе и предвзятое игнорированіе фактовъ.

Среди женщинъ не мало было и есть борцовъ за общечеловѣческіе идеалы, женщина несетъ повинность дѣторожденія, болѣе тяжелую, чѣмъ воинская, а свой героизмъ русская женщина доказала, жертвуя своей жизнью за идею и самоотверженно отдавая свои силы общественнымъ бѣдствіямъ, какъ война, голодъ, эпидемія...

Средствомъ для борьбы съ возрѣшіями мужчинъ можетъ служить подготовленіе юношества, путемъ воспитанія въ подрастающихъ поколѣніяхъ сознанія равенства всѣхъ людей, въ реформѣ семьи, а также въ неустанной борьбѣ съ укоренившимися предвзятыми „мужскими“ взглядами организованной серьезной работой.

На одномъ изъ международныхъ женскихъ конгрессовъ я была свидѣтельницей, какъ почтенныя нѣмцы, читая въ газетахъ

рѣчи своихъ женъ, выражали сильное изумленіе, что они и не подозрѣвали, что ихъ жены такія умныя.

Въ связи съ отношеніемъ мужчинъ, къ такъ называемому женскому вопросу стоитъ наше законодательство, созданное ими. Наши русскіе законы лишаютъ женщину даже въ отводимой ей спеціальной области — семьѣ, самыхъ примитивныхъ правъ чело-вѣка: права на свободное передвиженіе, права на трудъ, подчиня ея всецѣло волѣ мужа.

Такое же отношеніе нашего устарѣвшаго законодательства является и въ наслѣдственномъ правѣ, всѣ преимущества котораго предоставлены мужчинамъ; вопросы брачнаго сожителства, о правѣ на разводъ, о принадлежности дѣтей всей тяжестью обрушиваются на женщину. Въ правахъ гражданскихъ она ограничена, политическихъ она не имѣетъ вовсе. Но, говорятъ женщины, требующія справедливости: если женщина русская не имѣетъ голоса ни въ мѣстномъ самоуправленіи, ни въ политической жизни страны, если она не можетъ избирать сама лицъ, которымъ довѣряетъ, лишена права обсужденія вопроса о войнѣ, на которую она отдаетъ своихъ дѣтей, если заработокъ ея цѣнится ниже, чѣмъ мужчины, почему же ее обязываютъ платить тѣ же налоги и подати, которыя платитъ онъ, почему она подвергается тѣмъ же наказаніямъ, взысканіямъ и карамъ, какъ обладающій правами гражданинъ?.. Равныя обязанности должны сопровождаться равными правами, но этотъ нравственный принципъ не примѣняется къ женщинѣ, на ней лежатъ только обязанности.

Основной принципъ общаго ученія о социальной справедливости состоитъ въ томъ, что нормы права должны быть одинаковы для всѣхъ людей; отступленія отъ этого принципа допускаются лишь тогда, когда это требуется во имя общаго блага. Возможно ли допустить, что безправное положеніе женщинъ вызываетъ нарушеніе этого принципа въ интересахъ всего социальнаго организма?

Женщины, добившіяся съ большимъ трудомъ высшаго образованія, выдержавшія экзаменъ на доктора правъ, получившія званіе приватъ-доцента, къ практической деятельности по ихъ спеціальности не допускаются, какъ это доказываютъ недавніе случаи съ г-жами Данчаковой и Флейшицъ.

Единственнымъ средствомъ для того, чтобы женщина сдѣлалась реальной силой въ общественной и государственной жизни, можетъ служить организованное женское движеніе, объединеніе въ стремленіи къ полученію избирательныхъ правъ. Концентрація силъ на одномъ стремленіи является важнымъ факторомъ каждаго идейнаго и практическаго движенія.

Только неумолкаемымъ, настойчивымъ напоминаніемъ, постояннымъ требованіемъ самаго главнаго, а именно избирательныхъ правъ, можно добиться частичныхъ уступокъ, на которыхъ нельзя успокаиваться, а продолжать работу дальше. Этотъ принципъ долженъ быть въ основѣ цѣли. Средствомъ же для ея достиженія можетъ служить объединеніе силъ, въ формѣ организаціи женскихъ обществъ, клубовъ, союзовъ, отдѣловъ, имѣющихъ сношенія между собой, на обязанности которыхъ должно лежать — слѣдить за успѣхами женскаго движенія

какъ за границей, такъ и въ Россіи, и пользоваться удобными моментами для возвышенія голоса въ административныхъ и общественныхъ сферахъ. Связующимъ цементомъ всѣхъ однородныхъ организацій въ борьбѣ за права могутъ быть съѣзды, устраиваемые по мѣрѣ возможности для этой цѣли.

Одни прекрасныя слова не подвинутъ дѣла впередъ, это можетъ сдѣлать только послѣдовательная, основанная на ясномъ сознаніи работа, одухотворенная чистыми цѣлями достиженія справедливости, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ.

Но не слѣдуетъ закрывать глаза на величайшую трудность всякой работы, если она осложняется партійными разногласіями, которыя разъединяютъ силы, но не объединяютъ ихъ.

Принесенныя намъ съ запада раздѣленія на „феминистокъ“, „буржуазныхъ женщинъ“ и „пролетарокъ“ уже оказали свое вредное вліяніе на единство женскаго движенія въ Россіи, обнаружившееся отчасти и на 1-мъ Всероссійскомъ женскомъ съѣздѣ.

Какъ ни различны по своему положенію представительницы этихъ наименованій, но цѣли равноправія должны бы быть общи для всѣхъ женщинъ, какихъ бы убѣждений онѣ ни держались, къ какимъ бы классамъ ни принадлежали: по идеѣ женское движеніе не можетъ быть ни буржуазнымъ, ни пролетарскимъ, — оно какъ свобода — необходимо для всѣхъ поработенныхъ, — и вокругъ этой идеи должны были бы сгруппироваться всѣ жаждущія освобожденія. Женщины не должны повторять ошибокъ мужчинъ, но, наученныя опытомъ „старшихъ“, проводить реформы не въ исключительно партійномъ духѣ, а путемъ общепартійнаго соглашенія. Борьба за право голоса, какъ орудіе защиты правъ женщины, не должна разсматриваться съ точки зрѣнія классового или партійнаго интереса, но какъ средство освобожденія половины человѣчества.

Несправедливъ упрекъ, часто раздающійся по адресу женщинъ, борящихся за равноправіе, что ихъ объединеніе ведетъ къ обособленности отъ мужчинъ, и что избирательныя права составляютъ конечную цѣль ихъ стремленій...

Обособленность женщинъ есть явленіе вынужденное, временное, вызванное условіями того особаго положенія, въ которое поставлены женщины ихъ безправіемъ; полученіе избирательныхъ правъ не составляетъ конечной цѣли, а послужитъ средствомъ для участія на равныхъ правахъ въ общей культурной работѣ страны на пользу человѣчества.

Для того, чтобы русскія женщины пользовались одинаковыми условіями для участія въ общественной жизни, всѣ ограниченія въ гражданскихъ и политическихъ правахъ должны быть уничтожены, женщинѣ долженъ быть открытъ свободный доступъ ко всѣмъ профессіямъ, къ высшему образованію, и трудъ ея долженъ цѣниться по одной нормѣ съ мужскимъ.

На это отвѣчаютъ: женщины не подготовлены къ участию въ политической жизни страны. Но кто же производилъ экзаменъ на ихъ подготовленность? И развѣ всѣ мужчины подготовлены?

Тѣмъ не менѣе въ сосѣдней намъ Финляндіи, гдѣ каждая женщина обладаетъ избирательнымъ правомъ и гдѣ дана возможность проявить самостоятельность женщинѣ, число избираемыхъ въ сеймъ депутатовъ увеличивается съ каждой сессіей, и

жалобъ на ихъ неподготовленность къ политической дѣятельности не слышно.

Въ Россіи вопросъ о правахъ женщинъ представляется однимъ изъ печальныхъ вопросовъ. Даже въ минуты сильнѣйшаго подъема духа, когда возбуждались самые живые и смѣлые вопросы, вопросъ о правахъ женщинъ откладывался, — его считали осложненіемъ и несвоевременнымъ. „Несвоевременность“ осталась и можетъ быть вѣчной, если сами женщины не вступятъ на путь широкой, организованной и солидарной работы, которая заключаетъ въ самой себѣ залогъ своего успѣха.

Попытки въ этомъ направленіи уже сдѣланы, и первымъ шагомъ на этомъ сознательномъ пути явился 1-й Всероссийскій женскій съѣздъ, девизомъ котораго служило: „равныя обязанности и равныя права“, и который далъ могучій толчокъ женскому движенію въ Россіи.

Съѣздъ оставилъ наслѣдіе — выполненіе тѣхъ начертаній, которые онъ вынесъ въ видѣ резолюцій, какъ результатъ совмѣстной работы. И эти постановленія служатъ въ настоящее время каковой для разработки вопросовъ, самыхъ насущныхъ въ жизни женщины. Къ нимъ относятся въ первую очередь: уравненіе въ правахъ наслѣдства женщинъ съ мужчинами, право раздѣльнаго жительства супруговъ, допущеніе женщинъ въ университеты на равныхъ правахъ съ мужчинами, участіе женщинъ въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи.

Отдѣлъ избирательныхъ правъ при русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ въ Петербургѣ выработалъ законопроектъ по двумъ первымъ вопросамъ, которые передалъ въ Государственную Думу; общество кавказскихъ женщинъ возбудило назрѣвшій вопросъ объ участіи женщинъ въ мѣстномъ самоуправленіи; женская прогрессивная партія присоединила свое ходатайство о допущеніи женщинъ во всѣ университеты.

Какъ рѣшатся эти вопросы въ законодательномъ собраніи, при настоящемъ его составѣ и въ наше неблагоприятное для всякой инициативы время — трудно предугадать, но женщина русская преодолѣла уже столько препятствій въ своей борьбѣ за право учиться, за право жить человѣческой жизнью, что разъ начатое дѣло не можетъ остановиться и разгорѣвшееся пламя трудно потушить.

Тяжкими, героическими усилиями отвоевала себѣ русская женщина нѣкоторыя права на самостоятельный трудъ и на право образованія, и она не можетъ остановиться на полпути и будетъ отвоевывать все то, что ей принадлежитъ, какъ человѣку.

Идея женскаго освобожденія пустила уже глубокие корни въ нашу почву, и хотя предстоитъ преодолѣть еще громадныя затрудненія, но вѣра въ грядущую побѣду придаетъ борящимся такъ много крѣпости духа, которую не могутъ сломить никакія внѣшнія неудачи.

На мѣсто однихъ, выбывающихъ съ позиціи, явятся другія, которыя съ тѣмъ же энтузіазмомъ будутъ продолжать дѣло своихъ предшественницъ, начертавъ на своемъ знамени: „достиженіе или вѣчная борьба“.